

СОРОКЪ ВОСЬМОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1910

1.

Стр.

1. Екатерина Великая. Отношеніе къ Польшѣ. По неизданнымъ Запискамъ короля Станислава-Августа. **Статья С. М. Горяинова.**
44. Къ исторіи цензуры. Выписка изъ журнала Московскаго Цензурнаго Комитета Апрѣля 10-го дня 1831 года. Сообщено **И. С. Аксаковымъ.**
45. Изъ семейнаго архива Курскаго помѣщика. Загробный поэтический голосъ за осужденнаго отца. Сообщили **В. Н. Полянский и Н. Я. Гротъ.**
78. Къ исторіи войны 1856 года въ Закавказьи. Дневникъ генералъ-лейтенанта **И. Д. Попко.**
93. Біографическія свѣдѣнія о П. Д. Попкѣ. Сообщены **С. В. Фарфоровскимъ и Е. И. Козубскимъ.**
96. По поводу Записокъ архіепископа Саввы. **Статья А. А. Титова.**
126. Новыя книги по исторіи Кавказа. (Библиографическія замѣтки). Сообщилъ **Е. И. Козубскій.**
134. **К. С. Ансановъ.** Письма его изъ чужихъ краевъ въ Москву. 1860 годъ.

Внутри обложки: О книгѣ **Е. И. Козубскаго:** «Исторія Дагестанскаго полка».

112. Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и его дочь. **Статья гр. С. Шереметева**

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1910.

ИСТОРИЯ ДАГЕСТАНСКАГО КОННАГО ПОЛКА, составилъ Е. И. Козубскій, Петровскъ. 1909 г., 4-ка. XII, 621 и 103 стр.

О возникновеніи этого полка помещена была въ первой книгѣ „Русскаго Архива“ 1909 года статья Е. И. Козубскаго, любопытная не въ историческомъ только, но и въ психологическомъ отношеніи: дикіе сыны Дагестана постепенно преобразовывались въ стройное войско, обнаруживая тоже свойство, которымъ восхищался нѣкогда Мирабо (въ книгѣ своей *Histoire secrète de la cour de Berlin*), говоря о Русскихъ простолудинахъ: *le peuple le plus malléable du monde* (народъ, во всемъ свѣтѣ наиболее ковкій). Теперь мы имѣемъ полную исторію Дагестанскаго полка, написанную тѣмъ же Евгениемъ Ивановичемъ Козубскимъ, дѣйствительнымъ членомъ-соревнователемъ Дагестанскаго Областного Статистическаго Комитета. Написать эту книгу поручилъ ему нынѣшній командиръ полка А. Н. Фурдуевъ, которому это дѣлаетъ великую честь: выборъ вполне удачный, такъ какъ, по отзыву покойнаго А. Л. Зиссермана, много писавшаго о Кавказѣ, никто теперь не знаетъ эту драгоцѣнную окраину Россіи лучше Е. И. Козубскаго. Книга его не походитъ на исторіи другихъ полковъ, имѣющіяся нынѣ уже десятками: это не сухой только перечень доблестныхъ подвиговъ, составляемый по казеннымъ, канцелярскимъ бумагамъ, а живое изложеніе и боевой дѣятельности полка, и его быта. Исторія Дагестанскаго полка украшена портретами его вождей. Тутъ глядятъ на васъ выразительныя, какъ самъ Кавказъ, лица князей Арутинскаго-Долгорукова, Чавчавадзе и другихъ, а также портреты многихъ старыхъ служакъ и Георгіевскихъ кавалеровъ. Приводимъ рассказъ о взятіи Гүниба.

„Избѣгая бесполезнаго пролитія крови, князь Бяратинскій 19 Августа приказалъ Даніель-беку открыть снова переговоры съ Шамилемъ, придавъ ему полковника Лазарева. Въ тотъ же день произошло ихъ свиданіе съ сыномъ Шамиля, Кази-Магометомъ, который склонился къ тому, чтобы ихъ всѣхъ выпустили изъ Гүниба. 20 числа Шамилю былъ доставленъ ультиматумъ князя Бяратинскаго, который, требуя, чтобы

онъ положилъ оружіе, объявилъ, что въ такомъ случаѣ ему со всѣми находившимися съ нимъ на Гүнибѣ будетъ даровано полное прощеніе и дозволеніе ему съ семействомъ ѣхать въ Мекку, на счетъ Русскаго правительства и съ полученіемъ отъ него содержанія. Переговоры тянулись до 22 Августа, когда Шамиль прислалъ слѣдующее письмо: „Мы не требуемъ отъ васъ мира и никогда не помиримся съ вами, и отъ васъ мы просили только свободнаго пропуска дороги по извѣстному уже условію. Если на это будетъ согласіе, то хорошо; если же нѣтъ, то надѣмся на Бога, Который выше и сильнѣе всего; на этомъ основаніи сабля наострена и рука готова“. Такое письмо, конечно, должно было прекратить всякіе переговоры, и князь Бяратинскій приказалъ приступить къ блокадѣ Гүниба, поручивъ командованіе блокирующими войсками и распоряженіе инженерными работами генералъ-маіору Кесслеру, подъ главнымъ начальствомъ барона Врангеля“.

„Пользуясь затишьемъ передъ разсвѣтомъ, послѣ того, какъ горцы сбросили камни, наша передовая колонна рѣшилась дѣйствовать на сѣверо-восточномъ фасѣ. Въ главѣ шель сотникъ Квинитадзе съ 40 охотниками изъ второй сотни полка. Люди эти, имѣя желѣзные шипы на сапогахъ и чувыкахъ, одолевая неимоверныя затрудненія, подсаживая другъ друга, въ совершенной тишинѣ, вскарабкались на вторую террасу. Почти одновременно съ ними, но нѣсколько лѣвѣе, поднялась рота гренадеръ. Квинитадзе, уже подъ огнемъ непріятеля, отыскивая трещины въ скалѣ и продолжая карабкаться все выше, наткнулся на совершенно гладкую двухсаженную отвѣсную скалу. Безъ лѣстницъ, не имѣя возможности податься ни вправо, ни влѣво, Квинитадзе рѣшился устроить здѣсь живую лѣстницу. Послуживъ самъ ей основаніемъ, онъ приказалъ на свои могучія плечи стать всаднику, на плечи котораго стать другой. Всѣ трое, подбоченясь лѣвыми руками и крѣпко держась за свои пояса, образовали ступени лѣстницы, а для устоя выше стоявшихъ людей правыми руками держали ихъ ноги; послѣдній же всадникъ, составлявшій лѣстницу, держался за край кручи. По этой живой лѣстницѣ довольно живо полѣзли всадники. Труднѣе всего было Квинитадзе,

НА 1910 Г.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА БОЛЬШУЮ ГАЗЕТУ
„ГОЛОСЪ МОСКВЫ“.
 Четвертый годъ изданія.

Взявъ своимъ лозунгомъ **независимость** и поставивъ главною цѣлью **широкую и полную освѣдомленность**, редакция «ГОЛОСА МОСКВЫ» привлекла для ближайшаго участія въ газетѣ выдающихся ученыхъ и специалистовъ по всемъ отраслямъ знанія и образовала обширную сеть своихъ корреспондентовъ.

Свѣдѣнія о текущей жизни Петербурга и о дѣятельности **всѣхъ государственныхъ учреждений** получаются ежедневно по телефону.

Подробнѣйшія свѣдѣнія о московской жизни.

Газета внимательно слѣдитъ за ходомъ развитія торгово-промышленнаго дѣла въ Россіи. Ежедневно — обширная хроника, обзоры и руководящія статьи по вопросамъ этой области.

Въ каждомъ номерѣ газеты — **сатирическіе и юмористическіе фельетоны** на злобу дня.

Широкое мѣсто отводится **вопросамъ искусства** и художественной литературѣ. Важнѣйшія событія иллюстрируются.

Подписная цѣна:

на 12 мѣсяцевъ 9 р. — к.	на 6 мѣсяцевъ 4 р. 75 к.
„ 11 „ 8 „ 50 „	„ 5 „ 4 „ — „
„ 10 „ 7 „ 75 „	„ 4 „ 3 „ 25 „
„ 9 „ 7 „ — „	„ 3 „ 2 „ 50 „
„ 8 „ 6 „ 25 „	„ 2 „ 1 „ 80 „
„ 7 „ 5 „ 50 „	„ 1 „ — „ 90 „

Льготная подписка для лицъ духовнаго званія, военныхъ, учителей и студентовъ:

на 12 мѣсяцевъ 6 р. — к.	на 6 мѣсяцевъ 3 р. — к.
„ 11 „ 5 „ 50 „	„ 5 „ 2 „ 50 „
„ 10 „ 5 „ — „	„ 4 „ 2 „ — „
„ 9 „ 4 „ 50 „	„ 3 „ 1 „ 50 „
„ 8 „ 4 „ — „	„ 2 „ 1 „ 10 „
„ 7 „ 3 „ 50 „	„ 1 „ — „ 60 „

ВЫПИСЫВАЮЩІЕ ЗА-ГРАНИЦУ ПЛАТЯТЪ ВДВОЕ.

Отвѣтств. редакторъ: П. И. СМІРНОВЪ.

ПОДПИСКА

на 1910 годъ

НА ГАЗЕТУ „ЗЕМЩИНА“ ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. Петербургѣ: Въ главной конторѣ редакціи „ЗЕМЩИНА“—Шпалерная, 48 (Телефонъ 79—30), открытой ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 10 ч. утра до 5 ч. веч. и въ книжныхъ магазинахъ: „Новое Время“ (Невскій, 40), Т-во М. О. Вольфъ (Гостинный дворъ, 18) и „Вѣра и Знаніе“ (Невскій 119), Н. П. Карбасникова (Гостинный дворъ, № 19), Торговый домъ Л. и Э. Метцль: и к^о (Морская, 11).

Въ Москвѣ въ книжн. маг. „Новое Время“ Неглинный проѣздъ. д. Депре, въ контор. Н. Печковской, Петровскія линіи, Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Баженовой).

Въ Варшавѣ: въ книжн. магаз. т-ва Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, № 69.

Кромѣ того, подписка принимается въ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новое Время“.

Въ Одессѣ, Ришельевская ул., д. № 6.

Въ Харьковѣ, Николаевская площ., д. № 4 и Екатеринославская ул.

Въ Саратовѣ, Московская, д. Есасажа.

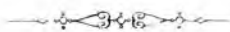
Въ Ростовѣ-на Дону, Садовая, д. Кистова.

Въ Курскѣ, въ книжной лавкѣ Союза русскаго народа. Херсонская ул., домъ Николаевской церкви.

Въ Тулѣ, въ городской библиотекѣ имени Императора Александра II.

Подписна и объявленія принимаются, а также и розничная продажа газ. „Земщина“ въ конторѣ „Харьковскихъ Вѣдомостей“, Харьковъ, Дѣвичья ул., № 14—16, и ея отдѣленіи—уголь Московской ул. и Петровскаго пер., д. Университета.

Редакція и контора „ЗЕМЩИНЫ“ С.-Петербургъ, Шпалерная, 48. Тел. 79-30.

Цѣна съ доставкой и пересылкой:

	На 1 г.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Въ Россіи . . .	6 р.—	4 р. 80 к.	3 р. 30 к.	1 р. 65 к.	— 55 к.
За границу . .	10 р.—	8 р. —	5 р. 60 к.	2 р. 85 к.	1 р.—

Кромѣ того при подпискѣ взимается съ иногороднихъ подписчиковъ дополнительная плата 25 коп. на заготовку и печатанье ярлыковъ. Подписчики-же на срокъ 6 мѣс. и свыше, а также въ разсрочку отъ дополнительной платы освобождаются.

Пріемъ въ редакціи отъ 4—6 ч. дня. Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 10 утра до 5 ч. дня.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ОСЬМОЙ.

1910.

І.

РУССКОЙ АРМІИ

ИЗДАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ.

О Россѣ, о родѣ великодушный!
О твердо-каменная грудь!
О исполнишь Царю послушный!...

Державинъ.

1910.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1910.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ.

ОТНОШЕНІЕ КЪ ПОЛЬШѢ.

По неизданнымъ Запискамъ короля Станислава-Августа.

I.

Литовскій стольникъ, избранный единогласно 7 Сентября 1764 въ короли Польскіе, выслушалъ въ тотъ же день привѣтствія примаса, архіепископа Гнѣзненскаго графа Лубенскаго, прибывшаго къ нему съ извѣщеніемъ о волѣ народной. Отвѣчая ему, новый король произвелъ на всѣхъ самое благопріятное впечатлѣніе. Во многихъ до выборовъ сложилось убѣжденіе, что онъ гордъ, горячъ и взыскателенъ; но когда увидѣли, что онъ, непосредственно послѣ выборовъ, держался со всѣми безъ высокоумія, то нашли его добрее, и менѣе гордымъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ быть частнымъ лицомъ. Съ этого времени его Записки ведутся въ третьемъ лицѣ, и въ нихъ говорится *), что король вовсе не измѣнился, но измѣнилось положеніе тѣхъ, которые окружали его. Пока они были ему равными, они усматривали въ немъ какое-то притязаніе на первенство; когда же возвысили его надъ собою, то сами удивились, что онъ не сталъ ни высокоумнѣе, ни требовательнѣе того, какимъ онъ былъ, когда считался равнымъ съ ними. Дядя его, Русскій воевода князь Августъ Чарторыйскій не могъ однако переварить, что его племянникъ какъ-бы похитилъ у него корону; но, подъ вліяніемъ дѣйствительности, онъ не могъ не сказать вечеромъ, въ день выборовъ, своей дочери княгинѣ Любомирской: „Сегодня Богъ какъ-будто ниспослалъ ему совершенно-особаго ангела-

*) Рукопись, IV, стр. 10.

хранителя, такъ какъ онъ не сказалъ ни одного лишняго слова и не сдѣлалъ ни одного лишняго шага противъ того, что ему слѣдовало⁴. Но за то на слѣдующій день, 8 Сентября, когда у короля былъ первый пріемъ во дворцѣ и когда всѣ признали, что король держался съ достоинствомъ, князь Августъ, въ томъ-же пріемномъ залѣ, загналъ въ уголь своего сына*) и, прижавъ ему руки къ груди, сказалъ: „Ну что, дуракъ, ты не хотѣлъ короны, когда могъ ее получить; ты видишь, какъ она идетъ твоему двоюродному братцу; тебѣ ея не получить теперь“.

13 Сентября въ Варшавскомъ соборѣ св. Іоанна король присягнулъ въ вѣрномъ соблюденіи условій, поставленныхъ ему при избраніи (*acta conventa*) и на рѣчь, ему сказанную маршаломъ Сосновскимъ, долженъ былъ, сверхъ ожиданія, немедленно отвѣчать. Онъ сказалъ въ ней, что не думалъ говорить въ этотъ день, но подчинился волѣ собранія, такъ какъ маршалъ выразился: „государь, молви намъ слово“. Выказавъ свое смущеніе, которое охватило его, когда ему пришлось приносить клятву и свою признательность примасу за мудрое управленіе страной во время безкоролья, а маршалу Сосновскому за безпристрастное веденіе сейма, заслужившее общее довѣріе, онъ призвалъ всѣхъ къ единенію на пользу отчизны, обратился къ Всемогущему съ мольбой довершить дѣло внушеніемъ всей націи любви къ общему благу, которою пренеполнена его душа.

Уже 70 лѣтъ, какъ Поляки не слышали, чтобъ король обращался къ нимъ съ рѣчью на ихъ языкѣ; а такъ какъ Станиславъ-Августъ самъ лично отвѣчалъ на всѣ привѣтствія, сказанныя ему депутатами отъ разныхъ областей республики, то такое обращеніе произвело на всѣхъ очень благопріятное впечатлѣніе.

Единственные счастливые дни его царствованія, по словамъ Станислава-Августа, протекли въ промежутокъ времени между его избраніемъ и коронаціоннымъ сеймомъ, наступившимъ 3 Декабря 1764 г. Въ теченіе этого сейма обнаружилась рознь между близкими короля, какъ-то его старшимъ братомъ Казимиромъ Понятовскимъ, заграничнымъ его другомъ, которому онъ во многомъ былъ обязанъ, Ксаверіемъ Браицкимъ и его дядями князьями Чарторыйскими, которые ненавидѣли того и другого, но къ которымъ король питалъ родственныя чувства. Къ этимъ распрямъ присоединилось личное сожалѣніе Станислава-Августа о томъ злѣ, которое онъ причинилъ графу Фридриху Алонзію

*) Князь Адамъ Чарторыйскій, отецъ того, который вносилъ въ такъ обольщалъ Александра Павловича. П. Б.

Брюлю, лишившемуся своихъ должностейъ вельдствіе протеста Литовскаго стольника на сеймѣ 1762 противъ правъ гражданства Брюля въ республикѣ. На конвокаціонномъ сеймѣ генераль артиллеріи гр. Фридрихъ Алоизій Брюль и его братъ, коронный чашникъ гр. Карлъ, были признаны не принадлежавшими къ Польской шляхтѣ и лишлись своихъ должностей и средствъ, которыми ихъ пожаловалъ Августъ III-й. Станиславъ-Августъ желалъ загладить свое выступленіе въ 1762 г. противъ Фридриха Брюля, женатаго на дочери Кіевскаго воеводы Сувѣрія Потоцкаго. Это возбудило негодованіе дяди короля, Русскаго воеводы князя Августа Чарторыйскаго, который ненавидѣлъ Потоцкаго и Брюля.

Безъ сомнѣнія въ этихъ распряхъ замѣшались женщины, родственницы короля, который во всю свою жизнь находился подъ вліяніемъ женской красоты. Ближе всѣхъ находилась къ нему его двоюродная сестра, дочь Русскаго воеводы, княгиня Изабелла Любомирская, которая, вельдствіе дружескихъ своихъ отношеній къ Станиславу-Августу, возникшихъ еще съ дѣтства, имѣла ежедневный къ нему доступъ. Это была завистливая женщина, которая преслѣдовала особой ненавистью свою невѣстку княгиню Изабеллу Чарторыйскую, рожденную Флеммингъ и невѣстку Станислава-Августа, жену брата его Андрея, рожденную графиню Кинскую. Любомирская, ревниво оберегая выгоды своего отца, который ничего не скрывалъ отъ нея, смотрѣла на Изабеллу Чарторыйскую и на Понятовскую Кинскую, какъ на виновницъ сближенія короля съ Брюлемъ и Потоцкими, заклятыми врагами Русскаго воеводы.

Еще во время безкоролевья Русскій посоль гр. Кейзерлингъ, знавшій Станислава-Августа съ дѣтства и въ виду этого обращавшійся съ нимъ по отечески, взялъ съ него слово, что, когда онъ вступитъ на престоль, то постарается утѣшить обиженнаго Фридриха Брюля *). По этому Станиславъ-Августъ, желая начать свое царствованіе милостями и примирить всѣ вражды, охотно обѣщалъ гр. Потоцкому, явившемуся къ нему до открытія коронаціоннаго сейма, а именно 4 Декабря, со всѣми своими родственниками просить за своего зятя Фридриха Брюля, устроить, чтобы ему и его брату были дарованы королемъ права индигената и частью возвращены милости, которыми они пользовались при Августѣ III-мъ.

Станиславъ-Августъ желалъ осуществить это обѣщаніе, особенно въ память матери графовъ Брюль, относившейся къ нему въ его

*) Рукопись, IV, стр. 21.

юности съ сердечною добротою. Но Русскій воевода не могъ примириться съ доводами своего племянника. Ему казалось, что король искалъ сторонниковъ въ домѣ Потоцкихъ, чтобъ противопоставить ихъ партіи Чарторыйскихъ. За Русскимъ воеводой пошли противъ Станислава-Августа его братъ Литовскій великій канцлеръ князь Михаилъ, его дочь княгиня Любомирская съ мужемъ княземъ-стражникомъ Станиславомъ.

Уже на коронаціонномъ сеймѣ оба дяди короля устранились отъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ, какъ будто хотѣли посмотрѣть, какъ король справится безъ нихъ. Станиславъ-Августъ жалуется въ своихъ Запискахъ на своего дядю кн. Августа, который относился къ нему не безъ коварства. Прежде Русскій воевода для себя всегда искалъ покровительства и милостей Россіи, напротивъ теперь же старался разными способами и внушеніями помѣшать искреннему сближенію короля съ Россіей, что предотвратило бы все невзгоды его царствованія*).

Не смотря на недоброжелательное отношеніе Русскаго воеводы, Станиславъ-Августъ сохранилъ къ обоимъ своимъ дядямъ большое почтеніе. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что въ теченіе десяти лѣтъ, до избранія его королемъ, они обращались съ нимъ столь-же ласково какъ съ своими родными дѣтьми и едва-ли не ласковѣе; они, пользуясь имъ какъ посредникомъ во всехъ довѣрительныхъ своихъ дѣлахъ, тѣмъ болѣе придали ему значенія въ странѣ. Изъ благодарности онъ чувствовалъ къ нимъ почти сыновнюю преданность, которую никогда не могъ совершенно упразднить въ своемъ сердцѣ. Станиславъ-Августъ хотѣлъ избѣгнуть того, чтобы говорили, будто онъ оказывалъ предпочтеніе молодымъ совѣтникамъ передъ тѣми, которые уже тридцать лѣтъ какъ считались столбами государства и отцами народа. Наконецъ, заставъ при своемъ вступленіи на престолъ Польшу раздѣленною между двумя партіями (одною, состоявшею изъ приверженцевъ его славы, а другой, изъ ея противниковъ) онъ опасался потерять, возстановивъ противъ себя родственниковъ, опору своей собственной партіи, прежде чѣмъ онъ бы успѣлъ расположить къ себѣ ея противниковъ. Вотъ почему король поступался часто, въ продолженіе еще многихъ лѣтъ, своимъ собственнымъ мнѣніемъ въ угоду своихъ дядей. Русскій воевода такъ отлично сознавалъ это расположеніе своего племянника, что долго имъ безопасно пользовался въ поблажку своего самолюбія. Онъ имѣлъ надъ своимъ братомъ власть едва-ли не сверхчеловѣческую. Князь Михаилъ былъ очень высокаго мнѣнія о самомъ себѣ, охотно

*) Записки, IV, стр. 28.

расточая себѣ самыя громкія похвалы передъ тѣми, которымъ онъ напыщенно развивалъ свои взгляды, особенно въ политикѣ; при этомъ онъ не щадилъ даже своего брата, которому онъ ставилъ въ упрекъ его лѣнь и другіе недостатки. Но, какъ скоро появлялся сей послѣдній, ему стоило одного слова порицанія, часто и одного взгляда, чтобы заставить замолчать старшаго его брата, который затѣмъ соглашался съ его мнѣніемъ и дѣйствіями. Подъ этимъ вліяніемъ у князя Михаила исчезла со временемъ та некренная привязанность, которую онъ питалъ къ Станиславу-Августу, чему способствовало вниманіе, которое сталъ къ нему оказывать зять Русскаго воеводы князь Любомирскій, ухаживая за нимъ, лаская и забавляя его, чего король уже не могъ дѣлать.

Князь Станиславъ Любомирскій былъ женатъ на дочери Русскаго воеводы Изабеллѣ, другѣ дѣтства Станислава-Августа, неоднократно увѣрявшаго въ своихъ Запискахъ, что кромѣ нѣжно-дружескихъ чувствъ между нимъ и кузиной иныхъ отношеній никогда не существовало. Книгиня Изабелла вступила, противъ своей воли, въ бракъ съ Любомирскимъ, который уже много лѣтъ питалъ къ стольнику Понятовскому тайную зависть, во первыхъ потому, что его тесть, пока нуждался въ стольникѣ, предпочиталъ пользоваться скорѣе его услугами, чѣмъ содѣйствіемъ своего зятя; а во вторыхъ въ виду того, что его жена относилась съ бѣльшимъ довѣріемъ и большею дружбою къ Понятовскому, чѣмъ къ своему мужу.

Раздѣлъ должностей и староствъ, принадлежавшихъ сыновьямъ гр. Брюля, посѣялъ раздоръ между родственниками и близкими короля. Хотя два старшихъ сына Брюля получили отъ коронаціоннаго сейма право гражданства въ Польшѣ, но король имъ возвратилъ только часть тѣхъ льготъ, которыя были дарованы имъ Августомъ III. Цинское староство, принадлежавшее прежде гр. Карлу Брюлю и приносившее ему 16000 дукатовъ, очень желалъ получить кн. Любомирскій; но король его пожаловалъ своему брату Казимиру. Любомирскій былъ этимъ очень обиженъ и въ тайнѣ готовился стать во главѣ оппозиціи по смерти своего тестя.

Старшій братъ Брюль, гр. Фридрихъ-Алоизій, былъ при Августѣ III-мъ короннымъ чапникомъ и начальникомъ артиллеріи. Хотя король обѣщалъ эту послѣднюю должность своему другу Кеаверію Браницкому, но сей послѣдній, зная, что Станиславъ-Августъ желалъ ее оставить за Брюлемъ изъ чувства состраданія къ нему, добровольно отказался отъ нея и объявилъ королю, что удовольствуется должностью

короннаго чашника, чѣмъ заслужилъ отъ короля похвалу за благо-родство. Начальникомъ коренной артиллеріи остался графъ Брюль, который, по свидѣтельству Записокъ, былъ въ этой части свѣдущимъ и сдѣлать въ ней большія преобразованія. Такія распоряженія короля возбудили много толковъ; ихъ приписывали ходатайству за Брюля княгини Изабеллы Чарторыйской, жены князя Адама, двоюроднаго брата Станиславу-Августу, который говоритъ въ своихъ Запискахъ, что кн. Адамъ женился въ 1761 г. по приказанію Русскаго воеводы противъ желанія своего и своей сестры княгини Любомирской, возненавидѣвшей съ того времени невѣстку. Станиславу-Августу нерѣдко приходилось мирить ихъ вельдѣствіе того, что Изабелла въ семейныхъ ссорахъ прибѣгала постоянно къ его заступничеству, и ея мужъ, по наущенію одной дамы, сталъ ревновать свою жену къ королю. Онъ явился къ нему и спросилъ, не по ходатайству ли его жены Брюль получилъ должность начальника артиллеріи. Король ему отвѣчалъ, что княгиня Чарторыйская ни разу не заикалась въ разговорѣ съ нимъ о Брюлѣ. Слѣдовало на этомъ прекратить объясненія, но король въ порывѣ откровенности прибавилъ: „я знаю, что вамъ внушаютъ различные поводы ревности по отношенію къ Брюлю; но вы знаете, сколько разъ вы сами прибѣгали къ моему заступничеству за вашу жену передъ вашимъ отцомъ и сестрою, чтобы заглушить семейные раздоры, которымъ она такъ долго подвергалась. Мое неоднократное заступничество возбудило въ ней чувство благодарности, которое ее привязало ко мнѣ ближе, чѣмъ къ кому бы то ни было, хотя оно ни въ чемъ не заставило ее переступить границы ея обязанностей“. Въ объясненіе этихъ словъ Станиславъ-Августъ разсказываетъ, что когда, въ безкоролевье, княгиня Любомирская особенно сильно обижала свою невѣстку и возбуждала своего отца противъ нея, то княгиня Чарторыйская, не умѣвшая, по застѣнчивости, защищаться, прибѣгала къ помощи Понятовскаго; онъ часто ей давалъ совѣты, составлялъ для нея письма, склонялъ обѣихъ невѣстокъ къ примиренію, которое не длилось, такъ какъ антипатія княгини Любомирской къ Чарторыйской была непреодолима; привязанность же сей послѣдней къ Понятовскому все росла, такъ что разъ въ Пулавахъ онъ, войдя нечаянно въ ея комнату, засталъ ее передъ зеркаломъ камна, покрытой пудрой и рисовавшей на зеркалѣ пальцемъ начальныя буквы его имени. Увидя его, она сказала: „если бы даже вы не чувствовали наклоности ко мнѣ, вы бы должны были изъ благодарности меня немного полюбить“. Ея мужъ самъ такъ привыкъ видѣть въ королѣ лучшаго друга своей жены (ей не было еще 22 лѣтъ), что очень часто вечеромъ отвозилъ ее во дворецъ и отсылалъ въ апартаменты короля, освѣдомившись

предварительно, не находилась ли тамъ его сестра Любомирская. Если сія послѣдняя была тамъ, то онъ увозилъ жену и чрезъ часть привозилъ обратно во дворецъ, когда у короля никого не было, а самъ уѣзжалъ. Изъ этого король заключилъ, что его двоюродный братъ, который развлекался въ другомъ мѣстѣ, самъ желалъ, чтобъ его жена пріятно проводила время у него во дворцѣ.

Вышеприведенное приказаніе короля очень огорчило князя Адама, и отношенія между ними охладѣли. Къ этому присоединились сплетни другихъ дамъ, съ которыми князь былъ въ связи, и которыя наговорили много лжи на его жену. Онѣ однако не успѣли произвести разрывъ между супругами: князь Адамъ во всю свою жизнь былъ искреннимъ другомъ своей жены и самымъ покладистымъ изъ мужей. Все эти обстоятельства были извѣстны Русскому воеводѣ, и онъ ими пользовался для того, чтобы возбуждать нерасположеніе къ королю. Но его дочь продолжала еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ являться ежедневно къ королю, проводила съ нимъ на единѣ цѣлыя часы и проявляла къ нему самую заботливую нѣжность, которая, не будучи никогда любовью, сопровождалась очень часто мучительными для короля бурными порывами.

Станиславъ-Августъ признается¹⁾, что въ первые годы его царствованія женскія страсти въ его семьѣ производили распри, охватившія всѣхъ его родственниковъ и друзей. Хотя ни одна изъ этихъ дамъ не могла похвастаться тѣмъ, чтобъ она руководила дѣйствіями его или была посвящена въ его тайны, но онѣ причинили ему много горя враждою, которую возбуждали вокругъ него и которую онъ усмирять ежедневно съ большимъ трудомъ. Одна княгиня Любомирская знала толкъ въ дѣлахъ, такъ какъ ее отецъ посвящалъ ее и прибѣгалъ къ ея содѣйствію въ нихъ, хотя сама она часто увѣряла, будто бы ими не любила заниматься.

Таково было положеніе короля Станислава-Августа среди его родственниковъ, кознямъ которыхъ онъ приписываетъ охлажденіе Россіи къ себѣ. Екатерина въ письмѣ къ князю Репнину, отъ 17 Октября 1764 г., выражала удовольствіе въ виду избранія короля. Она поручала усердію князя два дѣла къ исполненію—о диссидентахъ и о границахъ. „Помните, писала она, что и въ томъ и въ другомъ заинтересована моя слава и что они въ вашихъ рукахъ“²⁾.

¹⁾ IV, стр. 46.

²⁾ Сб. Имп. ист. об. 57, стр. 33.

На коронаціонномъ сеймѣ, согласно предложенію князя Репнина, была учездена коммиссія для разбора пограничныхъ споровъ, длившихся между Польшею и Россіею со время Августъ III-го. Между прочимъ споръ касался староствъ, принадлежавшихъ Литовскому канцлеру князю Михаилу Чарторыйскому. Хотя Чарторыйскіе не сочли удобнымъ противиться рѣшенію сейма, но Русскій воевода не преминулъ внушить королю, чтобъ онъ не оказывалъ особенно настойчивой поддержки этому предложенію, а относился бы къ нему холодно, такъ какъ королю надлежало, изъ приличія и по собственнымъ его выгодамъ, не обращать вниманія на притязанія иностранныхъ державъ, а Россіи въ особенности¹⁾.

Разрѣшеніе пограничныхъ споровъ замедлилось по винѣ Польскаго правительства, хотя, согласно признанію Станислава-Августа, при успѣшномъ веденіи этого дѣла могло тѣснѣе установиться сближеніе между обоими государствами²⁾. Императрица, вслѣдствіе неисполненія ея требованія, приказавъ, было, Русскимъ войскамъ очистить Польшу, пріостановила эту мѣру.

Россія вообще находила, какъ объясняетъ самъ Станиславъ-Августъ³⁾, что къ ея требованіямъ относилась не столь внимательно, какъ при короляхъ Августѣ II и Августѣ III. Это охлажденіе со стороны Польши произошло вслѣдствіе совѣтовъ, данныхъ королю его дядею Русскимъ воеводой, который постоянно внушалъ ему, чтобъ онъ избѣгалъ даже подавать поводъ сближенія съ Россіею: иначе нація могла бы подумать, что ея король унижался передъ Россіею изъ благодарности за содѣйствіе къ своему избранію⁴⁾. Король, ревниво оберегая свою репутацію, поддавался этимъ внушеніямъ. Пока Россія не требовала отъ него ничего несправедливаго, ни убыточнаго для Польши, слѣдовало ему, напротивъ, изъ патріотизма поддерживать и всякимъ способомъ лелѣять самыя тѣсныя сношенія съ Россіей⁵⁾.

Такъ разсуждаетъ король въ своихъ Запискахъ, и на такое единеніе съ нимъ рассчитывала Екатерина. Панинъ еще 13 Декабря 1764⁶⁾, писалъ кн. Репнину, что, когда Императрица для пользы республики, безъ всякой корысти, не жалѣла, во время безкоролевья, ни трудовъ,

¹⁾ Рукопись, IV, стр. 27.

²⁾ Тамъ-же, стр. 36.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Рукопись, IV, стр. 37.

⁵⁾ Тамъ-же.

⁶⁾ Сб. Имп. ист. общ. 57, стр. 19.

ни денегъ, чтобъ сохранить въ ней спокойствіе, то справедливость требовала, чтобъ король и республика, изъ благодарности, исполнили ея волю по возстановленію диссидентовъ (т. е. православныхъ и протестантовъ) во всѣхъ ихъ правахъ; они же, вопреки торжественнымъ трактатамъ, собственнымъ Польскимъ фундаментальнымъ законамъ, общей вольности вольнаго народа и множеству королевскихъ привилегій, невинно страдали подъ игомъ порабощенія за то только, что рождены и воспитаны въ другихъ христіанскихъ религіяхъ, а не въ католичествѣ. Князю Репнину было велѣно настоятельно требовать улучшенія состоянія диссидентовъ на предстоявшемъ коронаціонномъ сеймѣ и дать понять Польскому правительству, что, въ случаѣ упорства съ его стороны, Екатерина прикажетъ войскамъ остаться въ предѣлахъ республики. Но въ расчетахъ Станислава-Августа не было начать свое царствованіе съ улучшенія состоянія диссидентовъ. Русскій воевода ему твердилъ, что Польскому королю не подобало горячо принимать къ сердцу требованія иностранныхъ державъ, въ особенности Россіи. Время, непосредственно слѣдовавшее за его избраніемъ, ознаменовалось подъемомъ народнаго одушевленія; оно было, по признанію короля, самымъ счастливымъ временемъ его царствованія. Онъ принималъ делегатовъ отъ разныхъ областей республики, отвѣчалъ имъ лично по-польски. Его занимали преобразования; на коронаціонномъ сеймѣ думали ввести большинство голосовъ на сеймикахъ и ограничить на сеймѣ *liberum veto*; диссидентское-же дѣло король вздумалъ поставить въ зависимость отъ этихъ преобразованій. 4 (15) Ноября онъ писалъ Екатеринѣ¹⁾, что онъ, какъ и Императрица, желалъ, чтобъ Польша была свободна, а съ этой цѣлью онъ хотѣлъ ее спасти изъ бездны безпорядка, который въ ней царствовалъ. Единственное средство для этого—сеймовыя преобразования. Король поручилъ Францу Ржевускому, находившемуся тогда въ Петербургѣ, объяснить Императрицѣ, въ чемъ они заключались. Такъ какъ судьба диссидентовъ сильно занимала Императрицу, то это заставляло короля дѣйствовать въ ихъ пользу передъ католическою націею, слишкомъ ревнивой относительно извѣстныхъ преимуществъ; но для успѣха въ этомъ дѣлѣ, какъ вездѣ, нужно было болѣе порядка на сеймѣ, а это нельзя было достигнуть безъ водворенія порядка въ сеймикахъ. Тутъ замѣшанъ интересъ Императрицы. Но объясненія Ржевускаго не удовлетворили Екатерину: князю Репнину, рескриптомъ отъ 11 Ноября²⁾, велѣно довести до свѣдѣнія короля, что она не соглашалась на измѣненіе порядка рѣшеній дѣлъ на сеймахъ.

¹⁾ Гос. Архивъ, IV рз. № 173, копія письма.

²⁾ Сб. Имп. ист. об. 57, стр. 84.

Вмѣсто введенія разныхъ новшествъ въ конституціяхъ Екатерина предлагала королю стараться на будущемъ сеймѣ объ окончаніи всѣхъ не разрѣшенныхъ съ Россіею дѣлъ и о заключеніи союзнаго договора. По окончаніи коронаціоннаго сейма Станиславъ-Августъ написалъ Императрицѣ¹⁾, что она должна была видѣть самое сильное доказательство его безпредѣльнаго уваженія къ ней въ жертвѣ, которую онъ принесъ ей на сеймѣ, опустивъ то, что болѣе всего лежало у него на сердцѣ, такъ какъ большинство голосовъ на сеймѣ, равнымъ образомъ уничтоженіе *liberum veto*, были предметомъ самыхъ пламенныхъ его желаній. „Вы пожелали, пишетъ король, чтобъ этого еще не было, и это не было даже предложено. Считаю себя въ правѣ думать, что образъ моихъ дѣйствій расположить ваше величество благопріятно отнестись къ дѣлу въ будущемъ. Я тѣмъ болѣе надѣюсь на это, что успѣлъ (хотя съ такимъ трудомъ, о которомъ, кто не былъ на сеймѣ, не можетъ себѣ представить) получить разрѣшеніе націи на веденіе переговоровъ съ вашимъ величествомъ, на заключеніе союза, желасмаго обѣими сторонами. Этотъ союзъ будетъ, какъ я надѣюсь, звеномъ тѣмъ болѣе крѣпкимъ, что эта связь состоитъ подъ вліяніемъ самой нѣжной привязанности и самой полной искренности, столько же какъ въ видахъ выгоды. Желаніе сдѣлать вамъ угодное и мое собственное расположеніе заставляли меня сдѣлать для диссидентовъ то, чего вы для нихъ требовали. Вашъ посоль увѣдомить васъ, какія послѣдствія въ этомъ случаѣ произвелъ законъ фанатизма. Сеймъ едва не сдѣлался ужаснымъ зрѣлищемъ. Высказывались ни болѣе, ни менѣе, какъ о разорваніи предложеннаго проекта. Ожесточеніе въ Сенатѣ дошло до того, что хотѣли принести въ жертву самого примаса, какъ онъ смѣлъ сдѣлать такое упоминаніе объ этомъ дѣлѣ, на что я съ трудомъ уговорилъ его, такъ онъ опасался этой бѣды. Отъ высокой справедливости вашего величества я ожидаю признанія въ томъ, что я не могъ и не долженъ былъ рисковать болѣе послѣ этого опыта“. Станиславъ-Августъ заключилъ это письмо увѣдомленіемъ о томъ, что онъ посылалъ къ Императрицѣ, для оповѣщенія о своей коронаціи, графа Малаховскаго, короннаго референдарія, маршала бывшаго сейма, человека знатнаго по происхожденію и вполне заслуженнаго.

(Станиславъ-Августъ приписываетъ настойчивость Екатерины въ ея требованіяхъ о диссидентахъ вліянію Вольтера. Онъ, пишетъ король²⁾, искалъ себѣ славы въ распространеніи началъ вѣротерпимости и постоянно подстрекалъ самолюбіе Императрицы своими посланіями,

¹⁾ Письмо 13 (24) Декабря 1764, копія въ Гос. Арх. IV разр. № 173.

²⁾ Рукопись, IV, стр. 44.

въ которыхъ дѣлалъ видъ, что на нее одну возлагалъ надежду на уничтоженіе предубѣжденій, противныхъ философскому духу. Екатерина, стремившаяся къ славѣ всякаго рода, схватилась за эту идею тѣмъ охотиѣе, что она усматривала въ ней настоящей политической поводъ. Принимая подъ свое покровительство все исповѣданія въ Польшѣ, отличныя отъ католическаго, она привлекала къ себѣ преимущественно расположеніе и благожеланія всехъ христіанъ не-католиковъ цѣлой Европы, а въ особенности пріобрѣтала власть надъ двумя милліонами православныхъ жителей Польши, которые въ ней видѣли не только могущественную государыню, господствовавшую въ сосѣдней имперіи, но считали ее какъ-бы главою своей церкви, находясь въ зависимости отъ нея почти такой-же, какъ отъ папы. Въ этихъ видахъ она велѣла кн. Репнину о покровительствѣ диссидентамъ въ Польшѣ и туземцамъ, просить короля, который могъ сказать только одно, что, чуждаясь по своимъ собственнымъ убѣжденіямъ всякаго преслѣдованія, онъ былъ готовъ устранить несправедливыя притѣненія, на какія могли-бы жаловаться диссиденты. Но къ этому онъ добавилъ, что этотъ вопросъ, представлявшійся однимъ изъ самыхъ щекотливыхъ въ странѣ, исповѣдывавшей еще тогда самый строгій католицизмъ, могъ быть поднятъ только съ большою осторожностью и разсматриваться постепенно, въ теченіе значительнаго промежутка времени. Самъ кн. Репнинъ, признавъ основательность подобнаго мнѣнія, относился, за время отъ сейма 1764 до сейма 1766, очень сдержанно къ этому вопросу. Но коль скоро распространился въ странѣ слухъ о томъ, что обсуждался вопросъ о вѣротерпимости, Чарторыйскіе выступили въ роли защитниковъ вѣры. Въ этотъ двухлѣтній періодъ обнаружались самые недоброжелательные ихъ замыслы противъ короля. Они по всему краю стали разглашать, будто король поставилъ себѣ задачею ослабленіе знатныхъ родовъ, уничтоженіе *liberum veto*, уменьшеніе доходовъ духовенства, поднятіе благосостоянія третьяго сословія и крестьянъ, покровительство диссидентамъ.

Такіе слухи, распространяемые дядями короля, которымъ онъ отчасти обязанъ былъ своимъ воспитаніемъ, принесли королю большой вредъ въ странѣ, преисполненной еще всякихъ древнихъ предразсудковъ, превратныхъ понятій, въ области вѣры и свободы. Мало было людей, которые, зная близко короля, усомнились бы въ томъ, на сколько вѣрны заключенія его дядей объ истинныхъ его намѣреніяхъ: столь-же мало было такихъ, которые понимали, что его дяди распространили эти слухи изъ одной злобы къ нему. Однако подобныя дѣйствія Чарторыйскихъ или, скорѣе, одного Русскаго воеводы, который

управляя остальными, объяснялись единственно досадою, что корона не досталась ему, и опасеніемъ того, что, вслѣдствіе общаго сочувствія, которое король пріобрѣлъ въ первый мѣсяць своего царствованія и которое росло съ каждымъ днемъ, они не потеряли бы вѣса въ странѣ и не стали бы ненужными самому королю. Долго король не хотѣлъ вѣрить доходившимъ до него слухамъ о коварныхъ замыслахъ своихъ дядей и о томъ, что они уличали его въ странѣ въ вышеуказанныхъ стремленіяхъ, необходимость и важность которыхъ они сами же столько разъ внушали въ то время, когда они смотрѣли на него, только какъ на своего ученика, а не какъ на своего соперника. Русскій воевода, наканунѣ избранія, еще самъ совѣтовалъ королю не давать знатымъ родамъ возвышаться.

Таковы были внутреннія затрудненія, встрѣченныя королемъ въ первый годъ его царствованія. Россія и Пруссія открыли ему путь къ престолу; Австрія и Франція продолжали не признавать его избранія. Въ Запискахъ его *) упоминается, будто-бы Екатерина, разгнѣванная тѣмъ, что Австрія уклонилась отъ такого признанія, потребовала отъ Прусскаго короля, чтобъ онъ, совмѣстно съ нею, силою понудилъ Марію-Терезію признать Польскимъ королемъ того, избранію котораго они оба содѣйствовали. Но Фридрихъ съ трудомъ уговорилъ Екатерину отъ такого шага, вслѣдствіе чего начались долгіе переговоры съ Австріею. Фридрихъ, избѣгнувъ войны, придумалъ способъ, чтобъ возстановить Екатерину противъ Австріи. Онъ увѣрилъ Императрицу, что, по его свѣдѣніямъ, Польскій король ведетъ переговоры съ Австріей не только о своемъ признаніи, но о бракѣ съ эрцгерцогиней Елисаветой. Онъ основывался на нѣкоторыхъ ребяческихъ словахъ, сказанныхъ этой принцессой; эта сплетня ходила въ обществѣ, но Польскій король не былъ къ ней причастенъ, такъ какъ онъ не далъ къ тому никакого повода ни своими поступками, ни порученіемъ, возложеннымъ на кого бы то ни было. Этотъ ложный слухъ, переданный Императрицѣ, ее уязвилъ въ сильной степени.

„Неизвѣстно, пишетъ Станиславъ-Августъ, воздѣйствовала ли на нее одна политическая зависть, или-же другая какая причина; но она повѣрила этой сплетнѣ и почувствовала такое негодованіе противъ короля, что въ теченіе семи мѣсяцевъ не хотѣла даже отвѣчать ни на одно изъ его писемъ, вмѣнивъ ему въ вину, что онъ искалъ безъ ея посредства заключенія новыхъ связей“.

*) Рукопись, IV, стр. 43.

Въ то же время Станиславъ-Августъ возбудилъ негодованіе Прускаго короля тѣмъ, что, по предложенію Чарторыйскихъ, на конвокаціонномъ сеймѣ была учреждена таможня на Прусской границѣ. Въ возмездіе за это Фридрихъ обложилъ высокимъ налогомъ Польскія суда, спускавшіяся по Вислѣ въ Прусскіе предѣлы. Екатерина пришлось уладить споръ между сосѣдями, при чемъ въ письмѣ отъ 13 Мая 1765¹⁾ она внушала своему ставленнику, что ему слѣдовало руководствоваться болѣе разсудкомъ, чѣмъ чувствами и что въ означенномъ спорѣ Польское правительство было неправо, такъ какъ оно учредило таможню, не предваривъ о томъ Прусское. И въ этомъ дѣлѣ съ Прусскимъ королемъ Русскій воевода навредилъ своими совѣтами Станиславу-Августу. Изъ зависти князь Августъ не упустилъ ни одного случая, даже самаго малаго, чтобы уколоть своего племянника и сдѣлать ему непріятность. Король разсказываетъ въ своихъ Запискахъ²⁾, какъ Русскій воевода старался поссорить его съ г-жею Жофрень, прѣзжавшей погостить въ Варшавѣ у своего сына, какъ она называла Станислава-Августа. Извѣстно, что онъ, будучи въ Парижѣ въ 1753 году, еще молодымъ человѣкомъ, удостоился очень радушнаго пріема въ гостиной у г-жи Жофрень³⁾, которая взяла его подъ свое покровительство и ввела въ Парижское общество. Съ того времени Понятовскій былъ въ постоянной перепискѣ съ нею, и она вызвалась его посѣтить въ Варшавѣ. Она выѣхала изъ Парижа въ концѣ Іюня 1766 г. въ сопровожденіи камергера Лойко, который былъ присланъ ко двору Людовика XV въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ Станислава-Августа для оповѣщенія о вступленіи его на Польскій престолъ. Г-жа Жофрень ѣхала черезъ Вѣну, куда былъ присланъ къ ней на встрѣчу Станиславомъ-Августомъ капитанъ Башонъ, который ее проводилъ до Варшавы⁴⁾.

Извѣстность г-жи Жофрень, пишетъ Станиславъ-Августъ, въ Парижскомъ обществѣ столь прославила ее, что не только знаменитости Французской литературы, Вольтеръ, Монтескье, не только самыя замѣчательныя иностранцы всѣхъ народовъ Европы, считали для себя честью быть принятыми въ ея домѣ и переписываться съ нею, но Русская Императрица собственноручно писала ей нѣсколько разъ очень

¹⁾ Сб. имп. ист. об. 57, стр. 257.

²⁾ Рукопись, IV, стр. 86.

³⁾ Марія Родъ, по мужу Жофрень (1690—1777) собирала у себя знаменитыхъ людей Франціи и чужихъ краевъ.

⁴⁾ De Mouy, Correspondance inédite du roi Stanislas-Auguste Poniatovski et de m-me Geoffrin, p. 75.

милостиво и даже съ нѣкоторою фамиллярностью. Сама Марія-Терезія приняла ее съ отличіемъ и приласкала въ проѣздъ ея черезъ Вѣну. Уже то, что такая особа, которой было за 60 лѣтъ отъ роду, предприняла столь отдаленное путешествіе исключительно изъ привязанности къ королю, показалось слишкомъ лестнымъ для него событіемъ, чтобы не возбудить всей зависти Русскаго воеводы, и, благодаря ему, это небывалое посѣщеніе сдѣлалось для короля причиной многихъ непріятностей. Такъ какъ у Русскаго воеводы была въ высшей мѣрѣ способность угадывать слабую сторону каждаго, онъ сталъ утверждать, что г-жа Жофрень, обладавшая большимъ умомъ и многими другими очень почтенными качествами, имѣла скорѣе претензію, чѣмъ право на высшій вкусъ по части искусствъ. Ея дочь*), впрочемъ, предупредила ее, сообщивъ, что она слыхала по этому поводу отъ самихъ Парижскихъ художниковъ. Прежде чѣмъ возбудить м-ше Жофрень противъ короля, задѣвъ ее за живое и за самое чувствительное мѣсто, Русскій воевода сталъ сперва воскуривать ей вѣніямъ, но съ большою ловкостью и, какъ слѣдовало, ухаживая за женщиной столь-же ловкой какъ и тщеславной. Онъ первоначально держался съ нею дружескаго, благодушнаго тона, затѣмъ мало по-малу сталъ жалѣть короля, какъ внимающаго дурнымъ совѣтамъ; онъ даже дошелъ до того, что осуждалъ его жестоко. Но, увидавъ, что это еще не было достаточнымъ для того, чтобы возбудить нерасположеніе г-жи Жофрень, онъ, какъ будто случайно и не придавая тому значенія, вымолвилъ: „у самого короля мало вкуса, и онъ позволяетъ себѣ оспаривать его у другихъ, и даже говорить о васъ, что вы его не имѣете“. Этотъ ударъ попалъ въ цѣль. Нѣкоторое время г-жа Жофрень старалась скрыть, насколько ея самолюбіе было оскорблено; но король, вмѣсто того, чтобы наслаждаться прелестью ея общества, подвергся порывамъ ея дурнаго расположенія до такой степени, что едва не былъ вынужденъ жедать ея скорѣйшаго отъѣзда. Когда наконецъ она не выдержала, король отъ нея самой узналъ причину ея недовольствія. Не безъ особаго труда ему удалось залѣчить эту рану, которая много разъ раскрывалась въ теченіе двухмѣсячнаго пребыванія г-жи Жофрень въ Варшавѣ. Она часто возобновляла изліянія самой крайней нѣжности къ королю, но за ними столь-же часто слѣдовали самыя шумныя сцены, которыя иногда доходили до того, что дѣлались смѣшными. Въ концѣ концовъ это посѣщеніе, обѣщавшее королю столько удовольствія, стало для него причиной постоянныхъ дразгъ, которыя онъ, безъ сомнѣнія, могъ-бы прекратить однимъ словомъ; но онъ не желалъ вымолвить этого слова

*) Маркиза де-ла Ферте-Элибо (1715—1791).

по отношенію къ особѣ, которая въ теченіе столь многихъ лѣтъ оказывала ему несомнѣнныя доказательства дружбы. Конечно ея нравъ былъ настолько порывистъ, и она такъ мало способна была владѣть своимъ языкомъ въ минуты гнѣва, что дѣйствительно могло нанести вредъ королю среди иностраннаго общества, еслибы она, по возвращеніи во Францію, распространила толки, хотя-бы и неосновательные, о неблагодарности короля и о дурномъ приѣмѣ, оказанномъ ей. Необходимо было королю перенести все это какъ можно терпѣливѣе; а его дядя, за это время, наслаждался всѣми тѣми непріятностями, которыя онъ причинилъ ему. Г-жа Жофренъ, подъ конецъ, поняла въ чемъ дѣло, и, прощаясь съ королемъ, сказала ему: „Вашъ дядя не проститъ никогда вамъ, что вы сдѣлались королемъ вмѣсто него, и онъ дастъ вамъ это почувствовать всякимъ способомъ, какой будетъ въ его распоряженіи, какъ въ мелочахъ, такъ и въ дѣлахъ важныхъ“. 13 Сентября 1766 г. Жофренъ выѣхала изъ Варшавы въ Парижъ.

II.

Въ Петербургѣ знали о слабости короля и о томъ, что онъ находился подъ вліяніемъ своихъ дядей, которые весьма мало помышляли объ удовлетвореніи разныхъ требованій, а старались только удержать короля въ своей власти, чтобъ располагать дѣлами по своимъ мыслямъ и къ своей выгодѣ¹⁾. По мнѣнію графа Панина, новый государь, кромѣ зачинавшихся женскихъ сплетенъ при его дворѣ и соперничества Чарторыйскихъ изъ за господствованія, принимается болѣе горячо, нежели прозорливо за свои дѣла, почему надлежало опасаться, чтобъ такимъ образомъ, примѣривая все къ внутреннему Польскому аршину, онъ не нажилъ себѣ такихъ хлопотъ, которыя могутъ привести къ разстройству весь сѣверный аккордъ и его посадить между двухъ стульевъ²⁾. Позднѣе гр. Панинъ писалъ, сожальѣя о неразумности короля, что онъ себя окружилъ двухъ видовъ друзьями и совѣтниками, изъ которыхъ одни коварно старались его содержать въ персональныхъ замѣшательствахъ съ дворами, дѣйствительно въ его вызвышеніи участіе имѣвшими, чѣмъ отнимая у него способы имѣть инфлюэнцію въ своей собственной націи, хотѣли болѣе въ ней сами усилиться и дѣлать его отъ нихъ болѣе-же зависимымъ. Другіе-же, не дѣйствуя столь лукаво, равно вредны его Польскому величеству, когда они по одной только

¹⁾ Письмо гр. Панина кн. Репнину 5 Апрѣля 1760. Сб. Имп. ист. об., 57, стр. 500.

²⁾ Письмо гр. Панина кн. Репнину 12 Февраля 1765, тамъ-же стр. 179.

привычкѣ къ предубѣжденіямъ и къ своей персональной преданности, хотѣли насильствовать все политическія правила и резоны настоящаго положенія своего короля съ общимъ сопряженіемъ всей сѣверной системы и влекли его въ узы мнимой дружбы съ такими державами (Австріей и Франціей), которыя никогда ни имѣли сожалѣнія, ни достаточной возможности имѣть не могли дѣйствительно его подкрѣплять и на-противъ того всегда готовы будутъ возбуждать всякія замѣшательства между нимъ и его сосѣдними державами¹⁾.

Станиславъ-Августъ самъ намъ указываетъ, кто были его совѣтники²⁾. Онъ говоритъ, что со дня своего избранія онъ собиралъ у себя ежедневно, въ 12 часовъ, обоихъ Чарторыйскихъ, канцлеровъ Замойскаго и Пшездѣцкаго, князя Станислава Любомпрскаго, своихъ братьевъ Казимира и Михаила и Якова Огородскаго, котораго король назначилъ великимъ короннымъ государственнымъ секретаремъ; къ нимъ иногда присоединялся третій братъ короля Андрей. Въ Запискахъ имѣется описаніе всехъ этихъ лицъ. О дядяхъ своихъ король уже говорилъ выше; о братѣ Казимирѣ онъ ничего не упоминаетъ, объ остальныхъ пишетъ слѣдующее.

Андрей Замойскій, въ своей молодости служившій въ Саксонскихъ войскахъ, прямо былъ назначенъ Августомъ III-мъ воеводой Пноврацлавскимъ. Не проявивъ еще своихъ политическихъ взглядовъ и не примкнувъ къ какой либо партіи, онъ 26 Октября 1762 въ Сенатѣ произнесъ очень прочувственную рѣчь³⁾, которая тѣмъ болѣе доставила ему извѣстность, что ея никто не ожидалъ. Скоро онъ пріобрѣлъ еще болѣшую славу своимъ справедливымъ и примѣрнымъ отправленіемъ обязанностей маршала короннаго трибунала. Своею безпорочною, честною жизнью онъ расположилъ въ пользу себя общественное мнѣніе, которое сочувственно отнеслось къ выбору короля, назначившаго Замойскаго на коронаціонномъ сеймѣ великимъ канцлеромъ. При исправленіи этой должности за нимъ осталась слава чловѣка честнаго; находили однако, что свойственная ему скромность и сдержанность были слѣдствіемъ какого-то внутренняго чувства, которое заставляло желать для него болѣе таланта и геніальности, чѣмъ онъ самъ сознавалъ въ себѣ.

Пшездѣцкій былъ удивительно ловокъ и опытенъ въ той сферѣ дѣлъ, которыми въ царствованіе Августа III-го исключительно занима-

¹⁾ Письмо 31 Января 1766 тамъ-же стр. 447.

²⁾ Рукопись, IV, стр. 69.

³⁾ Рукопись, III, стр. 150.

лись Поляки. Онъ былъ отлично свѣдуецъ въ Литовскомъ законодательствѣ и въ веденіи дѣлъ на сеймикахъ. По природѣ врагъ всякихъ опасностей, онъ сталъ еще осторожниѣе и увертливиѣе, такъ что многіе сомнѣвались въ его искренности, хотя это было несправедливо. Впрочемъ веселый, забавный, очень заботившійся о своемъ состояніи, онъ слѣдилъ за побужденіями тѣхъ, которыхъ онъ считалъ наиболѣе дѣйствовавшими на умъ короля и былъ изъ благодарности особенно привязанъ къ канцлеру Чарторыйскому и маршалу Любомирскому. Сей послѣдній относился къ братьямъ короля съ особенною завистью съ тѣхъ поръ, какъ Цисское староство, котораго онъ желалъ, было пожаловано Казимиру Понятовскому. Но, по отзыву Станислава-Августа, Любомирскій исполнялъ свои обязанности маршала умно, справедливо и усердно.

Князь Михаилъ Понятовскій, самый младшій братъ короля, который посвящалъ себя духовному поприщу скорѣе изъ уваженія къ своимъ родителямъ, чѣмъ по призванію, тогда былъ только Червинскимъ аббатомъ. Онъ долго отказывался отъ всякаго повышенія въ духовномъ вѣдомствѣ столько-же изъ боязни передъ обязательствами, связанными съ такимъ повышеніемъ и изъ чувства деликатности, сколько во избѣжаніе труда, котораго онъ не любилъ, хотя не уклонялся отъ своихъ обязанностей, какъ скоро принимался за какую либо работу. Это случалось съ нимъ при управленіи имъ епархіей и въ особенности при исполненіи, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, почти непрерывно, обязанностей председателя воспитательной комиссіи. Онъ нажилъ себѣ много враговъ ѣдкою своихъ замѣчаній и язвительнымъ своимъ правомъ, которымъ не умѣлъ достаточно владѣть. Предубѣжденный противъ кого-либо, онъ въ рѣдкихъ случаяхъ перемѣнялъ свое сужденіе о немъ, но за то если онъ былъ дружески расположенъ къ человеку, то онъ защищалъ его до ослѣпленія. Своими ѣдкими словами онъ тѣмъ сильнѣе оскорблялъ, что они имъ никогда не высказывались по легкомыслію, такъ какъ онъ былъ столь-же скрытенъ и себѣ на умѣ, сколько прочіе братья отличались излишнею откровенностью. Онъ былъ впрочемъ искренно преданъ королю, которому часто давалъ добрые совѣты; но они нерѣдко спорили, особенно, когда Станиславъ-Августъ его побуждалъ къ работѣ; онъ, напротивъ, упрекалъ короля въ излишнемъ усердіи, въ его склонности слишкомъ легко довѣряться людямъ и въ томъ, что онъ былъ щедръ не по своимъ средствамъ. Все это было причиной многихъ неприятностей, но развилось гораздо позднѣе. Въ первые годы своего королевства король заставилъ этого брата вести протоколъ ежедневныхъ конференцій, въ которыхъ онъ пытался

найти для себя прямой источникъ всякихъ благихъ совѣтовъ, но въ которыхъ въ дѣйствительности нашель только слѣды властнаго ума и честолюбія своихъ дядей и слишкомъ почтительное подчиненіе имъ остальныхъ лицъ, присутствовавшихъ на этихъ собраніяхъ.

Князь Андрей Понятовскій, очень прямой въ своихъ мнѣніяхъ, желалъ отъ всей души добра своему брату, но онъ почти не зналъ Польши. Будучи съ ранней молодости на Австрійской службѣ и получивъ одиннадцать ранъ въ сраженіяхъ, онъ достигъ чина фельдцейхмейстера и былъ бы фельдмаршаломъ, если бы ранняя смерть не сразила его въ возрастѣ 38 лѣтъ. Король напрасно его убѣждалъ покинуть иностранную службу и устроиться въ Польшѣ.

Станиславъ-Августъ, помня, какимъ образомъ Чарторыйскіе посвящали его въ дѣла и приучали къ нимъ въ правленіе Августа III-го, думалъ, было, такимъ же порядкомъ образованъ и приготовить своихъ братьевъ; но такъ какъ они не подчинялись въ своихъ мнѣніяхъ желаніямъ Чарторыйскихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по ихъ убѣжденіямъ, сіи послѣдніе руководствовались только своими личными выгодами, то на этихъ конференціяхъ часто происходили споры, нарушавшіе внутреннее спокойствіе во дворцѣ, вредившіе дѣламъ и причинявшіе королю большое горе.

Яковъ Огородскій, воспитанный въ домѣ Чарторыйскихъ, владѣвший всѣми языками, хорошій латинистъ, своею работою въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ при дворѣ Августа III-го въ Дрезденѣ, приобрѣлъ большой опытъ и постоянно занимался въ Посольской канцеляріи дѣлами короля. Онъ былъ съ королемъ въ Россіи секретаремъ миссіи. Король ему поручилъ свою личную канцелярію. О немъ можно было сказать, что онъ зналъ всю Польшу, что ему были извѣстны связи и выгоды почти всѣхъ родовъ каждаго воеводства. Его замѣчательная честность равнялась его скромности. Онъ работалъ медленно, но неутомимо и точно; при мысли о немъ вспоминалась басня о черепахѣ, которая своимъ равномернымъ шагомъ опережала подъ конецъ зайца. Своею осторожностью и предусмотрительностью онъ часто умѣрялъ ретивые порывы короля. Всегда присутствуя на ежедневныхъ конференціяхъ, онъ никогда на нихъ не говорилъ, но былъ въ состояніи выразить, дѣйствовать и излагать на письмѣ все, что было нужно для разрѣшенія даннаго вопроса въ королевствѣ и за границей. Князю Адаму Чарторыйскому было отведено мѣсто на этихъ конференціяхъ, но онъ устранился отъ нихъ, на сколько могъ, какъ потому, что этотъ родъ занятій не приходился ему по вкусу, такъ и изъ опасенія не угодить или отцу своему или королю.

Совѣтники короля, какъ писалъ Панинь, возбуждали разныя замѣшательства между нимъ и державами, посадившими его на престолъ, а для того, чтобъ поладить съ сосѣдними державами, королю слѣдовало упорядочить положеніе диссидентовъ: „мы, писалъ Панинь, не можемъ и не хотимъ поставлять Польскія дѣла совсѣмъ оконченными, пока не сдѣлано будетъ справедливое поправленіе состоянію тамошнихъ диссидентовъ, хотя бы то и самой военной негодіаціи требовало“.

Кн. Репнину вмѣнялось въ обязанность готовить общественное мнѣніе въ Польшѣ къ необходимости возстановить всѣмъ диссидентамъ права, слѣдовавшія имъ по конституціи, такъ какъ этимъ мирнымъ способомъ доставится католической религіи характеръ господствующей вѣры безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ и внутреннихъ потрясеній. Диссидентамъ должна была быть предоставлена полная свобода открыто отправлять ихъ богослуженія и обряды, а въ отношеніи политическихъ правъ нѣкоторыя вышнія должности: Гетманскія и министерскія не могли быть ими занимаемы, и число не-католиковъ въ судахъ и законодательныхъ собраніяхъ подлежало нѣкоторому ограниченію: но, по мысли Екатерины, это неравенство могло быть допущено только на первое время для скорѣйшаго разрѣшенія вопроса, такъ какъ возстановленіе полного равенства признавала она цѣлью, къ которой слѣдовало стремиться къ пользѣ Россіи¹⁾.

При разрѣшеніи вопроса о диссидентахъ должно было обнаружиться намѣреніе короля искренно исполнить желаніе Императрицы по отношенію къ ея единовѣрцамъ, или-же слѣдовать совѣтамъ своихъ дядей. Въ первомъ случаѣ необходимо было ожидать разрыва его съ Чарторыйскими, а отъ Россіи ожидать поддержку; во второмъ надлежало прискаты другіе способы для достиженія намѣченной цѣли. Вотъ почему гр. Панинь писалъ кн. Репнину, что онъ долженъ воспользоваться предложеніемъ Потоцкихъ вступитъ съ ними въ непосредственное сношеніе и внушить имъ, что при ихъ содѣйствіи къ осуществленію желанія Императрицы она обѣщала имъ свое покровительство²⁾. Князь Репнинъ казался слишкомъ слабымъ для того, чтобы настойчиво требовать отъ короля исполненія реформы въ пользу диссидентовъ, и къ этому времени былъ присланъ ему на помощь тайный совѣтникъ Сальдернъ. Это былъ Голштинецъ, конференцъ-совѣтникъ при Петрѣ III, человекъ приближенный къ графу Панину, обладавшій умомъ, но фальшивый и злой.

¹⁾ Письмо 31 Января 1766, тамъ-же, 57, стр. 448.

²⁾ Письмо 5 Апрѣля 1766, тамъ-же, стр. 501.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Польшѣ при наступленіи сейма, который открылся 6 Октября (25 Сентября) 1766.

„Къ этому времени, пишетъ Станиславъ-Августъ*), кн. Репнинъ получилъ неожиданное приказаніе потребовать, чтобъ все Польскіе диссиденты были въ своихъ военныхъ и гражданскихъ правахъ и преимуществахъ приравнены съ католиками. Сообщая королю это приказаніе, кн. Репнинъ сознался, что онъ самъ предвидѣлъ съ огорченіемъ страшныя и гибельныя послѣдствія для Польши отъ такого неожиданнаго приказа“.

Твердая воля всегда была однимъ изъ качествъ Екаторины, а первые года ея царствованія ознаменовались немедленнымъ исполненіемъ проявленій этой воли. Прусскій король хорошо зналъ, что въ виду улучшенія положенія лютеранъ и католиковъ въ Польшѣ многіе изъ жителей его областей, желая избѣгнуть деспотическаго его управленія, готовы были перейти въ Польшу, гдѣ процвѣтала свобода; но онъ также отлично зналъ, что Поляки тогда еще не хотѣли знать вѣротерпимости, и при малѣйшей попыткѣ въ этомъ направленіи, (какъ онъ съ увѣренностью предвидѣлъ, въ особенности если она была чрезвычайна и поспѣшна) могли безошибочно произойти въ Польшѣ страшныя потрясенія, вслѣдствіе которыхъ отъ страха устремятся обратно въ его области не только диссиденты, вновь прибывшіе въ Польшу, но даже и тѣ немногіе диссиденты и особенно Нѣмцы, оставшіеся еще тогда въ Польшѣ. Кромѣ того Фридрихъ предвидѣлъ, при такомъ внутреннемъ потрясеніи Польши, еще болѣшую развращенность Польскаго правительства, въ которой онъ усматривалъ свою наивысшую выгоду. Поэтому онъ прикинулся самымъ ревностнымъ поборникомъ предначертаній Русской императрицы въ пользу диссидентовъ.

При этихъ обстоятельствахъ королю не оставалось ничего другаго, какъ обратиться письменно къ Императрицѣ. Самъ кн. Репнинъ совѣтовалъ это, но хотѣлъ, чтобъ письмо было изложено въ такомъ видѣ, чтобъ оно не могло оскорбить ни самолюбія, ни высокомерія Императрицы. Съ другой стороны Русскій воевода внушалъ королю, что онъ уронитъ свое достоинство передъ націей, если онъ не представитъ Императрицѣ во всей ихъ силѣ всехъ доводовъ противъ требованій, заявленныхъ ею. Желая примирить оба мнѣнія, король набросалъ вчернѣ письмо отъ 5 Октября (24 Сентября) 1766 г. слѣдующаго содержанія.

*) Рукопись, IV, стр. 47.

Изложивъ въ своемъ посланіи, что онъ всегда избѣгалъ всего того, что могло быть неугоднымъ Императрицѣ, Станиславъ-Августъ объяснилъ, что это соображеніе помѣшало ему писать ей о диссидентахъ. Но, обращаясь къ ея дружбѣ и опасаясь своимъ молчаніемъ заслужить упрекъ въ томъ, что онъ не принялъ достаточно мѣръ къ защитѣ и успокоенію государства, онъ просилъ Екатерину выслушать его со вниманіемъ и благосклонностью. Она желала улучшенія судьбы диссидентовъ для блага самой Польши; но для этого необходимо точно опредѣлить, до какой степени предоставляемые имъ льготы соответствовали благу республики, которая по своему строю, не допускала къ самому ограниченному участию въ законодательствѣ людей, не принадлежащихъ къ господствовавшей вѣрѣ. Чѣмъ свободнѣе конституція государства, тѣмъ строже граждане, причастные къ правительству, должны съ благоговѣніемъ подчиняться требованіямъ законовъ; изъ разномыслія во взглядахъ, даже по вопросамъ вѣроисповѣданія, могли возникнуть очень опасныя столкновенія тамъ, гдѣ верховная власть, сосредоточенная въ рукахъ государя, не обладала достаточными средствами для немедленнаго пресѣченія нарушеній. Такъ въ Англіи и Голландіи, въ государствахъ свободныхъ отъ предразсудковъ, исключены отъ участія въ законодательствѣ и въ судахъ всѣ тѣ, которые не исповѣдовали реформы. Если-же имѣлся въ Германіи верховный придворный судъ, въ которомъ засѣдали католики и не-католики, то онъ былъ учрежденъ послѣ войны, продолжавшейся тридцать лѣтъ, находился не въ республикѣ, а былъ установленъ для многихъ независимыхъ владѣтелей, постоянные раздоры которыхъ служили доказательствомъ ихъ политической разрозненности. Убѣжденный въ чувствѣ справедливости Императрицы, Станиславъ-Августъ не вѣрилъ тому, чтобы она рѣшилась прибѣгнуть къ оружію, если сеймъ не допуститъ диссидентовъ къ участию въ законодательствѣ и въ судахъ. За предѣлы вѣротерпимости онъ не вступитъ, такъ какъ всякія другія льготы, предоставленныя диссидентамъ, были-бы вредны странѣ. Зная Императрицу, король не допускалъ, чтобы она рѣшилась заставить кого либо дѣйствовать во вредъ самому себѣ. Онъ не вѣрилъ, чтобы она прибѣгла къ насилію надъ Польшею.

Въ самомъ дѣлѣ, какое будетъ его положеніе въ странѣ, еслибы это случилось, такъ какъ Императрица, возведя его на престолъ, не могла желать, чтобы онъ подвергнулся проклятіямъ своихъ подданныхъ; не желала она сдѣлать его мишенью для ударовъ, направленныхъ ею-же противъ него. Между тѣмъ ему оставалось только подвергаться имъ, или измѣнить своему отечеству и своему долгу. Не избрала-бы она

его въ корони, еслибы признавала его способнымъ на такую измѣну. „Ударъ (заключалъ онъ) въ вашихъ рукахъ; нанесете ли вы его тому, который изъ всѣхъ людей уже давно такъ нѣжно и искренно вамъ преданъ?“.

Князь Реннинъ нашелъ это письмо слишкомъ сильнымъ. Напрасно король три раза, въ тотъ-же день, отряжалъ своего брата Андрея къ дядямъ съ поправками; Чарторыйскіе ихъ не приняли, а Русскій воевода пригрозилъ королю самымъ сильнымъ негодованіемъ націи, если онъ сдѣлаетъ какія либо измѣненія въ этомъ письмѣ.

По словамъ Станислава-Августа письмо пошло въ прежней редакціи, и съ этого времени Чарторыйскіе стали всѣми средствами противиться требованіямъ Императрицы.

Екатерина отвѣтила¹⁾, что она отлично видѣла заранѣе обдуманное намѣреніе Польскаго правительства не разрѣшать въ удовлетворительномъ смыслѣ вопроса о диссидентахъ. Она требовала возстановленія ихъ правъ, руководствуясь единственно справедливостью для личнаго спокойствія короля и благосостоянія его государства. Она ожидала отъ него, какъ отъ друга и отъ просвѣщеннаго государя, успѣшнаго разрѣшенія этого дѣла. Разбивая доводы Станислава-Августа о неудобствахъ допускать въ Польшѣ къ участию въ законодательствѣ православныхъ, она доказывала, что предки этихъ лицъ пользовались всѣми правами свободныхъ гражданъ и были лишены ихъ насильственно только изъ за того, что они не измѣнили вѣрѣ своихъ отцовъ. Она вполне сознавала затруднительность положенія короля, но полагала, что воля болѣе твердая превозмогла-бы всѣ препятствія. Ее удивляло то, что могли ограничиться дарованіемъ диссидентамъ одной терпимости. Они никогда не считали себя нетерпимыми въ Польшѣ. Какое-же приращеніе милости хотѣли имъ оказать? Стоило-ли ей придти имъ на помощь, дабы обезпечить за ними такую льготу? Екатерина закрывала глаза на дальнѣйшій ходъ дѣла и не ручалась за послѣдствія, такъ какъ она прибѣгнетъ къ оружію, если признаетъ, что примѣненіе его будетъ полезно для блага тѣхъ, которымъ она желала добра.

„Краковскій епископъ Солтыкъ, пишетъ Станиславъ Августъ²⁾, убѣдившись въ томъ, что сами Чарторыйскіе, всегда проповѣдывавшіе начала терпимости, въ ту пору стали разжигать народный фанатизмъ, захотѣлъ принять на себя роль главы католичества и 11 Октября (30 Сентября) произнесъ на сеймѣ пламенную рѣчь, въ которой пред-

¹⁾ Сб. имп. ист. об. 67, стр. 149.

²⁾ Рукопись, IV, стр. 52.

лагаль изданіе закона, каравшаго конфискаціею и безчестіемъ всякаго, кто осмѣлился-бы на какомъ-бы то ни было сеймѣ заступаться за диссидентовъ.

Эта рѣчь произвела такое сильное впечатлѣніе на всѣхъ депутатовъ сейма, что диссиденты, бывшіе на засѣданіи, ожидали одно время всякихъ жестокостей противъ нихъ. Никто не смѣлъ замолвить слово, чтобъ умирить возбужденіе толпы. Король, предвидя, что собраніе готовилось единогласно принять предложенный епископомъ законъ, самый жестокій противъ диссидентовъ, самый оскорбительный для Императрицы, а по сему самый опасный для государства, счелъ своимъ долгомъ, безъ опасенія за себя, выступить лично съ рѣчью, произнесенною имъ того-же 11 Октября.

Онъ началъ съ того, что назвалъ несправедливымъ существовавшій обычай, по которому король не долженъ былъ говорить своему народу. Онъ находилъ его особенно несправедливымъ послѣ вдохновенной рѣчи Краковскаго епископа. Посему, вопреки обычаю, онъ обратился къ епископу съ благодарностью за нее и къ чинамъ королевскимъ съ увѣреніемъ, что онъ вмѣстѣ съ ними готовъ обсудить положеніе, погибнуть вмѣстѣ съ ними или совмѣстно спасти вѣру и свободу. Далѣе онъ старался отвлечь вниманіе сейма на другой предметъ, на раздачу милостей. Поводомъ къ тому послужило ему назначеніе на должность великаго короннаго маршала князя Станислава Любомирскаго, зятя Русскаго воеводы. Уснастивъ свою длинную рѣчь риторическими оборотами и напыщенными фразами, король напомнилъ о прежнихъ доблестныхъ сынахъ отечества и призвалъ всѣхъ къ единенію“.

Такимъ образомъ король, по его словамъ, охладилъ религіозное рвеніе собранія и занялъ его вниманіе длиннымъ церемоніаломъ, продолжавшимся около двухъ часовъ. По врученіи маршальскаго жезла Любомирскому, онъ, по этикету, пожаловалъ къ рукѣ всѣхъ сенаторовъ, которые должны были его благодарить за оказанную имъ милость. Русскій воевода тоже приблизился къ королю и, пользуясь своимъ прежнимъ положеніемъ, сказалъ ему вполголоса только одно Латинское слово: „*optime*“ (отлично). Это одобреніе показалось королю относившимся преимущественно къ ловкости, съ которой онъ успѣлъ отвести ударъ, направленный противъ диссидентовъ; но потомъ онъ убѣдился, что удовлетвореніе Чарторыйскаго происходило исключительно отъ того, что должность великаго маршала, первая въ государствѣ, представлена его зятю. Пожалованіе Любомирскаго великимъ короннымъ маршаломъ вызвало крайнее недовольство короннаго маршала графа

Юрія-Августа Мнишка¹⁾, который считалъ себя обойденнымъ. Онъ былъ женатъ на дочери графа Брюля. Будучи въ свойствѣ съ Потоцкимъ²⁾, Мнишекъ привлекъ на свою сторону всю эту вліятельную семью искони враждебную Чарторыйскимъ; а жена его возбуждала противъ короля изъ зависти, что онъ не предоставилъ ей перваго мѣста среди современныхъ красавицъ. Къ партіи Мнишка принадлежали обожатель его жены, коронный кухмистеръ графъ Віельгорскій³⁾ и его двоюродный братъ коронный подचाпій Чацкій, женатый на дочери покойнаго короннаго канцлера Яна Малаховскаго, человекъ, по словамъ Станислава-Августа⁴⁾, добродѣтельный, но фанатикъ въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ и ярый сторонникъ стараго политическаго строя Польши. Къ нимъ примкнули многіе другіе недовольные, которыхъ Чарторыйскіе возбуждали противъ короля. Этими самыми раздорами воспользовался Прусскій посланникъ въ Варшавѣ Бенуа. Онъ отъ имени своего государя сталъ доказывать кн. Репнину, что слѣдовало предупредить затѣи Польскаго короля въ сферѣ преобразованій. Бенуа зналъ, что завистники гр. Кейзерлинга представили Императрицѣ, что онъ, на конвокаціонномъ сеймѣ, допустилъ обойти себя, согласившись на то, чтобъ впредь всѣ фискальныя дѣла на сеймахъ разрѣшались въ судебномъ порядкѣ, т. е. по большинству голосовъ, въ нарушение *liberum veto*. Бенуа угрожалъ кн. Репнину разными придворными интригами, если онъ не пріостановитъ дальнѣйшаго распропаганда въ Польскій порядокъ разрѣшенія дѣлъ на сеймѣ по большинству голосовъ, что, по выраженію Станислава-Августа⁵⁾, считалось сосѣдями Польши чѣмъ-то чудовищнымъ.

По этому поводу замѣчательна депеша кн. Репнина гр. Панину, отъ 5 Октября 1766⁶⁾. Посоль писалъ гр. Никитѣ Пвановичу, что король представилъ на сеймѣ проектъ о порядкѣ обсужденія дѣлъ казны, а именно объ установленіи новыхъ налоговъ и объ усиленіи войскъ. По означенному проекту дѣла должны были рѣшаться по большинству голосовъ, а не единогласно. Противъ такого порядка возражалъ кн. Репнинъ, доказывая, что онъ противорѣчилъ государствен-

¹⁾ Кастелянъ Краковскій (1716—1778); его жена графиня Марія-Амалия-Фредерика Брюль (1731—1772).

²⁾ Его племянница, дочь его брата Яна-Карла Мнишка, Польскаго ген.-лейтенанта и великаго ловчаго (1717—1754), Луиза, была за короннымъ великимъ гетманомъ Юсефомъ Потоцкимъ († 1756).

³⁾ Женатъ на Елисаветѣ Огинской († 1794).

⁴⁾ Рукопись, IV, стр. 58.

⁵⁾ Рукопись, IV, стр. 59.

⁶⁾ Сб. имп. истор. об. 67, стр. 174.

нымъ законамъ Рѣчи Посполитой и что ни Россія, ни Прусскій король не могли согласиться на это нововведеніе. Канцлеръ Литовскій, разгорячившись, заявилъ послу, что Поляки властны у себя вводить учрежденія, какія имъ заблагоразсудится. Кн. Репнинъ на это отвѣтилъ: „если они властны у себя дѣлать чтò хотять, то и мы властны то принимать, какъ мы хотимъ, и они могутъ, сей проектъ подписавъ, въ конституцію нынѣшняго сейма внести; но въ исполненіе оное конечно безъ противности нашей не приведутъ: ибо мы по содѣйству интересованы наблюдать, чтобы форма правленія здѣшняго въ государственныхъ дѣлахъ отнюдь переменена не была“. По тому-же предмету кн. Репнинъ обратился къ королю, который согласился на постановленіе созывательнаго сейма, установившаго порядокъ рѣшенія дѣлъ большинствомъ голосовъ по финансовымъ дѣламъ и уклонился отъ дальнѣйшихъ объясненій. На этой депешѣ имѣется помѣта Императрицы: „не худо насъ ищутъ обманывать, но по сему поведенію не останутся въ выйгрышѣ“.

Россія и Пруссія стояли за прежній порядокъ рѣшенія дѣлъ единогласно (*liberum veto*), такъ какъ имъ было не трудно при этомъ порядкѣ подкупить хотя бы одного посла, голосъ котораго могъ приостановить дѣйствіе всего сейма, если исходъ дѣла не соответствовалъ выгодамъ этихъ державъ, какъ напр. при обсужденіи вопроса о новыхъ налогахъ, которые предполагалось ввести для усиленія войска.

Чарторыйскіе, недовольствуясь тѣмъ, что возбуждали въ Польшѣ вражду противъ короля, подали жалобу на него гр. Панину и выражали желаніе удалиться отъ дѣлъ. Въ отвѣтъ своемъ гр. Панинъ высказалъ надежду Императрицы на ихъ содѣйствіе къ проведенію въ Польшѣ трехъ дѣлъ, которыя она признавала необходимыми для упроченія порядка, а именно заключенія союза съ Россією, освобожденія диссидентовъ отъ угнетенія и регулированія границъ*). Кромѣ того Панинъ писалъ къ Репнину, предлагая ему сойтись съ Чарторыйскими, и оставить и содержать ихъ въ равновѣсін съ королевскою стороною, по сказавъ имъ, что сія ихъ позиція зависѣла отъ продолжительнаго къ нимъ благоволенія Императрицы, которое они могли сохранить при своемъ содѣйствіи къ проведенію диссидентскаго дѣла. Этимъ они заслужать довѣріе Императрицы, которая желала, чтобы король предпочиталъ ихъ совѣты совѣтамъ молодыхъ людей, стремившихся къ партикулярной фортунѣ, такъ какъ ея величество видѣла въ королѣ неуемренную скоропостижность къ собственному его интересу, т. е. къ

*) Письмо Панина Чарторыйскимъ 4 Іюля 1766 г., Сб. им. ист. об., 67, стр. 9.

исправленію или-же къ нѣкоторому распространенію его власти, которая хотя и клонилась къ возвышенію королевскаго званія, но будетъ только возбуждать духъ вольности и беспокоить сосѣднія державы. Поэтому Панинъ предлагалъ кн. Репнину оставить дѣла въ руководствѣ Чарторыйскихъ съ тѣмъ только, чтобъ они проявляли Императрицѣ искреннее усердіе и неложную преданность какъ по диссидентскому, такъ и по другимъ дѣламъ, важнымъ для Россіи¹⁾. Въ отвѣтъ князь Репнинъ донесъ²⁾, что содѣйствіе Чарторыйскихъ на будущемъ сеймѣ было необходимо, не потому, что можно было бы полагаться на ихъ прямодушное усердіе, а потому, что ихъ кредитъ былъ великъ и они судили здравѣе всѣхъ другихъ въ Польшѣ. При свиданіи съ Русскимъ воеводой кн. Репнинъ, говоря о диссидентскомъ дѣлѣ, сказалъ, что успѣхъ, въ немъ достигнутый черезъ посредство Чарторыйскихъ, докажетъ ихъ дѣйствительное усердіе императорскому двору и доставитъ имъ верхъ благоволенія его и довѣренности, неудача-же все разрушитъ и докажетъ ихъ нежеланіе. Русскій воевода отвѣчалъ послу общими увѣреніями въ преданности и усердіи, но за успѣхъ дѣла не ручался, отказавшись наотрѣзъ первымъ говорить объ этомъ дѣлѣ на сеймѣ. На этомъ письмѣ Екатерина помѣтила: „если они (Чарторыйскіе) дали ему (Репнину) слово, то сдержатъ его“.

По предписанію, данному ему Императрицей, князь Репнинъ долженъ былъ испросить публичную аудіенцію на сеймѣ для рекомендаціи дѣла о диссидентахъ, сказать рѣчь на Русскомъ языкѣ отъ имени ея величества и подать особую декларацію съ изложеніемъ требованій Россіи. При этомъ кн. Репнину предписывалось, если король на аудіенціи будетъ въ мантии и коронѣ, быть въ шляпѣ и снимать ее при каждомъ именованіи Императрицы и короля; если же сей государь будетъ сидѣть на тронѣ, то посолъ долженъ былъ требовать табурета, а буде сенаторы имѣютъ стулья, то кресель, а по крайней мѣрѣ стула же³⁾. Церемонія эта произошла 4 Ноября (24 Октября) въ Сенатѣ. Король въ Запискахъ своихъ повѣствуетъ, что кн. Репнинъ былъ посаженъ между королемъ и примасомъ и прочиталъ рѣчь, въ которой онъ торжественно просилъ, отъ имени Императрицы, полного уравненія православныхъ и диссидентовъ въ правахъ съ католиками⁴⁾. 9 Ноября (3 Октября) Бенуа столь-же торжественно просилъ о томъ-же отъ имени своего короля.

1) Письмо отъ 20 Августа 1766, тамъ же стр. 44.

2) Письмо отъ 21 Августа (1 Сентября), тамъ-же стр. 100.

3) Денеша Панина 26 Августа, тамъ-же стр. 94.

4) Рукописи, IV, стр. 60.

Но еще до этой аудіенціи своего посла Екатерина не ожидала никакого успѣха отъ нея въ виду двоедушія короля Польскаго и его дядей. Ее удивляли его неблагодарность и ослѣпленіе; „она была поражена его письмами, въ которыхъ обнаруживалось такое уныніе духа, коего она никогда въ немъ не ожидала, съ такими при томъ въ его оправданіи резонами, кои вмѣсто того къ вящему изобличенію его двойкости, а по крайней мѣрѣ ослѣпленія или слабости его служить могутъ“. Поэтому, въ случаѣ дѣйствительной неудачи на сеймѣ по диссидентскому вопросу, Екатерина предписала кн. Репнину добиться разрыва сейма, обратиться къ соперникамъ Чарторыйскихъ и образовать конфедерацию изъ диссидентовъ¹⁾.

Не сочувствуя вовсе всеѣмъ требованіямъ Екатерины и потому не намѣреваясь ихъ исполнить, не смотря на все свои увѣренія, Станиславъ-Августъ, однако, не совѣтился прибѣгать къ кн. Репнину за деньгами. Еще 7-го Августа Екатерина предписала кн. Репнину не требовать отъ короля 20000 червонцевъ, которыми посоль ссудилъ его, а записать ихъ въ расходъ секретно, не объявляя ему ничего²⁾. 19-го Сентября, въ виду крайняго недостатка средствъ короля, заявленнаго Польскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ гр. Ржевускимъ, гр. Панинъ поручилъ кн. Репнину выдать королю, отъ 30 до 40000 р. 26 Сентября, по ходатайству того-же Ржевускаго, кн. Репнину было приказано вручить королю еще 50000 р.³⁾.

Понятовскій имѣлъ ограниченныя средства: съ своихъ маестностей, доставшихся ему отъ родителей, онъ получалъ лишь 67399 злотыхъ Польскихъ въ годъ⁴⁾. По Запискамъ его⁵⁾, первые доходы, опредѣленные ему, какъ королю, онъ могъ получить лишь въ 1766 г.; между тѣмъ ему пришлось заводить все для своего двора, посуду, столовое бѣлье, лошадей, экипажи, ливреи и пр., и все въ долгъ. Къ довершенію несчастья, въ 1765 г. вошелъ онъ въ очень невыгодную для себя сдѣлку. На совѣтѣ у него было рѣшено заключить договоръ съ Прусскимъ банкиромъ Швейгертомъ, по которому послѣдній обязался учредить въ Варшавѣ монетный дворъ для чеканки Польскихъ денегъ, чтобы не зависѣть болѣе отъ Пруссіи. Хотя на совѣтѣ оба Чарторыйскихъ были согласны на заключеніе этого договора, но когда король его подписалъ въ отсутствіе канцлера князя Михаила, послѣдній, воз-

¹⁾ Раскрытъ Репнину 6 Октября 1766. Сб. имп. ист. об., 67, стр. 146.

²⁾ Сб. имп. ист. об. 67, стр. 49.

³⁾ Тамъ-же, стр. 131.

⁴⁾ Koizeu, Wewnetzne dzieje polski, т. III стр. 10.

⁵⁾ Рукопись, IV, стр. 79.

вратившись из своих помѣстій, заявилъ протестъ, доказывая, что такая сдѣлка будто нарушала выгоды Польши и была опасна для отечества. Остальные члены совѣта (за исключеніемъ братьевъ короля) присоединились къ мнѣнію канцлера и потребовали отъ Станислава-Августа уничтоженія этого договора. „За всю жизнь обоихъ братьевъ Чарторыйскихъ, говоритъ король¹⁾, случилось въ первый разъ, что канцлеръ успѣлъ привести брата къ своему мнѣнію и что тотъ отказался отъ своего, и это случилось къ несчастью страны и короля“. Напрасно король опровергнулъ все доводы противниковъ: они возбудили общественное мнѣніе противъ заключеннаго договора; королю говорили, что онъ губилъ государство, что нація будетъ смотрѣть на него, какъ на своего врага, если онъ не откажется отъ сдѣлки съ Швейгертомъ. Въ виду этого королю пришлось выбрать между собственнымъ его убѣжденіемъ и общественнымъ мнѣніемъ въ началѣ царствованія, когда надлежало, по необходимости, пріобрѣтать расположение общества. Хотя король, къ тому-же, имѣлъ основаніе думать, что сохраненіе въ силѣ договора съ Швейгертомъ вовсе не принесло-бы вреда государству, но все-таки онъ не могъ быть безошибочно увѣренъ въ томъ, что мнѣніе его собственное и только пяти или шести человекъ, разсуждавшихъ одинаково съ нимъ, было-бы вѣрнѣе и лучше сужденія многихъ лицъ всякаго состоянія цѣлой націи. По этой причинѣ король рѣшился уничтожить договоръ, но съ значительною потерей для себя, такъ какъ Швейгертъ потребовалъ 50000 дукатовъ отступного. Когда Станиславъ-Августъ замѣтилъ Русскому воеводѣ, что онъ подписалъ договоръ по его совѣту до возвращенія канцлера, то князь Августъ отвѣчалъ, что слѣдовало уничтожить договоръ, ничего не платя Швейгерту. Напрасно король доказывалъ ему, что Фридрихъ II непременно заступился бы за своего подданнаго; Русскій воевода остался глухъ ко всемъ объясненіямъ своего племянника. Не смотря на свое богатство, онъ не предложилъ помощи королю, который былъ въ крайне затруднительномъ положеніи. „Этимъ объясняется, говоритъ онъ въ Запискахъ²⁾, откуда возникли долги короля, такъ какъ для удовлетворенія Швейгерта ему пришлось занять денегъ. Его старшій братъ Казимиръ, Францъ Ржевускій и Кеверій Браницкій, заложили Швейгерту все свои имѣнія по Январю 1766. Княгиня Любомирская, узнавъ объ ихъ благородномъ поступкѣ, выразила Ржевускому свое крайнее удивленіе и недовольство. Она не высказалась достаточно, чтобы судить, сожалѣлъ-ли Русскій воевода о томъ, что онъ самъ не успѣлъ

1) Рукопись, IV стр. 76.

2) Тамъ-же, стр. 79.

оказать столь существенную услугу королю и даже государству, въ такую критическую минуту, вызванную самимъ Чарторыйскимъ. или ему было только жалко, что напало три человѣка, рѣшившихся вывести короля изъ затрудненія, и что эти три, пріобрѣтавшіе такимъ образомъ особую благодарность короля, были именно тѣ, которыхъ Русскій воевода менѣе всѣхъ любилъ во всей Польшѣ. И вѣдь дѣло шло только о ссудѣ 50000 дукатовъ, которые король возвратилъ ссудившимъ черезъ годъ.

Король въ своихъ Запискахъ замѣчаетъ*), что дѣло о диссидентахъ не было вовсе вопросомъ главнѣйше интересовавшимъ Россію и Пруссію, какъ это обнаружилось на сеймѣ 10 Ноября (31 Октября) 1766, когда кн. Репнинъ и Бенуа представили, каждый отъ себя, заявленіе одинаковаго содержанія, въ которомъ они требовали, чтобъ порядокъ единогласнаго рѣшенія былъ установленъ такимъ образомъ по всѣмъ государственнымъ дѣламъ, а именно по вопросу о введеніи новыхъ налоговъ и усиленіи войскъ.

Въ обоихъ заявленіяхъ было выражено, что всѣ благомыслившіе должны были подчиниться требованію Императрицы для того, чтобы не подвергаться пагубнымъ послѣдствіямъ, которыя неминуемо произойдутъ въ случаѣ его неисполненія. Въ ночь, наступившую послѣ того, какъ были сдѣланы означенныя заявленія, король написалъ и велѣлъ распространить анонимный манифестъ подъ заглавіемъ „Разсужденіе добраго гражданина о Русской и Прусской запискахъ поданныхъ 11 Ноября“. Въ этомъ манифестѣ Станиславъ-Августъ разъяснялъ, чего добивались сосѣднія державы: онѣ не желали допустить развитія силъ Польши; имъ было выгодно существованіе прежняго порядка, который позволялъ имъ, путемъ подкупа, вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши и дѣйствовать на ихъ рѣшеніе. Но сопротивляться требованіямъ могущественныхъ державъ неосторожно и неразумно. Бываютъ случаи, когда каждый обязанъ жертвовать собою ради національной чести; но стѣдуетъ-ли данный вопросъ о порядкѣ веденія дѣлъ на сеймѣ такой жертвы? Пусть каждый добрый гражданинъ дѣйствуетъ по совѣсти, памятуя, что самъ король не выскажется противъ того, кто въ этомъ случаѣ будетъ руководиться своимъ внутреннимъ внушеніемъ, такъ какъ слабость республики, въ виду большого протяженія ея границъ, очевидна и могла-бы найти противовѣсъ при сопротивленіи только въ стойкости гражданъ и въ ихъ любви къ отчизнѣ.

*) Рукопись, IV, стр. 60.

Вмѣстѣ съ тѣмъ король держалъ совѣтъ съ своими приближенными относительно того, не слѣдовало-ли установить порядокъ рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ на всѣхъ будущихъ сеймахъ и не надлежало-ли, наконецъ, составить такія правила о диссидентахъ, которыми умѣрялись съ одной стороны Русскія требованія, съ другой—фанатизмъ Сарматскихъ патріотовъ.

Въ это время явился на совѣщаніе канцлеръ Замойскій и сказалъ слѣдующее¹⁾: „Русская и Прусская деклараціи почти равносильны объявленію войны; вашей совѣсти придется отвѣтствовать за каждую каплю крови, которая прольется, за каждую крестьянскую хижину, которая подвергнется разоренію. У васъ не имѣется даже 18000 войскъ; они плохо вооружены. всѣ четыре гетмана въ числѣ вашихъ противниковъ, у насъ недостаетъ артиллеріи; въ настоящее время 50000 чел. Русскаго войска находятся въ Польшѣ, Пруссаки къ нимъ присоединятся немедленно, а Австрійцы не придутъ къ вамъ на помощь“. Эти слова убѣдили короля въ беспомощности отчаяннаго сопротивленія. Онъ видѣлъ, что почти всѣ знатныя семейства, составлявшія при Августѣ III-мъ обѣ враждебныя партіи, были въ настоящее время противъ него. При немъ никого почти не оставалось; въ виду этого ему и пришлось уступить.

18 Ноября Вельгорскій предложилъ на сеймѣ пагубный законъ о *liberum veto* въ томъ видѣ, какъ его желалъ кн. Репнинъ. Русскій воевода, который за всю свою жизнь никогда иначе не отстаивалъ своего мнѣнія, какъ пятью или шестью строками письма, не постыдился прочесть 22 Ноября рѣчь въ три страницы въ защиту предложеній Вельгорскаго, которое прошло единогласно.

За ихъ образъ дѣйствій на сеймѣ Чарторыйскіе получили благодарность Императрицы, выраженную въ письмѣ къ нимъ гр. Панина отъ 20 Декабря 1766 г.²⁾ Графъ Никита Ивановичъ писалъ имъ, что они съ твердостью и предусмотрительностью истинныхъ патріотовъ воспротивились нововведеніямъ, и что Императрица во всемъ похвалила ихъ, но что она очень недовольна поступками короля и его окружающихъ, а главнымъ образомъ его братьевъ, которые имъ управляли. Она видѣла во всѣхъ поступкахъ короля со дня его вступленія на престолъ лишь намѣреніе достигнуть всего, что скрывали отъ ней и уклониться отъ всего, къ чему старались притворно показать добрую волю. Этимъ она объяснила неуспѣхъ въ дѣлѣ диссидентовъ, которое

¹⁾ Рукопись, IV, стр. 65.

²⁾ Сб. имп. ист. общ., 67, стр. 228.

она рѣшила довести до конца; почему она обращалась къ нимъ, Чарторыйскимъ, какъ истиннымъ друзьямъ. Диссиденты должны были составить конфедерацію, чтобъ добиться своихъ правъ. Графъ Панинъ предлагалъ отъ имени Императрицы Чарторыйскимъ стать во главѣ этого дѣла и просилъ дать ему положительный отвѣтъ; въ случаѣ-же ихъ отказа Императрица исполнить задуманный ею планъ и безъ нихъ, не взирая ни на что, ни даже на ихъ родню.

Въ ожиданіи этого отвѣта кн. Репнину¹⁾, было предписано прискивать себѣ новыхъ ни отъ кого не зависящихъ друзей, изъ которыхъ-бы со временемъ составила особенная партія, подъ управленіемъ тѣхъ-же Чарторыйскихъ, если они изъявятъ на это согласіе, пли-же новыхъ въ свое время избранныхъ вождей для возстановленія правъ диссидентовъ.

Удостоверясь изъ отвѣта Чарторыйскихъ въ томъ, что на ихъ содѣйствіе въ диссидентскомъ дѣлѣ нечего было рассчитывать, Екатерина рескриптомъ отъ 31 Января 1767²⁾, велѣла кн. Репнину объявить диссидентамъ объ открытіи ими конфедераціи на 9 Марта, для поддержки которой двинуты въ Польшу Русскія войска. Къ назначенному сроку образовалась конфедерація изъ протестантовъ въ Торнѣ, маршаломъ которой былъ графъ фонъ-Гольцъ, и конфедерація изъ православныхъ въ Слуцкѣ подъ предводительствомъ генерала Грабовскаго. 28 Марта делегаты этихъ конфедерацій были приняты королемъ на публичной аудіенціи по настоянію кн. Репнина, который грозилъ королю, въ случаѣ отказа въ приѣмѣ ихъ, гнѣвомъ Императрицы, увѣряя его вмѣстѣ съ тѣмъ, что, принимая ихъ, король могъ рассчитывать на измѣненіе, съ согласія Императрицы, закона, предложеннаго Віельгорскимъ о возстановленіи единогласнаго порядка разрѣшенія дѣлъ на сеймѣ (*liberum veto*)³⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ покровительствомъ кн. Репнина учредилась изъ противниковъ партіи Чарторыйскихъ католическая конфедерація въ Литвѣ и Польшѣ. Къ видамъ Императрицы былъ привлеченъ извѣстный врагъ Чарторыйскихъ Виленскій воевода князь Радзивиль, который согласился на все требованія Императрицы, лишь-бы пользоваться ея покровительствомъ. Къ нему въ качествѣ пестуна былъ снаряженъ Русскимъ правительствомъ полковникъ Карръ⁴⁾.

¹⁾ Делеша Репнину, 24 Декабря 1766 г. Сбор. имп. ист. об. 67, стр. 253.

²⁾ Тамъ-же, стр. 303.

³⁾ Рукопись, IV, стр. 90.

⁴⁾ Карръ, какъ и Бибииковъ, долженъ былъ близко знать Поляковъ и потому, можетъ быть, ихъ и посылала Екатерина усмирять Пугачевскій бунтъ, въ которомъ, конечно, принимали главное участіе Поляки. П. Б.

III.

„Съ того времени, пишетъ Станиславъ-Августъ, какъ Репнинъ, отвернувшись отъ Чарторыйскихъ, перенесъ свое благоволеніе и покровительство на Потоцкихъ и на Радзивила, онъ направилъ свои усилія къ тому, чтобы король не оказывалъ Чарторыйскимъ того вниманія, которое онъ имъ выражалъ. Это проявилось, въ особенности, въ разговорѣ, который Репнинъ имѣлъ съ королемъ 3 Мая на обѣдѣ у князя Любомирскаго. Не смотря на присутствіе обоихъ Чарторыйскихъ, Репнинъ просилъ короля переговорить съ нимъ въ отдѣльномъ кабинетѣ. Репнинъ началъ съ того, что потребовалъ отъ короля, подъ его честное слово, чтобы онъ отнюдь не передавалъ ихъ разговора Чарторыйскимъ. Давъ это слово, король спросилъ, правда ли, что образовалась католическая конфедерація въ Литвѣ княземъ Радзивиломъ, Литовскимъ стражникомъ Поцѣмъ и Быстрицкимъ, старостой Бржестовскимъ, а въ Польнѣ Кіевскимъ воеводой Потоцкимъ, надворнымъ маршаломъ Мишкомъ, Краковскимъ епископомъ Солтыкомъ и Каменецкимъ Красинскимъ. Репнинъ далъ утвердительный отвѣтъ. Когда-же король началъ отговаривать его отъ такого предпріятія, то онъ сталъ его увѣрять, что эта конфедерація не принесетъ никакого вреда власти короля, ни его выгодамъ, но она нужна, чтобы приступить къ защитѣ диссидентовъ. На вопросъ короля, чего желала Императрица, Репнинъ отвѣчалъ, что она требовала полного равенства диссидентовъ, исключенія на всегда начала большинства голосовъ изъ рѣшеній дѣлъ на сеймѣ и гарантіи будущей формы правленія въ Польшѣ путемъ договора. Король, признавъ откровенно, что требуемая равноправіе диссидентовъ и гарантія формы правленія будутъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія для страны, отказался исполнить эти требованія и просилъ Репнина исходатайствовать измѣненіе ихъ; но Репнинъ ему заявилъ, что онъ ничего не достигнетъ такимъ ходатайствомъ и только навредитъ себѣ въ вышей мѣрѣ.

„Не смотря на всѣ усилія короля, пишетъ онъ*), ему не удалось предотвратить Русскіе замыслы, которые осуществились благодаря Потоцкимъ въ Польшѣ и Радзивилу въ Литвѣ, а главнымъ образомъ при помощи Русскихъ войскъ, распредѣленныхъ по всѣмъ сеймикамъ. Послами, почти вездѣ, были избраны тѣ, которыхъ назначалъ Репнинъ. Ему оказали содѣйствіе коронный подскарбій Вессель и гетманы, кото-

*) Т. IV, стр. 101.

рымъ онъ обѣщаль возвратить ихъ прежнее значеніе. Общественное мнѣніе съ удивленіемъ узнало, что гетманъ Вацлавъ Ржевускій, ярый католикъ и патриотъ, принималъ участіе въ Радомской конфедераціи, созданной съ цѣлью возстановленія диссидентовъ во всѣхъ ихъ правахъ на равнѣ съ католическими и гарантіи конституціи со стороны Императрицы. Признали, что Ржевускій руководился самолюбивыми замыслами, но не могли понять, что побудило примкнуть къ той-же конфедераціи Сандомирскаго воеводу Велепольскаго. Это отмѣнно публичный человѣкъ, получившій вообще прозвище „человѣка добра“, вступилъ въ это сообщество безъ всякой личной выгоды (по крайней мѣрѣ извѣстной). Приписали этотъ поступокъ влиянію его жены, которая, уже при разсмотрѣніи Курляндскаго дѣла въ Сенатѣ, заставляла мужа подать голосъ за принца Карла, т. е. за придворную партію, отдѣлиться отъ всѣхъ его друзей, въ томъ числѣ и отъ Русскаго воеводы, который считался къ нему самымъ близкимъ. Съ того времени онъ сталъ снова его другомъ, изъ чего заключили, что Русскій воевода былъ очень доволенъ имѣть своего человѣка въ Радомской конфедераціи и что онъ, можетъ быть, съ помощью третьихъ лицъ, заставилъ Велепольскаго приступить къ ней“. Отъ конфедераціи были отправлены къ императрицѣ Екатеринѣ для выраженія благодарности стражники Литовскій Поцѣй, кухмистръ Литовскій Вельгорскій, кравчій коронный Потоцкій¹⁾ и староста Сандомирскій Оссолинскій. Послы имѣли публичную аудіенцію 18 Сентября 1767 г. въ Москвѣ. „По возвращеніи ихъ, пишетъ Станиславъ-Августъ²⁾, начальники ихъ партіи, убѣдившіеся въ томъ, что имъ не удастся свергнуть короля съ престола, значительно охладѣли въ своей преданности Россіи. Съ одной стороны они видѣли, насколько большинство націи было оскорблено въ своихъ католическихъ чувствахъ тѣмъ рабскимъ подчиненіемъ, къ которому ее готовили; съ другой стороны гетманы и подскарбіи усмотрѣли, что имъ не вернуть власти, прежде имъ принадлежавшей. Посему духъ сопротивленія видамъ Россіи и сталъ обнаруживаться во многихъ мѣстахъ болѣе или менѣе живо, смотря по свойствамъ дѣйствовавшихъ лицъ или тѣхъ, которые заставляли ихъ дѣйствовать. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Кіевскій воевода Потоцкій, по вѣншности оставшійся сторонниками Россіи, дѣйствовали тайкомъ противъ нея черезъ своихъ подчиненныхъ; другіе поступали болѣе открыто.

Краковскій епископъ Солтыкъ сильно вознегодовалъ противъ короля съ того времени, какъ сеймъ отказалъ ему въ правѣ имѣть багдахинъ

¹⁾ Графъ Юсифъ Потоцкій 1802 г., женатъ на Оссолинской.

²⁾ Стр. 103.

въ его квартирѣ. Солтыкъ приписывалъ этотъ отказъ королю, тогда какъ въ немъ былъ повиненъ примасъ Лубенскій, который увѣрялъ, что, за исключеніемъ короля, онъ одинъ въ Польшѣ долженъ былъ имѣть балдахинъ надъ своимъ сидѣніемъ. Въ виду того, что главнымъ двигателемъ у Солтыка было тщеславіе, онъ возненавидѣлъ короля и, убѣдившись въ томъ, что ему не удастся его свергнуть съ престола, такъ какъ Россія того не желала, онъ уже не сталъ различать Россіи отъ короля и вообразилъ себѣ, что причинялъ ему досаду, сдѣлавшись противникомъ Русскихъ. Бывъ на сеймѣ прошлаго года во главѣ ярыхъ враговъ диссидентовъ, онъ, этимъ путемъ, надѣялся получить званіе кардинала и уничтожить неравенство, отдѣлявшее его отъ примаса и тяжело переносимое имъ. На чрезвычайномъ сеймѣ 1767 г. кн. Радзивиль, какъ маршалъ генеральной конфедерации, былъ маршаломъ чрезвычайнаго собранія; Быстрицкій же староста, Бржестовскій, женатый на Радзивиль, родственницѣ князя Карла, былъ маршаломъ отъ Литвы; это тотъ Бржестовскій, который на Брюловскомъ сеймѣ первый обнажилъ оружіе, а въ Вильнѣ убилъ одного изъ офицеровъ графа Флемминга. Не смотря на очень пріятную наружность, это былъ человѣкъ способный на все съ цѣлью достиженія своей выгоды и осуществленія замысловъ своей партіи. Съ его помощью Репнинъ заставлялъ дѣйствовать вѣчно выпивавшаго Радзивила. Своимъ громаднымъ ростомъ, чертами лица и обхожденіемъ, вызывавшими въ воображеніи образъ одного изъ хановъ рода Чингиса, онъ поражалъ толпу, которая преклонялась передъ его богатствами, еще очень значительными, передъ его именемъ, столь уважаемымъ въ Литвѣ нескони вѣковъ. Тогда папскимъ нунціемъ въ Польшѣ былъ Дурины. Итальянецъ по рожденію, но воспитанный во Франціи, онъ не отличался примѣрнымъ личнымъ поведеніемъ и былъ отвратительной скупости; краснорѣчивый и горячій, онъ по своему званію держался въ дѣлѣ диссидентовъ взгляда противоположнаго роли Репнина и утромъ 5 Октября (24 Сентября), въ день, назначенный для открытія сейма, посѣтилъ нечаянно кн. Радзивила, къ которому обратился съ очень сильною рѣчью, на столько возбудившею многочисленныхъ слушателей, что поднялся общій крикъ, требовавшій, чтобы нунцій благословилъ, именемъ папы, рѣшенія принятія присутствовавшими сопротивляться требованіямъ Репнина, даже подвергая жизнь опасности. Не предупрежденный въ время Репнинъ прибылъ къ Радзивилу вскорѣ послѣ рѣчи нунція. При его входѣ тысяча голосовъ закричали ему, чтобъ онъ не стѣснялъ правъ и вольности сейма. Онъ хладнокровно отвѣчалъ, что вовсе не стѣснялъ сейма, а желалъ, чтобы были назначены делегаты для переговоровъ съ нимъ по извѣстнымъ предметамъ. Онъ убѣждалъ не кричать, такъ какъ въ противномъ

случаѣ онъ подыметъ крикъ громче тѣхъ, которые они слышали. При открытіи сейма Радзивиль велѣлъ прочесть проектъ акта, которымъ представлялось делегации право не только вести переговоры, но и кончить дѣло съ Репнинимъ по вопросу о диссидентахъ и о гарантіи.

Епископы Краковскій Солтыкъ, Холмскій—Турскій, Кіевскій—Залускій, архіепископъ Львовскій Сѣраковскій и гетманъ Ржевускій потребовали, чтобъ этотъ проектъ былъ напечатанъ и розданъ посламъ для обсужденія. Вслѣдствіе этого засѣданіе сейма было отложено, а въ это время побудили кн. Радзивила къ подкупу извѣстнаго рода подъ благовиднымъ предлогомъ его щедрости. Канцлеръ князь Чарторыйскій былъ вызванъ въ судъ конфедераціи по дѣлу, возбужденному противъ него самимъ Радзивиломъ. За отсутствіемъ канцлера, не явившагося въ судъ, состоялось противъ него заочное рѣшеніе, вслѣдствіе котораго по закону канцлеръ лишился права присутствовать на сеймѣ, а это обстоятельство его избавляло отъ необходимости участвовать въ разрѣшеніи вопроса о диссидентахъ. Между тѣмъ Радзивиль посѣтилъ съ большою свитою князя-канцлера, заявивъ ему, что онъ, для общаго блага, жертвовалъ своей выгодой, желая предать забвенію все неудовольствія, существовавшія между ними, и предложилъ Чарторыйскому уничтожить заочное рѣшеніе и тѣмъ дать ему возможность участвовать на сеймѣ его мудрымъ совѣтомъ. Канцлеру пришлось принять это предложеніе и выразить Радзивилу его признательность. Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ сейма Солтыкъ произнесъ очень пламенные рѣчи и видимо готовилъ какой-то замыселъ, который очень беспокоилъ Репнина. Тогда примасъ Подоскій сказалъ ему: „если вы не арестуете Краковскаго епископа своими войсками, вы никогда не исполните того, что вамъ поручено“. По словамъ Станислава-Августа*). Подоскій, только что назначенный архіепископомъ по настоянію Репнина на мѣсто умершаго Лубенскаго, былъ человекъ умный, болѣе просвѣщенный чѣмъ прочія духовныя лица въ Польшѣ, говорившій на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, но его нравственность не соответствовала его званію, а разпущенность доходила даже до самой явной непристойности. Онъ не особенно отличался началами честности. Онъ былъ не только орудіемъ въ рукахъ Репнина, но ближайшимъ его совѣтникомъ по его дѣламъ: онъ пользовался большими познаніями, пріобрѣтенными имъ въ Польскихъ законахъ, для ихъ обхода, что представлялось особенно удобнымъ въ виду ихъ дурно перевареннаго и плохо обдуманнаго изложенія и собранія.

*) Стр. 112.

Репнинъ, чувствовать однако, на сколько предложеніе Подоскаго было вопіюющимъ и опаснымъ, такъ какъ требовалось ни болѣе, ни менѣе какъ нарушить всякія права народовъ и на дѣлѣ дѣйствовать вопреки всѣмъ фразамъ столь многочисленныхъ декларацій и публичныхъ актовъ, которыми Императрица столько разъ завѣряла, что она уважала и готова была защищать права и свободы Польской націи вообще и каждаго изъ ея членовъ въ особенности.

Маршалъ Литовской конфедераціи Бржестовскій подалъ ему поводъ къ этому. Онъ только что былъ украшенъ Русскою голубою лентою, а какъ маршалъ Литовской конфедераціи онъ имѣлъ председательствовать на коронной, когда Радзивиль самъ устранялся отъ председательствования. Не смотря на зависимое положеніе, въ которомъ находился Радзивиль отъ лицъ его окружавшихъ, видно было, что нельзя будетъ ни въ какомъ случаѣ заставить его подписаться подъ просьбой на имя Репнина арестовать епископовъ и гетмана Ржевускаго (зятень котораго былъ Радзивиль). Бржестовскій принялъ на себя это ужасное порученіе и исполнилъ его, о чемъ стало извѣстнымъ въ обществѣ, не смотря на тайну, въ которую старались облечь его.

Онъ подписалъ, какъ будто отъ имени конфедераціи, просьбу Репнину о задержаніи этихъ четырехъ лицъ, которые и были арестованы слѣдующимъ образомъ. 13 Октября Игельстромъ (тогда еще полковникъ, прибылъ съ двумя-тремя сотнями Русскихъ солдатъ къ входу дома бывшаго маршала Мнишка), силою войдя въ покои и найдя въ нихъ епископа Солтыка, объявилъ ему, что онъ арестованъ и велѣлъ взять его подъ руки и посадить въ карету, которая отвезла его въ садъ при дворцѣ, гдѣ жилъ Репнинъ. Другой отрядъ, столь-же многочисленный, прибылъ въ домъ, въ которомъ находился гетманъ Ржевускій; по приказанію начальника отряда, его разбудили и когда онъ одѣлся, отвезли равнымъ образомъ въ тотъ же садъ вмѣстѣ съ его сыномъ Севериномъ, братъ котораго хотѣлъ было слѣдовать за нимъ, но Русскіе офицеры заставили его выйти изъ кареты, въ которую онъ уже сѣлъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ. Третій отрядъ, разбудивъ Кіевскаго епископа Залусскаго, отвезъ его въ тотъ-же садъ, откуда они всѣ были отправлены въ Калугу, гдѣ оставались пять лѣтъ. Залусскій былъ задержанъ по ошибкѣ: Репнинъ намѣревался схватить тогдашняго Холмскаго епископа Турскаго, считавшагося важнѣе Залусскаго, такъ какъ онъ сильно возставалъ противъ намѣреній Россіи и считался большимъ приверженцомъ Русскаго воеводы, тогда какъ Залусскій на этомъ сеймѣ прославился лишь фразой, сказанной имъ: „что панъ Кожуховскій (арестованный за рѣчь сказанную на сеймикѣ) былъ схваченъ за волосы какъ пророкъ Габарукъ, но не ангеломъ“. Это

показалось смѣшнымъ на сеймѣ, и самъ Репнинъ разсмѣялся, когда доложили ему о томъ; но разъ его схватили, Репнинъ не захотѣлъ дать новый приказъ.

На слѣдующій день, 14 Октября, Репнинъ заявилъ конфедерации, что арестованные унизили достоинство Императрицы, очернивъ чистоту ея намѣреній, совершенно дружески расположенныхъ по отношенію къ Польской націи и оберегавшихъ конфедерацию. Заявленіе кончалось увѣреніемъ, что Императрица обезпечивала за республикой всѣ ея владѣнія и ея права и за каждымъ его преимуществъ, а также обязывалась не править злоупотребленія, допущенныя, по мнѣнію Русскихъ. Польскимъ правительствомъ. Мало по малу все улеглось, и занялись удовлетвореніемъ желаній Императрицы. Примасъ Подоскій предложилъ проектъ лимитаціи и уполномочія для тѣхъ, которые должны были устроить новую форму правленія совмѣстно съ Репнинымъ или скорѣе подъ его диктовку. Присутствіе Русскихъ войскъ возымѣло такое дѣйствіе, что одинъ лишь Бельскій посоль Вишневецкій потребовалъ, чтобъ делегатамъ было предоставлено право только вести переговоры съ Репнинымъ, но ничего не заключать. Такъ какъ ни одинъ голосъ его не поддержалъ, то законъ былъ принятъ и сеймъ былъ отложенъ до 1 Февраля 1768 года. Въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ делегаты занялись составленіемъ конституціи такъ называемой 1768 г., которая заключалась въ основныхъ законахъ, въ преимуществахъ, предоставленныхъ диссидентамъ и въ гарантіи ихъ неприкосновенности. Съ 1 Февраля по 5 Марта 1768 засѣданія сейма были пустою формальностію. 27 Февраля началось чтеніе всей составленной конституціи; оно продолжалось по 5 Марта, когда Радзивилъ спросилъ, одобряетъ ли ее сеймъ. По обычаю слово „згода“ было произнесено трижды пятью или шестью голосами; всѣ остальные хранили глубокое молчаніе.

Этотъ сеймъ, обыкновенно называемый Репнинскимъ, испортилъ то, что опредѣлено было сеймомъ 1764 г. Главнымъ образомъ *liberum veto*, возстановленное уже въ 1766, было подкрѣплено всей гарантіей Россіи съ той только разницей, что законъ Вильгорскаго 1766 г. ничѣмъ не ограничивалъ этого пагубнаго постановленія, тогда какъ законъ 1768 г. ограничилъ его государственными дѣлами. Но эти дѣла столь многочисленны и столь важны, что они поглощали все самое существенное въ управленіи государствомъ. Преимущества подскарбіевъ и гетмановъ не были имъ возстановлены полностью, въ томъ видѣ, въ какомъ они ими пользовались при Августѣ III, но ихъ предѣлательскія права въ коммисіяхъ финансовой и военной были увеличены въ объемъ далеко болѣе значительномъ, чѣмъ законы 1764 г. ихъ опредѣлили, что имѣло очень пагубное вліяніе на внутреннее управле-

ніе этихъ отраслей. Подскарбін получили значительные оклады, большія пенсіи были ассигнованы лицамъ, принадлежавшимъ къ Саксонской партіи, которыя оказали въ этомъ году большія услуги Россіи. По требованію Русскаго правительства маршаламъ конфедераціи Радзивилу и Бржестовскому были сдѣланы громадныя пожалованія въ награду за ихъ заслуги государству. Князь Репнинъ, наградивъ всѣхъ тѣхъ, которые ему были полезны въ чемъ либо, велѣлъ записать одинъ лишній милліонъ на приходъ короля. Узнавъ о томъ, король спросилъ Репнина, на какомъ основаніи онъ это сдѣлалъ безъ его просьбы. Репнинъ въ своемъ отвѣтѣ далъ ему почувствовать, что онъ сдѣлалъ это, чтобъ утѣшить короля за всѣ тѣ непріятности, которыя причинены ему въ Радомѣ и Варшавѣ. Король ему возразилъ, что ничто не могло его утѣшить въ томъ, что *liberum veto* было утверждено. Онъ отлично понималъ, что причина этой щедрости заключалась исключительно въ желаніи увѣрить общество, что король добровольно способствовалъ всему совершенному этимъ сеймомъ; но онъ тѣмъ менѣе желалъ умноженія своихъ доходовъ, что оно показалось бы обществу и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось-бы лишнимъ препятствіемъ къ умноженію войскъ республики. Выслушавъ эти возраженія, Репнинъ замѣтилъ, что если король упрямятствовалъ, отказываясь отъ этого подарка, ему придется раскаться вельдѣствіе всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя Русское правительство расточало для того, чтобы повредить королю и въ томъ, что его лично касалось, равно въ томъ, что относилось къ князьямъ Чарторыйскимъ и многимъ другимъ, которыми онъ интересовался. Когда-же король представилъ Репнину, что расходы, столь щедро имъ назначенные, далеко превышали дѣйствительные доходы, Репнинъ ограничился указаніемъ, что слѣдовало найдти средства установленіемъ новыхъ налоговъ.

По разсказу Станислава-Августа *), задержаніе четырехъ членовъ сейма произведено исключительно по распоряженію Репнина. Оно немало смутило всѣхъ въ Петербургѣ. Но разъ оно совершилось, Императрица не нашла приличнымъ явно отказываться отъ того, что сдѣлалъ ей посоль. „Она, говоритъ Станиславъ-Августъ, предпочла воспользоваться послѣдствіями страха, возбужденнаго превышеніемъ ея власти, въ то время, когда всѣ Европейскіе дворы ей предоставляли полную свободу, съ трудомъ переживая ужасныя потрясенія, причиненныя Семилѣтнею войною“.

Репнинъ, по словамъ Станислава-Августа, игралъ въ Варшавѣ, во время сейма, роль тѣхъ Римскихъ пословъ, которые послѣ Пуническихъ войнъ являлись вершителями судебъ государей и народовъ въ

*) Т. IV, рукопись, стр. 150.

Азіи. Подъ вліяніемъ удачи, молодости, порывости своего нрава, лести развращенныхъ людей, которые сдѣлались орудіемъ въ его рукахъ, онъ сталъ злоупотреблять преимуществами своего официального положенія. Иногда, по высококомѣрію, онъ обижалъ даже своихъ лучшихъ друзей, но въ корысти его упрекнуть было невозможно. Умѣя нравиться дамамъ, онъ былъ просвѣщеннѣе и во многомъ утонченнѣе большинства своихъ соотечественниковъ; какъ военный онъ уже прославился въ походахъ противъ Фридриха II, въ которыхъ онъ участвовалъ, и въ его войскахъ; какъ министръ, онъ отличился при томъ-же Прусскомъ королѣ въ послѣдній годъ Семилѣтней войны; онъ былъ любимый племянникъ графа Панина; все ему улыбалось, и за всемъ этимъ основной его характеръ, который былъ замѣчательно хорошій, испортился до такой степени, что нельзя было предвидѣть той удивительной перемѣны, которая произошла въ немъ двадцать лѣтъ спустя, когда, поды вліяніемъ горя*), разсужденій, чтенія онъ не только отрекся отъ ученія вольподумцевъ, которому онъ слѣдовалъ въ 1768 г., но сдѣлался мужемъ справедливымъ, отзывчивымъ и дѣйствительно добрымъ.

При этомъ Станиславъ-Августъ разсказалъ, что 28 лѣтъ послѣ событій этого сейма 1768 г., а именно 6 Декабря 1795 г. Репинъ находился въ Гроднѣ у него за столомъ между его сестрою Браницкою и племянницею Мнишекъ. Случайно между ними разговоръ зашелъ о Северинѣ Ржевускомъ, и Репинъ разсказалъ этимъ дамамъ (настолько громко, что король, сидѣвшій за три мѣста отъ него, могъ слышать) что когда Ржевускій, сдѣлавшійся съ той поры гетманомъ и пріѣзжавшій въ Петербургъ въ 1792 г. за помощію по Торговицкому предпріятію и, по его словамъ, чтобъ отметить королю за его арестъ въ 1767 г. и ссылку (которые онъ приписывалъ Станиславу-Августу), обратился къ Императрицѣ; то она, желая избѣгнуть непріятнаго разговора, послала Ржевускаго къ нему, Репину. Между ними произошелъ слѣдующій діалогъ: Ржевускій: „не по предложенію ли короля въ 1767 г. велѣли вы схватить меня съ тремя другими?“ Репинъ: „Нѣтъ“. Ржевускій: „не дѣйствовали-ли вы по приказанію Императрицы?“ Репинъ: „Нѣтъ“. Ржевускій: „Кто-же васъ побудилъ къ этому?“ Репинъ: „Я самъ рѣшился на то“. Ржевускій: „Я теперь вижу, насколько вы человекъ откровенный“. „Это свидѣтельство. пишетъ Станиславъ-Августъ, сдѣланное совершенно неожиданно, служить новымъ доказательствомъ замѣчательно-прямого характера Репина“.

С. Горяиновъ.

*) Смерть дочери. П. Б.

КЪ ИСТОРИИ ЦЕНЗУРЫ.

Выписка изъ журнала Московскаго Цензурнаго Комитета
Апрѣля 10-го дня 1831 года.

Слушали: Отношеніе его свѣтлости г. министра Народнаго просвѣщенія¹⁾, отъ 31-го Марта сего года, за № 135 на имя его сіятельства г. попечителя, въ коемъ прописывается слѣдующее: „въ слѣдствіе объявленнаго мнѣ г. генераль-адъютантомъ Бенкендорфомъ высочайшаго повелѣнія покорнѣйше прошу ваше сіятельство вмѣнить Московскому Цензурному Комитету въ обязанность, когда бы представлена была къмѣ-либо на разсмотрѣніе цензуры книга или художественное произведеніе, клонящееся къ распространенію безбожія или обнаруживающее въ сочинителѣ или художникѣ нарушителя обязанностей вѣрноподаннаго и показывающее духъ неблагонамѣренный, о семъ немедленно извѣщать высшее начальство, для учрежденія за виновнымъ надзора или же преданія его суду по законамъ.

Опредѣлено: Отношеніе его свѣтлости г. министра народнаго просвѣщенія принять къ должному и непремѣнному исполненію, для чего всѣмъ г.г. цензорамъ дать выписки сей статьи изъ журнала, чтѣ симъ исполняется.

Секретарь адъюнктъ Щедритскій.

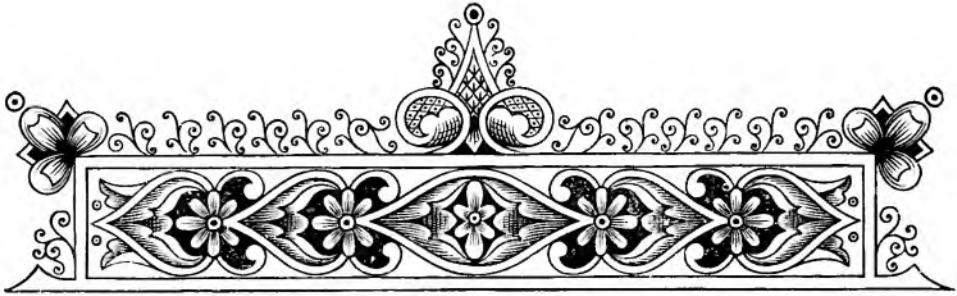
Его высокоблагородію С. Т. Аксакову.

(Сообщено Н. С. Аксаковымъ).

Бумага небольшая, но для историка цѣнная. Писана она въ самый разгаръ Польскаго мятежа, которому Пушкинъ придавалъ столь важное значеніе, что приравнивалъ его къ 1822 году. Этою бумагою начинается цензурное гоненіе на Русскую печать, которое повело насъ къ тому, что не прошло и пяти лѣтъ, какъ основать новый журналъ было воспрещено, и это продолжалось до 1855 года (когда, по ходатайству графа Блудова, Н. М. Катковъ получилъ разрѣшеніе издавать „Русскій Вѣстникъ“). Главными дѣятелями печати сдѣлались у насъ Булгаринъ и Сенковский, находившіе покровительство въ Третьемъ Отдѣленіи Государевой Канцеляріи, гдѣ свили себѣ гнѣздо Поляки. Завѣты Екатерины Великой о томъ, какъ съ ними слѣдуетъ обходиться, были совсѣмъ забыты. П. Б.

¹⁾ Князя Ливена.

²⁾ Князя С. М. Голицына. Цензура тогда находилась въ Вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. П. Б.

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА КУРСКАГО ПОМЪЩИКА.

Загробный поэтический голосъ за невинно-осужденнаго отца.

Издаваемая здѣсь стихотворная повѣсть или поэтическая быль сообщена намъ въ рукописи при слѣдующемъ поясненіи военного инженера, капитана Владимира Николаевича Полянскаго.

„Въ 1812 г. дворянинъ Осодоръ Ширковъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ и почетомъ въ Курской губерніи, былъ обвиненъ въ убійствѣ своей любовницы (дочери сосѣда) и сосланъ въ Сибирь на каторгу, а потомъ поселенъ въ Тобольскѣ, гдѣ и умеръ. Молва гласила, что убійство было совершено не имъ, а по приказанію его кучеромъ, который совершилъ убійство, отвозя сосѣдку ночью домой.

Рукопись написана сыномъ О. Ширкова. Въ ней онъ старается доказать, что отецъ его невинно осужденъ по проискамъ Львовскихъ властей.

Дѣйствительно, молва говоритъ, что противъ Ширкова былъ сильно вооруженъ губернаторъ г. Курска, съ которымъ онъ однажды предѣлалъ слѣдующее: подъ предлогомъ посмотрѣть, какъ прекрасно устроена его новая карета, Ширковъ предложилъ губернатору влѣзть на козлы, и когда послѣдній это сдѣлалъ, то онъ приказалъ кучеру гнать лошадей и проѣхать по главной улицѣ Курска съ губернаторомъ на козлахъ...

Мѣстность, описываемая въ рукописи, находится въ Львовскомъ уѣздѣ Курской губерніи, гдѣ деревня Макаровка. Усадьба была расположена на крутомъ берегу р. Сейма; отъ нея теперь остались только слѣды фундамента большого дома. Рѣчка, называемая въ рукописи „Теребовль“, на картѣ обозначена теперь „Теребля“.

О. Ширковъ жилъ въ Тобольскѣ, какъ говорятъ, въ довольствѣ. Хотя на каторгѣ онъ вторично женился, но его первая жена Настасья Петровна, рожденная Ртищева, всю жизнь о немъ заботилась, посылала ему лошадей, экипажи, деньги и трогательныя письма.

Прилагаемая рукопись найдена мною въ бумагахъ моего дѣда, Николая Ивановича Полянскаго, которому Ѳ. Ширковъ приходился тестемъ: моя родная бабка по отцу Анна Ѳеодоровна была дочерью Ѳ. Ширкова.

Къ сожалѣнію, рукопись безъ начала и конца, хотя эти пробѣлы не отнимають у нея цѣльности и содержательности.

В. Н. Полянский“.

*

Печатаемое ниже произведеніе принадлежитъ сыну главнаго дѣйствующаго лица разсказанной здѣсь драмы, В. Ѳ. Ширкову, задавшемуся цѣлью обфлить своего отца и очистить его память отъ лежащаго на ней по волѣ судьбы темнаго пятна.

Для историческаго освѣщенія кровавой драмы, разыгравшейся въ одномъ изъ уголковъ Курской губерніи въ началѣ прошлаго вѣка, могутъ послужить нѣсколько найденныхъ нами источниковъ и матеріаловъ бытовой старины.

Въ „Чтеніяхъ Моск. О. Ист. и Др. Рос.“ за 1873 г. (кн. I, отд. Смѣсь), напечатанъ документъ подъ заглавіемъ „Прошеніе на высочайшее имя Льговской помѣщицы Алтуховой о дочери“¹⁾. Въ немъ Марія Алтухова проситъ Государя (т. е. Александра I) о пересмотрѣ уголовнаго дѣла объ убійствѣ ея дочери, совершенномъ въ 1812 г., по ея убѣжденію, помѣщикомъ Курской губ. Ѳеодоромъ Ширковымъ (бывшимъ съ этою дочерью въ связи), успѣвшимъ однако, благодаря своему богатству и подкупу (на это имъ истрчено-де 200000 руб.) такъ зацутать дѣло, что онъ былъ оправданъ высочайше утвержденнымъ рѣшеніемъ Государственнаго Совѣта. Несчастливая мать, желая возстановить попорченную по ея убѣжденію истину, проситъ вновь раземотрѣть дѣло или подвергнуть Ширкова и его жену, при ней и представителѣ губернской администраціи, очистительной присягѣ на мѣстѣ преступленія, что они точно неповинны въ крови ея дочери. Въ прошеніи сказано, что прилагается для прочтенія и записка ея; но, по замѣчанію редакціи „Чтеній“, таковой при немъ не оказалось.

Въ тѣхъ же „Чтеніяхъ М. О. И. и Д. Р.“ за слѣдующій 1874 г. (кн. I) помѣщена въ „Смѣси“ статья Ѳ. П. Винницкаго „Разсказы изъ былого времени“, и здѣсь между прочимъ (ст. III) разсказъ: „Дѣло о богатомъ помѣщикѣ Курской губ. Ѳеодорѣ Ширковѣ“. Тутъ разсказывается въ общихъ чертахъ исторія всей этой драмы, причеь убійцей признается несомнѣнно Ширковъ, котораго авторъ характеризуетъ въ самыхъ темныхъ краскахъ, называя его „ужаснымъ дѣятелемъ“ и помѣщикомъ, отличавшимся „необыкновенной жестокостью въ обращеніи съ своими подданными“.

Разсказъ этотъ основанъ, судя по явнымъ ошибкамъ и фактическимъ невѣрностямъ²⁾, обнаружившимся изъ судебного слѣдствія, на смутныхъ

¹⁾ Безъ даты; оно, по имѣющимся даннымъ, относится къ 1820 г.

²⁾ Даже имя пострадавшей передается невѣрно Ольга, тогда какъ ее звали Маріей.

преданіяхъ и устной молвъ, исходящихъ притомъ видимо изъ противной, недоброжелательной къ Ширковымъ, стороны. Въ этомъ разсказѣ есть, правда, нѣсколько подробностей и чертъ, которыя, быть можетъ, имѣютъ подъ собою реальную почву, но въ общемъ тутъ видны и путаница въ изложеніи, и очевидная тенденціозность.

Приведенными сообщеніями еще не исчерпываются печатные матеріалы о дѣлѣ Ширкова. Въ 1876 г. вышла книга „Хроника недавней старины. Изъ Архива Князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго“, посвященная біографическимъ матеріаламъ о Юр. Алекс. Нелединскомъ-Мелецкомъ (статсъ-секретарь, сенаторъ и почетномъ опекунѣ). Въ ней, въ Приложеніяхъ (IV), очевидно въ виду той дѣятельной роли, которую игралъ въ судебномъ процессѣ (въ Сенатѣ) Нелединскій-Мелецкій и по поводу одной выдержки изъ письма его объ этомъ дѣлѣ¹⁾, помѣщено въ сжатомъ извлеченіи все „Дѣло объ убійствѣ въ Курской губерніи въ Львовскомъ уѣздѣ дворянской дочери Маріи Алтуховой, въ чемъ обвиняется бывшій тамошній помѣщикъ губернской секретарь Ширковъ“. Дѣло хранится въ архивѣ Правительствующаго Сената²⁾.

Таковы печатныя данныя объ этомъ любопытномъ процессѣ. Изъ нихъ явствуетъ, что, послѣ вторичнаго разбора въ Сенатѣ этого крайне запутаннаго дѣла, по ходатайству матери пострадавшей, Ѳ. Ширковъ, не взирая на значительное разногласіе сенаторовъ³⁾ и не безъ давленія со стороны Комитета Министровъ и министра юстиціи, былъ дѣйствительно осужденъ и сосланъ въ Сибирь на каторгу, а затѣмъ поселенъ въ Тобольскѣ, гдѣ и умеръ.

Однакожъ истина въ этой кровавой драмѣ и вопросъ, былъ-ли Ширковъ дѣйствительно виновенъ въ убійствѣ, всетаки остались невыяснены. Извѣстно одно, что самъ Ширковъ до конца и на судѣ и на исповѣди, передъ Крестомъ

¹⁾ См. „Хроника недавней старины“ Сиб. 1876, стр. 247—8. „У насъ въ Сенатѣ, пишетъ Н.-М., дѣло такое, которое до того меня занимаетъ, что во все время я ночи просиживалъ его читая; а оно на нѣсколько тысячи листахъ и до крайности запутано. Смертоубійство сдѣлано было назадъ тому 9 лѣтъ. По оному, за нѣсколько же лѣтъ 4 человека сосланы на каторгу; а нынѣ, по имянному указу, было новое слѣдствіе, для котораго сосланные съ каторги привезены и изъ нихъ трое найдены невинными; а прямого преступника, во всей точности, еще услѣдить не можно. Если спросить по совѣсти, то каждый изъ насъ его укажетъ; но для законнаго осужденія сего недостаточно, и мѣра преступленія до сихъ поръ, по запутанности дѣла, неизвѣстна. Однако мы надѣемся, что Богъ поможетъ. Не можешь повѣрить, сколько это насъ занимаетъ. И просыпаясь и засыпая все объ этомъ невольно думаю“. Самое дѣло тамъ-же, Приложение IV, стр. 378—393.

²⁾ Сенаторъ Нелединскій-Мелецкій, въ окончательномъ мнѣніи вмѣстѣ съ большинствомъ, высказался за то, что, въ виду отсутствія прямыхъ уликъ, „слѣдуетъ о причастности къ убійству его, Ширкова, предать суду Божью, оставя его по сему обстоятельству въ сильномъ подозрѣніи“, а наказаніе (ссылку на поселеніе) наложить за разные его противозаконные поступки.

³⁾ Оно составляетъ 8 томовъ; одинъ всеподданнѣйшій докладъ Сената по сему дѣлу писанъ на 525 листахъ.

и Евангелиемъ, не призналъ своего участія въ убійствѣ и что въ семьѣ Ширковыхъ, у его дѣтей и потомковъ, оставалось непоколебимымъ убѣжденіе, что ихъ отецъ и предокъ пострадалъ безвинно.

У О. Ширкова былъ сынъ Валеріанъ Федоровичъ, который въ эпоху событія былъ 7-ми лѣтнимъ мальчикомъ и, какъ оказывается теперь, невольнымъ свидѣтелемъ одного изъ эпизодовъ драмы, служащаго, по его убѣжденію, доказательствомъ совершенной непричастности его отца къ убійству Марьи Алтуховой, о чемъ у него сохранялись, правда, дѣтскія, но вполнѣ отчетливыя воспоминанія, заставившія его (на ряду съ заѣздами его отца) въ теченіе всей своей жизни добиваться пересмотра дѣла, каковой долженъ былъ, какъ онъ надѣялся, совсѣмъ облить невинно осужденнаго. Къ его великому горю, старанія эти не увѣнчались успѣхомъ.

Обо всемъ этомъ мы узнаемъ изъ упомянутой случайно найденной въ семейномъ архивѣ потомковъ Ширкова рукописи: это стихотворное произведеніе его сына Валеріана Федоровича, сообщенное намъ его правнукомъ по женской линіи В. Н. Полянскимъ, знавшимъ ранѣе объ этой исторіи лишь изъ семейныхъ преданій.

Стихотворная былъ В. О. Ширкова, и въ томъ не совсѣмъ полномъ видѣ, какъ она сохранилась, заслуживаетъ вниманія не только по существу и основной мысли своей, какъ попытка этимъ путемъ нравственно реабилитировать отца своего въ глазахъ потомства и общественнаго мнѣнія, что, надо признать, въ извѣстной мѣрѣ и удастся ему, если принять въ соображеніе всю совокупность выясняющихся обстоятельствъ и показаній рядомъ съ непризнаніемъ до конца за собой вины самимъ Ширковымъ и съ убѣжденностью его близкихъ. Она несомнѣнно весьма интересна еще и въ литературномъ отношеніи, какъ произведеніе, въ общихъ и въ отдѣльныхъ (особенно нѣкоторыхъ) частяхъ своихъ, отличающееся крупными поэтическими достоинствами и проблесками несомнѣннаго таланта, а равно и въ своихъ бытовыхъ подробностяхъ и характеристикахъ (напр. истор. героя Кульнева), своимъ историко-бытовымъ характеромъ, не говоря объ автобіографическомъ ея значеніи. Объ авторѣ В. О. Ширковѣ мы нашли нѣсколько біографическихъ данныхъ, благодаря его дружескимъ отношеніямъ и сотрудничеству съ нашимъ гениальнымъ композиторомъ М. И. Глинкой, для котораго онъ сочинялъ либретто къ оперѣ „Русланъ и Людмила“. Въ „Русской Старинѣ“ за 1872 г. (кн. 5, стр. 300) были напечатаны имѣющія большой автобіографическій интересъ письма М. И. Глинки къ его другу В. О. Ширкову (1840—41 г.г.). При этомъ редакція „Р. С.“ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о Ширковѣ, доставленныхъ ей его сыномъ В. В. Ширковымъ *). В. О. былъ почитателемъ, другомъ и сотрудникомъ Глинки, поручившаго ему составленіе либретто для его гениальной оперы, и отношенія къ нему композитора бросаютъ выгодный свѣтъ на нравственную личность этого человѣка.

*) Внукъ его В. В. Ширковъ, бывъ въ послѣднюю войну уполномоченнымъ Краснаго Креста отъ общедворянской организаціи, палъ въ Мукденскомъ бою 25 Февраля 1904 г.

Полковникъ генер. штаба В. О. Ширковъ (род. 1805 г. ум. 11 Марта 1856 г.) былъ помѣщикомъ Харьковской губ., Волчанскаго уѣзда (с. Хатнея), гдѣ онъ, по выходѣ въ отставку, и провелъ нѣсколько лѣтъ. Туда и писалъ ему Глинка. Здѣсь онъ и работалъ для его безмертной оперы.

Большой любитель литературы, въ душѣ поэтъ, В. О., по всему видно, охотно и легко набрасывалъ стихи, но былъ настолько скромнень, что никогда ихъ не печаталъ. Рядомъ съ науками и литературой, онъ увлекался и искусствами, не только музыкой, но и живописью; онъ самъ весьма недурно рисовалъ акварелью. Вообще все, что мы о немъ знаемъ, говоритъ о разностороннемъ образованіи, умственной отзывчивости и талантливости его.

Жена Ширкова, Александра Григорьевна, рожденная Хитрово, о которой часто упоминаетъ Глинка въ своихъ письмахъ, была хорошая музыкантша.

Нашъ славный композиторъ весьма уважалъ и цѣнилъ обоихъ супруговъ, съ которыми связанъ былъ узами тѣсной и искренней дружбы¹⁾. Вотъ слѣдовательно, каковъ былъ авторъ издаваемой рукописи.

Эта стихотворная бытовая повѣсть автобіографическаго характера состоитъ изъ 12 главъ (первая—безъ начала, послѣдняя безъ конца²⁾) и написана бѣлыми стихами, прекраснымъ образнымъ языкомъ. Въ ней, какъ сказано, много поэтическаго настроенія, яркихъ образовъ и картинъ, особенно въ описаніи дѣтства автора, дворянскаго быта, народныхъ повѣрій и историческихъ преданій, связанныхъ съ театромъ дѣйствія. Это самыя яркія мѣста повѣсти. Гораздо слабѣе въ литературномъ отношеніи тѣ мѣста, которыя относятся къ фактамъ самой драмы, ея перипетій и послѣдствій, и затѣмъ тѣхъ мѣръ, которыя принимались Ширковымъ для раскрытія истины и оправданія его отца. То, что не давало матеріала и почвы для поэтическаго подъема и для полѣта воображенія, вышло, конечно, болѣе сухо и прозаично. Но, какъ бы то ни было, произведеніе это настолько любопытно и въ него вложено столько художественнаго чутья, искренняго чувства и вдохновенія, а также знанія народнаго быта и горячаго патріотизма, что оно можетъ заинтересовать не только любителя нашей бытовой старины, но и всякаго литературно-образованнаго читателя.

К. Гротъ.

¹⁾ Любопытно, что, если вѣрить автору вышеупомянутаго разсказа о дѣлѣ Ширкова, г. Винницкому, по странной игрѣ случая, лицомъ, писавшимъ всеподданнѣйшую просьбу отъ имени матери убитой Алтуховой, и слѣдовательно принимавшимъ въ ней участіе и помогавшимъ ей возобновить дѣло противъ О. Ширкова, былъ не кто иной, какъ извѣстный писатель О. Н. Глинка.

²⁾ Впрочемъ, повидимому, не достаетъ и тутъ и тамъ очень малаго, быть можетъ, нѣсколькихъ стиховъ.

Г л а в а I-я.

Эта гора называется Лысой, отсюда
Виды прелестны и стоили-бъ кисти искусной.
Днемъ по тропинкѣ, идущей съ вершины до Сейма,
Сходить за свѣжей водою изъ ближняго поля
Пахарь усталый, порой молодая крестьянка
Съ полнымъ кувшиномъ душистой лѣсной земляники,
Или прохожій ко Льгову проселкомъ идущій.
Но за горами лишь только день ясный погаснетъ
И надъ рѣкою туманы, какъ блѣдныя тѣни,
Въ бѣлыхъ покровахъ сберутся, а звѣзды заблещутъ
Въ сводахъ лазури, и мѣсяцъ на темномъ востокѣ
Краснымъ щитомъ зарумянитъ далекій край неба,
Къ Лысой горѣ селянинъ подойти не рѣшится
Ни за какія сокровища міра. И точно,
Что за охота въ невѣрный часъ ночи увидѣть
Черную галку, которая утромъ въ деревнѣ
Старую бабой сидитъ у воротъ съ самопрялкой;
Или медвѣдя, который въ лѣсу караулитъ
Кладъ недоступный ни даже попу въ облаченіи!
Противъ горы, черезъ Сеймъ, на широкой долинѣ
Старая церковь видна; тамъ за нею селенье,
А передъ садомъ домъ каменный съ черною крышей,
Съ оранжереей, съ двумя флигелями и псарней;
Старый сосѣдь нашъ безъ ней бы на свѣтѣ не прожилъ.
Вотъ перевозъ, вотъ подалѣ обрывы,
А подъ обрывами въ чащѣ гремячій колодезь.
Ночью, когда поселяне на память Купалы
Бочки съ смолою зажгутъ, а мальчишки толпою
Прыгаютъ черезъ вязанки горящей соломы,
Бабы и дѣвки идутъ хороводомъ къ колодезю:
Пѣснями Леля и Ладу и Дида возносятъ,
Не понимая, кто Ладо, не зная, что Лелю
Каждая служить конечно и вѣрой и правдой,
Всѣ погружаютъ въ колодезь съ надеждой и страхомъ
Въ даръ—кто кольцо, кто монеты, кто мѣдныя серьги,
Даже хлѣбъ, иль отъ свадьбы кусокъ каравая,
Тайныя мысли ключу повѣряя съ мольбой.
Чудный колодезь, дары поглащая, какъ прежде
Чистъ и прозраченъ, какъ прежде кипитъ не смолкая.
Много вѣковъ, можетъ, этотъ обычай ведется;
Можетъ, тутъ вѣкогда идолу капище было.

Право въ колодцѣ не худо бы было порыться.
 Ближе къ селеню два лѣса; большая дорога
 Дѣлитъ ихъ накосъ; тотъ лѣсъ что налѣво—Чернецкій.
 Слышалъ или гдѣ-то читалъ я, что старый игумень
 Здѣсь укрывался съ печальною братьей во время
 Буйства Ахмета, который баскакомъ отъ хана
 Властвовалъ въ Рыльскѣ, терзая всю Курскую область.

Тяжкое время то было! Тринадцать богатыхъ,
 Сильныхъ бояръ безъ суда и расправы погибло
 Смертью постыдной, безъ рукъ и безъ ногъ на деревьяхъ;
 Нивы, богатыя жатвой, и села пылали;
 А на кладбищахъ въ могилы одна за другою
 Тысячи жертвъ отъ меча и болѣзни сходили!
 Взглянемъ, мой путникъ, еще на зеркальныя воды:
 Это рѣка Теробовль. За другою плотиною
 Видны холмы и лѣса, тамъ начало потока;
 Русская Клію названья его не забыла:
 Въ юности лѣтопись нашихъ царей изучая,
 Вѣрно ты съ грустью читалъ о слѣпцѣ Теробовльскомъ,
 Чувствамъ его и святому терпѣнью дивяся;
 Можетъ быть, плакалъ, читая, какъ бѣдный Василько
 Гнусныхъ злодѣевъ молилъ, чтобъ кровавой одежды
 Съ тѣла его не снимали, желая предъ Богомъ
 Въ ней на послѣднемъ, великомъ судѣ показаться.
 Можетъ быть, княжескій теремъ его находился
 Тамъ, гдѣ теперь на террасахъ ты видишь
 Домъ окруженный садами. Отворимъ калитку...

Слѣдуй за мною... Вотъ здѣсь мнѣ родное кладбище:
 Мраморный памятникъ, кроющій прахъ моихъ дѣдовъ,
 Скоро развалится!.. Добрый мой путникъ! Ты вѣрно
 Не испытать, какъ ужасно родныя намъ кости
 Въ чуждыя руки навѣкъ передать и утратить
 Даже печальное право свободно молиться
 Надъ бѣднымъ, холоднымъ ихъ прахомъ. Вотъ церкви
 Съ кровлей согнившей, съ кривой колокольней. О, Боже!
 Такъ ли здѣсь было, когда, покидая впервые
 Домъ мой родимый, я въ церковь зашелъ помолиться!
 Думалъ ли я, беззаботный, счастливый младенецъ,
 Что, возвращаясь къ отцовскому крову, я буду
 Чуждый ему, какъ незванный пришлецъ съ того свѣта?
 Въ домѣ какое безмолвье! Обои клоками,
 Точно одежда на нищемъ, висятъ въ паутинѣ;
 Тлѣющій полъ подъ ногами трещить; а въ окошкахъ
 Стекла разбиты и вѣтеръ свободно гуляетъ

Тамъ, гдѣ намъ, дѣтямъ, бывало тепло и пріютно.
 Страшно, какъ будто живому въ гробницѣ!
 Хочется думать, что все это сонъ, и что чувства
 Страшной мечтой смущены, что мой взоръ отуманенъ.
 Что на призывъ мой по прежнему сестры сбѣгутъ
 Рѣзвой толпою съ разспросомъ и лаской; за ними
 Добрая мать, и старушка Григорьевна, няня...
 Тщегно зову! Все мертво и безмолвно, какъ прежде,
 Только знакомый мнѣ воздухъ порою повѣетъ
 То на чело, то на влажныя очи, а эхо
 Взоритъ печально за мной безотвѣтные клики...

Г л а в а П.

There are more things, in heaven and earth, Horatio,
 Than are dreamt of in your philosophy.

Shakespeare.

Еслибъ на крыльяхъ могучей, торжественной бури
 Велѣдъ за мечтою могли мы, какъ прахъ, вознестися
 Къ сводамъ лазури, въ прозрачныя бездны ээира,
 Такъ далекò, чтобы наша родная планета,
 Намъ показалася новой небесной звѣздой,
 Въ хорѣ свѣтилъ, украшающихъ вѣчное небо:
 Вѣрно-бъ мы тотчасъ печальный нашъ шаръ угадали,
 Вѣрно лучи его блѣдны и ликъ отуманенъ!
 Въ грозную бурю, когда съ берегами воюетъ
 Мрачное море, вѣрно не оиъ чрезъ пучины
 Къ пристани тихой пловцовъ бы направилъ, и что же?
 Наше изгнаніе, нашу темницу мы любимъ,
 Съ ними разстаться намъ жалко, какъ будто къ печали
 Душу намъ такъ же легко пріучить, какъ къ веселью.

Не оттого-ль, что несчастъ не вѣчно, что солнце
 Рано-ли, поздно-ли черныя тучи разгонитъ
 И улыбнется природа? Что смятыя розы
 Вновь издадутъ ароматы, расправи листочки,
 А возмущенныя воды, опять успокоятся,
 Въ лонѣ своемъ отразитъ безмятежное небо?...
 Не оттого-ли и мы, разлучаяся съ жизнью,
 Въ думахъ педолгій, но трудный нашъ вѣкъ пробѣгая,
 Можетъ, невольно мечтаемъ: ахъ, только-бъ до завтра!
 Завтра бы бурямъ конецъ, и тамъ бы намъ радость,
 Вѣрная радость!—и плачемъ о долъ печальной.
 Плачемъ о грустной землѣ, о тяжелой неволѣ,

Смотримъ въ тоскѣ на разбитыя цѣпи и мыслимъ:
Эти оковы влачатъ и намъ близкіе сердцемъ,
Эти желѣза порой укранились цвѣтами!

Есть на землѣ существа, благосклонныя смертнымъ,
Съ нами повсюду онѣ отъ младенческой люльки
И до послѣдней минуты предъ темной могилой.
Въ радости, въ скорби, въ чужбинѣ, въ отеческомъ домѣ,—
Всюду онѣ намъ отрада. Ихъ образъ прелестенъ,
Они ихъ полны любви; ихъ улыбка изгладитъ
Въ памяти цѣлые годы страданій, а рѣчи
Сердце наполнять надеждой того, кто надеждѣ
Вѣрить давно пересталъ. О, счастливецъ—кто съ ними
Душу сдружилъ! Кто въ холодномъ, суетномъ мірѣ
Тайной бесѣдѣ ихъ можетъ внимать съ наслажденьемъ:
Кто ихъ умѣлъ разгадать и увидѣть незримыхъ,
Ибо инымъ эти чада Эдема незримы,
Точно какъ Ангель Хранитель, хотъ онѣ и надъ нами.
Это не Нери роскошной долины Кашмира,
Это не духи безъ плоти, но что-то родное.
Близкое смертнымъ и смертное тоже; они-то
Днемъ облегчаютъ намъ трудъ, и заботы, и горе,
Ночью садятся съ любовью у нашего ложа,
Тихою гѣбенью веселые сны намъ наводятъ
И въ утомленную грудь утѣшенье вливаютъ;
Какъ же покинуть намъ ихъ, усладителей жизни.
Безъ сожалѣнья!... Но горе тому, кто схоронитъ
Ихъ до кончины своей! Для того опустѣтъ
Самое небо—не только что міръ или сердце.

Радость знакомства съ подобнымъ созданьемъ узналъ я
Съ самаго дѣтства: волшебница часто со мною
Игры и слезы дѣлила, являясь младенцемъ;
Вмѣстѣ росли мы, навѣтамъ страстей непокорныхъ
Вмѣстѣ внимали и дружно въ мечтахъ заблуждались;
Съ нею людей изучая, повѣрилъ я дружбѣ,
Чистой любви, безкорыстью и чести, и даже
Славѣ, которой ужъ мало кто вѣрить!
Эта чудная гостья зовется здѣсь Грѣза.
Грѣза украсила мнѣ эти горы и рощи,
Очаровала долину и на все наложила
Чудную прелесть, которую, добрый мой путникъ,
Можетъ быть, ты-бъ не замѣтить... но сила которой
Душу волнуетъ во мнѣ то весельемъ, то грустью,
Слезы порой вызывая, порою улыбку.

Г л а в а П л л .

Voici un singulier cas de monomanie...
La gaz. de Fr. 4 avr. 1834.

Разъ я въ постели лежалъ, а Григорьевна-няня
У моего изголовья сидѣла и, съ лаской
Глади меня и тихонько подушку качая,
Мнѣ говорила какую-то сказку; дремота
Сладко меня обнимала... Вдругъ матушка входитъ,
Няня привстала, а я поскорѣ зарылся
Носомъ въ подушку и слышу: „пора ему, няня,
Спать безъ качанья, безъ пѣсенъ и сказокъ; любимецъ
Твой не малютка, ужъ время ему и за книжку“.
Матушка вышла. Григорьевна тихо вздохнула,
Сѣла опять близь меня и качая сказала:
— „Сни, мой малютка; сегодня тебя побалую;
Завтра спать будешь одинъ“. — Я расплакался горько.
— „Полно! не плачь мой голубчикъ, а завтра подъ вечеръ
Вмѣстѣ пойдемъ на Гремучій; вотъ тамъ-то цвѣточковъ,
Бабочекъ пестрыхъ и птичекъ поющихъ прекрасно!
Въ волю набѣгавшись, скоро уснемъ безъ качанья!“
Цѣлую ночь я однако не спалъ, въ ожиданьи
Видѣть Гремучій, какъ будто волшебный колодезь
Иначе долженъ играть и кипѣть и холодной струею
Жемчугъ метать по цвѣтамъ и травѣ изумрудной.

День былъ прекрасный; румяное солнце катилось,
Прямо къ Черницкому лѣсу лучи украшая,
Тѣни ложились длиннѣй, но туманы отъ Сейма
Не поднимались, и пѣсни работавшихъ въ полѣ
Не раздавались еще по дорогѣ къ селенью.
Весело съ няней пустился я въ путь и прыжками
Мигомъ сбѣжалъ до плотины, смѣясь угрозамъ
Доброй старушки, съ трудомъ посиѣвавшей за мною.
Влѣво отъ лѣса сошли мы на лугъ, гдѣ на скатѣ
Въ Троицынъ день собираются дѣвки и парни
Пѣснями лѣто встрѣчать и плясать въ хороводѣ,
Или качаться на длинныхъ качеляхъ, къ которымъ
Ночью не всякій поидеть! Въ деревнѣ извѣстно
Съ давней поры, что изъ Сейма подъ кровомъ тумановъ,
Точно какъ лебеди пара за парой выходятъ
Къ этому мѣсту русалки: раскинуть по плечамъ
Кудри и косы златыя, какъ въ осени вѣтви
Гибкой плакучей березы, играютъ при свѣтѣ

Тихой дѣны и поютъ соловьями... И горе
 Бѣдному юношѣ, если онъ къ нимъ попадется!
 Силой возьмутъ на качели да крѣпко связавши,
 Такъ раскачаютъ высоко и страшно, что бѣдный
 Чуть не зацѣпнеть кафтаномъ за мѣсяць рогатый.
 А какъ начнутъ щекотать, такъ едва не до смерти;
 Къ утру жъ несчастный приходитъ какъ будто съ похмѣлья!
 — „Это не доброе мѣсто“, промолвила няня,
 Перекрестилась и мимо шаги ускорила.
 — „Вотъ и Гремучій! Ну бѣгай, голубчикъ, по травкѣ,
 Сестрамъ нарви незабудокъ, а мамѣ фіалокъ.
 Хоть ты не смыслишь, какъ этотъ цвѣточекъ присталь ей.
 Только смотри, осторожнѣй ходи близъ колодца:
 Дно его кажется, видишь, а дна не достанешь“.
 Няня усѣлась и, вынувъ чулокъ изъ кармана,
 Стала вязать, а я побѣжалъ подъ обрывы.
 Страшно взглянуть, какъ мѣстами окрѣпшая глина
 Выдалась сводомъ, грозя поминутнымъ паденьемъ;
 Кажется, что при малѣйшемъ давленіи сверху
 Весь этотъ кряжъ полетитъ и засыплетъ поляну;
 Тщетно однако же громы его потрясають,
 Тщетно весенній потокъ подмываетъ подошву.
 Крѣпко стоитъ великанъ, неподвижною грудью
 Вихря и бури порывы встрѣчая. Когда-то
 Въ трещинѣ были ступеньки: инья покрылись
 Терномъ колючимъ, другія изгладились вовсе.
 Доступъ однако къ вершинѣ по этому слѣду
 Быть бы возможенъ, хоть онъ не совсѣмъ безопасенъ,
 Еслибъ тропинка не шла близъ пещеры, въ которой
 Духи, бывало, богатые клады хранили.
 Кладовъ ужъ нѣтъ, но грозные стражи порою
 Давній пріютъ навѣщаютъ и ужасъ наводятъ
 На приходившихъ къ обрыву. Не вѣдая страха,
 Бросился я по тропинкѣ забытой, цѣпляясь
 То за траву, то за корни, и былъ ужъ высоко
 Прежде чѣмъ няня меня увидала.— „Ахти миѣ!
 Съ нами будь крестная сила! Куда ты, несчастный?
 Слѣзь поскорѣ!“ Но я не сдавался, увиди
 Какъ бесполезны усилія старушки взобраться
 По крутизнѣ до ступенекъ въ срединѣ ущелья,
 Гдѣ съ торжествомъ я спокойно усѣлся, не внемля
 Ни обѣщаніямъ розги, ни ласковымъ просьбамъ.
 Видя однакожъ, что духи меня не уносятъ,
 Что до пещеры далеко, старушка смягчилась.

— „Ну посиди тамъ немножко, да только смиреннько;
Къ верху не лезь, тамъ есть змѣи, пожалуй укусятъ“.

— „Что это, милая няня, все мѣсто изрыто,
Точно могилки у насъ за селомъ на погостѣ?“

— „Рылись здѣсь, дитятко, люди, которымъ хотѣлось
Болѣе злата, чѣмъ Богъ то за трудъ посылаетъ.
Грѣшное дѣло пытатъ у земли, что намъ дѣды
Сами оставить не вздумали. Такъ намъ бывало
Добрый отецъ Михаилъ говорилъ, что у церкви
Съ дѣдушкой вмѣстѣ лежить, да и бабушка тамъ же:
То-то ужъ были друзьями! Однажды священникъ,
На огородѣ своемъ парники вырывая,
Мѣдную доску нашель, на которой въ порядкѣ
Всякіе были расписаны клады; однако
Доску онъ бросилъ въ огонь и расплавилъ; такъ вѣрно
Клады не доброе дѣло! Но дѣдъ твой, читая
Доску, упомянулъ одно иль два мѣста: досталъ онъ
Черный кувшинъ, но съ пескомъ вмѣсто денегъ. Ужъ видно
Кладъ не дался. На кувшинѣ была позолота
Съ разной рѣзбкою; я помню какіе-то знаки
Ключъ и подушка съ кистями, да сабля и надиньс:
„Да расточатся врази!“—ну словно въ молитвѣ.
Только кувшинъ вынимая разбили, и саблю
Съ шлемомъ, съ ключомъ и съ подушкой въ кусочкахъ собрали.
Дѣдушка твой, какъ ребенокъ, чуть не заплакалъ,
Тутъ же промолвивъ, что щить не къ добру изломался.
А прежде, вотъ въ этой пещерѣ, покойный твой прадѣдъ
Мѣднаго въ сбруѣ коня отыскалъ. Былъ онъ ростомъ
Больше барана, а вѣдникъ въ рубашкѣ изъ колецъ;
Острая шапка на немъ, а глаза-то косые,
Точно на чайномъ моемъ погребѣ у Китайца.
Въ прошломъ году мужички отыскали котельчикъ;
Было въ немъ много серебряныхъ денегъ, да только
Не поживились бѣдняжки: исправникъ все отнял.
Впрочемъ и дѣльно, а то бѣ, размѣнявши, пропили“.

— „Милая няня! пойду я въ пещеру, быть можетъ,
Тоже найду я лошадку, а можетъ кувшинчикъ“.

— „Что ты, голубчикъ! Останься! Куда ты?... Ой, горе!...“

Я между тѣмъ, какъ котенокъ цѣпляясь, добрался
Къ темной пещерѣ и крикнулъ въ испугъ, увидя
Передъ собою неожиданно малютку, въ одеждѣ
Бѣлой, какъ снѣгъ, и съ вѣнкомъ на прекрасной головкѣ.
Но ободрился, а дѣвочка, руку съ улыбкой
Мнѣ подавая, сказала: „не бойся, я Грѣза!“

— „Грёза? спросилъ я. Откуда-жь ты, милая Грёза?
 Чтѣ ты такое? Не кладь ли забытый въ пещерѣ?“
 — „Кладь? о, конечно, я кладь! я сокровище сердца;
 Лучше чѣмъ другъ, хоть и меньше чѣмъ Ангель-Хранитель,
 Лучше златыхъ сновидѣній, но меньше, чѣмъ Совѣсть“.
 Кажется мнѣ, что малютки не понялъ я сразу,
 Помню однако жъ невѣданный трепеть и радость,
 Радость, которой ни я и никто не опишетъ.
 За руки взявшись, мы тихо спустились къ колодезю.
 Въ страхѣ и горѣ тамъ бѣдная няня молилась
 О невозвратно погибшемъ питомцѣ; но снова
 Видя меня невредимымъ, съ восторгомъ и крикомъ
 Къ груди прижала меня и, лаская, журила:
 — „О, мой малютка, измучилъ ты старую няню;
 Страхъ позабывши, пыталась я взлѣзть до ущелья,
 Силы не стало, пещерные духи два раза
 Съ узкой тропинки меня подъ обрывы столкнули.
 Что-же съ тобой, мой голубчикъ! Здоровъ ли ты? Цѣлъ ли?“
 Я улыбнулся. „А что же ты, добрая няня,
 Миленькой Грёзы моей не обнимешь?“ — „Какъ Грёзы?
 Чтѣ ты, голубчикъ, въ умѣ ли?... Господь будь съ тобою!“
 — „Милая няня, сегодня мнѣ сказокъ не надо:
 Ночью я буду бесѣдовать съ Грёзой. За что-жь ты
 Грёзу мою не ласкаешь?“ — „О, бѣдный ребенокъ!
 Вѣрно головка болитъ у тебя!... успокоися:
 Дома тебя я умою святою водицей“.
 Такъ иногда и поэты считаютъ безумцемъ;
 Пусть онъ безумецъ—не всѣмъ же является Грёза!

Г л а в а IV.

Del cielo las estrellas
 Relumbrantes

Castillejo *).

Съ Запада черная туча неслась на Россію;
 Громы однакожъ еще въ ней таились, и солнце
 Яркимъ лучомъ веселило пустынный шагъ Сѣверъ.
 Воздухъ висѣлъ надъ землей неподвижно, но каждый
 Страшную бурю невольно предчувствовалъ сердцемъ.
 Каждый съ тревогою ждалъ недалекаго гора.
 Смутные слухи носились въ народѣ о близкой
 И неизбежной борьбѣ съ властелиномъ полсвѣта;
 Самое небо явленемъ бѣды предвѣщало.

*) Сіяющія съ небесъ звѣзды. Кастильейо.

Съ няней однажды я вышелъ изъ дому, а Грёза,
 Спутница всюду со мной неразлучная съ самой
 Первой минуты знакомства въ пещерѣ, съ крылечка,
 Точно какъ легкая птичка, спорхнула и скоро
 Въ верхнемъ саду насъ у входа въ аллею догнала.
 Къ первой скамьѣ подойдя, мы усѣлись и молча
 Долго смотрѣли на пурпуръ и золото, въ которомъ
 Солнце роскошно тонуло, владычество неба
 Томной сребристой лунѣ и звѣздамъ уступая.
 — „Господи Боже! вдругъ вскрикнула няня, какое
 Чудо на небѣ! Звѣзда-не звѣзда и не мѣсяцъ;
 Видишь, голубчикъ, надъ лѣсомъ явленье? пойдѣмъ-ка,
 Время домой. Ну, иди же, да что ты болтаешь
 Вѣчно съ своей невидимкой? Ужъ эта мнѣ Грёза!
 Съ роду родясь не слыхала такого я чуда!
 Будеть тебѣ, какъ провѣдаетъ матушка. Цѣлый
 День напролетъ, чуть урвется отъ книжекъ, все съ нею:
 Нѣту проказамъ конца, бѣготнѣ да бесѣдамъ!“
 — „Добрая, милая няня! Позволь на крылечкѣ
 Намъ посидѣть; мы ужъ бѣгать не будемъ! Ну право!
 Только посмотримъ на эту звѣзду, что надъ лѣсомъ;
 Маменька тоже придетъ, какъ узнаетъ, что въ небѣ
 Съ длиннымъ хвостомъ показалась звѣзда золотая“.
 — „Ладно, сиди-же, съ крылечка ни шагу. И впрямь мнѣ
 Барынѣ надо сказать. Да смотри, ты не очень
 Съ Грёзой болтай, чтобы мнѣ не досталось старухѣ;
 Всѣ ужъ и то говорятъ, что тебя я балую.“
 Матушка тотчасъ пришла, а за нею и сестры;
 Долго смотрѣла она на звѣзду и сказала:
 „Это комета. За чаемъ я вамъ растолкую,
 Какъ эти звѣзды съ хвостами летаютъ и міру
 Зла не пророчать, какъ думаетъ няня: все благо
 То, что отъ вѣчнаго Бога нисходитъ.“ Съ сомнѣньемъ
 Няня моя головой покачала и вмѣстѣ
 Съ матушкой въ домъ возвратилась. Я съ Грёзой остался.
 — „Вотъ мы одни, слава Богу! Слыхала ль ты, Грёза,
 Что о кометахъ? О, какъ бы хотѣлось на небѣ
 Вмѣстѣ съ тобой побывать! И спросилъ бы комету,
 Гдѣ она прежде летала и долго ль пробудетъ
 Надъ Тербовльскимъ прудомъ и Макаровскимъ лѣсомъ?
 И почему этотъ огненный слѣдъ, что за нею,
 Въ нѣчи горящимъ звѣздамъ и лунѣ не дарованъ?
 И отчего она ужасъ невольный паводитъ,
 Звѣзды-жъ напротивъ привѣтливо людямъ?“

— „Многое въ чистомъ эфирѣ доступно намъ Грёзамъ;
Я, какъ малютка, мало что знаю.

Слышала я, что съ рожденьемъ младенца и въ небѣ
Новая тотчасъ восходить звѣзда, или око
Сверху слѣдящее жизнь человѣка: иное
Радостнымъ свѣтомъ блеститъ, иное печально,
Тускло и блѣдно, смотря по назначенной долѣ.
Всѣ эти звѣзды, равно какъ комета, имѣютъ
Огнистый слѣдъ за собою, который въ эфирѣ
Воспламеняется вдругъ при паденьи свѣтила
Въ бездну пространства, когда, отрываясь отъ свода,
Миру звѣзда возвѣщаетъ, что кто-то отходитъ.
Слѣдъ за надучей звѣздой горящей есть слава.
Слава съ родни намъ немножко. Ужъ то-то богиня,
То-то красавица! Какъ она ласково смотритъ,
Точно какъ небо на спящихъ младенцевъ. Богата
Великодушна, щедра, хоть порой и спѣсива.“

— „Видно щедра она къ Грёзамъ, а къ людямъ скупенька.
Неправда ль? видишь ли звѣздочка тамъ прокатилась
Слѣда ужъ нѣтъ!... а иной и не видѣлъ!... Ужели
Этотъ мгновенный и блѣдный даръ славы, о Грёза,
Только по смерти дается въ удѣлъ человѣку?
Какъ же нашъ Петръ, о которомъ мы часто читаемъ,
Названъ гораздо до смерти Великимъ?“— „А развѣ
Ты не замѣтилъ въ Плутархѣ твоёмъ, что немногихъ
Слава при жизни за трудъ, за борьбу наградила?
Въ томъ-то и разность надучей звѣзды и кометы:
Звѣздочекъ много, кометы жъ являются рѣдко;
Есть и такія, что въ небѣ найти невозможно,
Такъ онѣ малы; а хвостъ черезъ цѣлое небо
Съ края до края широкимъ лучомъ пролегаетъ.“

— „Кто жъ этотъ новый Великій, котораго въ небѣ
Видимъ теперь мы звѣзду облеченную славой?
Развѣ она и ему возвѣщаетъ паденье?
Развѣ паденье его совершится въ Россіи?
То-то сегодня поутру я слышала, какъ Кульневъ
Батюшку звалъ на войну, говоря, что на домѣ
Будетъ пятно, если онъ не пойдетъ, какъ другіе,
Голову въ битвѣ сложить за отчизну съ любовью;
Самъ же больной и метался, и плакалъ, и даже
Бѣдный ропталъ; а потомъ попросилъ свою саблю,
Поцѣловалъ ее крѣпко и батюшкѣ отдать.“

Г л а в а V.

Dos cortos alfanges.
(Romance morisco)*)

— „Что ты сегодня шептала мнѣ, Грѣза? Давно ужъ
Полночь минула и спать мнѣ хотѣлося очень;
Три раза слышала я крикъ пѣтуховъ, поминутно
Съ боку вертѣлся я на бокъ, а ты все болтала
Что-то о нашемъ гремучемъ колодецѣ, о гостѣ:
Кульцевъ здоровъ; мы не даромъ ходили къ колодцу;
Съ батюшкой дней черезъ пять онъ собирается ѣхать...
Что же намъ дѣлать теперь на Гремучемъ?“ — „А вотъ что:
Вытащимъ сабли мы ихъ потихоньку и къ ночи
Спрячемъ въ шиповникъ подъ первой террасой; а завтра
Собѣгаемъ ихъ окунуть, чтобъ волшебной струею
Для предстоящей войны закалить ихъ покрѣпче;
Чтобы оружье Французовъ, объ нихъ ударяясь.
Въ прахъ разлеталось при первомъ размахѣ; а слава
Всюду слѣдила-бы нашихъ защитниковъ милыхъ!“

Сабли украдены. Утромъ, чуть солнышко встало,
Съ тайной добычей пошелъ я къ колодцу; тревожно
Билось сердце во мнѣ; приближаясь къ долигѣ,
Шагъ замедлялся неволью, и еслибъ не Грѣза,
Я бы вернулся, такъ что-то мнѣ дѣлалось страшно!
Небо нахмурилось, крупными каплями дождикъ
Началъ дорожку рябить и стучать мнѣ по шляпѣ
Чаще и чаще; вдругъ съ шумомъ и вихремъ изъ тучи
Вырвался ливнемъ, съ обрыва помчались потоки,
Старые дубы въ корняхъ затрещали, кустарникъ
Сглася какъ-будто трава; а Гремучій колодезь
Точно въ котлѣ закипѣлъ, выкидая высоко
Въ воздухъ и желтый песокъ и жемчужную пѣну.
Мокрый насквозь и смущенный нежданною бурей,
Робко я съ ношей спустился къ колодцу и сабли
Въ воду, дрожа, окунулъ по эфесы, а Грѣза
Стала напротивъ, смущенная тоже; но скоро
Вновь оживясь, творить начали заклинанье:
„Ключъ мой гремучій, кипучій, кишишь ты отъ вѣка,
Дно твое чисто, златисто; но взоръ человѣка
Въ тайные своды, подъ воды къ тебѣ не проглянетъ,
Кладоу несмѣтныхъ, завѣтныхъ никто не достанетъ;

*) Два короткихъ меча.

Ихъ охраняеть, скрываетъ подъ кровомъ пучины,
 Между оналовъ, кристаловъ Духъ нашей долины;
 Онъ приношенья, моленья, незримый, приѣмлетъ,
 Сердца вызваньямъ, желаньямъ привѣтливо внемлетъ...
 Ключъ мой гремучій, могучій! двѣ звонкія стали
 Мы передъ битвой, съ молитвой въ тебѣ окунали:
 Пусть съ ихъ размахомъ, со страхомъ злой врагъ исчезаетъ,
 Духъ же пучины дружины родныхъ охраняетъ!⁴
 Какъ хороша была Грѣза надъ шумнымъ колодцемъ:
 Бури играла одеждой, а свѣтлыя кудри
 Лентами дождь разстилать по плечамъ и по груди,
 Взоръ ея былъ оживленъ и ланиты горѣли...
 Какъ хороша была Грѣза! люблюся малюткой,
 Совсе забылъ я и сабли, и бурю... Мгновенно,
 Съ трескомъ ужаснымъ надъ нами гроза разразилась,
 Лѣсъ застоналъ подъ раскатами грома, и близко
 Точно свѣча загорѣлась сухая осина.
 Вскрикнула Грѣза, вспорхнула и скрылася въ чащѣ:
 Вздогнулъ и я... и опомнясь, увидѣлъ... о ужасъ!
 Сабли исчезли... Гремучій кипѣлъ, разъяренный,
 Небо горѣло отъ молній, и черныя тучи
 Быстро неслися, чреватая новымъ потокомъ.
 Долго стоялъ я въ раздумьи надъ главной пучиной,
 Долго звать Грѣзу... ввела меня въ горе и скрылася!
 Что-жъ теперь дома скажу я? Вѣда мнѣ и только!
 Сабли ничтѣ, да смѣяться-то будутъ; да няню
 Будутъ бранить за меня—для чего не смотрѣла.
 Надобно было признаться. Отецъ мой смѣялся,
 Выдралъ мнѣ ухо, а Кульневъ задумался что-то,
 Но отгоняя, какъ будто, мечту суетвѣрья,
 Съ ласкою тихо сказалъ мнѣ: Утѣшься! и старымъ
 Часто случается сдѣлать не такъ, какъ хотѣлось.
 Я принимаю, сказать онъ потомъ, улыбаясь
 Надъ знаменитымъ колодцемъ твои заклинанья;
 Еслибъ, однакоже, Геній ключа, твой пріятель,
 Не захотѣлъ мнѣ счастливую долю назначить,
 Не хлопочи, не печалься!... Узнаешь съ годами,
 Что умереть за отечество сладко, что выше
 Нѣтъ на землѣ чловѣку награды; узнаешь
 Славу!... Потомъ, положивъ мнѣ на голову руку,
 Съ чувствомъ прибавилъ: „Да будетъ тебѣ благосклонна
 Чистая, прочная слава!... А жаль мнѣ, признаться,
 Сабель, сказалъ онъ къ отцу моему обращаея:
 Ту, что я отдалъ тебѣ, подарилъ мнѣ достойный

Мелиссино; а другая съ корнетскаго чина
Вѣрой и правдой служила мнѣ; славный былъ клинокъ!“

Дня черезъ три, распростившись съ сосѣдами, гость нашъ
Къ войску уѣхалъ. Мы, дѣти, не только привыкли
Къ грозному виду его, къ бородѣ его страшной,
Но полюбили его и въ слезахъ провожали.
Батюшка мой приготовился ѣхать, но что-то
Вдругъ передумалъ: коляска, и сѣдла, и вьюки
Скрылись. Я помню, какъ рады мы были; какъ странно
Намъ показалось, что матушка плачетъ, а няня,
Добрая къ самой последней собацѣ, день цѣлый
Сиди за пряткой, ворчала и нашу сосѣдку
Часто бранила, особенно дочь ея, Машу.

Г л а в а VI.

Dexad los dulces regalos,
Y el blando lecho dexadle;
Socorred á vuestra patria,
Y librad á vuestros padres.

*Romance morisco**)).

Вѣрно никто не слыхалъ, чтобъ Французы или Нѣмцы
Землю отчизны своей называли святою,
Какъ называемъ мы Русь! Не грѣшно ли бѣ намъ было
Слышать: святой Виртембергъ или Бадень; святая
Франція, гдѣ половина народа, съ привѣтомъ
Чуждое знамя встрѣчая, поетъ полководцу
Льстивые гимны за смерть своихъ братій, за горе
Въ села и грады внесенное грозной войною?
Нѣтъ, не таковъ нашъ народъ! Нѣтъ, не таковъ. Онъ Поляковъ
Встрѣтилъ предъ Троицкой Лаврой и вѣрнымъ Смоленскомъ.
Шведовъ на Сѣверѣ, а на полуднѣ Ногайцевъ!
Двѣсти лѣтъ позже, когда всѣ столицы Европы
Настежь предъ Наполеономъ врата отворяли,
И на престолахъ владыки дрожали, и царства
Падали или возникали по волѣ счастливаца,
А побѣжденный народъ лобызалъ свое иго,—
Только Россія, священная наша Россія
Кровью смывала слѣды нечестивыхъ пришельцевъ,

*) Оставьте сладкія удовольствія,
Оставьте мягкое ложе.
Придите на помощь вашей родинѣ,
Освободите вашихъ отцовъ.

Чистыя жертвы свершая, какъ въ храмѣ, въ который
 Свора собакъ ворвалась-бы во время служенья,
 И сожигала свой древній, свой царственный городъ
 Великодушно, въ примѣръ всѣмъ великимъ народамъ,
 Чтобы родимое злато, Москва, изъ горнила
 Вышла святѣе и чище, покрытая Славой!

Общее, тяжкое чувство той грозной эпохи
 Мы раздѣляли, не вѣдая бѣдствій народа,
 Не понимая, зачѣмъ по дорогѣ отъ Курска
 Столько семействъ изъ Москвы на Украину бѣжало.
 Матушка тоже собиралась въ Харьковъ; отецъ мой
 Рѣдко былъ дома, и старый учитель Бандини
 Ей говорилъ: „Подождите! не долго Французамъ
 Здѣсь воевать; солдаты соберутся довольно,
 Чтобы Москву отстоять; а тамъ голодъ и стужа...
 Войско надежно, народъ негодуеть; дворяне—
 Кто только можетъ сидѣть на конѣ всѣ ужъ въ полѣ
 Бьются съ врагами во славу свою и отчизны;
 Нѣтъ никого, кто-бъ теперь не стыдился за печкой
 Мирно сидѣть, какъ калѣка и баба, иль старецъ,
 Кто предпочелъ бы нуждамъ и биваку роскошный
 Дома пріютъ. О, отечество—дѣло святое,
 Чуждое иго—позоръ; а земля подъ ногами
 Стоны и вопли должна-бъ издавать, чтобъ подвинуть
 Тѣхъ, кто отсталъ отъ священной дружины! Лѣтъ сорокъ
 Слишкомъ прошло съ той поры, какъ съ родимымъ я Римомъ,
 Съ Транстевериномъ моимъ для Россіи разстался;
 Такъ я привыкъ къ ней, и такъ полюбилъ я
 Ваше великое, славное царство, что если-бъ
 Слово мое не держало меня при малюткахъ
 Вашихъ, при сынѣ, надеждѣ единственной вашей,
 Съ радостью гордой сложилъ бы я старыя кости
 И мою лысую голову въ честь и во славу Россіи!“
 Матушка плакала... Смутно я понималъ намеки
 Старца Бандини и матушки частыя слезы;
 Такъ что, когда мой отецъ вдругъ явился предъ нами,
 Глазъ не рѣшился поднять я, на встрѣчу
 Не побѣжалъ, какъ бывало, съ привычною лаской.
 — „Грустныя вѣсти, сказали онъ съ печалью во взорѣ:
 Кульневъ убитъ!.. Близъ отцовскаго дома сражаясь,
 Былъ онъ, какъ левъ еще страшный врагамъ и по смерти!“
 — Воля Господня! въ слезахъ моя мать отвѣчала.
 Миръ его праху!—Амен! прошепталъ Итальянецъ.
 — „Боже, мой Боже, зачѣмъ я здѣсь медлить? Зачѣмъ я

Не заслонилъ его тамъ отъ удара собою,
 Не искупилъ его жизнью своей для отчизны?...
 Добрый Signor мой, я слышала, что вы говорили
 Бѣдной, печальной подружцѣ моей. О! Вы правы;
 Негодование ваше понятно; о! слишкомъ
 Долго влечилъ я постыдное иго.... Довольно!...
 Завтра жъ я буду свободенъ для долга и чести!
 О! я борюся давно; непонятная сила
 Миѣ отуманила голову, сердце сковала.
 Тщетно смущала меня образъ жены оскорбленной,
 Тщетно невинныя ласки дѣтей миѣ являлись;
 Разумъ и воля склонялись предъ гибельной страстью.
 Кроткій мой ангель-жена, о прости миѣ! въ послѣдній
 Разъ я увижу ее, о клянуся, въ послѣдній!
 Завтра все кончу и снова готовлюсь къ походу;
 Дня черезъ три я увижу Москву и, быть можетъ,
 Не опоздаю къ рѣшительной битвѣ!“— „Не ѣзди!
 Вскрикнулъ я, вспомнивъ о нашемъ колодецѣ;
 Кульневъ убить: его саблю похитилъ Гремучій
 Выѣстѣ съ твоею, не ѣзди!“ Съ печальной улыбкой
 Обнявъ онъ матушку, подаль учителю руку
 И, потрепавъ по щекамъ меня съ ласкою, вышелъ.

Г л а в а VII.

.... et dans le silence de la nuit nous entendimes
 distinctement leur conversation. que je n'ai pas oublié.

Paul et Virginie.

— „Спишь ли ты милый? спросилъ меня голосъ знакомый.
 — „Ахъ это ты моя Грѣза!... Скажи же, когда ты
 Снова со мной?.. О, скучно миѣ было! Ни игры,
 Ни по полямъ и по рощамъ прогулки, ни въ лодкѣ
 По Теробовлю катанье, ни новыя книги
 Лѣни и грусти прогнать не могли съ той минуты.
 Какъ отъ меня ты сокрылась, рѣзвушка драгая.
 Дни были мрачны, и сонъ миѣ тяжелъ сталъ;
 Ложе, казалось миѣ, сдѣлалось жестко и холодно.
 Съ горемъ бывало ищущи твои глазки во мракѣ.
 Съ тяжкимъ усиленемъ жадный мой слухъ напрягаю,
 Шорохъ малѣйшій ловлю, и съ волненемъ сердечнымъ
 Жду не дожуся: придеши ли ты вновь ко миѣ, Грѣза
 Съ милою лаской и съ прежнею доброю улыбкой“....

— „Встань же! Григорьевна спитъ; проберемся тихонько
 Въ садъ или въ поле: здѣсь душно, а тамъ на террасахъ
 Вѣтъ межъ лилій и розъ вѣтерокъ ароматный,
 И беззаботно въ травѣ распѣваетъ кузнечикъ;
 А по далекой лазури небеснаго свода
 Мѣсяцъ плыветъ величаво и тихо, какъ лебедь,
 Средь безмятежныхъ зыбей усиленнаго моря“.
 Все было тихо; лишь изрѣдка сторожь, зѣвая,
 У кладовой по чугунной доскѣ заколотить,
 Крикнетъ встревоженный сычъ иль струя въ Теробовлѣ
 Съ тихимъ роптаньемъ разсыплетъ свой жемчугъ у берега.
 Мы обошли вокругъ дома. У матушки въ спальнѣ
 Передъ окнами теплилася тускло лампада;
 Руки скрестивъ на груди и поникнувъ главою,
 Матушка плакала..... Еслибъ я смѣлъ показаться,
 Я бы взошелъ къ ней и, можетъ быть, дѣтскою лаской
 Грусть ея сердца разсѣялъ!... Въ другомъ концѣ дома
 Виденъ былъ свѣтъ въ кабинетѣ; двѣ тѣни мелькнули
 Противъ окна, а потомъ показались въ залѣ.
 Съ Грѣзой стремглавъ побѣжалъ я къ деревьямъ у церкви,
 Сѣлъ за могилою дѣда и скоро увидѣлъ
 Тихо идущихъ отца и сосѣдину дочку.
 — „Не убивайся тоской, говорилъ ей отецъ мой;
 Прежній женихъ тебя не отвергнетъ; вчера я
 Видѣлся съ нимъ: онъ приѣдетъ, а ты не упрямься;
 Чувство священнаго долга и мирная совѣсть
 Насъ подкрѣпятъ въ испытаньи обоихъ, и узы
 Страсти преступной не будутъ томить насъ; довольно
 Горестныхъ слезъ пролила черезъ насъ недостойныхъ
 Бѣдная мать моихъ дѣтокъ... О, полно же плакать;
 Кончимъ, пока Провидѣнїе намъ не отмстило!
 Ты еще можешь знать счастье и мать успокоить“.
 — „Мнѣ быть счастливой? Мнѣ мать успокоить? Развѣ
 Ты позабылъ, что ее успокоить лишь злато?
 Развѣ не мать заманила насъ въ сѣти обоихъ,
 Пользуясь страстью моею и твоимъ заблужденьемъ?
 Встрѣтитъ ли мать меня съ лаской печальной?
 Будетъ ли вмѣстѣ молиться съ несчастной, чтобъ ужасъ
 Вѣчной разлуки съ тобою снесла я съ терпѣньемъ?
 Мнѣ быть счастливой? Мнѣ думать о бракѣ безчестномъ!
 Кулленный этотъ женихъ развѣ смоетъ позоръ мой?
 Развѣ мой маленькій свѣтъ не напомнитъ мнѣ злобно
 Этихъ свиданій съ тобой подъ защитою ночи?
 Правда, довольно страдать твоей бѣдной супругѣ.

Много у ней я похитила радостей, счастья!
 Я не увижусь съ тобой, но позволь же мнѣ плакать
 Вволю, пока я не выплачу сердца и жизни!
 Долго сидѣла она на церковномъ крылечкѣ,
 Глухо рыдая.... и вдругъ побѣжала къ калиткѣ,
 Быстро, какъ будто бояся погони, и скрылась.
 Стукъ экипажа раздался, и скоро замолкнулъ...
 Страшно было для всѣхъ пробужденіе въ домѣ!
 Кучеръ къ разсвѣту вернулся съ ужасною вѣстью,
 Что на дорогѣ несчастная гостыя почная,
 Вынувъ изъ дрожекъ отца пистолеть, застрѣлилась.

Г л а в а VIII.

Первое показаніе:

„Ночь была лунная“.

Второе показаніе:

„Ночь была мѣсячная“.

Подсудимый впрочемъ: второе показаніе
 несогласно съ первымъ.

8-го Июля 1825.

Мѣсяца два передъ тѣмъ черезъ наше селеніе
 Партию плѣнныхъ Французовъ вели на Украину.
 Помню (какъ-будто вчера это было) унылыхъ,
 Тощихъ солдатъ, въ щегольскихъ, но дырявыхъ мундирахъ.
 Помню, какъ старый одинъ гренадеръ чуть не съ плачемъ
 Намъ говорилъ о войнѣ Итальянской, о Нилѣ,
 О Бонапартѣ и добромъ и грозномъ; другіе
 Тутъ же бранили путемъ своего полководца
 И межъ собою едва не затѣяли драки:
 Графъ Поальё, Эллиотъ, Ростиваль... (офицеровъ
 Помню я даже и лица, и кажется могъ бы
 Нарисовать ихъ портреты).—Насилу задорныхъ
 Уговорили на миръ. Но и тѣ и другіе
 Видѣть равно не могли безъ досады и грусти
 Карикатуръ на Московскій походъ ихъ капрала:
 „Какъ мужики, поднося ему камень, съ поклономъ,
 Просятъ ихъ хлѣбца покушать на тощій желудокъ;
 Какъ Василиса подходитъ съ горящимъ полѣномъ на блюдѣ
 И говоритъ ему: вотъ тебѣ ключъ отъ Смоленска,
 А въ Бѣлокаменной больше,—смотри не ожгися!
 Какъ казаки Бонапарту подводятъ огромнаго рака,
 А впереди ихъ Платовъ говоритъ Басурману:
 Гей еси Царь-Государь, Корсиканецъ мѣдяный,

Къ нашей Москвѣ не подѣдешь на клячѣ поганой;
 Вотъ тебѣ конь-парадѣръ изъ родимаго Дону,
 Твой же, съ сорокой, годится тебѣ для бульону.“
 Много ихъ было съ такими стихами и прозой,
 Произведеніями литературы народной;
 Всѣхъ я ихъ снялъ со стѣны, уступая моленьямъ
 Плѣнныхъ, которые съ радостнымъ крикомъ побѣды,
 Вынувъ картинки изъ рамокъ, сожгли передъ домомъ.
 Всѣ за минуту готовы драться, кричали
 Съ дѣтской любовью: *Vive l'Empereur et la France!*

Дня черезъ два послѣ нихъ къ намъ пригнали Венгерцевъ.

Всѣ говорили изрядно по русски; отецъ мой
 Нѣсколькихъ нанялъ; иными пополнилъ домашній
 Хоръ музыкантовъ; одинъ былъ берейторъ, а двое
 (Помню ихъ имя: одинъ Колонской, другой Бодо)
 Ѣздили съ нимъ на охоту, а болѣе праздно
 Жили въ селенѣ, или гостили въ Глушковой
 У однодворцевъ и часто кабакъ навѣщали.
 Бодо особенно помню: курчавый и смуглый,
 Средняго роста съ широкой спиною, картежникъ,
 Фокусникъ, ловкій плясунъ на канатѣ и знахарь.
 Люди его не любили, но кланялись плуту
 И укрывали проказы его, изъ боязни,
 Чтобы онъ чѣмъ не *испортилъ*, да такъ, что Бандини
 Цѣлой аптекой своей бѣды-бѣ не поправилъ.
 Правда, что противъ его наговоры лѣкарство
 Вѣрное было; да кто бы рѣшился въ Гремучемъ
 Въ самую полночь Иванова дня, безъ молитвы
 Три раза горстью воды зачерпнуть и умыться?

Бодо влюбился въ сосѣдку дочку. Не знаемъ,
 Видѣлся-ль тайно онъ съ нею и ей говорилъ-ли,
 Только съ людьми прекратилъ онъ обычные толки
 О своей страсти звѣриной; но часто, заливши
 Лишнюю чарку за галстухъ, кричалъ, что обиды
 Не забывалъ онъ во вѣкъ, не прощалъ ея брату,
 Даже родному отцу своему... и однажды,
 Злобно ударивъ своимъ кистенемъ неразлучнымъ
 По отсутствующимъ стаканамъ и штофамъ, воскликнулъ:
 „Вспомнить Мадьяра сосѣдка, и баринъ, и всѣ вы!“

Въ страшную ночь, незабвенную нашему дому,
 Въ ночь, отъ которой бѣда безконечною цѣпью
 Насъ окружила на долгіе, долгіе годы,
 Бодо, иди отъ Глушковой съ хмѣльными друзьями,
 Встрѣтилъ несчастную Марью... стацилъ ее съ дрожекъ....

Непостижимая воля небесъ попустила
 Страшному дѣлу свершиться! Подробности гнусны..
 Нѣтъ, не достанетъ ни духу, ни словъ для разсказа!
 Мертвой изрѣзали ротъ и всадили бумажку
 Вмѣсто патрона, какъ будто она застрѣлилась...

Бѣдный отецъ мой преслѣдовалъ дѣло усердно.
 Кучеръ былъ схваченъ, а съ нимъ и сосѣдкинъ крестьянинъ,
 Оба въ судѣ, замѣшавши другъ друга, въ отвѣтахъ
 Изобличались; но Льговскія власти, враждуя
 Противъ отца моего, согласились Венгерцу,
 Какъ отсталому отъ партій размѣненныхъ плѣнныхъ,
 Выдать паспортъ за границу... и спутавши дѣло,
 Арестовали отца, какъ ночного убійцу.
 Семь съ половиною лѣтъ протомился несчастный,
 Но одолѣлъ, и семейство вновь обнялъ, свободный.
 Боже, прости мнѣ! не лучше ли бѣ было тогда же
 Въ лоно Твое отозвать пострадавшаго даромъ?
 Годъ не прошелъ, какъ невинный былъ снова задержанъ.
 Судъ обвинялъ его въ томъ, что въ порывѣ ревнивомъ
 Въ жертву своимъ подозрѣнямъ принесъ онъ Марію,
 Что съ камердинеромъ вмѣстѣ несчастную вывелъ изъ дому
 Чуть, чуть живую, взвалилъ за калиткой на дрожки
 И приказалъ ее сбросить на Курской дорогѣ.
 Долгимъ процессомъ все дѣло пришло къ двумъ вопросамъ:
 Гдѣ совершилось убійство? Когда на дорогѣ, то Бѣдо
 Съ тою компаньей виновенъ. А въ домѣ—отецъ мой.
 Тщетно послѣдній доказывалъ ясно, что крови
 Въ домѣ его не нашли, ни въ саду, ни у церкви,
 Ни на дорогѣ до мѣста, гдѣ знаки убійства
 Съ слѣдствіемъ первымъ согласны къ его оправданью;
 Что проходившіе люди той ночью явились
 Въ судъ и сказали, что видѣли дочку сосѣдки
 Въ добромъ здоровьи на дрожкахъ, въ веретѣ ужъ отъ дому,
 И что на бѣломъ сафьянѣ тѣхъ дрожекъ ни капли
 Крови не найдено... Все было тщетно!—
 Новыхъ пять лѣтъ онъ провелъ въ заточеньи; затворы
 Спали съ дверей каземата, увы! для Нерчинска!!...
 Какъ онъ погибъ, когда право его вопіяло на небо,
 Знаетъ лишь Богъ, почему и зачѣмъ! Моя Муза,
 О, мой читатель, ни гнусныхъ клеветъ, ни подлоговъ,
 Ни незаконныхъ писаній уѣздной Оемиды
 И не пойметъ, и тебѣ разсказать не сумѣетъ.

Г л а в а IX.

Oh, ma patrie!... pourquoi m'as tu proscrit?...
 Mais j'y triompherai!.. s'écria-t-il en jetant
 Ce mot avec un accent de conviction..

Balzac (Les Proscrits).

Въ дѣтствѣ, гуляя однажды съ моимъ гувернеромъ
 По Царско-сельской дорогѣ, близъ средней рогатки,
 Въ первый разъ въ жизни увидѣлъ я партію ссыльныхъ.
 Спутникъ мой подалъ имъ нѣсколько денегъ; я тоже
 Къ нимъ подошелъ и замѣтилъ на сѣрыхъ ихъ курткахъ
 Черныя вставки; значенье мнѣ ихъ объяснили:
 На поселенцахъ одна, а на каторжныхъ по двѣ.
 Помню, что эти двойныя заплатки на долго,
 Точно недобрыя очи, смутили мнѣ душу.
 Боже, мой! Могъ ли я думать, что я ихъ увижу
 Лѣтъ черезъ десять, на этой же самой дорогѣ,
 У этой же средней рогатки,—и между злодѣевъ,
 Боже, на бѣдномъ отцѣ, осужденномъ невинно!
 Да, осужденномъ невинно!... я знаю, что въ небѣ
 Слышенъ мой вопль. Безъ страха смотрю и взываю
 На это вѣчное небо, и смѣло трикраты,
 — Тысячакратно кричу: онъ *невиненъ!*—И что же?
 Я его видѣлъ не въ страшномъ бреду, а глазами,
 И на яву, при свѣтѣ дневномъ, и при людяхъ,
 Подъ тѣмъ же небомъ, не скрытомъ туманомъ, ни бурей,
 Но безгранично-глубоко отверстомъ до ока
 Самаго Бога.... Я видѣлъ его въ сѣрой курткѣ
 Съ черной двойною заплатой, на сворѣ желѣзной!
 Видѣлъ его, дворянина достойнаго рода,
 Имя котораго нѣкогда бранная Слава
 Произносила съ любовью межъ дебрей Литовскихъ,
 Въ общей чредѣ самыхъ гнусныхъ и низкихъ мерзавцевъ!
 Бѣдные дѣды, которыхъ самъ Грозный съ престола
 Царскимъ привѣтомъ почтилъ и грамотнымъ свиткомъ
 Далъ вамъ за службу всѣ земли отъ Свапы до Рыльска
 И ваше имя поставилъ на вѣси Срединной
 Въ память потомкамъ далекимъ.... О, бѣдные дѣды,
 Вы негодуете, прахъ вашъ встревоженъ въ могилахъ.
 Нѣтъ! не встревоженъ, несчастный вашъ правнукъ невиненъ;
 Иначе какъ-бы онъ вынесъ и срамъ осужденья,
 И эти тысячи глазъ, на него обращенныхъ
 На его скорбномъ пути отъ Невы до Рогатки?

— „Не унывай, говорилъ мнѣ, прощаясь, отецъ мой;
 Свѣтъ тебя ждетъ, предо мною Черчинскія шахты.
 Съ гордо поднятой главою ты явишься въ свѣтъ,
 Не оставляю тебѣ ни наслѣдія дѣдовъ,
 Ни покровителей сильныхъ, ни друга, ни имя;
 Но осѣняю тебя моей цѣпью тяжелой:
 Благословеніе мое надъ тобой!... но съ условьемъ
 Службой и кровью опять завоюю мое право.
 Выслужи судъ надо мною, а я оправдаюсь.
 Но не вымаливай мнѣ облегченія долю,
 Или пощады, равно не смывающей пятенъ:
 Милости ищеть преступникъ. Завѣтъ мой
 Съ благословеньемъ моимъ неразлученъ храни ихъ!
 Ссылные сняли свои колпаки и молились,
 Даже иные заплакали... можетъ впервые,
 А проходившіе шляпы снимали... Конечно
 Сердцемъ они разгадали, что то не преступникъ.

Я возвращался домой; на пути мнѣ явилась
 Вѣрная въ радости Грѣза, тѣмъ болѣе въ горѣ.
 — „Знаешь ли Грѣза, какое свершилося дѣло?
 Какъ же земля не дрожить, чтобъ стряхнуть недостойныхъ?
 Какъ же не хмурится небо грозою отмщенія?
 Видишь ли, солнце какъ прежде красуется блескомъ.
 Благоухаютъ цвѣты, а съ деревьевъ прохладу
 Вѣтеръ несетъ на уста и неправымъ и правымъ;
 Чтò нужды солнцу, цвѣтамъ и прохладѣ душистой
 „Или лазурному небу, что гибнетъ безчестно невинный“!
 — „Вижу, мой милый, на сводѣ безоблачномъ солнце,
 Радуюсь ясности неба, какъ вѣсти счастливой.
 Хмурится ль небо на чистыхъ дѣтей и невинныхъ?
 Вспомни, что міра Спаситель былъ цѣлымъ народомъ.
 Преданъ суду, поруганью и казни позорной.
 Ропотъ и слезы возможны: Спаситель, взирая
 На неподвижное небо, зывалъ истомленный,
 „Вскую меня ты оставилъ!“ а небо молчало.
 Развѣ въ то время у кесарей вѣчнаго Рима
 Не было вовсе судовъ и законы дремали?
 Развѣ у жителей Града Святого не стало
 Ни одного челоуѣка съ душой благородной?
 Развѣ въ то время и вѣчная благодать устала
 Миловать избранныхъ и сберегать угнетенныхъ?
 Правда была и въ дворцѣ, и въ судѣ, и на небѣ:
 Богъ попустилъ совершиться позору надъ Сыномъ,
 Чтобы прославился праведный, чистый на вѣки;

Такъ и на нашей землѣ возникаетъ неправда
На торжество и на славу закона и правды“!

Г л а в а X.

Courage!... marche!
Balzac (Peau de chagrin)
Усталъ я!
Жуковский (Громобой).

Вѣря внушеніямъ Грѣзы, я началъ трудиться.
Много годовъ съ той поры пролетѣло и нынѣ
Безъ самохвальства могу написать, что въ наукахъ
Я обогналъ далеко моихъ сверстниковъ въ школѣ,
Что Бетанкуръ¹⁾ мнѣ говорилъ всегда по испански:
„Querido hijo“²⁾; а эта награда цѣнилася очень,
Равняясь почти эполетамъ. Онъ умеръ.
Постъ его занялъ другой—незабвенный начальникъ;
Скоро и этотъ меня удостоилъ замѣтить,
Часто ко мнѣ обращаясь съ вопросомъ и лаской
И поощряя отрадною рѣчью: „Трудитесь;
Надо вамъ много трудиться! Надѣюсь, отецъ вашъ
Небезвозвратно погибъ, положитесь на Бога!“
Разъ у него на дежурствѣ я былъ въ Эрмитажѣ,
Онъ былъ особенно веселъ и ласковъ, и снова
Мнѣ говорилъ объ отцѣ. Я давно приготовилъ
Просьбу о новомъ судѣ надъ несчастнымъ и подалъ.
О, какъ мучительно пламенно ждалъ я отвѣта!
О, какъ я часто леталъ съ моей Грѣзой мечтами
Въ дальній Нерчинскъ, представляя себѣ, какъ отецъ мой,
Выслушавъ вѣсти о новомъ судѣ съ оживленіемъ,
Сердцемъ ко мнѣ обратитъ свои мысли съ любовью!
Грѣза меня обманула невольно... Отецъ мой,
Такъ писать изъ Тобольска: „Предъ Богомъ
И предъ людьми прославляю я Царскую милость;
Ты жъ недостойно презрѣлъ мой завѣтъ непреложный“.
Я побѣжалъ въ Эрмитажъ: мой высокій начальникъ
Тихо сказалъ: „Несчастье!—судъ невозможенъ;
Но не теряйте надежды; примите совѣтъ мой:
Прежнее поприще ваше вамъ надо оставить,
Будетъ война: попытайтесь счастья въ полѣ“.

¹⁾ Извѣстный инженеръ-испанецъ, генералъ Русской службы, впоследствии главный директоръ Путей сообщенія и писатель, ум. въ 1824 г.

²⁾ Произноси: Керидо ихо: fils chéri

А между тѣмъ мой отецъ пересталъ и писать мнѣ.
 У Жомини я работалъ полъ года, готовясь
 Къ близкой войнѣ; наконецъ получилъ приказанье
 Строить мосты на Днѣпрѣ и на Прутѣ. Годъ цѣлый
 Мимо меня проходили счастливыя къ Дунаю;
 Тщетно я рвался за ними... А время летѣло,
 И наше войско грозило уже Истамбулу,
 Скоро и миръ былъ подписанъ;—надежда пропала!
 Сдавшись однако опять на совѣтъ моей Грѣзы,
 Я полетѣлъ на Кавказъ, а оттуда на Вислу,
 Звалъ непреклонную славу и рвался въ сраженье.
 Я убѣжденъ былъ, что грозная смерть не посмѣетъ
 Остановить на пути меня къ цѣли священной;
 Я былъ глубоко увѣренъ, что славы призванье
 Съ дѣтства не даромъ меня волновало; я помню,
 Какъ я ребенкомъ, послушавъ проказницу Грѣзу,
 Передъ мишенью на борзомъ шалохѣ промчался
 Сквозь просвистѣвшія ядра; вся рота невольно
 Вскрикнула, думая, можетъ, что конь мой взбѣсился
 За удалство мнѣ готовилъ Бандини жаруху
 И удивился, что Воиновъ плакалъ въ восторгѣ,
 Мнѣ предрекая великое имя... *Насмѣшка!*
 Мало ли что мнѣ внушала безумная Грѣза!
 Мало ли гдѣ мы носились и чтѣ испытали,
 Вѣра упорно надеждѣ всегда вѣроломной!
 Видимо рокъ не хотѣлъ пособить намъ ни разу.
 Бѣдный! убитый отецъ мой! прости мнѣ: усталъ я!

Г л а в а XI.

Maintenant, morne et taciturne
 Loin de mes rêves étouffants,
 Je suis triste, comme Saturne,
 Qui vient d'immoler ses enfants.
 (*à Sophie*).

— „Грѣза, о, чтѣ съ тобой сдѣлалось, Грѣза? Давно-ли
 Ленныя очи твои упованьемъ горѣли,
 Грудь воздымалася гордо при мысли о лаврахъ?
 О, моя Грѣза! Давно ли ты мнѣ говорила
 Съ жаркой любовью о грозной Россіи, о счастья
 Жить и трудиться для славы ея и величья,
 О наслажденіи встрѣтиться съ смертію въ битвѣ,
 За ея право, за честь и за знамя святое?
 Если я бодрость терялъ въ неудачахъ, не ты ли

Сердце мое оживляла опять, предрекая
 Рано или поздно отцу моему возвращенье,
 Честь и свободу и радость семейства объятій?
 Если я плакала о другѣ погибшемъ, не ты ли
 Мнѣ говорила о небѣ, о жизни за гробомъ,
 О несомнѣнной съ нимъ встрѣчѣ въ странѣ упоеній?
 Грѣза! Когда вдохновенье ко мнѣ прилетало
 И въ безмятежную полночь, бросая печальное ложе.
 Я зажигала мою лампу, чтобъ вмѣстѣ съ тобою
 Встрѣтить небесную гостью, волшебницу Музу,
 Слушать ее и записывать звучныя рѣчи...
 Утромъ же рвать мои бѣдныя стансы! Не ты-ли
 Снова небесный огонь возжигая, съ улыбкой
 Мнѣ подавала опять и перо и бумагу,
 И утѣшала меня, и на голову клала
 Свѣжій вѣнокъ мнѣ, сплетенный потомствомъ далекимъ,
 И убѣждала любить мою Музу—для Музы?
 Грѣза! когда я бродилъ между юртъ Самоѣдовъ,
 Или на Вислѣ съ святою любовью къ отчизнѣ
 Чистую кровь проливалъ; или въ Азіи знойной
 Падаль предъ душнымъ Самумомъ почти безъ дыханья,
 Или боролся въ степи съ Бедуиномъ Атрека;
 Или носился подъ черными ризами бури
 По разъяреннымъ волнамъ у враждебнаго берега,
 И выносилъ, утомленный, мой трудъ, мое дѣло,
 Какъ Камознсъ свои пѣсни безсмертной Лузьяды,
 И убѣждался, что цѣль моей жизни все такъ же
 Мнѣ недоступна, что трудъ мой тяжелый нисколько
 Срока изгнанья отцу моему не убавилъ,
 Не облегчилъ ни единымъ звеномъ его цѣпи...
 Грѣза! Не ты-ль пробуждала во мнѣ упованье,
 Что неудачи не вѣчны, что къ цѣли священной
 Надо съ терпѣньемъ идти, не считая препятствій,
 Что недоступное нынче, достигнется завтра?
 Грѣза! о, гдѣ жъ эти сладкія рѣчи? Зачѣмъ ты
 Не утѣшаешь меня, не ласкаешь, какъ прежде?
 Развѣ не видишь, что міръ безъ тебя мнѣ пустѣеть,
 Жизнь свои свѣтлыя чары теряетъ, и небо,
 Самое небо, къ которому вмѣстѣ съ тобою
 Чистой мечтою мы въ смутные дни уносились.
 Мнѣ затворяеть отраднѣй Эдемъ свой на вѣки!...
 Развѣ я не былъ послушенъ тебѣ, какъ ребенокъ?
 Развѣ совѣтамъ твоимъ не внималъ я съ любовью?
 Развѣ я медлилъ когда, несмотря на опасность,

Броситься въ волны, иль въ домъ, раскаленный пожаромъ
 Жертву спасти, чтобъ тебѣ угодить, моя Грѣза!
 Что же мнѣ дѣлать, скажи, чтобы вновь тебя видѣть
 Милой, безпечной, восторженной, рѣзвой, какъ прежде“?
 Долго молчала унылая Грѣза, и долго
 Взоръ ея былъ устремленъ неподвижно на Западъ.
 Солнце садилось, багрянилось свѣтлое небо;
 Тонкій, златистый туманъ подымался съ долины,
 Разнообразныя, чудныя формы рисуя,
 Которыя, точно видѣнья, скользили предъ нами
 И исчезали, смѣняясь другими по волѣ
 Легкаго вѣтра, пока не угасла заря и послѣдній
 Отблескъ ея по краямъ облаковъ блоснѣжныхъ.
 — „Бѣдный мой другъ! отвѣчала съ тоскою мнѣ Грѣза;
 О, никогда человекъ не любилъ своей Грѣзы
 Такъ постоянно, какъ ты, такъ безотчетно и страстно!
 Вѣрно и Грѣза еще никого не ласкала съ такою
 Нѣжной любовью, какъ я тебя, другъ мой печальный!
 Съ дѣтства съ тобою я была неразлучна, повсюду
 Лаской тебя окружала, въ болѣзни молитвой
 Ангеловъ съ неба звала къ твоему изголовью,
 Ночью веселые сны приводила, а въ школѣ
 Сквозь интегралы Лашѣ проникала украдкой,
 Чтобъ позабавить тебя, иль разсѣять. Когда же,
 Юноша гордый, впервые ты мечъ препоясалъ,
 Цѣлый я мѣръ предъ очами твоими раскрыла,
 Всѣ предъ тобою пути золотыми коврами
 Къ храму безсмертья услала, и бодро съ тобою
 Къ славѣ и пользѣ пошла, украшая цвѣтами
 Каждый твой шагъ и твой трудъ на раснутіи свѣта.
 Страсти въ тебѣ очищала огнемъ я небеснымъ,
 Дружбу я дѣлала долгомъ священнымъ, высокимъ,
 Жажду любви напояла амброзіей неба
 И расточала для ней мои лучшія чары.
 Бѣдное имя твое я мечтала прославить,
 Не изъ тщеславья, о нѣтъ, мой печальный товарищъ,
 Но для того, чтобы цитѣ твоихъ дѣдовъ ты снова
 Съ гордостью могъ водрузить на ихъ склепѣ забытомъ
 Безъ незаслуженныхъ пятенъ, которыхъ съ тобою
 Смытъ не сумѣли мы въ цѣлые годы ни кровью,
 Ни благороднымъ трудомъ, ни наукой тяжелой,
 Ни твоей Музы свитыми слезами! И нынѣ
 Я-бъ ободрила тебя и сама бы воскресла
 Къ новымъ попыткамъ на поприщѣ блага и славы

(Ибо мы жизни впередъ еще много не знаемъ);
 Но ты калѣка, а Грѣза лѣчить не умѣетъ!
 Я бы хотѣла украсить хоть тихій твой уголь,
 Жить близъ тебя и бесѣдою тайной съ душою
 Новый создать тебѣ миръ и укрыть отъ печалей,
 И заслонить отъ тебя неудачи въ минувшемъ,
 И бесполезность заботъ, и нищету упованій...
 Но я безсилна бороться съ могучей судьбою:
 Въ книгахъ ея мнѣ назначено съ жизнью разстаться
 Прежде тебя, о мой другъ неизмѣнный! И скоро,
 Скоро я брошу тебя одного, мой сиротка!“
 Грѣза рыдала... Я тоже расплакался горько.

Г л а в а XII.

Mon âme retombe à la terre:
 Tout n'est qu'erreur, isolement.

(à Sophie).

Нѣсколько дней еще бѣдная Грѣза томилась,
 Видимо тая; прекрасныя очи померкли,
 Воображенье остыло, и прежнія чувства,
 Прежніе сердца порывы въ груди не рождались.
 Нѣсколько разъ мнѣ пыталась она о надеждѣ
 Что-то сказать, о жизни моей одинокой,
 И не могла, моя бѣдная Грѣза! Мечтанья
 Были безъ крыльевъ, и пламень небесный, питавшій
 Краткую жизнь ея близъ человѣка, ужъ гаснулъ.
 — „Грѣза! Вскричалъ я въ отчаяннѣ, въ страхѣ; ужели
 Ты оставляешь меня? О, куда мнѣ дѣваться?
 Не говори мнѣ о свѣтлыхъ надеждахъ, о жизни;
 Жизнь невозможна тому, кто знавалъ твои чары;
 Дай мнѣ глядѣть на тебя, наглядѣться на долго,
 Все мое сердце и очи тобою наполнить,
 Чтобы вездѣ тебя видѣть, какъ прежде, повсюду
 Образъ твой милый носить, какъ святыню съ собою!
 Помнишь ли, Грѣза, какъ въ битвѣ жестокой однажды
 Ты меня бросила въ полѣ съ тоскою о славѣ,
 Не прилетѣвшей съ вѣнками ко мнѣ, какъ мечтала я?
 О, какъ я много страдалъ безъ тебя, моя радость!
 О, какъ хотѣлось тогда умереть мнѣ! Напрасно
 Думалъ я сердцемъ о долгѣ къ отчизнѣ, къ семейству:
 Долгъ не украшенный Грѣзой смотрѣлъ непривѣтно;
 Лѣнь оковала мнѣ руки, какъ цѣпью... и вѣрно

Я заболѣлъ отъ тоски по тебѣ еще болѣ,
 Чѣмъ отъ томительной рапы. И вдругъ мнѣ нежданно
 Ночью послышался шумъ твоей легкой одежды.
 Слушаю сердцемъ и ухомъ... и ухо и сердце
 Вѣрить не смѣютъ... но такъ: это ты предо мною,
 Рѣзвая, милая, добрал, съ лаской во взорѣ.
 Я твои руки схватилъ, я глядѣлъ тебѣ въ очи,
 О, какъ блистали они! О, какъ видно въ нихъ было
 Великодушное чувство, желанье утѣшить...
 Грѣза! съ тѣхъ поръ я подумалъ, что горькой разлуки
 Мнѣ ужъ не вѣдать, что чистый союзъ нашъ
 Крѣпокъ до самаго гроба, который (мечталъ я)
 Ты мнѣ усыпишь цвѣтами надзвѣзднаго рая!...
 Но ты не слушаешь, бѣдная, милая Грѣза?....“
 — „Нѣтъ, я внимала тебѣ и съ тоской и съ любовью,
 Въ памяти всю мою жизнь пробѣгая съ тобою.
 О, какъ хотѣлось бы мнѣ поглядѣть на Гремучій,
 На Теребовль и на Сеймъ, и на старую няню;
 Какъ-бы хотѣлось еще разъ взойти въ ту пещеру,
 Гдѣ мы съ тобой познакомились съ дѣтства; оттуда
 Ты возвратишься въ твой міръ,... но съ растерзаннымъ сердцемъ!“
 Грѣза хотѣла взглянуть на мой домъ разоренный,
 На опустѣлый мой садъ, гдѣ безопасно мы въ дѣтствѣ
 Съ нею росли и рѣзвились; оттуда къ могиламъ
 Дѣдовъ пошли и молились оба у церкви.
 Молча спустившись съ горы къ Теребовлю, достигли
 До береговъ живописнаго Сейма, до чудной
 Лысой горы, а потомъ повернули къ колодцу;
 Ближній къ полянѣ утесъ оборвался въ Гремучій;
 Только струя, пробиваясь сквозь глину и камни,
 Напоминала о прошломъ печальнымъ роптаньемъ;
 Грѣза вздохнула и далѣ пошла подъ обрывы,
 Гдѣ начинается всходъ по ступенькамъ къ ущелью;
 Грѣза взошла и исчезла въ пещерѣ; за нею
 Я черезъ силу взобрался и палъ на камень
 Какъ-бы безъ чувствъ и движенія у входа. И скоро
 Передо мною въ пещерѣ разверзлась могила;
 Далѣ подъ сводами мнѣ показались тѣни,
 Всѣ облеченныя въ свѣтлыя ризы, съ цвѣтами
 На головахъ. Закурились оймьямы, и пѣнье
 Тихое, стройное грустно мой слухъ поразило.
 Скоро явилась печальная Грѣза, въ одеждѣ
 Вѣлой, какъ снѣгъ, и съ вѣнкомъ на прекрасной головкѣ,
 Сѣла у края могилы, взглянула съ тоскою

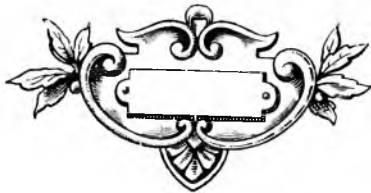
Въ темную глубь, и сквозь слезы ко мнѣ улыбулась.
 Двое изъ духовъ пещеры ей подали щить мой,
 Съ горемъ увидѣлъ на немъ я кровавыя пятна...
 Грѣза пыталась стереть ихъ одеждой своею,
 Но утомилась, и тихо сказавши мнѣ: „Поздно!“
 Бросила щить мой въ могилу. Потомъ я увидѣлъ
 Женщину съ лавромъ въ рукѣ и съ златыми лучами....

Сообщили В. Н. Полянскій и К. Я. Гротъ.

Стихотворная шутка С. А. Соболевскаго.

Нѣкто, плохой писатель, сочинившій водевилъ „Пустячекъ въ одномъ дѣйстви“, собралъ разные стихи и прозаическiя статьи старинныхъ писателей и озаглавилъ книгу: „Обозъ къ потомству съ книгами и рукописями“.

Грузя средь бѣда дня обозъ,
 Къ потомству лишь чужимъ товаромъ,
 Извозчикъ не сиротѣ, не даромъ
 Съ своимъ задерживаетъ возъ.
 Онъ знаетъ что добра такого,
 Съ мануфактуры Пустячкова,
 Какимъ даритъ перо ова,
 По улицамъ не пустятъ днемъ;
 А развѣ ночью втихомолку,
 Въ чану, воткнувъ него свѣтелку
 Съ привѣшеннымъ къ ней фонаремъ *).

*) Записано съ памяти, въ которой, исчезъ одинъ стихъ.

КЪ ИСТОРИИ ВОЙНЫ 1855 ГОДА ВЪ ЗАКАВКАЗЬИ.

Дневникъ генераль-лейтенанта И. Д. Попко *).

1855 годъ.

Январь.

7. Прибывшій изъ Абаранъ-поля подполковникъ Болдыревъ рассказываетъ, что тамъ мгла и мятели, какъ въ Сибири. Жители и сами не вылазятъ, и сожителствующиыхъ или четвероногихъ не выводятъ изъ норъ на свѣтъ Божій. Для личнаго употребленія и для питья скотины они проводятъ въ свои подземелья воду изъ находящихся на поверхности земли источниковъ. Добро: и ясли, и водопой вмѣстѣ! На ночь они закутываютъ единственное отверстие, которымъ сообщается воздухъ въ ихъ катакомбы, и тогда нѣтъ человѣческой возможности дышать сжатымъ, сгустившимся отъ разныхъ острыхъ испареній, подземнымъ воздухомъ. Армянинъ для того раздѣляетъ свою нору съ четвероногими, чтобъ въ зимніе холода пользоваться его жизненной теплотой. Болдыревъ сдѣлалъ простые сани и этимъ такъ удивилъ жителей, какъ будто изобрѣлъ Архимедовъ винтъ. Ибалкіе люди! Каждый годъ четыре мѣсяца бываютъ погружены въ снѣгъ, а употребленія саней не знаютъ.

8. Морозы съ инеемъ, вродѣ Иркутскихъ. Князь Ясса-Андрониковъ давалъ Грузино-россійскій обѣдъ для нужныхъ ему лицъ. Тамъ можно было видѣть всѣхъ случайныхъ людей, могущихъ производить и дождь, и ведро.

11. Поговариваютъ о чумѣ. Въ Елисаветполѣ одинъ житель рылъ у себя во дворѣ колодезь и нашалъ на гробъ, вмѣщавшій въ себѣ множество полуистлѣвшихъ труповъ. Изъ гроба вышелъ смрадъ,

*) См. „Русскій Архивъ“ 1909 года выпуски 6 и 12.

о которомъ люди, находящіеся на поверхности земли, и понятіе себѣ составить не могутъ. Нѣсколько человѣкъ, вдохнувшіе въ себя зловоніе могилы, заразились и умерли. Съ Елисаветполемъ прекращено всякое сообщеніе, и нѣтъ сомнѣнія, что пожаръ заразы будетъ потушенъ въ самомъ его началѣ.

15. Тихое и ясное утро. Сопровождаемые или, сказать точнѣе, предшествуемые чапарами, мы сдѣлали переходъ изъ Караклиса до Гамзачемана по ровной, хотя и поднимающейся все въ гору дорогѣ. Здѣсь уже встрѣчаются деревни Молоканъ. Русскія избы, Русскіе люди. Грустно видѣть этихъ изгнанниковъ изъ отечества такъ вѣрныхъ ему во всемъ кромѣ религиозныхъ убѣжденій. Это не духоборы, которые, измѣнивъ Русскому православію, вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнили и Русской народности, онѣмечились. Молоканы не утратили ни одной іоты ни изъ своей Русской наружности, ни изъ своего Русскаго быта. Спасибо еще правительству, что оно отвело для ихъ поселенія такую землю, гдѣ много лѣсу, много снѣгу и мятелей и много дорогъ для извозу.

16. Салоглы, Татарское селеніе, растяннувшееся по правому берегу Куры верстъ на 6. Отъ него во всѣ стороны разстилается долина окруженная горами. Зимой, когда на горахъ лежитъ снѣгъ и вздымаются мятели, въ долинѣ тепло и сухо. Въ лѣтніе мѣсяцы воздухъ въ ней бываетъ сильно согрѣтъ и сжатъ. Жители выходятъ на кочевки, въ горы. Они здоровы и красивы. Совсѣмъ не то, что Армяне.

Подышавъ въ Салоглахъ весеннимъ воздухомъ дня три, мы отправились въ Тифлисъ, гдѣ прогостили дней пять. Являлись къ начальству, дѣлали визиты и покупки, ѣздили по тѣснымъ и кривымъ улицамъ на дрожжахъ, были въ Итальянской оперѣ, про которую слѣдуетъ сказать: слушаешь три часа, а въ три дня ушей не приведешь въ порядокъ. О Тифлисѣ же вообще сказать надо, что онъ имѣетъ весьма крѣпкую позицію въ военномъ отношеніи, что онъ имѣетъ бани, изъ которыхъ выходишь грязнѣе, нежели входишь, что онъ имѣетъ смѣшанную архитектуру, смѣшанную народность, смѣшанные нравы.

Въ псходѣ Января мы возвратились въ Александрополь, переиспытавъ на нашемъ пути различные климаты и различныя времена года.

Февраль.

1. Масляница. Журна визжитъ. Солнце свѣтитъ и грѣетъ. Съ крыши сметають снѣгъ. По улицамъ грязь.

5. Суббота масляницы. Въ этотъ день въ здѣшнихъ школахъ происходитъ что-то странное, напоминающее Сатурналіи древняго Рима.

Собравшись въ школу, ученики надѣваютъ на ноги своему учителю феллаху и катаютъ его по пятамъ „чубуками“. Каждый ученикъ обязанъ по крайней мѣрѣ ударить одинъ разъ по пятамъ ходящаго по стезямъ мудрости.

9. Раболѣпный служитель алтаря совершалъ литургію въ походной церкви. Въ алтарѣ стоялъ дежурный штабъ-офицеръ. Въ одну изъ самыхъ торжественныхъ минутъ богослуженія онъ чихнулъ. Священникъ опустилъ свои воздѣтыя горѣ длани, прервалъ чтеніе молитвы и, обратясь къ чихнувшему, поклонился и пожелалъ ему добраго здоровья.

10. Небо сѣро, земля грязна, люди вялы и дряхлы, дома печальнѣе развалинъ, то же, что вчера.

11. Sta

12. tus

13. idem.

14. Прибытію новаго главнокомандующаго *) въ Тифлисъ предшествуютъ разказы болѣе или менѣе вымышленные о его строгости. При смотрѣ какого-то линейнаго баталіона онъ замѣтилъ, что одинъ солдатъ во фронтѣ слишкомъ вольно ворочается. „Отчего ты ворочаешься?“ спрашиваетъ главнокомандующій. „Озябъ, в. в.“ отвѣчаетъ солдатъ. „Прикажите его погрѣть“, говоритъ главнокомандующій, обратясь къ баталіонному командиру. Сей послѣдній велѣлъ вывести солдата за фронтъ и дать ему 25 лозановъ. По окончаніи смотра главнокомандующій спросилъ баталіоннаго командира: „Согрѣли-ль того солдата, что озябъ?“ — „Согрѣлъ“ отвѣчалъ баталіонный командиръ. „А сколько ему дали?“ — „25“. — „За вами 225“.

Вообще, говорятъ, генераль Муравьевъ чрезвычайно внимателенъ къ продовольствію солдата и къ содержанію его въ госпиталѣ за то и не плошай онъ на службѣ! Грузины говорятъ, что всякій главнокомандующій, съ какими бы строгими правилами ни прибылъ въ Тифлисъ, напившись воды изъ Куры, перемѣняется.

22. Вышли награды за Курюк-дара. У однихъ лица осунулись и омрачились, у другихъ подобрались и просіяли. Настоящій розыгрышъ лотереи.

23. Курды, перекочевавшіе въ наши предѣлы изъ Турціи прошлой осенью, осыпанные нашими ласками и червонцами, ушли обратно во свояси. Курдъ по турецки значитъ волкъ. А волка, сколько ни корми, онъ все въ лѣсъ смотреть.

*) Н. Н. Муравьева. П. Б.

27. Въ этотъ день мы сдѣлали переѣздъ изъ Александрополя до Караглиса. На однообразіе дороги грѣхъ было бы пожаловаться. Ъхали мы и по снѣгу, и по грязи, и по сухой пыльной дорогѣ попеременно.

28. Вотъ онѣ опять, Русскія избы. Въ каждомъ дворѣ у воротъ висятъ на шестахъ сдѣланные изъ сѣна махорки, конскіе хвосты въ миниатюрѣ. Эти вывѣски показываютъ, сколько въ какомъ дворѣ находится на постоѣ драгунскихъ лошадей. Вотъ оно Деликсанское ущелье. Спускаясь въ него, вы видите на высотѣ по лѣвую сторону разрушающуюся деревянную бесѣдку. Сіе брненное зданіе осѣняетъ источникъ кислой воды, про которую ни больные, ни здоровые люди ничего не знаютъ. Ущелье Военно-грузинской дороги, конечно, величественнѣе, грознѣе, но за то ущелье Деликсанское живописнѣе, разнообразнѣе. Здѣсь' виды мѣняются на каждомъ шагу; это картинная галлерія Закавказской природы. Для геологовъ—это разогнутая книга, написанная огнемъ и водой.

М а р т ъ.

1. Мы ѣхали по равнинѣ, окаймленной горами. Вправо тянулась цѣпь горъ, принадлежащихъ къ безчисленнымъ вѣтвямъ Безобдала: влѣво видѣлся обрывистый берегъ Куры, за нимъ синѣетъ полоса высотъ Кахетіи, а выше этой полосы гребень Кавказа. Воздухъ жаркій, дорога пыльная, поля обожжены, обнажены отъ чернозема, глинисты, худы, блѣдны, какъ лица мѣстныхъ жителей. Здѣсь на всякую пашню пускается вода изъ рѣчекъ посредствомъ многочисленныхъ канавокъ. Это единственное ея удобреніе. Мы переѣзжали чрезъ русла большихъ, какъ видно, рѣкъ, но рѣкъ мы не видѣли: ихъ нѣтъ дома, разбрелись по полямъ. Цѣлое лѣто будутъ онѣ гулять по полямъ и лугамъ, а на зиму возвратятся домой и поднимутъ кутежъ, да такой, что держись только мостовая управа благочинія.

Въ два часа мы вѣхали въ Елисаветполь. Сперва мы ничего не видѣли кромѣ высокихъ глиняныхъ заборовъ, высочайшихъ чинаровъ и необозримыхъ садовъ. Потомъ начали показываться тамъ и сямъ двухэтажные домики пріятной Персидской архитектуры. Наконецъ, узрѣли мы крѣпость, мечеть съ двумя высокими и круглыми минаретами, площадь, обсаженную кругомъ вѣковыми чинарами, лавки, людей въ остроконечныхъ Персидскихъ шапкахъ съ крашенными бородами и ногтями. Мы остановились въ домикѣ снаружи невзрачномъ, а внутри распisanномъ, какъ чертогъ въ Тысячѣ одной ночи. Здѣсь крыши уже не плоски, а горбаты. Преобладающій строительный матеріаль—глина. Женщины закутаны въ чадры.

2. Съ утра потянулись изъ города фургоны, плотно нагруженные Татарами разныхъ размѣровъ, которые шумѣли и стрѣляли изъ пистолетовъ прямо въ лицо тому, кто на улицѣ останавливался посмотреть на нихъ. За фургонами тянулись всадники, кто на конѣ, кто на ешахъ. Это Магометанское населеніе города отправлялось въ колонію Еленендорфъ праздновать тамъ свой ловругъ, новый годъ. Колонія Еленендорфъ прекрасно устроена. Колонисты дѣлаютъ хорошіе фургоны и дурное вино. Послѣднее, впрочемъ, безъ затрудненія потребляется Елисаветпольскими Шиптами, которые во время своихъ праздниковъ затѣмъ и ѣздятъ къ Нѣмцамъ, чтобъ у нихъ свободно, внѣ надзора женъ и эфендіевъ, упиться запрещенной влагой. Сами же колонисты отличаются трезвостью и строгостью нравовъ. Пѣніе мірскихъ пѣсень, музыка и пляска имъ воспрещены. Дѣвушка, сдѣлавшая невзначай антраша, и парень, свиснувшій самымъ невиннымъ образомъ, штрафуются денежной пеней въ пользу кирки.

5. Здѣшняя мечеть построена въ началѣ семнадцатаго столѣтія шахомъ Аббасомъ. Исполнскіе чинары, освѣняющіе домъ молитвы, гораздо старше его. Зданіе имѣетъ видъ опрокинутаго горшка или Татарской островерхой фески. Вокругъ мечети устроены кельи, какъ въ нашихъ монастыряхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ келій дѣти обучаются грамотѣ. Во дворъ мечети проведена вода, которою молебщики совершаютъ омовеніе предъ тѣмъ, какъ хотятъ войти въ храмъ. Паперть уставлена туфлями. Сторожъ, вооруженный палкой съ крючкомъ, приводитъ ихъ въ порядокъ. Тутъ есть туфли богатые и бѣдныя, туфли мірянъ и духовныхъ лицъ. Послѣднія непремѣнно зеленаго цвѣта, и пятки ихъ раззолоченныя. При выходѣ изъ мечети каждый молебщикъ, вложивъ ноги въ свои туфли, умываетъ себѣ лицо водой, плеснутой ему на руку изъ кувшина, находящагося въ рукѣ сторожа. За это къ ногамъ сторожа падаетъ мѣдная монета. Если эта монета содержитъ въ себѣ двѣ копейки, то рука, бросившая ее, опускается долу и безсовѣстно поднимаетъ оттуда одну копейку сдачи.

Всю вторую половину мѣсяца мы провели въ странствованіяхъ по мѣстамъ квартирнаго расположенія 8 и 9 драгунскихъ полковъ. Зябли мы подъ снѣгомъ на высотахъ Гокчинскаго озера и утирали потъ съ лица подъ знойнымъ солнцемъ на углубленной равнинѣ Елисаветпольскаго уѣзда. Гокчинское озеро, это удивительный (какъ сказалъ бы Русскій путешественникъ осьмнадцатаго столѣтія) феноменъ природы. Оно лежитъ на значительной высотѣ, на темени горъ. „На горахъ стануть воды“. Его положеніе имѣетъ нѣкоторое сходство съ Агданшовскимъ лиманомъ, что на Таманскомъ полуостровѣ; но оно

гораздо обширнѣе: оно поглощаетъ нѣсколько сотъ рѣчекъ и ручьевъ, а выпускаетъ изъ себя одну только рѣчку Зангу, текущую къ Эривани. Оно изобилуетъ рыбой, преимущественно и, кажется, исключительно, форелью. У гористаго берега, между Армянскимъ ауломъ Чубухлами и Молоканской деревней Еленовкой, выдается изъ пучинъ озера обнаженная скала. На ней стоитъ древній Армянскій монастырь. Проливъ, шириною въ версту, отдѣляетъ этотъ островокъ отъ материка. Почтовая дорога въ Эривань идетъ по скату прибрежныхъ высотъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно изъ тарантаса выбить трубку прямо въ озеро.

Поля по дорогѣ къ Елисаветполю зеленѣютъ хлѣбомъ, выросшимъ уже въ полчеловѣческаго роста и выбросившимъ колосья: а самый Елисаветполь, городъ построенный развернутымъ фронтомъ, утопаетъ въ зелени. Мы распивали чай въ садахъ, подъ тѣнью столѣтнихъ чинаровъ, при крикахъ заливчатскихъ драгунскихъ пѣсенниковъ. За нѣсколько дней до нашего приѣзда были въ Елисаветполѣ княжны Орбеліанова и Чавчавадзева, возвращавшіяся изъ плѣна отъ Шамиля. Онѣ попались въ его лапы 1854 года, во время дерзкаго и кровопролитнаго вторженія его въ Кахетію. Бѣдныя женщины, избалованныя свѣтскимъ воспитаніемъ, изнѣженныя роскошью, должны были сдѣлать нѣсколько сотъ верстъ труднаго горнаго путешествія, то толкаясь на костлявомъ крупѣ Лезгинской клячи, то карабкаясь на четверенькахъ по крутымъ скалистымъ тропинкамъ. Потомъ онѣ должны были провести девять мѣсяцевъ заточенія въ одной изъ тѣсныхъ и мрачныхъ землянокъ Иденей, столицы Шамиля, питаясь ячменнымъ хлѣбомъ и остатками мяса на кости, побывавшей на зубахъ имама. Одна изъ нихъ въ день плѣна была посажена на крупъ коня, позади широкоплечаго Лезгина. Одной рукой держалась она за поясъ своего *кавалера*, а въ другой держала своего грудного ребенка. Вдругъ прошумѣло Русское ядро. Она вздрогнула и уронила ребенка. Несчастная мать молитъ разбойника остановиться и поднять дитя. Напрасно: разбойникъ счелъ бесполезнымъ останавливаться изъ-за такой бѣздѣлицы. Послѣ ребенка, уже мертвый, былъ поднять своимъ отцомъ. На ночлегъ, въ горахъ, дрожащая отъ холода пльнница проситъ прикрыть чѣмъ-нибудь ея оледенѣлые члены: на неѣ набросили одѣяло. На другой день утромъ въ покрывшкѣ, обогрѣвшей еѣ, пльнница узнала одѣяльце, въ которое былъ завернутъ погибшій ребенокъ. За освобожденіе пльнницъ Шамилю возвращенъ его сынъ, офицеръ нашей службы, воспитанный въ Пажескомъ корпусѣ, и заплачено 40000 руб. сер. изъ государственной казны.

Въ погромѣ Кахетин, независимо отъ войскъ и военнопачальниковъ, винятъ нуцвала (старосту) богатѣйшаго и наиболѣ пострадавшаго селенія, Цинондаль. По существующему въ Грузіи обычаю изъ жатвеннаго времени нуцвалъ имѣетъ день, въ который работаетъ на него все подвѣдомственное ему населеніе. Случилось, что кровавый день Шамиля былъ вмѣстѣ и корыстный день нуцвала Цинондальскаго. Напрасно съ ранняго утра скакали отъ передовыхъ постовъ гонцы съ извѣстіемъ, что непріятель спускается съ горъ къ Алазани, нуцвалъ не хотѣлъ потерять свой день и выгналъ народъ въ поле. Тогда толпы Шамиля нахлынули на беззащитное селеніе и на поля, гдѣ жители, вооруженные одними серпами и разсѣянные въ беспорядкѣ, разумѣется, не могли оказать никакого сопротивленія.

При насъ происходилъ въ Елисаветполѣ нарядъ милиціонеровъ въ пѣшій Грузинскій полкъ. Это что-то въ родѣ казачьихъ полковъ прежнихъ временъ, временъ не то чтобъ Очаковскихъ и покоренія Крыма, а неурядничья и произвола и несправедливостей, которыя были одному Богу извѣстны. Впрочемъ Грузинскій пѣшій полкъ имѣетъ гренадерскій бой, хотя барабановъ и не имѣетъ. Это отличіе пожаловано ему вотъ по какому случаю.

Въ 1837 году, во время путешествія покойнаго Государя по Закавказью, командовалъ рѣченнымъ полкомъ полковникъ князь Ясса-Андрониковъ, человекъ продувной или, какъ у военныхъ людей говорится, *ловкій человекъ*. Чтобъ показать августѣйшему путешественнику образчикъ пѣшаго Грузинскаго полка, назначено было нарядить отъ того полка на Кодынскую почтовую станцію почетный караулъ. Въ полку были люди бѣдные и невзрачные, а въ окрестныхъ деревняхъ не было недостатка въ людяхъ рослыхъ, жирныхъ и богатыхъ. Вотъ этихъ-то людей заблагоразсудилъ ловкій человекъ, князь Ясса, убѣдить облечься въ праздничныя чохы, обшитыя галунами, и въ вооруженіе, блистающее богатой оправой, да и стать у Кодинской станціи подъ знаменемъ Грузинскаго пѣшаго полка. За этотъ легкій трудъ пообѣщаны суррогатамъ большія царскія милости. Стали. Зурна визжитъ, бубенъ ей поддакиваетъ. Государь пріѣзжаетъ и, восхищенный богатырскимъ видомъ національнаго почетнаго караула, жалуетъ пѣшему Грузинскому полку гренадерскій бой. „Что такое намъ пожаловали?“ спрашиваютъ простодушныя Грузины по отъѣздѣ Государя.—„Барабанный гренадерскій бой“, отвѣчаютъ имъ. „Какъ, барабанный бой? Тагъ Ясса заманилъ насъ сюда, чтобъ подвести подъ барабанъ? Мама-дзагла! мы же съ нимъ раздѣлаемся!“.. И разъяренные мужики ищутъ отпра-

вить ловкаго человѣка въ преисподнюю кладовую отжившихъ людей; но ловкій человѣкъ смегнулъ дѣломъ и скрылся *).

М а й.

Первый день мѣсяца Флоры былъ пасмурный и холодный, но за нимъ последовали дни тихіе и теплые.

24. Утромъ войска второй колонны стянулись къ Арпачайской переправѣ, построились четырёхугольникомъ, сняли шапки на молитву. По срединѣ этого одушевленнаго редута совершено напутственное молебствіе. Солнце жгло въ открытыя нами головы. Солдаты тѣснились около наоя и сыпали на него мѣдныя деньги. По окончаніи молебствія главнокомандующій обратился къ офицерамъ съ рѣчью, въ которой убѣждалъ пѣхотныхъ офицеровъ дѣлать походы на собственныхъ ногахъ. Затѣмъ войска перешли чрезъ Арпачай, на Турецкую сторону и потянулись по Гихнинской дорогѣ. На этой дорогѣ Гудовичъ и Паскевичъ нашли фельдмаршалскій жезлъ, а князь Бебутовъ Андреевскую ленту. Часа за два до вечера мы пришли въ сел. Пирвалей и у этого селенія, на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, расположились лагеремъ.

25. Юзбаша села Пирвалей явился къ намъ съ поклонами и съ пѣтухомъ въ рукахъ. Пѣтуха повергъ онъ къ нашимъ стопамъ для снисканія нашего благоволенія. Не принялъ ли онъ насъ за эскулаповъ? Въстникъ измѣны и отреченія оказывается беззаботнымъ весельчакомъ. Привязанный къ нашему штабу, *attaché à notre état*, онъ поетъ такъ же громко и свободно, какъ пѣваль, бывало, въ подвѣдомственномъ ему курятникѣ.

26. Три рубля, пожертвованные каждому солдату за Курюкъ-дарскую побѣду и только теперь дошедшіе до солдатскихъ рукъ, наполняютъ палатки пѣхоты шумомъ веселья. Черезъ Карсъ-чай устроены изъ арбъ два моста.

27. По переправѣ на правую сторону Карсъ-чая, мы перевалили черезъ Караялъ и разбили палатки на знакомомъ намъ полѣ. Дождь и небольшой градъ запечатлѣли появленіе наше на этомъ полѣ битвы и разрушенія.

31. Вѣтеръ шумитъ по полю, облака разгуливаютъ по небу, Карсъ-чай плещется въ своемъ каменномъ корытѣ, Русскій лагерь стоитъ надъ Карсъ-чаемъ, Русскій полководецъ думу думаетъ. Шах-

*) Здѣсь большой перерывъ въ рукописи. Авторъ не записываетъ ничего, оставивъ пометку „Nil novi“ (т. е. ничего новаго). С. *Фирфоровскій*.

матная доска раскинута, пѣшки разставлены. Нашъ главнокомандующій двинулъ пѣшку и ждетъ, какой ходъ сдѣлаетъ муширь; а муширь тяжель на подъѣмъ, и соображеніе у него неповоротливое. Не что Джонъ-буль, злодѣй, ему дастъ толчка и подскажетъ, какъ ступить.

Іюнь 3. До настоящаго времени находился въ нашихъ рукахъ санджакъ Шурагельскій, пограничный съ Александропольскимъ уѣздомъ и служившій театромъ войны до нынѣшней весны. Онъ населенъ Армянами и Каракалпахами. Съ этого населенія мы взяли въ прошломъ году багру (хлѣбную подать). Изъ людей, способныхъ носить оружіе, мы сформировали милицію. Съ наступленіемъ нынѣшней кампаніи, едва нашъ штыкъ сверкнулъ на холмахъ Анатолиі, какъ уже спѣшать отпасть отъ Оттоманскаго владычества и передаться намъ санджаки: Ардаганскій, Заришадскій и Галдырскій. Начальники сихъ областей явились къ главнокомандующему съ предложеніемъ быть покорными нашему правительству. Главнокомандующій чертитъ новыя границы санджакамъ, учреждаетъ въ нихъ свое правленіе, оцѣпляетъ ихъ своими линиями. Въ одномъ мѣстѣ будетъ заткнута пика Донца, въ другомъ повѣшена сабля Ширванца, въ третьемъ положена на подсошкѣ винтовка.

14. Большею частью нашихъ силъ произведено наступленіе къ Карсу. Мы шли отдѣльной колонной справа, прямо противъ Карадага. Оврагъ Куру-дара, по предписанію начальства, служить намъ Ариадниной нитью. Подойдя версты на три (а фланги и ближе того) къ линіи передовыхъ Карскихъ укрѣпленій, войска остановились въ боевомъ порядкѣ. Наша колонна стояла близехонько къ редуту, изъ котораго былъ открытъ огонь по линейнымъ казакамъ 4-го числа. Въ этомъ редутѣ особенно и по всей линіи вообще замѣтно было большое движеніе. Съ нагорныхъ укрѣпленій войска спускались внизъ. Вдоль линіи окоповъ по внѣшнюю сторону проѣхала тихимъ шагомъ пестрая толпа съ большимъ краснымъ знаменемъ. Не была ли это духовная, молитвенная процессія, призывавшая свыше, отъ жилища Пророка, крѣпость валу и груди правовѣрныхъ. Судя по войскамъ, стоявшимъ на шанцахъ, число гарнизона не соотвѣтствуетъ множеству и обширности укрѣпленій, нагороженныхъ вокругъ Карса, т. е. вокругъ города и старой цитадели, уже не носящей оружія. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, всѣхъ войскъ состоитъ на продовольствіи въ Карскихъ редутахъ до 24000 челов. Въ счету Лазы, призванные на защиту послѣдняго оплота Анатолиі; ихъ, говорятъ, будетъ чловѣкъ съ тысячу. Въ этомъ же счету и кавалерія. Послѣдней должно быть немного.

16. Нашъ лагерь передвинулся отъ Мерарадишка къ Ханы-кёву. Все впередъ. Aurelien disait que les guerriers doivent faire couler le sang des ennemis et non des pleurs des citoyens*).

17. Половина нашего отряда со всѣмъ лагеремъ и вагенбургомъ осталась на мѣстѣ, въ виду Карса, а другая, подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго, двинулась налегкахъ правой стороной Карсъ-чая по большой Эрзерумской дорогѣ. Наша кавалерійская колонна шла сзади. Миновавъ скалу Гелинъ-кая (Невѣсткинъ Утесъ) по правую сторону и перейдя пересѣкающій дорогу ручей Хоршанъ-Агалъ-Су, мы повернули лѣвымъ плечомъ, перебрали на лѣвый берегъ Карсъ-чая и здѣсь имѣли привалъ. Пѣхота съ обозомъ переправилась выше насъ у сел. Бююкъ-Текше. Близъ этого селенія виденъ ровъ. По розказнямъ стариковъ онъ изрыгъ Персидскимъ полководцемъ Таймазь-ханомъ для отвода Карсъ-чая въ сторону. Во дни дны, Таймазь-ханъ осаждалъ крѣпость Карсъ. Въ одну бессонную ночь забилась въ остроконечную шапку хана остроумная мысль совратить Карсъ-чай съ пути истиннаго и тѣмъ лишитъ осажденныхъ воды. Задумано и сдѣлано. Въ одно туманное утро, осажденные увидѣли, что Карсъ-чай измѣнили. бѣжалъ отъ нихъ безъ всякой уважительной причины. Протираютъ бѣдные люди глаза, смотрять-посмотрять, ждуть-подождуть, не одумается ли Карсъ-чай, не придетъ ли, не принесетъ ли водицы. Итъ, не идетъ Карсъ-чай, не несетъ обычной ноши. Жажда томитъ осажденныхъ, а Таймазь-ханъ самодовольно поглаживаетъ свою красную бороду. Вотъ, вотъ, думаетъ, выползутъ изъ своей труппы и распластуются у моихъ туфель. Вай, вай, не погуби, не дай засохнуть во цвѣгъ лѣтъ; въ твоей рукѣ, стало бытъ, источникъ жизни. Но не тутъ-то было. Осажденные взялись сперва за умъ, а потомъ за лопату и добыли себѣ воду изъ колодезей.

20. Наша передовая колонна поднялась съ полуночи, двинулась по тѣсному ущелью впередъ, къ сел. Янги-кёвъ (Новоселица) и сдѣлала тамъ привалъ. Въ этомъ селеніи найденъ значительный складъ ячменя, пшеницы и сухарей. Позавтракавъ Турецкими сухарями и оставивъ часть войскъ при складѣ, для охраненія его, мы пошли опять по ущелью и въ полдень заняли сел. Кара-урганъ. Селеніе было пусто; только человекъ девять Грековъ работали въ пекарнѣ. Главный пекаръ указалъ намъ амбаръ съ сухарями, съ мукой, съ пшеницей. Всего много. Нашимъ Курдамъ позволено набрать муки. Они броси-

*) Аврелианъ говорилъ, что войны должны проливать кровь непріятелей, а не слезы гражданъ.

лись въ амбаръ, толпой, кто съ мѣшкомъ, кто съ плащемъ. Между тѣмъ Мусульмане наши вышарили въ пустыхъ сакляхъ улей съ пчелами и бросились выдирать изъ нихъ медъ съ жадностью истинно медвѣжьей. Вечеромъ изъ Турецкой муки по всему лагерю пеклись левашп на камешкахъ и варились галушки въ малыхъ котелкахъ. Последнее обстоятельство было не по сердцу нѣкоторымъ сердобольнымъ полковымъ командирамъ. Одинъ изъ нихъ, подойдя къ графу*), говорить ему съ самымъ престодушнымъ негодованіемъ: „Бѣды надѣлала эта Турецкая мука, чтобъ ея совѣмъ не было! Люди завели стряпню галушекъ и жгутъ, каналы, котелки... Котелки, извольте видѣть, форменные; имъ положено быть при чемоданѣ въ трокѣ. Съ какой же стати на огонь-то ихъ ставить? На то есть артельные солдатскіе котлы“. Изъ непріятельскихъ запасовъ, нами найденныхъ, мы забрали сухарей и сколько могли ячменя. Остальное сожгли, пекарни разрушили, пекарей взяли съ собой. Всѣхъ непріятельскихъ запасовъ уничтожено нами до 20000 четвертей.

24. Изъ Карса непріятель ничего не предпринималъ противъ нашихъ войскъ, остававшихся на позиціи при сел. Хань-кѣвъ. Муширь вѣрно чувствуетъ себя неловко. Совѣтникъ его сэръ Вилліамъ, какъ видно изъ одного перехваченнаго письма, уже намѣренъ дать тягу изъ Карса, изъ этого дыряваго полога, сквозь который налетаютъ комары.

Страна, нами пройденная, прекрасна. Климатъ свѣжій и здоровый. Земля плодородна, обильно орошена водой, снабжена лѣсомъ и другими строительными матеріалами; нигдѣ не встрѣтишь ни садоваго дерева, ни огорода, ни хорошо разработанной дороги, ни хорошо устроеннаго моста, ни мызы, ни даже дома. Деспотизмъ и невѣжество стоятъ съ бичемъ на чертѣ естественнаго состоянія человѣка и говорятъ: не выходи! Селенья состоятъ изъ тѣхъ же норъ, какія мы видѣли на Арпачаѣ. Мечети мрачны и грязны. Нѣтъ въ нихъ и тѣни того благолѣпія, какое мы привыкли видѣть въ нашихъ даже бѣднѣйшихъ домахъ молитвы. Здѣсь ко всякому собственному названію деревни прибавляется кѣвъ, какъ въ Персіи ченни. То и другое значитъ селитьба; ко всякому названію рѣки прибавляютъ чай, чтѣ и значитъ рѣка.

27. Обѣдъ у главнокомандующаго. Обѣдало 14 человекъ. Въ этомъ числѣ личностей было 10 націй: Нѣмецъ, Черногорецъ, Полякъ, Шведъ, Чухонецъ, Грекъ, Грузинъ, Армянинъ, Куртинъ, остальные Русскіе. Во время обѣда прибыли парламентары изъ Карса: одинъ кавалерій-

*) Ниродъ? П. Б.

скій офицеръ, другой лекаръ. Первый исполнилъ, второй пигмей. Эти неравномѣрные люди препроводили въ нашъ лагерь нашихъ раненыхъ духанщиковъ Грузинъ, взятыхъ въ плѣнъ баши-бузуками назадъ тому съ недѣлю. Гоняясь за барышами, отправились эти духанщики на 20 арбахъ самовольно изъ нашего лагеря въ Александрополь. Ни прикрытiя, ни оружія при нихъ не было. Были только при нихъ порожніе бурдюки да туго набитыя кнсы. На нихъ наткнулась небольшая шайка баши-бузуковъ и безъ труда овладѣла ими, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были ранены саблями.

Турецкій офицеръ одѣтъ въ синій короткопозый двухбортный кафтанъ, съ бархатнымъ воротникомъ и въ сѣрые клѣтчатые панталоны. Съ боку кривая сабля, на головѣ феска. Сапоги на немъ большіе, грубо сшитые, а походка у него тяжелая, увѣсистая. Малорослый лекаръ одѣтъ въ Европейское цивильное платье, а на головѣ феска. На вопросъ: въ какой онъ состоитъ должности, онъ отвѣчалъ съ важностью, которая совсѣмъ не шла къ нему: *je suis chirurgien en chef de l'armée d'Anatolie**).

Іюля 1. Изъ Карса каждый день выбѣгаютъ въ нашъ отрядъ баши-бузуки, кавалерійскіе солдаты, итущерные стрѣлки, обыкновенные пѣхотные солдаты, а также торговые, рабочіе и другихъ сословій люди. Изъ показаній ихъ добыты слѣдующія свѣдѣнія о настоящемъ положеніи Карса. Цѣны на жизненные припасы въ короткое время удвоились. Звонкой монеты въ обращеніи немного. Бумажныя деньги ходятъ съ пониженіемъ 20% ихъ указной цѣнности. Городская жизнь идетъ своимъ чередомъ, но съ каждой нашей рекогносцировкой подъ стѣны Карса въ городѣ происходитъ смятеніе: лавки закрываются, базаръ разбѣгается, Мусульманское населеніе берется за оружіе. Этому населенію розданы ружья, а христіанскому нѣтъ. Для доставленія гарнизону печенаго хлѣба непрерывно работаютъ 12 пекарней. Средняя изъ нихъ дѣлаетъ въ сутки пять печевъ, а въ каждомъ печевѣ заключается 250 таиновъ, суточныхъ раціоновъ. Одиннадцать пекарней снабжаютъ хлѣбомъ солдатъ и баши-бузуковъ, а двѣнадцатая офицеровъ и госпиталя. Рабочихъ при пекарняхъ 40 человекъ, всѣ Греки. Работаютъ они по порядку. Дровъ и соли у нихъ мало. Для полученія первыхъ подрядчикъ покупаетъ на словъ старые дома, а для пріобрѣтенія послѣдней покупкою изъ частныхъ магазиновъ требуется иногда содѣйствіе полиціи. Содержаніе солдата до войны было лучше, во время войны сдѣлалось скуднѣе. Жалованье получается неисправно. Муширъ

*) Я главный хирургъ Анатолійской арміи.

показывается не такъ-то часто. Онъ человѣкъ не совсѣмъ новаго покроя, носитъ бороду и плохо разумѣетъ строевую службу. Съ Энглизъ-пашею (Вилліамсомъ) онъ не ладитъ; за то и дѣйствительнаго вѣсу имѣетъ мало. Одинъ изъ пашей, Керимъ-паша, и Вилліамсъ ворочаютъ дѣлами. Гарнизонъ не перестаетъ упрочивать прежнія табіи (укрѣпленія) и возводитъ новыя. Карсъ дышетъ не свободно. Эрзерумская дорога его дыхательное горло. Занявъ эту дорогу, мы сдавили ему глотку.

2. Съ полуночи выступилъ изъ лагеря кавалерійскій отрядъ съ одной конной батареей. Онъ потянулся въ направленіи къ Ардагану, лѣвѣе отъ Карса.

3. Взошедшее солнце освѣтило упомянутый отрядъ недалеко отъ сел. Чахмаха, за которымъ высятся сѣверныя укрѣпленія Карса. Полкъ регулярной Турецкой кавалеріи спустился изъ этихъ укрѣпленій и простоялъ на полу-горѣ, въ полковой колоннѣ, пока Русскій отрядъ перетянулся чрезъ глубокой оврагъ и пошелъ себѣ дальше, огибая Карсъ съ Запада на Востокъ. Мы видѣли тылъ Карса. Мы прошли за кулисами этой арены, на которой скоро польются ручьи человеческой крови. Карсъ-чай течетъ по равнинѣ, у подошвы горы. Вдругъ, какъ испуганный конь, онъ запнулся, бросился въ сторону, къ горѣ, разсѣкъ эту гору поперекъ и помчался далѣе, опять въ прежнемъ направленіи. Вотъ на этомъ то прыжкѣ въ сторону, въ глубинѣ поперечнаго разрѣза горы, сидитъ Карсъ. По одну сторону рѣки высоты Карадага, по другую Чахмахъ. Первый неприступенъ, послѣдній гораздо снисходительнѣе. Здѣсь Турки помѣстили свои лучшія войска и отсюда ожидаютъ приступа.

Пройдя нѣсколько верстъ внизъ по лѣвому берегу Карсъ-чая, мы открыли у дер. Мелинъ-кѣвъ Турецкихъ фуражировъ и схватили нѣсколко человѣкъ изъ нихъ, въ томъ числѣ одного офицера. Шайка баши-бузукъ, бросивъ везенные ею вьюки травы, успѣла перескочить на другой берегъ Карсъ-чая. Наши Карабачи преслѣдовали её и имѣли съ ней пустую перестрѣлку. Взятіе непріятельскихъ фуражировъ послужило Черкесамъ поводомъ къ грабежу. Примѣръ Черкесовъ увлекъ Курдовъ. Чрезъ нѣсколько часовъ небо задвинулось сѣрыми тучами. Пошелъ холодный дождь. Отрядъ наполнился награбленными кобылами и ешаками. Жеребцы огласили воздухъ ржаніемъ, ешаки подняли свой отвратительный ревъ. Турки, хозяева заграбленныхъ животныхъ, бѣжали пѣшіе за отрядомъ и выли. Ненастнѣйшій изъ вечеровъ наступилъ. Мрачная была картина. Отрядъ почевалъ въ глубокой долинѣ, на берегахъ рѣчки Джелауза.

4. Проведя цѣлый день въ бесплодныхъ поискахъ по дорогамъ, ведущимъ въ Карсъ изъ Ардагана, отрядъ имѣлъ ночлегъ на рѣчкѣ Инжа-су, у пустого аула.

5. Снявшись съ ночлега, отрядъ вторично направился въ Джелаузскую долину, перешель рѣчку Джелаузъ и потянулся по трудной горной дорогѣ, въ направленіи къ Ардагану. Послѣ значительнаго перехода продолжительный привалъ. Не идутъ ли войска на подмогу осажденному Карсу? Не везетъ ли туда казна, или хлѣбець, или зелье огнестрѣльное? Нѣтъ, нигдѣ не видно ни подмоги, ружьями сверкающей, ни арбы съ колесами безшинными, вмѣстѣ съ осью вертящимися, съ хозяевами, трубку молча курящими, ни коня черводарскаго, крашеной гривой потряхивающаго, бубенчиками гремящаго. Только вѣтеръ шумитъ по скалистымъ гребнямъ горъ. Солнышко начало спускаться къ Западу. Отрядъ поднялся, встряхнулся, зѣвнуль, повернулъ коня назадъ и пошелъ вѣпать по своимъ слѣдамъ. Вотъ ужъ солнце красное съ неба свалилось, вотъ ужъ молодой мѣсяць всплылъ на Западѣ, и около него одна звѣздочка увивается, одна одишенька, сердечная; вотъ ужъ и темень тьмущая овраги наполнила, на горы взгромоздилась, а отрядъ все идетъ. Онъ Карсъ обходить. Тишину соблюдать приказываютъ, трубки курить не велятъ.

Отрядъ возвратился въ лагерь, гдѣ главнокомандующій его встрѣтилъ и пропустилъ мимо себя. Чтò за пестрая вереница! Драгуны, Линейцы, Донцы, Черкесы, Армяне, Татары, Курды...

13 Июля 1855 года. Лагерь при с. б. Текме.

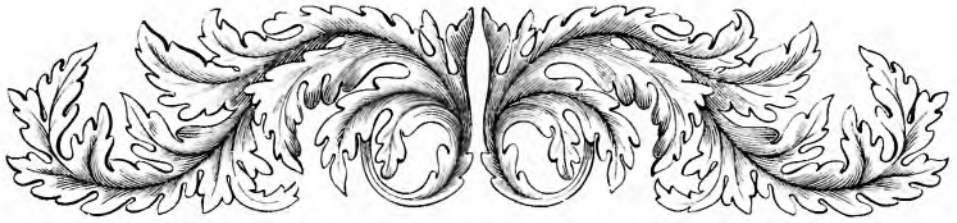
Добровольно вышедшій изъ Карса, Арабестанскаго корпуса 4-го кавалерійскаго олая, 3-го бемока рядовой Мамедъ-Сане-Юсупъ-оглы рассказываетъ. Я родомъ Грекъ изъ Бейрута. Воспитанъ я былъ въ Греческой вѣрѣ, но одно обстоятельство, угрожавшее мнѣ висѣлицей, заставило меня сдѣлаться Мусульманиномъ. Послѣ сего я былъ принятъ на военную службу, къ чему имѣлъ собственную охоту. Служу я уже шестой годъ и въ Карсъ нахожусь третій годъ.

Нашъ олай расположенъ на Чахманской сторонѣ, въ Али-пашатабѣн. Онъ состоитъ изъ 4 бемоковъ, а въ каждомъ бемокѣ находится отъ 70 до 95 человекъ. Миралой, командующій нашимъ олаемъ, зовется Кадыръ-бекъ. Нашъ олай зимовалъ въ окрестностяхъ Ардагана, откуда пришелъ въ Карсъ въ первыхъ числахъ Мая. Въ теченіи мѣсяца Мая, продовольствіе намъ шло безъ малѣйшаго недостатка. Мы получали хлѣба $\frac{3}{4}$ ока (300 драхмъ), имѣли мясную порцію и пловъ. Съ наступленіемъ же Іюня и далѣе до Іюля, отпускавшееся намъ продовольствіе убавлялось все болѣе и болѣе. Наконецъ, съ первыхъ чиселъ Іюля, войскамъ начали давать только по $\frac{1}{2}$ ока хлѣба и пустую ка-

шицу безъ мяса. Если и случится, что дадутъ мясную порцію, то развѣ одинъ разъ въ десять дней. Такъ какъ на мнѣ лежала обязанность постоянного пріемщика фуража и, отчасти, провіанта для эскадрона, то по этому случаю я имѣлъ знакомство съ людьми, служащими при провіантскихъ магазинахъ, и отъ этихъ людей, въ особенности отъ одного христіанина, Грека, весьма хорошаго моего пріятели, я слышалъ заподлинно, что всѣхъ имѣющихся въ Карсѣ хлѣбныхъ запасовъ можетъ достать отъ 1-го числа Іюля впередъ на 40, а самое большее на 45 дней, и то при самыхъ ограниченныхъ дачахъ, а именно: если отпускать на каждаго человѣка въ сутки по 200 драхмъ, или, что то-же, по $\frac{1}{2}$ oka хлѣба. Рису же можетъ достать только на 30 дней, если отпускать въ сутки на одного человѣка по 27 драхмъ (18 золотниковъ). Отпускъ зернового фуража для продовольствія строевыхъ лошадей (какъ значится по веденной мною въ эскадронѣ и при семъ представляемой расходной тетради) производился слѣдующимъ образомъ: мѣсяца Іюня въ сутки на одну лошадь съ 1 числа до 18—3 oka; съ 18 Іюня до 4 Іюля—2 oka. 4-го Іюля выдано по одному оку на лошадь, и затѣмъ отпускъ ячменя изъ магазина прекращенъ. А какъ нашъ олай забилъ экономію 1000 оговъ, то этимъ количествомъ экономическаго ячменя приказано довольствовать лошадей той части олая, которая выходитъ на аванпосты. Въ этотъ нарядъ выходило отъ нашего олая на день пол-взвода, а на ночь одинъ эскадронъ. Означенное довольствіе рассчитано на 15 дней. Остальныя же лошади въ теченіе этого времени никакой дачи ячменя получать не должны. По прошествіи же 15 дней (такъ по крайней мѣрѣ объявлено), опять будетъ производиться дача ячменя всѣмъ лошадямъ въ полку. Распоряженіе это сдѣлано, говорятъ, потому, что въ теченіи означенныхъ 15 дней лошади могутъ еще перебиваться кое-какъ травою, а потомъ, можетъ быть, и травы нельзя будетъ доставать. Вышеупомянутая экономія составила оттого, что полкъ требовалъ фуража на лишніхъ лошадяхъ, которыхъ на лицо не было. А сверхъ того было предписано отъ меджелиса, чтобы полкъ оставлялъ въ экономіи отъ каждой суточной (на весь полкъ) дачи, то 25, то 30, то 35 оговъ ячменя. Лошади въ нашемъ олаѣ въ настоящее время всѣ вообще худы, а въ Маѣ были онѣ въ весьма хорошемъ тѣлѣ.

Назадъ тому съ недѣлю произведена, какъ говорятъ, по предложенію Энглизъ-паши, слѣдующая перемѣна въ вооруженіи нашего олая: въ двухъ бемокахъ у половины людей отняты пики, и намѣсто ихъ даны пѣхотныя ружья, которыя возятся на погонномъ ремнѣ за спиной. Штыковъ при этихъ ружьяхъ нѣтъ. Ружья эти даны вѣроятно съ тѣмъ, чтобъ увеличить число карабинеровъ, такъ какъ ихъ слишкомъ мало.

БИОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О И. Д. ПОПКО.

Иванъ Діомидовичъ Попко родился въ 1819 г. 28 Августа. Онъ былъ сынъ протоіерея войскового сословія бывшаго Черноморскаго казачьяго войска. По окончаніи курса Московской Духовной Семинаріи, онъ поступилъ въ 1841 г. на службу рядовымъ казакомъ въ 10-й конный полкъ бывшаго Черноморскаго войска.

Въ теченіи 52-лѣтней службы Попко въ младшихъ чинахъ послѣдовательно занимаетъ разныя должности, непрерывно участвуя въ экспедиціяхъ и дѣлахъ, предпринимаемыхъ въ 40 и началѣ 50 годовъ противъ горцевъ. Въ 1854 г. въ должности дежурнаго штабъ-офицера при корпусѣ, дѣйствовавшемъ на Турецкой границѣ, онъ принималъ участіе во всѣхъ сраженіяхъ Восточной войны вплоть до заключенія мира, причѣмъ на него неоднократно возлагались обязанности завѣдывать передовыми постами отъ кавалеріи.

За боевыя отличія въ этой войнѣ Попко былъ переведенъ въ гвардейскій Черноморскій дивизионъ. По окончаніи войны онъ несъ службу въ этомъ дивизионѣ, въ С. Петербургѣ до 1858 г., когда переведенъ былъ въ бывшее главное управленіе иррегулярныхъ войскъ. Въ 1864 г. снова начинается строевая его служба въ родномъ Черноморскомъ войскѣ, куда уже, въ чинѣ полковника, назначенъ онъ былъ командиромъ Псекупскаго полка, которымъ командовалъ до преобразованія въ 1871 г. Кубанскаго казачьяго войска и затѣмъ уже въ чинѣ ген.-майора назначенъ сперва въ распоряженіе наказнаго атамана Кубанскаго казачьяго войска, а въ 1874 г. состоялъ при Кавказской арміи, въ каковой должности и находился до самой смерти, живя безвыѣздно въ Ставрополѣ.

Въ 1878 г. Ставропольское и Кубанское дворянство, чтя заслуги Ивана Діомидовича и питая уваженіе къ его дѣятельности, избрало его губернскимъ предводителемъ дворянства и затѣмъ каждое трехлѣтіе единогласно избирало покойнаго.

Во время послѣдней Турецкой войны И. Д. былъ вновь вызванъ къ боевой дѣятельности, назначенный въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1877 г. состоять въ распоряженіи командовавшаго дѣйствующимъ корпусомъ на Кавказско-Турецкой границѣ; вслѣдъ за симъ ему поручено было управленіе всѣми покоренными

въ то время санджаками, расположенными въ районѣ главныхъ силъ и Ахалцихскаго отряда, а потомъ онъ былъ назначенъ начальникомъ военно-народнаго управленія въ занятомъ дѣйствующимъ корпусомъ краѣ, наконецъ. по взятіи Карса—начальникомъ вновь образованной Карской области, каковую должность онъ занималъ до Іюня мѣсяца 1878 г. По окончаніи войны покойный снова обратился къ мирной дѣятельности по званію губернскаго предводителя дворянства; за отличіе же въ войнѣ и особые труды по управленію занятымъ краемъ онъ награжденъ чиномъ генераль-лейтенанта и орденомъ св. Анны I-й степени.

На него не разъ возлагались различныя порученія, и онъ принималъ участіе въ разныхъ комиссіяхъ. Такъ, по особому довѣрію и выбору Н. Н. Муравьева, онъ назначенъ былъ послѣ сдачи Карса начальникомъ Карской области, и въ этой должности онъ состоялъ по день передачи Туркамъ Карса.

Съ 1858 г. по 1861 г. состоялъ онъ дѣлопроизводителемъ и редакторомъ комитета для составленія устава о строевой службѣ въ казачьихъ войскахъ; затѣмъ членомъ комитета для начертанія проекта положенія о Кубанскомъ казачьемъ войскѣ; а по особому назначенію и ходатайству Его Императорскаго Высочества Намѣстника Кавказскаго членомъ въ комитетѣ по составленію положенія о Кубанскомъ и Терскомъ казачьихъ войскахъ и членомъ-редакторомъ въ комиссіи по выработкѣ положенія о юнкерскомъ училищѣ для казаковъ названныхъ войскъ. Последнею наградою ему былъ орденъ св. Александра Невскаго, въ 1888 году.

Попко извѣстенъ какъ изслѣдователь, лучшій знатокъ и писатель о казакахъ, своихъ родичахъ. Труды его пользуются заслуженною извѣстностью, составляя въ настоящее время, въ большинствѣ случаевъ, библиографическую рѣдкость.

Первые труды покойнаго были напечатаны подъ псевдонимомъ „Помандруйко“; изъ числа ихъ наибольшую славою пользуется изданная въ 1853 г. довольно объемистая книга „Черноморскіе казаки въ ихъ гражданскомъ и военномъ быту“, за которую Попко награжденъ бриллиантовымъ перстнемъ съ рубиномъ. Въ сочиненіи этомъ, въ живыхъ краскахъ, авторъ познакомилъ читающую публику съ бытомъ, жизнію, устройствомъ и исторіею возникновенія Черноморцевъ.

Извѣстны также его труды, вышедшіе отдѣльно: „Историческіе и біографическіе очерки“, составляющіе какъ-бы дополненіе къ первому труду и изданные значительно позднѣе; далѣе, „Терскіе казаки. историческій очеркъ“. Самый же ранній трудъ покойнаго и по времени составленія первый,—это составленное во время путешествія по Кавказу покойнаго Императора Александра II (тогда еще Цесаревича), „Статистическое описаніе Черноморскаго войска“, за что ему былъ пожалованъ въ 1850 г. бриллиантовый перстень. Покойный И. Д. всегда готовъ былъ прійти на помощь занимающимся разработкою исторіи или полковъ Кавказской арміи, или быта и устройства края: къ его ука-

занію и руководительству не разъ прибѣгали почти всѣ позднѣйшіе изыскатели, какъ къ лучшему и добросовѣстному знатоку, и онъ всегда отзывчиво относился ко всѣмъ, наставляя и покровительствуя, служа самъ живою справочною книгою.

И. Д. Попко скончался въ Харьковѣ 30 Августа 1893 г. (Изъ 242 номера газеты „Кавказъ“ 1893 г.).

(Сообщено С. В. Фарфоровскимъ).

КНИЖНЫЕ ТРУДЫ И. Д. ПОПКО.

Помандруйко. (И.) Пластуны. Ставропольскія Губернскія вѣдомости, 1855 г., №№ 13—15, 18—20.

Попко. (И.) Закубанскіе воры. Изъ записокъ пластуна. Русскій Инвалидъ 1855 г., № 72, и отд. Спб. 1855. Перепечатано въ „Кавказѣ“, 1855 г., № 34, „Путешествіе Тифлискаго фельетониста вокругъ газетнаго стола“.

Помандруйко. (И.) Нѣкоторыя свѣдѣнія о Черноморскомъ казачьемъ войскѣ. Русскій Инвалидъ, 1857, № 192.

Попко. (Ив.). Черноморскіе казаки въ ихъ гражданскомъ и военномъ быту. Очерки края, отечества, вооруженій, силы и службы въ 17 разсказахъ, съ эпилогомъ, картою и 4 рис. въ текстѣ. въ 2 частяхъ. Спб. 1858, 8^о, XIV, II+292 с.

Есауль. Темрюкъ. Военный Сборникъ, XIV (№ 8), отд. II, ст. 439—464. (Описаніе Черноморья).

Есауль. Походный дневникъ (1854—1855). Военный Сборникъ, 1860, т. XI (№№ 2)—XIV (№ 7).

Попко. (И.) Историческіе и биографическіе очерки. Къ фотографическимъ снимкамъ и картинамъ, предоставленнымъ отъ Кубанскаго казачьяго войска на Московскую Политехническую выставку 1872. Екатеринодаръ. 1872. (Описаніе войсковыхъ знаменъ и регалій, боеваго снаряженія и типовъ Черноморскихъ казаковъ въ исходѣ XVIII и въ началѣ XIX ст., форма обмундированія и снаряженія офицеровъ и нижнихъ чиновъ Кубанскаго войска; 17 біографій).

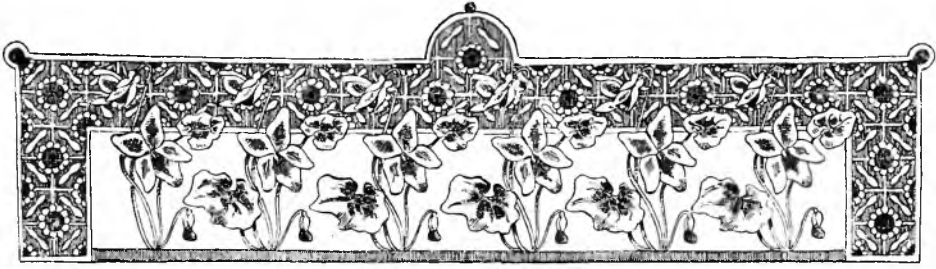
Попко. (И.) Терскіе казаки въ стародавнихъ. Историческій очеркъ. Выпускъ I. Гребенское войско (Съ вступительнымъ очеркомъ, примѣчаніями и приложеніями). Спб. 1880, 8^о, XIII III 516 с.

Есауль. Пѣшіе казаки. Военный Сборникъ, 1860, № 1 (т. XI), отд. II, 107—134. (Состояніе Черноморскаго войска 1803.—1823 гг., вооруженіе казаковъ и охраненіе ими линій; преобразованія 1843 г.; защита Ольгинскаго укрѣпленія въ 1849 г.).

Есауль. Черноморскіе пластуны въ Севастополѣ. Военный-Сборникъ 1874 г. № 6.

(Сообщено Е. П. Козубскимъ).

ПО ПОВОДУ ЗАПИСОКЪ АРХІЕПИСКОПА САВВЫ.

Записки архіепископа Саввы раздѣляютъ судьбу почти всѣхъ подобнаго рода произведеній: ихъ современность обратно пропорціональна ихъ изобразительности, живости и „чѣмъ ближе день—блѣднѣе тѣни“, чѣмъ современнѣе излагаемыя событія, тѣмъ тусклѣе и безжизненнѣе дѣлаются эти описанія. Приходится сказать, что на разсматриваемомъ VIII томѣ это особенно замѣтно.

Повидимому и многолѣтній опытъ автора, умудреннаго знаніемъ людей и практической жизни, позволявшей ему видѣть этихъ людей во всевозможныхъ положеніяхъ, и безхитростная ихъ откровенность, не допускавшая даже мысли, что всѣ письма и отвѣты на нихъ сохранятся и полностью войдутъ въ автобіографіи, все это должно было сообщить Запискамъ особый интересъ и полноту. На самомъ же дѣлѣ предъ нами часто мелькаютъ цѣлыя страницы, напоминающія собою официальные отчеты епархіальныхъ вѣдомостей.

Трудно повѣрить, что эти страницы писаны той же рукой, которая потрудилась надъ первыми томами. Ни блесокъ остроумія, ни ѣдкой ироніи, ни рѣзкой, а подчасъ злой, критики, приправленной сарказмомъ, ничего здѣсь нѣтъ и слѣда, хотя человекъ оставался все тотъ же. Куда исчезло все это? И повиненъ ли въ этомъ авторъ? По моему глубокому убѣжденію—нѣтъ: виною всему служитъ наша Русская склонность поприкрыть, пропустить, показать, что все обстоитъ благополучно и ничего особеннаго не было, хотя „особенное бываетъ всегда и вездѣ“.

Осьмой томъ Записокъ архіепископа Саввы начинается 1886 и кончается 1889 гг. Въ половинѣ Января протоіерей Иларіоновъ писалъ: „Въ Харьковѣ вызвали оживленный говоръ два событія: уходъ губернатора въ Псковъ и переводъ Ахтырскаго училища въ Сумы. Первое совершилось, послѣднее началось. Уходъ губернатора произвелъ на всѣхъ пріятное впечатлѣніе, хотя Харьковцы, по принятому обычаю провожать всѣхъ обѣдами, давали обѣдъ и для Искуля, на которомъ, конечно, говорилось множество рѣчей, наполненныхъ лестью и ложью, такъ какъ Искуль для Харькова ничего добраго не сдѣлалъ, да и не могъ сдѣлать въ короткое пребываніе (два года); къ тому же онъ истый Нѣмецъ, до мозговъ въ костяхъ проникнутый одною мыслию всюду приносить пользу Нѣмцамъ. Давая обѣдъ дворянамъ у себя въ квартирѣ, онъ, между

Прочимъ, высказался такъ: вы, господа дворяне, не думайте, что я имѣю какія либо симпатіи къ архіерею¹⁾; я Лютеранинъ и ничего съ нимъ не могу имѣть общаго; я всецѣло принадлежу вамъ. Губернаторъ часто противодѣйствовалъ нашему владыкѣ. Такъ, когда владыка запретилъ освящать Коммерческій Клубъ; украшенный изображеніями женщинъ, совершенно обнаженныхъ, и кунидонами со всѣми безобразіями, то губернаторъ принялъ отвѣтственность на себя и настоялъ на освященіи. Одни за это изъ лести благодарили губернатора; другіе и теперь рошцуть, что въ православномъ обществѣ допущено такое безобразіе, и дѣтей своихъ въ клубъ не пускають. Успѣлъ оговорить и очернить Харьковское духовенство предъ Государемъ, назвавъ его въ своемъ докладѣ вымогательнымъ, а полиціи дать право тѣснить духовенство. Урядники начали составлять протоколы о служебныхъ дѣйствіяхъ духовенства, а исправники вмѣшиваться въ постройки церквей и другія дѣла епархіальнаго вѣдомства. Вашъ губернаторъ, хотя и носитъ фамилію одной изъ грозныхъ рыбъ²⁾, но человекъ мягкій, благожелательный и миролюбивый“.

Упомянувъ о смерти уроженца Тверской губерніи, бывшаго Варшавскаго ректора, а потомъ понечителя Одесскаго учебнаго округа П. А. Лавровскаго, пресвященный Савва, со словъ некролога, говоритъ, что „очень важное значеніе будетъ имѣть со временемъ „Дневникъ“ П. А., который онъ велъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, со студенческой скамьи до гробовой доски. Даже въ день своей смерти онъ успѣлъ еще вписать въ этотъ „Дневникъ“ полторы страницы о продуманномъ и прочувствованномъ въ послѣдніе сутки, и затѣмъ почувствовалъ въ груди роковой уколъ, который черезъ 6—7 минутъ пресѣкъ его трудовую жизнь. Такъ жилъ и умеръ, съ перомъ въ рукѣ и думой на челѣ, этотъ замѣчательный ученый, просвѣщенный администраторъ и честный гражданинъ.“

Витебскій протоіерей В. И. Волковъ пишетъ Саввѣ: „Очень интересно мнѣ знать, какое впечатлѣніе произвелъ на васъ епископъ Анатолій бородатый?... Говорять, что митрополитъ не хотѣлъ его хиротонисать; но неудобно было докладывать Государю, что Анатолій не годится... Неожиданно Анатолій назначается... Пожалуй и П....а поставятъ. На все воля Божія и начальства: будемъ вѣрить, что все къ лучшему... Но лучше ли церкви православной, народу православному, нынѣ быстро развращаемому именующеюся интеллигенціей. Чтò, напр., можетъ сдѣлать или сказать Анатолій? Для него трудно записку написать; какъ же можетъ онъ понять и обнять обширное, трудное и весьма сложное дѣло управленія епархіей? Чудно! Въ консисторіи онъ сидѣлъ противъ меня: я часто наблюдаю, какъ онъ сочинялъ записки въ лавку Середнякова отнустить продукты... Напишетъ одну, сорветъ, напишетъ другую, сорветъ, третью или четвертая только удастся. Но иногда онъ рисковалъ браться въ бой на перьяхъ—давать свое мнѣніе. Это была настоящая комедія.

1) Амвросію, архіепископу Харьковскому.

2) Сомовъ.

Возьмешь дѣло и везешь его домой, черезъ мѣсяцъ везешь его къ Ляшкевичу (это его голова, сердце и руки, но только такія, которыя сосали его). Ляшкевичъ читаетъ дѣло и пишетъ нѣчто, ибо не знаетъ, что нужно писать; Анатолій не можетъ ясно сказать, чего ему хочется. Ляшкевичево писаніе онъ перенисываетъ себѣ въ видѣ своего черныка, а тогда уже набѣло... Я говорю вамъ, что это безмысленная и потѣшная была комедія. Подобенъ ему и П...ъ, но съ тою только разницею, что Анатолій добродушенъ и не склоненъ дѣлать зло, радъ помочь человѣку и принять живое участіе въ горѣ ближняго; П...ъ же это злобная личность, способная ко лжи, клеветѣ и злу. Анатолій же боекъ на перѣ, и вообще умный человѣкъ, но горе: помѣшался на дипломатіи и политикѣ. Ему кажется, что онъ такой тонкій и хитрый дипломатъ, что перехитрилъ бы Бисмарка и Биконсфильда, но въ концѣ концовъ оказывается, что всѣ его обманываютъ и хвостъ его прицелкиваютъ. Бывши въ Витебскѣ, предъ назначеніемъ въ Аѳины, пресвященному Викторину¹⁾ наклеветалъ на меня, а мнѣ на Викторина. Тотъ и говоритъ мнѣ: а знаете, что говорилъ мнѣ Анатолій о васъ? и рассказать... А я говорю. А мнѣ о васъ вотъ то и то... когда Вы были въ Академіи съ нимъ²⁾.—Вѣрю, вѣрю... такая его несчастная натура; онъ когда учился въ Академіи, то постоянно ссорилъ товарищей. Но благодать Божія при хиротоніи да перемѣнитъ натуру его!.. Услыши, Господи, молитву сію“!

Въ подлинныхъ Запискахъ почти всѣ имена кромѣ П. означены полностію. П. былъ въ послѣдствіи епископомъ. Да это и понятно. „Нигдѣ сословный духъ не обнаруживается съ такою силою“, писалъ покойный профессоръ С. Петербургской Духовной Академіи Ростиславовъ, „какъ въ монашескихъ орденяхъ, принадлежатъ ли они къ буддизму, магометанству или христіанству. Наше монашество находится тоже подъ вліяніемъ общихъ законовъ, управляющихъ человѣчествомъ, и въ немъ преобладаетъ сословный духъ даже болѣе, нежели въ прочихъ сословіяхъ, и очень естественно: лица почти всѣхъ прочихъ сословій не привязаны къ нимъ несокрушимыми цѣпями; военный человѣкъ можетъ сдѣлаться гражданскимъ чиновникомъ, купецъ перейти въ собственника землевладѣльца, а прежде переряжался даже въ барина; но монахъ не можетъ оставить своего сословія, не лишившись всѣхъ правъ такъ называемыхъ свободныхъ сословій; онъ отказался отъ всего, всѣ его интересы сосредоточены въ его же сословіи. Поддерживая ихъ, онъ думаетъ поддержать и защищать себя на цѣлую жизнь. Такое настроеніе проявляется не только въ низшихъ, но и въ высшихъ членахъ монашества; въ послѣднихъ даже сильнѣе, нежели въ первыхъ. Причина этому весьма понятна. Низшіе члены еще не успѣли усвоить себѣ сословнаго духа, не научились быть равнодушными къ интересамъ другихъ сословій; высшіе же члены, пройдя по всѣмъ почти ступенямъ монашеской лѣстницы, успѣвши привыкнуть къ выгодамъ,

¹⁾ Любимову, еп. Полоцкому 1874—1882 г.

²⁾ Съ 1848—1852 г.

соединеннымъ съ иночествомъ и очень равнодушно относиться къ мірянамъ и къ бѣлому духовенству, не любятъ останавливаться ни предъ какими препятствіями. При томъ на долю низшихъ членовъ достаются не всѣ выгоды и не въ очень большихъ размѣрахъ, тогда какъ высшіе члены пользуются ими сполна и во всей обширности. Какъ же имъ не поддерживать привилегій своего сословія?"

„Къ поддержанію и даже увеличенію монашескихъ привилегій располагаютъ духовное начальство другія соображенія. Наше монашество давно уже старается удержать свое *status quo*; на всякое ограниченіе своихъ привилегій, на всякую уступку изъ захваченныхъ правъ оно готово отвѣчать, подобно Нию IX, *non possumus*, или подобно старинному генералу Іезуитовъ, *simus ut sumus* (впрочемъ не прибавляютъ *aut non simus*). Оно по доброй волѣ ни за что не разстается и не разстанется съ начальническими должностями въ семинаріяхъ и въ академіяхъ, ни одного протоіерея даже вдоваго не сдѣлаетъ епископомъ, если онъ не поступитъ напередъ въ монашество; даже по какимъ-либо крайнимъ обстоятельствамъ надѣваетъ саккосъ и омофоръ на протоіерея, или священника, переименованнаго въ іеромонаха или архимандрита. Такимъ людямъ, за ихъ сочувствіе къ бѣлому духовенству, оно не довѣряетъ. Но выше было замѣчено, что число дѣльныхъ людей, которые поступали бы въ монашество, не велико и постоянно уменьшается. И это бываетъ теперь, когда монашество, особенно прогрессисты, пользуются такимъ множествомъ привилегій, когда на его слабости, неисправности и проступки смотрятъ сквозь пальцы. Что же будетъ, если вдругъ эти привилегіи уничтожить, если монаховъ станутъ судить люди безпристрастные такъ же строго, какъ теперь судятъ бѣлое духовенство? Вотъ почему монашествующіе стараются удержать *status quo*, и между ними не много найдется людей, которые имѣли бы столько генія, смѣлости, возвышенности душевной, благородства въ чувствованіяхъ, чтобы рѣшиться на реформу. Они видятъ грозящую ихъ ордену опасность, но похожи на того студента Московской Академіи, который, вступая въ монашество, сказалъ товарищамъ: „Я еще успею до наступленія опасности подняться“.

Нѣсколько писемъ изъ различныхъ мѣстъ получилъ преосвященный Савва по поводу пасхальныхъ наградъ. Такъ, Петербургскій протоіерей Г. И. Образцовъ писалъ: „Великій праздникъ Пасхи въ нашемъ духовномъ мірѣ не проходитъ безъ особенныхъ волненій, для иныхъ радостныхъ, а для другихъ и скорбныхъ, какъ праздникъ, въ который выражается понятіе начальства о нашемъ служеніи... Въ недавнее еще время награды раздавались обыкновенно очень щедрою рукою; теперь это дѣло поограничили, стали сдержаннѣе, и, быть можетъ, оттого еще болѣе лестно стало видѣть себя всякому въ числѣ взысканныхъ особенно монаршею милостію. До васъ дошло уже, конечно, что три наши епископа возведены въ санъ архіепископовъ. Яко челоуѣцы. порадуется конечно, и радости ихъ никто же возьметъ отъ нихъ; но не могу не выразить здѣсь личнаго моего чувства нѣкоторой скорби за Самарскаго преосвя-

ценнаго: онъ не удостоенъ этого сана! За что? По нашимъ соображеніямъ какъ будто бы не обойденъ: получилъ высокій орденъ Св. Александра Невскаго, но все же чувствуется, что не получилъ того, что слѣдовало бы ему получить. Онъ вѣдь епископствуетъ съ 1866 г., тогда какъ изъ возведенныхъ самый старшій (Никаноръ) только съ 71-го года. Не дали ли преосвящ. Серафиму понять, что онъ не на дорогѣ къ митрополитству; но онъ едва ли и помышляетъ объ этомъ и желалъ бы только одного, чтобы не унижали его въ ряду собратій. Да и что это нынѣ значать награды орденами, когда не полагается и показывать ихъ?.. Простите меня, ваше высокопреосвященство, что я распространился о предметѣ, быть можетъ, для васъ вовсе неинтересномъ. Преосвящ. Серафимъ, бывшій мой учитель и ректоръ; онъ посылалъ меня въ академію, онъ человѣкъ очень, очень не глупый; онъ могъ бы, при поощреніи, сослужить хорошую службу для нашей православной церкви. Но и это не главное, почему я такъ много наговорилъ по поводу наградъ и ему, и его собратіямъ вышечерченнымъ. Чувствуется и очень сильно, что тутъ есть рука, вся дѣлающая по своему личному усмотрѣнію, дающая ему же что хочетъ, овому такъ, а овому этакъ!!“

Другой придворный протоіерей объ этомъ же событіи говоритъ: „Изъ послѣднихъ архіерейскихъ наградъ особенно поразили, говорятъ, синодаловъ архіепископство Амвросія Харьковскаго и пожалованіе орденомъ Александра Невскаго Серафима, епископа Самарскаго. Ставятъ также вопросъ и относительно пожалованія этого ордена Палладію, архіепископу Казанскому, со времени награжденія котораго не прошло еще трехъ лѣтъ“.

Преосвященный Савва отвѣчалъ: „Немало былъ удивленъ и я нынѣшними архіерейскими наградами, хотя и заранѣе былъ предувѣдомленъ о нихъ. Видно, въ нынѣшнее время, для полученія награды, требуются, сверхъ личныхъ заслугъ и достоинствъ, нѣкоторыя придаточныя обстоятельства. Впрочемъ, такъ бывало и всегда, но да не возмалогаютъ уста наша дѣль человѣческихъ!..“

18 Юня отъ своей знакомой монахини, Антоніи Ушаковой, Савва получилъ любопытное письмо. „Прочтите, владыко, прилагаемую у сего вырѣзку изъ газетъ. Нечего сказать, не польстилъ сынамъ Израиля досужій путешественникъ, да и о градѣ Витебскѣ такъ же, какъ о бывшемъ его начальникѣ Фонъ-Валѣ; живописуетъ онъ довольно ярко, хотя и не особенно приглядно. Зато о васъ сказалъ немного, да хорошо! Конечно, я этимъ очень довольна, хотя онъ сказалъ только правду. А бѣдный Витебскъ и бѣдный людь православный! Сколько на него положено было трудовъ и заботъ! Все уничтожили, готоваго не умѣли сохранить.“

Вотъ нѣкоторыя извлеченія изъ этой статьи.

„Я съѣздилъ въ Витебскъ. Витебскъ городъ Русскій... Помѣщики (Поляки) не могутъ забыть своего друга и пріятеля, бывшаго Витебскаго губернатора Валя, который повсемѣстно въ губерніи учреждалъ, расширялъ и открывалъ Польскіе костелы, какъ напр. въ Динабургѣ..., а также позволилъ Евреямъ устроить громадныхъ размѣровъ синагогу... Онъ мѣнялъ Русскихъ чиновни-

ковъ на Польскихъ и Нѣмецкихъ... Особенно велика заслуга г. Валя—истребленіе Витебскихъ архивовъ... Введенные порядки въ Витебской губерніи бросились въ глаза преемнику Валя, новому губернатору князю Долгорукову... Я посиѣшилъ въ соборъ Николаевскій кафедральный, гдѣ читали уже шестопсалміе... Гдѣ же архіерейскій хоръ? спрашиваю я. На дачѣ у архіерея. За всенощной онъ никогда не поеть, самъ владыка (Маркелль) не служитъ и въ городъ не пріѣзжаетъ. Преосвященный Савва любилъ пріѣзжать предъ праздниками ко всенощной со всѣмъ своимъ хоромъ, а преосвященный Маркелль этого не дѣлаетъ“...

Савва пишетъ: „Быль у меня учитель Астраханской гимназін Рождественскій, сынъ діакона села Сытыкова, Осташковскаго уѣзда. Между разговорами о разныхъ предметахъ онъ сообщилъ мнѣ краткія свѣдѣнія о четырехъ Астраханскихъ архіереяхъ, а именно:

1) Объ Аванасіи Дроздовѣ († на покоѣ съ 7-го Декабря 1876 г.). Обладатель поразительною ученостію и много писалъ, но большею частію свои сочиненія сожигалъ; служилъ весьма рѣдко, а проповѣдей никогда не говорилъ.

2) О Осогностѣ Лебедевѣ¹⁾ (1870—1874 г.) сохраняется въ Астрахани самая добрая память.

3) О Хрисановѣ Ретивцевѣ (1874—1877), впоследствии Нижегородскомъ († на покоѣ въ Донскомъ монастырѣ въ 1883 г.). Сначала былъ строгъ и крутъ, а потомъ обошелся.

4) Евгеній Шершилловъ „ведетъ свѣтскую жизнь“, мелочной и завистливый, немало доставлявшій заботъ Ярославскому преосвященному Нилу, во время бытности своей ректоромъ Ярославской семинаріи. Во всѣхъ управляемыхъ имъ няти епархіяхъ оставилъ по себѣ печальную память. Уволенный на покой, онъ скончался въ 1879 г.

Изъ Петербурга Саввѣ писали о Грузинскомъ экзархѣ Павлѣ Лебедевѣ: „У насъ упорный слухъ, что онъ будетъ взятъ оттуда. Тамъ дѣло его дрянъ. Онъ имѣлъ неосторожность, по поводу убійства ректора, весьма рѣзко высказаться о Грузинахъ. Губернскій предводитель дворянства²⁾ написалъ ему дерзкое письмо, въ коемъ требовалъ удалиться изъ Грузіи. Испрошенный крестъ на клобукъ—символь того, что власть желаетъ поддерживать Павла. Деляновъ³⁾ высказалъ митр. Исидору, что Грузины не простятъ Павлу обиды. Въ виду этого явилась мысль взять его въ Синодъ, въ ожиданіи смерти одного изъ старцевъ-митрополитовъ; но эта мысль даже пустившимъ ее въ ходъ показалась дикою. Казанскій⁴⁾ заявляетъ, что не пойдетъ въ Грузію „вытаскивать

¹⁾ Митр. Кіевскомъ † 13 Авг. 1900 г.

²⁾ Д. Н. Кипіани. См. „Нов. Время“ 1886 г. № 3795.

³⁾ Министръ народнаго просвѣщенія.

⁴⁾ Архіеп. Паладій.

Павла изъ грязи⁴. Московскій¹⁾ знаетъ все о Павлѣ: ему передали Грузины, и, вѣроятно, съ украшеніями“.

Кажется, въ связи съ этимъ письмомъ Савва писалъ Костромскому преосвященному Александру: „Угрожаютъ и мнѣ изъ Петербурга переселеніемъ за Кавказъ, если еще не въ Вавилонъ, но да сохранить меня всеблагое Провидѣніе отъ плѣна Закавказскаго. Впрочемъ, преосвященный Павелъ, соскучившійся въ Тифлисѣ, послѣ посѣщенія К. П. Побѣдоносцева и послѣ монаршаго вниманія, авось продолжитъ тамъ свое пребываніе“.

Въ своемъ письмѣ изъ Харькова протоіерей Щелкуновъ рассказываетъ (какъ онъ выражается) курьезъ, не лишенный трагикомичности. „Недавно поступила къ намъ въ конекторію изъ Курской епархіи жалоба на извѣстнаго вамъ Харьковскаго священника Ч.....а. Теперь онъ служитъ при арестантскихъ ротахъ: знаменательно!.. Сей доблестный мужъ, какъ и вамъ вѣдомо, уроженецъ Курской епархіи, отправился туда къ своимъ родичамъ обрадовать ихъ своею персоною по случаю рожденія у кого-то изъ нихъ сына, и дѣйствительно обрадовать! Изливая тамъ свои родственныя чувства, онъ, взявъ съ себя, по обычаю, непомѣрно водку, а вслѣдствіе сего пришелъ въ такой родственный экстазъ, что побилъ въ пріютившемъ его домѣ всю посуду, вышибъ оконныя рамы, опрокинулъ столъ съ яствами и питіями, изломалъ мебель и распужилъ всю собравшуюся на семейное торжество родню. Чтобъ унять потокъ такой родственной любви, дорогого гостя (кому братца, кому дяденьку), связали, презрѣвъ и вопль родственной крови, а затѣмъ все родичи, огуломъ, подали жалобу, изложивъ въ ней все прописанное мною. Но это—трагическая часть дѣла, а вотъ и комическая. О. Ч.....ъ, свѣдавъ о томъ, что на него поступила жалоба отъ неблагодарныхъ родичей, подалъ на нихъ, куда слѣдуетъ, такъ сказать, встрѣчный искъ... за лишеніе свободы! Оно и по дѣломъ имъ: пусть помнятъ, что они послали на драгоценную свободу того героя, который побилъ окна Харьковской полиціи (что можно формально доказать...)—но ихъ общій родичъ митрополитъ Московскій Макарій чуть не потребовалъ еще представленія своего племянника „героя“ къ ордену за храбрость. Что было бы теперь, если бы живъ былъ высоконоставленный дядя, патронатствовавшій негодиямъ—племенникамъ и племянницамъ? Полагаю, дѣло это не обошлось бы безъ искушенія и вышнему архипастырю Харьковскому“...

12 Ноября у Саввы проездомъ останавливался Киевскій митрополитъ Платонъ. „Гостилъ двое сутокъ. Много и о многомъ было говорено съ его высокопреосвященствомъ. Въ бесѣдѣ со мною, между прочимъ, выражалъ сожалѣніе о томъ, что, не читавши подписалъ протоколъ о церковной реформѣ; невыгодно отзывался объ епископахъ Курскомъ²⁾ и Вологодскомъ³⁾; выражалъ

¹⁾ Иоаннскій.

²⁾ Михаилъ Лузинъ, † 20 Марта 1887 г.

³⁾ Израилъ Микулицкомъ, † 23 Апрѣля 1894 г.

мысль объ архіереѣ оберъ-прокурорѣ въ Синодѣ, осуждалъ избытокъ чиновниковъ въ Синодѣ и самовольное распоряженіе синодскими суммами. Удивилъ меня старецъ своими странными воззрѣніями на нѣкоторые предметы, какъ то относительно запрещенія вступленія въ 4-й бракъ и въ 4-й степени отъ двухъ родовъ; относительно возвращенія крещенной Еврейки въ жидовство. Была рѣчь о новой Еврейско-христіанской сектѣ Рабиновича“.

Далѣе Савва въ письмѣ къ Ярославскому преосвященному Іонаѳану скорбитъ: „Неожиданно и странно для меня. Желтиковъ монастырь вручаютъ управленію Харьковскаго викарія, епископа Геннадія. Послѣ 18-лѣтняго возсѣданія на трехъ викаріатскихъ кафедрахъ, онъ, бѣдный уклоняется, наконецъ, подъ сѣнь святителя Тверскаго Арсенія. Ему здѣсь, конечно, будетъ спокойно, но буду ли я покоенъ съ нимъ? Преосвященный Геннадій вамъ извѣстенъ съ академической скамьи, а я вовсе его не знаю. Прошу васъ, святой владыка, сообщить мнѣ характеристику его, если можно, подробнѣе, дабы я могъ знать, какъ относиться къ нему“.

Надо прибавить, что передъ этимъ одинъ изъ синодаловъ писалъ Саввѣ: „Не ищите настоятеля въ Желтиковъ; вамъ пришлютъ туда архіерея, котораго убираютъ, чтобы не мозолилъ глазъ; это—Геннадій Сумскій“.

Этотъ Геннадій Левицкій родился въ 1818 г. въ Херсонской г. Былъ священникомъ, но овдовѣвъ поступилъ въ Кіевскую Духовную Академію, гдѣ и постригся. Былъ помощникомъ ректора и инспектора Херсонской семинаріи, ректоромъ Саратовской и Тамбовской семинарій; наконецъ, въ 1860 г. достигъ званія члена Петербургской Консисторіи. Въ 1822 г. посвященъ въ Саранульскаго епископа, въ 1872—Кинешемскій, въ 1883 г.—Сумскій. При его не совсемъ спокойномъ характерѣ и частой необходимости, выражаясь словами мудраго Филарета, „затворяться въ келіи“, онъ явился нежелательнымъ гостемъ для преосвященнаго Саввы. Дѣйствительно, онъ причинилъ ему немало огорченій. На запросы къ разнымъ лицамъ, Саввѣ поступали отвѣты, что Геннадій былъ особенно антипатиченъ Харьковскому владыкѣ Амвросію, у котораго онъ былъ викаріемъ и имѣлъ много странностей. Митроп. Іоанникіемъ возбуждался было вопросъ въ Св. Синодѣ о самостоятельной для него кафедрѣ, но митрополитъ Платонъ Кіевскій, бывши въ Харьковѣ и посѣтя Геннадія, лично убѣдился въ его непригодности: у него есть странности, которыя обостряются по временамъ, и докторъ объясняетъ это проявленіемъ душевной болѣзни. Полтавскій преосвященный Іоаннъ безъ конвульсій не могъ слышать даже и имени Геннадія.

Но пріѣздъ Геннадія въ Тверь Савва сѣтовала архіею. Осогносту, что Геннадій, явившись 16 Декабря, успѣлъ уже „заболѣть“ такъ, что и въ праздникъ Рождества не выходилъ даже въ церковь. И не удивительно. Послѣ 18-лѣтняго пребыванія на трехъ *викаріатскихъ* кафедрахъ, монастырскій покой не особенно долженъ быть желателенъ и успокоителенъ для сердца, не чуждаго стремленій къ высшимъ почестямъ. Потому Геннадій вздумалъ ѣхать въ Палестину и уже отправился, но по какимъ-то причинамъ его не выпустили изъ Одессы, и онъ явился обратно. Въ 1890 г. отиѣвали генерала Еропкина.

На его погребеніе, пишетъ Савва, неожиданно явился во Владимирскую церковь преосв. Геннадій и своими странностями произвелъ немалый соблазнъ. Въ концѣ концовъ Савва долженъ былъ самъ ѣхать въ Петербургъ и просить, чтобы Геннадія безъ замедленія перевели въ Козловскій Тамбовскій монастырь, гдѣ онъ прожилъ еще около двухъ лѣтъ и умеръ въ 1893 г.

Вообще подобнаго рода архіереи „затворники“ или, по семинарскому выраженію, „собесѣдники ангеловъ“ на покое немало причиняють и горя, и хлопотъ мѣстнымъ преосвященнымъ. Особенно это испыталъ преосв. Іоанновъ, когда въ Ярославскую епархію былъ посланъ неизвѣстно для какой цѣли одинъ уволенный епископъ. И только избраніе этого затворника въ члены мѣстнаго клуба избавило добродушнаго владыку отъ безпокойнаго сослуживца.

„11 Іюня“, заноситъ въ свой дневникъ Савва, „вечеромъ пріѣхалъ изъ Москвы секретарь Синодальной Конторы, С. П. Словолюбовъ. Много было говорено съ нимъ о Москвѣ, и въ частности о Синодальной Конторѣ, куда недавно избранъ былъ оберъ-прокуроръ изъ акцизныхъ чиновниковъ Владимирской губерніи, Андрей Николаевичъ Шишковъ. Онъ не отличается высокимъ образованіемъ, съ церковными дѣлами вовсе не знакомъ, но обратилъ на себя вниманіе оберъ-прокурора, по указанію его брата, живущаго въ Рязанской губ., своею наружною набожностью, хотя въ сущности, какъ послѣ оказалось, далеко не отличается внутреннимъ благочестіемъ. Пользуясь особеннымъ покровительствомъ и довѣріемъ К. П. Побѣдоносцева, Шишковъ весьма неуважительно относится къ членамъ Конторы и даже къ митроп. Іоанникію“.

„9 Октября“, пишетъ Савва, „посѣтилъ меня вечеромъ бывшій военный министръ въ Болгаріи, г.-маіоръ Александръ Вас. Каульбарсъ, съ супругою Екатериною Владимировною (рожденною Желтухиной). Много интереснаго сообщилъ онъ о послѣдней Турецкой войнѣ за Болгарію, о Болгарской конституціи, объ избраніи на княжество Болгарское князя Александра Баттенберга; о лукавыхъ дѣйствіяхъ генерала Эйрота: о командированіи въ Болгарію его, Каульбарса и Соболева; о враждебныхъ отношеніяхъ канцлера князя Горчакова¹⁾ къ князю Бисмарку, вслѣдствіе появленія въ печати Французской брошюры, гдѣ проведена была параллель между ними, не въ пользу перваго; о неблагонамѣренныхъ вообще дѣйствіяхъ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“.

21 Октября Витебскій протоіерей Волковъ писалъ: „Преосвященнаго нашего²⁾ поразило величайшее несчастіе. Сыноу его Θεодосію, отставной поручикъ Попель, зачисленъ былъ на службу при губернаторѣ чиновникомъ особыхъ порученій, но два года тому назадъ, получивъ отпускъ, безвыѣздно жилъ въ Парижѣ, получая отъ папаша ежемѣсячно 300 р. Отъ природы кутила, на такія средства онъ жилъ тамъ нехудо... Въ Ноябрь мѣсяцѣ умеръ непремѣнный членъ крестьянскаго присутствія Дрисенскаго уѣзда. Преосвященный про-

¹⁾ † 27 Февраля 1883 г.

²⁾ Маркелла Попеля † 1903 г.

силь губернатора на мѣсто умершаго представить сына его. Губернаторъ представляетъ. Преосвященный и губернаторъ пишутъ письма г. оберъ-прокурору, прося его ходатайства. Попеля утверждаютъ непремѣннымъ членомъ, а Попель почти въ тотъ-же день въ Парижѣ убиваетъ свою любовницу и себя... Въ Воскресенье 13 Декабря послѣ литургіи я былъ у преосвященнаго, и онъ такъ радостно хвалился мнѣ о назначеніи сына его непремѣннымъ членомъ, рассказывая всю исторію хлопотъ и радуясь, что наконецъ онъ вытащитъ сына изъ Парижа, а вечеромъ онъ и губернаторъ получили телеграммы изъ Парижа, что Попель совершилъ убійство и самоубійство. Вещи все прислали. Но мнѣ кажется, что не замедлятъ прислать и счета.... Мы все чрезвычайно скорбимъ за преосвященнаго... Сыну его туда и дорога: но такой скандалъ архіерею— это ужасно!“

Въ своихъ письмахъ преосв. Алексѣй Литовскій жаловался на безпорядки въ университетахъ. Савва, отвѣчая ему, добавлялъ, что слышались безпорядки и въ нашихъ разсадникахъ высшаго просвѣщенія. Съ давняго времени ходитъ слухъ объ учрежденіи въ Москвѣ Духовной Академіи, но онъ до сихъ поръ остается слухомъ, можетъ быть и къ лучшему. Этой мысли не сочувствовали и покойный владыка Филаретъ.

На запросъ Саввы бывшій ректоръ Московской Духовной Академіи, протоіерей Смирновъ, писалъ: „Объ Академіи, кромѣ худого ничего не могу сказать вамъ. Какъ я предполагалъ, такъ и случилось. Академія замѣтно клонится къ упадку. Ректоръ за малые проступки изгоняетъ изъ Академіи лучшихъ студентовъ. Такъ изгналъ онъ опять студентовъ IV курса, которымъ оставалось учиться только полгода. Въ числѣ ихъ не пощаженъ и первый студентъ, весьма даровитый Сергіевскій, сынъ Филарета Александрыча, стоявшій въ первомъ пяткѣ. Безучастность и апатія проглядываютъ въ каждомъ распоряженіи ректора. Студенты крайне раздражены и проявляютъ свое недовольство на субинспекторѣ-монахѣ, питомцѣ Кіевскомъ, котораго оскорбляютъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Академія наша, стоявшая столько времени впереди другихъ, потеряла свой авторитетъ и предоставлена чуждымъ для нея пришельцамъ изъ Кіева и Казани. Пошли намъ Господи митрополита не изъ чуждыхъ для Москвы питомцевъ!“

30 Октября Савву посѣтилъ С.-Петербургскій протоіерей В. Я. Михайловскій. „Много было говорено съ нимъ о разныхъ важныхъ и неважныхъ предметахъ; между прочимъ, онъ передавалъ мнѣ слова Казанскаго архим. Сергія (Васильевскаго) объ извѣстной патронессѣ духовныхъ лицъ Базилевской, у которой еженедѣльно, по Четвергамъ, трапезуетъ извѣстная высокая духовная персона. Она жаловалась-де о. Сергію, что эта персона никогда не заводитъ съ нею рѣчи ни о Богѣ, ни о загробной жизни, а забавляетъ ее суетными разговорами и пошлыми анекдотами“.

Объ этой персонѣ въ своихъ воспоминаніяхъ нѣкоторые іерархи оставили немало замѣтокъ, а одинъ изъ нихъ, преосв. Порфирій Успенскій, даже дословно привелъ и ядовитый апологъ Аскаченскаго *).

*) „Русскій Архивъ“ 1905, III.

Любопытное письмо получил Савва отъ извѣстнаго канониста профессора А. С. Павлова, который, между прочимъ, сообщаетъ, что К. П. Побѣдоносцевъ обращался къ нему съ просьбою дать отзывъ по вопросу: „есть ли твердое каноническое основаніе для принятаго у насъ правила осуждать на всегдашнее безбрачіе лицо, бракъ котораго расторгнуть по нарушенію имъ супружеской вѣрности? Я отвѣчалъ: нѣтъ, хотя мнѣ хорошо было извѣстно, что мой преосвященный товарищъ по наукѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, далъ прямо противоположный отзывъ“.

„31 Марта меня посѣтила Е. Н. Эккъ. Бывши въ Петербургѣ, она видѣлась съ К. П. Побѣдоносцевымъ и слышала отъ него укоризненные отзывы о всѣхъ Русскихъ архіереяхъ, не исключая, конечно, и Тверского“.

И пишуцій эти строки неоднократно слыхалъ отъ всеильнаго оберъ-прокурора: „Да какіе у насъ архіереи, гдѣ мнѣ ихъ взять-то?“ Причемъ онъ обыкновенно хватался за голову. Не даромъ кн. В. А. Долгоруковъ, какъ пишетъ Савва, называлъ К. П. „просто пономаремъ“. Да и самъ Савва въ письмѣ къ сенатору Сомову говоритъ: „Вы справедливо изволите называть склонность К. П. порицать и осуждать архіереевъ болѣзнью. И эта болѣзнь въ немъ застарѣлая и едва ли излѣчимая. Поэтому надо смотрѣть на нее болѣе съ сожалѣніемъ, нежели съ огорченіемъ. Но онъ, конечно, лучше и благонамѣреннѣе поступалъ бы, если бы старался чаще входить съ архіереями въ личныя и непосредственныя сношенія вмѣсто того, чтобы судить о ихъ дѣйствіяхъ по навѣтамъ и клеветамъ людей пристрастныхъ и неблагонамѣренныхъ“.

О голосистыхъ протодьяконахъ существуютъ цѣлыя легенды, относительно ихъ чревоугодія и умѣнья говорить „ворчкомъ предъ облаченіемъ“. Вотъ какое описаніе получилъ Савва изъ Витебска о смерти голосистаго архіерейскаго протодіакона Нектарія. Онъ „въ Субботу передъ сыроуственнымъ Воскресеньемъ, послѣ всеонощной, сказавъ, что завтра будетъ служить со мною, въ 9 часовъ отправился въ трактиръ ужинать, съѣлъ тамъ, какъ оказалось, при допросѣ, до 35 блиновъ, двѣ тарелки капусты, нѣсколько кусковъ рыбы, порядочно выпилъ водки, бутылки три пива и двѣ кружки квасу. Въ половинѣ 11-го часа, по возвращеніи изъ трактира, Нектарію сдѣлалось дурно; онъ вышелъ изъ келіи и встрѣтившемуся ему архіерейскому келейнику сказалъ, что идетъ въ аптеку. Вошедши въ аптеку, потребовалъ лѣкарства и врача; пока въ аптекѣ возились съ больнымъ, прибылъ врачъ и сказалъ: ведите его скорѣе домой, онъ сейчасъ умретъ. Какъ человѣка тяжелаго, его едва четверо дотащили до келіи, гдѣ онъ легъ въ постель и скончался“.

Савва почему-то особенно ходатайствовалъ въ Синодѣ о признаніи Аѳонскаго монаха Аѳанасія въ іеромонашествѣ и къ своему огорченію получилъ письмо К. П. Побѣдоносцева, который писалъ: „Вы по всей вѣроятности не знаете сего Аѳанасія. Это одинъ изъ перворазрядныхъ негодяевъ, развратниковъ и мошенниковъ, почему онъ отрѣшенъ былъ отъ Мирликійской часовни и высланъ изъ Петербурга, а если бы вновь появился здѣсь, то будетъ высланъ

черезъ полицію. Весьма сожалѣю, что онъ успѣлъ проникнуть въ Тверскую епархію. Здѣсь въ свое время беззаконія его стали извѣстны и Государю Императору, хотя онъ по своей хитрости успѣлъ склонить на свою сторону покойнаго В. Б. Бажанова“. Это заключеніе К. П. подтвердилъ и синодскій чиновникъ Гавриловъ, сообщавшій, что „Аѳанасій по душѣ грязный человѣкъ, учившій нѣкоторыхъ Петербургскихъ барынь-ханжей безстрастію возбужденіемъ плотскихъ страстей... Пусть ходатайствуютъ за него Петербургскія его добродѣлательницы, но вы дальше стойте отъ проходимцевъ“.

Драма Аверкіева: „Ульяна Вяземская“ затронула чувство преосвященнаго Саввы, и онъ 20 Января писалъ къ К. П. Побѣдоносцеву, чтобы онъ обратилъ вниманіе на эту драму и употребилъ законныя мѣры къ воспрещенію играть ее, для забавы празднои толпы, на театрахъ, и тѣмъ прекратилъ явную профанацію священнаго имени Іудіаніи.

Любопытенъ отвѣтъ К. П. Побѣдоносцева. „Справившись по письму вашему, я узналъ, что драма Аверкіева: „Ки. Ульяна Вяземская“—вещь очень старая. Она была разрѣшена къ представленію цензурою въ 1874 г. Съ тѣхъ поръ играли ее неоднократно въ Москвѣ и въ провинціальныхъ городахъ, но успѣха она не имѣла, и потому не давалась въ Петербургѣ. Теперь не знаю, почему вынули ее изъ-подъ спуда и стали давать, но вѣроятно тоже скоро снимутъ, ибо успѣха не видно. Въ такихъ обстоятельствахъ не знаю, удобно ли и полезно ли будетъ придавать ей интересъ перепискою о ея запрещеніи. Она несомнѣнно умретъ вскорѣ естественною смертію“.

31 Марта заноситъ Савва въ свой дневникъ, что прибылъ въ Тверь мимоѣздомъ изъ Петербурга Кіевскій митроп. Платонъ. „Въ бесѣдѣ со мною онъ жаловался: на косность и нерасположеніе митроп. Исидора къ какимъ бы то ни было переменамъ въ церковномъ управленіи; на оберъ-прокурора за уклоненіе отъ доклада его записокъ по разнымъ предметамъ; на то, что его письма къ Государю и Государынѣ о дѣлахъ церковныхъ остаются безъ послѣдствій. Сообщилъ, что съ Московскимъ митроп. Іоанникіемъ былъ небольшой ударъ, быть можетъ, по поводу присланнаго ему изъ заграницы открытаго печатнаго письма“.... Жаль, что не полностью помѣщены эти разговоры, а содержаніе письма замѣнено точками.

Въ письмѣ Уфимскаго протоіеря Соловьева немало помѣщено свѣдѣній о Волинскомъ архіереѣ Агаѳангелѣ († 1876 г.) и объ Уфимскомъ Діонисіи († 1896 г.). О послѣднемъ дается особенно хорошій отзывъ: „Опытность и трезвенность его ума удивительны! Дай Богъ почаще такихъ архіереевъ. Недавно соборяне кафедральные (протоіерей и ключарь) были отданы подъ слѣдствіе за халатное обращеніе съ документами церковными, и около полугода были устраниены отъ членства въ консисторіи, находясь въ это время на половинномъ жалованьи. По окончаніи слѣдствія владыка штрафовалъ ихъ по 50 р. Ключаря, любимца преосвящ. Никанора, пересталъ брать съ собой по епархіи, ибо онъ бралъ съ священниковъ и старость много денегъ въ свой карманъ, отъ 15 до 50 р.; въ иную поѣздку собиралъ до 2000 р. Послѣ сего неудиви-

тельно, что ключарь (онъ моложе меня), семинаристикъ имѣлъ четверку лошадей, каждая лошадь стоила по 200 р., и крытые—фаэтонъ и санки. Впрочемъ онъ и теперь тоже имѣеть. Однако, владыка его совѣмъ не отстраняеть, а когда ѣздитъ служить въ приходскія церкви, возить его съ собою въ каретѣ. Теперь по всей Уфѣ трактуютъ о словѣ иреосъ. Одесскаго Пиканора. Какъ онъ смазалъ Русскую честь и народность! Неужели ему все это пройдетъ? Неужели онъ все будетъ играть своимъ словомъ и бить неповинныхъ людей? Кого прославилъ и восхвалялъ? Жидовъ! Немудрено, что Жиды теперь преподнесутъ ему свой многотомный Талмудъ. Библия уже поднесена“.

„Ключари, письмоводители и т. п., какъ фавориты и наперсники, писалъ профессоръ Ростиславовъ, бывають не только у важныхъ особъ, но и у начальниковъ невысокаго ранга. Но если существуетъ такое множество разнообразныхъ причинъ, которыя почти роковымъ образомъ заставляють нашихъ преосвященныхъ имѣть близъ себя фаворитовъ, наперсниковъ, временщиковъ и пр. и имъ слѣпо довѣряться, то почему не избирать бы для этого не лакеевъ, не письмоводителей изъ приказныхъ консисторскихъ, не экономовъ изъ исключенныхъ семинаристовъ? Почему не предпочесть имъ людей съ благородною душою, съ образованнымъ умомъ, съ возвышенною нравственностію? Развѣ ихъ нельзя найти въ губернскомъ городѣ, или почти въ цѣлой епархіи, между духовными и свѣтскими лицами? При разрѣшеніи этихъ вопросовъ прежде всего надобно сказать, что умный и нравственный человѣкъ не захочетъ быть фаворитомъ и временщикомъ кого бы то ни было. Но кромѣ этой общей причины можно указать на нѣсколько другихъ частныхъ обстоятельствъ, имѣющихъ особое значеніе относительно преосвященныхъ. Человѣкъ умный, особенно съ благородною душою, съ нравственными качествами не любитъ работливостовать предъ кѣмъ бы то ни было, быть, хоть даже изрѣдка, слѣпымъ исполнителемъ несправедливостей, особенно ихъ присяжнымъ и обязательнымъ защитникомъ. Съ другой стороны тѣ изъ нашихъ преосвященныхъ, у которыхъ временники и фавориты бывають чуть не всемогущими распорядителями по епархіальнымъ дѣламъ, удерживають за собою часть самостоятельности и требуютъ, чтобы имъ слѣпо повиновались тамъ, гдѣ они этого желаютъ, и чтобы желанія эти облекались въ законную форму. Умный и вмѣстѣ благородный человѣкъ, чего добраго, тутъ еще примется доказывать, даже къ большой бѣдѣ основательно доказать, незаконность и неосновательность требуемаго и все-таки этимъ не измѣнитъ мыслей своего патрона. Ну и теперешніе любимцы и наперсники архіереевъ не очень щекотливы и притязательны. Видя настойчивое требованіе своего покровителя, они не стануть противорѣчить ему, дадутъ всему законную обстановку, даже постараются предупредить желанія, или успокоить колеблющуюся совѣсть. Скажите, зачѣмъ же такихъ услужливыхъ, догадливыхъ и преданныхъ слугъ замѣнять упрямыми, которые не умѣють кстати сдѣлать уступку и услугу? Рѣдкій изъ насъ не желаетъ скрывать свои слабости, недостатки и особенно важные пороки отъ людей близкихъ къ себѣ, даже отъ своихъ любимцевъ; и если этого нельзя сдѣлать, то старается, по крайней мѣрѣ извинять ихъ необходимостію, или приписывать какимъ-либо благонамѣ-

решнымъ побужденіямъ. Желаніе это бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ человекъ самолюбивѣе и чѣмъ выше занимаетъ мѣсто въ обществѣ; тутъ даже хочется и себя и другихъ убѣдить въ своей непогрѣшимости. Въ этомъ отношеніи умные и благородные люди не годятся на вакансіи временщиковъ, наперсниковъ, любимцевъ. Они, особенно если владѣютъ тонкимъ нравственнымъ чувствомъ, слишкомъ скоро поймутъ своего патрона; послѣднему невозможно будетъ предъ ними утаить свои слабости и недостатки и особенно прикрыть ихъ какими-либо благовидными побужденіями. Умный и благородный человекъ, но съ энергическимъ темпераментомъ, чего добраго, примется, пожалуй, доказывать, что такія слабости унижаютъ особъ высокаго ранга, что съ ними, во что бы то ни стало, надобно разстаться. А потомъ, увидавши, что его слова не производятъ никакой перемѣны, а даже пробуждаютъ неудовольствіе въ патронѣ, онъ оставитъ его, не захочетъ не только быть, но даже и казаться участникомъ въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которые такъ часто происходятъ отъ слабостей высокаго сановниковъ. И потому-то наши преосвященные любятъ держать около себя людей, которые не имѣютъ поводовъ хвалиться своимъ умомъ, не приходятъ въ негодованіе отъ недостатковъ своего милостивца, не станутъ противъ него проповѣдывать крестовый походъ. Одинъ преосвященный, пріѣхавши на новую епархію и узнавши, что при его крестовой есть монахъ, отличавшійся большимъ умомъ, хотя, по правдѣ сказать, любившій заниматься юридическою практикою, сказалъ ему: „Нѣтъ, ты слишкомъ уменъ, ищи себѣ монастырь, а я держать тебя не стану“. Ни одинъ фаворитъ не можетъ быть самостоятельнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ; прихоти его патрона весьма часто должны служить закономъ для него. Умные и благородные люди не ищутъ подобныхъ мѣстъ; а, получивши ихъ, не хотятъ или не умѣютъ долго удержаться на нихъ. Имъ болѣе правится играть скромную, но самостоятельную роль, нежели имѣть болѣе обширный кругъ дѣятельности, только дѣйствовать именемъ другого и часто быть слѣпымъ его орудіемъ. Притомъ имъ нѣтъ повода дорожить сомнительными и не всегда благовидными милостями патрона; они при своихъ способностяхъ могутъ найти себѣ вездѣ кусокъ хлѣба. Затѣмъ и патроны знаютъ, что отъ такихъ людей вѣчной и безиредѣльной преданности имъ ожидать нельзя. То-ли дѣло люди, которые по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ не могутъ разсчитывать на значеніе въ обществѣ; которымъ нужно, такъ сказать, прицѣпиться къ хвосту какой-либо птицы, чтобы подняться на высоту, и которые тотчасъ упадутъ на землю, даже въ какомъ-либо болото,—стоитъ только птицѣ стряхнуть ихъ съ своего хвоста. Такимъ-то людямъ необходимо дорожить милостями своего патрона и оставаться вѣрными ему до конца жизни. Зачѣмъ же теперь нашимъ преосвященнымъ на степень своихъ любимцевъ, намѣстниковъ и викаріевъ, возводить людей, которые по своимъ способностямъ никогда не останутся безъ куска хлѣба и кромѣ того дорожатъ своею самостоятельностью? Съ ними вѣкъ не проживешь. Не лучше ли почтить довѣренностію какого-либо скромнаго келейника или служителя? При самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ отъ своей профессіи ему можно разсчитывать на 5—10 р. мѣсячнаго жалованья. Почему же ему на-

всегда не оставаться при томъ человѣкѣ, при которомъ, во званіи податчика или простого даже лакея, кромѣ жалованья онъ можетъ набрать добровольно, невольныхъ приношеній отъ духовенства, даже за тысячу рублей? Не лучше ли почтить довѣренностію своего письмоводителя изъ приказныхъ консисторскихъ? Въ консисторіи мѣсто столоначальника есть крайній предѣлъ его честолюбія. Конечно, онъ не будетъ бѣднымъ, но здѣсь онъ зависитъ и отъ секретаря и отъ членовъ, притомъ нужно не только выпрашивать, а даже выжимать приношенія; да сразу можно попасть подъ уголовный судъ. То ли дѣло мѣсто письмоводителя при преосвященномъ? Начальникъ одинъ; просители сами приходятъ и приносятъ; самъ лично ни за что не отвѣчаешь; все скрѣпляется подписею владыки. А между тѣмъ лѣтъ въ десять можно составить капиталаецъ, который обезпечитъ на цѣлую жизнь. Не лучше ли почтить довѣренностію смиреннаго инока изъ отставныхъ солдатъ или изъ исключенныхъ семинаристовъ? Можетъ быть, онъ въ монастырѣ сдѣлался бы іеромонахомъ, а при счастливыхъ обстоятельствахъ подъ старость казначеемъ и пр. Но то ли дѣло мѣсто эконома и довѣренной особы при преосвященномъ? И набадренникъ, и наперсникъ крестъ, орденъ Св. Анны, игуменство, архимандрія явятся другъ за другомъ; получай только поздравленія. А главное въ перспективѣ всегда виднѣется настоятельство въ какой-либо святой обители, гдѣ уже самому подъ своимъ начальствомъ можно будетъ имѣть, если не эконома, то казначея. Да и въ архіерейскомъ дому можно, если владыка почтитъ своею особою довѣренностію, нажать порядочное состояніе.“

Хорошо описаніе синодскихъ засѣданій, сдѣланное архіепископомъ Виленскимъ Алексѣемъ. „Впечатлѣнія мои, писалъ онъ 7 Января 1889 г., отъ моего синодскаго сидѣнія не вполне удовлетворительны. Дѣла дѣлаются поверхностно, докладываются докладчиками не всегда толково и не всегда съ достаточнымъ изученіемъ дѣла докладываемаго. При томъ Синодъ въ полной зависимости отъ Канцеляріи въ выборѣ докладываемаго и пускаемаго безъ доклада къ поднеси. Взавѣсивъ на себя первенство въ синодскихъ сужденіяхъ владыка М-ій*), какъ и вамъ извѣстно, разсуждаетъ энергично, но не всегда правильно, и замѣтить или возразить ему не смѣи: оборветъ. Съ такимъ сочленомъ я никогда и нигдѣ не желалъ бы засѣдать вмѣстѣ. Но Канцелярію въ неудовлетворительномъ ходѣ нашихъ дѣлъ я не виню; во всемъ виноваты мы сами архіереи. Канцелярія же готова сдѣлать все по требованію присутствія. Время, проведенное мною въ Петербургѣ, я считаю совершенно потеряннымъ и нахожу, что на своемъ мѣстѣ сидѣть намъ гораздо полезнѣе. Говоря словами Московскаго митроп. Платона, я упражнялся въ ѣздѣ въ Синодъ“.

Недаромъ, какъ отмѣчалъ ранѣе Савва, „Синодъ нашъ остроумцы раздѣляютъ на Святѣйшій и Правительствующій, разумѣя подъ послѣднимъ мірской персоналъ“.

15-го Января Савва наслаждался откровенными бесѣдами съ Троицкимъ архиман. Леонидомъ Кавелинымъ († 1891 г.) „Много было говорено о восточныхъ церковныхъ дѣлахъ, о церковномъ управленіи въ Россіи, о монастыряхъ

*) Разумѣется Іоанникій Рудневъ, митроп. Московскій.

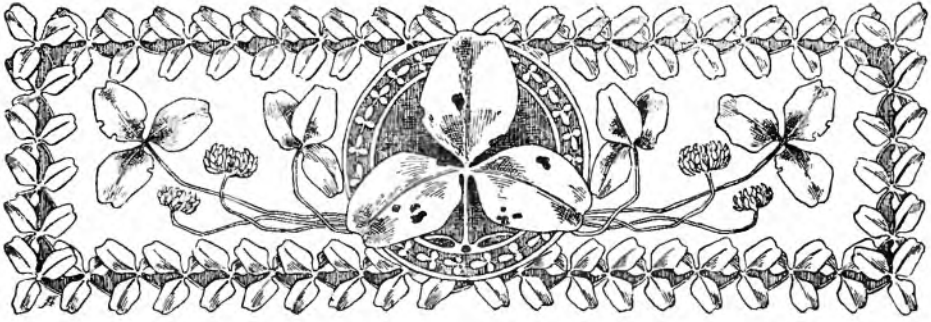
и духовныхъ академіяхъ. По поводу вопроса о возстановленіи въ Россіи патріаршества о. Леонидъ высказалъ такую оригинальную мысль: избраннаго на патріаршій престолъ кандидата, кто бы онъ ни былъ, надобно прежде всего послать на Афонскую гору, для усвоенія истиннаго монашескаго духа. Лучшимъ кандидатомъ въ патріархи былъ бы, по его мнѣнію, К. П. Побѣдоносцевъ, если бы онъ не былъ женатъ... О. Леонидъ не одобряетъ быстрого возвышенія молодыхъ ученыхъ монаховъ“.

Вскорѣ Савва получилъ изъ С.-Петербурга отъ сенатора Тизенгаузена такое письмо: „Дошли ли до васъ, Владыко Святый, слухи о страшной государственной измѣнѣ? Капитанъ 1-го ранга Шмитъ продалъ Англійскому военному или морскому агенту планы нашихъ минныхъ загражденій въ Кронштадтѣ. Теперь потребуется болѣе 4-хъ милліоновъ, чтобы соорудить эти загражденія по новому плану. Случилось это очень просто. Агенты говорятъ, что и Германскій тутъ же участвовалъ, узнали, что Шмитъ страшный игрокъ, и вотъ, играя съ нимъ въ карты, они и завлекли его въ свои сѣти. У него хранился ключъ отъ ящика, въ которомъ находились эти планы. Не довольствуясь этимъ, онъ намѣревался передать имъ планъ сосредоточія войскъ и, добывая его въ главномъ штабѣ, онъ попался. На дняхъ его будутъ судить военнымъ полемъ судомъ. У него четверо дѣтей и двое воспитываются на казенный счетъ“.

2-го Іюня Савву посѣтилъ проѣздомъ изъ Петербурга архіеп. Оеогность. Онъ сообщилъ ему: 1) „Объ увольненіи на покой преосв. Наанаила, епископа Архангельскаго († 1907 г.). Причинами увольненія были: растрата суммъ, немирныя отношенія къ членамъ и секретарю консисторіи и назначеніе двухъ сверхштатныхъ членовъ для оппозиціи штатнымъ. 2) О вызовѣ изъ Санъ-Франциско въ Петербургъ еп. Владимира вслѣдствіе жалобы на него доктора Русселя, котораго преосвященный подвергъ за развратную жизнь церковной анаемѣ. Дѣйствіе епископа Синодъ уничтожилъ, а Руссель, между тѣмъ, предъявилъ искъ къ Владимиру за диффамацию въ 200.000 р. 3) Объ архимандритѣ Иннокентіи, посланномъ въ Санъ-Франциско на мѣсто епископа Владимира. Иннокентій, бывшій экономъ Александроневской Лавры, получилъ неполное семинарское образованіе (онъ вышелъ изъ средняго отдѣленія семинаріи и не отличался добрыми нравственными качествами), тѣмъ не менѣе хотѣли отправить его въ Америку въ санѣ епископа. Московскій митроп. (Іоанникій) рѣшительно воспротивился этому. 4) О перемѣщеніи на Волынскую епархію епископа Нижегородскаго Модеста, вопреки единогласному рѣшенію Синода, который предназначилъ туда еп. Могилевскаго Сергія. Итакъ вышло по русской пословицѣ: „сила солому ломить“. Слѣдовательно, Синодъ—солома, а сила кто?... Говорятъ, справедливо или нѣтъ, что епископъ Модестъ пожертвовалъ 12.000 рублей на сооружаемую въ Петербургѣ церковь Православнаго Братства во имя Пресвятыя Богородицы. Многое и еще сообщилъ мнѣ почтенный гость, но не нахожу умѣстнымъ заносить это въ свою Хронику“.

Андрей Титовъ.

Ростовъ-Великій. 1909. Декабря 1.

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и его дочь.

Его не сломитъ неудача,
Не уионть его успѣхъ.

Князь Виземскій.

Имя Михаила Николаевича Муравьева принадлежитъ Исторіи. Начало его біографіи составлено Кропотовымъ, но за смертію почтеннаго автора трудъ этотъ пріостановился. Быть можетъ, и не слѣдуетъ особенно сожалѣть объ этомъ, такъ какъ для безпристрастной оцѣнки дѣятельности Муравьева еще не наступило время. Мои личныя воспоминанія относятся къ нему только, какъ къ частному человѣку, въ его домашней и семейной обстановкѣ, съ которою неразрывно соединяется имя его дочери.

Бываютъ личности, которыя, благодаря случайнымъ условіямъ жизни, проходятъ вѣкъ свой едва замѣтными для постороннихъ; только въ тѣсномъ кругу семьи потеря ихъ оставляетъ неизгладимый слѣдъ, и мѣсто ихъ остается навсегда празднымъ и незамѣтнымъ. Только съ утратою такихъ лицъ сознается вполне ясно значеніе ихъ для близкихъ.

Между тѣмъ, по дарованіямъ, по особенностямъ характера и душевному развитію эти люди, поставленные въ соприкосновеніе къ событіямъ общественной жизни, не остались бы не замѣченными. По благотворному вліянію своему, неукротимой силѣ воли, здравому уму и горячему, всегда юному, сердцу они оставили бы глубокой слѣдъ въ современной имъ средѣ. Они могли бы и живительно вліять на нее, воодушевляя на все доброе и возвышенное, поддерживая примѣромъ своимъ стойкость убѣжденій, горячую любовь къ родинѣ, вѣрность и постоянство въ сношеніяхъ дружбы.

Къ такимъ личностямъ, преждевременно сломленнымъ бурей жизни, среди испытаній мелкими, но жгучими заботами, принадлежала Софія Михайловна Шереметева. Единственная дочь Михаила Николаевича Муравьева, она родилась 15 Сентября 1833 года въ Гроднѣ, гдѣ отецъ ея былъ въ то время губернаторомъ. Она росла въ семьѣ какъ бы отдѣльно отъ братьевъ и въ иномъ, сравнительно съ ними, положеніи. Дѣтство и молодость ея прошли въ довольствѣ и покоѣ. Свѣта она мало касалась. Михаилъ Николаевичъ не могъ быть человѣкомъ „свѣтскимъ“, и характеръ его отразился на дочери, которая любила его безпредѣльно.

Въ ранней молодости у нея были привязанности и пристрастія. Она была впечатлительна и даровита. Настроеніе у нея было музыкальное; она была одною изъ лучшихъ ученицъ Гензелъта, и трогательная дружба ихъ не измѣнилась до конца.

Уже взрослою дѣвушкою она сблизилась съ двоюродною своею сестрою Варварой Алексѣевной Шереметевой, съ которою долгое время вмѣстѣ жила, путешествовала въ Крымъ и выѣзжала въ свѣтъ. Это было въ пятидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ. Съ дѣтства помню я неразлучныхъ двоюродныхъ сестеръ; обѣ молодыя и красивыя, онѣ не затемняли другъ друга. Небольшого роста, съ ярко-русскими волосами, Софія Михайловна отличалась веселостью нрава и простотою: въ ней была особая прелесть, и тонкая улыбка придавала этому лицу необычное выраженіе. Въ немъ было сочетаніе здравомыслія и добродушія съ легкою проніей.

Сколько разъ видѣлъ я ихъ у насъ, на Фонтанкѣ, въ домовоі церкви; онѣ стояли по сторонамъ выходной двери изъ образной, противъ плацаницы... Помню, какъ бывало заходили онѣ ко мнѣ и разговаривали съ моимъ воспитателемъ m-r Rouget, который ими восхищался. „Варинька Шереметева“ и „Соня Муравьева“ были неразлучны и радовали собою обѣ семьи, въ которыя вносили молодую, беззаботную жизнь и веселіе.

Обѣ вышли замужъ... Жизненные пути ихъ отдалились и нѣсколько разошлись, но прошлое не могло быть забыто. Въ 1857 г. Варвара Алексѣевна вышла замужъ за графа Владимира Ивановича Мусина-Пушкина. Это была большая семейная радость. Родители Софіи Михайловны не могли не думать о будущемъ своей дочери... и желали ей счастливаго брака. Неожиданно представился ей совершенно непредвидѣнный случай выйти за мужъ за близкаго родственника. То былъ дядя С. С. Шереметевъ, женатый на княжнѣ В. П. Горчаковой и овдовѣвшій въ 1853 году.

Неожиданность этой возможности ее смутила; мысли ея были далеки от подобнаго предположенія, къ тому же родители ея не имѣли въ виду этого брака. Она безъ колебанія отказала... Это было въ разгаръ восточной войны 1853—1856 г. С. С. Шереметевъ вторично поступилъ тогда на военную службу въ Киевскій гусарскій полкъ и отправился въ Севастополь, гдѣ служилъ ординарцемъ у главнокомандующаго князя М. Д. Горчакова и остался до конца осады, участвуя въ сраженіи подъ Черной и въ день взятія Севастополя...

Возвращеніе его по окончаніи похода не охладило его чувства. Тогда Софія Михайловна, тронутая постоянствомъ, дала свое согласіе.

Они вѣнчались въ Москвѣ въ нашей домовоі церкви Знаменія Божіей Матери на Воздвиженкѣ въ 1856 году. Тогда еще жива была бабушка Варвара Петровна Шереметева.

Первое время прожила Софія Михайловна въ Коломенской деревнѣ мужа, въ селѣ Лаптевѣ. Съ ними жилъ тогда докторъ Левъ Карловичъ Эйсымонтъ. Послѣ смерти В. П. Шереметевой они совѣмъ переѣхали въ Петербургъ, гдѣ поселились съ родителями. Какъ министръ Государственныхъ Имуществъ и Удѣловъ, Михаилъ Николаевичъ жилъ въ Удѣльномъ домѣ на Литейной.

Съ этого времени я сталъ чаще бывать у нихъ. Софія Михайловна болѣе уже не разлучалась съ своими родителями—зимою въ Удѣльномъ домѣ, лѣтомъ въ имѣніи Лужскаго уѣзда, въ селѣ Сырцѣ.

Она сдѣлалась матерью многочисленнаго семейства. Всего у ней было одиннадцать человѣкъ дѣтей.

Старшихъ она лишилась въ самый разгаръ Польскаго возстанія, когда послѣдовала за отцомъ въ Вильну.

Послѣдній годъ прожила она съ родителями на Сергіевской въ купленномъ отцомъ ея домѣ, нынѣ принадлежащемъ дѣтямъ Софій Михайловны. Это три періода ея жизни: жизнь въ Удѣльномъ домѣ, Виленское пребываніе и окончательное водвореніе въ домѣ на Сергіевской, гдѣ она лишилась родителей.

Отца ея М. Н. Муравьева помню я въ первый разъ въ домовоі нашей церкви на Фонтанкѣ... Вмѣстѣ съ другими членами семьи онъ выходилъ изъ образной для принятія Св. Таинъ. Ребенкомъ возили меня къ нему и къ женѣ его Пелагеѣ Васильевнѣ, когда они жили еще у Пяти Угловъ въ домѣ Семенова. Въ первой комнатѣ припоминается мнѣ Китайская пагода изъ слоновой кости. Въ одной изъ гостиныхъ было у окна возвышеніе, окруженное трельяжемъ съ плющемъ.

Позднѣ переѣхали они на Кабинетскую улицу въ домъ Есаулова. Бывалъ я довольно часто въ этой веселой квартирѣ, съ большой залой по серединѣ. Въ кабинетѣ Михаила Николаевича висѣла большая карта Туркестанскаго края и Хивы. Изъ дома Есаулова переѣхали они на Литейную, когда Михаилъ Николаевичъ былъ назначенъ министромъ Государственныхъ Имуществъ, вмѣсто заболѣвшаго Василя Александровича Шереметева.

Помню хорошо этотъ Удѣльный домъ на Литейной съ широкою, открытою лѣстницею, съ просторными глубокими комнатами, съ помѣстительной длинной столовой. Вижу Михаила Николаевича въ его роскошномъ министерскомъ кабинетѣ, на двое раздѣленномъ высокими полированными шкапами, съ смежною биллиардною и парадными гостинными съ желтыми и красными тяжелыми занавѣсами. Въ этихъ парадныхъ комнатахъ рѣдко сидѣли. По воскреснымъ днямъ вся наличная семья собиралась къ обѣду, послѣ котораго всѣ удалялись въ кабинетъ Михаила Николаевича, гдѣ его вѣрный и старый слуга Василій Федоровъ подавалъ ему трубку жукова табаку, и онъ помѣщался въ обычныхъ своихъ покойныхъ креслахъ, и вся семья вокругъ него—иные играли на биллиардѣ; дѣти Софьи Михайловны прибѣгали къ нему за рябиною пастилою или *pastilles de Vichy* и получали ихъ изъ рукъ дѣда.

Воскресные обѣды были довольно многолюдны. Собирались наличная семья и близкіе. Все на этихъ обѣдахъ происходило по однажды заведенному порядку. Сначала гости собирались въ большой гостинойной вокругъ Пелагеи Васильевны. Минуть за 10 до обѣда приходилъ Михаилъ Николаевичъ. Въ 5 ч. сажались за столъ. Пелагея Васильевна во главѣ, а Михаилъ Николаевичъ въ сторонѣ по лѣвую руку.

Въ этомъ же Удѣльномъ домѣ жила иногда и Екатерина Сергѣевна Шереметева съ своею семьею. Михаилъ Николаевичъ былъ съ нею очень друженъ и въ шутку всегда называлъ ее „*belle femme*“. За столомъ всегда шелъ оживленный и интересный разговоръ, душею котораго бывалъ всегда Михаилъ Николаевичъ.

Помню, какъ меня кто-то спросилъ, куда я готовлюсь и чѣмъ буду. Я затруднился отвѣтомъ. Михаилъ Николаевичъ вступился за меня и сказалъ: „А ты отвѣчай, что будешь прежде всего человѣкомъ“.

Послѣ обѣда всѣ подходили благодарить хозяевъ, и Михаилъ Николаевичъ привѣтливо всѣмъ говорилъ „здравствуйте“.

Софья Михайловна жила со своею семьей въ другой половинѣ дома, отъ параднаго крыльца на-лѣво. И здѣсь высокія и просторныя свѣтлыя комнаты, но въ нихъ было довольно пусто.

Семейныя заботы начинали давать себя чувствовать. Софія Михайловнѣ приходилось бороться съ сложными, утомительными заботами. Въ отцѣ своемъ она всегда находила нравственную поддержку и твердую и неизмѣнную опору. Они становились другъ другу все ближе, и Михаилъ Николаевичъ окружалъ ее нѣжною, постоянною заботою, повѣряя ей зачастую свои мысли и чувства, не скрывая никогда и политическихъ взглядовъ своихъ, и она цѣнила глубоко это довѣріе и не злоупотребляла имъ.

Здѣсь въ Удѣльномъ домѣ собирались многіе изъ близкихъ и друзей и сослуживцевъ—цѣлое общество, нынѣ почти не существующее: сенаторъ В. И. Булыгинъ съ семьею, графъ Ю. И. Стенбокъ, П. М. Гедеоновъ, баронъ Дельвицъ, А. А. Зеленый, братья Муравьевы, Андрей и Сергій Николаевичи, Шереметевы, Шаховскіе, Булычевы, Е. Н. Давыдова, Е. И. Шостаковъ, Муслинъ-Пушкинъ. У Софіи Михайловны бывали Иславины, Алябьевы, иногда Валуевы. У Пелагии Васильевны—Тютчевы. Домашнимъ врачомъ былъ почтенный докторъ Персонъ, старый другъ дома; позднѣе, по смерти его, Варенуха.

Живо помню то время, передъ началомъ Польскаго возстанія 1863 года. Михаилъ Николаевичъ уже не былъ министромъ Государственныхъ Имуществъ. Онъ готовился къ выѣзду изъ Удѣльнаго дома. Странно было видѣть Михаила Николаевича въ его рабочемъ кабинетѣ, куда, бывало, проникали къ нему только съ дѣлами; теперь же онъ весь день принималъ гостей и, какъ частное лицо, со стороны наблюдалъ за ходомъ дѣлъ.

Однажды пришлось мнѣ у него встрѣтиться съ Софіею Петровной Апраксиной, дочерью графа Петра Александровича Толстаго. Между семьей ея и Муравьевыми были давнія дружескія отношенія еще съ Москвы. Софія Петровна разсуждала о трудности положенія въ виду вспыхнувшаго возстанія и говорила, что безъ участія Муравьева дѣло не обойдется. Михаилъ Николаевичъ только улыбался и отшучивался, напирая на то, что „устарѣлъ“.

А между тѣмъ дѣла шли все хуже, и общественное мнѣніе все громче и сильнѣе вызывало Муравьева. Наконецъ состоялось давно желанное назначеніе... Кабинетъ Михаила Николаевича вдругъ преобразился: въ Удѣльномъ домѣ опять закипѣла жизнь и началась усиленная дѣятельность.

Изъ этого Удѣльнаго дома отправлялся Михаилъ Николаевичъ въ Вильну. Я присутствовалъ при напутственномъ молебствіи. Строго сосредоточенно, но вмѣстѣ просто и привѣтливо расстался онъ со

всѣми. Вся семья его проводила до Вильны, гдѣ поселилась съ дѣтьми и Софія Михайловна.

Виленскую обстановку ихъ видѣлъ я только однажды, когда проездомъ изъ-за границы, во время Польскаго возстанія, провелъ дня два у Михаила Николаевича въ Вильнѣ и остановился въ мрачномъ генераль-губернаторскомъ домѣ. Здѣсь держался тотъ же Петербургскій порядокъ; сидѣли у него послѣ обѣда въ кабинетѣ, пока онъ не отправлялся отдыхать. Онъ предложилъ мнѣ поѣхать въ театръ, гдѣ, не смотря на военное положеніе, были представленія и въ то время игралъ извѣстный комикъ Василевъ.

По возвращеніи въ Петербургъ Михаилъ Николаевичъ поселился въ своемъ недавно купленномъ домѣ на Сергіевской.

Съ покупкою же дома и водвореніемъ на Сергіевской начинается иное время, еще болѣе трудное и сложное для Михаила Николаевича, уже тогда нѣсколько одряхлѣвшаго послѣ неустанной и неутомимой дѣятельности.

Жилъ онъ въ нижнемъ этажѣ и принималъ весь городъ. Многіе пріѣзжали къ нему изъ губерній, чтобы его привѣтствовать и лично выразить ему чувство радости и благодарности за великую службу Отечеству. Но и здѣсь въ Петербургѣ его отдыхъ былъ кратковремененъ: ему пришлось принимать на себя новую тяжелую отвѣтственную заботу.

Никогда не забуду странной моей съ нимъ встрѣчи въ это тяжелое время. Въ верхнемъ этажѣ Муравьевскаго дома, на Сергіевской, жилъ тогда одинъ изъ полковыхъ моихъ товарищей. Къ нему иногда собиравлись, ужинали и засиживались до разсвѣта. Однажды, въ пятомъ часу утра, спускаюсь я съ другимъ товарищемъ, княземъ В. Н. Гагаринымъ. Мы уже дошли почти до низу, когда у подъѣзда остановилась карета. Дверь отворилась и, медленно подвигаясь, съ трудомъ поддерживаемый съ двухъ сторонъ подъ руки, поднялся по ступенямъ Михаилъ Николаевичъ!..

Мы посторонились. Онъ взглянулъ на насъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ и поклонился. Намъ сказали, что такой поздній его пріѣздъ не рѣдкость. Онъ только-что возвращался со службы... Такъ неутомимъ былъ этотъ человекъ до послѣдняго своего дня.

Настоящій отдыхъ находилъ онъ только въ любимомъ имъ Сырцѣ... Здѣсь проводила съ нимъ время и Софія Михайловна съ семьей... Здѣсь онъ и скончался 29 Августа 1866 г.

Я помню его похороны въ Александро-Невской Лаврѣ. Настроеніе было торжественное и строгое. Былъ Государь. Послѣ погребенія

онъ поведъ подъ руку Софію Михайловну; она воспользовалась этою минутой, чтобы сказать ему, кого онъ теряетъ въ лицѣ Муравьева и сказала это порывисто, съ глубокимъ волненіемъ.....

Лично ко мнѣ Михаилъ Николаевичъ былъ всегда неизмѣнно привѣтливъ и благосклоненъ. Онъ всегда интересовался хозяйствомъ, расспрашивалъ о положеніи дѣлъ послѣ 1861 года, давалъ совѣты; разъ даже устроилъ у себя по этому поводу засѣданіе, на которомъ присутствовали нашъ повѣренный, князь Ѳ. М. Касаткинъ-Ростовскій и сенаторъ В. П. Булыгинъ; засѣданіе это было поучительно. Въ сужденіяхъ своихъ онъ не былъ уклончивъ, ясность мыслей его была очень выразительна. Когда рѣчь шла о людяхъ ему не сочувственныхъ, онъ опредѣлялъ ихъ мѣтко и безъ запинки.

Государственная мысль не покидала его никогда, и любилъ онъ дѣлиться съ Софіей Михайловной своими впечатлѣніями, нерѣдко сообщалъ ей многое, что для другихъ было сокровенно.

Вообще въ домашнемъ быту Михаилъ Николаевичъ былъ простъ и добродушенъ, привѣтливъ и гостепріименъ. Видно было, что онъ росъ и воспитанъ въ коренной, деревенской Русской средѣ, и притомъ въ средѣ мыслящей, предприимчивой, дѣятельной и высоко даровитой.

Съ семействомъ Шереметевыхъ онъ сохранялъ неизмѣнно дружескія отношенія. Онъ глубоко уважалъ и цѣнилъ бабушку Екатерину Васильевну. Кто имѣлъ понятіе о личности его тещи Надежды Николаевны, урожденной Тютчевой, тому оставалось только сожалѣть, что лишенъ былъ возможности видѣть ихъ вмѣстѣ. Начало ихъ знакомства относится къ двадцатымъ годамъ столѣтія. Сложное, любопытное время, когда подъ сѣнью Покровскаго дома жили люди полные огня и самоотверженія, когда Надежда Николаевна являлась центромъ и средоточіемъ цѣлой группы людей выдающихся, переписку и сношенія съ коими, какъ на примѣръ съ Жуковскимъ и Гоголемъ, она продолжала до конца своихъ дней († 1850). На Гоголя она имѣла особенное вліяніе въ отношеніи религіозномъ.

Дочь ея Пелагея Васильевна вышла замужъ совѣмъ молодою дѣвушкою и вѣнчалась въ церкви села Покровскаго. Ей только минуло 16 лѣтъ; сестра ея Анастасія Васильевна была замужемъ за декабристомъ И. Д. Якушкинымъ. Въ молодости онѣ были очень красивы. Пелагея Васильевна въ то время, когда я ее засталъ, была уже почти старушкой, она могла, когда хотѣла, быть очень пріятной и остроумной. Но въ ней не было простоты и подкупающаго добродушія Михаила Николаевича.

Между тѣмъ, Софія Михайловна все глубже и глубже погружалась въ житейскія заботы, съ многочисленной семьей на рукахъ, лишенная твердой отцовской опоры...

Въ 1871 г. скончалась ея мать графиня Пелагея Васильевна, дочь Василя Петровича и Надежды Николаевны Шереметевыхъ, скончалась неожиданно въ церкви въ Пасхальную литургію; въ то самое время, когда священникъ произнесъ: „благословеніе Господне на васъ“, она опустила на колѣни и уже не встала.

Софія Михайловна осталась *одна*. Все сильнѣе одолевали ее заботы, она продолжала борьбу жизни твердо и безропотно, но силы ея уже были давно надломлены. Въ это время я чаще всего ее видѣлъ, и это время особенно осталось у меня въ памяти... Она искала отдыха и развлечения въ музыкѣ; устраивала вечера, очень мнѣ памятные, оставившіе свѣтлое воспоминаніе. Старикъ Гензельтъ навѣщалъ ее; она давно уже почти бросила фортепіано, но я еще слышалъ ея игру изящную, умную и увлекательную.

Пріѣзжала къ ней иногда Анна Карловна Лешетицкая-Фридебургъ и пѣла Шумана, Шуберта, Даргомыжскаго. В. П. Опочининъ также былъ въ числѣ ее обычныхъ посѣтителей. Особенно выразительно пѣлъ онъ „Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ“. Бывалъ и любительпѣвецъ Иванъ Александровичъ Кавелинъ. Какъ оживлялась Софія Михайловна, когда онъ съ особеннымъ чувствомъ распѣвалъ романсъ Всеволожскаго, и особенно фразу

„Чу, аккордъ, и льются звуки“,—

какъ еще смѣялась на этихъ вечерахъ, забывая тревоги, дразги и мелочи жизни.

Въ это же время часто бывалъ у нея графъ А. В. Бобринскій, съ которымъ она была очень дружна. Ей посвятилъ онъ когда-то слѣдующее четверостишіе:

„Ужели ты не укротила
Въ себѣ восторговъ юныхъ пылъ,
Иль жизнь тебя не задавила,
И чувства пламень не остылъ?“

Сколько приятныхъ вечеровъ, сколько впечатлѣній и разговоровъ, навсегда остающихся въ памяти: какъ любилъ онъ съ нею шутить, смѣялся надъ ея увлеченіями и желаніемъ перевоспитать случайно проживавшаго у нея въ Сырцѣ педагога съ воззрѣніями черезъ-чуръ алагодцвѣта, но человѣка неглупаго, сумѣвшаго ее заинтересовать и завлечь въ эти разговоры. Это было время борьбы различныхъ теченій, отра-

жавшихся въ литературѣ. Приѣзжалъ къ Софіи Михайловнѣ и Маркевичъ читать ей вслухъ свое новое произведеніе *Марина изъ Алаи Рога*, и читалъ онъ очень хорошо; мы были въ числѣ слушателей вмѣстѣ съ графомъ А. В. Бобринскимъ. Сколько бывало оживленныхъ и любопытныхъ бесѣдъ. Современные вопросы были ей не чужды, они ее занимали и безъ этого особаго міра интересовъ общественныхъ она не могла бы примириться съ мелочами обыденной жизни. Ей нужны были эти интересы, эти заботы и эта борьба.

А жизнь становилась все сложнѣе и сложнѣе; утраты слѣдовали за утратами; дѣти подростали; сыновья были предметомъ особыхъ ея заботъ и попеченій. Болѣзненно слѣдила она за ними. Здоровье ея сильно пошатнулось, она страшно исхудала: ни кровинки не было на лицѣ; силы надрывались. Это была тѣнь прежней Софіи Михайловны, но все еще полная жизни, все еще способная воспламеняться, скорбѣть, негодовать и принимать къ сердцу то, что для многихъ пустой звукъ...

Софія Михайловна любила поэзію. Графъ Бобринскій нерѣдко читалъ ей вслухъ стихи Пушкина, Alfred de Musset, ея любимые стихи *Sur trois marches de marbre rose*, или графа Алексѣя Толстаго. Ей особенно нравилось слѣдующее его стихотвореніе:

„О, не пытайся духъ унять тревожный!
Твою тоску я знаю съ давнихъ поръ,
Твоей душѣ покорность невозможна,
Она болитъ и рвется на просторъ.
Но всѣ ея невидимыя муки,
Нестройный гулъ сомнѣній и заботъ,
Всѣ межъ собой враждующіе звуки
Послѣдній часъ въ созвучіе сольетъ;
Въ одинъ порывъ смѣшаетъ въ сердцѣ гордомъ
Всѣ чувства, врозь которыя звучать,
И разрѣшить торжественнымъ аккордомъ
Ихъ голосовъ мучительный разладъ“.

Она очень любила Сырецъ. Деревенская жизнь и чистый воздухъ ей помогали.

Село Сырецъ, родовое имѣніе Муравьевыхъ, въ 15 верстахъ отъ города Луги и въ 3 отъ границы Новгородской губерніи. Это любимое уединеніе Михаила Николаевича Муравьева. Сюда удалялся онъ для отдыха отъ трудовъ и дѣлъ. Здѣсь прожилъ онъ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, и здѣсь же въ самый день освященія сельской церкви 29 Августа 1866 г. онъ скончался. Построеніе этой церкви было предметомъ его давнихъ заботъ. Церковь деревянная, красивой архитек-

туры по плану архитектора Рязанова. Въ ней хранятся и понынѣ вклады двухъ митрополитовъ: Литовскаго Юсифа и Московскаго Филарета. Послѣдній пожертвовалъ Евангеліе, на которомъ собственная его надпись: „Богъ-Слово, глаголющій въ Евангеліи, да возглаголетъ слово Своего божественнаго и дѣйственнаго благословенія на раба Своего боярина графа Михаила къ миру и спасенію его. Въ Геесманскомъ скитѣ, Іюля 11 дня 1866 г.“.

Въ самый разгаръ дѣятельности, еще будучи министромъ, Михаилъ Николаевичъ неустанно слѣдилъ за Сырцомъ; помню я на столѣ его планы и описанія этого имѣнія. Доставшееся ему отъ отца, довольно запущенное, оно было имъ обновлено. Онъ построилъ существующій нынѣ просторный, удобный и красивый домъ, службы: выстроилъ вѣтряную мельницу, скотный дворъ...

Мѣстоположеніе живописное. Садъ расположенъ по скату къ большому пруду. Около усадьбы большой фруктовый садъ, за которымъ березовая роща, славящаяся грибами. Эту рощу особенно любилъ дядя С. С. Шереметевъ, потому что она напоминала ему дѣтство и рощи Волочановскія.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сырца другое Муравьевское родовое имѣніе село Мроткино, нынѣ проданное, съ церковью и могилами Муравьевыхъ. Здѣсь похороненъ отецъ Михаила Николаевича, Николай Николаевичъ, основатель училища Колонновожатыхъ въ Остаповѣ, и дѣдъ его Николай Ерофеевичъ Муравьевъ. Окрестности Сырца, какъ и вообще Лужскій уѣздъ, живописны: много рѣчекъ и озеръ. Недалеко также большое озеро Череменецкое, окруженное лѣсомъ, съ деревнями на берегу, съ красивой усадьбой Г. А. Глинка-Маврина, село Нѣжготицы, а посреди озера, на острову, величественно возвышается Череменецкій Іоанна Богослова монастырь съ бѣлѣющими стѣнами и зданіями, окруженный вѣковыми деревьями и садами, съ живописнымъ кладбищемъ. Во все стороны открываются прекрасные виды. Мѣсто привольное. Здѣсь въ древнихъ монастырскихъ синодикахъ видѣлъ я записаннымъ весь коренной Новгородскій родъ Муравьевыхъ. Здѣсь же записаны и родственные имъ Мордвиновы. По берегу Череменецкаго озера было имѣніе Вѣры Алексѣевны Муравьевой, жены декабриста, и ея сына Александра Артамоновича, къ которому Софія Михайловна была очень расположена. Онъ похороненъ въ Череменецкомъ монастырѣ.

Сырецкій домъ съ виду небольшой, но помѣстителенъ, и на немъ лежитъ какой-то особый отпечатокъ прошлаго. Софія Михайловна очень

любила Сырецъ. Здѣсь жила она, окруженная дорогими семейными воспоминаніями; здѣсь каждый шагъ напоминалъ ей отца—и ее радовало, что и молодое поколѣніе росло подѣ тѣми же впечатлѣніями и въ той же дорогой ей обстановкѣ. Небольшія комнаты, обшитыя деревомъ стѣны, на которыхъ висятъ портреты-дагеротипы въ старомодныхъ рамахъ.

У дяди Сергѣя Сергѣевича здѣсь была цѣлая кладовая разныхъ хозяйственныхъ вещей, инструменты, посуда, остатки прежней амуниціи, ружья. Онъ большой былъ охотникъ до садоводства и огородничества. Комнатъ въ домѣ много, всѣ помѣстительны и удобны. О Сырецѣ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ Н. Н. Муравьевъ.

Петербургская обстановка Муравьева не отличалась роскошью, но все было просто, практично и обдуманно. Большой масляными красками портретъ Петра Великаго висѣлъ на стѣнѣ, столъ съ ящиками и папками для бумагъ, альбомы, поднесенные ему въ Вильнѣ, иконы и модель генераль-губернаторскаго дома изъ серебра. Въ гостиной неизмѣнно красовались двѣ вазы Петергофской фабрики, пожалованныя покойнымъ Государемъ. Два кресла, копіи съ подлинныхъ креселъ царя Алексѣя Михайловича, всегда находились въ его кабинетѣ и какое-то кресло, обшито зеленымъ савьяномъ, самой необычной формы, но удобное, въ видѣ ящика,—въ которомъ всегда сидѣлъ Михаилъ Николаевичъ. Кто изъ близко знавшихъ Михаила Николаевича не помнитъ этого савьяннаго кресла? Когда бывало соберется вокругъ Михаила Николаевича семья, можно было заслушаться его рѣчей; всегда ко всѣмъ привѣтливый, любилъ онъ задавать вопросы, иногда рассказывалъ изъ прошлаго, но всего болѣе жилъ животрепещущими интересами настоящаго. Сѣдая выразительная голова, съ коротко обстриженными сѣдыми усами, довольно тучный съ короткою шеею, но живыми, пронизательными глазами, этотъ, грозный по преданію, человекъ владѣлъ даромъ привязывать къ себѣ людей; а молодежь, къ которой онъ всегда былъ расположенъ, не испытывала при немъ никакого чувства стѣсненія. При немъ, напротивъ того, можно было ощущать какое-то успокоительное чувство—сознаніе воплощенной въ немъ силы воли и ума чисто русскаго и глубокаго чувства національнаго достоинства.

Особенно заботилась Софія Михайловна о Сырецкой церкви, о томъ, чтобы она поддерживалась и содержалась въ порядкѣ. Какъ она, такъ и дядя Сергѣй Сергѣевичъ желали, чтобы она обращена была въ приходскую, но они не успѣли этого достигнуть. Между тѣмъ церковь

эта имѣеть отчасти историческое значеніе, и ее слѣдуетъ сохранить и поддержать. Въ ней хранится слѣдующее письмо къ М. Н. Муравьеву отъ митрополита Филарета:

„Сіятедьнѣйшій графъ, милостивый государь!“

„Къ труднымъ подвигамъ, но невидимымъ, безъ сомнѣнія, Маноуеніемъ Провидѣнія Божія, призываетъ васъ верховная власть, и при томъ такъ, что на призывающей гласъ Царя съ сильнымъ сочувствіемъ откликается голосъ народа“.

„И теперь, встревоженное страшною минутой Отечество съ участіемъ заботы и надежды взираетъ на Вашъ подвигъ, и ревностные сыны его молятъ Бога, чтобы вамъ дано было достаточно крѣпости и средствъ обнаружить и упразднить корень зла, чтобы онъ не прозябалъ болѣе“.

„Съ утѣшеніемъ узналъ я, что среди труднаго подвига служенія Царю и Отечеству, вы въ то же время совершаете добровольный подвигъ служенія Богу—созидаете храмъ Господень“.

„Примите на престоль сего храма святое Евангеліе, приносимое отъ моего усердія, съ призваніемъ вашей душѣ, вашему житію и вашимъ дѣяніямъ благословенія земнаго и небеснаго, отъ времени до вѣчности“.

„Съ глубокимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга“

„Филаретъ М. Московскій“.

„11 Юля 1866“.

Помню живо одинъ изъ пріѣздовъ моихъ въ Сырецъ. Софія Михайловна была уже довольно слаба и изнурена; но оживленіе ея не покидало; она за всѣмъ слѣдила, всѣмъ интересовалась, все принимала къ сердцу, хлопотала, горячилась, не оставалась праздною; ей равно близки были и дѣроги семейныя дѣла и хозяйство, какъ и нужды родины, къ которымъ относилась она пламенно и порывисто, какъ и слѣдовало дочери Муравьева. Равнодушіе къ этимъ нуждамъ для нея было непонятно и даже преступно. Она была независима въ своихъ убѣжденіяхъ, и въ ней не было и тѣни услужливости и искательности міра сего.

Вижу ее въ Сырцѣ на любимомъ ея балконѣ, среди зеленѣющаго, дикаго винограда, окруженную дѣтьми, у стола съ кипящимъ самоваромъ; слышу также ея оживленную рѣчь и тонкій смѣхъ или выпышки ея благороднаго негодованія.

Балконъ этотъ такъ и остался подъ названіемъ „любимаго“ балкона. Софія Михайловна не разъ вспоминала о немъ въ Петербургѣ.

Это была натура цѣльная, правдивая и простая, не примирявшаяся съ уступками и двуличностями общественныхъ сношеній. Она была гостепріимна и понимала тонкости хорошаго стола. Однажды совершенно неожиданно устроился у нея „ряженный“ балъ и совершенно запросто безъ всякихъ затѣй. Всѣмъ было очень весело. Близко ей было семейство генераль-адъютанта Глинки-Маврина, сосѣднее по Сырцу... Она не дождала до замужества старшей дочери. Любила она бесѣдовать съ княземъ П. П. Вяземскимъ, съ которымъ нерѣдко встрѣчалась у насъ и всегда дарила ему коробки съ особыми длинными спичками. И онъ находилъ разговоръ ея занимательнымъ. Она во многомъ походила на своего отца и по характеру, и по складу ума, и по добродушію. Жаль, что не дошли до насъ его разговоры съ нею. Для характеристики Муравьева они были бы очень важны...

Въ сношеніяхъ дружбы она была надежна и постоянна, но часто волновалась: ей все хотѣлось, чтобы ее поняли и чувствовали такъ же, какъ она... „J'aime qu'on m'aime comme j'aime, quand j'aime“ *), говорила она, смѣясь; ее огорчалъ и волновалъ недомѣкъ, много было и болѣзненнаго въ умѣ ея возбужденія, но многое было неразлучно съ ея натурою; она могла становиться рѣзкою и взыскательною, но не надолго. Новый сердечный порывъ всегда пересиливалъ ея мимолетный гнѣвъ, и она всегда жалѣла о своемъ нетерпѣніи. Къ числу неизмѣнныхъ ея друзей принадлежали: А. Д. Столыпинъ, К. А. Гревсъ и П. А. Червинъ.

Однажды, когда она возвращалась изъ нашего дома къ себѣ на Сергіевскую, она почувствовала первое нервное потрясеніе. Она долго послѣ этого болѣла, лежала въ кровати. Когда ей стало легче и языкъ вернулся, я былъ у нея. Лицо было блѣдное и такое мнѣ показалось маленькое; она улыбалась, выраженіе было кроткое и доброе. Все созная, она радовалась, что жизнь ея еще можетъ продлиться... Она бы и прожила, не будь новыхъ заботъ, а ей нуженъ былъ прежде всего безусловный покой.

Въ 1880 году въ Сырцѣ, подъ послѣднимъ впечатлѣніемъ заботъ и тревогъ о второмъ сынѣ, въ то самое время, когда она писала ему письмо, ее сразилъ новый нервный ударъ—на этотъ разъ смертельный. Трудно передать, что происходило въ Сырцѣ.

Не помню, какъ и когда мнѣ дали знать о случившемся; я поспѣшилъ въ Сырецъ. Вся семья въ оцѣпенѣніи, подхожу къ больной:

*) Люблю, чтобы меня любили такъ, какъ я люблю, когда люблю.

лежить, съ полужакрытыми глазами. При ней докторъ, который про-
велъ съ нею все дѣто, человекъ очень хорошій и внимательный. Онъ
наклонился къ больной и громко назвалъ меня. Мнѣ показалось, что
глаза ея задвѣгались, она качнула головой—приподняла руку... Былъ
ли то послѣдній проблескъ сознанія, узнала ли меня, кто можетъ
знать?

Одновременно со мною прибылъ въ Сырецъ П. М. Гедеоновъ,
неизмѣнный, вѣрный другъ Софіи Михайловны. Она глубоко цѣнила
его дружбу... И онъ остался ей вѣренъ до конца. Такіе дни и поло-
женія не забываются. Мы стояли близъ окна въ небольшой ея спальнѣ.
Дочери ея на колѣняхъ у кровати. Софія Михайловна въ послѣдній
разъ вздохнула и отошла въ вѣчность... Это было 23 Августа
1880 года.

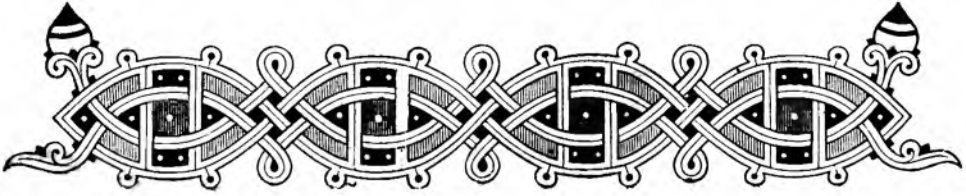
На Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры между мо-
гилою отца и матери оставалось одно свободное мѣсто. Согласно дав-
нему ея желанію, ее положили здѣсь же подъ общую часовнею.

Теперь около часовни двѣ новыя могилы дяди Сергія Сергѣевича
и сына ихъ Василя. Здѣсь, подъ общимъ сводомъ купола, осѣнен-
наго золотымъ крестомъ, рядомъ съ родителями, мужемъ и дѣтьми,
нашла себѣ мѣсто упокоенія—дочь Муравьева.

Графъ Сергій Шереметевъ.

8 Апрѣля 1892 года.
С.-Петербургъ.

Новыя книги по исторіи Кавказа.

(Библиографическія замѣтки).

Къ числу учреждений и работниковъ, вносящихъ вклады, часто очень цѣнные, въ сокровищницу Русской науки, принадлежать правительственныя мѣста и лица, остающіяся мало извѣстными. Почему-то казенныя учрежденія не публикуютъ о выходѣ своихъ трудовъ, а если и публикуютъ, то въ слишкомъ спеціальныхъ изданіяхъ, опять таки далеко не всемъ доступныхъ. Невольно думается, какъ полезно было бы изданіе въ С.-Петербургѣ, централизирующемъ всю нашу правительственно-общественную дѣятельность, органа, въ которомъ сосредоточивались бы свѣдѣнія о всѣхъ выходящихъ въ Имперіи правительственныхъ изданіяхъ, трудахъ, издающихся на казенный счетъ и т. п. Тогда, конечно, получили бы широкое распространеніе изданія того учреждения, о которомъ мы уже писали нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Русскомъ Архивѣ“. Мы говоримъ объ изданіяхъ такъ называемаго Военно-историческаго Отдѣла при штабѣ Кавказскаго военнаго округа. Военно-историческій Отдѣлъ, во главѣ котораго стоитъ маститый, извѣстный историкъ В. А. Потто, возникъ сначала какъ временное, нештатное учрежденіе въ 1874 г., для изданія учрежденнаго Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ повременнаго органа—„Кавказскій Сборникъ“, предназначеннаго для печатанія военно-историческихъ матеріаловъ о Кавказской войнѣ и владычествѣ Россіи на Кавказѣ. Въ 1888 г. Отдѣлъ этотъ получилъ временный штатъ, а 16 Декабря 1890 г. —постоянный.

Кавказскаго Сборника вышло до сихъ поръ 28 томовъ. Съ 26 тома характеръ изданія нѣсколько мѣняется. До него въ „Сборникѣ“, наряду съ архивнымъ матеріаломъ, Записками и т. п., печатались статьи редакторовъ Отдѣла, компилятивнаго характера, но все-таки спеціально-архивнаго содержанія. Статьи эти компилировали неключительно архивный, неизданный матеріалъ, со ссылками на дѣла архива и съ обширными выдержками изъ нихъ. Такія статьи были очень полезны, ибо издать вполне архивныя дѣла едва ли будетъ когда либо возможно; статьи же извлекали изъ нихъ самую суть, оставляя въ сторонѣ неважныя мелочи, которыхъ въ каждомъ архивномъ дѣлѣ очень достаточно. Съ 26-го тома редакция „Сборника“ рѣшила помѣщать, какъ видно, только одинъ сырой матеріалъ, въ видѣ Записокъ и архивныхъ дѣлъ. Поэтому въ томахъ 26-мъ, 27-мъ и 28-мъ „Кавказскаго Сборника“ напечатаны лишь слѣд.

статьи: „Изъ Записокъ Князя Амилахвари“, „Матеріалы къ исторіи Персидской войны 1827—1828 г.“ и „Изъ воспоминаній 80-го Кабардинскаго полка подполковника Севріанова о Персидской кампаніи 1827 г.“. Последнія двѣ статьи имѣютъ интересъ лишь для специалистовъ, но первая содержитъ въ себѣ много матеріала, представляющаго общій интересъ.

Записки князя Ивана Гивича Амилахвари обнимаютъ собою періодъ времени отъ 1850 до 1877 г. Выдержки изъ нихъ напечатаны въ 26—28 томахъ „Кавказскаго Сборника“. Князь И. Г. Амилахвари, „этотъ талантливый учитель-апостолъ великаго значенія нравственнаго духа въ войскахъ“, не получивъ солиднаго образованія, но одаренный природнымъ умомъ, наблюдательный и отзывчивый ко всѣмъ явленіямъ жизни, оставилъ послѣ себя замѣчательныя Записки-дневникъ, который велъ въ продолженіи всей войны 1877 г. Дневникъ писанъ имъ по грузински и переведенъ на Русскій языкъ еще при его жизни, подъ его личнымъ наблюденіемъ. Въ Запискахъ князя Амилахвари (окончившаго жизнь генераломъ отъ кавалеріи и генераль-адъютантомъ) заключается множество интереснѣйшихъ данныхъ для характеристики жизни войскъ Кавказа во второй половинѣ XIX в., въ годы послѣднихъ событій Кавказской войны, для исторіи этихъ событій и для обрисовки многихъ выдающихся дѣятелей Кавказа прошлаго вѣка. Остановимся на нѣсколькихъ эпизодахъ.

Глава первая Записокъ посвящена предкамъ и родителямъ князя Амилахвари. Тутъ мы встрѣчаемъ любопытныя черты жизни и быта Грузинскаго дворянства XVIII и начала XIX вѣковъ. Тутъ нельзя не обратить вниманія на отношенія Грузинъ къ Россіи въ прежнее время. Сопоставляя то, что князь Иванъ Гивичъ говоритъ тутъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ Записокъ по этому поводу, невольно сравниваешь недалекое прошлое съ настоящимъ; выродившимся потомкамъ прежнихъ богатырей-грузинъ. душею преданныхъ своей спасительницѣ, Россіи и самоотверженно служившимъ ей, надо вчитываться въ слова князя и ему подобныхъ людей, чтобы, вмѣсто слѣпой, искусственно раздутой ненависти къ Россіи, снова чувствовать, какъ чувствовали ихъ предки. Вотъ примѣръ. Изъ другихъ воспоминаній дѣтства глубоко врѣзалась въ память Ивана Гивича его поѣздка въ Тифлисъ въ 1837 г., для встрѣчи императора Николая Павловича, путешествовавшаго тогда по Кавказу. Старый дѣдъ его хотѣлъ непремѣнно, чтобы внукъ увидѣлъ и запечатлѣлъ въ своемъ сердцѣ образъ великаго царя, которому родная земля ихъ была обязана своимъ спокойствіемъ и счастьемъ. Недавній разгромъ Персидянъ и Турокъ, неконныхъ враговъ Грузинъ, особенно взятіе Ахалциха (этого разбойничьяго гнѣзда, откуда чаще всего налетала гроза), придавали въ то время особое значеніе могуществу императора Николая, и народъ повсюду встрѣчалъ его съ сыновнею любовью. Почти всѣ Грузинскіе князья, съѣхавшіеся тогда въ Тифлисъ, привезли своихъ сыновей, чтобы сдѣлать ихъ участниками великаго народнаго праздника. „И нѣтъ сомнѣнія, говорилъ потомъ князь Иванъ Гивичъ, что эти пережитыя въ дѣтствѣ минуты были Евангельскимъ сѣменемъ, которое пало на добрую землю и плодъ принесло сторицей“. Окончивъ 6 классовъ въ Тифлисской гимназіи, кн. Иванъ

Гивичъ 21 года поступилъ въ 1850 г. вольноопредѣляющимся въ Нижегородскій драгунскій полкъ, напутствуемый своимъ дѣдомъ: „Служи такъ, какъ служили твои предки. Мы не щадили своей крови за нашихъ государей, не жалѣй и ты своей. Помни, что жизнь наша въ рукахъ Божіихъ. Главное же, будь близокъ къ солдату и думай о немъ больше, чѣмъ о самомъ себѣ“. Золотыя слова, къ несчастью, забытыя нынѣшними Грузинами.

Нижегородскій драгунскій полкъ былъ тогда расположенъ въ Чиръ-юттѣ, на р. Сулакѣ, на передовой линіи, и на долю его выпадала тяжелая охранная служба. Въ этомъ полку, командиромъ котораго онъ сдѣлался чрезъ 13 лѣтъ, князь Иванъ Гивичъ составилъ себѣ блестящую военную репутацію. Записки его, которыми, кетати сказать, широко воспользовался историкъ славнаго полка, даютъ много высоко интересныхъ чертъ для описанія жизни нашихъ войскъ въ это время и для обрисовки военныхъ дѣйствій въ Чечнѣ. Характерными для жизни того времени, какъ Россіи вообще, такъ и Кавказа въ частности, являются типы разжалованныхъ и сосланныхъ, которыхъ немало было и въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, какъ, напримѣръ бывшій командиръ Павлоградскаго гусарскаго полка, флигель-адъютантъ Фелькерзамъ. Дружескія, товарищескія отношенія, установившіяся въ полку, веселая беззаботная жизнь, обычныя гусарскія проказы и продѣлки, пиры и банкеты—все это разносило молву о Павлоградцахъ по цѣлой Россіи; но все это требовало огромныхъ денежныхъ средствъ, а ихъ у Фелькерзама не было. Рассказываютъ, что Государь два раза великодушно платилъ за него долги, но когда въ третій разъ обнаружился значительный недочетъ въ казенномъ ящикѣ, Фелькерзамъ былъ разжалованъ и присланъ на Кавказъ рядовымъ. Въ драгунскомъ полку онъ былъ принятъ въ обществѣ, бывалъ у полкового командира, но никогда не позволялъ себѣ никакихъ уклоненій отъ служебныхъ обязанностей. По рассказамъ Фелькерзама, на Кавказѣ съ нимъ случились двѣ встрѣчи, вызванныя любопытствомъ, но діаметрально противоположныя по своему значенію; какое изъ нихъ лучше, пусть судитъ самъ читатель; но оба характерны для того времени. „Иду я однажды по станицѣ, а на встрѣчу мнѣ казачій есаулъ; эполетъ на немъ не было, черкеска отрепанная, чевяки черкесскія. Какъ тутъ узнать, что на немъ офицерское званіе? Однако я приглядѣлся уже къ здѣшнимъ порядкамъ, подпустилъ его на шесть шаговъ и сталъ во фронтъ. Онъ подошелъ, взялъ меня за руку и спрашиваетъ: „Вы Фелькерзамъ?—Такъ точно, отвѣчаю я. „Такъ это вы-то командовали гусарскимъ полкомъ и пустили его въ трубу? Ну и ухитрились же вы, батенька!“ Онъ расхохотался отъ всей души, дружески потрепалъ меня по плечу и пошелъ своею дорогою. Но въ какомъ-то укряпленницѣ, чрезъ которое Фелькерзамъ проходилъ съ этапною командою, его требуютъ къ воинскому начальнику. „Въ маленькой жарко натопленной комнатѣ, передъ салынымъ огаркомъ сидитъ старій-преатарій пивалидный офицеръ. Я остановился у порога; онъ сурово оглядѣлъ меня поверхъ своихъ большихъ круглыхъ очковъ. Ты Фелькерзамъ? спрашиваетъ.—Такъ точно, я, ваше благородіе! Такъ это ты, братъ, былъ полковникомъ и командовалъ полкомъ?—Я, в. бл.!—И ты былъ флигель-адъютантомъ моего государя?—При этомъ словѣ старикъ всталъ, по-

правиль галстукъ и провелъ рукою по пуговицамъ, точно желая убѣдиться, всѣ ли онѣ у него застегнуты. Я промолчалъ. Затѣмъ онъ еще разъ оглядѣлъ меня съ ногъ до головы и, покачавъ головою, произнесъ: „Какая же ты, братецъ, скотина! Пошелъ вонъ!“, и указательный палецъ, уставленный на дверь, далъ мнѣ знать, что аудіенція окончилась“. Кто изъ двухъ лучше?, спросимъ мы...

Перейдя вмѣстѣ съ полкомъ на театръ войны съ Турціей, князь Амилахвари продолжалъ отличатся и въ ней, а въ своихъ Запискахъ сообщаетъ много любопытнаго о военныхъ дѣйствіяхъ, объ отдѣльныхъ дѣятеляхъ. Весьма характерны разказы его о Н. Н. Муравьевѣ, о растерянности властей, едва не повлекшей за собою оставленіе нами Дагестана и т. п. Интересно описаніе дѣйствій Грузинской дворянской дружины въ Гурійскомъ отрядѣ, когда цвѣтъ Грузинскаго дворянства безстрашно воевалъ съ врагами Россіи, а не дѣйствовалъ съ ними рука объ руку, какъ чрезъ 50 лѣтъ поступали потомки славныхъ воиновъ.

Въ дальнѣйшихъ разказахъ и замѣткахъ князя Амилахвари излагаются событія послѣднихъ трехъ лѣтъ борьбы съ Шамилемъ, войны на западномъ Кавказѣ до ея окончанія и т. д., и все это переплетается воспоминаніями о собственной службѣ, о различныхъ сторонахъ военнаго быта. Между прочимъ интересны воспоминанія о посѣщеніи фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго въ его Курскомъ помѣстьѣ (въ 1869 г.), гдѣ кн. Иванъ Гивичъ прогостилъ три дня. „Полюбите Кавказъ такъ, какъ мы его любили, говорилъ князь Барятинскій, обращаясь къ спутнику князя Амилахвари, капитану Витте, его народы достойны любви и уваженія. Они рыцарски храбры, и, что про нихъ ни говорили бы, исполнены добродушія“. Интересно, какъ отнесся бы князь А. И. Барятинскій къ Кавказцамъ, если бы онъ имѣлъ несчастье дожить до послѣднихъ событій на Кавказѣ. „А нашъ Кавказскій солдатъ, вдругъ заговорилъ онъ, одушевляясь, что это за прелесть! Гдѣ найдешь ему подобнаго? Я былъ уже главнокомандующимъ. Бѣду разъ изъ Шуры съ княземъ Григоріемъ Орбелиани въ его коляскѣ; четверка славная, на козлахъ править полковой фурштадтъ. Я много курю дорогою, а тутъ, какъ нарочно, камердинеръ забылъ положить мнѣ спички.—Досадно, говорю я Орбелиани, закурить нечѣмъ.—Гляжу, фурштадтъ полѣзъ молча за голенище, вынулъ кресало, не торопясь выскѣкъ огонь и, не глядя на меня, черезъ плечо подаетъ зажженный трутъ: „Закуривайте!“... А помните ли вы Кабардинскій праздникъ, вскорѣ послѣ пріѣзда моего на Кавказъ.—Кабардинскій полкъ пригласилъ меня на вечеръ. Стали разносить пуншъ и, разумѣется, мнѣ первому. Взялъ я съ подноса стаканъ, отхлебнулъ и невольно сказалъ: „у, какой крѣпкій!“—„Да и полкъ-то крѣпкій, ваше сіятельство“, сказалъ солдатъ, разносившій подносъ, точно мое замѣчаніе относилось непосредственно къ нему. Вотъ онъ нашъ настоящій старый Кавказскій солдатъ, ставившій выше всего на свѣтѣ славу своего полка и несмуцавшійся ни передъ чѣмъ, даже передъ своимъ главнокомандующимъ“.

Достоинъ вниманія отзывъ князя Амилахвари о графѣ Н. П. Евдокимовѣ, личность котораго до сихъ поръ едва ли получила должную оцѣнку. „Въ пол-

ковой кампаньей 1873 года полку выпала скорбная честь хоронить своего старого вождя, графа Евдокимова, связанного съ полкомъ цѣлымъ рядомъ былыхъ воспоминаній. Мы были ближайшими свидѣтелями тѣхъ исполненныхъ работъ, которыя были совершены имъ въ послѣдній періодъ Кавказской войны и повели за собою умиротвореніе края. Надъ гробомъ Евдокимова погасли вражда и зависть, которыя преслѣдовали его при жизни, забылись старые счеты и остались только его великія заслуги передъ отечествомъ. Три милліона десятинъ земли, приобретенныя мечомъ, какъ выразился кто-то, прекрасное наслѣдіе, оставленное имъ Россіи“.

Съ главы XX („Кавказскій Сборникъ“, т. XXVIII) начинается дневникъ князя Амилахвари изложеніемъ тѣхъ впечатлѣній, которыя онъ вынесъ въ Іюль 1876 г. изъ Петербурга. „Въ Петербургѣ люди компетентные увѣряютъ, что ни Государь, ни военный министръ, ни государственный канцлеръ не желаютъ разрыва съ Турціей, а въ Скерневицѣ, при разговорѣ съ фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ, я замѣтилъ, что и онъ стоитъ противъ этой войны, и вообще противъ всякихъ пожертвованій на Сербское дѣло. Волнственнѣе всѣхъ мнѣ показались офицеры генеральнаго штаба. Они усердно разсматриваютъ и изучаютъ карту Турціи, громко проповѣдуя въ то же время о безсиліи этого государства, объ ничтожности его арміи, величая огуломъ всѣхъ Турокъ голодными оборванцами и съ самоувѣренностью профессоровъ, твердо знающихъ свое дѣло, математически доказываютъ и вычисляютъ, что достаточно двухъ-трехъ дивизій пѣхоты, да нѣсколькихъ полковъ кавалеріи, чтобы завоевать Константинополь и всю Турцію“.

Назначеніе Лорисъ-Меликова командующимъ отдѣльнымъ корпусомъ на Турецкой границѣ вызвало такой отзывъ князя Амилахвари: „По моему мнѣнію, выборъ этотъ удаченъ въ томъ отношеніи, что Лорисъ отлично знаетъ край, предназначенный для театра военныхъ дѣйствій, знакомъ съ мѣстнымъ пародонаселеніемъ, съ его языкомъ, правами и обычаями; притомъ же онъ очень умный, тонкій и ловкій человекъ. Личная храбрость его ни въ всякаго сомнѣнія, и если къ перечисленнымъ качествамъ онъ выкажетъ самостоятельный характеръ и искусство полководца, то лучшаго нечего и требовать“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи князь не разъ говоритъ о своихъ сношеніяхъ съ Лорисъ-Меликовымъ. „тонкая и неуловимая дипломатія котораго иногда бываетъ весьма прозрачна и осязательна“.

„На мой взглядъ Михаилъ Таріеловичъ, какъ умнѣйшій, просвѣщенный и неутомимо трудолюбивый человекъ, могъ бы оказать неоцѣненную пользу на войнѣ въ качествѣ помощника у хорошаго главнокомандующаго; но чтобъ онъ самъ обладать военнымъ качествомъ послѣдняго, въ этомъ я начинаю сомнѣваться“.

Подъ 12 Ноябремъ 1876 г. князь записываетъ разговоръ съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, который сказалъ: „У брата Николая на границѣ уже собрано около двухсотъ тысячъ штыковъ. Радуюсь, что онъ вы-

брать себѣ въ помощники хорошихъ людей,—Непокойчицкаго и Левицкаго“. На это великая княгиня, обратясь ко мнѣ, проговорила въ полголоса: „Они хороши, но оба Поляки!“.

29 Ноября. „Корпусный командиръ (Л. Меликовъ) продолжаетъ разсыпаться въ своихъ будущихъ планахъ и предпріятіяхъ. Очевидно, онъ бьетъ на эффектъ и хочетъ пустить пылъ въ глаза. Какъ ни гляжу, какъ ни слушаю, не вижу въ немъ искренняго солдата, не вижу полководца. Все это сладкорѣчіе, утонченная любезность, желаніе всѣхъ обворожить; словомъ, вся эта золотая пылъ не что иное, какъ фокусъ, какъ непреодолимое стремленіе къ будущему графскому достоинству“.

1 Декабря. „Корпусный командиръ прочиталъ мнѣ только что полученную имъ изъ Тифлиса отъ великаго князя копию съ депешъ нашего посла въ Константинополь. Игнатъевъ секретно сообщаетъ его высочеству, что Англичане вмѣстѣ съ Турками стараются подкупить Курдовъ съ тѣмъ, чтобы они выставили противъ насъ боевой комплектъ въ 60 тысячъ человекъ“.

8 Декабря. „Въ сел. Сардазъ-Абадъ старый участникъ Персидской кампаніи, Георгіевскій кавалеръ Степанъ, между прочимъ, разсказалъ, какъ легко досталась Паскевичу крѣпость Сардаръ-Абадъ. Предводитель Персидской арміи въ день сраженія объявилъ своимъ войскамъ: „Въ эту ночь мнѣ приснился страшный сонъ. Русскіе всѣми своими силами нападаютъ на насъ. Во главѣ у нихъ богатырь-всадникъ на бѣломъ конѣ, и этотъ всадникъ никто иной, какъ Георгій Побѣдоносецъ. И мнѣ снилось, что непріятель нашъ остался побѣдителемъ. Это тоже для насъ предзнаменованіе: если Русскіе вступятъ сегодня въ бой и если только вождь ихъ появится на бѣломъ конѣ, то намъ слѣдуетъ искать спасенія, а не драться, иначе мы всѣ до единого должны погибнуть“. Степанъ съ лукавствомъ Армянина радостно добавилъ: и въ этотъ день на самомъ дѣлѣ было у насъ сраженіе. Паскевичъ со всей своей свитой появились на бѣлыхъ коняхъ. Персіане дрогнули и бросались бѣжать и были разбиты на голову. Если все это не басня, а историческая правда, то нельзя не признать, что Паскевичъ нашъ ловко умѣлъ вести дѣло съ Азіатами“.

10 Декабря. Сопоставленіе патріарховъ Эчміадзынскихъ, Нерсеса и Кеворка IV: первый, при князѣ Воронцовѣ, былъ внимателенъ и расположенъ къ нашимъ войскамъ въ войну 1855—56 гг.: второй въ 1877 г. проявлялъ какую-то особую враждебность къ Русскому военному элементу.

6 Января 1877 г. Князь Амилахвари подробно описываетъ братское единеніе православныхъ и Армянъ при празднованіи дня Богоявленія въ Эривани.

14 Января. „Командиръ 2-го Уманскаго казачьяго полка привозилъ ко мнѣ сегодня на показъ муку и вышеченный изъ нея хлѣбъ. Мука оказалась съ камешками и перемѣшана съ известью. Разумѣется, я тотчасъ же препроводилъ къ начальнику отряда эти вещественныя доказательства невѣрныхъ шалостей нашего интендантскаго рыцарства. Посягательства на солдатскій желудокъ уже начались, и замѣчательно, въ такой странѣ, въ такой житницѣ, гдѣ пудъ пше-

няцы стоить 30 коп.⁴. Обь интендантахъ и ихъ подвигахъ далѣе не разъ общаются пикантныя подробности.

Приводить все, заслуживающее вниманіе въ дневникѣ князя Ивана Гивича, конечно, мы не можемъ; окончимъ возгласомъ его подь 1 Февраля: „Здѣсь, къ прискорбію моему, я узналъ, что въ Грузинской дружинѣ было нѣсколько случаевъ побѣга. Стыдно Грузинамъ! Всегда они честно и усердно служили Царю и Отечеству. Какая же нечистая сила ихъ попутала на такіе небывалые въ средѣ ихъ поступки?“ Къ счастью для доблестнаго Грузина, изъ глубины души котораго вырвался этотъ возгласъ, онъ не дожиль до времени господства нечистой силы среди его соплеменниковъ.

Перейдемъ теперь къ другому капитальному труду, предпринятому Кавказскимъ военно-историческимъ Отдѣломъ. Въ 1901 г., какъ извѣстно, исполнилось сто лѣтъ со времени добровольнаго, но вызваннаго гибельнымъ состояніемъ страны, присоединенія Грузіи къ Россіи. Это событіе, завершившее трехвѣковое тяготѣніе погибавшаго царства къ могущественной Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу естественнаго послѣдствія его, начало собою многолѣтнюю войну за обладаніе Кавказомъ съ врагами внѣшними и внутренними. Столѣтній юбилей въ 1901 г. возбудиль желаніе составить исторію этой войны и имѣющую съ ней неразрывную связь исторію нашего управления Кавказомъ. Поэтому на военно-историческій Отдѣлъ было возложено составить исторію утверженія Русскаго владычества на Кавказѣ. Составленная имъ программа этого труда была утверждена бывшимъ тогда военнымъ министромъ, генераль-адъютантомъ Куропаткинымъ. Весь трудъ долженъ составить 15 томовъ, изъ которыхъ по настоящее время вышло въ свѣтъ 5 томовъ въ 7 книгахъ. Какъ бы предисловіемъ къ этому труду въ 1899 году была выпущена книга (in 4°, 332+XIV с.): „Историческій очеркъ Кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи. Къ столѣтію занятія Тифлиса Русскими войсками 26 Ноября 1799 г. Подь ред. ген.-маіора Потто. Изданіе военно-историч. Отд. при штабѣ Кавк. военнаго округа“. Въ этомъ изданіи, украшенномъ многочисленными рисунками и картами, „Военно-историческій Отдѣлъ призналъ необходимымъ указать въ краткомъ обзорѣ тотъ путь, которымъ первыя случайныя сношенія Руси съ Кавказомъ привели постепенно къ сознанію исторической задачи Русскаго государства на Кавказскомъ перешейкѣ“. Поэтому „Очеркъ“ излагаетъ кратко сношенія Россіи съ Кавказомъ съ древнѣйшихъ временъ, подробнѣе, начиная съ Петра Великаго, развиваетъ изложеніе событій въ царствованіе Екатерины II и оканчиваетъ битвою на Иорѣ 7 Ноября 1800 года.

Самая исторія, въ которую вводитъ „Очеркъ“, начала выходить въ 1901 г., когда появилась книга: „Утверженіе Русскаго владычества на Кавказѣ. Томъ I. Подь руководствомъ начальника штаба Кавказскаго военнаго округа генераль-лейтенанта Н. Н. Бѣлявскаго, составленъ въ военно-историческомъ Отдѣлѣ подь редакціею генераль-маіора Потто“. Тифлисъ, 4°, 7+309+X с., со многими рисунками, планами и картами. Въ 1902 г. вышелъ томъ II, V+527+XV ст. съ 19 портретами, рисунками, планами и картами; въ 1904 г.—томъ III въ

двухъ частяхъ (ч. 1-я—V+XI+527+XVIII с. съ 12 рис. и пр., ч. 2-я—IV+590+XVIII с. съ 9 рис. и пр.); томъ IV вышелъ также въ 2 частяхъ: 1-я часть въ 1906 г.—II+320+XII с. съ 10 рис. и пр., 2-я въ 1908 г.—IV+455+XV с. Въ порядкѣ томовъ вышелъ въ 1901 г.—XII томъ, занятый сочиненіемъ В. Н. Иваненко (бывшаго военнаго судьи Кавказскаго военно-окружнаго суда: „Гражданское управленіе Закавказьемъ отъ присоединенія Грузіи до намѣстничества великаго князя Михаила Николаевича. Историческій очеркъ“). (IV+525 стр. съ рисунками).

Какъ бы ни смотрѣть на такого рода труды, участіе въ нихъ такихъ знатоковъ Кавказа и его исторіи, какъ т.-сов. Е. Г. Вейденбаумъ, генер. В. А. Потто, полковникъ В. И. Томкѣевъ, придаетъ всему изданію такую авторитетность, что, конечно, этотъ трудъ Военно-историческаго Отдѣла займетъ видное мѣсто въ библиотекѣ каждаго историка Россіи. Четвертый томъ оканчивается управленіемъ Паскевича (1829 годомъ), именно изложеніемъ его Персидской и Турецкой кампаній. Остается лишь желать, чтобы капитальный трудъ Военно-историческаго Отдѣла не остановился на этомъ, и чтобы онъ далъ намъ, наконецъ, исторію всей Кавказской войны, для чего собраны громадныя запасы и въ другихъ его изданіяхъ, не говоря уже объ имѣющемся въ его распоряженіи архивномъ матеріалѣ.

Е. Козубскій.

Г. Т. Х. Шура,
1 Декабря 1909 г.

Письмо графа Д. Н. Шереметева къ В. А. Жуковскому.

Копія.

Милостивый Государь Василій Андреевичъ.

Жена¹⁾ моя передала мнѣ желаніе Вашего Превосходительства относительно дарованія свободы матери Никитенкова²⁾, я долгомъ считаю увѣдомить Васъ, что я вмѣняю себѣ въ особенное удовольствіе сдѣлать угодное Вашему Превосходительству.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Милостивый Государь

Вашего Превосходительства

покорнѣйшій слуга

Графъ Дмитрій Шереметевъ.

1-го Апрѣля

1841 г.

В. А. Жуковскому.

¹⁾ Графиня Анна Сергѣевна († 11 Юня 1849) П. Б.

²⁾ Сынъ ея, Александръ Васильевичъ Никитенко, былъ въ это время уже профессоромъ Петербургскаго Университета.

К. С. АКСАКОВЪ.

Первородный сынъ Сергѣя Тимофѣевича и Ольги Семеновны Аксаковыхъ, Константинъ Сергѣевичъ (род. 29 Марта 1817 г.) былъ человекъ поистинѣ необыкновенный. Хомяковъ называлъ его свирѣпымъ агнцемъ: кроткій и незлобивый, онъ, защищая свои убѣжденія, становился неистовъ и ударялъ мощно кулакомъ по столу. Хомяковъ говаривалъ, что въ немъ и въ его дѣдѣ Тимофѣѣ Степановичѣ олицетворяется ходъ Русскаго просвѣщенія: тотъ таскалъ за волосы свою Арицу Васильевну, внукъ его написалъ диссертацию о Ломоносовѣ Русскими словами, но по-нѣмецки. Онъ напоминалъ собою Пушкинскаго Ленскаго:

Духъ пылкій, но немного странный, всегда возвышенная рѣчь...

Цищуцѣй эти строки счастливы тѣмъ, что знали Константина Сергѣевича. Послѣ разговора съ нимъ всякій разъ становилось какъ-то свѣтлѣе и чище на душѣ. Его можно сравнить съ другимъ чистымъ существомъ, котораго вся жизнь прошла какъ святыня. Это графиня А. Д. Блудова. Общаго между ними было и въ любви къ родителямъ. Когда Хомяковъ прочиталъ графинѣ свою „Пасхальную Заутреню“, гдѣ сказано, что слово братъ „всѣхъ словъ земныхъ и выше и святѣй“, графиня ему замѣтила, что у нея есть слово еще святѣе. Не договаривайте, быстро подхватилъ Хомяковъ, это слово „отецъ“.

По кончинѣ отца своего (30 Апрѣля 1859 года) Константинъ Сергѣевичъ, пользовавшійся всегда крѣпкимъ здоровьемъ, очень скоро сдѣлался незнаваемъ. Онъ безпрестанно ѣздилъ въ Симоновъ монастырь, гдѣ даже ложился на могилу отца и обливалъ ее слезами. Онъ совершенно перемѣнилъ образъ жизни, и не прошло года, какъ заболѣлъ чахоткою, ради которой предписано ему было дѣлаться виноградомъ.

Помѣщаемыя ниже письма его къ матери и сестрамъ сообщены были намъ его братомъ Иваномъ Сергѣевичемъ, въ спискѣ, съ подстрочными примѣчаніями. П. Б.

ПИСЬМА К. С. АКСАКОВА

ИЗЪ ЧУЖИХЪ КРАЕВЪ ВЪ МОСКВУ.

Берлинъ, 24-го Августа 1860 г.

Я доѣхалъ въ Берлинъ самымъ благополучнымъ образомъ, и меня заботитъ мысль о васъ.

Когда подѣхали мы къ Штетину, я увидалъ на пристани стоящаго брата Ивана. Было это мнѣ очень дорого, и глубоко отрадно его увидеть, хотя я этого ждалъ, былъ почти увѣренъ въ этомъ и даже говорилъ кому-то изъ сестеръ. Онъ пріѣхалъ наканунѣ и дожидаясь прихода парохода, который опоздалъ и пришелъ въ Штетинъ въ 2 часа, такъ что поѣздъ денной уже ушелъ въ Берлинъ. Сейчасъ мы пошли съ нимъ въ гостиницу и тамъ вдвоемъ могли говорить и говорили долго. Вечерній поѣздъ отходитъ въ половинѣ седьмого.—Въ семь часовъ выѣхали мы изъ Штетина (Нѣмцы явились *неаккуратными*) и пріѣхали въ 11 часу въ Берлинъ. Мы остановились въ гостиницѣ zum Bayerischen Hof. Сегодня справлялись о виноградѣ. Содержатель гостиницы отвѣчалъ, что объ этомъ надо спросить у доктора; про Траубе сказалъ, что онъ знаменитъ по части грудныхъ болѣзней, и долженъ знать о виноградѣ, ибо часто отправляетъ на виноградъ. Это рѣшило меня пойти къ Траубе; а я ужъ хотѣлъ было только занести къ нему письмо графини Салиасъ. Самъ же содержатель гостиницы думаетъ, что виноградъ еще не поспѣлъ. Къ Траубе поѣдемъ мы въ 4 часа (это его часъ); поговоря съ нимъ, pošлю вамъ сейчасъ телеграмму—куда я ѣду или куда вамъ писать.

Теперь скажу вамъ сколько-нибудь о моемъ путешествіи. Когда вы уѣхали, я долго смотрѣлъ вслѣдъ вашему пароходу... Какъ я доволенъ, что вы видѣли море! За обѣдомъ я увидѣлъ всѣхъ своихъ спутниковъ. Тотъ господинъ, который все пѣлъ на пароходѣ и говорилъ во все горло, оказался человѣкомъ весьма добрымъ. Я замѣтилъ, какъ онъ, прощаясь крестилъ Колю, своего племянника, съ которымъ онъ все время балагурилъ. Разспросивъ, зачѣмъ я ѣду и узнавъ, что я нездоровъ, онъ заботился о мнѣ съ большимъ вниманіемъ. Это особенный типъ людей, къ которымъ принадлежитъ и этотъ господинъ; его фамилія Барышниковъ. Онъ всю дорогу пѣлъ, говорилъ на разныхъ языкахъ, какъ на своемъ собственномъ, балагурилъ, проказничалъ до совершеннаго шутовства и не могъ минуты быть спокойнымъ;

но въ то же время всякому готовъ былъ услужить чѣмъ нибудь. Вообще я доволенъ моими спутниками.

Странное дѣло! Взглянулъ ли я съ другой стороны, побѣдилось-ли во мнѣ отчасти эгоистическое чувство собственнаго безпокойства, только путешествіе съ сестрами въ незнакомомъ обществѣ не показалось мнѣ такъ невозможнымъ и тревожнымъ. Это почувствовалъ я, когда мы ѣхали еще на маленькомъ пароходѣ; это чувствовалъ я и потомъ, когда плылъ на большомъ пароходѣ. Всѣ были учтивы другъ съ другомъ. Съ дамами всѣ были до крайности вѣжливы, но въ то же время позволяли себѣ въ ихъ присутствіи лежать съ ногами на диванѣ; точно такъ же лежали и дамы на своихъ диванахъ; была, такъ сказать, дорожная безцеремонность. Если ею не смущаться, если принять это какъ обычай, видѣть, что тутъ нѣтъ и тѣни грубости: тогда ѣзда въ обществѣ (по крайней мѣрѣ въ такомъ, какъ на пароходѣ) была бы пріятна. Стогло только подойти дамѣ къ занятому стулу или дивану, какъ уже мужчина вскакивалъ и уступалъ ей мѣсто; что же касается до разговора, то и между мужчинами онъ былъ таковъ, что его могла бы слушать каждая дѣвушка.

Съ нами ѣхала княгиня Долгорукая, жена этого Банкаля*), съ сыномъ, который преумный и живой 11-ти лѣтній мальчикъ; ѣхалъ Нарышкинъ съ женою (урожденною Долгорукою), ѣхалъ Французскій курьеръ уже немолодой, котораго вы, я думаю, замѣтили еще на пароходѣ, чистѣйшій Французъ, и предобрый. На пароходѣ первый разговоръ: куда вы ѣдете, зачѣмъ? Поэтому пришлось сказать многимъ, что я ѣду лѣчиться. въ томъ числѣ и Французу. Вчера въ вагонѣ, замѣтивъ, что я сижу противъ вѣтра, онъ убѣдилъ меня сѣсть на его мѣсто, а самъ сѣлъ на мое, надѣвъ носовой платокъ себѣ на голову. На пароходѣ подошелъ ко мнѣ (только мы тронулись) одинъ господинъ и спросилъ, знаю ли я Томашевскаго? Я сказалъ, что весьма знаю, и назвалъ Антона Францовича, думая, что объ немъ идетъ рѣчь. Но онъ объявилъ, что онъ говоритъ про Егора Антоныча. Я сказалъ свою фамилію; онъ сказалъ, что знаетъ и Марью Сергѣевну. Оказалось, что это Лихонинъ, тотъ самый, который познакомился съ дядею Аркадіемъ Тимофѣичемъ. Лихонинъ похожъ, какъ двѣ капли воды, на Дмитрія Самозванца. Говоря, онъ давалъ чувствовать, что онъ человѣкъ съ энергіей; но въ то же время изъяслялъ сильное опасеніе касательно морской болѣзни. Только что пароходъ нашъ сталъ плавно качаться, какъ Лихонинъ ужъ ходилъ съ отчаяннымъ лицомъ, и нако-

*) Это Петръ Владимировичъ, извѣстный генеологъ. П. Б.

нецъ скрылся. Морская болѣзнь таки дала ему себя знать. Когда мы двинулись, и капитанъ, и другіе ждали сильнаго вѣтра; но, напротивъ, вѣтеръ стихъ, и погода стала превосходною и теплою; на другой день тоже, такъ что всѣ удивлялись; на третій день, только съ полудня поднялся сильный вѣтеръ, и сдѣлалась качка, которая ночью была даже очень сильна; но нашъ пароходъ „Владимиръ“ твердо лежалъ на волнахъ, и потому на немъ эта качка была только любопытна, но конечно не для всѣхъ; на всякомъ другомъ пароходѣ это была бы не шутка. Когда вѣтеръ (на одинъ часъ только) повернулъ было намъ въ спину, капитанъ велѣлъ распусить всѣ паруса: матросы полѣзли на мачты, и одинъ изъ нихъ былъ сбить распускаемымъ парусомъ и упалъ; къ счастью, онъ катился по веревкамъ и упалъ въ привязанную къ пароходу лодку; онъ ушибся, но, слава Богу, не очень. Еслибъ онъ упалъ въ море, говорить, нельзя было бы (при такихъ волнахъ) спасти его.

Съ нами ѣхалъ одинъ Бразилецъ, совершенно съ особымъ лицомъ: ѣхалъ студентъ Шлецеръ, родной правнукъ знаменитаго Шлецера, по имени Несторъ; наконецъ, ѣхалъ архимандритъ Палладій, человѣкъ весьма умный, жившій долго въ Китаѣ и теперь отправляющійся въ Римъ. Я много говорилъ съ нимъ.

На пароходѣ, зная, что надо много ѣсть и пить вино, я много ѣлъ, хотъ и безъ большого аппетита, и взялъ бутылку вина, которую и выпилъ. Я вовсе не былъ боленъ; напротивъ, морской воздухъ, казалось мнѣ, былъ мнѣ полезенъ; я чувствовалъ себя бодрѣе. Въ послѣдній вечеръ на пароходѣ было свѣжо, и я надѣвалъ шубу. Вообще плаваніе наше было весьма благополучное. Таможня Прусская была очень любезна.

Съ Иваномъ говорили мы много. Я очень доволенъ его путешествіемъ; оно принесло уже, и еще принесетъ, большую пользу и вообще, и ему самому. Онъ, можетъ быть, иначе воображалъ употребить это время, уѣзжая; но путешествіе его взяло само собою свое направленіе, и прекрасно: по этой дорогѣ достигается, безъ всякаго исканія, та цѣль внутренняго устраненія самого себя, для которой онъ ѣхалъ. Очень, очень я этимъ доволенъ.

Сейчасъ отъ Траубе; уѣхалъ онъ купаться и будетъ только въ Сентябрѣ. Мы заѣхали узнать о виноградѣ къ винопродавцу; онъ сказалъ, что чрезъ недѣлю поспѣетъ на Рейнѣ и будетъ отличный. Я рѣшился, соглашаясь съ Иваномъ, въ Прагу не ѣздить, отложивъ это до окончанія леченія: думаю ѣхать вмѣсто того въ Бауценъ къ Смоляру.

Хочется мнѣ на Рейнъ, а не въ Швейцарію; въ Гейдельбергъ думаю поговорить съ Хеліусомъ. Во всякомъ случаѣ, хотѣлось бы на мѣсто, приняться за леченіе и за занятія. Братъ хочетъ, чтобъ я посовѣтовался съ Вальтеромъ въ Дрезденѣ, но я не вижу никакой надобности. Завтра думаемъ въ 7 часовъ утра выѣхать въ Дрезденъ и тамъ исполнить порученіе Голицыной, и въ Бауценъ; отсюда въ Гейдельбергъ посовѣтоваться съ Хеліусомъ и устроиться въ Дюркгеймѣ. Думаемъ быть въ Гейдельбергѣ дней черезъ шесть или, даже, раньше, а поэтому, милая моя маменька и милыя сестры, пишите въ Гейдельбергъ, *poste restante*.

Это письмо, вѣроятно, уже будете читать вы въ Москвѣ, милая маменька, вмѣстѣ уже со всѣми сестрами. Вполнѣ чувствую и слышу всѣ ваши заботы и все участіе, какими я окруженъ. Я себя очень берегу. Оленькина фуфайка не сходила съ меня всю дорогу и прекрасно меня грѣла. Ночью я прибѣгалъ и къ пледу, былъ употребленъ и шарфъ; но шуба, хотя и была полезна на пароходѣ, чрезвычайно обременяетъ и мѣшаетъ на желѣзной дорогѣ. Погода здѣсь теплая, Кушль себѣ мыло, пбо въ гостинницѣ не подаютъ.

Прощайте, милая, дражайшая маменька! Ради Бога, себя берегите и не грустите. Помните, что я поѣхалъ за границу для васъ...

Лейпцигъ. 27 Августа.

Вотъ мы и въ Лейпцигѣ... Буду вамъ разсказывать, какъ будто сижу вмѣстѣ съ вами. Я былъ, съ Иваномъ вмѣстѣ, на почтѣ, но писемъ отъ васъ не было; спросивъ корреспондента „Русской Бесѣды“ Вальтера, во сколько времени доходятъ письма изъ Петербурга, я узналъ, что въ недѣлю. Сегодня Суббота. Въ Субботу вы ко мнѣ не писали; въ Воскресенье вы могли писать, но, пожалуй, почтамтъ не принялъ: если же ваше письмо пошло въ Понедѣльникъ, то оно придетъ не ближе Понедѣльника. Во всякомъ случаѣ, если и получу отъ васъ письмо, оставлю на почтѣ адресъ, куда переслать, еслибъ вы написали ко мнѣ сюда другое письмо. Мнѣ очень хочется поскорѣе отпустить Ивана: онъ, чтобъ меня встрѣтить, бросилъ кой-какія дѣла, а мнѣ не хочется его отрывать. Поэтому, я желалъ бы скорѣе быть на мѣстѣ. Если уѣду отсюда, не дождавшись вашего письма, то получу его около сутокъ позднѣе. Очень бы хотѣлось имѣть объ васъ извѣстіе, милая, дражайшая маменька, и о милыхъ сестрахъ. Я писалъ вамъ недавно изъ Берлина, и вотъ пишу изъ Лейпцига, зная, что вы желаете знать обо мнѣ, какъ можно чаще, и желая самъ сообщать вамъ постоянно все, что вижу и слышу.

Извѣстiя, собранныя о виноградѣ, не опредѣленны. Говорятъ, что вѣроятно еще не поспѣлъ вообще, но что небольшая часть его можетъ быть и поспѣла. Совѣтуютъ ѣхать въ Дюркгеймъ, а если тамъ не поспѣлъ виноградъ, то проѣхать въ Веве. Такъ вѣроятно и сдѣлаемъ. Отсюда хотимъ прямо поѣхать въ Гейдельбергъ, а если нельзя, то сперва во Франкфуртъ. Я чувствую себя очень хорошо.

Изъ Берлина мы взяли мѣста во 2-мъ классѣ, который такъ же удобенъ и хорошъ, какъ и 1-й: вся разница въ томъ, что 1-й богаче, вмѣсто сукна обитъ бархатомъ. Здѣсь вагоны не представляютъ этой отвратительной улицы, какъ у насъ; всякой вагонъ есть отдѣльная осьмимѣстная карета, и входъ въ него съ боговъ; въ 1-мъ классѣ всего 6 мѣсть. Это гораздо лучше. Странное дѣло! Желѣзная дорога здѣсь вовсе не производитъ на меня того впечатлѣнiя разрыва со всѣмъ окружающимъ, какое производитъ у насъ Николаевская желѣзная дорога. Стелется она мимо самыхъ луговъ, лѣсовъ и пашень, такъ какъ-то просто, какъ будто своя имъ, большею частiю безъ всякихъ рвовъ и канавъ, забирая на пути своемъ все деревни и города, малые и большiе. Желѣзная дорога здѣсь дѣла у себя; а у насъ она—гостья, чужая. Потому она чужая, что только самостоятельность усвоиваетъ, дѣлаетъ своимъ, а наша самостоятельность подавлена обезьянствомъ; потому въ разрывѣ желѣзная дорога со всѣмъ окружающимъ, что все, что производитъ, устрояетъ и властвуетъ у насъ, находится въ совершенномъ разрывѣ съ странною, съ народомъ. Но это огромный вопросъ; оставляю его пока въ сторонѣ. Мы сидѣли съ Иваномъ въ вагонѣ почти одни, и прекрасно доѣхали до Дрездена. Въ Дрезденѣ мы остановились на пять часовъ только, и остались на желѣзной дорогѣ, не заходя въ гостиницу; черезъ часъ шель поѣздъ въ Бауценъ....

Въ Бауценѣ прiѣхали вечеромъ. Городъ весьма оригиналенъ и красивъ; это какъ бы губернский, если не уѣздный городъ. Гостиница стараго покроя, простая, но въ ней какъ-то свободнѣе. Рано утромъ пошли мы къ Смоляру, который намъ очень обрадовался... Получивъ отъ Ивана обо мнѣ телеграфическiй вопросъ, онъ тоже рассыпалъ телеграммы въ разныя стороны, отыскивая меня. Ивану онъ не отвѣчалъ, потому что не зналъ его адреса. Мы поѣхали съ Смоляромъ въ Лужицкую деревню, Бонневицъ, къ зажиточному крестьянину; но это уже не только зажиточность, а богатство: великолѣпный каменный домъ, золотые карманные часы на окнѣ, фортепьяно и проч. Хозяинъ—Лужичанинъ, широкъ и плотенъ необыкновенно; онъ принялъ насъ радушно; кой-какъ мы объяснились другъ съ другомъ; но черезъ недѣлю или двѣ понимали бы одинъ другаго отлично. Съ нами по-

знакомился еще Лужичанинъ, Горникъ. Смоляръ очень хвалитъ мою грамматику... Въ тотъ же день мы уѣхали изъ Бауцена, прямо въ Лейпцигъ. Смоляръ и Горникъ насъ провожали. Мы поѣхали въ 1-мъ классѣ: боялись тѣсноты, а разница въ цѣнѣ, по малости разстоянія, была не велика. Но какое впечатлѣніе производитъ на окружающихъ билетъ въ 1-мъ классѣ!—Изъ Бауцена мы пріѣхали прямо въ Лейпцигъ; были сегодня у Вагнера, который сказалъ мнѣ, что я извѣстный писатель и расхваливалъ Луповицкаго. Оставляю здѣсь шубу: она теперь не нужна.

Гейдельбергъ.

Мнѣ такъ было жаль, что я согласился съ братомъ Иваномъ и не поѣхалъ въ Прагу, такъ жаль, что я почти рѣшился, не смотря даже на трату времени и денегъ (ибо пришлось бы опять возвращаться въ Дрезденъ) ѣхать въ Прагу; но меня остановило то, что въ Прагу не было прямого поѣзда до поздняго вечера, и такимъ образомъ, пришлось бы цѣлый день провести въ Лейпцигѣ. Дѣлать нечего: я рѣшился продолжать путешествіе, и мы отправились прямо во Франкфуртъ (часовъ около 12-ти ѣзды). Поѣздка наша была весьма благополучна; мы ѣхали во второмъ классѣ, въ осьмимѣстномъ вагонѣ, въ которомъ сидѣло насъ пять человекъ, въ томъ числѣ двое молодыхъ, высокихъ, статныхъ Нѣмцевъ, хорошаго Германскаго типа. Вообще до сихъ поръ я вижу большую взаимную учтивость между проезжающими. Во Франкфуртъ пріѣхали мы поздно, переночевали и сегодня отправились въ Гейдельбергъ. По дорогѣ я спрашивалъ о виноградѣ, и всѣ извѣстія были самыя невыгодныя; одинъ важный Берлинецъ Прусакъ, не удостоивавшій и разговаривать съ другими Нѣмцами, не-Прусакими, говорилъ мнѣ, что нечего и думать о виноградномъ леченіи на нынѣшній годъ. Этотъ Прусакъ превозносилъ до небесъ Траубе, говоря, что онъ единственный медикъ для грудныхъ болѣзней, вылечилъ его сына, и имѣетъ Европейскую знаменитость, и пр... Въ Гейдельбергъ мы ѣхали все съ дамами, то съ Нѣмками, то съ Англичанками, такъ что Иванъ не курилъ. Жѣлѣзная дорога въ Кассель становится черезъ-чуръ по домашнему; вагоны, ѣдучи по ровному мѣсту, то качнутся на одинъ бокъ, то на другой, точно по косягу; это значить, что то съ одной, то съ другой стороны рельсы опустились. Но сегодня, во владѣніяхъ Дармштадскихъ, дорога опять шла, какъ слѣдуетъ... Пріѣхавъ въ Гейдельбергъ, мы послали узнать о Хеліусѣ. Я не совѣтовался съ Вальтеромъ въ Дрезденѣ, думая именно, что необходимо посоветоваться съ Хеліусомъ о виноградѣ, а между тѣмъ, хозяинъ нашей гостинницы, человекъ, кажется, дѣльный, сказалъ намъ, что виноградъ не спѣлъ и кисель, что виноградное леченіе бу-

дети открыто въ Дюркгеймѣ 25 Сентября, т. е. 13, а у насъ сегодня 25 Августа, и такъ чрезъ двѣ недѣли! *Будетъ открыто*, прибавилъ хозяинъ, а каково оно будетъ, это другой вопросъ; виноградъ конечно созрѣетъ, но онъ можетъ быть кисель, и тогда вмѣсто пользы можетъ сдѣлать вредъ. Слова хозяина были весьма дѣльны; я вспомнилъ опасенія Варвинскаго. Ну, если скажутъ мнѣ: „не можетъ быть нынѣшній годъ винограднаго леченія,“—тогда, захавши къ Славянамъ, конечно слѣдуетъ немедленно возвращаться въ Россію. Я спрашивалъ хозяина о Швейцаріи. Онъ говорилъ, что и тамъ вѣроятно то же и что воздухъ Швейцаріи очень остръ. Хеліуса въ Гейдельбергѣ не оказалось; онъ уѣхалъ въ Баденъ. Мы спросили: какая есть въ Гейдельбергѣ медицинская знаменитость? Намъ назвали Поссельта. Иванъ слышалъ объ немъ; мнѣ кажется даже, что Варвинскій говорилъ объ немъ. Явился Поссельтъ, важный, серьезный старикъ; онъ прочелъ описаніе Варвинскаго, разспросилъ меня и началъ меня стучать, слушать и осматривать крайне внимательно и съ такими подробностями, съ которыми меня еще не осматривали. Наконецъ онъ сказалъ, что прежняго здоровья я не возвращу, но что могу быть все-таки здоровъ, наблюдая при томъ осторожность, что я буду *einseitig* (односторонній, однобокій), но что это ничего. Нашелъ онъ, впрочемъ, всю причину болѣзни въ сердцѣ. Касательно винограднаго леченія онъ сказалъ, что оно хорошо, какъ послѣдующее леченіе *Nach-cure*, а что теперь немедля долженъ я ѣхать въ Соденъ, пить тамъ воды до тѣхъ поръ, пока созрѣетъ виноградъ, то есть недѣли три, а потомъ взять курсъ винограднаго леченія; теперь же, прибавилъ онъ, лечиться виноградомъ была бы глупость. Поссельтъ ушелъ, и мы стали обдумывать дѣло. Иванъ убѣждалъ меня ѣхать въ Соденъ уже и потому, что виноградомъ пользоваться нельзя; но я, обдумавши дѣло, не соглашаюсь. Цѣль моей поѣздки за границу вовсе не была совѣтоваться съ докторами, въ противномъ случаѣ я бы обратился къ тѣмъ, которые позвѣстили Поссельта, въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ, Вѣнѣ. Къ Траубе заѣзжалъ я потому, что графиня Салиасъ дала мнѣ письмо, котораго нельзя было не отвезти. Поссельтъ, надо сказать, внушаетъ довѣріе, но на одномъ впечатлѣніи основываться нельзя. Вдругъ я измѣню весь планъ леченія оттого, что неизвѣстный мнѣ докторъ посоветуетъ по своему: не будетъ-ли это своего рода легкомысліе? Особенно, когда я вовсе не съ этою цѣлію ѣхалъ за границу, и когда даже Поссельтъ нашелъ дыханіе у меня лучше, нежели какъ пишетъ Варвинскій въ своемъ Латинскомъ описаніи. Я просилъ Ивана собрать свѣдѣнія о Поссельтѣ; Иванъ былъ у Маркевича*), видѣлъ у него много Русскихъ,

*) Аван. Ив. Маркевичъ, издатель Сборника Малороссійскихъ пословиць, мужъ писательницы Марко Вовчокъ. Онъ скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ. И. А.

всѣ они противъ Посселята и рекомендуютъ Фридберга, съ которымъ, конечно, я совѣтоваться не буду; надобно имѣть хотя какія нибудь данныя, а ихъ слишкомъ мало. Въ Германіи докторовъ много, не со всѣми же совѣтоваться. Я думаю, что изъ словъ Посселята, можно вывести одно: что виноградъ не поспѣлъ, и что теперь леченія начинать (въ Дюркгеймѣ по крайней мѣрѣ) нельзя; а въ Соденѣ ѣхать не для чего. Иванъ со мною согласился, и мы, согласно съ принятымъ планомъ, рѣшились обратиться къ Швейцаріи. Ѣхать туда, и можетъ быть, понапрасну, было бы дорого, а поэтому думаемъ спросить доктора Curchod по телеграфу о виноградѣ. Вы видите, какъ забочусь я о себѣ, какъ благоразумно все обдумываю; одѣваюсь я очень тепло. Иванъ заботится обо мнѣ, и беретъ на себя всѣ хлопоты: онъ и опытенъ. Я не былъ за границею 22 года и многое забылъ, а кой-что перемѣнилось. Въ Лейпцигѣ ночью студенты у самыхъ нашихъ оконъ пѣли во все горло хоромъ на улицѣ, а потомъ во все горло хоромъ хохотали. Я было думалъ устроиться въ Дюркгеймѣ, но судьба мѣшаетъ.—Сегодня вышедши, чтобъ починить себѣ часы, у которыхъ вывалился шпенець, я зашелъ къ хлѣбнику, въ кондитерскую и купилъ себѣ печенья, мнѣ захотѣлось какъ-то сладкаго; помадка еще у меня продолжается; хлѣбъ здѣсь отлично выпеченъ, но мука не хороша. Кюрхо или Кюрино пишутъ, что виноградное леченіе *начнется только* въ концѣ Сентября: итакъ надобно ждать по меньшей мѣрѣ двѣ недѣли. Теперь предстоитъ вопросъ: что дѣлать? Жить въ Гейдельбергѣ двѣ недѣли не имѣетъ смысла, какъ скоро принято намѣреніе ѣхать въ Швейцарію лечиться виноградомъ. Жить въ гостинницѣ крайне дорого, дороже чѣмъ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ; устроиваться на двѣ недѣли въ особой квартирѣ не стоитъ, особенно, когда придется опять устроиваться въ Веве, къ тому же погода здѣсь, какъ и во всей Германіи, гдѣ я былъ, скверная. И такъ, по нашему мнѣнію, два рѣшенія могутъ имѣть смыслъ: или ѣхать сейчасъ въ Веве, устроиться и дожидаться начала винограднаго леченія, или ѣхать въ Вѣну, гдѣ доктора могутъ указать мнѣ виноградъ гдѣ-нибудь въ Австріи; въ Австріи погода была хорошая, виноградъ вѣроятно хорошъ; во всякомъ случаѣ о его достоинствѣ скажутъ Вѣнскіе доктора, которые, какъ слышалъ Иванъ, если назначаютъ виноградное леченіе, то посылаютъ имъ лечиться въ самой Австріи; итакъ, слѣдовательно, это возможно. Но еслибы даже рѣшили въ Вѣнѣ, чтобъ я ѣхалъ въ Веве, то и тогда поѣздка эта въ Австрію была бы не лишняя: эти двѣ недѣли я бы употребилъ не безъ пользы, былъ бы и въ Мюнхенѣ проѣздомъ, гдѣ на Нѣмецкій языкъ переводятся мои статьи, и вообще поѣздка эта

имѣеть смыслъ. Потомъ Иванъ могъ бы меня въ Вѣнѣ оставить на нѣкоторое время. Не знаю, успѣлъ ли бы я съѣздить въ Прагу, куда мнѣ весьма хочется. Итакъ вотъ два рѣшенія. Сами еще не знаемъ, какое выберемъ. Кажется мнѣ, что я ужь давно за границею, и такъ странно, какъ вспомнишь, что всего недѣля. Желѣзныя дороги много измѣнили условія, видъ и духъ путешествія. Тютчевъ, который встрѣтился со мною съ большимъ чувствомъ и участіемъ, тоже поѣдетъ въ Женеву на виноградное леченье.

Вѣна, 3 Сентября.

Слава Богу! Наконецъ получили отъ васъ письмо. Очень важны извѣстія, сообщаемыя вами, милая маменька. Здѣсь носятся слухи о нашемъ союзѣ съ Австріею. Союзъ нашъ съ Австріею (если это правда), есть горестное событіе для Россіи и для всего Славянскаго міра. Но это событіе все не остановитъ хода исторіи, который приметъ только, можетъ быть иной, путь. Впрочемъ, это вопросъ огромный и глубокій; объ немъ говорить надо много. Мы пріѣхали въ Мюнхенъ поздно, останавливались въ *Hotel Maulick*, гдѣ, говорятъ, останавливаются всѣ Русскіе. На другой день братъ пошелъ къ Боденштедту, и скоро Боденштедтъ явился къ намъ самъ (Иванъ сказалъ ему, что для меня входить на лѣтницы не годится). Иванъ у него обѣдалъ. Вечеромъ былъ Боденштедтъ*) опять и сидѣлъ у насъ долго. Онъ человѣкъ не безъ таланта, не глупый, но многое ему недоступно или не вполне доступно. Чрезвычайно хвалитъ моего Луповицкаго, перевелъ между прочимъ и статью мою о литературѣ, говорилъ о томъ, какой успѣхъ имѣли въ Германіи Отесенькины сочиненія. Его жена, о которой онъ любитъ упоминать, прочитывала нѣсколько разъ сочиненія Отесеньки въ Нѣмецкомъ переводѣ. Мы говорили съ Боденштедтомъ также о Германской литературѣ и наукѣ; я спрашивалъ его о состояніи философіи въ Германіи, говорилъ о жалкомъ паденіи Германской мысли: онъ говоритъ, что теперь совершается поворотъ, что теперь опять

*) Извѣстный талантливый переводчикъ Пушкина, Фр. Боденштедтъ, занимался въ то время переводомъ нѣкоторыхъ статей изъ Русской Бесѣды и отрывковъ изъ другихъ „Славянофильскихъ“ сочиненій, съ цѣлью ознакомить Германскую публику съ „Славянофильскимъ“ направлениемъ. Эти переводы были потомъ изданы имъ въ видѣ особаго сборника, подъ заглавіемъ „Fragmente“ въ двухъ частяхъ. Тамъ же, въ Мюнхенѣ, по распоряженію моему и подъ руководствомъ Боденштедта, переводилось ученикомъ его, Баварскимъ офицеромъ Шмидтомъ (который перевелъ и Исторію Суворовскаго похода въ Италію, Милюткина) „Введеніе въ Грамматику“ К. С. Аксакова изъ его 1-го выпуска Грамматики, вышедшаго въ свѣтъ предъ отъѣздомъ его за границу. Н. А.

обращаются къ Гегелю, слѣдовательно къ строгости философской мысли, и указаль мнѣ на сочиненія по этой части. Боденштедтъ просидѣлъ бы долго, но ушелъ потому, что намъ надо было вставать на другой день въ 5 часовъ. Онъ очень просилъ меня непремѣнно быть у него, если я поѣду черезъ Мюнхенъ. Я никого изъ ученыхъ Нѣмецкихъ до сихъ поръ не видалъ, и потому уже, что остаюсь вездѣ очень короткое время, да и потому, что они всѣ большею частію въ отсутствіи. Боденштедтъ совѣтоваль мнѣ быть у Боппа, говоря, что онъ совершенный дитя, добродушный, и будетъ очень радъ говорить со мною о грамматикѣ; но для этого надобно въ Берлинъ ѣхать. Онъ указаль мнѣ на другихъ профессоровъ, филологовъ и философовъ, съ которыми не худо было бы повидаться; но города ихъ не совѣмъ по дорогѣ. Я уже объяснилъ вамъ причины, почему мы рѣшились ѣхать въ Вѣну. Наканунѣ я было совершенно рѣшился ѣхать въ Веве, но, „утро вечера мудренѣе“, и утромъ на другой день, поговоривъ хорошенько, мы съ Иваномъ рѣшились ѣхать въ Вѣну. Важною для меня причиною, въ числѣ другихъ, было то, что Ивану нужно было быть въ Вѣнѣ, что поѣздка въ Веве весьма отдаляла эту возможность и что Иванъ, когда бы я устроился въ Веве, хотѣлъ съѣздить въ Вѣну и опять вернуться. Поѣздкою нашею въ Вѣну это неудобство устранялось, и сверхъ того не пропадали даромъ свободныя двѣ недѣли, которыя, въ противномъ случаѣ, пришлось бы прожить здѣсь, послѣ леченія, если хотѣтъ видѣть Вѣну и Прагу. Теперь же послѣ леченія я могу не мѣшкать своимъ возвратомъ. Но я опять не знаю, куда мнѣ ѣхать на виноградъ: если виноградъ поспѣетъ, то почему не ѣхать въ Дюркгеймъ, какъ я хотѣлъ? Не вижу надобности совѣтоваться съ здѣшними докторами, ибо совѣтамъ ихъ я слѣдовать не имѣю намѣренія. Говорять здѣшніе Русскіе, что Нѣмецкіе доктора такого или другаго города посылаютъ на такія или другія воды, смотря по городу, гдѣ живутъ. Очень бы хорошо, еслибъ можно было лечиться виноградомъ здѣсь въ Австріи. Про это надобно бы спросить здѣшнихъ докторовъ. Въ Германіи, съ самаго моего пріѣзда, я еще не видалъ теплаго дня; все продолжается стужа, но въ Австріи теплѣе, какъ и все лѣто было. Крѣпокъ Русскій человекъ заднимъ умомъ! Чего бы лучше прямо изъ Дрездена поѣхать въ Прагу и въ Вѣну, и оттуда спросить по телеграфу Хеліуса въ Гейдельбергъ и Кюршо въ Веве: поспѣлъ ли виноградъ? Были бы сбережены и время и деньги, не было бы сдѣлано ненужной дороги, и мое желаніе быть въ Прагѣ было бы удовлетворено: но догадались мы только теперь... Пока я писать къ вамъ письмо, приходилъ къ Ивану Славянинъ-Хорватъ, но не засталъ его дома; онъ познакомился со мною, и мы съ нимъ весьма дружески потолковали.

Что вамъ сказать о Вѣнѣ? Матеріальная сторона этого города бросается въ глаза; какія мостовыя, какая чистота улицъ, сколько магазиновъ! Но есть какая-то своя оригинальность: улицы крайне узки. Сегодня, пришедши за письмами на почту, я долженъ былъ дожидаться, вмѣстѣ съ другими, пока почту отворять, и говорилъ съ однимъ Нѣмцемъ. Молодой человѣкъ съ усами и бородой, тутъ же стоявшій и догадавшійся, что я не Нѣмецъ, спросилъ меня, не Полякъ ли я? Я отвѣчалъ, что я Русскій изъ Москвы. А вы? спросилъ я его въ свою очередь. „Я Полякъ изъ Варшавы“, отвѣчалъ онъ. Я протянулъ ему руку. Вы можете говорить по-русски, сказалъ Полякъ. Оказалось, что онъ по-русски говорить. Мы стали говорить по-русски, какъ заговорилъ, на весьма близкомъ къ Русскому нарѣчію, отставной служивый съ крестами. Вы откуда? спросилъ я его. Я изъ Галиціи, отвѣчалъ онъ, Русинъ. Такъ вотъ насъ три Славянина, сказалъ я. Такія встрѣчи возможны здѣсь; онъ очень краснорѣчивъ.

Вышедши на улицу, я встрѣтилъ Ивана, который былъ въ Caféhaus, гдѣ читалъ газеты. Неаполитанское королевство въ волненіи. Пьемонтъ вступилъ въ Папскія владѣнія. Все это вамъ уже конечно извѣстно. Мы походили съ Иваномъ по улицамъ, встрѣтили Гагарина, съ которымъ познакомилъ меня Иванъ; это племянникъ нашего посла Балабина, *attaché à l'ambassade*¹⁾: онъ мнѣ очень понравился.... Вернувшись, мы пообедали à la carte: все ужасно дорого, каждый кусокъ хлѣба считаютъ. Вѣна мнѣ не нравится. Движенія на улицахъ множество, но только движенія. Часто съ Иваномъ говоримъ мы о Славянахъ; это наводитъ на самые глубокіе вопросы; но объ этомъ лучше при свиданіи. Я радъ, что Иванъ не увлекся внѣшнимъ проявленіемъ жизни. Вчера вечеромъ помѣшалъ мнѣ писать Раевскій²⁾. Мы познакомились; онъ очень хорошій, добрый и живой человѣкъ; мы сидѣли предолго... все вдвоемъ: Ивана не было дома, онъ пошелъ читать газеты, встрѣтилъ Рубинштейна и зашелъ въ театръ. Когда поближе знакомишься съ Вѣной, то видишь мелочность проступающую отовсюду: видишь, что даже и матеріальное совершенство больше обманъ, наружность. Въ гостинницахъ только озадачиваютъ видомъ комнатъ, и притомъ, на каждомъ шагу вамъ лгутъ, общаются и не дѣлаютъ, надуютъ, пробуютъ обсчитать васъ на мелочахъ. Здѣсь выражается тотъ же духъ мошенничества, который одушевляетъ всю Австрійскую политику, какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю...

¹⁾ Обоихъ, и Балабина, и Гагарина уже нѣтъ въ живыхъ. П. А.

²⁾ Протоіерей при посольской церкви въ Вѣнѣ, Михаилъ Федоровичъ. П. А.

Сегодня Воскресенье. Въ 11 часовъ у насъ обѣдня въ посольской церкви... Здѣсь Воскресенье соблюдается въ торговомъ и рабочемъ отношеніи, кажется, строже, чѣмъ у насъ; но это ничего не доказываетъ. Если особенныхъ дѣлъ въ Вѣнѣ не будетъ, то, кажется, нечего здѣсь долго оставаться; но когда подойдетъ срокъ винограднаго леченья, не знаю, куда ѣхать. Въ Швейцарію или на Рейнъ? Въ Дюркгеймъ тоже виноградъ поспѣетъ. Кюршд пишетъ, что можно пользоваться виноградомъ и нынѣшній годъ, но съ выборомъ. Итакъ, кто же будетъ выбирать? Вѣроятно Кюршд разумѣетъ себя. Если ему вѣрить—надобно къ нему ѣхать; но въ Швейцаріи бездна всякихъ путешественниковъ и Русскихъ въ томъ числѣ. Найду ли я себѣ тамъ уединенное помѣщеніе? Къ тому же, изъ Дюркгейма я могъ бы иногда пріѣзжать повидаться съ Нѣмецкими профессорами. Но что и говорить? Какъ леченье собственно, Вевѣ выдается противъ другихъ мѣстъ съ своимъ Кюршд, быть можетъ потому, что мы читали его брошюру... Какой дорогою возвращаться въ Россію, объ этомъ тоже думаю, но это еще впереди.

Очень благодаренъ добрымъ друзьямъ за вниманіе. А. М.—такой человѣкъ, о которомъ и говорить нечего¹⁾.

Прага, 12 Сентября.

Вотъ я наконецъ и въ Прагѣ. Въ это время я успѣлъ много видѣть, такъ много, что едва ли что-нибудь новое могло бы мнѣ представить дальнѣйшее путешествіе по Австрійскому пространству, развѣ въ частности и подробностяхъ. Прежде нежели вѣхали мы въ Австрію, толковали мы много съ Иваномъ о Славянахъ. Онъ сомнѣвался въ состоятельности Славянъ Австрійскихъ и говорилъ, что не составляетъ ли Австрія для нихъ самихъ, по ихъ собственному внутреннему требованію, необходимости для ихъ существованія²⁾, и что нѣтъ ли между ними и Австріею исторической связи? (онъ исключалъ отсюда Русиновъ). Онъ говорилъ, что умъ, что логика требуютъ другаго, но что непосредственное впечатлѣніе таково, и что особенность и даже историческія преданія племенъ Славянскихъ не отвѣчаютъ простымъ требованіямъ ума; что, однимъ словомъ, ему себѣ, безъ Австріи, Австрійскихъ Славянъ представить трудно, и что весь вопросъ славянства въ рукахъ Россіи. Я соглашался съ его очень вѣрными заключеніями и, вспоминая Русскую пословицу: *снопъ безъ прясла—солома*, думалъ, что не есть ли ужъ Австрія—прясло (поясъ, связь) для Славянъ. Иванъ желалъ знать, какое впечатлѣніе произведетъ на меня Вѣна: произведетъ ли она на меня впечатлѣніе, какъ нѣчто такое, что осуждено пасть, разрушиться. (Ему этого не кажется).

¹⁾ Кто это, не знаемъ. П. Б.

²⁾ Тоже говорилъ мнѣ въ 1858 г. Шафарикъ. П. Б.

Мы прїѣхали въ Вѣну и провели въ ней почти недѣлю. Впечатлѣніе, произведенное на меня Вѣною, было иное: она явилась мнѣ беззаконностью, которая не можетъ оставаться: въ ней точно встрѣчаются всѣ возможные наружности, но это не связь этихъ народностей. Эта *встрѣча* народностей въ Вѣнѣ—беззаконна, насильственна: это чувствуешь и разумѣешь. Слышишь всевозможные языки и нарѣчія, и вдругъ всѣ эти языки и нарѣчія, при малѣйшей встрѣчѣ съ официальною властью, съ иностранцемъ, даже съ другою народностью, исчезаютъ и замѣняются языкомъ Нѣмецкимъ. *Господство Нѣмецкаго элемента ощутительно, осязательно на каждомъ шагѣ, и—невыносимо.* Это противорѣчіе, эта беззаконность оставаться не можетъ. Этотъ гнетъ Нѣмецкій чувствовалъ я въ Австріи на себѣ самомъ, съ каждымъ Русинимъ, Хорватомъ, Словакомъ. Нѣтъ, Австрія и славянство вмѣстѣ существовать не могутъ. Тутъ не можетъ быть иного вывода: или Славяне должны германизироваться, что теперь, я думаю, невозможно, ибо идея и сознаніе народности пробуждены, или владычество Австріи надъ Славянами должно пасть. Такъ какъ первое, по моему мнѣнію, невозможно: то второе, слѣдовательно, хотя и трудно, но необходимо. Тѣмъ не менѣе замѣчанія Ивана о Славянахъ вполне справедливы: они (Славяне) опираются здѣсь всею своею силою, или лучше слабостью, на Австрійское единство, и не одни Славяне. Мы купили брошюрку, написанную Румыномъ, который громко, рѣзко требуетъ народности, совершенно самостоятельной, но политическую связь видитъ въ Австріи, и поэтому признаетъ господство Нѣмецкаго языка. Ошибка состоитъ въ томъ, что, при этомъ господствѣ, народность ужиться не можетъ и должна германизироваться. Не того хотятъ Русины. Нѣтъ, имъ мало этой народности: они не хотятъ Австрійскаго владычества; у нихъ есть политическое могущество, есть свое государство, куда устремлены постоянно ихъ взгляды: это Россія. Они даже обижаются, когда ихъ называютъ Русинами, ибо они себя зовутъ просто Русскими. Но какъ бы то ни было, какъ бы ни были частію робки Австрійскіе Славяне, частію связаны историческими преданіями съ Западомъ, сознаніе народности пробуждено; не съ тѣмъ же оно возникло съ большою силою, чтобъ пасть: оно должно побѣдить. Безъ Россіи, отъ Австріи Славяне едва ли могутъ освободиться, пока не освободятся отъ нея *въ духѣ*. А и это безъ помощи Россіи, безъ помощи нашей Москвы, гдѣ совершается величайшее изъ освобожденій,—освобожденіе духа,—едва ли возможно. Славяне, просвѣщенные, сами могутъ быть того не видятъ, и имъ Нѣмецкій элементъ любезенъ, и они горды имъ, какъ грамотою на дворянство. Но слѣдовательно должно признать превосходство Германскаго элемента надъ Славянскимъ: вопросъ, кото-

рый и предложилъ мнѣ Иванъ. Ничуть. Для тѣхъ Славянъ, которые отступили отъ своего Славянскаго элемента, Германскій элементъ всегда будетъ силенъ и побѣдоносенъ. Славянинъ, на Нѣмецкой дорогѣ, всегда будетъ побитъ Нѣмцемъ. Вотъ и разгадка исторіи славянства. Только одинъ народъ не отступилъ отъ Славянскихъ началъ—народъ Русскій, и онъ одинъ могущественъ, и ему предлежитъ будущее; ему уступить Нѣмецъ и весь Западъ, уступить во всѣхъ отношеніяхъ. Но эти Славянскія начала такъ высоки, такъ чисты, такъ дышать свободою, что удержаться на нихъ трудно. А тѣмъ не менѣе это необходимо для Славянина. Нѣмецъ, и вообще Западъ, другое дѣло. Нѣмецъ побѣдитъ и съ *ирьхомъ* пополамъ, и со всякою неправдою,—надѣлаеть много знаменитыхъ, даже великихъ дѣлъ; а Славянинъ не то. Ему съ *ирьхомъ* пополамъ *нельзя* побѣдить, *нельзя* сдѣлать ничего прочнаго и великаго. Требованія, къ нему обращенныя, несравненно выше и труднѣе, чѣмъ отъ Западнаго человѣка; отступя отъ нихъ и ставъ на одну доску съ Нѣмцемъ, онъ сейчасъ становится ниже Нѣмца. Принимая на себя размѣры и задачи Нѣмца,—болѣе легкіе, чѣмъ размѣры и задачи Славянскія (кажется это бы легче), онъ становится напротивъ слабѣе Нѣмца. Такъ и должно быть.

Иванъ поѣхалъ на одинъ день въ Лейпцигъ; ему нужно.

...Но я все пишу вамъ только общія мысли, общіе выводы путешествія; я знаю, что для васъ это также занимательно, но не знаю, разберете ли вы?... Много увидалъ я: еще болѣе уяснились для меня и подтвердились основныя мои мысли и даже цѣлыя предположенія,—и какъ еще, если возможно, выше сталъ Русскій народъ! Но теперь, оставляя въ сторонѣ общіе выводы, я обращаюсь къ исторіи нашего путешествія... Въ тотъ же день, какъ мы пріѣхали, былъ у насъ Раевскій, и одинъ Хорватъ. Раевскій, вопреки предубѣжденію, которое я противъ него имѣлъ, мнѣ очень понравился. Онъ истинно добрый, простой человѣкъ, совершенно Русскаго склада, но только неглубокаго ума. Я разговорился съ нимъ о православныхъ церквахъ, сказалъ о церковныхъ вещахъ, данныхъ мнѣ Карцовымъ*), о томъ, что ѣхать въ Далмацію для меня затруднительно. Онъ сказалъ мнѣ, что недалеко отъ Вѣны, часовъ 6—7 ѣзды по желѣзной дорогѣ, въ городѣ Мадьярскомъ. Гранѣ, есть бѣдная православная церковь, которой не откуда ждать помощи: прихожанъ всего человѣкъ тридцать. Я рѣшился туда съѣздить, и если найду, что церковь такова, что можно туда дать приношенія, то и отдать. На другой день, то есть въ Воскресенье, былъ

*) Передъ отъѣздомъ К. С. за границу, пріѣхалъ къ нему неизвѣстный ему дотогѣ г. Карцовъ и привезъ церковную утварь и облаченіе, съ просьбой передать это бѣднѣйшей изъ православныхъ церквей между Славянами. П. А.

я у обѣдни въ нашей церкви. Были Сербы, былъ вчерашній Хорватъ-католикъ и всю нашу обѣдню и Вѣрюю говорилъ наизусть; были Уніаты-Русины, были даже католики. Послѣ обѣдни Иванъ познакомилъ меня съ нашимъ посланникомъ. Балабинымъ. Это такой превосходный человѣкъ, такой искренній Русской и Славянинъ, какого другаго желать нельзя. Великое счастье для Россіи, что онъ посланникъ при Австрійскомъ дворѣ*). Притомъ, это человѣкъ умный и понимающій свое назначеніе и значеніе. Я еще прежде слышалъ это все отъ Ивана и потомъ самъ убѣдился въ мое пребываніе въ Вѣнѣ. Онъ сказалъ, что надѣется насъ увидѣть и собирался первый сдѣлать намъ визитъ; но мы его предупредили: потомъ онъ былъ у насъ. Съ нимъ живетъ его племянникъ, князь Гагаринъ, добрыйшій и милый молодой человѣкъ, исполненный живѣйшаго интереса ко всѣмъ общимъ вопросамъ, ко всѣмъ задачамъ исторической жизни, читатель и почитатель Русской Бесѣды... Онъ даже прочелъ мою критику на Буслаева. Послѣ этого, я подарилъ ему мою Грамматику, что было ему истинно пріятно. Послѣ обѣдни, Раевской позвалъ насъ къ себѣ пить чай. Тутъ познакомился я съ его зятемъ, священникомъ нашимъ въ Сан-Дonato, гдѣ Демидовъ выстроилъ Русскую церковь; это умный, энергическій молодой человѣкъ; онъ товарищъ П. А. Преображенскаго; зовутъ его Платонъ Петровичъ. Онъ читалъ Луповицкаго и горячо сочувствуетъ взглядамъ, тамъ высказаннымъ, именно старостою о благотворительности.

Въ Вѣнѣ улицы замѣчательно узки, и по нимъ ходитъ множество людей. Здѣсь и Нѣмцы, и Хорваты, и Словаки, и Русины, и Румыны, и Мадьяре и *прочія народности—Австрійской имперіи*; здѣсь и православные, и уніаты, и католики и протестанты. Теперь здѣсь идетъ Государственный Совѣтъ, Reichsrath. но это все чистое надувательство Австрійское. Въ этомъ совѣтѣ есть и православные епископы. Сербскаго весьма не хвалятъ, а Румынскаго, барона Шагуну, хвалятъ. Онъ и Петринѣ спорятъ противъ Нѣмцевъ, возражаютъ въ этомъ Совѣтѣ; но чуть дѣло становится серьезно, то министръ объявляетъ, что это переходитъ за предѣлы власти

*) Онъ не долго имъ остался. Быть въ Вѣнѣ искуснымъ и вѣрнымъ представителемъ только политики Русскаго кабинета, и въ тоже время, по неволѣ, неизбежно, въ глазахъ огромнаго большинства населенія Австрійской Имперіи (Славянскаго) почитаться представителемъ всѣхъ Русскихъ національныхъ стремленій и симпатій—это такое трудное, фальшивое положеніе, котораго ни одинъ нашъ посланникъ, изъ коренныхъ Русскихъ, долго не выдерживаетъ безъ ущерба для своего здоровья. Балабинъ заболѣлъ такимъ разстройствомъ нервовъ, которое не только заставило его покинуть службу, но и скоро за тѣмъ свело его въ могилу, равно какъ и племянника его, кн. Гагарина. Болѣзнь послѣдняго выразилась, наконецъ, въ томъ, что онъ, и по переѣздѣ въ Москву, видѣлъ всюду Австрійское шпионство, козни и интриги. П. А.

Совета. Мадырь очень много въ Вѣнѣ, ходятъ они въ своемъ національномъ, но не красивомъ и не очень отличительномъ костюмѣ, весьма свободно и самодовольно. Мы познакомились въ Вѣнѣ со многими Славянами; большую часть изъ нихъ Иванъ уже зналъ прежде. Въ особенности понравились мнѣ Русины. Я очень жалѣлъ, что не взялъ съ собою побольше экземпляровъ Молвы, драмы и др. своихъ отдѣльныхъ сочиненій. Какая жажда Русскихъ книгъ! Тутъ былъ тотъ, который выписалъ, но не получилъ Молву, и которому далъ её Иванъ. Какъ онъ ею доволенъ! Въ Вѣнѣ былъ я и у Миклошича въ библиотекѣ; на другой день онъ отдалъ мнѣ визитъ. Про него ходятъ очень недобрые слухи; самъ онъ смотритъ плутомъ; и я, кое-что про него услышавъ, жалѣлъ, что былъ у него. Наконецъ, узнавъ многихъ и многое въ Вѣнѣ, я сталъ собираться въ Грань. Дѣла Ивана устроились такъ, что и онъ могъ ѣхать, и мы отправились.

Прѣбавъ въ Грань, мы съ братомъ, прежде всего, еще дорогою, были охвачены мадыризмомъ; на станціяхъ, всюду Мадырская одежда на мущинахъ и женщинахъ, и дикіе Мадырскіе звуки, и Мадырскія выразительныя фигуры. Въ Грань даже вывѣски на Мадырскомъ языкѣ. Мы остановились въ гостиницѣ, гдѣ хозяинъ тоже Мадырь. Отдохнувъ немного, мы сошли, чтобъ что-нибудь съѣсть въ обѣденную залу. Тамъ, за большимъ столомъ, сидѣло человекъ тридцать или больше Мадырь, и раздавались громкія рѣчи и крики. Какъ только мы взошли, все на минуту примолкло, и глаза всѣхъ обратились на насъ: мы сѣли подлѣ, за особый столикъ. Скоро громкія рѣчи и крики начались снова и еще сильнѣе; множество бутылокъ опорожнялось; очевидно, что мы попали на обѣдъ съ политическимъ значеніемъ. И точно, одинъ всталъ и началъ говорить рѣчь среди всеобщаго вниманія; мы разумѣется не понимали ни слова, но по нѣкоторымъ общимъ словамъ можно догадаться, какого рода эта рѣчь. Ораторъ кончилъ, и раздались оглушительныя восклицанія: эліенъ! и пр. Потомъ два раза говорилъ другой, и его рѣчи были встрѣчены еще съ большимъ сочувствіемъ. Наконецъ вдругъ всѣ они заиѣли вмѣстѣ пѣсню, такого серьезнаго, даже священнаго напѣва, которая заставляла догадываться, что въ ней идетъ рѣчь не о пустякахъ. Лица у всѣхъ Мадырь сдѣлались серьезны, важны, строги даже, и пѣли они съ такимъ участіемъ всего своего существа, съ такою важною энергіею: притомъ тридцать-сорокъ мужскихъ голосовъ, отъ согласнаго звука которыхъ иногда какъ бы все дрожало. Все это было выразительно и эффектно; да, все-таки эффектно! Мы переставали ѣсть въ это время, и нашъ обѣдъ тянулся долго. Наконецъ мы встали, ибо неловко было смотрѣть на нихъ, какъ

на спектакль. Иванъ сказалъ мнѣ потомъ, что когда мы вошли, то нашъ приходъ смутилъ ихъ, что и я замѣтилъ; но что, когда я, по обычаю, соблюдаемому мною и здѣсь, перекрестился передъ обѣдомъ, то это замѣтила маленькая дѣвочка и побѣжала сейчасъ сказать хозяину Мадьяру (вѣроятно ея отцу), бывшему тутъ же. Онъ сообщилъ сейчасъ гостямъ, и вновь, свободно, запиروвали Мадьяры. Они сейчасъ догадались вѣроятно, что это не Австрійцы, а, можетъ быть, догадались, что это Русскіе.

Мадьяры! Мадьяры! Безъ нѣкотораго сочувствія нельзя смотрѣть на нихъ. Я говорю безъ нѣкотораго, ибо Мадьяры—другое дѣло. Мадьяры народъ Азіатскій, народъ кровяной. Какія у него свои глубокія начала духа, какія искреннія убѣжденія?! У него очень искренно кипитъ въ жилахъ кровь, и онъ, какъ дикій звѣрь, силится сломать свою клетку. Къ тому же Мадьяры, до 1848 года, пользовались конституціею и почти независимостью политическою, при чемъ давили страшно входящихъ въ государственные предѣлы Венгрии Славянъ. Воспоминаніе объ этомъ, весьма понятно, постоянно передъ ихъ глазами.

Оставивъ Мадьяръ, пошли мы отыскивать нашу православную, церковь, гдѣ ожидало насъ совсѣмъ иное зрѣлище. Мы пришли и вошли на дворъ: церковь бѣдная, среди маленькаго двора, поросшаго травою, похожая очень видомъ на наши. Она сильно, сильно на меня подѣйствовала; сказалось разомъ такъ много при видѣ этой бѣдной, православной церкви! Мы вошли въ домъ священника: насъ встрѣтила его жена, Сербка, очень обрадовавшаяся, какъ скоро узнала, что пришли свои, православные, Русскіе изъ Москвы; послала сейчасъ за священникомъ, который и пришелъ съ однимъ Хорватомъ-торговцемъ, бывшимъ у него въ гостяхъ и тоже православнымъ, и при томъ, какъ мы узнали послѣ, чрезвычайно ревностнымъ; оба намъ сильно обрадовались. Священникъ—высокій Сербъ съ орлинымъ носомъ. Я сталъ его спрашивать про церковь; онъ сказалъ, что прихожанъ мало, и тѣ забываютъ Сербскій языкъ и начинаютъ говорить по-мадьярски. Онъ спросилъ насъ: откуда мы пріѣхали теперь и куда ѣдемъ; мы отвѣчали, что изъ Вѣны и нарочно въ Гранъ. Долго ли мы останемся, спросилъ онъ; мы сказали, что сегодня ѣдемъ назадъ. Это очень изумляло священника. Онъ показалъ намъ церковь; она очень бѣдна, но и здѣсь нашли мы одно прекрасное облаченіе изъ Россіи, переданное сюда Раевскимъ. Я рѣшился передать церкви приношеніе Карцева, и сказалъ о томъ священнику: и онъ, и Хорватъ, и все были умилены и обрадованы.

Но листокъ къ концу, а у меня даже и бумаги теперь нѣтъ. И такъ до слѣдующаго письма... Я чувствую себя гораздо здоровѣе: я думаю вы и сами догадываетесь изъ писемъ; запыхиваюсь гораздо менѣе.

Прага.

Церковь, куда я рѣшился передать приношеніе, построена во имя св. Арх. Михаила. Священникъ былъ очень радъ, когда я объявилъ ему, что передаю его церкви дары Карцова. Онъ спросилъ меня объ его имени, но я, вообразите, забылъ. Священникъ, какъ настоящій Славянинъ, просилъ, требовалъ, чтобъ мы пришли къ нему *вечерять*. Славянинъ не можетъ не угостить, какъ-бы бѣденъ онъ ни былъ. Мы обѣщали и пошли въ свою гостинницу; но священникъ и Хорватъ непремѣнно захотѣли проводить насъ. Я шелъ съ Хорватомъ. Сколько словъ глубокаго сочувствія, глубокой любви къ Россіи, слышалъ я отъ своего спутника! Отдохнувъ немного и взявъ церковныя вещи, пошли мы опять къ священнику. Здѣсь я увидѣлъ деликатность, то тонкое Славянское чувство, которое понимаетъ, что любопытство не у мѣста; любопытство было рѣшительно устранено; священникъ не торопился, *не любопытствовалъ* видѣть приношенія. Я самъ сталъ ему показывать, и онъ постоянно повторялъ: *то е лтно*. Потомъ, опять, помоему желанію, показалъ онъ всѣ церковныя вещи женѣ своей, которая очень набожная женщина. У священника двѣ дочери, одна лѣтъ 12, другая лѣтъ 6, и еще такихъ же лѣтъ племянница. Онъ весьма бѣденъ, ибо ему жить почти нечѣмъ; но замѣчательно, что къ нему въ церковь ходятъ католики, обращаются къ нему нерѣдко и, хоть нѣсколько, его поддерживаютъ. Но какъ ни бѣденъ священникъ, а для Русскихъ гостей устроилъ вечерю; было-три мясныхъ, народныхъ Сербскихъ, блюда, которыхъ къ счастью меня ѣсть, какъ человѣка, ѣдущаго лечиться, не принуждали. За ужиномъ, когда мы говорили о нечаянности нашего посѣщенія, священникъ сказалъ, что его жена въ эту самую ночь видѣла во снѣ Русскаго Царя и рассказала ему поутру свой сонъ, а вотъ и пришли изъ Руси гости. Священникъ рассказалъ намъ, что католическій примасъ (архіепископъ), имѣющій свое пребываніе въ Гранѣ, требовалъ отъ него, чтобъ онъ отслужилъ панихиду по Венгерцѣ, графѣ Съчени, католикѣ; но священникъ рѣшительно отказался. Примасъ неоднократно склонялъ его если не къ католицизму, то хоть къ униатству, и благосостояніе его было бы вполне обезпечено; но священникъ остался непреклоненъ. Нельзя было, безъ уваженія, слышать разсказъ о томъ священника. Во время его разсказа я замѣтилъ, что жена его, рядомъ съ нимъ сидѣвшая, утирала слезы, а Иванъ слышалъ, какъ она вполголоса говорила: „нѣтъ, лучше намъ быть голод-

ными, бѣдными, а отъ вѣры православной не отступиться“. Все это такъ просто, твердо, глубоко и искренно въ православныхъ! Безъ восклицаній, безъ демонстрацій, безъ парада и шума. Заужиномъ было туземное, вкусное вино. Хорватъ провозгласилъ тостъ за Русскаго Царя, Александра и запѣлъ: многая лѣта! а вмѣстѣ съ нимъ запѣлъ многая лѣта и священникъ. Мы всѣ, чокнувшись, опорожнили стаканы за Русскаго Царя, Александра. Ахъ, Царь Александръ, Царь Александръ! Чувствуешь ли ты, что въ бѣдной комнатѣ Сербскаго священника такъ свободно, такъ непринужденно пьется за твое здоровье? Знаешь ли ты, какъ тебя любятъ Славянскіе народы, какъ всѣ свои надежды полагають они на тебя одного, отъ тебя ждуть своего избавленія? Цѣнишь ли ты это? Исполнишь ли ты надежды этихъ, родныхъ намъ, Славянскихъ народовъ?...

Здѣсь всѣ Славяне ужасно смущены предстоящимъ свиданіемъ Русскаго Государя съ Австрійскимъ. Иные утѣшаютъ себя тѣмъ, что это еще нисколько не значитъ сближенія съ Австрією, которое послѣ всего, чтѣ было, невозможно. Да и точно, невозможно. Нашъ Государь конечно знаетъ, что *сближеніе съ Австрією* было бы не только отдаленіе отъ Славянскихъ народовъ Австріи и Турціи, но также *отдаленіе отъ Русскаго народа*.

Наконецъ ужинъ кончился, мы стали прощаться. Вдругъ, всѣ эти три дѣвочки, съ словами: *добра ночь*, бросились цѣловать руку у меня и у Ивана. Я былъ озадаченъ и не давалъ; но Иванъ, привыкшій къ Сербскимъ обычаямъ, далъ имъ преспокойно цѣловать свою руку. Домой насъ опять проводили священникъ и Хорватъ. Машина отходила въ половинѣ 12-го ночи. Грань находится не на самой желѣзной дорогѣ, и насъ долженъ былъ туда отвозить омнибусъ. Мы сошли дожидаться въ обѣденную залу. Тамъ опять были Мадыяры, и опять шель шумъ и крикъ; но кажется, это было ужъ такъ, какъ попало. Наконецъ сѣли мы весьма тѣсно въ омнибусъ, гдѣ было много и кромѣ насъ, наконецъ пріѣхали на желѣзную дорогу, и наконецъ, взявъ мѣста въ 1-мъ классѣ (въ Австріи многіе ѣздятъ въ 1-мъ классѣ, особенно ночью) поѣхали по желѣзной дорогѣ обратно; но не въ самую Вѣну, а не доѣзжая одной станціи въ *Hersendorf*, гдѣ должны были ждать три часа, чтобъ ѣхать въ Прагу. Признаться, мы устали.

Я забылъ вамъ сказать, что когда мы сѣли еще въ Вѣнѣ въ вагонъ, то съ нами сѣлъ одинъ молодой человекъ съ очень пріятнымъ лицомъ: онъ долго смотрѣлъ на меня и наконецъ спросилъ, откуда я. Я отвѣчалъ, что мы Русскіе, изъ Москвы. „О, такъ мы можемъ разумѣть другъ друга“, сказалъ онъ посербски. Оказалось, что это право-

славный Сербъ изъ *Новаго Сада*, гдѣ братъ Иванъ былъ, что онъ слышалъ о пребываніи тамъ Ивана и знаетъ всѣхъ, кого Иванъ знаетъ. Они заговорили другъ съ другомъ, ибо Иванъ уже познакомился съ Сербскимъ языкомъ. Мнѣ было смѣшно слушать Ивана: мнѣ казалось, что онъ только коверкаетъ Русскій языкъ. И въ самомъ дѣлѣ, это такъ. Отношенія близкихъ языковъ между собою совершенно особенныя и странныя. Здѣсь не нужно учиться; нужно только *приноровиться*. Это почти тоже, что *лопатуся, граблюся, садуся*, и т. д. Я говорю этому Сербу, что *Ший IX послѣдній папа*. Сербъ смотритъ на меня и не понимаетъ. Я говорю ему понѣмецки. „*А послѣдній*“, говоритъ Сербъ. Въ удареніи чисто вся разница. Иванъ очень былъ доволенъ, что я видѣлъ этого Серба, который могъ служить образцомъ Австрійскихъ Сербовъ вообще.

Возвращаюсь къ своему разсказу. Въ Герцендорфѣ сѣли мы въ другіе вагоны и отправились въ Прагу. Въ нашемъ вагонѣ раздавался Нѣмецкій языкъ и сидѣло трое, по видимому, весьма важныхъ Нѣмцевъ, которые смотрѣли на насъ какъ-то *знатно* (*voipenim*). Въ Австріи безпрестанно пересаживаешься изъ одного элемента національнаго въ другой. Только что окунешься въ Славянскую струю, какъ сейчасъ изъ нея въ Мадьярскую, а тамъ въ Нѣмецкую. Разница этихъ элементовъ чувствуется, такимъ образомъ, необыкновенно живо и рѣзко. Изъ Мадьярскаго шума и крика попали мы теперь въ холодную Нѣмецкую рѣчь, да еще въ Нѣмецкое *comme il faut*. Къ одному изъ этихъ Нѣмцевъ, имѣвшему весьма доброе лицо и бывшему гораздо любезнѣе своихъ товарищей, остальные два относились съ большимъ вниманіемъ. У насъ иногда завязывался и общій политическій разговоръ на Нѣмецкомъ языкѣ, но Нѣмцамъ очевидно было неловко. Мы ѣхали Моравіей; надписи были Славянскія; я понималъ ихъ и на вопросъ одного изъ Нѣмцевъ, знаю ли я почешски, я сказалъ, что мы сами Славяне, Русскіе, и потому можемъ понимать другихъ Славянъ. Съ братомъ Иваномъ говорили мы между собою порусски. Нѣмецъ, предметъ вниманія остальныхъ двухъ, очевидно самый знатный, сидѣлъ противъ Ивана и отличался отъ своихъ товарищей внимательною учтивостью при всякой бездѣлицѣ. Мы стали подъѣзжать къ Прагѣ; когда кондукторъ объявилъ, что это послѣдняя станція и что отсюда ѣдемъ прямо въ Прагу, „Теперь намъ недалеко осталось“, заговорилъ вдругъ порусски сидѣвшій противъ Ивана Нѣмецъ. „Какъ, вы знаете порусски“, сказали мы. Я Русскій, отвѣчалъ онъ. Но вы носите однако Нѣмецкую фамилію, сказалъ я, зная, что у насъ много Русскихъ Нѣмцевъ. Я князь Суворовъ, отвѣчалъ онъ... Ну, такъ это имя

самое Русское, сказалъ я ему; отъ чего же вы не говорили до сихъ поръ порусски?—Шелъ общій разговоръ понѣмецки, а у насъ всѣ умѣютъ говорить на иностранныхъ языкахъ, отвѣчалъ кн. Суворовъ*). Иванъ ему сказалъ, что мы Аксаковы. Я это зналъ, сказалъ кн. Суворовъ: я прочелъ ваше имя на дорожномъ мѣшкѣ. Мы простились съ нимъ въ Прагѣ очень любезно. Онъ очевидно весьма добрый человѣкъ, учтивый и любезный; но какой это Суворовъ? Тотъ ли, который былъ губернаторомъ въ Ригѣ? Онъ, какъ кажется, человѣкъ весьма набожный; сказывалъ намъ, что былъ въ Иерусалимѣ.

Мы пріѣхали въ Прагу часовъ въ 9 вечера, пошли въ гостиницу, но не нашли порядочнаго №, пошли въ другую, куда насъ едва пустили переночевать: такъ все полно. Теперь въ Прагѣ католическій съѣздъ, на который собираются въ огромномъ числѣ католическіе духовные. На другой день утромъ мы перешли въ другую гостиницу, гдѣ нашли хорошій № въ 1-мъ этажѣ.

Прежде всего мы отправились къ Ганкѣ, который, какъ мы слышали, былъ боленъ. Мы нашли его въ Музеумѣ. Иванъ былъ уже съ нимъ знакомъ прежде. Я назвалъ себя. „Константинъ Аксаковъ!“ вскрикнулъ Ганка, и сталъ меня обнимать. Ганка-старикъ съ чрезвычайно доброю фізіономіею, но слѣды болѣзни очень видимы на немъ. Иванъ говорилъ, что онъ очень измѣнился и постарѣлъ. Ганка показалъ намъ письмо къ нему отъ одной молодой Русской дѣвушки, Софіи Солнцевой, которая вмѣстѣ съ своимъ отцемъ была въ Прагѣ и съ нимъ познакомилась; прекрасное, пылкое письмо, полное молодого, чистаго увлеченія къ народности, къ Славянскому имени, написанное живо и прекрасно. Письмо это сдѣлало впечатлѣніе на Ивана (что было мнѣ весьма пріятно); онъ соображалъ, читала ли Солнцева Бесѣду или нѣтъ; заговаривалъ и на другой день объ ней съ Ганкою. Вотъ бы тебѣ жениться, сказалъ я Ивану. разумѣется на единѣ; на это онъ не возражалъ. Отъ Ганки пошли мы къ Ригеру, который былъ дома. Какой славный, энергическій и въ тоже время прямой и простой человѣкъ. Я много слышалъ ему похвалъ, но онъ мнѣ еще болѣе понравился. Онъ насъ принялъ съ искреннею пріязнію. Разговоръ завязался живой; мы говорили порусски; Ригеръ почешски, и мы понимали превосходно другъ друга. Правда, Ригеръ говоритъ необыкновенно ясно, отдѣляя каждое слово, хотя въ то же время очень живо и скоро. Но и въ этой дружеской рѣчи Чеха я не могъ не замѣтить того высокаго

*) Родной братъ князя А. А. Суворова, бывшаго генералъ-губернаторомъ на нашей Балтійской окраинѣ. П. А.

мнѣнія, которое имѣютъ они о себѣ сравнительно съ другими Славянами, и того не слишкомъ большого уваженія, которое они имѣютъ къ племени Русскому, собственно Великорусскому. Меня раза два задѣли его слова; у него вырвались они невольно, но тѣмъ важнѣе.

Ригеръ сказалъ, что Палацкій, его тесть, воротился вчера изъ Вѣны, и мы, вмѣстѣ съ Ригеромъ, пошли къ нему. Палацкій—знаменитый Европейскій ученый и въ тоже время благородный характеръ, человекъ, постоянно стоявшій за свой Чешскій народъ. Мы встрѣтили его на порогѣ; онъ воротился и принялъ насъ очень ласково. Съ нимъ говорили мы также, мы порусски, онъ почешски, но не такъ однако свободно понимали другъ друга. Мы сидѣли не долго. Палацкій сказалъ съ грустью, что у него ужъ годъ, какъ умерла жена, что онъ не знаетъ, какъ будетъ проводить время и что онъ занимается еще сильнѣе.

Отъ Палацкаго пошли мы къ Гатталѣ, филологу. Этого тоже встрѣтили на порогѣ, онъ тоже воротился. Очень былъ радъ, что съ нами познакомился; онъ прочелъ первую половину критики моей на Буслаева, весьма хвалилъ и показалъ мнѣ отдѣльный оттискъ начала критики, а второй половины критики не читалъ, хотя она помѣщена въ Бесѣдѣ, которая здѣсь есть. Признаться, я долженъ сказать, что, сколько я замѣтилъ, здѣсь смотрять на Бесѣду, какъ на *сокровище* въ полномъ смыслѣ слова, и держать еѣ весьма *сокровенно*, въ тайнѣ, даже отъ себя самихъ. Можетъ быть, кой-что и прочтется, но капитальныя статьи большею частію остаются не читанными. Бесѣда беретъ своею важною наружностью, и тѣмъ, что есть Бесѣда, въ которой высказывается народное направленіе: ужъ и это много. Гаттала проводилъ насъ почти до самой гостинницы и непременно хотѣлъ имѣть со мною настоятельный филологическій разговоръ. Ганка въ тотъ же день былъ у насъ во время нашего обѣда и звалъ насъ въ Чешскую Бесѣду, для чего просилъ зайти къ нему въ 7 часовъ. Въ этотъ вечеръ, въ Чешской Бесѣдѣ (родъ клуба) давался концертъ; слушать музыку я вовсе не желалъ, но зайти въ Бесѣду было должно. Мы зашли къ Ганкѣ, но онъ былъ нездоровъ и просилъ насъ пойти однихъ и кого-нибудь вызвать, ибо насъ должно было кому-нибудь ввести. И точно, вышелъ одинъ Чехъ, охотникъ говорить пофранцузски (что въ чужихъ краяхъ какъ-то особенно противно) и взялъ насъ на свое попеченіе. Намъ подали книгу, мы написали наши имена и вошли. Множество мужчинъ сидѣло за накрытыми столами, ѣли и пили пиво; вотъ и Чешская Бесѣда. Чехъ-французъ повелъ насъ, гдѣ читаютъ журналы, которые полны толками о свиданіи нашего Государя съ Австрійскимъ. Почти

тавъ журналы, пошли мы въ концертную залу, которая была уже почти полна дамами. Наконецъ, концертъ готовъ начаться. Мужчины, оставивъ пиво, пошли въ залу, а мы съ Иваномъ домой. На другой день, ранехонько, къ намъ явился Ганка; нездоровье его прошло, и онъ повелъ насъ по городу. Городъ очень красивъ и исполненъ историческихъ воспоминаній, тѣсно переплетенныхъ съ исторіею Германіи. Поводивъ насъ по городу, Ганка отпустилъ насъ съ тѣмъ, что мы пообедавъ возьмемъ фіакръ и поѣдемъ осматривать Прагу и даже окрестность Праги. Такъ и сдѣлали. Были на Пецынѣ: преогромнѣйшая гора, на которую всходятъ постепенно по дорожкамъ и на которую мы вошли почти до самой вершины. Оттуда очень хорошій видъ на Прагу, которая, для желающаго, можетъ, пожалуй, отчасти напомнить Москву. Потомъ поѣхали мы въ Градчинъ: это древняя крѣпость Праги; входили тамъ въ соборъ, гдѣ много древнихъ воспоминаній. Наконецъ отсюда поѣхали въ Буберечь, деревню подлѣ Праги, гдѣ, около одного зданія, бездна народу дѣлають дѣло: ѣдятъ, пьютъ и курятъ. И въ этомъ множествѣ Чешскаго народа, въ теченіи всѣхъ нашихъ осматриваній, и въ толпѣ, и въ отдѣльныхъ группахъ, постоянно раздавался Нѣмецкій языкъ, ни одного Чешскаго звука. Я нѣсколько разъ указывалъ на это Ганкѣ, и бѣдный Ганка очень смутился. Наконецъ поѣхали мы домой. Это былъ часъ седьмой, или около семи (здѣсь обѣдаютъ рано, и вечеръ начпнается рано). Но Ивану еще надо было ѣхать въ 9 часовъ въ Лейпцигъ. Я пошелъ его провожать на желѣзную дорогу. Вообразите: тотъ, кто провожаетъ долженъ брать билетъ на входъ и платить за то 18 крейцеровъ (9 коп. сер.)! Это только въ Австріи... Я радъ былъ, что Ивану было просторно сидѣть; кромѣ него, всего три человекъ въ семимѣстномъ вагонѣ; въ числѣ этихъ трехъ два Бѣлградскихъ Сербъ. Воротившись домой, я напился кофею и легъ спать. Кстати о кофеѣ. Вы знаете, какъ сильно дѣйствуетъ онъ на меня; но Нѣмецкій кофеѣ—такой невинный, что не производитъ на меня никакого дѣйствія; напротивъ того: сколько я замѣчаю, онъ мнѣ здоровъ и по вкусу. Какъ это Нѣмцы умудряются сочинить такой кофеѣ—непонятно. Вы видите, что я по необходимости дѣлаю много движенія, и кажется, мнѣ это полезно; я запыхиваюсь гораздо менѣе, и даже правая нога укрѣпилась, такъ что я могу держаться на каблукѣ (хотя Поссельтъ сказалъ, что мускуляція правой ноги замѣтно тоньше).

Какое особое явленіе представляетъ Австрія и собственно Вѣна: это толкотня народностей, которыя всѣ задѣваютъ другъ друга, потому что всѣ онѣ стянуты вмѣстѣ Нѣмецкимъ поясомъ. Когда я пишу къ

вамъ, я какъ будто разговариваю съ вами, милая дражайшая маменька, и вы мои милыя сестры. Надо сознаться, что чужіе края въ этотъ разъ произвели на меня отвратительное впечатлѣніе: эта постоянная скачка по желѣзнымъ дорогамъ, постоянная суета и бѣготня, это удобство и легкость передвиженія—все это запечатлѣно какъ-то отсутствіемъ глубины, степенности, серьезности, дѣла. Все двигается, благо двигаться стало легко. Самыя историческія судьбы Европы тоже какъ-то ходятъ ходенемъ. Итальянская народность можетъ лопнуть какъ мыльный пузырь. Вся современная исторія какъ будто на пружинахъ, такъ вся и шевелится. Это относится собственно конечно къ Западу. Замѣчательно, какъ вездѣ здѣсь неопрятенъ и небрасивъ простой народъ, какъ одеждою, такъ и вообще наружностью; у насъ, въ Великой Руси—на оборотъ: онъ-то и красивъ, крестьянинъ, какъ-бы ни былъ бѣдно одѣтъ. Надо сказать правду, что какъ переѣхали мы въ Славянскія земли, такъ опрятности и чистоты замѣтно меньше, чѣмъ у Нѣмцевъ; но за то у Нѣмцевъ это ужъ идетъ за добродѣтель.

Завтра можетъ быть уѣдемъ изъ Праги, завтра долженъ пріѣхать Иванъ. Мы еще не рѣшились, куда ѣхать. въ Дюркгеймъ или въ Веве. Я думаю теперь о томъ, чтобы 20 число*) быть тамъ, гдѣ Русская церковь. Русская церковь есть въ Женевѣ. есть и въ Штутгартѣ по дорогѣ; но мнѣ хотѣлось бы быть ужъ въ Женевѣ, гдѣ, говорятъ, прекрасный священникъ, а въ Штутгартѣ—модный. Я, по многимъ разсужденіямъ, желая выполнить добросовѣстно то, для чего я посланъ вами за границу, желая, чтобы данныя мнѣ деньги, которыя такъ нужны для всѣхъ насъ, достигли своего назначенія—я склоняюсь къ Веве; ибо мнѣ кажется, что и Варвинскій предпочитаетъ Веве другимъ мѣстамъ леченія, и вы также желали бы, чтобы я туда поѣхалъ. Противъ Веве можно сказать, что тамъ горный воздухъ; но тамъ не очень высокія горы около, да и озеро, которое вѣдь море въ маломъ видѣ. Къ тому же о горномъ воздухѣ, и то Монтрѣ, а не Веве, слышалъ я отъ гр. Салиасъ, а Кюршдъ долженъ лучше знать. Одно правда: Веве дальше, много тамъ народу, хлопотно попасть на другую монетную систему и, можетъ быть, потерять при размѣнѣ; но все это еще не такія важныя причины. О рѣшеніи нашемъ увѣдомимъ васъ, можетъ быть, по телеграфу. Буду опять продолжать свой разсказъ.

Вставъ на другой день поутру, я принялся за письмо къ вамъ, самъ бросилъ его въ ящикъ, сходилъ къ Ганкѣ, подарилъ ему Грам-

*) 20 Сентября—день рожденія отца, т. е. С. Т. Аксакова (скопчавшагося въ 1859 г.). И. С.

матку (онъ преподаеть Русской языкъ) и воротился домой. Странно намъ было, что никого кромѣ Ганки не было у насъ на другой день, не отдали визита. Это весьма здѣсь считается. Наконецъ, вотъ и третій день, и никто нейдетъ. Мнѣ было это очень странно, въ особенности послѣ радушнаго пріема. Наконецъ вечеромъ (то есть часа въ 4) пришли Палацкій и Ригеръ вмѣстѣ и сидѣли со мною долго. Ригеръ объявилъ, что вчера прійти ему помѣшали гости, въ чемъ я и не сомнѣваюсь. Это отличные люди. Палацкій ушелъ часу въ седьмомъ, а Ригеръ оставался до девяти. Но какая гордость, какая надменность своимъ чехизмомъ, и какое пренебрежительное и нелестное мнѣніе о Русскомъ народѣ! У Палацкаго это высказывалось гораздо сильнѣе. Только мое уваженіе къ лѣтамъ и вмѣстѣ заслугамъ Палацкаго меня удерживало. Но я не могъ однако ему этого не замѣтить; онъ объяснялся, но объясненія мало измѣняли дѣло. Я былъ радъ, что ушелъ Палацкій и что мы остались съ Ригеромъ вдвоемъ. Я сталъ говорить то, для чего и ѣхалъ въ Прагу, именно о томъ, что мало предавать значенія Славянской независимости, а надобно понять, что такое Славяне, въ чемъ же ихъ самостоятельность, гдѣ же ихъ начала. Неужели же роль Славянъ—повторить Нѣмцевъ, эта роль *переводчиковъ* въ человѣчествѣ, переводчиковъ съ Нѣмецкаго на Славянскій, незавидная роль? Ригеръ понялъ меня только вполвину, да и того не будетъ. Онъ указываетъ, что Чехи лучше Нѣмцевъ могутъ иное сдѣлать. Я говорю ему, что тутъ еще нѣтъ ничего утѣшительнаго, если Славянинъ иное Нѣмецкое лучше Нѣмца сдѣлаетъ: гдѣ же Славянское-то дѣло? Ригеръ соглашался, но очевидно, поверхностно понимая вопросъ. Онъ говорилъ о культурѣ, о томъ, что старѣйшая культура непременно покорить юнѣйшую и пр. Я указалъ ему наконецъ на христіанство. Я старался ему объяснить, что старѣйшая культура должна быть принята, какъ матеріаль. что пусть она вооружитъ новую мысль, пусть будетъ предметомъ ея созерцанія, и при томъ критическаго созерцанія—и только; но самостоятельная дѣятельность предложитъ новой мысли; что я надѣюсь, что всеобщая исторія будетъ понята и написана славянствомъ. Онъ соглашался, и въ словахъ его сейчасъ слышалось, что согласіе не глубокое; онъ приходитъ въ восторгъ, что Чехи въ ремеслахъ искуснѣе Нѣмцевъ. Наконецъ я заговорилъ ему о нашемъ крестьянствѣ съ такой точки, съ какой онъ конечно на него не глядѣлъ. Онъ не спорилъ, ибо тутъ онъ и не могъ спорить; мнѣ казалось даже, что онъ, хоть отчасти, принималъ мои слова, не считая ихъ увлеченіемъ, но опять-таки едва-ли затрогивали они его глубоко. Сильна у Чеховъ съ Нѣмцами связь общаго Западнаго просвѣщенія и вмѣстѣ аристократіи этого Западнаго просвѣщенія. Очевидно, что

они, Богъ знаетъ, что о себѣ думаютъ¹⁾. Ригеръ даже говоритъ, что Запорожская сѣчь есть подражаніе Прагѣ! А какъ говоритъ онъ, почти со смѣхомъ, о Хорватахъ!... Нѣтъ, тутъ не будетъ толку, если Чехи не почерпнуть Славянскаго духа оттуда, гдѣ онъ есть; а у себя самихъ они его не доищутся сами. Я касался религіознаго вопроса, но Ригеръ не очень-то на него обращалъ вниманіе, и даже, если я не ошибся, онъ устранялъ его. — какъ вопросъ старины, являющійся иначе въ наши образованныя времена. А между тѣмъ, въ прошедшемъ, какъ рвалась еще самостоятельность Чешская въ лицѣ Гусситовъ! И они, современные Чехи, не вникаютъ въ смыслъ этихъ событій! Разговоръ у насъ былъ очень живой; мы прощаясь, цѣловались по-славянски: на другой день Ригеръ долженъ былъ уѣхать въ Вѣну дня на два. Очень жаль это, ибо мы вѣроятно выѣдемъ въ Вѣну завтра же. Впрочемъ, поговоримъ еще объ этомъ съ Иваномъ, котораго жду завтра рано утромъ.

Сегодня я опять писалъ къ вамъ письмо, ходилъ утромъ въ Бесѣду читать газеты и ни у кого не былъ. Жалѣю, что не былъ у Палацкаго; ну, да можно завтра. Я думалъ, признаться, что придетъ Гаттала, но къ моему великому удивленію онъ не пришелъ, ибо теперь попражски, уже давно вечеръ. Очень можетъ быть, что мы и не увидимся, а жаль, ибо мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ о филологіи. Въ разговорѣ съ Палацкимъ рѣчь какъ-то коснулась филологическаго вопроса. Палацкій сказалъ, что онъ не филологъ, и прибавилъ: филологія—это Славянскій грѣхъ. Разумѣется, я съ нимъ не согласенъ; это не Славянская мысль. Я купилъ тетрадку Энциклопедическаго Лексикона, издаваемаго Ригеромъ. Тамъ сказано объ Отесинькѣ²⁾ съ искреннимъ сочувствіемъ. Ригеръ исполненъ уваженія къ Отесинькѣ. О, вашъ отецъ! говоритъ онъ. Какъ дорого было мнѣ это слышать! Онъ объ Отесинькѣ большею частію знаетъ только по слухамъ. Я обѣщалъ ему прислать всѣ отесинькины сочиненія.

¹⁾ Въ Ноябрь 1858 года живучи въ Прагѣ, слышалъ и я отъ Палацкаго, будто наши Запорожцы только подражаніе какому, то старинному Чешскому учрежденію! П. Б.

²⁾ Въ семьѣ Аксаковыхъ дѣти звали отца, т. е. Сергія Тимофѣевича, *отесинькою*. Это какъ бы переводъ Пѣмецкаго ласкательнаго слова *Väterchen*. П. Б.

которому приходилось держать на своих плечах трех человек. Поэтому, когда на верх скалы влезли два человека, имъ приказано было вытащить къ себѣ третьяго, составлявшаго верхъ лестницы; остальные два нижние также часто смѣнялись. Такимъ способомъ вся команда въ самое короткое время была наверху. Оставшихся внизу всадниковъ и Квинитадзе подняли посредствомъ нѣсколькихъ ружей, крѣпко связанныхъ между собою поясными ремнями. Собравъ всю команду, Квинитадзе двинулся впередъ. Горды, караулившіе со стороны Хиндаха, боясь быть захваченными нашею командою, бѣжали“.

„Генераль-майоръ Тарханъ-Моуратовъ по тревогѣ вызвалъ всѣ войска сѣвернаго фаса и двинулся на Гунибдагъ. Нашъ полкъ, быстро опередивъ пѣхоту и доскакавъ до крутизны, гдѣ уже нельзя было ѣхать верхомъ, живо спѣшился и сталъ карабкаться наверхъ правѣе того мѣста, гдѣ поднялись охотники Квинитадзе. При видѣ нашихъ войскъ, со всѣхъ сторонъ влѣзавшихъ на гору, Шамиль и его отряды бросили завалы, послѣ отчаянной борьбы въ нихъ, и всѣ соединились въ аулѣ Гунибѣ, лежащемъ въ 8 верстахъ отъ окраинъ горы. Но часть мюрадовъ, человекъ до 100, отрѣзанные нашими войсками отъ аула послѣ бѣгства ихъ въ разсыпную изъ заваловъ, собралась на лѣсномъ холмѣ влѣво отъ ведущей къ аулу дороги. Прямо противъ нихъ подошеть къ берегу рѣчки съ противоположной стороны Квинитадзе съ нѣсколькими охотниками; его отдѣлялъ отъ мюридовъ лишь оврагъ съ рѣчкою на днѣ. Всадники, зная, что съ восточной стороны приближаются войска, уговаривали мюридовъ сдаться, но тѣ даже не отвѣчали имъ. Урядникъ Даудиль-Магома, признавъ молчаніе за недобрый знакъ и опасаясь за малочисленность команды противъ болѣе сотни мюридовъ, высказалъ мнѣніе, что лучше ихъ не трогать. Квинитадзе, сознавая справедливость его доводовъ, согласился и пошелъ къ аулу. Не успѣли охотники пройти и полверсты, какъ показались Ширванцы; завязался жестокой бой, окончившійся истребленіемъ всѣхъ мюридовъ. Когда весь нашъ полкъ собрался на Гунибдагѣ, командиръ его, имѣя впереди себя разсыпанныхъ всадниковъ, двинулся къ

аулу. На противоположной сторонѣ его всадники замѣтили блестяшіе штыки; то были Аншеронцы, подходившіе съ южной стороны. Когда полкъ и Аншеронцы подошли къ аулу на близкое разстояніе, то открыли перестрѣлку съ засѣвшими въ сакляхъ мюридами“.

„Аулъ былъ окруженъ, войска рвали на штурмъ; но подѣхавшій генераль Кесслеръ, имѣя въ виду приказаніе князя Барятинскаго—взять Шамиля живымъ, остановилъ натискъ и расположилъ войска вокругъ аула живымъ кольцомъ, сквозь которое не могъ пробраться изъ него ни одинъ человекъ. Генераль Кесслеръ приказалъ закричать Шамилю о немедленной сдачѣ, отвѣтомъ были выстрѣлы; еще два раза повторено было приглашеніе, мюриды отвѣчали выстрѣлами. Наконецъ пальба прекратилась, и изъ аула выѣхалъ парламентаръ Шамиля, Чиркеевецъ Юнусъ. Въ это время громкое ура возвѣстило прибытіе на Гунибъ князя Барятинскаго, остановившагося въ березовой рощѣ, около полу-версты отъ аула. Баронъ Врангель подѣхалъ къ войскамъ, окружавшимъ аулъ. Юнусъ спросилъ объ условіяхъ сдачи, но получилъ отвѣтъ, что условій никакихъ: безусловная сдача. Еще нѣсколько разъ Юнусъ ѣздилъ взадъ и впередъ съ различными запросами и просьбами Шамиля, и одна изъ нихъ была удовлетворена. Выйдя изъ мечети и взглянувъ на линію войскъ, мѣстами пододвинувшихся къ аулу почти на пистолетный выстрѣлъ, Шамиль обратилъ вниманіе на стоявшій съ лѣвой стороны полкъ. „Мнѣ тяжело проходить передъ этими измѣнниками (мазафиками). сказалъ онъ Юнусу; пойдѣ, попроси, чтобы подвинули ихъ дальше“. Надъ этою просьбою посмѣялись, но исполнили ее, и полкъ прикрыли пѣхотою, къ великому неудовольствію всадниковъ. Одинъ изъ современниковъ говорить, что Шамиль могъ быть изрубленъ полкомъ, состоявшимъ почти безъ исключенія изъ его злѣйшихъ враговъ. Наконецъ Шамиль показался изъ аула, и оглушительное „ура“ войскъ встрѣтило его“.

Прекрасенъ приложенный портретъ нынѣ царствующаго Государя Императора, и особенно замѣчательнъ портретъ Николая Павловича, каковой намъ нигдѣ до сихъ поръ не встрѣчался: онъ изображенъ съ собакою. П. В.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1910 года.

(Годъ 48-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1910 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ерма-левской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ).

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются
по удешевленной цѣнѣ прежнія годовыя изданія его.

(Главныя статьи означены).

1904.

Письма К. Я. Булгакова къ брату.—Дневникъ И. М. Снегирева.—Н. О. Оедоровъ, статьи В. А. Кожевникова.—Принцесса Виртембергская Зельмира.—Очерки моей жизни Г. Н. Александрова.—Воспоминанія кн. В. И. Барятинскаго.—Изъ Ольденбургскаго великогерцогскаго архива: тайныя извѣстія о Россіи 1727 и 1728 гг.—Черты изъ домашней жизни имп. Анны.—Архим. Макарій и Тобольскіе декабристы.—Воспоминанія О. А. Гилярова.—Мать Екатерины Великой.

1905.

Дневникъ И. М. Снегирева.—Двѣ Калмычки.—Записки графовъ Нессельроде.—Письма А. О. Тютчевой о кончинѣ цесаревича Николая.—Письма П. В. Киреевскаго.—А. О. Смирнова. Хозяйственныя записки И. В. Пущеникова.—У Французовъ въ Московскомъ плѣну.

1906.

Разказы В. И. Анненковой.—Н. И. Боголѣповъ. Его записки.—Императоръ Александръ Третій: рѣчь о немъ К. П. Побѣдоносцева.—Записки архіеп. Никанора.—Государственное засѣданіе 8 Марта 1881 г.—Изъ воспоминаній митрополита Филарета.

1907.

Екатерининская книга для народныхъ училищъ.—Мои бредни (Записки А. П. Хвостовой).—Записки К. Д. Хлѣбникова.—Японія, записка іеромонаха Николая.—Дѣло царевича Алексѣя Петровича по извѣстіямъ Голландца Де-Біа.—Воцареніе Петра Третьяго по разсказамъ Екатерины Вгорой.—Воспоминанія А. П. Салтыковой.—Первыя недѣли царствованія Александра III. (письма К. П. Побѣдоносцева къ Е. О. Тютчевой).—Пять лѣтъ въ Россіи при Екатеринѣ Великой, Записки графа Сегюра. (Полное изданіе).

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартенева.**

СОРОКЪ ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1910

2.

Стр.

161. Записки актрисы Луизы Фюзиль (1806—1812).
215. Изъ замѣтокъ о Пушкинѣ (19 Октября 1827 года). Сообщилъ **Н. О. Лернеръ**.
217. Къ Запискамъ П. Д. Попки. **Е. И. Козубскій**.
221. Письма К. С. Аксакова изъ чужихъ краевъ въ Москву къ матери и сестрамъ. 1860.
243. Драма въ жизни писателя (А. В. Сухова-Кобылинъ и Французенка Симонъ). Статьи **А. А. Голомбѣвскаго**.
291. Ученая почесть Русскому историку. Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. Статьи **С. И. Кедрова**.
301. О диспутѣ Ю. Ф. Самарина: изъ письма Веры Сергѣевны Аксаковой въ Астрахань къ брату Ивану Сергѣевичу отъ 3-го Юня 1844 г. съ припискою С. Т. Аксакова.
303. Письмо Феодана Прокоповича къ князю А. Д. Меншикову.
304. Приказъ графа П. П. Шереметева.
305. Изъ семейнаго архива **Неѣловыхъ**. Сообщено **А. Е. Мерцаловымъ**.
309. Письмо графа **Ф. В. Ростопчина** къ одной просительницѣ. 1797 г.
310. Изъ бумагъ протоіерея **Петра Алексѣева** (о злоупотребленіяхъ чернаго духовенства.)
314. Изъ писемъ въ Берлинъ **П. С. Савельева** къ Я. М. Невтрову и Т. П. Грановскому. 1837 г.
317. Изъ замѣтокъ графа **А. А. Бобринскаго** на Записки А. О. Смярновой.
318. О книгѣ: «Храмъ-усыпальница Великаго Князя Сергія Александровича». **С. П. Бартенева**.

Внутри сорочки: «Объ Архивѣ Раевскихъ».

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1910.

АРХИВЪ РАЕВСКИХЪ.

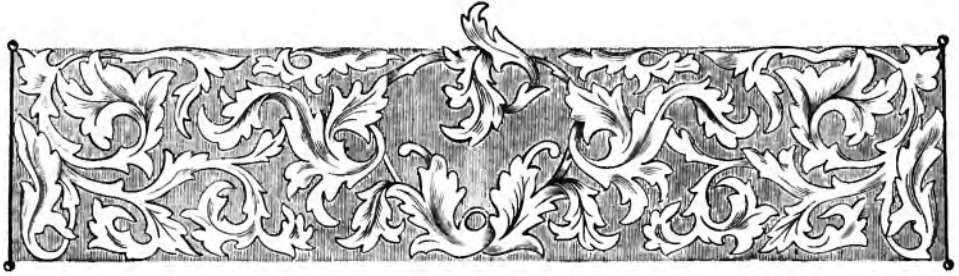
Томъ второй. (Съ печатью Н. Н. Раевского Старшаго, 1812 года). Изданіе П. М. Раевского. Редакція и примѣчанія Б. Л. Моздалевскаго С.П.б. 1909 г. Бол. 8-ка, XV, 665 и 2 нен. стр. съ большою родословною картою Раевскихъ, съ портретами и рисунками.

Вотъ и еще умилительная исторіографическая панихида: Петръ Михайловичъ Раевскій, праправнукъ великаго Ломоносова, правнукъ одного изъ самыхъ привлекательныхъ героевъ 1812 года, не пощадилъ издержекъ на изданіе въ свѣтъ бумагъ дѣда своего Николая Николаевича, и ему посчастливилось не ошибиться въ выборѣ чловѣка, который отличѣйше выполнитъ дѣло ученаго розыскателя и издателя. Мы уже говорили въ „Русскомъ Архивѣ“ о первомъ томѣ этого изданія. Б. М. Моздалевскій сумѣлъ сдѣлать и этотъ томъ отмѣнно-занимательнымъ, такъ что онъ не долженъ сходить со стола у изслѣдователя Русской общественной исторіи Николаевского времени. Принявшійся читать сначала испугается бумагъ, касающихся сдачи Раевскимъ Нижегородскаго полка, который ему пришлось оставить за снисхожденіе, оказанное пересланнымъ на Кавказъ изъ Сибири и другихъ мѣстъ Декабристамъ; эти цифровыя бумаги можно бы и не печатать волиѣ, и тѣмъ уменьшилась бы руколомность книги: единственный ей упрекъ. При дальнѣйшемъ чтеніи любопытство читателя удовлетворяется и возрастаетъ. Недаромъ говорятъ Французы: „скажи мнѣ съ кѣмъ ты знакомъ, я скажу, кто ты таковъ“. Передъ вами письма Ермолова, Воронцова, Казначеева, Граббе, Бенкендорфа, баронессы Беркгеймъ и другихъ. Любопытны и для ботаники важны письма Фишера и Стевена. Издатель помѣстилъ при письмахъ свѣдѣнія о писавшихъ; тутъ

цѣлыя біографіи, тщательно составленныя, безъ излишествъ и со включеніемъ новооткрытыхъ показаній чутили не прошлаго года. Только В. И. Саитовъ (въ его превосходныхъ примѣчаніяхъ къ перепискѣ князя Вяземскаго съ Тургеневымъ и къ перепискѣ Пушкина) можетъ превысить Б. Л. Моздалевскаго въ обилии знанія и умѣніи неожиданно пользоваться открываемыми мелочными указаніями.

Приводимъ выдержки изъ письма Ермолова и изъ писемъ Дубельта. Сей послѣдній былъ главною пружиною внутренняго Николаевского управленія и нѣкогда служилъ въ Кіевѣ у старика Раевского. Онъ сохранялъ къ Раевскимъ благодарную память и, можетъ быть, этому Н. Н. Раевскій Младшій обязанъ былъ, что его щадили и не теребили изъ Петербурга. Одинъ изъ сыновей Дубельта трудился для печати, и вѣроятно онъ доставилъ въ „Русскую Старину“ показанія о происхожденіи отца своего. Это сынъ Поляка и Бурбонско-Испанской принцессы. Пощада простерлась и на „Демона“, который съ 1828 года изнывалъ въ Полтавской ссылкѣ. О немъ находимъ такое письмо къ его матери отъ графа Бенкендорфа:

„Сынъ вашъ Александръ, какъ извѣстно вашему высокопревосходительству, дозволилъ себѣ дерзкій постонокъ въ присутствіи самой Государыни Императрицы и тѣмъ произвелъ даже Ея Величеству безпокойство. За таковымъ дѣйствіемъ его, уже неприлично-бы было, какъ вы, милостивая государыня, конечно, сами изволите со мною согласиться, появленіе его въ столицахъ, гдѣ легко бы могло ему случиться встрѣтить Государыню Императрицу и тѣмъ возобновить непріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на Ея Величество. Но симъ уваженіямъ и за по-

ЗАПИСКИ АКТРИСЫ ЛУИЗЫ ФЮЗИЛЬ.

1806—1812.

...Я натерпѣлась во время путешествія и, наконецъ, страшно утомившись, прибыла въ Петербургъ. Изъ Парижа я привезла самые изящные костюмы, самыя новѣйшія моды. Кто бы могъ сказать, видя эту прекрасную даму, выходящую изъ экипажа, съ накинутою кашемировою шалью, съ Англійской вуалью на великолѣпной шляпѣ Итальянской соломки*), что маленькій красивый мѣшечекъ, висящій на ея рукѣ, заключалъ въ себѣ все ея богатство... Двадцать Голандскихъ червонцевъ, въ восьмистахъ верстахъ отъ родины, отъ семьи, отъ друзей и въ городѣ, гдѣ я никого не знала, такъ какъ тѣ, къ кому я имѣла рекомендацію, жили у себя въ помѣстьяхъ или были въ отъѣздѣ.

Я не растерялась и вспомнила, что при отъѣздѣ изъ Парижа одна особа просила меня доставить письмо ея сестрѣ, содержательницѣ моднаго магазина на Невскомъ. Я подумала, что, можетъ, она дастъ мнѣ нужныя разъясненія. Такъ какъ я находилась на каналѣ Мойки, который надо было переѣзжать на лодкѣ, то отпустила экипажъ. Я еще размышляла, какимъ образомъ съумѣю объясниться съ лодочниками, какъ господинъ, внимательно наблюдавшій за мною, предложилъ мнѣ свои услуги.

Это былъ докторъ Лепрѣ, отличный хирургъ, къ тому же умный человекъ, что никогда не мѣшается. Мы часто смѣялись надъ нашей первой встрѣчей *на обрывистыхъ берегахъ Мойки*. Онъ проводилъ меня къ вышеупомянутой дамѣ, которая приняла меня, какъ подобаешь доброй соотечественницѣ, и предложила свои услуги. Она осыпала меня любезностями и сообщила, что Мезонфоръ въ городѣ. Я написала ему, чтобы предупредить, что у меня есть письмо къ нему.

*) Эти три вещи составляли въ то время большую роскошь и стоили очень дорого.

Какъ я дала адресъ хозяйки моднаго магазина, то онъ вообразилъ, что я пріѣхала въ Петербургъ на должность продавщицы въ магазинъ, а потому не счелъ нужнымъ быть особенно вѣжливымъ. Хотя Мезонфоръ не былъ уже молодъ, но все же представлялъ собою одного изъ обольстительныхъ Французовъ прежнихъ временъ; онъ слылъ за человѣка умнаго и сочинилъ нѣсколько плохихъ разсказовъ и недурныхъ пѣсень. Онъ пріѣхалъ на слѣдующій день и заявилъ о себѣ довольно шумно. Сидя за вышиваньемъ въ комнатѣ, сосѣдней съ магазиномъ, я слышала, какъ онъ говорилъ:

„—Дама, которая должна была передать мнѣ письмо, вѣдь она могла бы и сама послать мнѣ его. Гдѣ же она, эта дама?“

Я вышла къ нему и сказала съ большимъ достоинствомъ:

„—Это письмо отъ госпожи Мезонфоръ, маркизъ; такъ какъ рѣчь идетъ обо мнѣ, то я должна передать его лично.“

Г-жа Мезонфоръ отзывалась обо мнѣ съ похвалой, о которой я изъ скромности умолчу, но которая произвела полную метаморфозу въ ея сунругъ.

„—Считаю себя счастливымъ, сударыня, что маркиза Мезонфоръ доставила мнѣ возможность сдѣлать что нибудь особъ, которою она такъ сильно интересуется. Я довольно извѣстенъ въ Русскомъ обществѣ, чтобы быть вамъ полезну.“

Мезонфоръ уѣхалъ, сказавъ, что подумаетъ, чтò мнѣ всего болѣе подойдетъ. „Буду имѣть честь увидать васъ черезъ нѣсколько дней“, прибавилъ онъ.

И дѣйствительно онъ вернулся; говорилъ обо мнѣ Кутузовой, княгинѣ Натальѣ Куракиной и особенно княгинѣ Г...*) На нее возлагалъ онъ всѣ надежды для меня. Она выразила большое желаніе узнать меня. благодаря тому, чтò говорилъ обо мнѣ Мезонфоръ.

Итакъ на слѣдующій день онъ повезъ меня на Карповку, дачу княгини, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города.

—„Это прелестная особа, говорилъ онъ мнѣ ѣдучи туда, очень образованная, много путешествовавшая, особа съ очень знатнымъ именемъ; но въ ней есть нѣчто своеобразное: она ничего не дѣлаетъ, какъ другіе, и рѣдко показывается днемъ. Собираются къ ней въ полночь, ужинають въ 2—3 часа утра и расходится почти днемъ.“

Насъ приняла графиня Вранка, Полька, живущая съ нею: это очень милая особа, привѣтливая и обладающая талантомъ общежитія.

*) Это княгиня Евдокія Ивановна Голицына, не жившая съ мужемъ своимъ, извѣстнымъ Москвичемъ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ. П. Б.

Послѣ завтрака она показала мнѣ садъ и красивыя бесѣдки на островахъ. Это дачное мѣсто очаровательно, какъ вообще все окрестности Петербурга. Мезонфоръ вернулся въ городъ. Княгиня въ честь меня вышла немного раньше обыкновеннаго. Я нашла, что портретъ, который мнѣ нарисовали съ нея, вовсе не былъ льстивъ. Прекрасные волосы цвѣта вороного крыла, шелковистые и мягкіе, падали локонами; лицо было голно прелести и выразительности; въ походкѣ и въ движеніяхъ истома, не лишенная граціи; и когда она поднимала свои большіе черные глаза, то въ нихъ сквозилъ вдохновенный взглядъ, который придавъ ей Жераръ въ одной изъ лучшихъ своихъ картинъ, гдѣ онъ ее изобразилъ.

Когда я увидала ее въ саду, она была одѣта въ платье изъ Индійской кисеи, изящно драпировавшееся на ней. Никогда не одѣвалась она похоже на другихъ женщинъ; тогда же, по ея молодости и красотѣ, эта простота античной статуи удивительно шла къ ней. Она обратилась ко мнѣ съ самыми любезными словами и пригласила прѣзжать каждадневно.

— „Не знаю, сказала она, проведу ли я зиму въ Петербургѣ: у меня есть предположеніе проѣхать въ Грецію и Константинополь. Не хотите ли еѣхать это путешествіе?“

Я увѣряла ее, что буду въ восторгѣ и съ удовольствіемъ поѣду. Княгиня ушла къ себѣ, такъ какъ рѣдко обѣдаетъ со всѣми, и я осталась съ Вранскою. Прогулка, чтеніе и разговоръ заняли насъ до того времени, какъ стали собираться гости. Мы сидѣли въ кабинетѣ, выходящемъ окнами въ садъ; маленькая библіотека, папки, гравюры, множество музыкальныхъ инструментовъ, къ которымъ княгиня почти не притрогивается, составляли убранство этой комнаты. Она играла на арфѣ или гитарѣ только когда бывала одна и никогда не доставляла этого удовольствія другимъ. Князь Е... рассказывалъ намъ, что въ Теплицѣ, гдѣ была княгиня, ее тщетно просили пѣть въ Belle de Scio; становились на колѣни, всячески упрашивали ее и ничего не достигли; но когда все ушло, и она думала, что все погружено въ глубокой сонъ, она открыла окно, взяла арфу и стала пѣть не только ту вещь, о которой ее тщетно просили, но и множество другихъ, и разбудила этимъ сосѣдей.

Княгиня появилась только, когда все собралось. Подали взбитый шеколадъ и засахаренные фрукты. Общество разошлось по саду и по островамъ. Былъ Іюнь, лучшій мѣсяцъ въ году въ Россіи, когда не бываетъ ночей: солнце садится около половины одиннадцатаго и сумерки начинаются только въ полночь.

Когда возвратившійся Мезонфоръ отвезъ меня въ городъ, былъ уже день. Было рѣшено, что впредь за мною будутъ высылать экипажъ.

Тутъ-то я встрѣтила очаровательную княгиню Наталью Куракину и князя Федора Головкина*), которыхъ такъ любили въ Парижѣ и которые были украшеніемъ общества во время ихъ пребыванія во Франціи. Они искали общества артистовъ и литераторовъ, ихъ часто встрѣчали на вечерахъ у г-жи Ле-Бренъ, Виже и у художника Жерара. И тотъ и другая обладали талантами, что не часто можно встрѣтить у особъ высшаго свѣта. Княгиня Наталья была прекрасной музыкантшею, сочиняла очень хорошіе романы и играла на нѣсколькихъ инструментахъ. Графъ былъ пріятнымъ писателемъ и рисовалъ очень хорошо для любителя. Онъ былъ посланникомъ въ Неаполь и въ совершенствѣ владѣлъ Итальянскимъ языкомъ. За нимъ была слава, что онъ рѣдко говоритъ правду; но его ложь была такъ остроумна, что на него нельзя было сердиться за то, что онъ измышляетъ романы, въ родѣ тѣхъ, которые пишутъ, но не всегда такіе забавные, какъ его. Когда я въ первый разъ увидала Федора Головкина, я приняла его за Француза. Послѣ онъ увѣрялъ меня, что былъ этимъ очень польщенъ. Дѣло въ томъ, что, мало зная въ то время Русскихъ, я не замѣтила, что большинство имѣетъ пріятное и вѣжливое обращеніе и говоритъ чистѣйшимъ нашимъ языкомъ; но мелкое честолюбіе и любовь къ роднѣ невольно заставляютъ васъ приписывать себѣ то хорошее, что замѣчаешь въ другихъ. Я часто видала князя Федора во время моего пребыванія въ Петербургѣ, а когда онъ пріѣхалъ въ Москву, я была уже давно принята въ домъ его жены, что дало мнѣ возможность еще болѣе оцѣнить любезныя качества ея мужа.

1806 годъ, который я провела въ Петербургѣ, былъ для меня временемъ очарованія, и я пользовалась имъ такъ, какъ будто предчувствовала, что оно не долго будетъ продолжаться; по своей природѣ не можемъ мы вкушать счастья безъ чувства опасенія его потерять.

Петербургъ великолѣпный городъ, и все въ немъ свидѣтельствуетъ о богатствѣ; это мѣстопробываніе двора. Въ немъ соединены все удовольствія, и самыя новѣйшія моды прибываютъ туда черезъ десять дней. Спектакли блестящи и залы великолѣпны: Французскіе танцовщики, Нѣмецкіе и Итальянскіе пѣвцы проявляютъ тамъ свои таланты. Въ этомъ городѣ лучшіе памятники, а гранитныя набережныя, окаймляющія

* Княгиня Н. И. Куракиной посвященъ цѣлый томъ архива ея внука, князя О. А. Куракина.—Графъ О. Р. Головкинъ извѣстенъ своими воспоминаніями. Н. Б.

Неву, представляют величественное зрѣлище. Площадь, гдѣ Петръ Великій вскочилъ на скалу*), Адмиралтейство, переброшенные черезъ Неву мосты, Мраморный дворецъ, рѣшетка Лѣтняго сада,—все это такъ замѣчательно, что я безъ усталы ѣздила по этому великолѣпному городу, самому своеобразному и самому красивому, какой я когда либо встрѣчала въ чужихъ краяхъ. Такъ какъ все было для меня ново, то мнѣ охотно показывали все, что могло меня интересовать. Въ Юнѣ почти нѣтъ ночей, какъ я уже сказала, и прогулки по Невѣ въ лодкахъ на подобіе Венеціанскихъ гондолъ имѣли прелесть, которую трудно описать; нужно это испытать, чтобы понять. Какъ описать этотъ чистый воздухъ, эту тишину, этотъ пейзажъ, видный сквозь дымку сумерекъ, словно сквозь легкое покрывало; эти звуки роговъ, присущіе только Россіи, гармонія которыхъ, несясь вдоль воды, кажется идущей съ неба. У сорока музыкантовъ по рогу болѣе или менѣе длинному, которые даютъ тоны, начиная съ самаго низкаго до самаго высокаго и всѣ промежуточные тоны, но каждый рогъ можетъ дать только одинъ тонъ. Ихъ музыка не положена на ноты, да это было бы и лишнимъ, потому что музыкантъ можетъ не знать, да часто и не знаетъ, какую ноту онъ производитъ; нужно только, чтобы управляющій оркестромъ отчетливо отбивалъ тактъ: только это и руководить трубачомъ, чтобы произвести ноту, когда доходить до него чередъ. Очарованіе этой музыки таково, что на нѣкоторомъ разстояніи нельзя повѣрить такому причудливому составу оркестра. Точность этихъ трубачей такъ велика, что они могутъ исполнять всевозможныя музыкальныя произведенія. Оркестръ императора Александра состоялъ изъ болѣе трехсотъ роговъ; оркестръ гвардіи также очень хорошъ.

Вскорѣ наступилъ Петергофскій праздникъ, бывающій въ Юлѣ и о которомъ я уже давно слыхала. Этотъ праздникъ, предметъ любопытства всѣхъ иностранцевъ, представляетъ собою настоящую феерію, гдѣ природа приходитъ на помощь искусству. Эти гроты, эти скалы кажутся находящимся на волшебномъ острову: такъ искусно они освѣщены невидимыми лампочками, свѣтъ которыхъ заставляетъ сверкать кристаллами воду, бьющую отовсюду, даже внутри грота; но чего нельзя ни съ чѣмъ сравнить, такъ это водопадъ, падающій съ ревомъ со скалы въ каналъ и образующій сводъ, подъ которымъ можно пройти, не вымокнувъ. Иллюминація, видимая черезъ этотъ водопадъ, производитъ магическое впечатлѣніе. Оркестры роговъ, расположенные въ разныхъ мѣстахъ и спрятанные въ кустахъ, разносятъ нѣжныя, сладкіе звуки.

*) Камень привезенъ съ большими издержками изъ Швеціи.

Когда позволяет погода, изъ Петербурга привозятъ балетъ и учениковъ балетной школы, одѣтыхъ Нимфами, Дриадами, Фавнами и лѣсными божками, чтобы пополнить иллюзію. Дворъ всегда присутствуетъ на этомъ праздникѣ, который длится всю ночь; всѣ въ костюмахъ, какъ для бала, но ни на комъ нѣтъ масокъ. Эти національные костюмы очень богаты и элегантны; вечеромъ зданія, дворецъ и паркъ иллюминированы.

Богатые люди нанимаютъ домъ или помещеніе на цѣлую недѣлю, иначе трудно было бы найти пріютъ; такъ всегда дѣлали дамы, которыя возили меня на этотъ праздникъ. Мы оставались по два дня, чтобы рассмотреть все въ подробности.

Во время жатвы мы ѣздили по деревнямъ съ княгиней Куракиной, разговоръ которой такъ пріятенъ, знанія такъ велики и умъ такъ полонъ поэзіи. Она обращала мое вниманіе на костюмы, которые переносили насъ въ славные дни древней Греціи. Когда видишь на ржаномъ полѣ жницъ въ короткихъ туникахъ изъ льна, подвязанныхъ выше талии, съ раздѣленными и заплетенными въ косы волосами; мужчинъ, одѣтыхъ также въ туннику, завязанную кожанымъ поясомъ, съ голыми ногами, обутыми въ сандаліи изъ березовой коры и привязанными ремешками, съ волосами, обрѣзанными въ кружокъ, то чувствуешь, будто находишься на поляхъ Аркадіи. Вообще одежда отличается пріятнымъ разнообразіемъ, и у каждаго класса населенія есть свой, ему присущій. Такъ, купцы одѣваются богато, дѣвушки красиво; но элегантнѣе всего кормилицы. На нихъ сарафанъ изъ хорошей шерстяной матеріи или изъ бархата; кокошникъ въ видѣ діадемы расшитъ въ большинствѣ случаевъ самоцвѣтными камнями и жемчугомъ, сообразно зажиточности тѣхъ, у кого кормилица служитъ; наряжаютъ ихъ съ большою роскошью. Онѣ всегда сопровождаютъ мать на прогулкахъ и по визитамъ, но при кормилицѣ есть женщина, называемая нянькою, которая слѣдуетъ за кормилицей и ухаживаетъ за ребенкомъ. Эта нянька привязывается къ семьѣ, которая смотритъ на нее какъ на настоящую кормилицу; она всегда имѣетъ большое вліяніе на дѣтей и пользуется ихъ довѣріемъ, особенно у барышень, за которыми ходитъ до тѣхъ поръ, пока къ нимъ не приставятъ гувернантку.

Къ концу Августа становится холоднѣе. Я видѣла все, что можетъ возбудить любопытство иностранца лѣтомъ. Вскорѣ начались зимнія удовольствія.

Нельзя, не выдавъ, представить себѣ красоту этого оледенѣлаго пространства и не черезъ двойныя рамы, а въ садахъ, въ деревнѣ, на озерахъ, въ лѣсахъ, кажущихся гипсовыми: до такой степени иней

покрываетъ малѣйшую вѣточку, которую солнце заставляетъ свергать брилліантами и изумрудами. Вотъ именно въ это время надо посмотрѣть на прекрасной Невѣ Рождественское гулянье.

Существуетъ обыкновеніе устраивать на Невѣ, когда она совсѣмъ замерзла, аллеи изъ елокъ, втыкая ихъ на небольшомъ разстояніи одна отъ другой въ ледъ. Какъ съѣстные припасы изъ южныхъ частей имперіи прибываютъ зимою, то они все заморожены и прекрасно сохраняются впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Такъ какъ къ этому времени кончается одинъ изъ Русскихъ постовъ, которыхъ народъ свято держится, то и стараются вознаградить себя за скудное питаніе. Вотъ въ этихъ-то аллеяхъ, устроенныхъ на льду, и располагаются съѣстные припасы. Всевозможныя животныя размѣщены въ большомъ порядкѣ; количество быковъ, свиней, птицы, дичи, барановъ, козъ весьма значительно. Ихъ ставятъ въ этомъ своеобразномъ паркѣ на ноги, и они производятъ странное зрѣлище. Такъ какъ это мѣсто служитъ прогулкою, то вереницею тянутся богатые сани съ роскошными мѣховыми полостями и кареты на полозьяхъ въ четыре и даже въ шесть лошадей.

Самые знатные сановники любятъ дѣлать покупки на этомъ рынкѣ, и довольно часто можно видѣть, какъ они возвращаются, помѣстивъ замороженнаго быка или свинью на запяткахъ саней въ видѣ лакея или на верхушкѣ кареты.

По обѣ стороны Невскаго толпа; слуги несутъ впереди факелы, освѣщая это триумфальное шествіе, вызывающее смѣхъ у зрителей. „А, это графъ такой-то съ теленкомъ“ говоритъ одинъ. „А это князь такой-то съ бараномъ“. „Княгиня купила быка“. И это продолжается часть ночи. Корабли, стоящіе близъ этого гулянья, иллюминированы разноцвѣтными стаканчиками, что имѣетъ очень своеобразный видъ.

Морозъ вовсе не опасенъ, нужно только предохранить себя отъ его дѣйствія. Иностранцы иногда хотятъ презрѣть принятые обычаи и одѣваются какъ въ умѣренномъ климатѣ, но часто становятся жертвами этого тщеславія и дорого платятся за урокъ. Въ домахъ обыкновенно 14—15 градусовъ по Реомюру, и эта температура не мѣняется. Печи (каминны служатъ только для удовольствія) кладутся на фундаментъ; трубы сложены въ нѣсколько оборотовъ, такъ что тепло проходитъ большое пространство, прежде чѣмъ выходитъ изъ помѣщенія. Если совсѣмъ не выходитъ зимою, можно подумать, что стоитъ вѣчная весна. Въ Россіи отъ холода страдаютъ гораздо меньше, нежели въ другихъ странахъ, и если бы черезъ окна не видно было снѣга, саней и мужиковъ съ обледѣлыми бородами, ничего не напоминало бы о зимѣ.

Впрочемъ это время года вовсе не неприятно: солнце обыкновенно ярко свѣтитъ, небо ясно, воздухъ чистъ. Въ одеждѣ изъ легкаго и теплаго мѣха пріятно гулять.

Въ ходу очаровательныя прогулки при лунномъ свѣтѣ или утромъ, а потомъ завтракъ въ назначенномъ мѣстѣ. Двигается въ путь разомъ двадцать или тридцать саней, въ переднихъ музыканты; я никогда не могла понять, какъ у нихъ не мерзнуть пальцы. Устраиваютъ также катанье въ изящныхъ санкахъ, запряженныхъ парюю прекрасныхъ лошадей. Красота запряжки состоитъ въ томъ, чтобы имѣть въ корню рысака, а сбоку скакуна, котораго кучеръ возжею заставляеть держать голову на сторону и скакать; часто впереди скачетъ верховой, чтобы расчищать дорогу. Лошади покрыты длиннымъ покрываломъ, чтобы снѣгъ отъ пристяжки не летѣлъ въ лице; только дворяне имѣютъ бѣлыя покрывала, у остальныхъ цвѣтныя. У графа Пальфи, богатаго Поляка, покрывала изъ бѣлаго кашемира, а палки, натягивающія его, золотыя.

Я часто слышала вопросъ, какъ могутъ защитить себя отъ холода въ такомъ суровомъ климатѣ бѣдные люди. Во первыхъ, такъ какъ всѣ они принадлежать господамъ, то послѣдніе и обязаны заботиться о ихъ нуждахъ, и нищіе совсѣмъ не попадаютъ. У нихъ у всѣхъ земля, за которую они платятъ барину. Въ крестьянскихъ избахъ кирпичныя печи такихъ же размѣровъ, какъ кафельныя. Топятся онѣ такимъ же образомъ и такъ накаляются, что трудно дышать въ натопленной избѣ, тѣмъ болѣе, что у нихъ существуетъ еще нѣчто въ родѣ очага, который вѣчно топится, въ которомъ пекутъ хлѣбъ и готовятъ обѣдъ; про жаркую комнату говорятъ: „Какъ въ избѣ“. Переходъ отъ одной температуры въ другую для Русскихъ не опасенъ; вы видите дворниковъ, работающихъ во дворѣ, убирающихъ снѣгъ въ одной рубашкѣ, а они только что вышли изъ комнаты, въ которой вы задохнетесь отъ жары. Кончивъ работу, они надѣваютъ тулупъ на бараньемъ мѣху и ложатся на раскаленную печку.

Я только годъ пробыла въ Петербургѣ, какъ война измѣнила всѣ мои предположенія. Иностранцы принуждены были принять Русское подданство или оставить страну. Большинство, надѣясь, что война не долго продлится, уѣхали, одни въ Гамбургъ или другія страны, сосѣднія съ Россією, другіе вернулись во Францію. Тѣ, кто уже долго жилъ въ Россіи, приняли подданство; артисты были исключены изъ этого правила. Г-жу Филисъ обожали при дворѣ: ни за что на свѣтѣ не хотѣли лишиться ея таланта. Вѣроятно ради нея и издали это исключительное правило для артистовъ.

За г-жею Фились-Андріе укрѣпилась такая репутація, что нѣтъ надобности входить въ большія подробности относительно ея первыхъ выступленій; извѣстно, что она создала роль Кэзи въ „Багдадскомъ Калифѣ“, а также роль сибретки въ „Теткѣ-Аврорѣ“. Ея сестра, г-жа Бертенъ, замѣчательная актриса, особенно въ драматическихъ произведеніяхъ, вышла вторымъ бракомъ за Боальдѣ.

Этотъ извѣстный композиторъ написалъ часть своихъ хорошихъ произведеній въ Россіи и привезъ оттуда во Францію „Опрокинутыя Кареты“, „Молодая женщина въ гнѣвѣ“, „Одинъ за другого“ и „Телемака“. Въ послѣднемъ произведеніи г-жа Бертенъ превзошла себя въ роли Калипсо, а г-жа Андріе была полна очарованія въ роли Ейхарисы, которую она пѣла восхитительно. Жаль, что этотъ сюжетъ былъ уже использованъ въ Парижѣ, а потому авторъ не могъ поставить тамъ свое произведеніе. Тоже случилось и съ „Сандрильоной“ Штебельта, музыка которой значительно превосходитъ ту, которая исполнялась въ Парижѣ.

Въ Петербургѣ еще помнили актеровъ, сочинявшихъ тамъ комедіи, Дюкруази, Делинья, игравшаго благородныхъ отцовъ на Французскомъ театрѣ, и Калана, очень хорошаго комика; Фрожеръ былъ грубымъ подражателемъ своего зятя Дюгазона и скорѣе шуткомъ общества, чѣмъ хорошимъ комикомъ.

Всѣ совѣтовали мнѣ снова поступить на сцену; но роли, которыя я могла исполнять, были всѣ заняты, а голосъ былъ у меня не достаточно великъ, чтобы пѣть на Петербургской сценѣ, гдѣ всѣ партіи написаны на четверть тона выше, нежели въ Орѣга Соміке. Итакъ я попросилась на сцену Московскаго театра, чего было очень нетрудно добиться отъ оберъ-камергера Александра Нарышкина, стоявшаго во главѣ императорскихъ театровъ.

Россія 1806 стала уже старою для теперешняго поколѣнія, такъ какъ многое, что существовало тогда, совершенно измѣнилось; многое можетъ быть также хорошо, многое можетъ быть лучше, но все же это не тоже самое. Это сказалъ мнѣ и одинъ Русскій, человѣкъ большаго ума, когда я читала ему выдержки изъ моего дневника. Онъ поощрялъ меня продолжать его. „Мало иностранцевъ имѣло возможность знать такъ хорошо тогдашнее общество, потому что вы были вхожи во многія семьи“.

Такъ какъ я искусилась въ наблюдательности, то меня восхитила новая обстановка; я увидала общественную жизнь, приближающуюся къ самымъ блестящимъ салонамъ Парижа, приспособленную къ обычаямъ

и привычкамъ дальней страны, торжества, приноровленныя къ религiи и климату; одежду народа такъ отличнаго отъ другихъ націй, который, особенно въ эту пору, имѣлъ нравы, напоминающіе Грецію и Азію. Преданія поколебались съ той поры, какъ купцы измѣнили свою жизнь. Всѣ иностранцы, жившіе въ Россіи, рассказывали о ней съ точки зрѣнія того класса, въ которомъ они вращались. Гостепрiимство, радушіе, господствующія въ этой странѣ, выставлены подъ разнымъ освѣщеніемъ, смотря по тому, въ какомъ обществѣ находился иностранецъ.

Я уѣхала изъ Петербурга зимою 1807 года. Всѣ выражали сожалѣніе по поводу моего отъѣзда; я его раздѣляла и была разстрогана. Князь Долгорукій, имѣвшій домъ въ Москвѣ, далъ мнѣ въ провозатые своего человѣка; иначе я была бы въ большемъ затрудненіи, не понимая ни слова по-русски и въ первый разъ путешествуя такимъ образомъ. Дмитрій Нарышкинъ*) велѣлъ обить мою кибитку шкурами Сибирскаго волка; многіе граждане были бы довольны имѣть подобныя шубы. Одѣяла были медвѣжьи. Оберъ-егермейстеръ предложилъ мнѣ живого волченка грѣть ноги, но я отказалась.

Моя кибитка была наполнена разными съѣстными припасами, большинство которыхъ померзло дорогою. Къ счастью Иванъ, умный мальчикъ, пополнялъ ихъ. Я ѣхала какъ кладъ, ничего не зная, ничего не понимая, спала въ кибиткѣ, какъ у себя на постели и выходила только, чтобы поѣсть, немного походить и размять затекавшіе члены.

Наконецъ къ вечеру въѣхала я въ тотъ городъ, гдѣ со мною случилось столько необыкновеннаго и чего я никакъ не могла предвидѣть....

Я остановилась у Лекена, Француза, дававшаго пріютъ на первое время всѣмъ артистамъ императорскаго театра. Лекенъ претендовалъ на происхожденіе по прямой линіи отъ извѣстнаго актера того же имени, о чемъ онъ и сообщалъ каждому вновь прибывшему. При этомъ представлялся случай сказать ему: Какъ! Небо допустило, чтобы у такого добродѣтельнаго отца былъ такой недостойный сынъ!

Онъ не хвастался очень близкимъ родствомъ, а говорилъ, что онъ внучатый племянникъ.

Я оставалась у него до пріисканія помѣщенія достаточно приличнаго для пріемовъ. У меня было множество писемъ къ особамъ Московскаго общества, и на этотъ разъ я всѣхъ застала. Сперва поѣхала я къ Дивовой, урожденной графинѣ Бутурлиной; это была очарователь-

*) Оберъ-егермейстеръ, братъ оберъ-камергера Александра Нарышкина, управлявшаго императорскими театрами.

ная особа, воспитанная при дворѣ великой Екатерины и пріобрѣтшая тамъ грацію, хорошій вкусъ и пышность. Дивова была для меня не только вліятельной поддержкою, но и настоящимъ другомъ; въ такомъ духѣ обращалась со мною всегда она и ея милая семья*).

Графъ Федоръ также далъ мнѣ письма къ нѣкоторымъ особамъ и особое письмо къ Головкиной. Въ нихъ не было общихъ фразъ, свойственныхъ вельможѣ: они наполнены были сочувственными выраженіями, которыя не могутъ не произвести дѣйствія, особенно если исходятъ отъ такого лица, достойнаго всякаго уваженія, какимъ былъ графъ Федоръ.

Графиня была очень умна, очень образована, знала въ совершенствѣ нашу литературу и написала даже нѣсколько недурныхъ вещей на Французскомъ языкѣ. Вечера ея были пріятны, хотя ее обвиняли, что она немного г-жа Дюдефанъ; но зависть всегда примѣшивается къ успѣху, даже въ высшемъ обществѣ, и посредственность не терпитъ ничего, стоящаго выше ея.

Съ тѣхъ поръ, какъ я утратила часть моего діапазона, я стала работать надъ средними нотами и особенно старалась усовершенствоваться въ выразительной музыкѣ; она-то и дѣйствуетъ главнымъ образомъ на толпу, и нѣтъ надобности быть знатокомъ, чтобы понимать ее. Романсъ требуетъ красивыхъ словъ, музыку простую и подходящую къ словамъ; онъ требуетъ также выразительнаго исполненія. Я была въ Москвѣ, когда мнѣ прислали романсъ „Іосифъ“. Не сумѣю описать впечатлѣніе, которое онъ произвелъ, равно какъ романсъ „Горный Изгнанникъ“ Шатобріана.

Какъ сладко воспоминаніе
О моей прекрасной родинѣ!

Ефимовичъ сочинилъ мелодію простую и трогательную, идущую къ словамъ. Я никогда не пѣла его безъ того, чтобы не проливали слезы, и особенно на моихъ соотечественниковъ производилъ онъ сильное впечатлѣніе. Салонные таланты очень цѣнятся въ чужихъ краяхъ, гдѣ они рѣже встрѣчаются, нежели во Франціи. Я привезла изъ Парижа новый родъ музыки, которая имѣла большой успѣхъ въ салонахъ Петербурга, а тѣмъ самымъ былъ ей обезпеченъ успѣхъ и въ Москвѣ. Вскорѣ я стала модной пѣвицей; мои шансонетки производили фуроръ, и сюжеты ихъ зарисовывались въ альбомы. Всѣ наши пѣсенки того

*) Дивова пріѣхала во Францію во времена имперіи; она бывала каждодневно у императрицы Жозефины. Ея пребываніе въ Парижѣ было отмѣчено пріятствомъ ея дома и общества, собиравшагося у нея.

времени воспѣвали рыцарей, молодыхъ дѣвушекъ и знатныхъ дѣвиць. Въ моемъ альбомѣ были нарисованы: часовой, опирающійся на копье, отѣздъ въ Сирію, трубадуръ, скрестившій на груди шпагу и лютию.

Если мои легкіе таланты и создали мнѣ въ началѣ успѣхъ и заставили искать моего общества, то должна сказать, что со временемъ я была принята въ высокопоставленныхъ домахъ какъ другъ дома. Я давала молодымъ дѣвушкамъ уроки выразительнаго чтенія, слѣдила за выборомъ книгъ для нихъ и учила пѣть музыкальныя произведенія, наиболѣе распространенныя. Въ Россіи были очень хорошіе композиторы изъ высшаго общества: Ефимовичъ, князь Голицынъ и много другихъ. Своими уроками я расплачивалась за тотъ милый пріемъ, который видѣла со стороны дамъ и никогда не рассчитывала на плату или какую нибудь личную выгоду. Въ этомъ 1807 году артисты, заслуживающіе отличіе своимъ воспитаніемъ, нравами и обхожденіемъ, были цѣнны въ обществѣ, и къ нимъ относились съ уваженіемъ.

Когда бывалъ мой бенефисъ или я давала свой концертъ, эти дамы всегда распродавали мои логи или билеты по цѣнѣ, далеко превосходящей назначенную. Никогда не была я такъ счастлива въ Москвѣ, какъ первое время, когда у меня еще не было никакой должности. Безпечная и вѣчно смѣющаяся, я не заботилась о завтрашнемъ днѣ.

Въ нашей Французской колоніи было много пріятныхъ людей, и мы собирались другъ у друга. Каждый назначалъ свой день и выбиралъ себѣ общество. Такъ какъ въ Воскресенье не было уроковъ и торговля дѣла прекращались, я выбрала себѣ для пріема этотъ день. Кругъ моихъ знакомыхъ былъ слишкомъ великъ по размѣрамъ моего помѣщенія; хотя у меня было нѣсколько комнатъ, но онѣ были малы. Къ счастью онѣ были всѣ проходныя и раздѣлялись только завѣсами, которыя въ этотъ день снимались, чтобы увеличить пространство. Я жила въ домѣ попа*) и занимала хорошенькій флигель между дворомъ и садомъ. Это было прелестно лѣтомъ; но зимою, когда снѣгъ доходилъ до извѣстной высоты, я рисковала быть погребенной какъ въ Лапландской хижинѣ, если бы не приходили расчищать снѣгъ отъ моихъ оконъ.

Общество мое состояло изъ артистовъ разныхъ странъ и изъ эмигрантовъ, дававшихъ уроки и занимавшихся одновременно коммерческими дѣлами. Хочу познакомить читателей съ людьми, составлявшими мой маленькій кружокъ по Воскресеньямъ; они стѣяютъ этого, да

*) Священникъ Греческаго вѣроисповѣданія.

къ тому же я буду въ дальнѣйшемъ имѣть случаи говорить о нихъ. Фильдъ и дѣвица Першеронъ, Тончи, историческій живописецъ, значительнаго таланта, любезный, веселый, остроумный; у него были острые словца, которыя запоминались и повторялись въ обществѣ. Музыкантъ, какъ всѣ Итальянцы, онъ мило пѣлъ маленькія пѣсенки своего сочиненія, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, сочинялъ изящныя сказки въ духѣ Боккачіо. Онъ считалъ себя философомъ на свой ладъ и говорилъ глупости очень умно.

Тончи былъ душою всѣхъ обществъ, но онъ былъ особенно пріятель въ нашемъ, такъ какъ вносилъ въ него больше непринужденности и веселія, нежели на вечерахъ у знатныхъ особъ, гдѣ онъ умѣлъ сохранять достоинство артиста. Сложенный какъ академическая модель, съ орлинымъ взглядомъ, бѣлоснѣжными волосами, ослѣпительными зубами, онъ былъ въ шестьдесятъ лѣтъ выдающимся по наружности человекомъ. Именно въ эти годы побѣдилъ онъ княжну Гагарину, моложе его, которая вышла за него замужъ, не смотря на всѣ усилія ея семьи помѣшать этому браку.

Въ то время въ каждомъ салонѣ былъ столъ, покрытый альбомами, бумагами, перьями и карандашами. Тѣ, кто не игралъ, слушали музыку рисуя или писали какія нибудь шуточныя произведенія. Наши альбомы были наполнены фантастическими рисунками и карриатурами Тончи. Въ моемъ онъ изобразилъ черта, убѣгающаго черезъ окно, причѣмъ привѣсилъ ему портретъ своего друга Гваренго, придворнаго архитектора, на такое мѣсто, которое только чертъ и любовь могутъ показывать обнаженнымъ. Онъ нарисовалъ также мое сердце, раздѣленное пополамъ и на нѣсколько клѣточекъ; въ одной половинѣ на каждой клѣткѣ стояло имя одного изъ моихъ знакомыхъ, на всей же другой половинѣ стояло имя графа Федора Головкина, котораго, какъ онъ зналъ, я очень любила, и имя самого Тончи едва замѣтными буквами.

И имѣла претензію кормить свое общество ужинами, хотя мое хозяйство было въ плохомъ состояніи. Я сажала дамъ вокругъ круглаго стола, а мужчины ѣли, гдѣ могли: на углу рояли, на туалетѣ, на жардиньеркѣ, на которой безжалостно мяли мои цвѣты. Если разговоръ заходилъ о какой нибудь музыкальной вещи, о дуэтѣ Боальдьё, меломанъ Дюкре*) бросалъ крыло цыпленка, садился за рояль, отгоняя ужинавшихъ и пѣлъ:

*) Эмигрантъ, профессоръ музыки.

Тебя, Фронтень, я презираю.

Со стола дамы ему отвѣчали:

Ты вѣришь, но крайней мѣрѣ, въ свои приманки.

Если обладаешь красотой, подобно твоей...

Послѣ этого обладатели рояли гнали его и занимали прежнія мѣста. Эти господа говорили: „Одолжите мнѣ вашъ ножъ“ (у меня было ихъ всего четыре).

Моро¹⁾ рассказывалъ намъ, какъ неудобно носить одинаковое имя съ другимъ, когда въ городѣ двѣ католическія церкви, гдѣ крестятъ, вѣнчаютъ и хоронятъ, однимъ словомъ двѣ церкви, священники которыхъ сторожатъ событія такого рода, чтобы воспользоваться одинъ передъ другимъ. Отецъ Моро былъ очень боленъ, но совершенно выздоровѣлъ; онъ жилъ въ кварталѣ Французской церкви. Нѣкто, по имени тоже Моро, недавно умеръ. Причтъ церкви Нѣмецкой слободы, стоящей на другомъ концѣ города, развѣдавъ объ этомъ, примчался со всѣми атрибутами и хотѣлъ непременно воздать всѣ погребальныя почести отцу нашего друга. „Но, отвѣчалъ имъ тотъ, съ аппетитомъ завтракая въ ту минуту, не могу же я согласиться на ваше предложеніе, когда я вовсе не мертвъ“. Причтъ не хотѣлъ вѣрить и заявилъ, что тутъ сговорились съ Французскою церковью, чтобы ограбить Нѣмецкую. Большаго труда стоило избавиться отъ непрошенныхъ гостей.

„Кстати объ исторіи съ мертвецами, сказала Антонолина²⁾; знаете, что случилось съ Родомъ во время его поѣздки въ Кіевъ, куда онъ ѣхалъ давать концерты. Застигнутый непогодой, онъ принужденъ былъ остановиться въ крестьянской избѣ, огонекъ которой онъ увидалъ издалека. Послѣ долгаго стука ему отворила старуха съ больными глазами, со сморщеннымъ лицомъ, настоящая вѣдьма изъ Макбета. Лакей Рода спросилъ, пуститъ ли она переночевать его барина. Она размышляетъ, колеблется, наконецъ ей предлагаютъ десять рублей, громадныя деньги для бѣдной крестьянки.

„У меня только одна кровать, сказала она, я уступлю ее барину, а сама лягу на полу въ сосѣдней комнатѣ, вы же можете спать въ сараѣ, если хотите“.

Прислуга и крестьяне не прихотливы относительно сна, они прекрасно спятъ на землѣ или на доскахъ.

¹⁾ Эмигрантъ. Его имя не было Моро, онъ скрывался подъ этимъ псевдонимомъ. Онъ былъ губернаторомъ одного молодого князя.

²⁾ Композиторъ, извѣстный профессоръ пѣнія.

Родъ падалъ отъ усталости. Лакей поставилъ экипажъ и лошадь въ сарай и самъ легъ тамъ. Его баринъ бросается, не раздвываясь, на постель, очень низкую. Въ полуснѣ спускаетъ онъ руку, какъ бы нища что-то подъ кроватью и наталкивается на окоченѣлую руку. Ужась мигомъ разбудилъ его, и онъ, забывъ усталость и сонъ, вскакиваетъ съ кровати, видитъ трупъ и думаетъ, что попалъ въ разбойничій притонъ. Онъ кричитъ и ругается, какъ помѣшанный; старуха прибѣгаетъ полуертвая отъ страха.

„Несчастная, кричитъ онъ, подъ кроватью убитый человѣкъ?“

„Охъ, баринъ, простите, это мой мужъ. Онъ умеръ сегодня утромъ. Чтобы заработать десять рублей, я отдала вамъ его кровать, а его подсунула подъ нее“.

Можно себѣ представить, что Родъ поспѣшилъ покинуть гостепріимный кровъ неутѣшной вдовы и двинулся, несмотря на непогоду, въ дальнѣйшій путь“.

Малѣйшія событія служатъ источникомъ для разговоровъ, какъ за границею, такъ и въ провинціи. Моими вечерами очень интересовались мои высокопоставленныя дамы. Они, конечно, не производили бы такого успѣха, если бы были похожи на другіе; въ нихъ особенно цѣнилось веселье. Каждое Воскресенье Дивова присылала мнѣ мороженое, варенье и печенье всевозможныхъ сортовъ. Графиня Броглю подарила нѣсколько дюжинъ ножей и Англійскихъ вилокъ. Мой домъ становился на важную ногу.

Нѣкоторые Русскіе, очень любезные, упрекали меня, что я ихъ не приглашаю. „Нѣтъ, говорила я имъ, ни одного иностранца: такъ между нами условлено; если бы было иначе, мои вечера стали бы походить на остальные: исчезло бы веселіе и непринужденность, и вы сами бы скучали“.

„Но, говорилъ Ефимовичъ, вѣдь я же артистъ; развѣ мы не поемъ съ вами мои дуэты?“

„Да, и даже съ большимъ удовольствіемъ, потому что они прелестны, и вы поете ихъ чарующе; но у меня занимаютъ музыкой только для емѣха“.

Жилъ въ то время въ Москвѣ нѣкто Релли, человѣкъ богатый, пышный и поставившій свой домъ на широкую ногу; у него былъ лучшій поваръ въ городѣ, а потому всѣ вельможи (довольно большіе чревоугодники) ѣздили къ нему на обѣды. Его принимали за Англичанина или Итальянца, такъ какъ онъ прекрасно говорилъ на обонхъ языкахъ; онъ былъ вхожъ въ высшій свѣтъ и велъ большую игру.

Встрѣчая меня часто у моихъ патронессъ, онъ какъ-то попросилъ позволенія сготовить *маленькій* изъ трюфелей паштетъ для моихъ „маленькихъ ужиновъ“, о которыхъ ему не преминули рассказать. Я согласилась и постаралась предупредить моихъ сотрапезниковъ, ибо трюфели были большой роскошью въ то время, когда способы сообщенія не были такъ быстры и легки, какъ теперь. Никто не могъ догадаться, откуда можетъ появиться такое великолѣпіе.

Начали съѣзжаться, когда появился пресловутый маленький паштетъ; онъ былъ такихъ размѣровъ, что его пришлось наклонить, чтобы пронести въ дверь; я увидала, что моя столовая не сможетъ вмѣстить его въ себѣ. Собрали всю бумагу, чтобы разрѣзать его на куски на томъ самомъ деревянномъ кругу, на которомъ его перевозили. Нельзя себѣ представить всѣхъ глупостей, которыя говорились вокругъ этого паштета. Я была великодушна: на слѣдующій день разослала куски всѣмъ моимъ знакомымъ. Этотъ паштетъ очевидно надѣлалъ шуму, потому что Нарышкинъ, пріѣхавъ въ Москву, говорилъ мнѣ о немъ. Онъ былъ знатокомъ и въ состояніи оцѣнить подобный подарокъ. „Я только безпокоился, сказалъ онъ, какъ же вы обошлись вашими тремя ножами?“ „Графиня Броглио позаботилась объ этомъ“.

„Знаете, сказалъ оберъ-камергеръ, вы должны благодарить меня, что я пустилъ васъ въ Москву, потому что вы, кажется, проводите здѣсь очень весело время“. „Это не влечетъ за собою большихъ расходовъ, ваше сіятельство: когда я подаю своимъ гостямъ дурной ужинъ, я дѣлаю, какъ вдова Скарона: рассказываю имъ забавныя исторіи“.

Когда прошелъ первый годъ, моя жизнь стала положительнѣе.

Меня охотно принимали въ Русскомъ обществѣ и обращались благосклонно. Графиня Строгонова, особа пожилая и больная, но любезная и веселая, полюбила меня. Такъ какъ она любила искусство и поэзію, я ей часто читала произведенія нашихъ лучшихъ авторовъ, которыхъ она умѣла цѣнить. Все, что появлялось новаго во Франціи, тотчасъ же ей высылалось.

Графиня владѣла большимъ состояніемъ и пользовалась имъ съ пышностью. Ея городской домъ былъ богатъ, элегантенъ и убранъ съ большимъ вкусомъ. Деревня въ Братцовѣ была настоящая маленькая Швейцарія; тамъ давались самыя живописныя празднества, и они производили, благодаря Московскому климату, который мягче Петербургскаго, полную иллюзію.

Графиня устраивала лѣтомъ очаровательные праздники, и когда она, среди блестящаго общества, быстро катилась въ креслѣ по са-

дамъ, лабиринтамъ и лѣсамъ, можно было принять эту маленькую, добрую старушку за фею очарованнаго острова: такъ она была миніатюрна и своеобразна.

Она предлагала мнѣ свой домъ, экипажъ и прислугу, если я захочу поступить къ ней въ качествѣ лектрисы; я согласилась, но не хотѣла брать никакой платы, потому что это значило бы лишиться своей свободы. Я ходила на репетиціи въ театръ, видалась съ друзьями и людьми изъ общества, съ которыми я не хотѣла разрывать. Впрочемъ я съ большою охотою и предупредительностью читала ей или пѣла, особенно въ дни ея приема.

У графини въ Московскомъ домѣ былъ Китайскій павильонъ, въ которомъ мебель, обои и картины, всё были привезены Китайскими купцами, ежегодно прїѣзжавшими на Макарьевскую ярмарку. Близъ павильона помѣщалась великолѣпная оранжерея, въ которой давались зимнія празднества. Деревья значительной величины, казалось, выросли въ ней и образовывали прекрасныя аллеи. На каждомъ шагу встрѣчались кадки съ апельсиновыми деревьями, цвѣты всёхъ временъ года, деревья, покрытыя плодами, которые привязывались на нихъ искуснымъ образомъ. Эта оранжерея была значительныхъ размѣровъ и освѣщалась сверху черезъ тусклыя стекла, которыя разбрасывали свѣтъ, подобный Юльскимъ сумеркамъ. Не было видно ни печки, ни огня; можно было бы сказать: температура весны. Птицы порхали по деревьямъ, и отъ времени до времени раздавалось ихъ пѣніе. Черезъ двойныя окна изъ цѣльнаго Богемскаго стекла виденъ былъ снѣгъ, покрывавшій крыши, слышался скрипъ каретъ по снѣгу и показывались бороды кучеровъ, покрытыя инеемъ, равно какъ и лошади. Такую оранжерею можно оцѣнить только въ холодномъ климатѣ, гдѣ проходятъ контрастами мягкость южныхъ странъ и суровость сѣверныхъ, соединенныя искусствомъ.

Зимнія удовольствія, въ родѣ ледяныхъ горъ и катанья на саняхъ, смѣнили лѣтнія празднества. Московское дворянство могло дать понятіе о восточныхъ сатрапахъ. Дворянское собраніе бывало зимою ежедневно отъ шести часовъ вечера до двухъ-трехъ часовъ утра. Туда допускались исключительно дворяне; банкиры, даже самые извѣстные, не были туда вхожи. Въ этомъ клубѣ, несравнимомъ ни съ какимъ другимъ, было около 2600 членовъ, изъ которыхъ 1700 женщинъ. Причина такой маленькой разницы между числомъ мужскихъ и женскихъ членовъ лежала въ томъ, что всё молодые дворяне служили въ военной службѣ и почти все время находились при своихъ полкахъ. Мушны платили 25 рублей, женщины 10. Въ клубѣ можно

было получать всё сорта прохладительных напитков и ужинъ по 12 рублей съ персоны. Помѣщеніе было великолѣпно и построено на деньги дворянства. Большая зала поддерживалась 28 колоннами, соединенными балюстрадаю и хорами, съ которыхъ открывался прекрасный видъ. На нихъ входъ допускался по билетамъ.

Многіе изъ вельможъ имѣли собственные театры, на которыхъ давались оперы и балеты. Актеры были крѣпостными у господъ, которые и назначали имъ роли. По волѣ барина одного дѣлали актеромъ, другого пѣвцомъ, этого танцовщикомъ, а того музыкантомъ!

Такъ какъ постомъ не бываетъ представленій, то вельможи отдавали свои залы артистамъ для платныхъ концертовъ; когда я давала постомъ свои концерты, они бывали въ одной изъ этихъ залъ, обыкновенно въ одной изъ лучшихъ и подъ покровительствомъ дамъ. Это служило платою за мои любезности, и концерты давали мнѣ много денегъ и подарковъ. Я не обольщалась и знала, что среди дамъ были такія, которыя искали моего общества только потому, что я была въ модѣ, но онѣ имѣли достаточно смѣтки, что бы мнѣ этого не показывать. Молодыя дѣвушки и даже молодыя дамы этихъ домовъ пѣвали со мною, и я не имѣла права жаловаться, что иногда онѣ злоупотребляли моею любезностью; но бывали исключенія, и маленькое происшествіе, которое я сейчасъ расскажу, дало мнѣ поводъ выказать чувство моего достоинства, которое должно бы всегда существовать въ сердцѣ артиста.

Я была очень хорошо принята у графини Брогліо *), мужъ которой былъ человѣкомъ ума и развитаго вкуса. Однажды она написала мнѣ, что, желая дать мнѣ возможность встрѣтиться съ моимъ соотечественникомъ, графомъ Лажаромъ (возвращавшимся изъ Константинополя), она пришлетъ за мною около шести часовъ.

Этотъ способъ приглашенія показался мнѣ страннымъ со стороны особы, въ домъ которой я была вхожа. Въ Русскихъ домахъ существуетъ обычай, что разъ вы приняты, то бываете безъ приглашеній, и вами были бы недовольны, если бы вы дѣлали это недостаточно часто: это одинъ изъ старинныхъ обычаевъ гостепрѣимства.

Когда я вошла, графиня обратилась ко мнѣ со словами: „Я такъ много говорила о васъ г-ну Лажару, такъ хвалила вашу любезную готовность пѣть и ваши прелестные романсы, что возбудила въ немъ живѣйшее желаніе услышать васъ“.

*) Это Русская княгиня, вышедшая замужъ за графа Брогліо во время эмиграціи.

Я нашла подобное обращеніе не очень любезнымъ. Достаточно было почувствовать себя оскорбленною, чтобы тотъ, передъ кѣмъ и по ея желанію пѣла, былъ Французомъ, котораго я въ первый разъ вижу и который еще не зналъ, какъ я принята въ свѣтъ. Я не хотѣла имѣть видъ приглашенной для развлечения графа Лажара, а такъ какъ приглашеніе было сдѣлано въ формѣ, къ которой я не привыкла, то я твердо рѣшила не пѣть. За столомъ меня посадили рядомъ съ Лажаромъ, очень любезнымъ человѣкомъ, и мы болтали весь обѣдъ. Это еще болѣе утвердило мое рѣшеніе выставиться въ наиболѣе выгодномъ свѣтъ въ глазахъ моего соотечественника.

Тотчасъ послѣ обѣда графиня приказала принести арфу и собственноручно передала ее мнѣ....

„О, графиня, я несказанно огорчена, что не могу отвѣчать вашимъ ожиданіямъ: но вы знаете, что я недостаточно владѣю этимъ инструментомъ и играю на немъ только аккомпанименты къ своему пѣнію“.

— „Но я именно это и имѣю въ виду, а потому и даю ее вамъ“.

— „У меня сильный насморкъ, графиня; мнѣ невозможно пѣть“.

— „Вы не устанете, будете пѣть въ пол-голоса и что хотите“.

— „Если я запою, то вы погубите ту блестящую рекомендацію, которую вы были добры дать мнѣ, потому что я не могу сегодня издать ни одного звука“.

Всѣ просьбы, всѣ льстивыя увѣренія были безплодны: я не соглашалась.

Графиня кусала губы, и я видѣла по ея лицу, что она обманулась въ своихъ ожиданіяхъ; я ждала колкостей, но рѣшилась на нихъ отвѣчать, хотя и вѣжливо, но не давать себя унижить, даже если бы пришлось съ нею разсориться. Я всегда знала свое мѣсто, какъ бы предупредительны со мною ни были, но не потерпѣла бы того, что мнѣ укажутъ на дверь.

Если пѣвца приглашаютъ для концерта, ему не подобаетъ заставлять себя просить; но когда его принимаютъ какъ друга дома, то слѣдуетъ болѣе приличнымъ образомъ просить его объ одолженіи; а потому, когда графиня сказала мнѣ съ горечью: „когда хотятъ возбудить въ обществѣ интересъ къ себѣ, слѣдуетъ и для него что нибудь дѣлать“, я отвѣчала: „я думала, графиня, что до сего времени я въ этомъ не была грѣшна и вѣрила, что готовность услужить не должна быть во вредъ здоровью; впрочемъ, прибавила я, я хочу доказать мое желаніе быть вамъ пріятною, даже въ ущербъ моему самолюбію“.

Раздались аплодисменты; вставъ тотчасъ же, я пошла за гитарою, лежавшей на другомъ концѣ гостиной и сыграла прелюдію, чтобы нѣсколько успокоиться отъ волненія. Я пропѣла слѣдующія строфы изъ Аталы, на которыя написали для меня прелестную музыку.

Счастливы, кто на своихъ празднествахъ не видалъ чужеземцевъ,
Кто не испыталъ пренебрежительной помощи,
Вдыхалъ всегда, даже въ бурю,
Воздухъ, которымъ дышали его предки.
Несравненная Флорида,
Удовлетворенная своими лѣсами,
Не покидаетъ ясныхъ водъ,
Лѣсовъ и зеленыхъ рощъ;
Въ ея убѣжищѣ, вѣчно прекрасномъ,
Сіяетъ ясное небо.
Будетъ ли у нея въ другихъ странахъ
Свое гнѣздо, устланное жасминомъ?

Мы перекинулись взглядомъ съ Лажаромъ, и я увидала, что онъ очень доволенъ моимъ пѣніемъ. Графиня была слишкомъ умна, чтобы разсердиться на такой, якобы, намекъ.

„О, дорогая Fleurichette, сказала она смѣясь: гнѣзда вашей страны вовсе не благоухаютъ жасминомъ“.

„Согласна, отвѣчала я, подхватывая шутку, но вѣдь вы не можете упрекнуть меня, что я пріѣхала за жасминами въ вашу страну“.

„Вы вздорная головка“, сказала она, цѣлуя меня.

Съ этой минуты я стала пѣть все что просили. Это маленькое происшествіе быстро стало извѣстнымъ и было для меня благопріятно, потому что создало мнѣ положеніе, которое никто не пытался унизить.

Я часто видала у моихъ дамъ Дмитріева, человѣка образованнаго и умнаго; я выразила ему желаніе осмотрѣть Кремль, и онъ любезно вызвался быть моимъ руководителемъ. Онъ входилъ во всѣ подробности, которыя могли меня интересовать по поводу рѣдкихъ вещей, находящихся во дворцѣ, сожженомъ Татарами и возобновленномъ въ короткій срокъ. Возвратившись домой, я записала все видѣнное и вдвойнѣ этимъ довольна, такъ какъ вскорѣ всѣ вещи были увезены, чтобы сохранить ихъ отъ арміи, которая уже приближалась. Богатство гробницъ, украшенія церквей величественны.

Сокровища хранились въ сводчатыхъ комнатахъ, въ которыхъ стояли шкапы, содержащіе различныя церковныя украшенія: прекрасныя рукописи съ жемчугами на переплетахъ, золотыя распятія,

выложенныя жемчугомъ и брилліантами, богатыя ризы, двѣ чаши изъ прекраснаго агата, чаши изъ яшмы и много другихъ драгоценныхъ предметовъ.

Царей хоронили въ церкви св. Михаила, и Петръ II былъ послѣднимъ изъ погребенныхъ тамъ. Въ алтарѣ находится балдахинъ, бывшій при его погребеніи. Рядомъ съ соборомъ прежній дворецъ патриарховъ; тамъ хранятся всѣ сокровища церкви.

Митрополичій домъ также владѣеть сокровищами и украшеніями. Митра Платона была бы необыкновенною, если бы срединный камень былъ настоящимъ, какъ мнѣ говорили; это агатъ, въ которомъ видно маленькое распятіе, а внизу молящійся монахъ.

Царскій дворецъ готическаго стиля; въ него поднимаются по каменной лѣстницѣ, сдѣланной внѣ зданія; она извѣстна тѣмъ, что на ней стрѣльцы убили Нарышкина и другихъ знатныхъ лицъ. Въ первой комнатѣ хранятся одежды Екатерины I, Елисаветы, Петра I, Петра II и императрицы Анны; всѣ онѣ очень богаты и хорошо сохранились. Направо двухмѣстный тронъ Петра I. Я замѣтила также пару сапогъ, которые онъ надѣвалъ въ торжественные дни, и другую съ острыми гвоздями на каблукѣхъ для дня Богоявленья: въ этотъ день совершается освященіе воды на льду; матери погружаютъ дѣтей въ прорубь, сдѣланную для этой церемоніи. Этотъ древній обычай соблюдается до сихъ поръ.

Мантія Екатерины II, какъ мнѣ говорили, длиною въ 44 фута; двѣнадцать камергеровъ несли ее въ дни торжества. Въ этомъ дворцѣ громадное количество вазъ, канделябровъ, чашъ изъ литого золота и такой же тронъ, который подаренъ однимъ шахомъ Персидскимъ и былъ употребленъ во время коронованія Екатерины II; короны Сибири, Астрахани и Казани, корона, присланная Константинопольскимъ императоромъ, когда онъ перешелъ въ Греческую вѣру; эта корона изъ золота, а три рога ея украшены жемчугомъ, громадной (ради его величины) цѣнности и брилліантовый нагрудный крестъ.

Шкапъ, хранящій въ себѣ короны, заключаетъ самое большое богатство. Въ другомъ стеклянномъ шкапу находятся коронаціонныя одежды Павла Петровича и Александра Павловича, восковая кукла, изображающая императрицу Елисавету ребенкомъ въ одеждѣ того времени, часы съ папою, передъ которымъ проходятъ съ поклономъ кардиналы, а рядомъ туалетный столъ весь изъ янтаря. Въ нижней залѣ пѣшіе и конные войны со стариннымъ вооруженіемъ, полное вооруженіе Александра Невскаго, сабли, украшенныя брилліантами и т. д.

Во время царствованія императрицы Анны состоялась шутовская свадьба шута съ крестьянской дѣвушкой. Празднества этой свадьбы происходили въ ледяномъ дворцѣ, нарочно для того выстроенномъ. Всѣ украшенія, мебель, даже кровать были изо льда, а также пушки и мортиры, изъ которыхъ сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. На ней присутствовали пары отъ каждой мѣстности, подвластной Россіи, въ своихъ мѣстныхъ одеждахъ. Повобрачныхъ возили по городу въ клѣткѣ, стоявшей на спинѣ слона, въ сопровожденіи этой разношерстой свиты. Этотъ праздникъ былъ замѣчательнъ и ледянымъ дворцомъ, который, говорятъ, былъ чудомъ зодчества и приковывалъ взоры любопытныхъ, пока не наступила оттепель. Суровость зимы 1740 года немало способствовала успѣху этой сумасбродной затѣи.

Но вернемся къ Русскому обществу 1808 года, отъ котораго я уклонилась; закончу нѣсколькими словами о Ростопчинѣ. Я часто видала этого извѣстнаго человѣка въ домахъ, гдѣ я запросто бывала и, не знаю почему, чувствовала къ нему какое-то отвращеніе, которое не съумѣю объяснить. А между тѣмъ я съ удовольствіемъ слушала его, такъ какъ разговоры его были поучительны, увлекательны, язвительны, пересыпаны порою остроуміемъ, которое неизмѣнно имѣетъ успѣхъ. Я часто вспоминаю его отвѣтъ графу Разумовскому. Графъ жаловался, что не можетъ избавиться отъ семьи, которой онъ предоставилъ флигель своего Петровскаго дворца, пока будетъ свободенъ ихъ собственный домъ. „Я всячески старался заставить ихъ понять, что флигель нуженъ мнѣ самому, но не могъ найти приличнаго предлога выселить ихъ отсюда“.

— „Ну, отвѣчалъ Ростопчинъ, я вижу только одинъ исходъ, и я бы къ нему прибѣгнулъ“.

— „Какой?“

— „Поджечь флигель“.

Очевидно, подобное средство было ему по душѣ.

Чтобы нарисовать портретъ подобнаго человѣка, надо было бы имѣть съ нимъ долгія сношенія, мои же не были настолько пріятны, чтобы сохранилось доброе воспоминаніе.

Въ чертахъ духовныхъ, какъ и тѣлесныхъ, бываютъ измѣнчивости, которыя ускользаютъ отъ кисти. Впрочемъ я не согласна съ тѣми моими соотечественниками, которые сдѣлали Ростопчина предметомъ своего восхищенія, и я могу имъ только сказать: „Счастливы вы, что ваше знакомство съ человѣкомъ, которымъ вы восхищаетесь, началось съ того времени, какъ вы его встрѣтили во Франціи; но вамъ никогда не удастся заставить меня раздѣлять съ вами вашъ энтузіазмъ“.

Растопчинъ навѣрно былъ бы удивленъ производимымъ впечатлѣніемъ и долженъ бы часто ухмыляться въ свою Татарскую бороду; я говорю Татарскую, потому что онъ очень кичился своимъ происхожденіемъ отъ Чингисхана. Впрочемъ, развѣ можно хорошо знать себя самому? Вотъ маленькое поясненіе, довольно ѣдкое.

Одна дама совѣтовала Растопчину написать свои воспоминанія, которыя не преминули бы возбудить большой интересъ въ публикѣ. Нѣсколько дней спустя, онъ является съ маленькой рукописью. „Я повиновался вашему приказанію, сказалъ онъ, и написалъ воспоминанія: вотъ онѣ съ посвященіемъ“.

Воспоминанія графа Растопчина, писанныя имъ самимъ.

I.

„Въ 1765 году 12 Марта я вышелъ изъ тьмы къ свѣту. Меня смѣрили, свѣсили и окрестили. Я родился, не зная почему, и родители возблагодарили небо, не зная за что“.

II.—Мое воспитаніе.

„Меня обучали разнымъ вещамъ и разнымъ языкамъ. Благодаря моему безстыдству и шарлатанству, я слылъ иногда ученыхъ. Голова моя стала шкапомъ съ разрозненными книгами, ключъ отъ котораго хранился у меня“.

III.—Мои страданія.

„Меня мучили учителя, мучили портные своими узкими платьями, мучили женщины, честолюбіе, самомиѣніе, бесплодныя раскаянія, властелины и воспоминанія“.

IV.—Лишенія.

„Я былъ лишенъ трехъ великихъ наслажденій человѣческаго рода: кражи, обжорства и гордости“.

V.—Достопамятныя эпохи.

„Въ тридцать лѣтъ я отказался отъ танцевъ, въ сорокъ отъ желанія нравиться прекрасному полу, въ пятьдесятъ отъ общественнаго мнѣнія, въ шестьдесятъ отъ мышленія и сталъ настоящимъ мудрецомъ или эгоистомъ, что одно и тоже“.

VI.—Нравственный обликъ.

„Я упрямъ, какъ мулъ, привередливъ, какъ женщина-соблазнительница, веселъ, какъ ребенокъ, лѣнивъ, какъ сурокъ, дѣятеленъ, какъ Наполеонъ, и все это по доброй волѣ“.

VII.—Важное рѣшеніе.

„Не умѣя владѣть лицомъ, я далъ волю своему языку и представлялся, что имѣю дурную привычку думать вслухъ; это дало мнѣ нѣсколько радостей и много враговъ“.

VIII.—Чѣмъ я былъ и чѣмъ могъ быть?

„Я былъ расположенъ къ дружбѣ и довѣрью и если бы родился въ золотой вѣкъ, могъ бы стать добрякомъ“.

IX.—Правила, заслуживающія уваженія.

„Я никогда не путался въ сватовства и въ сплетни. Никогда не рекомендовалъ ни повара, ни доктора и слѣдовательно не покушался ни на чью жизнь“.

X.—Мои вкусы.

„Я любилъ маленькое общество, прогулку по лѣсу. Чувствовалъ невольное обожаніе къ солнцу, и его закатъ всегда наводилъ на меня грусть“.

XI.—Мои отвращенія.

„Я имѣлъ отвращеніе къ глупцамъ и негодьямъ, къ женщинамъ-интриганкамъ, играющимъ въ добродѣтель; жалость къ крапенымъ мущинамъ и нарумяненнымъ женщинамъ; отвращеніе къ крысамъ, ликерамъ, мистицизму и ревеню; ужасъ къ юстиціи и бѣшеннымъ животнымъ“.

XII.—Разборъ моей жизни.

„Я жду смерти безъ страха, но и безъ нетерпѣнія. Жизнь моя дурная мелодрамма на большой сценѣ, гдѣ я игралъ героевъ, тирановъ, влюбленныхъ, благородныхъ отцовъ, но никогда не игралъ лакеевъ“.

XIII.—Награды свыше.

„Мое счастье въ томъ, что я независимъ отъ трехъ людей, правящихъ Европою. Такъ какъ я довольно богатъ, къ дѣламъ повернулъ спину и равнодушенъ къ музыкѣ, то, слѣдовательно, мнѣ нечего дѣлится съ Ротшильдомъ, Меттернихомъ и Россини“.

XIV.—Моя эпитафія.

Здѣсь положили
 Для отдыха
 Съ пресыщенной душой,
 Съ очищеннымъ сердцемъ
 И съ изношеннымъ тѣломъ
 Стараго преставившагося чудака.
 Дамы и кавалеры, проходите мимо!

XV.—Посвященіе публикѣ.

„Публика—ты злая собака, фальшивый инструментъ страстей! Ты, поднимающаяся къ небсамъ и падающая въ грязь, проповѣдующая и клеветущая, не зная для чего. Образъ набата, собственное эхо, бессмысленный тиранъ, вырвавшійся изъ сумасшедшаго дома, экстрактъ тонкихъ ядовъ и нѣжнѣйшихъ запаховъ, представитель дья-

вола въ обликѣ челоуѣка, фурія въ маскѣ христіанскаго милосердія; публика, которую я боялся въ молодости, уважалъ въ зрѣлыхъ годахъ и презиралъ въ старости, тебѣ посвящаю я свои воспоминанія. Наконецъ, я недостижимъ для тебя, такъ какъ мертвъ, а потому глухъ и нѣмъ; пользуйся же этими выгодами для спокойствія своего и рода челоуѣческаго⁴⁾.

Поговорю теперь объ одной особѣ изъ Французской колоніи, нѣкоей г-жѣ Всеволожской, женщины пріятной и умной, вышедшей замужъ за Русскаго, одного изъ наиболѣе извѣстныхъ по его уму и обширнымъ знакомствамъ, которыя онъ завязалъ въ своихъ путешествіяхъ по Европѣ и Азіи. Всеволожскій, оставшись вдовцомъ съ двумя очаровательными дочерьми, взялъ въ воспитательницы къ нимъ особу, имѣвшую всѣ данныя для этой обязанности.

Такъ какъ нельзя получить мѣста преподавательницы по какимъ бы то ни было предметамъ (какъ въ школахъ, такъ и въ частныхъ домахъ) не имѣя диплома и не выдержавъ экзамена при университетѣ, то подобныя мѣста и наиболѣе почетны, и наиболѣе трудно ихъ получить. Всеволожскій скоро оцѣнилъ милый характеръ второй матери своихъ дѣтей и вступилъ съ нею, подобно Людовику XIV, въ бракъ, но не съ лѣвой стороны, а законно, въ благодарность за заботы, которыя она расточала его дочерямъ.

Всеволожская²⁾ принимала всѣхъ иностранцевъ, но особенно своихъ соотечественниковъ, между которыми она умѣла выбирать достойныхъ; я была представлена ей по моему пріѣздѣ въ Москву. Наканунѣ новаго года она имѣла обыкновеніе собирать къ себѣ избранный тѣсный кружокъ.

Уже давно Всеволожскій обѣщаль намъ костюмированный балъ. 31 Декабря 1811 года, наканунѣ 1812 года, исполнилъ онъ свое обѣщаніе. Приглашительные билеты гласили, что балъ начнется въ восемь часовъ вечера, а въ полночь всѣ снимутъ маски. Надо было спѣшить использовать остающееся время, такъ какъ было довольно трудно замаскироваться, чтобы васъ не узнали въ обществѣ, гдѣ всѣ знали другъ друга. Я сговорила съ однимъ другомъ дома, который пони-

¹⁾ Графъ Растропчинъ похороненъ на Пятницкомъ въ Москвѣ кладбищѣ. На его могильномъ камнѣ слова: „Среди моихъ дѣтей покоюсь отъ людей“. У насъ имѣется его литографированный портретъ съ надписью: „Безъ дѣла и безъ скуки сижу поджавши руки“. Хлесткое слово было ему привычно. П. Б.

²⁾ Она выдала дочь свою отъ перваго брака за Семѣна, который стоялъ во главѣ лучшаго книжнаго магазина въ Москвѣ.

малъ, что это за балъ и былъ очень находчивъ. Мы рѣшили исчезнуть и переодѣться въ уборной, которую для насъ устроили, какъ только кого нибудь изъ насъ узнаютъ.

Мы принялись за костюмы: я уличной пѣвицей, онъ паяцемъ. Было условлено, что онъ будетъ предлагать покупать мои пѣсенки. Въ теченіи двухъ недѣль ломали голову, собирая всѣ стихи и куплеты, могущіе подойти къ лицамъ нашего общества. Они были написаны на красивыхъ листкахъ, и въ заголовкѣ стояло имя того или той, къ кому они адресовались; мой зеленый фартукъ съ карманами былъ полонъ ими. Мы взобрались на большой столъ, служившій намъ подмостками, откуда и сталъ мой товарищъ выхвалять товаръ, и надо ему отдать справедливость, дѣлалъ это съ большимъ умѣньемъ; онъ вскрикивалъ: подходите, господа и дамы, подходите! Всѣ руки потянулись къ намъ, каждому хотѣлось получить куплетъ, ему предназначенный, и довольно трудно было поддержать порядокъ.

Вотъ какой куплетъ получили хозяева дома:

Сколько испытываешь здѣсь удовольствія!
Гдѣ можетъ быть намъ лучше?
Все удовлетворяетъ наши желанія,
И все ихъ возбуждаетъ.
Не тотъ ли это садъ,
Гдѣ нашъ праотецъ
Находилъ подъ руками все,
Чего желалъ?

Одному изъ нашихъ друзей, любившему Шампанское больше своей жены, мы посвятили второй куплетъ той же самой пѣсни:

Онъ съ грустью пилъ воду
Близъ спутницы своей жизни.
Здѣсь веселятся, потягивая Шампанское.
У него была только одна женщина,
И та была ему женою.
Здѣсь я вижу чужихъ женъ
И не вижу своей.

Одинъ старый негоціантъ, веселый и пріятный собесѣдникъ, получилъ слѣдующіе два стиха изъ „Вертящихся Картинъ“:

Есть бородачи, которые еще на многое годятся.

Молодой дѣвушкѣ дали слѣдующее изъ той же оперы:

И молода, и дѣвица,
Меня находятъ довольно милой.

Дама лѣтъ сорока, очень занимавшаяся своей внѣшностью, получила куплетъ „Auberge de Bagnères“:

И надѣла маленькую шляпку,
Платье изъ малиноваго крепа,
Шаль и нуцовые башмачки
И стала очаровательной.
И что же! Дамы
Раскритиковали этотъ туалетъ;
А вѣдь я купила его
Въ Пала-Рояль, въ Парижѣ!

Наконецъ одному эмигранту, льву салоновъ, мы дали слѣдующую пародію на пѣсню изъ „Visitandines“:

Базовень дамъ.
Всегда зажигающіеся огни
Горятъ для насъ женщинъ
Съ Кузнецкаго моста.

Этотъ маскарадъ имѣлъ большой успѣхъ, и пока читали наши куплеты, мы исчезли, чтобы переодѣться.

Въ полночь всѣ, кто былъ въ маскахъ, сняли ихъ, и мы дружески обнялись, говоря: будемъ надѣяться, что этотъ годъ будетъ такимъ же счастливымъ, какъ прошедшій, что мы снова всѣ соберемся въ тотъ же день и т. д.. Когда я вернулась домой, былъ уже почти день. Я задумалась надъ наступавшимъ 1812 годомъ. Ничто еще не предвѣщало тѣхъ несчастій, которыя насъ ожидали. Разставаясь, мы были веселы и счастливы. Не знаю почему, но увидавъ альбомъ, куда я имѣла обыкновеніе набрасывать безъ связи свои мысли, я написала почти произвольно: „Почему же этотъ 1812 годъ занимаетъ меня больше предъидущаго? Почему чувствую я потребность отмѣтить его?“ И прибавила про себя: „Нельзя рассчитывать на продолжительность счастья. Посмотримъ“.

Въ концѣ этого года большинства тѣхъ, съ кѣмъ мы его встрѣчали, уже не было въ живыхъ!...

Я уѣхала на нѣсколько мѣсяцевъ, а когда вернулась въ Москву, нашла ее въ волненіи, а иностранцевъ въ большомъ безпокойствѣ. Взятіе Смоленска не способствовало успокоенію умовъ. Все дворянство удалялось, изъ Кремля и Воспитательнаго Дома вывозили сокровища и драгоценности. Тянулась непрерывная вереница экипажей и телегъ, нагруженныхъ мебелью, картинами и всевозможными вещами. Городъ сталъ уже пустыней, и по мѣрѣ приближенія Французской

арміи бѣгство усиливалось. Рожденная въ Вюртембергскомъ герцогствѣ, въ Штутгартѣ, я надѣялась получить черезъ протекцію императрицы-матери, которая была оттуда же, паспортъ на выѣздъ въ Петербургъ, куда я хотѣла переѣхать. Не смотря на рекомендацію графа Маркова, бывшаго посланника во Франціи, мнѣ въ этомъ отказали. Хотя на сценѣ Московскаго Императорскаго театра уже съ нѣкоторыхъ поръ не давалось представленій, такъ какъ контрактъ съ нѣсколькими артистами кончился, и они не были еще замѣщены, никто изъ оставшихся не имѣлъ права уѣхать безъ личнаго разрѣшенія камергера, и даже безъ его разрѣшенія невозможно было получить почтовыхъ лошадей. Майковъ *) указывалъ, что онъ уже давалъ мнѣ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Если бы онъ могъ предположить, что отказъ въ новомъ отпускѣ принесетъ мнѣ такое большое несчастье, я думаю, что онъ не отказалъ бы мнѣ. Это погубило мое состояніе и разстроило мою будущность, лишивъ пенсіи.

Изъ боязни очутиться безъ съѣстныхъ припасовъ, каждый запасался провизіей. Безпокойство скоро овладѣло всѣми, такъ какъ говорили, что всѣ должны погибнуть подъ развалинами города. Прятались по отдаленнымъ кварталамъ Москвы, и какъ городъ очень великъ, то рассчитывали, что часть города, по которой пройдетъ армія, будетъ сожжена первою а, можетъ быть, и единственною: никто не могъ себѣ представить, что весь громадный городъ будетъ принесенъ въ жертву пламени; однако все же избѣгали жить въ деревянныхъ кварталахъ. Всѣ каменные дворцы, покрытые желѣзомъ, казалось, не могли сгорѣть, и въ нихъ охотиѣ всего селились.

Я покинула домъ, въ которомъ жила, и поселилась съ семьей артистовъ, жившей въ громадномъ дворцѣ князя Голицына на Басманной, мѣстѣ уединенномъ и противоположномъ тому, черезъ которое должна была войти армія. Мужу моей пріятельницы, Вендрамини, князь поручилъ сдѣлать гравированные снимки съ его великолѣпной картинной галлерей. Онъ жилъ въ небольшомъ крылѣ дворца, выходящемъ въ обширный садъ, гдѣ можно было удобно спрятаться на случай, если бы народъ прибѣгнулъ къ насилію, а также и отъ огня.

Кромѣ нѣсколькихъ оранжерей, гдѣ мы могли найти убѣжище отъ попсковъ, у насъ былъ еще дворецъ, одинъ занимавшій всю сторону улицы, а напротивъ дворецъ князя Александра Куракина, въ которомъ мы также могли бы спрятаться: оба дворца были покинуты владѣльцами.

*) Директоръ Московскаго театра. П. Б.

Итакъ мы воображали себя въ неприступной крѣпости и, успокоенные, занялись пріобрѣтеніемъ необходимыхъ вещей. Я перевезла часть своихъ и безразсудно покинула домъ, чтобы переселиться въ другой, ставшій жертвою пламени. Но не одна я такъ жестоко ошиблась. Казалось, злой духъ заставлялъ меня видѣть опасность тамъ, гдѣ я могла обезпечить свое спокойствіе. Когда я проѣзжала городъ, чтобы соединиться съ своими друзьями на Басманной, улицы были пустыни, и едва можно было встрѣтить нѣсколько простолудиновъ. Черезъ нѣсколько времени я вдругъ услышала въ отдаленіи унылое пѣніе, и вскорѣ моимъ глазамъ представилось необычайное и трогательное зрѣлище. Громадная толпа, со священниками въ ризахъ во главѣ, несла иконы; мушкетеры, дѣти, всѣ плакали и пѣли священныя пѣсни. Эта картина цѣлаго народа, покидающаго свой городъ и уносящаго святыни, раздирала сердце. Я стала на колѣни и начала вмѣстѣ съ ними плакать и молиться. Къ друзьямъ своимъ я пріѣхала совсѣмъ разстроенная этимъ умилительнымъ зрѣлищемъ.

Мы жили спокойно въ продолженіи 8—10 дней. Въ концѣ Августа (по Русскому счету) пришли намъ сказать, что армія приближается.

Каждую минуту взбирались мы на крышу дома, смотрѣли въ подзорную трубу и однажды вечеромъ замѣтили бивуачные огни. Испуганные слуги вошли къ намъ и сказали, что полиція стучалась ко всѣмъ и предлагала жителямъ выѣзжать, такъ какъ городъ будутъ жечь и что уже увезли пожарныя трубы: „мы не хотимъ больше оставаться здѣсь“, прибавили они. И дѣйствительно мы узнали, что полиція покинула городъ, что не могло служить къ успокоенію.

Кромѣ толстой служанки, которая пекла намъ хлѣбъ и напивалась, чтобы излечиться отъ страха, мы остались безъ прислуги. Эта женщина была намъ очень полезна впоследствии. Такъ какъ моя пріятельница была очень пуглива, то я не ложилась всю ночь. Я не хотѣла сообщать ей мои соображенія, боясь ея нервныхъ припадковъ. Мѣстность наша была пустынна, и отъ времени до времени проходили пьяные, грубо ругавшіеся. И этотъ день провели мы въ большомъ безпокойствѣ, потому что до насъ дошелъ слухъ, что кабаки разбиты. Слѣдующую ночь шумъ усилился, и мнѣ послышались крики: „Французы“. Я ждала каждую минуту, что къ намъ ворвется.

Двѣ ночи провели мы въ ужасномъ состояніи; начиналась третья, не принеся намъ перемѣны въ нашемъ положеніи, потому что мы не знали, что происходитъ внутри города. Большая и уставшая, бросилась я спозаранку въ постель, а друзья пошли на крышу дома, какъ и въ предыдущіе дни. Вдругъ г-жа Вендрамини опротетью вбѣгаетъ ко

миѣ и говоритъ: „Пойдите, пожалуйста, посмотрите на комету: она удивительна, точно огненный мечъ: она навѣрно предвѣщаетъ намъ бѣду“.

Зная, что она очень суевѣрна, я не особенно обезпокоилась; однако, увлеченная ею, я взошла на крышу и въ самомъ дѣлѣ увидала нѣчто необычайное. Поговоривъ о явленіи и ничего въ немъ не понимая, мы заснули. Въ шесть часовъ утра раздалось нѣсколько ударовъ въ наружную дверь. Я побѣжала въ комнату друзей: „Ну, теперь мы погибли, сказала я, дверь выламываютъ“. Однако я услышала, что вызываютъ по имени хозяина дома. Заглянувъ въ щель ставни, мы увидали своихъ знакомыхъ. Это былъ Торіакъ, эмигрантъ, бывший офицеръ императорской арміи. „О, Боже, въ той мѣстности идетъ рѣзня, и онъ спасается къ намъ“, воскликнула я.

Торіакъ разсказалъ, что пожаръ начался близъ его дома, и онъ, боясь, что и его домъ сгоритъ, пришелъ просить у насъ пріюта для себя и еще для двухъ лицъ. Получивъ согласіе, онъ ушелъ за остальными. Вендрамини рискнулъ пройти до конца улицы и, вернувшись, сказалъ, что необычайное явленіе, замѣченное его женою, была бомба съ ракетною, упавшая на домъ князя Трубецкаго на Покровкѣ (улица, близкая къ намъ), что онъ горитъ, такъ же какъ и сосѣдніе дома. Онъ снова ушелъ собирать вѣстей, а мы рѣшились высунуться изъ окна. Я увидала коннаго солдата; онъ спрашивалъ пофранцузски: „Это сюда?“ Судите о моемъ изумленіи. Менѣ трусливая, нежели моя пріятельница, я крикнула ему: „Господинъ солдатъ, вы Французъ?“ — „Да, сударыня.“ — „Значитъ Французы здѣсь?“ — „Они вошли въ предмѣстья вчера въ три часа.“ — „Всѣ?“ — „Всѣ“. „Радоваться намъ или тревожиться?“ сказала я пріятельницѣ. „Мы избавились отъ одной опасности, чтобы впасть, можетъ быть, еще въ бѣдѣшую“.

Размышленія наши были печальны, и событія показали, что это предчувствіе было вѣрно.

Тѣ, кто просилъ у насъ пріюта, прибыли, нагруженные вещами, которыя имъ удалось спасти. Они разсказывали, что огонь уже охватилъ различныя улицы, что старались его потушить, но, за немѣнѣемъ пожарныхъ трубъ, это очень трудно сдѣлать. Меня подмывало пойти узнать, не случилось ли чего съ моими друзьями и домомъ, гдѣ оставалась мебель и тѣ вещи, которыя я не смогла перевезти. Меня предупредили, что безопаснѣе идти пѣшкомъ, такъ какъ, за недостаткомъ лошадей въ арміи, забирали всѣхъ попадавшихся. „Впрочемъ, прибавилъ кто-то, такъ какъ Французы очень любезны, то, мо-

жегъ вашихъ и не отнимутъ. Я лично не хочу рисковать своими: они намъ очень будутъ нужны, если придется спасать вещи“.

Казалось, онъ обладалъ даромъ пророчества.

Въ полдень я взяла дрожки у одного изъ знакомыхъ и отправилась въ городъ. Всѣ дома были полны военными. въ моемъ жили два жандармскихъ офицера; все было вверхъ дномъ. Такой безпорядокъ, по ихъ словамъ, нашли они, когда въѣхали въ домъ. Тамъ оставались только Русскіе слуги, а такъ какъ офицеры ихъ не понимали, то и подумали, что квартира покинута. Они очень уговаривали меня опять переѣхать туда, увѣряя, что мнѣ больше нечего бояться. Это меня мало соблазняло, ибо сосѣдній огонь могъ каждую минуту охватить и мой домъ. Я вернулась къ друзьямъ при свѣтѣ пылающихъ зданій. Благодаря сильному вѣтру, пожаръ быстро распространялся; казалось, что стихіи сговорились сжечь до тла этотъ несчастный городъ.

Осень въ Россіи прекрасна, и было еще только 15 Сентября. Вечеръ былъ хорошъ, и мы пошли по сосѣднимъ съ дворцомъ князя Трубецкаго улицамъ, посмотреть на пожаръ. Зрѣлище ужасающее и вмѣстѣ съ тѣмъ величественное. Четыре ночи не зажигали мы огня: у насъ было свѣтло, какъ днемъ. Отъ времени до времени слышались легкіе взрывы, какъ бы выстрѣлы изъ ружья, и тотчасъ же поднималось черное облако дыма. Черезъ нѣсколько минутъ оно краснѣло, становилось огненнымъ и скоро превращалось въ огненный потокъ. Черезъ нѣсколько часовъ домъ сторали до тла.

Вернувшись, я застала г-жу Вендрамини разговаривающую съ раненымъ офицеромъ. „Я просила господина помѣститься у насъ, сказала она; домъ нашъ на пустынной улицѣ, мало ли что можетъ съ нами случиться. Онъ совѣтуетъ даже попросить караула“.

На слѣдующее утро я снова вышла за свѣдѣніями. Одна сторона бульвара, который я пересѣкла, представляла собою громадный костеръ; нѣсколько Польскихъ солдатъ рыскало по улицамъ, и получалось впечатлѣніе, что городъ отданъ на разграбленіе. Я пошла къ губернатору, но пріемная была биткомъ набита, и мнѣ не удалось съ нимъ поговорить.

Я направилась домой; молодой, очень вѣжливый офицеръ остановилъ меня, чтобы предупредить, что одной ходить опасно, и вызвался проводить. Положеніе было настолько опасно, что я не стала отказываться. Онъ хотѣлъ сойти съ лошади и идти со мною, но я воспротивилась. На поворотѣ одной улицы заплаканныя женщины умоляли

защитить ихъ отъ солдатъ, которые грабили дома, и онъ разогналъ негодяевъ.

Я спѣшила вернуться, боясь, что у насъ грабятъ; но пока еще, благодаря нашей отдаленности, мы были избавлены отъ этого: офицеръ могъ бы еще нѣкоторое время удерживать ихъ. Мой молодой провожатый пообѣдалъ съ нами, былъ остроуменъ, говорилъ о модахъ и театрахъ, и я вскорѣ различила въ немъ, не смотря на военные усы, франта изъ *Chaussée-d'Antin*. Вскорѣ онъ уѣхалъ въ штабъ и въ Петровское, и больше я его не видѣла. Мнѣ было бы жаль, если бъ съ нимъ случилось какое несчастіе, потому что онъ любилъ свою мать. Наполеонъ, узнавъ, что въ Кремлѣ заложены мины, переѣхалъ въ Петровское. Мы рѣшили, г-жа Вендрамини, я и раненый офицеръ, отправиться на слѣдующій день въ Петровское и попросить стражи.

День, въ который мы предприняли эту поѣздку, останется для меня памятнымъ. При отѣздѣ домъ нашъ былъ еще цѣлъ, и не было признаковъ огня въ сосѣднихъ улицахъ. Дочь г-жи Вендрамини, дѣвочка лѣтъ тринадцати, была съ нами; она видѣла передъ тѣмъ пожаръ только издалека. Первый пожаръ, поразившій ее, былъ пожаръ Красныхъ воротъ, наиболѣе древнихъ въ Москвѣ. Мы поѣхали по обыкновенной дорогѣ, бульваромъ, но тамъ проѣхать было невозможно: все было въ огнѣ. Мы направились вверхъ по Тверской; тамъ пожаръ былъ еще сильнѣе, и большой театръ, куда мы потомъ поѣхали, представлялъ сплошной костеръ. Близъ него находился запасъ дровъ на весь годъ, что, равно какъ и самый деревянный театръ, было пиццею этому грандіозному пламени. Повернули направо—эта сторона казалась намъ менѣе въ огнѣ. Едва проѣхали мы пол-улицы, какъ вѣтеръ съ такою силою перебросилъ огонь, что надъ нами образовался огненный сводъ. Это можетъ показаться преувеличеніемъ, но это было на самомъ дѣлѣ. Мы не могли ѣхать ни впередъ, ни въ сторону, и ничего не оставалось, какъ вернуться по прежней дорогѣ. Но каждую минуту огонь усиливался, головѣшки летѣли въ нашу коляску, и кучеръ, сидя бокомъ на козлахъ, судорожно держа возжи, повернулъ къ намъ лице, искаженное ужасомъ. Назадъ! закричали мы ему. Это было трудно сдѣлать, но все же ему удавалось изъ чувства самосохраненія держать лошадей. Онъ повернулъ, пустилъ ихъ вскачь, и мы домчались до бульвара. Мы поѣхали домой, поздравляя себя, что можемъ, наконецъ, дать отдохнуть глазамъ отъ пыли и огня.

Никогда не забуду впечатлѣнія отъ представившагося нашимъ глазамъ зрѣлища. Домъ, куда мы рассчитывали спокойно вернуться, гдѣ, часъ тому назадъ, не было и признака пекры, стоялъ въ огнѣ.

Его подожгли, вѣроятно, недавно, потому что люди, жившіе во флигелѣ, еще ничего не замѣчали, и только крики дѣвочки Вендрамини заставили ихъ выбѣжать. Дитя совсѣмъ потеряло голову и кричало: „Спасайте, мама, спасайте все; о, Боже, мы погибли!“ Эти крики и зрѣлище надрывали мнѣ сердце. Я вспомнила о моей дочери и возблагодарила Бога, что я одна въ эту жестокую минуту.

Обладая счастьемъ не теряться при опасности, я занялась спасеніемъ другихъ и потомъ уже постаралась спасти наиболѣе цѣнныя свои вещи. Толстая служанка, единственная оставшаяся у насъ, помогала мнѣ переносить ихъ въ садъ. Мушкетеры и даже раненый офицеръ почти потеряли головы; они метались изъ стороны въ сторону, а дѣло не подвигалось: рубили топорами дверь, а рядомъ была дверь открыта. Нѣсколько офицеровъ вошли въ садъ и предложили на помощь солдатъ. Въ сущности такъ спѣшить не представлялось необходимости: дворецъ отдѣлялся отъ флигеля садомъ и оранжереями. Правда, огонь могъ перейти на него по оранжереямъ, что и случилось, но только на слѣдующій день. Если бы въ то время головы лучше работали, меньше бы вещей погибло; но страхъ не разсуждаетъ, къ тому же крики матери и дочери потрясали всѣхъ.

Когда я все перенесла въ садъ, то сѣла рядомъ съ портретомъ старшей дочери, съ которымъ не могла разстаться, и стала спокойно наблюдать за происходившимъ. Не имѣя болѣе ни дрожекъ, ни коляски, я рисковала все потерять. Тотчасъ же приняла я рѣшеніе: связала вмѣстѣ наиболѣе нужныя мнѣ вещи и положила ихъ на дрожки къ одному товарищу бѣдствія, а другой свертокъ поменьше отдала къ офицеру, котораго сопровождалъ солдатъ Мартино, славный и очень обязательный парень. Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла, я уложила въ ручной мѣшечекъ все драгоцѣнности и деньги и стала, не волнуясь, ждать, что пошлетъ Господь. „Чьи же это вещи?“ спросилъ офицеръ, завѣдывавшій нашимъ участкомъ. „Мои“, отвѣчала я. „Какъ, вы ихъ такъ бросаете?“ — „Куда же мнѣ ихъ дѣть? У меня нѣтъ ни экипажа, ни лошадей“. — „Чортъ возьми, вотъ онъ (указывая на офицера) возьметъ часть изъ нихъ; вещи женщинѣ нужныѣ, нежели мушкетеру матрацъ. Надо же помогать другъ другу“.

Я почувствовала себя наполовину спасенною, хотя у меня погибло значительное количество обстановки и сундуки, наполненные платьями. Итакъ я покинула остальное, въ томъ числѣ и портретъ дочери, поставленный въ уголокъ оранжереи. Съ нимъ разставалась я со слезами, ибо предчувствовала, что больше его не увижу. Какъ жалѣла я, что онъ не былъ миниатюрою!

Мы оставили домъ, и онъ скоро сталъ добычею солдатъ. Какое печальное зрѣлище представляли эти женщины, дѣти, старики, бѣгущіе, какъ и мы, изъ горящихъ домовъ! Цѣлая вереница солдатъ направлялась въ лагерь, они шли вмѣстѣ съ нами и предлагали слѣдовать за ними. Послѣ долгихъ поисковъ, мы отыскали улицу, которая еще не горѣла. Мы вошли въ первый попавшійся домъ (они все были пусты) и бросились на диваны, а мушкетеры остались во дворѣ сторожить экипажи и слѣдить, не загорается ли домъ.

Таковъ былъ конецъ этого печальнаго дня, воспоминаніе о которомъ не изгладится изъ моей памяти. Можно себѣ представить, какую тревожную ночь мы провели; мы не знали, гдѣ найти пріютъ, такъ какъ меня увѣрили, что нашъ домъ тоже сгорѣлъ; но сосѣдніе дома загорѣлись, все изъ него выѣхали, а между тѣмъ онъ уцѣлѣлъ.

Попастъ въ Петровское мы не могли безъ офицера, а нашъ не хотѣлъ туда ѣхать. Мы бродили изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ. Все носило слѣды разрушенія, и городъ, который я еще такъ недавно видѣла богатымъ и пышнымъ, представлялъ собою груды пепла и обломковъ, между которыми мы бродили, какъ привидѣнія.

Наконецъ намъ захотѣлось вернуться въ прежнее жилище, такъ какъ мы думали, что оно не сгорѣло. Дѣйствительно, домъ стоялъ такимъ же, какъ мы его оставили, съ тою только разницею, что внутри солдаты все поломали. Мы отыскали припрятанные съѣстные припасы, не найденные грабителями. Наканунъ мы ничего не ѣли, и офицеръ завелъ рѣчь объ обѣдѣ. Вынесли столъ, нѣсколько уцѣлѣвшихъ стульевъ и сострапали что-то въ родѣ обѣда. Представьте себѣ столъ посреди улицы, со всѣхъ сторонъ горячіе дома и дымящіяся развалины, огненную пыль, несущуюся намъ прямо въ глаза, поджигателей, которыхъ тутъ же разстрѣливаютъ, солдатъ, несущихъ награбленную добычу: вотъ какова была обстановка этой плачевной трапезы.

Увы, недалеко было время, когда мы должны были увидать зрѣлище еще болѣе ужасное. Послѣ обѣда мы снова стали размышлять, гдѣ найти пріютъ. Намъ посоветовали обратиться къ полковнику, который завѣдывалъ этой мѣстностью, и попросить его дать намъ офицера, чтобы проводить насъ въ главный штабъ. Пріятельница моя пришла въ полное отчаяніе и уже не помышляла о поѣздѣ туда. Но надо было на что нибудь рѣшиться, и я отправилась на поиски этого полковника (полковникъ Сигаръ, убитый въ 1813 году), человека самаго честнаго и хорошаго, какого я когда либо встрѣчала: онъ сдѣлался нашимъ избавителемъ.

Послѣ нѣкотораго перерыва, снова принимаюсь за мой печальный дневникъ. Я еще не настолько освоилась съ своимъ положеніемъ, чтобы не бросить взгляда назадъ; чувствую, что можно извлечь выгоду изъ всевозможныхъ обстоятельствъ жизни. Несчастія дали мнѣ нѣсколько философскій взглядъ и съ нимъ возможность спокойно смотрѣть на событія. До этихъ поръ у меня была тьма потребностей и желаній, неисполненіе которыхъ заставляло меня страдать; теперь же я чувствую, что съ небольшимъ мужествомъ можно все перенести. Когда впродолженіи двухъ мѣсяцевъ человекъ страдалъ отъ жажды, голода, холода, усталости и лишеній всего, что дѣлаетъ жизнь покойной и приятной, можно начать презирать судьбу и спокойно смотрѣть въ будущее.

Много написано по поводу пожара Москвы. Подробности о томъ, что происходило внутри города со времени выхода Русскихъ и вступленія Французовъ, въ большинствѣ не точны. Только иностранцы, оставшіеся въ Москвѣ, могутъ рассказывать вѣрно. Наиболѣе интересныя подробности далъ Сюрюгъ, аббатъ католической церкви. Скромность заставила его обойти молчаніемъ все добро, которое оказано имъ несчастнымъ. Я считаю своимъ долгомъ напомнить объ этомъ здѣсь.

Довольно большая площадь, принадлежащая церкви, была застроена деревянными домиками, гдѣ бѣдные иностранцы находили во всякое время пріютъ. Пока городъ горѣлъ, солдаты грабили его. Всѣ женщины, дѣти и старики попрятались въ церкви. Когда появились солдаты, аббатъ Сюрюгъ открылъ двери и, въ полномъ облаченіи, съ распятіемъ въ рукахъ, окруженный этими несчастными, единственною опорою которыхъ былъ онъ, съ увѣренностью предсталъ передъ озвѣрѣлыми солдатами, которые съ уваженіемъ попятились передъ нимъ. Какъ не нашелся художникъ для такой картины? Она стоила бы тѣхъ, что были написаны лицами, даже не видавшими пожара.

Аббатъ Сюрюгъ попросилъ стражу для охраны несчастныхъ семей, и ему ее тотчасъ же дали. Наполеонъ захотѣлъ его видѣть и всячески убѣждалъ вернуться во Францію. „Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, я не хочу бросать свое стадо, которому могу еще быть полезенъ“. Хотя въ сѣстныхъ припасахъ уже чувствовался недостатокъ, ихъ всетаки посылали аббату, и онъ дѣлил ихъ, какъ добрый пастырь.

Когда Французы приблизились къ Москвѣ, я жила въ домѣ генерала Дивова. Дивова, урожденная графиня Бутурлина, уѣзжая, оставила меня тамъ въ надеждѣ, что въ ихъ домѣ *) я подвергнусь меньшей

*) На Большой Дмитровкѣ, рядомъ съ Университетской типографіею, въ наши дни барона Шеншинга. П. Б.

опасности и могла напомнить Французскимъ офицерамъ, какъ дружески относилась императрица Жозефина къ этой семьѣ въ бытность ея въ Парижѣ*). Къ несчастью, въ данномъ случаѣ не всегда имѣешь дѣло съ офицерами, а солдаты мало обращаютъ вниманія на рекомендаціи, даже самыя лестныя. Я скрылась, какъ уже говорила, въ мѣстность болѣе удаленную отъ опасности. Вернулась я въ этотъ домъ, который считала жертвою пламени, только тогда, когда водворился нѣкоторый порядокъ въ городѣ. Войдя, я увидала офицера, сидящаго за моимъ туалетомъ. Онъ такъ былъ занятъ чтеніемъ моихъ писемъ, что, сидя спиною къ двери, не видалъ меня. „Сударь, сказала я ему, мнѣ очень непріятно беспокоить васъ; но вы въ моей квартирѣ“...

„А, сударыня, я въ восторгѣ, отвѣчалъ онъ, не вставая; не правда ли я имѣю удовольствіе говорить съ м-ль Бетси?“— „Нѣтъ“ съ удивленіемъ отвѣчала я.— „М-ль Генриеттою?— А она здѣсь?“ „Однако, сударь, я не вижу, чѣмъ это можетъ интересовать васъ и почему задаете вы мнѣ подобный вопросъ“. „Простите, это меня очень интересуетъ, ибо я только что прочелъ очаровательныя письма...“

Для поясненія я должна сказать, что дочь моя уѣхала во Францію въ Маѣ 1812 года. Она состояла въ перепискѣ съ подругою, недавно вышедшею замужъ; молодыя женщины писали въ легкомысленномъ тонѣ съ участіемъ своихъ мужей и не могли предположить, что письма попадутся въ руки кавалерійскаго офицера. Называли они себя Генриеттою и Бетси. Эти письма, о существованіи которыхъ я не знала, остались въ ящикѣ туалетнаго стола и служили для папильотокъ. Я видѣла, какое дѣйствіе произвели они на полковника по тому игривому тону, который онъ принялъ со мною. „Я уступаю вамъ мѣсто, сударь, вы можете продолжать розыски; только до сего дня я думала, что военные должны защищать женщинъ, а не оскорблять ихъ“.

„Оставайтесь, сударыня, отвѣчалъ онъ немного сконфуженный; я ухожу; впрочемъ я все равно долженъ былъ уступить этотъ домъ генералу“, и онъ вышелъ.

Жена дворника помогла мнѣ возстановить нѣкоторый порядокъ и рассказала, что произошло за время моего отсутствія. Едва успѣла я привести въ порядокъ помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ комнатъ, какъ вошелъ другой офицеръ; это былъ несчастный генералъ Шартранъ, разстрѣленный впоследствии въ Англѣ (я оплакивала его). Его старый отецъ умеръ съ горя, узнавъ объ осужденіи сына. Это былъ военный, мало пріятный въ обращеніи для тѣхъ, кто его плохо зналъ; но между товарищами онъ слылъ за храбреца и быстро выдвинулся по службѣ.

*) Николай Адриановичъ Дивовъ, младенцемъ, сидѣлъ на колѣнахъ у Наполеона. П. Б.

„Сударыня, довольно рѣзко сказать онъ, мнѣ досадно; но намъ нуженъ весь домъ, и то едва ли мы все размѣстимся.“

„То есть, сударь, вы указываете мнѣ на дверь моей собственной квартиры?“

„Вашей? Я этого не знаю... но домъ принадлежитъ генералу, и генералъ же долженъ занимать его; къ тому же существуютъ дома для безпріютныхъ.“

„Но вѣдь безпріютными считаются тѣ, у которыхъ сгорѣли жилища, въ данномъ же случаѣ этого нѣтъ; я живу въ этомъ домѣ давно и по желанію владѣльцевъ. Городъ, думается мнѣ, не взять приступомъ, и развѣ мы не Французы?“

„Да, Русскіе Французы. Почему вы не уѣхали?“

„Лучшаго бы я не желала и не для удовольствія осталась здѣсь. Мнѣ кажется многое перемѣнилось во Франціи съ тѣхъ поръ, какъ я оттуда выѣхала: тогда мужчины были вѣжливы.“

„Ну, сударыня, въ походѣ трудно быть вѣжливу, къ тому же намъ необходимъ этотъ домъ; вотъ и все.“

„Отлично; разъ вы такъ говорите, предупреждаю, что не выйду изъ дома, развѣ только солдаты вынесутъ меня на рукахъ; вотъ будетъ достойный подвигъ!“

Онъ вышелъ что-то бормоча. Я была въ ярости и послала жену дворника за огнемъ; она вернулась и сказала, что факель вырвали у нея изъ рукъ. Тогда я пошла наверхъ и встрѣтила генерала Кюриала, котораго раньше не знала (одного изъ лучшихъ людей, до отчаянія хладнокровнаго).

„Вѣдь это же грабежъ, генераль! Одинъ изъ вашихъ офицеровъ приходитъ ко мнѣ, чтобы выгнать меня за дверь; солдаты вырываютъ факель изъ рукъ горничной...“

„Вамъ его вернуть; что же касается помѣщенія, то, за недостаткомъ мѣста, я принужденъ оставить его за собою; но никто не заставляетъ васъ выѣзжать тотчасъ же: вамъ дадутъ время подыскать другую квартиру“.

„Будьте увѣрены, генераль, что я поспѣшу это сдѣлать, такъ какъ не имѣю ни малѣйшаго желанія оставаться здѣсь.“

Капитанъ Л., сынъ сенатора, адъютантъ генерала Кюриала, проводилъ меня съ факеломъ до моей квартиры и вѣжливо раскланялся. Его семья, по возвращеніи моемъ во Францію, осыпала меня любезностями и выказала большое участіе.

Полчаса спустя, тот же офицеръ пришелъ сказать, что генераль просить у меня чести отобѣдать вмѣстѣ съ нимъ. Я было хотѣла отказать, но подумала, что, можетъ быть, будетъ благоразумнѣе не становиться во враждебныя отношенія съ этими офицерами и согласась. Л., увидавъ гитару, спросилъ: „Сударыня музыкантша?“

„Я пою въ оперѣ“, отвѣчала я.

„Насъ обнадежили, что мы будемъ имѣть удовольствіе слышать васъ.“

Я не отвѣчала. Въ ожиданіи обѣда я принарядилась. Л. пришелъ за мною. Генераль Кюриаль посадилъ меня рядомъ съ собою. Шартранъ, сидѣвшій напротивъ, всячески старался заговорить со мною; я ему холодно отвѣчала только кивками головы.

„Вы сердитесь на Шартрана?“ спросилъ генераль.

„Я? Нисколько. Хотя полковникъ не представляетъ собою образца Французской вѣжливости и обращается со мною по военному, но я не имѣю права жаловаться“.

Видя, что онъ смущенъ, я не продолжала этой шутки, и разговоръ перешелъ на другое. Послѣ обѣда я вернулась къ себѣ, и на этотъ разъ меня проводилъ братъ генерала Кюриала (военный комисаръ, убитый потомъ при Глогау). Онъ былъ очень любезенъ и общалъ, что спокойствіе мое не будетъ болѣе нарушено. Я со смѣхомъ отвѣчала, что мнѣ теперь все равно.

Не смотря на тревожное время, разыскали оставшихся въ Москвѣ артистовъ, и былъ отданъ приказъ, чтобы они пѣли и играли во дворцѣ. Подобный приказъ трудно было исполнить въ городѣ, гдѣ все было перевернуто верхъ дномъ; у женщинъ не было ни туалетовъ, ни башмаковъ, у мужчинъ ни платья, ни сапогъ, не было гвоздей для декорацій, масла для лампъ и тому подобное.

Графъ Боссе попросилъ меня къ себѣ. „Мы хотимъ, сказалъ онъ, собрать оставшихся артистовъ и дать передъ императоромъ нѣсколько представленій и концертовъ. Торкани увѣрялъ меня, что вы пріятная пѣвица.“

„Какъ? Я должна пѣть передъ императоромъ? Но вѣдь я очень скромная пѣвица романсовъ, маленькихъ пѣсенокъ, Итальянскихъ же вещей я не пою съ тѣхъ поръ, какъ потеряла голосъ“.

„Но вѣдь вы пѣли дуэты съ Торкани?“

„Да; но дамы слушали меня снисходительно, судили меня не по качеству пѣнія, а по той доброй волѣ, которая слышалась въ моемъ пѣніи. Предстать передъ императоромъ? Одна мысль объ этомъ парализуетъ меня. Онъ знатокъ, и ему трудно угодить. Ради Бога, оставьте меня въ покоѣ.“

„Тогда, сказала Боссе, будемъ играть водевиль и комедію.“

„А, это другое дѣло“. Я сказала Боссе, что, разъ онъ хочетъ моего участія, пусть дастъ мнѣ хоть помѣщеніе. Онъ обѣщаль по-стараться, и я вернулась, гордая тѣмъ, что могу проститься съ моими сожителями. Сдѣлала я это не безъ кокетства.

За обѣдомъ я была очень весела; говорили о театрѣ, о музыкѣ и когда встали изъ стола, попросили меня спѣть. Я не противилась. Меня осыпали комплиментами; я встала и сказала: „Господа, я говорю вамъ—прощайте; съ завтрашняго дня вы можете располагать моимъ помѣщеніемъ.“— „О нѣтъ, сказалъ генераль, мы противъ этого“.

„Какъ, господа, вѣдь вы хотѣли силою заставить меня выѣхать?“— „А теперь мы готовы употребить ту же силу, чтобы васъ удержать“.

На слѣдующій день ко мнѣ явился Боссе съ полковникомъ Шартраномъ, который принесъ мнѣ свои извиненія. По совѣту того же Боссе я осталась.

Я уже говорила, что Русскіе вельможи имѣли собственные театры. Позняковскій былъ самымъ большимъ и уцѣлѣлъ отъ огня; его приспособили къ спектаклямъ; тамъ мы и играли*). Въ казармахъ нашлись ленты и цвѣты. Мы играли до кануна выхода Французовъ, и Наполеонъ былъ очень щедръ по отношенію къ намъ. Онъ рѣдко бывалъ самъ въ театрѣ, но вотъ что однажды случилось со мною, когда ему пришла фантазія присутствовать на спектаклѣ. Давалась пьеса „Открытая война“. Я пѣла на сценѣ у окна выбранный мною романсъ, имѣвшій всегда большой успѣхъ въ Московскомъ обществѣ; онъ былъ написанъ Фишеромъ, Нѣмецкимъ композиторомъ, и не былъ нигдѣ напечатанъ.

Аплодисментовъ не полагалось въ присутствіи императора, но этотъ романсъ, котораго никто не зналъ, произвелъ впечатлѣніе. Наполеонъ, за разговорами, не слыхалъ его. Онъ спросилъ Боссе, что значать аплодисменты, и Боссе, префектъ дворца, пришелъ сказать мнѣ, чтобы я повторила романсъ. Это такъ взволновало меня, что голосъ задрожалъ, и я не надѣялась окончить. Однако я овладѣла собою, и съ той поры романсъ вошелъ въ такую моду, что я безпрестанно должна была его пѣть, а Неаполитанскій король велѣлъ положить его на ноты. Романсъ былъ рыцарскаго содержанія и слова довольно хороши. Это я привезла его въ Парижъ.

Рыцарь, стремящійся въ бой,

Такъ на прощаньи утѣшалъ свою возлюбленную:

„На полѣ честной битвы мною руководить любовь,
Она укрѣпляетъ мою руку; не бойся за мою жизнь.

*) Домъ на Большой Никитской, нынѣ В. Н. Семениковича. П. Б.

И вернусь съ двойными лаврами:
 Любовникъ, вдохновенный любовью,
 Умѣетъ владѣть лирою трубадура
 И вѣрно направлять копьѣ воина.
 Побѣдителемъ вернусь я къ тебѣ
 И получу награду за свою храбрость.
 Сердце мое служить залогомъ твоей вѣры,
 А любовь залогомъ твоего постоянства.
 Я вернусь съ двойными лаврами и т. д.
 Увы, я долженъ покинуть эти мѣста.
 Пусть твое сердце положится на мою храбрость.
 Скажи: въ залогъ нашего прощанья
 Онъ изъ моихъ рукъ получилъ оружіе;
 Онъ вернется, покрытый лаврами.
 Любовникъ, вдохновенный любовью,
 Умѣетъ владѣть лирою трубадура
 И вѣрно направлять копьѣ“.

Когда мы менѣ всего этого ожидали, заговорили объ отъздѣ. Офицеры и генералы съ жалостью предвидѣли, что многіе, такъ называемые Русскіе Французы могутъ стать жертвами ярости солдатъ; они предлагали намъ покинуть Россію или по крайней мѣрѣ переѣхать въ Польшу. Особенно женщины возбуждали состраданіе, такъ какъ однѣ не могли найти лошадей, другія не были въ состояніи оплатить ихъ. Я тѣмъ менѣ расположена была уѣзжать, что моя матеріальная выгода заставляла меня желать остаться въ Россіи; но мнѣ рассказали такихъ ужасовъ, что я рѣшилась уѣхать.

Клеманъ Тинтиньи, ординарецъ императора и племянникъ Коленкура, предоставилъ въ мое распоряженіе своихъ людей и экипажъ: это былъ очень хорошій дормезъ. Мѣховыя вещи у меня уцѣлѣли, и я чувствовала себя такъ хорошо, какъ только могло быть при подобныхъ обстоятельствахъ. Такъ какъ всѣ выѣзжали изъ города, то я должна была присоединиться къ нимъ въ назначенномъ мѣстѣ. Я послала впередъ все, что могла увезти, а остальное бросила. Я пошла по Тверскому бульвару, пока еще пустынному, такъ какъ войска проходили по другимъ улицамъ; я нарочно выбрала эту дорогу, чтобы избѣжать давки на мосту. Съ нѣкоторымъ ужасомъ смотрѣла я на этотъ городъ, гдѣ виднѣлись только развалины, какъ вдругъ на меня набросилась цѣлая стая собакъ. Собаки въ Россіи служатъ сторожами и сидятъ ночью у наружныхъ дверей; онѣ настолько опасны, что даже мушкетеры ходятъ не иначе, какъ съ палкою. Если въ обыкновенное время приходится принимать такія предосторожности, судите, какъ опасно было встрѣтить ихъ въ то время, когда онѣ не находили себѣ пищи.

Когда онъ кинулись на меня, я чуть не упала со страха, однако имѣла достаточно присутствія духа отскочить отъ подъѣзда, такъ какъ онъ обыкновенно стерегутъ только свой домъ. Но они настолько оголодали, что кинулись велѣдъ за мною и въ клочья изорвали шаль и платье, а послѣднее было на вагъ и изъ довольно плотной матеріи. Я уже не знала, какого святаго призывать, какъ, наконецъ, мои крики привлекли вниманіе прохожаго, вѣроятно посланнаго мнѣ Небомъ, потому что въ этой части города трудно было когонибудь встрѣтить. Это былъ мужикъ, вооруженный толстой палкою, и ею онъ не безъ труда разогналъ собакъ. Я принуждена была вернуться домой, куда не думала больше возвращаться, и рада была найти оставленное платье, такъ какъ мое превратилось въ лохмотья. Я до сихъ поръ содрогаюсь при мысли, что собаки могли быть бѣшенными... Такое начало не было добрымъ предзнаменованіемъ. Когда я нагнала экипажъ ординарцевъ, ихъ самихъ уже не было: они уѣхали съ императоромъ.

Погода стояла чудная, и я далека была отъ мысли о бѣдствіяхъ, которыя послѣдовали; если бы я только могла ихъ предположить, ничто не заставило бы меня покинуть Москву. Я рассчитывала доѣхать до Минска или Вильны и тамъ подождать, пока все успокоится.

Прошло всего три дня, а мы уже начали подвергаться большимъ опасностямъ, которыя увеличивались по мѣрѣ движенія впередъ. Я расскажу только о своихъ и о тѣхъ двѣнадцати дняхъ, когда я находилась въ постоянномъ страхѣ. Утромъ я себя говорила: весьма вѣроятно, что я не доживу до вечера, но какого рода смерть постигнетъ меня? Подъ Смоленскомъ начались самыя тяжкія бѣдствія.

Я отмѣтила начало этихъ ужасныхъ дней: 6 Ноября 1812 года. Это была Пятница, и мы были близъ Смоленска. Офицеръ, въ экипажѣ котораго я ѣхала, отдалъ кучеру приказъ быть тамъ къ вечеру. Кучеръ былъ Полякъ, самый медлительный и неловкій, какихъ я когда либо встрѣчала. Онъ провелъ всю ночь, по его словамъ, въ поискахъ за фуражемъ, а лошадей оставилъ мерзнуть. Когда онъ ихъ запрягъ, онъ не могли двигать ногами; двѣ изъ нихъ околѣли, и мы не имѣли возможности на оставшихся трехъ ѣхать дальше. Мы остановились у въѣзда на загроможденный мостъ до Субботы, 7-го числа. Обдумавъ, что мнѣ дѣлать, я рѣшила, какъ только разсвѣнетъ, бросить экипажъ, перейти пѣшкомъ мостъ и просить помощи или мѣста въ какомънибудь экипажѣ у генерала, распорядившагося на другомъ концѣ моста; но кучеръ, спустивъ окно, сказалъ, что нашелъ двухъ лошадей. Я отлично понимала, что онъ ихъ присвоилъ, но въ то злополучное время это было обыкновенное дѣло: крали другъ у друга всеъ нужныя вещи,

будучи увѣрены въ безнаказанности; опасность грозила только въ случаѣ поимки на мѣстѣ преступленія, потому что тогда воръ рисковалъ быть высѣченъ. Ежедневно слышалось: „О Боже, у меня украли плащъ, у меня украли чемоданъ, у меня украли хлѣбъ, лошадь“, и это начиная съ генерала и кончая солдатомъ. Однажды Наполеонъ, увидавъ на офицерѣ прекрасную шубу, спросилъ, смѣясь: „У кого вы ее украли?“ — „Государь, я ее купилъ“. — „У спящаго?“ Это слово пошло въ ходъ, и я сдѣлала тоже самое.

Мы двинулись въ путь, не размышляя, кому принадлежать лошади, и счастливые тѣмъ, что могли перебраться черезъ мостъ. Досадно было, что кража не особенно удалась, потому что лошади были вовсе не хороши. Мы пытались подвигаться впередъ, а насъ постоянно задерживали. „Пропустите, говорили намъ, экипажи маршала, экипажи генерала такого-то, потомъ такого-то“. Я приходила въ отчаяніе, какъ вдругъ замѣтила близъ себя генерала (Ларибуасьера), распорядившагося нашей стороной. „Ради Бога, генераль, сказала я, пропустите мой экипажъ; я здѣсь со вчерашняго утра, и лошади едва волочатъ ноги. Я погибну, если не догоню главную квартиру и не буду знать, что мнѣ дѣлать“. Я плакала, потому что легче прихожу въ отчаяніе отъ мелкихъ препятствій, нежели отъ большихъ. „Подождите минутку, сударыня, отвѣчалъ онъ, я сдѣлаю все возможное, чтобы пропустить васъ“. Онъ поговорилъ съ жандармомъ и приказалъ причислить мой экипажъ къ экипажамъ герцога Экмюльскаго. Не знаю почему, жандармъ принялъ меня за жену генерала Лористона и разсыпался въ любезностяхъ. Когда мы, наконецъ, въѣхали на мостъ, по обѣ стороны его стояли генералы, полковники, офицеры, поставленные тамъ, чтобы торопить переправу, такъ какъ я потомъ узнала, казаки были недалеко. Едва проѣхали мы полмоста, какъ лошади отказались идти дальше. Всякій экипажъ, задерживавшій движеніе, должно было, по приказу, сжигать. Я очутилась въ худшемъ положеніи, нежели накануне; со всѣхъ сторонъ кричали: „Экипажъ мѣшаетъ, сжечь его“. Солдаты, довольные такимъ случаемъ, потому что грабили сжигаемые экипажи, также кричали: „Сжечь, сжечь!“ Нѣсколько офицеровъ жалелись, наконецъ, надо мною и отдали приказъ: „солдаты, къ колесамъ!“ Приказъ исполнили, и солдаты вывезли насъ. Когда мы, наконецъ, переѣхали, ко мнѣ подошелъ прежній жандармъ. Я не рѣшалась предложить ему денегъ, потому что онъ тогда не цѣнилились, а хлѣба или водки у меня не было. „Не знаю, чѣмъ поблагодарить насъ“, сказала я... „О, сударыня, жена генерала... генеральша имѣетъ столько средствъ... Позвольте мнѣ, когда понадобится, обратиться къ вашей

помощи". — „Можете“, отвѣчала я, смѣясь, и онъ остался очень доволенъ.

Я наблюдала за страшнымъ зрѣлищемъ, которое представляла эта злополучная армія. Каждый солдатъ уносилъ что только могъ изъ награбленнаго: одни одѣлись въ мужицкіе кафтаны или въ короткую мѣховую кофту съ толстой кухарки, другіе—въ богатое платье купчихи и почти все—въ атласныя мѣховыя ротонды. Дамы, надѣвая ротонды только въ защиту отъ холода, дѣлають ихъ черными; но горничныя, купчихи, вообще простонародье, видять въ нихъ предметъ роскоши и носятъ розовыя, синія, лиловыя и бѣлыя. Ничего не могло быть смѣшнѣе (если бы обстоятельства не были такъ печальны), какъ видѣть стараго усатаго гренадера въ розовой атласной ротондѣ. Несчастные защищались отъ холода, какъ могли, и часто сами смѣялись надъ такимъ маскарадомъ. Это напоминаетъ мнѣ довольно забавное происшествіе.

Гвардейскій полковникъ приказалъ остановить мой экипажъ, потому что самъ остановился съ полкомъ. Мой человекъ старался убѣдить его, что экипажъ принадлежитъ Тинтины, племяннику оберъ-штаб-мейстера. „Наплевать, отвѣчалъ онъ: ты не пройдешь“. Я проснулась отъ шума ссоры, и вѣроятно полковникъ въ эту минуту замѣтилъ меня, потому что сказалъ: „Извините, я не зналъ, что въ каретѣ дама“. Я выглянула и, увидавъ его въ голубой ротондѣ, улыбнулась. Онъ, вѣроятно, тоже вспомнилъ о своемъ костюмѣ и разразился смѣхомъ. Нахохотавшись въ волю, мы объяснились. „Правда, сказалъ онъ, полковникъ гренадеровъ въ голубомъ атласѣ довольно смѣшенъ; но я замерзаль и купилъ ее у солдата“. Мы разговаривали довольно долго, и онъ предложилъ мнѣ раздѣлить съ нимъ скудные остатки провизіи. Зажгли костеръ, срубили ель и устроили пѣчто, названное полковникомъ хижинною Анны и Любена. Увы, чахлыя словыя вѣтки не защищали пастушковъ отъ холода, а пѣніе соловья замѣнялось зловѣщимъ карканьемъ ворона.

Пріѣхала я въ Смоленскъ въ три часа по полудни. Меня уже считали погибшею. Наканунъ послали на розыски людей съ лошадьми, но тѣ предпочли въ дорогѣ переночевать и вернулись только черезъ день утромъ. Мы уже не рассчитывали больше на коляску, однако она пріѣхала къ вечеру, но въ плачевномъ состояніи. Не смотря на расказни людей, было ясно, что они-то насъ и обокрали. Что касается меня, то я потеряла все, и мои чемоданы, положенные въ офицерскіе экипажи, были захвачены казаками. Оставался одинъ сундукъ съ драгоценностями и деньгами въ пріѣхавшей коляскѣ. Я приготовилась къ

худшему, но Тинтиньи успокаивалъ меня, говоря: „Я дамъ вамъ одного изъ моихъ товарищей; онъ хотя и раненъ, но съумѣетъ заставитьъ слушаться людей. Каждый вечеръ вы будете подъѣзжать къ мѣсту нашей остановки; я надѣюсь, такимъ образомъ съ вами ничего не случится“. Въ Смоленскѣ я отдыхала цѣлый день и выѣхала только на слѣдующее утро.

Во Вторникъ, 10-го Ноября, мы двинулись въ путь съ товарищемъ Тинтиньи. „Онъ—другой я, сказалъ мнѣ Тинтиньи; съ нимъ вамъ нечего бояться“. Онъ не былъ справедливъ, приравнивая себя къ этому господину, потому что между ними была большая разница. Не смотря на похвалу, онъ сразу мнѣ не понравился. Хотя это былъ человѣкъ невоспитанный и занятый только собою, я оказывала ему всякія услуги, требуемыя его состояніемъ.

Вскорѣ я замѣтила, что лошади наши были нисколько не лучше прежнихъ; впрочемъ несчастныхъ животныхъ такъ плохо кормили, что онѣ едва волочили ноги. Медленно двигались мы до 11 Ноября. Мой товарищъ бѣсился, что сѣлъ въ коляску, и очень боялся встрѣчи съ казаками. „Еслибы у меня была лошадь, я бы наплевалъ на коляску; но я не могу найти слуги, который долженъ былъ ее привести“. Это не служило къ моему успокоенію; однако я извиняла его, потому что рана его была настолько серьезна, что онъ не могъ идти пѣшкомъ. Наконецъ мы рѣшили послать въ главную квартиру сказать Тинтиньи, что если онъ не дастъ намъ другихъ лошадей, мы не въ состояніи ѣхать дальше. Чтобы не потерпѣть отъ небрежности слуги, мы послали форейтера, а слугу съ кучеромъ за фуражемъ.

Снова остановилась я среди большой дороги, по крайней мѣрѣ не одна: проходили войска, солдаты останавливались бивуакомъ.

Посланные не возвращались съ фуражемъ, и мы боялись, не попали ли они въ плѣнъ. Около десяти часовъ вечера мой любезный товарищъ встрѣтилъ своего полковника, и я слышала, какъ онъ говорилъ: „Полковникъ, я былъ раненъ, меня помѣстили въ этотъ экипажъ: такъ какъ лошади отказываются идти, я послалъ людей за фуражемъ; думаю, что они насъ бросили, потому что до сихъ поръ не возвращаются“. „Совѣтую вамъ, отвѣчалъ полковникъ, сѣсть верхомъ, а коляску сжечь“. „Я очень вамъ благодарна за совѣтъ, сказала я; замѣчу только, что этотъ господинъ не имѣетъ никакого права на коляску: она дана исключительно мнѣ“. Сказавъ, я отвернулась и крѣпко заснула. Около полуночи спутникъ мой отыскалъ слугу и лошадь и съ такою поспѣшностью выскочилъ изъ экипажа, что даже не имѣлъ времени извиниться передо мною; однако не забылъ захватить единственный остав-

шійся хлѣбъ. Я была возмущена, однако чувствовала себя гордою тѣмъ, что оказалась храбрѣе, нежели муцина; впрочемъ не скрывала отъ себя, что положеніе мое менѣе всего пріятно, но, по своему обыкновенію, вооружилась хладнокровіемъ и стала спокойно ждать утра.

Луна свѣтила довольно ярко, и я различала солдатъ, спавшихъ въ двадцати шагахъ отъ меня. Я рѣшила подождать еще часъ и если до того времени никто не проѣдетъ мимо, идти пѣшкомъ, пока не встрѣчу экипажъ или телѣгу, на которую я могла бы сѣсть.

Пока я предавалась размышленіямъ, вернулись слуга и кучеръ съ кормомъ. Я такъ обрадовалась, увидя знакомыя лица, что и не подумала ихъ бранить. Нужно побывать въ моемъ положеніи, чтобы почувствовать, какъ намекъ на лучшее кажется уже хорошимъ; нужно имѣть для питья только воду, въ которой валялись трупы, чтобы чувствовать удовольствіе отъ стакана чистой воды; нужно испытать голодь, чтобы оцѣнить кусокъ хлѣба. Жизнь даетъ иной разъ наслаженія, о которыхъ не снилось счастливымъ людямъ.

Я рассказала слугамъ, какъ бросилъ меня товарищъ ихъ барина. Они возмутились, но возмущеніе ихъ еще усилилось, когда они узнали, что тотъ увезъ хлѣбъ, на часть котораго они рассчитывали; они знали, что я дѣлила съ ними все, что имѣла. Казаки были недалеко, и мы рѣшили запрячь въ коляску верховыхъ лошадей.

Только что собирались мы это сдѣлать, какъ вернулся слуга съ лошадьми. Мы дали имъ отдохнуть и двинулись въ путь.

Весь слѣдующій день мы были окружены казаками и дѣлали столько объѣздовъ, избѣгая встрѣчи съ ними, что подвинулись впередъ на какую-нибудь версту. Испытанныя нами задержки отбросили насъ къ арьергарду арміи, и мы очутились, какъ я потомъ узнала, въ толпѣ отсталыхъ. Это были солдаты всѣхъ націй, не принадлежавшіе ни къ какой части или бросившіе ее, одни потому, что ихъ полки были почти поголовно истреблены, другіе потому, что не хотѣли больше драться. Они побросали ружья и шли, куда глаза глядѣли; ихъ было такъ много, что они затрудняли движеніе въ тѣсныхъ и опасныхъ мѣстахъ.

Полковникъ, съ оторванной рукой, попросилъ мѣста въ моемъ экипажѣ. Я поспѣшила дать согласіе, но предупредила, что лошади совсѣмъ измучены, что я скоро принуждена буду ихъ бросить. Не прошло получаса, какъ всѣ остановились. Офицеръ шепнулъ что-то на ухо полковнику, и онъ вышелъ изъ экипажа; я сдѣлала тоже и подошла къ дамѣ, сидѣвшей въ берлинкѣ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ знакомства завязываются быстро: ничто такъ не сближаетъ людей,

какъ несчастіе. „Мнѣ кажется, сказала я, что казаки очень близко, потому что офицеръ что-то тихо сказалъ полковнику, ѣхавшему со мною, и тотъ, пробормотавъ извиненіе, сѣлъ на лошадь, хотя едва имѣлъ силы на ней держаться“. Въ ту же минуту слуги доложили намъ, что впереди оврагъ, который невозможно переѣхать въ экипажѣ, казаки по близости, надо садиться верхомъ и спасаться. Мы пытались придать имъ храбрости. „Попробуемъ, по крайней мѣрѣ, сказала я имъ; если онъ сломается, всегда будетъ время его бросить“. „Пойдите, посмотрите сами, что проѣхать невозможно“, отвѣчали они. Мы пошли и убѣдились, что они правы. Правда, рядомъ была большая дорога, но по ней ежеминутно летали ядра. Мы рѣшились на крайнюю мѣру: поѣхали верхомъ цѣбною по полю, покрытому снѣгомъ. Бѣдныя лошади вязли по животъ и совсѣмъ выбивались изъ силъ, потому что цѣлый день не ѣли. И вотъ я въ полночь, верхомъ, имѣя только то, что на мнѣ, не зная дороги и умирая отъ голода. Въ два часа ночи нагнали мы колонну, которая тащила части пушки. Это была Суббота, 14-го.

Я спросила офицера, командира колонны, далеко ли до главной квартиры. „Будьте покойны, отвѣчалъ онъ мрачно, мы ся не догонимъ, потому что если насъ не захватятъ этою ночью, мы попадемся завтра; избѣжать этого невозможно“. Не имѣя понятія, куда идти, онъ остановилъ свою часть. Солдаты хотѣли развести огонь, чтобы согрѣться; онъ запретилъ, говоря, что огни откроютъ ихъ непріятелю. Я сошла съ лошади и сѣла на кучу соломы, положенную на снѣгъ. Тутъ нашла на меня минута отчаянія.

Кучеръ подѣхалъ съ каретою, и мы медленно двигались всю ночь при заревѣ горѣвшихъ деревень и громѣ пушекъ. Изъ рядовъ выходили несчастные раненые; одни, изнуренные голодомъ, просили ѣсть; другіе, умиравшіе отъ холода, просили взять ихъ въ карету и умоляли о помощи, которую мы не могли оказать: ихъ было такъ много! Слѣдовавшіе за арміей просили взять дѣтей, которыхъ они не въ силахъ были нести дальше; это была сцена отчаянія: приходилось страдать за себя и за другихъ.

Когда показалось Красное, кучеръ заявилъ, что лошади не въ состояніи идти дальше. Я сошла въ надеждѣ найти главную квартиру въ городѣ. Разсвѣтало. Я пошла велѣдъ за солдатами и подошла къ необычайно крутому спуску: это была какъ бы ледяная гора, по которой солдаты скатывались на колѣняхъ. Не желая имъ подражать, я сдѣлала обходъ и благополучно сошла внизъ. Я спросила у офицера,

гдѣ главная квартира. „Думаю, что еще здѣсь, но не долго останется, такъ какъ городъ начинаетъ горѣть“.

Пожаръ распространялся очень быстро, благодаря тому, что городъ весь состоялъ изъ деревянныхъ построекъ, а улицы были необычайно узки. Я бросилась бѣжать, горящія бревна грозили упасть на меня. Одинъ жандармъ любезно вызвался сопровождать меня и поддерживалъ до выхода изъ города, такъ какъ толпа была настолько плотна, что насъ толкали во все стороны... Онъ спросилъ, зачѣмъ я захогѣла пройти городомъ. „Чтобы найти офицеровъ изъ квартиры императора“. — „Императоръ давно уже проѣхалъ, вы не можете его догнать“. — „Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только умереть, у меня нѣтъ силъ идти дальше“.

Я чувствовала, какъ холодъ проникалъ въ мою кровь. Говорятъ, что замерзаніе очень пріятная смерть; я охотно этому вѣрю. Я слышала, какъ мнѣ говорили: „Не оставайтесь здѣсь... встаньте...“; меня трясли за руку, и это безпокойство было мнѣ непріятно. Я испытывала сладкую истоми, какъ чловѣкъ, мирно засыпающій. Наконецъ я перестала что-либо слышать и лишилась чувствъ. Когда я пришла въ себя, то оказалась въ крестьянской избѣ. Меня закутали въ шубу и кто-то держалъ руку, щупая пульсъ: это былъ баронъ Деженеттъ. Я была окружена народомъ и, казалось, проснулась отъ глубокаго сна, но не могла сдѣлать ни одного движенія: такъ велика была слабость. Генераль Бурманъ, котораго я тогда еще не знала, наблюдалъ за мной съ участіемъ. Старый маршалъ Лефевръ подошелъ и сказалъ: „Ну, какъ дѣла? Издалека вы возвращаетесь!“

Я узнала, что меня подобрали на снѣгу, сначала хотѣли положить къ сильному огню, но баронъ Деженеттъ воскликнулъ: „Берегитесь, вы этимъ уморите ее; заверните ее во все имѣющіяся шубы и положите въ нетопленную избу“. Тамъ я лежала довольно долго. Когда я начала понемногу согрѣваться, маршалъ принесъ мнѣ большую кружку крѣпкаго кофею. Это оживило меня, и кровь потекла по жиламъ. „Сохраните эту кружку, сказалъ маршалъ: она станетъ исторической въ вашей жизни... если вы къ ней вернетесь“, прибавилъ онъ тихо.

Черезъ нѣсколько часовъ я отправилась въ каретѣ маршала. Вечеромъ мы остановились переночевать въ брошенной деревнѣ. Мы находились близъ Березины. Рано утромъ, на слѣдующій день, былъ отданъ приказъ ѣхать дальше, но отъѣздъ былъ такъ поспѣшенъ, что произвелъ большой безпорядокъ. Утро едва брежжило. Силы вернулись ко мнѣ, потому что я поѣла. Я сѣла въ коляску, передъ которой

ѣхаль отрядъ гвардіи. Императоръ стояль у вѣзда на мостъ и торопиль переѣздъ. Я могла внимательно разсмотрѣть его, такъ какъ мы подвигались медленно; онъ казался мнѣ такимъ же спокойнымъ, какъ на смотру въ Тюльери. Мостъ былъ очень узокъ, и наша коляска почти задѣвала императора. „Не бойтесь, сказалъ Наполеонъ, впередъ, впередъ, не бойтесь!“ Эти слова, относившіяся исключительно ко мнѣ, такъ какъ другихъ женщинъ не было, навели меня на мысль, что опасность близка.

Король Неаполитанскій держаль въ поводу лошадь и другой рукой облокачивался на дверцу моей коляски. Онъ сказалъ что-то ободряющее, глядя на меня. Костюмъ его показался мнѣ очень страннымъ въ подобную минуту и при морозѣ въ двадцать градусовъ. Открытый воротъ, бархатный плащъ, небрежно наброшенный на плечо, завитые волосы, черная бархатная шапочка съ бѣлымъ перомъ,—все придавало ему видъ героя изъ мелодрамы. Я никогда не видала его такъ близко и не могла наглядѣться. Когда онъ очутился позади, я обернулась. Онъ замѣтилъ и граціозно привѣтствовалъ меня рукою. Онъ былъ тщеславенъ и любилъ, чтобы женщины восхищались имъ.

Нѣсколько офицеровъ также держали въ поводу лошадей, потому что по мосту нельзя было ѣхать верхомъ: онъ былъ такъ легокъ, что дрожаль подъ колесами экипажа. Отъ смягчившагося холода ледъ ослабъ, что дѣлало рѣку болѣе опасною. Когда доѣхали до деревни, остановились, какъ приказаль императоръ, и все офицеры вернулись къ Березинѣ. Я взяла подъ руку генерала Лечебра (сына маршала) и пошла посмотрѣть, что тамъ происходитъ. Когда мостъ рухнулъ, мы услышали крикъ, одинъ только крикъ всего множества народа, и этотъ крикъ былъ неописуемъ! До сихъ поръ звучитъ онъ у меня въ ушахъ, когда я вспоминаю эту минуту. Все несчастные, оставшіеся на томъ берегу, падали, убитые картечью. Только тогда поняли мы, какъ велико было бѣдствіе. Ледъ былъ недостаточно крѣпокъ, онъ ломался, и мушкетеры, женщины, лошади и экипажи исчезали подъ нимъ. Военные, съ саблями на голо, рубили всехъ, кто препятствовалъ ихъ спасенію, потому что при смертельной опасности не признаются законы человеческіе: жертвуютъ всемъ для собственнаго спасенія. Мы видѣли прекрасную женщину съ ребенкомъ на рукахъ, зажатую льдомъ, какъ тискама: ей протянули ложе ружья и саблю, чтобы она могла держаться за нихъ, но отъ этого самаго движенія ледъ разошелся, и она исчезла. Я отошла, рыдая. Генераль Лечебръ, не очень малодушный, былъ блѣденъ, какъ смерть и повторялъ: „Какое ужасное несчастіе! Несчастные подъ непріятельскимъ огнемъ“.

Однако, нѣкоторымъ удалось по льду перейти рѣку; нагнавъ насть въ Вильнѣ, они передавали намъ сцены, заставлявшія содрогаться.

Какая удивительная и необъяснимая вещь судьба! Если бы меня не бросили, считая замерзшею въ снѣгу, меня не подобралъ бы маршалъ Лефѣбрь*), и я, какъ большинство бѣглецовъ изъ Москвы, погибла бы въ Березинѣ. По возвращеніи моемъ во Францію, когда меня представляли или рекомендовали кому нибудь изъ властелиновъ, то говорили: „Она переправлялась черезъ Березину“.

Я продолжала свое путешествіе въ экипажѣ маршала до Вильны. Съ этого времени я находилась внѣ опасности, но очень страдала. Я была окружена людьми, совсѣмъ мнѣ незнакомыми. Когда я ѣхала подъ охраною ординарцевъ, жизнь моя болѣе двадцати разъ подвергалась опасности; но такъ какъ это были молодые люди благороднаго происхожденія и хорошо воспитанные, ихъ человѣчное отношеніе вознаграждало меня отчасти за тѣ страданія, которыя я ежедневно испытывала. Я имъ рассказывала довольно смѣшно свои злоключенія, и мое умѣнье заставляло ихъ подражать мнѣ. Мы говорили о времени, когда увидимъ свои семьи и найдемъ пищу, такъ какъ это было главное: я питалась шоколадомъ и сахаромъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца.

Въ Вильну мы пріѣхали 9 Декабря часовъ въ одиннадцать вечера. Ворота города были такъ запружены толпою, воображавшею, что она достигла обѣтованной земли, что мы едва протискались черезъ нее. Тутъ и погибли почти всѣ Французы изъ Москвы, потому что, изнеможенные холодомъ и голодомъ, они не могли проникнуть въ городъ. Избѣгнувшіе смерти такъ измѣнились и постарѣли, что шесть недѣль спустя, я едва могла узнавать ихъ. Мы помѣстились у графини Косаковской, гдѣ останавливался въ первый свой проѣздъ герцогъ Данцигскій; домъ былъ въ полномъ безпорядкѣ. Графъ Косаковскій состоялъ на службѣ у Наполеона и готовился уѣхать изъ Вильны; мы не могли найти ни одного слуги, чтобы дать намъ поѣсть и развести огонь. Было 20 градусовъ мороза, и мы провели ужасную ночь.

Я видѣла по безпокойству, написанному на лицахъ, что въ городѣ не долго останутся. Сынъ герцога Данцигскаго былъ раненъ и не въ состояніи ѣхать дальше; несчастный отецъ долженъ былъ ежеминутно покидать его, чтобы отдавать распоряженія. Онъ вернулся вечеромъ сказать намъ, что рѣшено выступать и что написалъ письмо

*) Герцогъ Данцигскій Лефѣбрь († 1820). Въ театральномъ Французскомъ мірѣ получила большую извѣстность, подъ именемъ Sans-gêne, жена его, нѣкогда деревенская прачка. П. Б.

Русскому генералу, командовавшему авангардомъ, сообщая, что, вынужденный оставить въ городѣ раненаго сына, онъ поручаетъ его честности великодушнаго непріятеля. Слезы были у него въ глазахъ. „Маршаль, сказала я, останусь я при вашемъ сынѣ и буду ходить за нимъ, какъ мать“. Онъ горячо поблагодарилъ меня и принялъ предложеніе. Я предчувствовала опасности, которымъ мы подвергались, но хотѣла принести ему эту жертву. Его адъютантъ, полковникъ Виріо (тотъ самый, что спасъ полкъ, оставшійся въ Вильнѣ) и его домоправитель остались также. Онъ далъ имъ денегъ, кредитивы и уѣхалъ, унося въ сердцѣ смерть; казалось, онъ предчувствовалъ, что не увидитъ больше сына.

Ночь провели мы безъ сна, а на слѣдующій день, въ одиннадцать часовъ утра, вступили Русскія войска. Мы еще не получали отвѣта на письмо маршала и были въ безпокойствѣ. Однако, въ часъ дня, адъютантъ Русскаго генерала пришелъ сказать намъ, что письмо получено и что генераль окажетъ должное вниманіе несчастному сыну храбраго воина, котораго онъ очень уважаетъ; онъ прибавилъ, что намъ дадутъ охрану.

Черезъ полчаса къ намъ пришло нѣсколько казаковъ. Имѣли неосторожность впустить ихъ въ комнату, гдѣ лежалъ молодой графъ; адъютантъ, желая заинтересовать ихъ въ нашей безопасности, далъ имъ нѣсколько монетъ. Какъ только казаки замѣтили на каминѣ свертки съ золотомъ и на столѣ серебряныя вещи, они тотчасъ же схватили ихъ, и я видѣла по ихъ алчнымъ лицамъ, что намъ отъ нихъ не поздоровится. Я сѣла къ постели молодого графа и подъ видомъ того, что укрываю его и поправляю подушки, выбросила за окно часы, шубу и нѣсколько другихъ вещей. Они погрозили копьями двумъ лицамъ, жившимъ противъ насъ, потомъ подошли къ постелѣ больнаго и, грозя ему, сказали: „денегъ“. Я сняла съ шеи маленькій образокъ Кіевской Божіей Матери, который дала мнѣ въ Россіи Кутузова, какъ предохраненіе отъ несчастій. Онъ произвелъ благопріятное для насъ дѣйствіе. Я положила его на больнаго и сказала: „Какъ смѣете вы безпокоить умирающаго? Богъ накажетъ васъ“. Русскіе очень чтятъ образа, особенно Кіевской Божіей Матери. Мое присутствіе духа спасло насъ; но волненіе, пережитое молодымъ человекомъ, сдѣлало его положеніе безнадежнымъ.

Около четырехъ часовъ прибылъ генераль Чичаговъ, и ему рассказали, что случилось. Онъ оставилъ при насъ 18 человекъ, за которыхъ ручался, и мы немного успокоились; однако то, что мы слышали отъ прислуги дома, заставляло насъ трепетать за другихъ. Без-

пріютные страдальцы скитались по улицамъ, отталкиваемые жителями, которые боялись, что, разъ они дадутъ имъ пріютъ, ихъ дома начнутъ грабить; у нихъ отнимали все, и они умирали отъ холода. Улицы были полны трупами. Такъ продолжалось до пріѣзда Кутузова, но и ему не вполне удалось водворить порядокъ.

Мы помѣщались рядомъ съ монастыремъ Бенедиктинцевъ и ночью слышали стоны несчастныхъ. Я подождала, когда уйдутъ солдаты и, вся дрожа, пошла посмотрѣть, не осталось ли въ комъ нибудь искры жизни. Увы, я обманулась въ своихъ надеждахъ, а когда пришла назадъ, меня пожурили за неосторожность выходить одной, чѣмъ я могла привлечь по своимъ слѣдамъ солдатъ.

Болѣзнь молодого герцога съ каждымъ днемъ ухудшалась. Докторомъ у него былъ Полякъ, и генераль Деженеттъ, оставшійся плѣнникомъ въ Вильнѣ, приходилъ навѣщать его ежедневно. Съ первой же минуты докторъ сказалъ намъ, что состояніе больного безнадежно, и ему можно давать все, что онъ попроситъ. Онъ услыхалъ только послѣднюю фразу и не давалъ мнѣ покоя, покуда я не приносила ему чего онъ хотѣлъ. Трудно было что нибудь достать, потому что Французскіе слуги не могли выходить, не подвергаясь опасности, а Жиды, служившіе комиссіонерами въ городѣ, возвращались съ пустыми руками, говоря, что у нихъ все отняли. Итакъ, опять таки я шла отыскивать, что было предписано врачами. Я проходила мимо солдатъ и лошадей, привязанныхъ среди улицы, говорила ласково казакамъ: „пожалуйста, посторони лошадей“, и они сторонились. Я привыкла ходить такимъ образомъ по городу за покупками всего необходимаго и могла наблюдать вблизи картину бѣдствія.

Наконецъ, 19 Декабря 1812 года, въ три часа утра, Лефёбръ скончался. Онъ сохранялъ сознаніе до послѣдней минуты. За нѣсколько часовъ до смерти, когда всѣ кругомъ спали, онъ подозвалъ меня и сказалъ тихимъ голосомъ: „Я не переживу этой ночи“. Я всѣми силами старалась разубѣдить его и говорила все, что говорится въ подобныхъ случаяхъ. „Такъ какъ вы, вѣроятно, скоро будете во Франціи, сказалъ онъ (женщинъ не будутъ задерживать), отрѣжьте теперь же прядь моихъ волосъ (потомъ вы будете меня бояться). Скажите моимъ родителямъ, что имъ я поручаю васъ. Если бы я былъ въ силахъ, я написалъ бы матери. Вы потеряли все, она богата и не забудетъ вашего самоотверженія“. Потомъ онъ говорилъ мнѣ много трогательныхъ словъ, глубоко меня волновавшихъ.

Его похоронили должнымъ образомъ и, по обычаю страны, одѣли въ полную форму. Когда я вошла въ комнату, гдѣ онъ лежалъ, я

была поражена. Въ первый разъ, какъ я увидала его въ домѣ, занимаемомъ его отцомъ, была полночь, и онъ спалъ на лавкѣ въ той же формѣ и въ такомъ же положеніи. Такое совпаденіе обстановки, такой быстрый переходъ отъ жизни къ смерти заставилъ меня залиться слезами.

Исполнивъ всѣ печальныя обязанности, я стала, наконецъ, думать о себѣ. Я была безъ денегъ и безъ возможности какъ нибудь заработать ихъ. Мнѣ совѣтовали обратиться къ императору Александру, потому что, находившись на службѣ императорскаго театра въ теченіи шести лѣтъ, я имѣла нѣкоторое право на его покровительство. Если бы у меня достало смѣлости попросить аудіенціи, какъ это сдѣлали нѣкоторые изъ нашихъ, онъ, вѣроятно, помогъ бы мнѣ, потому что старался облегчать участь несчастныхъ.

Съ прибытіемъ императора Александра въ Вильну пытались устроить въ честь его праздникъ. „Нѣтъ, сказала онъ, употребите эти деньги на несчастныхъ, которые безъ хлѣба и безъ крова. Кто можетъ веселиться, когда столько страданій? Это значило бы оскорблять несчастіе“.

Кутузовъ покровительствовалъ мнѣ во время моего пребыванія въ Вильнѣ. Я была такъ хорошо принята въ Петербургѣ въ его семьѣ, что это дало лишній поводъ его благожелательству. Не будучи въ состояніи и не желая оставаться въ домѣ, гдѣ умеръ Лефёбрь, я помѣстилась у одной вдовы, которая дала пріютъ многимъ Французамъ, мушкетерамъ и женщинамъ, бывшимъ въ очень жалкомъ положеніи. Здоровье мое не пострадало отъ столькихъ невзгодъ, и я помогала болѣе меня несчастнымъ и заболѣвшимъ. Одинъ офицеръ, свидѣтель моихъ заботъ о другихъ, упомянулъ мнѣ о ребенкѣ, котораго еще считали живымъ, когда остальные уже померли отъ усталости и голода.

Разсказъ его былъ трогателенъ. „О, сударь, вскричала я, бѣжимъ за нимъ“. Мы скоро очутились у городскихъ воротъ. Не могу представить себѣ безъ содроганія представившуюся картину. Я завернула ребенка въ свой салопъ и бросилась бѣжать такъ быстро, что спутникъ едва поспѣвалъ за мною.

У меня было мало надежды вернуть маленькое созданье къ жизни, однако мнѣ удалось согрѣть его, благодаря стараніямъ доктора. Ребенокъ только застылъ отъ холода. Съ большими предосторожностями покормили его, потому что онъ, по всей вѣроятности, долго голодалъ. Приходилось понемногу пріучать его желудокъ къ пищѣ. Все застав-

ляло думать, что родители его были Французы, жившіе въ Москвѣ, потому что изъ женщинъ, послѣдовавшихъ добровольно изъ Франціи за мужьями и спасшихся потомъ, ни одна, думается мнѣ, не могла бросить ребенка *).

„Почему не возьмете вы его себѣ? сказалъ офицеръ: вы такъ добры“.— „Почему же и не взять, отвѣчала я, но у меня ничего не осталось. Чтò могу я дать ему?“ — „То, чтò вы даете всеѣмъ этимъ несчастнымъ—попеченіе“.— „Оно не даетъ средствъ къ существованію“.— „Оно его облегчаетъ; сложившись, мы дадимъ ему то малое, чтò имѣемъ: это будетъ лепта вдовицы“.

Глаза мои наполнились слезами при видѣ этой хорошенькой маленькой товарки по несчастію, къ которой я уже чувствовала живѣйшій интересъ. Одна ножка была отморожена. Такъ какъ я уже нѣсколькихъ вылѣчила простымъ средствомъ (сокомъ картофеля) то и тутъ примѣнила его, чтò имѣло успѣхъ.

На слѣдующій день я отправилась къ Кутузову. Меня принялъ зять его, князь Кудашевъ. „Знаете, чтò со мною случилось? Знакомы вы съ маленькой пьесою „Банкротство Саветье“, игранный Брюнномъ? Бѣднякъ жалуется, что ему нечѣмъ кормить своего ребенка и находитъ у двери еще двухъ. Въ такомъ, приблизительно, положеніи нахожусь и я: у меня ничего нѣтъ, и мнѣ достался ребенокъ“.— „Какъ ребенокъ?“— „Увы, хорошенькое маленькое созданье, упавшее на снѣгъ, какъ птенчикъ изъ гнѣзда“.

Онъ принялся смѣяться. „Надо это рассказать Кутузову“.— „Да, это забавно; но сдѣлайте одолженіе, скажите, чтò же станется съ нею и со мною?“— „Я поговорю съ тестемъ. приносите вашего птенчика“.

*) Памятная Москвѣ своей дѣятельностью въ женскомъ своемъ учебномъ заведеніи (нынѣ 7-жи Констанъ) Маргарита Борисовна Дюмушель была также при переправѣ черезъ Березину. Отецъ ея Алляръ-де-Мезоннѣвъ имѣлъ въ Москвѣ большой книжный магазинъ на Кузнецкомъ мосту (гдѣ въ наши дни былъ магазинъ Дейбнера), но съ другими Французами былъ высланъ изъ Москвы, а супруга его съ маленькою дочкою послѣдовала за главною арміею по выходѣ ея изъ Москвы. Маргаритѣ Борисовнѣ, на рукахъ у матери, кто-то изъ офицеровъ подалъ чего-то поѣсть. Это увидалъ Наполеонъ, завтракавшій, сидя на барабанѣ; онъ съ гнѣвомъ велѣлъ отогнать прочь несчастную мать съ дочерью. Кое-какъ допелелись онѣ до Вильны. Мать успѣла добраться въ помѣщеніе Кутузова, который принадлежалъ къ одной и той же ложѣ съ Алляромъ. Мать показала масонскій знакъ, и Кутузовъ не только принялъ ее ласково, но снабдилъ деньгами и далъ ей повозку доѣхать до Петербурга, гдѣ удалось ей, у банкира Ливіо, увидать императора Александра, которому крошка-дочка подала бумагу съ просьбою о приказаніи отпустить ея отца изъ Муромъ въ Москву (слышано отъ самой Маргариты Борисовны Дюмушель). П. В.

Я вернулась въ тотъ же день. Свою дѣвочку я принарядила, чтобы представить Кутузову. Ожидая его выхода, я заглянула въ открытую книгу. Это были стихотворенія Клотильды. Я прочла:

Несчастный ребеночекъ,
Я увѣрена,
Что Богъ посылаетъ мени
Стать твоею защитою.

„Взгляните, ваше сіятельство, сказала я входящему Кутузову, не есть ли это предсказаніе?“ — „Дѣйствительно, отвѣчалъ онъ, странное совпаденіе; ну хорошо, я буду ей защитою и крестнымъ отцомъ“. Онъ назвалъ ее Надеждою, далъ пятьсотъ рублей, а зять его триста. „Тратьте ихъ на ея нужды“, сказалъ онъ мнѣ.

Радостно поспѣшила я сообщить о такомъ благополучіи своимъ товарищамъ.

Я не знала, что мнѣ дѣлать съ ребенкомъ, когда придется уѣзжать, потому что при моемъ неопредѣленномъ положеніи и въ суровую зиму было немислимо везти его съ собою, бросить же я не могла и не хотѣла. И въ этомъ случаѣ вывелъ меня изъ затрудненія Кудашевъ. Онъ зналъ одну Нѣмку, которой раньше оказалъ услугу и теперь выхлопоталъ паспортъ для возвращенія на родину. У меня была родственница въ Люксембургѣ. Князь увѣрилъ меня, что Нѣмка возьметъ доставить дѣвочку вмѣстѣ съ письмомъ, гдѣ я попрошу родственницу заботиться о ней до моего возвращенія. „Мы заплатимъ за ея проѣздъ, сказалъ онъ, и я ручаюсь за нее“. Дѣйствительно, она вполне добросовѣстно исполнила порученіе.

*

Переведено съ Парижскаго (1841), нынѣ рѣдкаго, изданія.

Умъ, настойчивость, любезность и врожденное Французамъ лицедѣйство спасли добрую Луизу Фюзиль отъ бѣдствій, и она снова появилась на театральныхъ подмосткахъ, куда возвела и свою воспитанницу, сироту-Надежду.

Не такова была судьба другой умной Француженки, которая въ теченіи многихъ лѣтъ держала въ Москвѣ въ огромномъ домѣ (нынѣ Обидина, въ Глинцевскомъ переулкѣ), магазинъ со всевозможными товарами. Это мадамъ Оберъ-Шальмѣ (рекома я Оберъ-Шельма). Она устроила для Наполеона кухню въ Архангельскомъ соборѣ. У одного изъ ея внуковъ (дѣйствительнаго статскаго совѣтника) осведомлялись мы, кака я участь постигла его бабушку. Ah, notre pauvre mère! Elle a suivi la grand' armée et elle y a été cosaquée (Она послѣдовала за главной арміей, и тамъ казаки доканали ее). П. Б.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ О ПУШКИНѢ.

„19 Октября 1827 года“.

Какъ извѣстно, Пушкинъ участвовалъ въ собраніяхъ, устраивавшихся воспитанниками перваго выпуска Царскосельскаго Лицея въ день основанія *almae matris*, 19 Октября. Этому дню онъ посвятилъ нѣсколько стихотвореній (1825, 1827, 1828, 1831 и 1836 г.г.). До насъ дошли нѣсколько протоколовъ этихъ праздниковъ друзей-„скотобратцевъ“. „Отъ 1827 г.“, писалъ недавно К. Я. Гротъ въ своей статьѣ „Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ“¹⁾ не сохранилось ни протокола, ни стиховъ²⁾. Не знаемъ, собирались ли и гдѣ лицейскіе первокурсники въ этомъ году. Пушкинъ проводилъ этотъ день въ Михайловскомъ, и оттуда раздался его задушевный привѣтъ: „Богъ помочь вамъ, друзья мои“... и т. д.³⁾

Это невѣрно. Пушкинъ, прожившій въ Михайловскомъ отъ конца Іюля до первой трети Октября, 19 Октября былъ уже не въ Михайловскомъ. Какъ видно по сохранившемуся отрывку изъ Записокъ его, 14 Октября онъ былъ въ Боровичахъ, и въ тотъ же день на слѣдующей станціи, Залазы, произошла трогательная встрѣча его съ забраннымъ въ Варшавѣ Кюхельбекеромъ, о которой онъ записалъ на другой день, 15 Октября, въ Лугѣ. Сопровождавшіе Кюхельбекера и другихъ арестованныхъ жандармы едва дали друзьямъ поздороваться и растащили ихъ; Пушкинъ же поѣхалъ „въ свою сторону“, и „на слѣдующей станціи“, т. е. конечно, той, черезъ которую уже проѣхали арестованные, „узналъ, что ихъ везутъ изъ Шлиссельбурга“.

Куда же ѣхалъ Пушкинъ? Бывшій съ арестованными фельдъегерь Подгорный 28 Октября подаль дежурному генералу главнаго штаба г.-ад. Потапову донесеніе объ этой неожиданной встрѣчѣ: „Отправленъ я былъ сего мѣсяца 12 числа въ г. Динабургъ съ государственными преступниками, и на пути, приѣхавъ на станцію Залазы, вдругъ бросился къ преступнику Кюхельбекеру *главнѣйшій* изъ Новоржева въ *С.-Петербуръ* нѣкто г. Пушкинъ“... Между фельдъ-

¹⁾ П. А. Плетневъ говорилъ мнѣ, что за этотъ привѣтъ досталось Пушкину отъ графа Бенкендорфа, именно за стихъ: „И въ мрачныхъ пропастьхъ земли.“ П. Б.

²⁾ „Новое Время“ 1909 г., № 12071.

³⁾ Ср. Я. К. Гротъ, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, изд. 2-ое. стр. 81.

егеремъ и Пушкинымъ, который хотѣлъ дать Кюхельбекеру денегъ, произошли пререканія, и Пушкинъ будто бы грозилъ: „по прибытіи въ Петербургъ въ ту же минуту доложу его императорскому величеству“¹⁾.

Такимъ образомъ ясно, что Пушкинъ, ѣхавшій въ Петербургъ и бывшій 14 Октября въ Боровичахъ, а 15-го въ Лугѣ, былъ въ день Лицея, 19-го Октября несомнѣнно, уже въ Петербургѣ.

Лицейскихъ праздниковъ Пушкинъ не пропускалъ, когда бывалъ въ Петербургѣ. Несмотря на то, что не сохранился протоколъ сходки 1827 г., у насъ есть основаніе думать, что обычная сходка состоялась и въ 1827 году. Декабристъ И. И. Пущинъ въ Сибири не терялъ изъ виду лицейскихъ товарищей и получалъ свѣдѣнія о нихъ отъ родныхъ и отъ бывшего директора лицея Е. А. Энгельгардта. Особенно занимала его судьба Пушкина. „Бывшій нашъ директоръ“—разсказываетъ Пущинъ²⁾—„прислалъ мнѣ его стихи „19 Октября 1827 г.“... И въ эту годовщину, въ кругу товарищей-друзей, Пушкинъ вспомнилъ меня и Вильгельма, заживо погребенныхъ, которыхъ они не досчитывали на лицейской сходки“. Слова Пущина даютъ основаніе предположенію, что 19 Октября 1827 г. собраніе лицействоваго перваго выпуска состоялось и что Пушкинъ на немъ присутствовалъ и читалъ свои стихи³⁾.

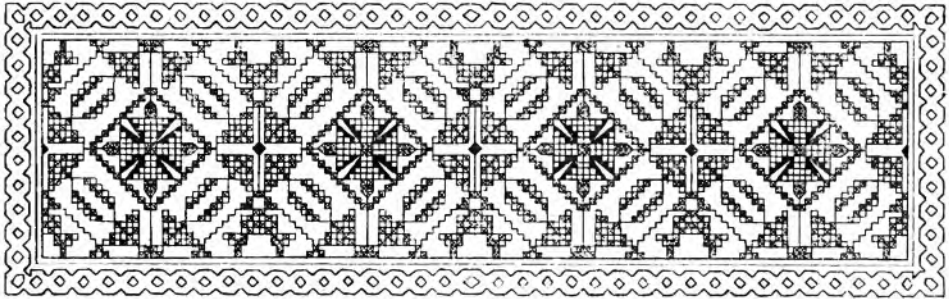
Н. Лернеръ.

¹⁾ „Стихотворенія Пушкина, не вошедшія въ последнее собраніе его сочиненій“, изд. Русскаго (Н. В. Гербеля), Берлинъ, 1861 г., стр. 192—193.

²⁾ Записки, СПб., 1907, стр. 66—67.

³⁾ Не лишнее замѣтить, что на собраніи 1828 г., протоколъ котораго велъ Пушкинъ, пѣлись „куплеты прошедшихъ шести годовъ“.

КЪ ЗАПИСКАМЪ И. Д. ПОПКИ.

Въ интересныхъ Запискахъ генерала Попки (Русскій Архивъ, 1909 г., № 12, стр. 443—446) излагается легенда о происхожденіи общепринятаго на Кавказѣ привѣтствія при питьѣ вина: „Алла-верды“ и „якши-оль“ (а не якишь-оль, какъ напечатано на стр. 443 и 448; кстати, не азаршета, стр. 446, а азаршеша, не ихиртма, стр. 448, а чихиртма). По этому поводу воспоминается статья Попки, писавшаго въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія подъ псевдонимомъ „Есаулъ“, „Вечеръ на зимнихъ квартирахъ“, помѣщенная въ „Военномъ Сборникѣ: 1861 года, № 2, стр. 389—422. Въ этой статьѣ (въ которой встрѣчаются подлинныя выраженія нынѣ печатающихся Записокъ Попки) легенда эта представлена въ иномъ нѣсколько видѣ, болѣе романическомъ и, можетъ быть, болѣе вѣрномъ. Какъ матеріалъ для народной словесности Кавказа, извлекаемъ изъ статьи „Есаула“ остовъ легенды.

Во время Кахетинскихъ царей, жившихъ въ Телавѣ, страшное землетрясеніе разрушило монастырь св. Георгія, въ 20 верстахъ отъ города, основанный въ V вѣкѣ. Оно знаменовало собою рожденіе шаха Аббаса, будущей грозы Грузіи. Въ разрушенномъ монастырѣ остался лишь отрокъ *Додо*, учившійся въ немъ и теперь не захотѣвшій покинуть колыбель своего воспитанія. Прошло много лѣтъ, грозный урокъ вышелъ изъ общественной памяти, разладъ и междоусобія усилились; старецъ уже, Додо по временамъ выходилъ изъ своего уединенія въ Телавъ и говорилъ людямъ правдивое слово; но его изгоняли. Между тѣмъ шахъ Аббасъ вторгнулся въ Грузію, завладѣлъ всей Кахетіей и большей частью Карталиніи. Къ нему явился посланный Грузинскаго царя, Карталинскій тавадъ (дворянинъ), высокій и стройный, какъ тополь на берегу Куры. Онъ повергъ къ ногамъ шаха корзину съ свѣжими плодами. Шахъ похвалилъ плоды, съѣлъ самое большое яблоко, вышлюнулъ сѣмена его на ладонь и приказалъ подать коньѣ; боднулъ онъ гибкимъ коньемъ въ землю, бросилъ сѣмена въ яму, заровнялъ ее каблукомъ и сказалъ посланному: „Кланяйся царю и доложи, что пока изъ этихъ сѣмянъ не вырастетъ садъ и я не

вкушу плодовъ отъ него, до тѣхъ поръ не выйду изъ вашей земли“. Выѣхавъ изъ лагеря Персовъ, гдѣ онъ вытерпѣлъ много униженій, посольство царя въ душѣ рѣшилъ освободить родину хотя бы цѣною жертвы своей жены Хорошаны. Писла звали Шію, и домъ его стоялъ на самой границѣ между Кахетіей и Карталиніей; самъ онъ былъ Карталинецъ, а жена его—Кахетинка; и еще не кончился тогда медовый мѣсяць ихъ свадьбы.

Овладевъ лучшими областями Грузіи, царь Аббасъ отдалъ между прочимъ два приказа: выбирать красивѣйшихъ жителей обою пола и отправлять въ Персію на улучшеніе ея народа, и съ каждой новой луной набирать 50 красавицъ и приводить ихъ въ Персидскій лагерь. Шахъ самъ раздавалъ ихъ своимъ воеводамъ, отличившимся въ военныхъ дѣлахъ. А былъ у него одинъ ханъ, по имени Алла-верды, который не дожидаясь подачи отъ шаха и самъ грабилъ дань въ томъ же родѣ. Это былъ сильный ханъ, богатый собою, предводитель Татарской конницы, которая составляла лучшее войско шаха. Къ нему-то Шію рѣшился направить свою жену, чтобы спасти родину. Въ это время царь Грузинскій съ остаткомъ разбитаго войска стоялъ около Мцхета, на крѣпкой позиціи, образованной слияніемъ Куры и Арагвы. Подъ вліяніемъ проповѣди духовенства, возвысившаго голосъ на спасеніе отечества, забыть раздоры, народъ взялся за оружіе, и войско царя все росло. Просили помощи и отъ единокровной Имеретіи, просили ее и отъ единовѣрной Москвы. Шію, возвращаясь отъ шаха, прямо поѣхалъ домой и предложилъ женѣ спасти отечество, отдавъ любовь хану Алла-верды и склонивъ его за то отпасть отъ шаха, главную силу котораго онъ составлялъ съ своею конницею. Долго боролась Хорошана, наконецъ согласилась на великую жертву.

Самъ Шію, одѣтый въ лохмотья простолюдина, привелъ Хорошану къ шатру хана. Побѣжденный ея красотою, ханъ цѣною ея любви поклялся измѣнить шаху. Но когда онъ, счастливый ея согласіемъ, наслаждался любовью въ лагерѣ, прискакалъ гонецъ отъ шаха съ извѣстіемъ, что къ Грузинамъ пришли стрѣльцы съ Терека, казаки съ Днѣпра, и, что гяуры выступаютъ изъ Мцхета, и съ приказомъ шаха, чтобы Алла-верды присоединился къ нему черезъ 3 дня. Ханъ тотчасъ же отдалъ соответственный приказъ, несмотря на упреки Хорошаны въ измѣнѣ своему слову. Тогда она рѣшилась ночью убить его. Во снѣ явился ей старецъ, убѣленный сѣдинами, въ ветхомъ рубищѣ отшельника, съ лицомъ кроткимъ и просвѣтленнымъ постомъ цѣлой жизни. Старецъ поднялъ руку и сталъ благословлять Хорошану. „Недостойна, отче, вскричала она, недостойна благословленія, осквернивши себя на ложѣ невѣрнаго и приготовившая руки на вѣроломное убійство!“ Старецъ вѣщаль: „Отложи намѣреніе твое, о лучшая изъ дочерей Иверіи! Не поднимай руки на хана Алла-верды, призвавъ бо есть на великое дѣло: его жизнь довершитъ спасеніе нашей отчизны, его кончина воздвигнетъ обитель изъ развалинъ, надъ которыми плачу долгіе годы. Твою же тяжкую жертву освятитъ благословленіе матери-церкви и долгій иноческій подвигъ. Заутра повѣдай хану желаніе вкусить отъ его собственной ловитвы“. Еще благословилъ старецъ колѣнопреклоненную Хоро-

шану и сталъ невидимъ. Согласно ея просьбѣ, ханъ отправляется на охоту. Слѣдуетъ эпизодъ съ соколомъ и куропаткою. Пораженный ханъ молитъ отшельника Додо: „Отпусти мой грѣхъ, возврати мнѣ руку: отдамъ ее на служеніе народу христіанскому“. Благословеніе старца оживило руку Алла-верды, и первый лучъ вѣры проникъ въ его сердце.

Вечеромъ того же дня тавадъ Шіо и отшельникъ Додо бесѣдовали на пустынномъ берегу Алазани. Долго шла ихъ тихая, сердечная бесѣда. Наконецъ старецъ поднялся и молвилъ: „иди съ миромъ, сынъ мой, не сомнѣвайся больше: сомнѣніе спасаетъ рѣдко, губить часто. Сиѣши обнадежить царя: ханъ будетъ за насъ. Придетъ онъ въ ту минуту, когда судьба битвы подниметь вѣсы и однимъ отложить славу, другимъ—горькій стыдъ. Сиѣши же, о лучшіи изъ сыновъ Иверіи, грозный день приближается; отвези мое благословеніе нашимъ и православнымъ братьямъ нашимъ Русскимъ. Благословенъ ихъ приходъ, и благословитъ ихъ Господь великимъ будущимъ, и будетъ земля наша дщерью ихъ земли, и горы падутъ предъ ними, и народы непреклонные поклонятся имъ“.

Произошла битва. Въ рѣшительную минуту Алла-верды неожиданно ударилъ вмѣсто Грузинъ на Персидское войско, которое потерпѣло страшное пораженіе и бѣжало. Великодушный тавадъ Шіо найденъ въ числѣ убитыхъ, въ самыхъ первыхъ рядахъ. Надъ нимъ плакалъ молодой воинъ, въ Татарскихъ доспѣхахъ. Это была Хорошана. Съ копьемъ въ рукахъ, съ кольчугой на нѣжныхъ плечахъ, она вела хана и удерживала его въ минуты колебанія. Съ первыми бросилась она въ бой и все искала Шіо, чтобы биться съ нимъ рядомъ, но нашла уже одинъ его трупъ. „Честно сдержалъ ты свое слово, говорила она, рыдая; исполню и я твое завѣщанье—буду жить для Неба. и вся жизнь моя будетъ молитвою“. Ханъ Алла-верды получилъ смертельную рану, какъ полагають, отъ руки самого шаха, жилъ еще нѣсколько дней, просвятился святымъ крещеньемъ и умеръ не только христіаниномъ, но и вторымъ супругомъ Хорошаны. По желанію обонхъ, церковь благословила ихъ союзъ. Поплакавъ надъ двумя могилами, Хорошана удалилась отъ міра и искупила свой высокій, но грѣховный подвигъ долгимъ подвигомъ иноческимъ.

Ханъ Алла-верды, умирая добрымъ христіаниномъ, завѣщала свои несмѣтныя сокровища на возобновеніе обители св. Георгія, покровителя Иверіи, близъ Телава. Она возстала въ прежнемъ своемъ величіи. Обновленіе монастыря праздновалось осенью, послѣ сбора винограда. Почти все жители Кахетіи и Карталиніи съѣхались на этотъ праздникъ. Каждый, какъ это и доселѣ водится, привезъ барана и хорошій мѣхъ молодого вина. Послѣ службъ, вокругъ всей обители, на огромномъ пространствѣ, дымились огни, жарились шашлыки и наполнялись азарпеші. У Грузинъ есть обычай: при угощеніи азарпешю призывать имя какого нибудь святаго, преимущественно св. Георгія, а потомъ уже произносить имена родныхъ, покровителей, благодѣтелей и благопріятелей, какъ живыхъ, такъ и умершихъ. Когда провозглашались пер-

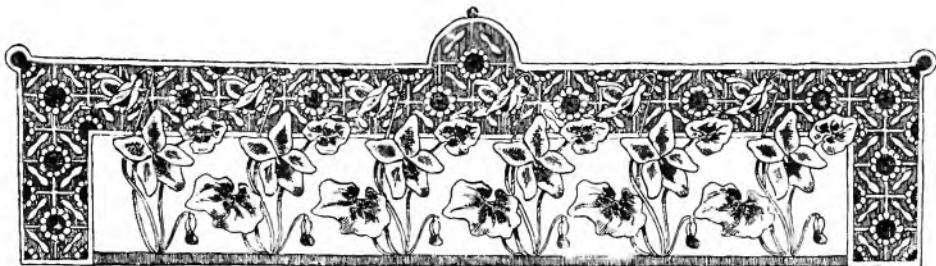
выя азарпешы во имя св. покровителя Иверіи, согбенный подъ бременемъ лѣтъ и духовныхъ подвиговъ, старецъ Додо, свидѣтель паденія и возстановленія обители, обходилъ станъ и приглашалъ народъ помянуть Алла-верды, довершителя побѣды надъ врагами и возстановителя святыни. И вотъ, за второй азарпешей раздалось во всемъ станѣ: *Алла-верды!* Новообращенные Татары, ближайшіе сподвижники хана, горячо откликнулись: *якши-оль!* (выраженіе полного согласія и одобренія или удовольствія). За ними и весь народъ повторилъ: *якши-оль!* *якши-оль!* Скоро народъ разнесъ эти клики во все концы Грузіи, и самая обитель св. Георгія получила тогда же названіе—Алла-верды.

Пересказъ этой легенды, лишь сущность которой мы изложили, вложенъ „Есауломъ“ въ вышеназванной статьѣ въ уста Грузина; въ настоящее время отраднo читать въ разсказѣ Грузина выраженія той любви и преданности къ Россіи, которыми онъ проникнутъ.

Е. Козубскій.

Т.-Х.-Шура,
10 Декабря 1909 г.

ПИСЬМА К. С. АКСАКОВА

изъ чужихъ краевъ въ Москву *).

1860.

Вѣна, 15 Сентября.

Я писалъ вамъ третьяго дня вечеромъ. На другой день утромъ (14 Сентября) пріѣхалъ Иванъ изъ Лейпцига, устроивъ все свои дѣла. Мы, обсудивши вмѣстѣ, рѣшили въ тотъ же день выѣхать изъ Праги, чтобъ не терять времени и поспѣшить на виноградное леченіе. Иванъ непремѣнно, и даже деспотически, требуетъ, чтобъ я посоветовался въ Вѣнѣ съ Шкодою, о которомъ съ большою похвалою говорилъ Варвинскій, который весьма знаменитъ въ Европѣ и о которомъ также со всѣхъ сторонъ слышимъ мы великія похвалы, собственно какъ о докторѣ по части грудныхъ болѣзней. Я доказываю Ивану, что это совсѣмъ не нужно, ибо совету Шкоды (если бы, напримѣръ, онъ посоветовалъ мнѣ ѣхать на воды) я не послѣдую. Но я соглашаюсь на это; Иванъ говоритъ, что онъ, *для себя*, хочетъ знать мнѣніе Шкоды о моемъ состояніи. Иванъ заботится обо мнѣ, какъ только можно заботиться, не допускаетъ меня ни до какихъ хлопотъ, внимателенъ ко всякой бездѣлицѣ, ходитъ самъ напередъ осматривать номера въ гостинницахъ. Я потому еще соглашаюсь на Шкоду, что онъ можетъ, я думаю, рѣшить за насъ, куда ѣхать: въ Дюркгеймъ или въ Швейцарію.

У насъ былъ Ганка, который сообщилъ мнѣ кой-что о Гатталѣ, не въ выгоду его, даже какъ ученаго; я доволенъ, что Гаттала самъ меня такимъ образомъ избавилъ отъ обязанности подарить ему мою Грамматику. Послѣ того, мы пошли въ Музеумъ, который показывалъ намъ Ганка, гдѣ видѣли автографы Жижки и Гуса. Потомъ были у Палацкаго (Ригера уже нѣтъ въ Прагѣ) и видѣли много дружбы искренней отъ Палацкаго; познакомились съ женою Ригера. И Палац-

*) См. выше стр. 134.

кій, и дочь его были искренне огорчены. узнавъ, что мы уѣзжаемъ сегодня; дочь, разумѣется, огорчалась за мужа. Они упрашивали насъ остаться, такъ что Иванъ думалъ, что я уступлю.

Наконецъ мы вечеромъ поѣхали въ вагонахъ 1-го класса; вагоны 2-го класса здѣсь очень безпокойны и были набиты биткомъ. Кромѣ насъ въ шести-мѣстномъ вагонѣ былъ одинъ молодой человѣкъ, говорившій хорошо по-французски; онъ объявилъ, что онъ одной съ нами вѣры православной, Грекъ изъ Грековъ, которые поселились давно въ Вѣнѣ, но хранить вѣру, обычаи и языкъ. Съ православнымъ сейчасъ чувствуешь себя своимъ. Выспавшись въ вагонахъ (Иванъ не спалъ двѣ ночи. ѣздя въ Лейпцигъ), утромъ мы приѣхали въ Вѣну. Я сейчасъ пошелъ на почту и получилъ три письма отъ васъ. Какая это была для меня отрада!

Вѣна.

Сейчасъ былъ Шкода, и вотъ вамъ полный отчетъ о его посѣщеніи. Шкода, когда я ему назвалъ Варвинскаго, объявилъ, дружелюбно улыбаясь, что онъ его знаетъ, что онъ былъ здѣсь въ Вѣнѣ. Шкода прочелъ съ величайшимъ вниманіемъ описаніе Варвинскаго, потомъ началъ меня осматривать. Осмотрѣвъ, онъ сказалъ (надо вамъ знать, что Шкода такой человѣкъ, который, по общему утверженію, говоритъ больному въ лицо все прямо, всю правду о его положеніи, какъ бы ни было оно плохо), и такъ, Шкода сказалъ: „Выздоровленіе ваше должно быть медленно и продолжительно, пока наконецъ вы придете въ то состояніе, въ какомъ были до этого; болѣзнь васъ покинула, но оставила слѣды, которые должны мало по малу уничтожиться; но—никакого *натряженія*, вотъ условіе (*keine Austrengung*). Лучшаго леченія вамъ нельзя было назначить, какъ леченіе виноградное. Оставшіяся у васъ затвердѣлости и окрѣпости должны разрешиться, и виноградъ здѣсь полезенъ именно вслѣдствіе своего разрешающаго дѣйствія; полезенъ онъ какъ относительно печени, такъ и относительно легкаго⁴. Мы спросили, гдѣ же пользоваться виноградомъ? Шкода сказалъ, что лучшій виноградъ и лучшее для этого мѣсто, это Меранъ; но что теперь, вѣроятно, прошло время, ибо виноградъ поспѣваетъ рано. О Меранѣ слышалъ я и прежде, и большія похвалы. Мы сказали Шкодѣ, что у насъ въ виду два мѣста: Рейнъ (Дюркгеймъ) и Швейцарія (Веве). Шкода отвѣчалъ, что на Рейнѣ (онъ это знаетъ положительно) винограда нѣтъ (то есть, настоящаго винограда). Про Веве онъ не знаетъ; но что климатъ тамъ хорошъ. Иванъ спросилъ Шкоду положительно, нужно ли мнѣ зиму провести за границею, въ тепломъ климатѣ? Шкода отвѣчалъ, что не видитъ здѣсь необходимаго

условія (keine nothwendige Bedingung), что я могу и въ Москвѣ выздороветь (genesen), но что, конечно, теплый климатъ всегда хороше. Я сказалъ, что думаю воротиться въ Москву. „Тогда зачѣмъ же вамъ ѣхать въ Веве?“ сказалъ Шкода. „Еслибъ вы хотѣли провести зиму въ Ниццѣ, то конечно было бы это вамъ по дорогѣ, и кстати. Если же вы думаете ѣхать въ Россію, то пользуйтесь виноградомъ здѣсь въ Баденѣ (часть тѣды отъ Вѣны); тамъ бездна винограду, и виноградъ хороше; теперь поспѣлъ. Вы должны ѣсть *сладкій* виноградъ, а будь это синій или бѣлый, все равно“. Но Меранъ Шкода превозносилъ. Иванъ спросилъ, что, можетъ быть, не ушло время, и что надо бы спросить кого-нибудь по телеграфу въ Меранъ. Шкода назвалъ доктора Пирхера. Очевидно, что Шкода былъ совершенно одного мнѣнія съ Варвинскимъ и внимательно напомнилъ мнѣ, чтобъ я надѣлъ нагрудникъ, когда я одѣвался. Когда, прощаясь съ нимъ, я заговорилъ нѣсколько одушевленно, Шкода сейчасъ замѣтилъ, что я не долженъ говорить такъ горячо. Онъ повторялъ, что условіе моего выздоровленія должно состоять въ томъ, чтобъ не допускать никакого усиленія, никакого напряженія, ни утомленія, конечно, ни нравственнаго, ни физическаго. Онъ даже никакого другаго леченія (кромѣ притомъ винограднаго) для меня не видитъ. Шкода маленькаго роста, остриженъ въ кружокъ, хохоль настоящій, и при томъ особый типъ хохла. Про васъ говорятъ, сказали мы ему, что вы всегда говорите правду больнымъ. „Мнѣ не трудно было вамъ сказать правду“. отвѣчалъ Шкода. Я вручилъ ему 10 флор. (5 р. сер.), и мы разстались. Иванъ провожалъ его, и онъ повторилъ ему о возможности полнаго моего выздоровленія*). Итакъ, вотъ слова и мнѣніе весьма здѣсь знаменитаго, и притомъ собственно по части этихъ болѣзней, Шкоды. Вы видите, что мое положеніе требуетъ только осторожности, что для меня возможно полное выздоровленіе, что мнѣ собственно должно помочь время. Это все весьма близко къ тому, что говорилъ Варвинскій. Наконецъ Шкода не считаетъ нужнымъ оставаться за границею. Это все должно васъ успокоить. Мы послали телеграмму въ Меранъ и должны дожидаться отвѣта. Если намъ скажутъ, что время для винограду не ушло, то рѣшаемся ѣхать въ Меранъ, который притомъ, говорятъ, и довольно уединенъ. Если же въ Меранъ нельзя, то не знаемъ еще какъ быть. Иванъ не хвалитъ Баденъ, сборище всей Вѣнской знати, извѣстный,

*) Такъ было мною передано брату. Шкода дѣйствительно повторилъ и мнѣ сказанное имъ К. С-чу: очевидно, онъ полагалъ выздоровленіе сомнительнымъ, даже совершенно невозможнымъ, потому что ставилъ его въ зависимость отъ соблюденія явно невозможныхъ условій: никакого усилія, никакого утомленія и т. п. И. А.

собственно своими ваннами, и мнѣ бы туда не хотѣлось. Чрезвычайно я жалѣю, что не спросилъ Шкоду, нельзя ли ѣхать на леченіе куда нибудь на Югъ Австріи въ Славянскія земли. Я спросилъ Шкоду о продолжительности винограднаго леченія; онъ сказалъ безжалостно: шесть недѣль. Я сказалъ было, что такъ какъ теперь было такое холодное лѣто и неблагоприятное созрѣваніе винограда, то не ѣхать ли мнѣ въ Россію назадъ. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, вамъ нужно виноградное леченіе. Передъ Шкодою долго сидѣлъ у насъ Галичанинъ Кривицкій, послѣ Шкоды пришелъ Гагаринъ и сидѣлъ тоже долго. Славный человекъ! Какъ искренно онъ обрадовался отзыву Шкоды обо мнѣ. Но однако мнѣ помѣшали перечестъ ваши письма.

Сейчасъ воротились съ обѣда отъ нашего посланника, который онъ давалъ намъ (по выраженію Гагарина). Обѣдъ былъ Русскій—щи, каша, кулебяка, бѣлые грибы, огурцы. Я ѣлъ конечно умѣренно; но отказаться отъ обѣда было нельзя и не должно. Балабинъ отличный человекъ! Всѣ Славяне отъ него въ восторгѣ, и говорятъ, что такого посланника еще не бывало въ Вѣнѣ. Балабинъ просилъ меня, чтобъ я далъ ему письма къ Хомякову, Самарину и др., чтобы познакомиться. Я непременно хочу къ нимъ писать еще прежде. Гагаринъ говорилъ мнѣ, что Балабину очень бы желалось поговорить со мною подробнѣе и узнать отъ меня все основанія нашего направленія. Воротившись съ обѣда, нашли мы уже отвѣтную депешу изъ Мерана. Докторъ Пирхеръ пишетъ, что есть время на четырехнедѣльный курсъ, но остальные двѣ недѣли надо пользоваться уже сохраненнымъ, *aufbewahrt*, виноградомъ. Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ насъ. Иванъ ѣздилъ къ Шкодѣ вечеромъ же, но не засталъ его дома. Вечеромъ были у насъ опять Раевскій и двое Славянъ. Я, признаться, усталъ послѣ обѣда и хотя потомъ и отдохнулъ; но обдумать, что дѣлать, мѣшали намъ на сей разъ добрые наши гости. Когда они ушли, то, не рѣшивъ еще вопроса окончательно, я легъ спать. Я часто просыпался, и просыпаясь, обдумывалъ, что дѣлать. Наконецъ къ утру рѣшился въ Меранъ не ѣхать и, слѣдовательно, ѣхать въ Веве. Мое рѣшеніе образовалось на слѣдующемъ основаніи: въ Меранъ можемъ мы попасть не ближе, какъ черезъ недѣлю*). Тогда останется не четыре, а три недѣли свѣжаго винограду, а это уже половина курса. Желая совершенно добросовѣстно исполнить свое леченіе, я не могъ его такъ видоизмѣнить. Еслибъ Шкода даже посоветовалъ мнѣ или согласился, чтобъ я ѣхалъ ѣсть виноградъ въ Славянскія или Венгерскія земли (чего бы и

*) Тогда Меранъ еще не соединялся желѣзною дорогою съ Вѣной. Н. С.

весьма желалъ), то могъ ли бы я поступить такъ? Въ васъ, быть можетъ, и осталось бы, весьма законное, сомнѣніе, что я ѣлъ виноградъ не въ такихъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно лечатся виноградомъ, что свойства винограда этихъ земель еще неизвѣстны. Между тѣмъ, Веве мѣсто извѣстное своимъ виноградомъ, и кто лечится виноградомъ въ Веве, тотъ уже настоящимъ образомъ выполняетъ виноградное леченіе. Опоздать въ Веве мудрено, ибо въ концѣ Сентября долженъ лишь начаться курсъ. Вы всѣ желали, кажется, чтобъ я лечился въ Веве. Однимъ словомъ, леченіемъ въ Веве—устраиваются всѣ сомнѣнія въ самомъ леченіи и исполняются всѣ указанія, данныя мнѣ въ Москвѣ Варвинскимъ и вами. Все это я обдумалъ и рѣшился ѣхать въ Веве. Много значить то, что въ Женевѣ (4 часа отъ Веве на пароходѣ) наша Русская церковь. Я надѣюсь, что могу найти уединеніе, поселившись, если не въ самомъ Веве, то въ Монтрѣ, или Вето. Иванъ, рано проснувшись, согласился съ моимъ рѣшеніемъ, а для того, чтобъ не терять времени и быть въ Женевѣ еще 19 Сентября, мы встали, успѣли уложиться и успѣли уѣхать съ утреннимъ скорымъ поѣздомъ (въ 7 часовъ), взявъ мѣста, по непремѣнному желанію брата въ 1-мъ классѣ; ибо ему хотѣлось, чтобъ я могъ отдохнуть, послѣ укладки и худо проспавшей ночи*). Мы были вдвоемъ, и я точно отдохнулъ. Приѣхавъ вечеромъ въ Мюнхенъ и переночевавши, мы рано поѣхали дальше. Въ 12 часовъ были мы на берегу озера Констанцкаго или Костницкаго, сѣли на пароходъ, переплыли озеро, и, вступивъ на Швейцарскую землю, взяли вагоны прямо до Женевы, и опять въ 1-мъ классѣ, ради Швейцарской скверной системы желѣзныхъ дорогъ. Я было досадовалъ, но потомъ увидѣлъ, что это было не даромъ: мы безпрестанно мѣняли вагоны, и при этихъ перемѣнахъ много помогло то, что мы были въ 1-мъ классѣ. Ызда по Швейцарскимъ желѣзнымъ дорогамъ ѣзда самая безпокойная. Вступивъ въ Швейцарію, сейчасъ чувствуете разницу народностей, хотя слышится тотъ же Нѣмецкій языкъ. Нѣмцы (говоря про народъ вообще) и доселѣ не утратили нисколько своего добродушія, за которое не разъ скажемъ имъ спасибо. Но здѣсь является грубость, весьма неприятно васъ поражающая послѣ Нѣмецкой учтивости. Эта Швейцарія, находясь подъ обезпеченіемъ всей Европы (довольно унизительное положеніе) не имѣетъ политическаго значенія; а между тѣмъ, это не маленькая страна. Въ

*) Я счелъ нужнымъ согласиться и не откладывать отъѣзда какъ потому, что надо же было скорѣе начать виноградное леченіе, такъ и потому, что частыя въ Вѣнѣ посѣщенія гостей, въ особенности Славянъ, возбуждавшія оживленные споры, утомляя К. С., явно вредили его здоровью. Къ тому же нерѣшенное положеніе тревожило брата и приводило его въ мучительное нервное возбужденіе. И. А.

настоящую минуту, когда Наполеонъ преспокойно взялъ себѣ ея нейтральныя провинціи, Швейцарія было заговорила и зашумѣла, но оказалось, что шумъ этотъ былъ пустой (въ чемъ виновата сама она). Швейцарія разочла, что ей выгоднѣе безсовѣстно обирать и грабить путешественниковъ, чѣмъ драться съ Франціею, и успокоилась: но какъ ей отказаться—отъ крику покрайней мѣрѣ?! Когда мы ѣхали по Швейцаріи, то цѣлый день горланили ея сыны пѣсни. Намъ сказали, что это былъ праздникъ „общества Гельвеціи“. Какъ легко и какъ заманчиво для человѣка устроить себѣ такія игрушки, но какъ онѣ обманчивы! Какъ успокоиваютъ эти „общества“, давая ложное удовлетвореніе потребности дѣйствовать, и какъ портятъ человѣка. Пируетъ „общество“, поетъ, поетъ, и думаетъ, что дѣлаетъ дѣло; провозглашаетъ тостъ за славу и побѣду Гельвеціи, и ему кажется, что оно уже и приобрѣло эту славу, и одержало побѣду. Здѣсь множество „обществъ“.

Наконецъ, часа въ 4, пріѣхали мы въ Женеву, гдѣ народъ все же поучтивѣе. Мы сейчасъ побѣхали къ нашему священнику. Это хорошій человѣкъ. Онъ знаетъ Гришу¹⁾, крестилъ у него дочь въ Божожѣ, но человѣкъ простой. Онъ далъ намъ много свѣдѣній, утвердившихъ меня въ томъ, что рѣшеніе, мною принятое, есть самое благоразумное. Курсъ винограда существуетъ и нынѣшній годъ, и по словамъ одного доктора (Демантеле), который самъ говорилъ священнику объ этомъ, виноградъ и нынѣшняго года, если неблагопріятенъ для вина, то для леченія хорошъ. Священникъ знаетъ Кюршд, и очень его хвалитъ, говоритъ, что онъ нисколько не шарлатанъ и человѣкъ серьезный. Отъ священника мы узнали подробности о пансіонахъ: они хороши и недороги. По его словамъ, Монтрѣ теплѣе гораздо Веве, а Вето—теплѣе Монтрѣ: здѣсь все зависитъ отъ положенія горъ. Онъ говоритъ, что часто, когда Женева въ облакахъ или въ туманѣ, въ Веве, Монтрѣ и Вето—солнце, тепло и ясно. Мы попросили его, чтобъ завтра была заупокойная обѣдня и панихида.

Сентябрь 20. Сегодня служили мы заупокойную обѣдню и панихиду. Чтѣ прибавлять къ этому? 25 Сентября²⁾, Воскресенье, будетъ обѣдня; поэтому заказать обѣдни заупокойной нельзя, а хотимъ, чтобъ помянули за обѣдней и отслужить одну панихиду. Теперь собираемся ѣхать въ Веве, чтобы увидаться съ Кюршд и немедленно приступить къ леченью. Пароходъ идетъ въ два часа. Погода была все ненастная.

¹⁾ Это Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ. Единственная дочь его, дѣвица Ольга Григорьевна и ея братъ Сергѣй Григорьевичъ нынѣ представители семьи Аксаковыхъ. П. Б.

²⁾ День именинъ покойнаго отца, Сергѣя Тимофеевича. И. А.

но теперь проясняется. Я все сдѣлаю, что нужно для моего здоровья. Кюршо долженъ окончательно рѣшить относительно винограднаго леченія. Хочется добратъ до спокойнаго уголка, гдѣ бы можно было остаться на одномъ мѣстѣ и начать свои занятія. Какъ тяжело путешествіе! Какъ много въ немъ суеты, какъ легко примѣшивается къ нему пустота! Но это мое путешествіе было не безплодно. Многое узналъ я и даже еще не во всемъ отдалъ себѣ отчетъ. Но теперь довольно. Что было нужно, что было можно видѣть я видѣлъ. Есть путешествіе другаго рода, но объ немъ думать нечего и, въ немъ, какъ въ дополнительномъ, большой надобности нѣтъ. Объ немъ я не думаю. Мое путешествіе кончено¹⁾. Теперь леченіе и возвращеніе въ Россію, къ вамъ....

Вевѣ, 23 Сентября.

Вотъ мы и въ Вевѣ, видѣли и Кюршо, осматривали на берегу озера отъ Вевѣ до Монтрѣ разныя жилища; наконецъ нашли себѣ и квартиру подлѣ Вевѣ, перебрались въ нее, наконецъ я и началъ виноградъ сегодня. Поступилъ я, пріѣхавъ сюда лечиться, желая поступить какъ должно; но, пріѣхавъ сюда, я увидалъ (по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется), что можно было бы и не ѣздить въ Швейцарію. Впрочемъ, этого знать заранѣе, не пріѣхавъ сюда, нельзя было; это можно узнать было только на мѣстѣ; и такъ, я не могу очень винить себя. А если вы будете довольны моимъ рѣшеніемъ, то я буду имъ вполне доволенъ: ибо это—главное, то есть, чтобы вы были довольны.—О Кюршо со всѣхъ сторонъ слышали и слышимъ самыя лучшіе отзывы, какъ о человѣкѣ прямомъ, ни сколько не шарлатанѣ и не корыстолюбивомъ. Пріѣхавъ вечеромъ въ Вевѣ и остановившись въ отелѣ *Блаю Креста* (Швейцарскій гербъ), мы послали къ Кюршо, прося его быть къ намъ поутру рано. Кюршо явился на другой день; это молодой человѣкъ весьма пріятной наружности, милый, очевидно добрый Французъ, съ какимъ-то, въ тоже время, постоянно серьезнымъ и устремленнымъ выраженіемъ на лицѣ. Я передалъ ему поклонъ и спасибо за брошюрку отъ Варвинскаго, сказалъ, что онъ, посылая меня лечиться виноградомъ, адресовалъ меня къ нему, и что я буду обращаться къ нему въ нужныхъ случаяхъ. Кюршо прочелъ описаніе Варвинскаго и сказалъ: Варвинскій говоритъ, что вы худы; я этого не нахожу. *Peut-être vous avez repris. Donc le voyage vous a fait du bien*²⁾. Мы отвѣчали ему, что я худъ сравнительно съ тѣмъ, что былъ, но что дорога точно сдѣлала мнѣ пользу. Вслѣдъ за этимъ, Кюршо принялся меня осматривать и сталъ осматривать весьма серьезно, раздѣвъ меня совсѣмъ; онъ

¹⁾ Загадочныя слова. Не мысль ли это о смерти? П. Б.

²⁾ Можетъ быть „вы поправились; стало, путешествіе было вамъ въ пользу“.

осматривалъ долго и, приложивъ ухо къ моей груди, заставлялъ меня разговаривать и для этого дѣлалъ мнѣ разные вопросы. Первый вопросъ меня очень удивилъ: *Connaissez vous la comtesse Salias?*¹⁾ Оказывается, что онъ познакомился съ нею какъ-то въ Римѣ.—Могу ли я начать виноградное леченіе? спросилъ я. Хорошо виноградное леченіе, отвѣчалъ Кюршо; но послѣ этого вамъ надобно еще лечить; не знаю, можно ли вамъ воротиться на зиму въ Россію. А теперь вамъ надобно поставить *des sautères*²⁾. Что это такое, спросилъ я.—Родъ весикатуаровъ, отвѣчалъ Кюршо, и, живой Французъ, показалъ на себѣ слѣды этихъ *sautères*. Не понравилось мнѣ такое намѣреніе. „Я отвѣчалъ вамъ по телеграфу“, сказалъ Кюршо, „что виноградное леченіе начнется въ концѣ Сентября, но я ошибся; я назначилъ срокъ *слишкомъ рано*“. — „Слѣдовательно, я къ винограду не опоздаю, а скорѣе напротивъ“. Какой же виноградъ назначите вы мнѣ, *de quelle espèce?*³⁾ спросилъ я Кюршо, желая обратить его вниманіе на виноградное собственно леченіе. „Бѣлый, потому что синій нынѣшній годъ рѣшительно не годится, и при томъ не крупныя ягоды, а такія, чтобъ не были плотно вмѣстѣ, такія зрѣлыя“, такъ отвѣчалъ Кюршо, признаться довольно небрежно... Потомъ онъ сказалъ мнѣ, что надо начать съ двухъ половиною фунтовъ, три раза въ день (какъ это сказано въ его книгѣ). „Какъ же я буду доставать виноградъ, какой мнѣ нужно?“ спросилъ я. „Вамъ будетъ его доставлять уже *maître de pension*⁴⁾, въ которомъ вы помѣститесь“... Потомъ Кюршо ушелъ, положивъ вдругъ себѣ въ карманъ описаніе моей болѣзни, сдѣланное Варвинскимъ.—Я былъ не совѣмъ доволенъ посѣщеніемъ Кюршо. Я вполне вѣрю его добросовѣстности и безкорыстности, вѣрю, что онъ хорошій докторъ; но мнѣ показалось, что онъ охотникъ лечить; онъ сейчасъ сказалъ, что напрасно я не поѣхалъ въ Соденъ, что мнѣ надобно было бы сперва попить воды въ Соденѣ или въ Эмсѣ, и потомъ сѣсть на виноградъ. Итакъ, виноградное леченіе считаетъ онъ дополнительнымъ (*Nachkur*), а не главнымъ. Больше же всего мнѣ было странно, что я не встрѣтилъ въ немъ того отношенія къ виноградному леченію, какъ я предполагалъ. Я думалъ, судя по брошюркѣ, что виноградное леченіе—предметъ его особеннаго вниманія, что другіе доктора относятся къ нему просто, говоря: „кушайте виноградъ, чтобы былъ зрѣлый, а не кислый, выбирайте его сами, при извѣстной діетѣ, конечно“, и только; но что здѣсь виноградъ будетъ выбранъ самимъ докторомъ, указана будетъ особая порода лозъ, или особый виноградникъ, который будетъ подходить собственно къ моей болѣзни. Это было одною

¹⁾ Знаете ли вы графиню Салиасъ?—²⁾ Заводока-фонтанель.—³⁾ Какого рода?
⁴⁾ Хозяинъ заѣзжаго дома.

изъ причинъ, почему думалъ я должнымъ ѣхать сюда. Ничего этого не бывало. Кюршо именно на виноградъ обращаетъ мало вниманія; еслибъ я ему объ немъ не напомнилъ, онъ бы и не заговорилъ объ немъ. Я показывалъ ему виноградъ, взятый мною на пробу, говоря, что я имъ недоволенъ; онъ съѣлъ нѣсколько ягодокъ, сказалъ, что вѣроятно хозяйка намъ найдетъ лучше, и только. Хозяйка точно нашла мнѣ виноградя (vigneron), и я началъ ѣсть виноградъ, признать не находя его всегда зрѣлымъ и не кислымъ; онъ впрочемъ оставляетъ весьма пріятную отрыжку свѣжими огурцами. Меня увѣряюгъ, что онъ будетъ зрѣть теперь съ каждымъ часомъ, какъ скоро будутъ солнечные дни, которые, кажется, и наступили. Видя, что здѣсь съ виноградомъ обращаются также попросту, безъ ученыхъ приемовъ, какъ и во всей Германіи (т. е. бери самъ и ѣшь), видя, что Кюршо для винограднаго леченья вовсе не является нужнымъ, наконецъ видя, что и виноградъ здѣсь еще не вполне созрѣлъ, я впалъ въ большое раздумье и сожалѣніе, что пріѣхалъ въ эту Швейцарію, притащилъ съ собою сюда брата, сдѣлалъ лишнюю поѣздку и не остался въ Вѣнѣ или лучше въ одномъ часѣ разстоянія отъ Вѣны, ѣсть виноградъ въ Баденѣ. Но это все можно было увидать, пріѣхавъ въ Швейцарію; я не могу себя обвинять за это рѣшеніе. Баденъ вовсе неизвѣстенъ какъ мѣсто винограднаго леченья, да и виноградъ могъ-бы имѣть другія свойства, хотя Шкода увѣрялъ, что одинъ Меранской виноградъ лучше всѣхъ, а что нѣтъ разницы между Баденскимъ (т. е. подлѣ Вѣны) и Вевейскимъ. Но въ Шкодѣ легко могло говорить мѣстное пристрастіе; къ тому же, когда я спросилъ его, какой мнѣ ѣсть виноградъ, то отвѣтъ его: „это совершенно все равно, синій ли, бѣлый ли, лишь бы былъ зрѣлъ, вы найдете виноградъ на рынкѣ“; такой отвѣтъ показался мнѣ очень небрежнымъ. Я подумалъ, что нѣкоторые Нѣмецкіе доктора небрежно смотрятъ на виноградное леченье, въ чемъ и обвиняетъ ихъ Кюршо... Я вспомнилъ слова и совѣтъ Варвинскаго съѣздить лучше въ Веве; да, кажется, и вообще всѣ думали, что Веве—настоящее мѣсто леченья. А имѣя намѣреніе лечиться настоящимъ образомъ и сообразя все это, я и поѣхалъ въ Веве. Многое нашелъ я здѣсь не такъ, какъ воображалъ; но я не нашелъ только *лучше* прочихъ мѣстъ, но конечно и *не хуже* относительно винограднаго леченья. Впрочемъ меня смущало одно: до самаго нашего пріѣзда все лѣто и весну и осень лили дожди. Всего было дня четыре хорошихъ (какъ сказалъ мнѣ одинъ матросъ на Женевскомъ пароходѣ), и то недавно. При такой погодѣ представлялся естественно вопросъ: существуетъ ли *cure de raisin* въ нынѣшнемъ году или, по крайней мѣрѣ, можетъ ли онъ быть полезенъ? Вѣдь манкировалъ же онъ на Рейнѣ. Еслибъ это было такъ, намъ

оставалось бы воротиться поскорѣе въ Вѣну и приняться за виноградъ; (во всякомъ случаѣ, возвращаясь отсюда въ Россію, намъ надобно ѣхать черезъ Вѣну). Сомнѣніе мое насчетъ *cure de raisin* *) въ Швейцаріи, подтверждала и наша хозяйка (умная и серьезная женщина), и не очень противорѣчила мысли возвращенія въ Россію, хотя это для нея было бы и не выгодно. Вопросъ былъ важный, и мы съ Иваномъ рѣшились предложить Кюршо этотъ вопросъ, и ему предоставить рѣшеніе; таже самая хозяйка наша говорила про Кюршо, какъ про самаго прямого и безкорыстнаго человѣка, которому въ этомъ случаѣ можно говорить. Мы спросили Кюршо, и онъ отвѣчалъ намъ рѣшительно, что, *comme cure*, онъ даже предпочитаетъ виноградъ нынѣшняго года винограду прошлаго года, когда была погода превосходная. Этотъ отвѣтъ рѣшилъ насъ окончательно. Мы устроились, и я началъ *cure de raisin*. Погода установилась прекрасная, солнце — цѣлый день; виноградъ такъ быстро дозрѣваетъ, что ужъ сегодня я ѣлъ совершенно спѣлый. Онъ мнѣ очень по вкусу; я чувствую, что могу съѣсть его много... Мнѣ кажется, что виноградъ долженъ сдѣлать мнѣ пользу, какую отъ него ожидали. Веве вовсе не такъ шумно, какъ я предполагалъ: иностранцы расселились большею частію по берегу озера въ пансіонахъ; на улицахъ ихъ здѣсь рѣдко встрѣчаешь. Мы же съ Иваномъ живемъ такъ уединенно, какъ только можно желать. Съ этой стороны я пріятно обманулся относительно Веве.

26 Сентябри.

Вчера были мы въ Женевѣ у обѣдни. Священникъ не согласился служить заупокойную обѣдню, ибо было Воскресенье, не согласился даже помануть громко за ектенію. Мы вынули просфору и служили панихиду. Мнѣ не очень нравится, какъ служить здѣшній священникъ; изъ панихиды выкидываются у него всѣ эти чудные заупокойные стихи, которые такъ наполняютъ душу горемъ и въ тоже время упованіемъ небеснымъ, и такъ живо даютъ чувствовать нашу неразрывную связь съ милымъ отцомъ и вообще съ тѣмъ міромъ, куда мы всѣ идемъ, и который и есть настоящій міръ... Мы живемъ здѣсь не въ Веве собственно, а въ *La Tour*, деревенька подлѣ самаго Веве. Теперь, когда погода превосходная, я думаю, что, можетъ быть, *cure de raisin* въ Веве имѣетъ свои преимущества передъ другими мѣстами; неизвѣстно еще, какова-то тамъ погода. Быть можетъ и виноградъ здѣсь все же разнится отъ другихъ сколько нибудь. По крайней мѣрѣ, Веве есть уже извѣстное мѣсто для винограднаго леченія. Я чувствую себя рѣшительно лучше; правая нога укрѣпилась, и я могу ходить на каблукахъ.

*) Лечение виноградомъ.

Самъ я чувствую себя крѣпче, дѣлаю довольно движенія, меньше запыхиваюсь; виноградъ меня рѣшительно освѣжаетъ.

Веве-Лагуръ, Сентября 28.

Я не написалъ вамъ, кажется, о томъ, какъ показалась мнѣ Швейцарія. Она на меня какъ-то особенно чуждо повѣяла. Какъ только мы вѣхали въ Швейцарію, меня обхватило такое чувство отдаленности отъ Россіи и отъ насъ, какого я не испытывалъ, будучи въ Германіи. И въ самомъ дѣлѣ, это уже не *сосидняя* страна. Къ тому жъ съ Швейцаріею какъ-то особенно мало общаго. Вся Швейцарія—какая-то не настоящая страна; вся она состоитъ изъ ненастоящихъ Нѣмцевъ, не настоящихъ Французовъ и не настоящихъ Итальянцевъ. Для отдѣльныхъ личностей, такое условіе можетъ быть даже выгодно, такъ какъ ненастоящіе Французы Швейцарскіе выше настоящихъ отдѣльно взятыхъ; но, какъ страна, какъ народъ,—Швейцарія является какимъ-то искусственнымъ произведеніемъ, лишеннымъ настоящаго значенія въ исторіи народовъ*). Въ Швейцаріи выдается у людей собственно *чувство родины*, а не чувство отечества, народа, земли. Отсюда это Швейцарское *mal du pays*, которое мнѣ не нравится, признаюсь; ибо это уже что-то почти матеріальное, физическое, это уже болѣзнь. И потомъ, эти же самые Швейцарцы такъ легко нанимаются жить въ чужихъ краяхъ и за деньги отдають свою жизнь за кого угодно (какъ теперь на примѣръ за Неаполитанскаго короля). Нѣмецъ—для насъ другое дѣло; Нѣмецъ намъ человѣкъ знакомый, свой человѣкъ. Сколько разъ мы и бывали его, и смѣялись надъ нимъ, и ругали его, и удивлялись ему какъ философу, какъ поэту. Въ Германіи я между знакомыми; но здѣсь—совсѣмъ другое дѣло. Впрочемъ, люди, какъ люди, здѣсь предобрые. Что за добрѣйшіе, за прекрасные люди наши хозяева? Онъ Французъ изъ южной Франціи, а она Швейцарка изъ Женевы. Ему около восьмидесяти лѣтъ; ноги у него разбиты параличемъ, но хотя и съ трудомъ, онъ ходитъ; она тоже немолодая женщина. Какъ заботятся они объ насъ! Сколько вниманія! Такъ что даже совѣстно. Прислуживаетъ намъ Фанин, женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ, весьма впрочемъ расторопная и услужливая. Все это хорошо, и еслибъ цѣль путешествія была: жить мирно у M-r и M-me Langlois въ Latour подлѣ Yévey, пользоваться ихъ любезностью и гостепріимствомъ, поговорить иногда съ адвокатомъ, живущимъ въ верхнемъ этажѣ, прочитатъ *Journal de Genève* и пр. и пр. въ этомъ родѣ, еслибъ такова была цѣль моей поѣздки: почему бы и не жить въ Веве? Но цѣль путешествія—леченіе виноградомъ, и, конечно, хоро-

*) Вспоминается выраженіе А. С. Хомякова: пустоцвѣтъ Швейцаріи. П. Б.

шая теплая погода, также воздухъ, благопріятный для груди. Эта цѣль, надо сказать правду, достигается невольнѣ. Кромѣ всего того, что я уже писалъ вамъ прежде, надо прибавить, что установившаяся было хорошая погода вдругъ испортилась: вчера былъ дождь, цѣлая буря, и на горахъ выпалъ новый снѣгъ, покрывшій ихъ мѣстами почти до половины. По моему, воздухъ здѣсь острый и суровый; быть можетъ, это только *нынѣшній* годъ (*année exceptionnelle*, какъ говоритъ Кюршо), но вѣдь я съ *нынѣшнемъ* году здѣсь нахожусь. Кажется, что погода въ нынѣшнемъ году, столь гнусная во всей Западной Европѣ, была въ Швейцаріи хуже, чѣмъ гдѣ нибудь. Когда мы ѣхали изъ Женевы въ Веве, я спросилъ матроса о погодѣ, и онъ сказалъ мнѣ, что дождикъ льетъ этотъ цѣлый годъ, что всего было хорошихъ дня четыре, и что это не большая старина. На прошедшей недѣлѣ, мы уже два раза *топили*, у насъ тепло, печка прекрасная, комната ухищена, какъ нельзя лучше. Но вѣдь не съ тѣмъ пріѣхали мы въ Швейцарію, чтобъ топить печки. Это тепло всего лучше можно достать въ Россіи. Положимъ здѣсь погода осенняя, да вѣдь такая погода и у насъ теперь. Вѣдь я пріѣхалъ въ Швейцарію искать теплой погоды, а не печнаго тепла. Очень, очень сожалѣю, что я пріѣхалъ сюда, а не остался подлѣ Вьны въ Баденѣ, гдѣ погода, по крайней мѣрѣ, не хуже, а виноградомъ, кажется, вездѣ можно лечиться. Но этого всего напередъ знать было нельзя. Признаться, мнѣ кажется, что, кромѣ холодной погоды, самый воздухъ здѣшній нехорошъ для груди. Если погода все будетъ такая, то я думаю уѣхать отсюда и доѣхать виноградъ въ Баденѣ подлѣ Вьны; въ Вьну, во всякомъ случаѣ, намъ бы пришлось ѣхать, слѣдовательно мы только пріѣдемъ туда раньше. Не будетъ ли это просто безуміемъ забнуть въ Веве, пли же не забнуть только съ помощію дровъ, двойнаго пальто, шарфа и фуфайки?.. Написавъ эти три странички, я пошелъ съѣсть свои блюда въ *Hôtel du Lac*, пошелъ закутавшись: воздухъ зимній. Идучи дорогой, я могъ разглядѣть горы лучше, чѣмъ изъ садика. Выпала страшная масса снѣгу; инья горы обсыпаны имъ гораздо ниже половины; на крутыхъ горахъ снѣгъ лежитъ какъ бы потоками сверху внизъ. Я встрѣтилъ Кюршо. *Quel rude climat!* сказалъ я ему. *Ah! c'est une année exceptionnelle* *), отвѣчалъ мнѣ Кюршо. Вчера къ ночи выяснило; вечеромъ было 6 град. тепла, если Вевейскій термометръ, купленный нами и выставленный на воздухъ, не совралъ. Въ ночи ревѣлъ вѣтеръ, а сегодня льетъ дождь. Что тутъ дѣлать? Нечего и думать о тѣлодвиженіи на воздухѣ, хотя я хочу непременно выйти, чтобъ отъ воздуха не отвѣкать. Не рѣшаемся еще

*) Какой суровый климатъ! Ахъ это годъ исключительный.

уѣхать, хотя нисколько не виноваты и не смѣшны тѣ Русскіе, которые нынѣшнимъ лѣтомъ, поѣхавъ лечиться за границу, бѣжали оттуда назадъ въ Россію ради гнусной за границей погоды. Вѣна сѣвернѣе, чѣмъ Веве; но нынѣшній годъ все на оборотъ. Братъ Иванъ видѣлъ Пруссакаго барона, только что пріѣхавшаго въ Веве и изумленнаго скверною здѣшнею погодой; баронъ провелъ Сентябрь въ Пруссіи, въ Познани, пользуясь превосходною теплою погодой и кушая зрѣлый виноградъ. Но какъ бы ни рѣшились мы, извѣщаю васъ о главномъ, что я здоровъ, что виноградъ мнѣ очень по вкусу и долженъ, кажется, мнѣ сдѣлать пользу; конечно жаль, что условія, при которыхъ онъ употребляется, такія неблагопріятныя. Сегодня пойду въ Cercle du Lemau читать газеты. Кюршо далъ намъ туда билеты для входа, а я еще не былъ; вчера онъ спрашивалъ меня объ этомъ. Я сталъ переводить Плавта, началъ писать одну вещь. Мысль, что если погода станетъ еще хуже, то мы уѣдемъ, мѣшаетъ нѣсколько при постоянномъ занятіи. Сегодня долженъ быть воздухъ не жестокъ, а это главное. Прощайте.

30 Сентября 1860. Пятница. Vèvey.

Вчера получили мы письмо отъ васъ. Больно, очень больно мнѣ, что вы такъ беспокоитесь; очень мнѣ тяжело, что наши депеши смущаютъ васъ. Правда, въ нашемъ путешествіи есть ошибка. Но упреки ваши не вполне справедливы. Я именно *лечение* понимаю, какъ цѣль своего путешествія. Я какъ экономію понимаю то, чтобъ *не даромъ* были истрачены деньги, такъ тяжело намъ достаются,—деньги, данныя мнѣ на укрѣпленіе моего здоровья. Я желаю, чтобъ эти деньги были истрачены на эту цѣль, на какую они мнѣ даны, и для какой я взялъ ихъ, какъ скоро рѣшился ѣхать лечиться за границу... Я старался, какъ можно добросовѣстнѣе исполнить ваше желаніе и достигнуть цѣли моего путешествія, то есть леченія за границей, какое мнѣ предписано, и вообще укрѣпленія моего здоровья. Вы говорите, что вѣроятно братъ Иванъ не знаетъ, какъ со мною ладить. Неужели вы думаете, что я блажу, капризничая, и что въ такомъ раздраженіи, что Иванъ мнѣ противорѣчить не рѣшается? Нѣтъ, это несправедливо. Мы, напротивъ, путешествуемъ очень ладно, обдумываемъ всякую мѣру вмѣстѣ, и насъ упрекнуть скорѣе можно лишь въ одномъ, что мы уже слишкомъ стараемся поступать согласно желанію одинъ—другаго. Иванъ точно мнѣ мало противорѣчить, легко соглашается со мною, противъ даже своего желанія; но я его за это упрекаю. Я въ свою очередь стараюсь рѣшить дѣло такъ, какъ бы онъ желалъ. Отъ этого вышло разъ, что мы оба поступили совершенно противъ своего жела-

нiя, воображая, что каждый изъ насъ поступаетъ такъ какъ желалъ бы другой. Но и это не доходить до такихъ крайностей. Насъ можно упрекнуть въ одномъ, что мы поступаемъ неразумно. Но и здѣсь упрекъ былъ бы несовѣмъ справедливъ. Наша поѣздка въ Веве конечно была вполне неудачна; но это узнали мы только здѣсь...

Еслибъ я зналъ, что вы желаете, чтобъ мы ѣхали куданибудь въ другое мѣсто,—о, этого для меня было бы совершенно достаточно: нечего было бы и разсуждать...

Вы безпокойтесь, что я скачу по Европѣ взадъ и впередъ, что меня это утомляетъ. Повѣрьте мнѣ, что дорога мнѣ дѣлаетъ и сдѣлала уже положительную пользу. Я бы не могъ такъ ѣздить, еслибъ это слишкомъ меня утомляло. Я чувствую себя крѣпче, больше силъ: запыхиваюсь гораздо меньше; правая нога моя такъ укрѣпилась, что я могу ходить на каблукахъ совершенно свободно. Я думаю, что дорога для меня очень полезна. Моя болѣзнь, кажется, много состояла въ слабости, въ упадкѣ силъ, въ ослабленii всего организма; для этого воздухъ, дорога, перемѣна мѣста на время—очень важныя средства. И вотъ на нихъ-то я попалъ, хотя цѣль была постоянное виноградное леченье. Это случается, что человекъ ищетъ лекарства, его не найдеть, но нечаянно найдетъ другое, болѣе настоящее, которое и сдѣлаетъ ему пользу. Пошлютъ, напримѣръ, кого-нибудь, чтобъ онъ нашелъ себѣ цѣлительную траву; онъ пошелъ, искалъ и не нашелъ, но прошелся, вспотѣлъ и выздоровѣлъ. Я вовсе не говорю, чтобъ виноградъ былъ для меня бесполезенъ; напротивъ, считаю его себѣ существенно полезнымъ и думая продолжать леченье виноградомъ; но мнѣ кажется, что, не думая о томъ, я сдѣлалъ себѣ пользу именно этими поѣздками, которыя временно иногда и утомляли меня, но только временно. Усталость проходила, а польза оставалась...

Изъ всѣхъ докторовъ, больше всѣхъ мнѣ понравился Шкода: простой, дѣльный и прямой... Теперь конечно очень сожалѣю, что не послѣдовалъ его совѣту; но тогда, кажется, не безъ основанiя была рѣшена поѣздка въ Веве. И такъ мнѣнiе Шкоды—самое важное. Вы знаете его мнѣнiе... Шкода думаетъ, что мнѣ нѣтъ надобности зиму проводить за границею, что я могу выздоровѣть и въ Москвѣ. И такъ, я думаю положительно воротиться въ Москву.

Теперь хотимъ ѣхать въ Вѣну, тамъ или гдѣнибудь около. лечиться виноградомъ, и потомъ—въ Москву, тою дорогою, которою вы приказываете, т. е. на Петербургъ, хотя я было хотѣлъ прямо попробовать изъ Варшавы въ Москву. Вы говорите, что письма меня

утомляютъ. Увѣряю васъ, что нѣтъ. Я сталъ гораздо крѣпче и сверхъ того пишу неспѣша, и мнѣ жаль, что мои подробные рассказы, которыми думалъ я сдѣлать вамъ пріятное, на васъ наводятъ сомнѣніе обо мнѣ. Будьте спокойны, читайте не смущаясь.

Мюнхенъ, 3 Октября.

Когда мы утромъ, 1 Октября, уже собирались, чтобъ выѣхать изъ Веве, принесли намъ вашу депешу. Она была получена еще наканунѣ въ 8 часовъ вечера; но Кюршѳ не было дома, онъ воротился поздно и прислалъ депешу поутру. Отвѣтъ нашъ вы конечно уже получили. Рѣшившись выѣхать изъ Веве въ Вѣну, мы думали изъ Вѣны прислать вамъ депешу, и даже приготовили ее по нѣмецки; но, получивъ вашу, отвѣчали вамъ немедленно изъ Веве... Мнѣ такъ больно воображать себѣ ваше безпокойство, тогда какъ на дѣлѣ нѣтъ причины для безпокойства, что я рѣшился и не счелъ за грѣхъ побойться, въ телеграфной депешѣ даже! Я знаю, что вы мнѣ повѣрите. Вы знаете, божусь-ли я понапрасну, и вообще божусь ли я... Мы остановились на день въ Мюнхенѣ, рѣшительно изъ благоразумія, даже безъ надобности, ибо я къ 6 часамъ утра (мы пріѣхали вечеромъ въ 9^{1/2}) отдохнулъ прекрасно. Но, зная, что вы бы желали, чтобъ мы ѣхали съ отдыхомъ, оставаясь даже на день, мы рѣшились остаться. Къ тому же здѣсь кстати есть, хоть и не важныя, кой-какія дѣла касательно переводовъ, для которыхъ впрочемъ не стоило бы останавливаться. Но, право, даже и тутъ, прекрасно и, основательно выводя, что благоразумно и хорошо будетъ остановиться на день въ Мюнхенѣ, я боялся, что на дѣлѣ выдетъ глупость*). Вѣдь и другія мои рѣшенія были кажется, обдуманы благоразумно, а на дѣлѣ выходила глупость!.. Въ депешѣ нашей, мы просимъ васъ подождать нашихъ писемъ, потому что нельзя всего объяснить въ телеграфической депешѣ. И вотъ невыгода телеграфовъ: они даютъ результатъ одинъ, безъ процесса, изъ котораго онъ образовался, и поэтому извѣстія телеграфическія (кромя своей краткости) могутъ часто давать неясныя и ошибочныя понятія, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они полны и опредѣлительны, напримѣръ: *я здоровъ* и проч...

*) Оно такъ и выходило. Это неминуемое послѣдствіе неразумнаго распоряженія Русскихъ докторовъ, посылающихъ тяжело-больныхъ за границу, осенью. „Путешествовать слѣдуетъ съ отдыхомъ“; но какой-же это отдыхъ, когда поѣздъ, какъ напр., въ Мюнхенѣ, приходитъ въ 10 часу вечера и прежде чѣмъ добраться до постели, нужно пересѣсть въ скверныя дрожки, ѣхать въ гостинницу, гдѣ, за немѣнѣемъ комнатъ въ нижнемъ или бель-этажѣ, подниматься по лѣстницѣ ступенекъ 70, придти въ холодную горницу (въ эту пору года въ гостинницахъ холоднѣе чѣмъ въ вагонахъ), ждать, пока потопится печь, пока нагрѣется нумеръ и бѣлье,— а къ утру комната вновь остынетъ... П. А.

...Мы изъ Швейцаріи вырвались, какъ изъ погреба. За нами остались дождь, сырость, снѣгъ и стужа. Только что мы переплыли Констанцкое озеро и, вступивъ на почву Германіи, направились къ Сѣверу, какъ въ воздухѣ замѣтили благопріятную перемену, и не мы одни только. Правда, дождь еще мочилъ, но не постоянно; облака расходились, и являлось солнце. Швейцарія—это погребъ Европы, да и погребокъ притомъ. Я не знаю, есть ли страна, гдѣ-бы такъ пили. Швейцарія пьянствуетъ страшно и веселится, хотя Наполеонъ, кажется, и до Женевы, и до Веве, и до всего Женевского озера добирается. Я очень доволенъ, что мы оставили пьяную Гельвецію. Оставаться въ Веве—было чистое безуміе, и мы бѣжали отсюда. Послѣ трехъ красныхъ дней, пошелъ дождь, сдѣлалось холодно и снѣгъ выпалъ на горахъ, одѣвъ ихъ даже до половины, о чемъ я уже писалъ вамъ. Я виноградъ ѣлъ съ большимъ вкусомъ, но онъ далеко не такъ сладокъ, какъ бываетъ. Миѣніе не докторское, а общественное, было большею частію таково, что *sine* невозможенъ; если не вреденъ, то бесполезенъ. Но я переносилъ виноградъ хорошо и увѣренъ, что онъ былъ бы очень для меня хорошъ. Когда пошла стужа и дождь, тогда нельзя было ѣсть сейчасъ принесенный мокрый виноградъ, ибо онъ былъ очень холоденъ. Мой виноградарь, честный человѣкъ, выбиралъ мнѣ конечно лучший виноградъ, но онъ началъ мнѣ казаться кисель; очень можетъ быть, что хорошій, не столь кислый, уже былъ снятъ: его конечно было немного. Но когда погода стала хуже, тогда и Кюрино сказалъ, что я долженъ сидѣть въ комнатѣ. И такъ, какое же это виноградное леченіе: безъ воздуха, безъ прогулки, и виноградъ, по крайней мѣрѣ, сомнительный? Очевидно, что продолжать *такое* леченіе было бы непростительное безуміе. Къ тому же, я думаю, что горный воздухъ мнѣ вреденъ. Именно *въ красный день*, прогуливаясь утромъ, я схватилъ было сильное раздраженіе въ груди и, замѣтя, что виноградъ его усиливаетъ, я долженъ былъ дня на два оставить виноградъ. Раздраженіе это, съ помощію домашнихъ средствъ, прошло совершенно, и я было опять принялся за виноградъ; но увѣрился, что въ Швейцаріи въ нынѣшній годъ просто не можетъ быть *sine*. Въ довершеніе всего. 30-го Сентября, была погода еще гнуснѣе: шелъ холодный дождь, по временамъ снѣгъ, къ вечеру выяснило, былъ морозъ, такъ что въ лужахъ замерзла вода въ нашемъ садикѣ, и на другой день 1-го Октября, солнце освѣтило горы, обсыпанныя снѣгомъ, сверху до самой подошвы. Снѣгъ покрывалъ берега Женевского озера, мѣстами до самой воды, лежалъ на крышахъ деревень, дрова на рынкѣ были покрыты снѣгомъ. Вспомнилъ я нашу пословицу: „Покровъ—землю покроетъ“. Такъ вотъ про кого она сказана: про Швейцарію. Часовъ около 9-ти утра было

(не на сѣверной сторонѣ) всего два градуса тепла. Итакъ мы видѣли въ Швейцаріи, въ Веве (le plus beau pays du monde) настоящую зиму. Хозяйка объявила намъ, что vendange*) назначенъ немедленно: ибо надѣяться на виноградъ болѣе нечего. Вѣроятно много его померзло; говорятъ, что вмѣсто вина придется дѣлать укусъ. Разумѣется, это еще болѣе оправдывало наше рѣшеніе. Надо сознаться, что въ комнатѣ у насъ былъ хорошій воздухъ и очень тепло; но вѣдь я не съ тѣмъ пріѣхалъ въ Веве, чтобъ сидѣть въ теплой комнатѣ; въ Россіи, конечно, зимнее устройство лучше. Наша честная хозяйка сама была того мнѣнія, что намъ надо уѣзжать. Мы простились съ хозяевами очень дружески, и наконецъ выѣхали изъ Швейцаріи. Замѣчательно, что въ эту самую ночь, на 1-е Октября, я вижу во снѣ, что кто-то въ Веве присылаетъ намъ депешу отъ васъ, милая маменька, и проситъ извиненія, что она получена еще вчера, а что онъ присылаетъ ее только нынче. Проснувшись, я думалъ, что на почтѣ, гдѣ мы должны были садиться въ дилижансъ, чтобъ ѣхать въ Лозанну (а оттуда продолжать путь по желѣзной дорогѣ), что на почтѣ отдадутъ намъ письмо Раевского, полученное наканунѣ вечеромъ съ депешей; но сонъ сбился гораздо прямѣе: Кюршо прислалъ намъ вашу депешу, милая маменька, вчера полученную. Мало того: мы, вовсе не ожидая, встрѣтили его у почты, и онъ извинялся, что не прислалъ вчера...

Рѣшившись ѣхать изъ Швейцаріи, мы съ братомъ обсуживали даже вопросъ, куда ѣхать. Въ теплыя страны? Но гдѣ, наконецъ, эти теплыя страны? Кюршо намъ сказалъ, что въ Мадридѣ 3 градуса. Къ тому же зиму тамъ я проводить не намѣренъ, слѣдовательно ѣхать туда не стоитъ. Куда же? Такъ какъ въ нынѣшнемъ году Европа, кажется, раздѣлена на двѣ полосы, на Восточную и Западную (въ первой—тепло, во второй—холодно) то мы рѣшились ѣхать въ Вѣну, которая на Востокъ Европы; ѣсть виноградъ въ Баденѣ, какъ скоро условія къ тому благоприятны, и если нѣтъ, то можетъ быть, двинуться въ тѣ Австрійскія земли, гдѣ тепло и хорошій виноградъ. Въ Вѣнѣ мы близко отъ Россіи, и она самое удобное мѣсто для того, чтобъ оттуда куда нибудь направиться, если въ ней, или около, будетъ неудобно. Есть много и другихъ причинъ, заставляющихъ предпочесть Вѣну. Я увѣренъ, что тамъ погода недурна.

7 Октября. Вѣна.

Вчера получили мы ваше письмо. Меня и изумляетъ, и огорчаетъ, что вы не получаете нашихъ писемъ. Только разъ случилось, что я

*) Сборъ винограда.

написалъ черезъ недѣлю, а то обыкновенно два и три раза... Теперь пишу вамъ (въ Октябрѣ) пятое письмо, которое сегодня, кажется, отправить не успѣю. Намъ *ваши* письма необходимы. Сестра пишетъ, что письма долго ходятъ: не стоитъ писать. Нѣтъ: очень стоитъ. Надо правду сказать, что исключительная быстрота сообщеній, какъ телеграфы, имѣетъ свою вредную сторону (я не говорю про тѣ случаи, гдѣ телеграфы вполнѣ у мѣста). Эта скорость сообщенія балуетъ, и развиваетъ, и питаетъ въ человѣкѣ любопытство, одну изъ вреднѣйшихъ и суетнѣйшихъ сторонъ его духа. Чтò касается до меня, то я съ величайшимъ интересомъ прочту письмо, полученное черезъ двѣ недѣли послѣ телеграфической депеши (слѣдовательно писанное за двѣ недѣли)...

Мы остаемся въ Вѣнѣ, чтобы здѣсь лечиться виноградомъ. Вчера братъ и Раевскій исходили всю Вѣну, вдоль и поперекъ, отыскивая квартиру, и ничего не могли найти. Пришлось остановиться въ гостинницѣ. Теперь пока мы занимаемъ превосходный №, въ 1-мъ этажѣ, за который платимъ 3 гульдена 15 крейц.; сравнительно съ нашими гостинницами, это чрезвычайно дешево, но у насъ за то жизнь идетъ не въ гостинницахъ. Сегодня самъ я ходилъ на рынокъ условиться съ торговкой касательно винограда; винограда фунтъ 30 крейцеровъ (15 к. с.), и то если его братъ постоянно; но виноградъ—настоящій сахаръ. Я началъ сегодня его употребленіе, безъ особенныхъ мудрствованій. Погода здѣсь очень теплая. Вѣна биткомъ набита и, пріѣхавъ въ Вѣну и не нашедъ мѣста въ нѣсколькихъ гостинницахъ, мы попали въ самую аристократическую: Hôtel Munsch; помѣстили насъ въ 3-мъ этажѣ; комната превосходная, высокая, сухая и теплая; но 4 гульдена и всходить—102 ступени! Потому мы, не теряя времени, переѣхали въ другую гостинницу, гдѣ и стоимъ теперь, именно въ гостинницѣ: Zum Römischen Kaiser, въ 1-мъ этажѣ, въ томъ прекрасномъ №, о которомъ я вамъ сейчасъ говорилъ. Сегодня въ эту гостинницу долженъ пріѣхать Гессенскій принцъ, всегда здѣсь останавливающийся; онъ ѣдетъ послѣ завтра въ Варшаву съ Австрійцемъ; но я надѣюсь, что имъ не удастся.

Признаюсь, мнѣ кажется, что я могъ бы уже думать о возвращеніи въ Россію. Конечно, я здѣсь въ Вѣнѣ стану продолжать свой виноградъ, который я вчера началъ; но недѣли черезъ двѣ его уже снимутъ. Я и теперь могу ѣсть виноградъ въ Вѣнѣ, только *вчера* снятый съ вѣтки, а послѣ двухъ недѣль и этого не будетъ, а будетъ raisin conservé*). Впрочемъ надо обратить вниманіе на дѣйствіе вино-

*) Сбереженный виноградъ.

града. Очень бы хотѣлось знать ваше мнѣніе и получить вашъ советъ. Отъ Вѣны уже прямой переѣздъ до Варшавы: мысль эта отрадна. Впрочемъ, я думаю, что мы, можетъ быть, пойдемъ на Сталюпененъ, слѣдовательно вѣроятно черезъ Берлинъ, гдѣ мнѣ бы не мѣшало зайти къ нѣкоторымъ профессорамъ, а потомъ, на Петербургъ, и оттуда въ Москву. Прощайте. Надобно еще послѣдовательно разсказать вамъ наше путешествіе изъ Швейцаріи до Вѣны. Здѣсь около насъ наши добрые Славяне.

Вѣна, 11 Октября.

Сегодня я пишу, и самъ думаю отнести на почту. Я употребляю виноградъ, самъ всякое утро хожу на рынокъ брать его, и ѣмъ два раза въ день: проснувшись въ постелѣ и потомъ передъ обѣдомъ. Такъ хочу продолжать, слѣдовательно каждый день порядочный кусокъ сытнаго мяса: при виноградѣ больше не нужно. Не знаю, будетъ ли виноградъ дальше мириться съ кофеемъ. Но вотъ въ чемъ дѣло; сегодня погода гораздо холоднѣе; если погода сдѣлается положительно холодною, а виноградъ будетъ окончательно снятъ и перенесенъ въ погреба, то мнѣ кажется, лучше воротиться въ Россію, въ Москву, на что я и испрашиваю вашего позволенія. Теперь негдѣ искать винограду: тамъ, гдѣ онъ былъ хорошъ, онъ большею частію давно снятъ; тамъ гдѣ онъ былъ дуренъ, онъ не годится, да и тамъ его снимаютъ; онъ еще не снятъ въ сѣверной части Европы, какъ и здѣсь на примѣръ въ Вѣнѣ. Варвинскій говоритъ, что какъ не найти въ Европѣ винограда! Положимъ такъ; но вѣдь надо его искать, и нерѣдко понапрасну. Мы это отчасти и дѣлали. Чтоже дѣлать, если въ Европѣ, и именно въ извѣстныхъ виноградныхъ мѣстахъ, оказалась такая стужа и такой плохой виноградъ? Во всякомъ случаѣ, теперь изъ Вѣны ѣхать для винограднаго леченія, кажется мнѣ, не куда и не время. Но если въ Вѣнѣ сдѣлается дурная погода, и виноградъ снимутъ: то, кажется мнѣ, не для чего оставаться и въ Вѣнѣ. Въ Москвѣ теплѣе будетъ въ дурную погоду, да и виноградъ можно *достать сбереженный* (соп-сервѣ). какъ и здѣсь онъ скоро будетъ только такой. Въ Россіи тепло зимою найти можно. А о какомъ-то *тепломъ климатѣ во время зимы* можно предоставить говорить мечтателямъ*). Можетъ, и есть теплый климатъ, только не здѣсь, а на примѣръ въ Бразиліи, гдѣ зимою 18 град. тепла въ тѣни. И такъ, вотъ наши мысли. Я увѣренъ, что вы ихъ одобрите. Если возвращаться на зиму въ Россію, то лучше уже возвращаться раньше, какъ скоро здѣсь въ чужихъ краяхъ не для чего оставаться, какъ скоро здѣсь уже не будетъ ни тепла, ни свѣжаго

*) Точно тоже говаривала Екатерина Великая. П. Б.

винограду. Если же вы бы рѣшительно захотѣли, милая маменька, чтобы мы вернулись въ Россію позднѣе, вы всегда можете остановить насъ по телеграфу. Только, право, не для чего возвращаться на зиму поздно, особенно, когда здѣсь оставаться не будетъ особенной нужды. Но пока можно, и пока хотя сколько-нибудь нужно, мы хотимъ остаться здѣсь.

Въ Воскресенье 9 Октября, здѣшній императоръ выдалъ манифестъ „къ моимъ народамъ“. Манифестъ этотъ произвелъ сильное и разнообразное впечатлѣніе. Въ этомъ манифестѣ заключается все, чего ждали эти „мои народы“, все, чего добивались въ Государственномъ Совѣтѣ. Многія надежды страшно обмануты. Но за то, противъ ожиданія, большая уступка Венгріи. Улицы вечеромъ, по дорогѣ императора въ Варшаву, велѣно было освѣтить. Когда мы съ Иваномъ пришли въ свою комнату, кельнеръ говоритъ намъ съ восхищеніемъ, какъ иллюминированъ городъ. Отъ чего же иллюминированъ, спросили мы: отъ того, что императоръ уѣхалъ? Кельнеръ нѣсколько обидѣлся и отвѣчалъ; „въ городѣ радуются, что императоръ *поѣхалъ въ Россію*, что онъ въ Варшаву ѣдетъ“. Этотъ отвѣтъ довольно любопытенъ. Но я надѣюсь, что Австрія ошибается въ своей радости. Газеты ея, въ самомъ дѣлѣ, или скрываютъ эту радость, или точно видятъ, что нечего Австріи надѣяться на союзъ съ Россіею, который, со стороны Россіи, былъ бы чудовищнымъ.

Надо, наконецъ, вкратцѣ рассказать вамъ нашъ переѣздъ изъ Женевы сюда.

Кюршо сказалъ, что, по его мнѣнію, я долженъ бы пить Емскія или Соденскія воды; но что теперъ онъ мнѣ совѣтуетъ употреблять теплое молоко, а котэры оставляетъ, какъ воспоминаніе объ немъ, совѣтуя поставить ихъ еще нѣсколько на груди съ лѣвой стороны. Кюршо былъ сконфуженъ и огорченъ. „Я думалъ, сказалъ онъ мнѣ, что у насъ будутъ вечера, и что вы будете намъ рассказывать и говорить про Россію“. Вѣроятно все свѣдѣнія о насъ почерпнулъ онъ отъ Русскихъ, здѣсь живущихъ. Наконецъ, простившись любезнѣйшимъ образомъ со всеми, двинулись мы на почту, гдѣ, послѣ долгаго ожиданія сѣли въ дилижансъ, который и довезъ насъ до Лозаны. Въ Лозанѣ мы ждали нѣсколько часовъ, потомъ сѣли наконецъ въ вагоны желѣзной дороги и наконецъ поѣхали. Теперъ намъ приходилось ночевать въ мѣстечкѣ, сѣсть на пароходъ поутру, и потомъ опять на на желѣзную дорогу; но тогда мы значительно опаздывали. Была и другая возможность: въ этомъ мѣстечкѣ, не ночуя, сѣсть въ дилижансъ, проѣхать берегомъ озера, ночевать въ Биль-Нидуа и съ желѣзной до-

рогой въ 5 часовъ утра двинуться далѣе; тогда мы выгадывали много времени. Мы рѣшились на второе. Спросили кондуктора. Кондукторъ сказалъ: „Это можно; но знаете ли вы дорогу, господа? Дорога дурна, а особенно ночью“. Это поксебало насъ, и мы скорѣе были готовы остаться. Приѣхали темнымъ вечеромъ въ мѣстечко. Шель дождикъ, и было очень холодно. Былъ какой-то омнибусъ изъ гостинницы, да ужъ уѣхаль. Мы однако все думали остаться, ибо и ѣхать было не-пріятно, и говорили съ братомъ, какъ бы добраться до ночлега. „Стало бытъ, вы не спѣшите, господа“, сказалъ молодой человекъ по русски, котораго въ темнотѣ мы и не замѣтили. „А вы ѣдете?“ спросили мы. „Бду“. — „Говорить, дорога дурна“. — „Да, чтѣ дурна! Горь особенныхъ нѣтъ“. — „Но сама дорога дурна“. — „Ну вотъ, вѣрно такъ, ничего“. — „Ну, если вы ѣдете, такъ и мы ѣдемъ“, сказали мы, и стали ждать дилижанса. Впрочемъ намъ сказали потомъ, что самыя дурныя мѣста исправлены. Русскій этотъ—молодой человекъ, Лаврентьевъ, кончив-шій курсъ въ Московскомъ Университетѣ, хорошо всѣхъ насъ по на-слышкѣ знающій и Отесиньку. Онъ, узнавъ, что мы Аксаковы, вдругъ сталъ называть насъ каждого по имени и по отчеству. Онъ учится въ Гейдельбергъ и занимается весьма серьезно; теперь спѣшилъ къ открытію курса. Онъ мнѣ очень понравился. Въ немъ такъ ясно проглядывала Русская природа. Такая простота, такое отсутствіе фразы. Узнавъ, что я нездоровый человекъ, онъ очень внимательно обо мнѣ заботился; но все это такъ просто; видно было, что не вниманіе хотѣлъ ко мнѣ показать, а хотѣлъ, чтобъ было хорошо и удобно. Ему, какъ и слѣдуетъ Русскому, смѣшны Нѣмецкіе студенты-бурши съ ихъ попойками и шутками, которые, между прочимъ, притомъ враги Га-рибальди и свободнаго движенія. Долго ждали мы дилижанса; ждалъ съ нами одинъ Нѣмецъ, возвращающійся изъ Египта, куда онъ ѣздили, какъ вы думаете, за чѣмъ? Заводить пивную. Наконецъ, дилижансъ приѣхаль. Мы усѣлись втроемъ въ купѣ и двинулись: доѣхали благо-получно; но дорога въ самомъ дѣлѣ не очень ѣздовата; тутъ же дѣлается желѣзная дорога; набросаны камни, нагромождены телѣжки и пр. Дорога идетъ въ гору; съ одной стороны крутъ вверхъ, съ другой крутъ внизъ, и колесо ѣхало часто почти въ обрѣзъ, по краю. Благо-получно доѣхали мы до городка *Биль*. Я не знаю, писалъ ли я вамъ, что мы проѣзжали черезъ этотъ Биль, ѣдучи въ Вевѣ и должны были въ немъ ночевать. Мы были поражены тогда пѣснями на улицахъ и въ гостинницахъ, пьяными и вообще *цулянемъ*; видно было, что го-родъ *цумлетъ*. Мы спросили о причинѣ такого пированья. Намъ сказали, что теперь праздничные дни у нихъ: собралось общество Гельвеціи. Въ этотъ второй проѣздъ, ночью же и при дождѣ, было гораздо болѣе

пьяныхъ на улицахъ, гораздо болѣе раздавалось пѣсень во все горло, и гостинницы были еще больше набиты. Насъ не пустили въ одну, мы пошли въ другую; и въ ту не пускаютъ; но хозяйка однако, пожалившись, повидимому, сказала, что нельзя же прїѣзжихъ оставлять на улицѣ, и что она дастъ намъ комнату. Но эта комната занята офицерами, возразилъ ей дворецкій. Но офицеровъ мы можемъ положить и въ залъ, возразила хозяйка, и спросила насъ, когда мы уѣзжаемъ. Мы отвѣчали, что въ пять часовъ утра. Этотъ отвѣтъ рѣшилъ дѣло, и комната была намъ отдана. Расчетъ хозяйки оказался вѣренъ. Когда мы сошли въ пять часовъ въ обѣденную залу, чтобы расплатиться, офицеры наши еще не возвращались изъ казино, куда пошли пировать. Мы нашли въ залѣ немолодую Швейцарскую чету, нагружающую себя виномъ. Наконецъ сѣли мы въ омнибусъ, повезшій насъ на желѣзную дорогу; съ нами сидѣло семейство, только что воротившееся съ бала, и молодой офицеръ, тяжело натянувшійся виномъ, тоже, кажется, съ бала. Всѣ эти подробности привожу я для того, чтобы дать болѣе наглядное понятіе о впечатлѣніи, какое производитъ Швейцарія. Да что у васъ опять за праздникъ? спросили мы въ Билѣ. — Праздникъ офицеровъ, отвѣчали намъ. Наконецъ оставили мы Швейцарію и прїѣхали въ Мюнхенъ.

16 Октября.

Сами можете судить, какъ встревожило меня извѣстіе о болѣзни Хомякова*). Будемъ ждать вашихъ писемъ. Австріи полнѣйшая неудача въ Варшавѣ. Мы дальше, чѣмъ были прежде за Варшавой. Теперь это всѣ видятъ.

*

Въ вѣнѣ К. С. Аксаковъ изнывалъ отъ чахотки. Намъ сказывали, что за богослуженіемъ въ тамошней посольской церкви проливалъ онъ обильныя слезы, молясь на колѣняхъ. Къ нему изъ Москвы прїѣхали мать и сестра вѣра Сергѣевна. Иванъ Сергѣевичъ повезъ ихъ, по опредѣленію врачей, на островъ Зантъ, гдѣ въ Декабрѣ того же 1860 года тихо скончался Константинъ Сергѣевичъ. Послѣднія слова его были: „Божественный Хомяковъ“. Онъ и самъ человекъ божественный, какъ называлъ его (въ концѣ своей жизни) пишущему эти строки графъ С. Г. Строгановъ, нѣкогда, по приказанію изъ Петербурга, преслѣдовавшій его по дѣламъ печати. П. Б.

*) Хомякова тогда уже не было на свѣтѣ: онъ скончался почти внезапно 23 Сентября. Бояся сообщить эту роковую вѣсть Константину Сергѣевичу, его хотѣли подготовить къ ней постепенно, почему сперва и написали ему, что Хомяковъ занемогъ довольно серьезно. И. А.

ДРАМА ВЪ ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ.

Прошло уже почти семь лѣтъ съ того времени, какъ 11 Марта 1903 года, во Франціи, въ Болъё, скончался 86 лѣтъ отъ роду выдающийся писатель, крупный человѣкъ вообще, — Александръ Васильевичъ Сухово-Кобылинъ, авторъ знаменитой „Свадьбы Кречинскаго“ и членъ Россійской Академіи. Газеты и журналы посвятили ему „некрологи“, въ большинствѣ случаевъ не преминувъ коснуться той тайны въ жизни его, которая когда-то заставила его удалиться отъ свѣта, уединиться въ деревнѣ и наложила печать какой-то таинственности на весь образъ нѣкогда блестящаго молодого человѣка изъ высшаго Московскаго общества. Сынъ полковника В. А. Сухово-Кобылина и Маріи Ивановны, рожденной Шепелевой (женщины изъ чрезвычайно богатаго рода) Александръ Васильевичъ родился 18 Сентября 1817 г.. Это родной братъ извѣстной Москвѣ и всей Россіи писательницы графини Елисаветы Васильевны Салиасъ (Евгеніи Туръ), преподавателями у которой были Погодинъ, Надеждинъ и Морошкинъ, тогдашнія свѣтила Московскаго университета. Молодой Сухово-Кобылинъ вращался въ кружкѣ Московскихъ гегеліанцевъ. Жажда просвѣщенія увлекла его за границу, гдѣ произошло сближеніе, для него имѣвшее чреватяя послѣдствія. Горячей его природѣ свойственны были увлеченія, и такое случилось съ нимъ въ Парижѣ, въ 1841 году. Ему было въ то время всего 24 года, ей 22; она выдавала себя почему-то за вдову, но по словамъ самого Сухово-Кобылина была дѣвницей... Неожиданная, 9 лѣтъ спустя, трагическая смерть этой особы, въ Москвѣ, повлекла за собой цѣлый рядъ тяжелыхъ для Сухово-Кобылина послѣдствій, перетерпѣвъ которыя, онъ затаилъ въ себѣ оскорбленіе и тяжелое свое горе. Неразгаданный романъ съ Француженкой кончился печально. Жертвою его сдѣлались и героиня, и герой: первую убили, а втораго обвинили въ убійствѣ. Московская сплетня угвердила и раздула это обвиненіе,

а стоустая молва разнесла на всю Россію, и до такой степени что этому разсказу вѣрять не только современники, но и послѣдующія поколѣнія, въ чемъ легко убѣдиться, хотя бы прочитавъ некрологи... Все забыто, даже имя Француженки, а разсказъ о томъ, будто бы самъ любовникъ, невѣрный, самъ бросилъ въ любовницу шапдаломъ и убилъ ее—повторяется на разные лады. А. В. Сухово-Кобылинъ былъ привлеченъ къ слѣдствію, узналъ тюремное заключеніе, испыталъ всю тяжелую и безконечную волокиту старыхъ судовъ¹⁾. „Изъ жизнерадостнаго и безнечнаго Россійскаго дворянина“, говоритъ Юрій Бѣляевъ, Сухово-Кобылинъ вышелъ озлобленнымъ и мрачнымъ обличителемъ. Въ душѣ его закипѣла сатира“. Явились „Свадьба Кречинскаго“, „Дѣло“ и „Смерть Тарелкина“. Онъ, задумавъ свое „Дѣло“, изобразилъ въ этой мрачной и тяжелой драмѣ все ужасы дореформенной канцеляріи. Эта канцелярія, какъ мы увидимъ ниже, во многомъ напоминала застѣнокъ. Еще ужаснѣе, еще судорожнѣе написана „Смерть Тарелкина“ или „Расплюевскіе веселые дни“. Говорятъ, покойный графъ Валувевъ ужаснулся, прочитавъ первую редакцію этой комедіи-сатиры. Наложивъ такой тяжелый отпечатокъ на нравственный обликъ Сухово-Кобылина, драма его жизни не могла потрясти его могучій организмъ. По словамъ одного его знакомаго, „за шестьдесятъ лѣтъ онъ выглядывалъ совершеннымъ молодцомъ, бравымъ, краснощекииъ брюнетомъ съ непокорными густыми локонами на красивой головѣ²⁾“. Говорятъ, что онъ былъ рѣдко интересный собесѣдникъ и владелъ удивительно-образною рѣчью. Рѣдко можно было встрѣтить человѣка, такъ удивительно хорошо владѣвшаго Русскимъ языкомъ. Незадолго уже до смерти Сухово-Кобылина познакомившійся съ нимъ Ю. Бѣляевъ писалъ въ его некрологѣ: „Это былъ едва ли не самый интересный человѣкъ, съ которымъ мнѣ доводилось встрѣчаться. Русскій аристократъ, помѣщикъ,—и хорошій помѣщикъ,—крѣпостникъ по убѣжденіямъ и прогрессистъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, поклонникъ Ге-

¹⁾ Мы, впрочемъ, привыкли бранить и осуждать все старое. Не проще ли сказать, что судьи были, но не было почти людей? Еще вопросъ, на какомъ судѣ больше шельмуютъ подсудимаго (который еще, м. б., и не виновенъ) въ записки, на истинномъ турнирѣ краспорѣчія, въ угоду жадной на скандалъ публикѣ, да и не только обвинителя, а и свидѣтеля. Нерѣдко роются во всей жизни человѣка, выкапывая что либо: публично читаются самыя интимныя письма, нерѣдко неизвѣстно для чего. Потомъ все попадетъ въ газеты. Какой смыслъ такой „публичности?“ Какой же процессъ больше поражалъ человѣка, дореформенный, письменный или тевереншій, современный и публичный?

²⁾ Лицо у него, какъ и у сестры его, Елисаветы, было смуглое и нѣсколько восточное. Такое же впечатлѣніе производилъ и отецъ ихъ съ прострѣленнымъ носъ Аустерлицемъ глазомъ. Другимъ глазомъ, пронзительнымъ въ родѣ Филаретовскихъ, онъ много читалъ, и бесѣда его, которою я пользовался, была очень занимательна. П. Б.

телевской мудрости и яркій, страстный сатирикъ—всѣ эти разнородные элементы какъ-то уживались въ сложной Русской душѣ. О чемъ-бы онъ ни говорилъ, онъ говорилъ своеобразно; что ни дѣлалъ-дѣлалъ по своему. Отъ него вѣяло Москвою, вспоминались сороковые годы, просторный барскій домъ... иное въ рѣчахъ его звучало явнымъ анахронизмомъ... А. В. Сухово-Кобылинъ рѣдко говорилъ о „Свадьбѣ Кречинскаго“, и только двѣ послѣдующія пьесы заставляли его оживляться и грозить своимъ врагамъ, изъ которыхъ уже ни одного не оставалось въ живыхъ. О драмѣ своей жизни онъ говорилъ также мало. Вокругъ него заботливо шептались, боясь чѣмъ нибудь растрожить старыя раны. Но въ кабинетѣ надъ кроватью висѣла блѣдная настель Французской работы въ золоченой рамкѣ. Хорошенькая женщина въ свѣтлорусыхъ локонахъ и съ цвѣткомъ въ рукѣ глядѣла оттуда задумчиво и улыбалась загадочно-грустно. „Вотъ это—она!“ просто сказала однажды А. В., потомъ отвернулася и стала говорить о чемъ-то другомъ*.

На одномъ изъ самыхъ живописныхъ, а главное самомъ благоустроенномъ и опрятномъ кладбищѣ въ Москвѣ, на Введенскихъ горахъ, гдѣ хоронятся иновѣрцы, легко найти большой памятникъ, со скленомъ*), поставленный А. В. Сухово-Кобылинымъ; на немъ чпгается краткая Французская надпись: „A la chère et triste mémoire de Louise Elisabeth Simon, née le 1 Avril 1819 † le 7 Novembre 1850“.

При жизни эта особа, прахъ которой здѣсь погребенъ, называлась Московскою купчихою Луизой Ивановной Симонъ-Деманшь и была героиней несчастнаго романа отет. титулярнаго совѣтника А. В. Сухово-Кобылина. Вся дворня и многіе сторонніе свидѣтели положительно утверждали, что Симонъ была съ нимъ въ „любобной связи“, самъ же онъ не менѣе категорически это отвергалъ.

На основаніи подлиннаго судебного дѣла (Архивъ Госуд. Совѣта, департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, 1853 г., № 71) мы поштыаемся хоть немного поднять завѣсу, которая опустилаь на это кровавое дѣло, породившее столько разсказовъ и сплетень. Должно, однако, впередъ оговориться, что тайна все же не откроется вполне. Тѣмъ не менѣе будетъ ясно, по крайней мѣрѣ, что трудно винить умершаго писателя въ смерти любимаго имъ человѣка, что основанія черезчуръ шатки, что слѣдствіе было далеко отъ совершенства. Помимо всего этого, дѣло, о которомъ мы говоримъ, чрезвычайно живо, какъ картина Московскаго дворянскаго быта, среди обстановки и привычекъ крѣпостнаго права, растлѣвающее вліяніе котораго отзы-

*) Также похороненъ майоръ Французской службы графъ Фальтамъ, мужъ дочери А. В. Сухово-Кобылина.

валось даже на такихъ людяхъ, какъ А. В. Сухово-Кобылинъ и вся его сравнительно-гуманная семья.

Все, что содержать въ себѣ непосредственныя показанія самого Сухово-Кобылина (можетъ быть даже собственноручно имъ написанныя) мы приведемъ цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій и сокращеній, какъ важное для будущаго біографа писателя. Повторяемъ, пусть читатель не надѣется, что предъ нимъ будетъ совершенно поднята завѣса, скрывающая тайну убійства Луизы Симонъ; но тѣмъ не менѣе будетъ ясно, на сколько далеки отъ истины всѣ розказни о томъ, что она убита, по однимъ версіямъ, казачкомъ, бросившимъ въ нее тяжелый мѣдный шандаль, по другимъ—самимъ Сухово-Кобылинымъ, такимъ же способомъ, въ то время, когда Симонъ подкараулила его свиданіе, у него на квартирѣ, съ какой-то знатной домою... Во всемъ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на „шандаль“, а медицинскій осмотръ трупа явно обнаруживаетъ совсѣмъ другіе средства и способы убійства.

9 Ноября 1850 г., уже подъ вечеръ, въ Москвѣ, въ 2¹/₂ верстахъ за Прѣсененской заставой, близъ вала, окружающаго Ваганьково кладбище, по дорогѣ къ Ходынскому полю, найдено было заковенѣвшее тѣло неизвѣстной женщины. По наружному осмотру она оказалась хорошо сложенной особой, лѣтъ около 35 (на самомъ дѣлѣ ей былъ 32 годъ). Одѣта она была въ шелковое клѣтчатое платье, голубую бархатную кофточку, на головѣ синяя атласная шапочка, совсѣмъ сбившаяся на затылокъ, подъ платьемъ надѣто еще три юбки, бѣлые коленкоровыя кальсоны, шелковые бѣлые чулки и теплыя бархатныя полушапочки. Верхняго платья, шубы или салопы, не было. Распуценныя роскошныя русыя волосы, съ воткнутой черепаховой гребенкой (безъ одного зубца) заплетены были въ косу, и косою была кѣмъ-то обвита шея. Подъ волосами зіяла на горлѣ рана, изъ которой вытекло и оказалось на снѣгу весьма немного крови. Трупъ лежалъ ницъ лицомъ, при чемъ снѣгъ подъ нимъ нѣсколько подтаялъ; онъ лежалъ въ 3-хъ саженьяхъ отъ дороги. Съ правой стороны возлѣ самаго трупа виденъ слѣдъ саней, своротившихъ съ большой дороги и прошедшій мимо самаго тѣла, а далѣе впавшій опять въ большую дорогу. По слѣдамъ же конскихъ копытъ видно, что слѣдъ былъ отъ Москвы. Что касается до людскихъ слѣдовъ, то ихъ не было замѣчено. На трупѣ были найдены брилльянтовыя серьги и на пальцахъ 2 „супира“ съ брилльянтами и розами и золотое кольцо; въ карманѣ оказалось 9 ключей, изъ коихъ 5 на кольца. Часовъ и денегъ не было. Креста на шеѣ не оказалось. „По близости тѣла орудій и никакихъ острыхъ вещей не

оказалось, и слѣдовъ крови болѣе нѣтъ“. По всему ясно было, что трупъ привезенъ былъ убійцами откуда-то изъ другого мѣста. О происшествіи приставъ Прѣсененской части донесъ оберъ-полицеймейстеру, у котораго уже имѣлось сдѣланное 9-же числа поздно вечеромъ заявленіе отставнаго титулярнаго совѣтника А. В. Сухово-Кобылина объ исчезновеніи (въ теченіи уже 2-хъ дней) знакомой его Француженки, жившей на Тверской улицѣ, въ домѣ графа Гудовича, почти рядомъ съ домомъ Московскаго военнаго генераль-губернатора. Сухово-Кобылинъ просилъ оберъ-полицеймейстера принять мѣры къ розыску пропавшей, опасаясь какого либо несчастія. Трупъ былъ предъявленъ крѣпостнымъ дворовымъ людямъ Сухово-Кобылина, служившимъ по приказанію барина у иностранки Симонъ-Деманшъ, и признанъ былъ за ихъ исчезнувшую госпожу. Эти люди были: рабочій, ѣздившій за кучера, Галактіонъ Козьминъ, парень лѣтъ 18, и кучеръ Игнатій Макаровъ.

По наружному осмотру „убитаго тѣла“ врачомъ Тихомировымъ, оказалось: „на передней части шеи, ниже гортанныхъ хрящей, находится поперечная, какъ бы порѣзанная, съ ровными расшедшимися краями окровавленная рана, длиною около 3 вершковъ; дыхательное и пищепріемное горло, обѣ боковыя сонныя артеріи и обѣ крововозвратныя яремныя жилы, съ поврежденіемъ другихъ близъ лежащихъ мягкихъ частей и сосудовъ, совершенно перерѣзаны. На верхней части всей шеи замѣтенъ поперечно вдавленный рубецъ, въ объемъ мизинца; на лбу небольшое, около вершка, продолговатое, темнобагроваго цвѣта пятно; кругомъ лѣваго глаза, величиною въ ладонь, темнобагроваго цвѣта опухоль съ подтекомъ крови, закрывшая весь глазъ; на лѣвой рукѣ, начиная отъ плеча до локтя, на задней сторонѣ, находится сплошное, темнобагроваго цвѣта съ подтекомъ крови пятно, по срединѣ котораго замѣтенъ вдавленный рубецъ темнаго цвѣта, косвеннаго направленія, ближе къ локтю; на концѣ этого пятна видна незначительная трехугольная поверхностная ссадина; на второмъ сгибѣ средняго пальца лѣвой руки тоже замѣтна поверхностная ссадина, величиною въ полногтя мизинца. По всему лѣвому боку, къ задней его сторонѣ, находится сплошное яркочернаго цвѣта, въ четверть листа бумаги величиною, пятно, на коемъ видны во множествѣ разной величины темнубураго цвѣта пятна съ подтекомъ крови. На лѣвомъ вертикалѣ находятся 2 поверхностныя, величиною въ четвертакъ, ссадины, окруженныя темнобагроваго цвѣта пятномъ, величиною въ ладонь; на поясницѣ замѣтны таковыя же 3 поверхностныя ссадины“. По „анатомическому свидѣтельству“, произведенному тѣмъ же Тихомировымъ,

вмѣстѣ съ старшимъ штабъ-лѣкаремъ полиціи Гульковскимъ, всѣ органы оказались въ нормальномъ состояніи; поврежденія же были слѣдующія: подъ пятномъ на лѣвомъ боку найдено „большое ссѣдшееся кровоизліяніе“, затѣмъ „седьмое, восьмое и девятое ребра лѣвой стороны переломлены, а девятое ребро даже съ раздробленіемъ кости“.

Оба врача пришли къ заключенію, что смерть Симонъ-Деманшъ „послѣдовала отъ чрезмѣрнаго наружнаго насилія, слѣдствіемъ коего были помянутыя поврежденія тѣла, и въ особенности отъ безусловно-смертельной раны на передней части шеи“.

Звѣрское убійство въ самомъ центрѣ города, подъ бокомъ у грознаго хозяина Москвы, Закревскаго, конечно, всполошило всю полицію. Ни военный карауль на Прѣсенской кордегардіи, ни находившійся у заставы надзоръ отъ виннаго откупа не видали, чтобъ что нибудь вывозили или кто либо выѣзжалъ ночью по направленію къ тому мѣсту, гдѣ былъ найденъ трупъ; должно быть, ничего подозрительнаго не видалъ и пресловутый бутошникъ съ аллебардой, будка котораго находилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома графа Гудовича.

Оберъ-полицеймейстеръ поручилъ произвести слѣдствіе приставу городской части Хотинскому. Осмотръ квартиры убитой ничего не далъ; вещи, письма и бумаги ея были опечатаны; не удалось также разыскать и извозчика, который бы возилъ кого ночью на 9 число за Прѣсенскую заставу, или по крайней мѣрѣ у кого либо изъ нихъ окривавенныя сани. По словамъ Сухово-Кобылина, Симонъ имѣла привычку ѣздить на самыхъ плохихъ извозчикахъ, такъ что онъ опасался какъ бы она не попала подъ какой нибудь экипажъ. Полиціи удалось только подробно выяснитъ, гдѣ была и чтѣ дѣлала убитая въ послѣдній день жизни, до вечера, когда всѣ слѣды спутываются: она исчезаетъ.

Во Вторникъ, 7 Ноября, Л. И. Симонъ-Деманшъ почти весь день провела виѣ дома; объ этомъ подробно разсказалъ паренъ Галактіонъ Козьминъ, ѣздившій съ ней, на ея лошади, въ этотъ день, вслѣдствіе болѣзни кучера. Надо сказать, что знакомства большого у Симонъ не было: Сухово-Кобылинъ, иностранка, ея пріятельница Эрнестина Ландертъ, съ которой она познакомилась, когда, пріѣхавъ въ Москву въ 1841 г., поступила въ модный магазинъ Мене. Эта Эрнестина жила съ отст. подпоручикомъ Серг. Петровичемъ Сушковымъ*). Затѣмъ было еще Французское семейство Киберъ, жившее въ селѣ Хорошевѣ, близъ Москвы. Вотъ и все ея знакомство.

*) Братъ поэтессы графини Е. П. Ростопчиной.

Во Вторникъ, 7 Ноября, Л. Симонъ выѣхала изъ дому часовъ въ 9 утра, на своей лошади, съ рабочимъ Галактіономъ Козьминнымъ, и заѣхала сначала въ Газетный переулочекъ въ домъ Наумова, къ своей пріятельницѣ Эрнестинѣ Ландертъ. Отъ нея поѣхала въ Охотный рядъ, гдѣ закупила разной провизіи по просьбѣ Эрнестины, которая пригласила ее къ себѣ обѣдать. Вернувшись изъ Охотнаго и пробывъ недолго у Эрнестины, Симонъ заѣхала домой, а оттуда отправилась въ книжный магазинъ Дюкло, въ Леонтьевскомъ переулкѣ. Взявъ тамъ цѣлый ящикъ книгъ, она повезла ихъ на Никольскую (въ домъ Чижова) въ контору Шепелевыхъ (т. е. дяди Сухово-Кобылина), отсюда проѣхала на Маросейку къ портнихѣ Друве. Заѣхавъ затѣмъ домой и переодѣвшись, Луиза Ивановна отправилась на обѣдъ къ Эрнестинѣ, гдѣ кромѣ хозяйки, были еще подпоручикъ Сушковъ и молодой человекъ Самуилъ Александровичъ Панчулидзевъ. Послѣ обѣда всѣ поѣхали кататься, въ 2-хъ саняхъ, при чемъ на лошади Симонъ-Деманшъ ѣхали Эрнестина съ Сушковымъ, а въ саняхъ Панчулидзева, „молодого, высокаго человека съ усами“, сидѣла Деманшъ. Катались они отъ Тверскихъ воротъ до Мясницкихъ, т. е. по бульварамъ, оттуда заѣхали на Кузнецкій мостъ въ кондитерскую Люке, потомъ къ Эрнестинѣ, откуда домой вернулась Симонъ около 9 ч. вечера и велѣла отпрячь свою лошадь. Послѣ этого слѣды исчезаютъ... Все предъидущее, основанное на показаніи Галактіона Козьмина, было подтверждено свидѣтелями и не возбуждало никакого сомнѣнія. Кромѣ того Эрнестина Ландертъ и ея кавалеры показали слѣдующее. Эрнестина между прочимъ рассказала, что познакомилась съ Симонъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда она служила въ магазинѣ Мене; пріѣхала она въ Россію по своей волѣ, съ какими-то иностранцами; отъ нея самой она слышала о ея любовной связи съ Сухово-Кобылиннымъ, но „были ли сдѣланы со стороны послѣдняго какія либо обязательства къ вознагражденію Деманшъ, она не знаетъ“, равно не знаетъ „какого она была поведенія и состоянія“. Поручикъ С. П. Сушковъ сообщилъ, что передъ катаньемъ, сходя съ лѣстницы, Деманшъ предлагала ѣхать кататься въ Петровскій паркъ, но онъ посоветовалъ кататься по городу и заѣхать къ Люке ѣсть мороженое, на что она согласилась; такъ и было сдѣлано. По возвращеніи съ катанья Симонъ пробыла не болѣе 5 минутъ, спѣшила домой, не осталась пить чай и обѣщала заѣхать на другой день. Сушкову въ этотъ день она показалась особенно веселой и въ хорошемъ расположеніи духа. Между прочимъ она рассказывала ему, что наконецъ уложила въ ящики остатки вина отъ бывшаго у нея раньше виннаго погреба, чтобы отправить это вино въ деревню къ Шепелеву, отъ котораго рассчитывала получить деньги. „Она очень радовалась, что у

нея заведется наконецъ свой капиталъ (*qu'elle serait rentière*) и предполагала, что со временемъ и Кобылинъ для нея что-нибудь сдѣлаетъ для обезпеченія ея жизни“. При этомъ Сушковъ прибавлялъ, что „ему извѣстно, что все что она имѣла и чѣмъ жила, давалъ ей Кобылинъ“. Панчулидзевъ особеннаго ничего не могъ сказать, такъ какъ недавно только познакомился съ Деманшъ у Сушкова и видѣлъ ее всего раза три, въ послѣдній разъ обѣдалъ съ нею 7 Ноября, потомъ каталъ ее въ своихъ саняхъ и въ началѣ 10 часа везъ ее до квартиры Ландерть. „Поведеніе ея и состояніе ему совершенно неизвѣстны“, онъ даже не зналъ о ея близости къ Сухово-Кобылину.

Такимъ образомъ было совершенно ясно, гдѣ и какъ провела Симонъ весь день до 9 часовъ вечера. Въ 10 часу что-то должно было произойти, ибо послѣ этого времени свѣдѣнія дѣлаются неточными. Естественно было слѣдователямъ обратить вниманіе на ея прислугу. Всѣ люди служившіе ей были крѣпостные Сухово-Кобылина, который имѣлъ довѣренность отъ своего отца на управленіе всѣми имѣніями. Всѣ они жили по паспортамъ и какъ-бы добровольно за жалованье. На самомъ дѣлѣ это было не совсѣмъ такъ, баринъ и опредѣлялъ ихъ на службу, къ Симонъ и убиралъ ихъ обратно по ея желанію. Прислуга эта, въ день убійства, состояла: изъ кучера, мальчика Галактіона Козьмина, „дворовыхъ дѣвокъ“ вдовы Аграфены Ивановой Кашкиной, 27 лѣтъ, дѣвки Пелагеи Алексѣевой, около 50 лѣтъ, и повара Ефима Егорова, приходившаго каждый день къ Симонъ готовить, молодого человѣка лѣтъ 20. Его обучалъ знаменитый Московскій поваръ Петръ Дорофеевъ, на кухнѣ у извѣстнаго гастронома М. Ѳ. Рахманова. Егоровъ закончилъ свое кулинарное образованіе на кухнѣ самого графа Воронцова-Дашкова и въ обоихъ этихъ домахъ, по мнѣнію его барина Сухово-Кобылина, сильно избаловался и привыкъ къ роскоши. Симонъ должна была слѣдить за его расходами и сокращать его широкія замашки. „Дворовыя дѣвки“ обѣ показали, что Луиза Ивановна, вернувшись домой и узнавъ, что отъ барина приходилъ поваръ и не дождался ея, написала барину письмо и стала ждать отвѣта, а не дождавшись одѣлась въ салопъ и ушла изъ дому. Больше же она не возвращалась. Такъ какъ она часто такъ уходила къ Сухову-Кобылину, то женщины прождали ее всю ночь, съ огнемъ. Между тѣмъ въ этотъ вечеръ самого Сухово-Кобылина не было дома: онъ, съ сестрой графиней Сальясъ, былъ на вечерѣ у Надежды Ивановны Нарышкиной*), жившей на Тверской, противъ Англійскаго клуба, въ домѣ Альфонскаго, откуда вернулся только въ 2 часа ночи.

*) Александръ Григорьевичъ Нарышкинъ († 1855 г.), его жена Надежда Ивановна (р. 1825), рожд. Кноррингъ, въ 2-мъ бракѣ за Александромъ Дюма-сыномъ.

Уже въ первомъ своемъ показаніи мальчикъ Галактіонъ Козьминъ, въ заключеніи, показалъ, что Деманшъ обращалась строго съ горничными и кухарками, а съ нимъ ничего, одежду давала имъ недостаточную, а пищею были довольны; строгость же ея состояла въ томъ, что „бывала изъ своихъ рукъ“. Кашкина и Иванова вполне это подтвердили, прибавивъ, что нрава она была вспыльчиваго, „за всякую бездѣлицу взыскивала и бывала изъ своихъ рукъ“, но злобы противъ нея не имѣли и метить не хотѣли. Показывали онѣ также, что она ссорилась и иногда крупно говорила, съ Кобылинымъ, причемъ тотъ уходилъ, хлопнувъ дверью. Полиція постаралась очень внимательно выяснитъ вопросъ объ обращеніи убитой съ ея прислугой. Всѣ согласно показывали, что она была строга, вспыльчива, дралась, что въ послѣднее время даже стала еще злѣе. О ея „строгости“ показали и сторонніе люди, прислуга другихъ жильцовъ, дворовые въ домѣ гр. Гудовича. Подтвердилъ это даже студентъ князь Радзивиллъ, жившій надъ квартирой Симонъ и не бывшій лично съ ней знакомъ. Въ то время, когда далеко не гонялись за каждымъ цинкомъ, это что нибудь да значило.

Какъ же относился къ этому баринъ? Всѣ дворовые увѣряли, что барину на Луизу Ивановну жаловаться было нельзя: онъ грозилъ розгами, ссылкой въ деревню, иногда отдавалъ изящную Московскую горничную замужъ за мужика, въ глуши, иногда самъ собственноручно бивалъ и однажды избилъ Пелагею Алексѣеву „до безпамятства“. Иногда Деманшъ била дѣвушекъ при самомъ баринѣ, въ глазахъ котораго онѣ всегда были виноваты, и если жаловались „еще и отъ него получали пощечины“. Одной дѣвушкѣ, Настасьѣ Никифоровой, проживавшей въ Москвѣ въ горничныхъ сначала у барыни, матери Сухова-Кобылина, а затѣмъ 6 лѣтъ у Деманшъ, однажды удалось принести жалобу самому военному генералъ-губернатору, который приказалъ произвести осмотръ побоевъ, синяковъ и опухолей на лицѣ и на тѣлѣ. Жалоба оказалась справедливою, и Закревскій приказалъ взять подписку съ Симонъ, что она будетъ хорошо обращаться съ прислугой и удерживаться отъ побоевъ; при этомъ Французенка должна была еще заплатить избитой 10 рублей. Русскаго помѣщика, гегелянца, нисколько видимо не возмущало, что заѣзжая иностранка могла расправляться такъ съ Русскими людьми, какъ не посмѣла бы у себя на родинѣ ни съ кѣмъ. Прислуга объясняла ея жестокость тѣмъ, что она, кромѣ горячаго „строптивата“ характера, еще „худо говорила по русски“, такъ что дѣвушки не сразу понимали ее, что ея особенно „выводило изъ себя“; а помѣщикъ хладнокровно показывалъ, что Си-

могъ больше „выговаривала имъ съ бранью, и иногда съ малыми и незначительными побоями“, объясняя, что Русская нерадивость и старанія оправдаться особенно возмущали „аккуратную иностранку“. Между прочимъ всѣмъ этимъ людямъ назначалось жалованье, но его они совсѣмъ не получали, да и платѣ давалось очень не щедро: въ теченіе 10 мѣсяцевъ службы Аграфены Ивановой сшито было одно платьѣ и два шейныхъ платка „по пятіалтынному“. Сама Луиза Деманшъ говорила Сушкову, что „люди ея не любятъ ея“, такъ что Сушковъ первый высказалъ предположеніе, что вѣрнѣе всего она убита прислугой, ибо другихъ враговъ у нея не было, а Кобылинымъ она была довольна.—Уже начиная съ утра 8 Ноября, Сухово-Кобылинъ сталъ сильно беспокоиться, посылать всюду о ней узнавать. Зять его, полковникъ М. Ѡ. Петрово-Соловово и Сушковъ принимали горячее участіе. Последній прислалъ слѣдующее письмо: „Въ случаѣ, что мадамъ Симонъ-Деманшъ еще не отыскалась, позволъ, любезный Кобылинъ, подать тебѣ совѣтъ въ этомъ затруднительномъ обстоятельстве. По мнѣнію моему, вѣроятно произошло какое-нибудь несчастіе; потому что она, уѣзжая отъ Эрнестины, говорила, что ей хотѣлось бы еще погулять въ садахъ и въ особенности прокатиться въ Петровское; а такъ какъ она уѣхала на извозчикѣ изъ дома одна, то или ее задавилъ экипажъ, или сильно ушибли, или въ Петровскомъ обворовали и даже могли и убить. Въ первомъ случаѣ, т. е. несчастія на улицѣ, вѣроятно полиціи оно уже извѣстно, но только странно, что она такъ долго не могла придти въ память, чтобы дать о себѣ знать. Въ случаѣ же грабежа, тебѣ нужно дать тотчасъ подробное описаніе въ полицію о ея наружности, платьѣ, салопѣ, шляпкѣ; на ней были кольца съ брилльянтами и брошка. По этимъ слѣдамъ могутъ поймать вора и попасть на слѣдъ. Эрнестина поручила сказать тебѣ, что можно испытать еще одно средство, которое иногда удавалось: приказать свести собачку ея (Жипси) въ паркъ и посмотреть, не наткнетъ ли инстинктъ животного, очень къ ней привязаннаго, на ея слѣдъ? Попытка не мудреная, но попробовать можно; вѣроятно ты очень встревожился“. Послано было это письмо въ Четвергъ 9 Ноября днемъ. Уже 12 Ноября во флигелѣ, изъ 5 комнатъ, гдѣ жилъ на Страстномъ бульварѣ въ домѣ матери своей А. В. Сухово-Кобылинъ, былъ произведенъ обыскъ. Полиція искала все салонъ, въ которомъ должна была выйти изъ дому Симонъ-Деманшъ, и слѣдовъ крови. Надо сказать, что при анатомированіи трупа онъ оказался очень „малокровнымъ“, что приписывалось ранѣ на горлѣ, при которой должна была быть большая потеря крови. Ея не оказалось ни на снѣгу, ни на платьѣ убитой, ею не было даже испачкано и тѣло!.. Салона ни теперь, ни послѣ такъ и не нашли; но въ квар-

тирѣ Сухово-Кобылина неожиданно обнаружили слѣды крови: „въ комнатѣ, называемой залой, видны на стѣнѣ къ сѣнямъ кровавыя пятна, одно продолговатое въ вершокъ длиною, въ видѣ распустившейся капли, другое въ 5 копѣечную серебряную монету, разбрызганное“. Кромѣ того обнаружались на штукатуркѣ какія-то подозрительныя затертыя пятна, крашенные полы свѣжевымытыми, а на черномъ крыльцѣ и на ступеняхъ также кровавыя пятна и брызги, одно въ $\frac{1}{4}$ аршина, частью тоже смытыя“... Въ это время всѣ люди Сухово-Кобылина, жившіе у Симонъ, а также его камердинеръ, были уже арестованы. Послѣ повтореннаго 16 Ноября въ квартирѣ самого Кобылина обыска, самъ онъ былъ вызванъ въ Слѣдственную Комиссію, гдѣ такъ записали его показаніе: „Ноября 16 дня, при увѣщаніи священника, отет. титулярный совѣтникъ Александръ Васильевъ Сухово-Кобылинъ, на вопросныя пункты въ Городскомъ Частномъ домѣ, отвѣчалъ, что иностранку Луизу Симонъ-Деманишъ знаетъ, познакомился съ нею въ г. Парижѣ, во время своего тамъ пребыванія, писала себя вдовою, но сколько ему извѣстно была дѣвпца, а о родныхъ утверждала, что никого не имѣеть, и онъ при ней никого не видалъ, а равно и переписки никакой не замѣчалъ; по званію своему была Французская гражданка. Она прибыла въ Россію 6 Октября 1842 г. по собственному желанію, одна, на пароходѣ „С.-Петербургъ“; въ Москву прибыла въ концѣ Октября или въ началѣ Ноября, во время его отсутствія, и опредѣлилась модисткою въ магазинъ Мене, на Кузнецкомъ мосту; по прибытіи его въ Москву, прислана имъ для нея квартира въ домѣ Засѣцкаго на Рождественкѣ, гдѣ она и жила. Отношенія его къ ней были, какъ и прежде, любви и сердечной привязанности. Знакомыхъ всегда имѣла весьма ограниченное число, именно: г-жу Киберь и ея семейство, иностранку Эрнестину Ландертъ, доктора Реми, г. Сущкова, иностранца Бессай и жену его; особенно близкаго дружелюбія, сколько ему извѣстно, ни съ кѣмъ не имѣла, кромѣ его матери и сестры, къ которымъ питала глубокое уваженіе и привязанность. Сколько ему извѣстно, она, Деманишъ, состоянія въ Парижѣ никакого не имѣла, прибыла въ Россію частью на свои деньги, частью на его, данныя ей заимообразно, содержала себя жалованьемъ, получаемымъ отъ Мене, частью его пособіями. Впослѣдствіи имъ былъ данъ ей капиталъ на заведеніе вино-торговаго магазина, который она и держала первона-

*) Убитой Симонъ А. В. Сухово-Кобылина, кажется, не видалъ. Ее похоронили 12 Ноября, и въ хлопотахъ по погребенію принимали участіе сестры его графиня Саліасъ и Петрово-Соловово. Над. Ив. Нарышкина писала записку о похоронахъ къ аббату Кудеру, которую возилъ студентъ Феофистовъ и просилъ аббата, если прійдетъ Сухово-Кобылинъ, сказать ему, что тѣло видѣть запрещено.

чально въ домѣ Попова, а потомъ въ домѣ Чицова, на Никольской улицѣ, каковой, по скудости торговли, прекратила въ 1849 году и остальное время жила на всемъ его содержаніи. На путевыя издержки имъ дано было приблизительно до 100 франковъ, а на заведеніе винно-торговаго магазина выдавалъ онъ въ разныя времена денежныя суммы и другіе предметы, приблизительно до 60 т. руб. ассигн. Въ послѣдній разъ свиданіе его съ Симонъ-Деманшъ было въ Понедѣльникъ (6 числа) на ея квартирѣ, они были одни, и никого изъ постороннихъ не было; въ своемъ же домѣ онъ ея, со времени пріѣзда своихъ родственниковъ, не видалъ; въ которомъ часу дня ее видѣлъ, не припомнить, но думаетъ, что утромъ. Рождественники же его прибыли въ домъ 3-го или 4-го числа Ноября. Заходилъ къ ней на квартиру днемъ, но не засталъ дома, по особенной надобности никого къ ней не посылалъ, но нѣкоторые изъ людей его, какъ-то поваръ и конторщикъ, явились къ ней по своимъ обязанностямъ: 1-й за распоряженіями относительно стола, второй съ отчетомъ по домашнему расходу, за которымъ она наблюдала и имѣла у себя деньги для расхода. Возвратясь домой, онъ нашелъ у себя на туалетномъ столикѣ полученную отъ нея весьма малую записку, въ которой она сообщала ему, что для расхода у нея осталось мало денегъ, а потому, вынувъ изъ кошелька 3 Россійскихъ полунимперіала, онъ отложилъ оныя на столъ, приказавъ камердинеру на утро 8 числа вмѣстѣ съ запискою доставить ихъ ей. Вечеромъ 7 Ноября онъ находился на вечерѣ у Ал. Гр. Нарышкина, гдѣ и ужиналъ. Часу во 2-мъ по полуночи возвратился домой; не заставъ никого, раздѣтъ былъ камердинеромъ и легъ спать. Въ наружности камердинера ничего особеннаго не замѣтилъ, впрочемъ и вниманія на него особеннаго не обратилъ. Сколько можетъ онъ припомнить, отправился онъ на вечеръ и возвратился домой пѣшкомъ, ибо его лошади были заняты сестрами, а извозчика этотъ вечеръ не нанималъ. На вечеръ къ Нарышкину отправился онъ въ 8 часу или 9-го четверть. До обѣденнаго времени, т. е. до 5 часа, въ домѣ не находился, вечеромъ же обѣдалъ съ зятемъ Соловымъ и его женою и никого не принималъ и не видалъ до тѣхъ поръ, пока отправился на вечеръ. По отсутствію своему изъ дому была ли Деманшъ въ 9 ч. вечера 7 числа одна или съ кѣмъ нибудь, опредѣлить не можетъ и отъ людей своихъ о семъ ничего не слыжалъ. Возвратясь съ вечера, онъ нашелъ на столѣ записку отъ Симонъ-Деманшъ, въ которой просила у него на расходъ денегъ и въ тоже время въ краткихъ словахъ упоминала, что давно не видала; онъ съ своей стороны, отложивъ 3 Россійскихъ полунимперіала, написалъ къ ней нѣсколько словъ, подтвердивъ камердинеру доставить письмо и деньги чрезъ по-

вара Ефима ей, Деманшъ, но оныхъ ни съ кѣмъ не посылалъ; ибо, вставъ самъ рано по утру и желая ее видѣть, сказалъ камердинеру, что отдастъ деньги самъ. Вышедши изъ дому въ 9 часу, положилъ деньги обратно въ кошелекъ и отправился на квартиру къ ней, гдѣ узналъ, что ей, Деманшъ, дома нѣтъ, и по словамъ ея горничной не возвращалась съ 10 ч. вечера. Во все время его сношеній съ Деманшъ, онъ не можетъ припомнить дня, въ который бы поведеніе ея не было равно отлично и примѣрно; образъ ея жизни былъ самый скромный, уединенный, наполненный домашними занятіями, довольно правильный, при самомъ маломъ числѣ знакомыхъ. Ссоръ и неудовольствій ни съ кѣмъ не имѣла. Въ любовной связи ни съ кѣмъ не замѣчалъ и ни къ кому ея не ревновалъ, она же весьма часто ревновала его. 8 Ноября онъ получилъ первое безпокойство объ отлучкѣ Симонъ-Деманшъ, при посѣщеніи ея квартиры въ 9 часу утра. Ожидая возвращенія ея, заходилъ въ 12 и въ 2 часу, вслѣдствіе чего и рѣшился отправить нарочнаго въ село Хорошево, къ знакомой ея Киберь, къ которой часто ѣзжала и проводила ночи; самъ же отправился обѣдать къ родственнику своему, князю Вреде. Возвратясь домой и получивъ извѣстіе, что Деманшъ въ Хорошевѣ не видали и она не бывала, обезпокоенный симъ извѣстіемъ, взявши извозчика, отправился въ квартиру распросить ея людей, заѣзжалъ къ знакомой ея Эрнестинѣ Ландертъ и, не получивъ никакихъ удовлетворительныхъ свѣдѣній, отправился въ Тверскую часть для развѣдыванія, не случилось ли въ ночи какого-либо несчастія на улицахъ той части. Получивъ отрицательный отвѣтъ, снова возвратился въ квартиру Симонъ-Деманшъ, въ ожиданіи ея возвращенія. Было уже часовъ 11 вечера. Отпустивъ извозчика, приказалъ заложить работнику ея, Галактіону, лошадь въ сани и поспѣшно возвратился домой сообщить свой страхъ зятю своему; поговоря съ нимъ, они рѣшились отыскивать оберъ-полицеймистра, на каковой конецъ и отправились въ его домъ, оттуда въ Англійскій клубъ, а оттуда въ домъ Купеческаго собранія, гдѣ они его и нашли; при чемъ, вызвавъ его въ переднюю, спрашивали: не сообщено ли ему о какомъ-либо несчастномъ случаѣ отъ экипажей, постигшемъ женщину въ синемъ салопѣ; оберъ-полиціймейстеръ отвѣчалъ отрицательно, спросивъ ихъ, по какому поводу они предлагаютъ ему сей вопросъ, на что онъ объяснилъ, что знакомая ему Французенка ушла со двора вчера вечеромъ, въ 10 часу, и по сіе время не возвращалась, что и заставило его предполагать, что съ нею случилось какое-либо несчастіе. Былъ уже часъ 1-й ночи; онъ, отвезя зятя своего въ домъ, возвратился на квартиру къ Симонъ-Деманшъ, все еще поддерживаемый слабою надеждою о ея возвращеніи, но прождалъ напрасно

всю ночь. Утромъ часу въ 7, зять его, Петрово-Соловово, прибылъ къ нему, желая начать новые поиски; а какъ наканунѣ слышалъ онъ отъ Ландертъ, что она, Симонъ-Деманшъ, имѣла намѣреніе прокатиться въ Петровскій паркъ, то они и направились по сему направленію собирать слухи и свѣдѣнія; но, проѣхавъ до Башиловской будки, ничего новаго не открыли, отправились въ домъ оберъ-полицеймейстера и явились къ нему съ объясненіемъ, что проживающая въ домѣ графа Гудовича Французенка Симонъ-Деманшъ другую уже ночь не являлась въ домъ, и что предполагаютъ, что съ ней случилось несчастіе, а потому просили его сдѣлать по сему предмету распоряженіе. На вопросъ его, куда она могла выйти, онъ указалъ два направленія: С.-Петербургское шоссе и Хорошево, какъ такія мѣста, куда она или по знакомству съ Киберъ, или по словамъ Ландертъ для прогулки могла ѣхать. Болѣе къ отысканію Симонъ-Деманшъ никакихъ дѣйствій не предпринималъ. Въ началѣ предполагалъ, что не подверглась ли она несчастію отъ экипажей, потому что имѣла постоянную привычку ѣздить на самыхъ плохихъ извозчикахъ; когда же предположеніе его было опровергнуто словами оберъ-полицеймейстера, то, не видя ея возвращенія, сталъ опасаться за ея жизнь. Впрочемъ, до самаго объявленія ему, онъ имѣлъ надежду видѣть ее въ живыхъ. Въ разговорѣ же о судьбѣ ея, прежде ея отысканія, онъ многократно изъяслялъ опасенія въ своемъ семействѣ и домѣ о томъ, не убита ли она. Завѣдывать экономією Деманшъ стала съ давняго времени, въ чемъ всегда совѣтовались; вмѣстѣ онъ обѣдалъ съ нею, иногда у нея на квартирѣ и рѣдко у него въ домѣ, и всегда совѣтовались касательно расходовъ въ домѣ его, которые она всегда находила великими, особливо, когда ими завѣдывалъ поварь его. Вслѣдствіе сего нынѣшнею осенью, говоря объ этомъ много, согласились они, чтобы она расходы приняла на себя, какъ-то: завѣдываніе домомъ, расходомъ и выдачей денегъ и покупкою всей провизіи; вслѣдствіе сего и сдѣланы ею для дома запасы, а именно: куплено ею до 2 пуд. чаю и значительное количество всякаго столоваго вина, разливкою котораго она и занималась даже предъ послѣднимъ днемъ своей жизни, а также и въ продолженіе всего времени его съ нею жизни. Она *всегда изъясляла ревность* къ тѣмъ дамамъ, куда онъ часто ѣздилъ или близко былъ знакомъ; ревность эта, однако никогда не выходила изъ предѣловъ обыкновенной шутки, подшучиванія, иногда и просьбы, чтобы часто въ такой домъ или къ такой не ѣздить. Естественно, что, въ продолженіе девяти лѣтъ, лица эти смѣнялись другими; изъ всего этого неудовольствій, а тѣмъ менѣе ссоръ и разрыва связи ихъ, не происходило. Всѣ люди, находившіеся у него, Кобылина, и у Симонъ-Деманшъ въ услуженіи до 7 числа, состоятъ

сполна на лицо. Зла и недоброжелательства особеннаго онъ въ людяхъ не замѣчалъ, однако полагаетъ, что поварь его могъ имѣть неудовольствіе въ томъ, что столовый расходъ былъ имъ переданъ Деманшъ, о чемъ онъ уже упомянулъ. При осмотрѣ квартиры его дѣйствительно найдены два, весьма малыя кровавыя пятна не въ залѣ, а въ прихожей комнатѣ, ведущей въ сѣни и кухню, происшедшія отъ двухъ капель, попавшихъ на стѣну, поелику онъ проживаетъ въ этой квартирѣ только съ 4 числа сего мѣсяца. до него же жили въ оной многіе изъ его родственниковъ, а въ особенности мать его и тетка, тайная совѣтница Жукова, со всею своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ 8 человекъ, съ прислугою, имѣя двухъ больныхъ дочерей, коихъ она пользовала, какъ-то: ставила пѣвки и тому подобное, и наконецъ здѣсь же проживала, тою же осенью, двоюродная сестра его, тайная совѣтница Бороздина съ дѣвкою: а потому онъ Сухово-Кобылинъ совершенно опредѣлить не можетъ причины, по которой оныя капли на стѣнѣ оказались. Къ тому же, какъ замѣтно, онъ былъ старъ, и вся стѣна его довольно ветха, что доказываетъ во многихъ мѣстахъ осыпавшаяся штукатурка. Онъ же, съ своей стороны, переходя въ эту квартиру изъ собственныхъ своихъ покоевъ, которые уступилъ своему зятю и женѣ его, предполагая пробить въ оной нѣсколько дней, не имѣлъ нужды заботиться возобновлять и окрашивать оную. Огромное количество черныхъ пятенъ, которыя видны на стѣнѣ второй комнаты, доказываетъ, что онъ не имѣлъ времени и желанія хлопотать о поновленіи и чисткѣ этихъ покоевъ. При этомъ необходимымъ находить онъ присовокупить, что камердинеръ его подверженъ кровоточенію изъ носу, и потому не мудрено, что, живя въ этой комнатѣ и обертываясь къ стѣнѣ, онъ и самъ могъ запачкать оную, а равно и прислуга матери его, Кобылина, потомъ тайной совѣтницы Жуковой и, наконецъ, тайной совѣтницы Бороздиной, которыя помѣщались въ этой комнатѣ, легко могли запачкать стѣну сими двумя кровавыми пятнами по какому-либо болѣзненному припадку или случаю, какъ-то: обрѣзу, уколу и т. п. Что же касается до кровавыхъ пятенъ, замѣченныхъ въ сѣняхъ, ведущихъ въ кухню, а равно и на ступеняхъ крыльца чернаго, ведущаго въ ту же кухню, то безо всякаго сомнѣнія они произошли отъ поваровъ, которые въ сѣняхъ пригальвали живность для стола, привозимую изъ деревни, чистили рыбу и производили подобныя сему дѣйствія, соединенныя съ поварскою должностію, всегдашнимъ изліяніемъ крови, затѣмъ, что въ сѣняхъ всегда стоитъ и помойная лохань, а равно и др. утварь и кадунки. О смерти же Деманшъ сперва узналъ отъ квартальнаго поручика Максимова, который, не объявивъ ему Кобылину причину ея смерти, сказалъ, что найдено за Прѣсен. заста-

вой тѣло женщины зарѣзанной; онъ же о сей смерти никакихъ предположеній опредѣлительно не дѣлалъ, да и дѣлать не могъ, ибо не имѣлъ по сему случаю никакихъ данныхъ, участія въ оной никакого не принималъ и подозрѣній никакихъ не имѣлъ, кромѣ извозчика, на которомъ она, быть можетъ, для прогулки ѣздилъ. По причинѣ безпрерывныхъ свиданій съ Симонъ-Деманшъ онъ Кобылинъ писемъ не получалъ и оныхъ не имѣетъ, а получалъ малыя записки, относящіяся къ ежедневнымъ домашнимъ ея нуждамъ, потребностямъ и прочему, которыя (записки) всегда, какъ ненужныя, уничтожалъ, а какія остались, то были взяты у него при обыскѣ. Послѣ смерти Симонъ-Деманшъ, онъ полагаетъ, что денежнаго состоянія никакого не осталось по тому самому, что на содержаніе ея онъ же самъ, по мѣрѣ нужды, выдавалъ ей деньги, а изъ дома его отпускаемы были всякаго рода провизія и припасы. Денежныхъ обязательствъ онъ, Кобылинъ, Симонъ-Деманшъ ни въ Парижѣ, ни здѣсь никогда не выдавалъ, да и быть этого не могло, ибо она сама всегда состояла, да и нынѣ состоитъ, его должницею; а до какой суммы, теперь опредѣлить не можетъ. Ожидали его, Кобылина, Симонъ-Деманшъ вечеромъ 7 Ноября, ему неизвѣстно; намѣренія же быть у нея онъ имѣть не могъ, ибо онъ самъ приглашенъ былъ на вечеръ“.

Такъ отвѣчалъ А. В. Сухово-Кобылинъ на вопросные пункты, предложенные ему. Однако слѣдователи, приставъ Хотинскій и слѣдственныхъ дѣлъ стряпчій Троицкій нашли показанія его не вполне удовлетворительными, въ виду нѣкотораго разнорѣчія (не существеннаго и потомъ устраненнаго на очныхъ ставкахъ) съ „отвѣтами“ камердинера Макара Лукьянова и повара Ефима Егорова, и сдѣлали постановленіе объ арестѣ Сухово-Кобылина, „равно принявъ въ соображеніе кровавыя пятна на его квартирѣ, т. к. эти обстоятельства наводятъ сильное подозрѣніе относительно убійства купчихи Симонъ-Деманшъ“.

Между тѣмъ графъ Закревскій, видимо не довольный медленностью слѣдствія и отсутствіемъ результатовъ, 17 Ноября учредилъ особую Слѣдственную Комиссію, подъ предѣдательствомъ чиновника особыхъ порученій колл. сов. Шлыкова, „по важности обстоятельствъ“, предписавъ „употребить самыя строгія мѣры къ открытію виновныхъ въ преступленіи“.

Неизвѣстно, долго ли пришлось сидѣть Сухово-Кобылину, если бы дѣло неожиданно не приняло другого оборота. 20 Ноября онъ былъ уже выпущенъ на свободу, пробывъ подѣ арестомъ всего 4 дня.

Надо сказать, что Слѣдственная Комиссія энергично принялась за дѣло и передопросила всѣхъ и арестованныхъ, и свидѣтелей, а затѣмъ

19 Ноября сдѣлала такое постановленіе: „Принимая въ соображеніе обстоятельства дѣла, навлекающія сильнѣйшее подозрѣніе на двороваго человека Сухово-Кобылина, Ефима Егорова, равно сбивчивость его отвѣтовъ, смущеніе его и какъ бы сказать нерѣшительность высказать нѣчто тяготящее его совѣсть, признано необходимымъ подвергнуть Егорова строжайшему заключенію въ секретной комнатѣ, дабы удалить отъ него возможность имѣть съ кѣмъ либо сообщеніе и чрезъ уединеніе предоставить его суду собственной совѣсти; почему отослать его, для содержанія, въ Серпуховскій частный домъ“. Неизвѣстно, почему именно этотъ домъ долженъ былъ особенно располагать къ созерцанію и благотворно дѣйствовать на угнетеную совѣсть, тѣмъ не менѣе Комиссія видимо знала, что дѣлала, и результаты „уединенія“ не замедлили обнаружиться: уже 20 Ноября поваръ Ефимъ Егоровъ принесъ повинную и рассказалъ о преступленіи такъ. Ему было уже давно извѣстно, что прислуга Симонъ-Деманшъ была недовольна своею госпожей и поговаривала о томъ, какъ бы отъ нея избавиться. Пылкая и горячая Француженка, „сварливаго нрава“, притомъ на столько плохо говорившая по русски, что прислуга ее съ трудомъ понимала, часто разъяренная бросалась бить особенно женщинъ „изъ своихъ рукъ“ и была больно... Жалобы барину на его любовницу приводили къ тому только, что баринъ кричалъ, бранился и грозилъ ссылкой въ деревню и даже выдачею замужъ за мужика... Для Московскихъ горничныхъ то была очень непріятная перспектива. Если же жаловалась сама Симонъ, то Сухово-Кобылинъ также собственноручно расправлялся съ виноватыми, „пощечинами“ и побоями: разъ такъ билъ почти 50-ти лѣтнюю „дѣвку“ Пелагею Алексѣевну, что она лежала безъ памяти... Въ злосчастный день 7 Ноября поваръ Ефимъ пришелъ къ Симонъ за приказаніями. Ея не было дома. Ожидая ея возвращенія, Ефимъ разговорился съ женщинами, и по обыкновенію полились ихъ слезныя жалобы на несправедливость и злобу ихъ госпожи: жалованья не платить, одѣваетъ скудно, да еще бьетъ... а въ послѣднее время ревнуетъ барина къ кому-то, какъ говорятъ, къ Н. И. Нарышкиной, такъ стала еще злѣе... Наслушавшись этого, Ефимъ спокойно сказалъ: „я приду нынче ночью и ее убью“. Испуганныя женщины, по ихъ словамъ, стали уговаривать его это „отложить“. Въ это время Симонъ вернулась и написавъ записку Сухово-Кобылину, отправила повара домой, приказавъ придти утромъ 8 Ноября. Уходя, Ефимъ повторилъ опять женщинамъ, что ночью придетъ и чтобы онѣ не запирали входной двери. Затѣмъ онъ зашелъ на конюшню къ Галактіону Козьмину и ему тоже сказалъ, что придетъ убивать. Послѣдній согласился помогать... Такъ просто, съ двухъ словъ было рѣшено это ужасное дѣло.

Ночью, часа въ 2, Ефимъ Егоровъ пришелъ съ чернаго крыльца въ квартиру Симонъ и нашелъ дверь отпертою. Взойдя въ комнату, гдѣ спали Пелагея и Галактіонъ, разбудилъ ихъ, а также и горничную Аграфену. Взявъ въ руки подушку и вооруживъ Галактіона утюгомъ (найденный потомъ въ кухнѣ, съ погнутой ручкой, и предъявленный утюгъ былъ признанъ Галактіономъ за тотъ самый, которымъ онъ билъ Симонъ), Ефимъ спросилъ Аграфену, нѣтъ ли въ комнатѣ собаки. Та отвѣчала, что есть одна (всѣхъ было, кажется, 4) и затѣмъ пошла въ спальню. Симонъ проснулась и спросила: „что ты тутъ ходишь“? Аграфена сказала, что пришла за собачкой, которую и вынесла изъ комнаты на рукахъ. Послѣ этого она дала Ефиму по его требованію платокъ, чтобы заткнуть ротъ Симонъ. Когда убійцы вошли въ спальню. Французенка спала на кровати, раздѣтая, возлѣ на столикѣ горѣла свѣча. Ефимъ бросился сразу къ ней и, накрывъ подушкой, началъ душить. Симонъ сопротивлялась и „раза два взвизгнула“. Тогда онъ ударилъ ее кулакомъ по лѣвому глазу и сталъ душить рукою, а потомъ поданнымъ ему Аграфеной полотенцемъ затянулъ шею. Въ тоже время Галактіонъ наносилъ ей рядъ ударовъ утюгомъ по бокамъ. Когда же утюгъ вырвался у него изъ рукъ, они оба принялись бить ее кулаками. Черезъ нѣсколько времени все было кончено. Тогда поваренокъ велѣлъ женщинамъ одѣть убитую въ полный костюмъ. Мы знаемъ уже, въ какомъ видѣ былъ найденъ въ полѣ трупъ. Не надѣли только салопъ; но сдѣлано это было съ намѣреніемъ, чтобы могло показаться, что она убита и ограблена извозчикомъ. Деньги въ портмоне, булавку и часы взялъ Ефимъ съ собой. Потомъ Галактіонъ пошелъ запрячь лошадь. Трупъ положили въ сани и закрыли полостью. Галактіонъ былъ кучеромъ, а Ефимъ сидѣлъ въ саняхъ. Ночь была темная; мало того, что никто не видалъ всѣхъ этихъ дѣйствій, но сами ѣхавшіе замлутались и первоначально, вмѣсто Прѣсененской заставы, попали на Смоленскій рынокъ. На заставѣ ихъ также никто не замѣтилъ. Отъ нея, по направленію къ Ходынкѣ, версты на 3, Ефимъ выбросилъ на сѣбѣ убитую; но „опасаясь, чтобы не ожила на погибель ихъ“, перерѣзалъ ей горло складнымъ ножомъ, который тутъ же и бросилъ. Ефимъ увѣрялъ, что онъ тутъ же бросилъ и часы съ булавкой. Потомъ эти вещи и деньги нашли на чердакѣ дома Сухова-Кобылина, завернуты въ какое-то „любобное“ письмо камердинера Макара.(?!). Также незамѣтно вернулись убійцы домой. Къ этому времени женщины успѣли уже сжечь въ Голландской печи салопъ, и все въ комнатѣ привести въ порядокъ. Въ квартирѣ убійцы выпили 2 бутылки какого-то вина, а затѣмъ пошли въ трактиръ „Сучокъ“ на Моховой, гдѣ пили чай и водку. Въ 6 часовъ разошлись спокойно по домамъ, сговорившись

показывать, что Симонъ домой не возвращалась. Закончилъ свое показаніе Егоровъ*) такими словами (какъ это записано): „показывалъ онъ все по истинной справедливости, безъ всякой лжи и утайки, ожидая за чистосердечное сознание его снисхожденія начальства“. Содержавшіеся въ другой части (Яузской) Галактіонъ, Пелагея и Аграфена въ тотъ же день, 20 Ноября, также сознались и рассказали все обстоятельства убійства, согласно съ Ефимомъ. Только Галактіонъ добавилъ маленькую подробность: когда утюгъ вырвался у него изъ рукъ, онъ и Ефимъ стали добывать Француженку просто кулаками, а женщины еще прибавили, что они отклоняли Ефима отъ убійства, а когда убивали, то онъ сталъ все кричать, но тѣ пригрозили имъ: „не кричать, а то и вамъ тоже будетъ“...

„Собственное признаніе есть высшее всего міра свидѣтельство, говоритъ законъ“, такъ восклицаетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи Сухово-Кобылина „Смерть Тарелкина.“

Теперь такое признаніе имѣлось: Слѣдственная Коммиссія могла торжествовать. Все было въ порядкѣ, въ каждомъ допросѣ имѣлось заявленіе отъ имени допрашиваемаго, что ему „никакихъ принужденій и пристрастія при допросахъ чинено не было“.

Теперь дѣло должно было направиться въ судебныя учрежденія и поступить въ Московскій Падворный Судъ. Впрочемъ, Слѣдственная Коммиссія еще не скоро закончила свое существованіе: вмѣстѣ съ другими свидѣтелями и сознавшимися преступниками она допросила еще два раза самого А. В. Сухово-Кобылина. Существеннаго въ этихъ показаніяхъ его было то, что онъ категорически сталъ отрицать свою „любовную связь“ съ убитой и какую бы то ни было интимную близость въ Надеждѣ Ивановнѣ Нарышкиной, о чемъ шель слухъ по Москвѣ и болтала прислуга. Имя Надежды Ивановны Нарышкиной, какъ бы то ни было, замѣшалось въ дѣлѣ, и она, скоро овдовѣвъ, навсегда покинула Москву и Россію, чтобы за границей вторично выдти за мужъ за знаменитаго Француза А. Дюма-сына.

Показанія, данныя Сухово-Кобылинымъ, такъ записаны въ дѣлѣ.

1) Декабря 5-го (1850 г.) въ Коммиссіи, на вопросы пункты, при увѣщаніи священника, Сухово-Кобылинъ отвѣчалъ: показанныя ему письма писалъ онъ къ г. Симонъ-Деманшъ, а въ какое именно

*) Между прочимъ онъ собственноручно написалъ, что „убилъ ее онъ потому, что она была злая и весьма капризная женщина; много пострадало по ея наговорамъ людей, и въ томъ же числѣ бѣдная сестра его, Василиса Егорова, которую отдали за мужика замужъ“.

время, того припомнить не можетъ. Письмо подъ № 2, въ коемъ написано, что онъ рѣшился призвать къ себѣ изъ деревни Симонъ-Деманшъ, „чтобы имѣть при себѣ неблагодарную и клятвопреступную женщину и возможность пронзить ее своимъ Кастильскимъ кинжаломъ“, дѣйствительно писанное имъ въ деревню, есть письмо шутовское, что оказывается и изъ самихъ выраженій онаго; впрочемъ подобныя шутки онъ довольно часто употреблялъ съ нею, какъ словесно, такъ и письменно, а въ слѣдствіи сія шуточная угроза нисколько не можетъ относиться къ совершенному надъ ней убійству. Отношенія его къ Деманшъ всегда были самыя лучшія, что наиболее должно явствовать изъ собственныхъ его писемъ къ ней, которыя выражали всегда одинаковую привязанность; чтоже касается до показанныхъ ему писемъ, то: 1-е, не можетъ онъ опредѣлить въ какое именно время и по какому случаю были они писаны; 2-е, что Симонъ-Деманшъ вообще отличалась живымъ и вспыльчивымъ характеромъ и вообще въ выраженіяхъ своихъ всегда преувеличивала дѣйствительность, но вскорѣ потомъ, приходя въ себя, примирялась съ нимъ и просила забыть сказанныя ею слова или писанныя письма. Къ подобнымъ письмамъ принадлежатъ и всѣ, кои ему были показаны. Проживавшіе у Деманшъ крѣпостные люди принадлежатъ его родителямъ; имѣетъ довѣренность отъ родителя своего полковника Василія Александра на управленіе его вотчинами, въ разныхъ губерніяхъ состоящими, которую обѣщаль представить, и просилъ, по минованіи надобности, ему возвратить; оныхъ людей онъ въ услуженіе къ Деманшъ не отдавалъ, а жили они у нея по паспортамъ, получая за то денежную плату. Люди, жившіе у Симонъ-Деманшъ, какъ они показывали, что нѣсколько разъ жаловались ему на жестокости и побои Деманшъ, и онъ будто бы не только не оказывалъ имъ защиты, но напротивъ, подвергалъ ихъ за сіе наказанію, никогда жалобъ ему не приносили. Хотя бывшая у нея, Деманшъ, дѣвка Никифорова и приносила помимо его жалобу за причиненные ею, Деманшъ, побои начальству; но онъ, во избѣжаніе могущихъ встрѣтиться подобныхъ сему случаевъ, объявилъ всѣмъ находившимся у Деманшъ его людямъ, что если кто изъ нихъ недоволенъ ею, то можетъ прямо объявить ему лично, и въ такомъ случаѣ безъ всякаго наказанія обращенъ будетъ на прежнее мѣсто жительства; это было имъ объявлено вообще всѣмъ, въ особенности дѣвкамъ, которыя ему тутъ же подтвердили, что онѣ неудовольствія на нее не имѣютъ. Дворовыя дѣвки, Василіса Егорова и Дарья Никифорова, находившіяся въ услуженіи у Деманшъ, отправлены въ деревню не по его распоряженію и до его управленія. Прасковья Тимофеева, сколько ему извѣстно, отпущена уже на волю, а Настасья Никифорова отправлена

имъ изъ города, потому что, будучи всегда нерадивою, на услугу при домѣ не годилась; наказаніямъ ни чрезъ полицію, ни чрезъ своихъ людей не подвергалъ, ибо съ тѣхъ поръ какъ управляетъ домомъ своимъ, никто ни изъ его людей, ни изъ жившихъ у Деманшъ, наказанъ не былъ; но проступки ихъ, а равно нерадивость въ отправленіи должности, старался исправлять, выговаривая имъ иногда съ бранью, а иногда съ малыми и незначительными побоями, что иногда происходило и по жалобамъ Деманшъ. Зная, однако, ея вспыльчивый характеръ, по обыкновенію въ сихъ случаяхъ обращалъ особенное вниманіе при такомъ разбирательствѣ.

II. Титулярный совѣтникъ Александръ Васильевъ Сухово-Кобылинъ 18 Марта 1851 года, Слѣдственной Комиссіи въ свѣдѣніи объяснилъ, что поваръ Ефимъ Егоровъ поступилъ къ нему въ услуженіе съ Октября 1849 года, жалованье получалъ онъ отъ его домовой конторы, какъ и другіе служители, по третимъ года, за каждую треть по 50 руб. ассигн., а въ годъ 150 руб. ассигн., на всемъ господскомъ содержаніи; сверхъ того онъ постоянно имѣлъ дозволеніе отлучаться изъ дому его на работу, чѣмъ еще болѣе могъ увеличивать свои денежные средства, а когда случалось ему готовить кушанье у Симонъ-Деманшъ, то получалъ отъ нея денежное вознагражденіе, что составляло въ годъ приблизительно до 50 руб. асс., и оставался ею доволенъ, какъ самъ говорилъ смотрителю дома графа Гудовича, гдѣ квартировала Симонъ-Деманшъ, Дорошенкѣ, который сіе подтвердить можетъ. Однако, не смотря на то, что содержаніе и денежные средства Ефима были вполне удовлетворены, въ послѣднее время дознано имъ, что онъ не только не имѣлъ излишнихъ денегъ, но постоянно въ нихъ нуждался, именно: люди его, конторщикъ Миловъ, камердинеръ Лукьяновъ и повѣренный полковника Шепелева, Московскій мѣщанинъ Феоданъ Михайловъ Королевъ показываютъ, что онъ неоднократно занималъ у нихъ оныя. Къ тому же въ Октябрѣ 1850 года, при отъѣздѣ его, Кобылина, въ Тульскую вотчину, гдѣ проживаютъ его родители, просилъ онъ сестру свою, Варвару Егорову дать ему займы 2 руб. сер., для посылки будто бы родителямъ гостинцу, и хотя деньги эти отъ Варвары и получилъ, но гостинца не послалъ. По возвращеніи его изъ вотчины, въ исходѣ Октября, просилъ у камердинера его, Лукьянова, займы денегъ, въ которыхъ Лукьяновъ ему, по неимѣнію, отказалъ. Замѣчательно, что, нѣсколько дней до совершенія преступленія, нѣкоторыми изъ своихъ поступковъ поваръ Ефимъ обнаруживалъ, какъ послѣ имъ дознано, какою-то увѣренностью, что у него скоро будутъ деньги, а по совершеніи замысла своего оныя дѣйствительно у него оказались; именно

до событія говорилъ онъ камердинеру Макару Лукьянову, что, имѣя нужду въ деньгахъ, онъ намѣренъ занять у одного знакомаго до 15 руб. сер., не сказывая впрочемъ у кого именно, а послѣ событія говорилъ ему, что занялъ у того человѣка 12 руб. сер. Также за нѣсколько дней до сего, пришедши въ табачную лавку Московскаго мѣщанина Сергѣя Ѳедорова, содержащую имъ на Тверской въ домѣ Захарова, говорилъ ему, Ѳедорову, что у него есть въ виду золотые часы, которые нѣкто желаетъ продать, спрашивая, не купить ли онъ Ѳедоровъ, которые Ѳедоровъ и купилъ бы, если бы Ефимъ ихъ съ собою имѣлъ. Далѣе онъ же, Ѳедоровъ, говорилъ камердинеру Лукьянову, что дня два спустя по совершеиіи преступленія, пришедши къ нему въ лавку, просилъ размѣнять ему 50 рублевую ассигнацію, съ вычетомъ должныхъ ему, Ѳедорову, денегъ, отъ чего Ѳедоровъ, по неимѣнію въ наличности такой суммы, отказался; Ефимъ же, отправившись въ близъ находящійся трактиръ, размѣнялъ тамъ оную и, возвратившись къ Ѳедорову въ лавку, заплатилъ свой долгъ, а на вопросъ Ѳедорова, откуда имѣеть эти деньги, отвѣчалъ: „стало, гдѣ нибудь досталь“⁴. Наконецъ два дня по совершеиіи преступленія, приходилъ онъ, Егоровъ, къ знакомому своему повару Григорію Игнатьеву, крѣпостному человѣку генераль-маіора Поливанова, квартирующаго Срѣтенской части, во 2 кварталѣ, въ домѣ Василисиной, и предлагалъ ему, не купить ли онъ, Игнатьевъ, золотыхъ часовъ, которые Игнатьевъ въ рукахъ его видѣлъ, но купить отказался.

Обстоятельства сіи, сдѣлавшіяся ему *) извѣстными въ послѣднее время, наводятъ его на мысль, не совершено ли преступленіе сіе съ цѣлію воспользоваться имуществомъ, а главное, денежнымъ капиталомъ Деманшъ, который преступники у нея предполагать могли, а потому самому необходимымъ поставить на видъ Комиссіи слѣдующіе факты: 1) Въ теченіи 6 лѣтъ, Луиза Деманшъ занималась винною торговлею на выѣренный ей капиталъ, которую однако въ 1849 году, за неуспѣхомъ, по обоюдному ихъ согласію, и прекратила. Расчеты ихъ были извѣстны весьма немногимъ, посторонніе же люди легко предполагать могли, что если онъ и потерпѣлъ убытки, то Луиза Симонъ, какъ полновластно распоряжавшаяся симъ дѣломъ, что нибудь да пріобрѣла; кромѣ того, близкія и дружественныя отношенія ея къ нему въ теченіи осьми слишкомъ лѣтъ, которымъ людская молва дала неприличное для женщины толкованіе, скромность ея жизни, всемъ извѣстная бережливость и аккуратность въ денежныхъ трагахъ, все сіе предполагало мнѣніе людей его къ тому, чтобы предполагать у нея значи-

*) Т. е. Сухово-Кобылину.

тельный денежный капитал. Далѣе, имѣя въ его управленіи до 6000 дунгъ имѣній отца его и родного дяди полковника Шепелева, ему нерѣдко случалось въ теченіе послѣдняго времени, особенно прошедшимъ лѣтомъ, именно въ Іюль, Августъ и Сентябрь мѣсяцахъ, имѣть у себя суммы отъ 10,000 до 20,000 р. сер., которыя, по причинѣ частыхъ отлучекъ его изъ дому, имѣлъ обыкновеніе вѣрять Луизѣ Симонъ-Деманшъ; веди жизнь уединенную, почти всегда бывая дома, она съ особенною готовностію и тщаніемъ исполняла таковыя его просьбы а самыя суммы эти хранила въ своемъ шифоньерѣ. Наконецъ, во время отлучекъ его изъ города, должностные его люди имѣли приказаніе всѣ получаемыя деньги доставлять Луизѣ Симонъ, которыя она равнымъ образомъ хранила въ томъ же шифоньерѣ. Естественно, что прислуга ея видѣла неоднократно получаемыя ею деньги и до точности знала, гдѣ онѣ хранятся, а въ тоже время могла не знать, взяты ли онныя обратно или нѣтъ. Обстоятельства сии могутъ подтвердить всѣ его люди безъ исключеній: управляющій домомъ его Николай Андреевъ Фирсовъ, камердинеръ Лукьяновъ, конторщикъ Федоръ Мировъ, а равно посторонніе: повѣренный дяди его, полковника Шепелева, Московскій мѣщанинъ Феофанъ Михайловъ Королевъ и Московская мѣщанка Екатерина Ильина Смирнова, проживающіе въ его домѣ. Между тѣмъ зять его, отставной полковникъ Петрово-Соловово, присутствовавшій при первомъ, производимомъ полиціею, осмотрѣ квартиры Деманшъ, объяснилъ ему, что когда шифоньеръ, тотъ самый, въ которомъ она хранила деньги, былъ отпертъ, то его особенно поразилъ замѣченный имъ въ вещахъ и бѣльѣ беспорядокъ, по тому именно обстоятельству, что онъ неоднократно слышалъ отъ него объ необыкновенной точности и аккуратности Деманшъ, и ясно припоминаетъ себѣ, что собственное его заемное письмо, выданное имъ Луизѣ Симонъ въ истекшемъ году, суммою въ 1000 руб. сер., видѣлъ онъ на полкѣ въ углу развернутымъ и какъ бы брошеннымъ, а бѣлье все перебитымъ. Ему же самому достоверно извѣстно, что порядокъ именно въ шифоньеркѣ Деманшъ превосходилъ всякое воображеніе, такъ что она никому, даже и ему, не повѣряла ключей отъ онаго, увѣряя, что могутъ разстроитъ порядокъ, въ которомъ уложены были вещи и бѣлье. Обстоятельство это даетъ поводъ предполагать, что убійцы что нибудь въ шифоньерѣ некали, и вещи и бѣлье привести въ порядокъ не могли по той причинѣ, что надобно было, для отвода отъ себя всякаго подозрѣнія, ключи вмѣстѣ съ покойной вывезти немедленно за городъ. 2) Въ самомъ совершеніи преступленія, остается ему неизвѣстнымъ, похитили ли что либо убійцы и что они похитили; ему извѣстно только то, что по описи, произведенной Тверскою частью въ присутствіи довѣреннаго отъ него человѣка, не

оказалось наличныхъ денегъ ни одного рубля, тогда какъ ему достоверно извѣстно, что, кромѣ ломбардныхъ билетовъ, она всегда имѣла у себя достаточно наличныхъ денегъ, такъ что самому ему нерѣдко случалось занимать у нея онныя на короткое время ¹⁾: а) предполагаетъ, что наличныхъ денегъ было приблизительно до 1000 руб. сер.; б) изъ трехъ ломбардныхъ билетовъ не оказалось одного, суммою отъ 300 до 400 руб., хорошо не можетъ припомнить..... 350 руб. ²⁾. Изъ вещей не оказалось: в) золотыхъ часовъ Женеvской работы весьма хорошихъ, г) къ нимъ золотой цѣпи, д) двухъ булавокъ, одной весьма цѣнной съ опаломъ; е) броши съ камнемъ, въ золотой массивной оправѣ, изображающей канатъ, который огибалъ камень, полагаетъ по самой умѣренной цѣнѣ 200 руб. сер.; ж) изъ бѣлья, кружевъ и платьевъ, которыхъ у Симонъ было большое количество, замѣченъ значительный недостатокъ, котораго однако точно опредѣлить не можетъ, ибо наличность сихъ предметовъ не была ему до вѣрности извѣстна. Всего оказалось движимости, не считая пропавшихъ кружевъ и бѣлья, на сумму приблизительно до 650 руб. сер., а всего на все предполагаетъ приблизительно по самой умѣренной цѣнѣ на 1000 руб. сер. ³⁾. з) Съ другой стороны, обращая вниманіе на поведеніе самого повара Ефима Егорова, особенно въ послѣднее время, онъ не можетъ одобрительно о немъ отзываться. Частыя отлучки его изъ дому, которыя принималъ онъ какъ занятія своимъ ремесломъ, имѣли источникомъ праздность и привычку бродить по трактирамъ и другимъ мѣстамъ; бывъ въ ученіи въ домѣ г. Рахманова, онъ отпра-

¹⁾ Находить необходимымъ замѣтить, что три золотыхъ полумперіала, выданные камердинеру Лукьянову для отсылки Деманшъ, въ ночь съ 7 на 8-е Ноября, были деньги почти ежедневно выдаваемые имъ ей собственно для его столоваго расхода, и которыхъ она естественно съ собственными своими деньгами не смѣшивала, да и смѣшивать не имѣла никакого основанія.

²⁾ Другіе же два билета, одинъ въ 550 руб., другой въ 230 руб. сер., найдены полиціею при описи, произведенной имуществу Деманшъ 27 Ноября не въ шифоньерѣ, а въ библиотечномъ шкафѣ, между книгъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми бумагами, а потому предполагать надобно, что убійцы ихъ не открыли. Обстоятельство это объясняетъ онъ себя именно тѣмъ опасеніемъ Луизы Симонъ быть обокраденной, о которомъ онъ уже упоминалъ и которое она неоднократно и настоятельно ему объясняла.

³⁾ Присутствіе на покойной Деманшъ серегъ брилліантовыхъ и двухъ колецъ, замѣченное полиціею при подѣлѣ, потому самому ничего не доказываетъ относительно намѣренія убійцъ, что такъ какъ преступленіе совершено ими въ смыслѣ грабежа, произведеннаго будто бы извозчикомъ, и самыя вещи, бывшія при ней, часы, цѣпь, булава и брошь съ этою цѣлю убійцами на ней и не оставлены, то по той же причинѣ не слѣдовало при ней оставаться ни серьгамъ, ни кольцамъ, а если они оставались, то вѣроятно потому только, что ускользнули отъ вниманія преступниковъ, или, что еще вѣроятнѣе, просто въ торопихъ были ими забыты.

вленъ былъ за два года предъ симъ родителями его въ Петербургъ, гдѣ находился на кухнѣ въ домѣ графа Воронцова-Дашкова; естественно, что привычки, пріобрѣтенныя имъ въ домахъ сихъ, а еще болѣе знакомство съ какою-то женщиною въ башмачномъ заведеніи Цармана, о которомъ узнать онъ недавно, далеко превышали денежные средства, получаемыя имъ изъ его домовой конторы; а наконецъ, въ послѣднее время дознано также имъ, что онъ занимался и карточной игрою, что подтвердить можетъ повѣренный дяди его, Королевъ. Не смотря на то, что дѣловыя занятія его не дозволяютъ ему слѣдить внимательно за поведеніемъ его людей, ему однако въ послѣднее время сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ ведетъ себя не скромно, а въ характерѣ его произошла перемѣна, за которую онъ не разъ бранилъ его, а въ послѣднее время грозилъ отправить его въ деревню; люди же его показывали, что на угрозу эту въ кругу ихъ онъ говорилъ, что скорѣе пойдетъ въ солдаты, а въ деревню не поѣдетъ. 4) Относительно людей, бывшихъ у Деманшъ въ услуженіи, полагаетъ необходимымъ объяснить Комиссіи, что всѣ они, числомъ четверо (кучеръ Игнатъ Макаровъ, чернорабочій мальчикъ Галактіонъ и двѣ женщины) жили у нея по собственному ихъ желанію, никогда къ нему съ жалобами на нее, ни съ просьбою отойти отъ нея не обращались, ни одинъ изъ нихъ ни по жалобамъ, ни по капризамъ Деманшъ, ни по домашнимъ, ни въ полиціи наказанъ не былъ, денежное содержаніе получали вполнѣ удовлетворительное, харчевое даже съ избыткомъ; ибо кромѣ хорошаго стола имѣли сахаръ и чай. Кучеръ Игнатъ Макаровъ, челоуѣкъ характера весьма скромнаго и поведенія одобрительнаго, жилъ у Деманшъ съ 1846 года, получалъ жалованья по 17 руб. 50 коп. асс. въ мѣсяць, постоянно оставался ею доволенъ, и, какъ кажется, былъ ей преданъ. Во время самаго преступленія онъ лежалъ больной въ его домѣ, потому что при квартирѣ Симонъ для него, какъ больного, не было удобнаго помѣщенія, а потому и тѣни подозрѣнія на себя навлечь не могъ. Можно даже утвердительно сказать, что одно присутствіе его въ домѣ Симонъ-Деманшъ было бы совершеннымъ препятствіемъ къ совершенію преступленія. Мальчикъ Галактіонъ, 18 лѣтъ, чернорабочій по винной части, получалъ по 15 руб. ассигн. въ мѣсяць жалованья на хозяйскихъ харчахъ; непріятностей у него съ хозяйкой не было, и до него, со стороны его, никакихъ жалобъ не доходило; весьма важное и многозначительное обстоятельство заключается въ томъ, что занятія его по винамъ Симонъ-Деманшъ въ самый день совершенія преступленія были совершенно окончены, вино окончательно разлито въ бутылки и уложено въ ящики для отправки частию къ нему въ домъ, частию къ дядѣ его г. Шепелеву; самый под-

валъ, гдѣ производилась работа, отдать домовладѣльцу, а самъ Галактіонъ, чрезъ нѣсколько дней, если не на другой день, долженъ былъ получить расчетъ. Мало этого: онъ отправлялся, съ вѣдома его, въ свою сторону для женитьбы и столько былъ занятъ своимъ отъѣздомъ, что, за нѣсколько дней предъ самымъ совершеніемъ преступленія, приглашалъ земляка своего, крестьянина ихъ Григорья Андреева, проживающаго въ Москвѣ въ его домѣ, къ себѣ на свадьбу, который подтвердить сіе можетъ. Двѣ женщины, Аграфена и Пелагея, опредѣлены были къ Деманшъ не изъ его дома, а за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ были привезены изъ Тульской вотчины, гдѣ до сего работали на ткацкой фабрикѣ. Въ то время, по поводу поданной дѣвкой Настасьей жалобы на Деманшъ, онъ почелъ необходимымъ лично объявить имъ, что если у Симонъ-Деманшъ жить не пожелаютъ, то могутъ объявить ему о томъ во всякое время, и въ такомъ случаѣ обращены будутъ въ Тульскую вотчину, изъ которой прибыли. Напротивъ того, онъ не только не обращался къ нему съ просьбою отпустить ихъ обратно въ деревню, но самому ему неоднократно случалось слышать, что Деманшъ, по поводу ихъ несправности къ услугѣ, говорила имъ, что отпустить ихъ отъ себя, и что одна изъ сихъ женщинъ, именно Аграфена, въ прошломъ Октябрѣ мѣсяцѣ предъ поѣздкою Симонъ въ Тульскую губернію, слѣдовательно не болѣе одного мѣсяца до совершенія преступленія, убѣдительно просила Луизу Симонъ, чрезъ дворовую дѣвку Марью Зиновьеву, оставить ее у себя въ должности, потому самому, что сія послѣдняя Аграфены болѣе у себя держать не желаетъ. Дворовая дѣвка Зиновьева, проживающая въ его домѣ, сіе подтвердить можетъ*). Повторяетъ: содержаніе людей сихъ вполнѣ было удовлетворительно, никакихъ жалобъ до него отъ нихъ не доходило, и ни одинъ изъ нихъ за Симонъ-Деманшъ ни наказанъ, ни оштрафованъ не былъ, исключая только Галактіона, который еще въ 1849 г., одинъ только разъ былъ представленъ въ Срѣтенскую часть за то, что, разливая Ренское вино, неоднократно напивался пьянъ, въ каковомъ

*) Что же касается до жалобы дѣвки Настаси Никифоровой, принесенной вышему начальству, на неприличное съ нею обращеніе покойной Деманшъ, то это былъ единственный случай, гдѣ съ тщательной аккуратностью и взыскчивостью вышли изъ предѣловъ приличія сколько потому, что подобный же проступокъ Никифоровой былъ уже за годъ предъ симъ причиною пожара, столько и потому, что классъ людей сихъ, часто при всей своей виновности, имѣетъ привычку приносить неуважительныя и часто дерзкія оправданія, которыхъ взыскчивый характеръ аккуратной иностранки перенести не могъ. Это было, говоритъ онъ, единственный случай, послѣ котораго Луиза Симонъ, убѣжденная его внушеніями, а еще болѣе распоряженіями начальства, естественно удерживала себя отъ подобныхъ поступковъ, что безъ сомнѣнія не опущено Комиссіею изъ вида и не оставлено безъ должнаго дознанія.

видѣ и представленъ былъ управляющему домою его и конторою, Николаю Фирсову. Напротивъ того, отношенія Деманшь къ людямъ симъ были, въ глазахъ его, до такой степени удовлетворительны, что самъ онъ, подвергнутый жестокому подозрѣнію въ убійствѣ, готовый, какъ выразился онъ предъ Комиссіею, отдать и имущество и жизнь, чтобы разсѣять окружавшій его мракъ неизвѣстности, въ самую минуту тяжкаго для чести его ареста, рѣшительно не находилъ причинъ подозрѣвать людей сихъ въ совершеніи преступленія, а потому самому призналъ себя обязаннымъ предъ собственною совѣстію объявить Комиссіи, что изъ вѣдомыхъ ему людей ни на кого подозрѣнія не имѣеть. Находить необходимымъ объявить Комиссіи, что Деманшь, окончивъ свои дѣла по винной торговлѣ, въ послѣднее именно время изъясняла, ему и другимъ знакомымъ своимъ намѣреніе отбыть за границу на родину; сборы эти могли быть извѣстны ей прислугѣ, которая естественно должна была предполагать, что Луиза Симонъ не иначе предпринимаетъ это путешествіе, какъ съ значительнымъ запасомъ денегъ. Наконецъ, въ заключеніе сего его свѣдѣнія, присовокупляетъ: участіе повара Ефима, человека весьма умнаго и для своего званія довольно образованнаго, обращаетъ на него главное вниманіе; почему онъ, чуждый дому Симонъ-Деманшь, довольный ею, какъ самъ же говорилъ Дорошенкѣ, является главною пружиною злодѣянія? Далѣе: какія причины подвигли Галактіона принять дѣятельное участіе въ страшномъ убійствѣ, въ ту самую минуту, когда онъ твердо былъ увѣренъ, какъ объяснилъ онъ выше, что навсегда оставляетъ домою Луизы Симонъ, и оставляетъ его за тѣмъ, чтобы, прибывъ на родину, жениться и обзавестись своею собственностью? Наконецъ, почему самыя женщины эти, не смотря на его приказаніе, не обращались ни къ нему, ни къ начальству съ просьбою, если жизнь у Деманшь была для нихъ отяготительна, а напротивъ того, убѣдивъ хозяйку оставить ихъ при себѣ, являются чрезъ нѣсколько недѣль сообщницами убійства, именно въ ту минуту, когда сама Деманшь, покончивъ свои дѣла, какъ объяснилъ онъ выше, собиралась отбыть за границу въ свою сторону? Отклоняя отъ себя рѣшительно тяжкую обязанность обвинителя и не позволяя себѣ дѣлать какія либо изъ сего истекающія заключенія, онъ представляетъ все слышанное и известное имъ на разрѣшеніе Комиссіи, будучи твердо увѣренъ, что если все сіе будетъ имѣть какую либо важность въ глазахъ гг. слѣдователей, то они и не оставятъ объясненныхъ имъ обстоятельствъ безъ дальнѣйшаго дознанія.

По поводу этого показанія Комиссія сдѣлала слѣдующее постановленіе.

Марта 29 дня Комиссія постановила: разсмотрѣвъ свѣдѣніе титулярнаго совѣтника Александра Васильева Сухово-Кобылина, въ коемъ поставляетъ на видъ Комиссіи разныя обстоятельства, предыдущія и послѣдующія, относительно убійства Деманшъ, а равно сообщаетъ нѣкоторыя предположенія свои, основывая ихъ на вѣроятіи, постановила о тѣхъ предметахъ, изложенныхъ г-мъ Сухово-Кобылинымъ, которые могутъ служить поясненіемъ какихъ-либо обстоятельствъ, сопровождавшихъ убійство Деманшъ, сдѣлать должное изысканіе, спросивъ людей, выставленныхъ имъ въ свѣдѣніи въ качествѣ свидѣтелей, кромѣ родственника его Петрово-Соловова, потому что г. Соловова, находясь при первоначальномъ обыскѣ въ квартирѣ Деманшъ, самъ подписалъ постановленіе, не объяснивъ замѣченнаго имъ въ шифоньерѣ безпорядка, равно и послѣ въ отобранныхъ Комиссіею отъ него отвѣтахъ о томъ ничего не упоминалъ, да и членъ Комиссіи, частный приставъ Хотинскій, находившійся при обыскѣ вмѣстѣ съ г. Петрово-Соловова и другими лицами, подписавшими постановленіе, объясняетъ, что не только поразительнаго, но и никакого особеннаго безпорядка въ томъ шифоньерѣ имъ замѣчено не было; въ противномъ же случаѣ, обращено было бы на то вниманіе. За тѣмъ все предположенія и разсужденія Сухово-Кобылина, на основаніи Св. Зак. т. XV, ст. 916 и 1068, оставить безъ изслѣдованія.

Въ то же время Комиссія нашла нужнымъ дать Сухово-Кобылину очныя ставки. Онъ однако постарался уклониться отъ этого, ссылаясь какъ на свое нездоровье, такъ и на свои права, какъ помѣщика. Слѣдственная Комиссія тогда сдѣлала такое постановленіе.

Сухово-Кобылинъ въ объясненіи Комиссіи изъяснилъ, что оная, вытребовавъ его къ засѣданію 29 Марта, признала нужнымъ дать ему очныя ставки съ открытыми по дѣлу сему преступниками, отъ которыхъ отказался вслѣдствіе случившагося съ нимъ болѣзненнаго припадка. Нынѣ же, принявъ во вниманіе 1138 ст. XV т., въ коей сказано, что очныя ставки господамъ съ ихъ слугами даются въ томъ только случаѣ, если они оказываются участниками въ одномъ и томъ же преступленіи, онъ находитъ, что ставки, которыя Комиссія намѣрена дать ему съ людьми его, будутъ или прямо противны смыслу закона, или для лица его оскорбительны; ибо Комиссія никакого не имѣетъ права дать ему очныя ставки, какъ разумѣя его участникомъ въ преступленіи людей его, къ тому же чувствуя здоровье свое, всеми извѣстными Комиссіи событіями разстроенымъ и потрясеннымъ до самаго его основанія, и принимая при семъ свидѣтельство и по нынѣ

пользующаго его врача, надворнаго совѣтника Самсона*), онъ просить Комиссію, принявъ во вниманіе все изложенное имъ, отъ очныхъ ставокъ съ людьми его уволить. При чемъ присовокупилъ, что все изложенное имъ въ поданномъ въ Комиссію свѣдѣніи отъ 13 Марта подтверждаетъ во всей силѣ, тѣмъ болѣе, что справедливость сообщенныхъ имъ Комиссіи предположеній относительно поводовъ сего преступленія вполне подтвердилась найденными 28 Марта въ его домѣ, по указанію одного изъ преступниковъ, вещами.

Въ Московскомъ Надворномъ Судѣ, гдѣ разбиралось дѣло объ убійствѣ Симонъ-Деманшъ, Сухово-Кобылинъ далъ еще одно показаніе, записанное въ дѣлѣ такъ.

„Сентября 13 дня 1851 года, отставной титулярный совѣтникъ Александръ Васильевъ Сухово-Кобылинъ объяснилъ, что показанія людей его относительно измѣненія въ характерѣ Московской купчихи Луизы Ивановны Симонъ-Деманшъ, происшедшаго якобы отъ его отъ нея удаленія, есть совершенная ложь, и лишь съ ихъ стороны намѣреніе затмить истинный поводъ совершеннаго ими злодѣянія по слѣдующимъ обстоятельствамъ: 1) Съ Нарышкиною онъ никогда, никакой связи не имѣлъ, и сіи показанія повара его суть клевета ничѣмъ недоказанная, да и не могущая имѣть никакихъ доказательствъ. При семъ нелишнимъ считаетъ присовокупить, что самый оговоръ сей по точному смыслу 4 пункт. ст. 1061. а равно ст. 934 XV т. не заслуживаетъ никакого вѣроятія, а наконецъ если бы обвиненіе его и было подкрѣплено какими-либо доказательствами, то и въ такомъ случаѣ, по силѣ ст. 933 того же тома, производство по оному должно быть отложено до окончанія производимаго надъ нимъ дѣла. 2) Онъ никогда отъ Симонъ-Деманшъ не удалялся, и отношенія его съ нею всегда оставались тѣже самыя, какъ и прежде, т. е. дружбы, уваженія къ ея отличнымъ качествамъ, привязанности и совершеннаго довѣрія въ томъ, что касалось до денежныхъ дѣлъ ихъ. Любовной связи съ нею онъ никогда не имѣлъ. Луиза Симонъ, какъ показано имъ и при слѣдствіи, была съ нимъ съ давнихъ поръ въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ, не только съ нимъ, но со всѣмъ его семействомъ, которое всегда принимало ее у себя, какъ лицо близкое и

*) Изъ свидѣтельства, даннаго 30 Марта докторомъ Самсономъ, видно, что онъ, докторъ, находитъ, смотря по продолжающейся еще болѣзненной раздражительности Сухово-Кобылина нервовъ, разговоръ съ людьми, которыхъ видъ и присутствіе должны быть для него до крайности тягостны, долженъ имѣть очень вредныя и на здоровье его опасныя вліянія.

преданное дому ихъ, довѣряло ей деньги, всякаго рода комисси, покупки и постоянно было съ нею въ наилучшихъ сношеніяхъ. Равно и его отношенія къ умершей, при всей ихъ короткости, никогда не переходили за предѣлы нравственнаго приличія. Довольно естественно, что близость эта дала поводъ людской молвѣ перетолковать отношенія ихъ въ обидную для женщины сторону, какъ имъ уже объяснено было въ Слѣдственной Комиссiи, а потому самому несколько не удивляется, что люди его, какъ и всѣ люди этого класса, раздѣляли мнѣніе это и предполагали, что между нимъ и Луизою Симоноу существовала любовная связь. 3) Люди родителя его, бывшіе въ услуженіи у Деманшъ, двѣ женщины и мальчикъ, жили у нея по паспортамъ, получали жалованье, никогда ни отъ него, ни отъ родителей, за нее наказываемы ни въ домѣ ихъ, ни въ полиціи не были, а также на нее ни начальству, ни ему, ни родителямъ его жалобъ не приносили, а потому самому не имѣють права нынѣ обносить его и другихъ лицъ позорною клеветою, вѣроятно въ томъ намѣреніи, чтобы скрыть истинный поводъ, побудившій ихъ совершить преступленіе. Въ заключеніе сего выставляетъ на видъ суда то обстоятельство, что поварь Ефимъ Егоровъ никогда въ услуженіи у Деманшъ не былъ, на квартирѣ у нея никогда не жилъ, а когда случалось ему оказывать ей маловажныя услуги, то всегда получалъ должное вознагражденіе и оставался ею доволенъ, что показываетъ управляющій дома графа Гудовича Дорошенко, да и въ домѣ его служилъ не болѣе года и въ теченіи сего времени, даже и отъ него, ни одного раза ни наказанъ, ни штрафовать не былъ, а потому ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ даже и предлога жаловаться на измѣненіе характера Деманшъ, и если сіе дѣлаетъ, то вѣроятно побуждался клеветать на умершую только желаніемъ извинить тягость совершеннаго имъ преступленія⁴.

Въ тотъ же день послѣдовало и рѣшеніе суда.

„1-й Департаментъ Московскаго Надворнаго Суда 13 Сентября 1851 года заключилъ: 1) Подсудимыхъ Егорова, Козьмина и Иванову, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать публично, чрезъ палачей, плетью: Егорова, какъ зачинщика, 90 ударами, а Козьмина и Иванову по 80 ударовъ каждая и, по наложеніи мужчинамъ клеймъ, сослать въ каторжную работу: Егорова на 20, а Козьмина на 15 лѣтъ въ рудникахъ, а Иванову на заводахъ на 22 года и 6 мѣсяцевъ. 2) Дѣвку Алексѣеву, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, наказать 60 ударами плетей и сослать въ каторгу на заводахъ на 15 лѣтъ. 3) Сухово-Кобылина, ни въ чемъ по дѣлу сему невиннаго, къ суду не привлекать. 4) Дворовую дѣвку Татьяну Максимову за любодѣянiе

съ Егоровымъ. подвергнуть церковному покаянію, по распоряженію духовнаго начальства, и 5) оставшіяся послѣ Деманшъ вещи, а также похищенные и найденныя деньги и вещи препроводить во 2-й департаментъ Магистрата на зависящее распоряженіе. Находящіеся при дѣлѣ виды отослать за просрочкою для уничтоженія. Переписку Сухово-Кобылина возвратить по принадлежности“.

Однако въ судѣ голоса раздѣлились. Поданы были особыя мнѣнія, главнымъ образомъ относительно мѣры наказанія для обвиненныхъ, а также и относительно самого Сухово-Кобылина, ибо нѣкоторые предлагали оставить его въ подозрѣніи и, кромѣ того, предать церковному покаянію за любодѣяніе съ Симонъ-Деманшъ. Вслѣдствіе разногласія дѣло перешло въ Московскую Уголовную Палату, которая измѣнила приговоръ Надворнаго Суда. Приговоръ Палаты, по большинству голосовъ, былъ таковъ: 1) двороваго человѣка Ефима Егорова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать плетью, чрезъ палача, 90 ударами, и, по наложеніи установленныхъ клеймъ, сослать въ каторжную работу, въ рудникахъ, на 20 лѣтъ; 2) крестьянина Галактіона Козьмина, лишивъ всѣхъ правъ, наказать плетью 80 ударами, и, по наложеніи клеймъ, сослать въ каторжную работу, въ рудники, на 15 лѣтъ; 3) Аграфену Иванову, лишивъ всѣхъ правъ, наказать плетью 75 ударами и сослать въ каторгу, на заводы, на 20 лѣтъ и 3 мѣсяца; 4) дѣвку Пелагею Алексѣеву, лишивъ всѣхъ правъ, наказать 55 ударами и сослать въ каторгу на заводахъ на 15½ лѣтъ; 5) титулярнаго совѣтника Кобылина, по обвиненію въ жестокомъ обращеніи съ людьми, отъ суда освободить, а за любодѣяніе подвергнуть церковному покаянію: за неявку же на очныя ставки отвѣтственности не подвергать; 6) дѣвку Максимову, поручика Сушкова, иностранку Ландертъ за любодѣяніе подвергнуть также церковному покаянію, и 7) вещи Деманшъ отослать во 2-й департаментъ Магистрата, на его распоряженіе.

Приговоръ этотъ былъ пропущенъ губернскимъ прокуроромъ и утвержденъ Московскимъ генераль-губернаторомъ. Казалось, дѣло должно было этимъ окончиться, но тутъ случился неожиданный поворотъ въ ходѣ процесса.

Надо замѣтить, что хотя графъ Закревскій и согласился съ рѣшеніемъ Уголовной Палаты, но въ виду того, что приговоръ тамъ былъ не единогласный, представилъ все дѣло, при своемъ рапортѣ, въ Сенатъ, куда 13 Октября поступило прошеніе осужденнаго повара Ефима Егорова о допущеніи его къ обзорѣнію выписки изъ дѣла и приговора и „рукоприкладству“ (т. е. кассациі). Тоже сдѣлали и остальные. 6 Ноября было подано это „рукоприкладство“, такъ ска-

зять, послѣднее слово подсудимыхъ. Очевидно, оно было составлено какимъ-нибудь полицейскимъ или судейскимъ крючкомъ, опытнымъ въ тогдашнихъ законахъ, судопроизводствѣ и всякомъ крюкотворствѣ. „Рукоприкладство“ заключало въ себѣ много замѣчаній на всякія нарушенія въ производствѣ слѣдствія и процессуальныхъ упущеній. Въ довершеніе всего, осужденные все отрекались отъ своихъ показаній и заявили, что они дали ложныя показанія, себя оклеветали и въ убійствѣ Луизы Ивановны они не виновны. Рукоприкладства Галактіона Козьмина и Ефима Егорова даже оканчивались у каждаго одинаково, такими словами: „не имѣя ничего прибавить къ своему оправданію, онъ умоляетъ высокопоставленныхъ судей его обратить свое милостивое вниманіе на все, изложенное въ семъ рукоприкладствѣ, доводы, и облегчить, сколько можно, его страданія: не быть строгими въ приеужденіи наказанія за преступленіе, тайна коего извѣстна одному Всевышнему Творцу, отъ Котораго не скрыто, что онъ жертва случая“.

Младшій изъ подсудимыхъ Галактіонъ Козьминъ утверждалъ, что онъ былъ „обольщенъ“ приставомъ Хотинскимъ, который будто бы показывалъ ему „собственноручное письмо господина его, Сухово-Кобылина“, которое онъ читалъ изъ рукъ г. частнаго“, и гдѣ Сухово-Кобылинъ убѣждалъ его взять на себя „участіе“ въ убійствѣ, за что обѣщалъ ему со всею семействомъ, отцомъ, матерью, братьями и сестрами отпускную и еще 1050 руб. асс. и „при томъ сказалъ (кто?) что скоро будетъ манифестъ“. Кроме того въ Яузской части къ нему рядомъ былъ посаженъ ихъ домовый управляющій, который черезъ щель въ стѣнѣ будто бы показывалъ ему такое же письмо и въ началѣ „обольщалъ, а потомъ угрожалъ“, что если-де ты не сознаешься и не примешь на себя, то „пропаль-ты и твое семейство, ты и твое семейство пойдете на поселеніе, а ежели сознаешься и возьмешь на себя, то получишь награжденіе и свободу родныхъ“. Козьминъ кроме того показалъ, что ихъ всехъ возили въ одномъ фургонѣ, гдѣ они могли сговориться. Аграфена Ивановна, горничная, теперь стала утверждать, что ее подговорилъ поваръ Ефимъ Егоровъ, а этотъ послѣдній далъ показаніе, что оговорилъ себя во всемъ, не стерпя „безчеловѣчныхъ побоевъ“. Онъ такъ рассказывалъ о своемъ пребываніи въ Серпуховской части, въ секретной камерѣ, куда, какъ мы видѣли, посланъ былъ для какого-то особеннаго сосредоточеннаго уединенія и размышленія со своей совѣстью. Серпуховской частный приставъ Стерлиговъ, оказывается, „допрашивалъ его самымъ варварскимъ и безчеловѣчнымъ образомъ: нетязанія, которыя при личности его совершались надъ нимъ, были слѣдующія: 1) крутили ему самой тоненькой бичев-

кой руки столь крѣпко назадъ, что локти заходили одинъ на другой, такимъ образомъ онъ оставался связаннымъ отъ 2 часовъ пополудни и до 1 часу пополудни: 2) связаннаго, такимъ образомъ, вѣшали на крюкъ, вбитый въ стѣну, такъ что онъ оставался на вѣсу по нѣскольку часовъ, не давали ему пить цѣлые сутки, кормя его одной селедкой, и въ добавокъ, когда онъ находился связаннымъ, въ висячемъ положеніи, г. Стерлиговъ собственноручно наносилъ ему чубукомъ сильныя удары по ногамъ, по рукамъ и головѣ. Сознывая свою невинность, онъ, сколько въ силахъ былъ, переносилъ съ терпѣніемъ, но когда совершенно ослабѣлъ, то рѣшился принять на себя то ужасное преступленіе, дабы избавиться отъ безчеловѣчныхъ истязаній⁴. Кромѣ того, будто бы Стерлиговъ ему также показывалъ письмо, въ которомъ Сухово-Кобылинъ обѣщала ему и его роднымъ свободу, 1050 руб. сер. и свое ходатайство объ облегченіи его участи.

Напомнимъ, что картина истязаній Егорова въ Серпуховской части близка къ подобной сценѣ же въ комедіи Сухово-Кобылина „Смерть Тарелкина“ или „Расплюевскіе веселые дни“.

Дѣло перешло въ 6-й Московскій департаментъ Пр. Сената, но ни тутъ, ни въ Общемъ собраніи, не смотря на всѣ старанія оберъ-прокуроровъ, единогласіе достигнуто не было. И голоса сенаторовъ раздѣлились. Въ виду этого, все производство было представлено въ Министерство Юстиціи, откуда и прислана была обстоятельная записка съ весьма существенными замѣчаніями на недостатки слѣдствія. Генераль-прокуроръ*) предлагалъ учредить новую Слѣдственную Комиссію, съ участіемъ жандармовъ, и за тѣмъ дѣло передать опять въ 1-ую инстанцію (въ Надворный Судъ) для новаго рѣшенія. Предложеніе министра было читано въ Сенатъ 2 Октября 1853 г., но единогласія среди сенаторовъ не получилось. Такимъ образомъ дѣло должно было дойти до Государственнаго Совѣта.

Предложеніе министра юстиціи было слѣдующаго содержанія.

„По разногласію въ Общемъ собраніи Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената, дѣло это препровождалось въ министерство Юстиціи на консультацію, откуда возвращено при предложеніи господина управляющаго Министерствомъ Юстиціи, за № 4760, слѣдующаго содержанія.

Произведеннымъ по дѣлу сему слѣдствіемъ хотя и обнаружена несомнѣнно насильственная смерть Симонъ-Деманнъ, но о мѣстѣ, гдѣ

*) Т. е. министр юстиціи, графъ В. Н. Панинъ.

совершенно съ убійство, объ участникахъ сего преступленія и самыхъ причинахъ къ тому побудившихъ даны разнообразныя и противорѣчащія показанія, оставленныя слѣдователями безъ надлежащаго вполнѣ розысканія. По производству слѣдствія, послѣ заключенія подъ стражу находившагося въ короткомъ знакомствѣ съ убитою Деманшъ титулярнаго совѣтника Сухово-Кобылина, слѣдователями отобраны отъ крѣпостныхъ его людей, повара Ефима Егорова и жившихъ у Симонъ-Деманшъ Галактіона Козьмина и женщинъ Аграфены Кашкиной и Пелагеи Алексѣевой показанія, содержащія сознание въ совершеніи убійства первыми двумя, при содѣйствіи послѣднихъ, въ квартирѣ самой Деманшъ. Неграмотныя женщины, Кашкина и Алексѣева, отозвались въ Надворномъ судѣ и Уголовной Палатѣ, что онѣ въ убійствѣ Деманшъ не участвовали и не показывали того, что написано въ ихъ допросахъ. Въ первоначальныхъ же допросахъ, въ началѣ слѣдствія взятыхъ, женщины сѣи положительно показали, что хозяйка ихъ отлучилась изъ своей квартиры 7 Ноября 1850 года, вечеромъ часу въ 10, не дождавшись отвѣта на посланную ею записку къ ихъ барину, къ которому въ это время она обыкновенно ходила, по любовной съ нимъ связи. Егоровъ и Козьминъ, въ рукоприкладствѣ подъ выпискою въ Правительствующемъ Сенатѣ, объяснили, что они приняли на себя убійство по убѣжденію своего господина, обѣщавшаго имъ денежное награжденіе по 1,000 руб. съ лишнимъ, свободу родственнымъ, и обнадѣжившаго воспослѣдованіемъ вскорѣ всемилостивѣйшаго манифеста, а также ходатайствомъ за нихъ. Все это было выражено въ собственноручномъ ихъ господина письмѣ, предъявленномъ имъ*) приставами Хотинскимъ и Стерлиговымъ, которые ихъ допрашивали. Въ такомъ положеніи дѣла едва ли можно утвердиться на однихъ сознательныхъ, но въ послѣдствіи отвергнутыхъ показаніяхъ людей Сухово-Кобылина, а тѣмъ еще менѣе представляется возможнымъ осудить безграмотныхъ женщинъ, и одну изъ нихъ Кашкину, къ тяжкому наказанію по показаніямъ, никѣмъ за нихъ незарукоприкладствованнымъ (ст. 1056. т. XV Св. Угол. Зак. изд. 1842 года). Признание подсудимаго почитается доказательствомъ совершеннымъ, когда оно вполнѣ сходно съ происшедшимъ событіемъ и когда показаны при томъ такіа обстоятельства дѣйствія, по которымъ о достовѣрности и истинѣ онаго сомнѣваться не возможно (ст. 1181 Св. Зак. Угол.); если же, при учиненіи признанія, предоставляются обстоятельства, съ которыми происшедшее дѣйствіе несходно, то признаніе, по закону (ст. 1184), не составляетъ совершеннаго доказательства, и судъ въ семъ случаѣ изыскиваетъ другія. Въ настоящемъ

*) Т. е. Кашкиной и Алексѣевой.

дѣлъ, при явной неполнотѣ и очевидныхъ недостаткахъ слѣдствія, признаніе крѣпостныхъ Сухово-Кобылина людей не удовлетворяетъ требованію закона, а при разнорѣчій на каждомъ шагу представляется весьма сомнительнымъ и даже неправдоподобнымъ. Нижеслѣдующія соображенія ведутъ къ сему заключенію. Убіиство Деманшь, произведенное съ жестокостью, не могло быть совершено безъ сильной побудительной къ тому причины. Слѣдствіемъ не обнаружено однакоже причины, по которой дворовые Сухово-Кобылина люди могли бы сами по себѣ посягнуть на столь тяжкое злодѣяніе. Въ первомъ показаніи Ефимъ Егоровъ написалъ, что убилъ Деманшь потому, что она была злая и капризная женщина и что много людей пострадало по ея наговорамъ. Причина эта уничтожилась собственнымъ Егорова объясненіемъ. Онъ на вопросъ слѣдователей кто и какъ пострадалъ за Деманшь, показалъ, что по ея неудовольствію отослана въ деревню и выдана замужъ сестра его, лѣтъ пять тому назадъ, а также около трехъ лѣтъ и менѣе отправлены въ деревню еще три женщины и менѣе, и одна изъ нихъ откупилась на волю. Въ другомъ показаніи 22-го Ноября Егоровъ написалъ, что главная причина, побудившая его посягнуть на жизнь Деманшь, была та, что она со всѣми жестоко обращалась, била многихъ изъ своихъ рукъ и жаловалась на него барину. Тоже написано и въ показаніяхъ Козьмина, Кашкиной и Алексѣевой. Эту вторую причину отвергаетъ положительно самъ помѣщикъ Сухово-Кобылинъ, удостовѣряя, что злобы и недоброжелательства въ людяхъ, находившихся у Деманшь въ услуженіи, не замѣчалъ, что поваръ Егоровъ оставался ею, Деманшь, довольнымъ и, когда случалось готовить кушанье, получалъ отъ нея денежное награжденіе, а Козьмину платила жалованья 15 руб. въ мѣсяць, при готовыхъ харчахъ, всѣ имѣли содержаніе вполне удовлетворительное, никогда не жаловались и никто изъ нихъ ни полицейскимъ, ни домашнимъ образомъ наказанъ не былъ. Смотритель дома графа Гудовича, Дорошенко засвидѣтельствовалъ также подъ присягою о личномъ повара Егорова отзывѣ, что онъ доволенъ Деманшь. Наконецъ, Сухово-Кобылинъ, въ объясненіи 18 Марта 1851 года, заявилъ предположеніе о томъ, не совершено ли убійство Деманшь съ цѣлю воспользоваться ея имуществомъ и въ особенности денежнымъ капиталомъ. Предположеніе сіе устраняется само собою, при одномъ соображеніи съ осмотромъ мертвѣго тѣла Деманшь, которое найдено въ полѣ, въ платьѣ, шелковыхъ чулкахъ, бархатныхъ теплыхъ полусапожкахъ, а въ ушахъ находились брилліантовые серьги, на рукахъ золотыя суцпы съ брилліантами и золотое кольцо. Сверхъ сего, въ квартирѣ ея оставлены въ цѣлости брилліантовые и серебряныя вещи, разное имущество, по оцѣнкѣ на 196 руб. сереб. и два билета Московской Со-

хранной Казны въ 800 р. сер., на имя неизвѣстнаго. Изъ сего можно заключать, что убійству Деманшь долженствовала быть другая побудительная причина, которая осталась по слѣдствію не раскрытою. Мѣстомъ убійства Деманшь указывается ея квартира, состоящая Тверской части въ домѣ графа Гудовича. Въ квартирѣ сей, какъ выше сказано, проживали находившіеся у Деманшь въ услуженіи дворовые Сухово-Кобылина люди: Галактіонъ Козьминъ, женщина Аграфена Иванова Кашкина и Пелагея Алексѣева, а поварь Екимъ Егоровъ жилъ при своемъ господинѣ Сухово-Кобылинѣ въ его домѣ, состоящемъ въ Срѣтенской части. Приходъ свой въ квартиру Деманшь, для совершения убійства, Егоровъ объяснилъ такъ: въ половинѣ 2 часа ночи на Михайловъ день, камердинеръ Лукьяновъ разбудилъ его и велѣлъ сказать Деманшь, что баринъ дома обѣдать не будетъ, а на записку не ждала бы она отвѣта. Погода немного, онъ, Егоровъ, и пошелъ въ квартиру Деманшь. Напротивъ, камердинеръ Лукьяновъ показалъ, что онъ ходилъ на верхъ къ повару за тѣмъ, чтобы онъ раздѣвался и ложился спать, не ожидая отвѣта отъ барина къ Деманшь на ея записку. Никто изъ спрошенныхъ при слѣдствіи людей не видалъ ни выхода Егорова изъ дома Сухово-Кобылина, въ ночь на Михайловъ день, ни прихода его въ тоже время въ домъ графа Гудовича, гдѣ жила Деманшь, а также и возвращенія его, Егорова. Дворники показали: находящійся при домѣ графа Гудовича, крестьянинъ Аванасій Ильинъ (11 Ноября), что онъ не помнитъ, были ли заперты ворота въ ночь на 8 число того же мѣсяца, и у кого находился тогда ключъ отъ оныхъ; находящійся при домѣ Сухово-Кобылина дворовый его чело-вѣкъ Антонъ Павловъ (20 Ноября), что на 8 число того мѣсяца, онъ спалъ вмѣстѣ съ другимъ дворникомъ Пахомовымъ въ людскихъ покояхъ, а ключъ отъ воротъ лежалъ въ обыкновенномъ мѣстѣ на окнѣ, съ коего всякій могъ взять оный свободно, не будя его. Между тѣмъ, при первомъ 14 Ноября допросѣ, означенный Павловъ и другой дворникъ Пахомовъ положительно утверждали, что съ 7 на 8 число Ноября они безотлучно находились на дворѣ. Въ рукоприкладствѣ подъ запискою въ Правительствующемъ Сенатѣ Егоровъ, объясняя, что 7 числа Ноября онъ легъ спать въ 11 часу вечера, а всталъ въ 9 часу утра 8 числа, ссылается въ томъ на спавшихъ въ одной съ нимъ комнатѣ конторщика Федотова, крѣпостныхъ его господина: Никифора Малалѣева, Григорія Андреева, Василья Веденѣва, Ивана Козьмина, вольнаго приказчика Куликова и дворовыхъ Петрово-Соловова людей: Григорья Леонтьева, повара Алексѣя и портнаго. Спросъ этихъ людей представляется необходимымъ тѣмъ болѣе, что отобранныя при слѣдствіи показанія, разнорѣчны и уклончивы, а допросы взятые, какъ

отъ Егорова, равно Козьмина, Кашкиной и Алексѣевой, содержать обстоятельства представляющіяся невѣроятными. Они показали, что, по сдѣланному 7 Ноября уговору, предположили въ эту ночь убить Деманшъ, а по приходѣ ночью Егорова въ комнату, гдѣ спала Алексѣева, онъ будилъ Козьмина и Иванову. Егоровъ и Козьминъ показали, что при входѣ ихъ ночью къ Деманшъ она спала, лежа навзничъ, а на столѣ по обыкновенію горѣла свѣча. Егоровъ накрылъ ей лицо подушкою, Деманшъ проснулась и стала вырываться; тогда Егоровъ схватилъ ее за горло и ударилъ кулакомъ по глазу, а Козьминъ билъ ее по бокамъ утюгомъ. Въ другомъ показаніи Егорова написано, что они напали на Деманшъ спящую, а потому сопротивленія съ ея стороны не было, только разъ или два негромко вскрикнула. Въ Уголовной Палатѣ Козьминъ показалъ, что когда они вошли въ спальню, то Деманшъ окликала: кто тутъ? Въ показаніи женщины Аграфены Кашкиной написано, что ночью Егоровъ и Козьминъ велѣли ей вывести бывшую въ спальнѣ Деманшъ собаку, а когда она вошла туда, то хозяйка проснувшись спросила „что ты тутъ ходишь“, она отвѣчала, „взять собачку“, и тогда Егоровъ и Козьминъ пошли къ Деманшъ. Изъ медицинскаго осмотра оказывается, что Деманшъ, имѣя отъ роду 35 лѣтъ, была тѣлосложенія крѣпкаго и здороваго; слѣдовательно не могла не бороться съ убійцами и не кричать при нападеніи на нее спавшую. Жившіе въ одномъ съ Деманшъ флигелѣ дома графа Гудовича, князь Радзивиллъ, его люди и дворникъ утверждаютъ однакоже положительно, что въ квартирѣ Деманшъ, ночью на 8 число Ноября, крику, визгу и никакого шума не слышали, а дворникъ видѣлъ ночью огонь въ ея квартирѣ, и тогда говорили, что ее ожидаютъ домой.

Слѣдователи не описали вовсе расположенія комнатъ убитой Деманшъ, ни смежныхъ съ оной квартиръ, въ которыхъ жили другіе жильцы, тогда какъ первѣйшею обязанностію ихъ было сдѣлать такое описаніе со всею подробностію. Видно только: а) изъ показанія женщины Аграфены Кашкиной, взятаго Уголовною Палатою, что квартира Деманшъ была въ нижнемъ этажѣ, а въ верхнемъ жилъ князь Радзивиллъ, и кухня, принадлежащая къ его квартирѣ, находилась подлѣ ихъ кухни, и б) изъ показанія князя Радзивилла, что наканунѣ, 7 числа, была имъ слышна брань Деманшъ, въ квартирѣ ея происходившая. Судя по этимъ даннымъ, заключить должно, что всякій крикъ, не только вопль отчаянія, былъ бы и въ ночь на 8 число услышанъ, или самимъ княземъ Радзивилломъ, или его людьми, если бы убійство было совершенно дѣйствительно въ квартирѣ Деманшъ. Въ сознатель-

помъ показаніи Егорова и Козьмина сказано, что когда увидѣли, что совсѣмъ убили Деманшъ, тогда дѣвки, Кашкина и Алексѣева, одѣли ее въ платье и надѣли шляпку. При отрицательствѣ Кашкиной и Алексѣевой, на очной ставкѣ Егоровъ и Козьминъ отмѣнили свое показаніе, отзываясь, что они не видали, кто одѣвалъ Деманшъ. Изъ осмотра слѣдователей видно, что на Деманшъ надѣты были три юбки, кальсоны, платье, воротничекъ, шелковые чулки, теплые сапоги, въ уши вдѣты брилліантовые серьги, на головѣ гребенка и шапочка теплая, на рукахъ золотые сушпы съ брилліантами и золотое кольцо, а въ карманѣ платья были ключи. Уголовная Палата спрашивала Козьмина и Егорова, для чего нужно было одѣвать мертвое тѣло въ то платье, въ которомъ оно найдено, а также вдѣвать въ уши брилліантовые серьги, на руки кольца и проч. Козьминъ не могъ дать никакого объясненія, онъ въ отвѣтахъ своихъ отозвался незнаніемъ. Егоровъ же показалъ, что сдѣлано это для того, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе и дать видъ, что будто Деманшъ убита неизвѣстными людьми на дорогѣ. Показаніе это едва-ли можетъ заслуживать вѣроятія. Въ сознательномъ показаніи Егорова сказано, что, по совершеніи убійства, Козьминъ пошелъ запрягать лошадь, и за тѣмъ онъ съ Козьминимъ уложили убитую въ сани и прикрыли полостью. Козьминъ сѣлъ на козлы, а Егоровъ на задкѣ и выѣхали со двора. Изъ дѣла видно, что лошадь Деманшъ стояла въ одной конюшнѣ съ лошадьми князя Радзивилла, квартирующаго въ томъ же флигелѣ дома, съ своимъ кучеромъ и прислугою, въ числѣ четырехъ человѣкъ. Никто однакоже, равно и дворникъ, не видалъ, какъ Козьминъ выводилъ изъ конюшни лошадь, запрягалъ въ сани, какъ вынесли тѣло убитой, уложили оное въ сани, отворили ворота и выѣхали: не видали даже и того, когда Козьминъ на лошади возвратился домой, распрягалъ лошадь и убиралъ сани. Это, по показанію Егорова и Козьмина, было уже утромъ часу въ 6-мъ, а въ такое время всѣ рабочіе люди, и въ особенности дворники, не спятъ. Слѣдователи не сдѣлали необходимаго для обезужденія дѣла описанія дому графа Гудовича, гдѣ жила Деманшъ и службамъ, въ ономъ находящимся. Въ рукоприкладствѣ подъ запискою въ Сенатѣ, Егоровъ приводитъ, что черезъ домъ отъ квартиры Деманшъ расположена полицейская будка. Но въ дѣлѣ нѣтъ ни показаній, находящихся при будкѣ часовыхъ, ни свѣдѣнія, дѣйствительно ли въ такомъ близкомъ разстояніи расположена полицейская будка. Егоровъ показалъ, что, окончивъ все, возвратились на квартиру Деманшъ, и чтобъ отвлечь подозрѣніе, они, Егоровъ и Козьминъ, сожгли въ печкѣ салонъ ея. Козьминъ напротивъ показалъ, что мѣховой салонъ Деманшъ сожгли они, Козьминъ и Егоровъ, въ Голландской печкѣ еще до отвоза ими

тѣла ея. Въ показаніяхъ дѣвокъ, Аграфены и Пелагеи, написано, что мѣховой салопъ сожгли онѣ въ печкѣ по вывозѣ тѣла, но до возвращенія Егорова и Козьмина. На вопросъ Уголовной Палаты, чтѣ побудило жечь въ печи салопъ? Козьминъ отозвался незнаніемъ, а Егоровъ показалъ, что это сдѣлано для того, чтобъ дать видъ, будто салопъ снятъ съ Деманшъ извоицкомъ, съ коимъ она ѣздила. Слѣдователи не обратили ни на отсутствіе вѣроятности, ни на разнорѣчіе даже вышеизложенныхъ показаній никакого вниманія. Въ показаніи Егорова (21 Ноября) написано, что, по совершеніи убійства, онъ взялъ у Деманшъ портмоне съ 50 руб. сер., часы золотые дамскіе и брошку, деньги прогулялъ, а вещи закинулъ за Прѣсененскою заставою. Показаніе это оказалось ложнымъ. Вещи не были брошены за Прѣсененскою заставою, а найдены таковыя послѣ во флигель дома Сухово-Кобылина. Вынутіе вещей сихъ произведено велѣдствіе новаго показанія Егорова, отобраннаго 26 Марта 1851 года, т. е. съ лишнимъ чрезъ четыре мѣсяца послѣ дачи перваго. Отвергая оба свои показанія, Егоровъ въ рукоприкладствѣ подъ запискою въ Правительствующемъ Сенатѣ объяснилъ, что, въ Мартѣ 26 числа вечеромъ часовъ въ 10, былъ посланъ къ окну его въ Тверскомъ Частномъ домѣ неизвѣстный человекъ, который, вручивъ ему 10 руб. сер., убѣждалъ показать, что вещи принадлежавшія Деманшъ сохраняются у него, Егорова. На это представлялъ онъ, что велѣдствіе собственноручнаго письма его барина, предъявленнаго ему приставомъ Стерлиговымъ, онъ показалъ уже, что вещи тѣ брошены имъ за заставою. Послѣ сего онъ Егоровъ былъ вытребованъ въ секретное отдѣленіе, гдѣ ему объявлено, что означенныя вещи находятся въ томъ самомъ мѣстѣ, какъ объяснилъ ему неизвѣстный человекъ, а за снмъ слѣдователи отправились въ домъ его господина, въ которомъ вещи тѣ отысканы не имъ, а камердинеромъ Лукьяновымъ и были завернуты въ письмѣ послѣдняго къ его любовницѣ. Принявъ на видъ, что Егоровъ не воспользовался оставленными въ квартирѣ Деманшъ серебряными и брилліантовыми вещами, имуществомъ ея и билетами Сохранной Казны въ 800 руб. сер. на имя неизвѣтнаго, нельзя несомнѣваться въ справедливости отвергнутаго имъ въ послѣдствіи показанія о похищеніи 50 руб., часовъ и брошки, а потому нынѣшнія указанія Егорова не могутъ быть оставлены безъ обследованія. Въ первомъ собственноручномъ объясненіи Егорова (20 Ноября) написано, что онъ прирѣзалъ Деманшъ перочиннымъ ножомъ, и потомъ свезли на ея лошади за заставу и бросили въ оврагъ. Въ другомъ того же числа показаніи, отобранномъ частнымъ приставомъ, Егоровъ написалъ, что они выѣхали за заставу за Ваганьово кладбище и свалили убитую въ оврагъ, но она-

саясь, чтобы она не ожила, онъ, Егоровъ, перерѣзалъ ей горло бывшимъ у Козьмина складнымъ ножомъ, который также гдѣ-то недалеко и бросилъ. Козьминъ показалъ, что Егоровъ перерѣзалъ Деманшъ горло ножомъ, взятымъ у него, Козьмина, еще въ кухнѣ. Такимъ образомъ Егоровъ сдѣлалъ два показанія, одно другому противорѣчащія, а показаніе Козьмина не согласуется ни съ тѣмъ, ни съ другимъ.

Вникая въ сущность сихъ показаній, нельзя не обратить вниманія на несообразность оныхъ. Изъ разсказа Егорова и Козьмина видно, что они оставили душить и бить утюгомъ Деманшъ, въ то время, когда увидѣли, что она совсѣмъ убита. Послѣ такого убѣжденія, не могло быть опасенія въ оживленіи убитой, вывезенной въ поле и вываленной изъ саней въ оврагъ. Слѣдовательно не было и цѣли рѣзать шею мертвой женщины. По осмотру тѣла оказалось, что горло около перерѣза завернуто волосами распущенной косы, что могло служить для одного лишь удержанія стремительнаго теченія крови; принятіе подобной мѣры въ полѣ въ оврагъ было бы излишнимъ и даже опаснымъ для убійцы, которому надлежало торопиться уѣхать и не оставить на себѣ кровавыхъ слѣдовъ преступленія. Если бы шея была перерѣзана на мѣстѣ отысканія тѣла въ оврагъ, то кровь истекала бы въ болѣе значительномъ количествѣ не на платье, а на снѣгъ, особенно когда тѣло найдено лежащимъ внизъ лицомъ; но по осмотру оказалось, что подъ самымъ перерѣзаннымъ горломъ имѣется на снѣгу кровь въ небольшомъ количествѣ, между тѣмъ какъ манишка, сорочка и платье въ верхнемъ концѣ спереди довольно много окровавлены и залиты кровью, юбка и шапочка также запятнаны кровью. Для перерѣза горла ножомъ послѣ того, какъ уже тѣло было вывалено въ оврагъ, убійцѣ надлежало выйти изъ саней, подходить къ тѣлу и потомъ возвращаться къ санямъ. Такое дѣйствіе не могло не оставить на снѣгу въ оврагѣ слѣдовъ человеческихъ. Между тѣмъ въ осмотрѣ мѣста, учиненномъ 9 Ноября въ 11—12 часовъ утра, сказано, что съ правой стороны тѣла по снѣгу видѣнъ слѣдъ саней, свернувшихъ съ большой дороги, прошедшій мимо самаго тѣла и далѣе впавшій опять въ большую дорогу; по слѣдамъ же конскихъ копытъ видно, что таковой былъ отъ Москвы. Въ послѣдствіи, 25 Января 1851 года, слѣдователями взято отъ лицъ, дѣлавшихъ осмотръ, дополнительное показаніе, что человеческихъ слѣдовъ вокругъ тѣла не можно было замѣтить по случаю выпавшаго въ предшествующую ночь снѣга. Показаніе сіе не подтверждается однакоже собственнымъ означенныхъ лицъ осмотромъ, въ которомъ о выпавшемъ снѣгѣ ничего не сказано, а при томъ, если видны были слѣды саней и если не только можно было видѣть слѣды конскихъ копытъ, а опре-

дѣлать даже по слѣдамъ коньтъ, откуда они шли, то трудно было бы не видѣть слѣдовъ человѣческихъ не на дорогѣ, а на цѣломъ мѣстѣ въ оврагѣ. Если бы дѣйствительно былъ брошенъ Егоровымъ окровавленный ножъ, то по крайней мѣрѣ были бы видны на снѣгу слѣды крови, но слѣдовъ, какъ и ножа, не найдено ни при осмотрѣ слѣдователями мѣста по указанію Егорова, 21 Ноября, ни при первоначальномъ утромъ 9 числа того мѣсяца полицейскомъ осмотрѣ, въ которомъ положительно сказано, что по близости тѣла орудій или острыхъ вещей никакихъ не оказалось и слѣдовъ крови болѣе нѣтъ.

Соображенія эти ведутъ къ убѣжденію, что Деманшъ зарѣзана не въ полѣ и не въ ея квартирѣ, въ которой ни по осмотру слѣдователей, 10 Ноября, знаковъ крови не найдено, ни самимъ Сухово-Кобылинымъ, который часу въ 9-мъ утра 8 числа, т. е. часа черезъ три по совершеніи убійства, приходилъ въ квартиру отыскивать слѣды пропавшей Деманшъ, ничего сомнительнаго не замѣтилъ, и что первое показаніе Егорова очевидно было принаправляемо къ одному лишь осмотру тѣла, на которомъ найденъ перерѣзь горла, а второе показаніе его и Козьмина согласовано уже съ осмотрами въ квартирѣ, какъ Деманшъ, такъ и Сухово-Кобылина. Въ осмотрѣ слѣдователей, учиненномъ при Сухово-Кобылинѣ 12-го Ноября въ домѣ, состоящемъ въ Срѣтенской части, гдѣ самъ онъ жилъ, оказалось, что въ комнатѣ, называемой заломъ, видны на стѣнѣ къ сѣнямъ кровавыя пятна: одно продолговатое на вершокъ длины въ видѣ распустившейся капли, другое величиною въ пятикопѣечную серебряную монету, разбрызганное; на штукатуркѣ видны разной величины мѣста стертыя неизвѣстно чѣмъ, и самая штукатурка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обвалилась, но не во всѣхъ комнатахъ, крашеныхъ желтою краскою и недавно вымытыхъ, въ сѣняхъ на грязномъ полу кровавое пятно полукруглое, величиною въ четверть аршина и къ оному потоки и брызги крови, частію уже смыты, на ступеняхъ задняго крыльца также видны пятна крови разной величины, частію стертыя или смытыя. Сухово-Кобылинъ на вопросъ слѣдователей отозвался, что онъ не можетъ опредѣлить причины, отъ которой оказались на стѣнѣ кровавыя пятна, такъ какъ въ квартиру переѣхалъ 4 Ноября, а до него жили въ оной многіе изъ его родственниковъ, мать его и тетки, тайная совѣтница Жукова съ семействомъ и прислугою и двоюродная сестра его, тайная совѣтница Бороздина. Впрочемъ камердинеръ его подверженъ кровотеченію изъ носу, и потому немудрено, что, живя въ этой комнатѣ и обертываясь къ стѣнѣ, онъ могъ запачкать оную: что же касается до кровавыхъ пятенъ въ сѣняхъ и на ступеняхъ крыльца, то онѣ произошли отъ поваровъ,

которые прикалывали живность для стола. Камердинеръ Макарь Лукьяновъ, при допросѣ, показалъ, что отъ чего именно оказались кровавыя пятна въ квартирѣ его барина, въ залѣ на стѣнѣ, равно въ сѣняхъ на полу и на ступеняхъ крыльца, то онѣ произошли отъ поваровъ, которые прикалывали живность для стола. Камердинеръ Макарь Лукьяновъ, при допросѣ, показалъ, что отъ чего именно оказались кровавыя пятна въ квартирѣ его барина, въ залѣ на стѣнѣ, равно въ сѣняхъ, на полу и на ступеняхъ крыльца, онъ не знаетъ, и что баринъ его перешелъ изъ большого въ малый флигель 6 числа Ноября. Слѣдователи не обнаружили истинной причины кровавыхъ пятенъ, оставя столь важное обстоятельство безъ всякаго дальнѣйшаго обслѣдованія. Они не спросили никого изъ прежде жившихъ въ квартирѣ, не привели въ извѣстность, кто именно въ ней проживалъ до перехода Сухово-Кобылина, не обратили вниманія на разнорѣчіе его съ камердинеромъ о времени перехода въ квартиру и не сдѣлали даже подробнаго описанія расположенію дома. Равномѣрно, слѣдователи не удостовѣрились: дѣйствительно ли полы мыты были не прежде 11 числа, а ограничили въ обстоятельствѣ столь важномъ однимъ безприсяжнымъ показаніемъ дворовой, Сухово-Кобылина, дѣвки Марѣы Игнатьевой. Изъ числа писемъ, взятыхъ въ квартирѣ убитой Деманшъ, въ одномъ, подъ № 2, Сухово-Кобылинъ писалъ къ ней, что рѣшился призвать ее къ себѣ изъ деревни, чтобы имѣть при себѣ неблагодарную и клятвопреступную женщину, и чтобы имѣть возможность прознить ее своимъ Кастильскимъ вишнэломъ. Сухово-Кобылинъ объяснилъ, что письмо это есть шутовое, но что онъ не помнитъ времени когда оно было писано. Въ письмѣ этомъ не означено ни числа, ни мѣсяца, ни года, и Деманшъ его сохранила. Слѣдователи не обратили на сіе обстоятельство никакого вниманія и не привели въ извѣстность времени, къ которому означенное письмо относилось, хотя можно бы было это сдѣлать посредствомъ розысканія, когда именно Деманшъ возвратилась изъ деревни. Въ томъ же объясненіи Сухово-Кобылинъ писалъ, что отношенія его къ Симонъ-Деманшъ всегда были самыя лучшія. Напротивъ, въ другихъ письмахъ Сухово-Кобылина и Симонъ-Деманшъ замѣчается, что между ними въ послѣднее время былъ почти совершенный разрывъ. Письма эти, писанныя пофранцузски и заключающіяся въ трехъ пачкахъ, остались не переведенными на Русскій языкъ, а потому и въ разсмотрѣніи судебныхъ мѣстъ не были, тогда какъ изъ содержанія оныхъ ближе и вѣрнѣе можно извлечь повремениныя отношенія Сухово-Кобылина къ Деманшъ и на оборотъ. Въ день убійства Симонъ-Деманшъ, она ѣздила съ кучеромъ, дворовымъ Сухово-Кобылина человекомъ Галактіономъ Козьминымъ, къ дѣвицѣ Ландертъ, каталась и

была въ кондитерской съ титулярнымъ совѣтникомъ Панчулидзевымъ, была въ квартирѣ поручика Сушкова и вечеромъ уже возвратилась въ свою квартиру. Сухово-Кобылинъ не представилъ записки Деманшъ, которую она писала къ нему за нѣсколько часовъ до убійства ея, на которую, какъ самъ онъ показалъ, отвѣта не получила. Изъ первоначальныхъ показаній жившихъ у Деманшъ людей Козьмина, Кашкиной и Алексѣевой видно, что Деманшъ, по возвращеніи въ свою квартиру 7 Ноября, вечеромъ, часовъ въ 9, пошла черезъ нѣсколько времени въ томъ же платьѣ и тепломъ салопѣ, сказавъ, что скоро воротится и не приказавъ даже гасить свѣчъ; а какъ въ это время она обыкновенно ходила къ барину Сухово-Кобылину, съ которымъ имѣла любовную связь, то Кашкина полагала, что она пошла къ нему и дождалась ея цѣлую ночь. Въ отношеніи бытности Деманшъ въ квартирѣ Сухово-Кобылина вечеромъ, 7 Ноября, даны людьми его показанія большею частью уклончивыя. Дворникъ Пахомовъ отозвался незнаемъ, была ли на Михайловъ день, въ вечернее или ночное время, у барина его Деманшъ. Между тѣмъ показалъ, что на это число онъ Пахомовъ былъ дома на дворѣ и съ онаго нигде не отлучался. Экономка Фирсова объяснила, что со Вторника на Середу, на 8 Ноября, она была больна и изъ комнаты нигде не отлучалась, а потому не знаетъ, уѣзжалъ ли куда баринъ ея, но что Деманшъ ни вечеромъ, ни ночью у барина его не была. Нельзя не замѣтить, что Пахомовъ далъ уклончивое показаніе о приходѣ Деманшъ, тогда какъ онъ безотлучно находился на дворѣ, и что если Фирсова не могла по болѣзни дать положительнаго показанія въ отношеніи отлучки барина изъ своей квартиры, то по той же самой причинѣ она едва ли могла положительно отрицать о бытности у него Деманшъ. Сухово-Кобылинъ отозвался, что была ли Деманшъ въ 9 часовъ вечера, 7 числа, въ его квартирѣ, онъ опредѣлить не можетъ по отсутствію своему изъ дома. Камердинеръ Макаръ Лукьяновъ показалъ, что, 7 Ноября, баринъ его уѣхалъ изъ дома въ 8 часовъ вечера, на своихъ лошадяхъ и въ своей каретѣ. Напротивъ, дворники показали, что баринъ ихъ 7 Ноября весь вечеръ и до утра былъ дома и нигде не отлучался, да и карета его была въ починкѣ. На сдѣланный Сухово-Кобылину вопросъ: куда именно отлучался 7 Ноября вечеромъ, въ какомъ экипажѣ и кто былъ кучеръ и лакей? отвѣчалъ онъ 16-го того же Ноября, что былъ на вечерѣ у Нарышкина, отправился туда и возвратился домой пѣшкомъ, ибо карета его была занята сестрами, извозчика не нанимать. Въ справедливости сего показанія Сухово-Кобылинъ сначала уличалъ своего камердинера при очной съ нимъ ставкѣ 14 Декабря 1850 г., но потомъ присоединился къ его показанію, что отправится на вечеръ на своихъ

лошадяхъ и съ своимъ кучеромъ Иваномъ Тимофеевымъ. Между тѣмъ, 13 Ноября 1850 года, былъ спрошенъ кучерь, дворовый Сухово-Кобылина человекъ Иванъ Тимофеевъ и показалъ, что во Вторникъ 7 Ноября, господинъ его, по возвращеніи домой днемъ часа въ 4, не ѣздилъ никуда, и что у Нарышкиной баринъ его былъ до Вторника. На очной съ камердинеромъ ставкѣ 30 Ноября, Тимофеевъ перешель къ показанію перваго, что дѣйствительно отвозилъ барина къ Нарышкиной 7 числа Ноября, въ 8 часовъ вечера, на своихъ лошадяхъ и въ своей каретѣ. Слѣдователи не распросили ни квартировавшихъ въ домѣ Сухово-Кобылина людей, ни дворниковъ соседнихъ и противоположныхъ домовъ, даже бывшихъ дежурными въ ночь происшествія, не видалъ ли кто прихода или пріѣзда, вечеромъ 7 Ноября, на Михайловъ день, Деманшъ въ домъ Сухово-Кобылина, а также выезжавшаго ночью или вечеромъ изъ его дома подозрительнаго экипажа, особенно по направленію въ ту сторону, гдѣ найдено тѣло убитой; не привели въ извѣстность проживавшихъ въ то время въ домѣ Сухово-Кобылина и не сдѣлали, какъ выше сказано, описанія расположенію сего дома. Равномѣрно слѣдователи не удостовѣрились въ бытности Сухово-Кобылина у Нарышкиной и не вывели въ извѣстность даже того, дѣйствительно ли 7 Ноября былъ у нея вечеръ. Изъ дѣла видно, что Сухово-Кобылинъ, бывший, по собственному его показанію, у Деманшъ днемъ 7 Ноября, приходилъ и на другой день 8 числа, часу въ 9-мъ утра, т. е. часа чрезъ три, по совершеніи убійства, въ квартиру отыскивать слѣды пропавшей Деманшъ, и продолжалъ поиски съ такимъ усердіемъ и нетерпѣніемъ, что въ теченіе этого дня и ночи пріѣзжалъ въ квартиру разъ шесть и оставался тамъ по нѣсколькѣ часовъ одинъ и съ зятемъ Петрово-Солововымъ. Онъ, по словамъ камердинера Лукьянова, возвратясь 8 Ноября въ свою квартиру часовъ въ 10 вечера, былъ въ смущенномъ видѣ и говорилъ: „Вѣрно Деманшъ убита“. Между тѣмъ, какъ видно изъ показаній дворовыхъ людей, женщины Аграфены Кашкиной и кучера Игнатія Макарова, Сухово-Кобылинъ не показывалъ прежде никакой тревоги объ отлучкѣ Деманшъ, уѣзжавшей на два и на три дни, но слѣдователи не обратили на сіе обстоятельство никакого вниманія. Изъ показаній кучера Игнатія Макарова, находившагося по болѣзни въ домѣ своего господина Сухово-Кобылина, видно, что баринъ его часу въ 12 ночи, 8 Ноября, посылалъ его Макарова къ Козьмину за тѣми санями, на которыхъ ѣздила Деманшъ и которыя Козьминъ въ то же время къ барину и доставилъ; то же показалъ и Козьминъ, при допросѣ его слѣдователями. Напротивъ Сухово-Кобылинъ въ отвѣтахъ написалъ, что, розыскивая Симонъ-Деманшъ, онъ былъ въ ея квартирѣ часовъ въ 11

вечера, 8 Ноябра и, отпустивъ извозчика, приказалъ работнику ея, Козьмину, заложить лошадь въ сани и поспѣшно возвратился домой, а потомъ ѣздилъ къ оберъ-полицеймейстеру. Между тѣмъ камердинеръ Лукьяновъ показалъ, что 8 Ноябра баринъ его возвратился отъ князя Вреде часовъ въ 10 вечера, а часу во 2-мъ отправился вмѣстѣ съ зятемъ Петрово-Соловымъ къ оберъ-полицеймейстеру на извозникъ. Слѣдователи не обнаружили причины, побудившей Сухово-Кобылина взять сани Деманшъ въ ночное время и на другой же день постѣ ея убійства. Они оставили безъ должнаго обслѣдованія и самое разпорѣчье въ показаніяхъ означенныхъ выше лицъ. Наконецъ, Сухово-Кобылинъ началъ отстранять отъ себя незаконное сожитіе его съ Деманшъ, извѣстное и всѣмъ спрошеннымъ по дѣлу лицамъ. Онъ въ рукоприкладствѣ подъ запискою въ Правительствующемъ Сенатѣ написалъ, что связь любви и сердечной привязанности съ пособіемъ въ содержаніи бываетъ между всякими лицами, расположенными другъ къ другу, а потому имѣть основанія слова эти принимать за незаконное сожитіе, коего не существовало. Между тѣмъ изъ собственноручныхъ Сухово-Кобылина отвѣтовъ значить: на вопросъ слѣдователей, къ кому именно Симошь-Деманшъ ревновала его и не было ли вслѣдствіе сего разрыва любовныхъ отношеній? сознался онъ, Сухово-Кобылинъ, что въ продолженіи всего времени его съ Деманшъ жизни, она изъязвляла ревность къ тѣмъ дамамъ, куда онъ часто ѣздилъ, или близко былъ знакомъ, но ревность эта никогда не выходила изъ предѣловъ шутки и просьбы: къ такой или въ такой домъ не ѣздить, и потому ссоры или разрыва связи ихъ не происходило. Независимо отъ всѣхъ вышележенныхъ важныхъ упущеній, нельзя не замѣтить, что слѣдователи отбирали безъ присяги показанія и отъ такихъ крѣпостныхъ Сухово-Кобылина людей, которые, не будучи причастны къ дѣлу, долженствовали, за неимѣніемъ другихъ свидѣтелей, согласно 1088 ст. XV т. Св. Зак. Угол., быть спрошены подъ присягою, а чрезъ сіе представлялась свобода давать безбоязненно показанія одно другому противныя, уклончивыя и сами по себѣ неимовѣрныя; отъ лицъ же неграмотныхъ слѣдователи составляли допросы безъ зарукоприкладствованія оныхъ другими грамотными вопреки 1056 ст. Т. Св. Зак. Угол. По всѣмъ симъ соображеніямъ, принимая во вниманіе недостатки въ производствѣ слѣдствія, указывающіе необходимость привести въ яеность новыя при рукоприкладствахъ показанія обвиняемыхъ, отрицающихся отъ прежнихъ своихъ показаній, и опасаясь произнести рѣшительный приговоръ къ тяжкому наказанію надъ лицами, въ виновности которыхъ законнаго убѣжденія, по его мнѣнію, не представляется, онъ г. управляющій Министерствомъ Юстиціи признаетъ нынѣ невозможнымъ разрѣшить настоящее

дѣло по существу и полагають бы: 1) подвергнуть сіе дѣло строгому переслѣдованію по всѣмъ обстоятельствамъ онаго, чрезъ благонадежныхъ и опытныхъ чиновниковъ, при содѣйствіи жандармскаго штабъ-офицера, которымъ вмѣнить въ обязанность, чтобы употребили всѣ законныя средства къ обнаруженію истинной причины, побудившей къ убійству Симонъ-Деманшъ; 2) по окончаніи слѣдствія передать все дѣло въ судъ первой степени для разсмотрѣнія, постановленія вновь, на законномъ основаніи, мнѣнія, не стѣсяясь прежними рѣшеніями и для поступленія въ дальнѣйшемъ ходѣ онаго по установленному порядку, и 3) упущенія и противозаконныя дѣйствія слѣдователей предоставить разсмотрѣнію и зависящему распоряженію надлежащаго начальства“.

Дѣло объ убійствѣ Симонъ-Деманшъ 27 Ноября 1853 г. было разсмотрѣно въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, а 17 Декабря въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, гдѣ и послѣдовало рѣшеніе „утвердить по этому дѣлу заключеніе Управляющаго Министерствомъ Юстиціи и сенаторовъ, съ нимъ согласныхъ“. При этомъ Государственный Совѣтъ нашелъ нужнымъ прибавить: 1) „переслѣдованіе возложить на особую комиссію, составляя оную изъ благонадежныхъ и опытныхъ въ производствѣ слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ чиновниковъ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, при содѣйствіи жандармскаго штабъ-офицера, по выбору самихъ министровъ и шефа жандармовъ; 2) сей комиссіи вмѣнить въ обязанность употребить всѣ зависящія средства къ обнаруженію не только истинной причины, побудившей къ убійству Симонъ-Деманшъ, но и виновныхъ въ совершеніи сего преступленія; 3) предоставить министру юстиціи имѣть особое наблюденіе за правильнымъ и безостановочнымъ производствомъ какъ переслѣдованія, такъ и судебного разсмотрѣнія настоящаго дѣла, которое во всѣхъ инстанціяхъ рѣшить безъ очереди и 4) упущенія и противозаконныя дѣйствія прежнихъ слѣдователей подвергнуть строжайшему взысканію по законамъ“.

Это рѣшеніе Государственнаго Совѣта удостоено высочайшаго утвержденія 6 Января 1854 года.

Немедленно была сформирована новая Слѣдственная Комиссія, которая энергично взялась за дѣло 27 Февраля 1854 года*). Во главѣ Комиссіи стояли генераль-майоръ Ливенцовъ и дѣйст. ст. совѣтникъ Васильчиковъ. Комиссія передопросила всѣхъ обвиняемыхъ (кроме умершей Пелаген) и свидѣтелей, устроила цѣлый рядъ очныхъ ста-

*) См. Дѣло Архива Госуд. Совѣта, 1857 г. д-та гражд. и духовныхъ дѣлъ, № 182.

вокъ, осмотрѣла вновь все помѣщенія, допросила нѣсколькихъ новыхъ свидѣтелей и не открыла ничего новаго. Сухово-Кобылинъ и его камердинеръ были заключены подъ стражу, при чемъ первый просидѣлъ съ половины Мая до начала Ноября, когда былъ выпущенъ на поруки матери. Говорятъ, что въ это самое время онъ задумалъ и даже написалъ „Свадьбу Кречинскаго“, создавшую ему извѣстность какъ писателю. Новыми слѣдователями было особенное вниманіе обращено на выясненіе отношеній Сухово-Кобылина къ М. И. Нарышкиной, къ которой будто бы Симонъ сильно его ревновала. Затѣмъ осмотръ платья и бѣлья убитой, на этотъ разъ болѣе внимательный, показалъ, что, какъ платью, такъ и бѣлье обильно залито текшей сверху внизъ кровью какъ спереди, такъ и сзади до талии. Это убѣдило судей, что Деманшъ была при жизни зарѣзана, при томъ одѣтая и стоя, и гдѣ-то несомнѣнно въ другомъ мѣстѣ, а не въ своей квартирѣ. Промелькнуло еще одно свидѣтельское показаніе, что будто Сухово-Кобылинъ давалъ деньги въ полиціи.

Какъ бы то ни было, дѣло опять прошло все инстанціи и было внесено въ Государственный Совѣтъ.

25 Октября 1857 года, въ соединенномъ засѣданіи департаментовъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и законовъ, большинство (28 членовъ) пришло къ такому рѣшенію: „Въ настоящемъ дѣлѣ показанія крѣпостныхъ Сухово-Кобылина людей, Егорова, Козьмина и Ивановой, въ коихъ они сознавались въ совершеніи убійства Симонъ-Деманшъ, не могутъ быть признаны за достовѣрныя и удовлетворяющія требованія закона; ибо они не подтверждены обстоятельствами дѣла, ни въ главныхъ своихъ основаніяхъ, ни въ подробностяхъ. Напротивъ того, сіи показанія какъ относительно повода къ покушенію на убійство, такъ и способа совершенія онаго, обстоятельствъ при томъ происшедшихъ и, наконецъ, о самомъ мѣстѣ совершенія злодѣянія, явно противорѣчатъ обнаруженнымъ при слѣдствіи фактамъ... Кромѣ того означенныя объясненія подсудимыхъ между собой несогласны...

На основаніи всехъ изложенныхъ соображеній 28 членовъ полагаютъ:

1) Дворовыхъ Сухово-Кобылина и Аграфену Иванову отъ всякой отвѣтственности по предмету убійства Симонъ-Деманшъ оставить свободными; кромѣ того, члены Государственнаго Совѣта полагаютъ вообще всехъ дворовыхъ людей Сухово-Кобылина поручить особенному

почеченію мѣтнаго предводителя дворянства, пбо они могли своими показаніями „возбудить негодованіе владѣльца“.

На представленной меморіи, Государь, 3 Декабря 1857 г., написалъ противъ мнѣнія 28 членовъ—„и Я“. Такимъ образомъ дѣло окончилось навсегда. Сухово-Кобылинъ былъ приговоренъ къ церковному покаянію за любовную связь.

Дворники, отказавшись отъ своихъ показаній, достигли желанныхъ результатовъ, избавились отъ плетей, клеймъ и каторги. Удовлетворено ли было тѣмъ земное правосудіе—возможно! Однако оно не достигло желаемой цѣли и не открыло виновныхъ. Судейскій ходатай. писавшій „рукоприкладства“ осужденнымъ, былъ правъ, сказавъ, что „тайна сія извѣстна одному Всевышнему Творцу, отъ Котораго не скрыто“, кто былъ „жертва случая“, и кто истинный виновникъ трагической смерти московской купчихи Луизы Ивановны Симонъ-Деманшъ, жизнь которой волею судьбы была такъ тѣсно связана съ жизнью виднаго Русскаго писателя.

А. Голомбѣвскій.

*

Въ Запискахъ сенатора Кастора Никифоровича Лебедева, которыя помѣщались въ „Русскомъ Архивѣ“ (съ 1898 года) имѣются свѣдѣнія о Сухово-Кобылинѣ и его сестрѣ, графинѣ Сальясъ. По требованію Е. М. Теофтистова, тогдашняго начальника по дѣламъ печати, эта почти цѣлая страница, уже отпечатанная, была уничтожена. П. Б.

УЧЕНАЯ ПОЧЕСТЬ РУССКОМУ ИСТОРИКУ.

Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. М. 1909.
8-ка. X, 828 и III стр.

Въ Средніе вѣка мужей знанія и искусства вѣнчали лавровыми вѣнками и дѣлали почетными гражданами. Въ наши дни людей науки и литературы награждаютъ преміями, торжественными юбилеями, избираютъ въ число бессмертныхъ, дѣлаютъ почетными членами академій, университетовъ, разныхъ ученыхъ обществъ, а правительство награждаетъ чинами и лентами. Своеобразная, но высокоцѣнная награда просвѣтительныхъ заслугъ выпала на долю В. О. Ключевского по поводу 30-тилѣтія его профессорской дѣятельности въ Московскомъ университетѣ. Ученики, друзья и почитатели его, въ числѣ 42 (изъ коихъ одинъ академикъ, 20 профессоровъ, 11 приватъ-доцентовъ и 10 другихъ лицъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ въ наукѣ и литературѣ) люди разныхъ поколѣній, почтили его вѣнкомъ особаго рода, сплетеннымъ изъ статей, написанныхъ ко дню чествованія. Составился „Сборникъ“ статей, посвященныхъ преимущественно Русской и отчасти Всеобщей исторіи, по дѣлѣ не особенно дорогой, если принять во вниманіе число его страницъ убористой печати. Чистая выручка съ книги поступаетъ на учрежденіе стипендіи имени Ключевского при Московскомъ университетѣ. Участники сборника помнятъ то время, когда они „въ тѣсныхъ аудиторіяхъ Московскаго университета“ внимали лекціямъ профессора, когда онъ „властною рукою мастера вводилъ слушателей въ глубокой научный анализъ, освѣщая его огнемъ художественнаго творчества“, или „по обломкамъ прошлаго, по сору, оставшемуся отъ угасшей жизни, возстановлялъ самую жизнь со всѣми ея извилинами, сложными и причудливыми сочетаніями, во всей ея неувловимости“. Въ аудиторіи профессора слушатели его лекцій „поднимались нагъ заботами и злобами дня“. „Курсы“ профессора для многихъ изъ нихъ „были первою книгою, заставившею мысль встрепенуться“; изъ нихъ они „исходили и къ нимъ возвращались, занимаясь вопросами Русской исторіи“.

Статьи сборника представляютъ каждая болѣе или менѣе цѣнный вкладъ въ науку. За спискомъ трудовъ профессора (это работа *Е. В. Барсова*) идетъ статья *М. Любавскаго*: „Къ вопросу объ ограниченіи политическихъ правъ право-

славныхъ князей, пановъ и шляхты въ великомъ княжествѣ Литовскомъ до Люблинской уніи“. Авторъ, извѣстный знатокъ исторіи З.-Русскаго края, пользуясь изданными Краковской Академіей Наукъ новыми документами и въ связи съ политическими и религіозными событіями Западной Руси, выясняетъ жизненное и юридическое значеніе Городельскаго постановленія 1413 г., которымъ ограничивались права православныхъ. Статья эта до нѣкоторой степени сглаживаетъ бьющее въ глаза противорѣчіе законодательныхъ (послѣ Городельскаго сейма) документовъ, въ одно и тоже время и стѣснявшихъ права Русскаго населенія въ Литвѣ, и мирволившихъ имъ.

Къ исторіи Литвы относится и статья *В. Пичета*, подъ заглавіемъ „Литовско-польскія уніи и отношеніе къ нимъ Литовско-русской шляхты“.

Извѣстный своими работами по критикѣ лѣтописнаго матеріала XVII в., *С. Платоновъ* помѣстилъ статью о такъ называемомъ „Столяровомъ хронографѣ (онъ купленъ Карамзинымъ у столяра), въ которой, путемъ любопытныхъ сближеній, опредѣляетъ, кѣмъ писанъ этотъ хронографъ. То былъ служилый Арзамасецъ, Баимъ Болтинъ; произведеніе его напоминаетъ записки Русскихъ людей XVII в., похожія на записки князя С. И. Шаховскаго.

Недавно защитившій диссертацию на степень доктора Русской исторіи (Земское самоуправленіе на Сѣверѣ въ XVII в.), проф. *М. М. Богословскій* далъ статью „О кредитѣ въ земскомъ хозяйствѣ XVII в.“, гдѣ сообщаетъ, что земскіе міры Сѣвера очень часто обращались къ частнымъ займамъ „на мірской расходъ и на всякую земскую издержку“, уполномочивая особыхъ лицъ заключать денежные договоры. Деньги займы давали монастыри, коммерсанты, между прочими и славный князь Д. М. Пожарскій. Размѣры ссудъ были разными: отъ 2 до 300 р., при чемъ общая задолженность волостныхъ земствъ достигала иногда 2275 р. „Условія займовъ были очень тяжелы“. Общепринятый процентъ по ссудѣ долгосрочной былъ 20 („на пять шестой“, какъ тогда выражались); но взималось 48⁰/₁₀ и даже 156 годовыхъ.

Профессоръ *А. Филипповъ* далъ интересный очеркъ „положенія губернатора въ тридцатыхъ годахъ XVIII в.“, на основаніи донесеній мѣстныхъ правителей въ Кабинетъ (основанный при Аннѣ въ 1731 г.) и въ особенности донесеній Смоленскаго губернатора А. Б. Бутурлина. Тутъ яркая картина тяжелаго положенія мѣстной правительственной власти, зависимой отъ 54 учреждений, отъ всякихъ коллегій, канцелярій, командъ и конторъ, взыскивавшихъ съ губернатора всякіе недочеты и штрафовавшихъ его по всякимъ поводамъ; по истинѣ въ ту пору едва ли было „положеніе хуже губернаторскаго“.

Къ исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными державами, именно, „съ Римскими папами“ относится статья *Е. Шмурло* о „цѣлованіи“ Русскими посланниками „папской туфли“, что принято было на аудіенціяхъ папы и что практиковалось по отношенію къ посланникамъ не только католическихъ державъ, но и иновѣрныхъ. Въ тѣ времена, въ эпоху до-Петровской Руси, это цѣлованіе было не пустою формальностію, но имѣло жизненное

значеніе: помимо личной унизости, съ нимъ связывалось признаніе папскаго верховенства и многое другое. Русскіе посланники иногда цѣловали папскую ногу, напр. Истома Шеврингъ, при Грозномъ, когда туго приходилось отъ Баторія; но большею частію они всячески увертывались отъ унижительнаго обряда: наклонялись „близъ ноги“, „близъ папныхъ колѣнъ“ и пр. Но Римъ, по существу, всегда одерживалъ побѣду: „реальное онъ замѣнялъ фикціей, золотилъ пилюлю, но всегда заставлялъ ее глотать“.

Извѣстный спеціалистъ по исторіи Русскаго города въ XVIII в., *А. Кизеветтеръ*, представилъ въ Сборникъ обширную статью, подъ заглавіемъ „Дѣлопроизводство Русскихъ внутреннихъ таможенъ, какъ историческій источникъ“. Написанная съ полнымъ знаніемъ дѣла, статья эта имѣетъ отношеніе къ мало-разработанной исторіи внутренней торговли Россіи и обращаетъ вниманіе историковъ на „книги внутреннихъ Русскихъ таможенъ“, на это „дикое поле“, доселѣ не использованное, не смотря на все его богатство, въ цѣляхъ исторической науки. Самъ авторъ „анализируетъ, въ видѣ примѣра, таможенные книги Вятской (Хлыновской) таможни за 1746 г.“, изображающія состояніе торговаго ввоза и вывоза изъ Вятки за это время, при чемъ сообщаетъ любопытнѣйшія свѣдѣнія о товарахъ и ихъ движеніи по торговымъ округамъ Россіи.

Авторъ книги „Замосковный край въ XVII в.“ (этого обширнѣйшаго изслѣдованія по исторіи экономическаго быта Московской Руси) *Ю. Готье*, помѣстилъ въ Сборникъ большую статью о „слѣдственныхъ комиссіяхъ по злоупотребленіямъ областныхъ властей въ XVIII в.“ Проліявая свѣтъ на жизнь областного управленія отъ Петра I до Екатерины II и широко охватывая этотъ предметъ, сообщая свѣдѣнія о томъ, по какимъ поводамъ назначались слѣдственные комиссіи, къмъ онѣ назначались, кто входилъ въ ихъ составъ, чѣмъ руководились слѣдователи, какое и за чей счетъ получали они вознагражденіе, какъ выполняли они свою задачу, какія препоны и тормозы встрѣчали на своемъ пути, насколько усиленно шло ихъ дѣло, какъ оно доводилось до конца и пр.,—статья, въ виду современныхъ ревизій сенатора Гарина, любопытна и для нашего времени.

Статья *С. Рождественскаго* „Изъ исторіи отмѣны урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVII в.“ останавливается на нѣкоторыхъ случаяхъ борьбы противъ урочныхъ лѣтъ и выясняетъ, кто и почему велъ эту борьбу и какъ отвѣчало на нее правительство. Статья вноситъ лучъ свѣта въ исторію развитія крѣпостнаго права.

Очень любопытны „Историко-юридическія параллели“ *Е. Щенкина*, изложенныя въ статьѣ: „Порядокъ престолонаслѣдія у Древне-норвежскихъ конунговъ“. Здѣсь авторъ, изслѣдуя нормы наслѣдованія въ Скандинавіи, у Славянъ и въ Приднѣпровской Руси, приходитъ къ выводамъ неутѣшительнымъ для защитниковъ „самобытнаго происхожденія Руси“. „При сравненіи, говоритъ профессоръ, системы престолонаслѣдія Норвежской, какъ типа для древнѣйшихъ

Скандинавовъ вообще, съ системами у Хорватовъ, Чеховъ, Поляковъ, Русскихъ, обнаруживается, что между-княжескія отношенія на Руси послѣ Ярослава Мудраго отличны отъ системъ у южныхъ и западныхъ Славянъ и сродны Древнескандинавскому порядку родового наслѣдованія“. „Сродство сложнаго порядка престолонаслѣдія въ Кіевскій періодъ съ Древнескандинавскимъ родовымъ наслѣдованіемъ“ больше всего подтверждается изгойствомъ, „чуждымъ Русско-славянскому обычно-правовому сознанію“. Пересаженная въ Приднѣпровье Скандинавская порода „родословныхъ деревьевъ“, однако, „дала здѣсь разнообразность, никогда болѣе не повторяющуюся“.

Статья проф. *P. Винтера* сообщаетъ „нѣсколько замѣчаній о происхожденіи церкви“. Авторъ утверждаетъ, что въ древней Греціи не было церковнаго строя, идеи церкви, вліятельнаго духовенства, посредниковъ между богами и людьми. Церковь, какъ соціальная организація, возникла на Востокѣ, въ Месопотамскихъ долинахъ. Первоначально и здѣсь „царь—священная особа и глава церкви“; она—„только другой терминъ для выраженія неограниченности власти, связанный съ господствовавшимъ астрономическимъ ученіемъ“... „Земной міръ—копія небеснаго оригинала; онъ отражаетъ его, слѣдуетъ за нимъ“. Иначе въ Вавилонѣ, „на Нилѣ господствуетъ свѣтское государство, церковь есть научное построеніе, сумма философіи; храмы и священники, совѣтчики царя, своего рода бюрократическіе кадры“. Эта сторона перешла потомъ въ Христіанскую Европу. Идея независимой церкви, чуждой государству, зародилась тамъ же на Вавилонскихъ равнинахъ, когда началось порабощеніе массъ, когда „зародилось ученіе о Мессіи, спасеніи міра или міровой катастрофѣ“, перенесенное Іудеями изъ Вавилонскаго плѣна въ Сирію, когда нарушилась гармонія двухъ міровъ и начались чаянія будущаго. А нарушилась гармонія потому, что произошелъ кризисъ на небесахъ, который разрѣшится новымъ возрожденіемъ. „Подобно тому, говоритъ профессоръ, какъ республика, демократія, теорія народнаго верховенства и т. д. были продуктомъ кантональнаго быта островковъ и приморскихъ долинокъ Балканскаго и Аппенинскаго полуострововъ, такъ абсолютная монархія и всемірная церковь явились продуктомъ большихъ организацій, неизмѣнно слагавшихся на широкихъ аллювиальныхъ равнинахъ передней Азіи и опиравшихся на сложную старинную науку звѣздочетства“. Отсюда же, изъ „этой-же культурно-географической среды и аргументовъ науки о небесныхъ циклахъ, идетъ ученіе о Спасителѣ міра и торжествѣ великой справедливой общины на землѣ, т. е. о независимой церковной организаціи, противоположной свѣтскому царству.

Очень ученую статью далъ въ Сборникъ проф. *С. Смирновъ* о „богомерзкихъ бабахъ“, подъ которыми авторъ разумѣетъ Древне-русскихъ женщинъ, язычницъ, противившихся Христіанству, поддерживавшихъ долгое время въ народѣ сначала чистое язычество, потомъ его пережитки, двоевѣріе и севѣвѣріе; этими бабами были затѣмъ волшебницы, вѣдьмы, зелейницы, вѣщія жонки, чародѣйницы. Авторъ указываетъ на то, какими средствами боролись съ ними церковь и правительство, а въ заключеніи выясняетъ причины различнаго

отношенія женщины къ Христіанству въ Древне-римскомъ мірѣ, когда онѣ содѣйствовали успѣхамъ новой религіи, и въ Русской землѣ, когда онѣ имѣли препятствовали. Статья профессора вноситъ новыя данныя въ скудную литературу вопроса о культурно-исторической роли Русской женщины въ древнѣйшій періодъ исторіи Россіи.

Извѣстный знатокъ Англійской исторіи П. Виноградовъ помѣстилъ статью „Годичныя книги Англійскихъ судовъ, какъ исторической источникъ“. Подъ „книгами“ разумѣются замѣтки, „сдѣланныя присутствовавшими при судовожденіи студентами, съ цѣлю фиксировать приемы юридической діалектики“; онѣ напоминаютъ собою современные записи шахматныхъ партій, которыя изучаются любителями; какъ оригинальный и содержательный источникъ, книги важны для исторіи Англійскаго права.

А. Савинъ въ статьѣ „Мѣстничество при дворѣ Людовика XIV“ дѣлаетъ чрезвычайно интересныя сопоставленія мѣстническихъ обычаевъ Московскаго двора съ Французскимъ, осторожно подбираясь къ выводу, что Московское боярство „едвали можно считать самую безсильную, самую ненужную изъ Европейскихъ аристократій“, къ какому выводу приходилъ въ своихъ работахъ, „учитель Московскихъ историковъ“, для юбилейнаго Сборника котораго написана статья г. Савина.

Въ статьѣ, „Что даетъ Боярская Дума В. О. Ключевскаго для государствовѣдѣнія“ *С. Котляревскій* сообщаетъ, что знакомство съ этою книгою необходимо для каждаго, изучающаго исторію Русскаго государственнаго права; что, помимо „пониманія строя и дѣятельности государственныхъ учреждений до-Петровской Руси“, юристу-законовѣду книга даетъ „чрезвычайно цѣнный общій методологическій урокъ“, устанавливая соответствующія точки зрѣнія на изучаемое учрежденіе и спасая отъ чрезмѣрнаго довѣрія къ тѣмъ категоріямъ, съ которыми обычно свыкается мысль юриста; эта книга даетъ не только новыя знанія, но больше: открываетъ пути, которыми можно достигнуть знаній.

И. Липпо въ статьѣ „Конные мѣщане Витебскіе въ XVI столѣтіи“ вноситъ весьма цѣнныя указанія въ „исторію сословнаго строя великаго княжества Литовскаго“, опредѣляя права мѣщанъ, ихъ особое положеніе въ государствѣ и объясняя причины этого положенія.

Въ статьѣ „Азартныя игры, какъ источникъ дохода Московскаго государства въ XVII в.“, *С. Веселовскій* подробно разсуждаетъ о томъ, что въ этомъ вѣкѣ азартныя игры въ карты и зернь, шахматы и яичный бой не только существовали, но и эксплуатировались въ фискальныхъ цѣляхъ, причемъ интересно описываетъ и то, въ чемъ состояли эти игры.

М. Дьяконовъ въ статьѣ „Къ вопросу о крестьянской норядной записи и служилой кабалѣ“, разбирая тѣ и другія, сообщаетъ новыя данныя къ освѣщенію „капитальнѣйшаго вопроса Русской исторіи“, т. е. крѣпостнаго права.

Въ остановившуюся разработку исторіи Балтійскаго Славянства пр.-доц. *Д. Елоровъ*, въ статьѣ „Новый источникъ по исторіи Прибалтійскаго Славянства“ вноситъ новую струю, сообщая данныя о значеніи для этой исторіи такъ называемаго Десятиннаго списка Ратцебургской епархіи въ 1230 г., уясняющаго особенности колонизаціи Балтійскаго края.

Любопытныя предположенія дѣлаетъ пр.-доц. *А. Орловъ* въ статьѣ „О Русскомъ некнижномъ житіи Николая чудотворца“, о времени и мѣстѣ происхожденія житія. Этимъ житіемъ называется „повѣсть о погребеніи“ св. Николая, Греческаго происхожденія, но переложенная на Русскій простой языкъ съ прибавками объ участіи Св. Николая въ засѣданіяхъ Никейскаго собора и съ заключительнымъ обращеніемъ къ Русскимъ сынамъ и дочерямъ, имѣющимъ видъ похвалы Святому. Но мнѣнію г. Орлова житіе это переработано изъ Болгарской повѣсти о погребеніи, въ Западной или Юго-западной Руси, въ Литвѣ или близко къ ней.

Къ любопытнѣйшему вопросу о монастырскомъ землевладѣніи въ древней Руси относится обстоятельное изслѣдованіе *В. Сторожева* „о монастырскомъ землевладѣніи въ Вологдѣ по даннымъ 1627—1630 гг.“, составленное на основаніи неизданнаго матеріала писцовыхъ книгъ по Вологдѣ, хранящихся въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Авторъ приходитъ къ выводу, что въ Заозерской половинѣ древняго Вологодскаго уѣзда насчитывалось 11 монастырей, за которыми намѣрено было 10,440,375 дес. пашни.

Къ исторіи центральнаго административнаго управленія относится статья *С. Боявленскаго* о „Расправной Палатѣ при Боярской Думѣ“, этой постоянной думской комиссіи (по опредѣленію В. О. Ключевскаго) для разбора тяжбныхъ дѣлъ, восходившихъ отъ приказовъ въ Думу и для замѣщенія ея по текущимъ дѣламъ управленія на время отсутствія царя. На основаніи новыхъ, неизданныхъ матеріаловъ, авторъ пополняетъ свѣдѣнія о данномъ предметѣ, ранѣ существовавшія въ исторической литературѣ.

Прив.-доц. по кафедрѣ Византійской исторіи въ Моск. университетѣ, свящ. *Н. Поповъ*, помѣстилъ статью о „началѣ византиновѣдѣнія въ Россіи“. Выяснивъ важное значеніе Византіи въ культурной исторіи Европы и родины и равнодушное отношеніе къ ея изученію, авторъ связываетъ начало научнаго византиновѣдѣнія со временемъ учрежденія Академіи Наукъ при Петрѣ, съ именемъ академика Байера († 1738), затѣмъ слѣдитъ за работами по исторіи Византіи Мюллера, Шледера, Стриттера, Круга, Муральта и Куника, а въ заключеніи выражаетъ надежду, что въ недалекомъ будущемъ „изученіе Византіи въ трудахъ Русскихъ ея изслѣдователей пойдетъ равномерно съ развитіемъ всей Русской исторической науки“.

Д. Петрушевскій въ статьѣ „Страница изъ исторіи Англійскаго Средневѣковаго города“ рассказываетъ о любопытной борьбѣ горожанъ Сентъ-Альбанса (1326 г.) съ Гугомъ, аббатомъ монастыря, изъ-за вольностей, принадлежавшихъ ранѣ общинѣ города св. Альбана; борьба закончилась побѣдою горожанъ.

Извѣстный своими работами по социологическимъ вопросамъ *И. Струве* помѣстилъ статью, подъ заглавіемъ: „Проблема роста производительныхъ силъ въ теоріи социальнаго развитія“; его авторъ успѣшно критикуетъ извѣстную теорію Маркса объ отношеніи производительныхъ силъ общества къ его экономической структурѣ, на которой затѣмъ возвышаются всѣ дальнѣйшія надстройки политическія, юридическія и т. д. „Анализируя Марксову теорію социальнаго развитія, говоритъ авторъ, мы нашли, что въ ея основѣ лежатъ, съ одной стороны, нѣкоторые предположенія раціоналистическаго оптимизма, въ силу которыхъ она является не теоріей нейтральной эволюціи, а теоріей прогресса, и, съ другой стороны, не подвергшіяся никакой критической провѣркѣ общій философскій мотивъ, а именно—социологическій универсализмъ, родственннй логическому реализму и съ нимъ переплетающійся“, т. е., восходящій къ теоріи и Гегеліанской школѣ. Выяснивъ связь построеній Маркса съ раціонализмомъ и гегеліанствомъ, авторъ, въ дальнѣйшемъ, приходитъ къ заключенію, что „экономическое“ объясненіе исторіи не можетъ быть всеобъемлющимъ.

М. Покровскій помѣстилъ статью „Пушкинъ и Римскіе историки“, въ которой указываетъ на знакомство поэта съ Римскими историками, въ особенности съ Тацитомъ; въ ихъ твореніяхъ онъ нашелъ и „отзвукъ на свои собственные настроенія“, и „великолѣпный матеріалъ для иллюстраціи темъ о царяхъ, тиранахъ, узурпаторахъ, народныхъ вождяхъ и самозванцахъ“.

Къ исторіи Земскихъ соборовъ, именно къ выясненію вопросовъ о томъ, какъ населеніе принимало вѣсть о созывѣ новаго Земскаго собора, какъ смотрѣло на выборы и охотно ли служилые люди, покидая свои деревенскіе дома, ѣхали въ городъ, чтобы выбрать депутатовъ на Земскій соборъ—относится въ Сборникѣ статья *Г. Шмелева* подъ заглавіемъ: „Отношеніе населенія и областной администраціи къ выборамъ на Земскіе соборы въ XVII в.“ Авторъ приходитъ къ выводамъ, что служилые и посадскіе люди смотрѣли на участіе въ Земскихъ соборахъ, какъ на тяжелую повинность, а посему безучастно и равнодушно относились къ выборамъ, что повело за собою энергическое вмѣшательство воеводъ въ дѣло избранія депутатовъ, которые, такъ обр., являлись не уполномоченными отъ населенія, но по назначенію отъ воеводъ.

Въ статьѣ „Земельныя нужды Русской деревни по крестьянскимъ наказамъ въ Екатерининскую Законодательную Комиссію 1767 г.“ *В. Бочкаревъ* рисуетъ тяжелое экономическое положеніе крестьянъ въ XVIII в., безземелье, обиды и притѣсненія со стороны сильныхъ сосѣдей и разладъ въ самой крестьянской массѣ, что все (когда Законодательная Комиссія не разрѣшила аграрнаго вопроса и когда внутренняя политика Екатерины II стала пріобрѣтать дворянскій характеръ) и послужило условіемъ возникновенія Пугачевщины.

М. Сперанскій къ исторіи взаимоотношеній Юго-славянской и Русской литературы помѣстилъ статью о „Сербскомъ житіи Феодосія Печерскаго“.

Обыкновенно Юго-славянская литература въ Киевскій періодъ исторіи вливалась въ Русскую; но въ житіи Ѳ. Печерскаго мы встрѣчаемся „съ довольно-древнимъ фактомъ перехода оригинальнаго Русскаго произведенія Киевской литературы въ Юго-славянскую письменность“, что должно внести поправку въ обычное мнѣніе о взаимоотношеніи Славянской и Русской литературъ древняго періода,

Прив.-доц. *М. Ключковъ* помѣстилъ „Очеркъ исторіи Ландратской переписи 1715—1721 гг.“, переписи „крестьянскихъ, бобыльскихъ дворовъ и въ нихъ людей по именомъ“; въ очеркѣ разсказывается, какъ перепись производилась и чѣмъ окончилась.

Къ области филологіи имѣетъ отношеніе спеціальная статья *В. Поржевицкаго* „Къ исторіи Русской грамматики и грамматической терминологіи“, уясняющая, какъ создавалась Русская школьная грамматическая теорія; а къ области права спеціальная замѣтка *В. Протопопова* „Къ Саксонской Правдѣ“, въ которой авторъ считаетъ неудачною разгадку XIV-й статьи Правды, предложенную Геккомъ.

Въ обширномъ изслѣдованіи „о княжескомъ хозяйствѣ XV и первой половины XVI в.“ *С. Бакрушинъ* дѣлаетъ попытку обрисовать хозяйственную дѣятельность крупныхъ удѣльныхъ князей, какъ хозяевъ и эксплуататоровъ обширныхъ земельныхъ богатствъ и угодій, равно размѣры ихъ хозяйствъ и приемы дѣятельности.

Прив.-доц. *В. Данилевичъ* въ статьѣ „о времени образованія слободскихъ Черкасскихъ полковъ“ приходитъ къ заключенію, что эти полки образовывались разновременно въ теченіе второй половины XVII в.

Въ статьѣ *А. Яковлева*, озаглавленной „Безумное молчаніе“, трактуется интересный вопросъ о томъ, какъ современники объясняли причины Смуты нач. XVII в. Они видѣли источникъ ея, по мнѣнію автора статьи, „не столько въ политическомъ или экономическомъ кризисахъ XVII в. (выводъ, къ которому пришла современная историографія) а „въ грѣхахъ“, въ числѣ которыхъ было и „безумное молчаніе, еже о истинѣ къ царю не смѣюще глаголати“, по выраженію Авр. Палицына. Съ нашей точки зрѣнія тогдашніе грѣхи—политическая незрѣлость, апатія, равнодушіе и малодушіе общества, то, что и теперь мы называемъ его политическими свойствами.

Очень любопытна статья прив.-доц. *В. Сыромятникова*, относящаяся къ исторіи Декабристовъ и изыскывающая „политическую доктрину Наказа П. И. Пестеля“. Хотя авторъ и называетъ свою статью „бѣглымъ этюдомъ“, тѣмъ не менѣе даетъ обстоятельный очеркъ основныхъ руководящихъ идей Пестеля въ связи съ Русскими политическими чаяніями XVIII столѣтія и философскими теченіями вѣка. Сынъ своего вѣка, вѣка просвѣщеннаго абсолютизма, „Пестель на мѣсто самодержавія государя поставилъ самодержавіе государства, перенесъ идею „просвѣщеннаго деспотизма“ отъ монархіи на республику“.

Одною изъ крупныхъ статей Сборника является изслѣдованіе академика *А. Лаппо-Данилевскаго* о „Служилыхъ кабалахъ позднѣйшаго типа“. Цѣль статьи „выяснить нѣкоторые изъ моментовъ въ развитіи формуляра служилой кабалы“; согласно съ этимъ, авторъ опредѣляетъ различные типы, формы и спеціальныя виды кабалныхъ записей, выясняя причины ихъ разнообразія и заботы правительства объ установленіи единообразнаго типа.

Рѣдкою, если не единственною въ исторической литературѣ, можно считать помѣщенную въ Сборникѣ статью *В. Эйгорна* о „Преподаваніи Исторіи въ Московскомъ Главномъ Народномъ Училищѣ (1786—1802)“, въ которой авторъ знакомитъ читателя съ постановкою преподаванія этого предмета и съ самымъ преподаваніемъ въ училищѣ. Въ статьѣ указывается, сколько по учебному плану уроковъ отводилось на изученіе исторіи (16 въ недѣлю) общей (12) и Русской (4), какіе были учебники, какъ они сокращались и пополнялись и какое имѣли научное и педагогическое достоинство, какія пособія употреблялись при преподаваніи въ классѣ (ландкарты и синхронистическія таблицы), какъ учитель велъ самое преподаваніе и какія при этомъ, преслѣдовались цѣли. Важнѣйшею цѣлію ставилось: „привести учениковъ къ тому, чтобы они понимали, что было главною причиною великихъ перемѣнъ, случившихся въ родѣ человѣческомъ. Если сравнить это преподаваніе исторіи съ тѣмъ безсмысленнымъ зубреніемъ „глупаго, несноснаго и уродливаго“ Синописа (такъ отзывался объ этомъ учебникѣ Инокентія Гизеля Шлѣцеръ), то ясно станеть, что Екатерининскою школьною реформою впервые вводилась у насъ правильная постановка преподаванія исторіи въ средней школѣ“, и это, по мнѣнію г. Эйгорна, зависѣло отъ великой *Schulmeisterin*, какъ называлъ Екатерину баронъ Дальбергъ.

Прив.-доц. *С. Шамбинаго* помѣстилъ статью „Историческія переживанія въ старинахъ о Суханѣ“, имѣющую отношеніе къ разработкѣ историческихъ пѣсенъ. Суханъ Домантьевичъ—Русскій былинный богатырь, о которомъ сложились пѣсни въ разныхъ редакціяхъ. Авторъ разсматриваетъ мнѣнія историковъ литературы объ этихъ пѣсняхъ и тѣ историческія наслоенія, которыя ложились на основу пѣсни.

Статья *М. Хвостова* относится къ философіи исторіи, къ обоснованію ея научныхъ принциповъ, озаглавленная „Къ вопросу о задачахъ исторіи“. Указавъ на оживленіе работъ по теоретической разработкѣ исторической науки въ концѣ прошлаго вѣка и особенно въ наши дни, авторъ останавливаетъ свое вниманіе на трудахъ Г. Рикберта (отчасти Вицдельбацда) и Румынскаго историка Ксенополя по вопросамъ а) объ отношеніи исторіи человѣчества, какъ науки, къ наукамъ о природѣ, б) о критеріи для выборовъ фактовъ, заслуживающихъ вниманія историка и в) о цѣляхъ и методахъ анализа историческихъ фактовъ для ихъ причиннаго истолкованія. Разборъ мнѣній этихъ ученыхъ приводитъ автора къ мысли, что съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія (логическихъ принциповъ) нельзя противопоставлять исторію и естествознаніе; что „единственнымъ критеріемъ для выбора фактовъ является ихъ дѣйстви-

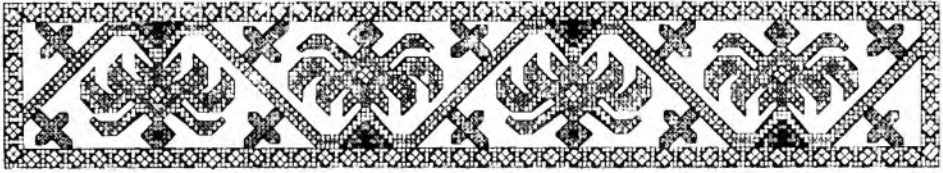
ность, которая опредѣляется анализомъ ихъ послѣдствій, а эти послѣднія, равно какъ и ихъ причинное отношеніе къ изслѣдуемому факту, должны быть установлены на основаніи возможно болѣе объективныхъ эмпирическихъ данныхъ“; что „причинное истолкованіе историческихъ событій можетъ быть признано исчерпывающимъ лишь тогда, когда каждое единичное событіе будетъ разложено на составные элементы и будетъ установлена связь этихъ элементовъ съ общими факторами общественной эволюціи, т. е. съ тѣми самими, которыя эту эволюцію производятъ“. А такъ какъ изученіе факторовъ общественной эволюціи является главнымъ образомъ задачею социологін, то опредѣляемый типъ исторіи профессоръ называетъ „соціологической исторіей“, которая, однако, не исключаетъ, какъ своего фундамента, ни исторіи реферирующей (описательной), ни прагматической.

Небольшой статью прив.-доц. *А. Хаханова* „феодалный терминъ въ Грузинскихъ памятникахъ“, въ которой авторъ указываетъ на существованіе въ Грузіи феодализаціи въ общественномъ строю, именно одного изъ признаковъ этой феодализаціи—комментаціи (закладничество, вступленіе подъ защиту сильнаго чловѣка) заканчивается книга.

Мы нарочно выписали всѣ статьи Сборника, обозначивъ въ общихъ чертахъ ихъ содержаніе и имена авторовъ для того, чтобы показать, на сколько онъ любопытенъ, разнообразенъ, богатъ и цѣненъ со стороны его научнаго достоинства. Нѣкоторыя изъ статей Сборника представляютъ собою цѣлыя научныя изслѣдованія, носящія характеръ диссертаций; нѣкоторыя, хотя рѣшаютъ какой-либо частный вопросъ, но обнаруживаютъ такія знанія, талантливость и научные приемы авторовъ, что невольно, при чтеніи ихъ, вспоминается дороговизна малаго золотника; нѣкоторые носятъ на себѣ печать вліянія методологическихъ приемовъ чествуемаго профессора. Вышуклое достоинство статей то, что каждая изъ нихъ трактуетъ какой-либо новый вопросъ въ исторической литературѣ и трактуетъ въ академическомъ стилѣ. Конечно не всѣ очерки одинаково цѣнны; специальная научная критика, можетъ быть, дастъ иное сужденіе о статьяхъ Сборника, но и бѣлаго прочтенія ихъ достаточно для того, чтобы съ увѣренностью сказать, что созданная профессоромъ В. О. Ключевскимъ школа историковъ обнаруживаетъ вѣское научное творчество и что изданная ею книга достойно вѣнчаетъ главу достойнѣйшаго.

С. Кедровъ.

О ДИСПУТЪ Ю. О. САМАРИНА*).

Изъ письма Вѣры Сергѣевны Аксаковой въ Астрахань къ брату Ивану Сергѣевичу отъ 3-го Іюня 1844 г.

„Сейчасъ ѣдутъ отецъ и Конст. на диспутъ Самарина, который начнется въ 10 ч. утра. Какъ жаль, что ты не увидишь этого во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго диспута. Вскорѣ послѣ него Самаринъ даетъ обѣдъ, потомъ уѣзжаетъ въ деревню, а въ Августъ въ Петербургъ, *не по своему желанію*, какъ онъ говоритъ. Передъ своимъ отъѣздомъ захотѣлъ онъ подарить Костѣ свой портретъ и даже что-то говорилъ ему объ этомъ. Но Конст., по его словамъ, не вслушался какъ-то. Вчера К., пріѣхавъ къ С., видитъ у него портретъ, не помня ничего, начинаетъ его бранить, говоря, что не похоже или похоже, но безъ всякаго благороднаго выраженія. С. говоритъ: „Ну такъ я тебѣ его теперь не подарю, потому что онъ тебѣ не нравится“. Возвратясь, К. написалъ Самарину записку, прося непременно портретъ доставить ему. Вѣрно портретъ достанется Хом., который долженъ былъ быть у Сам. тотчасъ послѣ К. У насъ два экземпляра диссертации, отцовскій и Константина. Кон. былъ не доволенъ тѣмъ, что Сам. подарилъ первый экземпляръ печатной диссертациі Хомякову, а не ему.

Приписка С. Т. Аксакова отъ 9 Іюня 1844.

Обращаюсь къ Субботѣ, т. е. къ диспуту Самарина. Диспутъ былъ очень хорошъ, особенно въ отношеніи къ Самарину. Никогда и

*) Ю. О. Самаринъ защищалъ свою диссертацию „Оеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій“, и его диспутъ съ профессорами Московскаго университета былъ крупнымъ событіемъ въ жизни Московскаго образованнаго общества. Общее вниманіе обращено было на этого юношу, получившаго самое тщательное, многостороннее образованіе. Къ тому же диссертация его появилась въ печати, обрѣзанная чуть не на половину цензурою. Аксаковы принимали въ немъ живое участіе. Младшій изъ нихъ, Иванъ, находился въ то время въ Астрахани въ числѣ чиновниковъ, отправленныхъ туда на такъ называемую ревизию. Письмо это уже было въ печати, но здѣсь помѣщается въ полномъ видѣ по списку, сообщенному въ „Русскій Архивъ“ самимъ И. С. Аксаковымъ. П. Б.

никого не видѣлъ я на каедрѣ столь свободнымъ, благороднымъ и умѣреннымъ. Но послѣдній эпитетъ не выражаетъ мысли; я хотѣлъ сказать, что всего у него было въ мѣру: и внутренней теплоты, и достоинства, и спокойствія, и скромности, и уклончивости, и смѣлости. Всѣ были имъ восхищены, особенно тѣ, которые ему возражали, и изъ нихъ особенно Шевыревъ¹⁾: онъ влюбленъ въ Самарина на каедрѣ. Послѣдній возражалъ ему гораздо слабѣе, нежели могъ. Впрочемъ, люди знающіе, (и Костя въ томъ числѣ) говорятъ, что можно было напасть на Самарина гораздо сильнѣе. Первый началъ Шевыревъ, съ которымъ дѣло разошлось мирно; мнѣ не нравилось только, что Сам. часто называлъ его „Ст. Петров.“ Зачѣмъ это? Потомъ началъ говорить какой-то профессоръ Лат. яз.²⁾ *Меничиковъ*; замѣчанія его состояли изъ самыхъ пустыхъ, даже совершенно неосновательныхъ привязокъ. Онъ былъ уничтоженъ Самаринымъ блистательно, и все таки не рѣзко и не дерзко. Вдругъ раздался странный, визгливый голосъ какого-то старика на Латинск. языкѣ. Спрашиваю: Кто это? Клинь. Наконецъ Клинь кончилъ. Самаринъ спросилъ: на какомъ языкѣ угодно г. Клину слышать отвѣтъ? прибавя, что по Латынѣ онъ не привыкъ говорить свободно. Клинь выбралъ Нѣмецкій. Клинь, говорятъ, жестоко напалъ за рѣшительный приговоръ протестантизму, доказывая, что диспутантъ не читалъ проповѣдей протестантскихъ. Самъ Самаринъ признавался Конст., что защитился одною дерзостью и отвѣчалъ, что „не читалъ и читать не буду, и не нужно“. Вслѣдъ за нимъ яростно напалъ Бодянскій, защищая Кіевское духов. и Малороссію. Самаринъ превосходно отвѣчалъ ему, сконфузилъ и сдѣлалъ смѣшнымъ. Во время спора Бод. нѣсколько разъ врѣзывался гадкій Артемовъ³⁾ тоже со злобою; словами: „Нельзя Дмитр. Рост. мѣрить Гегелевскимъ аршиномъ“ возбуждалъ онъ даже смѣхъ и шумъ одобренія. Послѣ сего, онъ съ дерзостью сказалъ: „Назвать въ диссертациі Гегеля значить выкинуть флагъ“. Самаринъ мастерски сказалъ: „Я не отвѣчаю вамъ на это“. и отвернулся. И. И. Давыдовъ поспѣшилъ начать: „Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ мое слово“, и занесъ неописанную ахиною. Въ заключеніе онъ сказалъ: „Я читалъ всѣ три части вашей диссертациі и долженъ сказать, что въ ней мысли ложны, выраженія сухи, нѣтъ системы и единства, а потому мы, всего болѣе уважая самостоятельность, которая у васъ часто сопровождается рѣзкостью выраженій, надѣясь, что вы со временемъ откажетесь отъ своихъ началъ, помня

¹⁾ С. П. Шевыревъ давалъ Самарину частные уроки. П. Б.

²⁾ Не Латинскаго, а Греческаго языка. П. Б.

³⁾ Лицо намъ неизвѣстное. П. Б.

вашъ блистательный экзаменъ и выслушавъ ваше блистательное защищеніе, признаемъ васъ *достойнѣйшимъ* магистромъ“, и вся эта галиматья была покрыта рукоплесканіями, отъ которыхъ скромный Давыдовъ скрылся въ толпѣ....

На дняхъ у Самарина былъ ужинъ; гости разъѣхались въ 6 час. утра, а вчера было прощанье съ Грановскимъ, до 3-хъ час. утра.

Вчера Конст. вынужденъ былъ прочесть почти все твои мистеріи. Не возгордись! Успѣхъ былъ чудесный. Ты превознесенъ и прославленъ, даже и Хомяковымъ. Самаринъ предложилъ тостъ за твое здоровье, который единодушно и шумно былъ принятъ.

Письмо Феофана Прокоповича князю А. Д. Меншикову *).

Свѣтлѣйшій Княже Александръ Даниловичъ

Особливо высокопочтенный господине и пріятелю.

Понеже я отъ вашего здѣсь сущаго господина брата увѣдомился, какои великои убытокъ вы мои высокопочтенный господинъ купно со своими сосѣди незапно учинившимся, п сіюю вѣтра умножившимся пожаромъ претерпѣли, въ которомъ не токмо ваша избранная библіотека и хитростная камера, но и весь домъ и дворъ во едино окомгновеніе въ дыму изгѣбли и въ пепель превратіліся, котораго ради несчастія по достоинности плакать подобаетъ: того ради умедлѣть не хотѣлъ вамъ сімъ мое сердечное сожалѣніе объявити со присовокупленнымъ внутреннимъ желаніемъ, дабы великіи всемогущи боги, иже сеп печальныи случаи на васъ послалъ, вамъ моему высокопочтенному господину своимъ утѣшеніемъ и милостію, сіе отчески спомоществовалъ, дабы вы изъ того уразумѣть могли, коль суетны не токмо все временны имѣнія, но и сами мы зѣло бѣдныи человекъцы есмы, сіе что дневно и повсечастно смерти подвержены.

Правда что зѣло есть печально, что вашимъ трудомъ изрядно изображенные писма, иже и вѣчности достойны были, во одно окомгновеніе въ пепель превратіліся; но егда мы подумаемъ коль изрядныи книги въ древніе времена въ Греческой земли и въ Римѣ такимъ же нещастіемъ посѣщены, такъ же при нынѣшней войнѣ погѣбли: то пріиуждены мы товарищствомъ сіихъ печальныхъ людей утѣшатіся, сверхъ того пожары великія неиное что суть, яко предвѣстники всего свѣта

*) Сообщено г-номъ Прокопіемъ Лебедевымъ. Печатается съ правописаніемъ подлинника. Къ сожалѣнію, ни время, ни мѣсто не означены. П. Б.

въ пепель превращенія, что по всему відімому уже предъ вратами стоить. Между тѣмъ оныи богъ, иже уязвилъ, паки изцѣлитъ, и уязвленному нечаяннымъ оздравленіемъ поможетъ, его же всемогущая десница еще не умалися. Такожде не можемъ мы печалію и попеченіемъ иного, кромѣ умноженія зла нашего и толь тяжелѣе и песноснѣе иго наше учинити, еще же ни къ чему непотребно есть роптати противъ бога, токмо ко умноженію грѣховъ и къ вящшему подвіженію его наказанія.

Понеже хотя ваше моего высокопочтеннаго господина всегда хвалы достойное бывшее житіе болѣе отъ бога воздаянія ожидали: однакожь вышшаго мысли не наши мысли суть, и вѣдаетъ онъ причіны, чего ради иногда съ чады своїми жестоко поступаетъ, хотя оное намъ весьма незнаемо есть, кто на земли хоцетъ мзду пріяти. тому богъ тамо толь меньше долженъ, оные, иже здѣ со слезами посѣютъ, тамо съ радостію пожнутъ. Мои высокопочтенныи господіне, покажи нынѣ свое великодушіе и не унывай нікогда; вы еще обрѣтаетея въ лутчіхъ вашіхъ лѣтѣхъ, въ которыхъ богъ руку вашу разными образы еще благословити можетъ, егоже непремѣнной мілости и милосердію я васъ отъ сердца вручаю и пребываю богомолецъ вашъ

смиранный Теофанъ архіепископъ псковскій.

ПРИКАЗЪ ГРАФА Н. П. ШЕРЕМЕТЕВА.

Петръ Александровъ¹⁾.

Купи для княгини Елены Никитишны Вяземской²⁾ изъ браліантовыхъ вещей отъ трехъ тысячъ пяти сотъ до пяти тысячъ рублей, не такъ чтобъ была модна, а чтобъ была посолиднѣе, ежели и продать, то бы тѣхъ денегъ стоила, и что пріищешь прежде покажи князю Андрею Николаевичу³⁾ и спроси его совѣту, и что онъ прикажетъ, то и сдѣлай, а при отдачѣ княгинѣ доложи, что я прошу, чтобъ принять бездѣлицу съ милостію, а и въ послѣднемъ письмѣ за тѣмъ не упомянулъ, что хотѣлъ оной подарокъ сдѣлать невзначай, потому что старинная примѣта, что естли въ новый годъ кто получаетъ подарокъ невзначай, то тотъ человекъ тотъ годъ проводитъ благополучно и здорово. Г. Н. Шереметевъ.

Декабря 24 1789 года.

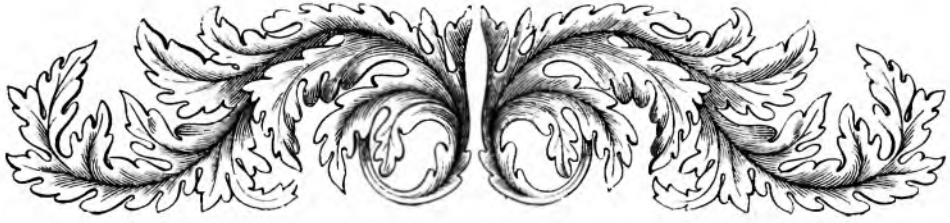
Получено Декабря 31-го числа 1789 года.

¹⁾ Петербургскій управитель.

²⁾ Княгиня Е. Н. Вяземская, супруга генераль-прокурора.

³⁾ Щербатову.

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА НЕФЛОВЫХЪ.

I.

Формуляръ служилаго человѣка Петровскаго времени.

1720 г. Марта въ день, Архангелогороцкаго гарнизона прапорщикъ Филипъ Перфильевъ сынъ Нефловъ въ Санктъ-Петербурхѣ въ Военной Коллегіи явился и сказалъ.

Отъ роду ему сорокъ осмой годъ, въ 203 (1695) году, по его великаго Государя указу, былъ онъ вмѣсто отца своего, Перфилья Иванова сына Нефлова, въ полку боярина Бориса Петровича Шереметева, что послѣ былъ фельтъ-маршалъ, подъ Кезикерменемъ; въ 205 (1697) году въ полку боярина и воеводы Алексѣя Семеновича Шенина подъ Азовомъ; въ 700 году написанъ въ житѣв*), и того жъ году былъ подъ Нарвою, въ Дорогобужѣ; въ 703 на Москвѣ, и по осмотру фельтъ-маршала Бориса Петровича Шереметева написанъ полковымъ квартирмейстромъ и въ Янбурхѣ опредѣленъ на время ко артилеріи и былъ въ походѣ подъ Нарвою и подъ Ракоборью. Того жъ году съ другими офицеры посланы къ Москвѣ въ военный приказъ. Въ 704 году, по осмотру боярина Тихона Никитича Стрѣшинева, опредѣленъ въ Бѣлгородской драгунскій полкъ и посланъ въ Бѣлгородъ, въ команду генерала князя Ивана Михайловича Кольцова-Масальскаго и служилъ при полку вмѣсто капитана въ разныхъ походахъ; въ 707 году подъ командою отъ лейбъ-гвардіи маэора князя Долгорукого въ низовомъ Донскомъ походѣ, подъ Маяками былъ на баталіи и подъ городкомъ Есауловымъ на приступѣ раненъ, подъ городкомъ Рѣшетовымъ на баталіи же. Въ 709 году былъ подъ Полтавою и во взятѣ Швецкой арміи у Днѣпра; въ 710 году, по его великаго государя указу и по приказу ближняго стольника, что нынѣ Государственной Камеръ-Коллегіи президентъ, князя Дмитрея

*) То есть въ отпуску; въ этомъ году была свадьба Ф. П. Нефлова, какъ видно изъ стговорной записи, помѣщаемой далѣе.

Михайловича Голицына, посланъ съ указомъ къ полкамъ въ Архангелогороцкую губернію капитаномъ, а тотъ Бѣлогородскій полкъ раскочевали, и по приказу ближняго стольника, что нынѣ губернаторъ, князя Петра Аккеревича Голицына, опредѣленъ въ Гороцкой полкъ капитаномъ-же.

И въ 717 году, противъ доношенія ¹⁾ Вологодскаго подьячего Якова Зубкова, повелѣно мнѣ явитца въ Санктъ-петербурхъ на осмотрѣ свѣдѣльшяго князя генераль-фельтмаршала и кавалера Александра Даниловича Меншикова, и на ономъ смотрѣ написанъ прапорщикомъ и посланъ съ указомъ въ тоѣжъ Архангелогороцкую губернію къ полку, при которомъ и по нынѣ.

А сіе сказать самую сущую и истинную правду, по совѣсти своей, подъ потерянїемъ чина своего и имѣнія, все безъ утайки.

Къ сей сказкѣ прапорщикъ Филиппъ Невловъ руку приложилъ.

II.

Списокъ съ подлинной стговорной записи слово въ слово.

Се азъ вдова Ульяна Кирилова дочь Григорьевича Ушагова, Львовская, жена Львовича Монастырева, въ нынѣшнемъ 206 году ²⁾ Февраля въ 6-й день стговорила съ я вдова Ульяна замужь за Филипа Перфильевича Невлова съ Божїимъ милосердіемъ: образъ Иисусъ-Христово Рождество, Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, Покровъ Богородицы и со угодники ихъ: на окладѣ вѣнцы и окладѣ серебряной и позолоченъ; образъ Пресвятыя Богородицы Похвалы, вѣнцы и окладѣ серебряной; образъ Кирила Новоезерскаго, вѣнцы и гривна и поль на окладѣ, окладѣ серебрянъ и вызолоченъ; образъ Николая Чудотворца на краскахъ; образъ Архангела Михаила на краскахъ; образъ Трехъ Святителей на краскахъ.

Да съ приданымъ прожиточнымъ своимъ помѣстьемъ и вотчиною въ Вологодскомъ уѣздѣ въ разныхъ волостяхъ: въ Рамейской волости (съ) своей третью сельца Браткова съ жеребьемъ и въ деревняхъ и въ пустошахъ съ жеребьями по моей долѣ; а въ тѣхъ деревняхъ жеребьи съ крестьянъ, а тѣ крестьяне съ женами и съ дѣтьми, съ ихъ крестьянскими животы. А тѣ жеребьи съ пашнею и лѣсомъ и съ сѣнными покосы и со всякими угоды; да дворовой старинной человекъ Митюшка Ивановъ съ женою и съ дѣтьми и съ ево животы.

¹⁾ Т. е. по доношенію.

²⁾ Въ 1698 году.

А то приданое—мое прожиточное помѣстье и вотчина съ людьми и со крестьяны, съ чѣмъ я ходила за перваго мужа; и послѣ мужа моего за мною вдовою Ульяной не справлено. Да что досталось мнѣ на прожитокъ послѣ мужа моего, по полюбовному роздѣлу свекра моего Льва Монастырева, въ Раменской волости вотчинная деревня Панкино съ крестьяны, а тѣ крестьяны съ женами и съ дѣтьми и съ ихъ крестьянскими животы; да пустошь Лунево, а та деревня и пустошь съ машией, и съ лѣсы, и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи; да старинной человѣкъ Еремка Антоновъ съ женою и съ дѣтьми, съ его животы, кромѣ той Еремкины дочери, которая за человѣкомъ свекра моего за Афонкою Федотовымъ.

И та вотчинная деревня и пустошь Лунево за мною не справлено, и я вдова Ульяна у сей записи дала заручную челобитную и свекра своего за рукою жениху своему Филипу Перфильевичу о справкѣ, чтобъ ему Филипу противъ того нашего челобитья росписатца въ Помѣстномъ Приказѣ и справить за меня, вдову Ульяну, и отказать тѣ вышеписанные помѣстье и вотчины. А другую челобитную я вдова Ульяна у сей-же записи дала ему-жъ жениху своему, Филипу Перфильевичу, противъ моего челобитья и противъ сей записи справить ему, Филипу, за себя то мое прожиточное помѣстье и вотчины съ людьми и со крестьяны.

Да со мною-же вдовою Ульяной кузни серебряные и золоченой, и жемчужное низаное, и платья, и коробейной чистоты, и посуды оловянной и мѣдной и всякаго приданого на 200-ти рублевъ. А какъ онъ, женихъ мой Филипъ Перфильевичъ, принесетъ великаго государя грамоту съ допросомъ о справкѣ и объ отказѣ, и мнѣ, вдовѣ Ульянѣ, къ сказкѣ и къ допросу рука приложить противъ заручной челобитной и противъ сей рядной записи. А вытти, мнѣ, вдовѣ Ульянѣ, за него жениха своего, Филипа Перфильевича, замужь изъ селца Браткова на срокъ въ нынѣшнемъ 206-мъ году Февраля въ двадесять первый день.

А будетъ на этотъ срокъ я, вдова, за него, жениха своего, вытти замужь не успѣю и мнѣ вдовѣ вытти замужь за него, жениха своего, на другой срокъ—въ нынѣшнемъ-же 206 году послѣ святой недѣли въ Омино Воскресенье. А буде я, вдова Ульяна, противъ сей рядной записи въ чемъ ни будь не устою, что въ сей записи писано выше сего, а на мнѣ, вдовѣ Ульянѣ, взять ему, Филипу Перфильевичу, по сей рядной записи за неустойку 500 рублевъ денегъ.

У сей записи сидѣли: стольникъ Петръ Ивановичъ Неѣловъ, стряпчей Перфильей Ивановичъ Неѣловъ, Лукьянъ Ивановичъ Ушаковъ.

А сію рядную сговорную запись писалъ Вологодскаго уѣзду, Раменскія волости, Николаевской церковной дьячекъ Афонка Осиповъ, 206 году Февраля въ 6-й день.

Позадѣ той записи пишутъ:

Къ сей рядной записи Раменской волости Николаевской попь Прокопей, по велѣнію дочери своей духовной Ульяны Кириловны, руку приложить.

Петръ Нефловъ сидѣлъ и руку приложилъ.

Перфилей Нефловъ у рядной записи сидѣлъ и руку приложилъ.

Къ сей сговорной записи Благовѣщенской попь Іосифъ вмѣсто Лукьяна Ивановича Ушакова, по его велѣнію, руку приложилъ.

По листамъ, внизу:

Къ сему списку Вологжанинъ, посацкой человекъ, Василей Андреевъ сынъ Прянишниковъ вмѣсто Филипова прикащика Перфильева сына Нефлова Ѳедора Афонасьева, по его велѣнію, руку приложилъ, а подлинную выпись онъ. Ѳедоръ, къ себѣ взялъ, а вмѣсто ево я Василей росписался.

III.

Челобитная на лейбъ-кампанца.

1750 года.

По титуль. Бьетъ челомъ вдова, маэорша Ѳедосья Перфильева дочь*), Васильевская жена Ерофѣева сына Чихачева, а въ чемъ мое прошеніе—тому слѣдуютъ пункты.

Сего Декабря дня 1750 году, поручикъ, а вашего императорскаго величества лейбъ-компаніи гранодеръ Григорій Григорьевъ сынъ Бердяевъ, пріѣхавъ невѣдомо съ какого случая, ночнымъ временемъ, въ помѣсть мое въ Вологодской уѣздъ въ село Левково, и изъ того сельца моего дворового человека, посланнаго отъ меня, сельца Закрышкина Ивана Яковлева и съ нимъ кобылу голубую (грива на лѣво, шести лѣтъ), которая природою отъ Нѣмецкихъ лошадей, и съ конскою сбруею цѣною въ двадцать рублевъ, увелъ насильно съ собою.

И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое челобитіе въ Вологодскую провинціальную канцелярію принять, записать въ книгу, а вышеписанного дворового человека допросить въ томъ, какимъ ево случаемъ помянутой Бердяевъ увелъ и гдѣ по нынѣ ево держалъ, а по допросѣ отдать мнѣ именованной, а въ томъ уводѣ онаго человека моего буду на него, Бердяева, бить челомъ вашему императорскому величеству впредь.

(Внизу помѣта: подана въ Декабрѣ 21 числа).

Сообщилъ А. Е. Мерцаловъ.

*) Дочь Перфилія Нефлова, сестра упоминаемаго въ предыдущихъ документахъ Филиппа Перфильевича.

ПИСЬМО ГРАФА Ө. В. РОСТОПЧИНА КЪ ОДНОЙ ПРОСИТЕЛЬНИЦЪ.

S-t Pétersbourg, 1797 du 27 Janvier.

Pardon si j'ai gardé le silence: accuser la réception de votre lettre c'étoit peu de chose; il fallait vous annoncer quelque chose de bon et vous rendre compte des moyens dont je me suis servi pour soulager le triste sort dans lequel le malheur vous avoit, pour ainsi dire, enterré. J'ai écrit à mademoiselle de Nélidow lui exposant par quelle gradation vous avez été amené à l'état actuel. Le lendemain elle parla à l'Empereur, et aujourd'hui, le Maître, généreux et réellement grand, a signé l'oukaze dont je vous envoie la copie.

Écrivez une lettre à m-lle Nélidow et regardez la comme votre véritable bienfaitrice. Elle a agi si noblement, que c'est un devoir bien doux de lui devoir son bien-être. Envoyez moi cette lettre: je la lui remettrai moi-même. J'ai parlé au procureur-général prince Kourakine pour qu'il remette à quelque tems la nomination de la terre que vous voulez avoir.

Dites moi vos intentions, demandez au prince Dolgorouky ¹⁾ s'il ne connoit pas quelque bonne terre aux environs des siennes. *Только чтобъ была изъ дворянскъ.* Adieu. J'espère vous voir vers la mi-Mars ²⁾. Je voudrois que vous fassiez la connoissance de ma bonne et respectable femme; mais elle reste ici pour inoculer la petite vérole à mon héritier, qui est assez laid, car c'est mon portrait, mais qui est drôle au possible. Je n'ai pas besoin de vous recommander la reconnaissance vis à vis de L'Empereur: quand on pense comme vous, on sait sentir vivement. et vous serez dans le cas plus que personne.

Tout à vous Rastopsin

¹⁾ Московскій генераль-губернаторъ князь Ю. В. Долгорукий. П. В.

²⁾ Т. е. по прїѣздѣ въ Москву по случаю предстоявшей коронаціи. Кто была эта жительница Москвы, намъ неизвѣстно. Графъ Ростопчинъ и на высотѣ своего положенія умѣлъ быть внимателенъ и любезенъ. П. В.

ИЗЪ БУМАГЪ ПРОТОІЕРЕЯ ПЕТРА АЛЕКСѢВА¹⁾.

I.

„Знаменія, по слову Апостола, не для вѣрующихъ, но для невѣрныхъ бываютъ, а для неправленія жизни христіанъ отъ новоучрежденныхъ праздниковъ ничего добраго не воспослѣдуетъ: празднoлюбивая чернь для обрѣтенія мощей новооглашеннаго святаго оставить промыслы, руководѣлія свои, забудуть должности, отъ Бога и природы на нихъ возложенныя, и прошатаются пьяные цѣлый день около торжествующей обители. Больше ничего! Правда, что ханжи и ханжичи обогатятъ ее знатными вкладами, настроятъ излишнихъ въ нихъ церквей, прибыльныхъ часовень, великолѣпныхъ келій монашескихъ и отдаточныхъ въ наемъ домовъ, снабдятъ столъ настоятельской рѣдкимъ кушаньемъ и дорогими нажитками; о прочихъ же злоупотребленіяхъ, съ худыми слѣдствіями сопряженныхъ, и отъ гульбищъ такого рода неразлучныхъ, яко всѣмъ извѣстныхъ, не упоминаю.

Сіе писано не для того, чтобъ было сумнѣніе о благочестивой вѣрѣ и житіи добродѣтельномъ Великаго Князя Данила Александровича²⁾, но чувствуется нѣкоторое отягощеніе на совѣсти читающихъ (въ новонапечатанной службѣ его на вечерни и утрени) стихи, гдѣ вся сила спасенія относится къ постриженію въ монашество, аки бы безъ черныхъ ризъ не можно войти въ царство небесное.

Правда, что, въ прежнія времена, повѣря разсказамъ монашествующихъ, многіе такъ думали и для того, за нѣсколько часовъ до представленія своего, на смертномъ одрѣ постригались въ иноческій образъ. Подлинно, что только образъ, ибо вещи нѣтъ; а за иныхъ, не могущихъ сказать обѣщаній, предстоящіе отвѣчали, такъ какъ нѣкогда вырытыя изъ могилы кости кренцали! Однако имѣніе умершихъ въ схимѣ не доставалось законнымъ наслѣдникамъ, но въ мертвыя руки

¹⁾ Петръ Алексѣевъ, будучи протоіереемъ Московскаго Архангельскаго собора, не находился въ подчиненіи у чернаго духовенства и безбоязненно писалъ о злоупотребленіяхъ его. Сличъ „Русскій Архивъ“ 1880, III, 482 и статьи его (по указателю). П. Б.

²⁾ Покойнаго въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ. П. Б.

черноризцамъ. Не довольно того: разставлено еще и въ церковныхъ книгахъ много свѣтъ, служащихъ къ уловленію мірскихъ людей въ монашество, изъ коихъ двѣ особливаго примѣчанія достойны, а именно: подъ 4 числомъ Марта въ Прологѣ предположенное въ повѣсти Вел. Ки. Даниїла Московскаго слово отъ лимониса¹⁾ о царѣ, отмечающемся царства и бывающемъ монахомъ; второе подъ 21 днемъ Мая тамъ же о царѣ Константиинѣ, сходявшемъ съ неба для разсказанія монаху о славіи черноризцевъ на томъ свѣтѣ.

Сіе отдаю здравомыслящимъ на разсмотрѣніе.

Сентября 17 дня архимандритъ Даниловскій сказывалъ, что семь тысячъ рублей отдано въ Сохранную Казну Имп. Воспитательнаго Дома отъ Данилова монастыря, и получаютъ съ нихъ монахи проценты; да еще часовня за Серпуховскою заставою, сего 792 года построенная на новомъ мѣстѣ каменная, стала въ полторы тысячи рублей (а часовень вновь запрещено допускать строить при императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ); на закладку оныя архимандритъ Даниловскій съ братією ходили со кресты и иконами и со звономъ въ монастырь, каковымъ процессіямъ не должно быть по уставу церковному, ибо часовня ничто иное есть, какъ фальшивая лавочка, въ которой мимоходящіе платятъ деньги, а товаровъ никакихъ не получаютъ.

II.

Октября 10 дня получено отъ его превосходительства²⁾ письмо черезъ домъ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, въ которомъ благодаритъ за надпись съ дверцевъ царскаго мѣста и за мои на то примѣчанія и проситъ, чтобъ съ нихъ въ точности списать, не перемѣняя ни буквъ, ни рѣчей.

Къ оберъ-прокурору А. И. Мусину-Пушкину.

Въ угодность вашего превосходительства представляю при семь вѣрный списокъ съ дверцевъ, которыя напередъ сего были при царскомъ старинномъ мѣстѣ, что въ Московскомъ большомъ Успенскомъ Соборѣ. Не прогибайтея, что не очень чисто и съ³⁾ написано; причина тому предшествовавшіе несправные переписчики, которые не умѣли подъ титлами рѣченія ставить, такъ и принужденъ я наскоро посправитѣ переписать.

¹⁾ Лимонарь, Лимонархъ (въ Русскомъ переводѣ Лугъ Духовный)—твореніе блаженнаго Іоанна Мосха.

²⁾ Отъ оберъ-прокурора А. И. Мусина-Пушкина. П. Б.

³⁾ Означенное точками не разобрано.

III.

1794 года Генваря 8 дня показывалъ мнѣ Синодальной Конторы прокуроръ Л. П. Сечкаревъ ордеръ (или указъ), присланный изъ С.-Петербурга отъ Св. Правительствующаго Синода за рукой оберъ-прокурора А. П. Мукина-Пушкина, коимъ предписано, чтобъ достоверно и въ скоромъ времени справиться о Великихъ Четыхъ-Миняхъ Макарьевскихъ, имѣющихся въ библиотекѣ большаго Успенскаго Собора, изъ копій источниковъ почерпалъ онъ, преосвященный, митрополитъ всея Россіи Макарій, запасы, составляющіе 12 миней его, и оное отыскивать въ двухъ библиотекахъ, т. е. въ Синодальной и Типографской и что найдется представить въ Св. Синодъ для донесенія Ея Императорскому Величеству.

IV.

Изъ черноваго письма, къ императрицѣ Екатеринѣ.

Августѣйшая Монархиня, Всемилостивѣйшая Государыня!

Искренно любя и высоко почитая Святую Церковь, Отечество и Матерь Отечества, писалъ я нижепоименованный къ отцу духовнику Вашего Императорскаго Величества, что безмѣстно разглашаются въ здѣшней столицѣ нововымышленныя изъ корыстолюбія чудеса и восплеваются древнимъ митрополитамъ Россійскимъ Купріяну и Фотію, почитающимъ въ большомъ Успенскомъ Соборѣ болѣе 300 лѣтъ.

А какъ Церковь съ Государствомъ сопряжена тѣснымъ союзомъ, то я и не могъ удержаться, чтобъ всеподданнѣйше не возвѣститъ Вашему Императорскому Величеству о нижеслѣдующемъ.

Ложныя чудеса прекращать есть долгъ Святѣйшаго Синода, а предусматривать слѣдствія таковыхъ чудесъ, дабы не во вредъ Государству обратился, Всевышній предоставилъ благоразумію Самодержавныя Власти.

Для того изъ прежнихъ опытовъ примѣчая расположеніе здѣшней необузданной черни, также нарочитыхъ суевѣровъ и ханжей, опасаяся, чтобы какой либо злодѣй не подхватилъ того чудесничества къ исполненію своихъ вредоносныхъ намѣреній и не открылъ бы паче чаянія подобной трагедіи, какова по несчастію случилась въ прошломъ 71 году у Варварскихъ воротъ, надъ которыми образъ Пресвятой Богородицы, именуемый Боголюбскія, оглашенъ тогда чудотворнымъ для исцѣленія.

V.

1796 года Генваря 3 дня коллежскій совѣтникъ, первой части приставъ, Александръ Алексѣевичъ Семеновъ, пришедъ въ Архангельскій соборъ, наединѣ объявилъ мнѣ, что вчерашняго числа пришелъ имянной Ея Императорскаго Величества указъ отъ оберъ-прокурора Синодальнаго А. И. Муцина-Пушкина къ здѣшнему конторскому прокурору господину Сечкареву, по которому велѣно въ скорости изслѣдовать о новыхъ по Успенскому собору чудесахъ, при гробницахъ древнихъ митрополитовъ Кувріона и Фотія, тамъ почивающихъ, якобы бываемыхъ. Я къ нему Семенову обѣщался быть въ домъ и обстоятельно о семъ поговорить.

VI.

З а п и с к а.

Сего 1799 года Генваря 17 числа, въ проѣздъ Архангельскаго протоіерея Петра Алексѣева чрезъ Спасскіе ворота, часовой гренадеръ остановилъ его лошадей на мосту, нарови схватить съ головы его шапку, яко бы за штрафъ, что ѣхалъ онъ тогда подъ Спасскою башнею въ шапкѣ, объявляя, что имъ, часовымъ, о томъ яко бы приказъ есть отъ своихъ командировъ, чему онъ протоіерей чрезвычайно удивился, зная подлинное сему обряду основаніе.

Когда великіе государи Россійскіе жилали въ Кремль, тогда Кремль почитали дворцомъ царскимъ, и подданные должны были при входѣ въ Кремль и выходи изъ онаго снимать съ головъ шапки, особливо, когда еще изъ царскихъ чертоговъ видны были Спасскіе ворота до застройки придѣловъ Вознесенскаго монастыря (Коему обычаю послѣдуютъ и до днесь холопы, входя на господскій дворъ безъ шапокъ). Но нынче, какъ нѣтъ въ Москвѣ Императорскаго присутствія, то и нѣтъ резону принуждать людей, а паче въ зимнее время, обнажа головы, проходить длинныя тѣ Спасскіе ворота; понеже надъ ними не имѣется ни церкви, ни другой какой святыни, кромѣ часовника съ его семействомъ, не заслуживающихъ такого уваженія, чтобы всеѣмъ людямъ безъ шапокъ подъ ними ходить даже и въ лютейшіе морозы. А потому и неуловительно, чтобъ военная команда поставила къ воротамъ часовыхъ для отобранія шапокъ, какъ гренадеръ о томъ объявлялъ ему протоіерею при постороннихъ случившихся тогда послухахъ*).

*) Послухъ—свидѣтель. П. Б.

Изъ писемъ въ Берлинъ П. С. Савельева¹⁾ къ Я. М. Невърову.

С.-Петербургъ, 5 Августа 1837.

Любезнѣйшій Iannuarius! Сейчасъ получилъ только вашъ пакетъ и берусь тотчасъ же за перо, чтобъ не отлагать и не забыть отвѣта. Я уже и безъ того виноватъ, что не отвѣчалъ на ваше первое письмо и можетъ-быть, доставилъ вамъ нѣсколько дней непрятныхъ сомнѣній, дошло ли ко мнѣ это посланіе? Я и не извиняюсь. Виноватъ Гришка²⁾, кругомъ виноватъ, хоть вы его и нявчите, Богъ знаетъ за что: „Вашенька-де, ты-де такой-сякой, немазаный“, и т. п. Невъровскія нѣжности! Онъ, право, не стоитъ этого; шатается себѣ взадъ-и-впередъ по городу, ничего не дѣлаетъ и даже писемъ за границу не пишетъ. Этакъ негодий!.. Но начну ab ovo', съ вашего отбытія. Историческое изложеніе хода дѣлъ всего лучше.

...Вотъ вы отправились на пароходъ, и Русь осталась сзади. На другой день видѣлись мы съ Грг. и молвили: „Уѣхалъ П., гдѣ-то онъ теперь? Какъ-то покажутся ему чужіе края?“, и пр. Кстати приняли и Граповскаго. Черезъ нѣсколько дней были въ Старой Деревнѣ, гдѣ жилъ Бенедиктовъ. Вспоминали и у него объ васъ.

...Прошло недѣли съ полторы. Гр. покатился въ Москву. Велѣдъ за нимъ Бенедиктовъ отправился съ своимъ графомъ въ Лифляндію; а вскорѣ за тѣмъ саперный юнкеръ К., который совсѣмъ выздоровѣлъ, потащился съ своимъ батальономъ въ лагерь на маневры. Въ Петербургѣ, изъ великихъ людей, остались только Петровъ³⁾, да я! Несчастный Петербургъ, и еще болѣе—скучный Петербургъ!! Наконецъ Гришка началъ подавать знаки своего существованія: одно письмо за другимъ залетало изъ его Московскаго жилища (у Ковалинскихъ) въ Петербургъ. И ему было тамъ скучно одному, и онъ, какъ и вы, жаловался на письменную скупость своихъ пріятелей. Теперь понимаю, что примѣшивается къ пріятностямъ путешествія и капля горечи, которая можетъ напитать собою все эти пріятности. Но вотъ Гр. и воротился, таковъ какъ и прежде и, кажется, ничуть нездоровѣе; а если голосъ его и поправился немного, то это въ очень небольшой степени. Гамбургское письмо ваше переслано ему было изъ Петербурга. Въ первую

¹⁾ Славнаго оріенталиста П. Б.

²⁾ Т. е. В. В. Григорьевъ, до конца жизни страдавшій хрипотью. П. Б.

³⁾ Извѣстный Санскритологъ. П. Б.

недѣлю его отсутствія, когда я еще не имѣлъ отъ него извѣстій и сидѣлъ цѣлые дни у себя въ кабинетѣ, досадуя на то, что вдругъ вздумалось всѣмъ умнымъ людямъ выѣхать изъ Петербурга, въ это самое время получаю письмо отъ васъ изъ Берлина. Вы не можете себѣ представить, сколько оно принесло мнѣ удовольствія на безлюдьи. Я узналъ ваши похождения и подвиги, вашу досаду на здѣшнихъ корресподентовъ, которую я очень понималъ въ тогдашнемъ моемъ положеніи, и пр. Я хотѣлъ тогда же извѣстить васъ о томъ, гдѣ Гр., но самъ не зналъ еще, гдѣ онъ остановился въ Москвѣ. Теперь онъ занятъ огромнымъ посланіемъ къ вамъ, листа въ два или три, которое кончитъ вѣроятно черезъ нѣсколько недѣль, а можетъ быть и позже. Приѣхавъ изъ Москвы, онъ сдѣлался, видите, еще трудолюбивѣе прежняго! Нянчите его послѣ этого! Мучить заграничныхъ друзей своею лѣнностью; мало того, что самъ себѣ вредитъ. Варварь!... Однако вліяніе Московскаго кейфа на общаго нашего пріятеля, при помощи Аллаха, надѣмся, скоро пройдетъ, и тогда только можетъ онъ сдѣлаться достойнымъ награды вашими нѣжностями.

Мои дѣла съ Србѣн. такъ-сякъ: читаю одну корректуру Журнала*) и пишу для него 4 или 6 страницъ въ мѣсяцъ; въ редакцію не хожу ни разу; Тимоф. заставляю иногда трудиться надъ переводомъ чего-нибудь съ Французскаго. Все это, слава Богу, беретъ у меня очень мало времени. Тимофеевъ—превеликая скотина, да будетъ вамъ извѣстно, и стоитъ того, чтобы вы объ немъ ни разу не вспомнили или вовсе забыли, а Срб.—величайшій дуракъ и невѣжда въ мірѣ, хотя я съ нимъ имѣю очень рѣдко сношенія, и то письменныя. Впрочемъ вскорѣ, можетъ-быть, я покину его навсегда, и переменю родъ службы (Грановскому не отъ чего право приходитъ отъ этого въ ужасъ). Гришка можетъ быть напишетъ или написалъ вамъ о моемъ планѣ. О наградѣ вашей Срб. не сказалъ мнѣ ничего рѣшительнаго; а насчетъ вашихъ донесеній, то я на дняхъ узналъ отъ Берендикова, что одно только изъ нихъ получено и отдано на разсмотрѣніе Устрялову. Археографич. Комм. довольна вашею ревностью и хочетъ избрать въ свои корресподенты предложеннаго вами Вольфенбиттельскаго бібліотекаря Пиппенберга (такъ, кажется, его фамилія?). Вашъ Савельевъ.

Т. Н. Грановскому.

NB. Тутъ есть вещи, которыя Грановскій долженъ напередъ прочесть одинъ, чтобы въ случаѣ ссоры побѣсить ими Невѣрова: утаенныя вещи!!

*) Министерства Народнаго Просвѣщенія. Н. Б.

Спасибо, Гр., что не совсемъ забыли меня предъ Нѣмецкой эрудиціей. Съ тѣхъ поръ какъ вы насъ оставили, болѣе года тому назадъ, немного переменилось въ Петербургѣ къ лучшему. О литературѣ и говорить нечего. Сенк. таковъ, какъ и прежде; Краевскій сдѣлался для многихъ литературнымъ оракуломъ; палъ Пушкинъ, недавно убитъ въ сраженіи Марлинскій. Мы съ Григ. хотя не подвинулись впередъ слишкомъ много, но все-таки подвигаемся, и не погрязли до того въ печатныхъ занятіяхъ, чтобы труды наши могли приводить кого-нибудь въ ужасъ. Это несправедливо. тѣмъ болѣе, что мы теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, пишемъ для печати. Но это въ сторону. Знаете ли. Грановскій, что я можетъ-быть вскорѣ васъ увижу въ Берлинѣ, и что слѣдовательно не успѣлъ еще обчиновничиться, хотя и состою подъ начальствомъ мудраго господина Сербиновича? Но вотъ, что будетъ для васъ всего интереснѣе, и чѣмъ можно, я думаю, побѣситъ Невѣрова, въ случаѣ скуки. Вы знаете, что Нев. подвизался на поприщѣ литературномъ подъ знаменемъ Србовича или Журн. Мин. Нар. Просв. Вотъ, однажды, дернулъ его бѣсъ похвалить сонеты Бутырскаго, которыхъ вышла тогда первая книжка. Србов. подсыпалъ еще комплиментовъ, и панегирикъ вышелъ хоть куда. Воейковъ въ „Русск. Инв.“ перепечаталъ это, съ прибавленіемъ похвалъ Невѣрову. Бутырекій въ предисловіи ко второй книжкѣ также оперся на авторитетъ Невѣрова и благодарилъ его торжественно „за вниманіе къ новичку“. Что жъ изъ этого вышло? Сонеты Никиты Ивановича попались, вмѣстѣ съ невиннымъ Январіемъ, на зубы Библиотекѣ для Чтенія, которая на этотъ разъ остроумнѣе, чѣмъ когда-либо, отдѣлала сочинителя сонетовъ и его несчастнаго панегириста. Думалъ ли когда-нибудь Нев., особенно сидя теперь въ Берлинѣ, что тогда, какъ онъ менѣе всего занимается Русскою литературою, имя его будетъ такъ часто цитировано, сперва въ официальной газетѣ, потомъ въ предисловіи къ книгѣ профессорской, и наконецъ въ наиболѣе читаемомъ Русскомъ журналѣ? Какъ бы то ни было, а отдѣлали его очень забавно, такъ что мы съ Григ. не могли не помирать со смѣху при чтеніи. Жаль, что здѣсь нѣтъ мѣста для выписокъ, а то я бы представилъ вамъ налицо всѣ эти фразы, которыя могутъ немного побѣсить Невѣрова. Прощайте, Грановскій; не забывайте о насъ. До радостнаго свиданія. Григорьевъ и вамъ, кажется, готовить огромное посланіе.

P. S. Всѣ порученія Невѣрова выполнены будутъ съ буквальною точностью. На это онъ можетъ положиться.

Сообщено А. В. Станкевичемъ.

Изъ Записокъ графа А. А. Бобринскаго на Записки А. О. Смирновой.

(„Русскій Архивъ“ 1895).

1) *Василій Перовскій, во избѣжаніе шутокъ прострѣлилъ себѣ палець.*

Это безсмыслица. Перовскій былъ *очень умный* человекъ и хорошо бы понялъ, что, прострѣливъ себѣ палець изъ любви, онъ могъ только навлечь на себя шутки, а не избѣжать ихъ. Онъ дѣйствительно, неосторожно заряжая пистолеть, нечаянно прострѣлилъ себѣ палець. какъ не одинъ разъ мнѣ самъ рассказывалъ, и носилъ на этомъ пальцѣ золотой наперстокъ.

2) Отецъ мой *) былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ извѣстной школы колонновожатыхъ Н. Н. Муравьева. Онъ отлично учился и получилъ серьезное образованіе, особенно въ области естественныхъ наукъ. Съ нимъ любили бесѣдовать: академики Хессе (химикъ), Якоби (физикъ), генераль Гельмерсенъ (минералогъ), Струве (астрономъ). которые были его пріятелями. Князь П. А. Вяземскій, А. С. Пушкинъ, В. А. Жуковскій, позднѣе Ѳ. В. Чижевъ были постоянными посѣтителями его дома.

3) Послѣ свадьбы отецъ мой и мать никуда не уѣзжали и постоянно жили въ Петербургѣ въ старомъ, отъ дѣда моего унаслѣдованномъ домѣ, за исключеніемъ 4-хъ лѣтъ (1827—1831), проведенныхъ въ селѣ Михайловскомъ Тульской губерніи, частью въ Москвѣ.

4) Всѣ три (а не четыре) сына у нихъ родились и воспитывались въ Петербургѣ. Наставникомъ ихъ былъ Швейцарецъ, а не Англичанинъ.

5) Перовскій былъ хорошимъ пріятелемъ моего отца и, при рѣдкихъ пріѣздахъ своихъ въ Петербургъ, бывалъ у насъ въ домѣ довольно часто, обыкновенно къ обѣду, хотя далеко не каждый день.

6) Когда Лагренѣ (вовсе не вѣтрогонъ, а секретарь или совѣтникъ Французскаго посольства) женился на фрейлинѣ Дубенской, то императоръ Николай, не довольный въ то время (1834 г.) Французскимъ правительствомъ, перенесъ свой гнѣвъ на Лагренѣ и Дубенскую. Многие, слѣдуя указанію свыше, отвернулись отъ нихъ. Мать моя не находя въ этомъ бракѣ ничего предосудительнаго, продолжала принимать Дубенскую и Лагренѣ по прежнему, и за это, дѣйствительно, Николай Павловичъ одно время на нее гнѣвался, хотя она съ императрицею Александрою Ѳеодоровною оставалась въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ.

Вообще видно, что А. О. Смирнова (или скорѣе ея дочь) кое о чемъ слышала и, не хорошо провѣривъ, писала и часто путала.

Бобринскій.

*) Графъ Алексій Алексѣевичъ. П. Б.

М. П. Степановъ. Храмъ-Усыпальница Великаго Князя Сергѣя Александровича во имя Преподобнаго Сергѣя Радонежскаго въ Чудовомъ Монастырѣ въ Москвѣ. Москва. Синодальная Типографія, 1909 г. 4^о. 184 стр., съ 41 фототипіей.

Вышедшая въ Декабрѣ минувшаго года книга М. П. Степанова содержитъ въ себѣ подробное описаніе памятника-храма, сооруженнаго по мысли и на средства Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Осодоровны. Трудъ выполненъ съ великой тщательностью и любовью. Начинается онъ съ историческихъ свѣдѣній о нижнихъ покоехъ Чудова Монастыря подъ храмомъ Св. Алексѣя, гдѣ устроена Усыпальница. То были житенныя палаты, опустѣвшія съ тѣхъ поръ, какъ монастырь обѣдѣлъ, лишившись послѣ 1764 года своихъ земельныхъ имуществъ и 18,000 душъ крестьянъ. Далѣе подробно описано, какъ эти темные полуподвалы обратились въ произведеніе водчества. Для этого пришлось произвести рядъ капитальныхъ передѣлокъ. Въ сущности нетронутою осталась лишь средняя часть свода, но ни одна стѣна не уцѣлѣла въ прежнемъ видѣ. Ниша, гдѣ помѣщается мраморное надгробіе, устроена въ толщѣ Сѣверной стѣны, на мѣстѣ задѣланнаго прохода въ примыкающую съ Сѣвера палату, гдѣ теперь монастырская бібліотека. Для устройства алтаря пробить въ Восточной стѣнѣ пролетъ и надъ нимъ сложенъ кирпичный дугообразный сводъ. Южнѣ его, въ той же стѣнѣ, пробить ходъ въ ризницу. Въ Западной стѣнѣ сдѣлана входная дверь, въ южной—дверь въ Николаевскій дворецъ и окно, служащее единственнымъ источникомъ дневного освѣщенія. Послѣ этихъ передѣлокъ получилось помѣщеніе, состоящее изъ центрального квадрата съ низко начинающимся на Западной стѣнѣ сводомъ, съ большой, полукруглой, выложенной золотою мозаикою нишею, въ которой красуется прекрасный саркофагъ изъ бѣлаго мрамора, дающій великолѣпное сочетаніе бѣлаго съ золотомъ. Вся Восточная стѣна занята мраморнымъ иконостасомъ, созданіемъ П. В. Жуковскаго.

Для художественной оцѣнки иконостаса П. В. Жуковскаго, по проекту котораго сооруженъ и весь храмъ, авторъ пользуется отзывомъ извѣстнаго знатока искусства, Д. Х., напечатанномъ въ № 32 и 34 „Московского Голоса“.

Подобно знаменитому Тэну въ основу художественной критики полагая не личныя впечатлѣнія, а историческія данныя, Д. Х. прочно устанавливаетъ значеніе работы П. В. Жуковскаго.

Его иконостасъ есть золотая середина между иконостасомъ архитектурнымъ Византійскимъ, стоящимъ въ соответствіи съ Греческимъ богослуженіемъ, но чуждымъ Русскому вкусу, и иконостасомъ Русскимъ, покрытымъ сверху до низу иконами, которыя даютъ потребное душѣ Православнаго Русскаго благоговѣйнаго созерцаніе иконъ, но непрактичнымъ для литургическихъ цѣлей. Боковыя сквозныя части иконостаса П. В. Жуковскаго дѣлаютъ жертвенникъ доступнымъ для всѣхъ вѣрующихъ, чѣмъ восстанавливается гармонія съ звучащими изъ глубины вѣковъ словами: „мужчина ли, женщина ли могутъ приносить непосредственно дары свои къ жертвеннику“.

Что касается характера иконостаса, то Д. Х. смѣло называетъ его Русскимъ: П. В. Жуковскій усвоилъ, подобно Русскимъ зодчимъ XVII вѣка, стили Византійскій, Ломбардскій, Романскій, но избѣгъ подражательности и создалъ нѣчто совершенно новое, самобытное, краснорѣчиво говорящее Русской душѣ.

Послѣ этого отзыва М. П. Степановъ даетъ свое описаніе иконостаса и всей усыпальницы, указывая при этомъ на его „образъ катакомбнаго храма“.

Живопись, исполненная художникомъ К. П. Степановымъ древнимъ способомъ письма „вапами“ (красками, разведенными водой съ яичнымъ желткомъ) и чарующая взоръ своею красотой, описана съ не меньшею тщательностью; при этомъ сдѣланы историческія и художественныя поясненія. Не вполне разъяснена только вся трудность задачи современнаго иконописца, который пожелалъ бы приблизиться къ древнимъ иконамъ, находящимся въ храмѣ, такъ, чтобы получилаея полная гармонія. Эти „великолѣпныя цвѣтотыя пятна“, какъ о нихъ выразился Д. Х., остаются всегда, по своему обвѣянному крылами времени колориту, недостижимыми. Видъ сравненія онѣ, въ постѣ и со слезами молитвы написанныя, и по духовной своей силѣ: ибо для православнаго эти иконы не произведеніе кисти, подверженное художественной критикѣ, а прибѣжище въ скорбяхъ, гдѣ обрѣтаешь помощь, исцѣленіе души и гдѣ, по вѣрѣ, невозможное дѣлается возможнымъ.

Описаны онѣ въ отдѣлѣ, наименованномъ „Приложенія“, который составляетъ ббльшую часть всей книги (37—184 стр.) Тутъ оживаетъ душа усопшаго Великаго Князя, собирателя этихъ священныхъ драгоценностей, приходи въ общеніе со всѣми тѣми, кто получаетъ отъ нихъ теперь молитвенное настроеніе и художественную радость.

Это замѣчательное и обширное (около 300 однѣхъ иконъ, кромѣ другихъ вещей) собраніе описано съ историческими указаніями. Такъ, при описаніи кованной изъ серебра иконы великой княгини Анны Кашинской, XVII вѣка, помѣщена вся исторія жизни святой княгини, открытія ея мощей и прославленія памяти, завершившіяся торжествами 12 Юня прошлаго года въ Кашинѣ, въ пренеутствіи и при дѣятельномъ участіи Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Теодоровны *).

*) Эта серебряная икона Анны Кашинской поднесена была покойной Императрицѣ Маріи Александровнѣ княгиней Елисаветою Александровной Голицыной, а ею получена отъ ея отца, археолога и собирателя Чертковской Библіотеки. П. Б.

При описаніи полумантіи Преподобнаго Серафима, Саровскаго Чудотворца, есть повѣствованіе объ исцѣленіи ею Великой Княгини Маріи Александровны, нынѣ герцогини Кобургской, въ 1860 году, и другихъ чудесахъ, ею явленныхъ.

Древній складень съ золотымъ крестомъ, 1414 года, послужилъ для обширнаго историко-археологическаго изслѣдованія, изъ котораго встаетъ цѣлая забытая эпоха, гдѣ дѣйствуетъ Нижегородскій Князь Даніиль Борисовичъ, двоюродный дядя великаго князя Московскаго, Василія Дмитріевича, Зелени-Салтанъ Тахтамышевичъ, Юрій Шемяка и множество другихъ лицъ.

Такимъ образомъ „Приложенія“ не сухой перечень, а живое изложеніе, гдѣ для внимательнаго и пытливаго читателя открывается цѣлый невѣдомый ему дотолѣ міръ. Здѣсь мѣстами выступаютъ скрытыя душевныя тайны обладателей описываемыхъ предметовъ. Такъ въ Евангеліи принадлежавшемъ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, читаемъ слѣдующія строки, написанныя ея рукою на послѣдней страницѣ: „Que m'arriverat-il aujourd'hui, o mon Dieu? Je ne sais rien. Tout ce que je sais, c'est qu'il ne m'arrivera rien que Vous n'avez prévu, réglé, voulu, ordonné. Cela me suffit: j'adore Vos dessins éternels et impénétrables, je m'y soumets de tout, je Vous fais mon sacrifice de tout et j'unis ce sacrifice à celui de mon divin Sauveur. Je vous demande, o mon Dieu, la patience dans mes peines et la parfaite soumission, qui Vous est due pour tout ce que Vous voulez ou permettez. Amen *). Царское Село, ce 27 Sept. 1853“.

Вообще надо сказать: въ „Приложеніяхъ“ книги М. П. Степанова, какъ въ зеркалѣ, отражается духовный обликъ почившаго Собирателя описываемыхъ священныхъ предметовъ: они молчаливо свидѣтельствуютъ о его благочестіи, художественномъ вкусѣ и преданности завѣтамъ Православной Руси.

Фототипіи, приложенныя къ книгѣ, исполнены столь отчетливо, что въ луну можно прочесть надписи на изображенныхъ иконахъ. Однако, въ виду того, что главная красота Храма въ колоритѣ, сочетаніи мрамора, мозаики, бронзы, а вся недостижимая художественность древнихъ иконъ остается непременною при однотонности ихъ изображенія. желательно, наряду съ доступнымъ по цѣнѣ указателемъ изданіе въ краскахъ, великолѣпное, соответствующее предмету. Храмъ-Усыпальница—жемчужина Кремля! Произведеніе искусства чистое и прекрасное—воплощенная молитва просвѣтленной страданіемъ высокохудожественной души, олицетвореніе надежды на воскресеніе и жизнь вѣчную.

Сергій Бартеневъ.

*) Этими строками напоминаются подобныя душевныя изліянія императрицы Елисаветы Алексѣевны въ ея письмахъ къ матери, своеручно списанныхъ съ подлинниковъ покойнымъ Великимъ Княземъ и нынѣ изданныхъ его двоюроднымъ братомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ. П. Б.

сѣдовавшимъ уже вашему сыну все- милостивѣйшимъ разрѣшеніемъ проживать, гдѣ онъ желаетъ, кромѣ столицъ, я не считаю приличнымъ и не осмѣливаюсь ходатайствовать у Государя Императора о дозволеніи ему въѣзда въ оныя“.

Въ 1831 году Ермоловъ жилъ на покоѣ. Поляки разгласили, будто онъ злоумышляетъ противъ правительства, и онъ писалъ Н. Н. Раевскому:

„Поляки могли напечатать письмо подъ моимъ именемъ и дать правдоподобный видъ существованію тайной переписки; но, рѣшившись издать прокламацію, которою возмущаю я народъ, они не останутся на томъ: имъ надобны мои успѣхи, и потому ожидать должно, что Варшавская Газета принишетъ мнѣ побѣды, въ каковыхъ, вѣроятно, и самому фельдмаршалу они отказываютъ, и я нечаянно попаду въ великіе герои!“

Для образца приводимъ выдержки изъ писемъ Дубельта.

„Спасибо, мой любезный другъ, за письмо ваше. За Полеваго васъ ставлю на колѣни, ибо онъ не заслуживаетъ снисхожденія тѣхъ людей, которымъ Россія и будущее поколѣніе дорого. Еслибы у васъ были дѣти, то и вы, вмѣстѣ со мною, радовались бы, что правительство запретило этому республиканцу издавать журналъ, которымъ онъ кружилъ головы неопытной молодежи и буйство Лафаетовъ выказывалъ истиннымъ просвѣщеніемъ. Полевой безбожникъ и вы тоже. Вотъ вамъ и все“.

„Помните ли вы, любезный Николай Николаевичъ, что у васъ есть искренніе друзья Анна Николаевна и Леонтій Васильевичъ, которые любятъ васъ отъ всей души? Эти друзья ваши очень обрадовались, узнавъ о подвигахъ вашихъ и о Царской къ вамъ милости, изъявленныхъ въ двухъ столь

значительныхъ наградахъ,—обрадовались и искренно поздравляютъ васъ. Дай Богъ вамъ, мой добрый другъ, болѣе и болѣе заслуживать милость нашего славнаго Царя, и я увѣренъ, что мой славный, неподобный, благороднѣйшій Николай Николаевичъ станетъ на ту высокую степень, на которой онъ долженъ стоять по своимъ необыкновеннымъ достоинствамъ. А между тѣмъ позвольте спросить ваше превосходительство, какимъ это образомъ вы такъ лѣшитесь, что ничего не пишете къ роднымъ вашимъ? Непріятеля бейте, а къ роднымъ всетаки пишите. Екатерина Алексѣевна Константинова ¹⁾ беспокоится объ васъ и говоритъ, что ваша невѣста ²⁾ въ Москвѣ также беспокоится,—успокойте ихъ.

Ашинька³⁾ вамъ очень кланяется, я тоже, мои сыновья тоже. Старшій уже служить въ Кавалергардскомъ полку и надѣется, что вы прикомандируете его къ себѣ, когда ему придетъ очередь ѣхать на Кавказъ.

Дружески обнимаю васъ, мой добрый, неподобный Николай Николаевичъ. Господь съ вами. М. Дубельтъ“.

Къ людямъ несправедливо и несправедливо примѣнять законы физиологін о такъ называемомъ атавизмѣ или помѣси кровей; но невольно приходитъ на мысль объяснить даровитость Раевскихъ кровію, которая текла въ ихъ жилахъ: сынъ Сѣвера Ломоносовъ, жена его Нѣмка, внучка по отцу Гречанка ⁴⁾; а тутъ черезъ Самойловыхъ и Потемкинская кровь. П. Б.

¹⁾ Незамужняя тетка. П. Б.

²⁾ Анна Михайловна рожд. Бороздина. Портретъ этой достопамятной женщины приложенъ къ книгѣ. П. Б.

³⁾ Супруга Дубельта, рожд. Перскаяд, племянница адмирала Мордвинова. П. Б.

⁴⁾ Зять Ломоносова Константиновъ (библіотекаръ Екатерины II-й) былъ сыномъ Грека-протопопа въ Брянскѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1910 года.

(Годъ 48-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1910 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ).

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются
по удешевленной цѣнѣ прежнія годовыя изданія его.

(Главные статьи означены).

1904.

Письма К. Я. Булгакова къ брату.—Дневникъ И. М. Снегирева.—Н. О. Федоровъ, статьи В. А. Кожевникова.—Принцесса Виртембергская Зельмира.—Очерки моей жизни Г. Н. Александрова.—Воспоминанія кн. В. И. Барятинскаго.—Изъ Ольденбургскаго великогерцогскаго архива: тайныя извѣстія о Россіи 1727 и 1728 гг.—Черты изъ домашней жизни имп. Анны.—Архим. Макарій и Тобольскіе декабристы.—Воспоминанія О. А. Гилярова.—Мать Екатерины Великой.

1905.

Дневникъ И. М. Снегирева.—Двѣ Калмычки.—Записки графовъ Нессельроде.—Письма А. О. Тютчевой о кончинѣ цесаревича Николая.—Письма П. В. Киреевскаго.—А. О. Смирнова. Хозяйственныя записки И. В. Пущеникова.—У Французовъ въ Московскомъ плѣну.

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхгольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части. 3 р. 50 к.

ЗАПИСКИ Дюка Лирийскаго о пребываніи его въ Россіи при Петрѣ II-мъ. Цѣна 75 к.

ДНЕВНИКЪ Храповицкаго. 1783—1793. Цѣна 2 р.

ВОСПОМИНАНІЯ Г. И. Филипсона 361 стр. Цѣна 2 р.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

1906.

Разказы В. И. Анненковой.—П. П. Боголѣповъ. Его записки.—Императоръ Александръ Третій: рѣчь о немъ К. П. Побѣдоносцева.—Записки архіеп. Никанора.—Государственное засѣданіе 8 Марта 1881 г.—Изъ воспоминаній митрополита Филарета.

1907.

Екатерининская книга для народныхъ училищъ.—Мои бредни (Записки А. П. Хвостовой).—Записки К. Д. Хлѣбникова.—Японія, записка іеромонаха Николая.—Дѣло царевича Алексѣя Петровича по извѣстіямъ Голландца Де-Бизъ.—Воцареніе Петра Третьяго по рассказамъ Екатерины Второй.—Воспоминанія А. П. Салтыковой.—Первыя недѣли царствованія Александра III. (письма К. П. Побѣдоносцева къ Е. О. Тютчевой).—Пять лѣтъ въ Россіи при Екатеринѣ Великой, Записки графа Сегюра. (Полное изданіе).

СОРОКЪ ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1910

3.

Стр.

321. Изъ писемъ императора Николая Павловича къ князю П. О. Паскевичу. 1834 г.
357. Записки В. В. Марковнинова. 1892 г.
401. Изъ «Книги бытій моего» Порфирія Успенскаго. } Сообщенія
Архіепископъ Стефанъ Суздальскій. } А. А. Титова.
Бракоразводное дѣло князи Г. Г. Орлова.
432. Императрица Елисавета Алексѣевна въ ея письмахъ къ матери. (Наши монастыри.—Военныя поселенія.—Наводненіе 14 Декабря).
460. Воспоминаніе М. П. Погодина объ А. И. Тургеневѣ.
464. Письма князя П. А. Вяземскаго и Я. Н. Грота къ С. Д. Полторацкому.
468. Письма о М. Г. Черняевѣ, К. П. Фонъ-Кауфманѣ и Н. П. Гродековѣ.
П. М. Фонъ-Науфмана и г. Мустафина.
476. Многострадальныя рукописи. Ю. М.
478. Книга Кузминскаго о П. М. Боклевскомъ } Сообщенія
479. Къ биографіи П. Е. Забѣлина } П. А. Россіева
Внутри обложки: О сборникѣ Новгородскаго общества любителей древности. (Записки Николая Назаревича Муравьева).

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1910.

СБОРНИКЪ НОВГОРОДСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНОСТИ. Новгородъ. 1909 г. Малая 8-ка, вып. 1 и 2, съ портретами и рисунками.

Новгородъ—прародина даровитой и многодѣятельной семьи Муравьевыхъ, которая дала Россіи цѣлый рядъ достопамятныхъ людей. Племянникъ графа Муравьева-Амурскаго Михаилъ Валерьяновичъ издавна занимается исторіею своихъ отцовъ и дѣдовъ. Привѣтствуемъ его прекрасное начинаніе издавать уцѣлѣвшіе письменные памятники ихъ дѣятельности и вообще Новгородскихъ древностей. Родной дѣдъ его Николай Назаревичъ оставилъ по себѣ нѣскольکو томовъ словесныхъ произведеній, даже и при жизни его мало кѣмъ читанныхъ. Можно ли было думать, что послѣ него сохранились автобіографическія записки? Въ молодости онъ побывалъ въ Сибири и такъ вспоминаетъ:

„На всемъ пространствѣ отъ Петербурга до Амура рѣки я встрѣчалъ всегда одного и того же Русскаго: и видомъ, и языкомъ, и вѣрою, и обычаемъ,—и нигдѣ не испыталъ отъ него ничего иного, какъ благонаправнаго, добраго, услужливаго, привѣтливаго. Вѣра его на всѣхъ этихъ пространствахъ состояла въ нѣкоторомъ... какъ бы вдохновенномъ сознаніи всемогущей воли Бога Премудраго. Никто не толковалъ объ этомъ, какъ и о самой вѣрѣ; но въ дѣйствіи каждаго проявлялось это естественное сознаніе о непостижимомъ величій Бога, Творца и Пранителя всей природы. На всемъ этомъ пространствѣ я, мнѣ казалось, не видѣлъ нигдѣ властей, кромѣ нѣкоторыхъ угловъ въ городахъ. Жизнь была свободной, независимой и слѣдовательно благополучной. Всѣ сами собой ополчались противъ вора, противъ разбойника, и ихъ не было. Исправники, засѣдатели земскихъ судовъ были только исполнители надобностей правительства. Они были встрѣчаемы съ уваженіемъ, провожаемы съ радостію, и даже напутствовались хлѣбомъ-солью, но не забудьте, умѣренною, чтобъ не разла-

комить властей къ новымъ посѣщеніямъ, которыя самимъ селеніямъ совершенно были не нужны. Самъ Петербургъ имѣлъ подобную этому полицію, которую представляетъ нашъ „Русскій Уставъ Благочинія“. Его писали Русскіе: прочтите его со вниманіемъ; въ цѣломъ мірѣ нѣтъ другого подобнаго. Мундировъ нигдѣ не было видно. Бутошникъ при будкѣ былъ очередной обывательскій мужикъ съ палкою. Съ этими основаніями нравовъ, и закона, и народа, и войны наши велись, и великія побѣды, и неимовѣрныя завоеванія совершались. И Россія возрастала“. Какая противоположность отзываю Радичева, которому Муравьевъ былъ младшимъ современникомъ!

Въ Запискахъ Н. Н. Муравьева находимъ драгоцѣнныя показанія.

„Въ 1792 году, по возвращеніи моемъ изъ Сибири, дядя мой Захаръ Матвѣевичъ Муравьевъ, пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ одно Воскресенье къ обѣднѣ во дворецъ, чтобы увидѣть Императрицу и ея семейство. Всѣ были въ мундирахъ. Я стоялъ съ моимъ дядею въ залѣ, называемой Кавалергардскою, въ сторонѣ ея оконъ на большой дворъ дворца. Дали знать, что Императрица возвращается изъ церкви въ свои покои, и мы скоро увидѣли этотъ ходъ. Императрица, старая старуха 66 лѣтъ, обвѣшанная и закутанная кружевами, папудренная и въ чепецъ, шла впереди этого хода. Возлѣ нея съ правой руки, на пол-шага взадъ отъ нея, въ красномъ артиллерійскомъ мундирѣ съ Андреевскою лентою черезъ плечо, шелъ ея любимецъ князь Зубовъ, видный мужчина, лѣтъ двадцати четырехъ, распудренный, который съ нею смѣло разговаривалъ и представлялъ ей нѣкоего хорошенькаго мальчика, кажется, Француза, своего адъютанта. За Императрицею наслѣдникъ Ея Павелъ Петровичъ карикатурно выступалъ во Французскомъ кафтанѣ, ведя подъ руку супругу свою Марію Θεодоровну, которая была ростомъ великанъ передъ своимъ мужемъ. Они кланялись во всѣ стороны, а извѣстныя имъ лица,

Изъ писемъ императора Николая Павловича къ князю И. В. Паскевичу.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1889 года помѣщены Записки фельдмаршала князя Паскевича, извлеченныя, съ дозволенія его сына князя Θεодора Ивановича, изъ большаго сочиненія, которое, по его порученію, составлялъ князь А. П. Щербатовъ. Это сочиненіе вышло въ нѣсколькихъ томахъ. Оба князя, по просьбѣ нашей, предоставили „Русскому Архиву“ помѣщать на своихъ страницахъ выдержки изъ этой обширной біографіи знаменитаго фельдмаршала, по самому объему своему и цѣнѣ доступной для немногихъ. Привлекательныя и выразительныя черты Государя, оставившаго столь рѣзкій слѣдъ въ Русской исторіи, прекрасно рисуются въ нижеслѣдующихъ дружескихъ его повѣреніяхъ. П. Б.

*

Получено 12-го (24-го) Генваря 1834 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.

4-го (16-го) Генваря 1834 г.

Поздравляю тебя, любезный отецъ-командиръ*), съ новымъ годомъ, желаю всякаго благополучія и долгихъ лѣтъ на славу Россіи. Благодарю за письмо отъ 25 Декабря; радуюсь, что все спокойно и жду, что оное не нарушится, не смотря на происки пропаганды, ибо мало будетъ охотниковъ наследовать участи Завиши и товарищей; но осторожность всегда будетъ нужна. Жаль мнѣ слышать, что ты пишешь про ходъ верховнаго суда, а еще болѣе, что нашъ Даненбергъ далъ себя завлечь туда же! Надо будетъ его перевести.—Последнія наши Лондонскія вѣсти гораздо ближе къ мировой, и даже, кажется, боятся, чтобъ я не разсердился за прежнія ихъ дерзости. Отвѣчаемъ всегда имъ тѣмъ же тономъ, т. е. на грубости презрѣніемъ, а на учтивости учтивостью, и какъ кажется все этимъ и кончится. Флоты воротились въ Мальту и Тулонъ, но вооруженія не прекращены; за то и мы будемъ готовы ихъ приять. Но чтѣ могутъ они намъ сдѣлать? Много—сжечъ

*) Такъ называлъ Николай Павловичъ Паскевича, будучи моложе его на 14 лѣтъ, начавъ военную службу подъ его начальствомъ и цѣня въ немъ дѣятельнаго участника великихъ войнъ съ Наполеономъ, который такъ занималъ собою воображеніе его въ лѣта отрочества и юности.

Кронштадтъ, но не даромъ; Впндау? Развѣ забыли, съ чѣмъ пришелъ и съ чѣмъ ушелъ Наполеонъ? Разореніемъ торговли? Но за то и они потеряютъ; чѣмъ же открыто могутъ намъ вредить? Въ Черномъ морѣ и того смѣшнѣе. Положимъ, что Турки, отъ страха, глупости или измѣны, ихъ впускаютъ; они явятся предъ Одессу, сожгутъ ее,—предъ Севастополь, положимъ, что истребятъ его; но куда они дѣнутся, ежели въ 29 дней марша наши войска займутъ Босфоръ и Дарданеллы? Покуда Турка мой здѣсь очень скромный и пишетъ, что хочу*). Прибыль маршалъ Мезонъ; первые приемы его хороши и, кажется, онъ человѣкъ умный и изъ кожи лѣзетъ, дабы угодить. Лубинскаго ожегъ славно, такъ что тотъ не зналъ куда дѣться. Когда-то ты къ намъ будешь? Предоставляю тебѣ выборъ удобнаго времени; намъ видѣться нужно будетъ, ибо съ деньгами не сладимъ, и должно всячески стараться уменьшить расходъ къ будущей смѣтѣ, и что можно, даже я велю.

Жена тебѣ кланяется; цѣлую ручки книгинѣ, а тебя сердечно обнимаю. Прощай и вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный П.

*

С.-Петербургъ.

26-го Мая (9-го Июля) 1834 г.

Съ удовольствіемъ читалъ описаніе заложенія крѣпости С. Георгія. Дай Богъ столь же успѣшно ее достроить, какъ скоро и отлично хорошо начата; подъ твоимъ надзоромъ и сомнѣнія въ томъ не имѣю. Стрѣльба въ цѣль у насъ вездѣ плоха; съ старыми ружьями можно сіе нѣсколько извинить: но съ новыми, отличными въ отдѣлкѣ и удобными для прикладки, нѣтъ уже никакой причины, могущей препятствовать довести сію часть до должной степени совершенства. На-дняхъ буду я здѣсь пробовать. Не помню, писалъ ли уже тебѣ, что наконецъ опыты наши надъ бомбическими пушками торжественно удались и побѣдили всѣ прекословія въ пользу каленыхъ ядеръ; въ часъ стрѣльбы на 610 сажень изъ 6 таковыхъ пушекъ и 630 ф. стрѣлявшихъ калеными ядрами, сіи послѣднія ни разу не зажигали, тогда какъ отъ бомбъ 6 разъ корабль загорался и потопленъ. Для узнанія кромѣ того разрушительнаго дѣйствія на экипажъ, была представлена досками прислуга при орудіяхъ; и на томъ декѣ, который остался выше воды, перебито 54 человѣка! Теперь пусть кто хочетъ пробуетъ подойти къ Кронштадту; будетъ чѣмъ принять.

*) Вспоминались ли эти соображенія Государю, когда въ исходѣ 1854 года, въ Гатчинѣ, проливалъ онъ горькія слезы, получая Севастопольскія вѣсти?

Въ политикѣ новаго ничего. Смерть Лафаата ничего не произвела, и сомнѣваюсь, чтобъ перемѣнила что-либо, ибо онъ дѣйствовалъ давно уже однимъ своимъ именемъ; другіе же найдутся не хуже его для управленія пропагандой.

Александрія.

3-го (15-го) Іюня 1834 г.

Прошу тебя простить мнѣ, любезный Иванъ Федоровичъ, что ранѣе не отвѣчалъ на два письма твои отъ 4-го и 19-го Іюня. Но прїѣздъ нашихъ гостей уменьшилъ еще у меня свободное время, такъ что до сего вечера ни минуты не могъ найти, чтобъ съ тобой побесѣдовать. Дѣло Подляскаго епископа, дабы дать ему должный конецъ, требуетъ нѣкоторой осторожности, потому и постараюсь съ графомъ Нессельродомъ придумать, какъ сіе сдѣлать. Здѣсь у насъ все въ порядкѣ, и въ политикѣ кромѣ глухихъ фанфаронствъ Англичанъ ничего новаго не сбилось; на эти же глупости не намѣренъ я ничуть отвѣчать, ибо они, я полагаю, съ тѣмъ только сіе и затѣяли, чтобъ вновь начать съ нами споры, которые было кончились. Сего удовольствія я имъ не дамъ, а буду отвѣчать однимъ спокойнымъ презрѣніемъ достойнымъ величія Россіи.

Наслѣдный принцъ*) ведетъ себя здѣсь умно, и въ самыхъ коренныхъ чистыхъ правилахъ, какъ нельзя его лучше желать; его присутствіе между нами и для него и для насъ весьма полезно, ибо онъ насъ видитъ послѣ 17 лѣтъ, а мы его узнаемъ, какимъ онъ есть, а не такъ, какъ злоба и зависть его описываютъ: на него смѣло надѣяться можно. На-дняхъ начнутся наши занятія въ лагерѣ; завтра ѣду на флотъ, гдѣ собрано 18 кораблей, а всѣхъ 50 вымпеловъ.

На рейдѣ у насъ Голландскій корабль и бригъ; наши, кажется, не хуже.

Александрія близъ Петергофа.

25-го Іюля (6-го Августа) 1834 г.

Не смотря на все желаніе мое ранѣе тебѣ отвѣчать, любезный отецъ командиръ, безпрестанные перѣзды, маневры и проч. отнимали всю возможность; вчера только прибылъ обратно изъ Гатчины и *по-рязъ* въ бумагахъ. Рожнетскій возвратился въ сильной подагрѣ, такъ что я его не могъ видѣть, что мнѣ весьма любопытно будетъ. Сегодня сообщило намъ официально Прусское правительство, что по его свѣдѣніямъ готовится векорѣ новый всеобщій бунтъ во всей Польшѣ

*) Старшій братъ императрицы Александры Оеодоровны.

и Литвѣ; вѣрить мудрено, не вѣрить же было бы также неосторожно; потому считаю полезнымъ, ничего не обнаруживая, усугубить при-
смотреть. Довольно странно, что прибыла Замоиская, известная злая
Полька. Это не безъ умысла и, согласивъ сей прїѣздъ съ Прусскими
слухами, невольно думаешь, что и впрямь новое сумасбродство затѣи-
вается. Дѣло судной комисіи я получилъ во время маневровъ и при-
мусь сегодня же читать. Войсками на маневрахъ былъ я весьма до-
воленъ, начальниками большею частію тоже; но не могу добиться,
чтобъ форпостная служба исполнялась какъ слѣдуетъ и вездѣ безъ
личнаго присмотра. Нынѣшній годъ кавалерія много прїобрѣла живо-
сти и должной точности въ движеніяхъ. Пѣхота ходитъ богатырски,
а артиллерія отлична по прежнему. На-дняхъ отъѣзжаетъ наследный
принцъ, коего присутствіе здѣсь было во всѣхъ отношеніяхъ весьма
полезно. Принцъ Адальбертъ ѣдетъ на Москву и оттоль на Варшаву,
гдѣ проѣдетъ уже послѣ твоего отъѣзда; его надо будетъ велѣть при-
нять съ должными почестями.

Въ политикѣ новаго знаемъ появленіе Донъ-Карлоса въ Испаніи
и выходъ Грейя изъ министерства. Первое обстоятельство важно и
можетъ повлечь за собою войну; второе, къ удивленію и къ стыду
Англіи, было какъ черемъна рубахи, и врядъ ли нынѣшніе министры
удержатся безъ безпрестанныхъ уступокъ либерализму, которыя сверг-
нуть ихъ короля*) и довершать революцію въ прекрасной сей странѣ.
Жаль!

*

Александрія.

2-ю (11-ю) Августа 1834 г.

Благодарю тебя, любезный Иванъ Федоровичъ, за письмо твое,
которое получилъ третьяго дня утромъ. Видѣлъ я Рожнетскаго и съ
любопытствомъ спрашивалъ; все, что онъ мнѣ сказывалъ, весьма
утѣшительно. Онъ не нахвалится твоимъ прїемомъ; по его словамъ по-
лагать бы должно, что охота къ революціямъ у Поляковъ совершенно
прошла. Правда ли? Извѣстіе изъ Парижа о новыхъ убійцахъ довольно
замѣчательно; постараемся ихъ отыскать, а Пруссаки меня просятъ
имъ сообщить имена. Въ запискѣ изъ Позена много справедливаго;
но я думаю, что описаніе духа войскъ преувеличено въ дурномъ видѣ.
Вчера уѣхалъ наследный принцъ съ женой; кажется онъ всѣмъ здѣсь
понравился; и самъ онъ весьма былъ доволенъ своимъ пребываніемъ,
и все что я отъ него часто слышалъ самое утѣшительное для буду-
щаго. Лагерь у насъ кончился весьма благополучно, парадъ былъ

*) Вильгельма IV-го.

прекрасный; теперь отдыхаемъ; потомъ готовится станемъ къ открытію монумента. Скоро долженъ быть король въ Кенигсбергъ; когда о томъ рѣшительно узнаю, дамъ тебѣ знать, дабы ты сейчасъ могъ къ нему ѣхать, а оттуда прямо ко мнѣ къ празднику. Пошли Берга или Горчакова въ Брюнъ къ прїѣзду императора, дабы ему отъ меня поклониться и присутствовать при смотрахъ и маневрахъ. Вчера прибылъ князь Ливенъ*); я весьма любопытенъ.

*

Орль.

26-го Сентября (8-го Октября) 1834 г.

Два дня какъ получилъ я, любезный Иванъ Федоровичъ, письмо твое изъ Вильны, и очень былъ обрадованъ твоимъ лестнымъ аттестатомъ 1-му корпусу; весело слышать и видѣть вездѣ успѣхи, оказываемые почти всѣми нашими войсками; видно, что на образованіе оныхъ по всѣмъ частямъ обращается должное вниманіе, и почти надѣяться можно, что скоро все придетъ на желаемую степень совершенства. Въ Москвѣ 4-й корпусъ, хотя не совершенно зрѣлый, нашелъ я въ несравненно лучшемъ состояніи, чѣмъ ожидалъ, и, что всего лучше, не смотря на молодость людей, отличное оныхъ сбереженіе, такъ что на 44 тыс. было только до 2 тыс. больныхъ, изъ сихъ же 1200 наружными ранами на ногахъ отъ тяжести Московскихъ карауловъ. Но здѣсь, въ Орлѣ, всѣ мои ожиданія, желанія и идеи нашелъ я далеко превзойденными состояніемъ, въ которомъ я нашелъ сей примѣрный, отличный корпусъ. Духъ, смѣлость, ловкость, живость, плавность въ конномъ строю, въ пѣшемъ же совершенное достиженіе щегольства даже хорошей пѣхоты—таковы, что не знаю, что и желать еще лучшаго. Одни офицеры требуютъ по манежной части бѣльшаго занятія. Смотръ сей убѣдилъ меня и, я полагаю, всѣхъ на ономъ бывшихъ, въ неимовѣрной пользѣ, въ ужасномъ перевѣсѣ, который арміи нашей данъ составомъ подобнаго оружія, корпусомъ, которому, во всей силѣ слова, нѣтъ непреодолимыхъ препятствій. Что всего лучше, есть то, что *все* члены убѣждены, что они все преодолѣть могутъ и должны; а, не смотря на трудность службы, ни одинъ солдатъ не перемѣнитъ своей службы на другую. И на весь корпусъ 16 т. человекъ, 130 больныхъ! Словомъ, я такъ доволенъ, такъ счастливъ, что мнѣ пребываніе въ Орлѣ изъ самыхъ пріятныхъ дней въ жизни. Вотъ тѣ, отецъ командиръ, мой рапортъ; теперь ѣду обратно въ Москву, ибо о дальнѣйшей повѣздкѣ, по предположенію, за ранней осенью думать нельзя, потому что неохотникъ я гулять на *волахъ*, какъ мнѣ предполагаютъ.

*

*) Нашъ посолъ въ Лондонѣ.

Москва.

16-го (28-го) Октября 1834 г.

Съ особымъ удовольствіемъ читалъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, которое получилъ, бывъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Столь удовлетворительное состояніе войскъ подъ твоей командой приписываю одному твоему бдительному и постоянному надзору. Прими за сіе, какъ и за всѣ ежечасныя твои важныя заслуги, мою душевную и искреннюю благодарность и признательность. Сердце радуется, читая подобный отчетъ. Только въ одной нашей арміи видны подобныя успѣхи и труды; послѣ толковыхъ потерь вездѣ видно стремленіе къ усовершенствованію, и нѣтъ сомнѣнія, что, ежели Богу угодно будетъ продлить миръ и спокойствіе года на два, наша армія явится на полѣ въ самомъ надежномъ и блестящемъ видѣ. Хорошо, что крѣпостныя работы съ успѣхомъ подвигаются; любопытенъ знать, что скажутъ про все это гг. Пруссаки? Отрицаніе Подляскаго епископа, подобно Гуровскаго, довольно замѣчательное явленіе, которымъ воспользоваться должно, но признать не можно заслуживающимъ довѣрія. Что оно подало новый случай дурному образу мыслей, вновь окажется весьма полезно. дабы убѣдить всякаго, сколь мало имѣть можно вѣры къ увѣреніямъ и даже наружному спокойствію края. Но ни тебѣ, ни мнѣ сего не нужно, чтобъ убѣжденнымъ *навсегда* оставаться, что не дожить ни намъ, ни дѣтямъ нашимъ до преобразованія сихъ коварныхъ и неблагодарныхъ душъ. Нашъ путь ясно намъ начертанъ, и съ помощію Божіею мы отъ него не отступимъ, но твердо ступать будемъ впередъ къ нашей цѣли; довершать тѣ, кои на наше мѣсто поступятъ, изъ самаго опыта научатся, что иного пути имъ нѣтъ.

Своей поѣздкой въ Ярославль, Кострому и Нижній я восхищенъ. Что за край! Что за добрый прелестный народъ! Меня замучили пріемами. Край процвѣтаетъ, вездѣ видны дѣятельность, улучшение, богатство, ни единой жалобы, вездѣ одна благодарность, такъ что мнѣ, вѣрному слугѣ Россіи, такая была отрада!

*

С.-Петербургъ.

26-го Октября (7-го Ноября) 1834 г.

Благодарю тебя, любезный отецъ-командиръ, за письмо твое отъ 13-го (25-го) Октября, которое получилъ въ Москвѣ предъ моимъ отъѣздомъ. Я воротился сюда съ сыномъ въ 40 часовъ третьяго дня вечеромъ и весьма доволенъ всей моею поѣздкой. Теперь собираюсь завтра съ сыномъ же въ Берлинъ, куда надѣюсь прибыть 1-го (13-го) числа; полагаю пробыть тамъ 8 или 10 дней, а на Познань быть къ

тебѣ около 10-го или 12-го числа, о чемъ изъ Берлина тебя предварю; прибыть почевать въ Ловичь и на другой день осмотрѣть съ тобой славную *Волю*, и отъ оной прямо въ цитадель, которую осмотрѣть, равно какъ и гарнизонъ, заѣхать къ тебѣ, поклониться княгинѣ и въ Бельведерѣ отобѣдать, а послѣ же обѣда ѣхать почевать въ Новогеоргиевскъ. Тамъ пробыть сутки и уѣхать на другой день въ Ковно. Предоставляя тебѣ всё по сему распоряженію, прошу конвой уменьшить до возможности. Желалъ бы, чтобъ ты ко мнѣ былъ въ Ловичь. По дорогѣ желаю вездѣ, гдѣ можно, видѣть караулы отъ войскъ, на мѣстахъ квартирующихъ, кромѣ между зорь. Въ Варшавѣ, ежели можно, то показать мнѣ войска на учебномъ плацѣ, приведя ихъ не далѣе двухъ или трехъ маршей расположенныхъ, тоже и въ Новогеоргиевскѣ. Запрещаю всякія встрѣчи, приемы, депутаціи и проч. Въ Варшавѣ *никого* не приму, кромѣ военныхъ и членовъ Совѣта; о прочемъ условимся при близкомъ свиданіи.

Сынъ со мной изъ Берлина не ѣдетъ, а воротится прямо домой.

С.-Петербургъ.

*

2-го (14-го) Декабря 1834 г.

Письмо твое отъ 26-го Ноября (8-го Декабря) получилъ я сегодня по утру, любезный Иванъ Ѳедоровичъ. Неудовольствіе Поляковъ на меня за короткое посѣщеніе Варшавы весьма забавно. Они вѣроятно желали, чтобъ я притворился вѣрющимъ вторично ихъ обманчивой радости; есть мѣра всему, и они меня отъ довѣрчивости совершенно излечили. Дорѳгой все, что видѣлъ изъ подчиненныхъ тебѣ войскъ, нашель я въ весьма добромъ порядкѣ; кажется, у Офенберга идетъ работа прилежно. Здѣсь нашель я все въ желанномъ устройствѣ, и успѣхи очевидны. Дорѳгой получилъ извѣщеніе о смерти шаха, а здѣсь, что междоусобіе началось. Походъ Вельяминова увѣнчался полнымъ успѣхомъ; въ 5 дней изъ Абина прошелъ въ Геленжикъ. И такъ, первое наше желаніе удалось совершенно, и теперь нѣтъ сомнѣнія, что постепенно принятый нами планъ долженъ привести насъ къ желаемой цѣли, что меня весьма радуеть. Въ Дагестанѣ также блистательнымъ дѣломъ смуты кончены, и Аварія покорена, что совершенно развязываетъ намъ руки, и есть надежда нынѣ открыть изъ Дагестана чрезъ горы прямого пути въ Грузію, что намъ столь желательно исполнить.

С.-Петербургъ.

*

18-го (30-го) Декабря 1834 г.

Письмо твое отъ 12-го (24-го) числа получилъ я, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, и крайне жалѣю, что глазная боль тебя не поки-

даетъ; сдѣлай одолженіе, дай себѣ сроку полечиться порядочно и хоть разъ совершенно отдѣлаться отъ сего недуга. Сообщенныя тебѣ показанія Левандовскаго любопытны и тѣмъ хороши для насъ, что доказываютъ, что нашъ Вернеръ не обманываетъ. Ежели вѣрить тому, что точно Уминскій былъ у насъ, то хорошо бы добраться, какъ онъ назадъ и впередъ могъ пройти и у кого скрывался, и за все сдѣлать примѣрныя взысканія, дабы положить хоть разъ этому конецъ. Ежели дѣйствительно сборъ всѣхъ предположенныхъ войскъ будетъ такъ дорого подь Калишемъ, то нужно будетъ ограничиться однимъ 3-мъ корпусомъ и тѣмъ, что отсюда доставлю моремъ. Мы не въ томъ положеніи финансовъ, чтобъ была возможность бросать деньги на вещи совершенно не необходимыя. Всѣ эти дни этимъ предметомъ былъ занятъ и въ большихъ попыткахъ. Надо будетъ впредь всю сумму, обращаемуую нынѣ на содержаніе крѣпостей, обратить на воспособленіе казначейства Имперіи для содержанія войскъ; сооруженіе же крѣпостей обратить на заемъ изъ кредитныхъ установленій, на счетъ Польши; такъ какъ крѣпости нынѣ возводятся влѣдствіе прошедшаго бунта, то и справедливо, впрочемъ, чтобъ Польша за сіе одна и платила: удѣленіе же сихъ суммъ изъ общаго бюджета на сей предметъ обращается въ несправедливую тягость Имперіи, которой столько же издерживать должно взаимныя суммы, ей слѣдуемыхъ отъ Польши, на содержаніе войскъ. На-дняхъ получишь о семъ оффиціально, но не мѣшаетъ заняться предварительно, какъ заемъ сей сдѣлать и какъ распорядитъ постепенную онаго уплату.

Новаго ничего нѣтъ. Изъ Англіи ничего не знаемъ кромѣ трехъ первыхъ назначенныхъ министровъ. Вчера получилъ отъ Симонича, что дѣла новаго шаха поправляются, но извергъ выколотъ вѣдѣль глаза двумъ своимъ братьямъ Джанчиру и нашему Хозреву, подь предлогомъ дурныхъ ихъ замысловъ!

*

С.-Петербургъ.

11-го (23-го) Генваря 1835 г.

Невольнo замѣшкался отвѣтомъ на письмо твое, любезный отецъ-командиръ; желая дать рѣшительный отзывъ на проектъ займа, ждалъ отвѣта отъ министра финансовъ и только сегодня, узнавъ мысли его, могу тебя *предварительно* увѣдомить, что я проектъ сей совершенно одобряю и надѣюсь на-дняхъ о томъ оффиціально увѣдомить. Поляки здѣсь на это поморщатся, да мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, и цѣль наша исполнится, т. е. долгъ Имперіи уплатится, и казна ея получитъ слѣдующую ей помощь, досель не получаемую. Силетни Поляковъ только что новое произведеніе ихъ злобной безмыслицы; такихъ будетъ и

еще много, и безъ всякаго сомнѣнія. На дняхъ получено извѣстіе отъ Любецкаго, что послѣ долгихъ преній Французы наконецъ признали дѣйствительность долга Царству, и сямъ главное препятствіе устранено. Брошюра Гуровскаго дѣлаетъ много шуму, но этой бестіи трудно вѣрить. Сборъ войскъ въ Калишѣ ограничимъ одними въ Польшѣ стоящими и тѣми, которыя отсюда привезу; не время къ лишнимъ расходамъ, крѣпко въ натяжку.

Вчера были вѣсти изъ Лондона, ходъ выборовъ не въ пользу министерства, и существованіе его становится еще болѣе сомнительнымъ. Тѣмъ болѣе благоразумно не впускаться намъ въ какіе-либо преждевременные расчеты, но напротивъ того, елико можно, быть нейтральными и доказать Европѣ, что Англія намъ весьма можетъ быть *полезна*, но не *обходима*.

*

С.-Петербургъ.

22-го Января (3-го Февраля) 1835 г.

Церковная процессія 6-го (18-го) Января въ виду Поляковъ мнѣ очень пріятна, ибо докажетъ имъ, какъ мы чтимъ нашу церковь и что всѣ исповѣдующіе подъ Россійскимъ скипетромъ равно терпимы. Жаль мнѣ только, что войска неудачно показались; надо стараться, чтобъ зима не даромъ пропала и основательно поработать; не могу довольно обратить на сіе вниманіе всѣхъ начальниковъ. Благодарю за попеченіе о приготовленіяхъ въ Калишѣ; хорошо бы только, чтобъ оно было подешевле; потому нельзя ли театра большого не дѣлать, устроивъ въ приличномъ мѣстѣ комнатный? Читалъ письмо Косецкаго и записку Панкратьева; и ежели первый *правду* пишетъ, то, признаюсь, на его бы мѣстѣ *тоже* бы сдѣлать, ибо, бывъ *обязанъ жизнью кому*, тяжело выдать довѣренное на храненіе. Но, зная душу твою, пришелъ бы къ тебѣ и откровенно признался въ затруднительномъ положеніи и просилъ бы себя изъ оного вывести; въ этомъ Косецкій *лжетъ* поступилъ. Признаюсь, все сообразивъ, не вижу достаточной причины за сямъ его оставлять; говорили мы о томъ съ Чернышевымъ и остались однихъ мыслей. Въместо того призови его къ себѣ и вымой ему голову, за что это не довѣрился твоему благородству, которое умѣло-бъ вывести его изъ затрудненія; а на прочее *плюнь*. Читалъ съ удовольствіемъ записку о духѣ войска; дай Богъ, чтобъ такъ хранилось всегда, подъ твоимъ строгимъ наблюденіемъ.

*

Получено 15-го (27-го) Февраля 1835 года г. Варшава.

С.-Петербургъ.

9-го (21-го) Февраля 1835 г.

Любезный отецъ-командиръ, ты меня совсѣмъ забылъ. Здоровъ ли ты? Начинаю опасаться, чтобъ глаза твои не были причиной долгаго

твоего молчанія, и рѣшилъ, не ожидая твоего письма, писать тебѣ, хотя ничего особаго не имѣю тебѣ повѣстить. Депредавичъ заблаго-разсудилъ прогнѣваться на Михаила Павловича за то, что за свои же проказы получилъ отъ него заслуженный выговоръ, онъ попросилъ увольненія отъ корпуса; въ томъ же положеніи и Слатвинскій; корпусъ отдаю Кнорингу; дивизию мнѣ некому дать, какъ старшему г.-л. Пенхержевскому, твоему коменданту; онъ всегда былъ хорошимъ, исправнымъ офицеромъ, одна помѣха сему, его достояніе, но и сіе не можетъ мѣшать, и полагаюсь на тебя, что ты его уговоришь не отказываться отъ дивизіи. На его мѣсто дамъ кого хочешь, и полагаю, не будетъ ли Корфъ, что въ Сѣдльцахъ, хорошъ для сей должности? Впрочемъ, все у насъ тихо и хорошо; на-дняхъ смотрѣлъ оба бат. назначаемые въ Калишъ; кажется, не ударимъ лицомъ въ грязь; точно будетъ чему полюбоваться, и кажется подобнаго бат. въ свѣтъ не найдешь, какъ гренадерскій. Въ политикѣ новаго ничего не знаемъ; говорятъ, будто Англинская королева въ 50 лѣтъ, отъ 70 лѣтняго мужа, обрюхатѣла. Эка диковина! Многихъ надежды симъ измѣнятся, а для края будетъ ли въ томъ полза, вопросъ, который я не рѣшу.

*

Получено 18-го Февраля (1-го Марта) 1835 года.

С.-Петербургъ.

13-го (25-го) Февраля 1835 г.

Графъ Чернышевъ отвѣчаетъ тебѣ подробно на всѣ предметы, на которые ты желалъ разрѣшенія, любезный отецъ-командиръ; обрати самъ вниманіе твое только на два предмета, изъ коихъ первый лежитъ близко къ моему сердцу; разумѣю *про непомирное число больныхъ* въ полку Веллингтона: болѣе 700 человекъ показывается по комендантскому рапорту, тогда какъ ни въ одномъ другомъ и половины сего нѣтъ! Вещь неслыханная и которая меня весьма огорчаетъ; чему это приписать? Невольно подозрѣвать слѣдуетъ или дурное обращеніе съ людьми, или дурное прокормленіе. Прошу тебя настоятельно самому войти во всѣ подробности сего прискорбнаго *обстоятельства* и доискаться настоящей причины, принявъ самыя надежныя и дѣйствительныя мѣры, чтобъ зло сіе остановить и предупредить появленіе онаго вновь. Не сомнѣваюсь, что ты дойдешь до истины и тогда требую непременно примѣрнаго возмѣщенія и наказанія виновныхъ. *Полагаю дѣло сіе тебѣ на сердце.* Въ расчетѣ рядовъ къ Калишу также видно, что опасешься большого числа больныхъ; надо впередъ сіе предупредить всеми мѣрами, ибо и 200 человекъ уже много, но болѣе сего можетъ быть развѣ случайно, и то не вездѣ и не на долго. Но привычка допускать подобныя огромныя расходы больными, командированными и тому

подобное, скоро доведетъ насъ до того, что подъ ружьемъ будетъ у насъ половина того, чтѣ должно; страшно и подумать! Не могу довольно подтверждать всѣмъ моимъ *правымъ* рукамъ, сколько мнѣ желательно видѣть этотъ важный предметъ въ лучшемъ видѣ.

С.-Петербургъ.

*

2-го (14-го) Марта 1835 г.

Ты легко себѣ вообразить можешь, любезный Иванъ Федоровичъ, до какой степени меня несчастная вѣсть о кончинѣ императора Франца грустью поразила! Первый день я точно опомниться не могъ; я въ немъ потерялъ точно родного, искренняго друга, къ которому душевно былъ привязанъ. Потеря его есть ударъ общій, жестокий, но покоряться должно волѣ Божіей, и будемъ надѣяться, что Богъ подкрѣпитъ толико новаго императора, дабы дать ему возможность исполнить долгъ, какъ отецъ ему то завѣщалъ; сердце у него доброе, но силы, къ несчастію, ничтожныя! Онъ перенесъ первыя минуты съ твердостью, и первый шагъ его хорошъ: будемъ надѣяться хорошаго и впредь. Нѣтъ сомнѣнія, что враги общаго спокойствія торжествовать будутъ и почтутъ сію минуту удобною для новыхъ замысловъ или даже и для дѣйствія; но въ одномъ они ошибутся: найдутъ насъ осторожными и, чтѣ важнѣе, *союзъ нашъ столь же тѣснымъ, какъ и при покойномъ императорѣ.* Подобныя узы передаются отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ; я его наследовалъ отъ Александра Павловича и передамъ сыну. Императоръ Фердинандъ получаетъ въ наследство отъ отца, моего друга и дружба моя ему принадлежитъ отнынѣ свято: въ этомъ залогъ счастья народовъ! Я увѣренъ, что король Прусскій тоже рѣшаетъ въ сію же минуту: новыя *лица* перемѣниться могутъ, но *священныя правила* -- никогда, они вѣчны, какъ святыня. Считаю весьма полезнымъ усугубить осторожности и бдительности за Поляками, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время, кажется, что-то у нихъ готовится.

С.-Петербургъ.

*

15-го (27-го) Марта 1835 г.

Третьяго дня вечеромъ получилъ я письмо твое, любезный отецъ-командиръ. Весьма радуюсь, что заемъ нашъ заключенъ, и еще столь удачно, и весьма тебя благодарю. Теперь можемъ мы спокойно доканчивать устройство крѣпостей, не отвращая отъ казначейства суммы, коими Польша можетъ оному помогать, чтѣ крайне намъ нужно. Надѣюсь, что и министръ финансовъ, который не охотникъ до одобреній чужихъ дѣлъ, сдастся и согласится, что дѣло сіе хорошо. Извѣстія мои изъ Вѣны гласятъ одинаково съ тобою полученными; кажется,

надѣяться можно, что явнаго различія съ прежнимъ порядкомъ дѣлъ не будетъ; но одна потеря лица покойнаго императора уже столь велика личнымъ вліяніемъ и уваженіемъ, которыя къ себѣ вселялъ, что сего одного уже достаточно, чтобъ перемѣнить все сношенія съ Германією, въ которой онъ былъ ключемъ. Меттернихъ теперь будетъ *все*; покуда польза Австріи будетъ съ нами оставаться въ союзѣ, дотоль намъ на него надѣяться можно, но характеръ его таковъ, что къ нему я никогда никакого совершенно довѣрія имѣть не могу. Новое Французское министерство добраго ничего не обѣщаетъ, вчера только курьеръ (пріѣхалъ) объ томъ къ Мезону, а не знаю и даже сомнѣваюсь, чтобъ онъ прінялъ: ему больно не хочется отсюда. Любопытенъ я видѣть у тебя Мусульманскій полкъ: должны быть молодцы; Польскимъ б.... будетъ пожива!

*
С.-Петербургъ.

9-ю (21-ю) Апрѣля 1835 г.

Благодарю тебя искренно, любезный Иванъ Федоровичъ, за письмо твое отъ 26-го (7-го) и за присылку прекрасныхъ двухъ видовъ Александровской цитадели; отличный видъ и прекрасно сдѣлано. Поваго отсюда не имѣю тебѣ ничего сказать, кромѣ, что у насъ съ Пасхи новая зима, а въ самый тотъ день была буря со вьюгой такая, какой у насъ никто здѣсь не запомнилъ. Славный климатъ! Изъ Лондона третьяго дня получилъ курьера съ письмомъ отъ Велингтона, который мнѣ пишетъ *самъ*, что правительство *мишное* и что все въ рукахъ массы, необузданной, но имѣющей всю силу въ своей власти, такъ *что я столько же могу предвидѣть будущиость несчастнаго края, какъ и само министерство*. Хорошо признаніе; но вотъ гдѣ, кажется мнѣ, и оправдывается мое предвидѣніе. Не стыдно ли-бъ намъ было, ежели-бъ всякая перемѣна въ Англій или Франціи должна была имѣть вліяніе на благосостояніе *насъ*, самостоятельныхъ государствъ? Не пора ли намъ доказать, что мы можемъ обойтись безъ Англій, когда она не умѣетъ быть счастливою въ самой себѣ и быть съ нами въ добрыхъ сношеніяхъ? Вотъ моя исповѣдь—отъ этого правила не отойду я никогда, ибо сіе было противно моему убѣжденію, скажу даже противно нашей чести? Противное было-бъ признаніемъ нашей слабости, и какъ бы сознаніемъ какой-то обидной зависимости отъ Англій. Кажется, что сему убѣждаются, а я не перестаю о томъ твердить.

Сбираюсь съ женой послѣ 21-го числа въ Москву, гдѣ намѣренъ пробыть недѣли три. Лѣтомъ будутъ къ намъ сестры жены, а потомъ отправлюсь къ тебѣ, мой отецъ-командиръ, и будемъ готовиться принимать дорогого гостя.

*

Получено 15-го (27-го) Мая 1835 г. г. Варшава

*Москва.**11-ю (23-ю) Мая 1835 г.*

Дѣло о бюджетѣ Царства кончилось совершенно согласно твоему мнѣнію; м. ф. будетъ на меня гнѣваться, но вольно ему не соглашаться на то, что справедливо. Рисунки фейерверка я одобрилъ, выкинувъ одну только декорацію, дабы не долго было. Подъ транспарантомъ я разумѣю зрительный щитъ; такъ ли? Бомбардированіе городка должно довершить праздникъ. Стихи очень хороши; музыку подь 2-ю пѣсню вчера мнѣ Вьельгорскій пропѣлъ, кажется хорошо и незнакомый напѣвъ. Партикулярно получилъ я списокъ назначенному къ намъ отряду; онъ состоятъ будетъ изъ 3¹/₂ бат., 8¹/₂ эскадроновъ и 6 орудій. Въ нашъ отрядъ прибавится сводный батальонъ гренадерскаго наследнаго принца полка, который доставлю съ прочими моремъ, за то возьму только ¹/₂ роты сапѣръ. Я счелъ неприличнымъ, ибо полкъ одного только наследнаго принца не участвовалъ на смотре. Новаго ничего не знаю, кромѣ извѣстія о разбитіи Зумклакарскихъ войскъ королевы Гишпанской, подь начальствомъ Гальдеса, который ушелъ съ остатками въ Пампелону; хорошо, и дай Богъ, чтобъ было предзнаменіемъ торжества праваго дѣла повсюду.

*

*Александрія, близъ Петерофа.**30-ю Юня 1835 г.*

Краковскія извѣстія весьма важны, но такъ какъ тогда, такъ и теперь повторяю, что никогда не соглашусь ихъ принять къ намъ: имъ натуральнѣе принадлежатъ Австріи, и менѣе будетъ отъ того шуму. Ежели-бъ дѣло сіе касалось однихъ насъ, то скоро-бъ его кончили; но, къ несчастію, Англія и Франція участники созданія сего, и потому безъ ихъ согласія сіе сбыться не можетъ. Одно общее и рѣшительное желаніе сей республики можетъ дать намъ право основываться на ономъ при преніяхъ съ сими державами; иначе я добраго успѣха не жду, напротивъ боюсь новаго повода къ распрямъ. Вели Гурковскаго къ себѣ представить и возьми на себя трудъ *его обнюхать*, что изъ него выйдетъ? Ежели онъ будетъ откровененъ и любопытенъ, то можно будетъ по возвращеніи моемъ доставить его ко мнѣ, а потомъ рѣшимъ, куда его дѣвать; дотоль оставь его у себя въ цитадели подь присмотромъ. Я знаю, что меня хотятъ зарѣзать, но вѣрю, что безъ воли Божіей ничего не будетъ, и совершенно спокоенъ. Мѣры предосторожности беру, и для того официально объявилъ, и поручаю и тебѣ разгласить, что ѣду изъ Данцига на Познань смотрѣть укрѣпленія; но *одному* тебѣ даю знать, что въѣду въ Царство чрезъ Торунь на Нешаву. Конвой вели приготовить на Познань, другихъ не надо. Войсками здѣсь весьма доволенъ. Вотъ и все.

Александрія, близъ Петергофа.

16-го (28-го) Июля 1835 г.

Показанія Магурскаго столь важны, что сейчасъ же велѣлъ ихъ сообщить Меттерниху и Прусскому правительству; при этой яености показаній странно-бъ было, ежели они ничего не найдутъ. Съ сей стороны сіи показанія гораздо любопытнѣе Гурковскаго. Что сей послѣдній говоритъ о духѣ въ Польшѣ, одно интересно, ибо служитъ доказательствомъ, что мы *впрямъ видимъ*. Сто лѣтъ пройдетъ ранѣе, чѣмъ духъ сей измѣнится, потому одна непоколебимая твердость, постоянство мѣръ и равнодушіе къ молвѣ могутъ насъ избавить новыхъ смутовъ. Я не измѣнюсь.

*

Петергофъ.

31-го Июля (12-го Августа) 1835 г.

Предполагаемъ съ помощію Божіею отправиться завтра въ путь; стало, вѣроятно, когда получишь письмо сіе, я буду уже въ дорогѣ и близъ тебя. Черезъ Торунь ѣду я одинъ съ Бенкендорфомъ, Раухомъ и Арендтомъ въ двухъ коляскахъ и съ фельдъегеремъ, прочіе *всѣ* ѣдутъ на Познань. Происшествіе въ Парижѣ ужасное, но послужитъ Филиппу въ усиленіе, ибо явственнo оказало необходимость строгихъ мѣръ. Важно будетъ знать, *какой парти* принадлежитъ позоръ сего гнуснаго предпріятія; срамъ, ежели лежигимистамъ. Что наши каналы-Поляки вздернули носъ, весьма ихъ достойно; но я полагаюсь на Бога и ѣду съ покойнымъ духомъ; прочее въ волѣ Его. Шельмамъ зададимъ феферу тѣмъ, что ты съ Фурманомъ приготовилъ. Что-то у насъ дѣлается въ Калишѣ? Не позволяй *мучить*, а вели учить умѣренно, но съ толкомъ.

*

С.-Петербургъ.

15-го (27-го) Декабря 1835 г.

Искренно благодарю тебя, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, за письмо и поздравленіе со днемъ моихъ именинъ; чувствамъ твоимъ мнѣ душевно пріятно вѣрить. Памяти Славичкаго отданъ приличнѣйшій долгъ, и имя его останется въ памяти потомства: въ запискѣ, приложенной къ письму твоему, подчеркнулъ я мысль, которую тебѣ предлагаю: не будетъ ли точно прилично воздвигнуть памятникъ Полякамъ, бывшимъ вѣрными и падшимъ таковыми? Можно-бъ было воздвигнуть памятникъ сей на Савсонской площади, а надпись на ономъ сдѣлать: „Полякамъ, падшимъ за вѣрность своему государю 17-го (29-го) Ноября 1830 г.“; на другой же сторонѣ помѣтить имена ихъ. Это докажетъ Полякамъ, что мы чтимъ память вѣрности, какого бы происхожденія ни была, и будетъ порицаніемъ измѣнѣ прочихъ.

31-го Декабря (12-го Января) 1835 г.

С.-Петербургъ.

Дурачества въ Краковѣ были мнѣ уже извѣстны; не нужно намъ ихъ было, чтобъ удостовѣриться въ злобѣ Поляковъ и въ степени ихъ наглости. Но, признаюсь, за это одно не считалъ бы еще полезнымъ занять городъ, въ особенности какъ происшествіе сіе лично было противъ меня, считалъ бы неблагоприятнымъ воспользоваться симъ предлогомъ. Мѣра сія должна послѣдовать за важнѣйшимъ происшествіемъ, котораго ждаты должно по нынѣшнему направленію умовъ, предварающему много неистовствъ. Въ этомъ дѣлѣ надо стараться намъ быть всегда послѣдними и заставлять Австрію и Пруссію за дѣло горячѣе приниматься. Симъ найдемъ однимъ только способъ дѣло привести къ желаемому концу. Проектъ монумента вели сдѣлать и пришли. За виды благодарю; мнѣ кажется, что первые два были вѣрнѣе сняты. Видѣлъ новаго посла Французскаго¹⁾, человекъ пріятный и, какъ кажется, скромный; посмотримъ, чтѣ будетъ далѣе; говорятъ, что жена у него премилая женщина. Бѣдный Дургамъ потерялъ дочь, которая недавно вышла замужъ, и въ отчаяніи.

*

С.-Петербургъ.

20-го Января (1-го Февраля) 1836 г.

Кажется, и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ испугались происходящаго въ Краковѣ, но рѣшатся ли на занятіе, въ томъ еще сомнѣваюсь. и буду ждаты чтѣ они предложатъ; надо признаться, что дерзость и злодѣйство превзошли всякую мѣру. Читалъ ли во Французскихъ журналахъ письмо благодарное Платера въ камеры Французскія за тѣ слова, которыя до Польши касаются въ отвѣтъ ихъ королю? Хорошо правительство, которое подобнымъ мошенникамъ дозволяетъ писаться избранными и говорить какъ бы отъ имени народа. Третьяго дня встрѣтился я съ посломъ, не выдавъ его съ тѣхъ поръ, какъ сюда дошли сіи новыя глупости: онъ дрожалъ какъ листъ, такъ что мнѣ стало смѣшно. Палень²⁾ велъ себя весьма хорошо при семъ случаѣ и говорилъ королю сильно. Изъ Англіи новаго ничего нѣтъ, кромѣ того, что вооруженія ихъ происходятъ отъ принужденной починки флота, столь запущеннаго въ послѣднее время, что годныхъ въ море оставалось только 8 кораблей, а съ чинящимися нынѣ и съ плавающими всѣхъ будетъ 27. Вотъ сила Англіи.

*

¹⁾ Баранта.

²⁾ Посоль нашъ ва Парижѣ графъ Петръ Петровичъ, одинъ изъ славныхъ генераловъ 1812 года.

С.-Петербургъ.

21-ю Января (2-ю Февраля) 1836 г.

Признаюсь, весьма обрадовался, узнавъ рѣшимость Австрійцевъ, которой не ожидалъ. Видно, что и имъ Краковскія глупости надобли. Ты весьма хорошо сдѣлалъ, что разрѣшилъ прямо ввести въ случаѣ нужды и нашъ баталіонъ. Но ожидать согласія Пруссіи уже не нужно, ежели одни Австрійцы рѣшились. Впрочемъ, я почти увѣренъ, что теперь и Пруссаки не отстанутъ. Вели только выбрать хорошаго и образованнаго командира въ сей батал. съ строгимъ приказаніемъ быть въ *наружной* совершенной командѣ Австрійскаго генерала, котораго считать какъ бы нашего бригаднаго генерала. Придать можно къ батал. человекъ 20 казаковъ, а къ Австрійскому генералу, въ видѣ ординарца, надежнаго квартирмейстерскаго оберъ-офицера. Курьеръ Татищева¹⁾ еще не прибылъ, такъ что мнѣ неизвѣстно, чѣмъ онъ столь удачно расшевелилъ Меттерниха.

*

С.-Петербургъ.

10-ю (22-ю) Февраля 1836 г.

Хорошо, что Краковское дѣло приведено къ *первому* концу; но жалъ, что и въ семъ случаѣ Прусское правительство оказало ту же систему малодушія, которая всегда прорывается и которая приведетъ ихъ къ чему худому. Палениъ пишетъ про разговоръ съ королемъ Французскимъ, въ которомъ онъ, говоря про сумасбродныя ругательства и угрозы Англіи, поручилъ мнѣ сказать, что хотя не вѣрится, чтобъ они могли дѣйствительно на что подобное рѣшиться, но во всякомъ случаѣ онъ никогда къ Англіи противъ насъ не пристанетъ. Тѣмъ лучше для него, но и намъ хорошо это знать. Замѣчательно, что въ Англіи *тошю* боялись, чтобъ я не сдѣлалъ неожиданно десантъ на ихъ берегъ, и начинаютъ о семъ явно говорить, признаваясь, что за годъ сіе возможно было исполнить безъ всякаго препятствія. Стало, вотъ до чего довело ихъ сумасбродное то правленіе! Вотъ опять новое министерство во Франціи! Чтѣ за народъ, чтѣ за порядокъ вещей, и есть ли тутъ возможность что нибудь путнаго ожидать? Какъ имъ все это не надобеть? Я рѣшился про это вовсе не говорить съ Поццомъ²⁾, чтѣ его крайне озадачиваетъ. Онъ, какъ кажется, человекъ порядочный, а жена его довольно любезная женщина.

Беременность³⁾ жены моей кончилась весьма благополучно *ничимъ*: она поправляется, но должна быть весьма осторожной.

*

¹⁾ Графа Дмитрія Павловича, нашего посла въ Вѣнѣ.

²⁾ Нашъ посолъ въ Лондонѣ, графъ Поццо-ди-Борго.

³⁾ Это была послѣдняя.

Получено 20-го Февраля (3-го Марта) 1836 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ

15-го (27-го Февраля) 1836 г.

Слава Богу, что дѣло Краковское пошло въ ходъ, какъ мы того желали: я совершенно одобряю всѣ твои распоряженія по сему случаю. Желаніе наше видѣть Австрійцевъ впереди удачно исполнилось; пріятно, какъ они лакомы на Краковъ, чего намъ и надо. Нѣтъ сомнѣнія, что во Франціи и въ Англии будутъ на это кричать. Дургамъ¹⁾ сего не скрываетъ, признавая однако, что другого ничего не оставалось намъ дѣлать, и что мы въ своемъ правѣ.

Раздѣляю мнѣніе твое, что хорошо бы Австрійцамъ не торопиться вводить гарнизонъ, но не увѣренъ, чтобъ стало ихъ духу, и по крайней мѣрѣ нужно-бъ прискаты хорошей предлогъ. Новаго ничего не знаю: посмотримъ, чѣмъ кончится у Французовъ ссора съ Америкой; ежели будетъ война, чего признаюсь я понять не могу, то на долго отвлечетъ вниманіе Англии. Кажется мнѣ, что среди всѣхъ обстоятельствъ, колеблющихъ положеніе Европы, нельзя безъ благодарности Богу и народной гордости взирать на положеніе нашей Матушки-Россіи, стоящей какъ столбъ и презирающей лай зависти и злости, платящей добромъ за зло и идущей смѣло, тихо, по христіанскимъ правиламъ, къ постепеннымъ усовершенствованіямъ, которыя должны изъ нея на долгое время сдѣлать сильнѣйшую и счастливѣйшую страну въ мірѣ. Да благословитъ насъ Богъ и устранилъ отъ насъ всякую гордость или кичливость, но укрѣпитъ насъ въ чувствахъ искренней довѣренности и надежды на милосердый Промыселъ Божій²⁾! А ты, мой отецъ-командиръ, продолжай мнѣ всегда быть тѣмъ же вѣрнымъ другомъ и помощникомъ къ достиженію нашихъ благихъ намѣреній.

*

Получено 9-го (21-го) Марта 1836 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.

2-го (14-го) Марта 1836 г.

Продолженіе добрыхъ извѣстій изъ Кракова весьма пріятно. Появленіе наконецъ тамъ и Пруссакаго войска сдѣлаетъ на Европу самое полезное вліяніе; увидятъ, что союзъ нашъ не разрушенъ, и что наконецъ нѣкоторая рѣшимость появилась вновь въ нашихъ союзникахъ и даже у Пруссаковъ. Самое число изгнанныхъ доказываетъ, справедлива ли принятая нами мѣра. Ежели дѣйствительно окажется, что Велочковскій потакалъ и даже самъ участвовалъ въ открытыхъ замы-

¹⁾ Англійскій посолъ у насъ.

²⁾ Къ несчастію, такое настроеніе скоро переизмѣнилось, и къ концу 1839 года вѣщій поэтъ уже говорилъ: „безплоденъ всякій духъ гордыни“.

слахъ, слѣдуетъ его судить со всею строгостію и сдѣлать надъ нимъ примѣръ. Все, чтò В. пишетъ изъ Гамбурга важно и любопытно; весьма хорошо будетъ, ежели удастся перехватить сихъ мерзавцевъ; но я все сомнѣваюсь, чтобъ тамошнее правительство могло сіе исправно выполнить.

За нѣсколько дней до твоего письма былъ я испуганъ извѣстіемъ объ отчаянной болѣзни Дена *); слава Богу, что онъ спасенъ; такая потеря была-бъ совершенно невозвратима, и все бы дѣло у насъ стало.

Получилъ я предположеніе къ сбору войскъ подъ Вильну; ежели необходимо тамъ, быть такъ; но мнѣ бы весьма желательно было собрать корпусъ подъ Ковной, гдѣ и мѣсто, какъ слышу, удобнѣе, а мнѣ будетъ возможно избавиться отъ Вильны и притворствъ тамъ.

*

Петергофъ.

19-ю Юня (1-ю Юля) 1836 г.

Третьяго дня возилъ я Дургамъ въ Кронштадтъ съ 10 утра до 6 вечера, все ему показавъ: и флотъ, и крѣпость, и работы; онъ былъ въ восхищеніи, а я заставилъ его положить кирпичъ въ стѣну! Вотъ диковина: Дургамъ строилъ батарею противъ самого своего правительства. Дѣло о трактатѣ съ Пруссакими у меня теперь на рукахъ; не знаю еще, чѣмъ рѣшится.

*

Петергофъ.

1-ю (16-ю) Юля 1836 г.

Вчера былъ у насъ смотръ флота и честь ботику Петра I-го; на рейдѣ было 26 лин. кораб., 14 фрегатовъ, а всѣхъ 80 воен. судовъ; видъ величественный, и все было въ примѣрномъ порядкѣ. Возилъ съ собою иностранныхъ пословъ и, кажется, имъ понравилось. Сегодня отправляю сына Константина съ флотомъ въ море на 15 дней; и хотя ему только еще 9 лѣтъ, но оно нужно для подобнаго ремесла начинать съ самыхъ юныхъ лѣтъ; хотя и тяжело намъ, но должно другимъ дать примѣръ. Сегодня также училъ кадетъ, которые съ году на годъ лучше, а вечеромъ буду смотрѣть маневръ артиллеріи въ Красномъ Селѣ.

*

С.-Петербургъ.

1-ю (16) Января 1839 г.

Благодарю тебя искренно, мой любезный отецъ-командиръ, за письмо твое отъ 29-го Декабря и за добрыя желанія на наступившій годъ. Вѣрю твоей дружбѣ и прошу себѣ ея продолженія. Прошлымъ

*) Инженера, строившаго одну изъ крѣпостей въ Царствѣ Польскомъ.

годомъ намъ пожаловаться нельзя; будемъ молить Бога намъ даровать подобный же. Наше положеніе не дурно; финансы никогда не были въ лучшемъ положеніи; армія твоими трудами въ хорошемъ состояніи; запасы полны; духъ вообще хорошъ; торговля процвѣтаетъ. Есть за что благодарить Бога и молить только о продолженіи сего благополучія. Свѣдѣнія Вернера очень важны, лишь бы только Австрійцы дѣло не испортили. Подобныя же свѣдѣнія дошли до меня и съ другой стороны. На-дняхъ Англинскій посоль вручилъ намъ ноту, съ изъясненіемъ своего правительства, что они скоро принуждены будутъ требовать въ парламентъ способовъ усиленія своего флота; что они къ сему вынуждены постояннымъ сильнымъ флотомъ, который мы вооруженнымъ содержимъ какъ въ Балтикѣ, такъ и въ Черномъ морѣ; что всѣ правительства послѣ войны уменьшили свои арміи и флоты, кромѣ насъ; что они не оспариваютъ у насъ права дѣлать, чтѣ мы хотимъ; что они, т. е. само правительство, никакъ не опасаются и не вѣрятъ, чтобъ мы что-либо затѣвали, но что общее мнѣніе публики такъ сильно противъ насъ, относя нашу постоянную военную ногу будто противъ нихъ замышленною: что правительству необходимо и съ своей стороны успокоить умы соответствующимъ вооруженіемъ; и что потому *просятъ насъ*, не можемъ ли мы увѣдомить ихъ *дружески*, сколько намѣрены мы держать вооруженныхъ кораблей, и не можемъ ли уменьшить сообразно съ другими наше вооруженіе? Каково и до чего мы дожили! Отвѣтъ будетъ не мудренъ. Между тѣмъ ихъ мерзости въ Пруссіи продолжаются, и это одна статья, развязка которой мнѣ еще не ясна. Про Бельгію не знаю ничего новаго. Здѣсь все тихо и веселятся.

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Обнимаю тебя душевно; на вѣки твой искренно доброж.

С.-Петербургъ.

*

28-го Января (9-го Февраля) 1839 г.

Благодарю тебя, любезный мой отецъ-командиръ, за письмо твое отъ 20-го (1-го), которое я три дня, какъ получилъ. Дѣло о желѣзной дорогѣ считаю весьма полезнымъ. *если* Австрійское правительство не запретъ намъ свои границы на подобіе Пруссіи, чѣмъ всѣ наши расчеты бы рушились. Какъ сіе предупредить, не придумаю. Чтѣ по сему полагаешь, напиши мнѣ. Побѣгъ Скрыжнецкаго, по вызову Леопольда *), есть важное событіе и по моему выгодное, по двумъ причинамъ: 1-я оттого, что служить новымъ примѣромъ, чтѣ оказывается честнымъ

*) Леопольдъ Кобургскій, братъ нашей великой княгини Анны Теодоровны, долгое время состоявшій въ Русской службѣ.

словомъ у Поляковъ; и невѣрующимъ *можетъ быть* откроетъ глаза. 2-я тѣмъ особенно важно, что въ ту минуту, когда окончательно хотятъ признать Бельгію и м. . . . а Леопольда, онъ самъ даетъ намъ образецъ, чего отъ него ждать можно, и что это за правительство готовятся признать! Наконецъ, дай Богъ побольше такихъ намъ противниковъ-генераловъ; легче будетъ намъ сладить съ ними. Что будетъ, мудрено отгадать. Признаніе въ Лондонѣ *всѣми* подписано; но достаточно ли того, чтобъ Леопольда или Бельгію заставить выполнить отъ нея требуемое, крайне сомнительно. Кто же и какъ принудитъ ихъ къ сему? Уже вѣрно не Англія, ибо у нея нѣтъ арміи; не Франція, ибо у нея собрана армія *для*, а не *противъ* Бельгій; не Пруссія, ибо намъ извѣстно, что ихъ *несетъ* отъ одной мысли войны; не Австрія, ибо ей и далеко, да и не до того; а намъ еще меньше, хотя бъ не за чѣмъ бы дѣло стало; не Голландія, ибо сего не допустить. Повторяю, кто же? И потому не считаю ничуть, чтобъ симъ признаніемъ дѣло было кончено; оно только укрощено; дальнѣйшее увидимъ. Говорятъ, будто есть слухи, что Леопольдъ, en désespoir de cause *), замышляетъ кинуться въ Прусскія Рейнскія провинціи, съ которыми будто есть у него революціонныя связи. Хотя это что-то мудрено, но нынѣ одно мудренное или неожиданное сбывается, потому, можетъ быть, и это придется намъ видѣть. Сомнѣваюсь ему въ неудачѣ; ибо Пруссаки изъ сбереженія своихъ талеровъ войска не собрали, а стоятъ на мирномъ положеніи по квартирамъ; разсѣять ихъ врасплохъ, въ особенности при дурномъ расположеніи лѣсовъ въ краѣ, не мудрено, и меня ничуть не удивитъ. Сбудется—пойдутъ охи, да ахи, и ну къ намъ на помощь. Мы будемъ готовы, но или дома останемся ждать погоды, или явимся съ 300 т. войска Русскаго, вѣрнаго, христіанскаго, храбраго и побѣдоносцаго, съ нашимъ Варшавскимъ богатыремъ въ головѣ, и тогда—съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покарайтесь, яко съ нами Богъ; а вы, дураки Пѣмцы, зажди ротъ и пляши подъ нашу дудку. Такъ ли, мой отецъ командирь? Теперь рано однако что-либо готовить. У меня однако 1000 артил. лошадей готовы на корму въ Екатеринбургскомъ поселеніи. Нужно будетъ какъ разъ тутъ для 3-го корпуса; останется закупить для 1-го, 2-го и 4-го по твоему распоряженію, для гренадеръ и для гвардіи; на это мѣсяць, и все готово. Такъ будемъ мы черезъ три мѣсяца съ 6 пѣхот. и 3 кавал. корпусами на Одерѣ. И это хорошо. Англійская миссія выѣхала изъ Тегерана, а Макъ-Гиль будетъ здѣсь на дняхъ; Симоничъ тамъ много напуталъ, но, надѣюсь, дѣло обойдется. Жаль Молé, былъ честный

*) Съ отчаянія.

человѣкъ; но все равно, рано или поздно противная партія должна была торжествовать, и потому, чѣмъ ранѣе къ развязкѣ, тѣмъ лучше, пока мы еще въ силахъ. Здѣсь все тихо и хорошо, веселятся много, но прилично. Морозы начались и сегодня было 21½ градусъ, но погода славная.

II.

*

Александрія близъ Петергофа.

7-го (19-го) Февраля 1839 г.

Хотя графъ Чернышевъ тебѣ подробно пишетъ, я считаю не лишнимъ тебѣ написать еще нѣсколько словъ, мой отецъ-командиръ, чтобъ тебѣ изъяснить, какимъ образомъ язираю на нынѣшнія, по моему, весьма важныя обстоятельства. Вызовъ Скржынецкаго, приемъ его въ службу вопреки Австріи и Пруссіи, по моему, не есть простое дѣйствіе Бельгін, но явный признакъ, что подъ симъ именемъ нынѣ таится или является *общая* пропаганда съ характеромъ революціонно-католико-фанатическимъ. Самый выборъ Скржынецкаго *не что иное*. Отважность же отказать Австріи и Пруссіи и то тогда, когда по *видимому* никогда союзъ пяти державъ не былъ единодушнѣе въ цѣли своей, есть *дерзость*, не въ характерѣ проныры и к. . . . и Леопольда, у котораго все расчетъ. Я полагаю, что этотъ ш. . . . а, чувствуя, что ему не удержаться, рѣшился испытать послѣдній ему предлагавшійся способъ, т. е. стать головою, вмѣсто Луи-Филиппа, всѣхъ революціонистовъ, и этимъ оружіемъ намъ противуборствовать. Не знаю, какъ и въ какой мѣрѣ Англія и Франція захотятъ и возмогутъ принудить Бельгію покориться изреченному конференціей; но ежели сіе сбудется, то, полагаю, не на долго, и все предвижу неизбѣжную войну. Эта война будетъ не обыкновенная, но ужасная свалка двухъ началъ: зла противъ добра. Сомнѣваюсь, чтобъ, при слабомъ устройствѣ Германіи, успѣхъ былъ на сторонѣ добра и, признаюсь, опасаясь большихъ несчастій и распространения зла быстро и далеко. Нѣтъ сомнѣній, что тогда закричатъ намъ, требуя помощи. Въ ней отказу не будетъ, ибо, защищая *добрую* сторону, мы себя будемъ защищать. Но не иначе пойду на помощь, какъ съ тѣмъ, чтобъ другихъ заставить дѣлать по нашему; и потому не 50 т. поведу, но по крайней мѣрѣ 300 т.; иначе не пойду ни на шагъ, а буду ждать, чтобъ о насъ сломились. Обдумать и приготовить *все* для этого есть предметъ нынѣшнихъ моихъ пощеченій.

Я намѣренъ двинуть за границу 1-й, 2-й, 3-й, 4-й гренадерскій и гвардейскій пѣшіе корпуса и гвардейскій 2-й и 3-й резерв. кав. корпуса. Гдѣ, сколько и какихъ лошадей, во сколько времени закупить

можно, и сколько мѣстными способами можно заготовить продовольствія для пути сихъ войскъ, ихъ сосредоточенія и составленія по крайней мѣрѣ двухъ-мѣсячнаго на Польской границѣ запаса: вотъ вопросы къ твоему разсмотрѣнію и возможному рѣшенію.

Движеніе войскъ желательно произвести до Шлезіи нашимъ краемъ, чтобъ было дешевле и независимѣе: нужно сдѣлать потому предположеніе для трехъ маршрутовъ по корпусамъ; первому, направляя на Плоцкъ, 2-му на Варшаву или Ново-Георгіевскъ; 3-му на Люблинъ, 4-й выдвинуть, какъ авангардъ, къ Калишу. Гренадерамъ на Вильну, Гродно и Варшаву. Резервная кавалерія чрезъ Люблинъ и Брестъ. Гвардія за гренадерами или параллельно имъ чрезъ Ригу на Августовъ. Вмѣстѣ съ этимъ 6-й корпусъ пойдетъ въ Польшу; 5 останется въ своихъ квартирахъ, а 1-й резервный кав. станетъ въ поселеніяхъ Кіевской и Подольской губерніи; резервы кавалерійскіе въ Новороссійскихъ поселеніяхъ. Всѣ 5 резерв. бат. кромѣ 6-го корпуса двинутся впередъ. 1-го корпуса въ Ригу и Дюнабургъ, 2-го въ Вильну и Гродно, 3-го въ Брестъ, 4-го въ Кіевъ; гренадеры въ Псковъ. Всѣ безсрочные или 6-го бат. сберутся и станутъ на нынѣшнихъ квартирахъ 5 бат. Нужно подумать о паркахъ и усилить способами Польскихъ заводовъ мѣстные склады снарядовъ. Для безопасности края, всѣхъ извѣстныхъ говорунъ и въ особенности бывшихъ участниковъ революціи нужно будетъ заблаговременно вызвать и выслать во внутрь Россіи подъ строгій присмотръ, и ничѣмъ не пренебречь: это можетъ упрочить спокойствіе края. Теперь скажу тебѣ, что по ходу дѣла я полагаю, что гроза надъ Германією не разразится ранѣе, какъ мѣсяца чрезъ два, такъ что мы призваны быть можетъ не ранѣе, полагаю, какъ въ началѣ Іюня, и потому послѣтъ можемъ рано что къ началу Августа на Эльбу, можетъ быть уже на Одеръ!

Дай Богъ, чтобъ я ошибался, но полагаю лучше предвидѣть худшее, чѣмъ льстить себя обманчивыми надеждами.

И.

*

С.-Петербургъ.

5-го (17-го) Марта 1839 г.

Чернышевъ дѣлалъ разныя соображенія и подробную смѣту всѣхъ расходовъ по приведенію арміи въ военное положеніе. Все это вчера только кончено и тебѣ сообщится. И такъ у насъ будетъ все готово; но, приступя къ оному, другое я отложилъ, ибо обстоятельства приняли другой оборотъ и, ежели я не ошибаюсь, близкой войны намъ не угрожаетъ. Ежели же было-бъ какое опасеніе, то наша роль начнется не ранѣе 4 или 5-ти мѣсяцевъ позже; ибо повторяю, что я не

блочками введу наши войска, но гряну сразу со всею силою; иное намъ неприлично. Вчерашнія извѣстія изъ Парижа и Брюсселя, ничего еще рѣшительно не объясняя, дозволяютъ однако предполагать тихой развязки; вопросъ только, на долго ли? Чтò за мерзости въ Гишпаніи! Чортъ ихъ не разберетъ. Сына моего приняли въ Вѣнѣ весьма ласково во всѣхъ сословіяхъ, и онъ не нахвалится всѣми.

*

Царское Село.

20-го Мая (1-го Юни) 1839 года.

Любезный мой отецъ-командиръ, письмо твое отъ 16-го (28-го) получилъ я вчера поутру. Миѣ столько же больно было, какъ и тебѣ несчастное открытіе въ Вильнѣ. Что Французъ попался, было-бъ не мудрено, но что пристали къ нему *Русскіе!!!* и чтобъ безпечность всѣхъ властей, какъ корпусныхъ, такъ и городскихъ, достигъ могла подобной степени, это неслыханно, непростительно и требуетъ примѣрное взысканіе. Ты, по данному повелѣнію, чрезъ фельдъегеря и повторенное телеграфомъ, увидѣлъ, сколь важнымъ считаю сіе происшествіе. Посылка Горчакова необходима, дабы до корня вырвать зло, узнать, *какъ* до подобнаго порядока въ войскахъ, въ самой корпусной квартирѣ, до того уроненъ, словомъ, *все* узнать и главное *все* свинтить. Дурень Гейсмаръ? Вонъ его, вонъ *всѣхъ*, кто безпорядокъ допускали или даже не знали, ибо это столь же доказываетъ ихъ неблагодарность; словомъ, нуженъ наностройшій примѣръ. Уже комендантъ и плацъ-маіоръ отставлены и не уйдутъ даже отъ суда, по всѣмъ вѣроятіямъ. Гадко, срамно! Начавшійся заговоръ въ Ломзѣ хорошо что открытъ; надо и тутъ не шутить.

Здѣсь все хорошо; войсками я отмѣнно доволенъ, какъ на смотру, такъ и на ученіи. Погода стояла чудесная, и всякій день грозы, послѣ послѣдней второй день свѣжо, но ясно. Лагерь начнется 12-го (24-го) Юня маневрами, какъ и всегда. Новаго ничего не знаю; жду извѣстій отъ сына; у него все шло очень хорошо въ Лондонѣ; надѣюсь, что такъ и кончилось, и, кажется, его тамъ полюбили. Вчера вечеромъ прибылъ Максъ*), и дочь счастлива. Вѣроятно ты уже въ дорогѣ; дай Боже, чтобъ воды тебѣ были въ пользу; не торопись, шей и купайся какъ слѣдуетъ, а въ модный магазинъ не слишкомъ заглядывай.

*

Александрія, близъ Петербюфа.

15-го (27-го) Юни 1839 г.

Благодарю тебя искренно, мой любезный отецъ-командиръ, за твои два письма отъ 21-го Мая и 6-го Юни. Я ждалъ пріѣзда к. Гор-

*) Герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій, женихъ великой княжны Маріи Николаевны.

чакова, дабы отвѣчать тебѣ на первое. Онъ во-время сюда прибылъ, т. е. въ самое утро перваго маневра. Извѣстія, имъ привезенныя, и слѣдствіе новаго ничего не оказали, кромѣ только убѣжденія въ немовѣрномъ безпорядкѣ службы въ этихъ полкахъ и въ городономъ начальствѣ. Мѣры противъ сихъ безпорядковъ надо принять самыя строгія и ни одного виновнаго не оставить въ этомъ корпусѣ, но разбить ихъ врознь къ строгимъ начальникамъ. Здѣсь все у насъ очень хорошо. Маневры предъ вступленіемъ въ лагерь прошли удачно; войсками былъ я отмѣнно доволенъ; но многое должно было замѣтить начальникамъ, у которыхъ прорываются прегрубныя ошибки, и я полагаю, что одна практика отъ сего отучить можетъ и подать привычку настоящимъ правилъ. Усердія тѣма, и всякій изъ кожи лѣзеть; чего мнѣ лучшаго желать? Твои замѣчанія на счетъ духа въ Германіи почти тѣже, что я имѣлъ случай сдѣлать въ прошлое лѣто. Таже апатія, таже трусость и притомъ общее безпокойство о будущемъ. Полагаю, что кромѣ громоваго удара ничто не разбудить; но ударъ сей будетъ жестокъ и поразить и разрушить это старое гнилое зданіе. Турецкія дѣла въ томъ же положеніи; съ Австріей и даже съ Франціей мы почти за одно; что будетъ въ Англіи—жду. Изъ Персіи новаго ничего нѣтъ, и про успѣхи Англичанъ ничего неизвѣстно. Жду на-дняхъ сына, котораго пребываніе въ Англіи имѣло самыя счастливыя послѣдствія. Въ Дармштадтѣ, кажется, нашель онъ залогъ будущаго своего счастья и получилъ семейно-отцовское тамъ согласіе; Богъ все устроилъ и, надѣюсь, устроить все къ лучшему: на Него моя надежда.

Въ Симбирскѣ у насъ большіе безпорядки, поджоги и убійства, и я долженъ былъ послать ф.-а. к. Васильчикова, а теперь г.-л. Перфильева, корп. жандармовъ, съ полномочіемъ, чтобы зародышь ужаснаго зла потушить въ началѣ. Притомъ надежды тамъ на урожай самыя плохія, все это меня сокрушаетъ. Готовимся къ свадьбѣ дочери. Моимъ женихомъ я отмѣнно доволенъ и, кажется, могу надѣяться счастья дочери.

Петергофъ.

*

11-го (23-го) Іюля 1839 г.

На-дняхъ получилъ я письмо твое, мой любезный отецъ-командиръ, по возвращеніи въ Варшаву; но жаль мнѣ очень, что ты не довершилъ своего леченія, и что кашель твой не проходитъ; надо тебѣ не пренебрегать своимъ здоровьемъ и беречь себя: помни, какъ ты дѣрогъ веѣмъ тебя любящимъ и, можно сказать, всей Россіи; молю тебя, помни это и не шути своимъ здоровьемъ. Понимаю очень, сколь

сильно должно было тебя огорчить извѣстіе объ открытыхъ между офицеровъ перваго корпуса связяхъ съ преступными Поляками, но что тутъ дѣлать! Раздѣляю твое мнѣніе, что надо до корня вырвать зародышъ зла, и въ этомъ смыслѣ приказывалъ я при прощаніи к. Горчакову; другого способа и быть не можетъ, какъ наказавъ виновнѣйшихъ, прочихъ разослать врознь въ дальніе гарнизоны; ты это въ приговорѣ вспомнишь.

По телеграфу я тебя увѣдомилъ о благополучно совершившемся бракосочетаніи дочери; надѣюсь на милость Божию, что это намъ въ утѣшеніе на старые годы. Третьяго дня прибылъ эрцгерцогъ; вчера вечеромъ мы сюда переселились, а завтра послѣдній праздникъ. Послѣ того примусь за флотъ и за войска, которыми куда мало могъ заняться по причинѣ праздниковъ.

*

Царское Село.

30-го (Сентября (12 Октября) 1839 г.

Съ самой нашей разлуки съ тобой я кромѣ непріятнаго ничего не имѣлъ. Здоровье жены моей, которую предъ отъѣздомъ оставилъ поправляющеюся, видимо, къ несчастію, вновь столь разстроилось, что я долженъ былъ, внезапно оставя Москву, спѣшить къ ней сюда, въ жестокомъ безпокойствѣ найти ее опасно больною. Но милосердіемъ Божиимъ опасенія мои были напрасны, и я нашелъ ее, хотя еще въ постели, почти безъ лихорадки, но сильно страдающею еще отъ нервически-простудной головной боли. Теперь ей лучше, и она третій день, какъ перешла въ кабинетъ, но крайне слаба, и вся польза леченія нынѣшняго лѣта исчезла. Вслѣдъ за тѣмъ заболѣла дочь моя Ольга сильной простудой и сегодня только, послѣ 14-дневной сильной лихорадки при жестокомъ кашлѣ, ей кажется получше. Въ это же время лишились мы нашей почтенной генеральши Адлербергъ, бывшей моей первой наставницы, и которую я привыкъ любить, какъ родную мать, что меня крайне огорчило. Наконецъ сынъ заболѣлъ дордгой и, судя по первымъ признакамъ болѣзни, надо было опасаться повторенія прошлагодней. Я долженъ былъ согласиться дозволить ему сюда воротиться и отказаться на сей разъ ѣхать въ Варшаву. Изъ всего этого заключить ты можешь, въ какомъ я расположеніи духа, но что дѣлать, это воля Божія; надо терпѣть и покоряться, но очень, очень тяжело.

*

17-го (29-го) Октября 1839 г.

Царское Село.

Все это время было для меня крайне тяжелое, и одна покорность волѣ Божіей проводить чрезъ подобныя испытанія. Поѣздка Брунова

въ Лондонъ не имѣла успѣха, ожиданнаго для дѣлъ Турецкихъ, но совершенно достигла своей цѣли, открывъ глаза Англіи на нашъ счетъ и возбудивъ неудовольствіе между ея и Франціею. Въ Парижѣ на насъ очень сердятся, но тщетно. Истощивъ такимъ образомъ все способы помочь дѣлу и не успѣвъ ни въ чемъ томъ, что здравый разсудокъ велѣлъ бы, я рѣшился оставить ихъ однихъ дѣлать, что хотять, и увѣренъ, что кончится тѣмъ, что изъ зависти однихъ къ другимъ они ничего не сдѣлаютъ, и что придется намъ однимъ все поставить на ладъ, но тогда уже *по нашему*. Примѣръ надъ Дунинымъ весьма полезный; посмотримъ, что папа затѣитъ; нашимъ же ни къ чему придратъся нельзя. Въ послѣднемъ письмѣ я кажется, забылъ тебѣ написать, что по условію нашему я съ Уваровымъ объяснялся на счетъ намѣренія моего преобразовать всю учебную часть въ Польшѣ; онъ вникъ въ мои мысли и отправится къ тебѣ, чтобъ тебя слышать и, подъ твоимъ руководствомъ, ознакомься съ настоящимъ положеніемъ, заняться составленіемъ проекта новаго устройства сей части. Не сомнѣваюсь, что дѣло сіе, которое я считаю наивеллчайшей важности, пойдетъ весьма хорошо. При семъ случаѣ, по желанію жены, рекомендую твоему покровительству новую начальницу женскаго института, которую отменно хвалятъ. Зима у насъ становится довольно рано; снѣгъ и до 5 градусовъ мороза. На-дняхъ дѣлаю смотръ войскамъ, вѣроятно въ походной формѣ. Полагаю, что здѣсь проживемъ еще недѣли три, ибо ранѣе того нельзя будетъ перевезти дочь.

*

С.-Петербургъ.

12-ю Ноября 1839 г.

Проектъ будущаго устройства учебной части въ Польшѣ и соединенія съ министерствомъ въ Имперіи я нахожу весьма хорошо обдуманнмъ и надѣюсь, что эта мѣра принесетъ несомнѣнный плодъ. Но не сомнѣваюсь, что злоба Поляковъ при этомъ вновь окажется, да ни что! Весьма замѣчательно, что папа покуда молчитъ по унитскому дѣлу; и еще страннѣе, что онъ опорочилъ Дунина за побѣгу и возвращеніе тайкомъ въ епархію; что значитъ это, еще не пойму, ибо это въ противорѣчій съ прошедшими его дѣйствіями. Съ Англичанами мы очень сладимся и, кажется, оттого, что они съ Французами ссорятся. Но намъ не зачѣмъ входить въ разборъ тайныхъ причинъ, а пользоваться должно ихъ теперешнимъ расположеніемъ, чтобъ дѣло подвинуть къ развязкѣ. Станный нашъ вѣкъ! Слава Богу, мои болыные поправляются; мы теперь въ Зимнемъ, который блеститъ красой п новизной. Здѣсь все тихо; войсками я очень доволенъ. Жаль только, что входящія команды приводятъ много глазныхъ болѣзней; а рек-

круты полка оставили близъ 400 человекъ больныхъ глазами во Псковѣ и въ жестокой степени; не понимаю, какъ эта болѣзнь въ нихъ такъ сильно гнѣздится.

*

С.-Петербургъ.

14-го (26-го) Декабря 1839 г.

Съ Уваровымъ увижусь на-дняхъ и кончимъ дѣло. Хотя жаль, что мысль пенсіоновъ не возможна въ исполненіи, но совершенно согласенъ съ тобой въ причинахъ, которыя должны удержать насъ въ исполненіи сего преждевременнаго дѣла. Объявленіе папы нахожу я еще скромнѣе гораздо чѣмъ, признаюсь, ожидалъ. На здѣшнихъ бывшихъ уніятъ оно нимало не дѣйствуетъ, ибо они впередъ сего ожидали и не боятся, но боюсь, что удержать еще на долго присоединеніе Польскихъ уніятъ, хотя оно нимало не должно препятствовать намъ дѣйствовать на нихъ съ тою же постоянною осторожною настойчивостью, которая привела сіе дѣло въ Россіи столь къ счастливому заключенію. Напиши мнѣ, что Холмскій епископъ дѣлаетъ и какое на него и на духовенство его произвело дѣйствіе папское объявленіе? Благодарю весьма за присылку прекрасныхъ картинъ; какъ я радъ буду увидѣть собственными глазами прекрасныя и величественныя сіи работы! Новаго ничего не знаю. Въ Царыградѣ все спокойно. Бруновъ въ Лондонѣ, и я скоро надѣюсь получить извѣстіе о благополучномъ заключеніи договора, который столько труда и времени стоилъ заключить, потому именно, что ничего не было легче. Но мы видимъ, что простое и прямое не всегда легко именно оттого, что просто и легко. Наша экспедиція въ Хиву отправилась; не знаю, какой будетъ успѣхъ, ибо вещь мудреная, и въ особенности зимой: кромѣ стужи и бурановъ все надо везти съ собой; и, чтобъ вывести въ поле до 5 т. войска, нужно было двинуть 10,400 верблюдовъ и 28 т. лошадей для предварительныхъ завозовъ продовольствія: изъ сихъ лошадей уже 8 т. пало. Ужасъ подумать! Ежели удастся, то вліяніе будетъ сильно и полезно; но жаль противнаго, а увѣрену быть нѣтъ никакой возможности.

*

С.-Петербургъ.

22-го Декабря 1839 г. (3-го Января 1840 г.).

Радуюсь очень, что ты доволенъ былъ чувствами нашего молодого жениха; надѣюсь, что мы не ошиблись въ немъ и что надежды утвердить счастіе дочери оправдаются. Покуда въ Германіи на насъ очень досаждаютъ за это, но за ними! У нихъ я не знаю сему подобнаго, и зависть многому причина.

Новаго ничего не знаю; вздору въ газетахъ печатають много, но вѣрить всему нельзя. Не догадываюсь тоже, какъ кончится дѣло съ Бель-

гією, какъ сперва Французовъ, а потомъ ихъ принудятъ согласиться, послѣ всего чтò было? Третьяго дня дѣлалъ внезапный смотръ гарнизону и былъ имъ очень доволенъ. Все здѣсь тихо, пляшетъ и веселится, и ничего не слышать. Дай Богъ, чтобъ всегда такъ было. Надѣюсь, что въ арміи прибавка жалованья иныхъ порадовала; чтò могъ, то и сдѣлалъ. Хорошо, что бюджетъ допустилъ сіе исполнить. Онъ точно хорошъ, ибо за всеми расходами въ остаткѣ болѣе 10 м.!

Мятежный генералъ Скржынецкій убѣжалъ изъ Праги, гдѣ ему назначено было жительство, дабы вступить въ военную службу Бельгійскаго короля.

Австрійское правительство, извѣстясь о томъ, приказало своимъ посольствамъ объявить, что если Скржынецкій будетъ принятъ или останется въ службѣ короля, то оно отзоветъ своего повѣреннаго въ дѣлахъ изъ Брюсселя и прерветъ всякія дипломатическія сношенія съ Бельгійскимъ правительствомъ, и предложило Пруссіи сдѣлать тоже.

Рѣшимость Вѣнскаго двора достойна всякой хвалы.

Побѣгъ Скржынецкаго, если только справедливо, что послѣдовалъ по убѣжденію самого короля, служилъ бы доказательствомъ, что Бельгійское правительство рѣшилось прибѣгнуть къ войнѣ, чтобы удержать за собою Люксембургъ и Люнебургъ.

Впрочемъ, весьма правдоподобно, что князь Черторижскій и мятежническіе клубы сами вызвали Скржынецкаго. Въ такомъ случаѣ, король, чтобы избѣгнуть разрыва съ Австрією, объявитъ, что онъ не намѣренъ опредѣлять его въ службу, а онъ останется въ Бельгін и готовъ будетъ въ случаѣ нужды принять начальство надъ частію Бельгійскихъ войскъ или надъ мятежными шайками.

Въ Польской войнѣ Скржынецкій не выказалъ себя великимъ полководцемъ; но нельзя оспаривать у него нѣкотораго военнаго таланта. Онъ способенѣе командовать, нежели всѣ до сихъ поръ извѣстные Бельгійскіе генералы.

*

С.-Петербургъ.

3-ю (15-ю) Января 1840 г.

Дай-то Богъ, чтобъ наступившій 1840 годъ благополучно протекъ въ тишинѣ и довольствіи. Признаюсь, я не столько опасаясь внѣшнихъ обстоятельствъ, сколько видовъ урожая, который послѣ суровой безснѣжной зимы не можетъ обѣщать быть хорошимъ тамъ, гдѣ это всего нужнѣе; дороговизна большая и нужда велика и теперь, чтò

же будетъ далѣе, ежели Богъ не умилосердится?*) Экспедиція наша въ Хиву дѣлаеть много шуму, но она была необходима, и шумъ этотъ насъ пугать не долженъ. Покуда имѣю извѣстія отъ Перовскаго только за съ небольшимъ 300 верстъ отъ границы. Морозъ былъ до 32°; но все шло хорошо и обмороженныхъ вовсе не было; но не одинъ холодъ, много еще препятствій слѣдуетъ преодолѣть до рѣшительнаго успѣха. Бруновъ покуда ладитъ очень хорошо съ Пальмерстономъ, который теперь нашъ; чтò далѣе будетъ! Палеская аллюкуція не произвела ни малѣйшаго впечатлѣнія на нашихъ новоприсоединенныхъ, ни даже на католиковъ, которые ожидали гораздо сильнѣйшаго гнѣва; съ твоимъ молодцомъ покуда нечего и говорить, но поздиѣе хорошо бы его сюда привезть; здѣсь пусть поглядитъ, да послушаетъ, да потолкуеть съ прежними товарищами; а потомъ можно будетъ и за нихъ приняться. Правда ли, что Бергъ боленъ, и чѣмъ это? Убіенство Гугга совершенно въ родѣ прежнихъ, и я очень готовъ думать, что пропаганда не одну жертву готовитъ; но это насъ не остановитъ ни въ чемъ; надо только не шутить съ убійцами. Мы все съ телеграфомъ еще не сладимъ: туманы, или неловкость сигналистовъ тому причиной—не доберемся; обѣщаютъ однако, что скоро все придетъ въ порядокъ; пора! Тогда будетъ очень удобно намъ разговаривать и сообщать другъ другу взаимныя новости.

23-ю Генваря (1-ю Февраля) 1840 г.

*

С.-Петербургъ.

Экспедиція въ Хиву продолжала подвигаться, не смотря на холодъ, доходившій до 32°. Больныхъ немного въ отрядѣ, но много въ гарнизонахъ укрѣпленій, умершихъ же въ сіе время на 6 т. 34, чтò очень немного. Была уже встрѣча неожиданная съ Хивинцами; одна наша рота безъ артиллеріи имѣла дѣло цѣлые сутки съ 2 т. ихъ отрядомъ и счастливо отбила всѣ ихъ нападенія! Предстояло труднѣйшее, т. е. переходъ черезъ хребетъ Усть-Юртъ. Отъ Брунова ничего не получилъ новаго, но все шло покуда хорошо. Злость Франціи на насъ все усиливается, и слова Сульта въ камерахъ сіе доказываютъ, но я имъ сильно отвѣчалъ.

11-ю (23) Февраля 1840 г.

*

С.-Петербургъ.

Съ прошедшаго письма новыхъ извѣстій отъ Перовскаго не было; я ихъ жду съ нетерпѣніемъ, ибо онъ вступалъ въ самую трудную

*) Помню, какъ въ Липецкомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, зимою этого года, даже на барскій столъ подавали горькій хлѣбъ съ лебедой; а въ простолудьи было мало и этого. Тогда сложилась поговорка: То не бѣда, коли во ржи лебеда; а вотъ бѣда, какъ ни ржи, не лебеды. П. Б.

часть похода: переходъ чрезъ Усть-Юргъ. Встрѣтятъ ли его Хивинцы въ полѣ, еще неизвѣстно: но я раздѣляю мнѣніе твое на счетъ желательнаго, чтобъ это сбилось: иначе много трудности предстоятъ будетъ къ преодоленію. Угомони мнѣ ты, ежели можно, Холмскаго епископа; уже и то будетъ хорошо, ежели удастся его удалить отъ вліянія Подляскаго и Поляковъ; здѣсь мы его скорѣе уломаемъ.

*

Остроленка.

14-го (27-го) Мая 1810 г.

Спѣшу тебя увѣдомить, любезный мой командиръ, что мы благополучно прибыли сюда въ 6 часовъ вечера и соберемся отсюда завтра, въ 8 часовъ утра, къ обѣду въ Новогеоргіевскъ. Дорогой все было очень хорошо, въ особенности меня Сувалки обрадовали; о подробностяхъ переговоримъ при свиданіи. Вели въ крѣпости у квартиры, гдѣ остановимся, поставить почетный караулъ; крѣпости салютовать, когда жена выйдетъ изъ кареты, но не ранѣе, дабы не пугать лошадей. Въ Варшавѣ мы пріѣдемъ прямо къ собору, во время многолѣтія вели цитадели салютовать. Мы очень желаемъ остановиться не въ Бельведерѣ, но въ Лазенкахъ, буде сіе рѣшительно не-невозможно; топить тамъ можно вверху вездѣ. Раухъ привезъ намъ весьма плохія извѣстія про почтеннаго короля; ждемъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда Тюлина съ позднѣйшими. Положеніе мое очень тяжело: удерживать жену не смѣю, но боюсь несчастія въ ея присутствіи, и тогда послѣдствія для ея слабаго здоровья меня пугаютъ. Но Богъ милосердъ, услышитъ молитвы наши и сохранитъ еще почтеннаго короля! Не хочу терять надежды.

*

Берлинъ.

26-го Мая (7-го Июня) 1810 г.

Богъ сподобилъ меня застать еще въ живыхъ почтеннаго короля и быть имъ еще узнаваемъ; и казалось, что это была послѣдняя ему пріятная минута, и черезъ 4 часа послѣ оны скончался какъ праведникъ, безъ боли, безъ вздоха, безъ судорогъ, заснулъ! Мы всѣ, Русскіе, должны въ немъ оплакивать друга нашего Александра Павловича и искренняго друга Россіи, что оны въ завѣщаніи подтвердилъ своимъ дѣтямъ. Вели сейчасъ же надѣть трауръ въ арміи сходно посылаемаго приказа. Жена моя перенесла ужасный сей ударъ съ удивительною твердостью духа и, съ помощію Божіею надѣюсь, что оно худыхъ для нея послѣдствій имѣть не будетъ.

Письмо къ эрцгерцогу пошло съ Бергомъ. Дай знать о моемъ пріѣздѣ и о кончинѣ короля телеграфомъ.

Здѣсь повуда все тихо, и войска присягали при мнѣ въ примѣрномъ порядкѣ.

*

Потцдамъ.

29-го Мая (10 Юня) 1810 г.

Здѣсь все продолжаетъ быть въ порядкѣ и, кажется, при благо-разуміи короля и преданности къ нему, можно того же надѣяться впредь; такъ и чувства его, которыя мнѣ давно были извѣстны, выразились ясно вчера, когда онъ принималъ нашъ отрядъ кавалергардовъ; обласкавъ каждаго и увѣривъ всѣхъ въ наследственныхъ чувствахъ къ Россіи и къ нашей арміи, онъ обнялъ старшаго у.-о. и рядового въ знакъ искренности своихъ словъ. Вчера по соизволенію его дежурили при тѣлѣ наши генераль- и флигель-адъютанты, сегодня стоятъ на часахъ наши кавалергарды; словомъ, все дѣлается, чтобъ доказать, что потеря наша общая, и что память къ нему, общая въ насъ, залогомъ и будущей нашей дружбы и союза. Я держусь въ сторонѣ и *никого* не вижу, дабы доказать тѣмъ, что я прибылъ для семьи, для покойнаго, а не для какого-либо вліянія. Завтра похороны; жена моя здорова и выѣзжаетъ поутру, я же за ней послѣдую вечеромъ, послѣ похоронъ; такъ что прошу тебя присылать мнѣ своихъ фельдъегерей на Веймаръ и Франкфуртъ по 6-е (18-е) Юня. Потомъ же, ежели-бъ случилось что нужно до 8-го (20-го) числа, прямо въ *Киль*, гдѣ я сажусь на пароходъ. Дай знать Чернышеву, чтобъ о нужномъ давалъ тебѣ знать телеграфомъ для сообщенія мнѣ черезъ тебя.

Берлинъ.

Сейчасъ я отъ тѣла покойника. Больше писать нечего. Обнимаю тебя отъ души, на вѣки тебѣ доброжелательный П.

*

Серіевское, близъ Петерсбурга

29-го Юня (11 Юля) 1810 г.

Съ возвращенія моего сюда не было свободнаго времени отвѣчать тебѣ, мой любезный отецъ командиръ, на два письма: одно полученное мною на пароходѣ, при самомъ отплытіи изъ Кіля; другое здѣсь, вскорѣ по пріѣздѣ. Я нашелъ здѣсь столько тяжелаго, грустнаго дѣла, что, при безъ того довольно мрачномъ настроеніи моего духа, съ трудомъ могъ заниматься и кончить все, что на меня навалили. Теперь, слава Богу, дѣла пришли въ обыкновенное правильное теченіе, и мнѣ вѣсколько полегче. Къ несчастію, я нашелъ здѣсь мало утѣшительнаго, хотя много и было преувеличено. Четыре губерніи точно въ крайней нуждѣ; это Тульская, Калужская, Рязанская и Тамбовская; озимый хлѣбъ и 4-й доли не воротить сѣмянъ; къ счастью, что яровые хороши. Требованія помощи непомѣрныя; въ двѣ губерніи требуютъ 28 милліоновъ. Гдѣ ихъ взять? Всего страшнѣе, что ежели озимыя поля не будутъ засѣяны, то въ будущемъ году будетъ уже рѣшительный голодъ;

на врядъ ли успѣемъ закупить и доставить во-время. Вотъ моя теще-решняя главная забота. Дѣлаемъ, что можемъ: на мѣсто послалъ г. Строгонова *), распорядиться съ полною властію. Петербургъ тоже можетъ быть въ нуждѣ, ежели изъ-за границы хлѣба не подвезутъ. Чтобъ облегчить потребность казеннаго хлѣба сюда и не требовать всего количества изъ низовыхъ губерній, я приказалъ было Чернышеву тебя спросить, можно ли считать на Польшу; но дѣло это не избыточно на сообщенныхъ условіяхъ; развѣ на пробу заподрядимъ 20 т. кулей для доставки чрезъ Либаву. Годъ тяжелый, денегъ требуютъ всюду, и недоимки за полгода уже до 20 миллионъ противу прошлаго года; не знаю, право, какъ выворотимся. Погода стоитъ у насъ несносная, беспрестанные дожди и сегодня сильная буря всю ночь и раза три днемъ.

Изъ-за границы новаго ничего нѣтъ. Поѣздка моя въ Германію, какъ пишетъ Паленъ, привела Луи-Филиппа и Тьера въ тревогу; они вообразили, что я только за тѣмъ ѣздилъ, чтобъ соединить всѣхъ Германскихъ владѣтелей противъ Франціи, и крѣпко негодуютъ. Скоты! Жду отъ тебя отвѣтъ на записку по устройству католической церкви въ Польшѣ; оно тѣмъ нужнѣе мнѣ, что я пишу папѣ весьма сильно и рѣшительно, чтобъ вразумить всю опасность для его власти принятой имъ системы; пора этому положить конецъ. Войскъ я не видалъ. Михайло Павловичъ продолжаетъ еще свои смотры, я только два раза былъ на церковныхъ парадахъ и у развода въ лагерѣ; дожди и тамъ много вредятъ. На Кавказѣ идетъ у насъ все хорошо. Оба пункта на Черноморскомъ берегу заняты обратно безъ выстрѣла, и всѣ укрѣпленія приводятся въ лучшее положеніе. Себинской выдержалъ три славныхъ штурма, и Черкесы были отбиты съ огромной потерей, оставя во рву до 400 тѣлъ; славно! Извѣстія мои отъ жены покуда даютъ надежду, что воды будутъ ей въ пользу. Возвращеніе ея остается по прежнему въ Варшаву къ 23-му Августа (4-му Сентября). О приемѣ невѣсты условимся. Жить будемъ въ Лазенкахъ. Марія будетъ жить вмѣстѣ съ Олпнъкой; но вели эти комнаты получше отдѣлать и меблировать; у меня же въ желтой комнатѣ вели сдѣлать передѣлки, какъ я примѣрно назначилъ на прилагаемомъ рисункѣ; это будетъ гораздо для меня удобнѣе.

*

Петергофъ.

13-го (25-го) Іюля 1840 года.

Молчаніе папы о дѣлѣ уніятскомъ сильно поразило католиковъ, которые не того ждали. Конвенція между Англіей, Пруссіей, Австріей,

*) Тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Александра Григорьевича. П. Б.

мною и Турціею подписана, безъ Франціи!!! Это важное дѣло и новая эпоха въ политикѣ, ибо въ первый разъ Англія отстала отъ Франціи. Жду на дняхъ самой конвенціи. Свѣдѣнія изнутри, сегодня полученныя, все лучше и лучше. Надѣюсь на милость Божию, что теперь дѣло обойдется безъ гибельныхъ послѣдствій. Сегодня ѣду въ Красное Село, для обычныхъ ученій; а въ концѣ недѣли начнутся маневры; я думаю выѣхать въ гренадерскій корпусъ 27-го числа (8-го августа). Отъ жены моей послѣднія извѣстія очень удовлетворительны. Она полагаетъ быть въ Варшаву вмѣстѣ съ невѣстой 26-го августа (8-го сентября)! Важный день воспоминаніями. О приѣмѣ на границѣ условимся, равно и о въѣздѣ въ Варшаву. Сынъ ѣдетъ со мною: въ повзкѣ моей перемѣнъ не сдѣлалъ. Обнимаю тебя отъ всей души. На вѣки твой искренно доброж.

II.

*

Ловичъ, 8 часовъ вечера.

23-ю Августа (4-ю Сентября) 1810 г.

Весь мой транспортъ прибылъ благополучно въ Ловичъ въ 7 часовъ. Условлено женѣ моей ѣхать въ 9 часовъ, такъ что въ Осторжевѣ будетъ по моему расчету въ часъ пополудни. Я выѣзжаю отсюда въ 8 часовъ. Войскамъ велѣтъ быть выравненными на мѣстахъ ровно въ часъ и *отнюдь не раньше*. Буде погода будетъ очень ненастна, то пѣхотѣ можно будетъ снять ранцы и накинуть шинели, до повѣщенія, что въѣздъ начался. Молю Бога, чтобъ погода была хороша, какъ прошедшіе дни, и чтобъ все было хорошо и прилично*).

*

Ломжа.

27-ю августа (8-ю сентября) 1810 г.

Спѣшу тебя увѣдомить, мой любезный отецъ командиръ, что Мейндорфъ мнѣ ничего особеннаго не сообщилъ; одно важное извѣстіе есть то, что въ Мониторѣ напечатано, будто правительство получило извѣстіе, что Мегеметь-Али на присылку Рифогъ-бея, отъ султана, отвѣчалъ отказомъ, и что онъ ждаты будетъ, чтобъ его атаквали, и въ такомъ случаѣ обороняться будетъ до крайности, но что атаковать самъ не будетъ. Это бы намъ было хорошо, ибо тогда не придется двигать войскъ и тратить людей и деньги, останется довершать дѣло Англичанамъ.

Мы прибыли сюда очень скоро и благополучно, погода была славная; жаль, (что) не было такой въ два прошедшіе дня.

Обнимаю тебя отъ души.

*) Повздка въ Дармштадтъ, чтобы познакомиться съ будущей невѣсткою? П. Б.

*

*Царское Село.**2-го (14-го) Октября 1840 г.*

Съ большимъ любопытствомъ читалъ я описаніе твоего пребыванія въ Берлинѣ; пріемъ короля таковъ, какого я ожидалъ; что прочіе о томъ думали, намъ дѣла нѣтъ: воля короля и твердая его рѣшимость дѣйствовать за одно съ нами для меня достаточны. Ты очень хорошо сдѣлалъ, что коснулся всѣхъ предметовъ и все привелъ въ ясность къ взаимному удовольствію.

Касательно же могущей потребоваться отъ насъ помощи или нашего участія въ борьбѣ съ Франціею и другого мнѣнія. Не говоря уже о томъ, можетъ ли быть, или нѣтъ вѣроятія, чтобъ при нынѣшнемъ положеніи вещей была возможность ожидать нападенія Франціи на Германію, должно однако полагать, что силы западной Германіи и 4 Прусскихъ корпуса достаточны будутъ, дабы встрѣтить Французовъ и бороться съ ними мѣсяць или болѣе, до прихода остальныхъ Германскихъ силъ, т. е. Прусскихъ пяти корпусовъ и Австрійской арміи, которая, при всей ихъ безопасности, не можетъ же исчезнуть съ лица земли. *Наше* появленіе должно быть только въ *одномъ* случаѣ: недостатка сихъ первыхъ силъ или ихъ неудачи; но тогда наше появленіе должно быть достойно Россіи, оно должно быть огромно, грозно, непреодолимо, и съ помощію Божіею рѣшить дѣло однимъ ударомъ. Я рѣшительно и никогда не соглашусь на раздробленіе нашихъ силъ въ видѣ частной помощи. Время намъ собственно вооружаться или стать на военную ногу еще не настало. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ вѣроятно вопросъ войны или мира рѣшится; тогда въ 6 недѣль мы будемъ готовы и, съ половиною Февраля двинувшись, будемъ перваго Мая на театрѣ войны. Для сего мы явимся съ 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ пѣхотными, 1-мъ и 3-мъ кавалерійскими корпусами, при нужномъ числѣ казаковъ; а гренадеры, гвардія и гвард. кавал. корп. въ резервѣ вѣдѣ за арміей. Однако я нынѣ же разрѣшаю тебѣ приступить къ закупкѣ провіанта, и даже въ большей пропорціи, чѣмъ ты предлагаешь. Движеніе 2-го корпуса значительно ускорится, ежели король дозволитъ сему корпусу прослѣдовать на Торунь и Красинь, въ чемъ я не сомнѣваюсь. Графъ Паленъ мнѣ пишетъ, что взятіе Бейрута произвело ужасное впечатлѣніе въ Парижѣ; всѣ ожидали войны, но газеты другого дня всѣхъ изумили ихъ нерѣшимостью. L.-Phylippe радовался этому десанту, говоря, что этимъ послѣднія Турецкія войска уничтожатся или перейдутъ къ Мегеметъ-Али. Изъ сего я заключаю, что злобѣ на насъ нѣтъ мѣры, но что они ничего не могутъ предпринять или еще не готовы. Король запретилъ выводъ лошадей, что ихъ взбѣ-

силь, но придратся не могутъ, ибо мѣра общая. Вчера я сильно писалъ въ Вѣну на счетъ ихъ безпечности, или по крайней мѣрѣ неумѣстной противъ насъ утайкѣ своихъ мѣръ. Намъ теперь важна удача новаго займа въ Голландіи: отреченіе короля *) имѣло столь невыгодное вліяніе на биржу, что очень затруднитъ удачу займа. Открытія содержащихся въ Вильяѣ сильное наводятъ подозрѣніе на скрытые еще замыслы между офицерами 1-го корпуса; эти темныя обстоятельства надо строго и настоятельно раскрыть; больно крайне мнѣ, что дѣло это не кончено.

Шамбургскій просится домой, подъ разными предлогами, между прочимъ, что сопроводившему его декану нужно воротиться въ духовную академію, по открытіи курсовъ. На это я ему велѣлъ отвѣчать, что декану можно отвѣхать сейчасъ; самому же еще погодить до пріѣзда бывшихъ уніятскихъ епископовъ. Самъ старикъ очень хорошъ; но деканъ сей—не духовный каналья, а каналья Полякъ; онъ старика водитъ, старикъ его боится какъ огня, и потому полезно, чтобъ онъ отъ него удаленъ былъ, на что предлогъ очень хорошъ. Нужно на мѣсто умершаго викарія избрать вѣрнаго и готоваго на присоединеніе челоуѣка; это важное дѣло для будущаго. На Кавказѣ нынѣшній походъ не былъ ничѣмъ ознаменованъ, что можно-бъ было назвать новымъ успѣхомъ. Одно однако принесетъ несомнѣнную пользу, это устройство, успѣшно довершенное, новой линіи на Лабѣ, чѣмъ граница военно-занятая значительно сократилась, и пріобрѣтена отличная удобная къ заселенію земля, въ которой мы нуждались. На Черноморскомъ берегу два изъ потерянныхъ пунктовъ вновь заняты, и всѣ укрѣпленія значительно улучшены: но за то болѣзненность и смертность въ войскахъ были непомерны, въ особенности въ 15-й дивизіи, которая воротилась въ четвертую часть того числа, которое отправилось. Это ужасно! На лѣвомъ флангѣ дѣла шли безъ должнаго успѣха, какъ кажется отъ нераспорядительности генерала Голоубева, и весь этотъ край въ рукахъ Шамиля. На будущій годъ придется съ нимъ раздѣлаться и стать твердой ногой у подошвы горъ. Я дѣлалъ четырехдневный маневръ гвардіи, которымъ былъ очень доволенъ, хотя послѣдніе два дня погода была несносная. Жду извѣстій изъ Царьграда, что произведетъ взятіе Бейрута; опасуюсь только, что Турецкія войска врядъ ли тамъ удержатся, ежели Ибрагимъ ихъ атакуетъ всеми своими силами, чего ожидали.

Прошу меня увѣдомить, отецъ-командиръ, по нынѣшнему положенію банка Польскаго до какой суммы можно-бъ было казнѣ сдѣлать въ немъ заемъ? Вытребованіе суммъ изъ здѣшнихъ банковъ по

*) Какого? Греческаго Оттона?

причинѣ неурожая не прекращается и можетъ насъ весьма затруднить. Вообще заключеніе смѣты нынѣшняго года представить большія затрудненія. II.

Царское Село.

6-го (18-го) Ноября 1840 г.

Твое предсказаніе сбылось: рѣчь Л.-Ф. при открытіи палаты самая успокоительная и показываесть, равно какъ и самый составъ новаго министерства, что намѣреніе рѣшительное сохранить миръ; но весь вопросъ теперь въ томъ, удержится ли министерство, и сбудется ли, какъ говорятъ, что Тьеръ обѣщаль будто не противодѣйствовать новому министерству. Во всякомъ случаѣ, что ни случилось бы, наше дѣйствіе надолго еще отложено. Изъ Царьграда почта не пришла, и мы давно никакихъ извѣстій не имѣемъ, но кажется, что дѣло въ Сиріи идетъ успѣшно къ развязкѣ и будто хотятъ осаждать Акру; хорошо бы такъ.

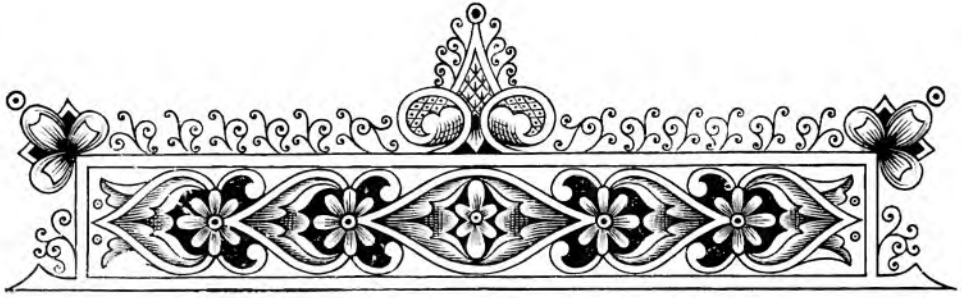
На счетъ займа чрезъ Польскій банкъ я тебѣ рѣшительнаго отвѣта дать еще не могу, по той причинѣ, что это рѣшиться можетъ только при соображеніи смѣты, но предвижу на семъ основаніи много возраженій. Нужда въ деньгахъ большая, и право не знаю, какъ мы заключимъ смѣту. Въ Лондонѣ у насъ все ладно; въ Вѣнѣ Меттернихъ вретъ много, но дѣло идетъ. Была рѣчь о какомъ-то конгрессѣ въ Висбаденѣ, но съ нѣкоторыхъ поръ и это притихло. Со вчера рѣка стала, снѣгу очень много, а морозу 12^о; завтра пуцаемся въ городъ на зимнія квартиры. Напоминаю тебѣ о начальникѣ штаба въ 1-й корпусъ, безъ этого дѣло не пойдетъ на ладъ у Тимофеева; кого имѣешь въ виду, напиши мнѣ.

*

Въ 1837-мъ году въ Вознесенскѣ происходилъ большой смотръ войскъ въ присутствіи иностранныхъ гостей. Черезъ два года онъ повторенъ въ обширѣйшемъ размѣрѣ на Бородинскомъ полѣ, гдѣ представленъ былъ весь ходъ знаменитаго боя. Объясненія давалъ графъ М. С. Воронцовъ, у котораго, 26-го Августа 1812 года, изъ 20-ти тысячъ сводныхъ гренадерскихъ батальоновъ оставалось къ полудню всего 2 тысячи человекъ. При объясненіи позволено было находиться его сыну Семену Михайловичу (тогда 16-ти лѣтъ). Онъ намъ передавалъ, что Государь во время прохода этихъ батальоновъ произнесъ по-латыни фразу изъ Светонія: Ave, Cesar! Morituri te salutant, т. е. здравствуй, Цезарь, тебя приветствуютъ идущіе на смерть.

Итакъ цезарство уже тогда носилось въ воображеніи Николая Павловича. Въ 1841 году онъ послалъ въ Парижъ Русскую гранитную скалу въ церковь Инвалидовъ для памятника перевезенному съ острова Св. Елены Наполеону, который уже въ годы его отрочества былъ героемъ его воображенія. II. B.

ЗАПИСКИ В. В. МАРКОВНИКОВА.

Помѣщая у себя Записки В. В. Марковникова, опасаемся подвергнуться нареканію тѣхъ лицъ, которыя могутъ указать намъ, что у насъ же помѣщена біографія Н. П. Боголѣпова („Русск. Архивъ“ 1906), выражавшаго вовсе несхожіе съ Марковниковымъ взгляды на плачевную исторію Московскаго университета за первые годы текущаго столѣтія. Но, держась (по самому предмету посильныхъ трудовъ своихъ на пользу родного историческаго самосознанія) началъ охранительныхъ, изданіе наше никогда не служило „злѣбъ дня“ и не сближалось ни съ „свободныхъ мыслей коноводами“, которыя нерѣдко бывають „восточнымъ деспотамъ сродни“, ни съ безшабашными противниками новизны. „Русскій Архивъ“ есть сборникъ достопамятностей, для будущаго берегающій разнообразныя проявленія минувшей жизни. Выходитъ онъ тетрадями для удобства читателей, которымъ отъ того легче находить искомое. И Н. П. Боголѣповъ, къ которому питали мы отъѣнное почтеніе и котораго книга о Римскомъ правѣ переживетъ поколѣнія, и В. В. Марковниковъ, стяжавшій себѣ почетное имя въ Западной Европѣ, оба—люди вполне достопамятныя. Одинъ заплатилъ жизнью за свои убѣжденія, другой вслѣдствіе тѣхъ же студенческихъ передрагъ покинулъ свою любимую Химическую лабораторію, что, конечно, и сократило ему вѣкъ. Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ дней!

Нѣсколько показаній о жизни В. В. Марковникова извлекаемъ изъ статьи И. А. Кабукова въ Ломоносовскомъ сборникѣ.

Владимиръ Васильевичъ Марковниковъ родился 10 Декабря 1838 года, въ деревнѣ Черпорѣчѣ близъ Нижняго-Новгорода, дѣтство свое провелъ въ городѣ Княгининѣ, десяти лѣтъ отданъ былъ въ Нижегородскій Дворянскій Институтъ, откуда поступилъ въ Казанскій университетъ, тамъ сдѣлался ученикомъ знаменитаго профессора Бутлерова, въ 1860 году былъ опредѣленъ и съ 1862 года сталъ преподавать химію. Затѣмъ онъ посланъ былъ въ чужіе края и работалъ въ тамошнихъ лабораторіяхъ. Въ 1872 году видимъ его профессоромъ химіи въ Одессѣ, а въ слѣдующемъ году уже въ Москвѣ, гдѣ онъ прослужилъ до 1892 года и окончилъ жизнь въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора 29 Января 1904 года. Его любовь къ родинѣ и ея преуспѣяцію не знали себѣ границъ. П. Б.

Маленькое предисловіе.

Рѣшаюсь, наконецъ, попытаться пріяняться за то, что давно соби-
рался сдѣлать. Но вести правильныя Записки нѣтъ свободнаго времени,
особенно теперь, когда пріянялся за описаніе накопившагося обильнаго
матеріала по лабораторнымъ работамъ. Подобно большинству моихъ
соотечественниковъ, я не охотникъ писать и печатать и дѣлаю это
лишь тогда, если вопросъ затрагиваетъ меня за живое. Въ научныхъ
работахъ, какъ скоро вопросъ для меня разъяснился, то онъ уже пере-
ставалъ меня интересовать, и я брался за другой, а разработанное не
спѣшилъ публиковать или публиковать въ сжатомъ видѣ, но не изъ
лѣни: мнѣ всегда казалось неловкимъ, не деликатнымъ затруднять чи-
тателя подробнымъ разъясненіемъ и аргументаціей того, что я самъ
считалъ вполне яснымъ. Въ результатѣ я отъ этого много проигрывалъ,
и оказывалось, то самое, что все мои слушатели многіе годы слышали
отъ меня на лекціяхъ и что я считалъ всемъ извѣстнымъ, какой-ни-
будь Нѣмецкій химикъ рассказывалъ въ своей статьѣ какъ новость.
Говорю это такъ, вообще, для характеристики. Почему же я взялся за
Записки именно теперь, когда занятъ другимъ, а для поправленія здоровья
Захарьинъ велѣлъ работать вообще возможно меньше? Отвѣтъ: мнѣ 54 года,
нервы такъ разстроены, что въ предпрошлую зиму я совсѣмъ не могъ
работать; память начинаетъ сильно измѣнять. А мнѣ хотѣлось бы когда
нибудь описать многое изъ пережитаго, что имѣетъ общественный
интересъ, какъ явленія характерныя для своего времени. Начинаю же
теперь потому, что въ Университетѣ *) переживаемъ вотъ уже нѣсколько
лѣтъ знаменательное время. Въ нашемъ частномъ уголкѣ творится
тоже, что и по всей богонасаемой Русп. Это, мнѣ кажется, можно
бы изобразить картиной такъ, какъ я видѣлъ въ очеркахъ Флакмана
къ Дантову Аду. Изображенъ одинъ изъ адскихъ круговъ, въ простран-
ствѣ несутся толпы тѣней въ хаосѣ съ гамомъ, свистомъ, пляской.
Все это кружится и куда-то стремится. Разница между Адомъ и Рус-
скимъ обществомъ купно съ правительствомъ (которое есть продуктъ
того же общества) та, что въ Аду по кругу носятся однѣ и тѣже
грѣшныя тѣни, а у насъ смѣняющіеся поколѣнія. Наша свистопляска
началась съ того момента, когда, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права,
вся Россія, выбитая изъ привычной, усвоенной вѣками колѣн рабства,
очутилась на новомъ пути, который вотъ уже тридцать лѣтъ мы
усердно другъ другу мѣшаемъ выровнять. Сначала свистопляска шла
подъ либеральнымъ знаменемъ съ неясной надписью, которая однако

*) Московскомъ. П. Б.

постепенно выяснилась и оказалась давно знакомымъ нашимъ національнымъ девизомъ: нраву моему не препятствуй, не то всёхъ сокрушу. Теперь на смѣну явилось знамя консерваторовъ. Катковъ написалъ на немъ: „правительство возвратилось“, какъ будто прежняя, такъ называемая либеральная свистопляска шла не съ правительствомъ во главѣ? Но *gratez un peu le Russe, vous y trouverez toujours le Tartare* *). Соскребите Катковскую надпись, и на знамени выступятъ старыя, знакомыя слова. Вотъ что я бы привѣтствовалъ съ восторгомъ, какъ появленіе новаго, чего Россіи недостаетъ со временъ Ивана Грознаго: уваженіе къ закону, уваженіе къ личности. Но надо, чтобы эти слова составляли одно цѣлое съ тканью знамени: чтобы ни одинъ самодуръ, подъ предлогомъ общей пользы, не могъ ихъ уничтожить, не уничтоживъ самого знамени, и чтобы въ общественномъ и правительственномъ сознаниіи твердо укоренилось убѣжденіе, что Россія, изорвавъ это знамя, совсѣмъ останется безъ знамени. Я и мои дѣти, конечно, не увидятъ еще такого знамени. Да и вообще сомнительно, чтобы оно когда либо появилось, такъ какъ едва-ли оно существовало и до Ивана Грознаго. Вѣдь онъ былъ бы неммыслимъ, если бы Россія традиціонно не привыкла преклоняться передъ произволомъ. А если это такъ, то куда-же мы идемъ? Можетъ ли при такихъ условіяхъ существовать какое-либо общество? Не воспользуются-ли наконецъ сосѣди, когда у насъ заварится какая-нибудь внутренняя, домашняя каша, и не случится ли съ нами того же, что случилось съ Польшей? Вѣдь мы, хотя и враждующіе, но родные братья.

Я терпѣть не могу людей, говорящихъ одно, а дѣлающихъ другое. Вотъ почему мнѣ болѣе симпатичны консерваторы. Они дозволяютъ себѣ произволъ, но вѣдь они открыто и проповѣдуютъ, что безъ произвола мы жить не можемъ. Мои симпатіи, можетъ быть, обусловливаются еще инстинктивнымъ сознаниемъ вышеупомянутыхъ національныхъ традицій; наши же либералы проповѣдуютъ свободу, уваженіе къ закону, а на дѣлѣ уважаютъ законъ лишь по столько, по сколько онъ содѣйствуетъ ихъ цѣлямъ и удовлетворяетъ ихъ вкусамъ, а свобода понимается ими въ чисто-Русскомъ стилѣ: отсутствіе всякой дисциплины и уничтоженіе того, что не подходитъ подъ догматы ихъ катехизиса, не справляясь ни съ исторіей, ни съ обстоятельствами, ни съ тѣмъ, на сколько это нарушаетъ права другихъ, т. е. опять тотъ же произволъ подъ предлогомъ общественнаго блага. Кажется ясно, что при такихъ взглядахъ я не могъ подходить подъ общепринятый у насъ

*) Поскребите немножко Русскаго, всегда окажется Татаринъ. П. Б.

шаблонъ, раздѣляющій обыкновенно всѣхъ на либераловъ и консерваторовъ. При моей манерѣ высказывать откровенно мои мнѣнія, ни тѣ, ни другіе не могли считать меня въ своемъ лагерѣ, потому что всѣмъ одинаково приходилось выслушивать отъ меня непріятныя истины. Такъ, однажды Ревельскому губернатору, князю Шаховскому, ярому руссификатору Остзейскихъ провинцій, рассказывавшему мнѣ о безобразіяхъ баронскаго управленія, я сказалъ: Все это такъ и терпимо быть не можетъ; но оно создано исторически и должно быть измѣнено постепенно къ лучшему; но сломавъ все сразу и уничтоживъ какой ни на есть все же законъ, порядокъ и традиціи, чтоже можемъ дать мы взамѣнъ уничтоженнаго, кромѣ нашего становаго пристава? Либералы мнѣ противны тѣмъ, что воображаютъ себя передовыми и развитыми представителями цивилизаціи, между тѣмъ какъ они несомнѣнно глупѣе политически, чѣмъ болѣе развитые изъ консерваторовъ, и дальше своего носа не видятъ. Это я и выставляю имъ постоянно на видъ.

Сказаннаго довольно, чтобы хотя отчасти рекомендовать себя читателю. Хотя очень и очень многое хотѣлось бы сказать, но сразу всего не скажешь. Можетъ быть, это удастся, если мнѣ не надоѣсть писать или если я не забуду эту тетрадку, что легко возможно. Во всякомъ случаѣ не предполагается что либо вполне обработанное. Это будетъ конспектъ для памяти и для будущей обработки, если только я за нее когда нибудь примусь. Вѣрнѣе, что нѣтъ: такъ какъ не могу, напримѣръ, приняться за окончаніе своего изслѣдованія Астраханскихъ соляныхъ озеръ, хотя весь матеріалъ готовъ и результаты интересны, а Островскій¹⁾ обѣщаетъ деньги на изданіе. Но этотъ вопросъ пересталъ меня интересовать. Ну, en avant les folichons!²⁾ А пока пора спать. 8 Декабря 1892 года.

16 Декабря (1892). Сегодня мое рожденіе. Стукнуло уже 55 лѣтъ. Я 25 лѣтъ состою завѣдующимъ лабораторіей, а чины Университетскаго Правленія, начиная съ безграмотнаго секретаря-Армянина, все учатъ какъ это дѣлать и разнымъ формальностямъ, въ которыхъ, по новости для нихъ дѣла, сами понимаютъ очень мало. Это отнимаетъ время, раздражаетъ и въ концѣ концовъ мѣшаетъ дѣлать дѣло. Вотъ уже болѣе недѣли Университетъ весь взволнованъ въ сущности пустякомъ, изъ котораго ректоръ, по своей безтактности, сумѣлъ сдѣлать важный вопросъ. Передъ обычнымъ студенческимъ концертомъ онъ получилъ анонимное, угрожающее письмо. Распорядители приняли мѣры противъ

¹⁾ Министръ государственныхъ имуществъ. П. Б.

²⁾ Впередъ, ребята! П. Б.

скандала въ концертѣ. При существующей нравственной распущенности кто изъ насъ не получалъ подобныхъ писемъ? Я долго этимъ возмущался, но, при общемъ равнодушіи остальныхъ, давно уже примирился. Ректоръ же вздумалъ объясняться съ первокурсниками на лекціи, расплакался и благодарилъ ихъ за сочувствіе его распоряженіямъ. Первокурсники затѣяли адресъ; всѣ остальные студенты, особенно естественники, этого не одобрили. Началась сумятица, которая еще усилилась, когда ректоръ пригласилъ къ себѣ распорядителей концерта, чтобы благодарить за охраненіе его личности. Распорядители рѣшили отвѣтить, что они охраняли по обязанности вообще порядокъ, и когда начали говорить въ этомъ духѣ, то выскочилъ юристъ и началъ трогательную рѣчь. Остальные повернулись, и одинъ за другимъ ушли. Толки и смута усилились. Естественники и медики возмущаются раболѣпствомъ юристовъ, затѣявшихъ адресъ изъ-за экзаменовъ. Благоразумные опасаются волненій, обвиняя во всемъ ректора. Тотъ подалъ въ отставку. Это уже совсѣмъ не хорошо. Медицинскій факультетъ является къ нему *in corpore* для выраженія сочувствія, Стороженко и Виноградовъ затѣваютъ адресъ отъ всѣхъ профессоровъ и, не собравъ всѣхъ на совѣщаніе, посылаютъ циркулировать адресъ. Большинство, конечно, подписывается, другіе же просто уклоняются отъ подписи. Я написалъ: „совершенно несогласенъ“, возмущенный способомъ предъявленія, потому что мнѣ сунули адресъ солдатъ передъ самой лекціей. Очевидно, большинство не знаетъ совершенно нестерпимыхъ выходовъ ректора съ нѣкоторыми профессорами. Образъ его дѣйствій характеризуется слѣдующей фразой, сказанной мнѣ еще въ первое ректорство: „Я всегда болѣе повѣрю чиновнику канцеляріи, чѣмъ профессору; потому что чиновники отъ меня зависятъ, а профессора нѣтъ“. Мило и въ особенности логично. Теперь онъ проводитъ этотъ взглядъ во всей строгости, но разумѣется не по отношенію ко всѣмъ, а смотря по симпатіямъ. Ректоръ взялъ назадъ прошеніе, но сказалъ, что долго все-таки не останется. Врачи говорятъ, что онъ неврастеникъ. Онъ самъ знаетъ, что не спитъ по ночамъ, въ особенности вслѣдствіе послѣдняго объясненія со Столѣтовымъ, гдѣ онъ, уличенный вновь, велъ себя крайне неприлично. Очевидно, онъ не можетъ оставаться ректоромъ; да и бесполезенъ, потому что все для него въ формѣ, а дѣла онъ или очень туго или совсѣмъ не понимаетъ. Всѣмъ хозяйствомъ Правленіе завѣдуетъ безалаберно, и никто никогда не взглянетъ, что и какъ дѣлается.

Сегодня приходилъ Столѣтовъ съ Тимирязевымъ показать извинительный отвѣтъ попечителя, который по самому существенному пункту крючкотворски увильнулъ. Но все-таки надо думать, что онъ убѣдился

въ невозможности полагаться на слова ректора и въ неводержанности его. Я предложилъ послать адресъ Пастэру (70 лѣтъ) и почетное членство и спросилъ на то согласія всѣхъ членовъ Совѣта циркулярной повѣсткой, на которой каждый написалъ бы свое согласіе или несогласіе. Такъ дѣлалось прежде постоянно съ вопросами спѣшными и неспорными, чтобы не собирать для этого особаго засѣданія Совѣта; но ректоръ и тутъ нашелъ серьезное отступленіе отъ формы и отложилъ дѣло до ближайшаго Совѣта. Такимъ образомъ постановленіе состоялось уже послѣ празднества, въ которомъ принимали участіе вмѣстѣ съ Французскимъ правительствомъ весь дипломатическій корпусъ и была прислана масса адресовъ и почетныхъ дипломовъ отъ ученыхъ учреждений. Оказалось, что медицинскій факультетъ еще за мѣсяць вошелъ тоже съ представленіемъ Пастэра въ почетные члены, но ректоръ нашелъ, что нѣтъ надобности избирать непременно до юбилея: можно-де и послѣ. Этотъ господинъ рѣшительно не понимаетъ что нужно Университету. По его понятіямъ нужна лишь канцелярія.

27 Декабря. Надѣлавшіе безтактностей никакъ не могутъ примириться съ результатами. Сначала боялись волненій студентовъ и ждали съ нетерпѣніемъ праздниковъ, когда многіе студенты уѣзжаютъ изъ Москвы; теперь трусятъ, чтобы не сдѣлалъ скандала всѣмъ подписавшимъ адресъ на актѣ. И вотъ теперь всячески стараются одни привлечь тѣхъ, которые не подписали адресъ, говоря, что нужно сплотиться всѣмъ въ виду опасности(?), угрожающей Университету, другіе (испугавшись, что они потеряютъ престижъ либераловъ) при случаѣ оправдываются передъ людьми, не имѣющими никакого отношенія къ Университету. Страхъ тѣхъ и другихъ, кажется, исходитъ изъ того, что всѣ профессора, имена которыхъ были пропечатаны въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, получили какія-то порицанія отъ представителей всѣхъ университетскихъ землячествъ. Мнѣ разсказывали, что Эрисманъ объявлялся въ комисіи земскихъ врачей и хотя въ письмѣ, приглашавшемъ подписываться подъ адресомъ, было сказано, что это дѣлается конфиденціально, но онъ не стѣснился разсказать о формѣ моего протеста.

29 Декабря. Было засѣданіе комитета по устройству съѣзда естествоиспытателей и врачей. Я ушелъ нѣсколько ранѣе окончанія засѣданія, послѣ котораго произошло слѣдующее. Склифасовскій (Лисохвостовъ, по прозванію Кожевникова) съ обыкновеннымъ своимъ напускнымъ пафосомъ и театральными жестами началъ рѣчь о необходимости единенія между профессорами, о пожертвованіи личными сче-

тами общему благу Университета, при чемъ приходилъ въ негодование отъ того, что инспекторъ студентовъ, письмомъ къ профессорамъ, получившимъ порицанія, просилъ доставить ему эти анонимныя посланія. „Какъ смѣетъ инспекторъ обращаться подобнымъ образомъ къ профессору? Онъ могъ прѣхать ко мнѣ самъ. И какое онъ имѣетъ право требовать отъ меня это письмо, касающееся лично меня?“ и т. п. разглагольствованія на тему о профессорскомъ престижѣ. Ему на это замѣтили, что инспекторъ сдѣлалъ это несомнѣнно по распоряженію начальства, вѣроятно ректора, и нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ затруднялся объѣхать лично болѣе двадцати человѣкъ. Непослѣдовательно усматривать недостатокъ почтенія въ подобномъ письмѣ и не оскорбляться за корпорацію, когда одному изъ членовъ ея наносится оскорбленія ректоромъ. Тутъ была разсказана исторія со Столѣтовымъ. Шервинскій замѣтилъ при этомъ, что ему это не было извѣстно. Вотъ въ томъ-то и дѣло, что г. г., огульно подписавшіе адресъ, ничего не знали. Некрасовъ поддерживалъ Склифасовскаго, восхваляя достоинства ректора. Столѣтовъ, выведенный изъ терпѣнія пошlostью этого господина, наконецъ высказалъ вполне свое мнѣніе о ректорѣ и затѣмъ ушелъ, такъ какъ Некрасовъ началъ говорить ему просто дерзости. Затѣмъ съ Некрасовымъ сдѣлалась истерика, а 24 Декабря всѣ члены комитета получили отъ него тождественныя письма, въ которыхъ онъ требовалъ выраженія порицанія Столѣтову на томъ-де основаніи, что, выразившись оскорбительно о ректорѣ, онъ „задѣлъ честь Университета“!! Я хотѣлъ воспользоваться этимъ письмомъ, чтобы въ отвѣтъ подробно выяснитъ всѣ причины, заставляющія считать ректора неприличнымъ на мѣстѣ ректора, и въ тоже время объяснить, почему я вынужденъ былъ выразить въ такой рѣшительной формѣ свой протестъ противъ адреса. Письмо я предназначалъ главнымъ образомъ не Некрасову, который понять его былъ-бы неспособенъ, а всѣмъ другимъ профессорамъ. На половину письмо было уже готово; но я узналъ, что Некрасовъ самъ испугался своего посланія (кто-то ему разъяснилъ), не спалъ ночей, плачетъ и проситъ не придавать ему никакого значенія. Некрасовъ просто жалокъ во всѣхъ отношеніяхъ. Восемь лѣтъ тому назадъ выбранный въ доценты, онъ, благодаря новому уставу, сдѣлался экстраординарнымъ, и затѣмъ въ пять лѣтъ попечитель*) провелъ его черезъ секретаря факультета и декана въ помощники ректора. Такой короткій срокъ, да еще при его далеко неблестящихъ способностяхъ, конечно не достаточенъ, чтобы ему хорошо ознакомиться даже съ виѣшней стороной административной машины, а хозяйства, онъ самъ говоритъ,

*) Графъ Капнистъ. П. Б.

что не понимаетъ. Своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ лишь покорности передъ начальствомъ; а между тѣмъ онъ вообразилъ, что представляетъ изъ себя нѣчто и уже началъ было распускать хвостъ. Но вотъ ректоръ, котораго онъ взялъ себѣ за образецъ, надѣлалъ глупостей и, заваривъ кашу, думаетъ лишь о томъ, какъ бы удрать; и Некрасовъ, видя, что ему придется ее расхлебывать, растерялся до такой степени, что съ нимъ дѣлаются истерики. Но чего они боятся? Студенты ведутъ себя крайне сдержанно, и черезъ лаборантовъ только и слышишь съ ихъ стороны объ начальствѣ: „Что они дѣлаютъ! Въдь своими объясненіями со студентами съ цѣлью вызвать къ себѣ сочувствіе ректоръ вызоветъ непременно анти-демонстрацію, и тогда Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится, и во всемъ будетъ виновато само начальство“.

12 ч. ночи. Сейчасъ вернулся отъ Пловайскаго, у котораго бываю раза два въ зиму на его Воскресеньяхъ. На этотъ разъ по случаю праздника было большое общество до юницъ и юнцовъ включительно. Послѣ долгихъ лѣтъ встрѣтилъ тамъ Е. П. Гивартовскую. Она очень мало постарѣла и можетъ утверждать, что ей только 52 года, хотя въ дѣйствительности должно быть гораздо больше. Все такая же веселая и не прочь поговорить о вздорѣ. Молодежь вздумала танцовать, но, по обыкновению, никто не рѣшился начать первый. Я предлагалъ Е. П. открыть танцы вальсомъ съ моими больными ногами. Началь Пловаискій. Завидно, какой онъ молодецъ въ 60 лѣтъ съ хвостикомъ: вальсируетъ какъ тридцатилѣтній! Иногда на его вечерахъ встрѣчаемъ интересныхъ личностей, такъ какъ это, кажется, единственный оставшійся въ Москвѣ домъ, послѣднимъ представителемъ которыхъ былъ домъ А. П. Кошелева. У Пловайскаго въ разговорахъ звучитъ также Русско-славянскій оттѣнокъ съ тою разницею, что Кошелевъ имѣлъ въбогда болѣе обширное знакомство и игралъ болѣе выдающуюся роль: къ нему считали обязанностью явиться на его Вторники всѣ иностранцы, пріѣзжавшіе для изученія Россіи. О своихъ посѣтителяхъ онъ мнѣ сказалъ при первомъ знакомствѣ: „у меня встрѣтите всякихъ людей; но одно могу сказать, что глупыхъ людей не найдете“. Ну, это не совсѣмъ такъ. Встрѣчалнсь если не глупые, то весьма узкіе.

3 Января 1893. Новый годъ опять, какъ и въ прошломъ году, встрѣтилъ отвратительно. Благодаря болѣе мѣсяца продолжающимся морозамъ отъ 10 до 25° простудился, кажется, у себя въ квартирѣ, и опять расхворался. Право, нечего думать о выздоровленіи, и я все болѣе и болѣе свыкаюсь съ мыслью, что если доживу до 60-ти, то въ

видѣ развалины. Досадно, такъ какъ чувствую, что могъ бы еще быть полезенъ. Но дѣлать нечего; очевидно, приходится расплачиваться за безобразное дѣтство и юность.

Передъ Новымъ Годомъ въ Москвѣ былъ проѣздомъ Бухарскій эмиръ. Возили его туда и сюда, но ничего солиднаго не показали. У насъ находятъ излишнимъ даже Азіатовъ знакомить съ тѣмъ, что составляетъ принадлежность просвѣщенной страны. Офицеры Сумскаго полка, гдѣ служить братъ эмира, устроили ему обѣдъ съ хоромъ Ивановой изъ Стрѣльны; Великій Князь—вечеръ съ хоромъ Славянскаго. Повелитель правѣрной Бухары получилъ главнымъ образомъ вѣрное понятіе о томъ, гдѣ почерпаютъ свое просвѣщеніе наши военные и какую культурную службу проходить его братъ. Затѣмъ возили его на бѣга. Умиѣ поступили купцы: повезли его на Прохоровскую фабрику, вырабатывающую много ситцевъ и платковъ для Востока. Тамъ, а также отъ биржеваго купечества, ему были сдѣланы подарки Русскими произведеніями. Слѣдовало бы показать Университетъ, Техническое Училище, а затѣмъ Румянцевскій Музей, Политехническій, а потомъ уже фабрику. Тутъ была бы не только послѣдовательность, но и идея. А такъ, какъ будто, хотѣли сказать, что у насъ фабрики развиваются независимо отъ науки. Хотя въ дѣйствительности это въ значительной мѣрѣ справедливо, но пропагандировать это тѣмъ, кого мы думаемъ просвѣщать, по меньшей мѣрѣ, безтактно. Забыли, что на Востокъ наука уважается гораздо болѣе, чѣмъ въ Россіи. Едва-ли можно отговариваться тѣмъ, что для эмира Университетъ не могъ дать ничего поучительнаго. Онъ навѣрно съ интересомъ и уваженіемъ взглянулъ бы на бібліотеку, на клиники; ему можно бы показать физическій кабинетъ и лабораторію съ опытами, не только эффектнымъ, но и поучительнымъ. Осмотръ фабрики получилъ бы тогда особый смыслъ. Но предпочли показать „плоды просвѣщенія“ даже не тѣ, что осмѣиваетъ графъ Толстой, а просто кафешантанныя. Сына его возили два раза въ циркъ, но офицеры навѣрное познакомили его съ пѣвицами изъ Стрѣльны или ближе. Изъ всѣхъ высокихъ гостей Москвы только одинъ Донъ-Педро осматривалъ подробно Университетъ, что впрочемъ повидимому не особенно нравилось сопровождавшему его министру, графу Толстому, какъ можно было заключить изъ его небрежныхъ отзывовъ. Желательно, чтобы эмиръ возвратился домой съ убѣжденіемъ по возможности долѣе не заимствовать наше „просвѣщеніе“.

30 Января. На прошлой недѣлѣ пріѣзжали въ Москву министръ Деляновъ. Официальный предлогъ былъ открытіе реформированнаго и расширеннаго Комиссаровскаго Техническаго Училища; но всѣ полагали,

что главная цѣль прїѣзда была иная. Указывали, главнымъ образомъ, на новыя клиники, при постройкѣ которыхъ подозрѣваютъ крупное воровство со стороны ***. Недавнее (въ Ноябрь) удаленіе за взятки правителя канцеляріи попечителя, Высоцкаго, дѣлаетъ такое предположеніе вѣроятнымъ. Хотя на завтракъ, послѣ акта въ Комиссаровскомъ Учлищѣ, Деляновъ провозгласилъ тостъ за попечителя, гдѣ восхваляетъ его энергію и труды по постройкѣ училища (см. „Московскія Вѣдомости“), но на слова хитраго Армянина полагаться едва-ли возможно. Для открытія училища не зачѣмъ было привозить съ собою директора департамента и жить здѣсь цѣлую недѣлю. Ни для кого не тайна, что Деляновъ долгое время не могъ примириться съ существованіемъ К., какъ назначеннаго Сабуровымъ, и Катковъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ долгое время старался игнорировать К. Судя по тому, что мнѣ не разъ приходилось слышать отъ друга Каткова А. Н. Драшусова, первый былъ очень предубѣжденъ противъ К., считая его пьяницей, развратнымъ и способнымъ на взятки. Ко всему этому онъ дѣйствительно давалъ поводъ своимъ поведеніемъ бурша, нѣкогда исключеннаго изъ Гейдельбергскаго университета за то, что явился въ профессорскій клубъ на балъ съ своей содержанкой. Передъ назначеніемъ его попечителемъ онъ былъ прокуроромъ Московской Судебной Палаты. Въ это время случилось дѣло судебного пристава Карновича, растратившаго бывшія у него на рукахъ суммы. По городу ходили упорные слухи, что у Карновича найдены письма К. съ просьбой займа денегъ. Утверждали, что это было замято, но К. долженъ бы былъ удалиться. Его спасъ Сабуровъ, назначивъ попечителемъ. Сначала онъ либеральничалъ и открыто порицалъ дѣянія Делянова и въ особенности новый уставъ университетовъ, но вкорѣ сообразилъ, что такъ держать себя невыгодно. Теперь онъ ярый защитникъ новаго устава. Но забылъ-ли Деляновъ прошлое, это еще вопросъ, не смотря на весь его оппортунизмъ. Вѣроятноже, что не забыть, но долженъ былъ терпѣть К., который, благодаря нѣкоторымъ связямъ, сумѣлъ какъ-то заслужить хорошее мнѣніе при Дворѣ. Что въ Министерствѣ его по прежнему не любятъ, можно заключить изъ того, что мнѣ недавно говорилъ Андреѣ, членъ Совѣта Министровъ, присланный сюда председателемъ экзаменаціонной комиссіи медицинскаго факультета. Онъ разсказывалъ, что въ Министерствѣ знаютъ объ уплатѣ ** своихъ очень крупныхъ долговъ во время постройки клиникъ и предполагаютъ, что злоупотребленія доходятъ до очень значительной цифры. Говорятъ о полумилліонѣ. По моему это во всякомъ случаѣ преувеличено; но я не рѣшился бы рисковать десятью рублями, чтобы держать пари за невинность **. Не даромъ вышелъ изъ строительнаго комитета Никифоровъ (архитек-

торь округ), говоря мнѣ, что опасается отвѣтственности въ случаѣ ревизіи. Чтò разнюхали во всемъ этомъ Деляновъ и Аничковъ въ теперешній свой прїѣздъ, осталось, разумѣется, тайной, и съ какою цѣлью все это дѣлалось, тоже неизвѣстно. Одно только можно сказать съ увѣренностью: раскрытіе злоупотребленій нужно было не для того, чтобы пресѣчь зло и наказать виновныхъ. Делянова никто не упрекаетъ въ излишней приверженности къ высоко-нравственнымъ принципамъ. Его высшій принципъ есть принципъ аккомодациі. Онъ очень далекъ отъ убѣжденій, что на Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія болѣе нежели на какомъ другомъ министерствѣ лежитъ высокая обязанность воспитывать народную нравственность въ самомъ широкомъ смыслѣ. Каковы его въ этомъ отношеніи взгляды и понятія, прекрасной иллюстраціей можетъ служить назначеніе вышеупомянутаго Высоцкаго директоромъ Ярославской гимназіи. Хорошо будетъ воспитатель юношества! И каковъ будетъ нравственный авторитетъ директора, о которомъ всемъ извѣстно, что ему было приказано подать въ отставку за взятки? К., которому при такихъ условіяхъ самому невозможно было оставаться на своемъ мѣстѣ, употребилъ все усилія, чтобы *sauver les apparences**), и вотъ Деляновъ согласился на такой прекрасный способъ.

Но кромѣ дѣла по клиникамъ Делянову нужно было еще распутать путаницу, надѣланную ректоромъ. Тутъ уже пришлось совершенно неожиданно выступить на сцену и мнѣ. 27-го Января попечитель увѣдомилъ меня и Столѣтова, что министръ требуетъ насъ къ себѣ на другой день въ 12 часовъ. При этомъ свиданьи присутствовали и попечитель. Не рассчитывая на какой-либо успѣхъ, мы со Столѣтовымъ рѣшили, однако, откровенно указать министру на тѣ поступки ректора, которые не позволяють его считать человекомъ способнымъ быть представителемъ университетской корпораціи. Я терпѣть не могу никакихъ жалобъ и предпочитаю расправляться самъ, а между тѣмъ въ данномъ случаѣ это выходила жалоба, потому-что приходилось касаться фактовъ, имѣющихъ во всякомъ случаѣ личный характеръ, хотя изъ нихъ естественнымъ образомъ вытекали выводы общаго значенія. Хотя мы, какъ протестанты противъ лица, облеченнаго, какъ говорятъ, довѣріемъ начальства, не могли рассчитывать, чтобы министръ вздумалъ, нѣкоторымъ образомъ, съ нами совѣтоваться или, по меньшей мѣрѣ, пожелалъ бы выслушать наше мнѣніе, и мы чувствовали, что намъ придется, собственно говоря, оправдываться: но становиться на такую личную почву для меня было крайне непріятно, и я рѣшился коснуться

*) Сласти виѣшнее приличіе. П. Б.

ея лишь въ крайнемъ случаѣ. Дѣйствительность превзошла наши ожиданія. Деляновъ прямо началъ разговоръ рѣзко поставленнымъ вопросомъ: „Скажите намъ, въ чемъ вы недовольны ректоромъ?“ Такимъ образомъ объясненіе приняло сразу непріятное направленіе. Въ отвѣтъ на такой вопросъ мы отвѣчали молчаніемъ. Тогда онъ повторилъ вопросъ, добавивъ, что наше недовольство выразилось явно въ отказѣ подписать адресъ, а съ моей стороны даже въ формѣ рѣзкаго и неприличнаго протеста. На это я замѣтилъ, что наше положеніе, повидимому, крайне щекотливое. Мы двое являемся какъ бы обвиняемыми въ томъ, что ректоръ не оставляетъ, по словамъ министра, своего намѣренія выйти въ отставку, между тѣмъ какъ наше мнѣніе едва-ли тутъ можетъ имѣть какое-нибудь значеніе, какъ скоро большинство выразило ректору полное сочувствіе. При томъ же наше мнѣніе было выражено совершенно частнымъ образомъ, а потому имѣетъ характеръ частный, товарищескій. На это министръ возразилъ, что теперь все сдѣлалось извѣстнымъ въ Министерствѣ и дѣло получило общее значеніе. „Но, можетъ быть, вашему сіятельству осталось неизвѣстнымъ, что адресъ сопровождался пригласительнымъ письмомъ отъ неизвѣстныхъ инициаторовъ, въ которомъ говорилось, что профессора приглашаются по товарищески и совершенно конфиденціально выразить свое одобреніе дѣйствіямъ ректора. Я все-таки не могу не обратить вниманіе на эту сторону дѣла, и не мы были причиной того, что вся исторія съ адресомъ скоро стала извѣстна всему городу и даже сообщена въ газеты. Столѣтовъ прибавилъ, что адресъ пересылали со служителями въ пакѣ, и такимъ образомъ онъ легко могъ сдѣлаться извѣстнымъ студентамъ. Такъ какъ министръ настаивалъ, чтобы мы объяснили причину нашего неудовольствія, которое, можетъ быть, происходитъ отъ неудовлетворенія какіхъ-либо просьбъ по нашимъ лабораторіямъ и т. п. (тутъ проявилось очевидное вліяніе попечителя, много распространявшагося на эту тему въ своемъ извинительномъ письмѣ къ Столѣтову), я сказалъ, что какой-нибудь отказъ въ просьбѣ не могъ бы служить причиной неудовольствія, и личныхъ оскорбленій отъ ректора я не имѣлъ. Объ этомъ слово должно принадлежать А. Г. Столѣтову. Тогда послѣдній разсказалъ, къ сожалѣнію въ общихъ чертахъ и слишкомъ сжато, исторію съ жалобою на него ректора попечителю (Деляновъ замѣтилъ, что ему это извѣстно) и послѣднее свое объясненіе съ ректоромъ, когда этотъ дѣлалъ ему очную ставку съ писцомъ и позволилъ себѣ на него кричать. „Я полагаю, заключилъ Столѣтовъ, что, какъ заслуженный профессоръ, могу разсчитывать на болѣе деликатное съ собой обращеніе“. — Деляновъ: „Изъ этого я заключаю, что у васъ были ранѣе того какія-нибудь неудовольствія съ ректоромъ.“ — „Ника-

кихъ особыхъ неудовольствій не было, и еще недавно ректоръ присиль меня привести въ порядокъ счета Правленія по электрическому освѣщенію, что и было мною исполнено съ готовностью“. Потомъ я замѣтилъ, что вся эта исторія осталась неизвѣстною почти никому изъ профессоровъ, кромѣ нашего факультета, а если бы ее знали, то навѣрное къ десяти, не подписавшимся подъ адресомъ, присоединилось бы по крайней мѣрѣ еще столько же. Потомъ онъ разсказалъ, какъ ректоръ говорилъ мнѣ, при объясненіи по одному дѣлу, что онъ всегда больше повѣритъ чиновнику канцеляріи, чѣмъ профессору. Попечитель вмѣшался и началъ доказывать, что въ Правленіи всегда было много безпорядковъ и несоблюденій формальностей, которыхъ онъ не могъ исправить, потому что прежде не имѣлъ власти, а теперь онъ нашель ректора, который обратилъ вниманіе на этотъ недостатокъ, и вѣроятно тутъ дѣло шло также о какой нибудь формальности, и я его невѣрно понялъ. Мы оба остановили его словами: это къ дѣлу не относится, и мы очень хорошо понимаемъ необходимость формальностей: я же прибавилъ, что ошибиться въ смыслѣ сказаннаго мнѣ я не могъ, такъ какъ на мой вопросъ, на чемъ основывается такой взглядъ, я получилъ въ отвѣтъ: „потому что чиновникъ отъ меня зависитъ, а профессоръ нѣтъ“. Тутъ очевидна, прибавилъ я, цѣлая логическая система, которая и отражается въ томъ, что секретари правленія, почувствовавъ такое свое привилегированное положеніе, позволяютъ себѣ крайне невѣжливое обращеніе съ лаборантами, которыхъ приходится посылать въ Правленіе за различными справками. Я постоянно слышу отъ нихъ жалобы въ этомъ смыслѣ, а одинъ лаборантъ даже вышелъ въ отставку, говоря, что онъ не привыкъ къ подобному обращенію. Затѣмъ я разсказалъ, какъ ректоръ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе и официальнымъ письмомъ требовалъ отъ меня объясненія, на основаніи какихъ полномочій я позволилъ себѣ посылать факультетскую повѣстку о смерти академика Имшенецкаго, при чемъ прочиталъ и самое письмо. Попечитель: „Я этого не зналъ!“—„Первая моя мысль была дѣйствительно отправиться съ этимъ письмомъ къ вамъ, но потомъ я рѣшилъ, что худой миръ лучше доброй ссоры: я предпочелъ объясниться съ ректоромъ, указавъ ему, что повѣстка имѣла частный характеръ, и я только воспользовался печатными бланками факультетскихъ повѣстокъ для ускоренія дѣла, чтобы не писать трехъ списковъ факультетскихъ профессоровъ, заголовокъ же повѣстки былъ заклеенъ моимъ извѣщеніемъ о смерти Имшенецкаго и о времени панихидъ. Въ этой товарищеской повѣсткѣ я счелъ нужнымъ прибавить „за отсутствіемъ ректора и его помощника“, дабы товарищамъ не показалось страннымъ, почему я взялся извѣстить ихъ, когда подобныя повѣстки всегда рассылаются

ректоромъ. Но ректоръ и помощникъ были на дачѣ, и я принялъ на себя все хлопоты по погребенію, какъ бывший товарищъ Имшенецкаго по Казанскому университету. Но ректоръ при этомъ сказалъ мнѣ, что онъ вѣроятно уклонился бы отъ обязанности посылать повѣстку, потому что Имшенецкій, по пріѣздѣ, въ качествѣ предсѣдателя экзаменационной комиссіи, не сдѣлалъ ему визита. „Однако вы были на похоронахъ, что дѣлаетъ честь вашему великодушію. Вы раздумали мстить человѣку послѣ его смерти“. Но при этомъ я замѣтилъ ректору, что, будучи такимъ строгимъ къ другимъ по отношенію несоблюденія съ нимъ правилъ приличія, онъ самъ позволяетъ себѣ въ своихъ официальныхъ письмахъ не соблюдать общепринятые правила приличія, подписавъ письмо ко мнѣ просто своимъ именемъ. Я склоненъ думать, что это произошло по недоразумѣнію и спѣшности. На что онъ мнѣ отвѣтилъ: нѣтъ, я это сдѣлалъ умышленно. Министръ взялъ въ руки письмо и сказалъ: я въ такихъ случаяхъ пишу „примите увѣреніе и пр.“ „Вы желали знать причину неудовольствія, и мы отвѣчали вамъ совершенно откровенно. Цѣлый рядъ мелкихъ и крупныхъ случаевъ достаточно ясно показывали, что г. ректоръ далеко не безпристрастно относится къ лицамъ, почему либо ему несимпатичнымъ и въ своихъ отношеніяхъ къ профессорамъ позволяетъ себѣ такой тонъ, съ которымъ трудно примириться“.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на исторію съ его отставкою. При этомъ подача прошенія объ отставкѣ, вслѣдствіе полученія какихъ-то двухъ анонимныхъ, угрожающихъ писемъ, есть поступокъ крайне неосторожный и безтактный, ибо онъ создаетъ весьма опасный прецедентъ. Теперь у студентовъ можетъ составиться убѣжденіе, что достаточно анонимной угрозы, чтобы заставить ректора удалиться. Попечитель замѣтилъ при этомъ: да, онъ самъ сознаётъ теперь, что поспѣшилъ! — „Вотъ видите, а въ этой поспѣшности вся суть дѣла. Она была причиною всей дальнѣйшей исторіи, и мы тутъ не причемъ. Неумѣстны были также объясненія передъ аудиторіей первокурсниковъ, а затѣмъ съ распорядителями концерта. Когда онъ благодарилъ студентовъ-распорядителей за то, что они охраняли его въ концертѣ, то ему отвѣчали, что они охраняли вообще порядокъ и всехъ своихъ гостей. Ректоръ поспѣшилъ прибавить: вотъ за это-то я васъ и благодарю. Въ это время одинъ изъ юристовъ, выступивъ впередъ, началъ высказывать ему чувство уваженія, довѣрія и проч. Тогда остальные распорядители стали понемногу уходить. Послѣ этого неудачнаго объясненія онъ и подалъ въ отставку, а затѣмъ явился и адресъ, въ которомъ говорилось, что вполне сочувствуютъ во всехъ отношеніяхъ способу

дѣйствій ректора. Въ концѣ я прибавилъ, что во всю свою жизнь я привыкъ ставить общій интересъ выше своего личнаго и въ данномъ случаѣ мною двигало также не личное неудовольствіе. На будущее время я также готовъ забыть все прежнее, и г. ректоръ можетъ быть увѣренъ, что онъ встрѣтитъ съ моей стороны полное сочувствіе во всемъ, что касается блага Университета. Потомъ Деляновъ перешелъ на застраиванье. „Если случатся какіе-нибудь безпорядки и волненія между студентами, то это можетъ отозваться для васъ весьма дурно“, сказалъ онъ. — „Но это будетъ въ высшей степени несправедливо, замѣтилъ я. Ни я, ни професс. Столѣтовъ, мы, кажется, не принадлежимъ къ лицамъ, которымъ бы можно поставить въ упрекъ, что мы способны дѣлать поблажки вреднымъ и неправильнымъ поступкамъ студентовъ“. — „Да... , но всетаки я вамъ повторяю, что это можетъ отозваться на васъ неблагоприятно“. Выведенный изъ терпѣнія этими угрозами, какъ какимъ-то школьникамъ, я сказалъ: „Что же дѣлать! Я думалъ, что 30 лѣтъ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности и служилъ, что называется, вѣрой и правдой. Придется перемѣнить убѣжденіе и думать, что я ошибался“.

На этомъ окончился почти двухъ-часовой разговоръ, въ теченіе котораго намъ пришлось выслушать нравственныхъ замѣчаній и наставленій вродѣ того, напр., что у насъ есть начальство, къ которому мы должны обращаться въ случаѣ недоразумѣній и размолвокъ съ ректоромъ или деканомъ и т. п. Затѣмъ мы ушли, и два сіятельные проходимца, ненавидящихъ другъ друга, но ловко умѣющихъ принаравливаться къ обстоятельствамъ, остались одни для совѣщанія.

Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, что Деляновъ былъ сначала попечителемъ Петербургскаго университета, а затѣмъ товарищемъ министра въ самое либеральное время, а теперь съ увлеченіемъ служить современному ультрареакціонному направленію. Впрочемъ, по существу, нѣтъ большой разницы между прежнимъ и новымъ направленіемъ. И въ томъ и въ другомъ всему основной служить произволь. Тогда у произвола была подкладка либерально-соціалистическая, а теперь чиновно-бюрократическая, и не разберешь, которая лучше, которая хуже, потому что на произволь, хотя нельзя сказать, что далеко не уѣдешь, но во всякомъ случаѣ пріѣдешь не туда, куда слѣдуетъ.

*

10 *Юля нов. ст.* Баденъ близъ Цюриха. Около трехъ мѣсяцевъ я не брался за эту тетрадь, хотя за это время произошло многое, что должно быть въ нее внесено. Но все это до такой степени пошло и возмутительно, что противно описывать и тѣмъ еще болѣе разстраи-

вать себѣ нервы, а потому отлагаю до времени болѣе благопріятнаго здоровья. Въ Апрѣлѣ и Маѣ это меня все такъ уходило, что въ теченіе двухъ недѣль я не выходилъ далѣе кабинета и долженъ былъ болѣею частью лежать, и экзаменъ въ Комисіи пропеходилъ въ аудиторіи-лабораторіи, куда я съ трудомъ вышелъ съ помощью палки. Теперь уже вотъ 3 недѣли, какъ я выѣхалъ изъ милаго отечества и по мѣрѣ того, какъ сладкій дымъ его оставался все далѣе позади, я все болѣе и болѣе оживалъ; а здѣсь, въ маленькомъ городѣ, въ странѣ разумно понимаемой свободы, я чувствовалъ бы себя совершенно счастливымъ и спокойнымъ, если бы не воспоминанія и не отголоски изъ того же милаго отечества, часто напоминающія о нашихъ всевозможныхъ безобразіяхъ. Въ особенности гнететь мысль, что черезъ два мѣсяца я долженъ быть опять въ Москвѣ. Какъ охотно поселился бы я здѣсь на нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть и навсегда, чтобы, набравшись силъ, снова явиться домой на борьбу. На борьбу! Да къ чему она? Вѣдь ничего не достигнешь. Въ эту минуту я случайно взглянулъ на обертку календаря Гатцука, который жена захватила съ собой, и вижу тамъ изображено: „413-й годъ со времени сверженія Татарскаго ига“. Въ четыре столѣтія, нечего сказать, далеко мы ушли! Не тотъ ли же ханъ и не тѣ ли же баскаки, для которыхъ законъ существуетъ только для того, чтобы его нарушать постоянно и всегда, какъ только вздумается? Недавно еще это дѣлалось просто во имя произвола или, вѣрнѣе сказать, безъ всякихъ разсужденій, и все съ этимъ мирились, какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ. Такъ было при Николаѣ; но, какъ извѣстно, въ прошлое царствованіе мы сдѣлали „огромный шагъ въ направленіи прогресса“, и вотъ теперь мы уже не можемъ оставаться рабами. ибо узнали, что рабство унижительно для цивилизованныхъ народовъ. Теперь мы не безсознательные рабы; за послѣднія 15 и въ особенности 10 лѣтъ у насъ появились въ литературѣ (благодаря талантливой инициативѣ Каткова) ученія, возводящія съ одной стороны произволь, а съ другой рабскую покорность въ теорію. Мы, постигнувъ быстро Европейскую науку и весь строй Европейской жизни, пришли къ сознанію, что Россія не можетъ иначе существовать, какъ при строгомъ полицейско-правительственномъ контролѣ и указаніяхъ во всѣхъ мельчайшихъ частностяхъ нашей жизни. Это весьма утѣшительно. Теперь мы поняли, что Русскій человекъ не можетъ и думать о своей индивидуальной самостоятельности. Его священный долгъ долженъ состоять въ принесеніи всего себя въ жертву на алтарь отечества, а способъ къ этому долженъ заключаться въ провинновеніи себя сознаниемъ, что все, что творится благотѣльнымъ начальствомъ, направлено къ нашему благу и счастью; начальству же отнюдь не вмѣняется въ

обязанность справляться съ законами нравственности. Оно можетъ и обязано не обращать на нихъ никакого вниманія „какъ скоро имѣется въ виду общее благо“.

А безъ побой вся Русь хотъ вой:
И упадетъ, и пропадетъ!...

О, Господи, долго ли еще такъ будетъ? Во всякомъ случаѣ другого мнѣ не увидать, да и дѣти до этого не доживутъ. Наполеонъ былъ вполне правъ, когда сказалъ: „поскоблите немного Русскаго, и вы найдете Татарина“. Мы во многомъ хуже Татаръ. У Татаръ, и вообще у людей Востока, есть сознаніе собственнаго достоинства, которое ясно выражается во всей манерѣ держать себя. У насъ, какъ и вообще у Славянъ, не слившихся вполне своего развитія съ развитіемъ Западной Европы, этого нѣтъ. У Русскаго сознаніе своего достоинства выражается въ грубости относительно къ другому, кого онъ не боится; у Поляка—въ высокомеріи; у Болгарина—въ забвеніи всего, чѣмъ онъ вамъ обязанъ и въ способности порицать и злословить васъ, какъ скоро онъ болѣе въ васъ не нуждается; рядомъ съ этимъ льстивая любезность и заискиванье, когда рассчитываютъ чего либо достигнуть. У Поляковъ это рѣзко обозначилось въ выраженіи „падамъ до ногъ“. Мы, Русскіе, однако такъ далеко не идемъ, какъ Поляки и Болгары, и въ этомъ отношеніи, къ счастью, стоимъ ближе къ Татарину, который никогда не станетъ унижаться изъ-за достиженія какихъ-нибудь выгодъ. Какъ извѣстно, у насъ существуетъ культъ поклоненія необычайной способности и смѣливости Русскаго человѣка въ сравненіи, напр., съ Нѣмцемъ. Эта самоувѣренность принесла и приноситъ намъ много вреда, тѣмъ болѣе, что она основана на совершенно поверхностномъ наблюденіи. Сколько разъ мнѣ приходилось въ жизни убѣждаться въ противномъ. Татаринъ, напр., въ дѣйствительности гораздо смысленнѣе Русскаго и, кромѣ того, если ужъ онъ честенъ, то честенъ безусловно. Живя въ Нижегородской и Казанской губерніяхъ, не трудно замѣтить, что на смысленность Татарина всегда рассчитывается больше, чѣмъ на Русскаго, а на Нижегородской ярмаркѣ Русскіе купцы для охраны лавокъ никогда не берутъ Русскихъ, а только Татаръ. Русскій быстро схватываетъ, но поверхностно, и влѣдствіе самоувѣренности воображаетъ, что понялъ всю суть дѣла. Вотъ почему трудно добиться, чтобы при объясненіи онъ слушалъ и вообще относился къ дѣлу внимательно. „Ты хорошо понялъ, чтѣ я тебѣ объяснялъ?“ — „Какъ же-съ, помилуйте, отчего не понять? Ужъ будьте благонадежны, сдѣлаемъ какъ слѣдуетъ!“ Потомъ оказывается, что дѣло испорчено, не узнавъ сути, а если скажешь: „Какъ же ты говорилъ, что все понялъ?“

„Да я думалъ, что это все равно“. А наши патріоты думаютъ, что Нѣмецъ тупъ, когда онъ внимательно разсматриваетъ прежде чѣмъ взяться за дѣло и если не понялъ, то отказывается отъ него.

12 *Юля*. Если вышеписанное прочитаютъ соотечественники, то 99% изъ нихъ скажетъ, что я чѣмъ нибудь раздражилъ мое мнѣніе—очевидная утрировка. Но я глубоко убѣжденъ, что наше самомнѣніе составляетъ одинъ изъ источниковъ нашего социальнаго и политическаго несчастія. Развѣ не проявляется та же поверхностность въ отношеніи къ исполненію своихъ обязанностей у всѣхъ нашихъ агентовъ правительства, начиная съ самаго мелкаго чиновника и кончая любимымъ министромъ? Исключенія конечно есть, но они рѣдкость. Примеровъ привести можно было бы много, особенно за послѣдніе 40 лѣтъ, когда явилась возможность до нѣкоторой степени проявиться нашему характеру въ болѣе опредѣленной и ясной формѣ. Возьмемъ, напр. освобожденіе крестьянъ. Мѣра грандіозной государственной важности, послѣдствія которой и до сихъ поръ еще ни для кого не выяснились, хотя бы приблизительно. Но одно однакоже слѣдовало уяснить себѣ прежде чѣмъ на нее рѣшиться—это экономическія послѣдствія реформы. Разумѣется, никто не рассчитывалъ принести вредъ реформой; напротивъ, всѣ ожидали благоденствія въ ближайшемъ будущемъ. Такъ называемые крѣпостники далеко не такъ виноваты, какъ это доказываютъ либералы; ихъ противодѣйствіе, весьма слабое и пассивное, какъ всякое фрондированіе Русскаго человѣка, было лишь результатомъ совершенно правильнаго, инстинктивнаго сознанія своего безсилія и неподготовленности къ дѣятельности при предстоявшихъ новыхъ условіяхъ. Остальная, большая половина нашего тогдашняго общества, съ правительствомъ во главѣ, не долго думая, порѣшила „освободить, а затѣмъ послѣ разберемся“. Вотъ и разбираются и до сихъ поръ не могутъ разобраться; а между тѣмъ помѣщики всѣ разорены безо всякой пользы для крестьянъ, потому что и эти послѣдніе, въ свою очередь, тоже разорены. Говорятъ, что страна производитъ теперь больше хлѣба, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ. Да, но при этомъ упускаются изъ виду увеличившееся народонаселеніе и масса вновь распаханной земли изъ подъ лѣса и луговъ. Если же сравнить урожайность на десятинѣ 35 лѣтъ тому назадъ и теперь, то оказывается, что она уменьшилась на старыхъ земляхъ на 50%. Мы ведемъ хищническое экстензивное хозяйство и перешли къ нему отъ прежняго болѣе интензивнаго съ лучшей обработкой земли, съ удобреніемъ. Развѣ это можно назвать прогрессомъ? Пришли къ убѣженію въ необходимости просвѣщенія и для этого реформировали, гимназій и университеты, уничтоживъ въ послѣднихъ

Николаевское штатное число студентовъ; а когда, несмотря на все ошибки и во многихъ случаяхъ недобросовѣстное пользованіе самоуправленіемъ, въ университетахъ проявилась необычайная дѣятельность, выразившаяся быстрымъ развитіемъ нашей научной жизни, то испугались прибрѣтенной университетами нѣкоторой самостоятельности, перевернули въ нихъ все вверхъ ногами и поставили ихъ въ бѣольшую зависимость отъ чиновничества, чѣмъ это было даже при Николаѣ. Господа министры, если вы хотите, чтобы у насъ развивалось просвѣщеніе, т. е. наука, то поймите же, что это возможно теперь только при одномъ неизбѣжномъ условіи, чтобы занимающійся наукой пользовался извѣстной долей уваженія и независимости отъ вашихъ чиновниковъ, будь то тѣ же самые профессора. Вы увеличили доходность профессорскаго мѣста, но деньгами одними не создадите ученыхъ, если, не смотря ни на какія ихъ научныя заслуги, вы будете третировать ихъ какъ не позволяете себѣ, вѣроятно, третировать ни одного департаментскаго чиновника.

13 Июля. Довольно объ отечествѣ! Это только раздражаетъ, а я уже достаточно жертвовалъ своимъ здоровьемъ, чтобы, наконецъ, позволить себѣ подумать и о себѣ.

Сегодня въ 6 ч. утра насъ разбудили пушечной пальбой, а потомъ барабаннымъ боемъ по улицамъ: знакъ, что два дня откладывавшійся по случаю дурной погоды праздникъ для школьниковъ сегодня будетъ праздноваться, хотя, того и гляди, опять будетъ дождь. Но я не беру ванны, чтобы поскорѣе напиться кофе и идти смотрѣть на торжественное шествіе учениковъ въ церковь, гдѣ будутъ музыка, пѣніе и рѣчи. Какъ это маленькій городишко, всего съ 4-мя тысячами жителей, можетъ набрать столько учащихъ дѣтей, чтобы устраивать для нихъ такіа торжества? Я былъ убѣжденъ, что въ праздникъ должны принимать участіе нѣсколько городовъ или по крайней мѣрѣ все окрестныя мѣстечки, но ошибся. Праздновать окончаніе учебнаго года только Бадень, но праздновалъ весь отъ малаго до большого и отъ бѣднаго до богатого, и праздновалъ не оффиціально только, а со всемъ увлеченіемъ. Это былъ день, когда до 8 ч. вечера господствовали дѣти, а родители какъ бы ступевались, заботясь лишь объ удовольствіи дѣтей, будущей надеждѣ отечества, какъ гласилъ одинъ изъ стиховъ надписи на воротахъ въ школьный садъ, гдѣ потомъ происходили все увеселенія.

Въ 6 ч. утра пушечные выстрѣлы, а потомъ обходъ города барабаницами возвѣстили, что праздникъ состоится въ этотъ день. Къ 8^{1/2} ч. все учащееся и учащее, а также члены городского управ-

ленія и всѣ служашіе, вмѣстѣ съ приглашенными почетными лицами, собрались на училищной площади, и затѣмъ шествіе направилось въ католическую церковь, какъ самую большую изъ городскихъ церквей. За Швейцарскимъ знаменемъ впереди шли барабанщики, а затѣмъ нѣсколько взводовъ учениковъ, начиная съ 12-ти лѣтняго возраста, всѣ въ военной формѣ и съ ружьями. (Въ Швейцаріи съ введеніемъ общей воинской повинности всѣ дѣти съ 12-ти лѣтняго возраста обучаются военнымъ приемамъ и стрѣльбѣ. Ихъ называютъ казенными. Это продолжается и въ гимназіи два раза въ недѣлю по часу. Такимъ образомъ къ отбыванію воинской повинности являются молодые люди уже съ хорошей подготовкой, что даетъ возможность сократить срокъ службы. На стрѣльбу также обращается большое вниманіе, и всѣ дѣти стрѣляютъ превосходно). Подходя къ церкви, юная армія выстраивалась шпалерами по обѣимъ сторонамъ входа. Кадеты имѣли также свое собственное знамя. За ними шли молодые ученики и оркестръ музыки, который остановился у поворота къ церкви и игралъ маршъ, когда кадеты съ своими барабанщиками заняли мѣсто передъ церковью. Затѣмъ шла стройной толпой масса дѣвочекъ при безпрестанно повторяющихся пушечныхъ выстрѣлахъ. Дѣвочки были въ самыхъ праздничныхъ платьяхъ и большею частью съ букетами цвѣтовъ. Ихъ было болѣе 500. Въ шествіи принимало участіе здѣшнее нѣмецкое общество и не менѣе 20 дѣвицъ, которыя должны были участвовать въ хорѣ. Въ процессіи и вообще въ праздникѣ принимали участіе не только настоящіе, но и будущіе учащіеся, такъ какъ между мальчиками и дѣвочками я видѣлъ много клоповъ, не болѣе какъ 4-лѣтняго возраста.

Вся середина церкви наполнилась дѣтьми, и родителямъ пришлось стоять позади или на хорахъ. Послѣ органа и пѣнія хороваго общества одинъ изъ представителей города обратился къ дѣтямъ съ рѣчью. Сначала онъ попросилъ извиненія за то, что празднованіе пришлось отложить на два дня, а затѣмъ говорилъ, какъ важно для нихъ приучаться къ труду. Здѣсь, гдѣ всякій считаетъ обязанностью трудиться, эти фразы нельзя назвать общими фразами. Онѣ имѣли реальный смыслъ и значеніе. Затѣмъ всѣ дѣти пропѣли патріотическую пѣсню, потомъ пѣлъ смѣшанный хоръ и, наконецъ, органъ. Я сидѣлъ со стороны дѣвочекъ и обратилъ вниманіе, кто поетъ. Не пѣли только самыя маленькія, вѣроятно тѣ, которыя еще не ходятъ въ школу. Видъ дѣвочекъ производилъ особенно отрадное впечатлѣніе. Мальчики въ своихъ сѣрыхъ и черныхъ костюмахъ не имѣли такого праздничнаго вида и при томъ у нихъ уже съ дѣтства является то серьезное, сосредоточенное выраженіе, которое отличаетъ сѣвернаго Швейцарца. У дѣтей

этотъ недостатокъ оживленія на лицѣ производитъ даже впечатлѣніе тупости. Дѣвочки, напротивъ, гораздо оживленнѣе и милѣе. Еще съ Субботы по всему городу встрѣчались дѣвочки съ напильотками, и на праздникъ все младшія явились съ кудрями, убранными натуральными или искусственными цвѣтами. Когда мимо меня проходила эта прелестная толпа дѣтей, первы мои не выдержали, и у меня появились слезы. Каюсь, что я не могъ не вспомнить опять объ Россіи, и мнѣ было невыразимо грустно сравненіе. Вспомнилось мнѣ, какъ мои младшія дѣти привезли въ прошломъ году различныхъ дѣтскихъ книжекъ и раздавали ихъ крестьянскимъ дѣтямъ для чтенія. Кончилось тѣмъ, что черезъ мѣсяць уже не было ни одной книжки: маленькіе ворышки, а будущіе большіе воры, мало по малу ихъ разобрали и не возвращали.

Изъ церкви тѣмъ же порядкомъ шествіе отправилось обратно на площадь училища, гдѣ дѣтей распустили, и большинство разбѣжалось по домамъ, откуда они приносили себѣ тарелку, стаканъ, ножикъ съ вилкой и ставили на столъ на свой номеръ. Длинныя столы съ лавками были покрыты вмѣсто скатертей огромными листами толстой бѣлой бумаги. Закусивъ нѣсколько, ученики разошлись по домамъ, а собрались потомъ на площади желѣзной дороги, откуда шествіе, уже въ другомъ, нѣсколько измѣненномъ порядкѣ, снова отправилось въ училищный садъ, гдѣ дѣтямъ опять дали по куску мяса съ булкой, чего-то сладкаго и по стакану легкаго вина, и затѣмъ начались танцы на особенно устроенной платформѣ. Къ счастью, день былъ не жаркій, и при томъ большія деревья совершенно защищали отъ солнца какъ за столами, такъ и на платформѣ. Въ 8 часовъ три пушечныхъ выстрѣла возвѣстили окончаніе дѣтскаго праздника, начали танцовать взрослые, а за столами пили пиво и преимущественно дешевое вино Schlossberger (мѣстное). Во все время насъ, Русскихъ, не могъ не поражать удивительный во всемъ порядокъ и правильность въ исполненіи программы, какъ будто все дѣлалось послѣ многочисленныхъ репетицій, чего въ дѣйствительности не было. И при этомъ совершенное отсутствіе полиціи, что уже для нашихъ понятій являлось безобразіемъ. Я видалъ разные народные праздники въ Германіи и во Франціи; тамъ тоже не было безобразій, къ которымъ мы такъ привыкли въ подобныхъ случаяхъ у себя дома, но здѣсь все происходило необыкновенно чинно, а между тѣмъ все веселилось отъ души, и поздно вечеромъ можно было встрѣтить даже довольно много порядочно выпившихъ. Впрочемъ, виноватъ, полицейскіе были, но они ganz gemütlich попивали пиво, и только двое изъ нихъ стояли у входа на платформу, чтобы удержи-

вать публику и не давать ей стѣснять танцующихъ; а вечеромъ они нѣкоторымъ образомъ исполняли обязанность распорядителей праздника, привязывая въ петличку танцующихъ кавалеровъ (взрослыхъ) красненькую ленточку и получая съ нихъ по полуфранку въ пользу комитета, устроившаго праздникъ. Но для прїѣзжихъ дѣлались исключенія. Мой докторъ былъ любезно остановленъ словами: Herr Doktor, erlauben Sie¹⁾ и ему привязали ленточку, а одинъ изъ живущихъ въ нашемъ отелѣ, отправившійся танцовать, былъ пропущенъ безпрепятственно, и имъ по видимому доставляло удовольствіе, что въ ихъ домашнемъ празднествѣ принимаютъ участіе и посторонніе. Когда полицейскій увидѣлъ двухъ нашихъ дѣвицъ, танцующихъ одна съ другою польку, то онъ съ добродушной улыбкой замѣтилъ своему товарищу: баде-гестъ!²⁾

14 Июля. Баденъ (Швейцарскій) повидимому почти совершенно неизвѣстенъ нашимъ врачамъ, и являющіеся сюда Русскіе подаютъ сюда по указаніямъ Германскихъ, а болѣе Швейцарскихъ врачей или прямо, отыскавъ пристанище по Бедкеру или Шмидту. А между тѣмъ этотъ городокъ для многихъ больныхъ представляетъ много привлекательнаго, хотя въ немъ считается не болѣе 4000 жителей. Мѣстоположеніе очень красивое съ большимъ обиліемъ растительности и прекрасными прогулками. Очень сильныхъ жаровъ здѣсь не бываетъ, но и въ самый яркій солнечный день и для всякаго часу дня можно выбрать тѣнистое мѣсто для прогулки, гдѣ не страдаешь отъ несносной жары. Окружающія горы не высоки и не дѣлаютъ грандіознаго впечатлѣнія, какъ въ центральной или южной части Швейцаріи; покрытыя лѣсомъ или виноградниками, мягкія очертанія ихъ производятъ болѣе успокоивающее впечатлѣніе. Вообще, кто пьетъ на водахъ не увеселеній или развлеченій, а спокойной жизни, тотъ найдетъ здѣсь все прекрасныя для того условія, за исключеніемъ извозчиковъ. Таковыхъ не полагается. Съ желѣзной дороги васъ доставятъ въ экипажъ отеля. А если вы желаете сначала ориентироваться и выбрать себѣ гостиницу, то оставьте вещи на вокзалѣ и отправляйтесь пѣшкомъ. Черезъ часъ вы покончите съ вашими исканіями, такъ какъ все прїѣзжіе останавливаются въ отеляхъ, а они все построены на самыхъ источникахъ. Можете, пожалуй, остановиться на день въ одномъ изъ отелей верхней части города близъ самой желѣзной дороги, чтобы устроиться потомъ не спѣша. Впослѣдствіи для поѣздокъ за городъ экипажъ можно всегда имѣть изъ отеля. Малая населенность города и

¹⁾ Господинъ докторъ, позвольте.

²⁾ Badegäste (прїѣхавшіе на воды).

множество садовъ дѣлають воздухъ совершенно чистымъ, какъ въ деревнѣ. Устройство ваннъ въ большинствѣ случаевъ очень простое. Это въ большинствѣ случаевъ просто квадратные цементированные резервуары, но есть и мраморные. За то и цѣна за ванну дешевая, отъ 60 с. до 1 фр. съ бѣльемъ. Баденъ имѣеть ту особенность, что источники составляютъ частную собственность. Каждый отель въ нижней части города имѣеть свой источникъ, и все прочее гидротерапевтическое устройство занимаетъ нижнюю подвальную часть дома. Это имѣеть то огромное преимущество, что больные, не стѣсняясь дурной погодою, могутъ безпрепятственно вести свое лѣченіе. такъ сказать, у себя дома, не боясь простуды послѣ горячей ванны, въ которую можно отправляться даже въ халатѣ. Нижняя часть города совершенно защищена отъ холодныхъ вѣтровъ, и вообще сильный вѣтеръ бываетъ рѣдко. Въ то время какъ на площадкѣ около казино, или по-нѣмецки кургауза, бываетъ довольно вѣтрено, внизу почти совершенно спокойно. Число пріѣзжающихъ лѣчиться сравнительно не велико, за лѣто около трехъ тысячъ, а потому и жизнь дешева. Если принять однако во вниманіе, что на нашихъ почти единственныхъ Кавказскихъ минеральныхъ водахъ на всѣхъ четырехъ группнахъ число пріѣзжихъ не превышаетъ 8 тысячъ въ самый удачный годъ, то оказывается, что маленькій Баденъ далеко обогналъ нашъ знаменитый Пятигорскъ и к^о. Излишне, конечно, прибавлять, что здѣсь за 4 р. въ день можно жить съ большимъ комфортомъ, имѣя прекрасный столъ, а въ Пятигорскѣ или Кисловодскѣ во время разгара сезона приходится платить въ гостиницѣ 3 рубля только за одну мало-мальски порядочную комнату, и нигдѣ нельзя имѣть хорошаго обѣда. На правомъ берегу р. Лимагъ, вытекающей изъ Цюрихскаго озера, лежитъ предмѣстье, гдѣ отели еще дешевле.

НВ. 20 водоносныхъ жилъ даютъ въ день 1.020 м. литровъ воды t° отъ 39° до 49° С., большая часть 46°,5 = 37° R. Средняя температура въ Іюнь (н. ст.) 7 ч.—15,5, 1 ч.—21,7, 9 ч.—14,1°, Іюль 15,6—23,2; 15,3. Августъ 14,6; 21,3; 14,4. Средняя относительная влажность Іюнь—77,5, Іюль—74,3, Августъ—79,3. Климатъ вълѣдствіе положенія Бадена между двумя параллельными цѣвями горъ съ Запада на Востокъ, которыя соединяются между собою еще поперечными менѣе высокими горами—весьма мягкій и пріятный. Съ N Goldener Wand. Ванны два раза въ день; вечеромъ въ 5—6 ч. Въ нѣкоторыхъ отеляхъ водѣ на вечернія ванны не достааетъ. Въ водѣ ваннъ ни малѣйшаго запаха, который очевидно теряется при перекачиваніи на верхній бассейнъ.

20 *Июля*. Вчера наконецъ опять хорошій день, и мы тотчасъ послѣ обѣда поѣхали съ Шведнерами въ Оберорсдорфъ, на обратномъ пути пѣшкомъ поднялись на Baldeck. И тамъ и тутъ видъ на сибѣжную цѣпь Бернъ-оберландъ великолѣпный, съ Риги и Пилатомъ на ближайшемъ планѣ. Въ бинокль на Риги можно даже рассмотреть гостиницу. Видъ съ Оберорсдорфа обнимаетъ меньше горной цѣпи, но за то Риги отсюда ближе, и къ этому прибавляется еще видъ на широкую долину, поднимающуюся постепенно по направленію къ Риги. По долинѣ, испещренной полями созрѣвшей ржи и пшеницы и мелкими перелѣсками, разбросаны повсюду домики и фермы, а на отдаленномъ планѣ виднѣтся какой-то городокъ. Бальдекъ лежитъ нѣсколько выше и расположенъ такъ, что ближайшіе пригорки не мѣшаютъ схватить сразу почти вдвое большее пространство сибѣжной цѣпи; но подъемъ довольно крутой, и дорога, только недавно расширенная, усыпана талькой, что еще болѣе затрудняетъ путника. Къ удивленію всѣхъ я прошелъ ее безъ особаго труда, благодаря кружкѣ пива, выпитой на Оберорсдорфѣ. Въ обоихъ пунктахъ есть не только рестораны, но даже можно имѣть комнаты съ пенсіономъ. Сюда иногда прѣзжаютъ на дачу Франсузы, какъ говорятъ, для воздуха. За сутки берутъ 4—5 франковъ. Намъ такъ понравилось, что женѣ очень хотѣлось остаться переночевать, чтобы полюбоваться утромъ восходомъ солнца, но сегодня съ утра было опять хмуро и прояснилось только къ 9 ч. Я чувствую себя вообще удовлетворительно: болѣй въ ногахъ не было, но есть нѣкоторое утомленіе въ нихъ. Странный народъ эти Баденцы: не заведутъ извозчиковъ. Каждый разъ, чтобы предпринять поѣздку, приходится одолжаться, прося экипажъ у хозяйки. Лошадьми можно пользоваться лишь на короткое время, такъ какъ онѣ съ тѣмъ же кучеромъ возятъ омнибусъ на станцію желѣзной дороги.

23 *Июля*. Погода стоитъ дождливая вотъ уже двѣ недѣли. Такъ повидимому повсюду, но съ весны были сильныя засухи во Франціи и въ особенности въ Германіи, гдѣ вслѣдствіе недостатка корма и подстилки для скота запретили даже вывозъ этихъ продуктовъ. Въ Англіи однако, не смотря на странно вздорожавшій кормъ, никакихъ защитительныхъ мѣръ по обыкновенію не принимаютъ. Изъ Россіи слухи объ урожаѣ весьма благоприятны, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ необычайный. Казалось бы, при такихъ условіяхъ мы могли бы покрыть свои потери отъ предшествующихъ двухъ неурожайныхъ годовъ; но этого, разумѣется, не будетъ. Наши торговые отношенія къ Европѣ можно опредѣлить такъ: при покупкѣ мы платимъ сколько запросятъ,

при продажѣ получаемъ сколько намъ дадутъ. Почему? Потому что мы играемъ роль страны эксплуатируемой, и Европейцы суть наши господа. Хотя несомнѣнно, что мы могли бы занять совершенно самостоятельное экономическое положеніе, но для этого нужно больше знать, больше шевелить мозгами и больше трудиться, а въ хлѣбной торговлѣ мы сдѣлали большой шагъ назадъ. Двадцать лѣтъ назадъ вывозная торговля была въ рукахъ Русскихъ капиталистовъ по крайней мѣрѣ въ сѣверныхъ портахъ; теперь она большею частью въ рукахъ Евреевъ.

Въ Фигаро напечатана корреспонденція какой-то Пашковой о бунтѣ рабочихъ на Егорьевской мануфактурѣ Хлудова. Хлудова я знаю. Это, не смотря на свои милліоны, большой скряга, но на Русскій купеческій манеръ, т. е. старается все сдѣлать подешевле, а гдѣ такъ и прижать, а на различныя свои фантазіи бросаетъ сотни тысячъ.

26 Июля. Ѣздили въ Шинцнахъ вмѣстѣ съ Хохловкиными. Все заведеніе въ Шинцнахъ принадлежитъ одному акціонерному обществу. Хотя это считается фешенебельнымъ мѣстомъ лѣченія, но цѣны все-таки умѣренныя. Прилично меблированная комната съ полнымъ пенсіономъ стоитъ 12 фр. съ 15 Июля, а съ 15 Мая 8 фр. Ванны не роскошны, такъ что у насъ даже въ Пятигорскѣ лучше; но за то здѣсь прекрасно устроены приспособленія для души, вдыханія паровъ и пульверизаціи, на что у насъ почему-то совсѣмъ не обращено вниманія. Скука и однообразіе жизни должны царить здѣсь вполне. Прогулокъ хорошихъ съ красивыми видами тоже нѣтъ, за исключеніемъ представляющихъ мало интереснаго развалины замка Габсбурговъ, колыбели Австрійскаго дома. Но въ ясную погоду видъ отсюда на снѣжную цѣпь прекрасный, хотя хуже Баденскаго Бальдека. Комитетъ, содержащій воды, имѣетъ свое полное хозяйство: 60 коровъ, 20 лошадей, курятники и пр.

Хохловкины, съ которыми мы здѣсь познакомились, оказались Караймами. Намъ долго интересовало, что это за народъ? Отецъ и мать говорятъ по-русски съ ошибками, и я никакъ не могъ догадаться, какого они племени. Каждый народъ ломаетъ чужой языкъ на свой манеръ, и всегда легко узнать Нѣмца, Француза или Еврея, говорящаго по-русски. Караймы произносятъ совершенно правильно, но больше всего дѣлаютъ ошибокъ въ родахъ мѣстоименій, часто говоря *они* вмѣсто *онъ*. Дочери, изъ которыхъ одна очень хорошенькая, воспитывались въ гимназій и говорятъ совершенно правильно. Замѣчательно, что и у Караймовъ, гдѣ замкнутость въ своемъ тѣсномъ пле-

менномъ кругу была еще такъ недавно отличительнымъ явленіемъ, проявляется въ послѣдніе годы въ такой сильной степени сліяніе съ Русскими въ отношеніи языка. У Евреевъ это выражается еще рѣзче. Пріѣхавъ два года тому назадъ, я былъ пораженъ, услыхавъ повсюду на улицѣ и въ публичныхъ мѣстахъ исключительно Русскій языкъ и при томъ совершенно правильный, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особыхъ выраженій, свойственныхъ вообще южнымъ Русскимъ, напр. я скучать за васъ, вмѣсто я объ васъ соскучился. Между тѣмъ 15 лѣтъ тому назадъ слышались разговоры Французскіе, Греческіе и больше всего Еврейскіе. Молодое поколѣніе Евреевъ даже между собой старается говорить по-русски, по крайней мѣрѣ на публикѣ, чтобы ихъ приняли за Русскихъ. А за границей наши Евреи всегда называютъ себя Русскими. На обрусѣніе Одессы вліялъ, конечно, много университетъ; но главнымъ образомъ наплывъ туда Русскаго элемента съ открытіемъ въ ней судебного и военного округовъ, такъ какъ до того Русскаго общества почти не существовало. Но несомнѣнно самой главной причиной было развитіе и распространеніе школъ, начиная съ низшихъ до высшихъ, и общее стремленіе къ обученію, такъ рѣзко выразившееся въ прошлое царствованіе, и развитіе общихъ культурныхъ и экономическихъ интересовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ 20 л. не будетъ существовать у насъ на Югѣ и Нѣмецкаго вопроса. Пока Нѣмецкія колоніи жили отдѣльной своей жизнью, имъ не было надобности ни въ Русскомъ языкѣ, ни въ Русскомъ образованіи. Теперь дѣло стоитъ иначе, и нѣтъ надобности поднимать гвалтъ и кричать, что у насъ на Югѣ создалась новая Германія. Скоро по-нѣмецки будутъ говорить только старики. Обрусѣніе пошло бы у насъ повсюду еще охотиѣе, если бы этому не мѣшало наше духовенство, не соглашающееся, чтобы Католики и Лютеране отправляли богослуженіе на Русскомъ языкѣ. Нѣмецъ долженъ непременно изучать Нѣмецкій языкъ, хотя бы онъ родился въ Россіи, потому что онъ иначе не можетъ отправлять своихъ религіозныхъ обязанностей. Чтобы сдѣлаться вполне Русскимъ, ему необходимо перейти въ православіе; а въ интересахъ Россіи этого, въ сущности, не требуется. Если бы Лютеранское богослуженіе совершалось по-русски, то и иностранные Нѣмцы, живя нѣсколько лѣтъ въ Россіи, должны были бы учиться по-русски, чтобы присутствовать въ церкви. Я не говорю уже о Полякахъ, у которыхъ не только искусственно поддерживается Польскій языкъ, но и другихъ Католиковъ дѣлаютъ съ ними болѣе или менѣе солидарными, потому что во всей Россіи, за исключеніемъ Москвы и Петербурга, заставляютъ молиться въ Польскихъ церквахъ и имѣть духовниками Польскихъ ксендзовъ. Не трудно себѣ представить, что было бы, если бы,

установивъ дополнителныя молитвы на Русскомъ языкѣ, наше правительство не допустило бы Польскихъ священниковъ во всѣхъ губерніяхъ кромѣ Польскихъ.

(15) 27 *Юля*. Сегодня я именинникъ и сижу цѣлый день дома, потому что весь день идетъ дождь, а вчера на ночь меня обрабатывали мокрой простыней и, кажется, простудили.—Здѣсь, т. е. въ Швейцаріи, поразительно дешево нѣкоторые продукты, не смотря на недостатокъ земли и густоту населенія. Картофель стоитъ 8 фр. за 100 к., т. е. 1 фр. 30 с. пудъ или 32 к., когда въ Москвѣ онъ рѣдко бываетъ дешевле 30 коп., обыкновенная же цѣна 35—40 к. Медь лучшей стоитъ въ розничной продажѣ 2—2 50 фр., а анталъ 1. 30—2 фр. Но за то чертовски дороги лошади: за посредственную нужно заплатить 1600 фр. Мнѣ рассказывали, что какой-то Нѣмецъ купилъ въ Карлсбадѣ незавидную лошадь и привезъ сюда съ собой въ Баденъ, заплативъ тамъ 1500 фр. Говорятъ, у насъ такая лошадь стоитъ не болѣе 170 рубл. Какія же деньги наживаютъ Австрійскіе ремонтеры, покупающіе у насъ лошадей по 200 рубл.? А наши газеты, сообщая объ этомъ, радуются, что намъ даютъ хорошія цѣны. Если бы лѣнивый Русакъ отвезъ въ Австрію въ годъ сто лошадей, то навѣрное нажилъ бы чистыхъ 10000. Кукуруза 17 фр. за 100 к. Хохловкинъ вчера говорилъ мнѣ, что онъ для своего винокуреннаго завода покупаетъ теперь по 35 коп. за пудъ въ Мелитополь.

12 *Августа*. Вчера пріѣхали въ Энгельбергъ черезъ Цюрихъ и Риги. Женѣ хотѣлось побывать на Риги-Кульмъ, такъ какъ она не видѣла еще панорамы снѣжныхъ горъ вблизи: я же не охотникъ до посѣщенія такихъ мѣстъ, куда съѣздить всякій считаетъ своею обязанностью. Въ Энгельбергѣ всѣ отели и частныя квартиры оказались переполненными, такъ что съ трудомъ можно было найти помѣщеніе въ простомъ, довольно бѣдномъ, крестьянскомъ домикѣ. Я рѣшилъ не перемѣнять этого идиллическаго жилища, хотя на другой день можно было занять помѣщеніе въ отелѣ или въ частномъ домѣ несравненно лучше обставленномъ. Наша хозяйка, очень религіозная старая дѣва, перебивается кое-какъ, но всюду все чисто и опрятно; чего же еще нужно? Отельная жизнь съ пансіономъ мнѣ надоѣла уже, а тутъ мы свободны: ѣдимъ не по звонку, а когда и гдѣ хотимъ. Въ Цюрихѣ теперь международный конгрессъ социалистовъ. Я воспользовался такимъ прекраснымъ случаемъ, чтобы познакомиться съ положеніемъ социалистовъ, приобретающихъ все болѣе и болѣе значенія въ развитіи современной исторіи человѣчества. Съездъ предполагался весьма многочисленный и

импозантный постъ успѣховъ, одержанныхъ социалистами на послѣднихъ Германскихъ выборахъ. Интересно было конечно посмотрѣть и слышать свѣтить современнаго социализма, между которыми затесался и одинъ Русскій представитель какой-то воображаемой Русской социалистической группы рабочихъ.

Въ компаніи съ двумя Русскими мы отправились утромъ въ Воскресенье въ Цюрихъ (изъ Бадена), чтобы видѣть торжественное шествіе представителей социализма различныхъ партій. Всего болѣе было конечно Швейцарцевъ, гдѣ социализмъ въ послѣдніе годы сдѣлалъ большіе успѣхи; затѣмъ Нѣмцевъ, Французовъ, по случаю выборовъ въ палату, было сравнительно мало, но за то они отличались въ своихъ рѣчахъ самымъ крайнимъ направленіемъ. Шествіе продолжалось около 3 часовъ. Говорятъ, что членскихъ билетовъ роздано до 700; но весьма возможно, что цифра преувеличена съ цѣлью придать конгрессу больше значенія. Для того же, вѣроятно, въ процессію помѣстили и дѣтей, и отдѣльныя группы шли очень рѣдкими рядами. Шествіе было конечно красиво и совершалось въ полнѣйшемъ порядкѣ, съ нѣсколькими оркестрами музыки, знаменами, значками и различными девизами, написанными и нарисованными на большихъ щитахъ. До появленія шествія на площади, куда оно направлялось, было четыре полицейскихъ, которые не позволяли публикѣ занимать мѣста, предназначенныя для членовъ конгресса. Но когда пришли первыя группы социалистовъ, то полицейскіе отстранились, и публика смѣшалась съ членами конгресса, чтобы занять мѣста поближе къ ораторамъ, которые должны были говорить привѣтственные рѣчи. Впрочемъ это произошло только тогда, когда делегаты заняли свои мѣста. Во всѣхъ рѣчахъ слышалась большая самоувѣренность. Видно, что вожаки почувствовали подъ собою твердую почву. Иначе и быть не могло, когда передъ ихъ глазами были тысячи представителей защищаемой ими идеи, съхавшихся изъ всѣхъ государствъ и странъ свѣта, а за ними дома стоятъ еще милліоны рабочихъ, примкнувшихъ уже къ социализму.

Два замѣчанія. Не говоря уже о томъ, что всѣ участвовавшіе въ процессіи были одѣты настолько щегольски, чего у насъ не встрѣтишь иной разъ даже между людьми, имѣющими порядочныя средства, но нѣкоторыя группы рабочихъ (садовники, кузнецы, мясники, и др.) имѣли просто театральнй видъ и нѣсколько не напоминали пролетаріевъ, которыхъ они явились изображать. Въ Европѣ любятъ театральныя процессіи. Въ толпѣ было очень много Русскихъ, болѣею частью молодыхъ, учащихя въ Швейцаріи и Германіи. Болѣею частью ихъ

можно было узнать издали по виду. Большинство было одѣто гораздо неряшливѣе здѣшнихъ рабочихъ, а нѣкоторые особенно отличались своимъ дикимъ видомъ, столь характернымъ для нашихъ студентовъ, пока на нихъ не надѣли форму. Съ однимъ такимъ дикаремъ мы познакомились. Когда мы отыскивали себѣ мѣсто, то онъ обратилъ на себя мое вниманіе именно всей своей вѣшностью. Онъ сидѣлъ на пригоркѣ какъ-то особенно скорчившись и, услыхавъ нашъ Русскій разговоръ, исподлобья взглядывалъ на насъ съ какой-то подозрительностью и злобой, какъ звѣрь, который боится, что его хотятъ поймать. Но все это было или напускное, или результатъ той странной ненависти, которую часто встрѣчаешь у нашихъ юныхъ либераловъ ко веѣмъ Русскимъ, стоящимъ выше и счастливѣе ихъ въ соціальномъ положеніи. Впослѣдствіи онъ оказался довольно добродушнымъ человѣкомъ и даже оказывалъ мнѣ любезно различныя услуги, кажется узнавъ, кто я. Фамилія его такъ и осталась мнѣ неизвѣстною, но по видимому онъ принадлежитъ къ самымъ яримъ краснымъ. Тутъ же я случайно познакомился съ докторомъ Васильевымъ, играющимъ теперь выдающуюся роль между Швейцарскими соціаль-демократами въ качествѣ секретаря Бернского рабочаго союза. Онъ сынъ синолога, профессора Петербургскаго университета и академика, живетъ уже 16 лѣтъ въ Швейцаріи и въ настоящее время состоитъ даже Швейцарскимъ подданнымъ (виноватъ, гражданиномъ), посвятивъ всю свою дѣятельность рабочимъ. Относясь обыкновенно съ большою сдержанностью (граничащей съ недоувѣріемъ) къ интеллигентамъ, предлагающимъ имъ свои услуги, рабочіе вполне доувѣряютъ Васильеву. Онъ дѣйствительно съ перваго раза производитъ пріятное впечатлѣніе и какъ настоящій Европеецъ не считаетъ необходимымъ придавать себѣ особый обликъ демократизма на манеръ нашихъ доморощенныхъ демократовъ-бурсаковъ. Не смотря на довольно обыкновенныя и мелкія черты лица того Русскаго типа, въ которомъ несомнѣнно значительно преобладаетъ Финская кровь Мордвы и т. п., въ немъ съ перваго раза, въ особенности при разговорѣ, замѣчаешь умъ и тактъ, и въ небольшихъ пріятныхъ темныхъ глазахъ по временамъ блеститъ твердость воли и вообще, какъ говорятъ, характеръ. Онъ держится въ сторонѣ отъ заграничной Русской молодежи и по видимому заклятый врагъ анархистовъ.....

Вотъ я записалъ этотъ пустякъ, а между тѣмъ есть много другого, болѣе важнаго, чтò необходимо внести въ эту тетрадь. Но мнѣ такъ тяжело объ этомъ говорить и, взявъ перо съ тѣмъ, чтобы рассказать именно это, я заговорилъ о другомъ. Но когда нибудь нужно же это сдѣлать, какъ ни откладывай. Нужно не потому только, что въ моей

жизни это катастрофа, выбившая меня совершенно изъ колеи, что это ужасное оскорбленіе, поразившее меня до самыхъ мельчайшихъ фибръ сердца, все это въ сущности неважно, потому что касается лишь меня; нужно это записать, какъ явленіе характерное для переживаемаго нами времени. Буду писать для облегченія себя, хоть понемногу и съ промежутками.

Возвратившись изъ-за границы, я нашелъ у себя на столѣ предписаніе попечителя о сдачѣ лабораторіи вновь назначенному профессору Зелинскому и объ освобожденіи занимаемой мною казенной квартиры. Я немедленно распорядился подготовкою имущества лабораторіи къ сдачѣ, а жена каждый день ѣздила по городу, отыскивая квартиру. Зелинскій хотѣлъ ограничиться формальнымъ приѣмомъ, спѣша сдѣлаться поскорѣе полнымъ хозяиномъ; но, дабы не дать возможности говорить впослѣдствіи, что имущество лабораторіи найдено въ безпорядкѣ, я настоялъ, чтобы все было принято по описи. Это не представлялось затруднительнымъ, потому что мною введенъ былъ полный порядокъ, какой едва ли найдется въ другомъ кабинетѣ Московскаго университета. Я держался порядковъ, существовавшихъ въ прежнее время въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ я имъ и научился. Но сдача, конечно, потребовала нѣсколькихъ дней, тѣмъ болѣе, что хозяйственный лаборантъ былъ отвлекаемъ безпрестанно другими порученіями Зелинскаго. Прошло четыре дня, и я удивлялся, не получая никакого извѣщенія о квартирѣ со стороны Правленія университета. Видно, подумалъ я, имъ все-таки совѣстно меня тревожить, и мнѣ дадутъ спокойно приискать квартиру къ Октябрю, такъ какъ въ это время трудно найти въ Москвѣ удобную. Но въ тотъ же вечеръ я получилъ бумагу „весьма нужную“, съ предписаніемъ освободить квартиру немедленно.

Ровно 20 лѣтъ тому назадъ я пріѣхалъ въ Москву и нашелъ преподаваніе химіи въ университетѣ въ слѣдующемъ положеніи. Мой предшественникъ по кафедрѣ, Лясковскій былъ человекъ, несомнѣнно талантливый, съ широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ и блестящій ораторъ; но онъ давно уже бросилъ заниматься химіей и совершенно отсталъ отъ науки. Работъ, кромѣ нѣсколькихъ маленькихъ, сдѣланныхъ еще подъ руководствомъ Либиха, у него не было, и онъ совсѣмъ не заглядывалъ въ лабораторію, предоставивъ все своему лаборанту изъ фармацевтовъ Феррейну, хотя ему дали степень кандидата. Лабораторія была въ самомъ невозможномъ положеніи, такъ что въ ней едва можно было работать. Это была несомнѣнно худшая изъ всѣхъ лабораторій въ Россіи, хотя она занимала отдѣльное, довольно

большое зданіе. Получая 2500 р. въ годъ, она однако не имѣла ни препаратовъ для лекцій, ни посуды, ни матеріаловъ; но ко времени моего пріѣзда у нея былъ долгъ въ аптеку Феррейна въ 1600 рубл. Кромѣ Лясковаго былъ еще преподаватель Н., совершенное ничтожество. Для характеристики его достаточно сказать, что онъ тогда уже 13 лѣтъ какъ состоялъ исправляющимъ должность адъюнкта, т. е. значить, былъ выбранъ еще до устава 1864 г. и до сихъ поръ еще не могъ представить магистерской диссертациі. Слѣдуетъ прибавить, что это былъ человѣкъ больной чахоткой (умеръ черезъ три года), очень самолюбивый и по болѣзни раздражительный. Правильныхъ практическихъ занятій для студентовъ не только не существовало, но по словамъ нѣкоторыхъ изъ старшихъ курсовъ, хотя они и допускались къ занятіямъ въ лабораторіи, но не только безъ руководителей, но въ лабораторіи часто не было ни одного сторожа, такъ что практиканты предоставлены были вполне самимъ себѣ. И это въ то время, когда во всѣхъ нашихъ университетахъ были уже устроены вездѣ по возможности практическія занятія. Естественно, что во время сѣзда естественниковъ въ Москвѣ въ 1869 г. положеніе химіи въ здѣшнемъ университетѣ произвело на всѣхъ Русскихъ химиковъ крайне непріятное впечатлѣніе. Вообще считалось, что въ Москвѣ химія отсутствуетъ.

Мною тотчасъ же были введены правильныя занятія аналитической химіей, а для старшихъ курсовъ органической со слѣдующаго года. Лабораторія приведена въ возможный порядокъ, исправлены и сдѣланы вновь тяги, такъ что можно было работать безъ вреда для здоровья. Для своихъ занятій я приспособилъ одну изъ комнатъ, занятую шкапами съ разрозненной бібліотекой и разнымъ хламомъ. Спеціальныя средства университета находились не въ лучшемъ видѣ, благодаря плуту и пьяницѣ секретарю Правленія. Въ кассѣ университета не нашлось даже 300 рублей, которыя я спросилъ для приспособленія своей рабочей комнаты, и мнѣ уступилъ ихъ Герцъ изъ суммъ кабинета изящныхъ искусствъ. Добывать денегъ для приведенія хотя въ нѣсколько приличный видъ лабораторіи было слѣдовательно не легко. тѣмъ болѣе, что факультетъ относился къ этому совершенно равнодушно, а нѣкоторые члены, какъ напр. Усовъ, даже враждебно: имъ не нравилось приглашеніе профессоровъ изъ другихъ университетовъ, зарекомендовавшихъ себя въ наукѣ, и благодаря тому же Усову разстроилось приглашеніе на кафедру ботаники извѣстнаго*). Усовъ по этому поводу мнѣ сказалъ: „намъ не нужно знаменитостей, мы и безъ

*) Въ подлинной рукописи пропускъ. П. Б.

нихъ обойдемся“. Для характеристики Московскаго университета расскажу такой фактъ. Въ другихъ университетахъ уже сложилось тогда мнѣніе объ особыхъ порядкахъ, господствующихъ въ Москвѣ. Пользовался заслуженнымъ уваженіемъ лишь историко-филологическій факультетъ. О другихъ, особенно объ естественномъ отдѣленіи, мнѣніе было неважное, и я долго колебался принять приглашеніе перейти сюда изъ Одессы; рѣшился только потому, что въ это время Московскій университетъ свергнулъ иго Леонтьева, и можно было надѣяться, что онъ этимъ показалъ, что желаетъ жить новой жизнью, подобно другимъ университетамъ. Еще будучи студентомъ, я слышалъ, что въ Московскомъ университетѣ нельзя получить дипломъ по окончаніи курса, не заплативъ канцеляріи трехъ рублей. Но то, что узналъ я въ 1873 г., превосходило всякія ожиданія. Оказывается, что лабораторіи были также обложены податью. Передъ Рождествомъ лаборантъ мой спрашиваетъ меня, какое будетъ распоряженіе о водкѣ, обыкновенно посылаемой къ праздникамъ въ Правленіе? Изъ разспросовъ оказалось, что издавна установился обычай, что лабораторія должна къ Рождеству прислать въ Правленіе три ведра воды не простой, а настоенной на травахъ. Изъ нихъ одно ведро беретъ себѣ секретарь, а остальные дѣлятся между канцеляріей. Я конечно отклонилъ этотъ милый обычай и этимъ нажилъ себѣ враговъ въ Правленіи. Кстати расскажу еще объ одномъ прелестномъ обычаѣ. Не задолго до моего перехода въ Московскій университетъ умеръ доцентъ ботаники Кауфманъ. (Онъ былъ очень недолго преподавателемъ, такъ что исторія должна относиться приблизительно къ 1870 году). Приходитъ къ нему въ Маѣ по обыкновенію фармацевтъ съ листомъ, на которомъ профессоръ долженъ былъ отмѣтить, что означенный фармацевтъ слушалъ у него лекціи. Кауфманъ возвращаетъ листъ съ вложенной бумажкой. Фармацевтъ уходитъ, является другой: та же исторія, но на этотъ разъ Кауфманъ возвращаетъ подписанную бумагу замѣтивъ: „Вы забыли въ бумагѣ пять рублей“. Сконфуженный фармацевтъ объяснилъ, что по обычаю каждый слушатель профессорскихъ курсовъ долженъ былъ уплатить каждому профессору пять рублей, а декану—десять. Однажды, послѣ того какъ мнѣ рассказалъ это профессоръ Цингеръ (слышавшій эту исторію отъ самаго Кауфмана) я, въ разговорѣ съ профессоромъ фармаціи Гивартовскимъ, спросилъ его, правда ли, что фармацевты были обложены такой податью, онъ пренаивно объяснилъ мнѣ, что это была отнюдь не взятка. Во время деканства Анке онъ ввелъ эту плату за дополнительные лекціи, которыя профессора должны были читать фармацевтамъ передъ экзаменами. Однажды годъ профессора прочли по пяти лекцій, а потомъ получали „по обычаю“.

Возвращаюсь къ себѣ. Въ первый же годъ я сталъ хлопотать о постройкѣ новой лабораторіи, но, не смотря на сочувствіе къ этому министра графа Толстого, дѣло затормозили свои же товарищи. Я нарочно объѣхалъ все лучшія лабораторіи Европы (не получивъ на это ни копейки отъ университета), разработавъ въ подробности проектъ съ архитекторомъ. Но Усовъ и Архиповъ сумѣли затормозить дѣло, и его пришлось отклонить на десять лѣтъ. Студентовъ-естественниковъ было очень мало, но большинство ихъ стало заниматься химіей, не смотря на то, что я былъ гораздо требовательнѣе на экзаменахъ, чѣмъ другіе, да и въ лабораторіи была введена строгая дисциплина. Вскорѣ изъ лабораторіи стали появляться работки студентовъ въ печати. Впослѣдствіи мнѣ удалось построить большую лабораторію на 120 человѣкъ, и въ послѣдніе годы изъ нея выходило изслѣдованій болѣе чѣмъ изъ какой-либо другой Русской лабораторіи. Всего до сего времени въ Русскомъ Химическомъ Журналѣ напечатано изъ моего отдѣленія 98 статей. При Обществѣ Любителей Естествознанія мною основано химическое отдѣленіе, которое собирается разъ, а иногда и два раза въ мѣсяцъ, при чемъ почти большая часть сообщеній дѣлалась изъ моей лабораторіи. Въ нынѣшнемъ году мною же устроена аналитическая комиссія съ цѣлью придти на помощь различнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ при химическихъ изслѣдованіяхъ. Словомъ, я смѣло могу сказать, что единственно моими трудами химія, такъ сказать, создана въ Москвѣ, что и выражено было въ началѣ нынѣшняго года въ адресѣ, поданномъ мнѣ химическимъ отдѣленіемъ по поводу моего отказа отъ предѣдательства въ немъ. И вотъ въ благодарность за все мною сдѣланное мнѣ говорятъ: „Убирайтесь вонъ! Вы не нужны!“

Я слышу со стороны химиковъ сочувствіе. Но чтоже изъ этого? На моей дѣятельности, какъ химика, поставленъ крестъ, хотя я могъ бы еще съ пользой работать. Обидно не за себя только, но за науку въ Россіи и за несчастныхъ ея представителей, которыхъ превращаютъ въ холоповъ. И это дѣлается при усердной помощи своихъ же собратьевъ-профессоровъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что случившееся со мной (со Столѣтовымъ сдѣлали почти тоже) есть результатъ исторіи съ адресомъ ректору, и во всемъ этомъ кромѣ послѣдняго принималъ дѣятельное участіе еще помощникъ ректора Некрасовъ, а Слудскій почему-то разыгралъ *agent-provocateur*. Я не ухожу сейчасъ же изъ университета потому, что не хочу этимъ доставить удовольствія министру и попечителю: оба конечно были бы очень довольны отъ меня избавиться. Выборъ ихъ палецъ на Зелинскаго въ этомъ отношеніи очень удачно. Этотъ слѣтокъ, обрадовавшись свалившейся ему неожиданной

благодати, дѣлаетъ съ своей стороны все, чтобы испортить и безъ того мое скверное нравственное положеніе.

Еще вскорѣ по введеніи новаго устава мнѣ довелось слышать отъ людей, стоящихъ близко къ Министерству, какого взгляда держатся тамъ на университеты. Министръ за основаніе своей политики къ университетамъ принялъ за правило, что исправить университеты можно только замѣнивъ прежній составъ профессоровъ новымъ; но такъ какъ нельзя продѣлать съ университетами того, что Министерство Государственныхъ Имуществъ продѣлало съ Петровской Академіей, то онъ сталъ тотчасъ же назначать сверхштатныхъ профессоровъ и пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы выживать старыхъ профессоровъ, не стѣняя ихъ научными заслугами, если почему нибудь эти лица съ административной точки зрѣнія считались вредными. Вредными же оказывались всѣ лучшія научныя силы по той простой причинѣ, что всякій порядочный ученый въ большинствѣ случаевъ человѣкъ самостоятельный и не станетъ въ угоду начальству поступаться своими убѣжденіями; у насъ же всегда было такъ, что начальство всякія убѣжденія, кромѣ своихъ, считало вредными, а теперь такой взглядъ положенъ въ основу правительственной системы. Такимъ образомъ изъ Петербургскаго университета выжиты Менделѣевъ и Свѣчловъ, изъ Московскаго Ковалевскій. Хотя, по уставу, профессоровъ, исправляющихъ должность, не полагается; но такъ какъ доценты уничтожены новымъ уставомъ, а профессоромъ можетъ быть только имѣющій степень доктора, то министръ безпрестанно назначаетъ исправляющими должность каждый разъ по высочайшему повелѣнію. При этомъ очень часто не имѣется даже степени магистра. Нѣкоторые изъ нихъ потомъ шатались изъ одного университета въ другой, гдѣ бы пропустили ихъ убогую диссертацию. Къ сожалѣнію, наши университеты столь же мало способны отстаивать свою самостоятельность, какъ и всякое другое Русское общество. Они не пользуются единственнымъ оставшимся у нихъ въ рукахъ способомъ обезпечить себя достойнымъ контингентомъ преподавателей и относятся къ диссертациямъ на ученія степени еще болѣе холодно, чѣмъ прежде. Однако случалось, что университеты возмущались невѣжествомъ вновь назначенныхъ, но... кончалось тѣмъ, что Министерство принимало обиженнаго подъ свою защиту, и университетъ, оставшись разъ, что называется, съ носомъ, больше уже не совался. Такъ, напр., было въ Одессѣ съ нѣкимъ Чижовымъ. Получивъ съ грѣхомъ пополамъ магистра, кажется въ Варшавѣ, онъ представилъ докторскую диссертацию въ Одессѣ. Нашлись пріятели, и диссертация прошла въ факультетъ и на диспутъ, но другая половина

факультета была о ней иного мнѣнія. Совѣтъ, который по уставу утверждаетъ въ степени, не утвердилъ Чижова. Тогда на выручку явился старый негодяй и интриганъ **. Онъ подалъ отдѣльное мнѣніе, въ которомъ проводилъ ту мысль, что Совѣтъ можетъ не утверждать только въ случаѣ неисполненія какихъ либо формальностей. Министерство согласилось съ нимъ и предписало Совѣту утвердить Чижова докторомъ. Однако министръ не рѣшился сообщить такое разъясненіе соответствующаго параграфа устава другимъ университетамъ, что обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ циркулярно. Ясно, что онъ боялся встрѣтить возраженія, а для него нужно было показать въ Одессѣ, какъ должно относиться къ лицамъ, назначеннымъ Министерствомъ, и въ тоже время поддержать своего ставленника. Конечно, между вновь назначаемыми попадаются и достойные ученые; но масса назначеній доказываетъ, что руководятся главнымъ образомъ рекомендаціями и просьбами довѣренныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ главную роль играютъ Любимовъ, Архиповъ, наши Богдановъ и Захарыинъ. Послѣдніе проводятъ обыкновенно своихъ молодцовъ. При рекомендаціяхъ попадаютъ на кафедры такіе гуси, которые при выборномъ началѣ конечно никогда не были бы выбраны. Между первыми сверхштатными, назначенными по новому уставу, были двое медиковъ: П. и К. Первый просто ничтожество, но послѣдній отъявленный негодяй, способный унижаться до послѣдней степени не только передъ высшими міра сего, но и передъ всякимъ, въ комъ ему нужно заискать. Онъ назначенъ по протекціи покойнаго генераль-губернатора, у котораго онъ лѣчилъ дворню. Вотъ какая стряслась съ нимъ исторія. Нынѣшней весной разнесся слухъ, что въ хирургической клиникѣ у К. фельдшеръ занимается ростовщичествомъ, оперируя на деньги самого профессора. Склифасовскій, который его терпѣть не могъ, заявилъ объ этомъ въ факультетъ, вѣроятно переговоривъ сначала съ попечителемъ. Факультетъ поручилъ декану сообщить объ этомъ попечителю. Послѣдній произвелъ дознаніе и явное и тайное черезъ сыскную полицію (это очень мило) и сообщилъ факультету, что никакихъ положительныхъ доказательствъ участія К-а не найдено. Тѣмъ дѣло и предполагалось прикончить. Достопочтенные профессора медицинского факультета, сообразивъ желаніе начальства, порѣшили предать дѣло волѣ Божіей, хотя большинство ихъ считаютъ К-а вполне способнымъ на такое дѣяніе и вообще человѣкомъ для университета неприличнымъ. Студенты взглянули на дѣло нѣсколько иначе, и нынѣшній годъ пѣзъ пятаго курса ни одинъ человѣкъ не записался на лекціи К-а. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ объясняться. Интересно, какъ поступитъ министръ.

25 Октября. Сегодня въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатано: „Профессоръ хирургіи Казанскаго университета Левшинъ переводится профессоромъ и директоромъ госпитальной клиники въ Московскомъ университетѣ, а профессоръ Московскаго университета К. профессоромъ хирургіи въ Казанскій университетъ“. Сегодня же мнѣ передавали изъ вѣрныхъ источниковъ, что въ Хирургическомъ Обществѣ предполагалось поднять вопросъ объ исключеніи К-а изъ членовъ. Предупрежденный своевременно, К. прислалъ заявленіе о выходѣ изъ членовъ какъ разъ въ то засѣданіе, когда долженъ былъ обсуждаться вопросъ о его баллотировкѣ. Бѣдный Казанскій университетъ! Попечителемъ тамъ битый студентами въ бытность его тамъ же инспекторомъ.

2 Февраля 1894 года. Выписываю изъ статьи Блюха: „Будущая война“ („Русскій Вѣстникъ“ 1893 г.) интересныя данныя о ростѣ социализма въ Германіи, въ 1874 г. социалисты выставили 352,000 избирателей, въ 1884 г.—350000 (были репрессивные законы); въ 1887 г.—760,000, въ 1890 г.—1,427,000. Въ 1884 г. въ Парламентѣ было 24 социалиста, а въ 1890 г.—35. На послѣднихъ выборахъ число социалистическихъ депутатовъ, какъ извѣстно, увеличилось. Такъ какъ всѣхъ вотировавшихъ избирателей въ 1890 г. было 5,800,000, то социалисты составляли около 25%. Либкнехтъ утверждаетъ, что 20% народа социалисты. Такимъ образомъ социализмъ развивается въ Германіи съ 1870 года необычайно быстро, благодаря главнымъ образомъ общему недовольству на необычайное возрастаніе послѣ войны налоговъ, на общую дороговизну и милитаризмъ. Но самая существенная сила социализма это необычайно строгая дисциплина партіи. О другихъ странахъ Блюхъ не говоритъ. Важный успѣхъ въ послѣдніе годы сдѣлалъ социализмъ, пробравшись въ Швейцарію, гдѣ онъ быстро овладѣваетъ рабочими. Въ прошломъ году къ международному обществу социалистовъ примкнулъ рабочій союзъ Grütleverein, имѣющій развѣтвленіе по всей Швейцаріи. На конгрессѣ въ Цюрихѣ Грютліанцы чествованы вмѣстѣ съ социалистами вслѣдствіе рѣшенія ихъ съѣзда принять въ главныхъ чертахъ программу социалистовъ. Французскіе социалисты хотя не имѣютъ дисциплины и почти сливаются съ анархистами, но благодаря политическимъ условіямъ социализмъ и здѣсь быстро распространяется. Вслѣдствіе характера Французовъ можно ожидать, что первый выстрѣлъ въ будущей войнѣ противъ современнаго строя будетъ сдѣланъ все-таки во Франціи. У насъ недавно прошелъ законъ о неотчуждаемости крестьянскими обществами своей земли и о запрещеніи крестьянамъ, выкупившимъ свой надѣлъ, отчуждать его кому-либо помимо общества. Сверхъ того, законено, что отдѣльные крестьянскіе участки могутъ продаваться за

долги и пр.: надѣлы же отъ общественной земли не продаются. Такимъ образомъ правительство насильно загоняетъ частныхъ собственниковъ въ общники. Словомъ, у насъ, какъ я постоянно утверждаю, правительство встало и идетъ во главѣ социализма. А между тѣмъ Германскіе социалисты ненавидятъ настолько Россію, что для нея отступаются даже отъ своихъ коренныхъ догматовъ. Извѣстно, что однимъ изъ основныхъ положеній международнаго союза социалистовъ служитъ отрицаніе войны, и въ самомъ началѣ Французскаго столкновенія Бебель и Либкнехтъ открыто высказывались противъ нея въ Съверогерманскомъ парламентѣ. Они также подали голоса и противъ присоединенія Эльзаса и Лотарингіи. Но когда, нѣсколько лѣтъ спустя, въ общегерманскомъ рейхстагѣ зашла рѣчь объ Россіи, то тѣже Либкнехтъ и Бебель, отъ имени всѣхъ Германскихъ социалистовъ, высказали, что въ случаѣ войны съ этой державой ихъ партія считаетъ себя не обязанной отдѣляться отъ другихъ. Какъ это объяснить? Несомнѣнно, объясненіе у социалистовъ найдется. Они не безъ основанія скажутъ, что къ такой странѣ, гдѣ подавляется всякая личная самостоятельность, всякое проявленіе индивидуальной и общественной свободы, не могутъ быть примѣняемы ни общіе взгляды, выработанные на почвѣ Западно-европейской свободы, ни тѣ мѣры, которыя пригодны для развитія и утвержденія социальнихъ идей въ культурныхъ странахъ. Такъ дѣйствительно и говорятъ социалисты не только въ Германіи, но и повсюду, и слѣдуетъ прибавить еще, что они такъ и думаютъ. Однако не трудно, мнѣ кажется, усмотрѣть во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ полнѣйшее отсутствіе логичности, а отсюда и полнѣйшую непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ самыхъ повидимому умѣренныхъ и легальныхъ социалистовъ, какъ Германскіе, дома страшно ненавидящихъ анархистовъ и не желающихъ имѣть съ ними что-либо общее, но протягивающихъ руку Русскимъ анархистамъ и считающихъ дозволительными въ Россіи всѣ средства борьбы съ ея современнымъ общественно-политическимъ строемъ. Непослѣдовательность здѣсь такъ ясна, она такъ бьетъ въ глаза, что трудно понять, какъ ея не замѣчаютъ и не понимаютъ сами социалисты, т. е. конечно ихъ образованные вожаки: потому что масса руководится больше всего своими инстинктами, передѣланными и возвышенными до степени принципозъ отвлеченными теоретиками. Неужели и здѣсь, какъ несомнѣнно это замѣчается во многихъ другихъ случаяхъ, западные мыслители оказываются слишкомъ мало знакомы съ Россіей или, что еще хуже, мыслятъ и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ ненависти къ намъ и традиціонной боязни Русскихъ казаковъ? Для насъ это во всякомъ случаѣ невыгодно. Это препятствуетъ установленію правильной и естествен-

ной международной связи даже между наиболее враждебными другъ къ другу Европейскими народностями. Невыгодно это и для нашего домашнего дѣла, для внутренняго развитія, потому что ошибочная точка зрѣнія въ извѣстныхъ случаяхъ у Западныхъ сосѣдей на наши дѣла и порядки даетъ возможность нашимъ ретроgradamъ пользоваться этими частными ошибками и, дѣлая изъ нихъ общіе выводы, приходитъ къ заключенію, что вообще намъ нѣтъ надобности обращать вниманіе на то, что о насъ думаютъ и говорятъ. Это утривованное повиманіе самостоятельности, необходимой для правильнаго развитія каждаго народа, эксплуатируется у насъ, какъ извѣстно, въ настоящее время самымъ усиленнымъ образомъ для развитія идеи абсолютизма и бюрократизма и уничтоженія всего, что было сдѣлано въ прошлое царствованіе для развитія свободы и личной инициативы.

Какъ образецъ пропаганды „на законномъ основаніи“ социалистическихъ идей, можно провести передовицу „Московскихъ Вѣдомостей“ по поводу закона о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ. Приведу выдержки съ курсивомъ подлинника. „Съ точки зрѣнія всего нашего прошлаго, освобожденіе крестьянъ *безъ земли* невозможно себѣ и представить (а Юрьевъ день?): но не болѣе мирится съ нашимъ историческимъ опытомъ и то совершенно новое основаніе этого надѣленія землей, которое всего характернѣе и короче выразилось въ наименованіи „*крестьянскіе-собственники*“, присвоенномъ крестьянамъ, совершившимъ выкупныя сдѣлки. Далѣе, базируясь на ложности направленія прошлаго царствованія, основаннаго „на Западно-европейскихъ“ бредняхъ о свободѣ и поддѣлываясь къ извѣстной идеѣ Каткова о необходимости „возвращенія правительства“, авторъ все сводитъ къ отрицанію частной собственности, говоря конечно только о крестьянахъ, но отъ этого основная идея не теряетъ своего общаго значенія. Называя такой законъ „невиданнымъ и небывалымъ ограниченіемъ правъ собственности чуть не всей массы населенія“.... „превращеніемъ колоссальной частной собственности, свыше ста тридцати милліоновъ десятинъ, изъ вычуждаемой (частной) въ неотчуждаемую (общественную), авторъ восхищается этой мѣрою и совершенно основательно приходитъ къ заключенію, что при такихъ условіяхъ операція *выкупа* не имѣетъ никакого смысла, и предлагаетъ замѣнить ее *вѣчнымъ оброкомъ*. Эта статья по всей вѣроятности составляетъ катехизисъ раскаявшагося анархиста, сотрудничающаго въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Его идеи проглядывали въ 1891 г. во время голода, когда онъ предлагалъ установить принудительныя цѣны на хлѣбъ. Петровскій (редакторъ) и К^o очевидно по недалности своей всего этого не замѣчаютъ. Интересно,

что „Русскія Вѣдомости“, въ программу которыхъ несомнѣнно входитъ государственный социализмъ, высказываютъ крайнее недовольство новымъ закономъ. О, Господи, какіе же они всѣ невѣжи!

*

8 Февраля. Катастрофа, случившаяся со мной и *, произвела, повидимому, на послѣдняго неблагоприятное дѣйствіе. Онъ не только въ значительной мѣрѣ присмирѣлъ, но пускается на такія дѣла, которыя не рекомендуютъ его гражданской доблести. Лишившись значительной доли гонорара, онъ теперь не прочь, подобно многимъ другимъ, попользоваться хотя бы мелочью на счетъ общественнаго пирога. Недавно онъ просилъ разрѣшенія напечатать въ „Ученыхъ Запискахъ“ второе изданіе своего руководства. Это значитъ безъ всякаго основанія выпрашивать себѣ подачки въ 500 р., хотя для него не было бы никакого риска напечатать руководство на свой счетъ. Я замѣтилъ въ факультетѣ, что печатаніе руководствъ въ Ученыхъ Запискахъ можно допускать лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они не могутъ окупаться въ видѣ отдѣльныхъ изданій; но * не хотѣлъ понять моего намека. Хотя изъ бывшаго между нами потомъ короткаго разговора онъ несомнѣнно понялъ, что я считаю такой поступокъ неблагоприятнымъ. Приходится и въ этомъ человѣкѣ разочароваться. Хотя я всегда считалъ его большимъ эгоистомъ, но думалъ, что онъ въ состояніи сдерживать свой эгоизмъ въ границахъ порядочности. Не даромъ, впрочемъ, нѣкоторые говорятъ, что у насъ въ Россіи не существуетъ элементарныхъ понятій о чести и долгѣ.

*

Отъ 4 до 11 Января былъ съездъ естествоиспытателей и врачей. Противъ ожиданія, я все время чувствовалъ себя на столько бодрымъ и сравнительно здоровымъ, что 12 Января повезъ даже нѣкоторыхъ прїѣзжихъ химиковъ въ Стрѣльну. Вѣроятно этому содѣйствовало то нѣкоторое нравственное удовлетвореніе, которое я не могъ не испытывать, видя къ себѣ общее сочувствіе со стороны всѣхъ химиковъ. Исключеніе составляли Меншуткинъ и Зелинскій; но послѣдній совершенно стушеввался. Меншуткинъ по обыкновенію держалъ себя безтактно съ какимъ-то генеральскимъ пошибомъ, что ему ни съ какой стороны не пристало. Съездъ былъ, какъ предыдущій, съ трескучими публичными рѣчами о „матеріяхъ важныхъ“. Рѣчей почти никто не могъ хорошенько разлышать, а тѣмъ не менѣе имъ усердно хлопали. Хлопали Данилевскому, проповѣдывавшему въ своей рѣчи „чувство и жизнь“ крайній матеріализмъ; но такъ же усердно хлопали и Цингеру,

доказывавшему, что тѣ выводы, которые физиологи считаютъ результатомъ своихъ опытныхъ изслѣдованій, опыту вовсе не подлежатъ. Наконецъ хлопали уже совсѣмъ ни съ чѣмъ несообразной ерундѣ, которую проповѣдывалъ Колли. Самымъ отраднымъ явленіемъ, случайно связавшимся съ съѣздомъ, была необычайная демонстрація, которую устроила публика графу Л. Толстому. Онъ пришелъ послушать рѣчь Цингера и сѣлъ въ заднихъ рядахъ на эстрадѣ. Студенты узнали объ этомъ и въ антрактѣ подняли крикъ передъ гостиной, куда ушли всѣ съ эстрады, вызывая его къ себѣ. Едва удалось удержать толпу, чтобы она не вломилась въ гостиную. Пришлось скорѣе, чтобы успокоить вызовы, возобновить засѣданіе, и Толстого просили сѣсть въ первомъ ряду, подлѣ предсѣдателя. Съ появленіемъ его поднялся такой громъ рукоплесканій и возгласовъ, какого миѣ не приходилось еще слышать. Аплодисменты долго не смолкали, хотя Толстой съ виду относился къ нимъ несочувственно и только одинъ разъ раскланялся съ публикой. Я далеко не Толстовецъ, но всетаки отрадно видѣть со стороны лицъ, чрезвычайно различныхъ направленій и взглядовъ такое отношеніе къ человѣку, котораго можно критиковать, но которому нельзя отказать въ искренности его пропаганды и всей его частной дѣятельности. Въ наше время отсутствія всякихъ принциповъ, а слѣдовательно и отсутствія уваженія къ нимъ, повторю, такой взрывъ энтузіазма, хотя бы на мгновеніе, дѣйствуетъ какъ-то освѣжающе и заставляетъ невольно многое извинять и со многимъ примириться.

*

7 *Марта*. Вчера происходило юбилейное чествованіе 25-лѣтней профессорской дѣятельности трехъ профессоровъ медицинскаго факультета Кожевникова, Черниова и Макѣева. Сегодня появилось подробное описаніе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Особенно постарались написать друзья Кожевникова. Помѣщенъ цѣлкомъ весь очень длинный адресъ, въ которомъ прославляютъ необычайныя и педагогическія заслуги профессора, создавшаго якобы Московскую школу невропатологовъ. Будущій историкъ, если вздумаетъ по этому отчету составить представленіе о значеніи Кожевникова для Русской науки, будетъ введенъ въ глубокое заблужденіе. Кожевниковъ представлялъ всегда самую заурядную посредственность и попалъ на кафедру нервныхъ болѣзней только потому, что въ данный моментъ она оказалась свободной. Предложили бы ему судебную медицину, онъ бы взялъ и ее. Вообще это научный нуль, и свою дѣятельность онъ посвящаетъ преимущественно практикѣ, но не нервной, а вообще медицинской, за исключеніемъ хирургіи. Въ постройкѣ психіатрической клиники онъ тоже столь-

ко же виновать, какъ п я. Умеръ богатый фабрикантъ психически больной, вѣроятно отъ сифилиса, и оставилъ 500000 на благотворительныя дѣла. Жена рѣшила построить въ память его клинику въ 350000. Знаменательно, что Мержеевскій пріѣхалъ на юбилей изъ Петербурга безъ всякаго адреса и только привезъ дипломъ на почетнаго члена Психіатрическаго Общества. Очевидно, что Петербургскіе психіатры нашли излишнимъ лгать, выставяя небывалыя ученныя заслуги юбиляра. Въ отчетѣ сказано, что оба знаменитые ученые долго жали другъ другу руку... и чувствовали себя, вѣроятно, очень неловко; можно было бы прибавить: такъ-то создается исторія! Макѣвцы постыдились описывать свое празднованіе подробно. Во всякомъ случаѣ болѣе заслуживалъ чествованія Чериновъ. Не имѣя порядочной школы и научной подготовки, онъ все-таки въ извѣстной степени старался, когда былъ болѣе молодъ, дополнить свое научное образованіе за границей и работалъ въ лабораторіяхъ. Возвратившись въ Москву и попавъ снова въ антинаучную среду здѣшняго медицинскаго факультета, онъ, конечно, бросилъ работать и пустился въ практику; но у него долгое время сохранялась и билась научная жила. Благодаря этому онъ обставилъ свою клинику болѣе научно и привлекалъ къ себѣ въ ординаторы бывшихъ естественниковъ, поступившихъ на медицинскій факультетъ. Меня, можетъ быть, заподозрятъ поэтому къ нему въ нѣкоторомъ пристрастіи. Но ктоже не согласится, что окончившій курсъ на естественномъ отдѣленіи и въ особенности работавшій въ лабораторіи имѣеть болѣе солидную подготовку къ изученію медицины, чѣмъ гимназистъ, поступившій на медицинскій факультетъ? Противнаго мнѣнія можетъ держаться только Клейнъ, деканъ медицинскаго факультета, который дѣлаетъ естественникамъ всякія затрудненія для поступленія на медицинскій факультетъ; но за то Клейнъ и не произвелъ на свѣтъ во всю свою жизнь ни одной научной работы, хотя и пользуется большимъ уваженіемъ на медицинскомъ факультетѣ. Но вѣдь для этого не требуется научныхъ достоинствъ, а лишь до поры до времени полнѣйшая скромность, а затѣмъ поменьше заботъ о научномъ достоинствѣ факультета.

*

11 Мая. Я давно не заглядывалъ въ эту тетрадку, но право, какъ-то нѣтъ охоты писать, потому что приходится заносить мало отрадные факты. Кругомъ повсюду съ одной стороны безшабашный произволъ, а съ другой непроглядное раболѣпіе. Даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ видишь желаніе дѣлать хорошее и приносить пользу, и тутъ всюду можно усмотрѣть не болѣе, какъ благонамѣренный произволъ и

притомъ повсюду безсистемность. Года два тому назадъ пришли, напр., къ убѣжденію, что у насъ смѣшно говорить о недостаткахъ земли, даже въ самыхъ населенныхъ губерніяхъ, а слѣдовательно заботиться о переселеніяхъ въ Сибирь значить содѣйствовать тому вредному укоренившемуся у крестьянъ убѣжденію, что нѣтъ надобности вкладывать въ землю больше труда и капитала, когда вспаханную и истощенную землю можно бросить и переселиться на новую, гдѣ все будетъ родиться, стоить только поковырять немного землю и бросить въ нее сѣмена. Проникнувшись наконецъ здравымъ взглядомъ, рѣшили не давать переселенцамъ земли, но впрочемъ тутъ же сейчасъ сдѣлали исключеніе въ пользу кабинетскихъ земель на Алтаѣ. Тамъ переселенцевъ велѣно допускать. Но какъ узнать здѣсь, въ центральной Россіи, куда двинется переселенецъ, когда получить увольнительное отъ общества свидѣтельство? Въ результатъ получилось то, что число являвшихся ежегодно въ Сибирь крестьянъ не уменьшалось, а за послѣдніе, неурожайные годы, даже увеличилось. Но интересно то, что съ началомъ постройки Сибирской ж. д. правительство совершенно измѣнило и взглядъ, и систему дѣйствій. Рѣшено содѣйствовать всеми мѣрами устройству поселеній вдоль линіи дороги, и вотъ пошла писать губернія. Командируются чиновники для опредѣленія пунктовъ поселеній. Они, получая прогоны и суточные, конечно очень довольны и опредѣляютъ сіи пункты.

Къ стыду профессорской коллегіи нашелся даже одинъ знаменитый профессоръ (Горничъ-Горничкій), который впрочемъ и профессорскія обязанности исполнялъ главнымъ образомъ тѣмъ, что 20 числа получалъ жалованье. Сей мимоученый, извѣстный между химиками тѣмъ, что въ своихъ диссертацияхъ описалъ открытія, которыхъ никогда не дѣлалъ, тоже отправился по порученію министра государственныхъ имуществъ изучать мѣста для поселеній. На этотъ разъ у него вышло наоборотъ. Въ Географическомъ Обществѣ, гдѣ онъ дѣлалъ свое сообщеніе, ему доказали, что все имъ вновь открытое уже давно извѣстно, и кромѣ того онъ еще многого не знаетъ, чтѣ знаютъ всѣ мало мальски занимавшіеся этимъ вопросомъ.

Повидимому, главнымъ инициаторомъ въ устройствѣ поселеній по линіи ж. д. является Витте. Его цѣль сдѣлать дорогу болѣе доходной. Но почему-же другіе министры, засѣдающіе въ этомъ комитетѣ, не отстаивали своего прежняго взгляда на переселенческой вопросъ. Взгляда, имѣвшаго въ виду болѣе общія культурно-государственныя цѣли. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мнѣ кажется простой: у насъ не въ обычаѣ у государственныхъ людей серьезно вдумываться и обсуждать

сообща, на сколько извѣстная мѣра, извѣстный законъ могутъ кореннымъ образомъ повліять на ту или другую сторону развитія государственной жизни. Если самъ Императоръ, какъ это было, напр., при Николаѣ, обладаетъ на столько обширнымъ и твердымъ умомъ, что можетъ составить извѣстное мнѣніе и проводить извѣстную идею; то правильно или неправильно, полезно или вредно, но всѣ части государственной машины все-таки работаютъ согласно. Но какъ скоро нѣтъ такой общей, направляющей воли, то все зависитъ отъ того, какой министръ въ данный моментъ имѣетъ преобладающее значеніе и какъ складывается въ верхнихъ сферахъ политика, точнѣе, интриги между министрами, въ результатѣ и получается, что завтра разрушается то, что создавалось вчера. Теперь министръ финансовъ Витте болѣе и болѣе забираетъ силу. Его предшественникъ Вышнеградскій сразу намоталъ себѣ на руки возжи и осадилъ всѣ министерства, постоянно стремившіяся увеличивать свои бюджеты и дѣлавшія крупныя сверхсметныя расходы. Витте, не чувствуя себя столь сильнымъ, будучи помягче, оказался покладистѣе. Вышнеградскій и въ домашней своей жизни весьма умѣренъ и даже скупъ. Вообще, не смотря на всѣ замѣчательныя способности, въ его государственной дѣятельности рѣзко отражается его личный характеръ. Какъ онъ ни стѣснялся въ способахъ наживать свои милліоны, такъ велось имъ и государственное хозяйство. Это былъ не министръ финансовъ въ истинномъ смыслѣ, а дисконтеръ *en grand*. Какъ Бунге былъ остроженъ и лойялепъ, проводя безъ рѣзкихъ потрясеній составленный имъ планъ упорядоченія нашихъ финансовъ, такъ, наоборотъ, Вышнеградскій валилъ на проломъ, не обращая ни на что вниманія и забывая основную экономическую истину, что только то государство можетъ развиваться экономически быстро и крѣпко, которое вполне гарантируетъ своимъ гражданамъ ихъ собственность въ широкомъ смыслѣ этого слова. А между тѣмъ безнаказанный произволь, переходившій у Вышнеградскаго всѣ границы самаго скромнаго приличія, привелъ къ концу его министерства къ тому, что началъ явственно обрисовываться застой въ коммерческихъ дѣлахъ. Никто не рѣшался начать что-нибудь крупное, боясь, что онъ прѣдерется къ чему нибудь и наложить свою загребистую лапу. Витте тоже понялъ, что, не будучи первымъ министромъ *de jure*, онъ можетъ быть *de facto*, имѣя въ своихъ рукахъ деньги. Но въ противоположность съ Вышнеградскимъ (настоящимъ Русскимъ) этотъ Нѣмецкаго племени, человекъ—настоящая широкая Русская натура съ тою лишь разницей, что Русскій представляетъ образчикъ лѣнивѣйшаго въ мѣрѣ животнаго, а онъ работаетъ самъ много и другихъ заставляетъ работать. Нельзя не признать, что, случайно то или нѣтъ, но его фи-

нансовыя мѣропріятія правильнѣе, а взглядъ несомнѣнно шире, чѣмъ у Вышнеградскаго. Менделѣевъ высказывался мнѣ о Витте совершенно наоборотъ, вѣроятно потому, что онъ самъ еще болѣе узокъ и одностороненъ въ своихъ экономическихъ воззрѣніяхъ, чѣмъ Вышнеградскій.

Въ то время, пока Ермоловъ топчется на одномъ мѣстѣ, сочиняя различные проекты, мертворожденность которыхъ видна съ перваго взгляда, Витте идетъ смѣло на проломъ, захватывая самую суть дѣла. Его общая финансовая система можетъ оказаться ложной, но каждая реформа отдѣльнаго управленія, отличаясь несомнѣнной практичностью, достигаетъ намѣченной цѣли. Во всѣхъ ихъ есть одна вредная сторона: всѣ реформы между прочимъ и часто главнымъ образомъ направлены къ открытію новыхъ источниковъ доходовъ, т. е. другими словами, къ увеличенію податныхъ тягостей и безъ того лежащихъ невыносимымъ бременемъ на народѣ.

ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ МОЕГО.

Порфирія Успенскаго.

Орелъ, куда ты летѣшь?—На Сѣ-
верь.—А почему ты озираешься на
Югъ?—Тамъ мое гнѣздо.

(„Книга Бытія Моего“, III, 51).

I.

Въ 3-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1905 года помѣщена мною краткая біографія Порфирія Успенскаго. Время бѣжитъ и отдаляетъ отъ насъ память о личности этого достопамятнаго человѣка; но его дневникъ, наблюденія и изслѣдованія не подлежатъ забвенію.

„Кто читалъ многотомныя сочиненія почившаго архипастыря, говорилъ членъ Московской Синодальной Конторы, преосв. Іоаннъ, когда опускали въ могилу бранные останки Порфирія, тотъ можетъ самъ примѣтить, какъ чрезъ всѣ его сочиненія тонкой золотой нитью проходитъ его полнѣйшая неослабная любовь къ родинѣ, какъ гражданина Россіи, и любовь къ Восточному православію, какъ сына Восточной православной церкви. Гдѣ бы онъ ни былъ, тѣмъ бы ни былъ занятъ, его жизнь, его мысль, душа живутъ въ Россіи, и для церкви Россійской собираетъ онъ, какъ пчела съ цвѣтовъ, питательный и усладительный сокъ богословской учености“. Къ этому слову, говоритъ талантливый авторъ „поминокъ преосвященнаго Порфирія“. А. А. Дмитріевскій, мы могли бы мысленно прибавить лишь одно, но весьма выразительное слово: „аминь“.

„Жизнь моя, говорилъ преосв. Порфирій за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти А. А. Дмитріевскому, была пренеполнена весьма разнообразными приключеніями и встрѣчами съ замѣчательными дѣятелями на разныхъ поприщахъ земного шара, а потому я и намѣреваюсь подѣлиться съ читателями вынесенными и пережитыми мною впечатлѣніями. Дѣлаю я это въ тѣхъ видахъ,

что едвали у кого-нибудь явится охота рыться въ моихъ бумагахъ, читать черновыя записи, многочисленныя письма“ и т. д. ¹⁾).

Преосв. Порфирій всю свою жизнь не пользовался расположеніемъ предрержащихъ властей. Начальство, писалъ покойный А. П. Лебедевъ по поводу столѣтія со дня рожденія Порфирія (1804—1904 г. г.), обнаруживало явное недовольство имъ, и думается, что главная причина заключалась въ томъ, что его не понимали. Онъ любилъ говорить свободно, но это не нравилось; онъ писалъ „по вдохновенію“, т. е. подчиняясь сердцу и чувству, но отъ него требовали не „вдохновенія“, а сухой отчетности. На Востокъ онъ помышлялъ о славіи и величіи Россіи, а ему повсюду приходилось слышать: „Знай, сверчокъ, свой шестокъ“. По приѣздѣ съ Востока въ Петербургъ, отъ него требовали, чтобы онъ скорѣе представилъ „отчетъ“, а онъ не хотѣлъ спѣшить и вмѣсто отчетовъ писалъ трактаты ученаго содержанія. На него смотрѣли какъ на чиновника и ожидали канцелярской работы, а онъ именовалъ себя „соглядатаемъ Востока“ и вѣрилъ, что у него накопилось много такого, чѣмъ стѣнитъ подѣлиться съ соотечественниками. Какъ бы то ни было, начальство не думало идти къ нему навстрѣчу. Въ его дневникѣ занесено: „Антоній (разумѣется митрополитъ), Иліодоръ, Гедеоиъ (преосвященные, члены Синода), сіятельные графы (Протасовъ) и превосходительные чины (изъ канцеляріи Синода), и вы не боги, ибо нѣтъ въ васъ правды, милости и провидѣнія. Долой же съ пьедестала! Ахъ! Эти мраморныя статуи вооружены крѣпко. Не могу я расшибить и испепелить ихъ. Нѣтъ у меня перуновъ, но есть алмазтовое перо. Пишу имъ на челахъ ихъ: „Это камни, но не тѣ, отъ которыхъ Богъ можетъ воздвигнуть Себѣ чадъ“. Цѣлую тебя, перо мое! Письмена твои неизгладимы во вѣки“ ²⁾).

Въ 1840 г. въ Ноябрь мѣсяцѣ архим. Порфирій назначенъ настоятелемъ церкви при Россійской миссіи въ Вѣнѣ. Свой дневникъ онъ и начинаетъ со дня своего отъѣзда въ Вѣну, съ 3-го Мая 1841 г. „Утромъ лаврскій старецъ служилъ мнѣ молебенъ въ путь предъ ракою св. Александра Невскаго. Я молился усердно. Слезы капали съ рѣеницъ моихъ. Въ душѣ моей горѣтъ пламень вѣры и преданности волѣ Божіей. Послѣ молебна я приложился къ святымъ образамъ и; лобызая стоны Спасителя и Пречистой Его Матери, испрашивалъ у Нихъ благословенія въ путь, держа напомнить Имъ о трудномъ пу-

¹⁾ Преосвященный Порфирій дожилъ свой вѣкъ въ Москвѣ, въ богатомъ Ново-спасскомъ монастырѣ, гдѣ онъ окружилъ себя всякимъ удобствомъ для шшменныхъ занятій. Въ его рабочей комнатѣ, во второмъ ярусѣ, усгроенъ былъ спускъ въ нижній покой, откуда ему подымали что требовалось, не мѣшая его занятіямъ. Онъ любилъ запахъ чая, и по ковру его кельи разсыпана была чайная разваренная лства. (Слышано отъ А. Е. Викторова, который его навѣщаль). О немъ съ великимъ уваженіемъ отзывался князь С. М. Воронцовъ, бывшій его ученикомъ въ Одессѣ, въ Ришельевскомъ Лицеѣ. П. Б.

²⁾ Книга Бытія Моего“, т. III, стр. 101.

тешествіи Ихъ въ Египеть. Не забываю, что по молитвѣ воцарилось въ душѣ моей велие спокойствіе. Надежда на благословеніе Господне слилась съ упорнымъ вѣрованіемъ моимъ въ собственное счастье“.

По дорогѣ изъ Петербурга въ Вѣну Порфирій остановился въ Вильнѣ, 8 Мая, у знакомаго архимандрита Платона въ Святодуховскомъ монастырѣ. Въ этотъ день тамъ служилъ митроп. Іосифъ Сѣмашко, ласково принявшій его. Въ пять часовъ Порфирій былъ на обѣдѣ у губернатора Семенова. За столомъ вельможные и чиновные Поляки говорили весьма громко. „Широко горло у этихъ господъ! Въ нашемъ ряду безъ умолку витійствовали графъ Крейць, извѣстный витязь между нашими богатырями. Я любовался его воинственною наружностью и внимательно вслушивался въ разговоръ его. Графъ безъ памяти любилъ Славянъ и себя величалъ потомкомъ ихъ. Когда ему возразили, что у него прозваніе Нѣмецкое, онъ отвѣчалъ, что у него есть другое, родовое, Славянское прозвище, которое онъ иногда ставитъ на письмахъ, и что предки его назывались Крейцами (Крестовиками) по-нѣмецки единственно для того, чтобы получить право участвовать въ Крестовыхъ походахъ наравнѣ съ дворянами Нѣмецкими. По его мнѣнію нынѣшніе Греки всѣ Славяне. Лузацію онъ производилъ отъ дужи. Силезію—отъ лѣса и въ слухъ всѣхъ предсказывалъ возвышеніе Славянскихъ племенъ въ напѣ вѣкъ и паденіе Австрійской имперіи, если она не сдѣлается Славянскою. Когда жандармскій генералъ Фрейгангъ (который изъ лютеранина сдѣлался православнымъ по обѣту за спасеніе своей жизни во время бунта въ Новгородскихъ поселеніяхъ въ 1831 г.) сказалъ, что въ Европѣ сила Славянская, а умъ Нѣмецкій и сравнилъ Славянъ съ бутылкою, а Нѣмцевъ съ виномъ, Крейць замѣтилъ ему: „ваше сравненіе не вѣрно. Славяне—не хрупкое стекло; они несокрушимый булатъ“. Сидѣвшій подлѣ меня окружный почтъ-инспекторъ¹⁾ шепнулъ мнѣ на ухо: „вѣрно графъ скажетъ, что и Адамъ былъ Славянинъ“.—„Нѣтъ, онъ назоветъ его человѣкомъ, сказалъ я“.

„Архіепископъ Іосифъ, кажется, не столько уменъ, сколько хитѣръ, не столько любочестивъ, сколько честолюбивъ. У него хвостъ лисій, а зубы волчьи, ласка—зачеть, а откровенность—расчетъ. Обитель, въ которой онъ помѣщается, не завидна, тѣсна, подавлена строеніями внутри и внѣ. Ее будутъ передѣлывать“²⁾.

Порфирій (Костромичъ родомъ) пишетъ далѣе: „Въ областяхъ Виленской, Гродненской и Волынской почва земли частію глиниста, частію песчана; лѣса хвойные и лиственные хороши; дужь, болотъ, ручейковъ, потоковъ, рѣкъ, озеръ весьма много; города малы и неопрятны, потому что населены Евреями: деревни на холмахъ и поляхъ состоятъ изъ пяти-четырехъ и даже двухъ дворовъ: избы въ нихъ низки и убоги, а окна въ избахъ такъ малы, что едва кошечья голова можетъ проглянуть сквозь нихъ. Народъ находится въ жалкомъ состояніи. Мужчины, женщины, ребятишки всѣ тощи, нечесаны, неумыты

¹⁾ Д. ст. сов. Алексій Осиповичъ Имбергъ.

²⁾ Здѣсь разумѣется Свято-Тропцкій монастырь, гдѣ дѣйствительно нѣкоторое время жилъ архіепископъ, а впоследствии митрополитъ Іосифъ Сѣмашко.

и въ лохмотьяхъ. Вѣковое, самое тяжкое рабство унизило и пригнуло къ землѣ этотъ бѣдный народъ. Я видѣлъ, какъ на одномъ барскомъ полѣ работали женщины и дѣвочки, а подлѣ нихъ стоялъ управитель или холопъ съ длиною плетью. Въ Великороссійскихъ областяхъ крестьяне работаютъ весело, припѣваючи, а здѣсь уныло, лѣнливо, молча. Жиды суть бичи этого края. Торговля, деньги, водка, хлѣбъ, домашній скотъ поселантъ—все въ ихъ рукахъ. А что всего хуже, они господствуютъ надъ христіанами. Мужики стоятъ предъ ними безъ шапокъ, ожидая ихъ приказаній и говорятъ имъ не иначе, какъ вы. Право свободного винокурения доводитъ семейства до нравственнаго самоубійства. Поселяне закладываютъ Жидамъ свой хлѣбъ, еще несозрѣвшій на нивахъ. Храмы Божіи деревянные, ветхіе, почернѣвшіе, обросли мохомъ. Зато какъ хороши корчмы и какъ близко стоятъ онѣ подлѣ святилищъ Господнихъ! Горько и больно было видѣть служеніе Богу и Бахусу на одной небольшой полосѣ земли. Эти проклятыя подбѣленные корчмы торчатъ въ деревняхъ, въ мѣстечкахъ, въ лѣсахъ, какъ мертвящія привидѣнія. Вотъ жалкая картина! Но она списана съ природы. Какія причины этой бѣдности и полудикости? Лѣность ли крестьянъ, склонность ли ихъ къ пьянству, притѣсненія ли управителей, мотовство ли помѣщиковъ, слабое ли вліяніе вѣроисповѣданія и духовенства, или все это вмѣстѣ? Пусть другіе судятъ объ этомъ, какъ хотятъ или какъ умѣютъ; а по моему миѣнію жалкое состояніе народа есть слѣдствіе его духовной темноты, убійственнаго рабства и ложныхъ началъ государственнаго управленія. Замѣчательно здчество католическихъ храмовъ. На каждомъ изъ нихъ съ лица видны двѣ башенки, соединенныя съ куполомъ. Что выражается такою постановкою ихъ? Не двойственность ли власти, духовной и мірской въ одномъ самодержцѣ стараго Рима?“

„Въ каждомъ городѣ и селеніи то въ срединѣ, то въ концѣ ихъ, также при дорогахъ, стоятъ изваянія святыхъ на столпахъ и въ часовенкахъ. По большей части они набожно смотрятъ на распятіе, покоящееся у нихъ на рукахъ. Рѣдко, гдѣ нѣлы эти статуи; у одной нѣтъ носа, у другой—глаза, у третьей—руки; инныя искривились, почти всѣ загрязнились. Видно, что паписты не лучше Индѣйцевъ, которые, разсердившись на своихъ боговъ, таскаютъ по грязи ихъ изображенія. Смотри на всѣ эти изваянія, я думалъ, что ѣду по странѣ идолопоклонниковъ, и припоминалъ разныя молитвы древнихъ поэтовъ Эллинскихъ и Латинскихъ.

Ἰὼ παναλκείς θεοί

Ἰὼ τελείαι τε γῆς

. πύργου βλάκας

ὦ, πατρίδα γῆ, θεοί τ' ἐγγύριοι.

δέξασθε μ' εὐτροχόντα ταῖς δέ ὁδοῖς.

Т. е. О, всесильные боги,

О, совершенные боги и совершенныя богини земли,

. хранители башень!

О, родная земля и вы, деревенскіе боги,

Примите меня послѣ благополучной дороги!

Не люблю я Евреевъ или, точнѣе сказать, всякій разъ, какъ увижу ихъ, чувствую въ себѣ столкновение противоположныхъ помысловъ и ощущеній: то презираю этихъ всесвѣтныхъ торгашей за ихъ корысть, обманъ, нахальство, вѣроломство, то смотрю на нихъ окомъ Филона, какъ на народъ, посредствомъ котораго въ человѣческомъ родѣ распространилось познаніе единого, истиннаго Бога. Ихъ изумительное терпѣніе, примѣрное единодушіе, упорное вѣрованіе въ величественный призракъ, неослабная привязанность къ отеческимъ преданіямъ, вѣковая, почти одинаковая численность, неизмѣнившееся племенное обличіе, наконецъ, таинственная судьба, которой развязка послѣдуетъ предъ концемъ міра, невольно внушаютъ благоговѣйное вниманіе къ этимъ живымъ развалинамъ, кои берегутся Провидѣніемъ для докончанія величественнаго зданія церкви вселенской. А неопрятность, трусость, низость, металлическій умъ, продажная услужливость, грязное сердце Евреевъ поселяютъ не столько отвращеніе, сколько сожалѣніе къ нимъ. Они, какъ непріятныя кометы, блуждаютъ по всей землѣ. Но придетъ время, когда переиспытанныя страданія и несбывшіяся надежды обратятъ и привлекутъ ихъ къ истинѣ⁴.

Въ Австріи Порфирій прожилъ около полутора года. Онъ совершилъ поѣздку по Далматскому побережью, съ Триеста до Катара.

„На пути изъ Вѣны въ Петербургъ, пишетъ онъ, я остановился въ вольномъ городѣ Краковѣ. Въ 11 часовъ пополудни посѣтилъ меня Русскій почтмейстеръ Соловьевичъ, въ городской гостинницѣ. Разговаривали мы о Вѣнѣ, о Венеціи, Триестѣ, Далмаціи, о Россіи, о послѣдней Польской революціи. Я распрашивалъ его о Краковѣ, и онъ между прочимъ сказалъ мнѣ забавное мнѣніе свое объ этомъ вольномъ городѣ, маленькомъ Вавилонѣ въ своемъ родѣ: „Краковъ есть одинъ изъ достопримѣчательныхъ городовъ въ Европѣ, потому что онъ имѣетъ высокой сенатъ, непобѣдимое войско и цѣломудренную академію. Сенатъ высокъ, потому что стоитъ на высокой горѣ; войско непобѣдимо, потому что никогда не бывало въ сраженіяхъ; академія цѣломудренна, потому что еще не произвела ни одного ученаго творенія*)“.

4 Мая 1843 г. Порфирій былъ у оберъ-прокурора Св. Синода, гр. Протасова, и между прочимъ просилъ его сказать ему, какъ должно отвѣтить Константинопольскому патріарху, если онъ спроситъ его о мнѣніи нашего Синода или нашихъ богослововъ касательно законности или незаконности Синода Лѳинскаго. Графъ отвѣчалъ: „поговорите объ этомъ съ посланникомъ нашимъ при Портѣ Оттоманской, г. Титовымъ“. Я удивился такому отвѣту его и невольно возразилъ ему, что это дѣло не Титова, а Св. Синода. Тогда онъ сказалъ мнѣ, что это дѣло не Синода, а Государя и что Константинопольская миссія наша должна знать и, безъ сомнѣнія, знаетъ мысли Его Величества объ этомъ предметѣ. „Впрочемъ, присовокупилъ онъ, какъ бы обдумавшись, вы можете сказать патріарху, что Россійскій Синодъ и всѣ прочіе

*) Теперь это не такъ: Краковская академія усердно работаетъ на пользу исторической науки. П. Б.

іерархи наши думаютъ объ Аѳинскомъ Синодѣ такъ же, какъ думаетъ его святѣйшество“.

Получа инструкцію, какъ дѣйствовать на Востока*) и выслушавъ отъ гр. Протасова нѣсколько незаслуженныхъ оскорбительныхъ словъ, Порфирій передъ отъѣздомъ зашелъ проститься съ преосв. викаріемъ Іустиномъ и митроп. Антоніемъ. „Пишите чаще, сказалъ владыко, мнѣ отъѣзду пріятно будетъ получать ваши письма. Призываю на васъ благословеніе Божіе“. „Произнося послѣднія слова, онъ осѣнилъ меня крестнымъ знаменіемъ весьма истова. Я поклонился ему до земли“.

„Странно, что ни одинъ архіерей не послалъ со мною милостыни бѣдной церкви Палестинской, а еще страннѣе, что никто изъ нихъ не вспомнилъ о православныхъ патріархахъ. Не извиняю этой холодности владыкъ нашихъ. Сердце мое скорбитъ о духовномъ разъединеніи Сѣвера и Востока. О Господи, не лиши меня благословенія Твоего на предстоящемъ мнѣ поприщѣ ради нѣкоторыхъ пастырей, не разумѣющихъ широты любви Твоей“.

22 Мая Порфирій выѣхалъ въ Кіевъ. „Было холодно. Ни одно дерево въ предмѣстіяхъ столицы не развилось. Отъ догорающихъ лучей солнца ярко блистали стекла въ окнахъ загородныхъ домовъ. Любуясь ихъ пурпуровымъ блескомъ и золотистымъ разливомъ свѣта на западномъ небосклонѣ, я говорилъ самъ себѣ: „такъ да просвѣтится свѣтъ Твой предъ человеки, яко да видятъ добрыя дѣла и прославятъ Отца, Иже есть на небесахъ“. Потухъ свѣтъ солнца. Насталъ сумракъ. Смежились мои очи“.

22 Сентября въ Константинополѣ Порфирій являлся къ нашему послу В. П. Титову. Вечеромъ въ этотъ же день его посѣтилъ іеродіаконъ Русской миссіи Григорій. Онъ началъ рассказывать, какъ покушаются здѣсь епархіи, какъ епископы собираютъ деньги съ паствы и какъ случилось, что Константинопольскій патріархій престоль началъ быть покушаемъ. Вначалѣ Турки производили жалованье патріархамъ. Они начали уменьшать это жалованье, и кончилось тѣмъ, что по несчастному соперничеству они сами стали платить за патріаршую шанку. Затѣйливый рассказъ о Григорія прерванъ былъ приходомъ консула Базили. Отцы, зная о моихъ особенныхъ отношеніяхъ къ этому консулу, удалились. Отъ Базили узналъ я, что Дамасская семинарія открыта и что въ ней приготовляются 15 воспитанниковъ для занятія церковныхъ должностей; что патріархъ Іерусалимскій Аѳанасій—весьма слабый человекъ, и что у него изъ подъ подушки крадутъ деньги (недавно украдена шкатулка, розыску нѣтъ ради страха Іудейска); состоящій при немъ секретарь или банкиръ Папудовъ обогатился на счетъ казны Гроба Господня; есть партія между Фанаріотами, которая усиливается совершенно подчинить Іерусалимскій престоль Вселенскому, не любитъ архієпископа Фаворскаго Іероѳея, назначеннаго

*) Порфирію дано было негласное порученіе ознакомиться съ состояніемъ православныхъ церквей въ Турецкихъ владѣніяхъ и для этого получилъ онъ, кажется, средства нескудныя. П. Б.

преемникомъ Аванасіи, и затѣваетъ, по смерти патріарха, замѣнить его кѣмъ-либо-другимъ. Одинъ Грузинскій архимандритъ получилъ Крестовый монастырь въ пожизненное владѣніе за 20000 піастровъ; объ этомъ злоупотребленіи консуломъ писано къ Іероою, но ходатайство его остается недѣйствительно. Долги казны Гроба Господня почти сплона уплачены, доходы Іерусалимскаго престола, особенно изъ Молдавіи и Валахіи, значительны; но, къ сожалѣнію, при патріархіи въ монастырь Гроба Господня доселѣ не заведено училища“.

„Была рѣчь о Вилеємскомъ епископѣ, и когда я сказалъ, что онъ просилъ графа Шереметева письмомъ о вспоможеніи для починки крыши на храмѣ, то Базили удивился и назвалъ его безсовѣстнымъ, ибо крыша починена на счетъ другихъ сумм“.

„Консулъ также говорилъ мнѣ, что патріарху Іерусалимскому и его сподвижникамъ давно извѣстно мое назначеніе и что всѣ они тревожатся и боятся контроля со стороны Россіи. „Но я старался успокоить ихъ (прибавилъ Базили) и просилъ ихъ открыть вамъ настоящее положеніе Іерусалимской церкви, какъ человѣку, имѣющему довѣренность у Синода и извѣстному по ревности ко благу церкви православной“.

Посѣтившій Порфирія іеродіаконъ Филаретъ разсказалъ, между прочимъ, одно забавное приключеніе.

Въ Анатоліи при одномъ архіереѣ жилъ молодой и бойкій діаконъ. Нерѣдко бывала его герондисса владыки за его шалости и непослушаніе ея капризамъ. Діаконъ терпѣлъ и выговоры, и капризы, и побои отъ герондиссы, потому что боялся быть выгнаннымъ изъ дома и потерять право на архіерейство. „У насъ такой порядокъ, говорилъ улыбаясь о. Филаретъ: кто изъ насъ безропотно выноситъ нечистоты изъ спальни герондиссы владычней и стоитъ неподвижною статуею, когда она бьетъ по щекамъ своими туфлями или чѣмъ попало, тотъ и уменъ, и добръ, и святъ у насъ, тотъ и въ архіереи попадетъ, если, впрочемъ, умѣетъ и усѣетъ нажить нѣсколько тысячъ піастровъ“. Діаконъ терпѣлъ и не зѣвалъ: правдой и неправдой наживалъ, копилъ денежки, но въ сердцѣ своемъ таилъ намѣреніе уйти отъ владыки тайно при первомъ удобномъ случаѣ и послѣ первой удачной кражи денегъ изъ шкапулки преосвященнаго.

Случай представился благопріятный. Герондисса владыки занемогла опасно болѣзнію. Преосвященный, ухаживая за нею, однажды, въ хлопотахъ, при сильномъ обморокѣ своей возлюбленной, забылъ подъ подушкою ключи. Діакону то и на руку. Мгновенно онъ отперъ завітнѣйшій сундукъ, похитилъ давно подмѣченную шкапулку съ Турецкими червончиками, и давай Богъ ноги! Убѣжалъ въ Молдавію и оттуда, спустя года два, явился въ Константинополь. За деньги онъ купилъ себѣ архіерейство и посланъ былъ на первую овдовѣвшую епархію. Спустя годъ, вселенскій патріархъ умеръ, и на мѣсто его избранъ былъ тотъ митрополитъ, котораго обокралъ прежній діаконъ, а нынѣшній преосвященный. Убоясь гнѣва новаго патріарха, архіерей пріѣхалъ въ

Стамбуль и своею пронырливостію и деньгами успѣлъ выхлопотать у султана фирманъ, которымъ падишахъ повелѣвалъ патриарху любить сего архіерея. Патриархъ, получивъ фирманъ, еще болѣе возненавидѣлъ архіерея, но вслѣдствіе повелѣнія султанскаго долженъ былъ любить его. Finis coronat opus!

Случалось иногда и такъ, что извѣстнаго монаха дѣлали архіереемъ единственно потому именно, что онъ оказывался никуда негоднымъ. Дальше идти было, кажется, уже некуда. Въ 40-хъ же годахъ Селевкійскую митрополию въ Антиохійскомъ патриархатѣ занималъ архіерей Іаковъ, Бедуинъ, пахнувшій псиной, круглый невѣжда, серьезно вопрошавшій одного Русскаго, когда онъ узналъ, что тотъ пріѣхалъ изъ Россіи: „знаетъ ли онъ говорить по-русски“, и настолько равнодушный къ своей паствѣ, что не вѣдалъ, сколько православныхъ душъ въ его епархіи, и что говорилъ, какъ о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ, о переходѣ нѣкоторыхъ его пасомыхъ въ Турецкую религію. Спрашивается, какимъ образомъ такой человекъ могъ сдѣлаться митрополитомъ и находился отвѣтъ въ высшей степени изумительный: „пресвященный былъ сначала игуменомъ монастыря пророка Іліи и—дурнымъ; чтобы избавиться отъ него, сдѣлали его архіереемъ“. Такието пути ведутъ иногда къ архіерейской кафедрѣ въ Греко-восточной церкви *).

15 Октября выѣхавъ въ Сирію и посѣтивъ изъ Бейрута Дамаскъ, Триполи и многіе сосѣдніе монастыри, Порфирій 20 Декабря 1843 г. достигъ, наконецъ, святого града Іерусалима. Впрочемъ, укоряя Грековъ, что ихъ владыки имѣютъ герондиссъ, Порфирій забылъ, что у насъ есть молодые викарные архіереи изъ вдовыхъ поповъ съ малолѣтними дѣтьми, ради ухода за которыми они держатъ въ своихъ монастырскихъ кельяхъ (а болѣе совѣтливые на квартирахъ) нестарыхъ нянекъ, боннъ и, кромѣ „ночныхъ собесѣдованій съ ангелами“, не отказываются провѣдывать по ночамъ, хорошо ли спятъ ихъ дѣти.

Любопытный разсказъ передаетъ Порфирій. Одинъ молодой богатый Болгаринъ горячо любилъ свою жену. Послѣ родовъ она лишилась разсудка. Базарджикскій епископъ посовѣтовалъ свозить больную въ Іерусалимъ, гдѣ она у Гроба Господня и выздоровѣла. Послѣ Пасхи, по пріѣздѣ на родину, Болгарка опять захворала. Епископъ, къ которому мужъ ея обращался ранѣе, разсказалъ ему: „Я вижу, что Провидѣніе тебя и жену твою призываетъ на жительство въ Іерусалимъ. Продай домъ и все имѣніе твое и переселись во Св. Градъ; уповаю на милость Господню: жена твоя опять исцѣлѣтъ“. Болгаринъ исполнилъ совѣтъ святителя, и Господь далъ ей новое исцѣленіе. Послѣ Пасхи они хотѣли возвратиться домой, но лишь только выѣхали за ворота Іерусалимскіе, вдругъ она лишилась разсудка. Тогда мужъ ея вполне понялъ въ чемъ дѣло и рѣшилъ остаться во Св. Градѣ на постоянное жительство послѣ третьяго мгновеннаго исцѣленія у Гроба Господня. Но гдѣ и какъ жить и чѣмъ пропитывать себя, жену и дитя? Намѣстники патриарха, жесто-

*) А у насъ развѣ не бывало? Чтобы сбыть ректора одной Семинаріи, сдѣлали его епископомъ. Однако викарій-епископъ и тутъ оказался мало пригоднымъ по своей необычной ярости.

кіе, безбожные, не хотѣли дать ему безвозмезднаго пріюта въ одномъ изъ пустопорожнихъ своихъ домовъ, а онъ прожилъ все свое состояніе на переѣзды и на богатые вклады въ патріархію. Даже выслали его вонъ изъ Іерусалима. Онъ умолялъ не отринуть его, соглашался на самыя низкія и черныя работы въ патріархіи, лишь бы дали ему пристанище на первый разъ, до первой возможности жить независимо. Черные злодѣи отказали ему въ просьбѣ. Тогда онъ прибѣгъ къ помощи христіанъ Іерусалимскихъ; они собрали ему небольшую сумму, и онъ нанялъ въ одномъ изъ домовъ патріархіи крошечный уголокъ за 200 піастровъ въ годъ и держитъ въ немъ кофейню, а жена его, цвѣтущая, здоровая, умная, расторопная, помогаетъ ему шитьемъ и мытьемъ бѣлья. Но въ спискахъ здѣшняго Синода они считаются до сихъ поръ хаджіями и ежегодно взносятъ за себя, и за сына, и за крестнаго отца его обычную сумму, сверхъ платы за квартиру. Она никогда не выходитъ за ворота городскіе и даже боится приближаться къ нимъ. „Таинственны испытанія Господни, велика благодать Божія и поучительна любовь этого мужа. Эта любовь есть точно даръ благодати, сообщаемой въ таинствѣ брака. Теперь я сильнѣе вѣрю въ силу этого таинства“. Порфирій видѣлъ эту женщину. Несчастія сдѣлали ее чрезвычайно доброю.

„Тяжело мнѣ здѣсь въ Іерусалимѣ (заноситъ Порфирій 6 Февраля въ свой дневникъ). Сердце болитъ, разсудокъ непрерывно сердится на безпорядки человѣческаго общества, утѣшенія нѣтъ ни отъ людей, ни отъ природы; родные, друзья, знакомые—удали; моя роза цвѣтетъ безъ меня, а что ждетъ меня въ будущемъ? Тяжело мнѣ. Аѳонскіе монахи за деньги постригаютъ въ монашество нашихъ Русскихъ дураковъ. Бездѣльники эти монахи, отродѣ идола Авоса! Свѣтскій учитель Грекъ, присланный изъ Константинополя для обученія монаховъ, оказался нечисто проповѣдующимъ, отматающимъ посты и прочіе церковныя обряды. По настоянію Анѳима, онъ удаленъ отъ должности. Училище заперто. Жалованья получалъ этотъ бѣсъ по 1000 піастровъ въ мѣсяцъ. Въ контрактѣ, съ нимъ заключенномъ, сказано было, что по неудовольствію той или другой стороны онъ можетъ уволиться или быть уволенъ. Учителишка переругалъ всѣхъ архіереевъ, и особенно Анѳима. Онъ провалится послѣ Пасхи вмѣстѣ съ поклонниками“.

„Не понимаю, спросилъ я монаха, секретаря Іерусалимскаго Синода, почему Греческіе архіереи живутъ въ патріархіи? Не полезнѣ ли было бы жить имъ въ епархіяхъ? На этотъ вопросъ онъ отвѣчалъ гнѣвно, сердито, что архіереямъ нельзя жить въ епархіяхъ: христіанъ нѣтъ, домовъ нѣтъ, церквей нѣтъ; опасно, скучно.—„Да вѣдь живутъ же на епархіяхъ своихъ Проконій Птолемаидскій и Діонисій Виѳлеемскій? Почему же бы не могли жить и другіе?“ Тутъ Анѳимъ вышелъ изъ себя, и давай бранить и ругать Виѳлеемскаго. Въ эти минуты онъ обратился въ кипятокъ, и съ сихъ поръ я прозвалъ его кипяткомъ. Онъ бормоталъ, что Виѳлеемскій безпокойный человѣкъ, перемѣнилъ уже двѣ епархіи; имѣетъ третью жену (т. е. церковь), а все недоволенъ, получаетъ доходы отъ поклонниковъ, а все недоволенъ.—„Я, кричалъ въ бѣшенствѣ Анѳимъ,

я бранилъ его въ Синодѣ, какъ собаку. Я сдѣлаю его простымъ монахомъ“ и пр. Я сидѣлъ, какъ неподвижная холодная скала. Мнѣ любо было смотрѣть на этого монаха, который въ запальчивости то сдвигался съ дивана на полъ, то подымался на диванъ съ помощію своего толстаго костыля, которымъ онъ бьетъ всѣхъ монаховъ, быть можетъ, замахивается и на архіереевъ. Вотъ всемогущій святогробецъ! Будучи рисофоромъ, возводитъ и низводитъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Недаромъ игуменъ нашего Феодоровскаго монастыря поетъ молебень Богоматери, когда ему надобно идти къ Аноиму, духовнику своему, святить келью въ первый день мѣсяца. Бѣдный игуменъ! Не разъ достается ему отвѣдать сладости жезла и налицы Аноима. Сердигаго старца скоро позвали въ Синодъ. Я простился съ нимъ дружелюбно“.

„Послѣ обѣда одинъ іеродіаконъ, бывшій подказначескъ, говорилъ, что каждый архіерей получаетъ не болѣе 6000 піастровъ ежегоднаго дохода отъ поклонниковъ и отъ требъ, и что этихъ денегъ едва достаточно на герондиссу, мальчика-діакона и прочія мелочи домашнія. Всѣ они живутъ собственными капиталами, нажитыми праведно и неправедно. По мнѣнію іеродіакона, они не захотятъ промѣнять настоящаго покоя на безпокойства и опасности въ епархіяхъ. Если бы патріархъ рѣшился дать имъ на епархіяхъ безбѣдное жалованіе и устроилъ дома и церкви, то, можетъ статья, они пошли бы на епархіи свои не безъ удовольствія“.

„Я—страшникъ на землѣ. Колебели своей не помню; отеческій кровъ давно я покинулъ и никогда не возвращусь подъ этотъ кровъ: это невозможно. Шести лѣтъ я слышалъ шумъ водъ Балтійскихъ; почти десять годовъ мылся я водами моря Чернаго; потомъ два года пилъ воду изъ Дуная и плавалъ по морю Адриатическому и по восточнымъ его заливамъ. Отсюда я опять очутился у береговъ Балтики, но не надолго. Судьба, т. е. судъ Божій увлекъ меня въ Царь-градъ, въ Сирію, въ Палестину. Теперь я въ Іерусалимѣ, а гдѣ я буду въ мѣсяцѣ Апрѣлѣ и въ Маѣ? Не суждено ли мнѣ видѣть Халдеевъ, Армянъ и обитателей Малой Азіи? Буду ли я въ Молдавіи и Валахіи? Увижу ли пану въ Римѣ? Короля въ Парижѣ? Королеву въ Лондонѣ? Не знаю, въ какой книжкѣ будутъ записаны отвѣты на эти вопросы. А для чего я странствую такъ долго? Можетъ быть, для того, чтобы подобно пчелѣ принести прекрасный медъ въ родной улей. Я пчелка Божія, а Россія—мой улей“.

Съ 23 Февраля по 13 Мая 1844 года Порфирій путешествовалъ по Галилеѣ. Онъ поражался невѣжествомъ Греческаго духовенства и бѣдностью церквей.

„6 Марта послѣ обѣда, часа въ два, мы отправились налегкѣ сперва въ деревню Яфу, отстоящую отъ Назарета на полчаса пути въ югозападномъ направленіи. Меня влекло желаніе видѣть родину Зеведеевъ и вмѣстѣ знать, въ какомъ состояніи находится здѣшняя сельская церковь. Это село немалое, построено на двухъ противоположныхъ покатостяхъ одной и той же горы, имѣющей тутъ видъ Европейскаго сѣдла. Низменность между покатостями не застроена и составляетъ родъ улицы, раздѣляющей село на двѣ половины.

Дома походятъ на землянки. Перебѣхавъ изъ одной половины деревни въ другую, мы остановились на маленькой площадкѣ подлѣ самой церкви. Покамѣ Назаретскій проводникъ ходилъ за попомъ и ключемъ, я разсматривалъ село и внѣшній видъ церкви. Церковь низка и походитъ на обыкновенный домъ (впрочемъ, имѣеть съ лица фронтонъ въ видѣ треугольника). Предъ входомъ въ нее стоялъ одинъ ветхій и подслѣпый старикъ. „Вотъ потомокъ Зеведеевъ, сказалъ я спутникамъ своимъ, полюбуйтеся имъ!“ И подлинно онъ не иначе назвалъ себя предъ нами, какъ потомкомъ Зеведеевъ и пророка Іліи. Проводникъ нашъ привелъ какого-то епитропа церкви съ ключемъ. Попа не было дома. Отперли церковь. Насъ поразила не столько необыкновенная скудость ея, сколько нечистота. Полу нѣтъ, земляной полъ грязный, изрытъ яминками, въ углахъ лежалъ хламъ; среди церкви врытъ въ землю кусокъ желтой колонны, и на ней поставлена полуразбитая капитель, и это сдѣлано, какъ говорилъ староста, для обозначенія мѣста, около котораго ходитъ понь съ великимъ выходомъ. Иконостасъ каменный; на полкахъ стоятъ какія-то ветхія иконы, малыя, полныя, безобразныя. Царскихъ дверей нѣтъ; вмѣсто завѣсы виситъ нечистая тряпница; престолъ кой-какъ сдѣланъ изъ камней въ видѣ стула, и на немъ столько навозу, пыли, сору, воску и пролитаго масла съ лежавшихъ черепковъ, что я изумился и заплакалъ. На жертвенникѣ также неопрятность. Сосуды оловянные крайне нечисты. Когда я вынулъ губку изъ потира и понюхалъ, то меня обдалъ несносный запахъ. Не знаю, какъ понь причащается изъ сего сосуда. Церковь посвящена имени великомученика Георгія. Положивъ предъ иконою денежную милостыню, я вышелъ изъ храма съ растерзаннымъ сердцемъ и праведнымъ гнѣвомъ на пастырей. „Оле, пастыри Израилевы!“ прорекалъ я предъ спутниками своими. Церковь не оштукатурена внутри, покрыта по сухимъ налочкамъ землею, заросшею травой. „Ежели въ другихъ селахъ церкви еще хуже этой, то я выплачу свои очи“, сказалъ я своимъ спутникамъ и поѣхалъ въ Меджедель“.

„Это село отстоитъ отъ Яфы на Юго-западъ, на полчаса пути. Мѣстоположеніе его ниже Яфскаго. Оно окружено масличными деревьями. Но дома, какъ и въ Яфѣ, убогія мазанки. Каковы дома, такова и церковь, стоящая почти на краю села. Это убогая и крайне неопрятная хижина, покрытая землею. Вмѣсто дверей вставлена калитка, кое-какъ сколоченная изъ сучьевъ и драничекъ и запирающаяся засовомъ. Сквозь дверь видно внутрь церкви. Попа не было дома; вмѣсто его явилась попадья еще нестарая, и, отодвинувъ засовъ калитки, растворила намъ эту дверь, которая чуть-чуть не упала, а таки повисла на бокъ на одной нижней пятѣ своей. Грустное зрѣлище представилось очамъ: горшая бѣдность и горшая неопрятность, нежели въ Яфѣ. Церковь была не метена со времени постройки ея. Солома валялась на полу. Въ Яфѣ престолъ, по крайней мѣрѣ, смазанъ глиною бѣлою, а здѣсь складень, какъ попало, изъ неотесанныхъ камней, ничѣмъ не связанныхъ: того и гляди, что они развалятся. А что на престолѣ и жертвенникѣ? Нечего и говорить. Ужасно, страшно! Господь возгремитъ гнѣвомъ Своимъ на безпечныхъ епитроповъ патріарха и на самого его. Христосъ убѣжалъ отъ нихъ. Церковь посвя-

щена имени св. Георгія. Подавъ милостыню попадѣ и попросивъ ее сказать мужу, чтобы онъ отслужилъ обѣдню о здравіи нашемъ, мы вышли изъ храма. Попадья просила насъ къ себѣ на кофе, но мы отказались. Впрочемъ, послѣ я пожалѣлъ, что не заглянулъ въ домъ священника, дабы сравнить его съ церковію“.

„Гидскій архієпископъ Кириллъ живетъ въ келіяхъ расписанныхъ и разукрашенныхъ розами, а церкви Божіи находятся въ жалкомъ положеніи. На что это походить? Что это значить? Не обвиняю я попа: онъ держитъ церковь, какъ держалъ ее отецъ его. Онъ темень душею такъ же, какъ и лицомъ. Ему не дали свѣта; ему не сообщили понятій о Богѣ и церкви; ему не привили съ дѣтства страха Божія. Чтожъ мудренаго, если онъ курить табакъ въ храмѣ и вводитъ туда животныхъ? Отъ скота нельзя ожидать благоговѣнія человѣческаго къ святынь. Но Іерусалимскіе архієреи, привыкшіе къ благолѣпію церковному, окруженные богатствомъ! Виноградъ Божій отнимется отъ васъ и предастся иному дѣлателью“....

Пробывъ недолго въ Назаретѣ, Порфирій поѣхалъ съ своими спутниками въ Эндору. „Эта малая деревушка, населенная черными Арабами, лѣпится къ скалѣ, мѣстами изрытой водою. Въ этой скалѣ много пещеръ. На восточномъ концѣ деревни лежатъ, какъ попало, огромные камни, оторванные отъ скалы. Въ этомъ-то мѣстѣ мы поднялись на гору вслѣдъ за Эндорцемъ, который взялся показать намъ дивный источникъ. Лишь только мы взлѣзли на гору, увидѣли небольшое каменное зданіе; тутъ сидѣли Арабы. Это или ханъ, или мечеть. Отсюда мы подымались немного выше и выше въ направленіи къ Западу. Въѣздъ былъ довольно затруднителенъ, и почти передъ самымъ источникомъ мы слѣзли съ коней. Вообразите себѣ большой высокой гротъ, сдѣланный природою въ видѣ Т въ каменной скалѣ бѣлаго цвѣта. Проводникъ между обвалившихся камней, какъ сквозь ущелье, провелъ насъ къ источнику съ восточной стороны. Вдругъ представился изорамъ большой, широкій, высокой и довольно далеко въ гору простирающійся гротъ или каменный навѣсъ; подъ нимъ-то вода вытекаетъ изъ-подъ заднихъ стѣнъ и тамъ образуетъ озерко чистой воды; уже изъ этого озерка по искусственному небольшому руслу вытекаетъ вода изъ грота и мелкою струею стекаетъ съ горы въ деревню, и, не знаю гдѣ, теряется. Я пилъ воду: она вкусна и прохладна. Этотъ источникъ Арабы называютъ именемъ деревни. Дикъ этотъ гротъ, изъ-подъ котораго выходитъ вода. Судя по изрытымъ сосѣднимъ скаламъ, къ коимъ пристроена деревня и судя по каменнымъ обваламъ, надобно полагать, что въ древнія времена этотъ источникъ былъ обильнѣе, и, можетъ быть, въ дождливые годы бурно стремился внизъ и прорывалъ скалы. Не здѣсь ли, подлѣ грота, жила Эндорская волшебница? По крайней мѣрѣ, въ этой деревнѣ было мѣсто ея жительства. Сохранилось названіе деревни, и близость ея къ горамъ Гелвуйскимъ, на которыхъ палъ Саулъ, говоритъ въ защиту мнѣнія, что нынѣшній Эндоръ есть тотъ самый Аэндоръ, въ которомъ волшебница показывала Саулу тѣнь Самуила. Неудивительно, что она избрала это мѣсто для своего ремесла:

оно такъ дико. Воображаю, что эта волшебница была также черна, какъ и нынѣшніе жители деревни. Она была, вѣроятно, не Еврейка, потому что Евреямъ законъ строго запрещалъ колдовство подѣ смертною казнію. Какая Еврейка могла избрать ремесло, угрожающее ей смертію? И волшебница скрывала свое ремесло. Я думаю, что она была Ханаанка или Египтянка, и что подлѣ источника священнаго у нея былъ оракулъ, съ которымъ тайно совѣтывались суевѣрные Евреи. Надобно полагать, что искусство ея было не мало; вѣроятно, она употребляла тѣже средства, какими пользовался, напр. Калиостро, при мнимомъ вызваніи душъ людей умершихъ. Строгое приложеніе закона Моисеева къ подобнымъ фиглярамъ истребило всякое волшебство въ Израилѣ; по той-же причинѣ св. писатели не описали намъ и фокуса Эндорской колдуньи. Что такое колдовство, и именно вызваніе душъ умершихъ? Есть ли оно одураченіе человѣка суевѣрнаго или дѣйствительное средство къ общенію душъ? Я думаю, что не душа человѣка умершаго вызывается, а душа живого сообщается на мгновенія съ духовнымъ міромъ и свойственнымъ ей взглядомъ узнаетъ того, кого ей надобно. Искусство волхванія при семъ случаѣ состоитъ только въ приготовленіи человѣка къ собственному души его вѣдѣнію и въ умѣніи разъединять на время душу отъ тѣла посредствомъ какихъ нибудь куреній, оцѣпѣневающихъ на мгновеніе въ человѣческомъ тѣлѣ жизнь его растительную и животную. Не даромъ же народы имѣли своихъ маговъ, не даромъ вѣрили въ вызваніе духовъ и въ заклинаніе ихъ. Какъ могло кому придти въ голову: дай-ка я вызову изъ ада душу моего друга? Скорѣе нѣкоторые люди, занимавшіеся изслѣдованіемъ травъ, могли притти къ подобному результату совершенно случайно: напр. при куреніи, при питіи извѣстнаго зелья душа отдѣлялась отъ тѣла, и видѣла то, чего не могла видѣть въ обыкновенномъ состояніи тѣла. Послѣ перваго случайнаго опыта, естественно, могли быть и повторяемы эти опыты; и вотъ жрецы не для обмана, но въ удостовѣреніе безсмертія человѣческихъ душъ и стали іерофантамъ показывать души. Ихъ ошибка состояла только въ томъ, что они вѣрили въ могущество своихъ заклинаній и средствъ, а дѣло состояло въ растройствѣ духовной и тѣлесной жизни того человѣка, для котораго и при которомъ соверпались заклинанія. Можетъ статься, и жрецы понимали свое ремесло, какъ я понимаю его, да только не открывали тайны профанамъ. И такъ я вѣрю, что душа можетъ видѣть душу при извѣстныхъ условіяхъ или состояніяхъ нашего тѣла; но не вѣрю, чтобы человѣкъ помощью словъ, и формулъ, и куреній, и зеркалъ могъ вызвать душу изъ рая или ада“.

Надо пожалѣть, что эти строки Порфирія, какъ и сама книга, извѣстны очень немногимъ. Обуявшая нашу аристократію мода къ столоверченію и вызванію духовъ была бы, можетъ быть, значительно ослаблена, если бы эти жаждущіе сообщеній съ жителями загробнаго міра хорошенько вдумались въ подобнаго рода чудеса. И какъ блѣдны кажутся разглагольствованія по этому поводу современныхъ философовъ, напоминающихъ своими измышленіями газеты и разнаго рода журналы....

Близъ Сирійскаго города Триполи, на первыхъ высотахъ Ливана, въ виду Средиземнаго моря, есть монастырь во имя Успенія Пресвятой Богородицы, именуемый Белемеидъ. Этотъ монастырь со времени возстанія Грековъ находился въ такомъ жалкомъ положеніи, что никто изъ иноковъ патріаршихъ не соглашался идти управлять имъ; монаховъ въ немъ не было, церковь безъ оконъ, безъ пола, безъ иконостаса, безъ утвари, и ризница похожа была болѣе на темницу, чѣмъ на домъ Божій. Имѣнія монастырскія находились въ разстройствѣ и въ чужихъ рукахъ; Турки требовали ежегодной дани и ежегодно увеличивали ее. Блаженнѣйшій патріархъ Меодій, болѣзную о такомъ плачевномъ состояніи Белемеидской обители, въ которой одинъ изъ предшественниковъ его водрузилъ крестъ своими руками, уговорилъ, наконецъ, одного престарѣлаго инока принять на себя управленіе этимъ монастыремъ на одинъ годъ. Старецъ покорился волѣ патріарха, но въ помощь выпросилъ себѣ іеродіакона Аѳанасія. Сдѣлавшись вскорѣ игуменомъ, Аѳанасій привелъ черезъ 13 лѣтъ этотъ монастырь въ цвѣтущее состояніе. Тогда Триполійскій мусульмъ сталъ требовать съ Аѳанасія вмѣсто платимыхъ ему 500—5000 піастровъ; но Аѳанасій хлопоталъ у Ибрагима-наши освобожденіе отъ всякихъ налоговъ; также онъ отдѣлался и отъ эмира Бенира, хотѣвшаго завладѣть монастырскими мельницами.

Но если монастырь пощадилъ невѣрные Турки, то не такъ поступили православные Грекосы.

Вотъ какъ передаетъ эту печальную повѣсть разграбленія монастыря Порфирій.

„Антиохійскій патріархъ Меодій, подобно вѣмъ Грекамъ зараженный корыстолюбіемъ, зная о благосостояніи Белемеидскаго монастыря, сталъ требовать отъ игумена Аѳанасія большихъ суммъ то на Дамасское училище, то для сохраненія ихъ въ патріархіи. Игумень отстаивалъ права монастыря, указывалъ патріарху на собственное училище, ручаясь за безопасность казны. Но патріархъ, раздраженный его настойчивостью, слышать не хотѣлъ его представленій; уничтожилъ училище, разогналъ учителей, приказалъ взять деньги изъ церкви и даже обыскать сундуки игумена, въ коихъ, къ стыду патріарха, ничего не найдено, кромѣ ветхихъ рубахъ и одеждъ его. Тогда напрасно гонимый старецъ рѣшился оставить влелѣянную имъ обитель и удалиться на Синай. Тяжелъ былъ для него этотъ крестъ, потому что не злоба Агарянская, а корысть носящаго имя 13-го изъ апостоловъ возложила оный на рамена его. Но Провидѣніе приуготовило ему другое дѣятельное поприще. Іерусалимскій патріархъ Аѳанасій нуждался въ проповѣдникѣ на Арабскомъ языкѣ, и вотъ, по рекомендаціи нашего консула Базиліа въ Бейрутѣ, игумень Аѳанасій поступилъ въ число братства Святогробскаго и проповѣдуетъ Слово Божіе въ храмѣ, а наипаче въ своей келіи гонимымъ Арабамъ Палестинскимъ, гонимымъ двумя врагами: Турками и Греками. Но что сдѣлалось съ Белемеидскимъ монастыремъ? Надъ нимъ сбылось слово, писанное въ пророческой книгѣ: „поражу пастыря, и раздутыя овцы“. Лучшіе иноки разбрелись, кто въ монастырь Св.

Георгія, кто въ Аѳонскую гору, а остальные оплакиваютъ свое прошлое иноческое утѣшеніе, ждуть лучшихъ дней, а порой имъ приходится на сердце бросить лишившуюся благодати обитель и бѣжать въ Ливанскія горы, въ монастыри Уніатскіе. А патріархъ? Онъ весело пересчитываетъ піастры, полученные изъ пустѣющаго иноками монастыря. Меѳодій! Какъ мнѣ жаль тебя! Твоя митра сіяла бы блескомъ немерцающимъ, если бы ты не покрылъ ее чернымъ флеромъ. Покайся, день твой уже преклонился къ вечеру. Покайся, тебя гробъ ожидаетъ зѣвая“.

А у насъ развѣ не было подобнаго рода архієпископовъ, разорявшихъ знаменитыя обители? Вспомнимъ печальную исторію Макарьевского Желтоводскаго монастыря, Астраханскаго и т. д., разореніе которыхъ совершилось на нашихъ глазахъ; о мелкихъ же обычныхъ хищеніяхъ и говорить не стоитъ.

15 Апрѣля Порфирій посѣтилъ этого Аѳанасія. „Послѣ обѣда, говоритъ Порфирій, я вышелъ на террасу монастыря и, прохаживаясь, увидѣлъ на улицѣ у стѣны католическаго монастыря молодого парня въ рубищахъ, лежащаго на какой-то подстилкѣ. У головы его лежали три лешки и на нихъ кусочекъ бѣлаго сыру. Сперва я подумалъ, что это нищій-калѣка, а потомъ пришло мнѣ въ голову, что онъ извозчикъ и чего-либо дожидается у гостиницы католической. Чтѣ нужды? Я не обратилъ на него особеннаго вниманія и пошелъ въ свою келію заниматься своимъ дѣломъ. Часовъ въ 6 вечера входитъ ко мнѣ о. Григорій встревоженный, блѣдный и говоритъ: „Позвольте мнѣ, батюшка, пойти и запалить всю патріархію?“ „Не понимаю, какого вы духа, отвѣчалъ я ему, что вамъ сдѣлала патріархія?“— „Это жилище нечестія и немилосердія, продолжалъ онъ, пойду и выжгу этотъ Содомъ и Гоморру“. И засмѣялся.— „Не смѣйтесь, батюшка, и выслушайте, что сдѣлали сегодня лицемѣры, жестоковѣйные Греки.“— „Ну, говорите.“— „Отдохнувъ часокъ послѣ обѣда, началъ о. Григорій, я пошелъ прогуляться немножко и замѣтилъ у стѣны католическаго монастыря молодого парня, лежавшаго на гионицѣ.“— „И я видѣлъ его; ну, что же?“— „Онъ просилъ у меня милостыни, я подаль ему, что Богъ положилъ мнѣ на сердце, и пошелъ далѣе. Нищій кричалъ въ слѣдъ меня болѣзненно; но я, не понимая Арабскаго языка, оставилъ его вопли безъ вниманія. Спустя нѣсколько времени, возвращаясь назадъ по улицѣ, ведущей прямо отсюда въ патріархію, я увидѣлъ этого же ницаго уже на другомъ мѣстѣ,—у стѣны дома, принадлежащаго патріарху, въ которомъ жилъ покойный лѣкаръ. Нищій страдалъ сильно отъ какой-то боли и, обращаясь ко мнѣ, умолялъ меня о чемъ-то. Не понимая его языка, я побѣжалъ домой и, взявъ съ собою нашего игумена, просилъ его вызвать игумена Саввинскаго монастыря, который разумѣетъ по-арабски и поговорить съ нищимъ. Игуменъ пришелъ, и что же? Оказалось, что молодой парень не есть нищій, а поклонникъ, и что онъ на пути въ Іерусалимъ ограбленъ и избитъ былъ разбойниками, изъ которыхъ одинъ пронзилъ ему ногу копьемъ. Нѣкоторые сострадательные христіане, такіе же поклонники, какъ онъ, нашли его на дорогѣ полунагого, полуживого и, узнавъ о несчастіи его, скалились надъ нимъ, по-

ложили его на осла, привезли въ Іерусалимъ и сдали его въ патріархію. Здѣсь несчастный пролежалъ два дня, и потомъ намѣстникъ патріарха приказать выбросить его куда-нибудь на улицу, чтобы избавиться отъ хлюпоты; и вотъ хамаль взвалилъ его на плечи, и чтобы не таскаться съ нимъ далеко, бросилъ его подлѣ стѣны католической обители, какъ разъ напротивъ нашего монастыря. Конечно, намѣстники полагали, что хамаль отнесетъ его куда-нибудь въ другое мѣсто, напр. въ Жидовскій кварталъ; но Богъ обличилъ ихъ жестокосердіе. Католики, узнавъ, что впадшій въ разбойники есть православный христіанинъ, также не оказали ему никакой помощи и милости, и перетащили его къ тому же дому, гдѣ я засталъ его въ другой разъ. Такимъ образомъ и наши и чужіе отталкиваютъ отъ себя несчастнаго. Помилуйте, батюшка, собаки съѣдятъ его“. Выслушавъ это, я ужаснулся; сердце мое заболѣло; духъ мой забушевалъ, какъ бушуетъ дубрава отъ нечаяннаго порывистаго вѣтра изъ горныхъ ущелій. „Подите, спѣшите, бѣгите, говорилъ я, принесите сюда отверженнаго; мы призримъ его, упокоимъ его, вылѣчимъ его. Но напередъ дайте знать намѣстнику Кириллу, что я прошу его помѣстить разбитаго въ Русскомъ монастырѣ“. По моему приказанію, нашъ игумень побѣждалъ къ сему намѣстнику. Между тѣмъ преосвященный уже узналъ, вѣроятно, чрезъ Саввинскаго игумена, что постыдное приключеніе огласилось въ Русскомъ монастырѣ и потому приказалъ тотчасъ взять несчастнаго и помѣстить его напротивъ патріархіи въ одномъ изъ ея домовъ, а когда явился къ нему нашъ игумень, то онъ, между прочимъ, спросилъ его: „Знаетъ ли архимандритъ Порфирій объ этомъ уродѣ?“—„Знаетъ, отвѣчалъ игумень, и потому прислалъ меня просить васъ помѣстить его въ Оедоровскомъ монастырѣ“.—„Скажи архимандриту, что этотъ уродъ призрѣнъ теперь нами, и что его выбросили на улицу не мы, а одна Арабка, которой мы поручили ухаживать за нимъ“. Игумень пересказалъ мнѣ слова намѣстника. Хитрое оправданіе его удивило меня, и я рѣшился въ душѣ моей спросить завтра утромъ самого больного, точно ли онъ отданъ былъ на попеченіе Арабкѣ и уже ею былъ выброшенъ, а игумена своего просилъ сходить и посмотрѣть новое помѣщеніе больного. Онъ съ фонаремъ въ рукахъ ходилъ туда, видѣлъ и донесъ мнѣ, что больной помѣщенъ въ конюшнѣ и что лампада свѣтится тамъ. Я затаилъ въ себѣ горестъ и досаду. Наступила ночь. Нскогда было оспаривать у намѣстника сокровище христіанскаго милосердія.—„Вотъ каковы здѣшніе святители, батюшка, сказалъ мнѣ о. Григорій, приготавливая чай: бросили исамъ на съѣденіе человѣка ограбленнаго, избитаго, немощнаго; правду говорилъ Армянскій патріархъ, что всѣ діаволы собрались сюда въ Іерусалимъ и склоняютъ людей ко всякому злу“.

Нравственный упадокъ существовалъ во всѣ времена. Еще Сенека говорилъ о такомъ, современномъ ему, упадкѣ. „Все наполнено злодѣянїями и пороками; никакія мѣры не могутъ стать въ уровень съ разлитіемъ зла, какъ будто всѣ бѣгутъ на перебѣжку, на какомъ-то громадномъ ристалищѣ порочности. Съ каждымъ днемъ все больше и больше склонность къ грѣху; все

меньше и меньше застѣчивости. Послѣ того, какъ брошено уваженіе къ доброду и честному, пожеланіе направляется на все, что взглянется. Преступленія уже не скрываются: они все на виду. И настолько распространилась въ обществѣ порочность и овладѣла всеми сердцами, что невинность не только стала рѣдкостью, но и совсѣмъ нигдѣ не встрѣчается“.

Греческіе архіереи всегда жаловались въ Россіи на свою бѣдность и всегда старались рисовать свое положеніе самыми печальными чертами. „Войдемъ въ покои Греческаго архіерея не фантастическаго, а дѣйствительнаго, говоритъ А. П. Лебедевъ*). Въ пріемной комнатѣ мы найдемъ широкую Турецкую софу, а на ней подушки изъ Сирійскаго разноцвѣтнаго шелка; необходимую принадлежность благоустроеннаго жилища на Востокѣ составляетъ бронзовая жаровня: ее вы тоже найдете въ пріемной архіерея; жаровня эта у него вся литая, на красивыхъ львиныхъ лапкахъ и такая огромная, что три человека едва могутъ поднять ее. Если поинтересуемся узнать, что находится въ буфетномъ шкапу архіерея, то мы узримъ желе изъ айвы, шербетъ розовый, кофейный и розовый листъ и орѣхи съ гвоздикой, и само собой разумѣется, ароматное вино. Если же пожелаемъ познакомиться съ поварскою архіерея, то найдемъ тамъ гусей, цыпленка и поросенка. Греческіе архіереи, какъ извѣстно, разрѣшаютъ себѣ скоромную пищу по тому основанію, что они въ настоящіе монахи не посвящаются, а остаются навсегда рясофорными, хотя и возлагаютъ на себя монашескія принадлежности. И этотъ обычай соблазнять насъ не долженъ. Въ одеждѣ архіереи любятъ разнообразіе, и нѣкоторые изъ нихъ часто перемѣняютъ свои платья. Значить, гардеробъ ихъ богатъ и дорогъ. Въ прежнее время архіереи иногда украшали свою голову чалмой, этой красивой принадлежностью Турецкаго костюма, причемъ они въ свое оправданіе ссылались на принужденіе со стороны Турокъ, но эта отговорка лишена всякаго значенія“.

„Въ помѣщеніи Греческаго архіерея встрѣтишь еще, чего совсѣмъ не ожидаешь—экономку или сожительницу. Эти личности женскаго пола носятъ различныя наименованія: герондиссы, коконы, параманы, проще: наложницы, а деликатнѣе: „преосвященныя монахини“. Такихъ особъ женскаго пола держатъ не одни архіереи, но и другіе клирики, такъ какъ безбрачными остаются въ Греціи не только патріархи, епископы и архимандриты, но нѣкоторые приходскіе, городскіе священники и даже діаконы. Дѣятельность параманъ, преосвященныхъ монахинь (или какъ хотите назовите) заключается въ слѣдующемъ: онѣ изготовляютъ архіерею любимыя его блюда, измываютъ его святительскія ноги, стелютъ ложе, варятъ варенье, повязываютъ черный платочекъ поверхъ камилавки, когда архіерей выходитъ изъ дому и проч. Нѣкоторымъ Греческимъ архіереямъ иногда приходится выслушивать укоризну, что герон-

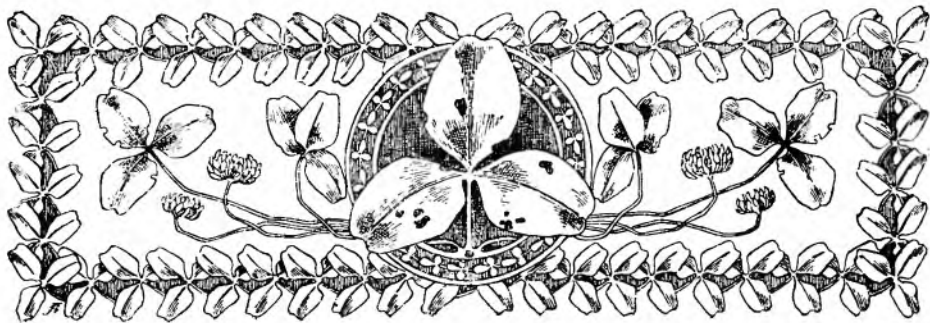
*) „Нѣсколько свѣдѣній изъ исторіи правовъ Греческаго высшаго духовенства“, стр. 15.

диссы ихъ служить соблазномъ для христіанъ. Въ такомъ случаѣ соблазняющійся можетъ услышать слѣдующія слова отъ архіерея: „и ап. Петръ водилъ съ собою сестру-жену, а мы преемники его. Самому Господу служили жены; почему же и намъ не принимать ихъ служенія и послушанія? Не мы первые ввели обычай принимать въ свои келіи герондиссы; это ужъ издавна ведется. Зло меньшее все же лучше зла большаго(!?). Но пусть мы по вашему любодѣи, блудодѣи, мы отдадимъ въ этомъ отчеты Богу“. Нужно признаться, что подобная апологія не только не успокаивала соблазняющихся, но иногда даже приводила ихъ въ ужасъ. Содержаніе коконъ или наложницъ иногда дорого обходилось архіерею; онѣ любятъ деньги, любятъ зрѣлища, нуждаются иногда во врачебномъ искусствѣ. Часто онѣ достигали большаго значенія въ самой административной дѣятельности архіерея. Этого рода соблазномъ дѣло впрочемъ, кажется, не ограничивалось въ жизни Греческихъ архіереевъ“.

А. Титовъ.

Ростовъ Великій, 1 Февраля 1910 г.

СТЕФАНЪ АРХІЕПИСКОПЪ СУЗДАЛЬСКІЙ.

Въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“, изданномъ прошлаго 1909 года подъ редакціей предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцева, помѣщена біографія Стефана, архіепископа Суздальскаго. Эта біографія составлена довольно кратко и страдает отчасти неточностями. Пользуясь имѣющимися у меня матеріалами, я позволяю себѣ сдѣлать нѣкоторое пополненіе и принимаю при этомъ за основаніе единственную о Стефанѣ обстоятельную статью архимандрита Леонида Кавелина, напечатанную въ 1-й книгѣ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей“ за 1876 г.; она, очевидно, автору біографіи Стефана, помѣщенной въ „Біографическомъ Словарѣ“, была неизвѣстна.

Архіепископъ Стефанъ былъ изъ роду богатыхъ и славныхъ Ростовскихъ купцовъ Кичигиныхъ. Родъ Кичигиныхъ упоминается въ писцовыхъ книгахъ и другихъ Ростовскихъ документахъ XVI и XVII вв. Представители этого рода во время царя Алексея Михайловича вели торговлю съ Англичанами, для чего имѣли контору въ Архангельскѣ; вообще они составляли въ XVII вѣкѣ мѣстную знать. Ихъ домъ въ Ростовѣ находился на теперешней Окружной улицѣ, между Воздвиженской церковью и бывшимъ Андреевскимъ монастыремъ. Два родныхъ брата Кичигиныхъ приняли монашество; старшій изъ нихъ былъ Суздальскій архіепископъ Стефанъ, а младшій—Вологодскій архіепископъ Гавріилъ. Имена этихъ двухъ архіепископовъ занесены въ синодикъ Ростовскаго Андреевскаго монастыря, который упраздненъ въ 1723 г. и приписанъ къ Спасо-Яковлевскому Ростовскому, куда передано и все церковное имущество; въ этой же обители хранится и монастырскій синодикъ*). Надо прибавить, что въ XVIII вѣкѣ, по

*) Подробное описаніе въ моей книгѣ: „Рукописи П. А. Вахромѣева“, т. V, 328—331.

основаніи Петербурга, когда совершенно измѣнился транзитный путь, Кичигинымъ не повезло, и они обѣднѣли. Впрочемъ, фамилія Кичигиныхъ существуетъ въ Ростовѣ и по настоящее время.

Когда и гдѣ принялъ постриженіе преосвященный Стефанъ, пока намъ не извѣстно. Архим. Леонидъ говоритъ (стр. 223), что Стефанъ состоялъ въ клирѣ патріарха Никона. Онъ былъ келейнымъ старцемъ патріарха и сопровождалъ его въ путешествіяхъ, о чемъ упоминаетъ Никонъ въ письмѣ къ царю изъ Владимира: „А я, богомолецъ вашъ, да попь Стефанъ еще живы“. Никонъ посвятилъ его настоятелемъ Новаго Іерусалима. Затѣмъ 18 Октября 1657 г., при освященіи Воскресенскаго храма, въ присутствіи царя, Стефанъ былъ произведенъ въ архимандриты, а лѣтомъ 1658 г. посвященъ въ архіеп. Суздальскаго и Тарусскаго на мѣсто архіеп. Филарета, переведеннаго въ Смоленскъ.

Въ 1659 г. на Стефана послѣдовалъ доносъ архим. Спасо-Евфиміевскаго монастыря Авраамія и соборнаго попа Никиты Константинова (Пустосвята), обвинявшихъ Стефана въ томъ, что онъ служитъ литургію не по правиламъ св. отецъ и „всякой святости ругается, и учитъ не отъ Божественнаго Писанія“ *). Въ Августѣ 1659 г. въ Суздаль были посланы слѣдователи: епископъ Вятскій Александръ, архимандриты Чудовской Павелъ и Богоявленскій Кипріанъ. Слѣдователи признали доносъ несправедливымъ: но Никита подалъ царю новый доносъ съ жалобой, что Стефанъ грамотой отрѣшилъ его отъ церкви и лишилъ дохода; кромѣ того, онъ приложилъ новую роспись винамъ Стефана. Но и на самого Никиту поступила отъ архіепископскаго прикащика Дениса Петрова жалоба, что онъ, попь Никита, пріѣхавъ 16 Сентября 1659 г. въ Суздаль, въ церкви учинилъ великое смятеніе, называлъ архіепископа Стефана государевымъ измѣнникомъ и еретикомъ, и проклиналъ, и на многолѣтія и отпустъ архіепископа не поминалъ. Производитъ слѣдствіе по этимъ доносамъ опять пріѣхалъ Вятскій епископъ Александръ съ патріаршимъ дьякомъ Пароеніемъ Ивановымъ. Слѣдствіе производили строго, допрашивали многихъ лицъ, которыя, большею частью, подтвердили сдѣланные противъ Стефана извѣты.

Для суда надъ Стефаномъ въ 1660 г. составленъ соборъ, при участіи боярина Петра Михайловича Салтыкова и думнаго дьяка Алмаза (Іерооєя) Ивановича, который приговорилъ его къ лишенію сана. Но царь Алексѣй, пересмотрѣвъ дѣло, велѣлъ сказать властямъ, что „ко-

*) Дѣло это хранится въ Московской Синодальной бібліотекѣ.

торыя вины передъ нимъ, государемъ, то онъ ихъ прощаетъ, а что вины церковныя, то въ томъ бы власти судили и прощали по правиламъ, потому что отъ простыхъ рѣчей прозябають ереси, а пона Никиту чтобы отослали подь гражданской судъ¹⁾. Тогда соборъ, видя, что въ иныхъ статьяхъ Стефанъ оклеветанъ Никитою, а въ другихъ винится передъ соборомъ и проситъ прощенія, постановилъ дать ему прощеніе, но не оставилъ его на прежней Суздальской епархіи, потому что онъ возненавиденъ этого города людьми, а указалъ ему, ради пропитанія, быть у Архангельскаго собора въ Москвѣ и въ немъ архіерействовать для совершенія поминовений по умершимъ царямъ и великимъ князьямъ. Тогда, по словамъ автора Суздальской исторіи, ключаря Анавіи, въ Архангельскій соборъ была взята изъ Суздаля часть архіерейской ризницы. Архим. Леонидъ (стр. 225) полагаетъ¹⁾, что невзгода эта постигла Стефана потому, что онъ былъ изъ лицъ преданныхъ тогда уже опальному патріарху Никону и во всемъ слѣдовалъ его церковнымъ распоряженіямъ. Этимъ и объясняется строгость, съ какою производили слѣдствіе Вятскій епископъ Александръ, извѣстный сторонникъ расколуучителей, и дьякъ Парѣеній Ивановъ, бесѣдовавшій въ Суздаль съ попомъ Никитою о сугубой аллилуйи. Вскорѣ послѣ этого назначенія, кажется около 1661 г., Стефанъ самовольно оставилъ обязанность служить въ Архангельскомъ соборѣ, за что и былъ отославъ въ Ростовскій Борисоглѣбскій, чѣдъ на Устьѣ, монастырь²⁾. Очевидно, эта ссылка была кратковременна, такъ какъ въ 1663—1666 гг. Стефанъ именуется архіепископомъ Архангельскимъ и Звенигородскимъ. Въ концѣ 1666 или въ началѣ 1667 г. ему была возвращена Суздальская епархія, каѳедра которой все время оставалась незанятою. Будучи Суздальскимъ архіереємъ, онъ участвовалъ въ Московскомъ соборѣ 1667 г. и подписывался подь опредѣленіями его такъ: „Смиранный Стефанъ, архіепископъ Суздальскій и Тарусской“. По возвращеніи въ Суздаль, по грамотѣ патріарха Іосифа, онъ производилъ изслѣдованіе о чудесахъ отъ Смоленской иконы Пресв. Богородицы, находящейся въ Шуйскомъ Воскресенскомъ соборѣ. Въ 1668 г. онъ производилъ изслѣдованіе о мощахъ Арсенія епископа Суздальскаго, „Грека изъ Геласонска града“³⁾, управлявшаго Суздальской епархіей съ 1613 по 1625 г. и похороненнаго въ Суздальской соборной церкви. Арсеній въ 1597 г. былъ назначенъ къ Московскому Архангельскому собору съ титуломъ архіепископа Архангельскаго и Элассонскаго, подписывался подь гра-

¹⁾ „Братское Слово“, 1875 г., кн. 4, примѣч. къ стр. 371—373.

²⁾ Журналъ Мин. Народн. Просв., ч. I V, стр. 377.

³⁾ А. Дмитревскій. Архіепископъ Элассонскій Арсеній и мемуары его изъ Русской исторіи. Кіевъ. 1899 г.

мотой объ избраніи въ цари Бориса Годунова, принималъ участіе во встрѣчѣ Димитрія и близъ гробницъ царей Іоанна Грознаго и Θεодора Іоанновича возлагалъ на главу его вѣнецъ Мономаха. Спустя 44 года по смерти Арсенія, въ 1668 г., архіеп. Стефанъ писалъ патриарху Іоасафу, что „будучи Арсеній архіепископомъ въ Суздаль, представился и погребень бысть въ соборной церкви Рождества Пресв. Богородицы въ прошломъ 7133 году на лѣвой сторонѣ, подлѣ столпа; и въ нынѣшнемъ 7176 (1668) году Марта въ 8 день, что былъ на гробѣ его кирпичный сводъ, и тотъ сводъ переть осыпалась, и люди гробъ его видятъ, и подлѣ той гробницы не починя стоять нельзя“. Патриархъ поручилъ Стефану вмѣстѣ съ Чудовскимъ архим. Іоакимомъ освидѣтельствовать мощи Арсенія. Въ исполненіе патриаршаго приказа Стефанъ доносилъ, что мощи Арсенія досматривали, въ новый гробъ переложили и поставили на прежнемъ мѣстѣ. Надо полагать, что вслѣдствіе дальнѣйшаго разрѣшенія патриарха Стефанъ вмѣстѣ съ архим. Іоакимомъ 28 Апрѣля 1668 г. „надъ мощами святителя Арсенія литургію и напихду соборнѣ служили, а въ Іюлѣ мѣсяцѣ надъ гробомъ устроена гробница, и образъ его святителейъ написанъ, о чесомъ и во описныхъ соборной церкви 7191 г. книгахъ о построеніи надъ гробомъ преосв. Арсенія гробницы показуется“. Затѣмъ образъ пр. Арсенія стали писаться и поставляться во многихъ церквахъ, да и самъ Стефанъ въ своихъ писаніяхъ къ разнымъ лицамъ заключалъ такъ: „За милость Божію и Пречистыя Богородицы и великихъ святителей Іоанна и Θεодора и Арсенія, Суздальскихъ чудотворцевъ“....

Въ 1671 г. 21 Января Стефанъ находился въ Москвѣ при томъ случаѣ, какъ царь требовалъ у патриарха благословенія на бракосочетаніе свое съ Наталіей Кирилловной; а 5-го Февраля, въ Сыропустную недѣлю, царь, бывши у патриарха для прощенія, говорилъ о непослушаніи Стефана, что онъ-де съ митрополитомъ соборнѣ служить не хочетъ*).

Въ Февралѣ 1672 г. Стефанъ построилъ себѣ саккосъ изъ Индѣйской камки, что пожаловалъ ему государь въ 1671 г. за поминовленіе царицы Маріи Ильиничны. 18 Февраля онъ присутствовалъ при погребеніи патриарха Іосифа. Въ концѣ этого же мѣсяца царь Алексѣй и патриархъ Іоасафъ повелѣли „быти Суздальской епархіи (вмѣсто Тарусской и Калужской десятины) достальному Суздальскому уѣзду, которая ранѣе были въ патриаршей области“. Патриархъ благословилъ и повелѣлъ Стефану служить въ саккосѣ. Въ Мартѣ

*) Др. Россійск. Вивлію., VI, 311.

онъ участвовалъ на соборѣ объ учрежденіи Новгородской епархіи. 6 Іюля 1673 г. онъ былъ при нареченіи въ патріархи Новгородскаго митрополита Пигрима, который подтвердилъ ему государево жалованье и благословеніе своего предшественника служить въ саккосѣ. вслѣдствіе чего онъ „15 Октября на Москвѣ на домовомъ своемъ подворьѣ впервые въ саккосѣ облачился и литургію служилъ, и инныя службы на подворьѣ служилъ, а на соборѣ служилъ въ ризахъ“. При нареченіи патріарха Іоакима Стефанъ не присутствовалъ и только въ концѣ Августа 1674 г. вернулся въ Москву изъ своей епархіи.

1675 г. 8 Августа Іоакимъ указалъ архіеп. Стефану ѣздить къ себѣ въ соборную церковь безпрепятственно, а служить ему, архіепископу, безъ его святительскаго благословенія не указалъ. 15 Августа архіеп. Стефанъ служилъ съ патріархомъ въ Успенскомъ соборѣ и былъ въ числѣ архіереевъ, приглашенныхъ къ патріаршему столу. Въ этомъ же 1675 г. Стефанъ усиленно ходатайствовалъ о возстановленіи близъ Суздаля древняго монастыря въ селѣ Кидекшѣ, при церкви Бориса и Глѣба (построенной еще въ 1162 г. вел. кн. Юріемъ Долгорукимъ, гдѣ погребены его сынъ Борисъ Юрьевичъ и другіе Суздальскіе князья и княгини). Въ своемъ прошеніи къ царю Алексею Стефанъ писалъ: „Въ нынѣшнемъ, государь, 7138 г. промысломъ Божіимъ въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, что въ Кидекшѣ, обрѣтошася мощи вел. кн. Бориса Георгіевича въ гробницѣ, и по досмотру Спасскаго Евфиміевскаго архимандрита да Суздальскаго воеводы и того жъ Борисоглѣбскаго монастыря священника и прочихъ прилучившихся тамо людей, онъ, великій князь, почиваетъ въ своей одеждѣ, и гербъ на немъ, и донынѣ цѣло, и той вел. кн. братъ благовѣрнаго вел. кн. Андрея Юрьевича Боголюбскаго, да въ томъ же монастырѣ почиваютъ и прочіе князья Суздальскіе и княгини“. Стефанъ заключаетъ свое довольно пространное ходатайство тѣмъ, чтобы „пустой Кидекшскій монастырь съ вотчинами отдать въ Суздальскую архіепископію и построить общежительство игумена, чтобъ государское богомоліе въ пустотѣ и нестроеніи не было, и гробъ благовѣрныхъ великихъ князей въ забвеніи безъ украшенія, и памяти ихъ безъ воспоминанія не были“. Какія были послѣдствія этого донесенія, свидѣній нѣтъ. Въ подробномъ описаніи с. Кидекши, помѣщенномъ въ „Историко-статистическомъ описаніи церквей и приходоу Владимирской епархіи“, за 1897 г. (вып. III, стр. 110), упомянуто лишь одно донесеніе Стефана. Въ немъ онъ сообщаетъ о нетлѣнныхъ мощахъ вел. кн. Бориса Георгіевича и о томъ, что каменная гробница этого князя находится на правой сторонѣ задняго угла Борисоглѣбской церкви, построенной въ 1329 году.

15-го Іюня 1676 г. Стефанъ участвовалъ при поставленіи на царство Ѳеодора Алексѣевича, 22-го Октября служилъ въ Москвѣ, а 1677 г. проживалъ въ Москвѣ на Суздальскомъ архіерейскомъ подворьѣ. 28-го Апрѣля этого года имъ дана была грамота о построеніи въ Шартомскомъ монастырѣ каменной церкви въ имя св. Димитрія (Селунскаго ¹⁾). Въ Маѣ этого же года крестьяне Шартомскаго монастыря подавали жалобу на своего архимандрита Наванайла ²⁾).

На этой записи прекращаются почти все документы о пребываніи Стефана на Суздальской епархіи, если не считать одной рядной грамоты отъ 7-го Января 1678 г., данной во время святительства Стефана въ Суздаль ³⁾).

Въ статьѣ о Суздальской епархіи, напечатанной въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (Іюль 1852) все архіерейство Стефана въ Суздаль ограничено только двумя годами, 1659 и 1660 гг.; потомъ онъ былъ опредѣленъ къ Архангельскому Московскому собору, а на мѣсто его въ Суздаль хиротонисанъ Маркелль, святительствовавшій тамъ съ 1662 по 1680 г. Въ обоихъ изданіяхъ Исторіи Россійской Іерархіи о Стефанѣ, въ каталогѣ архіереевъ Московскаго Архангельскаго собора, говорится, что онъ тамъ служилъ въ 1670 г. Но и это невѣрно: съ 1667 года, въ продолженіе болѣе девяти лѣтъ при Архангельскомъ соборѣ постоянно служилъ Сербскій епископъ Іоаннъ Діаковичъ.

Въ „Исторіи Россійской Іерархіи“, въ росписи Суздальскихъ архіереевъ, значится, что архіепископъ Стефанъ въ концѣ своего управленія этою епархіею былъ соборнѣ отлученъ (лишенъ епархіи) и отправленъ въ заточеніе: сперва въ Новгородскій Лисицкій монастырь, а потомъ перемѣщенъ въ Іоасафовъ Волоколамскій, гдѣ и скончался. Но, говоритъ архимандритъ Леонидъ, ни причины его осужденія, ни время онаго не означены, и ни въ какихъ другихъ источникахъ указанія на сіе мы не нашли ⁴⁾. Очевидно, архим. Леонидъ пользовался отчасти тѣмъ документомъ, что сыскивалъ Вятскій епископъ Александръ въ 7168 г. Дѣло это (столбецъ № 20) упоминается въ описяхъ столбцамъ Патріаршаго разряда ⁵⁾, но тамъ только одно это дѣло 1660 г.;

¹⁾ Грамота эта напечатана въ Собраніи старинныхъ актовъ г. Шуй Борисовымъ. М. 1853, стр. 234—236.

²⁾ Тамъ же стр. 242.

³⁾ Эта грамота напечатана въ Юридическихъ Актахъ, стр. 421.

⁴⁾ Чтенія. 1876 г., I, стр. 234.

⁵⁾ Историч. акты, собр. Археогр. Комиссіи, т. V, стр. 481.

между тѣмъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ есть рукопись изъ древлехранилища Погодина № 1608 (лл. 31—35), въ которой означенъ не только годъ осужденія Стефана, но отчасти сдѣланы и указанія на его вины.

Архимандритъ Леонидъ причину отлученія Стефана относитъ къ метительному характеру патріарха Іоакима (1674—1690). Онъ, пользуясь молодостью и неопытностью царя Θεодора Алексѣевича, отмстилъ патріарху Никону отягченіемъ его заключенія; духовника царя Алексѣя Михайловича, Благовѣщенскаго протопопа Андрея Савиновича, сослалъ въ монастырь, съ Смоленскаго митрополита Селивестра снялъ бѣлый клобукъ и т. д. Мы не ошибемся, если къ этому же времени (т. е. къ первымъ годамъ царствованія Θεодора Алексѣевича) и къ этимъ же причинамъ отнесемъ и опалу архіепископа Стефана, какъ одного изъ приверженцевъ святѣйшаго патріарха Никона. Стефанъ въ 1660 г. осмѣлился открыто говорить предъ лицомъ собора, что онъ священнодѣйствуетъ по чину, переданному имъ бывшимъ патріархомъ Никономъ. Такъ говорилъ архіепископъ Стефанъ, можетъ быть, заподозрѣнный, а можетъ быть и улпченный въ сношеніяхъ съ опальнымъ патріархомъ или столкнувшійся въ какомъ-либо дѣлѣ съ Суздальскимъ воеводою, Тимофеемъ Петровичемъ Савеловымъ, который, по всей вѣроятности, былъ близкій родственникъ патріарха Іоакима, происходившаго изъ той же фамиліи и состоявшаго, черезъ своего брата, въ родствѣ съ извѣстнымъ любимцемъ царя Алексѣя Михайловича, Алексѣемъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Стефану также въ вину было поставлено прославленіе мощей Суздальскаго архіерея Арсенія Грека, который за царя считалъ самозванца Гришку и бармы на него и корону Мономаха на главу возлагалъ. Очевидно, враги всѣми силами старались увеличить вины этого архіепископа, не брезгая и политическимъ доносомъ.

Стефанъ, равно и современникъ его Іосифъ, архіеп. Коломенскій († 1681 г.), были ставленники патріарха Никона и характерные люди того времени, твердо усвоившіе Никоновскія начала и подражавшіе этому несокрушиму до самой смерти владыкѣ.

Самъ царь жаловался патріарху на неповиновеніе Стефана. Въ одной изъ замѣтокъ профессора Московскаго университета, О. М. Бодянскаго, занесено, что Стефанъ въ укоръ патріарху Іоакиму говорилъ, „что-де ны будутъ на патріаршемъ дворѣ ценять своихъ родитъ и радость настанетъ бѣсамъ отъ погибели многихъ людей“. И такого рода ругательства и поношенія были говорены неоднократно; особенно они были обидны для самолюбиваго патріарха, когда касались его мало-

грамотности. Извѣстно, что Іоакимъ вообще не пользовался любовью своей духовной паствы. Онъ былъ человѣкъ ратный и до монашества служилъ въ стрѣльцахъ; попавши въ случай, онъ былъ грубъ и не стѣснялся съ своими подвластными иноками, какого бы они чина ни были.

Хотя Іоакимъ и занесенъ въ Словарь Писателей духовнаго чина, какъ авторъ нѣсколькихъ произведеній, но современная критика уже доказала, что всѣ его работы, въ особенности же по обличенію раскола, написаны были Аѳанасіемъ, архіепископомъ Холмогорскимъ, Киріономъ Пегоминнымъ и другими¹⁾. О малограмотности патріарха намъ оставилъ свидѣтельство и его современникъ, Симонъ Полоцкій, сказавъ, что Іоакимъ „ученъ мало и книжныхъ рѣчей не разумѣть“²⁾. Авторъ „Обзора Русской духовной литературы“ (стр. 227) архіеп. Филаретъ Черниговскій, говоря о литературныхъ трудахъ Іоакима, заключаетъ, что, если воспитатель царя Θεодора Алексѣевича дорожилъ просвѣщеніемъ Запада, то тѣмъ уже, конечно, не былъ патріархъ Іоакимъ, а былъ Симеонъ Полоцкій.

За два года передъ изгнаніемъ Стефана, той же участи въ 1676 г. 15 Марта подвергся его сотоварищъ Іосифъ, архіепископъ Коломенскій, сосланный въ тотъ же Лисій монастырь. Любопытно, что препроводительная грамота патріарха Іоакима на имя Новгородскаго митрополита Корнилія (въ епархіи котораго находился Лисій монастырь), не во многомъ разнится съ вышеупомянутой, относящейся до Стефана. Въ этой грамотѣ лишь сдѣлано дополненіе, что, если Іосифъ, архіепископъ Коломенскій, будетъ братію монастырскую и служебниковъ и крестьянъ обременять поборами, или по своимъ прежнимъ дурнымъ привычкамъ своей необычною архіерейскою яростію учнетъ быть безъ милосердія, или по' недостойнству людямъ досаждать: то митрополиту его отъ того унимать и ко всякому благому смиренію приводить. Но дѣла Іосифа были гораздо важнѣе Стефана. Во время пребыванія на Коломенской епархіи Іосифъ дѣйствительно отличался необычною яростію. Въ дѣлахъ объ этомъ архіепископѣ, хранящихся въ Патріаршей библіотекѣ, есть показаніе: „А какъ станетъ онъ, Іосифъ, прохладенъ (навеселѣ), и не щадитъ никого: ни царя, ни патріарха, ни бояръ; говоритъ про великаго государя, что не умѣетъ въ царствѣ никакой расправы самъ собою чинить; люди имъ владѣютъ... А патріархъ Іоакимъ мало и грамотъ умѣетъ... на соборѣ только бороду устава

¹⁾ Вѣлюковъ. „Христіанское Чтеніе“. 1885 г.

²⁾ Іоакимъ на это отвѣтилъ: „Святъ санъ Симеонъ имѣетъ, а обычаемъ похабъ“.

сидитъ, ничего не знаетъ, непостояненъ, трусь... поученіе станеть говорить—только гноитъ, и слушать не хочется“. Далѣе Іосифъ называлъ патріарха глупцомъ, безлюдицею; архіереевъ—скотами и трусами. шушерою; бояръ—хамовымъ родомъ и т. д.¹⁾

Лисій, а иногда писавшійся Лисичій или Лисецкій, Рождественскій Богородицкій монастырь, куда были сосланы эти два архіепископа, находился въ 7-ми верстахъ отъ Новгорода и въ 3-хъ отъ Хутынскаго монастыря, на правомъ берегу Волхова. Онъ былъ основанъ въ 1391 г.; въ XVII вѣкѣ приписанъ къ Иверскому, упраздненъ въ 1764 г. Еще въ началѣ XIX в. была цѣла каменная монастырская соборная церковь Рождества Пресв. Богородицы, но она сломана; другая монастырская церковь была разобрана ранѣе, еще въ 1781 г. для новостроящейся ограды Антоніева Новгородскаго монастыря. О существованіи Лисицкой обители теперь напоминаютъ только курганъ, да нѣсколько разбитыхъ плитъ со стертymi отъ времени именами покойныхъ настоятелей. Изъ исторіи извѣстно, что одинъ изъ священно-иноковъ этого монастыря—св. Евфимій въ 1429 г. былъ избранъ Новгородскимъ владыкою²⁾. Довольно значительныя бібліографическія данныя (хотя и неполныя) о Лисьемъ монастырѣ приведены В. В. Звѣринскимъ во II-й части его „Матеріаловъ о православныхъ монастыряхъ“ (стр. 197). Настоятели монастыря второй половины XVII в. по списку Строева тоже переименованы, но не все; извѣстны только: Трифонъ 1648 г., Досифей 1653 г., Антоній 1658 г., Гермогенъ 1667 г., Іосифъ 1676 г., Евфимій 1677 г., Тарасій 1678 г., Христофоръ 1682 г., Германъ 1687 г., Принархъ 1689 г., Іаковъ 1700 г.; послѣднимъ въ 1763 г. былъ Германъ, при которомъ монастырь и упраздненъ.

Сколько времени проживалъ Стефанъ въ Лисьемъ монастырѣ, свѣдѣній у насъ нѣтъ; не извѣстенъ и годъ его кончины. Изъ Лисья монастыря онъ былъ переведенъ въ Іосифовъ Волоколамскій, гдѣ, очевидно, и погребенъ.

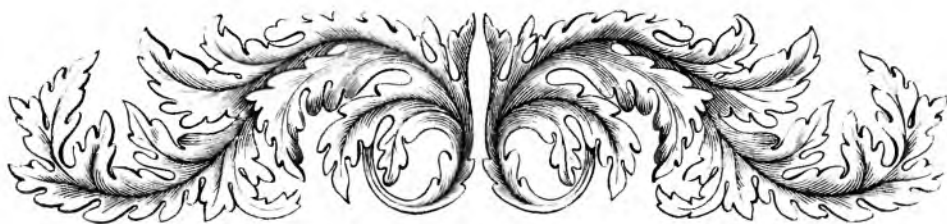
Андрей Титовъ.

Ростовъ Великій.
1910 г. 29 Января.

¹⁾ Акты историч., т. V, стр. 481, столбецъ Патріаршаго разряда 21.

²⁾ Мощи св. Евфимія, скончавшагося 11 Марта 1458 г., покоятся подъ спудомъ въ Вяжицкомъ Николаевскомъ монастырѣ Новгород. губ.

БРАКОРАЗВОДНОЕ ДѢЛО КНЯЗЯ Г. Г. ОРЛОВА.

Въ числѣ бумагъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода*), имѣется: „Дѣло № 196. 1780 г. 4 Февраля о разводѣ брака Григорія Григорьевича Орлова съ женою княгинею Екатериною Орловой, рожденной Зиновьевой, по собственноручному рескрипту императрицы Екатерины II на имя С.-Петербургскаго митрополита Гавріила. Рескриптъ писанъ своеоручно Безбородкомъ“.

Въ книгѣ А. П. Барсукова: „Разказы изъ Русской исторіи XVIII вѣка“, въ статьѣ: „Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ“, стр. 177, сказано: „Неизвѣстно, когда начался ихъ романъ (т. е. Орлова и Зиновьевой); но въ Іюнѣ 1776 г. они уже обвинялись, вопреки закона и обычая, строго воспрещающихъ браки на двоюродныхъ сестрахъ. По поводу это неслыханнаго въ тѣ времена случая, въ Совѣтѣ Императрицы возникло цѣлое дѣло о незаконномъ бракѣ Орлова. Члены Совѣта подали мнѣніе о необходимости развести Орлова съ женой и заключить обоихъ въ монастырь. Графъ К. Г. Разумовскій, возмущенный этой безпощадностью къ человѣку, утратившему первенствующее значеніе при дворѣ, напомнилъ своимъ товарищамъ о правилѣ, соблюдаемомъ въ кулачныхъ бояхъ: „лежачаго не бьютъ“. Благородный отзывъ Малороссіянина не былъ, однако, уваженъ. Приговоръ состоялся именно въ той самой формѣ, въ которой было высказано мнѣніе членовъ Совѣта; но Екатерина не только не утвердила этого рѣшенія, прямо объявивъ, что ея рука отказывается подписать подобную бумагу противъ человѣка, которому она столь много обязана, но даже назначила молодую княгиню Орлову статсъ-дамою и прислала ей орденъ Св. Екатерины. Кромѣ того, она осыпала ее драгоценными подарками. Орлову было тогда уже 43 года, а его супругѣ 19. Не смотря на эту разницу лѣтъ, они были чрезвычайно счастливы“.

*) Дѣло это, хотя и значится въ описи секретнымъ, но уже распечатано.

Синодское дѣло за № 196 заключается въ слѣдующемъ.

Императрица Екатерина II собственноручно писала Гавриилу, тогда еще архіепископу Новгородскому:

„Мое желаніе ссть, чтобъ ваше преосвященство Консисторіи своей чинили прещеніе далѣе поступать во мнимомъ дѣлѣ князя Орлова. Столь знаменитыя его предо мною и государствомъ заслуги влекутъ за собою не безпокойство, не слѣдствіе тутъ, гдѣ пятнадцать дѣтъ тому назадъ еще мною предвидѣно было, что потребны объяснительныя постановленія для брачныхъ обязательствъ, кои отъ меня Синоду въ 1762 г. приказано было сочинить. но и по сіе время осталось то безъ исполненія“. Получено 29 Августа 1777 года.

„Преосвященный Гаврииль, архіепископъ Новгородскій и Санкт-Петербургскій. Изъ уваженія къ заслугамъ генерала-фельдцейхмейстера князя Орлова предо мною и отечествомъ, я желаю, чтобъ ваше преосвященство дѣло, въ Консисторіи вашей имѣющееся, о бракѣ его съ княгинею Екатериною Орловою, урожденною Зиновьевою, съ повелѣніемъ моимъ къ вамъ, Августа въ 29-й день 1777-го года писаннымъ, объ оставленіи дальнѣйшихъ по дѣлу сему изысканій, внесли въ Синодъ для свѣдѣнія его, дабы имъ и потомству ихъ по оному браку никакое затрудненіе, безпокойство и изысканіе учинено быть не могло. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная Екатерина“.

Въ Санкт-Петербургѣ.

Февраля 4 дня 1780 г.

Архіепископъ Гаврииль 5-го Февраля 1780 г. донесъ Св. Синоду, что въ Консисторіи имъ дѣло остановлено, по полученіи перваго высочайшаго повелѣнія отъ 29-го Августа 1777 г., и по вторичному высочайшему повелѣнію онъ возноситъ дѣло въ Синодъ для свѣдѣнія.

Опись бумагъ того дѣла:

Опредѣленіе о сыскѣ вѣнчавшаго сей бракъ Суйдовской мызы попа Сергѣя Романова къ слѣдствію.

Обыскъ, взятый о семъ бракѣ.

Запросъ Консисторіи къ бывшему при вѣнчаніи камергеру Александру Николаевичу Зиновьеву.

Отвѣтъ камергера Зиновьева.

Обыскъ.

1777 года Іюня 5 числа Ингерманландіи Копорскаго уѣзда церкви Воскресенія Христова священникъ съ причетникомъ объявили:

Его свѣтлость Григорій Григорьевичъ поимаетъ себѣ въ супружество умершаго ген.-маіора Николая Ив. Зиновьева дочь его, дѣвицу

Ульянию, оба первымъ бракомъ, благочестивыя вѣры Греческія и Велико-россійскаго неповѣданія, раскола и противности св. церкви не имѣютъ, волею своею сочетаются, добрымъ своимъ произволеніемъ, а не съ принужденія чьего.

Подписаль камергеръ А. Н. Зиновьевъ.

Запросъ изъ С.-Петербургской Консистоіи камергеру Зиновьеву:

Въ брачномъ обыскѣ упущено: „не имѣется ли между женихомъ и невѣстою родства или свойства и другаго какого правильнаго къ бракосочетанія препятствія. Вѣнчавшій бракъ попъ въ допросѣ сказалъ, что когда онъ подавъ обыскъ для подписанія вашему превосходительству, яко поручителю, вы, вычерня въ томъ обыскѣ написанныя о неимѣніи родства рѣчи, сказали: этого не надо. А по указу 1724 г. 5 Января поручители должны показывать о родствѣ брачующихся подъ присягою. Консистоія проситъ ваше превосходительство, яко бывшаго по его свѣтлости и невѣстѣ его поручителя, сообщить письменно, не имѣется ли между ними духовнаго или плотскаго родства или свойства или другаго препятствія, и утвердить то присягою предъ архимандритомъ Зеленецкаго мон. Іоанникіемъ, который къ вамъ для того общецъ секретаремъ конситорскимъ и отправился. 4 Августа 1777 г.“

Отвѣтъ камергера Зиновьева по дѣлу о бракѣ его свѣтлости господина генерала-фельдцейхмейстера, Ея Императорскаго Величества генерала-адъютанта, кавалергардскаго корпуса шефа, лейбъ-гвардіи Коннаго полка подполковника и разныхъ орденовъ кавалера, князя Григорія Григорьевича Орлова Ея Императорскаго Величества съ фрейлиною *Ульяніею*, сестрою моею родною. При показанномъ бракѣ хотя я и находился, но не такъ чтобъ вмѣсто покойныхъ родителей, но по единому братству, какъ и прочія знатныя персоны при томъ имѣлись, и свидѣтельствую, что оный бракъ при многонародномъ собраніи въ церкви Божіей учиненъ священникомъ по церковному чиноположенію по ихъ на то согласію безъ малѣйшаго отъ кого-либо принужденія. О томъ обыскѣ я ни почему прежде вѣнчанія не зналъ, но послѣ брака спустя 4 дня оный попъ, принесши обыскъ ко мнѣ въ Гатчину мызу, просилъ, что по учрежденію ихъ хотя бѣ я одинъ то подписаль для его впредъ оправданія, что я и учинилъ, въ чемъ и нынѣ свидѣтельствую, что все то написанное и мною подписанное есть сущая истина. Указъ 5 Января 1724 г. разумѣеть невольныя бракосочетанія, до меня не касается, и я не вижу никакой для себя обязанности къ учиненію присяги.

Какъ видно, Императрица повелѣла брачное дѣло внести въ Синодъ только для свѣдѣнія, слѣдовательно и рѣшенія по нему быть не могло, тѣмъ болѣе, что всѣ изысканія по дѣлу велѣно прекратить.

Интересно однако, что въ рескриптѣ невеста называется Екатериною*), а въ документахъ Ульяніею. Очевидно, что дѣло о расторженіи брака только начиналось, но высочайшею волею прекращено, и бракъ не расторгнутъ. Въ этомъ дѣлѣ, кромѣ выше приведеннаго мною извлеченія, которымъ исчерпывается все, нѣтъ болѣе ничего: не имѣется даже никакихъ свѣдѣній о разсужденіяхъ по этому дѣлу въ Совѣтѣ.

А. Титовъ.

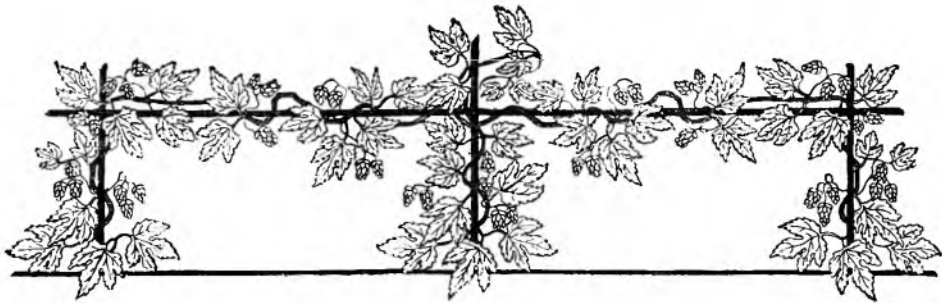
Ростовъ Ярославскій.

1910 Января 24.

Въ своемъ „Чистосердечномъ признаніи“ Екатерина рассказываетъ (князю Потемкину), какъ она разошлась съ княземъ Орловымъ еще въ 1772 году по возвращеніи его въ Петербургъ съ Фокшанскаго конгресса. Тѣмъ не менѣе она построила для него великолѣпный Мраморный дворецъ, на которомъ красовалась надпись: „Зданіе благодарности“. П. Б.

*) У Долгорукаго, т. IV, стр. 438, и у Лобанова, ч. I, стр. 215, значится Екатерина Николаевна, род. 19 Декабря 1756 г., † 16 Юня 1781 г.; съ 1776 г. за княземъ Г. Г. Орловымъ. Еще до нашихъ дней сохранился обычай давать при крещеніи двойныя имена, а у Европейскихъ народовъ по нѣскольку именъ. П. Б.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢВНА

въ ея письмахъ о Россіи за послѣдніе годы жизни.

(Переведены съ Французскаго).

Въ „Русскомъ Архивѣ“ уже говорено о первыхъ двухъ томахъ превосходной книги, которою Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михайловичъ обогатилъ нашу историографію. Третьимъ томомъ нынѣ закончилось это изданіе и дорисованъ необыкновенно привлекательный образъ царицы, оставившейся и при ея жизни, и до нашихъ дней какъ бы въ тѣни и полудивѣстности. Причина тому—недоброжелательство свекрови, этой *Grande Roseuse* (какъ называлъ ее князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій), не имѣвшей ни въ умѣ, ни въ нравѣ, ни въ склонностяхъ, ни въ образѣ жизни почти ничего общаго съ Елисаветою Алексѣвною. Недоброжелательство передано и Николаю Павловичу: онъ сжегъ Записки императрицы Елисаветы Алексѣвны, которыя она читала Карамзину и намѣревалась завѣщать ему. Для потомства утрата Записокъ возмѣщается нынѣ ея откровенными письмами къ матери. Умомъ, обширною начитанностью, умѣньемъ, сохраняя величіе сана, относиться къ людямъ просто и сочувственно, супруга Александра Павловича напоминаетъ державную бабу его. Подобно ей, Елисавета Алексѣвна искренно любила Россію, и любовь эта проявлялась во время военныхъ бѣдствій и когда ей пришлось прожить почти цѣлый годъ въ Москвѣ, возстававшей тогда послѣ сожженія 1812 года. Она всячески радѣла благу Русскаго народа. Вотъ, напримеръ, что читаемъ у нея о нашихъ монастыряхъ.

*

Москва, 7 (19) Ноября 1817.

Уже давно меня занимаетъ мысль о полезномъ примѣненіи нашихъ монастырей: теперь же, когда мнѣ пришлось близко видѣть многіе изъ нихъ, эта мысль сдѣлалась обычнымъ предметомъ моихъ размышленій. Народное благочестіе связано съ сохраненіемъ монастырей, а въ сложныхъ, до безконечности разнообразныхъ обстоятельствахъ человѣческой

жизни, убѣжище, представляемое монастыремъ, бываетъ для пныхъ подчасъ благодѣаніемъ. Царящая же въ нихъ обыкновенно праздность и вызываемыя ею гнусныя или хотя бы даже только нежелательныя послѣдствія, дѣлають то, что мысль останавливается на этихъ убѣжищахъ чаще всего рядомъ со страхомъ проникнуть туда.

Поэтому вотъ какія пришли ко мнѣ мысли о полезномъ примѣненіи нашихъ монастырей, безъ малѣйшаго нарушенія того устава (св. Василія), который господствуетъ во всей Греческой церкви.

Вотъ на что можно бы употребить женскіе монастыри:

1) *Для воспитанія молодыхъ дѣвушекъ.* Но слѣдовало бы предотвратить тѣ неудобства, которыя существуютъ теперь въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, занимающихся воспитаніемъ ихъ. Дѣло въ томъ, что монахини, принимая по большей части сиротъ, воспитываютъ ихъ для постриженія въ монашество и такимъ образомъ съ самаго нѣжнаго возраста предназначаютъ ихъ къ монашеской жизни.

2) *Для женской больницы службы,* какъ въ Елпсаветинскомъ монастырѣ, въ Вѣнѣ.

Въ началѣ, объ эти цѣли должны бы опредѣляться способностью и умений, либо мѣстными условіями. Есть монастыри, въ которыхъ оба дѣла могли бы быть совмѣщены. Но, разъ цѣль дѣятельности монастыря была бы установлена, это оставалось бы уже навсегда; женщинамъ же, желающимъ посвятить себя монашеской жизни, было бы предоставленъ выборъ: смотря по своимъ способностямъ, онѣ поступали бы въ монастыри-страннопріимные домъ или же въ монастыри-учебныя заведенія. Въ эти послѣднія слѣдовало бы принимать исключительно дѣтей изъ бѣдной среды, потому что воспитаніе, полученное тамъ молодыми дѣвушками, не было бы пригодно для жизни большого свѣта. Ихъ учили бы читать, писать, Закону Божию, руководѣнію, хозяйству и уходу за больными съ нѣкоторыми познаніями въ медицину. Особенно слѣдили бы за воспитаніемъ ихъ характера, прилагалось бы стараніе къ развитію ихъ сердець согласно правиламъ христіанской нравственности. Если бы познанія пныхъ монахинь позволяли имъ расширить знанія дѣтей, имъ бы не препятствовали обучать ихъ географіи, естественной исторіи, исторіи, астрономіи, физикѣ, и т. д., имѣя при томъ постоянную цѣлью воспитывать ихъ души и совершенствовать сердца, давать имъ возможность проявлять себя.

Что касается мужскихъ монастырей, примѣненіе ихъ труднѣе. Тамъ, гдѣ устроены семинаріи, онѣ уже дѣйствуютъ съ пользою; но

не знаю, хорошо ли увеличивать число этихъ заведеній и наиболѣе ли желательнымъ является духовное воспитаніе въ виду положенія, какое мужчины должны занимать въ обществѣ. Оно, конечно, хорошо для воспитанія блага духовенства, но на мой *теперешній* взглядъ—не больше того, и мнѣ думается, что гораздо лучше помѣщать юношей въ лицей, гимназіи и пансіоны, коихъ директоры, люди женатые, отцы семействъ, даютъ своимъ воспитанникамъ повседневную картину счастья семейной нравственной жизни. Мужскимъ монастырямъ, находящимся на большой дорогѣ или по близости отъ нея, могло бы вмѣняться въ обязанность принимать странниковъ, нуждающихся въ помощи; при нашемъ климатѣ бываютъ такія времена въ году, когда очутиться на большой дорогѣ настолько же опасно, какъ въ горахъ С.-Готарда и С.-Бернарда въ Швейцаріи. Монастыри, болѣе отдаленные отъ большой дороги, могли бы служить исправительными домами для преступниковъ или людей, сбившихся съ пути истиннаго, уже наказанныхъ гражданскимъ судомъ. Въ нихъ старался бы поддержать раскаяніе, смягчая душу благочестивыми поученіями и ежедневнымъ покаяніемъ. Въ отдаленныхъ монастыряхъ такихъ людей можно было бы употреблять на полезныя работы въ самомъ монастырѣ или на полѣ, смотря по степени ихъ исправленія и т. д. Этотъ вопросъ можетъ быть еще измѣненъ и расширенъ до безконечности. Слѣдовало бы выработать обширный уставъ, при чемъ желательно, чтобы лица, коиимъ было бы поручено распредѣлять людей виновныхъ передъ обществомъ, были бы разборчивы при рѣшеніи, кого слѣдуетъ помѣстить какъ я только что говорила, а кого отправить въ Сибирь.

Каждый архіерей долженъ былъ бы наблюдать въ своей епархіи за тѣмъ, чтобы обязательства, возложенныя на монастыри, исполнялись точно; они же несли бы за это отвѣтственность передъ правительствомъ. Конечно, денежные средства не позволяли бы осуществить все это сразу; но, для начала, можно было бы найти различныя пособія:

- 1) доходы, получаемые отъ экономическихъ крестьянъ.
- 2) часть церковныхъ доходовъ*),
- 3) частныя подаянія, и

4) Правительство, ставя себѣ задачею полезное примѣненіе монастырей, могло бы, въ виду этого, воздержаться на нѣкоторое время отъ новыхъ учрежденій, дабы помочь монастырскимъ. Каковы бы ни были правительственныя благотворительныя учрежденія, число мона-

*) Впрочемъ, въ Россіи есть очень богатые монастыри, которые для исполненія возложеннаго на нихъ нисколько не нуждались бы въ помощи.

стырей отъ того не уменьшается, съ тою только разницею, что съ каждымъ днемъ они становятся менѣ полезными, а слѣдовательно тѣмъ вреднѣе, чѣмъ долѣе они предоставлены самимъ себѣ и чѣмъ они болѣе перестаютъ быть учрежденіями благотворительными.

*

Москва, 28 Января (9 Февраля) 1818.

И должна васъ покинуть, чтобы одѣться къ обѣду, а позднѣе мнѣ помѣшаетъ продолжать письмо Ростовская¹⁾, о которой узнаете отъ Амаліи²⁾. Ея посѣщенія меня всегда нѣсколько тяготили; теперь же, каждый разъ какъ она бываетъ, мы съ нею читаемъ толстую тетрадь подлинныхъ и писанныхъ рукою императрицы Екатерины писемъ ея къ князю Волконскому³⁾, отцу княгини Прозоровской. Хорошая княгиня одолжила мнѣ это любопытное собраніе на сколько мнѣ угодно времени; оно меня крайне занимаетъ. Ростовская, много жившая и теперь еще живущая въ обществѣ Русскихъ стариковъ, знаетъ иногда значеніе подробностей, встрѣчающихся въ этихъ письмахъ. Отецъ княгини Прозоровской былъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ.

*

Москва, 20 Февраля (4 Марта) 1818.

Государь уѣзжаетъ сегодня въ ночь. Меня *тяготитъ* мысль, что это отсутствіе продолжится до 1-го Юня. До тѣхъ поръ должно столь многое совершиться, столько снѣга растаять, столько растений вырасти и зазеленѣть, что, кажется, я никогда не дождусь его⁴⁾! Дѣло только въ привычкѣ: мнѣ думается, что въ Петербургѣ я бы этого не испытывала. Александра тоже должна окончить свои дѣла; покамѣсть, я убѣждена, что все будетъ благополучно и не удивилась бы, если бы у нея родился сынъ.

*

Москва, 31 Марта (2 Апрѣля) 1818.

Завтра для меня будетъ маленькій праздникъ: я во второй разъ проведу часть утра въ Архивѣ; это меня занимаетъ и увлекаетъ. Ничего я такъ не люблю, какъ историческій хламъ....⁵⁾

¹⁾ Т. е. княжна или княгиня Лобацова-Ростовская? П. Б.

²⁾ Это старшая сестра императрицы, въ теченіи многихъ лѣтъ жившая у нея въ Россіи. Она скончалась дѣвцею у матери своей. П. Б.

³⁾ Князь Михаилъ Никитичъ Волконскій. Эти письма напечатаны во 2-й книгѣ нашего сборника „Осмнадцатый Вѣкъ“. П. Б.

⁴⁾ Государь уѣзжалъ на открытіе перваго сейма въ Варшавѣ и затѣмъ ѣздилъ въ Крымъ. П. Б.

⁵⁾ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, помѣщавшійся тогда близъ Маросейки, у Троицы на Хохловкѣ. Историческія сокровища его показывалъ

*

Москва, 20 Мая (1 Июня) 1818.

Дорогая матушка, имѣя мало времени для письма, отвѣчу только на вашъ вопросъ относительно переписки Англійской королевы Елизаветы. Удивляюсь, что до васъ дошли о ней слухи. Правда, между письмами или грамотами, отправленными въ ея царствованіе и ею подписанными, есть одно весьма любопытное письмо, но въ немъ только подпись ея и ближайшаго ея совѣтника; само же письмо написано не ея рукой. Содержаніе его очень занимательно, но постыдно для государя, къ которому оно обращено, и я удивляюсь, какъ онъ оставилъ это письмо послѣ себя. Царь Иванъ Васильевичъ, бывшій безспорно гениемъ для своего времени, но въ концѣ царствованія сдѣлавшійся ненавистнымъ своимъ жестокостями, возымѣлъ намѣреніе покинуть Россію, гдѣ не считалъ себя въ безопасности, и укрыться въ Англію. По этому поводу онъ вывѣдывалъ королеву Елисавету, и письмо, о которомъ идетъ рѣчь, есть подробный отвѣтъ (по англійски) на это предложеніе. Королева выражаетъ удовольствіе принять его, обѣщая во всѣхъ отношеніяхъ безопасность ему и всѣмъ, кого онъ привезетъ съ собой. Однимъ словомъ, я нашла, что это письмо представляетъ большую занимательность, но мнѣ любопытно узнать, кто вамъ о немъ сказалъ.

*

Петербургъ, 26 Июня (8 Июля) 1818.

Перечитывая ваше письмо, вижу, что вы спрашиваете меня, на какого принца Вильгельма похожъ маленькій Александръ, на своего дядю или на дѣдушку. Я нашла, что въ первыя минуты онъ былъ очень похожъ на своего дядю, сына короля; уже теперь онъ измѣнился лицомъ и будетъ еще мѣняться тысячу разъ*). Повидимому мать его очень любитъ, но безъ страстности: у нея, кажется, вообще нѣтъ ничего неумѣреннаго въ характерѣ, и это только къ лучшему для личнаго ея счастья.

императрицѣ директоръ Архива А. О. Малиновскій, напечатавшій тогда свою небольшую книжку о Мининѣ и Пожарскомъ, памятникъ которымъ освященъ былъ передъ отъѣздомъ Государя. Книжка эта вышла и въ Нѣмецкомъ переводѣ его дочери Екатерины Алексѣевны (въ то время отроковицы, позднѣе супруги Ростислава Алексѣевича Долгорукаго). Малиновскій, вѣроятно, думалъ, что императрица затруднится читать по русски; но въ то время она уже вполне выучилась Русскому языку, а знакомство съ Карамзиннымъ и чтеніе Исторіи Государства Россійскаго могли побудить ее къ посѣщенію Архива. П. Б.

*) Когда я въ Петропавловской крѣпости подошелъ къ лежащему во гробу императору Александру Николаевичу, меня поразило сходство его въ чертахъ лица съ императоромъ Вильгельмомъ 1-мъ. П. Б.

*

Петербургъ, 4 (16) Марта 1819.

Кажется, императрица-мать (да будетъ это между нами, дорогая матушка), по меньшей мѣрѣ, одинаково сожалѣть и объ удовольствіяхъ, которыми она пользовалась во время своей поѣздки¹⁾, и о своей дочери²⁾; по крайней мѣрѣ объ удовольствіяхъ она говоритъ больше, чѣмъ о дочери. На все здѣшнее она жалуется, на климатъ, на общество: однимъ словомъ, если ее послушать, можно подумать, что она вернулась сюда, пробывъ половину своей жизни гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Она сгорала нетерпѣніемъ снова видѣть общество. Такое настроеніе радуетъ меня за нее; стало быть напрасно я о ней беспокоилась. Между тѣмъ, въ газетахъ помѣщаются трогательныя статьи о здоровьѣ „глубокоопечаленной матери“, которая черезъ двѣ недѣли послѣ своего пріѣзда уже говорила со мной о туалетахъ, объ обществѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Престранно читать эти статьи въ газетахъ, тогда какъ я, вижу все вблизи. Подобныя замѣчанія позволяю себѣ дѣлать только для васъ, дорогая матушка и для сестеръ.

*

Царское Село, 20 Мая (1 Юня) 1819.

Мы обѣдали сегодня въ Павловскѣ, гдѣ я много слышала о смерти княжны Туркестановой³⁾, одной изъ фрейлинъ, сопровождавшихъ императрицу-мать въ ея поѣздкѣ. Она умерла въ ночь на сегодня, въ Петербургѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ, отъ послѣдствій холеры, которою заболѣла три или четыре недѣли тому назадъ. Здоровье ея было сильно разстроено уже въ пути. Императрица-мать была вчера въ городѣ и присутствовала при ея соборованіи, во время котораго она была въ полномъ сознаніи; говорятъ, она умерла настоящей христіанкой. Бѣдная дѣвушка, а еще такъ недавно она далеко не отрѣшалась отъ здѣшняго міра! Но я убѣждена, что Богъ даруетъ милость тихо умирать тѣмъ, кто горячо и съ упованіемъ молить Его объ этомъ.

*

Ораніенбаумъ, 29 Юля (10 Августа) 1819.

Лонгиновъ⁴⁾ бываетъ у меня изрѣдка, потому что жена его имѣетъ часть семьи при себѣ, и всѣхъ ихъ негдѣ было бы помѣстить, а онъ не можетъ разстаться съ женой; онъ очень хорошій мужъ. Недавно

¹⁾ Въ чужіе края. П. Б.

²⁾ Королева Екатерины Павловны, передъ тѣмъ скончавшейся. П. Б.

³⁾ Княжна Варвара Ильинична Туркестанова. П. Б.

⁴⁾ Николай Михайловичъ Лонгиновъ, секретарь Елисаветы Алексѣевны. П. Б.

я видѣла его сына¹⁾; у него препотѣшная физиономія: представьте себѣ, Лонгинова съ лицомъ восьмимѣсячнаго ребенка, худенькаго и продѣлывающаго штуки; этотъ ребенокъ до смѣшнаго похожъ на своего отца.

*

Каменный Островъ, 8 (20) Сентября 1819.

Михаилъ здоровъ и, если Богу будетъ угодно, въ то время какъ вы получите это письмо, онъ уже забудетъ о своей болѣзни. На этотъ разъ мои предчувствія меня обманули.

Поразительную вещь сказала мнѣ одна особа, съ которой я отнюдь не близка и никогда ей не высказываю своего мнѣнія про образъ дѣйствій императрицы-матери. Особа эта спрашивала меня о здоровьѣ Великаго Князя Михаила; мы говорили о его болѣзни, и вдругъ она говоритъ мнѣ съ такимъ простодушіемъ, которое меня ошеломило: „боюсь за него, ибо вижу въ этомъ руку Провидѣнія для императрицы-матери“. Это вѣрно, что она не *смирена въ счастіи*: еще недавно всѣхъ непріятно поразило ея требованіе, чтобъ въ церкви новорожденную²⁾ поминали раньше великихъ князейъ Маріи и Анны, тогда какъ моя первая дочь, которая считалась, однако, дочерью прямого наследника, поминалась послѣ всѣхъ Великихъ Князейъ. Ей на это возразили, что *сестры* Государя ближе ему, чѣмъ его *племянница*. Она съ такимъ упоеніемъ видитъ Николая и его вѣтвь уже на престолѣ, что это пугало бы меня за каждаго, кромѣ нея.

*

Петербургъ, 18 Февраля (1 Марта) 1820.

Остаться въ странѣ, которую можешь считать своей родиной, гдѣ находишь все воспоминанія дѣтства, и въ какой чудесной странѣ! Остаться среди своей семьи и знакомыхъ, имѣя возможность путешествовать ради удовольствія! Вотъ судьба, которой я съ дѣтства всегда желала. Это-то и заставляло меня когда-то желать выйти замужъ за Людвига Дармштадтскаго, такъ какъ въ Карлсруэ не за кого было выйти. Мнѣ кажется, что въ такомъ положеніи должно процвѣтать, какъ физически, такъ и морально: кровообращеніе должно быть лучше, должны быть знакомы лишь нѣжныя привязанности, тогда какъ одно усиліе въ первый разъ оторваться отъ своей семьи и отъ родины, оставляетъ на нѣкоторыхъ существахъ неизгладимое впечатлѣніе.

¹⁾ Это извѣстный впоследствии бібліофилъ и бібліографъ Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ. П. В.

²⁾ Т. е. новорожденную великую княжну Марію Николаевну раньше Маріи и Анны Павловны. П. В.

*

Петербургъ, 4 (16). (1820).

Милая и дорогая матушка, пишу вамъ съ этимъ курьеромъ, дабы исполнить свое обѣщаніе при первой оказіи отвѣчать вамъ на вашъ вопросъ относительно распространенныхъ слуховъ о разводѣ великаго князя Константина; такъ какъ Амалия спрашивала меня о томъ же, то и она здѣсь найдетъ обѣщанныя мною разъясненія. Злосчастное дѣло это тянется вотъ уже больше года, и я впервые о немъ узнала въ Байрейтѣ, отъ самой великой княгини Анны, когда видѣла ее въ прошломъ году, на обратномъ пути моемъ въ Россію. Государь предложилъ ей это, когда видѣлъ ее на пути изъ Штутгарта въ Веймаръ; онъ поручилъ ей поговорить со мною, не имѣя времени сообщить мнѣ объ этомъ въ Карлсруэ. Тогда объ этомъ знали только она и братъ ея Леопольдъ¹⁾, всѣ остальные члены ея семьи должны были этого не знать. Секретъ былъ не мой и, признаюсь, я все надѣялась, что въ концѣ концовъ это предположеніе не состоится. Вотъ отчего, дорогая матушка, я никогда не говорила объ этомъ ни вамъ, ни кому-либо изъ своихъ. Здѣсь я объ этомъ говорила только съ принцессой Вюртембергской Антоніной, которая объ этомъ должна была быть осведомлена и, вскорѣ по пріѣздѣ, съ гр. Строгановой, будучи увѣрена въ ея осторожности. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ у великаго князя была любовница, которая ему наскучила; къ тому же онъ узналъ объ ея невѣрности: однимъ словомъ, чтобы тамъ ни было, онъ захотѣлъ измѣнить образъ жизни и жениться не на особѣ равной ему по положенію, а на Польской барышнѣ. Я не поручусь за то, что тутъ не было Польскихъ интригъ и, мнѣ думается, скорѣе можно это утверждать, чѣмъ обратное. И такъ, онъ просилъ Государя о разводѣ; просилъ о немъ уже давно, когда хотѣлъ жениться на княжнѣ Четвертинской²⁾, но въ то время императрица-мать воспротивилась этому своимъ непреклоннымъ отвѣтомъ, на который она постоянно ссылалась: „выбери особу равную по положенію и когда твой выборъ будетъ тобою сдѣланъ, я соглашусь на разводъ, но не раньше“. Этимъ весьма мудрымъ отвѣтомъ она въ то время ему воспрепятствовала. Теперь же, когда дѣла измѣнились, все принимаетъ иной оборотъ: она уже видѣла Николая и его потомство слишкомъ близко отъ престола, чтобы опасаться его отдаленія отъ престола черезъ законный бракъ в. кн. Константина; и такъ, она соглашается на неравный бракъ, а могущіе быть отъ него отпрыски будутъ формальнымъ актомъ удалены отъ возмож-

1) Кобургскій, впоследствии Леопольд I, король Бельгійскій. П. Б.

2) Это сестра государевой любимицы, Жанета Антоновна. П. Б.

ности какого-либо наслѣдія. Это всѣхъ устраиваетъ: Государя потому, что онъ можетъ содѣйствовать счастью брата, котораго онъ всегда нѣжно любилъ; императрицу-мать потому, что это обезпечиваетъ престолъ тѣмъ, кого она называетъ „единственными своими дѣтьми“; Николая потому, что престолъ представляетъ для него соблазнительную будущность и уже съ давнихъ поръ; великаго князя Константина потому, что онъ не честолюбивъ, Полякъ по своимъ вкусамъ и даже собирается при жизни отказаться отъ своихъ правъ на престолъ. Вотъ что происходитъ. *Хорошо* ли это, спрашиваю я у людей безпристрастныхъ; въ *моей* же душѣ такое отвращеніе къ этому неспроверженію порядка и къ нѣкоторымъ побудительнымъ того причинамъ, что я безъ боли не могу ни думать, ни говорить объ этомъ, и чѣмъ ближе подходитъ время оглашенія, тѣмъ болѣе душа моя угнетена. Я не позволяю себѣ произнести: Богъ разсудитъ! По крайней мѣрѣ, пока дѣло будетъ изложено въ такой формѣ, чтобы ни въ чемъ не повредить честному имени Анны. Она пожелала, чтобы изложеніе было въ видѣ просьбы съ ея стороны, якобы на томъ основаніи, что „живя такъ долго въ дали отъ великаго князя и такъ какъ здоровье ея не позволяеть ей вернуться къ нему, она не желаетъ служить помѣхою счастью, которое онъ могъ бы найти въ иномъ супружествѣ“.

Такъ какъ Синодъ нашелъ возможнымъ объявить разводъ по той единственной причинѣ, что она бросила своего мужа и уже много лѣтъ отказывалась вернуться къ нему, то это послужитъ достаточнымъ основаніемъ для разлученія. За нею сохраняется полностью ея прежній титулъ, и я надѣюсь, что матеріальное ея положеніе можетъ быть, ради даннаго случая, еще улучшено. Тѣмъ не менѣе, хотя на дѣлѣ она ничего не теряетъ, эта рѣшительная мѣра очень ее огорчаетъ: она только одного желала—быть забытой, и вполне основательно боится, что огласка обратитъ на нее вниманіе, вызоветъ новыя предположенія, быть можетъ, породитъ новыя слухи, тогда какъ въ теченіи многихъ лѣтъ ея жизнь не даетъ къ тому повода; боится она встрѣтить презрѣніе, можетъ быть оскорбленіе, однимъ словомъ, она въ полнѣйшемъ уныніи.

*

Царское Село. Іюнь 1820.

Устройство военныхъ поселеній нѣсколько сходно со способомъ дѣйствія побѣдителя въ покоренной странѣ; не могу не согласиться, что это на самомъ дѣлѣ произволъ, но во многихъ отношеніяхъ столь же очевидна и польза, какую это мѣропріятіе можетъ въ будущемъ принести государству. Какой же для того единственно возможный и при-

личный путь? Государство опредѣляетъ извѣстное число принадлежащихъ ему деревень для размѣщенія въ нихъ батальона. Солдаты распредѣляются по избамъ съ тѣмъ, чтобы они дѣлались членами семей; такимъ образомъ каждый крестьянинъ пріобрѣтаетъ работника, но за то сынъ его поступаетъ уже на военную службу, а дочь дѣлается женою усыновленнаго чужака, пріобрѣтающаго право на имущество того, кто долженъ былъ принять его въ свой домъ. Вотъ въ чемъ произволь. А вотъ и полезная сторона, которая обнаружится со временемъ: такъ какъ въ деревнѣ увеличивается число рабочихъ рукъ, то должна улучшиться и обработка земли; съ теченіемъ времени рекрутскій наборъ совершенно прекратится, потому что подрастающее въ военныхъ поселеніяхъ военное поколѣніе будетъ исключительно собою наполнять армію. И, наконецъ, отъ этого должна улучшиться нравственность въ деревняхъ, такъ какъ вмѣсто расквартированія, въ томъ видѣ какъ это существуетъ теперь, когда крестьянинъ обремененъ войскомъ, которое часто не только угнетаетъ его своимъ присутствіемъ, но и портитъ его нравы, солдатъ будетъ у него жить, хлѣбопашецъ сдѣлается солдатомъ, солдатъ—хлѣбопашцемъ; попеременно онъ будетъ владѣть оружіемъ и сохою; полкъ будетъ составлять одну семью, потому что два батальона непоселенцевъ будутъ размѣщены въ резервномъ батальонѣ поселенцевъ. Этотъ крайне неясный набросокъ, который я себѣ представила, однако достаточенъ для того, чтобы усмотрѣть, что при существующемъ порядкѣ вещей, то есть при нынѣшней формѣ правленія у насъ, будущая польза отъ этого мѣропріятія перевѣшиваетъ кратковременныя его неудобства, а развѣ не въ этомъ состоитъ правило, котораго слѣдуетъ держаться при крупныхъ государственныхъ мѣропріятіяхъ?

Но разсмотримъ теперь другое затрудненіе. Ходъ вѣка, намѣренія Государя, даже его слова, даютъ намъ надежду на представительный образъ правленія даже въ Россіи, и многіе умы ускоряютъ это своими мольбами. Развѣ военныя поселенія не были бы однимъ изъ наибольшихъ затрудненій для осуществленія этого порядка вещей, который между прочимъ такъ трудно ввести въ Россіи, гдѣ уже одна обширность имперіи почти несовмѣстима съ представительнымъ образомъ правленія? Если устройство военныхъ поселеній удастся въ томъ смыслѣ, въ какомъ было основано, то по прошествіи нѣкотораго времени это создастъ въ странѣ совсѣмъ особое военное сословіе: это ужъ будетъ не только войско, а военное поселеніе (численностью приблизительно равное казачеству или тому что оно до сихъ поръ было). Такъ какъ по существу представительный образъ правленія предо-

ставляетъ и долженъ предоставлять власти государя всю вооруженную силу, то не явятся ли призрачнымъ тѣ преимущества, которыя народъ долженъ извлечь изъ представительнаго образа правленія, разъ Государь, въ лицѣ вооруженной силы, непосредственно признающей только его волю, будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи значительную часть различныхъ областей? Напримѣръ, можно ли будетъ считать выборы свободными тамъ, гдѣ они будутъ производиться по сосѣдству съ военными поселеніями? А сами общины, подвергшіяся такому военному преобразованію, тѣмъ самымъ не исключены ли навсегда отъ права участія въ народномъ представительствѣ: ибо, находясь въ непосредственной зависѣмости отъ Государя, онѣ могли бы избирать только его депутатовъ? Если высказанное теперь намѣреніе можетъ осуществиться впоследствии, то настанетъ время, когда вся армія будетъ состоять изъ поселенцевъ, и потому, въ силу необходимости, хоть и розрозненная, она должна будетъ занимать довольно значительное пространство на поверхности Европейской Россіи. Что же изъ этого получится? Или вся эта масса будетъ обыкновенно создавать перевѣсъ государственной воли—тогда во что обращается представительный образъ правленія? Или же, въ спорномъ случаѣ, ею воспользуется народная партія, и тогда что станетъ съ монархіей? Государь, не нуждаясь въ согласіи народа при наборѣ войскъ, которыя, въ силу установленнаго порядка, будутъ, такъ сказать, рождаться въ полномъ вооруженіи и всегда въ его распоряженіи, сдѣлается, мнѣ кажется, гораздо болѣе независимъ, чѣмъ можетъ и долженъ быть конституціонный государь. Мысли эти должны быть еще безконечно развиты и гораздо лучше изслѣдованы, дабы можно было вывести окончательное заключеніе; я же набросала ихъ на бумагу въ ту минуту какъ онѣ ко мнѣ пришли, будучи поражена скорѣе инстинктивно, чѣмъ въ силу разсужденія, очевидною несовмѣстимостью намѣренія дать Россіи представительный образъ правленія съ устройствомъ военныхъ поселеній. Для неограниченнаго образа правленія военныя поселенія могутъ считаться счастливой отеческой мыслью въ виду тѣхъ послѣдствій, какія это сулитъ. Въ подтвержденіе моего мнѣнія можно было бы привести много примѣровъ изъ исторіи, какъ древней, такъ и современной.

Бѣдная Анна! Два дня тому назадъ я получила отъ нея письмо отъ котораго у меня сердце надрывалось. Ко всему еще она боится, какое впечатлѣніе этотъ разводъ произведетъ на ея мать и на всю ея семью. Взываю къ вашему великодушію, дорогая матушка: если представится къ тому случай, ободрите ее своею благосклонностью. Въ виду того, до какой степени этимъ разводомъ она официально прине-

сена въ жертву, я увѣрена, что доброта вашего сердца дѣлаетъ мою просьбу излишнею.

Жалость, вызываемая во мнѣ положеніемъ Анны, еще наименьшее, что меня тревожитъ въ этомъ дѣлѣ: самая, по моему, прискорбная сторона его, это то впечатлѣніе, какое оно можетъ произвести здѣсь. Формальный разводъ—рѣдкое явленіе въ Россіи, и немногіе видѣнные мною примѣры всегда накладывали тѣнь на семью, въ которыхъ это бывало. Теперь же, императорская царствующая фамилія, которой болѣе другихъ слѣдовало бы быть внѣ всякаго повода къ упреку, подвергнется ему столь рѣзкимъ образомъ! Въ то самое время, когда постоянно выказывается самое строгое благочестіе, принимаютъ мѣру, признанную вообще противною нашей вѣрѣ. Въ данномъ случаѣ я считаю Государя жертвой братской любви: онъ не смогъ противиться тому, что братъ представилъ ему необходимымъ не только для своего счастья, но даже для спокойствія своей совѣсти, говоря, что не хочетъ больше жить безпорядочно. Но, вѣдь, не всѣ будутъ судить о Государѣ такъ, какъ я: много будетъ осужденій, много злословій, вредящихъ уваженію къ верховной власти, которая до сихъ поръ здѣсь довольно хорошо оберегается, хотя уже не во всей чистотѣ.

Бываютъ минуты, когда я предвижу многія несчастія, но тогда я говорю себѣ: „Это плодъ моего воображенія. Богъ и изъ этого выведетъ Государя такъ же счастливо, какъ изъ многаго другого; нужно на Него надѣяться!“ Тѣмъ не менѣе я испытываю такое чувство стыда, когда думаю объ оглашеніи этого дѣла, что, кажется, куда нибудь бы спрягалась. У васъ этому дѣлу дана такая огласка, что, вѣроятно, о немъ уже высказано сужденіе. А какое именно, дорогая матушка, пожалуйста, скажите. Не думаю, чтобъ оно было слишкомъ строгимъ, ибо въ Германіи разводы гораздо болѣе обыкновенны, чѣмъ здѣсь. Есть еще одно престранное обстоятельство, о которомъ я намѣревалась съ вами поговорить, дорогая матушка, а именно: вотъ уже годъ, какъ обсуждается дѣло развода, а императрица-мать ни разу не упоминала мнѣ о немъ, какъ если бы такого дѣла никогда не существовало. Не можетъ она думать, что я не знаю о немъ; видимся мы съ нею довольно часто, обыкновенно наединѣ, такъ что случаи говорить у нея есть. Запрещаю себѣ дѣлать какіе либо выводы изъ этого; но, сознайтесь, что это странно.

*

Ораніенбаумъ, Августъ 1820.

Въ спорѣ относительно раздѣла имуществъ по закону, установленному въ Россіи, стали говорить о томъ, какъ было бы полезно,

если бы бѣлое духовенство состояло изъ людей хорошаго рода съ образованіемъ, соответствующимъ ихъ происхожденію. Затѣмъ было прибавлено, что слѣдовало бы также, чтобы дворяне могли заниматься торговлей, какъ это существуетъ въ Англіи. Последней мысли я сильно воспротивилась, и всегда была съ нею очень несогласна. Вызванное моимъ противорѣчіемъ неудовольствіе заставило меня задуматься, не движима ли я предубѣжденіемъ. Успокоившись, я снова обсудила свое мнѣніе и занесла здѣсь его развитіе и доказательства. Допуская, чтобы младшіе члены семьи посвящали себя духовному званію, не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы они занимались торговлей, потому что если каждый долженъ имѣть способности къ своему дѣлу, то купцу присуща способность торговства: въ монархіи же, по моему, не эта способность должна воодушевлять дворянство *).

Разъ это такъ, то нужно, или чтобы сынъ дворянина отказался отъ правиль, присущихъ ему по крови, или же изъ него выйдетъ плохой купецъ. Расчетъ прибыли и бѣльшая или мѣньшая оборотность составляютъ сущность торговли. Дворянство же, какъ я его понимаю и какъ опредѣлили его великіе писатели (Монтескьё), не имѣетъ и не должно имѣть другого двигателя кромѣ чести; оно составляетъ опору престола, ему, главнымъ образомъ, надлежитъ защищать его; дворянство—вышая изъ всѣхъ необходимыхъ въ государствѣ общественныхъ ступеней. Если бы оно могло заниматься торговлей, то дворянину, воспитывающему сыновей, пришлось бы ввѣдрять имъ неодинаковыя правила; однимъ онъ говорилъ бы: „вы должны полагать свою честь въ службѣ Отечеству, въ лицѣ Государя, своєю шпагою, перомъ или совѣтами. Если когда-нибудь ваша Родина и Государь будутъ въ опасности, вы должны стать первыми около своего Государя, спасти его и защищать съ безкорыстіемъ, подобающимъ вашему положенію въ государствѣ“. Тотъ же отецъ сказалъ бы остальнымъ сыновьямъ: „вамъ, въ томъ же случаѣ, не остается ничего другого, какъ продолжать въ своей конторѣ честно заниматься своимъ дѣломъ; быть можетъ, вамъ придется платить проливающимъ кровь вашихъ братьевъ, оплачивая векселя, переведенные на васъ изъ чужой страны“. Что должны будутъ испытывать эти молодые люди, въ жилахъ которыхъ течетъ таже кровь,

*) Извѣстный писатель (Мальтъ-Брѣнъ) довольно правильно называетъ торговлю — *слово, равнодушною къ добру и злу*. Другой писатель сказалъ: „торговля не знаетъ ни друзей, ни враговъ; въ ея глазахъ человекъ—только тотъ, кто продаетъ или покупаетъ“. Одинъ Голландецъ, привлеченный къ суду за то, что продалъ военные припасы врагамъ своего отечества, отвѣчалъ своимъ судьямъ; „я купецъ и пошелъ бы торговать въ адъ, если бы не боялся ежечь паруса“.

когда къ нимъ будетъ обращена подобная рѣчь? Или это сдѣлаеть положеніе дворянина невыносимымъ, или онъ подавитъ въ себѣ ту возвышенность чувствъ, безъ которой *блнородства* уже нѣтъ: и вотъ онъ падаетъ и въ нѣкоторомъ отношеніи развращенъ!

Кромѣ того, дворянинъ-купецъ, благодаря своему положенію, потерялъ бы право доступа въ совѣтъ Государя и Отчизны, а если онъ продолжалъ бы допускаться туда, предположите политическій вопросъ, ставящій на вѣсы выгоду торговли и честь монархіи? Конечно, могутъ найтись среди купцовъ достаточно возвышенныя души, способныя забыть личную выгоду ради чести монархіи, но развѣ можно въ общемъ мѣропріятіи основываться на исключеніяхъ, и не мудрѣ ли ставить людей въ такое положеніе, гдѣ на двадцать случаевъ будетъ, можетъ быть, одно исключеніе? И такъ эти исключенія, которыя можно еще умножить и доказать примѣрами, заставляютъ меня сдѣлать выводъ въ слѣдующихъ словахъ: купеческое сословіе столь же необходимо въ государствѣ, какъ дворянство, земледѣльцы и т. д.; сословіе это, достойное уваженія во всѣхъ странахъ, даетъ примѣры личностей весьма почтенныхъ и способно оказать великія услуги своей странѣ; мое же мнѣніе таково, что разъ ужъ дѣло идетъ о предписаніи установленій, то въ виду изложенныхъ мною причинъ, младшіе члены семьи должны быть лишены возможности избирать себѣ занятіемъ торговлю. Прибавлю еще, что Англія, на которую ссылаются, не можетъ служить примѣромъ, ибо она принадлежитъ въ числу исключеній: ея географическое положеніе дѣлаеть изъ нея торговую страну, а это мѣняетъ взглядъ на вопросъ, чему подтвержденіемъ служить то, что хотя во Франціи *до революціи*, въ Германіи, а можетъ быть и еще гдѣ нибудь (я этого не знаю) младшіе сыновья, при раздѣлѣ, получаютъ тоже, что въ Англіи, почти не бываетъ, чтобы дворянинъ занялся торговлей, но очень часто дворяне становятся въ ряды духовенства. Въ этомъ, какъ и въ каждомъ подобномъ вопросѣ, нельзя дѣлать обобщеній: можно сказать: *такая-то вещь подходитъ для такой-то страны, тамъ она хороша*; но: *потому что это хорошо для такой-то страны, нужно это принять за общее правило*—такой способъ сужденія неправиленъ.

*

Царское Село, 22 (4 Октября) 1820.

Хотя многіе, изъ любви ли, или изъ трусости, боятся для Сѣвера политической эпидеміи Юга, дерзаю смѣло сказать, что у насъ нѣтъ такого рода опасности. Я знаю Россію чувствомъ, а такъ какъ симпатизирующіе понимаютъ другъ друга съ полуслова, это чувство никогда меня не обманывало.

*

Петербургъ, 20 Октября (1 Ноября) 1820.

Навѣрно, до васъ дойдутъ преувеличенные слухи о событіи, которое случилось на дняхъ и которому отсутствіе Государя придало бѣльшее значеніе, чѣмъ оно заслуживаетъ.

Въ Семеновскомъ полку произошло волненіе противъ одного полковника, своимъ поведеніемъ вызвавшего неповиновеніе. Къ дѣлу сначала отнеслись, быть можетъ, строже, чѣмъ слѣдовало, и это вызвало взрывъ, посерьезнѣе первоначальнаго. Полкъ разсѣяли и разослали по разнымъ крѣпостямъ, чѣмъ все и кончилось. Но толки остались: шумъ, который поднимутъ по этому поводу въ Европѣ, разрастается, и я не удивлюсь, если въ чужихъ краяхъ будутъ говорить, что здѣсь была революція наподобіе южныхъ странъ. Дорогая матушка, не вѣрьте этому слуху, и, если будете имѣть случай, оспаривайте его. Во всемъ этомъ не было и тѣни политики; не смотря на справедливое и личное недовольство противъ этой личности, солдаты вели себя удивительно сдержанно. Подобныя вещи, довольно частыя во всѣхъ арміяхъ, тотчасъ успокаиваются и забываются, если сумѣютъ избѣжать взрыва. Въ данномъ случаѣ молва хуже самой бѣды.

Вы спрашиваете у меня объясненій относительно Карамзина и такъ добры, говоря, что онъ васъ интересуеть, потому что, видимо, преданъ мнѣ. Я, дѣйствительно, вѣрю въ дружеское съ его стороны отношеніе, которое онъ выказываетъ при всякомъ случаѣ. Прежде всего, онъ честный и порядочный человѣкъ, а затѣмъ—Русскій исторіографъ. Съ молодости онъ былъ извѣстенъ какъ писатель и только въ первые годы царствованія Государя получилъ званіе исторіографа, и ему поручено написать исторію Россіи. Раньше на Русскомъ языкѣ было мало трудовъ по исторіи, которые бы читались съ удовольствіемъ; были хроники, отрывки или плохо написанныя книги. Карамзинъ первый далъ Русской литературѣ хорошо составленную исторію Россіи. Она уже переведена на Французскій и Нѣмецкій языки, не смотря на то, что авторъ работаетъ еще надъ послѣдними томами. До 1816 года я знала только автора, но никогда не видѣла самого Карамзина. Къ этому же времени онъ переехалъ въ Петербургъ, чтобы печатать свое сочиненіе. Государь, познакомившись съ нимъ въ Твери, гдѣ онъ часто бывалъ у великой княгини Екатерины, въ первое же лѣто пригласилъ его жить въ Царскомъ Селѣ. Съ тѣхъ поръ онъ проводитъ тамъ каждое лѣто и благодаря этому, главнымъ образомъ, произошло наше знакомство. Онъ женатъ и имѣетъ большую семью: жена его женщина умная и достойная. Есть дочь отъ перваго брака, уже около года состоящая фрейлиной. По всему этому семья весьма почтенная.

*

Петербургъ, 10 (22) Ноября 1820.

Дорогая матушка, кажется, я уже сообщала вамъ, или, по крайней мѣрѣ, Амалии, о томъ, что Валуева совершенно отвергла мое предложеніе поѣхать жить съ матерью: она находитъ это слишкомъ зауряднымъ и въ случаѣ, если бы покинула меня, ей уже нужно что нибудь болѣе блестящее, чѣмъ положеніе дочери, хорошо устроенной въ родительскомъ домѣ. Долгое время спустя послѣ моего предложенія, она образумилась. Однажды, по собственному побужденію, ей захотѣлось доказать мнѣ, что она была права, а я нѣтъ (съ этого она, вѣдь всегда начинается); но я говорила съ ней твердо и рѣзко, и съ тѣхъ поръ она такая, какъ я того требую. Здѣсь вижу ее рѣдко. Къ несчастью, она изъ тѣхъ характеровъ, которые не слѣдуетъ баловать, и я нашла отвѣтъ, всегда зажимающій ей ротъ: „если вы при мнѣ чувствуете себя несчастною, если мой характеръ вамъ не нравится, удалитесь отъ меня; хорошъ ли, дуренъ ли мой характеръ, я не измѣню его для васъ. Другіе находятъ, что можно жить при мнѣ; если вы захотите примѣняться, буду весьма рада“. Быть можетъ, вы найдете мою рѣчь нѣсколько надменной, но это—единственно, что зажимаетъ ей ротъ.

*

Петербургъ, 8 (20 Декабря) 1820.

Дорогая матушка, не зная что сообщить вамъ новаго, расскажу о своемъ чтеніи, которое меня очень занимаетъ. Это рукопись дневника секретаря императрицы Екатерины, пользовавшагося ея милостями: въ немъ онъ день за днемъ отмѣчаетъ все, что дѣлалъ по ея приказанію, все что слышалъ и что происходило болѣе примѣчательнаго. Дневникъ очень кратокъ, въ родѣ дневника маркиза Данжѣ, съ тою разницей, что касается болѣе занимательныхъ предметовъ. Написанъ онъ на Русскомъ языкѣ, перемѣшанномъ многими Французскими фразами. Такъ какъ дневникъ кончается только 1793 годомъ, то въ немъ упомянуто о моемъ пріѣздѣ и о лестныхъ обо мнѣ отзывавъ императрицы. Между прочимъ, въ видѣ простого замѣчанія, она сказала (по французски): „ей тринадцать лѣтъ, и она уже возмужалая“. Вѣроятно, меня уже въ живыхъ не будетъ въ то время когда, быть можетъ, это будетъ печататься: поэтому мнѣ это, въ сущности, безразлично: но въ данное время мнѣ не совсѣмъ пріятно, что тотъ, кто одолжилъ мнѣ эту рукопись, тотъ, отъ кого онъ ее имѣетъ и, наконецъ, всѣ тѣ, черезъ чьи руки она прошла, прочли эти подробности. Признаюсь, я всегда люблю возвращаться къ царствованію императрицы Екатерины и, хотя застала его всего четыре года, будучи въ

томъ возрастѣ. когда мало размышляютъ, эта эпоха осталась для меня образцомъ, формой, которая неволью служила для меня мѣриломъ. Было у нея много слабостей, были вѣроятно, недостатки, но никто не постигъ какъ она, *искусства царствовать.*

*

Петербургъ, 21 Января (2 Февраля) 1821 г.

Я бы очень желала, чтобы бѣдная графиня Уварова уже была въ числѣ оправившихся послѣ родовъ: напротивъ, она все еще въ ожиданіи этой неприятной минуты, и я не могу не беспокоиться за нее. Поэтому ѣзжу къ ней насколько могу чаще. Я у нея совершенно не стѣсняюсь: тамъ только ея мужъ, любящій бесѣдовать и хорошо говорящій.

*

Петербургъ, 9 (21) Февраля 1821.

Меня надолго прервалъ Карамзинъ, пріѣзжавшій сообщить о бывшихъ въ эту ночь родахъ его жены: съ нимъ нѣтъ возможности имѣть краткій разговоръ: онъ распространяется въ продолженіи полчаса, хотя по природѣ молчаливъ. Дорогая матушка, если бы я сказала это кому нибудь другому, а не вамъ, передъ которою я громко думаю, это было бы коварствомъ, потому что добрый Карамзинъ выказываетъ трогательную ко мнѣ привязанность.—На этихъ дняхъ улеглась моя сильная тревога за исходъ родовъ графини Уваровой. Въ Понедѣльникъ она родила дочь, благополучно, но не легко и, какъ всегда, при помощи инструментовъ; но и она и ребенокъ здоровы.

Карамзинъ меня уморилъ, продержавъ болѣе полчаса на ногахъ при довольно сильной головной боли. Если бы я съла, это длилось бы еще дольше.

*

Петербургъ 16 (28) Апрѣля 1821.

Это время пользуюсь свободными послѣобѣденными часами, чтобы дочитать другой томъ рукописи дневника секретаря императрицы Екатерины. Чтеніе это крайне меня занимаетъ, хотя и удручаетъ часто. Какъ многое въ этой частной жизни вредитъ очарованію, которымъ великая женщина была окружена какъ воздухомъ! Въ свое время все это было извѣстно, и тѣмъ не менѣе это не вредило ея могуществу надъ умами и въ дѣлахъ. Вчера, на примѣръ, я нашла одно мѣсто, гдѣ она жалуется своему лакею на холодность и разбѣянность своего любимца. Будучи одна, я вскрикнула: „возможно ли это!“ и, кажется, покраснѣла.

*

Царское Село, 6 (18 Мая) 1821.

Только что я порадовалась свободному времени, какъ несносный человекъ прервалъ его: все тотъ же добрый Карамзинъ, немного походящій на муху, преслѣдующую меня по пятамъ. Вчера и онъ сюда переѣхалъ, а сейчасъ былъ у меня. Тысячу разъ, въ разговорѣ, я жаловалась ему на докучливыхъ нарушителей моей свободы въ утренніе часы; говорила, какую цѣну придаю я тому, чтобы они всецѣло мнѣ принадлежали; и, тѣмъ не менѣе, при первой возможности, онъ же нарушаетъ эту свободу. Это показываетъ большой недостатокъ тафта, и такова ужъ моя судьба—жить съ людьми, не имѣющими его.

*

Царское Село, 27 Мая (8 Іюня) 1821.

....Я вѣрю, что Валуева соизволила быть въ хорошемъ расположеніи духа въ послѣднемъ письмѣ къ г-жѣ Фрейштетъ: эту зиму она была очень кротка, проводя у меня почти всѣ вечера въ чтеніи, что продолжала и здѣсь; ну, и что же? Несмотря на это, стоило ей очутиться въ присутствіи Саблуковой, теперешняго предмета ея отвращенія, подобно тому какъ когда-то имъ была графиня Эдлингъ, какъ она снова пришла въ дурное настроеніе. и недавно у насъ съ нею была опять сцена, которая *должна быть послѣднею*, или я приму дѣйствительныя мѣры. Впрочемъ, я ей не потворствую, и на дняхъ, какъ только она вернулась къ скучному вопросу о моемъ предпочтеніи Саблуковой, я ей сказала напрямикъ: „будьте увѣрены, что я *не люблю* ни васъ, ни княжну Волконскую, ни Саблукову, ни Питтъ: всѣ вы имѣете достоинства, которымъ я отдаю должную справедливость, но ни одна изъ васъ *не близка* моему сердцу: оно одиноко среди васъ, и вы могли бы это знать черезъ тѣхъ, къ кому сердце мое лежитъ и кому я жалуясь на это одиночество“. Не знаю, успокоило ли это ее относительно предмета ея зависти; но съ нею надо поступать именно такъ, потому что у нея умъ слишкомъ узкій, а характеръ чрезчуръ страстный, чтобы можно было надѣяться, что ее озаритъ собственный ея разумъ.

*

Царское Село, 30 Декабря 1821 (11) Января 1822.

.... Сегодняшній день прошелъ очень пріятно и спокойно. Погода была мягкая; утромъ я съ удовольствіемъ ходила гулять, а затѣмъ, послѣ обѣда до сумерокъ, каталась въ саняхъ съ Государемъ, послѣ чего ему захотѣлось, чтобы я осталась у него въ кабинетѣ, и пока онъ занимался дѣлами, я читала и писала (включая сюда, од-

нако, всегда пріятное время чая). Я вдвойнѣ наслаждалась пріятною тишиной, говоря самой себѣ, что избавилась отъ сегодняшняго бала у великаго князя Николая, на которомъ иначе непременно мнѣ пришлось быть. Не то, чтобы я не любила удовольствій, но, признаюсь, лично я отъ баловъ выношу только утомленіе и досадную пустоту, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ трудно *выбрать* себѣ общество, которое лучше всего можетъ меня отвлечь отъ удовольствія танцовать, а тамъ чаще всего такъ и бываетъ.

*

Петербургъ, 27 Февраля (11) Марта 1823.

Посѣтитель, котораго я ждала, доставилъ мнѣ единственное хорошее чувство, испытанное сегодня. То былъ несчастный, вѣрнѣе счастливый, безрукій Рейтернъ, котораго вы, вѣрно, помните, дорогая матушка. Я еще не видала человѣческаго существа, болѣе преисполненнаго признательности и болѣе растроганнаго ею. Онъ уже три года женатъ, отецъ двухъ маленькихъ дочерей и, въ сердечномъ отношеніи, счастливѣйшій изъ смертныхъ. Но, вѣроятно, онъ слишкомъ добръ, чтобы подвергать свое сердце опасности полнаго счастія, и потому здоровье его совершенно разстроено: измѣнился онъ страшно и, дабы сохранить жизнь, ему предписано уѣхать изъ отчизны надолго, если не на всегда. Около трехъ лѣтъ онъ живетъ въ Лифляндіи, но, то болѣзни, то роды жены, мѣшали ему пріѣхать сюда: теперь онъ буквально *допашился* сюда на недѣлю, только для того, чтобы представить мнѣ свою жену, на очень долго проститься со мною и въ послѣдній разъ выразить мнѣ свою признательность; онъ уѣдетъ возможно скорѣе въ Италію. Когда въ ближайшемъ кругу встрѣчаешь только ледъ и шипы, охотно останавливаешься на болѣе утѣшительныхъ чувствахъ, которыя находишь внѣ этого круга, въ чуждой сферѣ, хотя и менѣе чуждой, чѣмъ та, которая окружаетъ.

*

Каменный Островъ, 13 (25) Іюня 1823.

Государь говорилъ мнѣ о Филиппѣ Гомбургскомъ, увѣряя, будто, въ Неаполѣ онъ питаетъ такую страсть къ молодой графинѣ Тизенгаузенъ, сестрѣ г-жи Фикельмонъ, что даже думалъ на ней жениться*). Слышали ли вы объ этомъ, дорогая матушка? Говорятъ, эти дамы прелестны; недавно онъ пріѣхалъ сюда съ своей матерью, Хитрово,

*) Это внучка князя Кутузова, достопочтенная графиня Екатерина Федоровна Тизенгаузенъ, дожившая дѣвицею въ Зимнемъ дворцѣ до глубокой старости. П. Б.

которая вторично овдовѣла (вы слышали какъ она декламировала у меня въ 1801 году, будучи еще Лизой Кутузовой¹⁾).

Сама я ихъ не видѣла: но всѣ, видѣвшіе обѣихъ дамъ, говорятъ, что онѣ вполне подтверждаютъ молву о нихъ. Не смотря на это, мнѣ не вѣрится, чтобы Филиппъ когда нибудь вздумалъ жениться на младшей. Признаюсь, у меня было бы нѣсколько злорадное чувство удовлетворенія, еслибъ это было такъ и если бы, въ концѣ концовъ, онъ женился на *Русской*, онъ, показывающій отвращеніе и даже презрѣніе ко всему Русскому.

*

Каменный Островъ, 27 Мая (8) Іюня 1824.

Вы сообщаете мнѣ о смерти Байрона. Какъ вы и предполагали, эта смерть меня поразила и навѣяла на меня печаль, какую всегда испытываешь при исчезновеніи изъ этого міра ума, создавшаго нѣчто прекрасное въ какомъ бы то ни было отношеніи: а, вѣдь, нельзя отнять у Байрона, что онъ обогатилъ Англійскую словесность прекраснѣйшими произведеніями. Поэтому безнравственность его всегда сокрушала меня вдвое больше, чѣмъ въ комъ нибудь другомъ. Когда творять прекрасное, чувствуютъ его, а чувствуя *прекрасное* становятся такъ близко къ *добрѣ*, что крайне огорчительно видѣть, что удаляются отъ него. Въ стихотвореніяхъ Альфонса Ламартина есть отличное посланіе къ Байрону, которое я съ удовольствіемъ прочла нѣсколько разъ, потому что оно, видимо, вызвано тѣмъ же чувствомъ сожалѣнія, какое я испытывала къ нему. Это заставило меня недавно утверждать противъ Государя то, чему я дѣйствительно вѣрю, а именно, что Байронъ былъ человекъ, сбившійся съ пути, но *не дурной по существу*. Присматриваясь къ людямъ, иногда имѣешь возможность видѣть эту разницу.

*

Петергофъ, 23 Іюля (3 Августа) 1824.

Вы хотите знать, какое именно доказательство дружбы дала мнѣ Елена²⁾. Хотя у меня мало времени для письма къ вамъ съ курьеромъ, который придетъ за нимъ завтра, но возможность сказать лестное объ Еленѣ слишкомъ для меня пріятна, чтобы я не удовлетворила вашего любопытства въ этомъ отношеніи. Пять или шесть недѣль тому назадъ Государь испыталъ большое горе: онъ потерялъ единственную дочь,

¹⁾ Графиня Елисавета Михайловна Кутузова (р. 1783 г. † 1839 г.), дочь князя М. И. Кутузова-Смоленскаго, въ 1-мъ бракѣ за графомъ О. И. Тизенгаузеномъ, во 2-мъ— за Н. О. Хитрово. Старшая дочь ея за гр. Фикельмонъ П. Б.

²⁾ Т. е. великая княгиня Елена Павловна П. Б.

оставшуюся у него отъ связи съ Нарышкиной, молодую дѣвушку на девятнадцатомъ году. Послѣ долгаго отсутствія въ чужихъ краяхъ, прошлую осенью мать и дочь пріѣхали сюда. Молодая дѣвушка была уже болѣзненною, и вдругъ, этой весной, у нея сдѣлалось воспаленіе легкихъ, перешедшее въ скоротечную чахотку. Съ самаго начала ея болѣзни Государь высказывалъ мнѣ опасенія (по этому поводу онъ всегда говорилъ со мной довѣрчиво, за что я была ему очень признательна). Горькое испытаніе поразило его на другой же день его первой поѣздки въ Красное Село. Въ самое утро первыхъ маневровъ Вилле не постѣснился сказать ему объ этомъ въ ту минуту, какъ онъ садился на лошадь. Государь не смогъ скрыть своего горя, и это придадо большую гласность тому, что иначе могло бы быть перенесено, можетъ быть, съ меньшей горечью.

Желая самъ сообщить мнѣ о своемъ горѣ, онъ написалъ мнѣ въ тотъ же день вечеромъ. Елена была въ Красномъ Селѣ, а потому узнала и о прошломъ, и о событіи того дня: до этого же времени она рѣшительно ничего не знала ни о томъ, ни о другомъ. Легко возбуждаемая, она сильно взволновалась, написала мнѣ письмо и отправила его въ полночь. Письмо написано съ большою тревогою, причину которой она, однако, мнѣ не сообщала. Хотя я и подозрѣвала въ чемъ дѣло, но не рѣшилась обнаружить своихъ догадокъ, не зная, была ли она обо всемъ освѣдомлена или нѣтъ; я же ни за что на свѣтѣ не хотѣла первая сообщить ей о томъ. И такъ на слѣдующій день я отвѣтила ей, что огорчена ея безпокойствомъ и боюсь, что ее приводятъ въ такое состояніе обстоятельства, лично ея касающіяся. На другой день получаю отъ нея трогательное письмо, полное заботы и опасеній лишиться моей дружбы; она, однако, писала, что *охотно подвергаетъ себя этому ради моей пользы, что она видитъ мое невпдѣніе объ итратѣ Государя, тогда какъ мнѣ, болѣе чѣмъ кому другому, необходимо быть освѣдомленной объ этомъ, такъ какъ дѣло касается самою дорогою для меня, и все это—въ перемежку съ извиненіями; а въ концѣ она говоритъ, что если я найду плохимъ то, что она мнѣ говоритъ и лишу ее своей дружбы, она черезъ то потеряетъ все на свѣтѣ! Письмо это горячо меня тронуло, а поступокъ ея далъ мнѣ понятіе о ея разсудительности и о прямотѣ ея души. Я отвѣтила ей со всею отзывчивостію моего сердца, сказавъ, что мнѣ все извѣстно отъ самого Государя.*

Развѣ это не прелестно, въ 17-ть лѣтъ? Никогда я этого не забуду! Я рассказала обо всемъ Государю, который тоже былъ этимъ тронутъ. Когда я, послѣ того, увидѣлась съ Еленой, она сказала мнѣ: „Ты не можешь себѣ

представить, какъ я мучилась! Миѣ было до того горько думать, что въ Царскомъ Селѣ ты единственная не знаешь о томъ, что происходитъ, тогда какъ могутъ быть личности, радующіяся твоему незнанію и твоей невозможности выказать Государю сочувствіе“. Вотъ вамъ моя повѣсть; очень рада, что могла вамъ повѣдать се къ чести своей милой Леночки. Весьма желала бы имѣть возможность никогда не сообщать вамъ ничего, кромѣ подобнаго, объ императорской фамиліи, но увы! это первое доказательство дѣйствительной дружбы, которое я получаю отъ члена этой семьи.

*

Царское Село, 18 (30) Августа 1824.

Великій князь Николай и его жена совершили очень тяжелый переѣздъ: изъ Кронштадта въ Доберанъ они ѣхали семнадцать дней со всевозможными неприятностями, но вполне безопасно, потому-де, что на такомъ линейномъ кораблѣ какъ тотъ, на которомъ они отправились, опасности быть не можетъ. Небо милостиво, не слишкомъ ихъ балауя, ибо семья все дѣлаетъ для этого. Не было никакой необходимости въ поѣздкѣ: это была затѣя Александры. Государь ее оплачиваетъ; но, такъ какъ Николай очень любитъ деньги, то стоимость сухопутнаго путешествія онъ кладетъ себѣ въ карманъ. Государь же былъ такъ добръ, что сверхъ того приказалъ снарядить для ихъ переѣзда корабль. Это большое злоупотребленіе. За то и путешествіе ихъ не нравится обществу.

*

Петербургъ, 7 (19) Ноября 1824.

Пишу вамъ среди ужасающаго бѣдствія, не зная даже, можетъ ли мое письмо быть отправлено завтра, такъ какъ мы въ Зимнемъ Дворцѣ какъ на кораблѣ. Въ нѣсколько часовъ времени Нева всюду выступила изъ береговъ; нельзя даже предположить существованія набережной и ограды; сильнѣйшія волны разбиваются о дворець. Наше поколѣніе ничего подобнаго не видѣло; но, говорятъ, въ 1777 году вода поднималась еще на одинъ футъ выше: въ то время было меньше каналовъ и набережныхъ, что и могло служить тому причиной. Однако и нынѣшнее зрѣлище достаточно тяжело и прискорбно. Все плывучіе мосты поломаны, отъ устья рѣки выбросило барки съ сѣномъ, такъ что онѣ очутились за дворцомъ, на нихъ были люди, которымъ грозила великая опасность. Государь послалъ туда большую шлюпку, всегда стоящую передъ дворцомъ, а же умирала отъ страха, какъ бы онъ изъ прекраснаго чувства человеколюбія не захотѣлъ самъ сѣсть въ шлюпку! Слава Богу, онъ и не думалъ этого дѣлать; но какъ только увидали его шлюпку, другіе, боявшіеся опасности, тоже двинулись;

по крайней мѣрѣ я надѣюсь, что благодаря этому никто на разбитыхъ баркахъ не погибъ. Мнѣ кажется, уже около часа, какъ вѣтеръ стихаетъ: дай-то Богъ! Но мы отрѣзаны и до завтра лишены какого бы то ни было сообщенія. Зрѣлище, которое представляло собою разрушеніе, ужасно; это хуже огня, такъ какъ здѣсь ничѣмъ нельзя помочь. Когда вода спадетъ, окажутся слѣды бѣдствій. Престранно, что въ письмѣ отъ 21 Октября (2 Ноября), которое я получила вчера, и въ предвѣдущемъ, вы говорите тоже о несчастіяхъ отъ наводненія. Цѣлую ваши ручки, дорогая матушка, за письмо, которое я получила вчера вечеромъ, ложась спать и не подозрѣвая, какое утро мнѣ придется пережить.

7 ч. вечера.

Слава Богу, вода значительно убyla, Нева вернулась въ свое ложе, но оставленная ею вода все затопила. Вѣтеръ все еще очень сильный; онъ перемѣнилъ направленіе, и это позволило водѣ уступить. Благодаря этому событію, Мари и ея братья *) будутъ ночевать у меня. Они пріѣхали между одиннадцатью и двѣнадцатью часами навѣстить великихъ княгинь, но пока они были во дворцѣ, вода до такой степени поднялась, что ихъ отѣздъ былъ уже немислимъ: изъ ожидавшихъ у дворца каретъ всѣ лошади были выпряжены и отведены въ корридоры, превратившіеся, такимъ образомъ, въ конюшни, а иначе онѣ бы утонули у дворцоваго подъѣзда. Вы можете себѣ представить, какъ высока была вода! Оказывается, она была на два пальца выше, чѣмъ въ 1777 году, то-есть выше чѣмъ когда-либо со времени существованія Петербурга.

*

Царское Село, 10 (22) Іюля 1825.

Мой пріятель Башкиръ, начальникъ всѣхъ Башкиръ, находящихся здѣсь для приготовленія *кумиса*, съ которымъ я имѣла сегодня утромъ длинную бесѣду, наивно сказалъ мнѣ: „*Вы болны, потому что умны и слишкомъ много думаете, и это дѣлаетъ васъ больною. А затѣмъ, вамъ даютъ лѣкарства, отъ которыхъ вы еще больше болите*“.

*

Таганрогъ, 12 (24) Октября 1825.

Мнѣ думается, что еще одна изъ моихъ фрейлинъ, графиня Эдлингъ, могла бы пріѣхать ко мнѣ изъ Одессы, куда она должна была вернуться. Но, если бы даже ей этого хотѣлось, у нея есть соображеніе, которое удержитъ ее отъ этого, а именно: Государь пересталъ выказывать ей чрезмѣрную доброту, которою она нѣкогда злоупотребляла.

*) Кто это, не знаемъ. П. Б.

*

Таганрогъ, 5 (17) Декабря 1825.

Матушка, могли ли вы ожидать, что первое выраженіе сочувствія, которое я получила, было отъ великаго князя Константина! Благодарю за это Провидѣніе и дивлюсь путямъ Его. Константинъ, безспорно, есть то существо, которое изъ всей семьи прекраснѣйшій его братъ любилъ больше всѣхъ, и это вполне естественно: съ самаго ранняго дѣтства они всегда воспитывались вмѣстѣ. Мнѣ сладостно и дорого получить отъ него письмо, полное выраженій сочувствія и дружбы, тѣмъ болѣе, что получено оно только отъ *его брата*, а не отъ *преемника его*.

*

Таганрогъ, 17 (29) Декабря 1825.

Графиня Строганова*) даетъ мнѣ великое доказательство дружбы, стремясь сюда изъ Петербурга въ такое время года. Она должна пріѣхать въ первый день праздника. Вчера и третьяго дня я даже за нее беспокоилась: былъ страшный ураганъ, опасный въ степи.

Я цѣню все, что она для меня дѣлаетъ; быть можетъ, ея присутствіе принесетъ мнѣ нѣкоторое облегченіе, хотя, пока, еще сомнѣваюсь въ этомъ. Графиня Эдлингъ примчалась изъ Одессы и хочет меня видѣть. Отъ этой не будетъ мнѣ никакого облегченія, она меня только стѣснитъ, но отказать ей нельзя.

*

Таганрогъ, 21 Декабря 1825 (2) Января 1826.

На дняхъ видѣла графиню Эдлингъ. Я думала, что она будетъ меня стѣснять, но нѣтъ, она такъ умѣетъ подойти съ правильной стороны, что ни задѣла меня, ни стѣснила.

*

Таганрогъ, 10 (22) Февраля 1826.

Вы спрашивали, знала ли я объ отреченіи великаго князя Константина. Да, я знала, что онъ уже давно о немъ объявилъ, знала въ свое время и то, что обнародованныя теперь письма дѣйствительно были написаны. Но вмѣстѣ со многими я думала, что когда время придетъ, онъ не исполнитъ того, что говорилъ. *Будучи увѣрена, что не увижу сей жестокой минуты*, я мало объ этомъ думала и не знала, что существуетъ актъ, облеченный въ столь строго-законную форму. Мой Государь считалъ, что всѣ затрудненія, связанныя съ неизвѣстностью престолонаслѣдія имъ предотвращены; всю же бѣду вы-

*) Графиня Софья Владимировна, рожд. княжна Голицына. П. Б.

звала поспѣшность *Николая*, которую хочу приписать только излишнему его усердію. Онъ зналъ о существованіи формальнаго акта*); кромѣ того, нѣсколько часовъ спустя по прибытіи печальнаго извѣстія, Совѣтъ вскрылъ копію акта, хранящуюся въ Сенатѣ. Слѣдовало не торопиться съ приведеніемъ къ присягѣ Константину; но, какъ Николай дѣйствовалъ стремительно, то Совѣтъ потерялъ голову и, казалось, будто смѣются надъ присягами. Мнѣ было извѣстно, какое это произвело впечатлѣніе на многихъ. Нѣкоторые говорили: „какъ же мы можемъ давать двѣ присяги, притомъ произносить вторую, не будучи освобождены отъ первой?“ Поэтому и полкъ, возставшій первымъ, ошибся, думая, что партія, благопріятствующая Николаю, хотѣла захватить власть надъ Константиномъ, котораго они считала законнымъ государемъ. Странно, что вообще государемъ предпочитали имѣть Константина. Свидѣтель-очевидецъ, имѣющій возможность судить о видѣнномъ, говорилъ мнѣ, что если бы въ этотъ день, 14-го Декабря, не поспѣшили приказать стрѣлять въ бунтовщиковъ, то еще нѣсколько полковъ готовы были къ нимъ присоединиться. Но, великій Боже! Что за начало царствованія, когда первый сдѣланный шагъ—приказъ стрѣлять картечью въ подданныхъ! Говорятъ, Николай это почувствовалъ и, уже отдавъ приказъ, ударилъ себя въ лобъ, говоря: „какое начало!“ Дай Богъ, чтобъ это чувство оставило въ немъ глубокій слѣдъ. Это можетъ быть для него полезно. Да, матушка, вы правы, будь *онъ* живъ, никогда бы этотъ заговоръ не вспыхнулъ; онъ внушалъ имъ слишкомъ большой страхъ и сумѣлъ бы подавить заговоръ, въ этомъ всѣ убѣждены. Ему былъ извѣстенъ этотъ планъ безмозглыхъ (не могу иначе смотрѣть на это), который далеко еще у нихъ не созрѣлъ. Онъ слѣдилъ за его нитями и быстро бы пресѣкъ ихъ безъ того (въ этомъ я увѣрена), чтобы кто либо о томъ подозрѣвалъ, кромѣ посвященныхъ въ дѣло чиновниковъ. Какой-то полковникъ долженъ былъ быть первымъ консуломъ, другой—генералиссимусомъ и т. д.; было что-то вродѣ дѣтской игры, и никогда бы у нихъ не достало храбрости проявить себя. *Онъ*, настоящій *Ангелъ мира*, нѣкоторыхъ самъ журилъ за ихъ поведеніе, доводя ихъ до слѣзъ, какъ, напримѣръ, шурина князя Волконскаго, младшаго брата его жены, который теперь тоже замѣшанъ. Съ одной стороны *душа* и *умъ*, руководящіе ходомъ всего этого, уже не тѣ; съ другой стороны, теперь *увидали* что можно предпринять. Много помѣшавшихся семействъ и отдѣльныхъ личностей. Не знаю, что со всѣмъ этимъ будетъ. Задача

*) Въ Прусскомъ придворномъ календарѣ съ самаго 1818 года, при имени старшей дочери короля, печаталось, что она за „наслѣдникомъ Русскаго престола“. П. Б.

Николая очень трудна. Промыселъ Божій жестоко насъ поразилъ. Не въ первый разъ жалкіе безумцы осмѣлились тогда объявить, что хотѣтъ посягнуть на *его* жизнь; это было въ родѣ похвалы: никогда на него не дѣлали покушенія и никогда бы этого не посмѣли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ показывалъ мнѣ захваченное письмо одного молодого человѣка, исключеннаго изъ Пажескаго корпуса за дурное поведеніе, который хвастался передъ товарищемъ, что отомститъ за это покушеніемъ на жизнь Государя. Это было въ то время, когда появились первые зачатки этихъ неоднократно закрывавшихся и уничтожавшихся обществъ, послѣдствіемъ коихъ и есть все то, что теперь происходитъ. Но, повторю, еслибъ онъ былъ живъ, никогда бы это не вспыхнуло. Доказательствомъ тому служитъ письмо одного изъ вожаконъ, перехваченное въ тѣхъ мѣстахъ, т. е. въ Курскѣ (сюда это не дошло), въ которомъ говорится: „Нѣтъ больше Александра. Вотъ бы теперь дѣйствовать, да планъ еще не созрѣлъ!“ Если бы планъ уже созрѣлъ, онъ, при его мудрости и искусствѣ, зная весь ходъ дѣла, быстро бы его пресѣкъ. Нѣтъ, не могу я признать, какъ о томъ трубятъ, будто государство было въ опасности. Ему угрожала самая большая опасность въ то время, когда кончалась *его* жизнь: вотъ что угрожало государству, вотъ что подняло на его горизонтѣ тучу, которая и теперь еще не разсѣяна, а будь онъ живъ, не было бы никакой опасности, все могли бы спать спокойно: онъ бодрствовалъ, онъ работалъ за всѣхъ. Благодарю васъ за то, что прислали мнѣ копію съ письма императора Николая. Оно, какъ и все прочее, благонамѣрено, но плохо выражено: слишкомъ много утверждать, что я найду *душевный покой* и *утѣшеніе* въ ихъ семьѣ, какъ и вообще я нахожу, что говорить вамъ *о моей будущности* значитъ не имѣть тонкости чувствъ: это имѣетъ видъ, будто васъ увѣряютъ, что не оставятъ меня умереть съ голоду. Мнѣ всегда хочется сказать: „пусть говорятъ за себя поступки, вы же не объявляйте ничего!“ Какъ то же, на примѣръ, въ своихъ манифестахъ Николай объявляетъ, „что его царствованіе будетъ продолженіемъ царствованія его брата“. Легко это сказать, но трудно исполнить, особенно когда характеры столь различны!

Вы хотите, чтобы я назвала вамъ адъютантовъ, которые пріѣхали въ Таганрогъ. Изъ нихъ вамъ извѣстнѣе, кажется, только князь Андрей Голицынъ¹⁾, котораго вы видѣли въ Брукзалѣ въ 1814 году, и князь Долгорукій, бывший въ то время адъютантомъ при графѣ Виттгенштейнѣ; но, вѣроятно, вы ихъ не помните. Остальные: два Строгановы, графъ (зять графини Строгановой) и баронъ, его братъ²⁾, другой князь Голицынъ,

¹⁾ Братъ Татьяны Борисовны Потемкиной.

²⁾ Сергій и Александръ Григорьевичи.

тоже зять гр. Строгановой, гр. Самойловъ, Кокошкинъ, Шкуринъ, Плаутинъ и князь Никита Волконскій¹⁾, не адъютантъ, а свитскій генералъ, тоже шуринъ князя Петра. Они не получили *повелѣнія* ѣхать сюда; наоборотъ, въ теперешнее время междуцарствія очень затруднительно получить на это даже *разрѣшеніе*, и никто не былъ назначенъ быть во главѣ сопровождающихъ погребальное шествіе. Назначили, было, князя Трубецкого, генераль-адъютанта²⁾ но оказалось, что онъ заболѣлъ, настолько не серьезно однако, что вслѣдъ за этимъ могъ поѣхать въ Берлинъ съ порученіемъ оповѣстить (о воцареніи).

Изъ генераль-адъютантовъ здѣсь былъ только, примчавшійся сюда, гр. Ламбертъ, но, такъ какъ онъ иностранецъ и иновѣрецъ, нельзя было возложить на него это порученіе.

Въ письмахъ изъ Петербурга торопили отъѣздъ отсюда, не подумавъ о томъ, что никого не было для сопровожденія, и вдругъ, почти за день до назначеннаго срока, князь Волконскій вспомнилъ о генераль-адъютантѣ гр. Орловѣ-Денсовѣ, командующемъ корпусомъ на ближайшемъ отсюда разстояніи, гдѣ бы можно было найти генераль-адъютанта. (Онъ казакъ и долго командовалъ казаками гвардіи, Амалия знаетъ его хорошо). И такъ, князь Волконскій, отъ моего имени, просилъ его пріѣхать взять на себя эту должность, что было принято имъ со всемъ усердіемъ, смѣю сказать, со священною радостью, подобающе такому почетному порученію, которое онъ и исполнялъ до сихъ поръ.

Между мною и Николаемъ нѣтъ ни довѣрія, ни задушевной дружбы. Онъ совершенно отъ меня отдалился со времени своей женитьбы, а наоборотъ, будь у него чувство дружбы, онъ могъ бы быть ко мнѣ ближе, становясь самостоятельнымъ. Объяснялъ онъ это необходимостью *щадить свою мать*, которая, говорилъ онъ, неохотно смотрѣла на то, чтобы со мной были хороши онъ и Михаилъ. Не говоря уже о томъ, насколько такое возраженіе лживо и оскорбительно для императрицы-матери; если это существовало тогда, то существуетъ и теперь еще и не можетъ сдѣлать мое пребываніе въ ихъ семьѣ пріятнымъ въ то время, когда нѣтъ дорогого мнѣ существа, подъ покровительствомъ котораго я жила, того, кто однимъ дружескимъ словомъ могъ вознаградить меня за все и заставить забыть всякую неприятность; но этого существа нѣтъ больше на свѣтѣ. Когда, послѣ моихъ *семейныхъ дней*, какіе иногда бывали, мы оставались съ нимъ одни, обмѣниваясь взглядами,

¹⁾ Супругъ княгини Зинаиды.

²⁾ Это князь Василій Сергѣевичъ П. Б.

мы понимали другъ друга; испытанное мною стѣсненіе вознаграждалось *ею* непринужденностью, отъ которой мнѣ бывало такъ хорошо! Дружеское пожеланіе покойной ночи, причемъ я всегда цѣловала его сначала въ обѣ щеки, а потомъ въ лобъ, заставляло меня забыть все, что я могла испытать неприятнаго за день.

Будьте на мой счетъ совѣмъ покойны и увѣрены, что я приложу все старанія, чтобы ни въ чемъ не нарушить своего долга, ни во внѣшнемъ обращеніи, ни въ поступкахъ относительно кого бы то ни было изъ семьи, а всего болѣе относительно императрицы-матери. Значеніе *матери* на столько для меня священно, и я нахожу такъ естественнымъ принятіе подобающаго мнѣ тона покорности, что мнѣ ничего не стоитъ обращаться къ ней для достиженія того, что въ данномъ положеніи моемъ я уже могу получить исключительно черезъ нее или черезъ новаго Государя. Признаюсь, мнѣ всегда нужно нѣкоторое усиліе надъ собой, чтобы назвать *Николая* Государемъ! Такъ я была увѣрена, что не проживу достаточно для того, чтобы видѣть его на этомъ мѣстѣ! Но это усиліе надъ собой я дѣлаю и буду его дѣлать всегда. Что въ теченіи многихъ лѣтъ меня возмущало немного противъ императрицы-матери, это то, что я видѣла, какъ она всегда старалась отстранить меня отъ мѣста, Небомъ даннаго мнѣ рядомъ съ моимъ мужемъ. А теперь, когда все заставляетъ меня стремиться къ уединенію и безвѣстности, она же какъ будто желаетъ склонить меня вернуться опять къ свѣтской жизни съ ея суетнымъ величіемъ.

*

Всѣмъ тремъ томамъ писемъ Елисаветы Алексѣевны слѣдовало бы появиться въ полномъ Русскомъ переводѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ слышно, они уже все разошлись и скоро сдѣлаются рѣдкостями. Письма эти важны не для исторіи только, но и для науки душевѣдѣнія. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЕ М. П. ПОГОДИНА ОБЪ А. И. ТУРГЕНЕВЪ.

Декабря 3-го, въ шестомъ часу послѣ обѣда, скончался въ Москвѣ тайный совѣтникъ, камергеръ Александръ Ивановичъ Тургеневъ, къ живѣйшему прискорбію всѣхъ кто его зналъ, а кто его не зналъ—въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Европѣ? Лордъ Брумъ зналъ его также какъ митрополитъ Филаретъ, Шеллингъ любилъ его не меньше, мадамъ Рекамье, маркизъ Ландсдаунъ какъ Неандеръ, Гизо, Шатобрианъ? Во всей Европѣ былъ онъ какъ дома у себя. А дома—Карамзинъ причислялъ его къ искреннимъ друзьямъ своимъ; Пушкина записывалъ онъ въ лицей, и онъ проводилъ его въ уединенную могилу въ Песковскомъ Свитогорскомъ монастырѣ. Надо было пріобрѣсть такое значеніе, надо было заслужить такое уваженіе и такую дружбу! Бросимъ бѣглый взглядъ на его жизнь, сколько въ первыя минуты, среди горестныхъ ощущеній, можемъ привести себѣ на память.

Тургеневъ родился въ осьмидесятыхъ годахъ въ Симбирскѣ, воспитывался въ Москвѣ въ знаменитомъ нѣкогда Университетскомъ пансіонѣ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Дашковымъ, Кайсаровыми, Родзянками. Здѣсь первоначально развилась въ немъ, какъ и въ его товарищахъ, благотворная любовь къ Русскому языку и Русской словесности. Тогда же завели они, вмѣстѣ съ Мерзляковымъ, литературное общество, которое собиралось у Воейкова въ его домѣ на Дѣвичьемъ полѣ. По окончаніи ученія въ пансіонѣ Александръ Ивановичъ съ братьями былъ отправленъ отцомъ (образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени) въ Геттингенскій университетъ, гдѣ и выслушалъ курсъ, занимаясь науками историческими и политическими. Послѣ курса онъ совершилъ путешествіе вмѣстѣ съ Кайсаровымъ по Славянскимъ землямъ и собрали грамматики и словари всѣхъ нарѣчій. Съ отличнымъ свидѣтельствомъ Шлецера явился молодой Тургеневъ въ Петербургъ, въ первые годы царствованія императора Александра, и многіе министры, между прочими князь Чарторыйскій и Новосильцовъ, наперерывъ старались убѣдить его ко вступленію въ службу подъ ихъ начальство. Тургеневъ поступилъ въ Коммисію составленія законовъ, гдѣ и началъ заниматься съ большою ревностію и успѣхомъ. Способности его вскорѣ обратили на себя вниманіе; онъ получалъ безпрестанно важныя порученія, и, наконецъ, исправлялъ, кажется, должность статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ, принимая участіе въ многихъ законодательныхъ работахъ этого времени. Съ 1818 года Тургеневъ приблизился къ покойному князю Александру Николаевичу Голицыну и назначенъ былъ директоромъ Департамента Духовныхъ дѣлъ. Знаменитое преобразование духовныхъ училищъ 1814 и слѣдующихъ годовъ совершено было съ его непосредственнымъ участіемъ.

Такъ шла его служба, но, въ свободное отъ дѣлъ время, науки оставались любимымъ его занятіемъ. Карамзинъ, съ тѣхъ поръ какъ началъ писать Исторію, всё нужныя для себя книги получалъ посредствомъ Тургенева, который посылалъ ему инныя даже безъ его указа- нія и тѣмъ содѣйствовалъ очень много успѣху его труда. Въ 1816 году старые Московскіе товарищи, собравшіеся въ Петербургѣ, устроили опять, для своего отдохновенія и увеселенія, литературное общество, подъ названіемъ Арзамаса. Тургеневъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Дашко- вымъ, Уваровымъ, Блудовымъ, Батюшковымъ, княземъ Вяземскимъ, былъ дѣятельнымъ его членомъ. Въ 1824 г. князь Голицынъ уволенъ былъ отъ министерства; Тургеневъ оставилъ также дѣятельную службу и съ 1825 г. жилъ большею частію въ чужихъ краяхъ, пріѣзжая по временамъ въ отечество. Впрочемъ онъ продолжалъ служить и тамъ, собирая матеріалы для Русской Исторіи въ архивахъ Римскихъ, Па- рижскихъ, Лондонскихъ. Труды его приняты были съ высочайшимъ благоволеніемъ, и два тома древнихъ грамотъ напечатаны уже Архе- ографическою Коммисією. Драгоцѣнныя донесенія иностранныхъ резидентовъ о царствованіяхъ Петра I, Екатерины I, Петра II, Анны. Елисаветы, вѣроятно также будутъ напечатаны, къ чести Тургенева, и прольютъ свѣтъ на эту часть нашей Исторіи, извѣстную теперь только по газетнымъ и официальнымъ бумагамъ. Впродолженіи этихъ двадцати лѣтъ пребыванія своего за границей, Тургеневъ, жаркій поклонникъ ума, дарованій и славы, гдѣ бы они ни являлись, составилъ свое блистательное знакомство, какого, разумѣется, не имѣлъ никто, нигдѣ и никогда: Французы знакомы только между собою, о Нѣмцахъ нельзя сказать и этого; кругъ связей Англійскихъ бываетъ также очень тѣсенъ. Тургеневъ былъ пріятелемъ и посредникомъ всѣхъ Евро- пейскихъ знаменитостей, *il était l'homme le plus répandu* (позволяю себѣ иностранное выраженіе въ характеристикѣ Европейскаго человѣка). Французскіе министры повѣряли ему опасенія о судьбѣ своихъ мини- стерствъ; Англійскіе толковали съ нимъ о преобразованіи парламента; Нѣмецкимъ профессорамъ доставлялъ онъ свѣдѣнія о коммунизмѣ, а Французскимъ аббатамъ привозилъ онъ труды Православія, а членамъ нашего Синода рассказывалъ о произведеніяхъ новой Нѣмецкой школы. Во всѣхъ Европейскихъ обществахъ онъ былъ представителемъ Рус- скаго ума. Русской смѣтливости, шутливости, ироніи, и вообще под- держивалъ вездѣ славу Русскихъ способностей. Похожденія свои онъ описывалъ въ особой хроникѣ, которую печаталъ отрывками въ Сове- ренникѣ и Москвитинѣ, подписываясь Эоловой Арфой (именемъ, которое имѣлъ въ обществѣ Арзамаса). Въ Августѣ нынѣшняго года пріѣхалъ онъ въ Москву по своимъ дѣламъ, располагалъ провести

зиму, былъ по обыкновенію очень веселъ и шутивъ, являлся во всѣхъ собраніяхъ. Въ Пятницу былъ на балѣ у князя А. Г. Щербатова и разсказывалъ о полученныхъ имъ Запискахъ Владимира Васильевича Измайлова; въ Субботу слушалъ первую публичную лекцію г. Грановскаго; въ Воскресенье, провелъ полдня въ пересыльномъ замкѣ на Воробьевыхъ горахъ, вмѣстѣ съ докторомъ Газомъ; въ Понедѣльникъ все утро писалъ письма въ Парижъ, отвезъ ихъ въ Почтамтъ и, возвратившись, отобѣдалъ вмѣстѣ съ двоюродной сестрой своей А. И. Нефедевой, въ домѣ которой жилъ и которую любилъ со всею нѣжностію брата. За обѣдомъ онъ задумывался. Послѣ обѣда прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, прилежъ отдохнуть и чрезъ нѣсколько минутъ спросилъ воды. Только что ему подали, какъ онъ вскрикнулъ отъ боли: „мнѣ дурно, доктора, священника!“ Боль увеличивалась. „Простите меня, Христа ради, всѣ, всѣ, простите меня“, повторилъ онъ нѣсколько разъ. На крикъ его прибѣжала г-жа Нефедьева. „Мнѣ лучше“, выговорилъ онъ, увидя ее, и съ симъ словомъ тонкаго, нѣжнаго чувства испустилъ духъ.

Погребеніе было вчера, въ собраніи многочисленной публики. Многіе почетные граждане столицы, друзья и знакомые, старые и молодые собрались въ приходской церкви Св. Власія. Высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ, другъ князя Александра Николаевича Голицына, отдалъ послѣдній долгъ его вѣрному сотруднику, который пользовался и его благосклоннымъ расположеніемъ. Съ какой глубокой думою во взорахъ нашъ досточтимый архипастырь бросилъ послѣднюю горсть земли на закрывшіяся вѣжды!

Родныхъ почти никого не было, но лились слезы, слышались рыданія, повторялись имена добраго чловѣка, благодѣтеля... Да онъ точно былъ добрый чловѣкъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Дѣлать добро—было пицею его чловѣколюбивой души, самымъ лучшимъ наслажденіемъ его нѣжнаго сердца. Ничѣмъ нельзя было одолжить его столько, какъ доставленіемъ случая подать кому-нибудь помощь. Онъ не скучалъ никогда никакими просьбами и не разбиралъ, основательны онѣ или нѣтъ. Чловѣкъ просить—этого для него уже довольно. по замѣчанію его товарища, столь же чловѣколюбиваго, доктора Газа;—онъ думалъ только о томъ, какъ бы удовлетворить его просьбу. Разскажемъ здѣсь объ одномъ его обычаѣ: всякое Воскресенье, во время пріѣздовъ своихъ въ Москву, посѣщалъ онъ Пересыльный Замокъ, на Воробьевыхъ горахъ и снабжалъ ссыльныхъ деньгами, одеждою, обувью, дѣтей одѣлалъ лакомствами, распрашивалъ каждаго объ его судьбѣ, и лишь только оказывалась возможность, признаки невинности, склонность къ раскаянію, какъ и начиналъ просить и ходатайствовать объ

облегченіи участі, о доставленіи средствъ исправиться. Самого князя Дмитрія Владимировича Голицына выводилъ онъ часто изъ терпѣнія своими просьбами. Этого довольно, чтобъ убѣдить, какъ онъ были неотвязны. Ко всѣмъ министрамъ и сенаторамъ сыпались отъ него письма, одно за другимъ; къ секретарямъ и столоначальникамъ ѣздилъ онъ самъ съ поклонами и записками. Никакіе отказы и грубости его не останавливали, пока мелькала какая-нибудь надежда на успѣхъ. Часто, уѣзжая изъ Москвы, онъ оставлялъ нѣкоторыя дѣла этого рода неоконченными, но лишь возвращался чрезъ два и три года, какъ и принимался тотчасъ за справки и ходатайство. Множество крѣпостныхъ людей изъ сыльныхъ онъ выкупалъ самъ и чрезъ своихъ повѣренныхъ; множество было освобождено помѣщиками, при его посредствѣ.

Пересыльный Замокъ былъ главное поприще его дѣятельности, но не единственное: онъ дѣлалъ добро и на улицѣ: недавно, напримѣръ, ѣхавъ по Арбату, онъ увидѣлъ, что крестьянинъ везетъ возъ дровъ и плачетъ. Тургеневъ остановился и спрашиваетъ, объ чемъ онъ плачетъ. Тотъ отвѣчаетъ, что не могъ продать свои воза за ту цѣну, которая ему нужна. Тургеневъ велитъ ему дожидаться, заѣзжаетъ въ знакомый сосѣдній домъ и проситъ хозяина выручить бѣднаго человѣка изъ бѣды. Съ такимъ добрымъ сердцемъ онъ былъ, разумѣется, нѣжнѣйшимъ родственникомъ, и для родства жертвовалъ всѣмъ, чѣмъ могъ: имѣніемъ, выгодами, почестями, удовольствіями. Чувствительность у него была дѣтская. Шестидесяти лѣтъ онъ часто разливался слезами при какомъ-нибудь горестномъ воспоминаніи или извѣстіи о несчастіи ближняго. Нечего говорить о безкорыстіи на службѣ. Жалованье и филантропическій оброкъ съ наслѣдственныхъ крестьянъ составляли всѣ его выгоды; онъ принадлежалъ къ числу людей, увы! ежеминутно рѣдѣющихъ, которые проживаютъ на службѣ, а не наживаютъ.

Это объ его сердцѣ. Скажемъ теперь о прочихъ его свойствахъ. Тургеневъ былъ ревностнымъ сыномъ Европейской цивилизаціи; просвѣщеніе, законная свобода, право, были его кумирами. Проживъ столько времени въ чужихъ краяхъ, онъ замѣтывалъ многія западныя привычки, кои сдѣлались его второю натурою, хотя и оставался онъ Русскимъ въ душѣ.

Его недостатки.... Но у кого ихъ нѣтъ? Не станемъ негать ихъ хоть въ покойникахъ, хоть въ первыя минуты горестной утраты. Они найдутся безъ насъ. Пожелаемъ лучше, посвящая усопшему брату горячую слезу дружбы и памяти, помолиться христіански, и „еже простится ему вся его прегрѣшенія, вольная и невольная, яже словомъ, яже дѣломъ, яже помышленіемъ, въ вѣдѣніи и невѣдѣніи“.... и вспомнимъ себѣ въ утѣшеніе глубокія слова Божественнаго нашего Учителя: Кто любитъ много, тому и простится много.

Письма князя П. А. Вяземскаго и Я. К. Грота къ С. Д. Полторацкому.

(12-го Ноября 1869 г. Петербургъ).

Убѣждаюсь твоимъ благороднымъ негодованіемъ и вѣрю въ твою библіофильскую честность. Но не знаю теперь, на кого должны пасть мои подозрѣнія, мнѣ оттого не легче. Какъ не соберешься ты собрать все свои библіофильскія и библіографическія воспоминанія и замѣтки! Вышла бы книжка любопытная и полезная, да и для тебя не безвыгодная. Я увѣренъ, что она хорошо разошлась бы и отплатила бы труды твои. А то ты дѣйствуешь въ пустомъ пространствѣ, и собранія твои сѣмена не ложатся въ почву, а разлетаются по вѣтру. Вотъ напримѣръ очень было бы любопытно узнать въ Бахтинѣ¹⁾, какимъ мы знали его послѣ, участника въ „*Mercur du XIX siècle*“. И мало ли еще у тебя запаса въ этомъ родѣ. Все это просится въ печать, но не отрывочно, какъ ты дѣлаешь, а въ какомъ-нибудь болѣе или менѣе полномъ объемѣ. Письма въ „*Минервѣ*“ не знаю или не помню. На сей разъ довольно, потому что я нездоровъ.

Ахъ ты, старый Вольтерьянецъ! Такъ и запрятался въ отель Вольтеръ и на *quai Voltaire*!

Кланяйся Н. П. Тургеневу, когда увидишь его, и поблагодари за послѣднюю брошюрку²⁾, доставленную мнѣ Золотаревымъ.

Неизмѣнно тебѣ преданный Вяземскій.

¹⁾ Николай Ивановичъ Бахтинъ (р. 1796 † 26 Марта 1869), съ 1843 по 1869 государственный секретарь. О немъ и его литературной дѣятельности см. въ только что изданной книгѣ: „Государственная Канцелярія. 1810—1910“ С.-Пб. 1910 г. (трудъ П. О. Морозова). *В. М.*

²⁾ Или „О нравственномъ отношеніи Россіи къ Европѣ. Rapport de la Russie avec l'Europe, considéré au point de vue moral et politique“, Лейпцигъ. F. A. Brockhaus. 1869; или „Отвѣтъ „Острожской Лѣтописи“. Réponse à la Chronique d'Ostrog. Par. N. Tourguénief“, Лейпцигъ. F. A. Brockhaus. 1869. Первая брошюра (анонимная) написана въ Мартѣ, вторая—10 Апрелья 1869 г. *В. М.*

Баронъ Ливентъ поручилъ мнѣ сказать тебѣ, что онъ получилъ отъ какой-то барыни ящикъ твой со старыми книгами. Онъ хранить его у себя и проситъ тебя увѣдомить, что съ нимъ прикажешь дѣлать? Напиши ему.

(На письмѣ помѣта рукою Сергѣя Дмитріевича Полторацкаго: „Получено, съ Петербургск. штемцелемъ, отъ 12 Ноября 1869. въ Парижѣ, въ Субб. вечеромъ, въ 5-мъ часу, передъ обѣдомъ, 27 (15) Ноября 1869. *Въ 3 дни*“).

Письмо князя Вяземскаго написано на слѣдующей запискѣ къ нему Я. К. Грота:

Съ искреннею благодарностью возвращаю вашему сіятельству письмо Полторацкаго. Узнавъ его адресъ, буду вскорѣ самъ писать къ нему. Къ вамъ постараюсь захватить на этихъ дняхъ и надѣюсь быть счастливей, чѣмъ въ прошлый понедѣльникъ, когда не засталъ васъ дома.

О пакетъ на ваше имя мнѣ уже писалъ и Бартеневъ*). Только что онъ получитъ, посиѣшу вамъ доставить его.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ вашъ покорнѣйшій слуга Я. Гротъ.
10 Ноября.

Я. К. Гротъ написалъ черезъ три дня слѣдующее письмо С. Д. Полторацкому:

С.-Петербургъ, 13 (25) Ноября 1869.

На дняхъ князь Вяземскій доставилъ мнѣ послѣдній листъ вашего къ нему длиннаго письма, искренно уважаемый Сергѣй Дмитріевичъ (первые два листа онъ при переѣздѣ изъ Царскаго Села, кажется, заложилъ куда-то); я прочелъ его съ большимъ наслажденіемъ и узналъ отсюда вашъ адресъ, чѣмъ и пользуюсь, чтобы побесѣдовать съ вами. Благодаримъ, Кецевичъ и я, за присланные намъ Французскіе листки для пополненія библіографіи Крылова; въ отвѣтъ я тогда-же отправилъ къ вамъ 2-й томъ общедоступнаго Державина, подъ бандеролью, надписавъ: Paris, poste restante, такъ какъ этотъ адресъ былъ вами означенъ на присланныхъ листкахъ. Теперь пошлю вамъ такимъ же образомъ, но уже подъ полнымъ вашимъ адресомъ, 5-ую часть *Русской Историч. библіографіи* (за 1860 годъ). Что касается до *СПб. Вѣдомостей*, то я, къ сожалѣнію, не имѣю возможности исполнить ваше желаніе, такъ какъ Академія вовсе не распоряжается экземплярами этого изданія. О *Запискахъ же Академіи Наукъ* за 1869 я долженъ представить выше и не могу впередъ сказать, будетъ ли это успѣшно, такъ

*) Издатель „Русскаго Архива“. В. М.

какъ у насъ въ этомъ отношеніи слѣдуютъ не очень-то либеральнымъ правиламъ.

Вчера я былъ у кн. Вяземскаго. Здоровье его опять пошатнулось, и доктора посылаютъ его на зиму за границу; онъ страдаетъ бессонницей, и нервы опять начинаютъ шалить. Вѣроятно, онъ пустится въ путь скоро и выберетъ мѣстомъ пребыванія Ниццу.

Въ *Р. Архивъ* И. С. Тургеневъ недавно помѣстилъ статью о Плетневѣ¹⁾, которою однакожь всѣ близко знавшіе покойнаго не могутъ быть довольны, потому что онъ изображенъ тутъ поверхностно и слишкомъ легко. По этому поводу я написалъ другую статью, которая будетъ напечатана тамъ-же и которой особый оттискъ я вамъ пошлю, только что она выйдетъ²⁾.

Жалѣю, что не могу отправить къ вамъ 5-го тома Сочиненій Державина, содержащаго въ себѣ переписку поэта. Для бандероли онъ слишкомъ тяжелъ; не укажете ли, кому его передать, или какъ доставить? О немъ хорошіе отзывы: въ *Голосъ*, № 281, и въ *Соврем. Литоп.* № 42. Въ № 11 *Вѣстника Европы*, по обыкновенію, глумятся, выбравъ нарочно нѣсколько неблагоприятныхъ для сужденія отрывковъ. Такъ, изъ дѣлъ и рѣчей цѣлой жизни выбравъ черныя крупицы, можно засудить и засадить въ преисподнюю всякаго человѣка.

Что вы не соберете свѣдѣнія объ иностранныхъ статьяхъ насчетъ Русской литературы (о чемъ трактуетъ часть вашего письма) и не напечатаете этого? Вышла бы очень полезная и интересная библиографическая статья.

Будьте здоровы и духомъ спокойны для литературныхъ занятій. Искренно вамъ преданный Я. Гротъ.

Приводимъ и еще одно писемцо Я. К. Грота къ Полторацкому о князѣ Вяземскомъ:

На ваше письмо отъ 13 (25) Декабря, любезнѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ, спѣшу отвѣчать, что о князѣ Петрѣ Андреевичѣ ничего *вполнѣ достовернаго* не могу сказать вамъ, кромѣ того, что онъ уже нѣсколько недѣль тому назадъ уѣхалъ за границу. Слышалъ я, что онъ сперва отправился въ Венецію, но, почувствовавъ себя тамъ хуже, пе-

¹⁾ „Литературный вечеръ у П. А. Плетнева“, „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1663—1676. *В. М.*

²⁾ „Петръ Александровичъ Плетневъ“ „Русскій Архивъ“ 1869 г., ст. 2067—2089, съ послѣсловіемъ П. П. Бартенева. *В. М.*

реселился въ болѣе пріятную Ниццу. По другимъ свѣдѣніямъ состояніе здоровья его поправилось уже за границею. Пишите къ нему или къ княгинѣ въ Ниццу.

Посылаю вамъ двѣ статьи мои подѣ бандеролью.—Поздравляю съ праздниками. Да пошлетъ вамъ Богъ здоровье и спокойствіе. Жена моя благодаритъ васъ за память. Она, слава Богу, совсѣмъ поправилась послѣ рожденія въ Октябрѣ Якова Яковлевича.

Искренно вамъ преданный Я. Гротъ.

С.-Пб. 24 Дек. ст. ст. 1869.

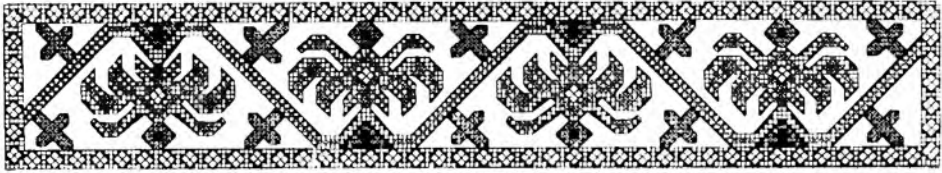
1-ая линія, № 50.

С. Д. Полторацкій умеръ въ Neuilly, близъ Парижа, 7 Января 1884 г., 71 года отъ роду; его вторая жена была рожденная Southce*); она умерла въ Римѣ въ 1908 году, 89 лѣтъ отъ роду; дочь ихъ Елена за мужемъ за графомъ Filirani-Ronconi.

Сообщилъ Б. Л. Модзалевскій.

*) Англичанка, бывшая наставницею при дочеряхъ Полторацкаго отъ перваго его брака съ Маріею Петровною Киндяковой. Одна изъ дочерей отъ втораго брака Ерминія Сергѣевна печатаетъ статьи свои на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. П. В.

К. П. Фонъ-Кауфманъ и М. Г. Черняевъ.

I.

Письмо П. М. Фонъ-Кауфмана къ издателю „Русскаго Архива“.

Въ Декабрьской книжкѣ издаваемого вами „Русскаго Архива“ 1909 года я прочелъ статью „О М. Г. Черняевѣ“ за подписью его дочери г-жи Антонины Черняевой. Въ этой статьѣ, рядомъ съ грязненькими инсинуаціями (со словъ, яко-бы, Евгенія Маркова) на Туркестанскую администрацію вообще, по поводу постройки Ташкентскаго собора, г-жа Черняева „для характеристики личности“ покойнаго Туркестанскаго генераль-губернатора К. П. Фонъ-Кауфмана говорить слѣдующее:

„Въ 1875 г. отецъ мой издавалъ „Русскій Мірѣ“ и помѣстилъ тамъ статью, критикующую управление Кауфмана. *Въ отместку за это**) имъ (Кауфманомъ) былъ сдѣланъ на отца моего начетъ въ 5.000 руб., черезъ 10 лѣтъ послѣ покоренія Ташкента. Полиція приступила, было, уже къ описи редакціоннаго имущества и только благодаря Трепову, это было остановлено. Онъ (Треповъ) предложилъ отцу моему написать официальную бумагу въ Туркестанъ, въ которой онъ (Черняевъ) говоритъ, что не можетъ помнить за десятилѣтнюю давность о своихъ тогдашнихъ расходахъ и предлагаетъ въ возмѣщеніе ихъ свою пенсію, присовокупляя при этомъ, что ему останется утѣшеніе, что покореніе Ташкента совершено имъ на свои средства. *Это и было принято*, и вычеты производились *вплоть до вступленія на престолъ Императора Александра III, который, узнавъ объ этомъ, сказалъ Рейдону: „прекратить эту мерзость противъ Черняева“.* Слова эти были лично переданы графомъ отцу моему“.

Исторія о начетѣ на Черняева уже не въ первый разъ даетъ тему для вылазокъ г-жи Черняевой или, какъ она сама заявляетъ (по просьбѣ ея и съ ея словъ), другихъ лицъ противъ покойнаго Константина Петровича съ цѣлью, въ чьихъ-то интересахъ, порочить его свѣтлую память.

Считая излишнимъ и недостойнымъ вступать по поводу этой лжи въ полемику и не имѣвъ въ рукахъ подлинной о начетѣ переписки, семья К. П. до сихъ поръ молчала, предоставляя исторіи произвести оцѣнку государственныхъ заслугъ К. П. не по сплетнямъ и пасквилямъ, а по дѣйствительнымъ

*) Курсивъ мой. П. Ф.-К.

фактамъ и подлиннымъ документамъ и отвести подобающее мѣсто на своихъ страницахъ не только К. П. и Черняеву, но и всѣмъ прочимъ сподвижникамъ незабвеннаго Императора Александра II въ его стремленіи прочно установить наши границы въ Средней Азіи и оградить наши предѣлы отъ посягательства безпокойныхъ сосѣдей.

Поэтому и на послѣднюю выходку г-жи Черняевой я бы не отвѣчалъ, если бы мнѣ не были доставлены документы, которые собственно на басню о Черняевскомъ начетѣ должны поставить точку.

Документы эти въ официальныхъ копіяхъ я вамъ посылаю. Изъ нихъ вы изволите усмотрѣть:

1) Что начетъ на ген. Черняева, въ суммѣ 3931 руб. 9¼ коп. (а не 5000 руб., хотя, конечно, не въ суммѣ дѣло), былъ сдѣланъ *Оренбургскою* Контрольною Палатою, въ вѣдѣніи коей находилась Туркестанская область, когда начальникомъ ея былъ Черняевъ. Тогда эта область входила въ составъ Оренбургскаго генераль-губернаторства и подчинялась Оренбургскому генераль-губернатору ген.-ад. Крыжановскому. Къ Туркестанскому же генераль-губернатору Оренбургская Контрольная Палата никакого отношенія не имѣла и не имѣеть.

2) Что требованіе о пополненіи означеннаго начета обращено было не къ Туркестанскому генераль-губернатору, а къ замѣстителю Черняева, командовавшему войсками Сыръ-Дарьинской (б. Туркестанской) области, г.-лейт. Головачеву, которымъ и передано *непосредственно* 27 Іюня 1875 года за № 5851/751, помимо генераль-губернатора, начальнику штаба Варшавскаго военного округа, должно быть по мѣсту жительства или службы въ то время Черняева. На этомъ именно отношеніи ген. Головачева и сдѣлана Черняевымъ та надпись, о которой г-жа Антонина Черняева упоминаетъ какъ объ отзывѣ, даннымъ ея отцомъ, будто бы, по совѣту ген.-ад. Трещова.

3) Что если полиція когда либо и описывала за долги имущество М. Г. Черняева, то не вслѣдствіе предписанія Туркестанскаго генераль-губернатора, котораго тотъ не давалъ, а въ силу закона.

4) Что ходатайство о сложеніи съ М. Г. Черняева пресловутаго начета возбуждено было передъ военнымъ министромъ никѣмъ инымъ, какъ Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ Фонъ-Кауфманомъ и притомъ 30 Января 1878 года за № 802, т. е. *за три года и одинъ мѣсяць до вступленія на престолъ Государя Императора Александра III*, и

5) Что государственный контролеръ Сольскій (нынѣ графъ) изъявилъ свое согласіе на представленіе К. П. Фонъ-Кауфмана о сложеніи съ М. Г. Черняева начета 20 Іюля 1878 года, т. е. *тоже за два года и семь мѣсяцевъ до воцаренія Императора Александра Александровича*.

По справкѣ, наведенной въ Азіатской части Главнаго Штаба, которую всякому легко провѣрить, изъ подлиннаго *дѣла о начетѣ* оказывается, что Военнымъ Совѣтомъ дѣло это было разрѣшено 28 Іюля 1878 года, а журналъ

Совѣта № 245 о сложеніи начета удостоился Высочайшаго утвержденія 12 Августа 1878 года, т. е. еще *въ царствованіе Императора Александра Николаевича*.

Отсюда ясно, что приписываемыя г-жею Черняевой Императору Александру III слова, Его Величеству произносить ни по вступленіи на престоль, ни рачѣ, повода не было; а слѣдовательно и розказни о передачѣ этихъ словъ графомъ О. Л. Гейденомъ „лично“ Черняеву—сознательная ложь ея распространителей; что не Кауфманъ распорядился о взысканіи съ Черняева начета, а по просьбѣ Кауфмана начеть былъ прощенъ и что вычеты не могли производиться „вплоть до вступленія на престоль Императора Александра III“, ибо начеть былъ сложенъ 12 Августа 1878 года, а г-жѣ Черняевой должно быть извѣстно, что Императоръ Александръ III на престоль вступилъ 1 Марта 1881 года.

Въ заключеніе, считаю нелишнимъ добавить, что, по свидѣтельству современниковъ К. П. (сослуживцевъ его по Туркестану), рѣзкій отзывъ о контрольной перепискѣ по взысканію съ Черняева, черезъ 10 лѣтъ по оставленіи имъ края, 3931 руб. 9¼ коп., въ которыхъ онъ своевременно не отсчитался передъ Оренбургской Контрольной Палатой, былъ данъ, въ 1878 году, на докладѣ канцеляріи Туркестанскаго генераль-губернатора объ этой перепискѣ, *К. П. Фонь-Кауфманомъ* почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какія приписаны г-жею Черняевой Императору Александру III*). Согласитесь, что для характеристики личности Кауфмана и личностей авторовъ извѣстныхъ вамъ статей—это не тоже самое. Если, затѣмъ, К. П. въ глазахъ Черняевыхъ и былъ „представителемъ ограниченности“, то во всякомъ случаѣ *не Пьемцкой, а чисто-Русской*, такъ какъ, кромѣ фамиліи, у К. П. Нѣмецкаго были только предки, а онъ внукъ *Русскаго* полковника, соратника Румянцова и Потемкина, сынъ православнаго *Русскаго* генерала, ветерана Отечественной войны, имя котораго увѣковѣчено на стѣнахъ храма Христа-Спасителя, и самъ, православный, считалъ себя и дѣйствительно былъ такимъ *цѣльнымъ Русскимъ человекомъ*, какихъ дай намъ Богъ побольше въ наше время.

На остальной вздоръ, составляющій содержаніе статей г-жи Черняевой, я не отвѣчаю.

Надѣюсь, Петръ Ивановичъ, что вы, въ интересахъ правды, настоящему письму моему дадите мѣсто въ „Русскомъ Архивѣ“, какъ вы его дали статьямъ г-жи Черняевой.

25 Января 1910 г.

С.П.В. Новонсаакіевская, 22.

П. Фонь-Кауфманъ.

Съ сего въ конторѣ С.-Петербургскаго нотаріуса А. И. Старицкаго засвидѣльствована копія 1910 г. Января 26 дня за № 519 и выдана г. Фонь-Кауфману.

*) См. „Ташкентскій Курьеръ“ 10 Февраля 1908 г. № 10. Резолюція К. П. Фонь-Кауфмана: „Желаю, чтобъ эта мерзость противъ Черняева была прекращена“.

II.

Переписка по дѣлу о сложеніи недочета съ генерала Черняева.

По взыснанію съ Генераль-Маіора Черняева 3931 р. 9¹/₄ коп.

Туркестанскій Военный Округъ. Штабъ Войскъ Сыръ-Дарьинской Области. Отдѣленіе Хоз. 27 Юня 1875 года № 5851 (751) г. Ташкентъ.

Начальнику штаба войскъ Варшавскаго военнаго округа.

Оренбургская Контрольная Палата, ревизуя отчетность въ деньгахъ бывше отпущенныхъ въ 1864 и 1865 г.г. на экспедиціонныя надобности для войскъ Туркестанской области, нашла, что въ остаточную сумму къ 1866 году числится долга за г.-м. Черняевымъ 3931 р. ¹/₄ коп., почему оная Палата просить распоряженія моего о пополненіи этого долга. По справкѣ въ дѣлахъ штаба войскъ бывшей Туркестанской области оказывается, что по долговой вѣдомости штаба къ 11 Апрѣля 1866 г. числилось долга за г.-м. Черняевымъ 7163 р. ³/₄ коп. На пополненіе этого долга поступило:

1. Согласно предписанія военнаго губернатора области, отъ 29 Декабря 1866 г. за № 7874, причитавшихся г.-м. Черняеву въ квартирное довольствіе, съ 1-го Апрѣля 1865 г. по 1-е Января 1866 г., 642 р. 84³/₄ коп.

2. По предписанію егоже, отъ 22 Января 1867 г. за № 816, причитавшіеся г.-м. Черняеву натуральные и денежныя раціоны за Іюль мѣсяца 1865 года 131 р. 47 коп.

3. По предписанію егоже отъ 22 Февраля за № 1904, слѣдовавшіе съ 1-го Января по 1-е Мая 1864 г. на отопленіе и освѣщеніе 120 р.

4. Зачтенныя ликвидаціонною комиссіею полковника Быкова, а.) деньги тогоже наименованія, какъ въ 3-мъ пунктѣ, слѣдовавшія за Сентябрь мѣсяца 1865 г. 13 р. 47¹/₂ к. б.) содержаніе за Сентябрьскую треть 1865 г. 1161 р. 80 к., в.) по требовательной вѣдомости подъ литерой Г, чинамъ Военно-народнаго Управленія, за 1866 г. 666 р. 66¹/₄ к. г.) По требовательной вѣдомости штаба за № 1870 отъ 1865 года 495 р. 66 к.

Всего поступило въ разное время на пополненіе долга 3231 р. 91 ¹/₂ к., за тѣмъ остается не уплаченнымъ 3931 р. 9¹/₄ к.

Сообщая объ этомъ вашему сіятельству, я имѣю честь просить предложить г.-м. Черняеву указать: не поступали-ли отъ него, а если поступали, то когда и куда именно, деньги на пополненіе сказаннаго долга, а въ противномъ случаѣ просить его о пополненіи долга 3931 р. 9¹/₄ к. При этомъ присовокупляю, что деньги на пополненіе долга должны быть сданы въ доходъ Главнаго Интендантскаго Управленія смѣты § 7 ст. 3. О послѣдующемъ имѣю честь просить ваше сіятельство сообщить мнѣ, съ приложеніемъ квитанцій въ сдачѣ денегъ, если таковыя по ходу дѣла окажется необходимымъ сдать.

Подписаль: Командующій войсками г.-л. Головачевъ. Скрѣпилъ: Начальникъ штаба, генеральнаго штаба полковникъ №

На запросъ командующаго Туркестанскими войсками. не поступало-ли отъ меня на покрытіе насчитаннаго на мнѣ долга въ 3931 р. 9¹/₄ к. какихъ либо суммъ, имѣю честь отвѣтить, что 8-го Апрѣля настоящаго года истекаетъ ровно десять лѣтъ со дня оставленія мною Туркестана, и потому я ничего не могу припомнить, какъ въ отношеніи образованія этого долга, такъ и относительно его погашенія. Я помню хорошо только одно, что мнѣ не съ чѣмъ было выѣхать изъ покореннаго мною края и что теперь, кромѣ выслуженной за 35 лѣтъ пенсіи, у меня ничего не имѣется. Эту-то пенсію я и могу предложить на погашеніе насчитаннаго на мнѣ долга, и затѣмъ сохранить себѣ въ утѣшеніе неоспоримое право считать, что покореніе къ подножію Русскаго престола обширнаго и богатаго края сдѣлано мною не только дешево, но отчасти и на собственный счетъ. Не могу не указать при этомъ, что всеѣмъ въ краѣ извѣстно, а слѣдовательно и его начальству, какъ размѣръ моего содержанія въ то время (5) т. р., такъ и мой образъ жизни. То и другое свидѣтельствуютъ, что деньги, которыя по истеченіи 10 лѣтъ съ меня готовы теперь взыскивать, истрачены не на мои личные потребности. Сохраняемая до сихъ поръ, гдѣ я жилъ, землянка, вблизи воздвигнутаго послѣ для генераль-губернатора дворца, служить нагляднымъ тому доказательствомъ. Въ заключеніе не могу не сказать также, что и для формальнаго отношенія къ дѣлу есть извѣстныя границы, переходить которыя безнравственно. Подписаль: Отставной г.-м. Черняевъ. 21 Января 1876 года. С. Петербургъ.

Туркестанскій Военный Округъ. Окружный штабъ. Отдѣленіе Хозяйственное. 30 Января 1878 г. № 802. Г. Ташкентъ.

Р А П О Р Т Ъ.

Оренбургская Контрольная Палата, ревизуя отчетность въ деньгахъ, отпущенныхъ въ 1864 и 1865 г., на экспедиціонныя надобности, для войскъ Туркестанской области, нашла, что въ остаточной суммѣ къ 1866 г. числится въ долгу за г.-м. Черняевымъ 3931 р. 9¹/₄ кон. и потому просить распоряженія о пополненіи этого долга. По справкѣ въ дѣлахъ штаба войскъ бывшей Туркестанской области, оказывается, что по долговой вѣдомости штаба къ 11 Апрѣля 1866 г. числилось долга за г.-м. Черняевымъ 7163 р. ³/₄ кон., на пополненіе которыхъ поступило въ разное время 3231 руб. 91 ¹/₂ кон. и затѣмъ остается не уплаченныхъ 3931 р. 9¹/₄ кон. Въ виду этого командующій войсками Сыръ-Дарьинской области 27 Юня 1875 г. за № 5851 просилъ начальника штаба Варшавскаго военнаго округа потребовать отъ г.-м. Черняева указанія, не поступали ли отъ него деньги на пополненіе означеннаго долга и въ утвердительномъ случаѣ съ присовокупленіемъ, когда и куда именно такковыя сданы, а въ противномъ случаѣ предложить ему пополнить означенный долгъ. На означенное требованіе г.-м. Черняевъ, въ надписи при семъ представляемой, отозвался, что, такъ какъ со времени оставленія имъ Туркестан-

скаго края прошло уже десять лѣтъ, то онъ не можетъ ничего припомнить, какъ въ отношеніи образованія этого долга, такъ и относительно его погашенія.

Представляя при семъ переписку по означенному предмету, я въ виду того, что начеть контроля послѣдовалъ спустя почти десять лѣтъ и по закрытіи ликвидационной комисіи, приводившей въ ясность финансовыя обороты бывшей Туркестанской области за время г.-м. Черняева, имѣю честь просить вашего ходатайства о сложеніи съ него означеннаго начета. Подписаль: Командующій войсками г.-а. Фонтъ-Кауфманъ.

Государственный контроль. Канцелярія. 20-го Іюля 1878 г. № 814.

Господину военному министру.

Отношеніемъ отъ 2-го Марта сего года за № 65, начальникъ главнаго штаба проситъ заключенія по ходатайству командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа о сложеніи со счетовъ числящагося за г.-м. Черняевымъ долга въ количествѣ 3931 руб. 9¹/₄ коп., образовавшагося во время степной экспедиціи 1864—1866 г.г. Ходатайство о сложеніи со счетовъ означеннаго долга, какъ видно изъ возвращаемыхъ при семъ приложеній, основывается на томъ, что начеть послѣдовалъ спустя десять лѣтъ и при томъ по закрытіи уже ликвидационной комисіи, приводившей въ ясность финансовыя обороты бывшей Туркестанской области. Вслѣдствіе сего считаю долгомъ увѣдомить ваше высокопревосходительство, что давность, на которую ссылается командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа и которая, какъ видно изъ имѣющихся свѣдѣній, въ данномъ случаѣ не миновала, не можетъ сама по себѣ служить основаніемъ къ сложенію означеннаго начета. Принимая, однако, во вниманіе: услуги, оказанныя г.-м. Черняевымъ при завоеваніи Ташкента, расширеніе плана военныхъ дѣйствій противъ первоначально составленнаго, что вызвало неизбежное превышеніе смѣтныхъ предположеній, и несвоевременную и въ недостаточномъ количествѣ высылку требовавшихся на экспедицію денегъ, отнимавшую возможность какихъ либо благовременныхъ заготовленій, я не встрѣчаю препятствій къ испрошенію черезъ Военный Совѣтъ высочайшаго соизволенія на оставленіе означеннаго начета безъ взысканія.

Подписаль: Государственный контролеръ статей-секретарь Сольскій.

Съ сего въ конторѣ С.-Петербургскаго нотаріуса А. Н. Старickaго засвидѣтельствована копія 9 Января 1910 году за № 521 и выдана г. Фонтъ-Кауфману.

О Н. И. ГРОДЕКОВЪ.

М. г. господинъ редакторъ!

Въ Декабрьской книжкѣ „Русскаго Архива“ за прошлый годъ помѣщена выдержка изъ письма г-жи Черняевой, которая, защищая память своего доблестнаго отца, примѣняетъ обычный полемическій приѣмъ, т. е. чтобы рельефнѣе подчеркнуть значеніе совершеннаго Черняевымъ, умаляетъ заслуги другихъ дѣятелей, потрудившихся при завоеваніи Туркестанскаго края и его устройствѣ.

Прежде всего г-жа Черняева обращаетъ свое личное непріязненное чувство къ одному изъ выдающихся нашихъ государственныхъ дѣятелей Н. И. Гродекову, подавшему и разработавшему идею о памятникѣ К. Н. Кауфману въ Ташкентѣ, какъ „покорителю и устройтелю всего Туркестанскаго края“. Благодаря энергіи Н. И. Гродекова, успѣшнаго настойчиво проводить въ жизнь то, что онъ считалъ благомъ, собранъ и значительный (свыше 80 тысячъ) капиталъ на постройку памятника. Г-жа Черняева даетъ оцѣнку дѣятельности Н. И. Гродекова, какъ лица извѣстнаго своею „необыкновенною смѣлостью и исполнительностью“. Очень жаль, что г-жѣ Черняевой неизвѣстны другія заслуги Гродекова, составившія ему имя одного изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей и почетное положеніе въ наукѣ рядомъ трудовъ по исторіи и этнографіи Туркестанскаго края. Имя Гродекова, сподвижника „Вѣлаго Генерала“, извѣстно не только въ интеллигентномъ нашемъ обществѣ, но и въ любой хатѣ Русскаго крестьянина.

Прежде всего разсказывается о холерныхъ безпорядкахъ 1882 года. На самомъ дѣлѣ безпорядки эти были въ Ташкентѣ на десять лѣтъ позже, т. е. въ 1892 году, черезъ 9 лѣтъ послѣ ухода М. Г. Черняева съ поста Туркестанскаго генераль-губернатора. Вызваны были эти безпорядки не распоряженіемъ администраціи о засыпкѣ извѣстною труповъ умершихъ отъ холеры, а агитаціей среди туземнаго населенія злонамѣренныхъ людей, направленной противъ всѣхъ распоряженій администраціи по борьбѣ съ серьезной эпидемической болѣзью, унесшей въ то время немало жертвъ и изъ среды Русскаго населенія города. Толпа туземцовъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ проявила свое враждебное настроеніе противъ администраціи разгромомъ полицейскаго управленія и насиліемъ противъ начальника города Ташкента. Чтобы прекра-

тить безпорядки, не давъ имъ разростись и принять болѣе грозную и опасную форму, Гродековъ вынужденъ былъ примѣнить оружіе, но не противъ „мирныхъ и безоружныхъ жителей“, а противъ мятежной, буйствовавшей толпы. Не было, да и не могло быть, и того, о чемъ пишетъ г-жа А. Черныева, будто бы г. Гродековъ „съ окрикомъ схватилъ за сѣдую бороду одного изъ членовъ депутаціи отъ туземнаго населенія“. Подобная расправа совершенно не въ характерѣ Н. И. Гродекова, всегда ровнаго, спокойнаго и корректнаго до щепетильности.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ упомянуть, что по инициативѣ генерала Гродекова передъ Черныевскимъ домикомъ въ Ташкентѣ воздвигнуть бронзовый памятникъ-бюстъ Михаилу Григорьевичу Черныеву, а въ домикѣ помѣщены въ рамкахъ копіи донесеній генерала Черныева о двухъ штурмахъ Ташкента. Такимъ образомъ Гродекова нельзя обвинять и въ игнорированіи памяти доблестнаго героя, покорителя Ташкента. Однако, какъ ни велики заслуги передъ родиной Черныева, при рѣшеніи вопроса, кому слѣдовало бы воздвигнуть ранѣе памятникъ въ Ташкентѣ (К. П. Фонъ-Кауфману, покорителю и устроителю Туркестанскаго края, завоевавшему Самаркандскую область, Фергану, побѣдившему ханства Бухару, Хиву и Кульдасинское, давшему гражданское устройство завоеванному краю) или М. Г. Черныеву, взявшему города Аулиеата, Чимкентъ и Ташкентъ и къ сожалѣнію не успѣвшему приложить свой трудъ, свой опытъ и знанія для приобщенія края къ Русской гражданственности и культурѣ—конечно, во имя исторической справедливости, при такомъ выборѣ Гродековъ остановился на памятникѣ К. П. Фонъ-Кауфману и войскамъ, покорившимъ Среднюю Азію, что отвѣчало вполнѣ желанію Русскаго общества вообще и мѣстному въ частности, такъ какъ открытая въ 1907 году Всероссийская подписка дала блестящіе результаты и къ 1908 году имѣлся капиталъ около 80 тысячъ, вполнѣ обезпечивающій сооруженіе памятника. При этомъ надо замѣтить, что съ художникомъ, которому поручается постановка памятника К. П. Фонъ-Кауфману, заключено условіе, чтобы гипсовая статуя Русскаго солдата, воздвигнутая по исправленному не вполнѣ удачному проекту Микѣшина *) въ городскомъ саду, была замѣнена бронзовой.

Управляющій Канцеляріей Туркестанскаго генералъ-губернатора Владимиръ Мустафинъ.

С.-Петербургъ 1910 (II) 10.

*) По проекту Микѣшина солдатъ вставляетъ знамя въ жерло пушки, а въ поставленномъ памятникѣ солдатъ водружаетъ знамя на развалинахъ туземной крѣпости.

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЯ РУКОПИСИ.

Въ скоромъ времени по порученію Академіи Наукъ въ Парижъ побудуть нѣсколько Пушкинистовъ для оцѣнки рукописей Пушкина, принадлежащихъ г. Отто.

Интересъ къ рукописямъ величайшаго нашего поэта съ особенной силой, какъ извѣстно, пробудился въ 1880 году, во время открытія ему памятника, и затѣмъ—въ 1887 г., когда, по случаю исполнившагося 50-лѣтія со дня его смерти, вышло нѣсколько новыхъ изданій его сочиненій.

Въ 1880 году старшій сынъ поэта, Александръ Александровичъ, передалъ въ Московскій Публичный Музей его рукописи, которыя сдѣлались, такимъ образомъ, общимъ достояніемъ.

Первымъ, кто воспользовался частью этихъ рукописей, былъ издатель „Русскаго Архива“ г. Бартеневъ, напечатавшій въ своемъ сборникѣ наскоро и не совѣмъ точно прочитанныя отрывки изъ нихъ; затѣмъ въ „Русской Старинѣ“ В. Е. Якушкинъ далъ обстоятельное ихъ описаніе; наконецъ, по нимъ работали г. Морозовъ для изданія литературнаго фонда, академикъ Майковъ для академическаго изданія и опять г. Морозовъ, къ которому теперь перешло редактированіе этого изданія, которое должно установить навсегда полный, точный и неизмѣнный Пушкинскій текстъ, устранивъ изъ него все искаженія и апокрифы.

Я назвалъ Пушкинскія рукописи „многострадальными“...

Въ самомъ дѣлѣ, ихъ судьба, очень печальная и не всею въ точности извѣстная, даетъ имъ незавидное право на такое названіе.

Тотчасъ по смерти поэта все его бумаги были опечатаны официальными лицами, не стѣсняясь иногда накладывать сургучныя печати прямо на текстъ, и взяты въ то вѣдомство, которое распоряжалось тогда судьбою Русскихъ писателей и Русской литературы. Отъ этого секвестра ускользнула только вторая часть дневника поэта, благодаря тому случайному обстоятельству, что въ моментъ описи она находилась не въ кабинетѣ Пушкина, а въ спальнѣ его жены.

Затѣмъ, когда Жуковскій выхлопоталъ разрѣшеніе издать сочиненія Пушкина, рукописи выданы были наследникамъ поэта,—но уже не все: недоставало первой части дневника и, по всей вѣроятности, еще кое-чего.

Жуковскій старъ работать надъ редакціей задуманнаго изданія, стараясь какъ можно больше спасти отъ тогдашней цензуры, что и заставляло его иногда передѣлывать и измѣнять подлинный Пушкинскій текстъ, смягчая его собственными стихами („Памятникъ“, „Сказка о погѣ“ и проч.). Онъ дѣлалъ это, какъ человѣкъ, преданный интересамъ родной литературы, съ тѣмъ тактомъ, который всегда отличалъ его; но ему не пришлось довести своей работы до конца, такъ какъ онъ долженъ былъ отправиться съ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ продолжительное путешествіе по Россіи.

Послѣ этого отъѣзда литературное наслѣдіе Пушкина попало въ руки совѣтъ не литературнымъ,—нѣкоему г. Тарасенко-Отрубшкову, который сдѣлался опекуномъ дѣтей Пушкина только потому, что поэтъ остался ему что-то долженъ. Какъ новый „редакторъ Пушкина“ понималъ свое дѣло, краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ служитъ выпущенное имъ изданіе, представляющее собою верхъ безобразія даже просто въ корректурномъ отношеніи, не говоря уже объ остальномъ.

Только въ 1855 году бумаги Пушкина попали къ просвѣщенному человѣку, П. В. Анненкову, который и воспользовался всѣмъ, чѣмъ и какъ могъ, для своего изданія сочиненій Пушкина, долгое время бывшаго образцовымъ. По окончаніи своего труда, исторію котораго, тоже многострадальную, Анненковъ подробно разсказалъ впослѣдствіи, онъ возвратилъ рукописи ихъ собственникамъ, у которыхъ онѣ и находились, какъ сказано выше, до 1880 года, когда А. А. Пушкинъ пожертвовалъ ихъ въ Музей, впрочемъ, оставивъ у себя дневникъ, изъ котораго позволилъ г. Бартеневу списать лишь нѣсколько незначительныхъ отрывковъ.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ, кажется, единственный изъ нашихъ ученыхъ получившій возможность работать въ архивѣ того учрежденія, которое такъ близко интересовалось, съ своей особенной точки зрѣнія, Пушкинымъ и вообще литературными дѣлами, и извлекшій изъ этого архива много любопытныхъ документовъ,—не напелъ тамъ, однако, никакихъ Пушкинскихъ рукописей: очевидно, ими поинтересовался кто-нибудь ранѣе...

Такимъ образомъ, первая часть дневника поэта должна, повидимому, считаться утраченною.

Довольно значительный запасъ автографовъ Пушкина оказался въ бумагахъ Жуковскаго и унаслѣдованъ былъ сыномъ послѣдняго, который многое передалъ г. А. Э. Отто, а остальное завѣщалъ Императорской Публичной Библіотекѣ. Г. Отто, подъ именемъ Онѣгина, кое-что изъ этихъ рукописей напечаталъ въ разныхъ журналахъ.

Вотъ и все, что извѣстно теперь о Пушкинскихъ рукописяхъ, если не считать незначительныхъ автографовъ, случайно сохранившихся у разныхъ лицъ, которыя, вѣроятно, также передадутъ ихъ въ распоряженіе Академіи.

Но за недостаткомъ подлинныхъ рукописей поэта, на сцену нерѣдко являються апокрифическія его произведенія.

Какъ извѣстно, Пушкину еще при его жизни приписывалось очень многое, вовсе ему не принадлежавшее; онъ самъ, шути, говаривалъ: „Все политическое приписываютъ мнѣ, какъ все непристойное—Баркову“...

Послѣ его смерти газеты и журналы не разъ попадали впросакъ, печатая якобы вновь открытыя Пушкинскія стихотворенія, которыя потомъ оказывались давно напечатанными съ именемъ ихъ настоящихъ авторовъ; въ одномъ изданіи было напечатано даже такое стихотвореніе, которое было продиктовано одному генералу вертящимся столомъ, въ присутствіи, впрочемъ, поэта Мишаева...

А что всего замѣчательнѣе, такъ это то, что одни и тѣже стихи Шевьева, Грекова, Баратынскаго, стихи, принадлежность которыхъ этимъ писателямъ была съ полной очевидностью доказана,—по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ опять всплывали съ именемъ Пушкина.

Недаромъ говорилъ поэтъ: „Мы лѣнны и не любопытны!“...

Ю. М.

(„Голосъ Москвы“, № 108, 15 Мая 1909).

Художникъ-иллюстраторъ П. М. Боклевскій, его жизнь и творчество. Составилъ Конст. Кузьминскій. М. 1910. Бол. 8-ка, 132 стр. съ 4 автопортретами художника и многими рисунками.

Нѣсколько словъ о П. М. Боклевскомъ, выдающемся рисовальщикъ-бытовикъ, мы сказали уже въ „Русскомъ Архивѣ“ 1909 (кн. 10). Очень многое, даже все во славу ихъ творца, сказали карандашные рисунки, акварели и пастели, выставленные въ святочные дни минувшаго года въ одной изъ залъ Историческаго Музея; наконецъ, г. Кузьминскій разсказалъ подробно про жизнь и про творчество покойнаго мастера. Если на работѣ почтеннаго біографа замѣчается какъ-будто нѣкоторая торопливость, за то ей никакъ нельзя отказать въ захватывающей занимательности. Книга читается съ любопытствомъ отъ первой до послѣдней страницы, и благородный образъ талантливаго и трудолюбиваго художника мощно вырастаетъ передъ духовнымъ взоромъ читателя. 22 удачно воспроизведенныхъ рисунка Боклевскаго къ произведеніямъ Гоголя, Грибоѣдова, Достоевскаго, Лермонтова, Островскаго, Печерскаго (Мельникова), А. Толстого и Тургенева, и др., способствуя большому оживленію текста, даютъ основательное представленіе о силѣ и свойствахъ художественнаго дарованія П. М. Боклевскаго и, увы!—развѣчиваютъ многихъ *извѣстныхъ* иллюстраторовъ позднѣйшаго времени. Надо сказать, что они *контрвали* Боклевскаго. Что дѣлать, малыя планеты невольно займутъ свѣтъ у большого свѣтила.

Павель Россіевъ.

КЪ БІОГРАФІИ И. Е. ЗАБЪЛИНА.

(Архивная замѣтка).

31-го Декабря 1908 года умеръ въ Москвѣ товарищъ председателя Императорскаго Историческаго Музея д. т. с. Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ. Съ нимъ сошелъ въ могилу выдающійся знатокъ отечественной старины и бытописатель Московскаго царства.

Ученая дѣятельность Забѣлина не осталась безъ должной оцѣнки: получивъ высокій чинъ и высокое служебное положеніе, покойный историкъ-археологъ имѣлъ также дипломъ почетнаго доктора, и вотъ этотъ-то дипломъ, *doctoris honoris causa*, любопытенъ особенно въ томъ отношеніи, что школьное образованіе авторъ „Домашняго быта Русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII в.“ получилъ скудное. Но какъ нелегко было Забѣлину получить и это-то!

Вотъ архивныя доказательства, которыя, можетъ-быть, пригодятся будущему его биографу.

Въ Сентябрѣ 1829 г. вдова коллеж. секретаря Егора Степанов. Забѣлина, Авдотья Варлаамовна подала „его превосходительству г. д. с. с. Московскому гражданскому губернатору, камергеру и кавалеру, Николаю Андреевичу Небольсину „всепокорнѣйшее прошеніе“.

„Послѣ означеннаго мужа моего, Егора Забѣлина, остался при мнѣ законный нашъ сынъ Иванъ Егоровъ, имѣющій нынѣ отъ роду 8 лѣтъ, котораго я желаю по бѣдному моему состоянію опредѣлить въ училище, при Матросскомъ Богодѣленномъ домѣ учрежденное; для удостовѣренія-жъ о рожденіи и крещеніи его прилагаю при семъ взятое мною изъ Тверской Духовной Консисторіи свидѣтельство“ *).

„Ваше превосходительство всепокорнѣйше прошу, какъ вышеписанное учебное заведеніе состоить подъ непосредственнымъ вашимъ вѣдѣніемъ, сына моего Ивана Забѣлина въ оное помѣстить“.

Въ Сиротскомъ Училищѣ *не оказалось* мѣста для Ивана Забѣлина.

15 Октября 1832 года, т. е. по прошествіи трехъ лѣтъ, А. В. Забѣлина подала тому-же гражданскому губернатору вторично „всепокорнѣйшее прошеніе“ слѣдующаго содержанія: „По полученіи мною изъ Московскаго Губернскаго Правленія вдовьяго паспорта для прожитія въ Россіи съ сыномъ моимъ Иваномъ Егоровымъ Забѣлинымъ, даннаго 21 Октября 1829 года за № 102790, утруджала ваше превосходительство... объ опредѣленіи того сына моего по бѣдности въ какое-либо казенное училище, и при прошеніи представлены мною были, какъ паспортъ, такъ копія съ формулярнаго списка о службѣ мужа мо-

*) И. Е. Забѣлинъ родился въ Твери, 17 Сентября 1820.

его, Егора Степанова Забѣлина, выданныя изъ здѣшняго жь Губернскаго Правленія 24 Марта 1825 года за № 23685, да свидѣтельство о рожденіи и крещеніи сына изъ Тверской Духовной Консисторіи, и то мое прошеніе съ означенными приложеніями отъ вашего превосходительства сопровождено въ Московскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія, но токмо сынъ мой и до сего времени въ училище не помѣщенъ, чрезъ что претерпѣваю крайній недостатокъ. А потому ваше превосходительство вторично осмѣливаюсь просить вышеписаннаго сына моего Ивана Егорова Забѣлина въ казенное училище помѣстить и о томъ, кому слѣдуетъ, учинить начальническое предписаніе“.

Справка: „къ помѣщенію въ Сиротскомъ училищѣ мѣстовъ не имѣется“.

Приказали: „По неимѣнію въ Сиротскомъ училищѣ мѣстовъ, то въ приѣмъ сына ея, Забѣлиной отказать, а когда откроются вакансіи, тогда по старшинству послѣдовавшихъ прошеній къ помѣщенію доложить. 14 Ноября 1832.“

На этомъ „дѣло“ въ архивѣ Москов. Город. Управы кончается. Извѣстно, что въ 1832 г. Забѣлинъ все-таки былъ принятъ въ Преображенское Сиротское училище, которое и сдѣлалось альфой и омегой его „официальнаго“ образованія. Однако, сколько пережили и выстрадали мальчикъ-сирота и его бѣдная мать въ продолженіе слишкомъ трехъ лѣтъ!

Въ заключеніе сообщимъ: „Послужной списокъ коллеж. секрет. Егора Степанова Забѣлина, 32 лѣтъ. Происхожденія духовнаго. 5 Декабря 1811 г. поступилъ въ Тверскую Казенную Палату копіистомъ, 31 Декабря 1816—коллежскій регистраторъ; 15 Ноября 1821 изъ оной переведенъ во 2-ю временную для разбора и рѣшенія старыхъ дѣлъ при Московскомъ Губерн. Правленіи экспедицію и утвержденъ столоначальникомъ. По закрытіи 2-ой временной экспедиціи оставленъ на службѣ въ Московск. Губерн. Правленіи въ числѣ канцелярскихъ служителей коллежскимъ секретаремъ 31 Декабря 1831 (?). Женатъ на дочери титулярн. сов. Варлаама Овощникова Авдотѣ и имѣеть сыновей: Алексѣя 7 лѣтъ и Ивана 5 лѣтъ“.

(Сообщилъ Павелъ Россіевъ).

Примѣръ отца, занимавшагося старыми бумагами, могъ подѣйствовать на отрока-сына. Память матери своей Ивана Егоровичъ свято почиталъ и посѣщалъ ея могилу на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Возвращаясь къ себѣ на Третью Мѣщанскую, иногда посѣщалъ онъ меня на Ермолаевской Садовой. П. Б.

П О П Р А В К И:

Стр. 44, вмѣсто 1822 слѣдуетъ 1812 годъ.

Стр. 57, эпитафья: Castillejo—Кастильехо, а не Кастиллею.

Стр. 64, въ эпитафьяхъ: je n'ai pas oublié, а надо je n'ai pas oubliée.

Стр. 190, *Эмиранти* Торіакъ могъ быть офицеромъ *королевской*, а не императорской (Наполеоновой) арміи.

Стр. 222, Ansspengung, а не Anstrengung.

пожилая, кланялись же въ поясъ. За Наслѣдникомъ шель старшій его сынъ Александръ Павловичъ, мальчикъ лѣтъ 16-ти во Французскомъ кафтанѣ, съ тоненькою шажкой, ведя свою молодую супругу Елисавету Алексѣвну. Это были прелестныя высокаго роста дѣти-ангелы. За этими шель одинъ Константинъ Павловичъ, также во Французскомъ кафтанѣ и со шпагою. При концѣ Кавалергардской залы Императрица со своимъ любимцемъ направилась влѣво въ дверь къ своимъ комнатамъ, а Наслѣдникъ ея съ своей супругою поворотилъ вкрутъ на право въ дверь Тронной комнаты и тамъ пошелъ въ свои покои. За ними пошли и его сыновья. Скоро и поспѣшно пошелъ за ними и любимецъ Императрицы, проводивши ея въ ея комнаты. Покуда Императрица проходила Кавалергардскую взадъ съ своимъ, можно сказать, юношею-любимцемъ, рядомъ стоявшіе на пути ея старики генералы и другіе сановники со своими длинными косами, съ широкими вензелями между плечъ, въ поясъ кланялись ей, какъ какому божеству“.

„Она всегда брала съ собою въ карету своего флигель-адъютанта во всѣхъ своихъ путешествіяхъ. Такъ, однажды она пріѣхала съ Ланскимъ въ отстранявшійся Мраморный Дворецъ, для дара князю Орлову за его именно величайшія услуги и любовь. Тогда во дворцѣ этомъ окрашивались двери и еще не высохли. Императрица, нойдя по покоямъ, сняла съ себя черныя салоны и отдала Ланскому, который завернулъ въ него свои руки. Ихъ руководилъ по комнатамъ Естифеевъ, офицеръ Инженернаго Корпуса. Императрица видимо и внимательно неслась о Ланскомъ, спрашивала его, не холодно ли ему, на что тотъ ей отвѣчалъ, что ему тепло, показывая ея салоны, что онъ его грѣетъ. Потомъ онъ вздумалъ пощунать окрашенную дверь и, прикоснувшись къ ней рукою, разстроилъ ея лоснячій видъ. Тогда Императрица сказала Естифееву: „смо-

трите, поправьте, что это дитя испортило“.—При Александрѣ Н. Н. Муравьевъ былъ губернаторомъ въ Новгородѣ и затѣмъ статсъ-секретаремъ.

„Видя въ продолженіе семи лѣтъ вблизи и Императора, и Аракчеева, я находилъ, что Государь, не имѣя никакого довѣрія къ способности или дѣльности Аракчеева, даже и въ честности его сомнѣвался; но находилъ онъ его необходимымъ для его страстнаго предпріятія учредить въ огромнѣйшемъ видѣ военное поселеніе. Аракчеевъ былъ искренно противъ сего учрежденія, не по разсужденію, но по безразсудности своей. Онъ мнѣ, губернатору, въ этомъ признавался, сказывая, что онъ за это дѣло взялся только потому, что оно было страсть Государя и онъ могъ бы, за его отказомъ, возложить его на кого нибудь другого, между тѣмъ какъ онъ видѣлъ возможность навсегда отъ этого дѣла имѣть нѣкое владычество у Императора, въ чемъ дѣйствительно и успѣлъ, не переставая однакоже неусыпно и всецѣлко снискивать всѣми мелочами благоволеніе Государя, дабы не лишиться его милости и не ввергнуться въ ничтожество среди Имперіи, чего онъ отъменно страшился, видно отъ укорины совѣсти или отъ зависти его сердца, которой не было никакой мѣры. Онъ часто мнѣ, губернатору, совѣтовалъ стараться понравиться слабости Государя, стать ему пріятнымъ и „продавать ему свой товаръ лицомъ“. Онъ говаривалъ мнѣ всегда: водись съ нимъ, но камень за пазухой держи; когда сдѣлаешься ему необходимымъ, тогда только и будешь ему любимымъ“.

Благодаря издателей за обнародованіе Записокъ ихъ дѣда, позволимъ себѣ обратить вниманіе читателей на приложенные ко 2-му выпуску рисунки, на одномъ изъ которыхъ изображено, какъ вольнолюбивые Новгородцы топятъ въ Волховѣ Стригольниковъ:

Свободныхъ мыслей коноводы
Восточнымъ деспотамъ еродни!

П. Б.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1910 года.

(Годъ 48-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1910 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ерма-лаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ). Въ Петербургѣ, Нев-скій, 40. Въ Конторѣ „Новаго Времени“.

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются
по удешевленной цѣнѣ прежнія годовыя изданія его.

(Главныя статьи означены).

1904.

Письма К. Я. Булгакова къ брату.—Дневникъ И. М. Снегирева.—Н. О. Оедоровъ, статьи В. А. Кожевникова.—Принцесса Виртембергская Зельмира.—Очерки моей жизни Г. П. Алексацдрова.—Воспоминанія кн. В. И. Барятинскаго.—Изъ Ольденбургскаго великогерцогскаго архива: тайныя извѣстія о Россіи 1727 и 1728 гг.—Черты изъ домашней жизни имп. Анны.—Архим. Макарій и Тобольскіе декабристы.—Воспоминанія О. А. Гилярова.—Мать Екатерины Великой.

1905.

Дневникъ И. М. Снегирева.—Двѣ Калмычки.—Записки графовъ Нессельроде.—Письма А. О. Тютчевой о кончинѣ цесаревича Николая.—Письма П. В. Киреевскаго.—А. О. Смирнова. Хозяйственныя записки И. В. Пупечникова.—У Французовъ въ Московскомъ плѣну.

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхгольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части. 3 р. 50 к.

ЗАПИСКИ Дюка Лирійскаго о пребываніи его въ Россіи при Петрѣ II-мъ. Цѣна 75 к.

ДНЕВНИКЪ Храповицкаго. 1783—1793. Цѣна 2 р.

ВОСПОМИНАНІЯ Г. И. Филипсона 361 стр. Цѣна 2 р.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

1906.

Разказы В. И. Анненковой.—Н. П. Боголѣповъ. Его записки.—Императоръ Александръ Третій: рѣчь о немъ К. П. Побѣдоносцева.—Записки архіеп. Никанора.—Государственное засѣданіе 8 Марта 1881 г.—Изъ воспоминаній митрополита Филарета.

1907.

Екатерининская книга для народныхъ училищ.—Мои бредни (Записки А. П. Хвостовой).—Записки К. Д. Хлѣбникова.—Японія, записка іеромонаха Николая.—Дѣло царевича Алексѣя Петровича по извѣстіямъ Голландца Де-Біа.—Воцареніе Петра Третьяго по разказамъ Екатерины Второй.—Воспоминанія А. П. Салтыковой.—Первыя недѣли царствованія Александра III. (письма К. П. Побѣдоносцева къ Е. О. Тютчевой).—Пять лѣтъ въ Россіи при Екатеринѣ Великой, Записки графа Сегюра. (Полное изданіе).

СОРОКЪ ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1910

4.

Стр.

- 481.** Изъ писемъ императора Николая Павловича къ князю И. Ѳ. Паскевичу.
- 514.** Воспоминанія Севастопольскаго ветерана. **Русанова.**
- 566.** Изъ бумагъ Я. И. Берединова: Незданное письмо Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой, переписка Я. И. Берединова съ А. Н. Майковымъ. Стихи Я. И. Берединова. Сообщилъ И. П. Мордвиновъ.
- 569.** Испанскій инсургентъ, сынъ Гатчинскаго генерала. Статья А. А. Голомбевскаго.
- 585.** Письма И. С. Тургенева къ И. П. Борису (1858—1871).
- 623.** Письма М. Д. Снобелева къ К. П. Фонтъ-Кауфману 1877.
- 629.** Французы-Кальвинисты въ Россіи. Статья Ф. И. Тастевена.
- 645.** Троицкое сидѣнье. 1608—1610. Статья А. П. И.
- 653.** Неизвѣстное введеніе къ поэмѣ «Демонъ». А. С.
- 655.** О монастырскомъ земельномъ владѣніи.
Внутри обложки: О рукописяхъ Пушкина.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1910.

РУКОПИСИ ПУШКИНА.

По поводу статьи „Много-страдальныя рукописи“ (Голосъ Москвы № 108 и „Русскій Архивъ“ сего года стр. 476).

Мы перепечатали эту статью, такъ какъ она обнаружила въ авторѣ близкое знакомство съ Пушкинымъ, изучателямъ котораго приходилось бы отыскивать ее въ летучихъ листкахъ газеты. Къ тому же можно сдѣлать къ ней нѣкоторыя поправки и дополненія.

Авторъ, г-нъ Ю. М., напрасно восхваляетъ П. В. Анненкова, говоря о сбереженіи Пушкинскихъ рукописей: извѣстно, что онъ до того относился къ нимъ небрежно, что одинъ молодой изыскатель нашель у него въ Симбирской его деревнѣ, въ сараѣ, нѣсколько Пушкинскихъ листовъ. Анненковъ виновать передъ памятью Пушкина: онъ за безцѣнокъ приобрѣлъ право на изданіе сочиненій Пушкина и могъ выпустить ихъ въ свѣтъ полнѣе, чѣмъ кто другой, пользуясь тѣмъ, что братъ его былъ членомъ страшнаго цензурнаго комитета, давившаго Русскую печать въ послѣдніе годы Николаевского царствованія; по распоряженію же другого его брата, Нижегородскаго губернатора, полицейскіе навязывали приѣзжавшимъ на ярмарку (Персіянамъ, Армянамъ и пр.) билеты для полученія сочиненій Пушкина и вимали за каждый по двѣнадцати рублей, что такъ возмущало В. И. Дали, бывшаго председателемъ Нижегородской Удѣльной Конторы. Когда печатались въ Московскихъ Вѣдомостяхъ мои статьи о Пушкинѣ, изъ Петербурга пришло въ Московскій Цензурный Комитетъ запрещеніе продолжать ихъ печатаніе, такъ какъ онѣ могутъ повредить сбыту Анненковскаго изданія. Я жаловался на то Т. Н. Грановскому, и онъ заступался за меня въ письмахъ въ Петер-

бургъ. Вспоминаются стихи Некрасова о пресловутомъ критикѣ: „И только къ собственному брюху онъ уваженіе имѣлъ“.

Владѣлецъ рукописей, старшій сынъ Пушкина Александръ Александровичъ, зимою 1880 года, вознамѣрился пожертвовать эти рукописи Румянцовскому Музею и согласился на просьбу С. А. Юрѣва (который въ то время былъ председателемъ Общества Любителей Русской словесности при Московскомъ Университетѣ) предварительно позволить ими воспользоваться для предстоящей выставки во дни торжествъ по поводу открытія памятника Пушкину. Общество поручило мнѣ принять эти рукописи, для чего и ѣздилъ я въ Апрѣлѣ 1880 года въ Козловъ, гдѣ тогда стоялъ Нарвскій гусарскій полкъ, коего командиромъ былъ Александръ Александровичъ. вмѣстѣ съ рукописями получилъ я и привезъ въ Москву позволеніе напечатать въ „Русскомъ Архивѣ“ то изъ рукописей, что еще не было обнародовано. Когда я началъ это печатаніе, ко мнѣ явился книгопродавецъ Анскій, наслѣдникъ Салаева, который перекупилъ у Петербургскаго книгопродавца Исакова право на изданіе сочиненій Пушкина. Анскій предъявилъ мнѣ купчую крѣпость, коею предоставлено Исакову печатать и всѣ дотолѣ не изданныя произведенія Пушкина. Такимъ образомъ мнѣ пришлось входить въ денежную сдѣлку, и по скудости средствъ „Русскаго Архива“ я долженъ былъ печатать только самое цѣнное. Оказалась неизданною цѣлая глава „Капитанской Дочки“, и разумѣется многія изданія ее перепечатали. Одинъ только М. П. Катковъ, узнавъ о моихъ уплатахъ, предложилъ мнѣ за перепечатку въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ принять участіе въ платежѣ.

Изъ писемъ императора Николая Павловича къ князю М. В. Паскевичу. *)

С.-Петербургъ.

13-го (25-го) Февраля 1841 г.

Странная мѣра, принятая королемъ Прусскимъ на счетъ разрѣшенія католическому духовенству прямыхъ сношеній съ папой, должна возродить разныя новыя затрудненія, но не заставитъ меня отказаться отъ моей рѣшимости никогда сего у насъ не допускать. Свѣдѣнія изъ старой Пруссіи самыя неудовлетворительныя, не только здѣсь, но и въ Берлинѣ, и не понимаю, какъ король, знающій всю фальшивость г. Шена, все терпитъ его тамъ именно, гдѣ существующій вредъ ему приписывать должно. О распространеніи Славянской и Польской каедръ въ Прусскихъ университетахъ мнѣ не было еще извѣстно; это работа пропаганды. Тѣмъ необходимѣе введеніе Славянскаго языка въ Польшѣ, и вообще твердый надзоръ за направленіемъ ученія. Литва худа была и будетъ, это натуральное послѣдствіе дурного управленія; съ терпѣніемъ, твердостью и постоянствомъ мѣрѣ надѣюсь, что съ помощію Божіею одолѣемъ это зло. Жаль, что и въ Галиціи плохо; пора бы имъ открыть глаза на бездну, въ которую неминуемо ввергнутся, ежели во-время не очнутся.

*

С.-Петербургъ.

18-го (30-го) Марта 1841 г.

Извѣстія происходящаго въ восточной Пруссіи и въ Познани крайне огорчительны и естественно должны имѣть отголосокъ въ Царствѣ. Не могу постигнуть цѣли короля—къ чему это поведетъ? Слава Богу, въ Англій дѣло наше кончено, какъ я хотѣлъ, т. е. принудили и Французовъ подписать актъ о закрытіи Дарданелль, кромѣ свободнаго по прежнему прохода нашихъ Черноморскихъ судовъ въ Архи-

*) См. выше, стр. 321.

пелагъ. Полагаю, что въ Краковѣ кончится новыми глупостями. Велѣлъ тебѣ написать о перемѣнѣ названія Краковской губерніи, которое считаю неприличнымъ. Наконецъ получено папское утвержденіе митрополиту Павловскому. Напиши мнѣ, кого изъ епископовъ Польскихъ можно-бъ было первыхъ сюда призвать для назначенія членами католической коллегіи? Что дѣлаетъ нашъ уніятской епископъ? Вчера получилъ я твое донесеніе по телеграфу въ часъ и 25 минутъ: очень скоро!

5-го (17-го) Апрѣля 1841 г.

С.-Петербургъ.

Присылку одного изъ двухъ епископовъ считаю дѣломъ величайшей пользы; выборъ же лицъ предоставляю тебѣ, но желательно, чтобъ хотя одинъ былъ настоящій епископъ. Согласія ихъ не нужно: надо имъ объявить мое приказаніе, ежели моего приглашенія имъ мало. Когда же сюда будутъ, тогда просто назначу ихъ членами духовной коллегіи. Этимъ положу начало; позднѣе рѣшимъ, какъ дѣла духовныя Польши относить сюда; но это независимо отъ одной мѣры присутствія въ коллегіи, чтò только ознакомитъ ихъ съ порядкомъ дѣлъ у насъ. Пусть унитскій епископъ корчится, мы все-таки на своемъ поставимъ, хотя и позже. Записки о происходящемъ въ Галиціи очень любопытны; оно намъ къ добру. Къ несчастію, чтò дѣлается въ Познани и вообще въ Пруссіи крайне жаль и будетъ имѣть жестокия послѣдствія. Я рѣшился официально протестовать противъ дѣлаемаго въ Познани; жду отвѣта. Здѣсь все хорошо; съ Пасхи начались ученья на площади, и покуда я отмѣнно доволенъ. Одно меня сокрушаетъ, это огромная болѣзненность и повсемѣстная смертность; въ Москвѣ не знаемъ, чтò дѣлать! Здѣсь все тихо, вчера рѣзка вскрылась. Готовимся 16-го (28-го) къ свадьбѣ; на этотъ случай сдѣлай какія-нибудь милости въ краѣ.

С.-Петербургъ.

24-го Апрѣля (6-го Мая) 1841 г.

Сколько мнѣ ни прискорбно было тебя здѣсь не видѣть, мой любезный отецъ-командиръ, въ столь важную для насъ всѣхъ минуту, столько же побуждаюсь благодарить тебя, что уступилъ моей просьбѣ и воротился. Не могу довольно тебѣ выразить, сколь нездоровье твое меня сокрушаетъ; ты, мой отецъ-командиръ, мало бережешься и забываешь, какой важности твое сохраненіе для государства! Надѣюсь на милость Божию, что здоровье твое не замедлитъ возстановиться столько, чтобъ предпринять было можно поѣздку къ водамъ, куда тебѣ необходимо ѣхать. Прошу и требую, чтобъ ты исполнилъ, чтò доктора

велятъ. Митрополитъ Павловскій приглашаетъ сюда для посвященія новаго епископа, двухъ изъ Царства; это славно! Когда они сюда придутъ, я ихъ назначу членами коллегіи, и такимъ образомъ, ничего не говоря, положится первое начало единства управленія. Дѣла политическія въ прежнемъ видѣ; сношенія съ Англіей самыя дружескія; кажется дѣло Египетское идетъ къ концу и было-бъ кончено, ежели-бъ Турецкій султанъ самъ не надурачилъ, сдѣлавъ требованія невозможныя въ исполненіи. Здѣсь все тихо; праздники слѣдуютъ одни за другими и весьма блестящи, но я отъ нихъ усталъ. Во Вторникъ назначенъ обычный смотръ гвардіи. II. Вильгельмъ Прусскій нѣсколько успокоилъ насъ на счетъ дѣлъ у нихъ, но ни самъ не убѣжденъ, ни меня не убѣдилъ, чтобъ вздору не вышло. Скоро должна выйти заключительная грамота короля, отъ нея много зависѣтъ будетъ. Будь она твердая и рѣшительная, на долго все затихнетъ; въ противномъ случаѣ, по моему, быть бѣдѣ!

*

Царское Село.

6-ю (18-ю) Мая 1841 г.

Жду, чтѣ мнѣ напишешь про епископовъ; мы съ папой въ большихъ ладахъ, и вчера онъ написалъ мнѣ премилое письмо. Я надѣюсь, что и впредь дѣло пойдетъ ладно; то, чтѣ онъ написалъ Гутковскому, очень хорошо; посмотримъ—послушается ли? Отказъ вѣнчать браки ничего другого не произведетъ, какъ то, что бракъ, совершенный нашими священниками, долженъ быть почитаемъ законнымъ и достаточнымъ въ судахъ. Въ Пруссіи жду чтѣ будетъ; желаю добра, но не надѣюсь. Сегодня ночью пускаюсь съ Богомъ въ путь. Надѣюсь быть назадъ къ 26-му Мая (7-го Іюня).

*

Александрія, близъ Петергофа.

8-ю Іюня 1841 г.

Все было-бъ хорошо, ежели бы ты былъ здоровъ, но какъ то, что ты самъ мнѣ пишешь, такъ и то, что узналъ отъ возвратившагося ф.-а. Пашкова, меня крайне беспокоитъ, тѣмъ болѣе, что не добьюсь знать, чтѣ ты дѣлать намѣренъ, чтобъ поправиться. Умоляю тебя именемъ дружбы нашей, не пренебрегай здоровьемъ. Тебѣ надо ѣхать на воды, не откладывая сего, я прошу и требую, чтобы ты, по совѣту докторовъ, ѣхалъ, куда велятъ. Ты слишкомъ забываешь—чтѣ ты для отечества! И, воля твоя, готовъ тебя за это побранить, ибо ты грѣшишь передъ Богомъ, передъ отечествомъ и передъ мною; тебѣ должно о себѣ думать. Лѣто стоитъ прекрасное, самое удобное для леченій, надо тебѣ имъ воспользоваться; не теряй время. Ожидаю съ будущимъ

фельдъегеремъ извѣщенія, когда и куда ѣдешь. Больно мнѣ было слышать, что и Горчаковъ слабо поправляется; его тоже надо купать или поить; я этого требую. Благодарю за присылку епископовъ, мы ихъ угостимъ и приласкаемъ, а прочее послѣ. Въ политикѣ, кромѣ близкаго паденія Англинскаго министерства, возобновленія военныхъ ихъ дѣйствій съ Китайцами и продолжающихся ссоръ съ Персією, другого ничего не знаю. Здѣсь все тихо и хорошо. Погода самая благодатная; извѣстія изънутри очень хорошія. Дѣла на Кавказѣ получили хорошее начало; на правомъ флангѣ Черноморской линіи Джигеты и часть Убыховъ до 3 т. дворовъ сами вдругъ поддались и выдали аманатовъ, что тамъ дѣла наши подало на годъ впередъ. На лѣвомъ флангѣ было удачное дѣло съ Шамилемъ на Хубаринской позиціи, послѣ чего Чиркей занять безъ боя, что очень важно. Головинъ остался тамъ, чтобы устроить крѣпость, а Граббе пошелъ въ Чечню. Завтра жду сестру Марію Павловну, а черезъ недѣлю намѣрены начать маневры для вступленія въ лагерь.

*

С.-Петербургъ.

22-го Юля (4-го Юля) 1841 г.

Епископы прибыли; сегодня должно было быть посвященіе новыхъ; я ихъ еще не видалъ, но слышу, что они очень довольны; на-дняхъ ихъ увижу. Войсками на маневрахъ я былъ очень доволенъ, хотя начальники надѣлали много ошибокъ. Новаго ничего нѣтъ, кромѣ извѣстія, что Мегеметъ-Али наконецъ принялъ всѣ предложенія Порты, но на долго ли? Кажется, дѣло въ Критѣ тоже гораздо важнѣе, чѣмъ полагали съ начала. Это новая затѣя пропаганды, для поддержанія зародыша безпорядковъ въ Архипелагѣ; и дуракъ Греческій король, кажется, здѣсь впутался. Тутъ хорошаго я не предвижу.

*

Петергофъ.

8-го (20-го) Августа 1841 г.

Отъѣздъ мой замедлился за сестрой, отложившей свой до 12-го (24-го) Августа, но я надѣюсь 20-го Августа (1-го Сентября) непременно выѣхать, какъ далъ знать тебѣ телеграфомъ. Сейчасъ получилъ я твою телеграфическую депешу о побѣгѣ съ оружіемъ 80 человекъ въ Пруссію! Неслыханное и срамовское дѣло; ежели оно справедливо, то надо ихъ судить по полевому уголовному положенію и приговоръ исполнить по твоemu утверженію. Но я все надѣюсь, что слухъ этотъ ложный и не спутали ли съ другимъ столь же неприятнымъ, хотя не постыднымъ, о которомъ сегодня утромъ получилъ донесеніе; а именно, что было у поста, расположеннаго по Прусской границѣ, дѣло съ контрабандирами, при чемъ нашъ офицеръ взятъ и уведенъ въ плѣнъ,

о чемъ уже и сдѣлано формальное сношеніе съ нашими комиссарами. Все это требуетъ подробнаго и скорого изслѣдованія и донесенія.

*

Царское Село.

13-го (25-го) Сентября 1841 г.

Прибывъ сюда третьяго дня вечеромъ, въ 11 часовъ и совершивъ путь въ два дня и 20 часовъ, по телеграфу узналъ я, что, благодаря Бога, тебѣ нѣсколько лучше, мой любезный отецъ-командиръ, и что лихорадка не возобновлялась. Молю душевно Бога, чтобъ приключеніе съ тобой не имѣло дурныхъ послѣдствій; это одно испортило мнѣ пріятность моего пребыванія сего года въ Варшавѣ. Здѣсь все нашель я въ порядкѣ. Дорѳгой получилъ прилагаемыя бумаги отъ Вронченки, въ отвѣтъ на записку о займѣ. Чтѣ я предвидѣлъ, то и сбылось, и мудрено будетъ дѣло сладить; первую официальную записку показать можешь Фурману; вторую же, писанную рукой Вронченки, прошу держать *про себя* и прислать мнѣ обратно; я ее присылаю *тебѣ*, чтобы сдѣлать яснымъ положеніе вещей. Ежели и за симъ дѣло нужно объяснить, то надо будетъ прислать сюда Фурмана для личныхъ съ нимъ соглашеній. По несчастію, свѣдѣнія объ урожаѣ плохи; въ Саратовской губерніи голо и скотскій падежъ; цѣны вновь сильно повышаются. Все это тяжело; не знаю, какъ вывернемся.

*

Царское Село.

22-го Сентября (2-го Октября) 1841 г.

Мы съ тобой совершенно одинако судимъ о дѣлахъ во Франціи. Революціонный характеръ послѣднихъ происшествій весьма различенъ отъ прежнихъ и болѣе похожъ на сцены 1792 года; но я нахожу, что это большое счастье для всѣхъ, ибо не можетъ не открытъ глазъ объ ожидаемой будущности, ежели не всѣми силами и *вездѣ* противустать противъ этого діавольскаго духа, который иначе все ниспровергнетъ. И у насъ происшествіе въ Лифляндіи и начинающееся въ твоихъ Гомельскихъ имѣніяхъ и ихъ окрестностяхъ—есть важныя событія. указывающія на какое-то глухое броженіе умовъ и на тайную работу, на глупый народъ, но весьма хитро и адски соображенную, противъ которой во-время направить должно всѣ усилія. Послѣдній Ковенскаго госпиталя рапортъ меня ужаснулъ: изъ 500 больныхъ, тамъ оставленныхъ, умерло въ недѣлю болѣе 70 человѣкъ! Это ужасно, и я посылаю нарочнаго доктора и моего ф.-адъютанта произвести слѣдствіе; страшно и подумать! А для меня тѣмъ болѣе горестно, что я не могу не приписать сего нѣкоторымъ образомъ самому себѣ, позднеимъ прибытіемъ въ Ковно, долго задержавшимъ войско въ лагерь.

С.-Петербургъ.

*

26-ю Ноября (8 Декабря) 1841 г.

Какъ подумаю, какъ давно я тебѣ не писалъ, мой любезный отецъ-командиръ, такъ мнѣ стыдно дѣлается: но вотъ какъ дѣло было: получивъ отъ тебя бумаги по займу, я въ тотъ же день ихъ послалъ къ Вронченкѣ, который, ожидая скорого прибытія Фурмана, хотѣлъ прежде съ нимъ увидѣться и объясниться, чѣмъ дать мнѣ рѣшительный отвѣтъ. Въ это время воротился министръ финансовъ, который и вошелъ опять въ управленіе министерствомъ, съ чѣмъ вмѣстѣ все дѣло перешло къ нему. Прежде чѣмъ онъ вникъ въ дѣло, бывъ всегда противъ сихъ займовъ, снова прошло время, и наконецъ на сихъ дняхъ должно было разсматриваться въ комитетѣ финансовъ. Къ этому присоединилось и другое дѣло, снятіе таможенъ по внутреннимъ границамъ и переводъ стражи на внѣшнюю границу Царства. Предметъ сей считая всегда первѣйшей важности, даже въ политическомъ отношеніи, старался не безъ труда уломать министра финансовъ въ пользу его; теперь онъ симъ занимается. Все это требовало гораздо болѣе времени, чѣмъ я полагалъ, и, желавъ тебѣ дать рѣшительный отвѣтъ, откладывалъ со дня на день, ожидая рѣшенія, но покуда тщетно, хотя надѣюсь, что на-дняхъ кончится. Между тѣмъ я сдѣлался виноватымъ предъ тобой, въ чемъ прошу извиненія. Вчера видалъ я прибывшихъ епископовъ, которые оба, кажется, весьма въ хорошемъ расположеніи и довольны тѣмъ, что видѣли. И такъ, монументъ нашъ открытъ, и симъ положено окончаніе сраму 1830 и 1831 годовъ и воздана честь тѣмъ однимъ, которые успѣли остаться вѣрными, заплативъ за сіе жизнию. Нашъ предметъ исполненъ, а что оно произвело въ краѣ— другое дѣло; не вѣрю на ихъ исправленіе. Ежели справедливъ слухъ о происходившемъ въ Познани, то это неслыханное сумашествіе; я велѣлъ Мейндорфу узнать, такъ ли это было. Въ политикѣ новаго ничего нѣтъ. Сношенія наши съ Англіей очень дружны; кажется, что послѣднія происшествія въ Гишпаніи еще болѣе охладили дружбу Англіи съ Франціей, ибо L. Phylippe въ этихъ гнусныхъ сплетняхъ сдѣлался въ Англіи извѣстнымъ, пора было! Наши дѣла на Кавказѣ не всѣ еще кончены; на Лабѣ линія значительно подвинута къ концу; на Сунжѣ устроено прочное начало къ новой линіи, и обѣ начали заселяться станицами. Но въ Аваріи и въ большой Чечнѣ дѣла по прежнему, и вліяніе Шамиля ничуть не убавилось. Анрепъ началъ хорошо, но не имѣю давно отъ него извѣстій. Будущій годъ, а можетъ быть еще нѣсколько, пройдетъ въ усиліяхъ къ упроченію нашего владычества. Все это поглощаетъ людей и деньги! И послѣдній пред-

меть очень меня заботитъ, ибо лишнихъ денегъ далеко нѣтъ, и нынѣшняя смѣта также затрудняетъ, какъ и прошлая.

С.-Петербургъ.

16-го (28-го) Декабря 1841 г.

Канкринъ очень боленъ, и потому все стоитъ. Въ политикѣ новаго не знаю. Поѣздка короля Прусскаго въ Лондонъ всѣхъ занимаетъ; предмета тайнаго не постигну, не смотря на всѣ слухи: а то знаю, что мудро ему будетъ, проѣзжая чрезъ Францію и Бельгію, не видѣть или L. Phylippe, или Леопольда, а зачѣмъ? И не жаль ли? Ничего не понимаю.

С.-Петербургъ.

5-го (17-го) Января 1842 г.

Искренно благодарю тебя, мой любезный отецъ-командиръ, за письмо твое отъ 27-го Декабря (8-го Января) и за предложенія о нѣкоторыхъ сбереженіяхъ по армія. На многія я охотно согласился, но на уничтоженіе въ мирное время бригадныхъ командировъ не могу дать согласія, ибо всякая перемѣна въ начальствѣ предъ открытіемъ кампаніи, не говоря уже о другихъ невыгодахъ предлагаемой мѣры, влечетъ за собой важныя неудобства. Но я полагаю, что можно сдѣлать и другія еще сбереженія по арміи, именно по штабу и по интендантству, о чемъ прошу настоятельно. При томъ не вижу достаточно уважительной причины, чтобъ войска въ Царствѣ получали увеличенный окладъ жалованья, ибо разницы въ Царствѣ на цѣны съ существующими въ Имперіи не таковы, чтобъ вынуждали къ сему, но издержка отъ сего огромна. Мнѣ кажется, что удобнымъ временемъ для отмѣны сего правила было время смѣны 1-го корпуса 2-мъ, имѣющимъ сею осенью вступить въ Царство. Такимъ образомъ со вступленіемъ его въ Царство онъ бы остался на обыкновенномъ содержаніи, а 1-й корпусъ сохранилъ бы нынѣ получаемое до вступленія. За симъ осталось бы только отмѣнить оное тогда же мѣстнымъ войскамъ, т. е. штабамъ, интендантству, комендантамъ и проч. сапернымъ и гарниз. бат. и артил. ротамъ и инвалидамъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ нѣтъ затрудненія, но мѣра сія справелива. Не считаешь ли тоже полезнымъ мусульманскій полкъ впредъ не вводить въ Царство, а оставить или въ Москвѣ, или здѣсь у меня, дабы они болѣе обучались и знакомились съ нашими, а не съ Польскими обычаями, и кромѣ того содержаніе ихъ здѣсь будетъ дешевле? Донскія 4 бат. поставимъ или подъ Кіевомъ, или въ Меджебожѣ, вмѣстѣ съ конной артил. легкой кавал. дивизіей, въ Кіевскомъ поселеніи стоящей, подчинивъ ее начальнику артиллеріи сводн. кавал. корпуса, но подъ повѣркой Гилленшмита.

По полученнымъ достовѣрнымъ свѣдѣнїямъ извѣстїе, будто въ Познани воздвигаютъ памятникъ Нѣмцевичу, оказалось ложнымъ; равно какъ и прибытіе туда Р. Солтыка. Прусское правительство сообщило намъ данную графу Арниму инструкцію, которая очень здраво обдумана. Мысль твоя о заселеніи Лабинской линїи уже исполняется, и симъ лѣтомъ поселены 4 станицы; по Сунжѣ начнется въ наступающемъ лѣтѣ, но все дорого стоитъ, а необходимо, что я вполне думаю. Жду Туркуля съ плодами вашихъ трудовъ; Старынкевичъ человекъ очень полезный. Радъ очень, что Горчакову получше и что, кончивъ работу, поѣхалъ; ему серьезное леченіе необходимо. Конченное дѣло объ устройствѣ положенія большой дѣйствующей арміи ждалъ я съ нетерпѣнїемъ.

*

С.-Петербургъ.

19-го Апрѣля (1-го Мая) 1812 г.

Свѣдѣнїя, которыя сообщаешь о слухахъ въ Пруссїи, могутъ дѣйствительно происходить отъ безмысленныхъ и дерзкихъ статей въ Кенигсбергской газетѣ: ежели это продлится, то необходимо будетъ принять строгія мѣры. Что касается до побѣговъ, то я всегда полагалъ, что они происходятъ или отъ дурного призора, или обхожденїя съ людьми, или отъ недостаточнаго внушенїя долга присяги священниками и ближайшимъ начальствомъ. Побѣги же за границу необходимо гораздо строже наказывать, и именно подводя подъ наказанїе какъ за третій побѣгъ дома; но ежели уйдетъ съ оружіемъ, то какъ за пятый побѣгъ; приведи сіе въ исполненїе, ежели согласенъ со мной. Отставка министра Рохау должна опечалить всѣхъ благомыслящихъ и желающихъ добра Пруссїи, ибо человекъ сей, при отличныхъ правилахъ, былъ лично привязанъ къ королю и образомъ мыслей былъ главою партїи, не желающей переменъ; что теперь будетъ, право не знаю, не смотря на всѣ мои убѣжденїя въ чистотѣ и правотѣ намѣренїй короля. Жаль! Здѣсь новаго ничего. Анрепъ продолжаетъ дѣйствовать отлично; покорность Убуховъ со дня на день утверждается, и ежели Богъ благословитъ, то дѣло пойдетъ хорошо. Но въ Дагестанѣ не то: туда проникъ Шамиль въ Казы-Кумыки, что удалось измѣной; теперь все зависѣтъ будетъ отъ дѣйствїй Граббе. Отъ Чернышева ничего не имѣю. Сокрушаетъ меня смертность въ Варшавскомъ воен. госпиталѣ, которая все непомѣрна съ прочими госпиталями и самая значительная послѣ Оеодоссійскаго; какъ бы этому помочь? Н.

*

Царское Село.

26-го Мая (7-го Юня) 1812 года.

Пора было уніатскому епископу прїйти въ разумъ и быть тихимъ; одного этого и просимъ, а прочее само придетъ, когда время наста-

нетъ. Раздѣлю мнѣніе твое, что Гутковскому можно дозволить жить въ Лембергѣ, лучше чѣмъ въ Римѣ, гдѣ онъ интриговать можетъ; однако и въ Лембергѣ не полагаю, чтобъ онъ остался спокоенъ и не искалъ бы вліянія на старую свою епархію: надзоръ все нуженъ. Касательно побѣговъ въ Пруссію я чрезъ Рауха жаловался на дѣйствія ихъ полиціи. Онъ спрашивалъ меня, наблюдается ли всегда у насъ давать знать на границу о случившихся побѣгахъ, на что я ему отвѣта дать не могъ, не зная, какъ въ сихъ случаяхъ поступается. Нѣтъ сомнѣнія, что во время рекрутскаго набора много вновь бѣжитъ; но какъ за бѣглыхъ должно брать другихъ въ рекруты, то полагаю, что симъ сами Поляки строго наблюдать будутъ, чтобъ ихъ рекруты не могли укрыться. Во всякомъ случаѣ, ежели деревни или мѣста въ Пруссіи, гдѣ дается бѣглымъ укрывательство, намъ извѣстны, то слѣдуетъ о семъ извѣщать пограничныя власти. Ежели насъ меньше ругаютъ въ Прусскихъ газетахъ, то это, я полагаю, развѣ на время, а потомъ по прежнему. Чернышевъ пишетъ мнѣ, что весьма доволенъ осмотромъ войскъ, но что по гражданскимъ учрежденіямъ и въ особенности въ исполненіи многое предстоитъ къ совершенному измѣненію, и что онъ теперь только убѣдился, что я правъ былъ, когда ему твердилъ, что, не видавъ сего края, нѣтъ никакой возможности судить о немъ и еще менѣе хотѣтъ примѣнять къ нему теоретическія правила, на практикѣ невозможныя. Граббе теперь долженъ быть въ дѣйствіи, но не имѣю еще объ томъ донесеній; у Анрепа же отрядъ пошелъ въ походъ, и покуда безъ важнаго сопротивленія. Ждемъ на-дняхъ сестру жены съ мужемъ; потомъ принца Прусскаго, за нимъ короля, потомъ герцога Нассаускаго съ братомъ и моего племянника, младшаго сына Анны Павловны; такъ что скоро придется мнѣ пѣть: *Княже людскія собрался... охъ тихъ-тихъ-тихъ-ти!*

Чтò видѣлъ войскъ, все къ полному моему удовольствію; но засуха страшная меня пугаетъ; впрочемъ, съ Юга извѣстія лучше. Н.

Царское Село.

*

25-го Августа 1842 г.

Благодарю тебя, мой любезный отецъ-командиръ, за поздравленіе съ новорожденною; благодаря Бога все прошло и идетъ хорошо, и наша молодая родильница оказала неимовѣрную смѣлость, твердость и терпѣніе: не только ни разу не крикнула, но даже не жаловалась и не стонала, словомъ, всѣхъ изумила! *)

*) Это было рожденіе великой княжны Александры Александровны. Она умерла отроковицею.

Что мнѣ пишешь про состояніе 6-й дивизіи, мнѣ очень пріятно; каково-то съ больными и съ бѣглыми? Пруссія дала мнѣ знать, что опять продолжаетъ картель, я благодарю и *не принимаю*, доколь не заставлю ихъ признаться, что они лгали, настаивая объ мнимой тягости сего положенія для восточной Пруссіи и напротивъ умолять меня не будутъ согласиться вновь его принять. Иначе съ ними не сладишь, какъ такъ. Но напиши мнѣ, что дѣлается съ побѣгами въ войскахъ, и подѣйствовалъ ли послѣдній указъ на конскриптовъ? Рѣчь папы исполнена лжи и несправедливостей, я не намѣренъ на нее отвѣчать, ибо не хочу начинать съ нимъ явной ссоры; но велѣлъ сказать, что подобное дѣйствіе не только не облегчаетъ успѣха дѣлъ, но ставитъ меня въ невозможность слѣдовать влеченію моему ко благу католической церкви. Были у меня пріѣхавшіе епископы, кажется, *дрань*; былъ и *Лидике*; онъ точно похожъ на Іезуита, но умная штука; онъ при епископахъ тоже говорилъ, что рѣчь папы исполнена несправедливостей. Здѣсь, не знаю съ чего, думаютъ, что онъ *тайный агентъ* папы; пусть такъ, и пусть передастъ мои слова! Странно, что послѣ сей рѣчи папа такъ легко согласился на посвященіе Тераскевича, я этого не ожидалъ. Вліяніе на католиковъ рѣчь не могла не произвести; но все это рушится объ твердость нашихъ правилъ и мѣръ, которыхъ вѣрно я не измѣню. Отъѣздъ мой положенъ съ Божіею помощію, въ ночь на 1-е (13-е) Сентября; въ Ивангородъ полагаю быть 25-го числа утромъ, а на ночь въ Варшаву. Пріятно мнѣ будетъ найти тамъ 2-ю легкую дивизію, ежели не будетъ сопряжено съ особыми затрудненіями. Жалю объ Раутенштраухъ, онъ былъ человѣкъ полезный. Раздѣленіе порученныхъ ему дѣлъ я утверждаю.

*

Гатчина.

21-ю Октября (2-ю Ноября) 1842 г.

Раздѣляю твое мнѣніе, что ежели-бъ могла секта аббата Шателя распространиться на всѣхъ католиковъ, то сіе было-бъ счастливымъ событіемъ. Но, къ несчастію, многіе, ежели не большая часть католиковъ, вѣруютъ въ папу какъ въ самого Бога, и это все такъ смѣшно у нихъ, что мудрено намъ и понимать ихъ! Интендантскій отчетъ очень удовлетворителенъ; надѣюсь, что и по смѣтѣ, благодаря тебѣ, почувствуемъ разность. Цѣны въ Кіевѣ и на Подолѣ таковы, что Бибиковъ успѣлъ противъ справочныхъ цѣнъ заготовить для поселенія 2-мя и 3-мя рублями ниже запрошенныхъ цѣнъ. Здѣсь новаго ничего. Тамъ сгорѣла часть ярмарочныхъ лавокъ. Въ Уфѣ пойманъ одинъ зажигатель; надо, чтобъ и вездѣ были найдены, для примѣрнаго наказанія въ страхъ другимъ. Теперь Сербскія дѣла меня озабочиваютъ.

Султанъ, вопреки трактатовъ и здраваго разсудка, призналъ новаго правителя и этимъ утвердилъ или оправдалъ бунтъ противъ установленной имъ власти. Я формально противъ протестую и написалъ дружеское, но сильное письмо къ султану, требуя сохраненія трактата и потому отмѣны преждевременныхъ мѣръ. Посмотримъ, что будетъ. II.

*

С.-Петербургъ.

7-ю (19-ю) Декабря 1842 г.

Свѣдѣнія о происходящемъ на Прусской границѣ доказываютъ, какъ у нихъ умѣютъ лгать на нашъ счетъ и сколько выспее ихъ правительство или обмануто, или легковѣрно. Вообще порядокъ вещей у нихъ до того нынѣ запутанъ, что не знаю и не понимаю, чѣмъ это кончится; мнѣ кажется, что короля болѣе и болѣе путають, съ тѣмъ, чтобъ, запутавши, сказать ему, Богъ съ тобой! Иначе понять мудрено, какъ человѣкъ съ его умомъ можетъ самъ на подобное рѣшаться. II.

*

С.-Петербургъ.

26-ю Декабря 1842 г. (8-ю Января 1843 г.).

Въ Пруссiи дѣла идутъ нынѣ такъ, что нельзя ни понять ничего, ни отгадать, что будетъ; беспорядокъ, путаница, противорѣчiя достигли крайности. Ненависть или зависть къ намъ ежедневно возрастаетъ. Словомъ, горько слышать и читать! Нужиѣе, чѣмъ когда-либо, елико можно имѣть менѣе съ ними дѣла, но быть готовыми на все, избѣгая всего, что ихъ раздражать можетъ. Теперь они ни въ чемъ насъ упрекнуть не могутъ, ибо мы болѣе для нихъ сдѣлали, чѣмъ они ожидали. Но больно видѣть, сколько плоды трудовъ покойнаго *нашего* короля болѣе и болѣе исчезаютъ! Вчера получилъ я изъ Лондона новый нашъ навигацiонный договоръ съ Англіею, намъ очень выгодный. Вообще тамъ намъ хорошо. За то въ Германiи ненависть все болѣе возрастаетъ, а зачѣмъ? Оттого что мы за 30 лтъ ихъ спасли. Богъ съ ними!

*

С.-Петербургъ.

14-ю (26-ю) Января 1843 г.

Мнѣ уже часто предлагали отвѣчать на статьи и брошюры, издаваемые за границей съ ругательствами на насъ. Не соглашался я на это по той причинѣ, что кромѣ того, что считаю сiе ниже нашего достоинства, и пользы не предвижу: мы будемъ говорить одну истину, на насъ же лгутъ завѣдомо, потому не равенъ бой. Сильнѣе гораздо опроверженіе въ самихъ дѣлахъ, когда они доказываютъ ложь торжественно. Нынѣшнее усугубленіе злости возбуждается непонятными дѣйствіями Пруссiи. Ихъ неосновательность, опрометчивость и непо-

нятныя противорѣчія самимъ себѣ поставили всѣхъ въ недоумѣніе, къ чему это вести должно; и приступаютъ къ намъ съ требованіемъ объясненія, въ томъ числѣ и по торговымъ дѣламъ; чѣмъ же признаться, что они въ требованіяхъ къ намъ ошиблись, имъ легче было вывернуться, давъ видъ, что будто они просили за всѣхъ, а мы сего не хотѣли, согласясь *для нихъ однихъ*. Какъ же намъ тягаться съ подобнымъ образомъ дѣйствій? Мы идемъ чисто прямой дорогой, а вотъ чѣмъ намъ платять. Потому и теперь не могу согласиться заводить полемику; пусть лаютъ на насъ, имъ же хуже. Придетъ время, и они же будутъ предъ нами на колѣняхъ, съ повинной, прося помощи. Папа съ дочерью обошелся какъ нельзя лучше, а Максу говорилъ, что въ Баваріи вредятъ католической вѣрѣ *фанатизмомъ* и нетерпимостью, каково? И онъ на попятный дворъ.

*

С.-Петербургъ.

8-ю (20-ю) Февраля 1813 г.

Смерть митрополита Серафима принудила меня пріискать достойнаго ему преемника, котораго, какъ полагаю, нашелъ въ Антоніи, сколь ни жалѣю, что долженъ взять изъ Польши. Мы старались дать туда лучшаго изъ епископовъ; я его здѣсь удержалъ до прибытія Антонія, съ которымъ желаю его свести прежде, дабы его приготовить и настроить какъ должно; лучшаго желать нельзя, какъ быть ему во всемъ подобнымъ въ дѣйствіяхъ почтенному Антонію. Въ послѣднее время на границѣ Литвы бѣжало у насъ съ оружіемъ въ Пруссію 9 рядовыхъ и 7 стражниковъ таможенныхъ. Это срамъ, и слѣдуетъ изслѣдовать и строго взыскать. Здѣсь пляшутъ до убою; зимы почти нѣтъ и подобной никто не запомнить. Вездѣ жалуются, что тоже; обозы стали, цѣны вздорожали и опасаются дурныхъ послѣдствій урожая! Не дай Боже того.

*

С.-Петербургъ.

5-ю (17-ю) Марта 1813 года.

Митрополитъ Антоній былъ здѣсь принятъ какъ нельзя лучше и какъ я того ожидалъ; преемника его мнѣ очень рекомендую; теперь онъ въ совѣщаніяхъ съ Антоніемъ и, надѣюсь, воспользуется его совѣтами, чтобъ быть ему достойнымъ преемникомъ; я его передъ отъѣздомъ увижу. Записку объ банкѣ читалъ съ любопытствомъ. Неоспоримо, что онъ принесъ краю и казнѣ большую пользу, но нужна осторожность, чтобъ опытъ прошедшій не возобновлялся. Взысканіе съ виновныхъ сдѣлать должно. Пріятно было читать отзывъ твой на счетъ прибывшихъ рекрутъ и воротившихся въ отпускъ Поляковъ. Ежели точно они въ такомъ хорошемъ духѣ, то, полагаю, настало время, гдѣ

можно будетъ начать водить ихъ не какъ плѣнныхъ или арестантовъ, но поручить проводъ ихъ до нашей границы *Польскимъ безсрочнымъ*, какъ живымъ образцамъ, что не *всѣ* пропадаютъ у насъ на службѣ. Съ Турками все не кончается; я вынужденъ былъ стращать, что отзову посольство и прекращу дипломатическія сношенія. Впрочемъ, въ политикѣ новаго ничего; съ Англіею мы все въ ладахъ. Вчера только узналъ я про опасную болѣзнь эрцгерцога Франца-Карла; онъ добрый человекъ и благонамѣренный, хотя не отличнаго ума; и ежели онъ умретъ, то вновь предстоитъ Австріи регентство, ибо старшему сыну*) 11 лѣтъ.

Александрія, близъ Петерюфа.

*

8-го (20-го) Іюля 1843 г.

Наконецъ, только сегодня могъ я добиться свободной минуты тебѣ писать, мой отецъ-командиръ; давно я не былъ такъ мучимъ въ разномъ родѣ, какъ сіе послѣднее время. Благодарю за отчетъ по смотрамъ; надѣюсь, что замѣченные недостатки вскорѣ будутъ исправлены усердіемъ начальниковъ и бдительнымъ твоимъ надзоромъ. Побѣги должны скоро уменьшиться и потомъ и прекратиться. Но цѣль наша скоро достигнется, ибо Пруссакамъ не въ терпежъ и, видя свою ошибку, ищутъ, какъ бы воротиться къ прежнему; я же жду, чтобъ выговорили *виноваты*; тогда все придетъ въ прежній порядокъ, чего однако мы желали. Дѣла Сербскія все еще не кончены, отказомъ двухъ главныхъ бестій выѣхать; теперь не знаю, удастся ли новому князю ихъ выслать, чего я требую; не то надо будетъ употребить силу. Для сего назначу извѣстныя тебѣ войска. У меня госпиталь въ семьѣ: Саша и жена его въ кори, дочь близка къ родамъ, и старшая внучка опасно больна коклюшемъ и гастрической горячкой. Это, при всѣхъ другихъ заботахъ, меня доконаетъ. Но при этомъ Богъ порадовалъ насъ стговорить дочь Александру за п. Гессенскаго, которымъ я очень доволенъ. Н.

Петерюфъ.

*

15-го (27-го) Августа 1843 г.

На дняхъ получилъ я письмо твое, мой любезный отецъ-командиръ, и радуюсь твоему возвращенію. Жаль только, что ты встрѣченъ былъ новымъ опытомъ дурныхъ склонностей *безвозможныхъ*, хотя, впрочемъ, кажется, что дѣло не великой важности, ибо во-время открыто и ограничивается низкимъ планомъ. Не полагаю, чтобъ попытка соблазнить офицеровъ могла бы имѣть большой успѣхъ, какъ и ока-

*) Нынѣшнему императору Австрійскому.

залось. Дурной духъ въ Пруссіи долженъ отражаться и на Поляковъ, и одна твердость и постоянство нашихъ мѣръ можетъ, ежели не одолѣть, то по крайней мѣрѣ преграждать развитіе худшаго. Мы неизмѣнны и въ чувствахъ, и въ правилахъ; будемъ продолжать дѣйствовать по прежнему, прочее въ рукахъ Божіихъ! Ты знаешь все, что у насъ происходило; была и радость, было и душевное горе; но мы покоряемся волѣ Божіей съ совершеннымъ смиреніемъ. Все это насъ поразило среди маневровъ. Войсками былъ я весьма доволенъ, вездѣ успѣхъ, и во всемъ, такъ что въ этомъ находилъ точное утѣшеніе. 20-го Августа (1-го Сентября) пускаюсь въ путь въ Берлинъ моремъ и надѣюсь прибыть къ 25-му (6-му); везу съ собой нѣкоторыхъ гвардейскихъ генераловъ, чтобъ показать имъ Прусскія войска и высмотрѣть, что у нихъ новаго и полезнаго. Про поѣздку мою не разглашай.

*

Царское Село.

21-го Октября (2-го Ноября) 1843 г.

День крестинъ моего внука ознаменовалъ я вновь большимъ производствомъ; въ оное включилъ я почти весь твой главный штабъ, мой любезный отецъ-командиръ. Но, такъ какъ и всегда случается, на всѣхъ не угодишь; желая, чтобъ повышеніе коснулось или заслуженныхъ, или отличныхъ генераловъ, тѣхъ, которыхъ таковыми не считаю, оставилъ я въ прежнихъ чинахъ, не глядя на старшинство. Въ числѣ таковыхъ остался и исправляющій должность генераль-квартирмейстера моего штаба г.-л. Шубертъ, который при всей своей учености прецлохой г. квартирмейстеръ, и потому никогда не могъ и не можетъ быть утвержденъ въ сей должности. Онъ симъ обидѣлся и написалъ Чернышеву довольно дерзкое письмо; я его перевожу въ члены Совѣта Воен. Министерства, болѣе въ уваженіе его познаній, чѣмъ за службу. Но необходимъ *мнѣ* г. квартирмейстеръ. Въ виду при себѣ никого не имѣю, и прошу тебя уступить мнѣ г.-а. Берга. Ты знаешь, какъ неохотно я разстраиваю то, что хорошо *склеено*, и какъ часто мы съ тобой радовались хорошему составу твоего штаба; да дѣлать нечего, ибо у меня другого никого нѣтъ. Отдашь ли мнѣ его? На мѣсто его не тебѣ предлагать никого другого, кромѣ двухъ *мнѣ извѣстныхъ* кандидатовъ: г.-л. Коцебу или г.-л. Гастфера; перваго знаю лично, какъ славнаго офицера и прекрасныхъ свойствъ человѣка; другого знаю мало, но его мнѣ всегда очень хвалили; онъ былъ уже въ должности начальника корпуснаго штаба, и потому уже знакомъ съ симъ родомъ службы. Буде знаешь кого другого, найди и предложи мнѣ; отвѣчай мнѣ скорѣе, ибо дѣло торопить.

*

С.-Петербургъ.

16-го (28-го) Ноября 1843 г.

Долго не отвѣчалъ я на письмо твое, любезный мой отецъ-командиръ, ибо ждалъ прїѣзда Рауха, который былъ уже въ дорогѣ и везъ, какъ было мнѣ извѣстно, слѣдствіе имъ съ Мофкингомъ произведенное, и которое кончилось 0. Такъ и ожидали мы, зная ихъ формы, и сколько времени протекло и тѣмъ дано было способамъ виновнымъ скрыться, а полиціи всячески затмить дѣло, дабы уменьшить явность своей безопасности или соучастія. Теперь носится слухъ, будто-бъ нашли наконецъ виновнаго, какого-то сына чиновника, который хватался меня убить; но мнѣ ничего не сообщено.

*

С.-Петербургъ.

20-го Ноября (1-го Декабря) 1843 г.

Признаюсь, проказы Гишпанки-красавицы меня очень позабавили; вотъ такъ дѣвка, жаль только, что полиціантъ поколотилъ, ибо изъ сего выдумаютъ новыя басни. Признайся однако, что она хороша и что съ нею можно-бъ было пріятно поговорить. Теперь сюда ее не пушу. Забавно, что и при этомъ друзья наши *безмозлые* не могли не напроказить; вездѣ и всегда духъ ихъ выказывается. Королю Прусскому я строго писалъ про происходящее въ Познани, и въ особенности про Платера, прося, буде справедливо, что онъ тамъ, чтобъ велѣлъ его выслать. Но хуже этого мнѣ кажется происходящее нынѣ въ Венгріи; тамъ не на шутку дурно, и легко быть можетъ, что дойдетъ и до драки. Я рѣшился приступить къ постройкѣ крѣпости въ Жванцахъ, какъ въ наилучшемъ пунктѣ близъ Австрійской и Турецкой границъ. Проектъ дѣлають предварительный, я видѣлъ и апробовалъ; построение поручу Дену; будетъ хорошая крѣпость и на выгодномъ мѣстѣ, для обезпеченія нашего лѣваго фланга.

*

С.-Петербургъ.

12-го (24-го) Января 1844 г.

Ежели-бъ не было постоянно противорѣчій въ дѣйствіяхъ короля Пруссаго, такъ можно-бъ было радоваться послѣднимъ его мѣрамъ, вновь доказавшимъ, что онъ не хочетъ потакать либерализму; но это уже не впервые, а надо опасаться, что неожиданно опять будетъ что-либо, которое уничтожитъ всю пользу сего урока. Главная бѣда та, что исчезло *довѣріе*, какъ въ подданныхъ къ нему, такъ и во всѣхъ въ насъ, ибо никто не можетъ положиться на его постоянство. На Кавказѣ покуда притихло; послѣ удачнаго дѣла надъ Казачищами, Шамиль ушелъ въ горы. Войска дрались славно; а линейные казаки вновь показали себя молодцами, равно и прочіе казаки, Я всегда на-

мѣренъ былъ и есть усилить число ихъ, но на то не доставало земли на лѣвомъ флангѣ, которую теперь мы приобрѣли.

С.-Петербургъ.

7-го (19-го) Февраля 1844 г.

По сегодняшнимъ донесеніямъ король Шведскій все въ опасномъ положеніи; потеря его для насъ не равнодушна и по дурному духу въ Швеціи, и по слабости наслѣдника. Меттернихъ сообщилъ намъ весьма неблагопріятныя свѣдѣнія про готовящійся бунтъ въ Италіи; ожидаютъ высадки изъ Мальты и Корсики, съ намѣреніемъ атаковать Римъ и основать общую Итальянскую республику. Эта каша, ежели заварится, не легко будетъ Австріи разжевывать. Тутъ вѣрно вмѣшается каналья L.-Phylippe, да и Англія не останется зрительницей. Да при этомъ чуть не готовится ли что-то въ Галиціи; тамъ открытъ заговоръ между офицерами полка Бертольди, и разбирается; въ это дѣло замѣшались помѣщики и ксендзы; тѣмъ лучше, лишь бы разобрали строго. Въ Позенѣ ничего не найдутъ, ибо не умѣютъ; одно то хорошо, что по крайней мѣрѣ явно не будутъ Полякамъ потакать, какъ доселѣ. Съ Кавказа новаго ничего нѣтъ. Дерзость L.-Phylippe начинаетъ выходить изъ мѣры, и кажется всеѣмъ надоѣла, но никто не смѣетъ это выговорить; я его щелкнулъ по носу за дерзкія угрозы на случай пріѣзда къ намъ Бордо, и онъ тотчасъ на попятный дворъ; такъ надо.

С.-Петербургъ.

6-го (18-го) Марта 1844 г.

Вполнѣ раздѣляю мнѣніе твое насчетъ происковъ L.-Phylippe, хотя мало со мной соглашаются, ослѣпляясь его умомъ и безстыдной ловкостью; теперь Орловъ привезъ мнѣ новыя сему доказательства, ибо Австрійское правительство достовѣрно знаетъ, что онъ ежегодно посылаетъ въ Римъ отъ 10 до 12 м. франковъ для подкупа въ пользу революціонныхъ правилъ, а я ни чуть не сомнѣваюсь, что, быть можетъ, онъ-то и причиной недоброжелательства папы къ намъ и всѣхъ затрудненій, симъ порожденныхъ. Орловъ привезъ тоже доказательства, что фанатизмъ въ Вѣнѣ превосходитъ воображеніе; легко вообразить, къ чему это ведетъ. Потеря короля Шведскаго для насъ чувствительна; очень желаю, чтобъ сынъ наслѣдовалъ отцовскія чувства къ Россіи и всегдашнее благорасположеніе. Посылаю къ нему Макса*), дабы убѣдить его не измѣнять добрыхъ нашихъ сношеній для обоюдной пользы и его спокойствія.

*) Г. е. зятя своего Максимилиана Лейхтенбергскаго.

С.-Петербургъ.

28-ю Марта (9-ю Апрѣля) 1844 г.

Свѣдѣнія изъ Галиціи любопытны, и дѣйствительно странно, что они тебѣ ранѣе о томъ не сообщили; полагаю не отъ стыда ли, что и войско замѣшано. Посвященіе архіерея я предпочитаю дѣлать *здѣсь*, ибо въ такихъ вещахъ я папѣ не уступлю, и, удовлетворивъ тому, что было справедливо въ его требованіяхъ, на прочее я не поддамся. Изъ Вѣны пишутъ, что въ Италіи духъ скверный; даже 2 сына Австрійскаго адмирала Бандира, оба морскіе офицеры, бѣжали изъ двухъ разныхъ мѣстъ! Въ Венгріи продолжаетъ идти очень дурно, а ни въ чемъ правительство не успѣваетъ изъ всего, что предлагало сейму; къ этому еще примѣшались разныя затрудненія съ папой, такъ что, просто сказать, они не знаютъ, что и дѣлать! Хорошо. Въ Пруссіи какъ-то притихло, по крайней мѣрѣ, до меня новаго ничего не доходило. Меня зовутъ въ Англію, и я-бъ охотно поѣхалъ, ежели-бъ нашелъ способъ, какъ это исполнить, но право покуда не придумаю. На Кавказѣ покуда еще особеннаго ничего нѣтъ. Войска подходятъ и частію уже дошли. Получено извѣстіе о хорошемъ дѣлѣ к. Аргутинскаго, разбившаго большое скопище между Казыкумыкомъ и Дербентомъ. Шуандъ-мулла, начальникъ Чечни, убитъ своими, онъ былъ человѣкъ умный и ловкій, онъ разбилъ Граббе и отважностью своею былъ правая рука Шамиля.

*

Царское Село.

1-ю (13-ю) Августа 1844 г.

Пораженный тѣмъ же тяжелымъ ударомъ, какъ и ты, любезный мой отецъ-командиръ, солю мою невыразимую скорбь*) съ твоею, ибо чувствовалъ заранѣе и теперь вполне ощущаю то, что твое отцовское сердце терпитъ; на это словъ нѣтъ и кто прошелъ черезъ подобное, можетъ только смиряться предъ Богомъ и говорить отъ глубины растерзаннаго сердца: да будетъ воля Твоя! Медлилъ я отвѣчать на первое твое письмо, потому что не могъ духомъ собраться все это время, чтобъ взяться за перо; почти 9 недѣль ожиданія того, что третьяго дня совершилось, такъ сокрушило мою душу, что я съ трудомъ исполнялъ часть только своихъ обязанностей, ибо все это время былъ занятъ другой—святою. Наконецъ, Богу угодно было прекратить страданія нашего ангела и призвать его къ Себѣ, и мы, хотя съ сокрушеннымъ сердцемъ, благодаримъ Господа, ибо Онъ ангелу далъ вѣрно

*) По кончинѣ великой княгини Александры Николаевны. У князя Паскевича въ этомъ же году скончалась дочь Александра же, бывшая замужемъ за Петромъ Александровичемъ Балашовымъ.

ангельское мѣсто. Теперь въ грусти одно утѣшеніе—молитва и служба; я займусь по прежнему всѣми обязанностями, и авось Богъ подкрѣпитъ насъ. Какія плачевныя вѣсти сообщилъ ты мнѣ! Что за всеобщія пагубы! Несчастливымъ помочь должно немедленно и во что бъ ни стало. Я желаю, чтобъ имя покойной моей дочери было связано съ благодѣяніемъ для Варшавскихъ бѣдныхъ, и велѣлъ Туркулу тебѣ о томъ довести. Необходимо употребить всѣ усилія, чтобъ исправить какъ наискорѣе поврежденія въ крѣпостяхъ, и придумать какъ впредь предотвратить, ибо нельзя ручаться, чтобъ не повторилось. Боюсь въ особенности за цитадельскую оборонительную казарму, ибо всегда находилъ расположеніе ея опаснымъ отъ обваловъ крутости. Нельзя быть довольно осторожну. Полагаю, что посадка сплошь до верху вѣрнѣе всего. Глупый выборъ Варшавскихъ канониковъ вѣрно плодъ происковъ или страха; должно ли намъ согласиться, этотъ вопросъ не умѣю я рѣшить. Скверный духъ въ краѣ *долженъ* быть, но уступать ему *не должно*, и *не уступимъ*. Покуда покушеніе на короля Прусскаго кажется не плодъ какого-нибудь заговора или общества; но легко быть можетъ, что есть послѣдствіе разврата мыслей, болѣе и болѣе обладающаго умами, вслѣдствіе неслыханныхъ мерзостей, ежедневно появляющихся вездѣ. Въ этомъ родѣ гаже *les Mystères de Russie* ничего еще не читывалъ. Прочти. Войскъ здѣсь я почти не видалъ, ибо не могъ отлучиться; надѣюсь 7-го (19-го) и 8-го (20-го) чиселъ собраться съ силами и увидѣть хоть одно ученье и одинъ маневръ.

*

*Гатчина.**18-го (30-го) Сентября 1844 г.*

Вотъ уже три недѣли прошло, какъ получилъ я твое письмо отъ 26-го Августа. Начну съ искренней благодарности за участіе въ нашемъ горѣ. Мы оба чувствуемъ одно. Покоримся смиренно волѣ Божіей. Миръ Французовъ съ Марокомъ на время исправилъ отношенія Франціи съ Англіею, удаливъ на время предлогъ къ разрыву; но довѣріе другъ къ другу исчезло совершенно, и миръ на волоскѣ; первый предлогъ достаточенъ будетъ къ войнѣ. Вотъ плоды мнимой дружбы. Германія крѣпко больна; дѣйствія короля Прусскаго ея не излѣчатъ, и изъ всего этого выведемъ одно заключеніе, *что намъ должно быть готовыми*. Дабы же быть готовыми, надо довершить внутреннее устройство и бдительно подавлять всякія попытки, даже отдаленныя, къ ниспроверженію законнаго порядка; съ этими людьми милосердію нѣтъ мѣста.

Тяжелый сей годъ лишилъ меня на-дняхъ моего вѣрнаго Бенкендорфа, котораго службу и дружбу 19 лѣтъ безотлучно при мнѣ не забуду и не замѣню; и всѣ объ немъ жалѣють.

Гатчина.

*

8-го (17-го) Октября 1844 г.

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я описаніе твоихъ смотровъ и маневровъ и весьма радъ, что ты всѣми тобой осмотрѣнными войсками остался доволенъ. Должно всѣми силами стараться поддерживать это состояніе и въ особенности утверждать нравственность войскъ, безъ которой, какъ оно красиво ни будетъ, не будетъ оно надежно; нельзя довольно за симъ смотрѣть. Дурной духъ въ Польшѣ меня не пугаетъ болѣе прошедшаго, ибо я столько же твердо устою въ рѣшимости *ни на волосъ* не отступать отъ принятыхъ правилъ, и чѣмъ они будутъ хуже, тѣмъ я буду строже и тѣмъ хуже для нихъ. Но ежели мы подадимъ малѣйшій видъ послабленія, отъ боязни *du qu'en dira-t-on?* то все рѣшительно пропадетъ. Потому ни въ твоёмъ, ни въ моемъ характерѣ бояться ихъ; напротивъ, *мы* будемъ вмѣстѣ служить опорой правому дѣлу и надеждой для благомыслящихъ, сколько ихъ не мало. Впрочемъ, во всемъ буде воля Божія! Надѣюсь, что наше дѣло законовъ пойдетъ нынѣ успешно, и нетерпѣливо жду, когда можно намъ будетъ привести ихъ въ дѣйствіе; это необходимо. Жаль мнѣ очень, что столько повреждено въ Ново-Георгіевскѣ, я боюсь, чтобъ и впредь не повторялось отъ тѣхъ же причинъ, которыхъ устранить нельзя. На направленіе желѣзной дороги я совершенно согласенъ. Дурачество духовенства католическаго тоже *à l'ordre du jour*, но и мы въ этомъ имъ воли не дадимъ, хотя бы весь Римъ возсталъ; я его не боюсь и пойду своей стезей; они сами себя рушатъ.

*

Гатчина.

29-го Октября (11-го Ноября) 1844 г.

Осенью полагаю я ѣхать прямо въ Кіевъ смотрѣть 1-й корпусъ; но ежели-бъ легче было собрать его въ Елисаветградъ или Вознесенскъ по смѣнѣ 4-мъ корпусомъ, то было-бъ еще лучше, ибо я смотрѣть намѣренъ тамъ 2-й резерв. и свод. кавал. корпуса, что составило-бъ прекрасный сборъ войскъ при сильной кавалеріи, и на весьма удобномъ мѣстѣ, тогда-бъ 1-й корпусъ, послѣ смотра около 15-го Сентября могъ бы прямо слѣдовать на свои новыя квартиры. Послѣ этого смотра, намѣренъ я еще видѣть флотъ Черноморскій, а на обратномъ пути 1-й и 3-й резерв. кав. корпуса. *Voilà ce que l'homme propose, Dieu dispose**), но я старѣю, и мнѣ спѣшить надо смотрѣть все, чтѣ можно, доколь силы еще дозволяютъ. Здѣсь все тихо и хорошо. Живемъ въ единеніи, чтѣ согласно съ нашимъ духовнымъ расположеніемъ. Смот-

*) Вотъ что человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ.

рѣлъ вчера въ Царскомъ Селѣ образцовыя войска и былъ ими весьма доволенъ. На-дняхъ видѣлъ здѣсь партію Польскихъ рекрутъ; кромѣ непомѣрнаго числа брошенныхъ дорогой больныхъ, въ одномъ здѣшнемъ лазаретѣ изъ 360 человѣкъ оставлено 32 чел. больными гнилыми горячками, изъ коихъ 9 трудныхъ, а 2 бѣжали съ одной дневки въ Гатчинѣ. На выворотъ, потомъ смотрѣлъ партію Польскихъ Евреевъ; 150 чел. какъ пошли изъ Варшавы, такъ и пришли, ни одного ни больного, ни бѣглаго не имѣли съ самаго выступленія, глядятъ весело, живо, здорово, словомъ, молодцами, тогда какъ тѣ чуть живыми! Обрати на это вниманіе: по слухамъ конвойныя *майоры* крѣпко шалять, ежели изболбичу, въ три дуги согну мошенниковъ, марающихъ мундиръ. Послалъ ф.-а. строго изслѣдовать.

С.-Петербургъ.

*

25-го Ноября (7-го Декабря) 1844 г.

Все касающееся расположенія умовъ въ Царствѣ меня не удивляетъ, я это всегда предвидѣлъ и объявилъ впередъ депутаціи, ежели припомнишь; не вѣривъ имъ никогда, не могу признавать себя обманутымъ. Но взираю на сіе какъ новое не только *право*, но *необходимость* усугубить осторожности, строгой справедливости пріисканія всѣхъ возможныхъ мѣръ, чтобъ отнять все способы намъ вредить. Весьма важно то, что болѣе и болѣе *революціонный* духъ фанатизма мнимо католическаго ослѣпляетъ этихъ дураковъ до того, что они *милъ* помогаютъ наложить на нихъ намордникъ; этотъ намордникъ, который *непремѣнно* на нихъ наложу, есть присоединеніе духовной дирекціи къ Римско-католической коллегіи здѣсь; я на это имѣю власть и силою заставляю себя слушать; въ другой разъ тебѣ это объясню подробно, покуда *о семъ никому ни слова*. Что же касается до теперешнихъ открытій, желательно скорѣе кончить дѣло и сдѣлать примѣръ строгости.

С.-Петербургъ.

*

20-го Декабря 1844 г. (1-го Января 1845 г.).

Мнѣніе твое насчетъ неисправимаго сумасбродства Поляковъ я раздѣляю въ полной мѣрѣ. Тогда, когда единство мѣръ противъ ихъ замысловъ могло-бъ быть соблюдаемо, не только у насъ, но въ Австріи и Пруссіи, тогда можно было надѣяться, что время излѣчило бы ихъ отъ тщетныхъ покушеній, чрезъ сто лѣтъ могли-бъ они начинать перерождаться; но когда вмѣсто того видимъ мы совершенно противоположную систему съ ними въ Пруссіи, а въ Австріи все покоряется прегосподствованію католическаго фанатизма, предъ которымъ все молчитъ, все уступаетъ; тогда остается намъ одна горькая юдоль—*бороться*

и силой удерживать покой и покорность; тогда должно намъ истреблять постоянно все, что намъ вредно и опасно быть можетъ: самая тяжелая и непрятная обязанность, но обязанность святая предъ нашимъ отечествомъ, драгоцѣнной кровью два раза покорившимъ Польшу. Не могу довольно повторить тебѣ, что при *строжайшемъ правосудіи* надо непоколебимо идти *впередъ* къ цѣли, истреблять все способы намъ вредить. Во главѣ всего враждебнаго намъ ставлю духовенство и воспитаніе; первое должно сдѣлать послушнымъ вопреки всѣхъ препятствій, и я требую сего непремѣнно и постоянно; второе начато, должно продолжать и все болѣе утверждать на избранной стезѣ, и время увѣнчиваетъ наши труды. Ни *мнѣніе*, ни *угрозы*, ни *ругательства* иностранныя не могутъ и не должны насъ пугать. Съ нами Богъ, и никто же на ны, и съ твердымъ духомъ будемъ стоять за наше правое дѣло съ полной надеждой на Божию помощь. Слѣдствіе предоставь законному теченію и бери къ отвѣту *всѣхъ* виновныхъ; пощады быть не можетъ въ подобныхъ замыслахъ. Я былъ третьяго дня въ прекрасно устроенной Римско-католической духовной академіи. Ректоръ очень хорошъ и говорилъ мнѣ съ ужасомъ про духъ духовенства въ Царствѣ, про дурное вліяніе, которое старались здѣсь пріобрѣсть пріѣзжавшіе епископы, и просилъ меня настоятельно не присылать въ академію учениковъ изъ Царства, не ручаясь за послѣдствія, ежели придутъ въ сообщеніе съ его учениками, которыми покуда доволенъ. Однако надо будетъ подумать, какъ сему помочь; ибо пора подумать о будущемъ духовенствѣ Царства и приготовить его такимъ, какимъ намъ надо. Жаль очень Войцеховскаго, но еще гораздо болѣе мнѣ жаль Горчакова. Неужели онъ такъ худъ, что нѣтъ надежды его сохранить. Эта потеря была-бъ самая чувствительная! Ей-ей не понимаю что дѣлается въ Пруссіи, тутъ таится что-то весьма неясное и врядъ ли хорошее.

*

С.-Петербургъ.

30-ю Генваря (12-ю Февраля) 1845 г.

Ты знаешь уже, что за несчастіе вновь насъ постигло *)! Непостижима воля Божія, а предъ ней должно намъ смиряться, но тяжело остающимся! По пріѣздѣ твоёмъ переговоримъ о многомъ, намъ угрожающемъ. Политическій горизонтъ болѣе и болѣе чернѣетъ, и намъ должно готовиться на упорный бой, ежели не физическій, то на моральный, съ которымъ, можетъ быть, еще труднѣе бороться. Потому надо намъ усугубить усилія отстранить все, что у насъ намъ угрожаетъ опасности, и устроить все такъ, чтобъ въ этомъ хотя быть съ

*) Въ Вѣнѣ скончалась великая княжна Марія Михайловна.

свободными руками. Мнимая папская булла—скорѣе счастливое появленіе, потому что многимъ откроетъ глаза и разувѣритъ на счетъ мнимаго католическаго усердія, служащаго одной маской чисто-революціоннымъ замысламъ; и потому ежели уступать намъ въ справедливыхъ нашихъ намѣреніяхъ устранить все опасное, опасеніемъ раздражать или пугать католиковъ, мы сами имъ служить будемъ, т. е. революціонному духу. Настало время, повторяю, гдѣ слѣдуетъ намъ поступать рѣшительно, довершая несовершенное и становясь твердой ногой тамъ, гдѣ мы покуда еще живемъ пришельцами; вотъ будетъ предметъ нашихъ занятій. Прочее при свиданіи.

С.-Петербургъ.

6-го (18-го) Апрѣля 1845 г.

Покуда меня наиболѣе сокрушаетъ опасность голода; боюсь, чтобъ не было достаточно принятыхъ мѣръ, дабы отвратить угрожающую гибель; надо все возможное дѣлать, чтобъ помочь злу, хотя и съ жертвованіями. Свѣдѣнія, которыя сообщилъ тебѣ Ридигеръ, столь согласны съ собственными моими убѣжденіями, что мнѣ немудрено дать имъ вѣру; я всегда былъ мнѣнія того, что нѣтъ ни благодарности, ни, еще менѣе, вѣрности въ этихъ людяхъ; одинъ страхъ и убѣжденіе потерять все, послѣднее что осталось, ихъ еще удерживаетъ. Доколь мы сильны не однимъ числомъ войскъ, но неумолимыми мѣрами сближенія съ Россіей, лишеніемъ ихъ всѣхъ особенностей, составляющихъ остатокъ ихъ мнимой народности, дотоль мы будемъ имѣть верхъ, хотя со временемъ и при постоянной настойчивости. Но лишь только мы ослабнемъ, или въ мѣрахъ сихъ, или впаддемъ въ довѣрчивость къ нимъ, все пропадетъ, и гибель неминуема. Пруссаки дѣлаютъ свое, ругая насъ на пропалую; и я увѣренъ былъ, что, ежели король не удовлетворитъ ихъ общему желанію, то непременно припишутъ это моему вліянію и увѣщаніямъ. Это мнѣніе мнѣ похвальный листъ, ибо доказываетъ, что мой образъ (мыслей) нигдѣ не подверженъ сомнѣнію. Но про это мнѣ изъ Берлина ничего не пишутъ; кажется, какъ будто притихло покуда.

Приказалъ Чернышеву тебѣ предложить 4-й корпусъ за поздней весной въ лагерь не вводить, покуда не высохнетъ, но поставить на тѣсныя квартиры. Притомъ велѣлъ дать лишнюю мясную и винную порцію; желаю, чтобъ хоть этимъ предупредить болѣзненность.

Здѣсь новаго ничего. Съ Кавказа тоже, кромѣ что Акуша усмирилась. Сегодня простился съ сыномъ твоимъ.

*

Александрія близъ Петергофа.

7-го Юня 1845 г.

Восемь дней, какъ я воротился, любезный мой отецъ-командиръ, и сегодня только могу тебѣ писать. Начну съ моей душевной благодарности и признательности за отличное состояніе всего, что тебѣ повѣдомо. Кн. Горчаковъ тебѣ уже донесъ, въ какомъ отличномъ состояніи я нашелъ 4-й корпусъ; я смѣло скажу, что не только что онъ хорошъ, но что я полагаю, не лучший ли онъ изъ четырехъ корпусовъ арміи. Ежели взять во вниманіе, съ какими препятствіями бороться подлежало, чтобъ представиться столь отлично, то нельзя не отдать полной справедливости какъ г. Чеадаеву, такъ и всѣмъ его помощникамъ; одно усердіе могло представить подобное. По возвращеніи сюда новаго ничего не нашелъ, кромѣ нестерпимаго холода; сегодня первый день, что вѣтра нѣтъ и что солнце грѣеть. Съ Кавказа ничего, только пишетъ Воронцовъ, что все готово и что колоннамъ дано повелѣніе трогаться. Будущая почта вѣроятно привезетъ донесеніе, что онъ вступилъ въ горы. Напиши мнѣ, каковъ ты и началъ ли лечиться? Жѣну нашелъ я почти какъ оставилъ: біеніе сердца не прекращается, и холодъ ей не въ пользу. Больныхъ здѣсь тѣма, и въ простомъ народѣ горячки. На будущей недѣлѣ начинаются маневры, могутъ быть любопытны.

Проѣзжая чрезъ Гомель, на станціи между Добрянки и Песочной Буды, нашелъ я болѣе 200 нищихъ, калѣкъ, старухъ и дѣтей; жалуются, что арендаторъ не кормитъ и что худо жить; главнаго, Баранова, я не видѣлъ, но велѣлъ ему сказать, чтобъ ѣхалъ на мѣсто и привелъ въ порядокъ, и что тебя увѣдомлю о непростительной безпечности и безпорядкѣ и жалобахъ на управленіе, ибо знаю, сколь противно твоимъ намѣреніямъ. Обрати на это вниманіе.

*

Александрія близъ Петергофа.

24-го Юня (6-го Юля) 1845 г.

Причина, что министръ Арнимъ тебѣ не отвѣчалъ, вѣроятно та, что онъ просилъ въ то уже время увольненія отъ должности, и сегодня я узналъ, что король его уволилъ, и такъ и еще однимъ честнымъ человѣкомъ менѣе при королѣ. Что послѣ того ожидать! Король въ проѣздъ свой чрезъ Кенигсбергъ говорилъ весьма сильно и прекрасно городскимъ депутатамъ, выговаривая имъ за скверный духъ, тамъ явно господствующій; что же вышло? они же ему адресъ написали, что они *милости* его себѣ не просятъ, ибо она имъ не нужна, но требуютъ его *справедливости*, ибо не признаютъ себя виновными. Каково? Хорошо бы королю ихъ посадить въ Пилау, а гарнизону велѣть при первомъ

движеніи въ городѣ отвѣчать картечью; тогда бы *все* кончилось разомъ, но онъ на это, думаю, никогда не рѣшится. Котовскаго весьма жаль. Епископовъ я еще не видалъ. Томашевскому велѣно присутствовать въ коллегіи; онъ принялъ съ покорностію, но говорить, что папа его отрѣшить отъ епископства; посмотримъ. Покуда велѣлъ я Перовскому предложить тебѣ переименовать комиссію духовную въ Варшавѣ во 2-й департаментъ Римской духовной коллегіи, а здѣшній назвать 1-мъ департаментомъ, оставя въ прочемъ весь нынѣшній въ обоихъ порядокъ дѣлъ и подчиненія. Кажется мнѣ мысль хорошая и устраняетъ всѣ затрудненія. Съ Кавказа покуда еще ничего особеннаго нѣтъ. Шварцъ имѣлъ весьма хорошее дѣло со стороны Кахетіи. Вліяніе Шамиля распространяется и на Черкесь праваго фланга, которые вновь въ сильномъ волненіи. Годъ рѣшительный, и пора положить этому конецъ прочный. Здѣсь все тихо; однѣ губерніи, пораженныя неурожаемъ, меня заботятъ. Что-то у тебя?

*
Палермо.

18-го (30-го) Октября 1845 г.

Здѣсь насъ вездѣ принимаютъ какъ нельзя лучше и въ народѣ, и въ публикѣ, и въ королевскихъ семействахъ. Видѣлъ въ Миланѣ Австрійскій гарнизонъ, весьма порядочный; въ Генуѣ кадры, по 120 человекъ съ офицерами, но бат. Сардинскіе весьма посредственные, и вчера здѣшній гарнизонъ очень порядочный *по наружности*. Впрочемъ, ничего не знаю; здѣсь такая глушь, что ничего не слышать.

*
Палермо.

25-го Октября (7-го Ноября) 1845 г.

Рѣчь короля Прусскаго была мнѣ извѣстна, но новая дерзость магистрата только что до насъ дошла. Легко предвидѣть, къ чему подобное ведетъ, никто въ семъ не обманывается; *одинъ* король хочетъ быть въ заблужденіи! Ты хорошо сдѣлалъ, что писалъ въ Берлинъ насчетъ дерзости журналовъ, хотя увѣренъ я, что все даромъ, потому что тамъ все такъ идетъ. Новая канальская выдумка Поляковъ о монахиняхъ произвела въ Римѣ желаемое ими дѣйствіе; баба, которую они нарядили въ сію должность, тамъ и ей дѣлается формальный допросъ. Мы никогда не спасемся отъ подобныхъ выходокъ, ибо нынѣ иначе не воюютъ, *какъ ложью*. Здѣсь покуда все тихо и хорошо. Принимаютъ насъ во всѣхъ сословіяхъ какъ нельзя лучше, и простой народъ привѣтливъ до крайности.

*

Палермо.

15-го (27-го) Ноября 1845 г.

Съ послѣднимъ фельдъегеремъ не успѣлъ я тебѣ писать, мой любезный отецъ-командиръ, ибо пароходъ опоздалъ приходомъ за бурей, такъ что съ трудомъ могъ къ отходу его отвѣчать въ Петербургъ. Грабовскаго жаль, какъ добраго человѣка, но признаюсь, немного его уважалъ, помня прежнюю его роль. Чтò сдѣлалось въ Архангелогородскомъ полку? Полкъ былъ хорошъ весной; жаль, что Потуловъ такъ себя уронилъ, но ничтò ему, ежели виновать до такой степени; за это отвѣчать должны и бригадный, и дивизионный начальники; гдѣ же у нихъ были глаза? Буду ждать, чтò открылось по новому заговору, и кто замѣшанъ и взять? Безпокоить меня продовольствіе арміи. Ради Бога, не допусти недостатка въ продовольствіи, было-бъ непростительно! Отсюда ничего новаго не имѣю сказать. Благодареніе Богу, здоровье жены помаленьку лучше; морскія теплыя ванны ей, кажется, приносятъ пользу. Полагаю выѣхать 22-го (4-го) числа, пребыть 4 дня въ Неаполѣ, 5 въ Римѣ, 2 во Флоренціи, 2 въ Венеціи, 2 въ Вѣнѣ, и быть у тебя въ Варшавѣ 24-го Декабря (5-го Генваря).

*

Палермо.

23-го Ноября (5-го Декабря) 1845 г.

Полагалъ тебѣ отвѣчать, любезный отецъ-командиръ, изъ Неаполя, но вчера вечеромъ была здѣсь такая сильная буря, что я рѣшилъ обождать до сегодня, между тѣмъ, чтобъ бумагъ не задерживать, отправляю фельдъегера. Столько разъ принимались за дѣло и опять бросали, что я и сей разъ плохо вѣрю, чтобъ привело къ лучшему концу. Нашихъ, которые въ дѣлѣ у нихъ будутъ замѣшаны, не требовать назадъ; но ежели будутъ намъ посланы, то судить военнымъ судомъ, какъ всегда дѣлаемъ. Нужда въ Польшѣ и Литвѣ меня крайне печалитъ; да ежели-бъ каналы были готовы, дѣло-бъ иначе пошло, и все бы уравнилось. Сообрази чѣмъ помочь войскамъ въ содержаніи. Боюсь болѣзней отъ сей нужды. Новаго ничего не знаю; посмотримъ, чтò будетъ въ Римѣ. Кажется, они сами устыдились тому, чтò по слѣдствію монахини открылось, и очень не довѣряютъ каналѣ Яловицкому, который ее везъ и вездѣ показывалъ какъ мученицу. Чтò за каналы! Ежели вновь меня что не задержать, то полагаю быть къ тебѣ 24-го (5-го) вечеромъ и пребыть 25-го (6-го) и 26-го (7-го). Ежели въ Лазенкахъ будетъ холодно, то вели приготовить мнѣ квартиру въ Бельведерѣ со входа налѣво, въ комнатахъ бывшихъ Павла Константиновича.

*

С.-Петербургъ.

12-го (24-го) Января 1846 г.

Слава Богу, что у насъ покуда все тихо; но глядѣть все-таки надо въ оба глаза. Кажется, у Пруссаконъ дѣло не на шутку пошло; сами виноваты, зачѣмъ прежде намъ не вѣрили? Ты хорошо сдѣлалъ, что усилилъ кордонъ; не мѣшало-бъ на это время поручить границу г. Кузнецову, онъ лихой казакъ, а тутъ дѣло въ смѣтливости. Списокъ твой проказникамъ-попамъ съ этимъ же курьеромъ ѣдетъ въ подарокъ къ Ламдрускому: пусть радуется и любитъся! Покуда въ Римѣ идетъ у насъ все ладно, что дальше будетъ? И папа очень сердится на глупые рассказы газетъ про наши разговоры и за живое принялъ.

*

С.-Петербургъ.

20-го Января (1-го Февраля) 1846 г.

Кажется Пруссаки очнулись, потому что за живое забрало, но посмотримъ на долго ли, и какъ судить будутъ. Письмо Каница и посылка п. Радзивила странная мысль; я тоже полагаю, что и ты, что король хочетъ обѣлить его, показавъ тебѣ и заставивъ его принять; но ты прими его учтиво, *но отнюдь не принцомъ*, а какъ Прусскаго г.-маіора, ибо онъ не имѣетъ права корчить принца, что покойный король *никогда* не допускалъ. Я велѣлъ слѣдить за нимъ по Литвѣ и узнать, что онъ тамъ дѣлаетъ. Здѣсь все хорошо, но были холода жестокіе, теперь легче. Больныхъ рабочихъ изъ голодныхъ губерній очень много, и смертность большая, но не въ войскахъ. За холодами еще войскъ не видалъ.

*

С.-Петербургъ.

7-го (19-го) Февраля 1846 г.

Искренно благодарю тебя, мой любезный отецъ-командиръ, за поздравленіе съ помолвкой нашей Оли. Слава Богу, что она нашла тоже себѣ по сердцу достойнаго себѣ; вовсе неожиданно намъ было подобное, и мы въ томъ видѣть хотимъ Божіе благословеніе. Будемъ надѣяться на милость Его впредь. Кажется, эта свадьба, какъ ни говорятъ, не нравится ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ; но Богъ съ ними, не мѣшайся они только въ наши дѣла. Покуда Пруссаки, кажется, поиспугались тому, что у нихъ открылось; очень имъ здорово. Хотя не вѣрю истинно, а еще менѣе возможности исполнить замыслы у насъ, но не мѣшаетъ и намъ держать ухо востро, что, я думаю, и дѣлается.

*

С.-Петербургъ.

16-го (28-го) Февраля 1846 г.

Признаюсь тебѣ, хотя можетъ быть и грѣшно, но я съ *особенною радостію* узналъ про новыя безумства Поляковъ; ибо они такъ кстати

проявились, что, кажется, всё откроют глаза и докажут наконецъ, какими *единственными* мѣрами можно съ ними управляться. Но что еще болѣе меня порадовало, это то, что *мужики* ихъ ловятъ и выдаютъ: вотъ намъ разительное доказательство, что народъ добръ, такъ и *привыкъ*, ежели не привязался, къ нашему порядку, это лучшая для насъ гарантія. Хотя ты *всегда* былъ разрѣшенъ поступать съ подобными злодѣями по полевому уложенію, но для вящаго сему еще подтвержденія посылаю тебѣ новый о семъ указъ. Я его сообщаю и Австрійцамъ, и Пруссакамъ не затѣмъ, чтобъ надѣялся нашимъ примѣромъ заставить ихъ столь же строго наказывать, ибо филантропическая трусость или трусливая филантропія, какъ это тебѣ угодно будетъ назвать, вѣрно имъ помѣшаетъ, но чтобъ доказать имъ, что я не перемѣняю своего образа дѣйствій, глядя на нихъ; затѣмъ пусть дѣлаютъ, что они хотять, *надъ ними и трость* *). Нетерпѣливо жду дальнѣйшихъ донесеній объ открытіяхъ, которыя сдѣлалъ Жарской, и кто въ Варшавѣ будетъ виновенъ, и до чего доходили ихъ замыслы. Хорошо ты сдѣлалъ, что подтвердилъ по войскамъ быть осторожными, тоже прикажи въ цитадели и по крѣпостямъ. Ежели-бъ случилось что поважнѣе, распоряджайся самъ и двигай войска и прочихъ корпусовъ, не теряя времени по востребованію. Обрати вниманіе на безсрочныхъ и, буде нужно изъ осторожности ихъ собрать, приступи къ сему. Тоже, думаю, хорошо бы присмотрѣть за бывшими офицерами, смиренны ли и нѣтъ ли между ними движенія. Данный тебѣ указъ можешь хранить въ тайнѣ или обнародовать, какъ сочтешь лучше. Пруссаки испугались не на шутку; но посмотримъ, будутъ ли умѣть все дѣло разобрать и наказать виновныхъ. Воротился Состынский изъ Берлина, и онъ говоритъ, что короля всё не терпятъ, что хотя намѣренія его притихли, но все-таки остались непремѣнными, что войско покуда еще послушно, но что все держится на волоскѣ. Словомъ, все очень плохо. Здѣсь новаго ничего. Хотя жаль съ тобой не видаться, но покуда нельзя тебѣ сюда быть: долженъ быть всякій на мѣстѣ.

*

С.-Петербургъ.

18-го Февраля (2-го Марта) 1846 г.

Вчера рано утромъ получилъ я письмо твое, любезный отецъ-командиръ, съ неожиданнымъ извѣстіемъ оставленія Австрійцами Кракова. Сколь ни непонятна подобная мѣра, однако, соображая съ прочими извѣстіями изъ Галиціи, кажется, приписать это можно или ненадежности войскъ, или опасенію быть отрѣзанными отъ своихъ главныхъ силъ. Ты очень хорошо сдѣлалъ, что собираешь значительный

*) Такъ въ подлинникѣ, П. Б.

отрядъ, дабы ничего не компрометировать; но вели теперь *Панютину* итти братъ Краковъ и, ежели защищаться будетъ, *городъ не щадить и бомбардировать*: надо это гнѣздилище въ зародышѣ уничтожить, *но не грабить*. Вѣрить нельзя слухамъ изъ Галиціи; но буде подтвердятся, послѣдствія могутъ быть двойки, т. е. что Австрійцы будутъ силою брать назадъ свое или не будутъ въ состояніи сего сдѣлать. Мы должны оставаться въ покоѣ, но готовыми на все. Полагаю, что ты самъ уже распорядился нужными движеніями войскъ; сіе тѣмъ нужнѣе, что распутица скоро весьма затруднить ихъ движенія: потому, ежели они неминуемо предстоятъ, гораздо лучше ихъ начать ранѣе. Кажется мнѣ всего нужнѣе сдвинуть вправо 4-й корпусъ, къ которому, буде нужно, вытребуй *прямо* его кавал. дивизию по сношенію съ г. Герштенцвейгомъ, которому о семъ предписано. Подумать надо о *продовольствіи*. Казачій одинъ полкъ у насъ подъ рукой, и я приказалъ ему изъ Бессарабіи итти на Подольскъ къ Австрійской границѣ. Подумай тоже о продовольствіи для 2-го корпуса, ежели двинуть или стягивать его надо. Покуда 1-й корпусъ полагалъ бы я не трогать; но ежели 4-й и 2-й будутъ вызваны, придется квартиры ихъ занять 1-мъ. Такъ какъ за отпускомъ бат. слабы, то разрѣшаю тебѣ *сейчасъ, когда нужнымъ сочтешь*, собрать безерочныхъ, о чемъ предварены г. губернаторы, и тогда включи: Польскихъ въ 3-й корпусъ, *Виленскихъ, Ковенскихъ, Гродненскихъ* во 2-й; *Подольскихъ, Волынскихъ и Кіевскихъ* въ 4-й корпусъ, уравнивая по полкамъ и артил. бригадамъ. Не забудь о провіантѣ для крѣпостей Царства и для Бреста, на гарнизоны и *на 6 мѣсяцевъ*. Жду первыхъ твоихъ донесеній, чтобъ послать къ тебѣ Берга въ твое распоряженіе, такъ какъ при тебѣ ни Горчакова, ни г. квартирмейстера нѣтъ. Боюсь, чтобъ курьеръ отъ жены, котораго жду, не попался въ руки бунтовщиковъ, чтò было бы для меня крайне непріятно. Пиши мнѣ почаще обо всемъ. Чтò Жарскій открылъ по Варшавѣ? Будь ты самъ для своей особы остороженъ и не вѣрь канальямъ; помни Бельведеръ*), усугубь осторожности. Бибикова и Марковского отправилъ на ихъ мѣста, съ такими же указами, какъ даны тебѣ. Проучимъ каналій, ежели насъ подымутъ, я золь на нихъ.

*

*(С.-Петербургъ.**20-го Февраля (1-го Марта) 1816 г.*

Нахожу, что все, чтò ты нашель нужнымъ сдѣлать, очень хорошо и по обстоятельствамъ весьма полезно. Надѣюсь, что г. Панютинъ будетъ умѣть исполнить возложенное на него порученіе ловко и скоро;

*) Дворецъ въ Варшавѣ, мѣстожительство великаго князя Константина Павловича.

оно необходимо, ибо симъ дѣломъ должно начать прежде всего, и самое гнѣздо истребить; тогда легче будетъ справиться съ прочимъ. Кажется, и Пруссаки подвели отрядъ; ежели и они въ дѣло вмѣшаются, вели Панютину съ ними обходиться *дружески*, но отнюдь не дать себя удерживать ни ими и никѣмъ *взять Краковъ, сойте que соите* *). Сдадутся? тѣмъ лучше; нѣтъ? брать силой и *непреремьно* *взять*.

Слухи бунта въ Варшавѣ что-то мнѣ мудрены. *Кому* бунтовать и *чѣмъ*? Но сумасшедшая попытка на тебя всегда возможна, и потому *требую* отъ тебя, отецъ-командиръ, *чтобъ себя беречь*. При первой попыткѣ къ бунту въ Варшавѣ *вели сейчасъ очистить экспланаду цидатели*, что будетъ кстати. Отправляю сегодня же къ тебѣ Берга; онъ тебѣ везетъ словесныя подробности взятыхъ мной покуда мѣръ. Вкратцѣ вотъ онѣ: 1) Царство, Подоль и Волинь объявлены въ военномъ положеніи. 2) Безрочныхъ, о которыхъ тебѣ писалъ, велѣлъ я собрать *теперь же*; ибо поздно будетъ собирать тогда, когда надо будетъ двинуться. 3) 4-й корпусъ велѣлъ я *сейчасъ* приводить въ военное положеніе. 4) Ежели 2-й корпусъ ты возьмешь въ Польшу, надо 2-ю дивизию 1-го корпуса перевести въ Литву, а одну дивизию въ Кіевъ, дабы и 4-й корпусъ былъ свободенъ. 5) Всѣ *предвидимыя* *нужными* передвиженія дѣлать теперь же, до *распутицы*. 6) Ежели насъ потребуютъ въ Галицію, трогаться не дробями, а двумя корпусами полагалъ бы я, дабы наше появленіе было *какъ гроза*, все подавляющее, т. е. 3-мъ и 4-мъ, занявъ Польшу 2-мъ, Литву и Кіевъ 1-мъ корпусами. Вотъ покуда все, дальнѣйшее зависѣть будетъ отъ хода дѣлъ; шутить не стану, *а буде меня хотятъ, заставляю плясать по своей дудкѣ*, и для того хочу имѣть силы въ рукахъ, чтобъ дѣйствовать согласно тому. Признаюсь тебѣ, не вѣрю ни депешѣ эрцгерцога, которая во многомъ противорѣчитъ тому, что сами знаемъ, и не вѣрю вообще ихъ удалству, зная коренныя ихъ недостатки. Главное, что меня тревожить, это продовольствіе для движенія войскъ по Литвѣ; какъ ты сдѣлаешь?

Этого фельдъегеря, который везетъ письмо къ женѣ, отправь какъ за лучшее сочтешь, на Калишъ и Бреславль ли, или на Познань и Бреславль. Буде же Краковъ взять и дорога въ Вѣну свободна, то прямо; предоставляю тебѣ вполне рѣшить, что вѣрнѣе будетъ. Отъ жены 11 дней нѣтъ фельдъегеря; крѣпко боюсь, не попался ли онъ къ бунтовщикамъ, что было-бъ крайне мнѣ непріятно. Что про Варшаву открылъ тебѣ Жарскій. Здѣсь на Поляковъ крайне злы, и хорошіе

*) Чего бы ни стоило.

Поляки въ отчаніи; и есть отъ чего! Покуда и все тутъ. Дай Боже, чтобъ все шло хорошо, и наши-бъ смиренны были; но ежели нѣтъ? то знаешь, какъ тебѣ съ ними поступать должно.

*

С.-Петербургъ.

22-го Февраля (6-го Марта) 1846 г.

Не могу довольно тебя благодарить за всѣ твои распоряженія, которыя *всѣ* совершенно согласны съ моими желаніями и ожиданіями. Фонтонъ глупо сдѣлалъ, давъ обѣщаніе, на которое онъ не былъ уполномоченъ, и тѣмъ болѣе не нужное, что и безъ того старѣйшій въ чинѣ, гдѣ дѣйствуютъ союзники *вмѣстѣ* по наружности, есть главный, хотя и не командуетъ; *подчинять* же моихъ войскъ никому не хочу, ибо у нихъ свое начальство. Повидимому Пруссаки хотятъ первые быть въ Краковѣ, чтобъ имѣть право распоряжаться, какъ ихъ завоеваніемъ, но это глупо. Въ Вѣнѣ не знали еще про глупости ихъ генерала, но резидентъ ихъ на него жаловался; вообще въ Вѣнѣ смотрѣли на это легче, какъ должно. Э.-г. Фердинандомъ они недовольны, ибо онъ *ручался* имъ за спокойствіе и былъ, кажется, самъ Поляками обманутъ. Чтò изъ этого выйдетъ, право еще не знаю. Меттернихъ облеченъ полною властію *на это время*, и это хорошо, а то бы еще хуже пошло. Ты, полагаю, знаешь уже, что викарный епископъ Гнезенскій арестованъ, какъ изблеченный въ заговорѣ. Какое! Пора было имъ дать карачунъ.

*

Весьма важно.

С.-Петербургъ.

24-го Февраля (8-го Марта) 1846 г.

Слава Богу, слава тебѣ мой, отецъ-командиръ, дѣло велъ прекрасно, и за то и славный конецъ. Признаюсь, что не могу довольно выразить тебѣ моей радости, что *мы* подъ носомъ выгнанныхъ изъ Кракова Австрійцевъ поспѣли ранѣе всѣхъ и заняли Краковъ. Теперь и болѣе силы будетъ поставить на нашемъ, ибо *мы*, а не Австрійцы, не Пруссаки, заняли Краковъ. Меня душевно радуетъ тоже поведеніе мужиковъ у насъ; награждай щедро и болѣе усердствующимъ давай медали; надо сколь можно ихъ поощрять и награждать за вѣрность и усердіе. Извѣстія, которыя привезъ мнѣ вчера Коновницынъ изъ Галиціи, весьма любопытны. Мнѣ кажется, что *коммунизмъ* (ибо онъ точно есть) мужики тамъ поняли по своему, т. е. рѣзать помѣщиковъ при первомъ законномъ предлогѣ. *Здѣсь* оно хорошо, но опасно дать этому развиться. Теперь настало время сосѣдямъ наказывать виновныхъ. Будетъ ли у нихъ столько духу? Сегодня писалъ я къ нимъ, что требую уничтоженія Кракова; не хотятъ взять его Австрійцы, какъ

условлено въ Теплицѣ, возьму я, *ибо мы вошли*, но не желаю того. Французы и Англія, можетъ быть, протестуютъ по Вѣнскому конгрессу, но такъ какъ Бельгію по революціи они же отняли у Голландіи, то имѣемъ и мы право по революціи же уничтожить это вредное гнѣздо и уничтожимъ. Принятія тобою мѣры нахожу прекрасны, но побереги войска и лишнихъ не держи на площадяхъ, тогда какъ жители теперь обезоружены и все притихаетъ. Сомнительныхъ молодцовъ-помѣщиковъ хорошо бы прибрать къ рукамъ. Сѣдлецкое дѣло просто убійство мерзкое. Не мѣшало бы взыскать съ тѣхъ мужчинъ, которые по вызову уѣзднаго начальника не подали ему помощи. Какъ ведутъ себя духовные? Любопытенъ знать, исправно ли явятся безсрочные въ Царствѣ; всякому, кто явится исправно, вели выдать по злоту сер., тоже дай войскамъ, вошедшимъ въ Краковъ, и по $\frac{1}{2}$ з. сер. прочимъ, въ отрядахъ бывшимъ. Спроси у эрцгерцога, какія у него и отъ кого свѣдѣнія на счетъ бунта, готовящагося въ Петербургѣ ко Святой, о которомъ начальникъ полиціи говорилъ Коновницину; подобнаго нельзя упустить изъ виду, не проясня. Посмотримъ, какъ у нихъ-то кончится и что будетъ въ Венгріи.

На дняхъ пришлю тебѣ твоего сына.

С.-Петербургъ.

*

28-го Февраля (12-го Марта) 1846 г.

Новая попытка Дзялынскаго на Позенъ мнѣ служить только новымъ доказательствомъ дерзости и самонадѣянности каналій Поляковъ, а съ другой—безпечности и глупости Прусской полиціи, не знавшей или не умѣвшей узнать, что подъ носомъ готовилось съ толикой дерзостію. Какъ послѣ того надѣяться на ихъ дѣятельное содѣйствіе къ разбору этого сложнаго дѣла и на усердіе преслѣдовать всѣ эти пагубные замыслы! Не знаю даже, будутъ ли своихъ каналій судить военнымъ судомъ? Ежели Австрійцы глупо дали созрѣть всему заговору, ничего не хотя ни знать, ни видѣть, ежели съ обыкновенной своей мѣшкотой и формами собирали войска воевать на Краковъ, когда мы все кончили 2-мя бат.: за то, при всемъ ихъ глупомъ важничаніи, объявили они *Штандъ-Рехтъ*, т. е. *la loi martiale**), и я увѣренъ, что за Меттернихомъ дѣло не станеть, и съ канальями поступаетъ они *на чисто*. Но повторяю, на Пруссаковъ ничуть не полагаюсь. Жаль, что не удалось Краковскихъ шельмъ переловить намъ; у нихъ половина уйдетъ или отпустятъ, и опять шельмы варить будутъ кашу по своему; врядъ ли не такъ будетъ. Изъ Вѣны мнѣ пишутъ, что мужики въ Галиціи душатъ не только помѣщиковъ, но и поповъ, а другихъ вяжутъ и представляютъ

*) Военный судъ.

къ начальству. Какъ это имъ здорово, да и императрицамъ и фанатической партіи, дабы убѣдились наконецъ, что за народъ эти попы, и правъ ли былъ я, что ихъ привожу къ порядку. Слава Богу, что у насъ все тихо; но будь остороженъ; чуть подозрительныхъ бери къ отвѣту, и воспользуемся симъ случаемъ, чтобъ вновь очистить или дочистить край отъ столько сору, сколько можно; пора съ ними надолго кончить. Войскамъ дай возможный покой. Теперь полагаю, что нѣтъ уже причины приводить 4-й корпусъ въ воен. положеніе, и я дѣло приостановлю, дабы не дѣлать лишнихъ расходовъ. Но стянуть корпусъ вправо изъ Бессарабіи вонъ, будетъ все лучше, дабы для новой нужды былъ бы подъ рукой. Отпускныхъ хочу собрать однако, какъ для опыта, такъ и для извѣщенія, что все *готово*, и край оставляя неопредѣлительно въ военномъ положеніи, для страха всѣмъ, какъ ты очень хорошо выразилъ въ послѣднемъ письмѣ. Писалъ въ Вѣну и въ Берлинъ и предлагаю по Теплицкому условію *кончить Краковъ*; не хотять—я *кончу*. Читалъ ли ты реляцію Англійскаго сраженія въ Индіи? Чуть было не поколотили ихъ, да полно, не поколотятъ ли еще, ибо они что-то далеко задрали, да и теряютъ много; въ Англии сей побѣдѣ не радуются, а призадумались. Здѣсь все тихо и покуда грязь непомѣрная. Получивъ будущаго курьера отъ жены, собираюсь въ Москву на 8 дней и желаю быть сюда назадъ къ 12-му (24-му) Марта.

*

С.-Петербургъ.

3-го (15-го) Марта 1846 г.

Всѣ распоряженія, сдѣланныя Ридигеромъ, очень хороши, и всѣ попытки въ Краковѣ просить къ намъ передаться—принимаю еще менѣе, чѣмъ когда либо; подавно изъ Галиціи. Тѣмъ болѣе не хочу о томъ слышать, что должно осторожнѣе, чѣмъ когда-либо, избѣгать всего, что могло бы навести тѣнь сомнѣнія на чистоту и прямоту нашихъ намѣреній. Вѣрю очень, что теперь Австрійцамъ не легко будетъ приводить народъ къ порядку; ибо сколько народное орудіе въ томъ случаѣ имъ ни было полезно, оно самое опасное, ибо выводитъ изъ порядка и послушанія, а тутъ и коммунизмъ готовъ. Этого-то примѣра я боялся для нашихъ на Волыни и Подоль, и сейчасъ послалъ Бибикова съ строгимъ приказомъ *отнюдь* не дозволять никакой подобной попытки, ибо никогда не дозволю распорядковъ съ *низу*, а хочу, чтобъ ждали съ *верху*. Мои правила тебѣ извѣстны давно. Ты и въ Польшѣ проучи мужиковъ, которые бы хотѣли предлогомъ воспользоваться: чѣмъ подобное затѣвать, они *донеси*, ежели подозрѣваютъ, но не распоряжайся сами. Согласно твоему желанію *отмѣняю* сборъ от-

пускныхъ; хорошо, что не надо. Наконецъ и Пруссаки штандъ-рехтъ объявили; *пора было*. Но прочти Берлинскую газету, въ которой сказано, что Поляки имѣли *несчастіе* быть атакованы нашей кавалеріей прежде чѣмъ достигли границы Прусской; вездѣ явная злоба. Куда все это поведетъ, право страшно подумать. Съ удовольствіемъ читалъ я записку объ совершенныхъ войсками переходахъ; молодцы! Теперь, какъ все успокоилось, кажется не надо Полякамъ показывать, что ихъ боимся; они обезоружены,—что они большее предпринять могутъ? Потому и побереги войска, и мало по малу вводи опять прежній обычный порядокъ въ службѣ гарнизона. Все это не исключаетъ обыкновенной осторожности. *Самъ для себя будь остороженъ*. Здѣсь все тихо и хорошо. Писалъ ли ты къ эрцъ-герцогу Фердинанду, чтобъ спросить, какія до нихъ дошли свѣдѣнія о готовящемся у насъ здѣсь бунтѣ на Святой? Надо узнать. Вчера смотрѣлъ неожиданно всю кавалерію и конную артиллерію и былъ очень доволенъ.

ВОСПОМИНАНІЯ СЕВАСТОПОЛЬСКАГО ВЕТЕРАНА.

И бысть то все правда святая,
И бысть то поль-вѣка назадъ;
Была ли же польза какая
Изъ бойни ужасной? Наврядъ.

Въ Январѣ 1854 года я былъ еще юнкеромъ въ N-скомъ полку, штабъ котораго стоялъ въ одномъ изъ городовъ Тамбовской губ. Юнкерская команда, находившаяся при штабѣ, помѣщалась въ нанятомъ домѣ и была въ вѣдѣніи одного изъ офицеровъ. Всѣ юнкера имѣли совершенно свободный выходъ, не спрашивая разрѣшенія назначеннаго изъ юнкеровъ фельдфебеля, говоря ему только „я ухожу“. Возвращеніе требовалось въ 9 часовъ вечера. Фронтковыя ученія были рѣдки, и поэтому въ командѣ никогда не было больше половины юнкеровъ. Время шло скучно, пусто, одно развлеченіе—карты. Рѣдко у кого была въ рукахъ книга, но и книги были у насъ лишь учебныя: географія, исторія, курсы ариѳметики, учебники Французскаго языка и тому подобныя, какъ мы выражались, „мерзости“. Я убѣждалъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей плюнуть на это дѣло, потому что изъ него ничего не выйдетъ, особенно теперь, когда носится слухъ о предстоящей войнѣ и неминуемомъ походѣ. А если это будетъ, утверждалъ я, насъ и такъ произведутъ въ подпрапорщики и въ офицеры. Насъ было на половину поступившихъ безъ экзамена рядовыми, которые для полученія подпрапорщика для дворянъ, и унтеръ-офицера для прочихъ сословій, должны были сдавать экзаменъ по программѣ, равной переходному экзамену изъ 6-го въ 7-й классъ гимназіи, и поэтому я не обращалъ никакого вниманія на науки, такъ какъ и на совѣты своего старшаго брата, поступившаго подпрапорщикомъ изъ гимназіи годомъ раньше меня. Смотри, Костя, говорилъ онъ: ты уже годъ на службѣ, а познанія твои все стоятъ на одномъ мѣстѣ. Вѣдь безъ экза-

мена ты не будешь подпрапорщикомъ; даромъ, что тебя командиръ полка на смотре выводилъ на середину и говорилъ, что онъ желаетъ, чтобы все знали по твоему службу.—Ну ладно, отвѣчалъ я, когда будетъ война, такъ я прежде тебя буду офицеромъ. Ахъ, Костька проклятый, говорили товарищи: ему все „трынь-трава, кромъ ружья“.

Въ началѣ Января, одинъ изъ товарищей, вернувшись домой, сообщилъ мнѣ, что встрѣтившійся ему нашъ полковой казначей велѣлъ мнѣ придти въ канцелярію для полученія денежнаго письма.—Ну слава Богу, сказалъ я, наконецъ-то!

На другой день я отправился для полученія письма въ канцелярію и, возвратясь въ команду, торжественно закричалъ: „Ура“, сообщивъ, что война неминуемо будетъ и что въ канцелярії кромѣ суматохи я видѣлъ массу лежащихъ огромными стопами контръ-марокъ (каждая контръ-марка стоила 75 коп., и предназначались онѣ въ уплату крестьянамъ за каждую подводу, доставленную для перевозки полковой тяжести). А дня чрезъ три или четыре пріѣхалъ къ намъ командиръ полка и поздравилъ съ походомъ. Дружное и громкое ура было отвѣтомъ болѣе шестидесяти голосовъ.

Ну, господа, будьте молодцами; путь далекій. Я съ своей стороны постараюсь облегчить вамъ его, сказалъ намъ любившій насъ командиръ полка и уѣхалъ. Къ вечеру мы узнали, что 1-й и 2-й баталіоны выступятъ чрезъ четыре дня, а 3-й и 4-й чрезъ 5 дней. Состоя во 2-й ротѣ 1-го баталіона (тогда знаменной), намъ съ братомъ пришлось выступить чрезъ 4 дня, которые были употреблены на сборы. Что же мы возьмемъ съ собой? спрашивалъ меня братъ. Я ничего кромѣ мундира и необходимаго бѣлья, отвѣчалъ я. Дорогой будутъ города; можно будетъ купить что нужно, были бы деньги.

Наканунѣ выступленія, къ намъ въ команду пришелъ каптенармусъ 2-й роты (унтеръ-офицеръ, завѣдывающій хозяйственной частью), провозгласивъ: Гг. подпрапорщики, пожалуйста въ цейхгаузъ для полученія аммуниціи и пригонкѣ ся. Мы отправились и стали примѣрять выдаваемую аммуницію, при чемъ каждую выдаваемую мнѣ вещь я безусловно браковалъ, не желая получать ношенную.

— Помилуйте, Константинъ Ивановичъ, вы требуете все, что мы выдаемъ только для ординарцевъ. Я доложу ротному командиру.

— А я скажу полковому командиру, что мнѣ такая дрянь не по плечу, и прямо отсюда пойду и покажу ему, какой дрянью ты угощаешь юнкеровъ.

Зная отношенія командира полка къ юнкерамъ вообще, а ко мнѣ въ особенности, хозяйственное начальство быстро согласилось исполнить мое требованіе съ замѣчаніемъ, что я большой озорникъ.

На другой день, въ семь часовъ утра, мы прибыли въ роту въ полной походной аммуниціи и чрезъ полчаса, перекрестившись, двинулись въ далекій путь.

Ну ребята, обратился я къ своимъ товарищамъ по ротѣ, кто-то назадъ возвратится?

— Да, отвѣчалъ чей-то голосъ, это вопросъ.

— Да чего ты, Костыка, спрашиваешь, кто назадъ возвратится, сказалъ одинъ изъ товарищей; ты спроси сначала самого себя, дойдешь-ли еще ты до войны въ своемъ ординарческомъ ранцѣ, о которомъ ты такъ распинался?

— А я думалъ, братъ, что ты умнѣ чѣмъ оказываешься... честное слово. Съ чего ты взялъ, что мы всѣ, а я въ особенности, будемъ идти въ ранцахъ. Вѣдь теперь мы идемъ потому, что идемъ изъ города, а потому и нѣтъ подводъ, а со слѣдующей станціи вѣроятно всѣ люди пойдутъ безъ ранцевъ. А я свой ранецъ, какъ ординарскій, помѣщу на ротную подводку, съ которой уже и не сниму, вѣроятно, до какой нибудь особенной надобности. Довольно и того, что каждую недѣлю буду на него любоваться и брать изъ него, или класть въ него, что мнѣ надо.

Первый переходъ почти въ двадцать верстъ, съ получасовымъ отдыхомъ на полпути, утомилъ мои плечи, а на другой день я, какъ говорилъ, такъ и сдѣлалъ: сдалъ свой ранецъ на ротную подводку, что сдѣлали и остальные юнкера нашей роты. Солдаты тоже шли безъ ранцевъ все время, исключая тѣхъ переходовъ, когда выступали изъ городовъ, въ которыхъ подводъ не выдавалось; но мы, юнкера второй роты, ранцевъ своихъ никогда не надѣвали.

Днѣвки у насъ были чрезъ два и три дня, т. е. каждый третій день мы стояли, потомъ стояли четвертый день, и по этому расчету двигались среднимъ числомъ сто верстъ въ недѣлю. Нельзя сказать, чтобы особенно торопились сокрушить дерзновеннаго врага.

Походъ до города Липецка былъ вообще благополучный. Въ Липецкѣ собрался весь первый эшелонъ, т. е. первый и второй баталіоны. Народонаселеніе Тамбовской губерніи довольно густо, села и деревни встрѣчаются довольно часто, и на двадцати, двадцати пяти верстахъ попадались по четыре-по пяти селеній. Но отъ Липецка до мѣста, гдѣ

долженъ былъ въ громадномъ селѣ размѣститься цѣлый эшелонъ, было тридцать шесть верстѣ.

Мы пришли въ Липецкъ по обыкновенію къ вечеру, при морозѣ градусовъ въ десять. На другой день по утру, часовъ въ шесть, мы въ первый разъ услышали музыку генераль-марша, который наигрывали барабанщики и горнисты двухъ баталіоновъ. Ничего, въ общемъ не дурно. Проснувшись подъ музыку, посмотрѣли въ окно и невольно поморщились, увидавъ отдаленные лучи восходящаго солнца, предвѣщавшаго болѣе морозный день; но это еще туда-сюда, путешествовали и при двадцати пяти градусномъ морозѣ, а вотъ тридцать шесть верстѣ, это насъ, признаться сказать, покорило, хотя мы еще не знали, что привалу для отдыха сдѣлать негдѣ. Но вотъ взошло солнце, грянулъ сборъ, и мы съ братомъ взяли ружья и пошли къ своей ротѣ. О солнце, солнце, лучше бы ты не всходило! Авось безъ тебя было бы потеплѣе, а то шестнадцать градусовъ мороза и тридцать-шесть верстѣ пути, да еще въ ранцахъ (солдаты). Да, коробило отъ холода и дистанціи.

Но вотъ батальоны выстроились, раздалась команда: „авангардъ впередъ! ружья вольно! знаменныя ряды прямо, прочіе направо и налево, вольнымъ шагомъ маршъ“. И шестирядными колоннами батальоны тронулись впередъ.

Прошло часа три, солнце скрылось, небо заволокло сначала облаками, потомъ тучами, пошелъ сухой снѣгъ, и задулъ небольшой вѣтеръ, перешедшій чуть не въ бурю. Не прошло и часа, какъ дорога была глубоко завалена сплошнымъ снѣгомъ. Когда было уже трудно идти, я посовѣтовалъ идущимъ вмѣстѣ со мной четверемъ товарищамъ идти впереди даже авангарда, чтобы не отстать, будучи увѣренъ, что если пойдемъ не впереди, то, отставая шагъ за шагомъ, мы очутимся въ хвостѣ колонны, растянувшейся въ это время почти на версту.

Что ты выдумалъ, Костяка? посмотри гдѣ авангардъ, вѣдь до него добрыхъ будетъ полверсты, сказалъ мнѣ одинъ изъ товарищей, хохолъ Переверзенко. Остальные же выразились: н-да, мудрено! Эхъ вы! возразилъ я, каждый-то изъ васъ много старше меня, и всѣ вмѣстѣ выдѣнаго яйца не стоите! Ну, слушай команду, играю сигналъ, сказалъ я и заплѣлъ сигналъ. „Нашъ чередъ, маршъ впередъ, выручимъ братьевъ въ дѣлѣ“. Не отставай ребята! крикнулъ я, прибавивъ шагу и перекидывая ружье съ одного плеча на другое. Но вотъ барабанъ забилъ фельдмаршъ, давая знать о приближеніи начальника, чтобы идти въ порядкѣ. Но это было только, такъ сказать, исполненіе дисциплины. (Какой тутъ могъ быть порядокъ!) Оказалось, что проскакалъ пли,

вѣриѣ, желалъ проскакать, а на самомъ дѣлѣ проѣхалъ, хотя и не особенно скоро, но все таки крупной рысью, командиръ полка въ своемъ легкомъ возкѣ. Было уже часа два или три, вьюга не уменьшалась, а мы шли уже впереди авангарда, поговаривая, придется ли намъ добратся до ночлега.

Что, хохоль, не плачешь? спросилъ я, обращаясь къ товарищу Переверзенко. Онъ не отвѣтилъ. Ну такъ затяни свою хохлатскую пѣсню, продолжалъ я, знаешь!

Віють витры, віють буйны,
Ажъ деревья гнутся.
О, якъ болятъ мое сердце,
Тай слезы не льются.

— А у меня и сердце не бьется, проговорилъ онъ.

— А ноги не болятъ? спросилъ я его.

— Ни, не болятъ, тилько насилу, братику, иду; просто хошь ложись, тай вмирай.

Въ это время давно слышанный мною издали колокольчикъ почти уже догналъ насъ. Это была обратная тройка почтовыхъ лошадей. Ямщикъ, закрывшись рогожей, очевидно находился въ гостяхъ у Морфея.

— Врешь, говорю я Переверзенкѣ, хлопая его по плечу, со мной идешь, такъ не умрешь. Ребята, сюда! крикнулъ я и вскочилъ въ сани, поровнявшіеся въ это время съ нами.

Всѣ переутомленные товарищи, какъ будто воскресли и моментально очутились въ саняхъ. Ямщикъ вздумалъ было противорѣчить, но услышавъ мой возгласъ: „вышвырнуть его изъ саней, если онъ не поѣдетъ полной рысью“, онъ усѣлся на козлы, подобралъ возжи, и тройка помчалась. — Далеко ли до станціи? спросилъ я ямщика. Девять верстъ, отвѣчалъ онъ. Ну, это не далеко, лупи во всю, полтинникъ на чай дамъ. Тройка помчалась въ карьеръ.

Вотъ что, ребята, теперъ шевели ногами, да потирай руки хорошенько, чтобы не пріѣхать на станцію замороженными кочерыжками. Ничего доѣдемъ, отозвался ящикъ. Проскакавъ версты три, онъ осадилъ лошадей, обратился къ намъ и предложилъ пройти съ полверсты, говоря: вы, господа, пройдетесь держась за сани, идти вамъ будетъ не трудно, а ноги-то поотойдутъ, я тоже немного погрѣюсь; ишь морозище лютый, вѣтеръ просто страсть, да и кони вздохнуть, ишь сердечные насилу дышать, по такой анаемской дорогѣ долго ли коней надсадить?

— Ладно, сказалъ я, умныя рѣчи хорошо и слушать.

Мы выскочили изъ саней, ухватившись за которые, стали отогрѣвать свои коченѣвшія ноги. Пройдя побольше полверсты, ямщикъ предложилъ намъ садиться, и когда мы усѣлись, добавилъ: ну, господа, теперь мы поѣдемъ рысцой, а то ей Богу не доѣдемъ, глянько-сь, чуть чуть не по колѣно нанесло снѣгу-то.

— Ладно, отвѣчалъ я за всѣхъ, какъ ни вези, только поскорѣе.

Черезъ часъ послѣ этого мы были уже на станціи, гдѣ смотрителемъ оказался бывший унтеръ-офицеръ. Встрѣтивъ насъ любезно, предложилъ намъ напиться чаю и сказалъ, что у него и самоваръ готовъ для дорогихъ гостей. Черезъ десять минутъ мы уже сидѣли за столомъ, на которомъ кромѣ чая были превосходные сливки и бѣлый домашній хлѣбъ. Восторгу нашему не было конца отъ любезности смотрителя, сообщившему также намъ, что нашъ командиръ полка за два съ половиною часа до нашего пріѣзда проѣхалъ въ село.

Просидѣвъ на станціи около часа, отлично отогрѣвшись, закусивъ и поблагодаривъ смотрителя, мы отправились дальше. Путь лежалъ проселкомъ, дороги никакой, но село было видно. Отправляясь на прямикъ и пройдя не болѣе четверти версты, были мы вдругъ удивлены, когда впереди увидѣли, версты за полторы, какую-то черную полосу длиною версты въ двѣ. Но наше недоумѣніе разсѣялось, когда это полоса быстро стала приближаться къ намъ. Не прошло четверти часа, мимо насъ, одна за другой, во весь карьеръ промчались одиночныя подводы, высланныя командиромъ полка для поднятія всего эшелона. Подводъ было, какъ мы послѣ узнали, болѣе шестисотъ, чему конечно способствовало громадное село. Мы радовались, что намъ придется идти по торной дорогѣ. И дѣйствительно, дорога была чрезвычайно укатана, вѣтеръ и снѣгъ стихли, пока мы сидѣли на станціи.

Нутка, по первопутку навались, ребята!

Такъ смѣялся одинъ изъ товарищей. Мы всѣ дѣйствительно навалились и летѣли такъ, что не слыхали подъ собою ногъ.

На другой день, когда мы свидѣлись съ прочими товарищами и рассказали имъ о нашемъ путешествіи, они сдѣлали намъ замѣчаніе, почему мы не воспользовались ни одной подводой, чтобы не идти послѣднихъ шести верстъ.

Да развѣ мыслимо было отнять хоть одну подводку изъ спѣшившихъ для спасенія двухъ тысячъ человѣкъ?

Послѣдствія этого перехода были ужасны. Я не могу конечно передавать это за достовѣрное; но по слухамъ, кромѣ многихъ заболѣв-

шихъ, было замерзшихъ до сорока человѣкъ. Въ томъ числѣ нѣсколько человѣкъ были не отысканы. Очевидно, они упали отъ изнеможенія и были уже занесены снѣгомъ.

Второй эшелонъ въ этотъ день шель въ городъ Липецкъ, но такъ какъ въ томъ переходѣ часто встрѣчались деревни и села, то роты останавливались въ томъ селеніи, гдѣ ихъ застигла метель, что рѣшалось уставомъ. И благодаря этому, тамъ никакихъ несчастій съ людьми не было.

Въ этотъ вечеръ я подвергся допросу отъ товарищей, почему они меня видятъ очень рѣдко во время переходовъ? Чертъ тебя знаетъ, говорилъ Переверзенко, рота строится, ты тутъ, а тронулась, тебя никаки чертями не отыщешь, рѣдко когда ты идешь.—А это видите почему, отвѣчалъ я: какъ только рота тронется, я сейчасъ же назадъ въ избу досыпать, а во снѣ вижу, что мнѣ Чертъ Ивановичъ Верекинъ подаетъ лошадь и говоритъ: „Садись, Костька, рота-то твоя уже къ ночлегу подходитъ“. Ну я, значить, одѣнусь какъ слѣдуетъ, возьму ружье и только успѣю сѣсть въ сани, какъ замелькаютъ передъ глазами деревни, села, лѣса, поля, рота, и у перваго квартирьера Чертъ Ивановичъ останавливается и спросить: „гдѣ квартира для Константина Ивановича“. Квартирьеръ уже привыкъ отвѣчать и говоритъ: у Пахомова или у вдовы Акулины и т. п. (чертъ всѣхъ знаетъ), ну значить и лупишь прямо туда. Ну, а на другой день таже пѣсня.

— Такъ, сказалъ Переверзенко, это значить ты, какъ Гоголевскій кузнецъ Вакула на чертѣ ѣздишь. Похвально. Только ты дурака-то не валяй, а скажи, какъ это ты ухитряешься? Вѣдь не нанимаешь же ты лошадь на каждый переходъ.—Откуда же мнѣ взять на наемъ лошадей? отвѣчалъ я, а если хотите правду знать, слушайте.

Вы квартирьера поручика Бушуева знаете? Знаемъ, отвѣчали всѣ разомъ. Ну такъ видите, помнишь, Переверзенко, въ Апрѣлѣ прошлаго года, какъ насъ съ тобой завѣдывающій командой поставилъ къ воротамъ на часы за то, что мы не ночевали дома и пришли утромъ, когда ученье уже было кончено. Помню, отвѣчалъ онъ. Ну такъ, значить, помнишь и то, какъ я издали принялъ Бушуева за командира полка и сдѣлалъ ему на караулъ, послѣ чего онъ подошелъ ко мнѣ и сталъ спрашивать, какъ моя фамилія и давно ли я поступилъ. Узнавъ, что въ Январѣ, онъ пожалъ плечами и ушелъ, а черезъ десять минутъ насъ съ тобой отпустили.—Помню и это.—Такъ видишь, я этого самого Бушуева послѣ видаль у прапорщика Востроухина, котораго я зналъ еще юнкеромъ предъ производствомъ его въ офицеры, а такъ

какъ Бушуевъ квартиррьеръ, онъ же и назначаетъ подводы для ротъ, такъ я и просилъ его назначать въ нашу роту одной подводой больше. Теперь поняли? Да поняли. Счастливецъ, чертъ тебя возьми, больше ничего.

Придя въ Богучарскій уѣздъ Воронежской губерніи, нашъ полкъ былъ остановленъ и, простоявъ двадцать дней, двинулся по новому маршруту: вмѣсто Ставрополя повернули въ крѣпость Анапу.

Пришли въ Новочеркасскъ, гдѣ назначена была намъ дневка. Бывшій въ то время наказный атаманъ Хомутовъ, пропуская мимо своего дома роты, въ день выхода изъ Новочеркасска, угощалъ насъ Донскимъ, а офицеры, кажется, были у него на завтракъ. Вообще же походъ по землѣ Войска Донскаго на всѣхъ оставилъ отличное впечатлѣніе за ихъ чрезвычайно радушный приѣмъ.

На послѣдней Аксайской станицѣ близъ Ростова у насъ отобраны были каски, и мы уже пошли въ фуражкахъ. Прощай, Донъ, прощай и подводы! Въ Землѣ Войска Черноморскаго намъ уже не давали подводу, и всѣ люди шли въ ранцахъ кромѣ юнкеровъ, которые по приказанію командира полка были освобождены отъ этого удовольствія.

Не доходя верстъ полутораста до Екатеринодара, со мной сдѣлалась лихорадка. Сначала я думалъ, что она потреплетъ, потреплетъ да и пройдетъ; но она не желала оставить меня, а я не желалъ оставаться въ одной изъ станицъ, въ ста верстахъ отъ Екатеринодара. Нѣкоторые совѣтовали мнѣ остаться, другіе же увѣряли, что, придя въ Екатеринодаръ, они меня вылечатъ безъ всякаго госпиталя.—Не бойся, Костя, говорилъ мнѣ Переверзенко, придемъ въ Екатеринодаръ, тамъ дневка, вылечимъ.

Не понимаю, откуда у меня взялась сила пройти сто верстъ въ недѣлю. Жаръ все усиливался и усиливался, наконецъ пришли. На другой день приходитъ ко мнѣ Переверзенко и говоритъ: „пойдемъ, Костя, лечиться“. Я спрашиваю, куда? Въ трактиръ, говоритъ; сразу вылечимъ. Я отправился съ нимъ и засталъ уже въ трактирѣ и другихъ товарищей. Сначала мы пообѣдали, потомъ спросили чаю и бутылку рому.—Что это? спрашиваю я; сначала пообѣдали, а потомъ ромъ будете пить?—Ну да, пуншъ. Это слово было для меня новое, я его еще ни разу не слыжалъ.—Вотъ сей часъ тебя будемъ лечить, сказалъ Переверзенко, наливъ немного болѣе полустакана чаю и доливъ его ромомъ.—Пей, Костя, все у тебя пройдетъ.—Да я никогда этого не пилъ, должно быть очень крѣпко. Попробоваль.—Пей, ничего, валий разомъ. Я выпилъ, подошелъ къ зеркалу, посмотрѣлъ на себя

и удивился своему виду: глаза у меня налиты были кровью. Что смотришься, пей другой, все пройдетъ, не бойся, сказалъ одинъ изъ товарищей. Какая гадость, отвѣтилъ я, хуже всякой хины, и я залпомъ выпилъ второй стаканъ. Ну и вылечили.

На другой день, часовъ въ семь утра, я открылъ глаза, и мнѣ представилась довольно обширная комната съ двѣнадцатью кроватями. Э, э, подумалъ я, ловко! Госпиталь, какъ же я сюда попалъ? Помню, что я вчера былъ въ трактирѣ и только. И на вопросъ, когда же меня сюда привезли, мнѣ отвѣтили, что вчера вечеромъ. Что я былъ пьянъ, это еще можетъ быть, но чтобы я вслѣдствіе этого ничего не помнилъ, этого быть не можетъ. Тутъ было что нибудь особенное, что осталось для меня неразъяснимымъ.

Палата, въ которую меня помѣстили, была солдатская. Пришелъ генералъ штабъ-докторъ (Хохоль) и сталъ спрашивать меня подробно о моей болѣзни. Я далъ ему ясные отвѣты и сказалъ о лекарствахъ, которымъ хотѣли меня вылечить товарищи. Онъ покачалъ головой, прописалъ хину и велѣлъ перевести меня въ офицерскую палату, находящуюся въ томъ же зданіи чрезъ корридоръ. Перейдя въ офицерскую палату, я былъ очень обрадованъ, найдя тамъ поручика нашего полка Янина, поступившаго наканунѣ. У него была тоже лихорадка. Я поправился ранѣе его на недѣлю, но ожидалъ его выписки: онъ, какъ офицеръ, ѣздилъ на почтовыхъ и могъ меня взять съ собой. Мы пролежали съ нимъ шесть недѣль и пріѣхали въ крѣпость Анапу уже въ Маѣ мѣсяцѣ.

Бытность въ Анапѣ, безцѣльное путешествіе полка въ Новороссійскъ, экспедиція части полка въ Геленджикъ, который былъ сожженъ, возвращеніе въ Анапу и стоянка на позиціи Кичегеевскихъ высотъ ничего интереснаго не представляли. Въ Іюль третій батальонъ выступилъ въ г. Керчь, и всѣ юнкера, поступившіе рядовыми, были переведены въ третій батальонъ, что ясно доказывало, что въ Керчи будетъ производиться намъ экзаменъ.

Придя въ Керчь (чрезъ Азовское море мы переѣхали на пароходѣ изъ Тамани), нашъ батальонъ сталъ лагеремъ верстахъ въ трехъ отъ Керчи на берегу Чернаго моря, почти у самого пролива. Лагерная жизнь была очень однообразная: по утру купались, вечеромъ тоже, изрѣдка ходили въ Керчь, путешествовали на Митридатъ. Въ Августѣ мы объѣдались арбузами, которые возили намъ Татары по три, по четыре воза и распродавали всѣ безъ остатка, вслѣдствіе безобразно дешевой цѣны. Недѣли чрезъ полторы люди начали заболѣвать раз-

стройствомъ желудка. Татарамъ вслѣдствіе этого запретили привозить арбузы, но они не слушались и продолжали пріятную для насъ свою торговлю. Имъ сказали другой и третій разъ, все напрасно: ѣздить себѣ и ѣздить. Тогда прибѣгли къ крайнему средству: велѣли фельд-фебелямъ уговорить также привезти въ Воскресенье побольше арбузовъ, такъ какъ у насъ, якобы особый праздникъ. И дѣйствительно, въ Воскресенье Татары явились на шести лошадяхъ и съ лучшими арбузами. И только они остановились, весь батальонъ бросился на ура и расхваталъ всѣ арбузы уже безъ всякой цѣны. Тѣмъ и пресѣклась подвозка арбузовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣзнь.

Въ этомъ мѣсяцѣ всѣхъ юнкеровъ потребовали въ штабъ Керченскаго гарнизона для держанія экзамена. Мы отправились. Дорогой начался разговоръ, кто можетъ выдержать, кто не можетъ. Одинъ говорить: я изъ этого провалюсь, другой изъ этого.—А вотъ я, вмѣшался я въ разговоръ, если меня будутъ спрашивать, такъ скажу, что я ничего не помню, потому что думаю не о томъ. Ахъ ты, Костька проклятый, что же скажешь, если тебя спросятъ, о чемъ ты думаешь? Эхъ ты чумичка, отозвался я, ты думаешь у меня отвѣта не найдется? Изволь. Я ему скажу, что думаю о своемъ ружьѣ, какъ бы его промѣнять на штуцеръ, такъ какъ мое ружье въ саженную мишень на двѣсти шаговъ только одинъ разъ попало и то въ нижній уголь, а когда мнѣ было только двѣнадцать лѣтъ, то я изъ пистолета на тридцать шаговъ въ четвертушку бумаги промаху не давалъ. Тутъ нашъ разговоръ былъ оборванъ приходомъ въ штабъ. Насъ ввели въ большую довольно комнату. У одной стѣны стояла черная доска для рѣшенія задачъ. Прождавъ минутъ двадцать, къ намъ вошелъ капитанъ генеральнаго штаба. Ну господа, я долженъ васъ проэкзаменовать; начнемте по порядку съ праваго фланга. Начнемте съ географіи. Скажите какія рѣки впадаютъ въ Сѣверный океанъ? Печера, Мезень, Сѣверная Двина и Онега, отчеканилъ право-фланговый.—Хорошо. А скажите пожалуйста, чѣмъ замѣчательна крѣпость Тулонъ? Тулонъ замѣчательна тѣмъ, что тамъ изобрѣтенъ штыкъ.—Очень хорошо, сказалъ капитанъ и, подойдя къ доскѣ, онъ написалъ алгебраическую задачу. Теперь потрудитесь рѣшить эту задачу, а чтобы не терять время, пока вы будете рѣшать, мы займемся съ вашимъ товарищемъ. Потрудитесь подойти, сказалъ капитанъ, взглянувъ на правый флангъ. Но едва онъ успѣлъ это выговорить, какъ изъ корридора съ шумомъ распахнулась дверь, и къ намъ ввалился стройный веселый какой-то жизнерадостный генералъ (начальникъ штаба). Здравствуйте, господа, обратился онъ къ намъ. Послѣдовалъ дружный отвѣтъ, какъ одинъ

голосъ: здравія желаю, ваше превосходительство! Чѣмъ это вы тутъ занимаетесь? обратился онъ къ стоявшему у доски товарищу.—Рѣшаю алгебраическую задачу, ваше превосходительство.—Эхъ проклятыя эти задачи; много я отъ нихъ горя видѣлъ, когда былъ въ корпусѣ. А нужны-то онѣ только тѣмъ, которые идутъ въ Академію Наукъ. Тѣмъ же, кто идетъ въ академію жизни, да еще на войну, тому нужно знать, какъ обращаться съ ружьемъ, а главное съ солдатомъ. Помните, господа, что первое условіе для офицера—заставить солдата полюбить себя; это достигается сердечнымъ и справедливымъ къ нему отношеніемъ: за любимымъ начальникомъ солдатъ пойдетъ въ огонь и въ воду. Вотъ вамъ моя лекція на прощанье. Не забывайте ея; она не очень длинна, а затѣмъ поздравляю васъ всѣхъ подпрапорщиками и унтеръ-офицерами. Почтительное поклоненіе всѣхъ головъ было отвѣтомъ.—Постарайтесь работать хорошенько штыкомъ, если придется, продолжалъ онъ. Постараемся, ваше превосходительство, отвѣтили всѣ дружно. Охулки на руку не положимъ, ваше превосходительство, былъ-бы только случай, вставилъ я. Эти слова, или слишкомъ юное не по годамъ мое лицо очевидно заинтересовало генерала. Онъ подошелъ ко мнѣ и, положивъ мнѣ руку на плечо, спросилъ: скажите пожалуйста, сколько вамъ лѣтъ? Въ Январѣ исполнилось восемнадцать, ваше превосходительство, отвѣчалъ я. Вы изъ какого сословія? продолжалъ генераль. Я отвѣтилъ, что изъ потомственныхъ дворянъ. Когда же вы поступили на службу?—Полтора года тому назадъ, ваше превосходительство, ровно семнадцати лѣтъ. Генераль пожалъ плечами, хлопнулъ меня по плечу и, сказавъ: молодець! обратился ко всѣмъ. Ну прощайте, господа, желаю вамъ всего хорошаго, и съ тѣмъ направился къ двери въ сопровожденіи капитана-экзаменатора. Ура! не сговариваясь крикнули мы всѣ въ одинъ голосъ и стали выходить въ жизнерадостномъ настроеніи. Кто имѣлъ деньги, отправились въ трактиры выпить за здоровье генерала и поздравить другъ друга съ блестящимъ окончаніемъ экзамена.

Около половины Сентября, къ намъ пришелъ нашъ полкъ изъ Анапы, и на другой день нашъ батальонъ снялся съ лагеря и, присоединившись къ полку, построился, какъ и остальные батальоны, къ атакѣ въ колонну. Затѣмъ двинулись съ прочими батальонами по дорогѣ въ Севастополь форсированнымъ маршемъ, т. е. безъ ночлеговъ. Порядокъ форсированнаго марша былъ слѣдующій. Часть полкового обоза (кухни и продовольствія) выступала раньше полка впередъ, и на назначенномъ разстояніи приготовлялся обѣдъ; когда же приходилъ полкъ, сей часъ же начинался обѣдъ, послѣ котораго кухни слѣдовали дальше и приготовлялся ужинъ, который уничтожался немедленно по приходѣ полка и т. д. Полку давалось время на обѣдъ два часа и на ужинъ

три. Кромѣ этихъ останонокъ были и другія въ видѣ привала. Онѣ дѣлались, когда полкъ растягивался по дорогѣ длинной лентой. Тогда знамя перваго батальона останавливалось и какъ скоро первый батальонъ сомкнется, останавливалось знамя втораго батальона и т. д., пока не сомкнется весь полкъ, послѣ чего онъ двигался дальше. Такимъ маршемъ полкъ прошелъ отъ Керчи до Симферополя въ четыре дня. Большая масса солдатъ отстала и прибывала въ Симферополь на другой и на третій день. Но такъ какъ знамена и штабъ полка прибыли, значить прибылъ и полкъ, хотя бы въ немъ была половина или менѣе людей.

Простоявъ въ Симферополѣ три или четыре дня, полкъ двинулся къ Севастополю, и на третій день мы остановились бивакомъ на Бельбекѣ, въ концѣ громаднхъ садовъ, тянувшихся на нѣсколько верстѣ. Кстати, при началѣ этихъ садовъ у насъ былъ приготовленъ обѣдъ, состоявшій изъ борща. Что же это былъ за борщъ! Это какая-то прелесть, и подобнаго борща я уже не ѣдалъ ни въ одномъ изъ самыхъ лучшихъ ресторановъ Москвы и Петербурга. И если-бъ не проклятый виноградъ, котораго я съѣлъ только одну кисточку, вершковъ шесть или семь длины, то мнѣ конечно не пришлось бы ѣхать на ротной телѣгѣ, страдая и корчась отъ боли живота.

На Бельбекѣ мы простояли около недѣли, и въ эту недѣлю былъ одинъ инцидентъ, который, надо полагать, задержалъ мое производство въ офицеры почти на цѣлый годъ. Инцидентъ этотъ вышелъ совершенно случайно и неожиданно. Однажды приносятъ ужинъ, состоявшій изъ какой-то синей воды, въ которой изрѣдка плавали крупинки. Посмотрѣвъ на эту мерзость, я, ничего не говоря, отвернулся, но ничего не сказалъ. Даже мысленно я никого не винилъ, приписавъ это обстоятельство неизбѣжнымъ случайностямъ войны. Находясь въ интервалахъ между батальонами, мнѣ бросились въ глаза уютно поставленные два желѣзныхъ котелка, одинъ съ кашей, а другой съ какимъ-то горячимъ.—Это что такое? спрашиваю я у солдатика, помѣшпивавшаго въ котелкахъ.—Это для господина фельдфебеля, отвѣчалъ онъ.—Какой роты? Нашей восьмой (тогда знаменной). Больше вопросовъ не послѣдовало, за то послѣдовалъ ударъ ноги по котелкамъ, которые разлетѣлись въ разныя стороны на приличное разстояніе.—Что вы сдѣлали, Константинъ Ивановичъ? перепугавшись воскликнулъ оробѣвшій солдатикъ.—Да ты ослѣпъ, что ли, что спрашиваешь, сказалъ я: ступай, доложи своему начальству, что сегодня ужина не будетъ. И я ушелъ въ другой батальонъ къ одному изъ товарищей. Не прошло четверти часа, какъ меня потребовали къ батальонному командиру.

Ну, подумалъ я, на расправу, и пропѣлъ про себя сигналъ, который дается колоннѣ, чтобы ударить въ штыки: „За Царя и Русь Святую уничтожимъ хоть какую рать враговъ“.

Батальоннаго командира нашелъ я окруженнаго четырьмя ротными командирами нашего батальона. Вы изволили меня требовать, Павелъ Васильевичъ? произнесъ я, остановясь предъ нимъ безъ фуражки, какъ требовалось по уставу (мы называли его по имени и отчеству, и онъ говорилъ „ты“ только тѣмъ, кого любилъ).—Да, отвѣчалъ онъ. Скажи мнѣ пожалуйста, что ты тамъ солдатъ волнуешь. Не стыдно ли тебѣ: вѣдь ты самъ можешь быть ротнымъ командиромъ, и у тебя могутъ быть разныя упущенія.—Павелъ Васильевичъ, сказалъ я, никогда я не позволю себѣ ни волновать солдатъ, ни высказывать какое бы то ни было неудовольствіе на ротнаго командира, а тѣмъ болѣе на васъ. Если же на ужинъ подали какую-то бурду въ видѣ помоевъ, значить лучше приготовить было нечего. Это вѣдь неизбѣжныя случайности войны, и этихъ случайностей впереди можетъ быть много, и ни разу съ моего языка не сорвется ни малѣйшаго упрека кому бы то ни было. Но если я увидѣлъ, что для фельдфебеля готовится по особому заказу ужинъ, состоящій изъ мясного (ужинъ полагался безъ мяса съ саломъ), да еще и съ кашей, то я конечно не могъ иначе поступить, основываясь на томъ, что фельдфебель, какъ старшій унтеръ-офицеръ въ ротѣ, долженъ, обязанъ показывать примѣръ ротѣ (долженъ и обязанъ, я сильно подчеркнулъ). И если это довести до свѣдѣнія командира полка, то онъ галуны спореть съ фельдфебеля, добавилъ я, кончая свою защитительную рѣчь.—Да это конечно дурно съ его стороны, и я надѣюсь, что подобнаго пассажа болѣе не произойдетъ, сказалъ батальонный командиръ, обращаясь къ ротному командиру, который конечно могъ только промолчать на это. А ты, безпардонный, не больно увлекайся, сдерживай свои порывы, будь поосторожнѣй, не хорошо. Ну, примиритесь, добавилъ онъ, взявъ мою руку и вложивъ ее въ руку ротнаго командира. Ей Богу у меня даже мысли не было, чтобы сдѣлать вамъ какую-либо неприятность, говорилъ я, потрясая руку ротнаго командира и, повернувшись налѣво кругомъ, я отправился въ свой батальонъ. Что, влетѣло? спросилъ меня Переверзенко.—Ну, я не изъ такихъ, чтобы мнѣ когданибудь и отъ когонибудь влетало. А вотъ ротнаго такъ покорило, когда я сказалъ, что если все какъ было довести до свѣдѣнія командира полка, то онъ съ фельдфебеля галуны спореть, отвѣчалъ я.—Ты такъ и сказалъ?—Такъ и сказалъ, какъ чувствовалъ; что-жъ тутъ таково?—Ну и отчаянный же ты, Костька, заключилъ Переверзенко.

23-го Сентября послѣ обѣда нашъ полкъ снялся съ позиціи и пошелъ въ Севастополь. Придя вечеромъ на Сѣверную сторону и простоявъ часа полтора, мы отправились на одномъ изъ военныхъ пароходовъ на Южную сторону, гдѣ и высадились близъ Михайловской батареи, а оттуда отправились на Карабельную площадь.

Поутру нашъ батальонъ помѣщенъ былъ у земляной оборонительной стѣнки, между Малаховымъ курганомъ и вторымъ бастиономъ.

Прошло два дня, а на третій одинъ изъ унтеръ-офицеровъ сообщилъ мнѣ, что меня отыскивалъ адъютантъ второго батальона, который просилъ меня зайти къ нему. Не зная, кто такой батальонный адъютантъ, я отправился на второй бастионъ, гдѣ стоялъ второй батальонъ и къ удивленію моему узналъ, что это мой знакомый, прапорщикъ Вострухинъ, недавно назначенный адъютантомъ второго батальона. Поздоровавшись, онъ мнѣ сообщилъ, что меня просить зайти поручикъ Владимирскаго полка нѣкто Зейдеръ, котораго моя матушка просила повидать меня въ Севастополѣ, если наши полки сойдутся. А такъ какъ онъ раненый, находясь въ госпиталѣ морскихъ казармъ узналъ, что нашъ полкъ пришелъ, то велѣлъ отыскать Вострухина, какъ стараго знакомаго и чрезъ него сообщилъ и мнѣ о своемъ желаніи видѣть меня. Поблагодаривъ Вострухина, я сейчасъ-же отправился въ госпиталь, гдѣ безъ труда отыскалъ Зейдера, и послѣ первыхъ привѣтствій и разспросовъ о матушкѣ, я сталъ его спрашивать о впечатлѣніи, какое произвело бывшее сраженіе при Альмѣ 8-го Сентября, гдѣ онъ былъ раненъ. Впечатлѣніе, голубчикъ, сказалъ мнѣ Зейдеръ, самое удручающее, и что всего хуже, такъ это то, что на всѣхъ напала паника. Что такое паника? спросилъ я, не понимая значенія этого слова. Струсилъ что ли?—Нѣтъ, гораздо хуже. Всѣ растерялись и не знали, что дѣлать. Да отчего-же, разъясните? допрашивалъ я Зейдера. А вотъ видите, началъ онъ, когда мы двинулись въ атаку, конечно колоннами, не доходя до непріятеля тысячи двѣ шаговъ, нашъ батальонъ былъ разсыпанъ въ цѣпь. Непріятель тоже приближался, имѣя впереди довольно густую цѣпь, которая, не доходя до насъ шаговъ восемьсотъ, открыла огонь. Смотримъ, у насъ стали валиться убитые и выходить изъ строя раненые. Наша цѣпь тоже открыла огонь; но что онъ значилъ, когда въ нашей цѣпи имѣлось только девяносто шесть штуцеровъ (комплектъ на весь полкъ), могущихъ стрѣлять на такую же дистанцію, какъ и непріятельскія ружья, съ тою только разницею, что изъ непріятельскаго ружья можно сдѣлать по меньшей мѣрѣ два выстрѣла, пока штуцеръ нашъ сдѣлаетъ одинъ. Тутъ-то и произошла паника. Мы стояли минутъ десять, тяжелыхъ десять минутъ, или

четверть часа, не зная что дѣлать, и такъ стояли всѣ полки, которые были въ дѣлѣ. Только одни штуцерные батальоны да пластуны здорово поражали непріятеля, но много ли ихъ было? Всего три или четыре. Наконецъ, видя бесплодную трату людей, полки начали отступать; но по чьему приказанію, неизвѣстно. Въ какое же время вы ранены и куда? любопытствовалъ я. Раненъ я въ лѣвую ногу, предъ самымъ отступленіемъ, и вотъ почти три недѣли, а рана нисколько не идетъ на улучшеніе. Говорять, на будущей недѣлѣ увезутъ на Сѣверную или въ Симферополь. Видя, что Зейдеръ усталъ, я сталъ съ нимъ прощаться, желая ему поскорѣе выздоровѣть. Подождите, сказалъ онъ, къ вамъ есть порученіе отъ вашей матушки и, вынувъ изъ бумажника двадцать пять рублей, передалъ мнѣ, говоря: Да совсѣмъ забылъ: навѣстите Александра Петровича Глушкова, онъ тоже раненъ, только находится не здѣсь, а въ сухопутномъ госпиталѣ.

Получивъ двадцать пять рублей и простившись съ милымъ поручикомъ, я на крыльяхъ радости полетѣлъ въ сухопутный госпиталь, гдѣ скоро отыскалъ и Глушкова. Когда я вошелъ, онъ былъ очень обрадованъ и говорилъ, что будетъ хлопотать, чтобы его отпустили въ Москву, для излеченія раны. Ну вотъ тоже, сказалъ я, какая у тебя рана (мы были съ нимъ на ты), навѣрно не сквозная, не бойсь, задохла въ жару, посмѣялся я. Какъ ты узналъ, что я здѣсь, и давно ли вы пришли? Я отвѣтилъ на оба вопроса, немного посидѣлъ и сталъ прощаться. Скажи пожалуйста Вострухину, чтѣ онъ за невѣжа: не побываетъ у меня, сказалъ Глушковъ. Прощаясь съ нимъ, я просилъ его, если онъ поѣдетъ въ Москву, передать моей матушкѣ, что я видѣлъ Зейдера, получилъ отъ него посланные мнѣ деньги и что я живъ, здоровъ, чего и ей желаю.

Возвращаясь прямой дорогой по направленію къ Малахову кургану, я увидалъ на какой-то площади стоящій бивуакомъ батальонъ Т...го полка, одной съ нами дивизіи, вспомнивъ, что двоюродный мой братъ служитъ въ этомъ полку, я хотѣлъ спросить о немъ, какъ вдругъ онъ явился передо мной. Костя, ты откуда? Когда вы пришли?— Стой, сказалъ я ему поздоровавшись, все расскажемъ другъ другу, только не здѣсь, а въ трактирѣ. Пойдемъ, у меня деньги есть. Пойдемъ, пойдемъ, сказалъ братъ; ѣсть страсть какъ хочется! Ты вотъ еще юнкеръ, а съ деньгами, а я уже три мѣсяца какъ произведенъ, а денегъ все нѣтъ; по рапорту взялъ уже двадцать пять рублей, а изъ дома еще ни одного письма не получилъ. Не знаю чтѣ и подумать.—Я тоже, отвѣтилъ я, вотъ только сейчасъ получилъ отъ матушки чрезъ Зейдера.

Придя въ трактиръ и занявъ уютный столикъ, мы спросили себѣ обѣдъ и принялись за рассказы, какъ про походъ, такъ и про бой восьмого Сентября. Сначала разговоръ шелъ съ антрактами, работающія во всю челюсти не позволяли толково выражаться, и только кончивъ обѣдъ и спросивъ чаю, мы начали разговоръ какъ слѣдуетъ.

А скажи ты мнѣ, допрашивалъ я, какъ вамъ Французы трѣпку дали?—Убирайся къ черту, рассердился онъ. Что же мы могли сдѣлать, имѣя вмѣсто ружей свѣтлыя палки. Только и стрѣляли одни штуцерные, а ихъ, ты самъ знаешь, въ полку только девяносто шесть (двадцать четыре на батальонъ, они становились на каждый уголъ по шести при построикѣ колонны въ каре). Удивляюсь, говорилъ я, какъ это Французы не погнали васъ къ Сѣверной сторонѣ, чтобы утопить въ бухтѣ, или не бросили васъ въ яму Бахчисарая: это для нихъ вѣдь не представляло никакого препятствія.—Это пожалуй, что и вѣрно; но ты видишь, что этого не случилось, значитъ нельзя было, и они теперь стоятъ подъ Балаклавой, сказалъ братъ. Ну хорошо, продолжалъ я, что же они зѣваютъ и не взяли до сихъ поръ Севастополя? Вѣдь здѣсь, какъ мы пришли, было только два резервныхъ батальона Минскаго и Волынскаго полковъ, да шесть-семь тысячъ моряковъ, которыхъ сейчасъ обучаютъ, какъ заряжать ружья. А на батарее и бастионы только съ нашимъ приходомъ стали таскать орудія по ночамъ, для чего у насъ уходитъ чуть не половина людей. Вѣдь они могли взять Севастополь, взойдя въ него съ музыкой и распущенными знаменами.

— Это по твоему, заспорилъ братъ; въ томъ то и дѣло, что они увѣрены, что у насъ здѣсь пятьдесятъ тысячъ войска и батареи съ бастионами все вооружены. Вѣдь амбразуры-то закрыты, и имъ оттуда не видно, есть орудія или нѣтъ.

— Ладно, говорилъ я, славны бубны за горами; только не вѣрится, чтобы они не знали, что у насъ есть и чего нѣтъ, когда Татары возятъ имъ даже провизию.

— Да ну ихъ къ черту, сказалъ братъ; а вотъ ты послушай, какъ нашъ начальникъ дивизіи разговаривалъ съ главнокомандующимъ княземъ Меншиковымъ. Потѣха!—Ну говори, говори, спрашивалъ я, что такое?—А вотъ видишь, при отступленіи они встрѣтились. Князь и говоритъ начальнику дивизіи, показывая рукой на отступающіе три полка: „Генераль, генераль. дивизія-то“. А онъ ему въ отвѣтъ: Ваша свѣтлость, армія-то, армія-то“, тоже указывая на все пространство занимаемое отступавшей арміей.

Простившись съ братомъ, я отправился на свою позицію и на Корабельной площади встрѣтилъ одного изъ своихъ товарищей, марширующаго въ трактиръ. Онъ сообщилъ мнѣ, что нашъ батальонъ перешелъ въ Ушакову балку и сталъ тамъ лагеремъ, а для насъ, юнкеровъ нашего батальона, устроили одну общую палатку, для чего обрубили нѣсколько деревьевъ и покрыли ихъ громаднымъ парусомъ, присланнымъ изъ морского вѣдомства, на каждый батальонъ по парусу.—Твое ружье и сумку перенесли въ палатку, добавилъ онъ.—Гдѣ-же наша палатка? спросилъ я.—Да почти у самой стѣны, впереди батальона (въ Ушаковской балкѣ былъ садъ, обнесенный каменной стѣной со стороны площади и со стороны зданій Брестскаго полка, уведеннаго на Кавказъ задолго до прихода непріятельской эскадры), отвѣчалъ онъ, приглашая меня вернуться и вмѣстѣ напиться чаю въ трактиръ, усердно нами посѣждаемомъ. Я отказался, сказавъ, что уже напился и спѣшу отдохнуть, чувствуя порядочную усталость и необходимость принять горизонтальное положеніе. Временное надземное, усмѣхнулся онъ; а скоро, братъ, придется пожалуй принять и подземное. Орудія тащутъ, какъ говорятъ, во всю, и Малаховъ курганъ дня черезъ три будетъ совсѣмъ готовъ, какъ мнѣ говорили. Сегодня я туда ходилъ полюбопытствовать. Платформы подъ орудія уже готовы. Сегодня первый батальонъ ушелъ въ цѣпь, добавилъ онъ; завтра пойдетъ второй, а затѣмъ и нашъ.—А гдѣ стоятъ наши батальоны? спросилъ я.—Да первый сегодня въ цѣпи, второй въ оборонительныхъ казармахъ у перваго бастіона, а четвертый на второмъ бастіонѣ; завтра первый батальонъ вступитъ на мѣсто второго, такъ и будемъ мѣняться своими позиціями черезъ каждые три дня.—Ну до свиданія, сказалъ я, пойду спать. И отправился въ новое помѣщеніе, которое, оказалось, отлично защищало отъ лучей палившаго въ то время солнца, и по размѣру избавляло отъ невозможной духоты солдатскихъ палатокъ.

— Посмотри, посмотри, Костя, какую мы дачу устроили, пока ты пропадалъ. И куда тебя чертъ носилъ съ ранняго утра почти до вечера? спрашивали товарищи. Я объяснилъ, гдѣ былъ, что дѣлалъ и что слышалъ про бой восьмого Сентября.—Да, сказали Переверзенко; поэтому въ полевыхъ сраженіяхъ намъ будетъ, какъ говорится, крышка, и каждый разъ намъ будутъ давать трепку.

— Въ этомъ, пожалуй, и сомнѣваться нельзя. говорилъ я; гдѣ же намъ съ нашими полками идти противъ ружья, бьющаго на тысячу двѣсти шаговъ? Вотъ приемы дѣлать, это особая статья:—ловко и красиво выходить. Ну да мы свое возьмемъ, въ долгу не останемся. Не хотѣли брать Севастополя со своей музыкой, такъ пусть попро-

буютъ взять штурмомъ съ нашей подь акомпаниментъ ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ. Да кстати познакомятся съ Русскимъ удалымъ рукопашнымъ боемъ.

— Эхъ, Костька-подлецъ, это ты изъ Лермонтовскаго „Бородино“ вставилъ. Ну молодецъ, находчивъ, и память хорошая, замѣтилъ кто-то изъ товарищей.

Числа около тридцатаго Сентября, когда пришла еще одна или двѣ дивизіи, насъ вывели впередъ укрѣпленій и, для устрашенія непріятели массою войскъ, велѣли выстроиться въ ротныя колонны. На, молъ, посмотри, сколько у насъ колоннъ, а издали-то не вдругъ узнаешь, какія это колонны. Ну какъ батальонныя, тогда и ста тысячъ войскъ мало, чтобы взять штурмомъ неприступные бастионы, редуты и батареи. Мы уже разсуждали такъ: Чтò это, братцы, неужели мы пойдемъ въ сраженіе? спрашивалъ кто-то.—А чертъ ихъ знаетъ, чтò они дѣлають, отвѣтилъ чей-то голосъ. Смотри, смотри, Костя; видишь на правомъ флангѣ выносятся артиллерія. Чтò это значить? А мы стоимъ въ двухъ стахъ саженьяхъ отъ укрѣпленія, говорилъ Переверзенко. Но въ это время раздался ружейный выстрѣлъ и поразилъ на повалъ одного унтеръ-офицера нашей роты. Пуля угодила въ нижнюю часть головы сзади и вышла на вылетъ. Это произошло отъ того, что сзади стоявшій солдатъ, надѣвъ пистонъ и спуская курокъ, не удержалъ его, и выстрѣлъ грянулъ.—Ахъ Боже мой, сказалъ Переверзенко, царство тебѣ небесное. Да, сказалъ я, такъ видно суждено, на то воля Божія. Не забудь, Переверзенко, вѣрь въ предопредѣленіе и твердо помни вѣрное изрѣченіе, что кому быть повѣшену, тотъ не утонетъ и если намъ суждено прожить завтра, то сегодня насъ съ тобой ни пуля, ни ядра, ни осколки бомбъ ничего не возмутъ, а если суждено умереть сегодня, то тебя никакія прикрытія не спасутъ. Хоть ты подь своды подвального этажа забейся, и туда какъ разъ семипудовка залетитъ. Но нашъ разговоръ былъ прерванъ отдаленнымъ пушечнымъ выстрѣломъ, за которымъ послѣдовалъ и другой. Мы обернулись въ сторону выстрѣла; оказалось, что это произвела возвращавшаяся батарея.

Ружья вольно! раздалась команда ротнаго командира. Справа по отдѣленіямъ, вольнымъ шагомъ маршъ!

Ну вотъ, видишь ты, говорилъ я Переверзенкѣ, мы съ тобой, слава Богу, и цѣлы; а вѣдь признайся, что для нашихъ ружей лучше такого сраженія и выдумать нельзя. А еще говорятъ, что главнокомандующій морякъ и что онъ бельмеса не понимаетъ, какъ командовать сухопутной арміей. А вотъ и доказательство на лицо. Устрашилъ

непріятеля двумя пушечными выстрѣлами. Ась! Какъ ты объ этомъ мекаешь?

Утромъ четвертаго Октября, при ясномъ солнечномъ небѣ, я отправился въ трактиръ, недалеко отъ Корабельной площади, носившій названіе „Ростовъ на Дону“, который содержалъ Грекъ Макроплей. Напившись чаю, я возвращался въ нашу импровизированную палатку и на Корабельной площади, взглянувъ въ сторону Малахова кургана, сначала увидѣлъ дымъ, и вслѣдъ за тѣмъ грохнулъ залпъ нѣсколькихъ орудій. Задымились и другіе бастіоны, также какъ и редуты и батареи, и загрохотали ихъ орудія по всей оборонительной линіи. Меня такъ и подбросило. Надо сходить посмотреть, подумалъ я, и чуть не бѣгомъ пустился на курганъ. Штурма быть не могло, такъ какъ я видѣлъ многихъ солдатъ шедшихъ по площади, да и тревоги не было, а между тѣмъ уже очень мнѣ хотѣлось видѣть стрѣльбу изъ крѣпостныхъ орудій, неуклюжесть которыхъ меня немало удивляла. Громадное по своему размѣру и вѣсу орудіе лежало на деревянномъ съ уступами лафетѣ, держась на четырехъ маленькихъ колесикахъ, отъ семи до восьми вершковъ въ діаметрѣ.

Придя на курганъ, я остановился сзади орудій и съ большимъ вниманіемъ сталъ наблюдать за дѣйствіями морскихъ артиллеристовъ, какъ они банили (прочищали) каналъ орудія своими долговязыми банниками, время отъ времени полоская ихъ въ водѣ, какъ заряжая иногда приговаривали: — „Нуть-ка, сударушка, разуважь“, какъ накатывали орудіе къ амбразурѣ и какъ потомъ, когда подходилъ канониръ (командоръ) и командовалъ: Вправо, влѣво, выше, ниже и наконецъ, когда орудіе было направлено куда слѣдовало, и кончена вся процедура его заряженія и наводки, стоило только дернуть шнуръ, и раздавался оглушительный грохотъ бомбическаго орудія. Я такъ заинтересовался этой стрѣльбой, что мнѣ ужасно захотѣлось сначала посмотреть наводку орудія, а потомъ, если можно, самому навести. Довольно насмотрѣвшись и не видя никого изъ офицеровъ, такъ какъ стрѣляли только съ нашей стороны, я отправился къ брустверу и сталъ на банкетъ, съ котораго чрезъ брустверъ наблюдалъ во чтѣ стрѣляютъ. Оказалось, что мы еще не знали, что противъ нашихъ укрѣпленій въ три дня воздвиглись разные батареи и редуты, которые и разбивались съ нашихъ батарей и бастіоновъ.

Простоявъ на банкетѣ съ полчаса, я обратился къ одному канониру съ просьбой позволить мнѣ посмотреть, куда наводится орудіе номеръ четвертый. Очень симпатичный канониръ, улыбнувшись, сказалъ: — Хорошо, съ удовольствіемъ; вотъ сейчасъ наведу, вы и посмот-

рите, благо Истоминъ у Нахимова. И, наведя орудіе, онъ позвалъ меня. Вотъ смотрите черезъ этотъ прицѣль, сказалъ онъ. Я посмотрѣлъ и поблагодарилъ его. Зная, что сейчасъ грянетъ выстрѣлъ, я быстро вскочилъ на банкетъ и приготовился наблюдать за полетомъ девяностошести-фунтовой гранаты. Грохнулъ выстрѣлъ, и къ моему удивленію я увидѣлъ взрывъ именно той амбразуры, куда она предназначалась, о чемъ я сейчасъ же съ восторгомъ сообщилъ канониру. Пробывъ еще полчаса и разговорившись съ канониромъ о томъ, гдѣ нашъ полкъ, когда пришли и гдѣ стоимъ, я, не теряя времени, попросилъ позволенія самому навести орудіе на ту же амбразуру. — Если скверно наведу, вы поправите, убѣждалъ я его, а мнѣ очень хочется попробовать, съумѣю ли я это сдѣлать. Хорошо, сказалъ онъ, и какъ только орудіе подкатили къ амбразурѣ, я сталъ наводить его такъ же, какъ это дѣлалъ канониръ и когда по моему мнѣнію было вѣрно, смотрите, сказалъ я ему, вѣрно ли? Матросы смѣялись. Прекрасно, сказалъ канониръ, пойдемте смотрѣть, какъ ахнетъ. Валяй, ребята, обратился онъ къ матросамъ, и мы пошли наблюдать. Грянулъ выстрѣлъ, и черезъ нѣсколько секундъ граната лопнула предъ амбразурой.

Вполнѣ можетъ замѣнить любаго канонира, сказалъ онъ, прощаясь со мной. Навѣщайте, крикнулъ онъ мнѣ въ догонку. — Ладно, отвѣтилъ я, постараюсь.

Оказалось, что я на курганѣ по меньшей мѣрѣ пробылъ два съ половиною часа, которые для меня прошли какъ часъ.

А мы ужъ пообѣдали, сказалъ мнѣ товарищъ, когда я возвратился домой. И куда тебя носила нелегкая?

— Былъ на Малаховомъ, отвѣчалъ я и рассказалъ, какъ учился наводить орудія.

— Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ, сказалъ Переверзенко. Я тоже ходилъ на второй бастіонъ, а мнѣ такая дичь и въ голову не пришла, чтобы браться за наводку орудія. Или ты думаешь въ канониры попасть?

— Во первыхъ, въ твою хохлатскую голову никакая мысль не можетъ помѣститься, такъ какъ она въ плотную набита галушками; а во вторыхъ, что бы ты ни зналъ, все лучше чѣмъ не знать того, что можно знать, отвѣчалъ я ему. На что хохоль конечно нисколько не обидился, такъ какъ среди юнкеровъ нашего времени насмѣшки и болѣе грубыя сходили съ рукъ, а между товарищами это принималось въ шутку.

Часовъ въ пять мнѣ захотѣлось ѣсть, и я отправился въ трактиръ, гдѣ послѣ обѣда сѣигралъ на билліардѣ съ однимъ моимъ товарищемъ Верберомъ, котораго я нашель тамъ. Онъ былъ много старше меня и всегда ужасно сердился, почти постоянно проигрывая мнѣ, но увѣрялъ всѣхъ, что онъ гораздо лучше меня играетъ.—Да, да, подтрунивали надъ нимъ товарищи, мы сами видимъ, что ты лучше играешь, а постоянно проигрываешь, потому что тебѣ не везеть. Игра на билліардѣ тоже вѣдь требуетъ счастья, какъ игра въ карты.

— Да, согласился Верберъ, Костыкъ иногда дьявольски везеть, въ особенности въ карты.

Просидѣли въ трактирѣ часовъ до восьми и отправились во свояси, уговорившись на другой день сойтись часа въ два, чтобы снова покатать шарами. Но увы, на другой день не пришлось шарами покатать, музыка вышла иная, а пришлось смотрѣть, какъ катались, прыгали и рвались чугунные шары по Корабельной площади.

Пятаго Октября, въ ясный солнечный день, почти безоблачный, едва лишь лучи восходящаго солнца освѣтили наши бастионы, не успѣвъ еще освѣтить верхушки мачтъ въ бухтѣ стоявшихъ кораблей и пароходовъ, какъ со всѣхъ бастионовъ, редутовъ и батарей загрохотали орудія и затрещалъ тревогу барабанъ. Мы вскочили не говоря другъ другу ни слова, живо стали одѣваться и не успѣли еще совсемъ одѣться, какъ въ верхъ нашей палатки влетѣло ядро, срѣзавъ только дерево, стоявшее на пути его слѣдованія. Одѣвшись и выскочивъ изъ палатки, мы увидѣли всѣхъ людей, бѣжавшихъ на площадь и ротныхъ командировъ и фельдфебелей кричавшихъ: Бѣги на площадь, стройся въ колонну къ атакѣ. Живо мы послѣдовали по указанію, и чрезъ двѣ минуты колонна стояла въ полномъ порядкѣ. Между тѣмъ непріятельскія ядра и гранаты, дѣлавшія рикошетъ на курганѣ, пролетали надъ нашими головами, а пролетѣвшія надъ курганомъ падали около насъ и рикошетировали по направленію къ бухтѣ. Но вотъ раздается команда: Батальоны, ружья вольно, дирекція на средину, вольнымъ шагомъ маршъ! И когда передній фронтъ выровнялся почти въ линію зданій Брестскаго полка, не доходя трехъ-четырехъ шаговъ: на лѣво! раздалась снова команда, и такимъ образомъ нашъ батальонъ подвели къ зданію, занятому нашей полковой канцеляріей, противъ самыхъ ея оконъ. Стой во фронтъ, ружья къ ногѣ, убавить интервалы между взводами шага на два на три и ружья въ козлы! обратился батальонный командиръ къ ротнымъ командирамъ. Да скажите людямъ, чтобы находились ближе къ стѣнамъ. Убавивъ интервалы и поставивъ ружья въ козлы, люди разошлись и размѣстились преимущественно

оголо стѣны, а тѣмъ, кому не хватало мѣста, приходилось помѣщаться во вторую и даже въ третью линію, упираясь головой въ ноги товарищей.

Ну, что же, Костька, декламируй: „Сквозь дымъ летучій легѣли ядра къ намъ какъ тучи“, говорилъ Переверзенко, садясь рядомъ со мной на землю возлѣ самой стѣны, посматривая въ верхъ на дымовыя облачка, являвшіяся отъ лопнувшихъ бомбъ, посылавшихъ въ разныя стороны смерть своими журчащими осколками всевозможныхъ размѣровъ со всевозможными напѣвами.

— Ну, я теперь не расположенъ къ декламации, отвѣчалъ я, и весь превратился въ зрѣніе. Смотри, смотри, указывалъ я ему на площадь, какъ прыгаютъ и катятся ядра. Эти, что катятся, должно быть больно уже поутомились. Да, говорилъ Переверзенко, катится, кажется, тихо, перегнать даже можно, а подставь ногу, такъ и отрѣжетъ. — Обязательно, отвѣчалъ я. Въ это время, дѣлая предсмертные короткіе рикшеты, ровно покотился круглый шаръ, за которымъ съ озлобленнымъ лаемъ гналась одна изъ бѣгавшихъ на площади собакъ. Смотри, обратился ко мнѣ Переверзенко, даромъ что собака, а тоже злится на непрошенныхъ гостей. Собака все бѣжала рядомъ съ шаромъ и все лаяла. Но вотъ раздался взрывъ, и отъ собаки, хотя и крупной, осталось только одно воспоминаніе. Этотъ шаръ былъ большая граната. Здорово, сказалъ я, гдѣ-же собака-то? — А кто е знаетъ, сказалъ Переверзенко хохлатскимъ нарѣчіемъ. Кажетъ, о це тугъ була.

— Пойдемъ въ канцелярію, сказалъ я: мнѣ надоѣло тутъ сидѣть да слушать подлое журчаніе осколковъ; тамъ можно будетъ растянуться на какомъ нибудь тюфякѣ. Нѣтъ, отвѣчалъ Переверзенко, я не пойду: наткнешься еще на полкового адъютанта; ну, его къ черту, не пойду.

— Какъ хочешь, сказалъ я, а я отправлюсь. Приди въ полковую канцелярію, я сей часъ же забрался на самый верхъ сложенныхъ тамъ госпитальныхъ тюфяковъ и, разровнявъ ихъ поудобнѣе, улегся на одномъ изъ нихъ во весь ростъ.

Лежа на своей импровизированной постели, и когда нервы поуспокоились, во мнѣ воскресли воспоминанія самаго отдаленнаго дѣтства и юношества. Вспомнилось, какъ носилъ меня на плечѣ дѣдушка, котораго я звалъ „Куку“ и какъ онъ, нося меня, припѣвалъ „Костька, ты Костька, Костька разбойникъ“. Потомъ какъ однажды, когда было мнѣ года три или четыре, мы ходили по утру въ осенній теплый день осматривать сгорѣвшія ночью крестьянскія избы на казенной сторонѣ; село было частью казенное, частью наше, и какъ ходили въ

гости къ сельскому священнику. Дальше вспомнилось мнѣ, какъ мы жили въ городѣ, и какъ отецъ училъ меня гасить свѣчку пистономъ изъ дульнаго пистолета, когда мнѣ было только двѣнадцать лѣтъ. Однажды, когда послѣ трехъ моихъ выстрѣловъ свѣчка не гасла, отецъ разсердился и взялъ у меня пистолеть со словами:—Эхъ срамникъ! Маша, обратился онъ ко второй сестрѣ, научи его, какъ стрѣлять. Но у меня мелькнула мысль, почему я промахнулся, не дѣлавъ никогда даже двухъ промаховъ. Ужъ не заряженъ ли пистолеть? подумалъ я и, выхвативъ его изъ рукъ сестры, надѣвшей уже пистонъ, повернулъ дуло къ свѣту и сталъ разсматривать, нѣтъ ли въ немъ пули. Предположеніе мое оправдалось: въ стволѣ блестѣла новая пуля. Папа, пистолеть заряженъ, сказалъ я съ испугомъ, обращаясь ко отцу.—Врешь, стрѣлять не умѣешь. Гаси, Маша, сказалъ онъ, передавая ей пистолеть. Та взяла, прицѣлилась и спустила курокъ. Грянулъ выстрѣлъ. Верхняя часть свѣчки была срѣзана, и пуля, ударившись въ уголь печки подъ прямымъ угломъ, сплюснутая въ лепешку, пролетѣла мимо отца и упала на полъ. Испугъ былъ ужасный. На выстрѣлъ приближала блѣдная какъ полотно мать, сидѣвшая въ гостиной.—Чтѣ такое. Чтѣ случилось? спросила она испуганно, обращаясь къ отцу, поднимавшему съ пола пулю.—Ничего, отвѣчалъ отецъ, нахмуривъ брови: забылъ, что пистолеть былъ давно заряженъ. И, чувствуя себя виновнымъ, онъ ушелъ въ кабинетъ. Мама пожала плечами и стала спрашивать меня. Я объяснилъ и внутренно радовался, что этотъ выстрѣлъ доказалъ, что я былъ правъ.—Подумайте, мама, говорилъ я внушительно, я стрѣлялъ три раза, и ни разу пламя даже не дрогнуло. Развѣ это возможно? задавалъ я ей важный, по моему мнѣнію, вопросъ. Обопхъ бы васъ съ отцомъ высѣчь хорошенько, успокоившись сказала мама, и отправилась къ отцу въ кабинетъ.

Очевидно мама уговаривала отца прекратить обученіе меня стрѣльбѣ, чтѣ видно было изъ того, что въ продолженіи цѣлаго мѣсяца я не практиковался въ такой полезной по моему мнѣнію наукѣ. И вотъ однажды, отправившись въ кабинетъ отца, въ его отсутствіе, я стащилъ у него горсти двѣ пороху и старинный кавалерійскій кремневый пистолеть, рѣшивъ продолжать обученіе безъ помощи отца. И какъ ни трудно было мнѣ держать уродливый тяжелый пистолеть, служившій вѣрой и правдой отцу въ двѣнадцатомъ году, я все-таки стрѣлялъ изъ него въ саду холостыми зарядами, конечно въ отсутствіи отца. Но разъ случилось, что онъ возвратился очень скоро послѣ отъѣзда и, услыжавъ выстрѣлы въ саду, зашелъ полюбопытствовать. Костьга, крикнулъ онъ мнѣ, чтѣ это ты выдумалъ, разбойникъ? Иди сюда! Я

струсиль, подошелъ къ отцу. Онъ взялъ у меня пистолеть. Изъ этой дряни стрѣлять нельзя. Погоди, я выучу тебя стрѣлять изъ того пистолета. Пойдемъ! Я отправился съ нимъ, очень довольный, что отецъ не только не разсердился на меня, но самъ хочетъ опять быть моимъ учителемъ. Придя въ кабинетъ и переодѣвшись, онъ досталъ дульный пистолеть и сталъ показывать мнѣ подробно, какъ заряжать. Зарядивъ его, онъ взялъ листъ бумаги и посрединѣ, вершка въ полтора, намазалъ чернилами кружокъ. Затѣмъ онъ повелъ меня къ каретному сараю и тамъ къ стѣнѣ прибилъ мишень.—Ну теперь смотри, какъ я буду стрѣлять, и, отмѣривъ тридцать шаговъ, сталъ цѣлить. Раздался выстрѣлъ, пуля попала вершка на три выше сердца.—Теперь заряжай самъ. Я зарядилъ совершенно также какъ онъ. Стрѣлай! Я навелъ и выстрѣлилъ. Пистолеть выпалъ изъ моей руки, и я схватился за голову. Чтò съ тобой, покажи, испуганно спрашивалъ меня отецъ, отнимая мою руку, которой я закрывалъ лобъ, чувствуя ужасную боль правой брови.—Эхъ ты, михрютка, пистолета не удержалъ, шутилъ отецъ, увидавъ, что глазъ цѣлъ и только изъ брови сочилась кровь отъ отдачи пистолета, который угодилъ въ бровь куркомъ. Ничего, до свадьбы заживетъ, ступай спроси кусокъ льду и поддержи у брови: сейчасъ пройдетъ. Прибѣжавъ на кухню, я исполнилъ приказаніе и черезъ четверть часа явился къ отцу въ кабинетъ, говоря, что я совсѣмъ здоровъ.—Ну ладно, отвѣчалъ отецъ, только тебѣ нельзя такъ стрѣлять вытянувши руку. Я былъ совершенно доволенъ этимъ замѣчаніемъ.—Стало быть, мы съ папой будемъ пострѣливать, думалъ я, убѣгая посмотреть, попалъ ли я въ мишень. Оказалось, что попалъ въ верхній лѣвый уголъ. Ну, думалъ я, на первый разъ и это хорошо.

Мысли мои перелетали съ одного предмета на другой съ быстротою молніи. Вспомнилось, какъ мы были у одного помѣщика на именинахъ.

Послѣ обѣда устроена была стрѣльба изъ пистолета, для чего отецъ привезъ свой. Компанія состояла изъ семи человѣкъ; двинулись къ какому-то амбару, на двери котораго повѣшена была полуаршинная бѣлая крашеная доска съ чернымъ кружкомъ по срединѣ, величиною вершка въ два. Отецъ отмѣрилъ тридцать шаговъ, и стрѣльба началась. Но увы, послѣ каждаго выстрѣла раздавалось одно и то же: „промахъ“. Наконецъ папа взялъ пистолеть, зарядилъ, надѣлъ пистонъ и передалъ мнѣ его говоря:—Ну, Костя, валяй вмѣсто меня. Я взялъ пистолеть, повернулся бокомъ и, вытянувъ руку, сталъ наводить его. Не прошло четверти минуты, раздался выстрѣлъ. „Промыхъ“, воскликнули всѣ, не видя пятна на бѣломъ фонѣ мишени.—Прямо въ сердце

угодилъ, сказалъ отецъ, увѣренный въ моей стрѣльбѣ, идя къ мишени со всей компаніей. Пуля попала на полвершка лѣвѣе самаго центра. Всѣ ахнули и стали просить отца, чтобы онъ позволилъ мнѣ сдѣлать другой выстрѣлъ, послѣ котораго пятна на бѣломъ фонѣ тоже не послѣдовало. Неужели опять въ сердце? проговорили нѣсколько голосовъ. Пуля сидѣла тоже не болѣе полувершка отъ центра, только нѣсколько выше. Это удивительно, это непостижимо! Онъ просто волшебный стрѣлокъ! говорили всѣ, восхищаясь мѣткими выстрѣлами и цѣлуя меня.—Вспомнилось тоже, какъ мы съ двоюроднымъ братомъ (разказавшимъ разговоръ начальника дивизіи съ главнокомандующимъ) посѣщали почти каждый праздникъ лучшій въ городѣ трактиръ и практиковались въ игрѣ на билліардѣ до тѣхъ поръ, пока у насъ хватало денегъ, чтобы заплатить за билліардъ. Потомъ, знакомство съ разбойниками, пойманными моимъ отцомъ въ смежной губерніи, когда онъ служилъ исправникомъ по выбору дворянъ и какъ по настоянію губернатора онъ вышелъ въ отставку вслѣдствіе нарушенія закона, которымъ якобы воспрещалось чинамъ полиціи переѣзжать границу своей губерніи, не имѣя на то предписанія. Видъ этихъ закованныхъ въ кандалы разбойниковъ и разговоры ихъ въ кухнѣ, куда вышли посмотреть на нихъ моя мать и я, произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Это были два родные брата, великаны, бѣглые гвардейцы, болѣе десяти лѣтъ грабившіе и сжигавшіе сѣла и убивавшія на большихъ дорогахъ проезжающихъ. Когда мы вошли въ кухню, разбойники встали. Мама посмотрѣла на нихъ съ сожалѣніемъ и спросила.—Ъли-ли вы сегодня? (это было въ семь часовъ вечера, а отецъ привезъ ихъ часа въ три). Съ ранняго утра ничего еще во рту не было, отвѣчали они.—Накорми ихъ, приказала мама кухаркѣ.—Эхъ, добрая барыня, прикажи дать винца, хоть по рюмочкѣ. Мама велѣла дать по стакану и когда они выпили за ея здоровье, одинъ изъ нихъ сказалъ: Ну, добрая барыня, должно быть ты Богу здорово молишься, если тебѣ пришлось свидѣться съ мужемъ послѣ того, какъ онъ пріѣхалъ къ намъ въ гости. Да, добавилъ второй, гордись, барыня, своимъ мужемъ: мы такихъ молодцовъ и не видывали, да и силищей же его Богъ наградилъ.

Вспомнилась мнѣ и смерть отца и свадьба второй сестры, отъ мужа которой я выучился отлично играть въ карты; и какъ, бывало, онъ съ своимъ пріятелемъ обыграютъ меня въ штось и подсмѣиваются, выигравъ у меня рубля два. Такъ бывало не одинъ разъ. Но вотъ какъ-то съѣхавшись съ зятемъ, онъ и спрашиваетъ меня: Ну что-жъ заложить? Семьдесятъ пять копѣекъ, говорю, есть; хотите, заложу. Они согласились, и началась игра. Мнѣ повезло, и изъ шести-семи картъ,

я давалъ только одну, много двѣ. Они стали горячиться, а я ихъ еще больше сталъ бить, и чрезъ часъ игры, когда стали ставить на карту не менѣе пяти рублей, я сказалъ имъ: аганде, господа, сначала посчитать, сколько набралось въ банкъ, и, насчитавъ сто четырнадцать рублей, я благоразумно объявилъ: Баста! Болѣе не играю, а то вѣдь вы сразу сорвете и будете опять смѣяться. Такъ ужъ посмѣйтесь лучше теперь. Злости ихъ, кажется, не было предѣла.

Вспомнилось также и переселеніе наше изъ земли Халдейской въ землю Ханаанскую послѣ смерти отца, умершаго отъ холеры въ сорокъ восьмомъ году. Это состоялось въ Январѣ пятьдесятъ перваго года, послѣ усиленныхъ приглашеній одной изъ родныхъ сестеръ моей матери. Намъ пришлось ѣхать въ Псковскую губернію чрезъ Москву, Ржевъ и Зубцевъ на долгихъ. Огромный возокъ и тройка замѣчательно сильныхъ лошадей тронулись и, проѣхавъ верстъ сорокъ, мы остановились ночевать на одномъ изъ постоянныхъ дворовъ, содержащихся въ тѣ времена превосходно. На четвертый день ѣзды, спускаясь съ крутой горы, предъ самымъ селеніемъ, нашъ возокъ опрокинулся на бокъ. Матушка, держа двухлѣтняго брата на рукахъ, боясь задавить его, уперлась рукой въ стѣнку возка, который упалъ на ея сторону, и мы упали на нее. Насъ быстро подняли возчики встрѣтившагося обоза, и черезъ десять минутъ мы были у подѣзда пріятельницы матушки, жившей при фабрикѣ, находившейся на пути нашего слѣдованія. Когда намъ отперли, горничная заявила, что баринъ и барыня въ гостяхъ у доктора, но приказали сейчасъ же придти за ними, коль скоро мы пріѣдемъ. Не надо, сказала не раздѣваясь матушка, проводи меня туда; я хочу познакомиться съ докторомъ, а барыню вызывать неловко. А вы раздѣвайтесь и располагайтесь, кинула она намъ уходя.—Что это съ мамашей? сказала старшая сестра: прямо съ дороги и въ дорожномъ платьѣ. Часа черезъ три, по возвращеніи матушки отъ доктора, мы узнали, что, при паденіи возка, матушка сломала лѣвую руку, которую ей и завязали въ лубки. Этимъ и разъяснился визитъ ея къ доктору. Прогостивъ здѣсь два дня, мы отправились дальше безъ матушки, оставшейся у своей пріятельницы на шесть недѣль.

Остальное путешествіе въ землю обѣтованную вплоть до водворенія нашего въ уготованное для насъ помѣщеніе въ усадьбѣ богатаго помѣщика прошло безъ всякихъ приключеній. Помню только, что когда мы пріѣхали въ Ржевъ, было Воскресенье, и остановились на постояломъ дворѣ, гдѣ напившись чаю и пообедавъ, я вышелъ прогуляться

по городу и, возвращаясь домой, увидалъ на площади кучку людей, стоявшихъ кругомъ и бросавшихъ въ верхъ какую-то дощечку.

Что за оказія подумалъ я, что это они дѣлають? Я видѣлъ, что послѣ каждаго взбрасыванія дощечки всѣ наклонялись, и дощечка летѣла снова вверхъ.

Это надо посмотрѣть и узнать, рѣшилъ я, и отправился къ кружку. Оказалось, они играютъ въ орлянку, только вмѣсто монеты бросаютъ Ржевскій большой пряникъ, въ родѣ Вяземскаго. Росписная сторона была вмѣсто „орла“ а нижняя гладкая „рѣшетка“—Вотъ такъ ловко! не выдержалъ я.

Да, отозвался впереди меня человекъ и, расширяя кругъ, предложилъ мнѣ.—Не желаете-ли?

— Да я никогда не кидалъ пряникомъ, отвѣчалъ.

Это пустяки, попробуйте. И самъ подалъ мнѣ пряникъ.

Я посмотрѣлъ на пряникъ, соразмѣрилъ его тяжесть и бросилъ. Упалъ орель.

Вотъ видите, какъ просто; если бы вы бросали на деньги, такъ выиграли бы.

Въ это время раздалось: кто стелеть? (ставить).

— Не хотите ли поставить? спросилъ меня тотъ, кому приходилось бросать пряникъ.

— Пожалуй, сказалъ я, вынимая деньги, которыя у меня всегда были, и поставилъ полтинникъ.

Согласень, сказалъ бросавшій, бросая тоже полтинникъ, и бросилъ пряникъ, упавшій гладкой стороной къ верху.

Всѣ взяли свои ставки. Другому я поставилъ рубль и тоже взялъ, третьему полтора, взялъ и эту ставку. Пришла моя очередь бросать. Наставили больше пяти рублей. Я бросилъ, уложилъ писаннымъ къ верху и взялъ деньги. Такимъ образомъ я бралъ до пяти разъ безъ промаха. Послѣ пятого раза, положивъ деньги въ карманъ, я отказался играть и ушелъ.

Ей же ей, молодчина! смѣясь сказалъ кто-то изъ играющихъ: всѣхъ обдѣлалъ, пять разъ подрядъ уложилъ Ржевскаго орла, даромъ что мальчуганъ.

Возвратившись домой, я забрался въ другую комнату и сталъ считать выигрышъ. Было что-то около пятидесяти рублей. Пришелъ ямщикъ и сообщилъ, что мы будемъ ночевать, и я ради любопытства отправился въ трактиръ, находившійся надъ нашимъ помѣщеніемъ, гдѣ увидалъ Китайскій билліардъ.

Что-же у васъ играютъ на этомъ биллярдѣ? спросилъ я хозяина трактира. Не угодно ли сыграть партійку? предложилъ онъ мнѣ.— Хоть двѣ, отвѣчалъ я и взялъ кій.

— На что же мы сыиграемъ? спросилъ онъ.

— На что хотите, отвѣчалъ я.

На рубликъ; для васъ немного будетъ?

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ я, и кончилъ тѣмъ, что хозяинъ, проигравъ мнѣ пятнадцать рублей, заявилъ: Нѣтъ, господинъ. мнѣ съ вами не сыиграть; вы ужь очень хорошо играете. Придя домой, я засталъ сестеръ, собиравшихся пить чай.

—Гдѣ ты пропадаешь, Костя? спрашивала меня старшая сестра.

—А я былъ на верху, игралъ съ хозяиномъ на биллярдѣ, отвѣчалъ я.

—Да ты съ ума сошелъ играть въ трактирахъ, горячася говорила сестра. Господи, чтò изъ тебя будетъ. Что-же, ты на деньги игралъ? Конечно.—Откуда же ты ихъ взялъ?—Мнѣ мамаша дала, я у ней выпросилъ, вѣдь ты и гривенника не дашь, а она мнѣ три рубля дала. Ну да вѣдь она извѣстная твоя баловница, закончила она и начала разговоръ по французски съ младшей сестрой, вѣроятно на мой счетъ. Когда онѣ кончили, я рассказалъ имъ свою игру въ Ржевскую орлянку и ея результатъ, удостовѣряя справедливость моихъ словъ кредитными бумажками и множествомъ серебра, которое я вынималъ изъ кармановъ. Вотъ возьми, говорилъ я старшей сестрѣ, я оставлю только пять рублей. Начался опять Французскій разговоръ, подъ который напившись чаю я и заснулъ.

Пріѣздъ нашъ къ теткѣ и житье наше было, такъ сказать, обыкновенное, какъ живутъ любящіе другъ друга родные. Я одинъ сокрушалъ сердце теткѣ. И чтò изъ тебя будетъ? говорила она. Посмотри на свои руки, вѣрно въ кузницѣ былъ или въ слесарной, ступай вымойся.— Я два раза мылъ горячей водой, да не отмываются, отвѣчалъ я. Тетка качала головой и молчала. У меня была страсть къ ручнымъ работамъ.

Въ теченіи двухъ лѣтъ, прожитыхъ у тетки, я выучился столлярному и слесарнымъ ремесламъ, и мнѣ было очень пріятно, если кто либо изъ громадной дворни просилъ меня сдѣлать мѣдную оправу на трубку, или тетка заказывала мнѣ какую либо изящную деревянную вещь.

Со смѣхомъ также вспомнилъ я одинъ эпизодъ изъ жизни у нея въ послѣднее лѣто. Однажды тетки и дяди не было дома, и я собрался на охоту. У меня было ружье, которое я пряталъ отъ всѣхъ. На этотъ разъ я взялъ его безъ предосторожности и пошелъ изъ своего

олигеля, не замѣтивъ, что на террасѣ собралось все многочисленное семейство подъ непосредственнымъ присмотромъ двухъ старшихъ сестеръ дяди. Увидя у меня ружье, онѣ пришли въ ужась. Послѣдовалъ крикъ и энергичное приказаніе нянькѣ (настоящему гренадеру) отнять у меня ружье. Та бросилась за мной со всѣхъ ногъ, я отъ нея; но, видя, что она неминуемо догонитъ меня, я сразу остановился, повернулся къ ней и шагахъ въ тридцати грянулъ въ нее изъ ружья, зная, что оно заряжено холостымъ зарядомъ. Эффектъ получился замѣчательный. Нянька стала какъ вкопанная, на террасѣ всѣ окаменѣли. Я отправился, уже никѣмъ не преслѣдуемый, и вернулся къ вечеру съ шестью утками, убитыми съ лодки на озерѣ.

Подъ конецъ я вспомнилъ свой отъѣздъ въ Москву и поступленіе въ полкъ, который теперь здѣсь въ Севастополѣ, а батальонъ, въ которомъ я нахожусь, лежитъ и сидитъ за этой самой стѣной, рядомъ съ которой я лежу во ожиданіи могущей быть смерти.

Когда наконецъ глаза устали смотрѣть на работавшихъ писарей, они невольно стали смыкаться, и я заснулъ подъ грохотъ несмолкаемыхъ орудій.

Я спалъ нѣсколько часовъ, какъ убитый и проснулся отъ удара ядра въ стѣну и отъ падавшихъ на полъ кирпичей. Открывъ глаза, я увидѣлъ сначала только бѣлую пыль, въ которой суетятся писаря. Когда же пыль улеглась, оказалась одна пробоина подъ потолкомъ стѣны, идущей вдоль корридора, съ выпавшими изъ нея и всюду разбросанными по полу кирпичами, а другая напротивъ первой на аршинъ ниже. Въ канцеляріи и батальонѣ никого не задѣло, только писаря ругались, перетряхивая свои бумажки и сметая пыль, покрывшую собою всѣ столы, одежду и сразу побѣлѣвшіе волосы писарей.

Спустившись со своего логовища и обзрѣвъ все, я отправился въ батальонъ и засталъ Переверзенко сидящимъ все въ томъ же положеніи, какъ я его оставилъ.—Что, спросилъ онъ меня, когда я подошелъ къ нему, неужели ты все спалъ?

— Спалъ какъ убитый, отвѣчалъ я. А ты, неужели все сидѣлъ на этомъ мѣстѣ? задалъ я ему вопросъ.

— Вообрази, отвѣчалъ онъ, ни разу не вставалъ, сижу и курю, курю и сижу и посматриваю, какъ прыгаютъ ядра и лопаются бомбы.

А который часъ? спросилъ я. Онъ посмотрѣлъ на свои часы и сказалъ: половина четвертаго.—Здорово же я проспалъ, сказалъ я, а когда вы обѣдали?

— Да ты никакъ съ ума сбрендилъ, отвѣчалъ онъ.—Посмотри, увидишь ли ты гдѣ кого нибудь? Я вотъ сижу почти девять часовъ

на одномъ мѣстѣ, а на площади кромѣ безпрестанно прыгающихъ ядеръ ничего не видалъ.

— Такъ, сказалъ я. Да не постоянно же они проклятые, будутъ стрѣлять, уймутся же когда нибудь.

— Вѣроятно ночь прекратитъ бомбардировку, сказалъ Переверзенко, и тогда пойдутъ обѣдать, если кухни не разбиты ядрами. Видишь, подлая одна за другой такъ и лопаются, добавилъ онъ, указывая вверхъ на дымовыя облачка, безпрестанно появлявшіяся на безоблачномъ небѣ.

Да, сказалъ я, не мѣшало бы и подкрѣпиться, и сѣлъ рядомъ съ Переверзенко, говоря о благополучно пролетѣвшемъ черезъ канцелярію ядрѣ, нигдѣ никого не задѣвшемъ.

Къ вечеру бомбардировка стала утихать, наши орудія тоже стали смолкать, и только что закатилось солнце, настала тишина, и съ ея наступленіемъ все встрепенулось и двинулось кто куда. Люди отправились обѣдать на кухни, офицеры и многіе юнкера въ трактиры, куда пошли и мы съ Переверзенко.

Въ трактирѣ я былъ удивленъ, увидавъ тамъ одного арестанта, отъ котораго узналъ, что онъ, въ числѣ прочихъ, переносилъ адмирала Корнилова, павшаго у бомбическаго № 2 орудія. Арестантъ Орѣховъ, какъ и остальные оставшіеся въ живыхъ, получилъ Георгіевскій крестъ, почему къ концу выступленія изъ Севастополя, если кто получалъ такой крестъ, стали говорить „получилъ арестантскій крестъ“ или „представленъ къ арестантскому кресту“.

Какимъ это образомъ арестантъ появился на Малаховомъ курганѣ? спросилъ я одного моряка. Ихъ десять тысячъ освобождено, это будущіе наши замѣстители, а теперь они назначены для подтаскиванія на бастионы и батареи орудій, въ замѣнъ подбитыхъ, отвѣчалъ онъ.

Пообѣдавъ, мы отправились поиграть на билліардѣ, гдѣ былъ уже Верберъ и, попивая чай, мы проиграли до второго часа ночи, между тѣмъ какъ въ сосѣдней комнатѣ нѣсколько офицеровъ разныхъ полковъ играли въ штось. Наконецъ мы всѣ, отправившись въ свои мѣста, видѣли, какъ арестанты тащили три орудія на Малаховъ курганъ, впрягаясь человекъ чуть ли не по двѣсти въ каждое орудіе. На слѣдующій день бомбардировка была много слабѣе, но ядромъ одному нашему солдату оторвало правую руку, когда онъ лежалъ навзничъ съ откинутой рукой. Замѣчательно, что онъ пролежалъ нѣсколько секундъ, не просыпаясь; его тронули, и только тогда онъ увидалъ, что у него нѣтъ руки. Замѣтно было и движеніе солдатъ по площади и по балкѣ,

и въ этотъ день обѣдать ходили въ урочный часъ. А на третій день настолько острѣялись и привыкли къ бомбардировкѣ, что уже никто на нее не обращалъ вниманія, по очень простой причинѣ: все равно убьютъ не сегодня, завтра. Изъ за чего же стѣснять себя въ чемънибудь? И никто ни въ чемъ себя не стѣснялъ.

14-го Октября нашъ батальонъ отправился въ цѣпь на смѣну второго батальона. По дорогѣ, саженьхъ въ ста отъ кургана, мнѣ попалась четвертинка ядра самой правильной формы, чисто какъ апельсинъ, разрѣзанный на четыре части. Я повертѣлъ его въ рукахъ и бросилъ, придя къ заключенію, что это должно быть память перваго дня бомбардировки и что она получилась отъ столкновенія двухъ другъ къ другу легѣвшихъ ядеръ. Полетъ (вѣрнѣе столкновеніе) долженъ былъ быть удивительно централенъ; въ противномъ случаѣ ядра, зацѣпивъ одно другое, только приняли бы другое направленіе.

Часу въ первомъ дня мы увидали, что шесть колонъ двигаются за Килень-балку, по направленію къ редуту, воздвигаемому Англичанами; потомъ видѣли дымъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ и возвращеніе колонъ обратно. На другой день мы узнали, что, подъ общей командой нашего командира полка, три батальона нашего полка и три батальона одного изъ полковъ нашей дивизіи, были посланы для разрушенія воздвигаемаго редута, что и было исполнено въ точности. При этомъ командиръ полка былъ раненъ, также было ранено и убито нѣсколько офицеровъ. Одинъ изъ нихъ, нашъ товарищъ, недавно произведенный въ офицеры, бросился съ обнаженной шашкой при крикѣ: Ура, ребята за мной! и, далеко опередивъ солдатъ, вскочилъ на брустверъ редута. На глазахъ не подоспѣвшихъ солдатъ, онъ былъ поднятъ на штыки.

Миръ праху твоему, славный воинъ и превосходный юноша! Ему было всего двадцать лѣтъ.

Стоя въ цѣпи, мы дивились лѣсу мачтъ на непріятельскихъ коммерческихъ корабляхъ, стоявшихъ въ Балаклавской бухтѣ. Мачтъ этихъ было нѣсколько тысячъ. Чувствовалось, какъ будто непріятель говорить: „посмотрите-дескать, какими средствами мы обладаемъ, и съ какимъ великодушіемъ мы къ вамъ отнеслись, не уничтоживъ васъ поголовно при Альмѣ 8-го Сентября. И не думайте, что мы падки на чужую собственность, что доказывается нежеланіемъ отнять у васъ то, чего вы не можете защитить. Мы не для того пришли. Наша цѣль вамъ не понятна, какъ непонятна она и изъ насъ вѣроятно никому. А знаютъ ее тѣ, великую власть имѣющіе, которыхъ и мы не знаемъ. Но мы вполне увѣрены, что и вы съ своей стороны будете къ намъ

снисходительны, не уничтожите наши сотни миллионъ, которыхъ стѣять суда наши въ бухтѣ и не пошлете двухъ или трехъ брандеровъ, чтобы ихъ уничтожить.

И дѣйствительно, свѣтлѣйшій князь Меншиковъ никакъ не согласался на предложенія многихъ желавшихъ отправиться почти на вѣрную смерть, мотивируя это тѣмъ, что и безъ того пороку не достаетъ. И это при началѣ бомбардировки! Ну да онъ свѣтлѣйшій и морякъ, не даромъ же ему была вручена сухопутная армія. Стало быть, онъ зналъ свое дѣло; въ противномъ случаѣ, какъ честный человекъ и вѣрный слуга своему Государю, онъ не взялся бы за него.

Смѣнившись съ цѣпи, мы стали на мѣсто четвертаго баталіона за церковь. И вотъ, расхаживая между ружей, поставленныхъ въ козлы и держа фертомъ руки, я подхожу къ правой паперти, на которой сидѣли и лежали солдаты. Одинъ изъ нихъ, сидя въ срединѣ и прислонясь спиной къ двери, читалъ какую-то небольшую книжку, а два солдата (одинъ справа, другой слѣва) лежали, положивъ головы на ноги читавшаго. Чтѣ это ты читаешь? спросилъ я, остановясь противъ него. Онъ взглянулъ на меня тихимъ взглядомъ и сказалъ: Евангеліе. Хорошее дѣло передъ смертью, сказалъ я и повернулъ, чтобы идти дальше. Но не успѣлъ я сдѣлать и одного шага, какъ чрезъ обѣ двери пролетѣло ядро и читавшій солдатикъ былъ разорванъ пополамъ. Ядро угодило ему прямо въ спину и снесло двѣ лежавшія на его ногахъ головы, а четыре козла ружей поскакало по площади къ бухтѣ. Достаточно было буквально одно мгновеніе задержаться на томъ мѣстѣ, гдѣ я стоялъ, чтобы лишиться обѣихъ ногъ, вѣроятно же чтобы быть убитымъ (такъ какъ еще не было примѣра, чтобы съ двумя оторванными одновременно ногами люди оставались живыми). Раненые истекали кровью. Приподнявъ фуражку, я перекрестился и сказалъ неизбѣжное: „Царство вамъ небесное, братцы“, отправился въ зданіе лазарета, гдѣ нѣкоторые товарищи, въ одной изъ комнатъ, заваленной кроватями, устроили себѣ помѣщеніе.

—Ты что же не переходишь къ намъ? сказалъ Верберъ, когда я вошелъ въ ихъ маленькое помѣщеніе.

Да гдѣ у васъ тутъ помѣститься? И такъ тѣсно.

—Мы, братъ, тутъ по четыре кровати въ день сжигаемъ, живо распространимся, смѣясь говорилъ Верберъ и тесакомъ принялся рубить кровать, ставивъ ее сверху. И такъ тянулось изо дня въ день по 23-го Октября. Днемъ при батальонѣ, вечеромъ въ трактирѣ за билиардомъ, а иногда за картами.

Но вотъ вечеромъ 23-го Октября, человекъ пять насъ пошли въ ближній трактиръ и, поѣвши въ плотную, напившись чаю, отправились въ оборонительныя казармы, гдѣ въ это время стоялъ нашъ батальонъ. Но только что мы взошли на Корабельную площадь, какъ я вдругъ присѣлъ на корточки и крикнулъ: охъ, ребята умираю! Что съ тобой? сказали товарищи, нагнувшись надо мной.

Животъ, животъ! едва могъ выговорить я, между тѣмъ, какъ колѣнки мои подводило къ подбородку. Я лишился сознанія.

—Давай сдѣлаемъ изъ рукъ носилки, сказалъ Переверзенко и скрестилъ руки съ однимъ изъ товарищей. Меня посадили и, поддерживая, чтобы я не упалъ, понесли въ канцелярію и уложили тамъ на матрацъ. Я страдалъ ужасно часа четыре. Со мной было что-то въ родѣ холеры, и наконецъ я заснулъ. Но вотъ я чувствую, что меня за плечи качаютъ съ бока на бокъ; сознаю, что меня будятъ, но открыть глаза не могу, хочу сказать, языкъ не шевелится. Наконецъ меня оставили. Но чрезъ нѣсколько минутъ я вскакиваю: меня вспрыснули холодной водой въ лицо. Передо мной стоялъ на колѣняхъ старшій писарь.—Что ты? спросилъ я его.—Полкъ пошелъ въ сраженіе, отвѣчалъ онъ.

Я бросился какъ угорѣлый въ оборонительныя казармы за ружьемъ и сумкой и, пробѣжавъ такимъ образомъ побольше полуверсты, порядочно усталъ. Однакожъ, надѣвъ аммуницію, я всетаки имѣлъ еще силы бѣжать далѣе и, пробѣгая мимо раненаго уже батальоннаго командира перваго батальона, услышалъ такое замѣчаніе: „Дворянинъ, дворянинъ, патроны растеряешь“. У мертваго достану, отвѣчалъ я на бѣгу.

Спустившись внизъ, пройдя по мосту чрезъ Килень-балку и поднявшись въ гору, я увидѣлъ свиту главнокомандующаго съ Великимъ Княземъ и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на кучку всадниковъ (я не зналъ, что это свита главнокомандующаго) бѣжалъ въ сторону, откуда шли раненые.

Гдѣ нашъ батальонъ? спросилъ я, увидя раненаго унтеръ-офицера нашей роты.—На самомъ правомъ флангѣ, лежитъ въ интервалахъ артиллеріи, отвѣчалъ онъ упираясь на ружье, какъ на палку. Минуты чрезъ три я отыскалъ батальонъ и легъ на свое мѣсто. Отъ чрезмѣрнаго утомленія сердце у меня сильно билось.

Унтеръ-офицеръ, съ которымъ я легъ, разсказалъ мнѣ, какъ былъ убитъ одинъ изъ нашихъ очень хорошихъ товарищей.

Вотъ видите, говорилъ онъ, только значить пришли мы на ефто самое мѣсто, остановились, стоимъ, а юнкера стоятъ кружкомъ на

лѣвомъ флангѣ у нашего взвода да разговариваютъ промежь себя. А онъ стоялъ, знаете, лицомъ въ сторону непріятеля. И вотъ захотѣлось ему покурить. Вынимаетъ это портсигаръ, свернулъ папироску, и только онъ поднесъ ее къ губамъ, и въ это самое время, щелкъ, и онъ, какъ скошенный, опустился. Всѣ къ нему, я тоже, а онъ бѣдняга лежитъ съ открытыми глазами и какъ будто спрашиваетъ: Чтò вы? Смотримъ не пойдемъ, крови ни капли нѣтъ. Разстегнули шинель, тутъ и увидали кровавое пятнышко, аккуратъ противъ сердца. Братъ его заплакалъ.—Пособите, братцы, сказалъ онъ, и шесть человѣкъ подняли бѣднягу и унесли. Очень ужъ жалко его, добавилъ унтеръ-офицеръ; хорошій былъ юнкеръ! Ну а потомъ, вскорѣ насъ и положили.

— Такъ, говорилъ я, какъ ни жаль, а не воротишь. Вотъ и мнѣ захотѣлось покурить, какъ бы и меня не ухлопали, и, доставъ табакъ и бумагу, я сдѣлалъ папироску и отправился въ передніе взводы, чтобы показаться на глаза батальонному командиру, сидѣвшему не вдалекѣ вольѣ куста съ ротными командирами. Онъ вѣдь не могъ видѣть; надо же ему показаться.

Возвратясь, я легъ на свое мѣсто, а унтеръ-офицеръ говорить мнѣ: Не ложитесь, Константинъ Ивановичъ, на это проклятое мѣсто. Посмотрите, вы подвиньтесь маленько (отстранялъ онъ меня). Видите эти двѣ борозды, это рикошетныя пули проѣхались, да вѣдь какъ: одна за другой, и двухъ минутъ не прошло. Вишь проклятыя-то!— Такъ ты думаешь, что все такъ и будутъ ложиться? Посмотримъ. И я пролежалъ на этомъ мѣстѣ болѣе двухъ часовъ совершенно благополучно. Лежа здѣсь, я увидѣлъ передъ собой одного солдата, который, растянувшись на животѣ, поддерживалъ свою голову обѣими руками. Въ то время, какъ я смотрѣлъ на него, что-то вдругъ щелкнуло, и онъ правой рукой быстро схватился за лобъ, придерживая козырекъ своей шапки. Чтò такое? подумалъ я, но тутъ же увидѣлъ, что солдатъ, сморщившись, снялъ шапку и разсматриваетъ что-то на козыркѣ, между тѣмъ какъ изъ брови выступала каплями кровь. Оказалось, что потерявшая силу рикошетная пуля ударила въ козырекъ, но ударъ былъ еще такъ силенъ, что частица брови прилипла къ козырку, который при этомъ даже треснулъ. Ну здоровый же лобъ, сказалъ я унтеръ-офицеру, когда полуоглушенный солдатъ всталъ и вышелъ изъ строя.

Пули между тѣмъ летали надъ батальономъ, нерѣдко щелкая когонибудь на смерть; его выносили въ сторону, а раненый выходилъ самъ изъ строя, моля Бога благополучно выйти изъ сферы огня.

Но вотъ часа черезъ три насъ подняли и перевели правѣе, шаговъ на полтора, и снова положили. Тутъ пули летали гораздо рѣже, и мы лежали до отступленія. Однако при этомъ одинъ изъ ундеръ-офицеровъ, шедшій рядомъ со мной, пораженъ былъ пулей въ лобъ надъ правой бровью. Вѣдныа упалъ навзничъ, а изъ раны била фонтаномъ кровь, выбрасывая кусочки бѣлаго мозга. Стало уже смеркаться, когда мы за снявшея артиллеріей стали отступать.

Увидя, что въ одной изъ комнатъ оборонительныхъ казармъ устроенъ перевязочный пунктъ, я не упустилъ случая полюбопытствовать, что тамъ происходитъ. Глазамъ моимъ представился Англійскій кирасиръ громаднаго роста, лежавшій на столѣ, раненый картечью въ плечо и щеку. Картечь, ударивъ въ щеку, оторвала языкъ ему. Операция была ужасная. Несчастный стоналъ, и мнѣ было такъ жаль его, что я ушелъ, подумавъ, что этотъ больше ѣздить не будетъ.

На третій день я отправился посмотрѣть на мертвыхъ, сложенныхъ на Сѣверной сторонѣ въ громадномъ сараѣ морского вѣдомства, близъ бухты. Уложенные въ четыре ряда голова съ головой съ широкими проходами между ногъ, они лежали въ одномъ бѣльѣ съ открытыми глазами. Тутъ были убитые на Инкерманѣ, только что въ бывшемъ сраженіи, и на бастіонахъ, редутахъ и батареяхъ во время бомбардировки. Боже мой, какіе лежали обезображенные трупы, пораженные артиллерійскимъ снарядомъ, осколками бомбъ и гранатъ! Думаю, что ихъ было болѣе тысячи, ожидавшихъ погребенія въ приготовляемыхъ для нихъ могилахъ на Братскомъ кладбищѣ.

Возвратясь въ казармы, я на слѣдующій день пригласилъ Переверзенко прогуляться со мной по Екатерининской улицѣ, чтобы побывать кстати на Графской пристани. Тамъ, говорилъ я, и пообѣдаемъ.

Мы отправились и, не смотря на довольно сильную въ тотъ день бомбардировку, совершили путешествіе туда и обратно благополучно, не обращая вниманія на прыгающія ядра и журжавшіе осколки бомбъ. Нервы настолько успѣли привыкнуть, что страха никто изъ насъ уже не ощущалъ.

Побывавши на Графской, мы вышли на площадь, гдѣ надъ однимъ подъѣздомъ красовалась вывѣска: „Гостинница Золотой Якорь“, куда мы отправились для подкрѣпленія силъ. За общимъ столомъ я разговорился съ однимъ флотскимъ юнкеромъ и другимъ какимъ-то ундеръ-офицеромъ какого-то вѣдомства. А что, господа, спросилъ насъ флотскій юнкеръ, вы въ карты играете?—Бываетъ, отвѣчалъ я.—Такъ не съиграемъ ли? предложилъ онъ.—Отчего-же, можно, говорю я,

только въ двоимъ-то скучновато. Зачѣмъ въ двоимъ, я буду третій, проговорилъ ундеръ-офицеръ, по видимому изъ Иерусалимскихъ дворянъ, но очень чистыхъ и изящныхъ.

Мы отправились въ отдѣльную комнату и стали играть, я проигралъ рублей двадцать, и мы отправились домой.

Мимоходомъ мы зашли въ зданіе лазарета и тамъ увидѣли, что, благодаря энергичному сжиганію Верберомъ кроватей, мѣсто опросталось довольно порядочное, и мы съ Переверзенко общались на другой день перебраться сюда. Такъ мы и сдѣлали, устроившись въ болѣе удобномъ помѣщеніи, гдѣ было тепло и уютно.

— А что, господа, кому сегодня очередь идти за молокомъ? (Мы ходили за молокомъ въ какія-то небольшія зданія за Малаховымъ курганомъ, гдѣ жили матросскія жены).—Сегодня отправляться Кость, отвѣчалъ Переверзенко, и на его счастье и дорожка такая мягкая послѣ дождя. Ну на, валяй, Костька, тебѣ и книги въ руки, обратился ко мнѣ Верберъ, подавая манерку и двадцать копѣекъ.—Валяй, братъ, поскорѣе, а то ѣсть больно хочется.

Я отправился. Дорога шла по косогору Малахова кургана, и едва я прошелъ половину косогора, какъ голова моя неожиданно для меня тряхнулась съ такой силою, что фуражка слетѣла съ головы, и я почувствовалъ какое-то дуновение и ударъ чего-то тяжелого о землю. Я оглянулся и увидалъ у меня подъ ногами на разстояніи не болѣе аршина семипудовую бомбу, шлепнувшаяся въ грязь. Не видя дыма, который долженъ бы идти изъ нея, я сразу сообразилъ, что она или заглохла, ударившись скоропалительной трубкой въ грязь, или трубка выскочила изъ нея въ моментъ вылета ея изъ mortarы; а потому, не торопясь, я поднялъ фуражку и отправился дальше. По моему расчету бомба пролетѣла близъ моей головы въ шести-семи вершкахъ не болѣе.

Когда я возвратился, мои товарищи поздравили меня съ счастливымъ избавленіемъ отъ неминуемой смерти.

— И что съ тобой было бы, еслибъ ты на три четверти аршина шель правѣе? спрашивалъ Верберъ.

— А тоже, отвѣчалъ Переверзенко, что съ собакой—одно воспоминаніе, да можетъ быть кусочки шинели. Тутъ Переверзенко рассказалъ Верберу объ исчезновеніи собаки при взрывѣ девяностошести-фунтовой гранаты.

— Да удивительно счастливый случай, говорили товарищи.

— Это уже второй случай съ нимъ, продолжалъ Переверзенко, причемъ рассказалъ товарищамъ случай моего чудеснаго избавленія у паперти церкви.

— Значить, время еще не пришло, говорилъ я, а что будетъ дальше, знаетъ одинъ Богъ. А я знаю, что кому быть повѣшену, тотъ не утонетъ.

Да это вѣрно, отозвались товарищи.

— Особенно, братцы, сказалъ Переверзенко, эта пословица подходитъ къ Кроку, который такъ хлопоталъ во время похода о переводѣ его въ резервный батальонъ. И что-же, третьяго дня прибывъ къ намъ съ батальономъ и сдавъ людей въ полкъ, онъ въ числѣ прочихъ офицеровъ уходилъ уже на Графскую пристань, чтобы покинуть навсегда Севастополь, и вдругъ на Екатерининской улицѣ шальной осколокъ бомбы сносить ему именно, а никому другому, часть черепа. А ихъ вѣдь шло шесть человѣкъ.

Ну что-же? И по дѣломъ, сказалъ я, не бѣгай отъ смерти. Онъ забылъ нашу солдатскую пѣсню: „Жизни тотъ одинъ достоинъ, кто на смерть всегда готовъ“. А то, видишь, богатый матушкинъ сынокъ, ему ли быть защитникомъ Царя и отечества? А еще присягу принималъ, туда ему и дорога, горячился я.

— Ну, ну, не горячись, Костыка, говорилъ Переверзенко: вѣдь не у всякаго такіе нервы, какъ у тебя, чертенка. Тебѣ что! Влети теперь, къ примѣру сказать, бомба и, разорвавшись, положи насъ всѣхъ на мѣстѣ кромѣ тебя, ты вѣдь и охъ не скажешь.

— Врешь, говорилъ я. Этого, положимъ, я не скажу, за то непременно сказалъ-бы: царство вамъ небесное, братцы, и пошелъ бы отыскивать себѣ другое помѣщеніе.

Послѣ этого, недѣли чрезъ двѣ, мы съ Переверзенко отправились навѣстить Золотой Якорь и на базарной площади увидали штукъ десять или пятнадцать торговокъ, сидѣвшихъ на большихъ чугунахъ или корчагахъ, покрытыхъ толстыми покрывками въ родѣ тюфячковыхъ, и усердно приглашавшихъ попробовать ихъ кашничковъ.

Что за оказія, сказалъ я, обращаясь къ Переверзенко. Давай попробуемъ, что за кашники. И мы подошли къ торговкамъ.

— Вотъ, господа, пожалуйста ко мнѣ. Ко мнѣ, у меня самые лучшіе. У меня самые свѣжіе, у меня самые что ни есть горячіе; вѣрьте Богу, только сейчасъ вынесла, заговорило нѣсколько голосовъ, усердно приглашая насъ.

— Ну покажи, что за кашники? спросилъ я, подходя къ одной изъ нихъ.

Живо соскочивъ со своего сѣдалища, торговка, подавая мнѣ кашникъ, сказала: попробуйте, баринъ, кромѣ меня ни у кого не будете брать.

— А что стоитъ? спросилъ я, увидавъ что-то въ родѣ пирожка, только круглой формы.

— Дешевка, родимый, дешево: пятачекъ пара.

Кашники намъ очень понравились и какъ Переверзенко, обладая хорошимъ обоняніемъ, со смѣхомъ увѣрялъ, что кашники ничѣмъ предосудительнымъ не отзываются, то мы ихъ и уничтожили по цѣлому десятку.

Ну, что же мы теперь будемъ дѣлать въ Золотомъ Якорѣ? спросилъ Переверзенко. Я такъ наѣлся, что уже ничего не могу ѣсть.

— Я то же, отвѣчалъ я; за то пить чай, я думаю, и ты не откажешься.

— Это вѣрно, отвѣчалъ онъ, и мы отправились по принадлежности. Мы уже налили по послѣднему стакану, какъ въ залу вошли знакомый флотскій юнкеръ и симпатичный Еврейчикъ. Поздоровавшись, мы стали задавать другъ другу вопросы и дѣлились своими впечатлѣніями на счетъ Инкерманскаго боя, спрашивая, для чего было выходить въ полевое сраженіе съ нашими не стрѣляющими ружьями.

— Нѣтъ, сказалъ Еврейчикъ, вы скажите, почему Меншиковъ не позволяетъ уничтожить брандерами ихъ громадный коммерческій флотъ, что стоитъ въ Камышевой бухтѣ? сколько охотниковъ являются; нѣтъ, не позволяетъ. А вѣдь два-три брандера и въ свѣжій вѣтеръ съ моря уничтожили бы весь флотъ до одинаго судна. Вспомнили бы хотя исторію, какъ графъ Орловъ при Чесмѣ двумя брандерами сжегъ весь военный Турецкій флотъ. А тутъ подъ бокомъ и при такомъ удобствѣ. И ноль вниманія на всякія предложенія охотниковъ.

— А это имъ въ уплату за то, что они пощадили его при Альмѣ и не взяли Севастополя, когда въ немъ было только два резервныхъ батальона, отвѣчалъ я.

— Да ну ихъ къ черту! Пускай дѣлаютъ, что знаютъ, намъ все равно умирать-то, сказалъ флотскій юнкеръ, а пока живы, можетъ сыграть? обратился онъ ко мнѣ.

Можно, отвѣчалъ я, и отправился со всей компаніей въ извѣстную намъ комнату.

Мы проиграли не болѣе часу. Мнѣ опять не везло; проигравъ двадцать пять рублей, я, досадуя на себя, кончилъ игру.

— Скверно, думалъ я, на оставшіеся три рубля долго не проживешь.

— Чтò братъ, говорилъ мнѣ Переверзенко, не везетъ тебѣ съ этимъ юнкеромъ; охота тебѣ съ нимъ связываться.

— Ну ладно, отвѣчалъ я; молоды, еще отыграемся.

Возвратясь домой уже поздно, я нашелъ въ нашемъ помѣщеніи родного брата, возвратившагося изъ Керчь-Еникальскаго госпиталя, въ которомъ онъ лечился отъ Крымской лихорадки. Сообщивъ ему о нашемъ житьѣ-бытьѣ, я упомянулъ, что мои финансы пришли въ плачевное положеніе.—Ничего, сказалъ онъ, у меня есть рублей пятнадцать, пока еще проживемъ.

На другой день, 2-го Ноября, день можно сказать знаменательный, день, который не забудется всѣми бывшими тогда въ Севастополь, такъ же, какъ не забудется первый день бомбардировки, 5-го Октября. Штормъ, начавшійся съ утра, къ полудню дошелъ до того, что перейти Карабельную площадь противъ вѣтра можно было лишь согнувшись въ три дуги, разрѣзая вѣтеръ головой. И не только выпрямиться, но достаточно было повернуться бокомъ къ вѣтру, чтобы моментально быть имъ брошену на землю. Въ этотъ штормъ болѣе ста непріятельскихъ коммерческихъ судовъ погибли въ пучинахъ бурнаго моря. Даже одинъ изъ военныхъ паровыхъ фрегатовъ былъ выброшенъ на мель. И одинъ изъ стадвадцатипушечныхъ кораблей, стоявшихъ въ цѣпи въ блокадѣ Севастополя, былъ сорванъ съ якоря и понесся къ Константиновской батарее. Корабль бросался удивительно: то онъ стоялъ на высокой горѣ, когда его вскидывало на вершину волны, то видна была лишь верхняя половина его высокихъ мачтъ, когда онъ низвергался въ какую-то бездну. Какимъ-то чудомъ онъ спасся отъ неминуемой гибели. Константиновская батарея не сдѣлала ни одного выстрѣла, не смотря на то, что злополучный корабль былъ отъ нея въ разстояніи полу-пушечнаго выстрѣла, чѣмъ вѣроятно заслужила общую симпатію союзнаго флота, пощаженнаго Меншиковымъ отъ сожженія брандерами, быть можетъ потому, что былъ увѣренъ, что мы въ концѣ концовъ потерпимъ полное фіаско въ этой неровной войнѣ и чтобы намъ не пришлось по заключеніи мира еще вознаградить союзниковъ за уничтоженіе ихъ флота. (Впрочемъ это разсужденіе позднѣйшаго времени, а въ то время всѣ злились на свѣтлѣйшаго).

Въ этотъ день мы отправились съ братомъ въ трактиръ и, объѣдавъ, я зашелъ въ ту комнату, въ которой по обыкновенію шла игра. Металь поручикъ какого-то полка, и три офицера разныхъ полковъ, сидя противъ него, понтировали. Я сѣлъ рядомъ съ банкометомъ и попросилъ позволенія участвовать въ игрѣ.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ онъ мнѣ.

Въ банкѣ было что-то много, и я не узналъ, съ чего начать ставку. Офицеры ставили не меньше трехъ рублей. Наконецъ я рѣшился и началъ съ полутора рубля. Мнѣ повезло, и не прошло часа, какъ я былъ въ выигрышѣ семидесяти рублей. „Довольно“, подумалъ я и кончилъ играть.

—Что же вы не играете? ставьте, обратился ко мнѣ банкометь.

—Довольно, отвѣчалъ я, съ меня и этого будетъ.

—Да играйте, уговаривалъ меня онъ: вѣдь вамъ везетъ, чего же вы? Когда больше понтѣровъ, то и метать веселѣе.

Въ это время приходитъ братъ и передаетъ мнѣ четвертакъ, полученный сдачи, говоря: Убери въ портъ-моне, четвертакъ нынѣшняго года. Я посмотрѣлъ на новенькій четвертакъ и началъ имъ вертѣть отъ нечего дѣлать.

—Да приставьте, обратился ко мнѣ снова банкометь, чего тутъ четвертакомъ-то вертѣть.

—Ну если хотите, вотъ готовъ проиграть вамъ этотъ четвертакъ, сказалъ я.

—Ставьте, сказалъ онъ, предполагая навѣрно, что если я проиграю, то не выдержу и буду продолжать, чтѣ бываетъ со многими неимѣющими силы воли.

—Ну идетъ пятнадцать копѣекъ, сказалъ я и поставилъ одну изъ картъ, валявшихся на столѣ. Карта была мнѣ дана. Я написалъ пятнадцать и черкнулъ уголокъ, снова поставилъ карту, то-же валяющуюся на столѣ, уголокъ былъ данъ. Я подчеркнулъ второй уголокъ, чтѣ обозначало, что идетъ на семь кушей и опять поставилъ случайно попавшуюся подъ руку карту и то же выигралъ. Я продолжалъ ставить карту за картой, подчеркивая только уголки, и каждую карту мнѣ давали и давали.

—Сосчитайте, сказалъ мнѣ одинъ изъ понтѣровъ, когда мнѣ дана была семнадцатая или восемнадцатая карта. Вѣдь тутъ чертъ знаетъ сколько у васъ выиграно.

— Не буду считать, отвѣтилъ я, пусть бьютъ, послѣ сосчитаемъ. Наконецъ двадцать третья карта была убита. Стали считать, и оказалось, что двѣсти сорокъ рублей, находившіеся въ банкѣ, были сорваны одинадцатой картой, а остальные метались, когда въ банкѣ не было ни копѣйки.

Вотъ каковъ четвертакъ, говорилъ я, обращаясь къ банкомету и забирая изъ банка деньги. При всемъ моемъ желаніи проиграть вамъ его, я сдѣлать этого никакъ не могъ, по вашей же милости.

— Чертъ знаетъ, говорили прочіе понтёры, это достойно удивленія. Взять подъ рядъ двадцать двѣ карты! Да сто лѣтъ проиграй, подобный случай не увидишь.

— Да, сказалъ одинъ изъ понтёровъ, еще мичманомъ, я былъ свидѣтелемъ здѣсь въ клубѣ, какъ одинъ нашъ лейтенантъ проигралъ здѣшнему коммерсанту около тысячи рублей. Поужинавъ довольно уже поздно, они отправились по домамъ. Но выйдя на подѣздъ увидали, что былъ большой дождь и въ ту минуту моросилъ еще маленькій. Эхъ, чертъ возьми, сказалъ коммерсантъ, понадѣялся на погоду и не надѣлъ калошъ. Обязательно промочу ноги и получу по обыкновенію насморкъ, и ни одного мерзавца извощика нѣтъ.

— А я въ калошахъ, сказалъ лейтенантъ и добавилъ смѣясь: хотите выиграть? Примѣряйте впору-ли? и снялъ одну калошу. Коммерсантъ то же смѣясь примѣрялъ и, надѣвъ, сказалъ: чуточку велики; ну да ладно, идетъ! Во сколько заложите? Не новые, отвѣчалъ тотъ, въ двухъ съ половиной. Идетъ, говорилъ коммерсантъ, и оба вернулись спросить карты, и лейтенантъ сталъ метать, убилъ первую карту, убилъ вторую, третью, да подрядъ восемь картъ. Игра началась уже серьезная, лейтенантъ спросилъ новыя карты, и кончилось тѣмъ, что коммерсантъ проигралъ и первый выигрышъ, да кромѣ того своихъ, а всего ни мало, ни много, какъ семь тысячъ рублей. Вотъ тебѣ и старья калоши, добавилъ расказчикъ.

Насталъ Декабрь, и нашъ батальонъ помѣщенъ былъ въ казармы Брестскаго полка, находившіяся позади Малахова кургана и много правѣе его. Мы пришли туда къ вечеру и, поставивъ свое ружье у наръ около полокъ, я ушелъ по обыкновенію въ трактиръ и, возвращаясь довольно поздно, засталъ роту уже спящей на нарахъ и на полу. Мнѣ было весьма нежелательно укладываться на полу и вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось и тревожить лежавшихъ на нарахъ. И вотъ, не долго думая, я взобрался на верхнюю полку и, подложивъ подъ голову сумку съ патронами, заснулъ богатырскимъ сномъ, рѣшивъ по утру нанять

гдѣ нибудь поближе квартиру. Но утромъ, какъ только проснулась рота, я почувствовалъ, что меня держутъ за плечи и за ноги. Открываю глаза и вижу удивленную физиономію одного изъ ундеръ-офицеровъ, державшаго меня за плечо и говорившаго: Помилуйте, Константинъ Ивановичъ, куда это вы забрались, развѣ такъ можно? Вы развѣ не видѣли, что съ обѣихъ сторонъ стоятъ ружья съ примкнутыми штыками; храни Богъ, если-бъ вы свалились, то вѣдь прямо на штыки. Подка-то и шести вершковъ не будетъ. Я слѣзъ съ полки и перебрался досыпать на нары.

Въ тотъ же день мы съ братомъ перебрались на квартиру, въ которой и пробыли до выступленія полка въ Сѣверное укрѣпленіе, 17-го Января 1855 года.

Прощай, Севастополь, говорили мы, переѣзжая на военномъ пароходѣ съ Графской пристани; мы отдежурили сто шестнадцать дней; авось теперъ отдохнемъ.

Въ Сѣверномъ укрѣпленіи мы пробыли около полутора мѣсяца.

Какъ-то разъ, проходя изъ Сѣвернаго укрѣпленія въ духанъ штабнаго маркитанта (замѣчательнаго тѣмъ, что въ немъ можно было имѣть все самое лучшее, какъ въ отношеніи продовольствія, такъ и всего необходимаго для нуждъ офицера), я увидалъ много деревянныхъ палатокъ, въ которыхъ матроски жарили пышки и угощали проходящихъ, восхваляя ихъ достоинство.

Какъ любитель мучного, я сейчасъ-же соблазнился и, оставшись очень доволенъ ихъ вкусомъ, повадился ходить туда каждый день. Но это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока я не похвастался Переверзенькѣ своимъ открытіемъ.

—Да что ты, съ ума сошелъ, сказалъ онъ мнѣ. Знаешь, на чемъ эти пышки приготовляются?—Нѣтъ, не знаю, отвѣчалъ я, но онѣ очень вкусныя.—Вкусныя, можетъ быть, но поганыя, это вѣрно. Дурень ты, продолжалъ онъ смѣясь, вѣдь онѣ приготовляются на такелажномъ салѣ.—А что это за такелажное сало? спросилъ я удивленно.—А это сало, которымъ смазываютъ на корабляхъ такелажъ, машины и прочее, а готовится оно изъ всякой падали.

—Ахъ, чтобъ ихъ черти побрали! ругался я и съ тѣхъ поръ даже отворачивался отъ проклятыхъ палатокъ, когда проходилъ мимо ихъ.

Въ концѣ Февраля или началѣ Марта мы выступили въ аулъ Черкесь-Керманъ, верстахъ въ пятнадцати отъ Севастополя, гдѣ стоявъ недѣли двѣ или три, перешли на позицію Мекензіевой горы,

верстахъ въ десяти отъ Севастополя. Обширное плато, окруженное мелкимъ лѣсомъ, было противъ самой Байдарской долины. На этомъ плато и расположился нашъ полкъ глаголемъ. Отсюда Севастополь былъ виденъ, какъ на ладони.

Придя на эту позицію, первымъ долгомъ было приступлено къ устройству шалашей, чтобы защититься отъ лучей палящаго солнца. Въ первые три дня мы блаженствовали. Но вотъ листья высохли, облачное небо закрылось сплошной тучей, и пошелъ довольно сильный дождь, выгнавшій всѣхъ изъ шалашей, въ которыхъ мѣстами лило такъ сильно, что мы предпочли быть подъ открытымъ небомъ. Часа черезъ два, сильный дождь перешелъ въ мелкій морозящій, все же не позволяющій поселиться въ шалашахъ. Развели громадные костры, рассчитывая, что на слѣдующее утро мы высохнемъ на солнцѣ, а ночью погрѣмся около костровъ. Но эти надежды не оправдались, такъ какъ этотъ мелкій дождь шелъ ровно трое сутокъ. Насквозь промокшіе и иззябшіе мы спасались днемъ около костровъ, а на ночь придумали слѣдующее. Выгребалось побольше угольевъ самыхъ горячихъ, и валили ихъ въ то мѣсто, гдѣ кому удобнѣе было лечь. Нагрѣвъ свое ложе и освободивъ его отъ угольевъ, мы укладывались на сонъ грядущій, поворачиваясь къ костру, то спиной, то грудью. На четвертый день, просохнувъ на благодатномъ солнцѣ, мы стали строить землянки, въ которыхъ и размѣстился весь полкъ.

Позиція, которую заняли мы, была коренная. На ней была расположена вся наша дивизія съ артиллеріей по дорогѣ къ Севастополю. Съ этой позиціи мы ходили чрезъ три недѣли въ четвертую на такъ называемую авангардную позицію, гдѣ одинъ полкъ смѣнялся другимъ,

Эта авангардная позиція шла отъ главной бухты вдоль праваго берега Черной рѣчки, съ возведенными на ней разнаго наименованія батареями, и ближайшая къ бухтѣ называлась батарея литера А., на которую и пришелъ нашъ батальонъ въ Четвергъ на Страстной недѣлѣ.

Въ первый день Пасхи я отпросился у батальоннаго командира въ госпиталь, находившійся на Сѣверной сторонѣ, гдѣ въ это время былъ мой братъ, заболѣвшій опять Крымской лихорадкой. Погода была чудная, безоблачная, и я часовъ въ десять отправился въ путь. Пройдя почти половину разстоянія, я издали увидаль флотскаго генерала, ѣхавшаго верхомъ на сѣрой лошаdkѣ. Онъ ѣхалъ миѣ на перерѣзъ. Сообразивъ, что мы неминуемо должны встрѣтиться и не желая быть невѣжливымъ, я быстро оправился, подтянулся и сталъ приближаться

къ генералу; но онъ уже шель пѣшкомъ и велъ свою лошадь въ поводу. Выйдя на дорогу, я снялъ фуражку и, сдѣлавъ ему фронтъ, остановился, чтобы пропустить его. Генераль подошелъ ко мнѣ.—Христосъ Воскресе, сказалъ онъ и, подойдя ко мнѣ, снялъ съ себя фуражку.—Воистину Воскресе, ваше превосходительство, отвѣтилъ я, и мы похристосовались. Генераль сѣлъ на лошадь и отправился по направлению къ Маяку, а я на Сѣверную сторону.

Кто былъ этотъ, генераль, я не зналъ; но черты его лица вѣзались въ мою память. Лѣтъ чрезъ семь, въ Морскомъ Корпусѣ, въ пріемной посѣтителей воспитанниковъ я увидалъ портретъ, висѣвшій на стѣнѣ. Ба, вотъ тотъ генераль, который христосовался со мной, вспомнилъ я, глядя на его портретъ. Подхожу ближе и читаю: Павелъ Степановичъ Нахимовъ. Миръ праху твоему, незабвенный генераль, промелькнуло у меня въ головѣ.

Придя въ госпиталь и пробывъ у брата съ полчаса, я отправился въ Севастополь, гдѣ въ этотъ день была ужасная бомбардировка. По Екатерининской улицѣ стоялъ неотстроенный трехъэтажный домъ, и мнѣ вздумалось оттуда полюбоваться на дымящіеся наши бастіоны и батареи. Не теряя времени, я забрался совершенно свободно на третій этажъ. Отсюда я видѣлъ устроенный на мелкихъ судахъ мостъ чрезъ малую бухту, по которому мнѣ слѣдовало перейти, такъ какъ я шель навѣстить симпатичнаго Еврейчика, завѣдывавшаго складомъ мебели и складомъ убитыхъ защитниковъ Севастополя. Вдоль малой бухты сыпались одно за другимъ рикошетирующія ядра, которыя то тонули не долетая моста, то перелетая черезъ него.—Да, подумалъ я, чертъ возьми! Мнѣ вѣдь по этому мосту надо идти. И странное дѣло, ни разу не бившееся во мнѣ сердце въ теченіе почти четырехъ мѣсяцевъ постоянной бомбардировки вдругъ забилося, какъ-бы испугавшись чего-то особенно страшнаго. Чтѣ это со мною? подумалъ я, отчего этотъ непонятный для меня какой-то страхъ? Могу ли я струсить послѣ всего, чтѣ я видѣлъ и чтѣ испыталъ? Вотъ вопросы, которые я задавалъ себѣ. Ну врешь, Костька; это братъ у тебя нервы шалять, три мѣсяца отдыхали, отвыкли, вотъ и все и, пропѣвъ сигналъ переправы, „хоть какую переправу перейдемъ ее на славу, маршь“, отправился прямо къ мосту и благополучно перешель его.

Неожиданное мое появленіе у Еврейчика удивило его. Какъ это вы ввалились въ этотъ адъ? Откуда? Я разсказалъ, что былъ у брата и что хотѣлось повидаться съ нимъ и узнать, живъ ли онъ.—Ну спасибо, сказалъ онъ. Вотъ не ожидалъ, чтобы кому-нибудь пришла охота

ходить по гостямъ въ такое время. Ой, ой, ой! Ну за то я васъ угощу настоящей пасхой. У васъ на позиціи вѣроятно этимъ не занимались. И, подавши самоваръ, онъ угостилъ меня превосходной пасхой и куличемъ.

Напившись чаю и закусивъ, я хотѣлъ было уходить. Нѣтъ, сказалъ онъ, я васъ не пущу. Вы и не думайте; вѣдь это же безуміе такъ зря рисковать своей жизнью.

— Вы думаете, убьютъ? Полно-те, не убьютъ, убѣждалъ я его, а если быть убитымъ, такъ и сюда можетъ залетѣть семипудовая; она прошибетъ всѣ ваши потолки и сводъ, подъ которымъ вы обрѣтаетесь. — Ладно, тогда я по крайней мѣрѣ буду знать, что вы убиты, а до двѣнадцати часовъ я васъ не пущу, рѣшилъ онъ. Въ двѣнадцать часовъ ночи придетъ барказъ, вы вмѣстѣ съ мертвыми и отправитесь, а до тѣхъ поръ мы пообѣдаемъ и напьемся чайку, а если захотите отдохнуть, вотъ вамъ и кровать, добавилъ онъ, указывая на превосходную постель.

Въ двѣнадцать часовъ ночи пришли сказать, что барказъ поданъ и покойниковъ переносятъ. Ну вотъ теперь пойдемте, сказалъ Еврейчикъ (несомнѣнно крещеный), теперь вы несомнѣнно благополучно доѣдете. И мы отправились къ барказу, на который складывали мертвыхъ. Усѣвшись около кормы, я смотрѣлъ на ясное звѣздное небо, и не прошло пяти минутъ, какъ надъ казармами пролетѣло каленое ядро, приблизительно сажень на сто надъ поверхностью земли. Полетъ очень красивый.

— Куда это они калеными-то валяютъ? спрашивалъ я у гребца-матроса.

— А кто ихъ знаетъ, отвѣчалъ онъ, по Императрицѣ Маріи (стадцатипушечный корабль) или по Владимиру (пароходъ).

Подождавъ еще нѣсколько минутъ, пока не уложили всѣхъ покойниковъ, мы отчалили, и я все смотрѣлъ вверхъ, не полетитъ ли еще чугунный метеоръ. Но нѣтъ, это былъ единственный, который я видѣлъ.

Въ послѣднихъ числахъ Іюля прошелъ слухъ по полку, что вызываютъ охотниковъ на Севастопольскіе бастіоны. Провѣривъ его и узнавъ, что это вѣрно, я отправился къ батальонному командиру, прося его назначить меня въ Севастополь. Чтò ты съ ума сошелъ? сказалъ онъ. И не думай, слышишь. Офицеромъ и безъ того будешь, а въ Севастополь я тебя не пущу. Слышалъ?—Слышалъ, Павелъ Васильевичъ, отвѣчалъ я печально.—Ну значить и разговаривать больше

не о чемъ. Ступай съ Богомъ. Я раскланялся и ушелъ. Значить, не судьба, подумалъ я.

Послѣ этого нашъ полкъ вскорѣ отправился на авангардную позицію, и часть юнкеровъ была оставлена на крайней позиціи по случаю назначеннаго для нихъ смотра начальникомъ дивизіи. И вотъ 3-го Августа въ семь часовъ вечера приходитъ ко мнѣ Переверзенко и говорить: Ты чего же не собираешься? Вѣдь намъ надо идти въ Волчій Яръ для соединенія съ полкомъ. Завтра будетъ сраженіе, а сегодня ночью мы пойдемъ занимать позицію. Знаю, знаю, сказалъ я, и сталъ собираться. Собравшись, я вынулъ послѣднюю десятирублевую бумажку и, показывая ее Переверзенкѣ, сказалъ.—Пойдемъ, братъ, къ маркитанту; выпьемъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ. Да кстати и сдачу получу серебромъ. Если раненый попадусь въ плѣнъ, то все таки буду съ деньгами. Выпивъ у маркитанта бутылку Шампанскаго и получивъ сдачи четыре рубля, мы до пробитія зари отправились въ Волчій Яръ, гдѣ уже застали собравшихся и лежащихъ нашихъ товарищей.

Что вы тутъ валяетесь? обратился я ко всѣмъ вообще: такъ-то вы проводите послѣдніе часы? Эхъ вы, золотое время тратите. Идите-ка сюда къ огоньку, приглашалъ я товарищей, разводя огонь. Сыграемъ передъ смертью въ шtosикъ, я и карты захватилъ. Если убьютъ, то деньги уже не понадобятся. Нѣкоторые расхохотались и подошли, другіе назвали меня окаяннымъ, но все-таки тоже подходили и пробовали счастья, которое преимущественно было на моей сторонѣ.

Къ приходу полка у меня вмѣсто четырехъ рублей оказалось болѣе пятидесяти. Экая счастливая собака, говорили нѣкоторые: ему вездѣ и во всемъ везетъ. Тутъ игра прекратилась, и мы отправились въ роты по своимъ мѣстамъ и какъ только священникъ прошелъ мимо батальоновъ, кропя ихъ святой водой, всѣ тронулись на боевыя позиціи, гдѣ мы прилегли, ожидая разсвѣта и приказаній. Пролежали около трехъ часовъ, и только что разсвѣло, мы подвинулись впередъ и стали правѣ деревни Чоргунъ, на большой возвышенности противъ такъ называемыхъ Оедюхиныхъ высотъ. Правѣ насъ, въ разстояніи около версты виднѣлась двѣнадцатая дивизія, выстроенная фронтомъ вдоль рѣчки.

Батальоны нашего полка постросны были въ ротныя колонны. Взошло солнце, и минутъ чрезъ двѣнадцать дивизія подъ командой генерала Реада (убитаго въ этомъ сраженіи) открыла огонь. Но за дымомъ мы ничего не видали, а только слышали настолько частые вы-

стрѣлы, что ихъ можно было сравнить только съ дробью нѣсколькихъ барабановъ.

Но вотъ кто-то прискакалъ, что-то сказалъ полковому командиру, и нашъ полкъ двинулся къ Черной рѣчкѣ подь крикъ несмолкаемаго ура части двѣнадцатой дивизіи, бросившейся на каменный мостъ.

Для перехода чрезъ Черную рѣчку были сдѣланы деревянные перекидные мостики преимущественно для переправы артиллеріи. Но они оказались коротки, и поэтому рѣчку пришлось переходить въ бродъ, кому по колѣно, а кому и выше пояса.

Наша рота при переходѣ рѣчки выдержала нѣсколько залповъ картечью непріятельской артиллеріи. Тутъ былъ раненъ въ обѣ ноги батальонный командиръ четвертаго батальона, и меня позвали къ нему на помощь. Вдвоемъ съ однимъ изъ товарищей, мы перевели раненаго маіора обратно чрезъ рѣчку и, подьходя къ Чоргуну, страшно утомленный, я едва двигался подь тяжелой ношей. Къ счастью встрѣтился одинъ изъ нашихъ юнкеровъ, и я попросилъ его замѣнить меня, на что онъ охотно согласился; а я легъ, смотря на отступавшій уже нашъ полкъ. Но отдыхъ мой былъ самый непродолжительный. Зная, что при приближеніи полка начнутъ визжать рикшетныя шальныя пули, и не желая быть бесполезной жертвой ихъ, я всталъ и отправился по направленію къ перевязочному пункту, мимо котораго приходилось идти къ нашей коренной позиціи.

Меня нагнало нѣсколько юнкеровъ, отдѣлившись отъ полка, отправившагося на авангардную позицію. Дойдя до перевязочнаго пункта, мы всѣ сдѣлали привалъ и послѣ часового отдыха отправились на нашу коренную позицію.

Въ интервалѣ нашихъ батальоновъ мы увидали большое количество очень большихъ палатокъ, въ которыхъ находились перевязанные и ампутированные раненые, пришедшіе и привезенные съ перевязочнаго пункта.

Я возвратился на позицію часа въ четыре, изнеможенный отъ усталости и, мучимый ужасной жаждой, отправился въ одну изъ нашихъ землянокъ, гдѣ помѣстились сестры милосердія. Встрѣтивъ одну изъ нихъ, я попросилъ ее, если возможно, утолить мою жажду. Сейчасъ, сказала она, подождите минутку, и минуты чрезъ двѣ она вынесла мнѣ огромный желѣзный ковшъ съ какой-то жидкостью. Я какъ припалъ къ ковшу, такъ и не оторвался отъ него, пока не допилъ всего безъ остатка. Жидкость оказалась клюквеннымъ превосходнымъ морсомъ. Отблагодаривъ сестру, я отправился спать въ свою землянку и проспалъ ни много ни мало, какъ двадцать семь часовъ подь рядъ.

Вечеромъ на другой день сраженія, собравшись въ землянкѣ, мы разсуждали, для чего мы ходили въ бой на позицію, занятую Сардинцами, позицію, которая, два мѣсяца тому назадъ, не только что была свободна, но даже занята нами, такъ какъ гораздо дальше ея и ближе къ союзникамъ стоялъ Греческій полу-батальонъ (волонтеры) въ видѣ наблюдательнаго поста.

— А чертъ ихъ знаетъ, для чего. Должно быть для того-же, для чего ходили и въ Инкерманское сраженіе. Положили нѣсколько тысячъ, и ладно. Кстати и вакансіи открылись, вотъ насъ произведутъ, развѣ это плохо? замѣтилъ кто-то.

— Да, намъ, конечно, оставшимся въ живыхъ и легко раненымъ отлично, а убитымъ? спросилъ я.

— А убитымъ еще лучше, сказалъ Переверзенко; ибо тамъ нѣсть болѣзней и печалей и воздыханій.

— Ну, пока чтò, а мы, кажись, въ настоящее время не больно-то печалимся, замѣтилъ я.

По утру 6-го Августа я отправился смотрѣть, какъ рѣжутъ руки и ноги, которыхъ въ одной изъ палатокъ былъ сложенъ цѣлый ворохъ. Ничего, довольно интересно. Доктора буквально забрызганы кровью съ головы до ногъ. Самое чистое мѣсто у нихъ руки, которыя они то и дѣло мыли. Въ палаткахъ находилась раненыхъ не одна тысяча, но одинъ ли это былъ перевязочный пунктъ, навѣрное не знаю.

Въ двѣнадцать часовъ дня 28-го Августа, въ совершенно безоблачный день, мы услышали отдаленную чрезвычайно частую ружейную пальбу и, выскочивъ изъ землянокъ, увидали, что Севастопольскіе бастионы все въ дыму и пальба слышится оттуда.

— Ну это опять штурмъ, сказалъ кто-то изъ насъ, чѣмъ-то кончится?

— А тѣмъ-же, чѣмъ и 26-го Іюня, сказалъ я. Уложить ихняго брата тысячь двадцать, вотъ и все.

— Ну это еще Богъ знаетъ, сказалъ Переверзенко, мостъ-то вѣдь не даромъ устроили.

Вечеромъ мы догадались, что Севастополь оставляется. Частые взрывы и пожары во многихъ мѣстахъ ясно доказывали это. Послѣднія горѣли суда разныхъ наименованій.

На другой день мы узнали, что штурмъ съ громадной потерей для союзниковъ былъ отбитъ вездѣ, кромѣ Малахова кургана, который тоже могъ бы быть отбитъ, но въ виду невозможности продолжать защиту Севастополя, вообще вслѣдствіе ежедневной убыли въ войскахъ,

дошедшей до семи сотъ человѣкъ, рѣшено было оставить Севастополь. Оборонительная линія его была уничтожена человѣческой кровью, а рвы неоднократно были наполняемы тѣлами союзниковъ, гордившихся взятіемъ штурмомъ Севастопольскихъ твердынь, которыя могли быть взяты безъ выстрѣла одиннадцать мѣсяцевъ раньше.

Часть вышедшихъ изъ Севастополя войскъ расположилась на Мензиевой горѣ, и на площади, противъ нашего полка, расположилась цѣлая дивизія, которая своей численностью не превосходила одного полка.

Однажды, проходя передней линіей землянокъ, я увидалъ пропасть сушившихся на солнцѣ ружейныхъ патроновъ, подмоченныхъ во время двукратнаго перехода рѣчки и, узнавъ, что онѣ въ сдачу не послѣдуютъ, не долго думая забралъ ихъ себѣ въ землянку.

Весь порохъ, оказавшійся совершенно сухимъ, я высыпалъ въ двѣ бутылки, изъ пуль началъ въ бумажныя формы отливать орудія, которыхъ и соорудилъ шесть штукъ, а лафеты устроилъ по образцу крѣпостной артиллеріи. Когда онѣ были готовы, мы съ Переверзенко на благородной дистанціи отъ землянокъ устроили по всѣмъ правиламъ науки, одну противъ другой, батареи, каждая въ три орудія на дистанціи десяти шаговъ и въ теченіе недѣли разбивали другъ друга, а поврежденное немедленно исправляли. Когда-же это намъ надоѣло, я рѣшилъ изъ всѣхъ шести орудій сдѣлать одно, чтò и было исполнено. Стрѣлять изъ него рѣшено было ракетами, которыя я умѣлъ дѣлать отлично. И вотъ какъ-то вечеромъ къ намъ въ землянку приходитъ Верберъ и спрашиваетъ меня: что-же, будешь стрѣлять ракетами?— Непремѣнно, и, взявъ орудіе, зарядивъ его, выйдя изъ землянки съ прочими товарищами и уставивъ орудіе по направленію вверхъ, сидя на корточкахъ, я приложилъ фитиль къ затравкѣ. Грохнулъ выстрѣлъ, грохнулся и я, т. е. опрокинулся навзничъ и лежа на землѣ смотрѣлъ, хорошо ли летитъ моя ракета.

— Охъ чертъ тебя дери съ твоей ракетой! говорилъ Верберъ, входя въ землянку и держась рукой за правое ухо.—Чтò съ тобой? спрашивали меня товарищи.—Пушку твою разорвало, говорилъ Переверзенко, внося ее въ землянку, гдѣ и наведено было дознаніе. Оказалось, что отъ взрыва пушки меня ударило лѣвой стѣнкой лафета въ правую часть лица, поранивъ бровь, носъ и правую скулу, а ухо Вербера слегка разрѣзано. Послѣ этого я уже не возобновлялъ опытовъ съ орудіемъ.

Что-же мнѣ дѣлать съ этимъ порохомъ? думалъ я, глядя на насыпанныя имъ двѣ бутылки. Наконецъ я придумалъ: взорвать мину и

посмотрѣть, высоко-ли подымутся камни. Это недурно, подумалъ я, а главное эффектно, и началъ готовить свѣтящіеся паровые шарики величиною въ горошину, по калибру маленькой мѣдной пушечки, найденной гдѣ-то однимъ нашимъ солдатомъ, отдавшимъ ее мнѣ.

Когда ядрышки были готовы, я выкопалъ ямку шагахъ въ шести отъ своей землянки, поставилъ въ нее бутылку съ порохомъ и осыпалъ ее еще кругомъ порохомъ изъ другой бутылки. Затѣмъ я засыпалъ все каменистой землей и устроилъ довольно большой курганчикъ тоже изъ каменистой земли. Устроивъ все какъ слѣдуетъ, я оповѣстилъ всѣхъ товарищей (мы всѣ были уже офицеры), что буду взрывать мину, и кого это заинтересовало явились посмотреть. Всѣ стали кружкомъ не болѣе четырехъ шаговъ отъ мины. Любопытныхъ оказалось человѣкъ двѣнадцать. Я вынесъ свое полевое орудіе и съ четырехъ шаговъ дистанціи началъ пускать свѣтящіеся ядра, направляя ихъ на площадку кургана, посыпанную толченымъ порохомъ. Первые два выстрѣла не удались, но третій угодилъ въ самую площадку. Порохъ вспыхнулъ, затѣмъ зашипѣлъ дымовой фонтанъ, и послѣдовалъ взрывъ. Всѣ взглянули вверхъ и увидали массу поднявшихся камней, которые неминуемо должны были упасть хотя частію на то мѣсто, гдѣ мы стояли, и мы какъ сумасшедшіе бросились всѣ по землянкамъ, подъ градомъ упрековъ моихъ товарищей, проклинавшихъ мою изобрѣтательность.

— Чтò ты, дьяволъ, надѣлалъ? говорилъ Переверзенко, вбѣгая со мною въ землянку, вѣдь ты чуть чуть всѣхъ не уложилъ на мѣстѣ: камни-то пролетѣли около самой рожи.

— Да вѣдь никого не задѣло, такъ о чемъ толковать? говорилъ я въ свое оправданіе, между тѣмъ какъ обратно падавшіе камни барабанили по землянкѣ; а вотъ не задѣло-бъ кого обратно падающими камнями, которые чертъ знаетъ куда разлетятся, вотъ это пожалуй будетъ скверно.

— Ну да Богъ милостивъ, авось никого не задѣнетъ, заключилъ я, надѣясь на возможную случайность. Однако моя надежда не оправдалась.

На другой день я узналъ, что два камня угодили въ солдатъ нашего полка, къ счастью не причинивъ имъ никакого серьезнаго вреда. Но одинъ солдатъ десятой дивизіи, стоявшей противъ нашего полка, былъ раненъ на столько серьезно, что былъ отправленъ въ лазаретъ. Его полковой командиръ жаловался нашему начальнику дивизіи по этому обстоятельству; но я не получилъ никакого замѣчанія ни съ

той, ни съ другой стороны, такъ какъ нашъ полковой командиръ зналъ меня за исправнаго юнкера и офицера.

Время на занимаемой нами позиціи тянулось однообразно, мы ходили только черезъ каждыя три недѣли на авангардную позицію.

Но вотъ въ Октябрѣ мы удостоились посѣщенія Государя Императора Александра Николаевича, сдѣлавшаго смотръ уцѣлѣвшимъ остаткамъ войскъ отъ небывалой до тѣхъ поръ бойни. Государь стоялъ со свитой въ интервалѣ между землянокъ нашихъ батальоновъ, гдѣ послѣ сраженія 4-го Августа былъ перевязочный пунктъ.

Нашъ полкъ, переформированный въ трехъ батальонный составъ послѣ послѣдняго сраженія, прошелъ церемоніальномъ маршемъ мимо Государя, также какъ и слѣдующіе полки.

Пропустивъ мимо себя полки, Государь сталъ объѣзжать полки, выстроенные въ одну линію по дорогѣ къ Севастополю и благодарилъ за службу, при чемъ офицеры были вызываемы на средину полка, и Государь отдѣльно благодарилъ насъ за самоотверженную службу.

— А какая у тебя была убыль 4-го Августа? спросилъ Государь у нашего командира полка.

— Девятьсотъ пятнадцать человекъ, Ваше Величество, отвѣчалъ онъ (полкъ шелъ въ сраженіе имѣя не болѣе двухъ тысячъ трехъ сотъ человекъ).

Государь еще разъ поблагодарилъ и отправился въ слѣдующій полкъ.

Въ Ноябрьрѣ проклятая лихорадка опять заставила меня отпавиться въ Симферопольскій госпиталь, гдѣ я пролежалъ цѣлый мѣсяцъ и гдѣ познакомился съ однимъ гусарскимъ юнкеромъ, находившимся при своемъ больномъ братѣ. Однажды я его позвалъ съ собою въ театръ. Да вѣдь мнѣ нельзя, сказалъ онъ.—Мнѣ тоже нельзя, такъ какъ я еще въ госпиталѣ, а потому мы съ вами заберемся въ раекъ, и никто на насъ и вниманія не обратитъ, уговаривалъ его я. Ну значить, сказано и сдѣлано. Послѣ театра я его пригласилъ заѣхать въ маленькій ресторанчикъ, откуда, закусивъ и выпивъ полбутылки Шампанскаго, мы собрались уходить, когда въ дверяхъ я встрѣтился съ флотскимъ юнкеромъ, который дважды поражалъ меня въ Севастополь на зеленомъ полѣ.

А, Константинъ Ивановичъ, какими судьбами? задалъ онъ мнѣ вопросъ. Я рассказалъ. Что-же не сыиграемъ ли? спросилъ онъ. Я согласился. Онъ повелъ меня чрезъ буфетъ въ другую комнату, и на-

чалась игра. Миѣ сильно везло, и подь конецъ, взявъ подрядъ тринадцать картъ и выигравъ триста рублей, я, подь предлогомъ необходимости возвратиться въ госпиталь, прекратилъ игру и любезно простился съ юнкеромъ, поблагодаривъ его за реваншъ.

Въ госпиталь днѣ чрезъ два послѣ этого я узналъ, что нашъ полкъ въ кадровомъ составѣ ушелъ для сформированія въ Херсонскую губернію. Сначала я было хотѣлъ отправиться туда-же, но затѣмъ передумалъ и рѣшилъ ѣхать въ главный штабъ, находившійся въ то время въ Бахчисарѣ и подать докладную записку начальнику штаба, прося о прикомандированіи меня для совмѣстнаго служенія съ роднымъ братомъ, оставшимся въ прикомандировкѣ съ прочими субалтернъ-офицерами полка.

Подавъ лично записку начальнику штаба, я отправился въ полкъ, гдѣ находился братъ. Ихъ полкъ стоялъ верстахъ въ четырехъ отъ Бахчисарая по берегу рѣчки Качи. Прошло болѣе мѣсяца, никакого прикомандированія я не дождался и когда всѣхъ прикомандированныхъ офицеровъ потребовали въ свои полки, я съ остальными отправился въ штабъ для полученія подорожной и прогоновъ.

Получивъ то и другое, мы вчетверомъ уговорились ѣхать вмѣстѣ, а такъ какъ лошадей не было никакой возможности дожидаться, то мы наняли Татарскую арбу и поѣхали въ Симферополь, гдѣ, остановившись въ гостинницѣ, пробыли нѣсколько дней.

Отъ Симферополя до Херсона мы ѣхали двѣ съ половиною недѣли. Тутъ мы рѣшили отдохнуть и пробыли въ Херсонѣ недѣлю, въ теченіе которой успѣли совершенно экипироваться и явились къ командиру полка въ полной новаго образца формѣ.

Въ полковомъ штабѣ намъ было выдано полугодовое не въ зачетъ жалованіе, которому мы конечно очень обрадовались, и отправились въ одно селеніе, находящееся на берегу какого-то Днѣпровскаго лимана.

Насталъ Мартъ. И вотъ только я успѣлъ позавтракать и выпить кофе, въ мою избу влетаегъ Переверзенко и, хлопая меня по плечу, кричитъ: ура!—Чего ради? спрашиваю я, смотря на него съ удивленіемъ.

— Миръ, Костыка, миръ, понимаешь, чертова твоя голова, миръ: значить насъ не поведутъ больше на убой, говорилъ онъ въ какомъ-то экстазѣ со слезами на глазахъ.

Русановъ.

ИЗЪ БУМАГЪ Я. И. БЕРЕДНИКОВА.

Неизданное письмо Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой.

Милостивая государыня моя Елисавета Ивановна! Благопріятное письмо ваше отъ 25-го прошедшаго мѣсяца съ удовольствіемъ получилъ, за которое сердечно благодарю. Пѣснь Барда г-на Бередникова въ свое время на Званкѣ мною получена; но въ тогдашнее суматошное время не могъ я ее свободно со вниманіемъ прочесть и уѣхалъ въ Петербургъ, оставя ее на Званкѣ: то до будущаго моего посѣщенія моей деревни ничего не могу сказать о ней. Прошу въ томъ извинить. Пусть нашъ поэтъ пишетъ болѣе, только не торопясь и обдумывая бы поприлежнѣе, избрѣгая собственныя свои мысли, а не вершки чужихъ схватывая, излагаетъ вольными стихами, что ихъ ослабляетъ. Это ужъ тогда хорошо будетъ и можетъ быть принято съ похвалою, когда въ важныхъ сочиненіяхъ утвердится, и его побольше узнаютъ. Вотъ мой совѣтъ для него. Въ прочемъ сестрицамъ вашимъ свидѣтельствую почтеніе, съ каковымъ и вамъ навсегда пребываю, милостивая государыня моя, покорнѣйшій слуга Гавріилъ Державинъ.

Декабря 2 дня 1812 года С.-Петербургъ¹⁾.

„Пѣснь Барда“, стихотвореніе Якова Ивановича Бередникова (впослѣдствіи академика, знаменитаго археографа). Въ 1812 г. ему было всего 15 лѣтъ; можно, поэтому, предполагать, что „Пѣснь“ являлась первымъ значительнымъ произведеніемъ его Музы. Въ бумагахъ его стихотворенія этого не сохранилось. Принимая во вниманіе общую настроенность той эпохи, можно почти съ увѣренностью сказать, что темою „пѣсни“ было нашествіе Наполеона...

Е. И. Горихвостова, изъ рода Тихвинскихъ дворянъ, представители котораго служивали здѣсь воеводами, помѣщица, находившаяся въ сосѣдскихъ отношеніяхъ къ Державину. Кажется, она постоянно жила въ Тихвинѣ. И. П.

Письмо Я. И. Бередникова къ А. Н. Майкову²⁾.

Милостивый государь Аполлонъ Николаевичъ! Я жду васъ, какъ изнуренный зноимъ Африканскаго солнца Арабъ ждетъ мимолетнаго облака, для освѣженія палимыхъ жаждою устъ его; но, увя, ожиданіе мое доселѣ не сбывается. Поздравляю васъ отъ всей души съ успѣхомъ „Клермонскаго Собора“. Впечатлѣніе, произведенное этимъ стихотвореніемъ, полно и глубоко. Кто не сочувствуетъ этимъ пламеннымъ аккордамъ, въ которые вложена Русская душа? Друзья науки рукоплещутъ высокому дарованію вашему. Россія, вызываемая вами на крестоносный подвигъ, привѣтствуетъ въ васъ своего новаго Тиртея...

¹⁾ Этого письма нѣтъ въ академическомъ Я. К. Грота изданіи Сочиненій Державина. Е. И. Горихвостова была дѣвицею. П. В.

²⁾ Съ черновика.

Хвала возвышеннымъ пѣвцамъ.

Ихъ пѣсни—жизнь побѣдамъ...

Я однакожь не теряю надежды, что вы подарите мнѣ вечерокъ на разсказикъ и на дѣло. Побесѣдуемъ, и о наукѣ, и объ Іоаннѣ Грозномъ. Можетъ быть, здѣсь заронится въ душу поэта идеаль новаго высокаго созданія, и потомъ обниметъ ее и творческая дрожь и художническій холодъ.

Отвѣтъ А. Н. Майкова Я. И. Бередикиову.

Искренно благодарю васъ, многоуважаемый мною Яковъ Ивановичъ, и за ласковое слово, и за желаніе меня видѣть. Это даетъ мнѣ болѣе смѣлости потревожить миръ вашего уединенія, чтѣ я и сдѣлаю непременно въ началѣ-же слѣдующей недѣли. Только позвольте мнѣ впередъ не назначать дня, ибо такъ легко могу попасться въ просакъ; я прійду и если не застану васъ, то прійду и въ другой и въ третій разъ, ибо падокъ на лакомую бесѣду. На этой недѣлѣ къ сожалѣнію не могу я воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ, ибо въ Суб. и въ Воскресеніе долженъ быть вечеромъ у двоихъ дядей, но это есть жертва и необходимость. Глубоко радуется меня ваше доброе слово, и не знаю, какъ и благодарить васъ за оное. Вашъ покорнѣйшій слуга А. Майковъ.

По всей вѣроятности письма относятся къ Юню 1854 года, именно къ этому времени стихотвореніе „Клермонтскій Соборъ“, напечатанное въ „Отечественныхъ Запискахъ“, получило большую извѣстность.

Въ черновыхъ бумагахъ нашего знаменитаго археографа мы нашли нѣсколько принадлежащихъ ему стихотвореній *). Увлекаясь древностями, Я. И. забросилъ стихотворство и лишь изрѣдка, либо въ дружескомъ кругу, либо подъ неотразимыми впечатлѣніями бытія, интимно бесѣдовалъ съ Музами. Открытые нами стихи любопытны для характеристики его личности.

А. А. Крылову.

Зачѣмъ умолкъ, молодой пѣвецъ,
И не пѣняешь насъ стихами?
Нѣтъ, не увяль,—клянусь богами!—
Твой поэтическій вѣнецъ.
Онъ свѣжъ и живъ, какъ щеки дѣвы,
Любовью всыхнувши порой,
Какъ стихъ Языкова лихой
И вдохновенные напѣвы,
Или, надъ Урьей родной,
Твой ключъ гремучій и живой.

*) Преемникъ Бередикиова въ Археографической Коммисіи, Тимофеевъ также писалъ стихи (иногда очень удачные), но преимущественно смѣхотворные. Въ Москвѣ имѣется достопочитасмый археологъ, позволяющій себѣ также баловаться стихотворствомъ. Видно, есть тутъ какаля-то душевная связь. П. Б.

Александръ Абрамовичъ Крыловъ, писатель, поэтъ, начала XIX в., Тихвинскій помѣщикъ, почетный смотритель мѣстныхъ училищъ. Сконч. 14 Іюля 1829 г. О немъ въ словарь Старчевскаго: „Крыловъ писалъ стихи въ антологическомъ родѣ, съ неподдѣльнымъ чувствомъ, языкомъ поэтическимъ. Элегіи его исполнены какой-то грусти и глубокой меланхоліи“ (т. 6, стр. 935). Бередниковъ дружилъ съ Крыловымъ и состоялъ съ нимъ въ перепискѣ.

Моему первенцу-дочери.

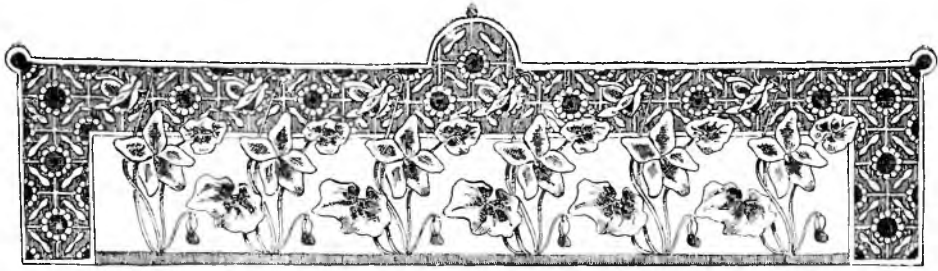
Дитя, адемскій мой цвѣтокъ!
 Тебя на радость Богъ мнѣ далъ;
 Твой въ колыбели голосокъ
 Музыкой раи мнѣ звучалъ.
 Твой первый взоръ души мнѣ въ глубину
 Упалъ—призывъ святой любить!
 Я помню вечеръ, ночь, луну,
 Мнѣ ихъ во вѣки не забыть...
 И съ той поры я думою объять:
 На ликъ твой ангельскій вперивъ
 Завѣтной тайны полный взглядъ,
 Я грустенъ неполнѣ и неполнѣ счастливъ.
 Мой первенецъ! Чтò темный рокъ
 Тебѣ сулитъ въ земной юдолѣ?
 И тихо-ль, бурно-ль твой челнокъ
 Въ безбрежномъ понесется морѣ?
 Молюсь... Да минетъ грозный день
 Тебя, мое дитя! Покорствуй Вышней Силѣ...
 Но что-бы ни было: я твой, какъ другъ, какъ тѣнь,
 И неразлучны мы ни въ жизни, ни въ могилѣ.

Дочь Бередникова, Наталія Яковлевна, род. въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, скончалась въ Тихвинѣ 3 Іюля 1909 г. Она принимала дѣятельное участіе въ работахъ своего отца, любила исторію, была женщиною образованною. Она забытою, одинокою вела тусклое, однообразное существованіе въ провинціальномъ городкѣ. Тяжелыя предчувствія поэта исполнѣ оправдались.

Нѣкоторыя стихотворенія Я. И., послѣ его смерти, были переданы его дочерью П. А. Плетневу*). Въ письмѣ послѣдняго къ Наталіѣ Яковлевнѣ Бередниковой (25 Окт. 1854 г.) имѣется слѣдующее указаніе: „По вашему предложенію я оставилъ стихи у себя. Впрочемъ, взглянувъ на одно ихъ начало, вижу, что они не иное что, какъ пародія на другую старую пародію (вѣрнѣе сказать, подражаніе пародіи), которая нѣкогда была очень остроумно написана барономъ Дельвигомъ для осмѣянія глупыхъ двоихъ поэтовъ: Александра Измайлова и Бориса Ѳедорова“.

Сообщилъ Исаакій Петровичъ Мордвиновъ. Ему же принадлежатъ и объясненія. П. Б.

*) Напечатанному въ Отчетахъ Академіи статью о Я. И. Бередниковѣ, какъ академикѣ. По бумагамъ. Бередникова видно, что онъ ненавидѣлъ Погодина и Буткова, своихъ собратій по занятіямъ археологическимъ. П. Б.

Испанскій инсургентъ. Сынъ Гатчинскаго генерала.

Въ многочисленной группѣ Гатчинскихъ генераловъ не послѣднее мѣсто занимаетъ А. С. Кологривовъ. Товарищъ Капцевичей, Кутлубицкихъ, Линдеровъ и самого Аракчеева, Кологривовъ, такъ же, какъ и всѣ эти вахтъ-парадные невѣжественные, ограниченнаго ума служаки, выгодно выдѣлялся изъ этой среды своей порядочностью, благородствомъ и общепризнанной храбростью. Лихой кавалерійскій генераль, глубоко преданный Павлу I, его любимецъ, онъ сохранилъ навсегда и благоволеніе Александра. Андрей Семеновичъ Кологривовъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, ведущаго свое начало отъ одного корня съ Пушкиными. Человѣкъ богатый, независимый, самостоятельный, при томъ добрѣйшей души, онъ былъ великій хлѣбосоль и даже среди современниковъ снискалъ репутацію радушнаго и гостепріимнаго хозяина. С. П. Жихаревъ въ своемъ Дневникѣ вспоминаетъ, что въ его студенческіе годы ходила поговорка: „Кто у Малютина (командира Измайловскаго полка) пообѣдаетъ, а у Кологривова поужинаетъ и къ утру не умретъ, тотъ два вѣка проживетъ“.

Баронъ Гейкинъ, оставившій Записки о временахъ Павла, очень расположенный къ врагу Кологривова графу П. А. фонъ-деръ-Палену, говоритъ о его „смѣлой осанкѣ“, „наглости“ и „хвастливости“, благодаря которымъ будто онъ и прослылъ храбрецомъ, каковымъ считалъ его самъ государь. „Когда находили на Павла припадки страха, онъ приказывалъ Кологривову спать у себя въ комнатѣ“. И графъ Паленъ, очевидно, не ошибался въ преданности Гатчинскаго вѣрнаго слуги. Въ роковую ночь съ 11 на 12 Марта главари заговора позаботились устранить этого опаснаго для нихъ человѣка, арестовавъ его на дому на всю ночь. Павелъ цѣнилъ Кологривова и, наградивъ его, всего 22 лѣтъ отъ роду, чиномъ генераль-майора и орденомъ св. Анны 1 степени, пожаловалъ ему 15000 дес. земли въ Тамбовской губерніи съ 1500

душами. Одинадцати лѣтъ (родился въ 1774 г.) въ 1785 г. Кологривовъ былъ зачисленъ въ рейтъ-пажи къ великому князю Павлу Петровичу; черезъ пять лѣтъ онъ былъ уже ротмистромъ Кирасирскаго Наслѣдника полка, затѣмъ сдѣланъ командиромъ Гатчинскаго эскадрона, послѣ чего вскорѣ (въ началѣ 1796 г.) получилъ громкій титулъ командира всей Гатчинской кавалеріи. Юный генералъ, потерявъ своего благодѣтеля, продолжалъ пользоваться расположеніемъ Александра I-го и участвовалъ, командуя кавалеріей, во всѣхъ походахъ и кампаніяхъ Наполеоновскихъ войнъ, въ 1805—1814 годахъ; за Фридландъ онъ получилъ даже сразу орденъ св. Георгія 3 степени¹⁾.

По окончаніи войнъ генералъ-отъ-кавалеріи Кологривовъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, въ своемъ роскошномъ домѣ, съ домовою церковью, на Тверскомъ бульварѣ.

Здѣсь прожилъ Андрей Семеновичъ до своей кончины въ Декабрѣ 1825 года. Похороненъ онъ въ Даниловомъ монастырѣ; великолѣпный гранитный памятникъ, съ надписью „Блаженни милостивіи, яко ти помилованы будутъ“, украшаетъ доселѣ его могилу; мраморный на немъ барельефъ изображаетъ плачущую передъ его бюстомъ вдову съ шестью дѣтьми.

Генералъ Кологривовъ былъ женатъ на дочери генералъ-лейтенанта Екатерины Александровны Челищевой (р. 27 Юня 1778 г., † 14 Декабря 1857 г.; похоронена тоже въ Даниловомъ монастырѣ), надолго его пережившей. Отъ этого брака у него была большая семья: 4 сына и 5 дочерей²⁾. Сестры были всѣ старше сыновей; старшій сынъ былъ Михаилъ, родившійся въ Февралѣ 1813 г., о немъ рѣчь будетъ впереди.

Жена Кологривова происходила изъ стариннаго богатаго дворянскаго рода Челищевыхъ. Отецъ ея, Александръ Ивановичъ Челищевъ, женатый на дочери Маріи Николаевны Огаревой, былъ лейтенантъ; братъ—Николай, сенаторъ, д. тайный совѣтникъ, позднѣе членъ Государственнаго Совѣта (р. 16 Апрѣля 1783 г. † 27 Декабря 1859 г.). Овдовѣвъ, Кологривова поселилась на Новинскомъ бульварѣ не далеко отъ Поварской, въ д. Воронца, гдѣ и скончалась.

Не такъ давно умершій Московскій старожилъ Д. И. Никифоровъ, лично знавшій въ молодости Кологривову, сообщаетъ въ своей „Старой

¹⁾ Портретъ А. С. Кологривова (изъ Гатчинскаго дворца) помѣщенъ въ изданіи Великаго Князя Николая Михайловича „Русскіе портреты“, т. IV, № 81.

²⁾ А именно: Михаилъ, Семенъ, Николай и Александръ, и дочери: Анна (въ замужствѣ: Хлопова), Марія, Екатерина, Александра и Надежда (въ 1 бракѣ: графиня Коновницына, во 2-мъ княгиня Дондукова-Корсакова).

Москвѣ“ (I, 201) любопытныя о ней свѣдѣнія. Оставляя на отвѣтственности автора правдивость его разсказа, приведемъ его здѣсь какъ хорошо характеризующій интересующую насъ семью. „Генераль Кологривовъ“, разсказываетъ Никифоровъ, „былъ одинъ изъ сподвижниковъ Отечествен-ной войны и отличался замѣчательной отвагой. Супруга его, бывшая при дворѣ, была замѣчательная красавица своего времени, всегда окруженная блестящимъ обществомъ. При своемъ стройномъ красивомъ станѣ, она пользовалась общимъ поклоненіемъ, и современные ей кавалеры всегда искали ея благосклоннаго взора. Генераль обожалъ свою жену и не рѣдко ревновалъ ее къ лицамъ, искавшимъ ея вниманія. Войдя, однажды, незамѣтно въ залъ своего обширнаго дома, онъ увидѣлъ въ концѣ анфилады комнатъ жену, разговаривавшую съ молодымъ офицеромъ, который что-то горячо разсказывалъ и, какъ показалось генералу, близко приблизился къ его женѣ. Несмотря на свои немолодые годы, вспыльчивый генераль быстро выхватилъ изъ ноженъ саблю и бросился на предполагаемаго соперника. Только быстрый скачокъ офицера черезъ окно въ садъ спасъ нарушителя спокойствія генерала отъ предназначавшагося ему наказанія. Когда, въ послѣдствіи, во время представленія императрицы Маріи Ѳеодоровны, государыня спросила его о здоровьѣ супруги и, получивъ не совсѣмъ удовлетворительный отвѣтъ, потомъ спросила его: „гуляетъ ли его жена“, генераль, несовсѣмъ понявъ вопросъ, отвѣтилъ: „гдѣ ей гулять въ настоящее время: было время, была молода—гуливала, а теперь перестала“. Я познакомился съ генеральшей въ коронацію императора Александра II. Это была уже совсѣмъ пожилая женщина, подъ 70 лѣтъ, хотя съ устарѣвшимъ лицомъ, но со слѣдами бывшей красоты. Любезный разговоръ и мягкость манеръ невольно очаровывали собесѣдника. Разговоръ ея про былое былъ интересенъ и увлекателенъ. Видно было, что генеральша провела свою жизнь, окруженная блескомъ ума и изящныхъ манеръ. Конечно, кругозоръ ея былъ пропитанъ аристократизмомъ идей и общежитія. Я помню, обѣдая разъ у нея, въ небольшомъ обществѣ, гдѣ присутствовалъ ея племянникъ, извѣстный въ Москвѣ полицеймейстеръ Николай Ильичъ Огаревъ*), она послѣ обѣда спросила его, правда ли, что городскіе слухи приписываютъ ему намѣреніе жениться на извѣстной артисткѣ Малаго театра Медвѣдовой, за которой тогда сильно ухаживалъ Николай Ильичъ. Несмотря на отрицательный отвѣтъ его, ему пришлось долго почтительно выслушивать

*) Кто изъ Москвичей не помнитъ популярнѣйшаго, усатаго генерала П. И. Огарева? Чѣмъ-то патріархальнымъ вѣяло отъ его фигуры и обращенія. Онъ умеръ 19 Января 1890 г., 70 лѣтъ, пробывъ 33 года въ Москвѣ полицеймейстеромъ 1 отдѣленія.

довольно рѣзкое наставленіе тетушки о традиціяхъ семьи и чести рода Огаревыхъ“.

Среди такой довольно безтолковой и несуразной семейной обстановки воспитывались и выросли дѣти. Какъ мы уже замѣтили, старшими въ домѣ были дочери: Анна, родившаяся въ 1802 г., вышла замужъ за Хлопова, Марія родилась 1804 г., Екатерина—въ 1806 году, Александра—въ 1807 г. и Надежда была младшая. Умерла она недавно, въ 1889 г., бывши въ первомъ бракѣ за графомъ Г. П. Коновницынымъ, а во второмъ за княземъ А. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ, главнокомандующимъ на Кавказѣ.

Старшій изъ сыновей, Михайль, остался послѣ отца 12 лѣтъ. Была учреждена опека, состоявшая изъ его дяди Николая Александровича Челищева, въ то время сенатора, и Воронежскаго губернатора Дмитрія Никитича Бѣгичева, позднѣе тоже сенатора. Повидимому, и дѣло воспитанія сыновей А. С. Кологривова перешло къ опекунамъ. По отзыву послѣднихъ, „Михайло Кологривовъ, съ самаго дѣтства оказывалъ пылкій, своевольный и настойчивый характеръ, а потомъ вольнодумство“. Въ чемъ заключалось и какъ проявлялось это послѣднее непохвальное качество, къ сожалѣнію намъ неизвѣстно. Какъ бы то ни было, но опекуны принимали разныя воспитательныя мѣры для исправленія характера и мировозрѣнія Кологривова, какія находили нужными и лучшими. Едва минуло Кологривову 17 лѣтъ, какъ Бѣгичевъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ отправить его за границу, а именно во Францію, очевидно имѣя въ виду и продолженіе его образованія, и исправленіе характера и его наклонностей къ „вольнодумству“. Шель 1830 годъ. Извѣстно, что происходило въ то время въ Западной Европѣ вообще и въ Парижѣ въ частности, подъ вліяніемъ крайней реакціи правительства Карла X. Революціонное настроеніе вистѣло въ воздухѣ, и можно было легко предвидѣть послѣдствія. Приближалась Іюльская революція, когда Парижскій „народъ“ низвергъ послѣдняго Бурбона и возвелъ на престолъ короля-мѣщанина (буржуа). Посылая въ Парижъ экзальтированнаго юношу, сына „своего благодѣтеля и друга“, Бѣгичевъ оказалъ ему плохую услугу. Правда, онъ позаботился подыскать ему надежнаго гувернера, какого-то Іона (Жонъ, иначе даже Джонъ), о которомъ отзывался, какъ объ „опытномъ, умномъ, благоразумномъ человѣкѣ“ и при томъ своемъ другѣ. Судя по дальнѣйшему, едва ли онъ вполне заслуживалъ эти лестные отзывы. Во всякомъ случаѣ дальновидный и опытный педагогъ не могъ бы не усумниться въ пользѣ такого педагогическаго пріема, имѣя въ виду переживаемое тогда время.

Въ дни Іюльской революціи Іонъ и Кологривовъ явились въ Парижъ. Здѣсь у пылкаго юноши явилась полная возможность приложить свои вольнодумныя наклонности къ дѣлу. Повторилась исторія путешествія графа П. А. Строганова, съ его воспитателемъ Роммомъ, въ Парижъ, во времена первой революціи... Но тогда Екатерина II сумѣла вытребовать Строганова, вопреки слабохарактерности его отца, и тѣмъ спасла молодого человѣка. Теперь было хуже. Кологривовъ принялъ „дѣятельное участіе въ бывшей въ томъ году Французской революціи“ (какъ гласитъ оффиціальныи документъ); какое въ точности, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно. Судя по его собственнымъ словамъ (см. дальше) онъ вѣроятно былъ даже на баррикадахъ: его видимо влекли къ себѣ военные подвиги.

Какъ бы то ни было, гувернеръ, вмѣсто того, чтобы спасти порученнаго ему воспитанника, пишетъ Бѣгичеву такое странное письмо: „Изъ послѣднихъ писемъ Михаила Андреевича вамъ извѣстно, что онъ намѣревался возвратиться въ свое отечество, и я самъ совѣтовалъ вамъ *оставить его еще нѣсколько времени* въ чужихъ краяхъ, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы онъ выѣхалъ изъ Парижа: ибо съ крайнимъ прискорбіемъ началъ я замѣчать, что послѣдняя революція, въ *какой обстоятельства* принудили его принять дѣятельное участіе, *пробудила въ немъ прежнія мечтанія* (sic) о вольности и независимости, которыхъ никакія увѣщанія мои совершенно истребить не могли. И, къ несчастію его, вдругъ получено повелѣніе Государя Императора, чтобы всѣ Русскіе, находящіеся во Франціи, возвратились въ свое отечество. Хотя онъ и скрывалъ негодованія свои на таковое, по словамъ его, самовластное повелѣніе, которому, по мнѣнію его, могутъ повиноваться одни рабы, но рѣшительно объявилъ, что не можетъ жить подъ самодержавнымъ правленіемъ и не намѣренъ никогда возвращаться въ Россію“.

Письма самого Кологривова къ матери и брату не оставляли никакого сомнѣнія, что юноша совсѣмъ сбился съ пути истины и что слабая голова его закружилась въ вихрѣ новыхъ идей и необычной обстановки. Въ Сентябрѣ 1830 г. Кологривовъ писалъ одному изъ своихъ братьевъ (вѣрно слѣдующему, 15-ти лѣтнему Семену): „Вамъ извѣстны политическія мои мнѣнія. Вы знаете, что я болѣе всего ненавижу самовластіе и не могу жить подъ деспотическимъ правленіемъ. Я вступилъ поручикомъ въ корпусъ генерала Мины для возвращенія Испанцамъ свободы силою оружія. Бывъ свидѣтелемъ послѣдней революціи и лично участвовавъ въ оной, я убѣдился болѣе, чѣмъ прежде, что мнѣ невозможно въ теперешнихъ обстоятельствахъ исполнить ио-

велѣніе Императора возвратиться въ Россію, вмѣстѣ со всѣми находящимися въ Парижѣ Россійскими подданными¹. Далѣе Кологривовъ писалъ: „Я зрѣло обдумалъ свой поступокъ, могу лишиться своего имѣнія, но лучше соглашусь бѣдствовать, даже умереть, чѣмъ жить въ рабствѣ“¹). Въ письмѣ къ матери, сынъ сообщалъ: „Бывъ увѣренъ, что вы будете осуждать образъ моихъ мыслей, скажу вамъ только, что я врагъ самовластія и насилія, и готовъ жертвовать жизнью и пролить послѣднюю каплю крови за свободу. Послѣдняя революція еще болѣе утверждала меня въ моихъ мнѣніяхъ, въ моей ненависти къ тиранамъ. Бывъ дѣятельнымъ участникомъ въ послѣдней Французской революціи, сражавшись противъ роялистовъ или, лучше сказать, противъ рабовъ, подвергавъ многократно жизнь свою опасности, я почувствовалъ болѣе, нежели когда либо, всю цѣну свободы, и мнѣ уже было невозможно исполнить повелѣніе Государя возвратиться въ Россію“.

Въ тоже время Кологривовъ писалъ своему спутнику и гувернеру: „Когда вы получите это письмо, то я буду не въ Версали, какъ вы полагаете, но вѣроятно въ Байонѣ, оттуда отправлюсь въ Испанію; ибо я вступилъ поручикомъ въ состоящее подъ начальствомъ Мины²) священное войско (*corps sacré*) для возвращенія Испанцамъ свободы силою оружія. Мнѣ больно было оставить васъ, не простившись съ вами; но мысль, что вы сдѣлали бы все возможное, чтобъ отклонить меня отъ исполненія предпріятія моего, заставила меня скрыть оное отъ васъ: ибо, клянусь вамъ всѣмъ, что есть святого, что никто, ни мать моя, ни родственники, ни даже самый Богъ, не могли бы убѣдить меня оставить мое намѣреніе. Слишкомъ нѣжная привязанность и дружба ваша ко мнѣ побудили бы, можетъ быть, васъ прибѣгнуть къ помощи посольства, но даю честное слово (вамъ извѣстенъ мой характеръ), что я скорѣе умертвилъ бы себя, нежели оставилъ свое предпріятіе. Я разсуждалъ о томъ, что теперь дѣлаю. Знаю, что могу лишиться имѣнія своего въ Россіи, что всѣ родственники мои будутъ осуждать мой поступокъ; не смотря на то, я не колеблюсь, ибо не хочу возвратиться въ Россію, къ чему меня принудило полученное въ Парижѣ повелѣніе Государя Императора“.

¹) Тутъ помѣщаются всѣ тѣ отрывки изъ писемъ Кологривова и другихъ лицъ, которые имѣются въ дѣлѣ о немъ. См. Архивъ Государственнаго Совѣта, Д-тъ Гражд. и Дух. дѣлъ, 1832 г., № 5.

²) Извѣстный Испанскій генералъ Мина (р. 1762., † 1836 г.), именно въ 1830 г. поднявшій вооруженное возстаніе въ Испаніи, 26 Октября изъ Франціи явился съ добровольцами въ Испанію, гдѣ черезъ нѣсколько дней былъ разбитъ.

распоряженіе о своихъ вещахъ и сообщаетъ Іону, что онъ писалъ Бѣгичеву и просилъ выдать гувернеру 10,000 рублей. Ко всему онъ прибавляетъ: „одна мысль, что я свободенъ и независимъ, сдѣлала меня другимъ человѣкомъ“.

Сообщая подробно Д. Н. Бѣгичеву объ этомъ письмѣ, Іонъ прибавляетъ отъ себя: „я не объявлялъ о семъ (т. е. объ отъѣздѣ воспитанника своего въ Испанію) посольству, и когда будутъ спрашивать въ нашей квартирѣ, то скажутъ, что мы уѣхали; ибо мнѣ хотѣлось бы, чтобъ сіе оставалось въ тайнѣ и не дошло до свѣдѣнія Государя Императора. Постарайтесь также съ своей стороны, чтобы слухъ о семъ не распространился въ Москвѣ“.

Предупрежденіе это было уже лишнимъ: слухи о болѣе чѣмъ странномъ поступкѣ юнаго сына храбраго генерала-отъ-кавалеріи, благодѣтельственнаго Павломъ I и кавалерственной дамы, дошли до Государя, и Николай Павловичъ приказалъ Бенкендорфу потребовать отъ Бѣгичева объясненіе относительно поступка Кологривова, „вступившаго въ рать Испанскихъ выходцевъ“, а также истребовать отъ него всѣ подлинныя письма, какъ Кологривова, такъ и Іона.

Бѣгичевъ тотчасъ выслалъ все Бенкендорфу, присовокупивъ отъ себя слѣдующее объясненіе: „Душевно соболѣзную о несчастномъ сынѣ своего благодѣтеля и друга, совратившимся съ пути добродѣтели; но, не имѣя правъ предстательствовать въ пользу его, изъявляю только надежду, что строгое наказаніе могло бы еще содѣлать его полезнымъ отечеству человѣкомъ“.

По докладу шефа жандармовъ, Государь приказалъ передать дѣло въ Комитетъ Министровъ, дабы „опредѣлено было, какое сдѣлать распоряженіе къ обнародованію законнымъ образомъ поступка Кологривова I-го, съ исключеніемъ его изъ отечества, не нарушая коренныхъ государственныхъ постановленій“.

По представленію Комитета Министровъ, Государь повелѣлъ „Михаила Кологривова предать суду на законномъ основаніи“. 1-й департаментъ Сената, сдѣлавъ о томъ распоряженіе, предписалъ Бѣгичеву, какъ опекуну, „прекратить всякую посылку къ нему денегъ“, дабы Кологривовъ, „впредь до рѣшенія дѣла, не могъ воспользоваться, ни принадлежащею ему по наслѣдству частью, ни доходами съ оной“.

Кологривову предъявлены были обвиненія въ такой формѣ: 1) „принялъ дѣятельное участіе въ бывшей въ томъ году Французской революціи“; и 2) „не повинуюсь высочайшему Его Императорскаго Вели-

чества повелѣнію о возвращеніи въ Россію, отправился въ Испанію и вступилъ въ службу Испанскихъ инсургентовъ“.

Петербургскій Надворный Судъ, куда поступило дѣло Кологривова, постановилъ суровый приговоръ, который потомъ значительно былъ смягченъ Уголовной Палатой. Надворный Судъ нашелъ, что подсудимаго Михайлу Кологривова „слѣдовало бы повѣсить, но какъ высочайше жалованною дворянству грамотою (5, 6 и 15 ст.) и указомъ 1754 г., Сентября 27 дня, тѣлесное наказаніе и смертная казнь до дворянина не касаются, то выставить имя и фамилію его на доскахъ въ обѣихъ столицахъ, съ помѣщеніемъ гнуснаго Кологривова поступка, а письма его сжечь. Когда же онъ, Кологривовъ, осмѣлится явиться на границы Россіи, то, лиша его дворянскаго достоинства, сослать въ каторжную работу. Слѣдующее на его часть наслѣдственное движимое и недвижимое имѣніе отдать нынѣ законнымъ наслѣдникамъ“.

Петербургская Уголовная Палата постановила слѣдующее рѣшеніе, съ которымъ согласился и гражданскій губернаторъ Храповицкій: „Михайло Кологривовъ неисполненіемъ высочайшаго повелѣнія о возвращеніи въ Россію, участіемъ въ послѣдней Французской революціи, вступленіемъ въ службу Испанскихъ мятежниковъ и, наконецъ, противозаконною волею, выраженною въ письмахъ своихъ противъ самодержавной власти, Богомъ ниспосланной для благоденствія Россіи, сдѣлался явнымъ преступникомъ до того, что, забывъ священный долгъ вѣрноподданнической присяги, на самомъ дѣлѣ измѣнилъ всемілостивѣйшему Государю Императору своему и Отечеству, а потому: 1) лишить его, М. Кологривова, дворянскаго достоинства и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ преимуществъ, и хотя бы слѣдовало его нынѣ же сослать въ каторжную работу вѣчно, но какъ онъ находится за границею и возвращеніе его въ Имперію высочайше ему воспрещено, то таковой омерзительный измѣнническій его поступокъ обнародовать повсемѣстно, установленнымъ порядкомъ; и 2) все принадлежащее ему имѣніе отдать законнымъ его наслѣдникамъ, воспретивъ имъ имѣть съ нимъ, какъ съ изверженнымъ изъ среды вѣрноподданныхъ, всякое сношеніе и оказывать ему какое либо пособіе, подъ опасеніемъ неизбежнаго взысканія по законамъ“.

Такое рѣшеніе Уголовной Палаты было представлено губернаторомъ въ Сенатъ и здѣсь, въ 5 Уголовномъ департаментѣ, произошли серьезныя разногласія между сенаторами.

Впрочемъ сенаторы Меркуловъ¹⁾, Мертенсъ²⁾ и Баратынскій³⁾ вполне согласились съ приговоромъ Уголовной Палаты.

Между тѣмъ, два выдающіеся сенатора, старикъ графъ Петръ Александровичъ Толстой (бывшій посолъ въ Парижѣ при Наполеонѣ), и сравнительно молодой Сергѣй Семеновичъ Уваровъ (будущій министръ народного просвѣщенія и графъ) подали замѣчательно гуманное мнѣніе, которое приводимъ здѣсь вполне. Слова этихъ сенаторовъ звучатъ полнымъ и искреннимъ безпристрастіемъ, самостоятельностью и независимостью взглядовъ, вмѣстѣ съ мягкостью и милосердіемъ по отношенію къ легкомысленному поступку и заблужденію молодого человѣка.

„Приговоръ Уголовной Палаты“, пишутъ Уваровъ и графъ П. А. Толстой, „основанъ на томъ положеніи, что Михайло Кологривовъ есть государственный измѣнникъ, и къ сему положенію приведены всѣ законы объ измѣнѣ и оскорбленіи Величества; 127, 135, 137 пункты Воинскаго Устава гласятъ несомнѣнно объ измѣнѣ, о дѣйствіяхъ, могущихъ произвести бунтъ и возмущеніе. 26 пунктъ онаго же устава, 2-й пунктъ 5 книги Морского и указъ 1727 года, Генваря 20, опредѣляютъ степень казни за выраженія противъ персоны Его Величества и высокой фамиліи. Но 6 статья высочайше дарованной дворянству грамоты постановляетъ уже различіе между нарушеніемъ клятвы и измѣной. Въ дѣлѣ Кологривова видимъ мы слабоумнаго, политическими мечтами развращеннаго юношу, находящагося подъ властію опекуновъ, ими отправленнаго въ чужіе края, не повиновавшагося высочайшей волѣ объ отъѣздѣ Русскихъ изъ Парижа, увлеченнаго въ толпу Испанскихъ выходцевъ, писавшаго къ ближайшимъ родственникамъ, къ матери, къ опекуну нелѣпныя свои сужденія насчетъ самовластиа и тиранства, но не произносившаго нигдѣ священнаго имени Августѣйшаго Монарха или Его Высочайшаго дома. Кологривовъ, будучи еще подъ опекою, слѣдовательно не пользующійся полнотою гражданскихъ правъ, могъ увлекаться событіями, заразиться политическимъ развратомъ, предаваться мечтамъ ложнымъ, свойственнымъ его неопытности и слабоумію, и онъ все сіе безъ сомнѣнія сдѣлалъ; но по собственному порядку вещей, онъ не могъ измѣнить Государю и Отечеству, замышлять противъ ихъ, вызывать къ возмущенію вѣрноподданныхъ соотечественниковъ. Кологривовъ остановился или былъ остановленъ силою вещей на первой степени преступленія. Къ тому, если бь собрать въ одно всѣ обстоятельства предыдущія его побѣгу изъ Парижа, уважить можно, что сей юноша (кочему и теперь 18 лѣтъ отъ роду) оказывалъ, по словамъ опекуна⁴⁾, съ дѣтства пылкій, своевольный и настойчивый характеръ и вольнодумство, и что сей самый опекунъ для исправленія его отправилъ

1) Тайн. сов. Петръ Кириловичъ, въ 5 Деп. былъ съ 1831—1840 г.

2) Тайн. сов. Вильгельмъ Оедоровичъ, въ 5 Деп. съ 1824 по 1832 г.

3) Тайн. сов. Петръ Андреевичъ, въ 5 Деп. съ 1822 по 1832 г.

4) Д. Н. Вѣгичева.

его въ Парижъ подь руководствомъ иностранца, коего образъ мыслей не представляетъ правительству никакого за себя ручательства, что сей послѣдній совѣтывалъ опекунамъ оставить Кологривова еще на нѣсколько времени въ чужихъ краяхъ, тогда какъ Кологривовъ принялъ уже, по словамъ наставника, дѣятельное участіе въ послѣдней революціи: то нельзя не увидѣть въ Кологривовѣ одну изъ тѣхъ несчастныхъ жертвъ дурного воспитанія, всегда протекающаго отъ незнанія Отечества и легкомысленнаго презрѣнія ко всему святому и высокому, одно изъ тѣхъ печальныхъ явленій нашего вѣка, ничѣмъ не оправдываемыхъ, но коихъ постигнуть не трудно по стеченію дурного воспитанія съ дурными навыками и съ неосторожностію тѣхъ, которые поставляютъ незрѣлаго, неопытнаго, къ разврату готоваго юношу посреди всѣхъ обольщеній и всѣхъ опасностей, отъ коихъ произошла и самая гибель его. Законы непреклонны, и если Кологривова можно признать за измѣнника, то законы въ приговорѣ Уголовной Палаты приведены правильно; но онъ не измѣнилъ, потому, что не могъ измѣнить. Въ семъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, первая обязанность криминальнаго судилища состоитъ въ томъ, чтобы принимать выраженія въ буквальномъ и точнѣйшемъ ихъ значеніи. Кологривовъ не повиновался высочайшей волѣ; онъ участвовалъ въ происшествіяхъ, неодобряемыхъ правительствомъ; онъ не нарушилъ вѣрноподданической клятвы (ибо сей священный обрядъ, по несовершеннолѣтію, имъ вѣроятно совершенъ не былъ, а въ службѣ онъ не находился); но онъ не исполнилъ обязанности благомыслящаго гражданина, онъ не внялъ гласу Монарха, внушеніямъ здраваго разсудка; онъ поступилъ какъ безумный и, какъ безумный, долженъ быть наказанъ. Лишеніе гражданскихъ правъ и свободы, оставленіе его имѣнія подь опекою, отъ правительства вновь учрежденною, продолжительное содержаніе его въ одной изъ крѣпостей нашихъ, будутъ для него наказаніе сообразное съ его преступленіемъ и съ снисходительнымъ духомъ нашего законодательства относительно преступленій, учиняемыхъ до совершеннолѣтія (указъ 1766 г., Мая 2); но сіе наказаніе не лишитъ его возможности заглавить когда либо размышленіемъ и раскаяніемъ заблужденіе и мечты ранней юности и сдѣлаться, можетъ быть, достойнымъ милосердія Августѣйшаго Монарха, всегда неизчерпаемаго, гласящаго, гдѣ законы безмолвствуютъ, милующаго, гдѣ они поражаютъ“.

Къ тому же почти заключенію пришелъ и сенаторъ генераль-адъютантъ князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой, который также подалъ слѣдующее особое мнѣніе: „Приступая къ разсмотрѣнію приговора С.-Петербургской Уголовной Палаты по дѣлу о сынѣ генерала-отъ-кавалеріи Кологривова, Михаилѣ Кологривовѣ, необходимо имѣть удостовѣреніе и ясное доказательство о томъ, сколько было ему отъ роду лѣтъ и въ послѣднюю Французскую революцію, въ Іюль, и во время присоединенія его къ Испанскимъ мятежникамъ въ Сентябрь 1830 года; ибо въ сіе время началось его преступленіе, и отъ разрѣшенія таковаго вопроса зависятъ его судъ и наказаніе. Но сего доказательства, которое не иное какое можетъ и должно быть, какъ выписка изъ метрическихъ книгъ о его рожденіи и крещеніи, въ дѣлѣ не имѣется. Если Михайло

Кологривовъ во время своего преступленія не имѣлъ еще 17 лѣтъ отъ роду, то по указу 1766 г., Мая 2 дня, должно его судить и наказать какъ несовершеннолѣтняго; а если напротивъ достигъ уже сего возраста, то онымъ указомъ именно повелѣно: таковыхъ преступниковъ подвергать суду уголовному. Почему и полагаетъ онъ, сенаторъ, необходимымъ истребовать помянутое о рожденіи и крещеніи Кологривова свидѣтельство. Между тѣмъ, обращаясь къ самому существу содѣяннаго имъ преступленія и примѣняя къ оному всѣ подведенныя Уголовною Палатою законы, онъ не находитъ, чтобы оное означало государственную измѣну или бунтъ, въ тѣсномъ смыслѣ; но измѣну вообще противу обязанностей гражданина Русскаго, противу обязанностей дворянина, противу того благотворнаго образа правленія, подъ сѣнію коего предки его получили права, преимущества, состояніе, и все то сообщили ему. Что же касается до оскорбленія Величества, то въ буйныхъ выраженіяхъ собственноручныхъ Кологривова писемъ и въ образѣ мыслей, описанномъ его губернеромъ Юномъ, вездѣ сіе обнаруживается; неповиновеніе же высочайшей волѣ объ отъѣздѣ Русскихъ изъ Парижа весьма ясно и доказано; сіи уже преступленія по существу нашихъ коренныхъ законовъ весьма важны и влекутъ за собою строгое наказаніе, ибо служатъ началомъ и основаніемъ государственной измѣны и самаго бунта. Кологривовъ—Русскій дворянинъ. Сіе понятіе первое представляется при сужденіи о его преступленіи. Восходя къ началу и происхожденію Русскаго дворянства и къ тѣмъ причинамъ, по коимъ дарованы оному права и преимущества, открывается, что доблестные слуги согражданъ на полѣ брани, пролитая ими кровь и пожертвованіе самою жизнію для защиты и славы Отечества и Государя, мирныя гражданскія добродѣтели и способности, принесшія государству пользу и благоденствіе, были тѣ заслуги и тѣ отличія, за кои признательное отечество, въ особѣ Государя, даровало такимъ согражданамъ званіе, титулы, почести, отличія и имѣнія. По важности и значительности сихъ отличій составились сословія: дворянства, духовенства, купечества и гражданъ. Каждому изъ сихъ сословій предоставлены особыя, большія одному передъ другимъ преимущества, по мѣрѣ большихъ или меньшихъ заслугъ. Слѣдственно, человекъ оказавшій себя своими поступками не достойнымъ дарованныхъ преимуществъ, не чувствующій имъ цѣны, по самой справедливости и законамъ нашимъ, долженъ оныхъ лишиться. Въ сей категоріи состоитъ Михайло Кологривовъ. Преступленіе его нанесло оскорбленіе имени Русскаго дворянина, и потому для чести сего сословія онъ долженъ быть изъ онаго изверженъ. Неповиновеніе высочайшей волѣ, оскорбительныя сужденія о правительствѣ и присоединеніе его къ мятежникамъ, увеличивая таковую вину его, лишаютъ его права гражданства и наименованія Русскимъ, слѣдственно воспрещаютъ ему возвращеніе въ Россію, какъ изволилъ рѣшить и самъ Государь Императоръ; но обстоятельства, предшествовавшія преступленію и сопровождавшія оное, часто преклоняють строгость закона къ снисхожденію и праведный гнѣвъ Государя прелагаютъ на милость; въ семъ отношеніи преступленіе Михайла Кологривова заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Онъ, по словамъ опекуна Бѣгичева, съ самаго дѣтства оказывалъ пылкій, своевольный и

настойчивый характеръ, а потомъ вольнодумство. Но что всего страшнѣе, при такомъ дурномъ расположеніи неопытнаго ума, онъ посланъ для исправленія въ чужіе края, гнѣздо разврата и превратныхъ мыслей нынѣшняго вѣка, при томъ надзоръ и воспитаніе его поручено такому гувернеру, коего правила и образъ мыслей, по сходству ихъ съ образомъ мыслей его воспитанника, весьма подозрительны, ибо если бы они были иные, то неестественно, чтобы онъ могъ приобрести себѣ столь искреннее расположеніе и привязанность вольнодумца Кологривова, расположеніе, коимъ самъ гувернеръ въ письмахъ своихъ хвалится и которое весьма ясно и сильно выражено въ письмахъ Кологривова. Потворство сего гувернера своему воспитаннику обнаруживается и изъ того, что онъ противно прямой своей обязанности, не принявъ благо-разумныхъ мѣръ и допустивъ его взять лично, какъ самъ говоритъ, дѣятельное участіе въ послѣдней Французской революціи, извиняетъ еще сей поступокъ, говоря, что какія-то обстоятельства принудили его къ сему участію; а между тѣмъ, вмѣсто того, чтобы по долгу своему помыслить объ излѣченіи зараженнаго либерализмомъ своего воспитанника, онъ совѣтуетъ родственникамъ оставить его еще нѣсколько времени въ чужихъ краяхъ. Изъ сего ясно обнаруживается, что Кологривовъ есть нѣкоторымъ образомъ жертва того гибельнаго иностраннаго воспитанія, которое, какъ червь, втайнѣ, непримѣтно, но вѣрно, повреждаетъ государственное наше благоденствіе, истребляя въ будущемъ поколѣніи благородныя и высокія чувства патріотизма, всегда отличавшія предковъ нашихъ. Сообразивъ все сіе, онъ полагаетъ, что если по особенному отеческому милосердію Его Императорскаго Величества, благоугодно было бы Государю Императору удостоить милостивымъ и сострадательнымъ взоромъ своимъ совратившагося съ пути истиннаго молодого Кологривова, то для наказанія и исправленія его не долговременное заключеніе и размышленіе нужны, но дѣятельный опытъ. Надобно, чтобы онъ потерянное своимъ преступленіемъ благородное званіе Русскаго дворянина и сопряженныя съ онымъ права и преимущества заслуживалъ и приобреталъ тѣмъ же путемъ, какимъ предки его все то заслуживали. И потому онъ, сенаторъ, полагаетъ: лишить его дворянства, отдать въ военную службу впредъ до оказанія такихъ заслугъ и отличій на полѣ брани, коими бы онъ удостоился, по всей справедливости и по милосердію Монарха, наименованія Русскаго дворянина. Имѣніе же на часть его слѣдующее, поручить распоряженію опеки и доходъ съ онаго отсылать для приращенія въ государственныя кредитныя установленія. Въ послѣдствіи же времени, если Кологривовъ службою своею загладитъ великость своего преступленія и возвратитъ благородное дворянское званіе, то равномѣрно отъ Монаршаго милосердія будетъ зависеть возвращеніе ему имѣнія со всѣми собранными доходами“.

Примирительное предложеніе оберъ-прокурора Фонъ-Дезина не привело, однако, къ единогласію: сенаторы остались при своихъ мнѣніяхъ, и дѣло перешло въ Общее Собраніе Сената, гдѣ также „произошли разныя мнѣнія“.

Сенаторы: Мордвиновъ, Сумароковъ, Назимовъ и Михаловскій высказались, что, въ виду того, что Кологривову высочайше воспрещено возвращеніе въ Россію, остается только лишить его дворянства.

Графъ П. А. Толстой заявилъ, что онъ „остается при своемъ мнѣніи, объявленномъ имъ, вмѣстѣ съ г. сенаторомъ Уваровымъ, при сужденіи дѣла сего въ 5 департаментѣ Правительствующаго Сената, состоящемъ въ томъ, что лишеніе Михайла Кологривова гражданскихъ правъ и свободы, оставленіе его имѣнія подъ опекою, отъ правительства вновь учрежденною, продолжительное содержаніе его въ одной изъ крѣпостей, будутъ для него наказаніе сообразное съ его преступленіемъ и съ снисходительнымъ духомъ законодательства, относительно преступленій, учиняемыхъ до совершеннолѣтія, но сіе наказаніе не лишитъ его возможности загладить когда либо размышленіемъ и раскаяніемъ заблужденіе и мечты ранней юности и сдѣлаться, можетъ быть, достойнымъ милосердія Августѣйшаго Монарха, всегда не изчерпаемаго, гласящаго, гдѣ законы безмолвуютъ, милующаго, гдѣ они поражаютъ“.

Сенаторы Вистицкій, Гечевичъ, Ставицкій и князь Хованскій¹⁾, присоединяясь къ мнѣнію графа Толстого, добавляли, что „полагаемая мѣра наказанія побудитъ и другихъ, подобнаго рода преступниковъ, къ раскаянію въ своемъ преступленіи, всякая же въ противномъ случаѣ строгость наказанія введетъ ихъ въ ожесточеніе“. Князь В. С. Трубецкой также остался при прежнемъ своемъ мнѣніи, высказанномъ въ 5 департаментѣ, а къ нему присоединились сенаторы князь Шаховской, Пуцинъ и царевичъ Грузинскій Багратъ²⁾.

Послѣ того было выслушано предложеніе управлявшаго Министерствомъ Юстиціи Д. В. Дашкова, слѣдующаго содержанія:

„При разсмотрѣніи въ Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената 4, 5, и Межеваго департаментовъ дѣла о сынѣ умершаго генерала-отъ-кавалеріи Кологривова, Михайлѣ Кологривовѣ, преданномъ суду за вступленіе въ службу Испанскихъ инсургентовъ, произошли у гг. сенаторовъ различныя мнѣнія,

1) Тайный совѣтникъ Вистицкій, Григорій Степановичъ, заставлялъ въ Межевомъ д-тѣ Сената съ 1825—1836 г.г.; тайный совѣтникъ Гечевичъ, Викентій Ивановичъ, въ 5 д-тѣ Сената заставлялъ съ 1832—1839 г.г.; г.-лейт. Ставицкій, Максимъ Оедоровичъ, въ 5 д-тѣ Сената съ 1827 г. по 1832 года; князь Александръ Николаевичъ Хованскій тайный совѣтникъ.

2) Князь Николай Леопольдовичъ Шаховской заставлялъ въ Межевомъ д-тѣ съ 1820—1836 г.г.; генерал-лейтенантъ Иванъ Петровичъ Пуцинъ, въ 5 департаментѣ и въ Общемъ Собраніи, Царевичъ Грузинскій Багратъ Георгіевичъ въ 5 департаментѣ и Общемъ Собраніи Сената заставлялъ съ 1827 по 1841 года.

какъ о качествахъ его преступленія, такъ и о наказаніи, коему онъ подлежить. Преступленіе подсудимаго открывается изъ писемъ бывшаго при немъ доктора правъ Иона и собственноручныхъ его, Кологривова. Хотя и слѣдовало бы прежде до рѣшительнаго по сему дѣлу заключенія спросить его, признаетъ ли онъ сіи письма своими; но какъ съ одной стороны подлинность ихъ подтверждается и означеннымъ Иономъ, и опекуномъ Кологривова дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Бѣгичевымъ, а съ другой нынѣшнее мѣстопробываніе Кологривова не извѣстно, и онъ самъ рѣшительно объявилъ, „что не намѣренъ никогда возвратиться въ Россію“: то слѣдуя указу 1775 г., Апрѣля 28, нѣтъ необходимости домогаться за симъ дальнѣйшаго удостовѣренія. Касательно его возраста, изъ дѣла видно, что во время отбытія его къ рати испанскихъ инсургентовъ, ему было болѣе 17 лѣтъ; слѣдовательно хотя крайняя молодость его еще не освобождающая его отъ попечительства и можетъ быть принята въ уваженіе, но изыатія, постановленныя закономъ въ пользу малолѣтнихъ по уголовнымъ дѣламъ, на него не распространяются. Помянутыми письмами доказывается, что молодой Кологривовъ, дурно воспитанный и мало обуздываемый своимъ руководителемъ, увлекшись пагубными мечтами вольнодумства, сперва принималъ безразсудное и противное обязанностямъ Россійскаго дворянина участіе въ Парижскомъ мятежѣ, а потомъ отправился въ службу Испанскихъ инсургентовъ, вопреки 19 статьѣ жалованной дворянству грамоты, кою дозволяется служить токмо союзнымъ Россіи державамъ. Сверхъ того, въ сихъ же письмахъ (впрочемъ не гласныхъ), отрекаясь на всегда, какъ сказано, отъ возвращенія въ Отечество, къ чему (по собственнымъ словамъ Кологривова) принудило его полученное въ Парижѣ повелѣніе Государя Императора, онъ изъясняетъ: „что ни его мать, ни родственники, ни самъ Богъ не могли бы убѣдить оставить его намѣреніе, что онъ болѣе всего ненавидитъ самовластіе и не можетъ жить подъ деспотическимъ правленіемъ, что зрѣло обдумалъ свой поступокъ, можетъ лишиться своего имѣнія, но лучше согласится бѣдствовать, даже умереть, чѣмъ жить въ рабствѣ“, и прочее. Внимательно входя въ разсмотрѣніе сихъ преступныхъ поступковъ и изъясненій, онъ, управляющій Министерствомъ Юстиціи, не находитъ, согласно съ мнѣніемъ шести гг. сенаторовъ, въ оныхъ достаточнаго повода къ обвиненію Кологривова ни въ бунтѣ, ни въ измѣнѣ, за кои положена законами смертная казнь. Не можетъ также съ своей стороны видѣть въ дерзкихъ и буйственныхъ его выраженіяхъ тяжелой вины оскорбленія Величества, ибо сіи выраженія, по смыслу ихъ, не относятся къ священной особѣ Государя Императора, но болѣе къ ложному и пагубному понятію о свойствѣ самодержавнаго правленія, подъ коимъ Отечество наше благоденствуетъ. Къ сему требующему строгаго обузданія проступку, присоединяются еще слѣдующія вины: поднятіе оружія противъ союзной Россіи державы и изъясненіе намѣренія не исполнять Высочайшаго повелѣнія Его Величества, которое подсудимому было еще въ Парижѣ извѣстно. Слѣдовательно, онъ оказывается нарушителемъ вѣрноподданническаго долга и пренебрегающимъ тѣ права и обязанности, кои принадлежатъ преимущественно дворянскому званію, наслѣдованному имъ отъ предковъ. Изъ сихъ основанийъ

по мнѣнію его, управляшаго Министерствомъ Юстиціи, соображая оныя съ коренными государственными постановленіями и съ послѣдовавшими о Кологривовѣ высочайшими повелѣніями, надлежитъ извлечь и заключеніе о мѣрѣ наказанія, коему онъ долженствуетъ быть подвергнутъ. Буйственными поступками своими онъ самъ показалъ необходимость въ строгомъ обузданіи, которое по молодости лѣтъ его могло бы быть успѣшнымъ, а нарушеніемъ вѣрноподданническаго долга и поведеніемъ недостойнымъ Россійскаго дворянина, самъ разрушилъ дворянское свое достоинство. По чему онъ, управлявшій Министерствомъ Юстиціи, и полагалъ бы: подсудимаго Кологривова, по силѣ 6 статьи дворянской грамоты, лишивъ дворянства, отдать въ солдаты съ выслугою, но какъ сего послѣдняго нынѣ исполнить невозможно, за объявленнымъ чрезъ генераль-адъютанта Бенкендорфа высочайшимъ повелѣніемъ о воспрещеніи Кологривову возврата въ Россію, то поступки его и присужденное ему наказаніе обнародовать въ примѣръ ему подобныхъ. Сверхъ того, принимая въ основаніе высочайше утвержденное 15 Октября 1828 года мнѣніе Государственного Совѣта, все движимое и недвижимое имѣніе его взять въ опеку и поручить управленію ближайшихъ его родственниковъ, строго обязавъ ихъ не пересылать Кологривову ни малѣйшей части изъ доходовъ, а такъ же и изъ цѣны онаго. Таковое свое заключеніе онъ, управлявшій Министерствомъ Юстиціи, имѣетъ честь предложить Пр. Сенату съ тѣмъ, не благоугодно ли будетъ принять оное для постановленія единогласнаго рѣшенія“.

Предложеніе это, однако, также не было принято единогласно. Съ министромъ юстиціи согласились 8 сенаторовъ¹⁾, а 7 „особъ²⁾“ остались при прежнихъ своихъ мнѣніяхъ.

Дѣло такимъ образомъ должно было перейти въ Государственный Совѣтъ, куда и поступило 5 Января 1832 года.

Между тѣмъ, не успѣло еще дѣло поступить на разсмотрѣніе Департамента Государственного Совѣта, какъ государственный секретарь получилъ отъ министра юстиціи Дашкова слѣдующее отношеніе отъ 12 Февраля 1832 года: „Господинъ вице-канцлеръ графъ Нессельродъ сообщилъ мнѣ, что прибывшій въ Берлинъ Михайло Кологривовъ, о которомъ 5 прошедшаго Генваря препровождено къ вашему превосходительству для внесенія въ Государственный Совѣтъ дѣло, прислалъ чрезъ посредство Бер-

¹⁾ Генераль-лейтенантъ Иванъ Петровичъ Пущинъ, вице-адмиралъ Кириллъ Григорьевичъ Михаловскій, князь Николай Леонтьевичъ Шаховской, царевичъ Багратъ, Меркуловъ, Мергенсъ, князь Трубецкой и Гечевичъ.

²⁾ Тайн. сов. Дмитрій Михайловичъ Мордвиновъ, графъ П. А. Толстой, л. тайный совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, Вистицкій, Ставицкій, князь Хованскій и генераль-лейтенантъ Василій Гавриловичъ Назимовъ.

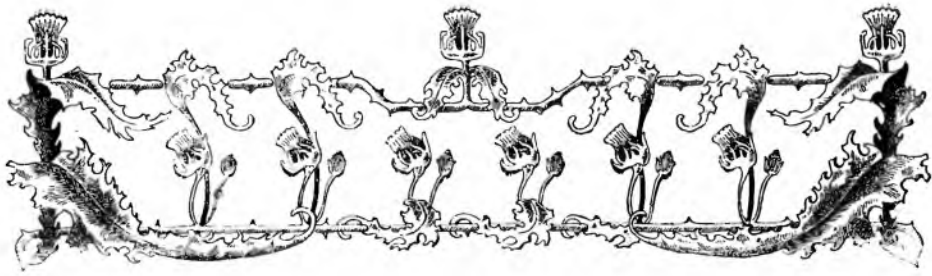
линской миссиі нашей прошеніе на высочайшее имя Государя Императора о дарованіи ему всемилостивѣйшаго прощенія и о позволеніи возвратиться въ отечество, что Его Императорскому Величеству благоугодно было изъяснить высочайшее соизволеніе на возвращеніе Кологривова въ Россію, съ тѣмъ, однакоже, чтобы онъ, немедленно по прибытіи сюда, вступилъ въ нашу военную службу простымъ рядовымъ, съ сохраненіемъ дворянскаго достоинства, и ревностнымъ исполненіемъ обязанностей вѣрноподданнаго старался загладить вину свою, и что объ объявленіи ему, Кологривову, сей монаршей воли предписано уже повѣренному въ дѣлахъ въ Берлинѣ барону Мальтицу“ *).

М. А. Кологривовъ, по родословной книгѣ князя П. В. Долгорукова, умеръ въ 1851 году.

А. Голомбѣвскій.

*) Архивъ Государственнаго Совѣта, Д-та Гражд. и Дух. дѣлъ, 1832 г., д. № 5.

Письма И. С. Тургенева къ И. П. Борисову.

1858—1871.

Молодому, даровитому писателю Б. А. Садовскому, занимающемуся и разслѣдованіями по исторіи Русской словесности, нельзя было отказать въ помѣщеніи статьи его въ „Русскомъ Архивѣ“ (1909, вып. 4-й). Знаменитый писатель, подборомъ выдержекъ изъ собственныхъ его писемъ къ разнымъ лицамъ, изображенъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ, какъ себялюбецъ и великій охотникъ рисоваться. Эта статья, подумали мы, прочитавъ ее въ рукописи, заслужила бы одобреніе Достоевскаго, и намъ припомнилось одно изъ предварительныхъ засѣданій „Общества любителей Русской словесности“ передъ открытіемъ памятника Пушкина. М. М. Ковалевскій настаивалъ, чтобы не посылали Достоевскому билета на предстоявшее торжественное въ домѣ Московскаго Дворянскаго Собранія засѣданіе, и на вопросъ, почему? отвѣчалъ, что Достоевскій оскорбилъ Тургенева. Тутъ мы узнали, что въ какомъ-то публичномъ засѣданіи въ Петербургѣ Тургеневъ съ какими-то намеками говорилъ рѣчь и когда онъ ее кончилъ, Достоевскій во всеуслышаніе спросилъ его: „Да скажете же, наконецъ, Иванъ Сергѣевичъ, чего вы хотите отъ молодыхъ людей?“ Тургеневъ до того смутился этими словами, что съ нимъ сдѣлалось дурно (точно тоже съ нимъ было и за завтракомъ на Большой Морской, въ домѣ Стебеуса у А. Н. Мальцовой, когда въ сосѣднемъ домѣ раздался выстрѣлъ: это было покушеніе на Лорисъ-Меликова). О несогласіи на предложеніе М. М. Ковалевскаго, касательно билета просили записать въ протоколъ покойный П. Е. Басистовъ, О. Б. Миллеръ и пишущій эти строки. Никто еще не могъ ожидать, что Достоевскій два-три дня спустя всетаки взоидетъ на кафедру и произнесетъ свою знаменитую рѣчь.

Черезъ 19 лѣтъ послѣ того, человѣкъ новаго поколѣнія, молодой Садовскій посмѣлъ „свое сужденіе имѣть“, и статья его появилась у насъ. Теперь, въ видахъ историческаго безпристрастія, помѣщаемъ письма И. С. Тургенева къ И. П. Борисову, въ которыхъ „искатель милости студентовъ“ является съ привлекательной своей стороны. Сосѣдъ Тургенева по Орловскимъ деревнямъ, Иванъ Петровичъ Борисовъ былъ человѣкъ отмѣннаго благородства и доброты.

Это былъ близкій пріятель Фета. Онъ часто посѣщалъ находившуюся въ нашемъ вѣдѣніи Чертковскую бібліотеку, особенно въ то время, когда графъ Л. Н. Толстой поручилъ намъ первое изданіе въ свѣтъ „Войны и Мира“.

Письма Тургенева извлечены изъ VIII тома Щукинскаго Сборника. Приносимъ достоцитному Петру Ивановичу Щукину благодарность нашу за дозволеніе ими воспользоваться. П. Б.

*

Парижъ, 11 (23-го) Дек. 1861.

Я только вчера получилъ ваше письмо отъ 12-го Окт., любезнѣйшій Иванъ Петровичъ: оно находилось два мѣсяца въ дорогѣ; это сильно даже для Русской почты. Благодарю васъ за это письмо. Отъ него вѣтъ такой искренней и доброй пріязни, что я былъ тронуть. Оно возбудило во мнѣ желаніе побывать опять въ нашихъ некрасивыхъ и неудобныхъ, но почему-то привлекательныхъ, мѣстахъ. Кто мнѣ растолкуетъ то отрадное чувство, которое всякій разъ овладѣваетъ мною, когда я съ высоты Висельной горы открываю Мценскъ? Въ этомъ зрѣлищѣ нѣтъ ничего особенно плѣнительнаго, а мнѣ весело. Это и есть чувство родины.

Поздравляю васъ съ окончательнымъ устройствомъ вашего гнѣзда и да будетъ оно предзнаменованьемъ устройства вашихъ дѣлъ. Но, судя по доходящимъ до меня слухамъ и письмамъ, мужички наши еще долго будутъ насъ крутить.

И такъ вы охотитесь въ окрестностяхъ Мценска и даже находите зайцевъ? Послѣднее обстоятельство меня поражаетъ. Я до сихъ поръ не могъ себѣ представить болѣе пустыннаго (въ отношеніи дичи) мѣста. Но впрочемъ съ тѣхъ поръ, какъ Фетъ убилъ утку на *своемъ* прудѣ, все возможно. Я получаю изрѣдка письма отъ этого милаго смертнаго; онъ въ нихъ плачетъ подобно Іереміѣ... а все таки я убѣжденъ, что дѣла его идутъ недурно. Главная ошибка его была покупка Степановки, но онъ съ тѣхъ поръ умѣлъ ее исправить.

Я здѣсь вижу Боткина*), который лечится старательно, но ѣсть напропалую. Впрочемъ онъ теперь почти молодцомъ сталъ.

Извѣстія изъ Россіи, литературныя и всякія другія, печальны. Мы живемъ въ темное и тяжелое время, и такъ-таки не выберемъ изъ него. Въ Современникѣ я однако прочелъ повѣсть, въ которой попадаются проблески несомнѣннаго дарованія: „Молотовъ“ Помяловскаго.

*) Василія Петровича.

Я пожалѣлъ о смерти Добролюбова, хотя и не раздѣлялъ его воззрѣній: человекъ былъ даровитый, молодой... Жаль погибшей, напрасно потраченной силы!

Необходимыя поправки къ моей повѣсти я еще не кончилъ, и она раньше Февраля или Марта не появится въ Русскомъ Вѣстникѣ. Новаго я ничего не дѣлаю; кажется, я самому себѣ сказалъ: Basta!

*

Парижъ, 3-го Марта (21 Февраля) 1862.

Доложу вамъ, что я на дняхъ увидалъ первые листики на сиреняхъ, чему я очень обрадовался; ибо это предвѣщаетъ весну, а весною я возвращаюсь въ Мценскій уѣздъ, Орловской губернии, въ село Спасское, которое находится всего въ 15-ти верстахъ отъ Новоселокъ *) и (увы!) въ 70-ти отъ Степановки.

Фету я написалъ недѣли двѣ тому назадъ письмо съ иллюстраціями, которое онъ вѣроятно вамъ показалъ. Вы совершенно вѣрно опредѣлили его характеръ. Недаромъ въ немъ частица Нѣмецкой крови; онъ дѣятеленъ и послѣдователенъ въ своихъ предпріятіяхъ, при всей поэтической безалаберщинѣ, и я увѣренъ, что, конецъ концовъ, его *лирическое* хозяйство принесетъ ему больше пользы, чѣмъ множество другихъ, прозаическихъ и практическихъ. Съ умиленіемъ воображаю, какъ я буду дразнить его, спорить съ нимъ и т. д.

Не знаю, получили ли вы уже номеръ Русскаго Вѣстника съ моимъ дѣтищемъ (сомнѣваюсь, зная аккуратность редакціи и таковую же почты), но если получили, скажите свое мнѣніе. Я здѣсь почти не вижу Россійскихъ журналовъ, но доходящія до меня слухи о нихъ представляютъ мало отраднаго. Какое-то бесплодное барахтаніе... а впрочемъ можетъ быть мы устарѣли и уже не понимаемъ потребностей вѣка. „Минина“ я все еще не получилъ, хотя пріятели хоромъ обѣщали его выслать.

Здоровье мое порядочно, а бездѣйствіе—абсолютно. Это уже не лѣнь, это какое-то коснѣніе въ родѣ тѣхъ „бѣлокрылыхъ видѣній“, которыя „коснѣютъ въ этой полумглѣ“. Помните вы при этомъ изящный изгибъ, который Феть придаетъ своей талѣ? О, когда я его увижу! Я увѣренъ, что онъ еще растолстѣлъ.

*

Парижъ, 3-го (15-го) Декабря 1862.

Rue de Rivoli, 210.

Меня искренно обрадовало извѣстіе о женитьбѣ Толстаго и то, что вы пишете объ его женѣ, которую я, помнится, видѣлъ почти

*) Помѣстье И. П. Борисова.

ребенкомъ у ея отца, А. Е. ¹⁾ Берса. Желая ему счастья, мира и тишины. Я не хотѣлъ бы съ нимъ встрѣчаться; но я никогда не переставалъ принимать самое живое участіе во всемъ, что касается до него, и теперь мнѣ особенно было пріятно услышать, что онъ снова принялся за литературную дѣятельность, которой ему никогда не слѣдовало бы покидать.

Извѣстія, сообщаемыя вами о ходѣ крестьянскаго дѣла, вообще утѣшительны и совпадаютъ съ извѣстіями, приходящими изъ другихъ источниковъ. Весной, я надѣюсь, все окончательно успокоится, и когда я, въ Маѣ мѣсяцѣ, отъѣзжаю въ Спасское, дѣло будетъ сдѣлано и начнется новая жизнь. Но и старая не забудется, а именно: поѣздки въ Новоселки и въ Степановку, Редереръ и т. д.

*

Парижъ, 22-го Февраля (6-го Марта). 1863.

Rue de Rivoli, 210.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, ваши большія, милыя и умныя письма всегда доставляютъ мнѣ истинное удовольствіе: въ нихъ выражается ваша прекрасная душа; да кромѣ того, отъ нихъ вѣтъ такимъ роднымъ, Орловски-степнымъ воздухомъ, что мнѣ здѣсь, на чужбинѣ, остается только благодарить да дышать поглубже. Въ теперешнюю эпоху оно еще отраднѣе: столько грустныхъ, тяжелыхъ впечатлѣній....

Вы не повѣрите, какъ бы мнѣ хотѣлось именно теперь находиться на родинѣ: что тамъ дѣлается, какъ встрѣтилъ народъ давно ожидаемую годовщину 19-го Февраля, что случилось съ дворовыми, что говорятъ и толкуютъ дворяне? Мысли мои постоянно у васъ. Здѣсь мы въ самый день 19-го Февр. собрались у Николая Милютинна (Николай Ивановичъ Тургеневъ былъ въ числѣ гостей), пили за здоровье Царя, народа, всѣхъ сотрудниковъ великаго дѣла, старика Тургенева-начинателя, Милютинна-совершителя ²⁾; произносили небольшіе, не краснорѣчивые, но теплые и дѣльные спичи. Мнѣ, какъ автору „Записокъ Охотника“, было сказано нѣсколько добрыхъ словъ, которыя я буду всегда помнить, какъ лучшую награду. А въ Современникѣ, говорятъ, такъ меня пробираютъ, что просто пыль столбомъ. Ну да Богъ съ ними! Пускай куражится молодежь! Дай ей Богъ скоро найти такихъ дѣятелей и затѣять такія дѣла, что и бранить-то меня не останется охоты.

¹⁾ Андрея Евстафьевича.

²⁾ Мы помнимъ, какъ М. П. Погодинъ привезъ къ Н. А. Милютину (уже больному) пѣвца Славянскаго и сказалъ: Вотъ огласившій Русскою пѣсню всю Европу пріѣхалъ къ вамъ, столько потрудившемуся для того, чтобы Русскому народу жить пріѣвкою.

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277.

5-го (17-го) Юня 1864.

Пишу вамъ изъ своего Баденскаго гнѣздышка, которое такъ мнѣ полюбилось, что заставляетъ измѣнить нашимъ „палестинамъ“. Я купилъ себѣ здѣсь десятины полторы землицы и намѣренъ съ нынѣшняго же года завести садъ, а съ будущей весны начать строиться. Здоровье мое удовлетворительно, работаю я очень мало: вотъ и все, что можно сказать обо мнѣ въ настоящемъ.

Въ прошедшемъ была поѣздка въ Петербургъ, кончившаяся, какъ вамъ извѣстно, весьма благополучно и доставившая мнѣ случай понюхать немного родину и людей въ ней живущихъ. Запахъ оригинальный! Но вамъ, бѣдный Иванъ Петровичъ, приходилось плохо: несчастное положеніе вашей супруги и наконецъ эта мѣла, и вамъ придется вздохнуть нѣсколько посвободнѣ*).

Со стыдомъ долженъ признаться, что не исполнилъ вашей просьбы о портретѣ: посылаю вамъ карточку свою; не знаю имѣете ли вы такую. Примите ее какъ знакъ искренней привязанности человѣка, который забывчивъ и разсѣянъ, но не измѣнчивъ.

На дняхъ перечелъ я романъ Л. Н. Толстаго „Казаки“ и опять пришолъ въ восторгъ. Это вещь поистинѣ удивительная и силы чрезвычайной. Что онъ дѣлаетъ? Напишите два слова о немъ. Хотя мы съ нимъ Монтекки и Капулетти, но я принимаю большое въ немъ участіе и съ удовольствіемъ узнаю, что ему хорошо. „Неудавшійся романъ“ въ Русскомъ Вѣстникѣ, говорятъ, вовсе не его. Я впрочемъ этой вещи не читалъ. Какое ваше мнѣніе о „Маревѣ?“

Поклонитесь милѣйшему Фетицу и сообщите ему это письмецо. Я тоже въ долгу передъ нимъ. У него теперь должно быть гостить В. П. Боткинъ, который провелъ здѣсь нѣсколько дней. Богъ знаетъ, увижу ли я его и васъ въ нынѣшнемъ году. Сомнѣваюсь. Но вамъ надобно сдѣлать, какъ Магометъ сдѣлалъ съ горой: она не пошла—онъ пошелъ. Зову васъ въ Баденъ погостить у меня. Что же тутъ необыкновеннаго? Оно только такъ кажется съ перваго взгляда. Приѣхать сюда и съ Петей, вовсе не затруднительно: легче чѣмъ съѣздить въ Орель. Подумайте-ка, если не въ этомъ году, такъ въ будущемъ.

Къ сожалѣнію я глупо распорядился и не получаю здѣсь Московскихъ Вѣдомостей; вижу только изрѣдка Сѣверную Почту—пища

*) Супруга И. П. Борисова повредила въ умѣ.

скудная! О толстыхъ журналахъ и помину нѣтъ. Иногда съѣздишь въ Гейдельбергъ, считаешь, впрочемъ безъ большаго удовольствія.

Р. S. Я печатаю въ Карлсруэ полное собраніе своихъ сочиненій; идетъ очень хорошо.

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277.

Вторникъ, 4-го Окт. (22-го Сент.) 64.

Мнѣ здѣсь хорошо живется. Здоровье весьма удовлетворительно, охота тоже, старые друзья съ каждымъ днемъ мнѣ становятся ближе и дороже; вмѣстѣ съ осеннимъ ненастьемъ ложатся на жизнь и осеннія краски и осенняя тишина. Желанія успокоились, и дѣятельность прекращается; но тѣмъ болѣе разыгрывается фантазія, и тѣшишься поневолю ея неопредѣленной и безслѣдной игрой. День скользитъ тихонько за днемъ, и только и думаешь: какъ бы это продолжилось подольше и въ томъ же родѣ!

А вы въ тоже самое время прожили много горькихъ и тяжелыхъ минутъ.... Могу васъ увѣрить, что я часто, съ искреннимъ участием думалъ о васъ и отъ души желаю, чтобы хоть теперь вы успокоились и порадовались, глядя, какъ подрастаетъ вашъ умница, котораго заочно цалую. Помните ли онъ, какъ онъ сперва дичился меня, а потомъ подружился со мною? Скажите ему, что рано, или поздно, я жду его къ себѣ, въ свой Баденскій домъ, который понемножку начинаетъ выростать изъ земли. Самъ же я не знаю, когда я загляну въ наши родные края; надѣюсь, что это непременно сбудется въ 1865-мъ году. По многимъ причинамъ мнѣ надо тамъ побывать.

*

Парижъ, Rue Basse, 10, Passy.

9-го Февр. (28-го Янв.) 1865. Четвергъ.

Пріѣхалъ я въ Парижъ для того, чтобы сыграть свадьбу моей дочери, которая 25-го Февр. выходитъ за молодаго хорошаго Француза, нѣкоего г-на Gaston Bruère. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ эта увѣнчалась успѣхомъ, и я теперь очень радъ, что мы до сихъ поръ не торопились: партія во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительная. Я нахожусь въ великихъ хлопотахъ; выдать дѣвушку замужъ—это цѣлая исторія, чуть не цѣлое уголовное дѣло во Франціи, а при ненормальномъ положеніи моей дочери *), затрудненія усложняются въ десять разъ. Однако все уладилось, и за исключеніемъ болѣзни или чего нибудь еще хуже, кажется, никакихъ препятствій предвидѣть нельзя. Вы легко можете себѣ представить, какъ я доволенъ.

*) Т. е., что она прижита безъ брака.

Тотчасъ по окончаніи свадьбы, я возвращаюсь въ мой любезный Баденъ, а въ самыхъ первыхъ числахъ Апрѣля ѣду въ Россію. Въ Петербургѣ я останусь нѣсколько дней, въ Москвѣ нѣсколько часовъ, и прямо въ Спасское. Это *вѣрно, несомнѣнно*, опять таки если что нибудь фатальное не помѣшаетъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ мечтаю о томъ, какъ мы сразимся въ шахматы съ вами на вашей террасѣ, въ присутствіи Пети, который уже вѣрно знаетъ ходы и которому прошу кланяться отъ моего имени. А отъ васъ надо будетъ махнуть къ Фету, и тамъ, не смотря на весь мракъ его отчаянія и печальныхъ предсказаній, пойдутъ трюфели, пулярды подъ бѣлымъ соусомъ и батюшка Редереръ. Доживемъ, такъ поживемъ.

Очень меня опечалило извѣстіе о Толстомъ. Надѣюсь, что онъ давнымъ давно справился и работаетъ. Ему книги въ руки. Не хитри только этотъ человекъ, отдайся своему таланту, Господи Боже, куда онъ уйдетъ! Передъ нимъ жизнь только что начинается: чтò за годы 36 лѣтъ, да и силы какія! Съ нетерпѣніемъ ожидаю его новаго романа.

А меня вы, душа моя, напрасно шевелите. Моя пѣсенка спѣта. Такъ спокойно катится жизнь, такъ мало сожалѣній, тревогъ, что только думаешь объ одномъ: матушка Середа, будь похожа на Вторникъ, какъ самъ батюшка Вторникъ былъ похожъ на Понедѣльникъ. Не поднимайтесь со дна вы, всякіе черные тараканы: болѣзнь, слѣпота, глухота, увѣчье, а больше не надо, не надо ничего. Куда намъ бороться и ломать деревья! Благо, чувство къ красотѣ не изсякло; благо, можешь еще порадоваться ей, всплакнуть надъ стихомъ, надъ мелодіей.... А тутъ охота, страсть, горячая, сильная, неистомная; песь такой, что цѣлой вселенной на удивленіе: коронованныя особы (безъ шутокъ, это сдѣлалъ принцъ Гессенскій на охотѣ) передъ нимъ шапки ломаютъ, и предлагаютъ мнѣ громадныя суммы.... Онъ такъ отыскиваетъ всякаго раненаго звѣря, птицу, что на легенду сбивается, право. Спросите любаго мальчугана въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ: а слыхалъ ты о Пегазѣ, собакѣ одного Русскаго въ Баденѣ, такъ онъ о Русскомъ ничего не знаетъ, а Пегазу знаетъ! Чего еще? Помилосердуйте!

Продавать изданіе съ билетомъ пожелалъ самъ книгопродавецъ для скорѣйшаго пріобрѣтенія денегъ. Впрочемъ послѣдній томъ подвигается уже къ концу. Я вамъ привезу экземпляръ.

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277.
16-го (28-го Марта) 1865. Вторникъ.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, вы не повѣрите, какъ я люблю получать отъ васъ письма: не говорю уже о томъ, что они напоминаютъ

мнѣ о человѣкѣ, къ которому я искренно привязанъ, но онѣ составляютъ почти единственную мою связь съ нѣкоторою „сутью“ Русской жизни, которая съ каждымъ днемъ слабѣетъ и теряется для меня. Нечего грѣха таить: отрѣзанный я ломоть, и вѣрно такъ тому и быть слѣдовало; а по временамъ въ сердцѣ шевелится нѣчто въ родѣ сожалѣнія. Оно было бы еще сильнѣе, еслибъ я не почиталъ своего дѣла конченнымъ, а доживать свои денечки можно вездѣ. Впрочемъ я не желаю ни разчувствоваться, ни о себѣ говорить: лучше выражу то удовольствіе, съ которымъ я мечтаю о нашемъ свиданіи, „весной, при пѣсняхъ соловьиныхъ“.

Съ тѣхъ поръ, какъ пришло ваше письмо, я успѣлъ прочесть драму Островскаго (Воеводу) и начало романа Толстаго. Къ истинному своему огорченію, я долженъ признаться, что романъ этотъ мнѣ кажется положительно плохъ, скученъ и неудаченъ. Толстой зашолъ не въ свой монастырь, и всѣ его недостатки такъ и выпятились наружу. Всѣ эти маленькія штучки, хитро подмѣченныя и вычурно высказанныя, мелкія психологическія замѣчанія, которыя онъ подъ предлогомъ „правды“, выковыриваетъ изъ подъ мышекъ и другихъ темныхъ мѣстъ своихъ героевъ, какъ это все мизерно на широкомъ полотнѣ историческаго романа! И онъ ставитъ этотъ несчастный продуктъ выше „Казаковъ“! Тѣмъ хуже для него, если это онъ говоритъ искренно. И какъ это все холодно, сухо, какъ чувствуется недостатокъ воображенія и наивности въ авторѣ, какъ утомительно работаетъ передъ читателемъ одна память мелкаго, случайнаго, ненужнаго. И что это за барышни! Все какія-то золотушныя кривляки. Нѣтъ, эдакъ нельзя; такъ пропадешь, даже съ его талантомъ. Мнѣ это очень больно, и я желалъ бы обманутся.

А „Воевода“ Островскаго меня привелъ въ умиленіе. Эдакимъ славнымъ, вкуснымъ, чистымъ Русскимъ языкомъ никто не писалъ до него. Послѣдній актъ (особенно гдѣ воевода бѣгаетъ за своей невѣстой, чтобы *защекотать ее на смерть*) плохъ; но 2-й и 3-й это совершенство! Какая мѣстами пахучая, какъ наша Русская роща лѣтомъ, поэзія! Хоть бы въ удивительной сценѣ „Домоваго“! Ахъ, мастеръ, мастеръ этотъ бородачъ: ему и книги въ руки. Вотъ ужъ у него нѣтъ „изысканія мелкой букашки“ „de la petite bête“, какъ говорятъ Французы. Сильно онъ расшевелилъ во мнѣ литературную жилу.

Я не „обхожу“ Каткова, какъ вы говорите, хотя лично его не долюбиваю; но моя мошна пуста, послѣднія крохи я изъ нея вытрясъ, чтò тутъ будешь дѣлать? Неизвѣстно, чтò впередъ будетъ, а пока я могу только смотрѣть, какъ дѣйствуютъ другіе.

Съ первыми красными днями я направляюсь въ Новоселки и въ Степановку. Поклонитесь отъ меня владѣльцу сей послѣдней и скажите ему, что я жажду увидѣть его изсизе-бурый носъ, услышать его очаровательно мычащую рѣчь. Поклонитесь такъ же вашему поэту Петѣ и примите отъ меня самое дружеское рукожатіе.

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277.

5-го (17-го) Августа 1865.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, сейчасъ я возвратился изъ небольшого путешествія во Францію, къ моей дочери, которая живетъ теперь съ своимъ мужемъ на его стекляномъ заводѣ, и нашолъ здѣсь вапе любезное письмо отъ 25-го Іюля. Письмо отъ васъ, вы это знаете, доставляетъ мнѣ всегда особенное удовольствіе, а потому спѣшу отвѣчать. Прежде всего прошу васъ передать Петѣ слѣдующее стихотвореніе, сочиненное мною въ отвѣтъ на его.

Ай да Петя! Молодецъ!
Хоть и малъ онъ какъ скворецъ,
За то умъ его орлиный,
Взглядъ же—просто соколиный!
Онъ одинъ лишь угадалъ,
Отчего я ускагалъ!

Дѣйствительно: я уѣхалъ въ Баденъ именно въ слѣдствіи письма, полученнаго мною во Мценскѣ въ самый день нашего знаменитаго путешествія отъ Фета; меня вызывали сюда, и я отправился. Предположеніе Толстаго опять таки „отзываетъ“ имъ: не такое же онъ мѣсто занимаетъ въ моихъ соображеніяхъ. Да мы бы вѣроятно и не встрѣтились; что же касается до его сестры, то мнѣ рѣшительно не изъ чего избѣгать ея. Желаю ему всего хорошаго съ его, по общимъ отзывамъ, милой женой; но едва ли онъ пересталъ мудрить. Въ самое то время, когда онъ по вашимъ словамъ распрашивалъ обо мнѣ съ участіемъ, онъ писалъ Фету, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе меня ненавидитъ. А потому и мнѣніе его о дядѣ немного доказываетъ: онъ гораздо больше хлопочетъ о собственныхъ впечатлѣніяхъ, чѣмъ о людяхъ, которые возбуждаютъ эти впечатлѣнія. Радуюсь тому, что онъ продолжаетъ работать и желаю, чтобы послѣдующія части романа были лучше первыхъ.

Дочь моя живетъ въ хорошенькомъ, новомъ домѣ; мѣстность кругомъ довольно живописная. Мужъ ее очень любитъ, а она его любитъ (она пятый мѣсяцъ уже беременна). Пока все идетъ хорошо, и впереди ничего не предвидится мрачнаго.

И здѣсь все идетъ недурно: домъ мой подвигается довольно шибко; сегодня мы должны были отправиться на охоту, но пошолъ дождь, и мы отложили нашу поѣздку до завтра. Вообще погода у насъ, въ противность тому, что вы пишете, свѣжая, почти холодная, что меня лично даже радуеть, потому что я въ этомъ вижу нѣкоторую защиту противъ холеры, которая, какъ грозовая туча, заходить со всѣхъ пунктовъ горизонта и которой я боюсь, какъ вамъ извѣстно, до позора.

Вы, словно шутя, говорите о поѣздкѣ Фета за границу; а я серьезно думаю, что ему нужно встряхнуться, а то онъ непремѣнно окиснетъ и погрязнетъ въ какомъ-то, если можно такъ выразиться, вяломъ ожесточеніи. Съ будущаго Октября мой домъ будетъ открытъ для всѣхъ добрыхъ пріятелей. Имѣйя уши, да слышать!

Вы пишете объ отъѣздѣ Боткина; но вы не извѣщаете о томъ, куда сей старецъ направилъ свой полетъ. Ужъ не къ намъ ли? А мнѣ все кажется, что надуеть онъ бѣдняковъ Фетовъ и ничего не оставитъ имъ въ своемъ, столь многократно переписанномъ, завѣщаніи*).

Обнимите за меня Петю (помните онъ золотой замкъ на амбарѣ?).

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277.
7-го Сентября (26-го Августа) 1866.

Въ Германіи совершилось замиреніе полное, и если нашъ сосѣдь не затѣетъ какой-нибудь катавасіи, ничто не помѣшаетъ Пруссіи преспокойно забрать себѣ въ карманъ всю Сѣверную Германію; да и то, говорятъ, вниманіе сосѣда устремлено болѣе теперь на Восточныя дѣла. Въ Баденѣ же было всегда нарочито тихо, а теперь шумятъ однѣ кринолины Парижскихъ лоретокъ.

Охота началась, но къ сожалѣнью, погода стоитъ прескверная, холодъ и дожди, и куропадокъ въ нынѣшнемъ году уродилось мало; къ тому же я прихворнулъ и съ недѣлю вылежалъ дома. Со всѣмъ тѣмъ я уже убилъ около 85 штукъ дичи. Песъ у меня все тотъ же удивительный Пегазъ, который даже въ печать попалъ, и ружье такое, что, какъ говорится, что въ ротъ, то спасибо. Все стало быть въ исправности; одно скверно: денегъ присылается мало, да такъ мало, что коренныя преобразованія становятся очевидно необходимы; для приведенія ихъ въ дѣйство, по мѣрѣ силъ, я пріѣзжаю въ Спасское весною, въ первыхъ числахъ Апрѣля, и останусь тамъ сколько будетъ нужно. Но объ этомъ еще рѣчь впереди.

*) А. А. Фетъ былъ женатъ на сестрѣ В. П. Боткина.

Фегушкѣ я написалъ на дняхъ только въ Степановку. Ахъ зачѣмъ онъ это по временамъ помѣщаетъ такіе слабосильные стишки въ Русскомъ Вѣстникѣ, которые только напоминаютъ прежніе соловьиные звуки? Точно человѣкъ накушался фіалокъ и испускаетъ потомъ безсильныя отрывки. Но вы еще благополучны: вы не получаете Отечественныхъ Записокъ, а я страдаю этимъ несчастіемъ; тамъ есть переводъ безобразныхъ „Труженниковъ моря“ господина Гюго... О! О! О!... И Петербургскія Трущобы г-на Крестовскаго. У... У... У!

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277.

12-го Окт. (30-го Сент.) 1866. Пятница.

Послѣ отвратительнѣйшей, два мѣсяца продолжавшейся, погоды, у насъ проскочило нѣсколько осеннихъ дней; но чтобы мы не слишкомъ радовались, отявилась она, т. е. холера, и хотя въ самый Баденъ еще не заглянула, но уже свирѣпствуетъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ, въ Раштатѣ, а сюда выслала своего обычнаго курьера: понось. Чтò дѣлать! Мы покоряемся необходимости, запасаемся мятой, Тильмановскими каплями, прислушиваемся къ бурчанью нашихъ утробъ и ѣдимъ съ величайшей вѣжливостью, такъ только въ проголодь. Охота однако продолжается, и хотя у насъ нѣтъ тѣхъ баснословныхъ массъ вальдшнеповъ и куропатокъ, о которыхъ между прочимъ пишетъ и дядя, однако все таки я до сихъ поръ съ грѣхомъ пополамъ убилъ 150 штукъ слишкомъ. И работа моя подвигается, такъ какъ я обѣщаль доставить ее Каткову къ концу Января, тутъ уже мѣшкать и хвостомъ вилять нельзя. Планъ мой слѣдующій: въ Февралѣ и Мартѣ я въ Петербургѣ и Москвѣ, а Апрѣль провожу въ Спасскомъ, и конечно буду васъ видѣть чуть не ежедневно. Пребываніе мое въ Спасскомъ будетъ сопряжено съ нѣкоторыми непріятностями: мнѣ невозможно болѣе оставить мое имѣніе на рукахъ дяди, въ честности котораго я не сомнѣваюсь ни одной секунды, но который состарѣлся, потерялъ всякую энергію и даетъ себя и меня грабить. Доходы съ моего имѣнія сдѣлались ничтожными (вы можете пробѣжать прилагаемое письмо къ Фегу, которое я, по незнанію его теперешняго мѣстопробыванія, посылаю черезъ васъ). Эдакъ продолжать дѣло нельзя. Я, кажется, нашолъ дѣльнаго человѣка; во всякомъ случаѣ я явлюсь въ Спасское не иначе какъ съ новымъ управляющимъ, и между прочимъ заранѣе рассчитываю на ваши добрые совѣты и содѣйствіе.

Если вамъ въ руки попадутся „Отечественныя Записки“ (весьма впрочемъ плохой журналъ), то прочтите тамъ статью подъ заглавіемъ Кузя Мордовскій богъ. Ужасно любопытно и поучительно, хотя авторъ

напрасно все разжидилъ и разсыропилъ. А „Преступленіе и Наказаніе“ Достоевскаго я отказался читать: это что-то въ родѣ продолжительной колики; въ холерное время помилуй Богъ!

*

Четвергъ 3-го (15-го) Февр. (1867)

Представьте, что я въ теченіи этихъ шести недѣль не выходилъ изъ комнаты, двигался не иначе какъ съ помощью костыля, а съ недѣлю тому назадъ опять слегъ и теперь пишу вамъ въ постели, и все это по милости подагры, да не обыкновенной, а какой-то атонической, т. е. хронической, которая поразила мою лѣвую ногу и превратила меня въ неподвижный чурбанъ. Вотъ вамъ я и у праздника! Всѣ мои предположенія рухнули, и впередъ я никакихъ плановъ не могу дѣлать: докторъ мнѣ объявилъ, что онъ не можетъ мнѣ назначить время, когда я буду въ состояніи предпринять путешествіе. А романъ давно конченъ, переписанъ, перечтенъ и выправленъ нѣсколько разъ; а дѣла мои въ Спасскомъ и по имѣнію требуютъ самымъ настоятельнымъ образомъ моего немедленнаго присутствія, такъ какъ дядя внезапно потерялъ голову и пишетъ мнѣ самыя отчаянныя и оскорбительныя письма, а все отъ того, что я рѣшился наконецъ взять новаго управляющаго, который хотя бы нѣсколько улучшилъ мои доходы.... Вы легко можете себѣ представить, какъ мнѣ теперь весело....

*

Москва. Въ домѣ, Удѣльной Конторы, на Пречистенскомъ бульварѣ, у И. И. Маслова.

Четвергъ 16-го Марта 1867.

Вамъ уже вѣроятно извѣстна невзгода, которая стряслась надо мною, а именно: болѣзнь, которая схватила меня въ Серпуховѣ и заставила черезъ силу вернуться въ Москву, а тѣмъ самымъ отдалила наше свиданіе. Здоровье мое однако скоро поправилось, и сегодня я въ первый разъ попытаюсь выѣхать. Но встрѣчается новое препятствіе: мнѣ принесли сегодня первую корректуру моей повѣсти въ Русскомъ Вѣстникѣ, и теперь уже я не могу пошевелиться отсюда, пока она не будетъ набрана т. е. въ теченіи десяти дней по малой мѣрѣ. А черезъ десять дней, кто знаетъ, какая будетъ ѣзда по нашимъ дорогамъ, и не наступитъ ли тогда то ужасное время, когда ни пройти ни проѣхать, ни на полозьяхъ, ни на колесахъ. Однако надо будетъ, хоть тресни да полѣзай: безъ меня дядя никакъ не захочетъ сдать имѣніе, и письмами ничего тутъ не подѣлаешь.

По отчету дяди я въ 11 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ получилъ 127,371 руб. съ копейками. Изъ нихъ капитальной суммы (выкупныхъ денегъ, за

продажу лѣсовъ и т. д.) 63.564 руб. Изъ доходныхъ денегъ я слѣдовательно получилъ 63,807 руб., т. е. около 5500 руб. сер. въ годъ. *Оброчныхъ* суммъ съ оброчныхъ имѣній поступаетъ въ годъ 5756 р., платежа въ Опегунской Совѣтъ—на 3409 р.; остается слѣд. въ пользу владѣльца 2347 р. Если прибавить къ этой суммѣ деньги за аренды, мельницы и т. д., то приблизительно получится вся сумма моего годового дохода—5500 р. и окажется, что лучшія мои имѣнія, Спасское, Танки и др., находящіяся на издѣліи, не приносятъ мнѣ буквально ни копейки. Покажите этотъ результатикъ Фету, который въ письмѣ къ Боткину говоритъ, что, отказывая дядѣ, я „осатанѣлъ“. Согласился ли бы онъ съ 5500 десятинъ свободной земли получать 5500 р. дохода?

*

Москва. Въ домѣ Удѣльной Конторы, на Пречистенскомъ бульварѣ.
Вторникъ, 21-го Марта 67.

Особенно скверная звѣзда преслѣдуетъ меня съ самаго начала нынѣшняго года. Наканунѣ перваго Января заболѣла у меня нога какой-то сложной ревматической подагрой, 6 недѣль я пролежалъ, долженъ былъ опоздать выѣздомъ, притащился наконецъ сюда, и въ самый день моего отъѣзда въ Спасское схваченъ былъ сильнѣйшимъ гриппомъ въ Серпуховѣ, полуживой прибылъ назадъ въ Москву, а теперь дороги стали непроѣзжія, и нога, какъ нарочно, снова такъ жестоко разболѣлась, что пожалуй придется опять слечь. Къ тому же подошли невеселыя вѣсти изъ Бадена. Гдѣ ужъ мнѣ тутъ думать о поѣздкѣ въ деревню; дай Богъ по добру по здорову по желѣзнымъ дорогамъ вернуться въ Баденъ. Я объ этомъ сегодня же пишу къ дядѣ, который вѣроятно придетъ въ большое волненіе и огорчится, но вѣдь собственно мое присутствіе нечего бы не измѣнило. Управляющій мой, Никита Алексѣевичъ Кишинскій, который находится теперь въ Спасскомъ, имѣетъ отъ меня инструкцію принять управленіе, не требуя никакихъ отчетовъ и не входя ни въ какія разбирательства; а судьба дяди и его дѣтей мною обезпечена, и жить онъ можетъ въ Спасскомъ, пока найдеть удобнымъ и не спѣша переселиться къ себѣ. Оставаться долѣе при 5500 р. сер. годового дохода отъ 5500 десятинъ я не нашолъ возможнымъ, и вотъ вся причина этой перемѣны. Рѣшаюсь обратиться къ вамъ, добрѣйшій Иванъ Петровичъ; въ вашемъ характерѣ столько деликатности и мягкости, дядя мой питаетъ къ вамъ такое уваженіе, что, въ случаѣ какихъ-либо затрудненій, ваше слово принесло бы великую пользу. Помогите старику взглянуть на все это дѣло прямыми глазами, а то онъ мнѣ такія письма пишетъ, что я прихожу въ тупикъ. Мнѣ ужасно неприятно, что я въ Спасское не попалъ и не попаду, но что же дѣлать! Ей Богу, мнѣ невозможно ѣхать.

Романъ мой печатается, а выдетъ въ Мартовской книжкѣ Русскаго Вѣстника. Посмотримъ, какое онъ на васъ произведетъ впечатлѣніе, а трудился я надъ нимъ много.

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 7.

Пятница, 16-го (28-го) Іюня 67.

Я дней на десять отлучился въ Парижъ—выставку посмотрѣть.... отвѣтъ и замѣшкался. О выставкѣ скажу вамъ, что это вещь дивная, чудо изъ чудесъ, и нельзя не пожалѣть о томъ, кто ея не увидитъ. Все удивительно, и въ тоже время чрезвычайно занимательно и удобно устроено. Моя нога поправилась, и я могъ ходить безъ особенной усталости. Кстати жъ, я свидѣлся съ моею дочерью, которая нарочно для этого пріѣхала изъ своей провинціи.

Вамъ „Дымъ“ не нравится; да и по всему замѣтно, что онъ никому не понравился въ Россіи; но я такой закоренѣлый грѣшникъ, что не только не каюсь, но даже упорствую и къ отдѣльному изданію романа прибавлю предисловіе, въ которомъ еще сильнѣе буду доказывать необходимость намъ Русскимъ по прежнему учиться у Нѣмцевъ, какъ Нѣмцы учились у Римлянъ и т. д. Проклянуть ли меня на всѣхъ соборахъ, просто ли бросать въ лужу, это уже не моя печаль.

А дядя Н. Н. ловко со мной распорядился. Продолжая называть себя злополучнымъ старцемъ и страдальцемъ и указывая на свои опозоренныя сѣдины, онъ наложилъ запрещеніе на все мое имѣніе, основываясь на *безденежныхъ* векселяхъ, которые я ему далъ на случай моей смерти. Я не отказался отъ современной и постепенной уплаты этихъ векселей; но это уже изъ рукъ вонъ. Мнѣ остается одно: откупиться отъ „страдальца“, предложивъ ему одно изъ моихъ имѣній (Холодово), цѣнность котораго равняется, если не превосходитъ, суммѣ моего долга. Что-то скажетъ теперь Феть? Пожалуй онъ по прежнему будетъ утверждать, что я „осатанѣлъ“ и что по дѣломъ-моль дураку! А вѣдь недурной результатъ 11-ти лѣтняго управленія: дядя жилъ какъ баринъ, давалъ мнѣ *меньше* 5000 въ годъ, оставилъ имѣніе чуть не раззореннымъ, да зашибъ себѣ деревеньку съ домомъ и усадьбой въ 20,000 р. серебромъ. Этакъ хоть бы и не „злополучному страдальцу!“

Впрочемъ это все пустяки! Вотъ скоро подойдетъ охота, и опять заживу припѣваючи. Домъ мой оконченъ, но перейти въ него я не рѣшалось: нужны деньги на обзаведеніе, а для это надо сперва придти маленько въ себя послѣ тисковъ злополучнаго старца.

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 7.

Воскресенье, 6-го Окт. (24 Сент.) 1867.

Я занимаюсь сочиненіемъ оперетокъ на Французскомъ языкѣ, на которыя г-жа Віардо пишетъ прелестнѣйшую музыку. Особенно одна изъ нихъ подъ названіемъ „Послѣдній Колдунъ“ имѣла громаднѣйшій успѣхъ (король и королева Пруссіе были въ числѣ зрителей и т. д.) Представленія происходятъ въ моемъ новомъ домѣ, въ который я пока не могу перебраться по милости благодѣтельнаго дядюшки. А исполнителями дѣти и воспитанницы г-жи Віардо.

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 7.

Пятница, 1-го (13-го) Дек. 1867.

Посмотрѣлъ бы я на Фета съ мировой цѣпью на шеѣ! Отчего же вы не прислали его стиховъ на З.?* Я вамъ могу слово дать, что все останется въ тайнѣ.

Мы получаемъ здѣсь Московскія Вѣдомости и читаемъ очень приятно; о Московско-Тульской дорогѣ уже вычиталъ тамъ статейку. Хоть не до Мценска, а до Тулы дождемъ спокойно въ будущемъ году, и то славу Богу! А Русскій Архивъ я и здѣсь изучаю всласть и совершенно понимаю ваше пристрастіе къ этому изданію.

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 7.

Вторникъ, 10-е Марта (27-е Февр.) 1868.

Я все еще нахожусь въ Баденѣ по милости болѣзни Віардо, которая только теперь начинаетъ терять свой опасный характеръ; мнѣ не хотѣлось уѣхать въ Парижъ до его выздоровленія и оставить все его семейство въ тревогѣ. Теперь я полагаю скоро съѣздить на свиданіе съ моей дочерью.

Я съ великимъ наслажденіемъ прочелъ романъ Толстаго, хотя многимъ не совсѣмъ остался доволенъ. Вся бытовая сторона (и военная) удивительна; есть тутъ вещи, которыя не умрутъ, пока будетъ существовать Русская рѣчь. Но вся историческая сторона—извините за выраженіе—кукольная комедія. Не говоря уже о томъ, что настоящаго воспроизведенія эпохи и помину нѣту; что мы узнаемъ объ Александрѣ, Сперанскомъ и пр. какъ только самыя молочи, капризно выбранныя авторомъ и возведенныя въ характерныя черты? Это своего рода шарлатанство: публика, которой съ такимъ эффектомъ подносятся эти „острые носки Александровскихъ сапоговъ“ и т. п., невольно должна

*) На кого это, не знаемъ. П. Б.

подумать, что автору самыя личности должны быть у! какъ хорошо извѣстны, коли онъ даже мелочи такія знаетъ.... а автору вѣроятно только эти мелочи и знакомы. Прочтите очень умную (хотя, по обыкновенью, нѣсколько темноватую) статью Анненкова по поводу романа Толстаго въ Вѣстникѣ Европы. И настоящаго развитія характеровъ нѣтъ, всё они подвигаются впередъ прыжками, а за то есть бездна этой старой психологической возни („что-моль я думаю? что обо мнѣ думаютъ? люблю ли я или терпѣть не могу? и т. д.“), которая составляетъ положительно мономанію Толстаго. Но со всёми тѣмъ, въ этомъ романѣ столько красотъ первоклассныхъ, такая жизненность и правда и свѣжесть, что нельзя не сознаться, что съ появленія „Войны и Мира“ Толстой сталъ на первое мѣсто между всёми нашими современными писателями. Съ нетерпѣньемъ ожидаю четвертаго тома.

*

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 7.

18-го (6-го) Марта 1868.

Экую я ношу навалилъ на васъ, и какимъ нравственнымъ мученіямъ, какой душевной истомѣ подвергъ васъ! Повѣрьте мнѣ, что этой услуги я никогда не забуду. Ну! наконецъ раздѣлался я съ этимъ изломавшимся, фальшивымъ и дряннымъ патріархомъ-ростовщикомъ. Дорогонько мнѣ это стало, но я утѣшаюсь мыслью, что я могъ бы заплатить еще дороже, не будь нашего дружескаго вмѣшательства и вашей помощи. Воображаю себѣ всю сцену! За то есть черты превосходныя: блюдечко съ водой для счету ассигнацій и боязнь рака на на губѣ, это перлы въ своемъ родѣ. Выходить, что я не совсѣмъ въ накладѣ: я изъ моей передраги съ Ник. Ник. извлекъ ту выгоду, что имѣлъ случай изучить типъ степнаго, сѣдовласаго Тартюфа, которымъ, быть можетъ, подѣлюсь съ читателями, для ихъ потѣхи и назиданія.

Вообразите вы себѣ: на этомъ мѣстѣ моего письма почталіонъ принесъ мнѣ письмо отъ моего дяденьки, посланное 27-го Февр. т. е. два дня спустя полученія имъ денегъ... и представьте мое изумленіе: не только объ этомъ не имѣется никакого упоминенія (чего, кажется, требовало бы самое простое чувство долга), но все письмо исполнено ругательствами, клеветами, ложью, самой наглою, наконецъ вызываньемъ тѣни моей матери, которая должна чуть не проклясть меня за то, что я „пустилъ по міру, раззорилъ и унетаю“ безвиннаго старца, всегда непоколебимаго въ чувствахъ чести и любви!! Тутъ же Кишинскій обозванъ *нигилистомъ*, и предсказывается мнѣ скорое раззореніе отъ этого злодѣя, который „отовсюду тащить деньги!!!“ (Какъ будто эти деньги не для его Ник. Николаевичей утробы были назначены!!) И

это все писано тою рукою, которая еще не успѣла *отдохнуть* и *высохнуть* отъ перелистыванія!!! ассигнацій. Вотъ, батюшка, гдѣ долженъ умъ за разумъ зайти. Если Ник. Ник. не рехнулся, то что же это за непроходимый—ужь я и слова не приберу!

Что касается до его *не* финансовыхъ угрозъ, то вы можете быть спокойны: это не имѣетъ никакого смысла и пушено было въ ходъ для ради надбавки.

Хотѣлось бы все это выплюнуть изо рту, какъ тухлое лекарство.

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

20-го (8-го) Апрѣля 1868.

Третьяго дня переѣхалъ я наконецъ въ мой (бывшій) домъ, любезный и дорогой Иванъ Петровичъ! Никогда я не былъ еще обставленъ такимъ комфортомъ.... такъ что даже совѣстно немножко и неловко, точно я молодая дама, только что получившая свое приданое. Впрочемъ къ этому легко привыкнуть. Три отличныя комнаты ждутъ пріятелей.... Нечего и говорить, что ни одинъ изъ нихъ не получилъ бы болѣе сердечнаго привѣта, чѣмъ вы.... Но гдѣ васъ дожидаться! И потому, такъ какъ гора не отправляется къ Магомету, то Магометъ отправится къ горѣ, а именно: я выѣзжаю отсюда непременно черезъ мѣсяцъ и на крыльяхъ.... на какихъ?—ну просто на крыльяхъ—лечу въ Спасское и „немедленно“ въ Новоселки. Очень, очень мнѣ хочется повидать васъ и потолковать съ вами; кетати же мое гнусное дѣло съ „старцемъ“ прекратилось, и мнѣ не будетъ уже никакой нужды улицезрѣть его. Надо, надо понюхать роднаго воздуха, чѣмъ бы онъ ни отзывался. Привезу вамъ ружье и патроны новаго фасону и хоть по перепеламъ постукаемъ.

Четвертый томъ Толстаго получилъ, но не успѣлъ еще прочесть: по отзывамъ журналовъ боюсь, что онъ вдался въ философію, и какъ это иногда съ нимъ водится, закусилъ удила и понесъ бить и лягать зря.

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

7-го (19-го) Мая 1868.

Дорогой Иванъ Петровичъ, хлопотъ у меня полонъ ротъ: ставлю у себя дома *третью* оперетку (текстъ мой, музыка—предестная! г-жи Віардо), въ двухъ актахъ. Я играю роль Людоѣда, каждый день репетицій, дымъ коромысломъ! Тотъ-часъ послѣ представленія ѣду въ Россію, въ Москву раньше 1-го Іюня прибыть не могу, но и не позже; отлично было бы, еслибъ вы къ тому времени тоже пріѣхали въ Москву,

пожили бы вмѣстѣ и вмѣстѣ бы отправились въ деревню. Въ Москвѣ я, по обыкновенью, остановлюсь на Пречистенскомъ бульварѣ, въ домѣ Удѣльной Конторы у Ивана Ивановича Маслова.

*

Карлсруэ, 28-го (16-го) Ноября 1868.

Я ѣздилъ въ Парижъ, гдѣ провелъ дней десять; вернувшись оттуда, мнѣ пришлось переселяться въ Карлсруэ на зиму, отыскивать квартиру, которая до сихъ поръ не найдена и т. д. Поселяюсь же я въ Карлсруэ потому, что Віардо сюда переѣхали для воспитанія своихъ дѣтей, а мнѣ безъ нихъ было бы въ Баденѣ просто жутко.

Последнюю мою повѣсть я отправилъ къ П. В. Анненкову и уже получилъ отъ него одобрителный отзывъ. Посмотримъ, что скажетъ публика. Не знаю, съ какой стати распространился слухъ, будто я въ этой повѣсти нападаю на Славянофиловъ: ничего подобнаго въ ней нѣтъ. Это просто передача трагической судьбы одной дѣвушки, которая промелькнула мимо меня во время моей молодости. Но кстати о Славянофилахъ: какъ вы вѣрно характеризовали манеру И. С. Аксакова; я невольно разсмѣялся: именно скрипить перо!

Фіаско Кишинскаго на счетъ продажи сочиненій Успенскаго есть фактъ бьющій меня по карману; и въ тоже время этотъ фактъ знаменателенъ, какъ указатель, куда повернуло общественное мнѣніе. Россія дѣйствительно—не та, что была десять лѣтъ тому назадъ, и на нашемъ вѣку такого крутаго перелома еще не было. Быстрота, съ которой вылетаютъ на поверхность громадныя, чуть не въ годъ составленныя богатства—изумительна: я знаю дурачковъ (да круглыхъ!), которые по милости кстати выпрошенныхъ концессій вдругъ нажили миллионы! А тутъ совѣсть тебя разбираетъ братъ за печатный листъ, надъ которымъ корпѣлъ мѣсяцы—400 р. сер. Худая нажива литература!

Вы мнѣ ничего не пишете о 5-мъ томѣ „Войны и Мира“; неужели онъ еще не вышелъ? И что дѣлаетъ авторъ?

Я получилъ длинное, весьма нескладное, обвинительное письмо противъ Кишинскаго, въ которомъ меня стараются увѣрить, что онъ крадетъ у меня тысячи и т. д. Я ему послалъ копію, не выдавъ только подписаннаго имени. Я убѣжденъ, что это клевета; однако, если, будучи на мѣстѣ, вы бы захотѣли прикинуть вашимъ чуткимъ ухомъ, вы бы навѣрное узнали правду. Скажите мнѣ ее тогда.

Карлсруэ—совершенный монастырь. Тишина такая на улицахъ, что даже почтительное чувство навѣвается. Надо будетъ работать, а

работы предстоитъ пропасть въ эти три мѣсяца. Кстати, будьте такъ добры, сходите къ Салаеву и скажите ему, что портретъ заказанъ у перваго Парижскаго гравера, Э. Гедуина (E. Hédouin) и что „Воспоминанія“ приводятся къ окончанію. Выпустилъ ли онъ въ свѣтъ первые томы новаго изданія?

*

Карлсруэ, Hôtel Prinz Max.

Воскресеніе 24-го (12-го) Янв. 67.

Въ Январской книжкѣ Русскаго Вѣстника прочтете вы мою повѣсть; не знаю, какъ она понравится. Работа надъ „Воспоминаніями“ идетъ медленно; полагаю, что съ окончаніемъ охоты, которое предстоитъ 1-го Февр. дѣло пойдетъ живѣе. Я былъ на одной великогерцогской кабаньей охотѣ и убилъ одного кабана, а стрѣлялъ по шести; ужасно живучи бѣги: упадаетъ послѣ выстрѣла—смотришь: поднялся. Вы на Кавказѣ имѣли ли случай по нимъ стрѣлять? Зайцовъ убито мною очень много; другой дичи тоже порядочно. Песъ у меня все тотъ же знаменитый Пегазъ: жаль—онъ окривѣлъ на одинъ глазъ.

Въ 1-мъ №-ѣ Вѣстника Европы прочелъ я начало новаго романа Гончарова и остался имъ весьма недоволенъ: многословіе невыносимое, старческое, и ужасно много условной рутинны, резонерства, реторики. Должно признаться, что послѣ *правды* Л. Н. Толстаго, вся эта старенькая, чиновничья литература очень отдастъ фальшью, да какой-то кислой напріятой фальшью. Только хороши сцены въ деревнѣ да въ уѣздномъ городѣ, а противнѣе г-жи Бѣловодовой я ничего не знаю: какой-то начальникъ отдѣленія неокладныхъ сборовъ въ юбкѣ. А можетъ быть вамъ это все покажется въ иномъ свѣтѣ, даже понравится. Пожалуйста не церемоньтесь высказать свое мнѣніе, которое всегда исполнено здраваго живаго смысла.

Въ Архивъ я непременно пошлю статейку и непременно даромъ, вѣроятно о Плетневѣ. Но когда, вотъ вопросъ, еще мнѣ самому неясный.

Радуеть меня такъ же то, чтò вы пишете о Петѣ и въ чемъ я никогда не сомнѣвался. Здоровье его беречь надо, и особенно лѣтомъ, на вакаціи, надо чтобы онъ купался, ѣлъ ягоды, бѣгалъ, и ни одной книжки въ руки не бралъ.

*

Карлсруэ, Hôtel Prinz Max. Середа, 24-го (12-го) Февр. 69.

И такъ вы вернулись въ деревню, любезнѣйшій мой Иванъ Петровичъ, и чай, сидите теперь окруженные со всеѣхъ сторонъ зажорами, разлившимися рѣками, „взыгравшими оврагами“ и т. д. Но по край-

ней мѣръ желѣзная дорога существуетъ, и Петю вы оставили здоровымъ въ Москвѣ: ужъ это большой камень съ сердца долой. У насъ здѣсь совсѣмъ зимы не было, и вѣроятно такъ и не будетъ; я на дняхъ ѣздилъ въ Баденъ: на всѣхъ деревьяхъ почки распустились, на иныхъ уже зеленые листья и не въ копейку, а въ рубль серебромъ, въ тотъ рубль, который теперь сталъ невидимкой у насъ въ Россіи, развѣ вотъ въ Моршанскѣ, у скопцовъ, онъ отыщется. Съ 1-го Февр. по здѣшнему стилю прекратились мои охотническія походы; я въ тотъ день для завершения „блезира“ убилъ 13 зайцевъ и 2-хъ куропатокъ. Повѣсивъ ружье на гвоздь, я принялся работать (надо было вернуть потерянное время, Салаевъ уже начиналъ приходить въ отчаяніе); третьяго дня отправилъ къ Анненкову большой отрывокъ изъ своихъ Воспоминаній (о Бѣлинскомъ; онъ появится въ Мартовской книжкѣ Вѣстника Европы), а теперь засѣлъ надъ вторымъ, предметомъ котораго будутъ Аксаковъ и Славянофилы. Повѣсть моя уже напечатана въ 1-мъ №-ѣ Русскаго Вѣстника. Очень она уже вышла мрачная; посмотримъ что скажете вы, и что скажетъ строгій Фетъ. Уже давно онъ ничѣмъ моимъ не доволенъ; смилуется ли теперь? Очень радуюсь извѣстію о скоромъ выходѣ 5-го тома „Войны и Мира“; при всѣхъ своихъ слабостяхъ и чудачествахъ, при всемъ даже своемъ враньѣ, Толстой настоящій гигантъ между остальной литературной братьей и производитъ на меня впечатлѣніе слона въ звѣринцѣ: нескладно, даже нелѣпо, но огромно, и какъ умно! Дай Богъ написать ему еще двадцать томовъ! Прощаніе Лонгинова менѣе меня радуетъ: онъ и хорошій мой пріятель и добрый малый, а направленіе его скверное, вредное; развѣ однимъ можно утѣшиться: хоть и губернаторъ онъ, а безсиленъ.

Ваши замѣчанія на счетъ Кишинскаго вѣрны; и я бы очень вамъ былъ благодаренъ, еслибъ вы при свиданіи съ нимъ намекнули ему о „вредѣ рвенія“ какъ выражался Талейранъ. Но перенести хозяйство изъ Спасскаго въ Петровское было необходимо во 1-хъ по расположенію земли (Спасское приходится на самомъ краю), а во вторыхъ потому что въ Спасскомъ уже все развалилось. Почтенный мой дядюшка ни одного новаго сруба не поставилъ. Да вотъ весной мы, Богъ дастъ, обо всемъ этомъ потолкуемъ фундаментально. Кстати, не забудьте извѣстить меня: ходитъ ли желѣзная дорога теперь прямо изъ Динабурга черезъ Витебскъ, Смоленскъ, Рославль въ Орелъ или еще какой-нибудь клочекъ не оконченъ? Я бы, въ случаѣ ея полнаго открытія прикатилъ бы къ вамъ прямо, минуя Петербургъ и Москву.

Я здѣсь пробуду до Апрѣля, а 8-го числа Апрѣля буду вѣроятно (на дорогѣ въ Россію) въ Веймарѣ: тамошній великій герцогъ хочетъ

ставить на театрѣ мою оперетку: „Послѣдній Колдунъ“, къ которой г-жа Віардо написала такую прелестную музыку.

Пегазь благодаритъ васъ за ласковое слово; онъ—увы! совершенно окривѣлъ, но все еще превосходнѣйшій изъ превосходнѣйшихъ псовъ!

*

Карлсруэ, Hôtel Prinz Max. Середа, 24-го (12-го) Марта 69.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, наканунѣ моего отъѣзда въ Парижъ (на недѣлю, по дѣламъ) пишу вамъ отвѣтъ на ваши два письма (одно изъ нихъ получено сегодня утромъ). Больше всего и прежде всего меня радуетъ то, что вы мнѣ говорите о Петѣ и о Лицеѣ: и птичка хороша, и клѣтка отличная, такъ что ваше отеческое сердце должно радоваться, и возвращеніе на берега Зуши не такъ тяжело. Еще нѣсколько недѣль—а тамъ наступятъ ваканціи.... Но передъ ваканціями я буду имѣть, удовольствіе васъ видѣть. Постараюсь теперь же какъ можно точнѣе опредѣлить день моего прибытія въ Спасское. Отсюда я выѣзжаю и непремѣнно и безотлагательно 22-го (10-го) Мая, на другой день послѣ дня рожденія второй дочери г-жи Віардо, Клавдіи, которой исполнится 17 лѣтъ и которую я такъ же глубоко люблю какъ вы любите вашего Петю, хотя она мнѣ и не дочь. (Кстати, видѣли ли вы ея фотографію, которую я послалъ Фетѣ? Если нѣтъ, я вамъ могу прислать такую же. Эта дѣвушка, совершенная прелесть, и способности къ рисованію и живописи изумительныя!) Въ Петербургѣ я остановлюсь на два дня, чтобы съ старикомъ Анненковымъ стариной потряхнуть, въ Москвѣ придется пожить съ недѣлю, такъ что къ 25-му Мая (самый послѣдній срокъ), я непремѣнно, если только что-нибудь со мной не случится, въ Спасскомъ и въ Новоселкахъ. На это вы можете рассчитывать *вѣрно*, на сколько существуетъ въ человѣческихъ дѣлахъ вѣрность. Мнѣ и говорить нечего, какъ я радъ буду васъ видѣть: это вы сами хорошó знаете.

V-го тома „Войны и Мира“ я еще не получалъ; но, судя по походящимъ отзывамъ, нашъ геніальный чудакъ совсѣмъ закусилъ удила. Можно ли, изъ вражды къ философіи и фразамъ, втемяшиться въ такую философію и фразу! То, что всякому мужику понятно какъ польза хлѣба, а именно польза человѣческаго ума, разсудка, то-то и нужно искоренить!! То-то и есть чепуха! И нужно же, чтобы эдакая ерунда залѣзла въ голову *самаю даровитаю* писателя во всей современной Европейской литературѣ! Но я заранѣе умилился передъ тѣми прелестями, которыми непремѣнно изобилуетъ этотъ V-й томъ.

Какъ это Фетъ до сихъ поръ не опровергъ печатно взводимой на него клеветы! Этого нельзя такъ оставлять.

Салаевъ былъ давно извѣщенъ мною, что одинъ экземпляръ новаго изданія назначенъ вамъ; но я напишу ему, чтобы онъ вамъ выслалъ теперь же вышедшіе томы, не дожидаясь остальныхъ. И онъ, такъ же какъ вы, доволенъ портретомъ.

Кстати вотъ вамъ портретъ моего Пегаса. Только онъ видъ являетъ печальный и неловкій, такъ какъ его взгромоздили на маленькій и въ добавокъ шаткій столъ. Къ тому же и желтыя брови и щеки не вышли (въ фотографіи желтое является чернымъ), но неправда ли, что за умная голова?

Глухота Кишинскаго меня беспокоитъ. Хотя меня увѣрили здѣсь опытные доктора, что глухота внезапная послѣ простуды *всегда* проходитъ, ну а какъ она останется? Какъ онъ будетъ управлять и распоряжаться?

Я отъ Боткина получилъ (разумѣется, продиктованное) письмо; очень онъ плохъ, и можетъ въ этомъ состояніи пробыть долгіе годы. Я знаю въ Баденѣ одну даму, у которой точно такая же болѣзнь: она *двадцатый* годъ лежитъ, какъ пласть, въ постели. Избави Боже всякаго!

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

Понедѣльникъ, 26-го 14-го Апр. 69.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, вотъ я и вернулся въ свое гнѣздышко, послѣ тѣхъ *скидокъ*, о которыхъ вы говорите въ своемъ послѣднемъ письмѣ и, упорно работая, чтобы предстать съ спокойнымъ духомъ передъ свѣтлыя очи Салаева, готовлюсь черезъ мѣсяць шмыгнуть въ Московію, а тамъ на берега Зуши и на террасу знакомаго дома, гдѣ буду сидѣть съ любезнымъ сердцу моему хозяиномъ.

Въ Веймарѣ все сошло благополучно; успѣхъ былъ несомнѣнный. Что музыка г-жи Віардо прелестна, въ этомъ я и прежде не сомнѣвался; но я могъ бояться, какъ бы мое либретто не показалось слишкомъ дѣтскимъ, наивнымъ; однако ничего. Публика очевидно забавлялась и интересовалась. Впрочемъ я это все подробно рассказалъ въ письмѣ къ П. В. Анненкову, которое будетъ напечатано въ С. П.-бургскихъ Вѣдомостяхъ и къ которому я васъ отсылаю.

Прилагаю вамъ фотографію милой моей дѣвочки.... Впрочемъ ей уже скоро минетъ 17 лѣтъ! (Кстати, ее зовутъ Клавдію, а не Маріанной, какъ полагаетъ Фетъ; Маріанна—имя другой сестры). Когда Петя подростетъ и не утратитъ своей охоты къ живописи, то, разумѣется, его надо будетъ сюда прислать въ Европу; пожалуй, и батюшка

его за нимъ поскачеть. Но пока пусть онъ растетъ, здоровѣеть, учится, а вы не мучьтесь и не тревожьтесь понапрасну, а напротивъ радуйтесь тому, что онъ въ хорошихъ рукахъ и на хорошей дорогѣ.

То что вы говорите объ „Обрывѣ“ совершенно справедливо. Вотъ наконецъ вышла и 4-ая часть съ страстными и патетическими сценами.... Но что за безжалостная болтовня, что за неистощимыя и плоскія разсужденія, размышленія... Какъ можно такъ старательно самому все портить? И что за фигура этотъ соблазнитель, Маркъ Волоховъ? Почему этотъ свинопасъ (другаго слова придумать нельзя), увлекаетъ Вѣру? Гдѣ сила, красота, умъ наконецъ? Только и виденъ авторъ, вертящійся въ потѣ лица.... Но многимъ эта работа понравится.

Мнѣ обѣщались выслать 5-й томъ „Войны и Мира“, и до сихъ поръ ничего. Мнѣ это очень досадно. Толстой и бѣситъ, и тѣшитъ; настоящій человѣкъ, хоть и сумазбродъ.

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

Суббота, 24-го Мая (5-го Іюня) 69.

Милый Иванъ Петровичъ, я никакъ не ожидалъ, что объ эту пору я буду еще здѣсь, а теперь вышло такое обстоятельство, что я даже не знаю, буду ли я въ состояннн сѣздить въ Россію. А именно: дней пять тому назадъ, я лежа въ постели и читая книжку, почувствовалъ внезапный толчокъ, въ слѣдствіе котораго у меня лѣвая рука минутъ на пять совершенно отнялась; и хотя послѣ усиленнаго разтиранія правой рукою она пришла въ чувство, но сердце заняло и боль въ немъ не прекращается до сихъ поръ. Я рѣшилъ призвать доктора, который, осмотрѣвъ меня тщательно, объявилъ мнѣ, что у меня сердце не въ порядкѣ, какая-то въ немъ появилась подагрическая припухлость и результатомъ этого невеселаго открытія то, что я долженъ натирать грудь іодомъ, принимать внутрь digitalis, не ѣсть мяса, не пить вина, не знаться съ прекраснымъ поломъ, ходить очень мало и никакихъ сильныхъ ощущеній себѣ не позволять. Когда же я заикнулся о путешествіи, то докторъ мнѣ объявилъ, что раньше 6 недѣль объ этомъ и думать нечего. Я, признаюсь, повѣсилъ носъ; въ Россію мнѣ очень хотѣлось, да и нужно тамъ мнѣ быть; а болѣзнь въ сердцѣ, неприятный сюрпризъ въ 50 лѣтъ. Вотъ какъ лопаются наши мыльные пузыри?

Читаю теперь пятую часть Войны и Мира и попеременно то сержусь, то восхищаюсь. Отсутствие свободнаго возрѣнія, настоящей художнической свободы производить тягостное впечатлѣніе въ такомъ

великомъ талантѣ. Гончарова я едва осилилъ; нѣтъ, что ни говори тамъ г-да Сухотины и Свербеевы, это пустяки и даже хуже пустяковъ. Мелкія, тонко выработанныя подробности не выкупаютъ лжи и фальши и скуки цѣлаго.

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

Среда, 30-го (18-го Іюня) 69.

Вчера я ѣздилъ въ Гейдельбергъ, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, къ извѣстному тамошнему врачу Фридрейху, и привезъ оттуда извѣстія неутѣшительныя. Онъ подтвердилъ мнѣніе здѣшняго врача: у меня болѣзнь сердца, и я долженъ избѣгать всякой усталости, а потому *навсегда* разстаться съ охотой! Можете себѣ представить, какъ на меня подѣйствовали эти слова.... Я только это и любилъ. Въ противномъ случаѣ Фридрейхъ грозитъ мнѣ участію Панаева, т. е. внезапнымъ переселеніемъ *туда*. У Панаева болѣзнь сердца открылась такъ же неожиданно и поздно. Остается—беречь себя; дѣло полезное, но невеселое. Вотъ чѣмъ разрѣшился мой жизненный кадрильчикъ. Впрочемъ, могло бы быть хуже: я могъ бы ослѣпнуть. Ну будемъ беречь себя и не будемъ говорить объ этомъ.

Отъ поѣздки въ Россію я принужденъ окончательно отказаться, и это тоже для меня горе немалое. Повидаться, побесѣдовать съ вами—это для меня лакомство. Я чувствую, что вы меня любите, и хотя у меня есть въ Россіи и другіе добрые пріятели, но все съ отгѣнкомъ эгоизма, котораго у васъ и слѣда нѣтъ. Даже Анненковъ не утерпѣлъ и съ одной стороны побранилъ меня за мою болѣзнь, а съ другой показалъ видъ, что не совѣмъ ей вѣритъ. Какъ будто такого рода сочинительства кому-нибудь могутъ доставить удовольствіе! Вы мнѣ пишете, чтобы я не унывалъ, и я стараюсь бодриться, но чувствую, что меня охватила туманъ, какъ у насъ, лѣтомъ, тотчасъ по захожденіи солнца, на днѣ овраговъ; помните—ложится молочно-бѣловатый стюдень, и какъ хочется поскорѣй изъ него выскочить! А тутъ и другаго берега не видно.

Какіе во мнѣ литературные замыслы бродили (правда, они сильны не были) и тѣ замерли. Съ „Литературными Воспоминаніями“ все еще не справился. Читали ли вы мой отрывокъ о Бѣлинскомъ въ Вѣстникѣ Европы, и понравился ли онъ вамъ? Очень я былъ остороженъ, а все таки меня уже ругали за него.

Я радуюсь за Фета, что онъ не забракованъ своими соуздниками. Поклонитесь ему и сообщите мое сожалѣніе о томъ, что не удастся мнѣ его увидѣть и поспорить съ нимъ. Теперь, кто желаетъ меня

видѣть, милости просимъ въ мой Баденскій домъ, и не надо слишкомъ мѣшкать: а то, пожалуй, въ Баденъ-то я буду, но уже на горѣ Меркурія, гдѣ покоятся отъ житейскихъ тревоженій.

Послѣднюю часть „Обрыва“ все еще не могъ осилить, а „Войну и Миръ“ перечитываю съ тою же смѣсью противоположныхъ чувствъ. Чтѣ хорошо въ этомъ романѣ, то удивительно; а чтѣ плохо или слабо или съ претензіей, все таки не скучно и даже въ извѣстномъ смыслѣ интересно, какъ уродничаніе геніальнаго человѣка.

Будьте такъ любезны и имѣйте одно ваше око изрѣдка направленнымъ на Спасское и на Кишинскаго. Я до сихъ поръ не могу на него жаловаться, но все же не худо имѣть нѣкоторый контроль.

Петю поцѣлуйте за меня и скажите ему, что школьныя тревоженія (даже поколачиванья) развиваютъ геройскій духъ и самостоятельность. Зри Англичанъ.

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

Среда 11-го Августа (30-го Іюля).

Не знаю, писалъ ли я вамъ, что я недѣли три тому назадъ снова подвергся подагрическому припадку: на бѣднаго Макара всѣ шишки валяются! И на этотъ разъ онъ былъ ужасно силенъ... Первую ночь я право думалъ, что съ ума сойду. Докторъ утѣшилъ меня увѣреніемъ, что чѣмъ сильнѣе припадокъ, тѣмъ кратковременнѣе, и дѣйствительно— вотъ уже третій день какъ я опять надѣлъ сапогъ, а прежде раньше двухъ мѣсяцевъ я этого сдѣлать не могъ. Но объ охотѣ все еще и помину нѣту. Пока жары не спадутъ, всякое сильное движеніе можетъ, по увѣренію докторовъ, повредить моему сердцу.

Очень смѣялся я описанію вашего юмористическаго путешествія къ графу А. Толстому. Повѣрьте, душа моя, охота въ Россіи стала миеомъ: отъ одного берега мы отстали, къ другому не пристали; цивилизованной охоты у насъ еще нѣтъ, а натуральная уже исчезла. Вотъ если Феть или вы когда нибудь пожалуете ко мнѣ въ Баденъ на охоту, то я вамъ не гадательно, а навѣрное могу сказать, сколько дичи вы убьете: куропатовъ отъ 8 до 15; зайцевъ—10 или 12; фазановъ—1 или 2; *можетъ* быть! дикую козу, перепелки двѣ или три и одного бекаса. Тоже можетъ быть, какъ видите, не блестяще, но вѣрно и удобно. По колдобинамъ и рытвинамъ „кувыркаться“, какъ говоритъ Феть, не придется.

Неужели, не шутя, графъ А. Толстой сидитъ надъ Борисомъ Годуновымъ! Изумительная настойчивость этого добрѣйшаго, но скучнѣйшаго писателя, достойная лучшей участи!

На дняхъ сюда пріѣхалъ Н. А. Милютинъ съ женой; онъ все такая же развалина, хотъ и поправился немного. А она во Франкфуртѣ недавно видѣла Боткина, Василья Петровича. Страшное, говорить, зрѣлице! Все тѣло умерло и не двигается; живая одна голова, высохшая, желтая, плѣшивая, и эта голова мертвеннымъ голосомъ говоритъ о ѣдѣ, объ одной ѣдѣ. Онъ до зимы не доживетъ. Оставилъ ли еще что-нибудь Фету въ завѣщаніи?

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

Воскресеніе, 5-го Сентября (24-го Августа) 69.

Что касается моего здоровья, то оно ничего, поправляется: я даже могъ сходить, конечно съ крайней осторожностью, два раза на охоту и довольно удачно.

Я на дняхъ ѣздилъ въ Мюнхенъ, чтобы посмотрѣть первое представленіе оперы Вагнера, „Золото Рейна“, да кстати и кое-что другое. Мюнхенъ—городъ интересный. Король Баварскій, какъ вамъ можетъ быть извѣстно, закадычный, даже *странный* другъ Вагнера, и музыка его—государственное дѣло въ Баваріи; но въ слѣдствіе различныхъ, самыхъ забавныхъ и спутанныхъ интригъ, изъ которыхъ Аристофанъ могъ бы извлечь любопытнѣйшую нравственно-сатирическо-политическую комедію, опера не была дана, а произошла только главная репетиція, на которой я присутствовалъ. Музыка и текстъ равно невыносимы, но вы знаете, между Нѣмцами есть такіе люди, для которыхъ Вагнеръ чуть не Христосъ. Я очень забавлялся всей этой путанницей. Когданибудь расскажу, быть можетъ даже печатно.

Работать ничего не могу и даже „Воспоминаній“ своихъ—чортъ бы ихъ побралъ! не окончилъ. Литературный мой винтъ размололся.

*

Баденъ-Баденъ. Thiergartenstrasse, 3.

Четвергъ, 7-го Октября (25-го Сентября) 69.

Вчера ходилъ за куропатками и зайцами, убилъ—первыхъ 8, а вторыхъ 4, а долженъ былъ бы убить гораздо больше, ибо выпустилъ 24 заряда. Отрывки изъ Воспоминаній кончилъ наконецъ!! и отправилъ къ Салаеву; но, какъ вы совершенно вѣрно предусмотрѣли, отрывокъ о „Славянофилахъ“, остался недоконченнымъ въ портфелѣ. Но въ теченіи зимы я непременно обработаю его и помѣщу въ Вѣстникъ Европы, такъ какъ я убѣжденъ что этотъ отрывокъ лучше всѣхъ другихъ, и въ немъ я говорю нѣсколько, по моему понятію, полезныхъ вещей.

Написалъ маленькій разсказъ, который—вы удивитесь!—появится (или уже появился) въ Нѣмецкомъ переводѣ въ одной Нѣмецкой revue; оригиналь будетъ напечатанъ въ 1-мъ № Вѣстника Европы. Шуточка очень небольшая и зовется: „Странная исторія“. Надо вамъ сказать, что я въ глазахъ Нѣмцевъ—у, какой писатель! и столько же меня хвалятъ здѣсь, сколько ругаютъ въ Россіи. Но я пережилъ ту эпоху, когда это могло меня радовать или печалить.

*

Бадень-Бадень, Thiergartenstrasse, 3.

Четвергъ, 25-го (13-го Ноября) 69.

И я кричу: ура! милѣйшій Иванъ Петровичъ. Могу сказать, что сердце у меня изныло по васъ. Я зналъ, чего слѣдовало ожидать въ случаѣ печальнаго исхода. Но теперь (вамъ извѣстно) послѣ подобной передраги въ молодости, ребенокъ дѣлается колоссомъ и застрахованъ лѣтъ на двадцать! А потому ничего не должно мѣшать вамъ хорошенько отдохнуть отъ всѣхъ этихъ жестокихъ тревогъ, которыя вы дѣйствительно никогда не забудете, но которыя въ воспоминаніи получаютъ даже нѣкоторую сладость, присущую всякой миновавшей опасности. Хлопочите по хозяйству, это тоже своего рода отдыхъ, хотя иногда при немъ спина трещитъ. вмѣстѣ съ грачами и жаворонками и я, гораздо болѣе похожій на грача, чѣмъ на жаворонка, явлюсь къ вамъ. То-то наговоримся тогда!

Вдова Плетнева написала мнѣ весьма раздраженное письмо, и Анненковъ уже извѣстилъ меня о предстоящей статьѣ Грота. Вотъ подите вы! Невольно приходитъ мнѣ на память мой собственный Егоръ Капитонычъ въ повѣсти: „Затишье“: „кажется, далеко, нѣжно сказалъ, а и тутъ не потрафилъ!“ Кто бы могъ подумать, что Плетнева я представилъ въ оскорбительномъ для его памяти видѣ!! Ничего тутъ не подѣлаешь.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю 6-го тома „Войны и Мира“, авось успѣлъ немного *разуруситься*, и вмѣсто мутнаго философствованія дасть намъ поить чистой ключевой воды своего великаго таланта.

То что вы мнѣ говорите о Катковѣ и Леонтьевѣ бросаетъ новый и весьма выгодный свѣтъ на ихъ личности, особенно отъ Леонтьева я не ожидалъ такого сердоболія и такой мягкости. Тѣмъ лучше!

Однако Салаевъ не торопится (въ свою очередь я таки порядкомъ его помучилъ) окончаніемъ моихъ сочиненій, т. е. перваго тома. Въ „Воспоминаніяхъ“ для васъ будетъ мало новаго; но вы, можетъ быть, съ нѣкоторымъ интересомъ прочтете отрывокъ озаглавленный: „По

поводу Отцевъ и Дѣтей“; я въ немъ высказался съ большою можетъ быть искренностью.

Третьяго дня была генеральная охота (облава) въ нанимаемомъ мною участкѣ. Насъ было 8 человекъ; убито было 6 дикихъ козъ, 67 зайцевъ, 2 вальдшнепа, 1 фазанъ, (по здѣшнему, цыфры весьма скромныя). Собственно я убилъ 2 козъ, 8 зайцевъ и 1 фазана.

Вотъ моя программа. Я до Марта мѣсяца остаюсь здѣсь (въ началѣ Декабря съѣзжу въ Парижъ на недѣлю), а въ Мартѣ отправляюсь черезъ Петербургъ и Москву въ Спасское, куда прибуду въ концѣ Апрѣля, къ эпохѣ соловьевъ. Авось на этотъ разъ моя программа исполнится.

P. S. А что вы скажете о чисто-республиканскихъ выборахъ города Парижа? Кажется, время паденія имперіи приближается.

*

Баденъ-Баденъ. Thiergartenstrasse, 3.

Пятница, 17-го (5-го Декабря) 69.

Вы уже теперь должно быть давно имѣете въ рукахъ мой 1-й томъ (я вчера его здѣсь получилъ отъ Салаева). Попалось нѣсколько опечатокъ, изъ коихъ вотъ главные три: на первой же страницѣ два раза вмѣсто 1843-го г. поставленъ 1849-й годъ, какъ начальный годъ моей литературной карьеры, что не имѣетъ смысла, такъ какъ въ самомъ изданіи много повѣстей помѣчены годомъ предшествовавшимъ 49-му, да и все предисловіе написано какъ бы по поводу 25-ти лѣтняго моего юбилея (1843—1868). Потомъ на стр. XXXII-й, стр. 5-ая сверху вмѣсто: „младенца“—стоитъ: младенецъ. А на стр. XCIV-й стр. 9-ая, сверху—во фразѣ: „Я раздѣляю почти *всѣ* его убѣжденія“ пропущено слово *всѣ*, что искажаетъ совершенно смыслъ. Впрочемъ, какъ вы сами увидите, „Воспоминанія“ эти очень безобидны и даже безцвѣтны; статью объ Аксаковыхъ и Славянофилахъ я даже не помѣстилъ вовсе; она появится въ одномъ изъ №-въ Вѣстника Европы за будущій годъ.

Ахъ, душа моя, не понравилась мнѣ идиллія Фета, и я такъ-таки написалъ объ ней нашему другу, который уже отвѣчалъ мнѣ и сколь я могъ замѣтить—огорчился. Дѣло въ томъ, что подобный почти смѣшной сюжетъ (бритая барышня, которую нащупываютъ въ потьмахъ) могъ только выкупиться ослѣпительнымъ блескомъ или граціей изложенія: а этого-то я и не нашолъ: все прилично и вяло. Я, быть можетъ, ошибаюсь, но таково мое впечатлѣніе. А работу я ему уже до вашего письма задалъ: пусть онъ соберетъ свои судейскія воспоминанія и сдѣлаетъ изъ нихъ книжку: по двумъ-тремъ сообщеннымъ имъ

мнѣ анекдотамъ я вижу, что это можетъ выдти прелестно и преподательно въ родѣ—помните—его хозяйственныхъ писемъ. Только чтобы философствовалъ онъ поменьше! Ибо, хотя онъ на философію и нападаетъ, а самъ до мозгу костей ею проникнуть и заражонъ.

*

Баденъ-Баденъ. Thiergartenstrasse, 3.

Вторникъ, 4-го Янв. 1870. (24-го Дек. 1869).

Я на дняхъ ѣздилъ въ Веймаръ, куда мы переѣзжаемъ вмѣстѣ съ семействомъ Біардо съ 1-го Февр. нов. ст. на 2 мѣсяца съ половиною. (Тамъ отличная рисовальная школа, что очень нужно для старшей дочери). Въ половинѣ Апрѣля они возвращаются сюда, а я въ Россію, и либо въ Москвѣ, либо въ окрестностяхъ Мценска увидимся непременно. То-то будетъ хорошо!

Оказывается, что моя статейка объ „Отцахъ и Дѣтяхъ“ никого не удовлетворила. Подумаешь, я отказываюсь отъ своей славы, какъ Ростопчинъ отъ сожженія Москвы. Анненковъ даже сильно меня распекаетъ. А между тѣмъ каждое слово въ ней—самая святая правда, по крайней мѣрѣ, на мое сужденіе. Оказывается, что авторъ самъ не всегда знаетъ, что творитъ; чувства мои къ Базарову—личные мои чувства—были смутнаго свойства (любилъ ли я его, ненавидѣлъ ли, Господь вѣдаетъ!), а между тѣмъ образъ вышелъ до того опредѣленный, что немедленно вступилъ въ жизнь и пошолъ дѣйствовать особнякомъ на свой салтыкъ. Въ концѣ концовъ что за дѣло, что авторъ самъ думаетъ о своемъ произведеніи? То само по себѣ, а онъ самъ по себѣ; но повторяю—статья моя искренна, какъ исповѣдь.

Краевскій дѣйствительно въ Голосѣ подпустилъ мнѣ прескверный камуфлетъ. Никакъ я не ожидалъ подобной неделикатности, да и издатель Нѣмецкой revue, въ которой появился мой рассказецъ, увѣрялъ меня, что мои *соотечественники* изъ уваженія ко мнѣ такъ не поступятъ. Вотъ-те и уваженіе! Мнѣ ужасно досадно, что именно вы прочли эту вещь въ такомъ уродливомъ переводѣ. Будьте другъ, перечтите ее въ Вѣстникѣ Европы (въ 1-мъ №-ѣ), гдѣ она появится; притомъ же я тамъ, послѣ Нѣмецкаго изданія, кое-что прибавилъ и именно въ смыслѣ указанія на религиозное настроеніе Софи, которое вы, съ свойственной вамъ ясностью и вѣрностью пониманія, тотчасъ учуяли, какъ слабый пунктъ разсказа. Онъ весь составился у меня изъ двухъ анекдотовъ, изъ которыхъ одинъ я слышалъ, а другой самъ пережилъ; вещь весьма маленькая, но все таки Краевскій.... сынъ. Это онъ мнѣ мститъ за „Воспоминанія о Бѣлинскомъ“,

Шестой томъ „Войны и Мира“ я еще не получалъ; но въ фельетонѣ С. П. бурскихъ Вѣдомостей читалъ отрывки, отъ которыхъ повѣсилъ носъ.

*

Веймаръ. Hôtel de Russie.

Суббота, 12-го Фев. (31-го Янв.) 70.

Вотъ я и попалъ сюда наконецъ, милый мой Иванъ Петровичъ; пока идетъ жизнь жолтенъкая, такъ какъ холода стоятъ страшные, дома въ Веймарѣ выстроены чуть не изъ воздуха, и до сихъ поръ я больше 7 градусовъ въ моей комнатѣ добиться не могу, что не совсемъ удобно. А вотъ, какъ нибудь, перемелется, да и зима не можетъ стоягъ вѣчно. Теперь дѣла поправить нельзя, и о Баденскомъ тепломъ домѣ вздыхать нечего. Во всякомъ случаѣ, я безъ семейства Виардо не могъ бы тамъ остаться.

Если мы встрѣтимся съ Урусовымъ, то мы вѣроятно, какъ водится, поспоримъ и какъ водится, каждый останется при своемъ мнѣніи. Во всякомъ случаѣ, нельзя такъ легко разрѣшать вѣчный, болѣе чѣмъ трехтысячилѣтній споръ между необходимостью вещей и свободной волей, и уничтоженіе (какъ то дѣлаетъ Толстой) одной изъ спорящихъ сторонъ—не разрѣшеніе задачи; оно показываетъ только неустойчивость и незрѣлость мысли, сопряженныя съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ и самомяніемъ недоучки. Мы успѣемъ съ вами объ этомъ натолковаться.

Едва ли Фетъ пріѣдетъ и въ нынѣшнемъ году въ Баденъ. Скучно ему въ Степановкѣ и съ каждымъ годомъ будетъ скучнѣе; но онъ, хотя и полуямець, а внѣ Россіи жить не можетъ. Я не знаю человека, который бы могъ сравниться съ нимъ въ умѣніи хандрить. Вотъ кому бы слѣдовало оставаться вѣчно молодымъ!

Не знаю, писалъ ли я вамъ, что я, когда былъ въ Парижѣ, завтракалъ (послѣ 7 лѣтней разлуки) съ Герценомъ за 4 дня до его смерти, и онъ былъ веселъ и въ духѣ какъ никогда.

*

Веймаръ. Hôtel de Russie.

15-го (27-го) Марта 1870. Воскресеніе.

Письмо ваше было грустно и даже мрачно: картина современнаго нашего быта, которую вы рисовали немного представляла утѣшительнаго; и къ сожалѣнію, по всей вѣроятности, она очень близка къ правдѣ. Но такъ какъ даже носа своего не передѣлаешь (безъ помощи Венеры) и поневолѣ съ нимъ приходится жить, то *кольми паче* своей

родины не передѣлаешь и съ Россіянами приходится вѣкъ коротать. Вотъ прїѣду, посмотрю самолично.

А прїѣду я скоро, и это уже теперь не волки, волки! Николинъ день 9-го Мая, вотъ положительный и непреложный срокъ моего прїбытія въ Спасское. Останусь я тамъ до начала Іюля и уже конечно буду безпрестанно съ вами видѣться. Золотые ваши совѣты на счетъ Ышинскаго, хозяйства и т. д. я конечно къ свѣдѣнію принялъ, да я и такъ мало расположенъ къ торжественнымъ ревизіямъ и т. п. Прїятно мнѣ думать, что я увижусь съ Фетомъ; постараюсь, по старой памяти, съ нимъ поспорить, чтѣ мнѣ съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе становится, и глубже и глубже проникаюсь я истиной Тютчевскаго стиха: „Мысль изрѣченная есть ложь“.

Во всякомъ случаѣ такая мысль, къ которой собесѣдникъ не хочетъ идти благодушно на встрѣчу, не хочетъ помочь вамъ самимъ понять ее; а Феть—не изъ такихъ собесѣдниковъ: онъ изъ удилозакусныхъ.

Прочелъ я 6-й томъ „Войны и Мира“; конечно есть вещи первоклассныя; но, не говоря уже о дѣтской философіи, мнѣ непрїятно было видѣть отраженіе *системы* даже на образахъ, рисуемыхъ Толстымъ. Отчего это у него непремѣнно всѣ хорошія женщины не только самки, даже дуры? И почему онъ старается увѣрить читателя, что коли женщина умна и развита, то непремѣнно фразѣрка и лгунья? Какъ это онъ упустилъ изъ вида весь *Декабристскій* элементъ, который такую роль игралъ въ 20-хъ годахъ, и почему всѣ порядочные люди у него тоже какіе-то чурбаны съ малой толикой юродства? Боюсь я, какъ бы славянофильство, къ которому онъ, кажется, попалъ въ руки, не испортило его прекрасный и поэтическій талантъ, лишивъ его свободы воззрѣнія, какъ оно уже испортило Кохановскую и др. Художникъ, который лишается способности видѣть *бѣлое и черное*—и на право и на лѣво—тотъ уже стоитъ на краю гибели.

Здѣсь мнѣ живется порядочно. Здоровье удовлетворительно; работаю, конечно, очень мало. Было два удивительныхъ представленія Глюковского Орфея, въ которомъ г-жа Віардо была, по обыкновенію, гениальна. Ей самой, уже не пѣвшей на театрѣ нѣсколько лѣтъ, было очень прїятно помянуть прежнее; публика здѣшняя ее лелѣетъ и ласкаетъ. Веймаръ—городокъ небольшой, но въ немъ живутъ хорошіе и интересные люди.

*

Веймаръ, Hôtel de Russie. 13-го (1) Апр. 70. Середа.

Добрѣйшій Иванъ Петровичъ, вы, я увѣренъ, не сомнѣваетесь въ искренности моего сочувствія къ вашему горю. Смерть любимаго существа есть такъ же отчасти и собственная смерть, и прошедшее такъ же тяжело и горько умираетъ, какъ и настоящее. Вы похоронили тѣ дни, когда вы были счастливы, то существо, съ которымъ были счастливы—только теперь. Радуюсь за васъ, печальной, правда, радостью, что послѣднее впечатлѣнiе, произведенное на васъ чертами Н. А., было тихое и доброе. Дорога суживается и темнѣетъ передъ вами; но Петя живъ, и передъ нимъ жизнь все ширится и свѣтлѣетъ. Живите его жизнью. Я какъ-то на дняхъ сказалъ двумъ дочерямъ г-жи Віардо, что я душевно радуюсь тому, что никогда не увижу ихъ милыя, молодыя лица даже начинающими отцвѣтать. Надо обновляться молодостью тѣхъ, которыхъ любишь. А потому-то я и былъ огорченъ тономъ вашего письма изъ Москвы. Очень уже онъ былъ мраченъ и какъ-то холодно отчаянъ. Вотъ погодите, потерпите только до весны; а тамъ мы вмѣстѣ все печальное изъ души вонъ выболтаемъ. Если буду живъ, я *непретъно раньше* половины Мая въ Спасскомъ.

Я окончилъ и почти уже переписалъ большую повѣсть, которую прочту вамъ. Немалую храбрость оказываю я уже тѣмъ, что продолжаю писать, не бросилъ пера, послѣ всѣхъ безобразій, которыя на меня сыплются. Страховъ въ „Зарѣ“ прямо называетъ меня „рабомъ“ гадкой старой бабой; право, нѣтъ позорнаго слова, которое бы не было примѣнено ко мнѣ. Вотъ, не думалъ, не гадалъ и попалъ въ Булгарины. По неволѣ самого себя ощущиваешь и думаешь: за что все это? Впрочемъ это не бѣда. Я бы желалъ, чтобы вся эта ругань меня больше сердила: тогда бы она придала мнѣ энергiи.

Фетъ, дѣйствительно, сталъ какимъ-то страннымъ: пишетъ мнѣ длиннѣйшія и, говоря по совѣсти, неудобопонятныя письма; видно только, что онъ постоянно чѣмъ-то внутренно раздраженъ. Я полагаю, что онъ никакъ не можетъ помириться съ прекращеніемъ своей литературной дѣятельности. Надо будетъ постараться и его нѣсколько успокоить. Къ сожалѣнію я въ Россіи до самаго развала охоты не останусь; развѣ онъ пріѣдетъ къ намъ въ Баденъ на нашихъ оазановъ и дикихъ козъ.

Сюда пріѣхалъ Листъ, и приуготовляются различныя музыкальныя празднества.

Я очень радъ, что Салаевъ не хочетъ допустить меня до денежной потери; дѣло въ томъ, что онъ переслалъ мнѣ 3000 франковъ че-

резъ Лури, который на половину обанкротился и векселя котораго протестуются.

*

С. Петербургъ. Гостинница Клее.

Пятница, 22-го Мая 70.

Добрѣйшій Иванъ Петровичъ, вотъ наконецъ я попалъ сюда (со вчерашняго вечера). Во Вторникъ я выѣзжаю, въ Москвѣ остановлюсь всего одинъ день, много два, и въ Четвергъ или Пятницу я въ Спасскомъ. Предупрежду васъ о точномъ днѣ приѣзда письмомъ или телеграммой, а нынче хочу только сказать, что вотъ молю я, и ружье привезъ Петъ и 300 патроновъ и все какъ слѣдуетъ.

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

Среда, 24-го Авг. 70.

Мы могли бы уже теперь истребовать отъ Л. Н. Толстого выигранную вами бутылку, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ; ибо послѣдніе удары, нанесенные Пруссаками, въ сущности, кажется, уже рѣшили дѣло. Нельзя не удивляться искусству, съ которымъ они сперва удержали глупаго Базена въ Мецѣ, потомъ преградили ему дорогу въ Верденъ, наконецъ поразили его на голову и отбросили его опять въ Мецъ, гдѣ онъ долженъ умереть съ голоду или сдаться. Эти три сраженія (14-го, 16-го и 19-го Августа) стоили имъ страшныхъ жертвъ, зато результатъ великъ. Ничто не мѣшаетъ теперь арміи кронпринца дойти до Парижа, Макъ-Магонъ навѣрное покинетъ Шалонскій лагерь. Окончательнаго исхода войны пока нельзя предвидѣть, но всѣ шансы на сторонѣ Нѣмцевъ.

Я очень хорошо понимаю, почему Толстой держитъ сторону Французовъ. Французская фраза ему противна, но онъ еще болѣе ненавидитъ разсудительность, систему, науку, однимъ словомъ, Нѣмцевъ. Весь его послѣдній романъ построенъ на этой враждѣ къ уму, знанію и сознанію, и вдругъ ученые Нѣмцы бьютъ невѣжъ Французовъ!! (Кстати, неужели юридивецъ*), напечатавшій въ Московскихъ Вѣдомостяхъ какія-то нелѣпыя пророчества съ планами, тотъ же самый кн. Урусовъ, съ которымъ такъ друженъ Толстой?). Съ своей стороны я,

*) Князь Сергій Семеновичъ Урусовъ (сынъ Датчанки), человекъ высокихъ нравственныхъ качествъ, отличный математикъ и шахматный игрокъ, тѣмъ не менѣе писавшій большое историческое сочиненіе, въ которомъ доказывалъ, что Павелъ Петровичъ скончался естественною смертію. Онъ и Страховъ писали графу Л. Н. Толстому чуть не акаѳисты и патвердили ему, что безъ философской подкладки его „Война и Миръ“ не будутъ имѣть настоящей цѣны. П. Б.

„не мудрствуя лукаво“, радуюсь поражению Франціи, ибо вмѣстѣ съ нею поражается на смерть Наполеоновская имперія, существованіе которой несомнѣнно съ развитіемъ свободы въ Европѣ. Я выразилъ это мнѣніе въ письмахъ къ Анненкову, отрывки которыхъ были помѣщены въ 216 № С. П. бургскихъ Вѣдомостей (8-го Августа). Я, между прочимъ, привелъ тамъ нѣсколько отличныхъ обращиковъ Французской „фразы“.

Радуетъ меня то, что вы мнѣ пишете о Толстомъ и о Фетѣ, жаль только, что сей послѣдній все еще не хочетъ разстаться съ Музой. Е. Д. Шеншина описана вами превосходно, такъ же и ея сынокъ.

По ночамъ здѣсь ясно слышно бомбардированіе Страсбурга, который уже до половины выжженъ. Даже лежа въ постели, при закрытыхъ окнахъ, все еще ухо улавливаетъ глухія рокотанья и сотрясенья. Поневолѣ предаешься философическо-историческо-соціальнымъ размышленіямъ весьма невеселаго свойства. Желѣзный вѣкъ еще не прошелъ, и мы все еще варвары! И вѣроятно останемся таковыми до конца дней.

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

Четвергъ, 12-го (1-го) Окт. 1870.

Изъ Петербурга извѣстія невеселыя: мѣсто „начальника печати“ получилъ нѣкто генераль Шидловскій, бывшій Тверской губернаторъ, изъ молодыхъ да ранній; безъ скрипу зубовъ не произноситъ ни одного слова и призванъ для укрощенія. Редакторы трепещутъ. Фетовское безобразничанье, о которомъ вы пишете, имѣетъ то еще неприятое, что оно не наивно: въ немъ чувствуется кислое броженіе уязвленнаго и закупореннаго литературнаго самолюбія. Кишинскій такъ же хнычетъ и, кажется, никакихъ надеждъ на хорошій доходъ не подаетъ; а тутъ война затягивается на вѣки-вѣчныя, вѣроятность мира исчезаетъ, и погода, подъ ладъ всему остальному, испортилась: вѣтеръ завываетъ такъ, что зубы ноютъ. Словомъ, куда ни оглянись, веселаго мало.

Я черезъ недѣлю на нѣсколько дней отлучусь изъ Бадена: провожу до Остенде семейство Віардо, которое отправляется зимовать въ Лондонъ. Война ихъ, если не разорила окончательно, то лишила всякаго дохода въ нынѣшнемъ и будущемъ году; ей приходится пѣніемъ въ концертахъ, даваніемъ уроковъ вырабатывать себѣ деньги, а деньги находятся теперь только въ Англии. Проводивши ихъ, я вернусь сюда и проживу здѣсь еще съ мѣсяць. А тамъ и въ путь-дорогу!

„Степной Король Лиръ“ явится вѣроятно въ Ноябрьской книжкѣ Вѣстника Европы, а пока я настрочилъ другой небольшой разсказецъ

подъ заглавіемъ: „Стукъ, стукъ, стукъ“.... Тоже воспоминаніе молодости. Это разсказецъ еще неизвѣстно куда попадетъ.

Охотился я ни дурно, ни хорошо, однако вчера убилъ большаго дикаго козла.

Когда будете писать Петѣ, поцалуйте его за меня; я увѣренъ что, какъ *педагог*, Леонтьевъ и Катковъ молодцы; какъ политическіе дѣятели—это вопросъ другой. А повѣсть Фета что-то не появляется въ Русскомъ Вѣстникѣ!

*

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.

Пятница, 28-го (16-го) Окт. 70.

Черезъ недѣлю я переѣзжаю въ Лондонъ, гдѣ уже находится все семейство Віардо. Я ѣздилъ провожать ихъ до Остенде, недавно вернулся и теперь самъ на мази. Зима въ Лондонѣ—невеселое дѣло, но все же лучше совершеннаго Баденскаго одиночества. Съ начала Января я въ Петербургѣ, а въ концѣ Января въ деревнѣ.

Въ письмѣ вашемъ вы пишете, что, кажется, дѣла Нѣмцевъ пріостановились, а сегодня пришло извѣстіе о сдачѣ арміи Базеня и Меца. Первоклассная нетронутая армія, громаднѣйшіе запасы, все имъ досталось въ руки. Это почти хуже Азина. Франція *покончена*, какъ Польша; повѣрьте мнѣ—это только вопросъ времени. Точно такъ же будетъ и Парижъ взятъ. Вотъ уже недѣля, какъ здѣшнія желѣзныя дороги взяты подъ новыя несмѣтныя войска, которыя идутъ потокомъ, лавой, во Францію, на Ліонъ.... вся Германія хлынула во Францію; говорятъ, около милліона войска въ распоряженіи у Мольтке! Просто небывалое дѣло, и остаетя только воздѣть руки къ небу. А несчастная Франція все топорщится, все не хочетъ уступать.... Странно со стороны смотрѣть на эту жалкую мучительную агонію.

Дай-то Богъ, чтобы обѣщанья Кишинскаго исполнились. Я, признаюсь, какъ увидѣлъ его на праздникѣ въ Славянофильскомъ костюмѣ, такъ и ахнулъ! Непремѣнно, думаю, дуракъ.... Такъ и вышло.

Въ Русскомъ Вѣстникѣ я видѣлъ *первый романъ* съ примѣсью стиховъ, и подумалъ, чтѣ за старина? Но такъ какъ вы рекомендуете, то я прочту. Очень вѣрно вами охарактеризованы женскія литературныя издѣлья. А что же повѣсть Фета и стихи его? Неужели „и ты Брутъ Катковъ?“ Чтѣ, онъ опять выбранъ въ мировые?

У насъ третьяго дня вечеромъ такой былъ ураганъ, что никто не запомнить. Чтѣ крышъ, трубъ снесло, и сказать нельзя, громаднѣйшія

деревья скошены какъ трава, весь нашъ дебаркадеръ (лѣтняя станція) завалился. У меня архитекторъ вздумалъ подѣ предлогомъ стили во вкусѣ Людовика XIII-го вывести престрашнѣйшія трубы, одна изъ нихъ рухнула, крышу пробила, террасу уничтожила: таже бомба! Рублей въ 500 вскочить, а то и больше пожалуй. Изъ газетъ видно, что таже буря кругомъ свирѣпствовала: съ Штутгардскаго театра всю крышу начисто снесла. На другой день мы охотились въ лѣсу, такъ точно сраженіе! Деревья лежатъ другъ на другѣ какъ убитые воины. Говорятъ, такой трескъ и гамъ стоялъ въ лѣсахъ, что волосы поднимались дыбомъ у проѣзжавшихъ. Много народу поранено. Есть и убитые.

*

Баденъ-Баденъ. Schillerstrasse, 7.
25-го Январ. (7-го Февр.) 1868.

Милый Петя!

Непростительно,
Скажу больше, отвратительно,
Что такъ долго я молчалъ,
Хоть писать и общалъ.
Да что дѣлать! Лѣнь... охота...
И на умъ нейдетъ работа.
Но теперь конецъ стрѣльбѣ!
Обращаюсь я къ тебѣ.
Ну, пріятель мой Орловскій
Нынѣ гимназистъ Московскій,
Разскажи-ка мнѣ путѣмъ
Или прозой, или стихомъ,
Какъ твое проходитъ время?
По плечу-ль науки бремя?
Не скучаешь ли? Не бось,
Онѣмечился, хоть брось!
По бѣды большой въ томъ лѣту.
Много я бродилъ по свѣту,
Много слушалъ тѣхъ, другихъ
И своихъ-то и чужихъ...
А скажу: передъ Минервой
Нѣмецъ все же нуженъ первый,
И учить насъ Русаковъ
Онъ особенно здоровъ.
Съ величайшимъ прилежаньемъ
И терпѣньемъ и стараньемъ,
Ты внимай его словамъ;
Послѣ, какъ окрѣпнешь самъ,
Ты свои расправишь крылья

И помчишься безъ усилія
 Все впередъ, впередъ, впередъ...
 Всѣ тогда разинуть ротъ
 И воскликнуть: „Эта птичка
 Съ ноготкомъ, хоть невеличка!“

Вотъ, братъ Петя, какіе твой старый пріятель тебѣ даетъ совѣты; а когда наступить лѣто, быть можетъ папа тебя возьметъ на ваканціи въ деревню; и я тогда тамъ буду, потому что въ нынѣшнемъ году я намѣренъ побывать въ Россіи; то-то мы съ тобою нагуляемся, малины и земляники накушаемъ, въ рѣчкѣ накупаемся, обо всякихъ предметахъ наспоримся! Я убѣжденъ, что ты и теперь такой же спорщикъ, какимъ я тебя зналъ три года тому назадъ. Но и то сказать: три года много значуть, ты, пожалуй, съ тѣхъ поръ выросъ, остепенился, можетъ быть даже хохолокъ у тебя на головѣ завить, и ты уже мечтаешь о томъ, что ты кавалеръ хоть куда! Какъ бы то ни было, я увѣренъ, что мы встрѣтимся и разстанемся большими пріятелями. А потому заочно тебя цѣлую и говорю: до свиданія, въ деревнѣ или въ Москвѣ. Будь здоровъ и учись хорошенько и помни искренно тебя любящаго Ив. Тургенева.

*

Лондонъ. 16, Beaumont-street. Marylebone, 15-го (3-го) Іюля 1871.

Петѣ Борисову.

Спасибо тебѣ, милый Петя, за твое письмо; хотя признаюсь, я ожидалъ найти въ немъ нѣсколько словъ о моемъ другѣ, твоёмъ покойномъ, добрѣйшемъ отцѣ, незамѣнимую потерю котораго ты, кажется, не вполне оцѣниешь, а не пространное и, извини меня, совершенно нелѣпое описаніе тѣхъ Нѣмцевъ-воиновъ, которые, по твоему предположенію, теперь то и дѣло куражатся и бахвалятся. Въ томъ то и дѣло, милый Петя, что и первоклассному лицейскому ученику нельзя говорить зря: Нѣмецкіе солдаты, послѣ войны, большей частью, перестаютъ быть солдатами, потому что они не преторіянцы, а возвращаются каждый къ своему занятію. Да и въ день торжественнаго вступленія войскъ въ Берлинъ, Англійскіе, совершенно безпристрастные, скорѣй недоброжелательные корреспонденты, удивлялись ихъ скромности и тишинѣ. Бойся реторики, дружокъ мой, да краснаго слова! Оно почти всегда ложно.

Желаю тебѣ хорошенько поправиться и раздобрѣть въ Степановкѣ и надыхаться ея благодатнымъ, степнымъ воздухомъ! Къ стрѣльбѣ, я

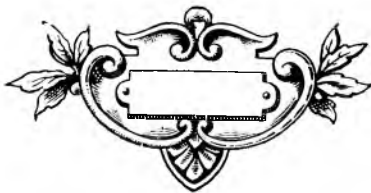
полагаю, тамъ мало предстоитъ случаевъ; но пожалуйста, будь остороженъ и безъ дяди не бери ружья въ руки. Вкладывай только тогда патронъ, когда хочешь стрѣлять, а не выстрѣливши, вынимай его тотъ часъ. За симъ тебя обнимаю крѣпко и желаю всего хорошаго.

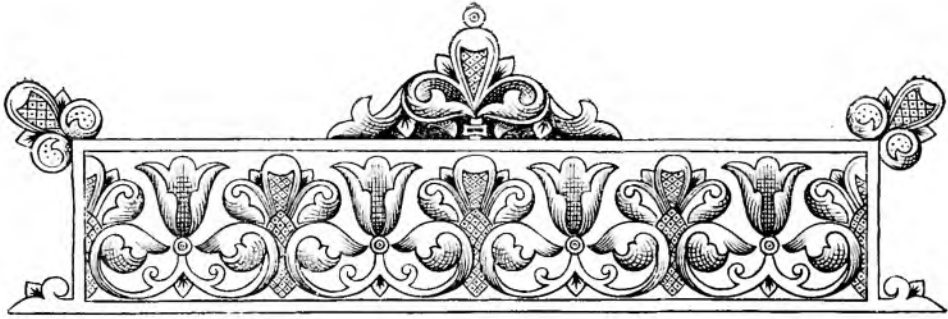
Твой старый другъ Ив. Тургеневъ.

Чтоъ сталося съ молодымъ Борисовымъ, не знаемъ; кажется, что онъ рано умеръ. Отношенія къ нему Тургенева умилительны. Вообще къ Тургеневу можно отнести Пушкинское двустишіе:

Онъ человѣкъ, владѣетъ имъ мгновенье;
Онъ рабъ молвы, сомнѣній и страстей.

Потомству есть за что простить Тургеневу его недостатки. П. Б.

Изъ писемъ М. Д. Скобелева къ К. П. фонъ-Кауфману.

1877.

I.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Константинъ Петровичъ.

Послѣ болѣе чѣмъ мѣсячнаго пребыванія въ арміи наконецъ берусь за перо, чтобы положить начало дорогому, дарованному мнѣ праву продолжать переписку съ вами, также какъ я имѣлъ счастье это дѣлать въ продолженіи почти двухъ лѣтъ.

Отъ Виталія Николаевича¹⁾ вы узнаете, какъ много грусти и незаслуженныхъ испытаній мнѣ пришлось перенести вслѣдствіе клеветы; послѣдствія ея испытываю я во всемъ и въ особенности въ той нравственной пыткѣ, непривычной моему имени (sic), которая со дня прибытія въ Петербургъ и до настоящаго дня выпадаетъ мнѣ на долю²⁾.

Холоднымъ, по возможности безпристрастнымъ, окомъ озираясь на время, пережитое въ Туркестанскомъ краѣ, съ Мая 15 по Февраль, я не чувствую себя виновнымъ ни передъ долгомъ службы, ни передъ вами представителемъ для меня Государя. Но вы, компетентный судья всего сдѣланнаго, единственный могущій произнести сознатель-

¹⁾ Троцкого, бывшаго начальникомъ Штаба Туркестанскаго военнаго округа, впоследствии Виленскаго генералъ-губернатора.

²⁾ Подробности неприятностямъ и огорченіямъ Скобелева, удручавшія его въ Петербургѣ, намъ не извѣстны; но знаемъ, что онъ пріѣхалъ изъ Туркестана въ Петербургъ, въ надеждѣ получить какое либо отвѣтственное назначеніе въ Дунайскую армію. Не получивъ такового, онъ началъ кампанію безъ опредѣленнаго положенія. Но скоро, однако, онъ такое положеніе себѣ завоевалъ. Дальнѣйшее всѣмъ извѣстно: онала продолжалась не долго; появился Бѣлый генералъ, ставшій скоро народнымъ героемъ.

ный и справедливый приговоръ, далёко, и мнѣ остается лишь, теперь, съ возможнымъ достоинствомъ, ждать торжества правды и справедливости.

Я намѣренно, многоуважаемый Константинъ Петровичъ, не покоилъ васъ своими письмами въ минуту разгара постигшаго меня несчастія: вы и такъ слишкомъ много для меня сдѣляли. Да когда война объявлена, не время жаловаться, беспокоить собою.

Мнѣ однако продолжаетъ казаться, что случившееся со мною, въ извѣстной степени, имѣетъ болѣе чѣмъ личное значеніе. Вашему высокопревосходительству извѣстно, что въ Туркестанскомъ краѣ, быть можетъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, необходимо полное довѣріе къ лицамъ, облеченнымъ властью, на различныхъ ступеняхъ служебной іерархіи. Если подобная, относительно фактовъ, совершенно безпочвенная интрига можетъ и въ будущемъ имѣть успѣхъ въ подобныхъ размѣрахъ, безъ вѣдома главнаго начальника края, то врядъ ли авторитетъ власти отъ этого выиграетъ.

Что до меня касается, то я слишкомъ награжденъ Государемъ и вами обласканы; сознавать все вами для меня сдѣланное, Константинъ Петровичъ, помнить это до послѣдней минуты жизни—послужить мнѣ лучшимъ утѣшеніемъ. Въ тяжелой необходимости болѣе не служить подъ вашимъ начальствомъ я силюсь найти и хорошую сторону: болѣе смѣло открывать передъ вами мое навсегда благодарное, любящее васъ сердце. Черезъ нѣсколько дней давно желанный бой; есть надежда (sic) быть изъ первыхъ, при переправѣ. Молю Бога не ударить лицомъ въ грязь, поддержать въ дѣлѣ и ваше доброе обо мнѣ мнѣніе, и репутацію нашихъ доблестныхъ Туркестанскихъ войскъ, въ рядахъ которыхъ я сердцемъ продолжаю себя считать.

Мы уже около 20 дней въ виду непріятели противъ Рущука. Перестрѣлка и канонада съ Турецкой стороны почти ежедневныя. Мы не отвѣчаемъ, ждемъ прибывающей осадной артиллеріи. Прибудетъ завтра 27 орудій. Третьяго дня противъ Турецкихъ батарей у д. Маротина, съ нашего поста Малорущъ, поручено было мнѣ отвѣчать на огонь изъ 4-хъ ф. орудій на дистанцію 1250°, но дѣйствіе непріятельской артиллеріи оказалось настолько превосходнымъ, что я отвелъ наши орудія назадъ, сдѣлавъ всего два пробныхъ выстрѣла. Въ этотъ день саперы 7 бат. въ часъ дня приблизительно устроили ложементы для артиллеріи подъ сильнымъ гранатнымъ огнемъ (напр. сдѣлалъ по небольшой возвышенности Малорущъ 80 выстрѣловъ изъ орудій большаго калибра) совсѣмъ молодцами; нельзя было ими не любоваться. Это васъ порадуетъ.

Сдѣсь (sic) всѣ увѣрены, что размѣры и результаты открывшейся драмы теперь опредѣлить невозможно. Государь въ Плоэштахъ; съ нимъ дипломаты; многіе толкуютъ, что по переходѣ черезъ Дунай и послѣ перваго блистательнаго успѣха заключенъ будетъ миръ:

1. Автономія Болгаріи и двухлѣтнее занятіе ея Русскими войсками.

2. Объявленіе Румыніи королевствомъ.

3. Присоединеніе къ Австріи части Босніи.

4. Возвращеніе Россіи уступленнаго въ силу Парижскаго договора.

Впрочемъ, все это однѣ сказки. Теперь главное переходъ черезъ Дунай и осада Руцукъ, который теперь настолько укрѣпленъ, что можетъ быть названъ обширнымъ укрѣпленнымъ лагеремъ (вооруженнымъ безупречно) и до своего паденія можетъ играть роль Меца въ 70 г. Это мнѣніе и необходимость паденія Руцукъ я, нѣсколько дней тому назадъ, дозволилъ себѣ высказать самому главнокомандующему.

Посылаю вамъ, многоуважаемый Константинъ Петровичъ, кроки *) Руцукъ, снятый съ Журжевской пристани. Это вамъ напомнить прошлую Коканскую кампанію.

Еще не умолчу объ одномъ васъ конечно интересующемъ: довольствіе арміи какъ провіантомъ, такъ и фуражемъ, не смотря на частыя измѣненія маршрутовъ, несчастныхъ случайностей (sic) (неожиданное скопленіе въ Леовѣ 50 т. войскъ въ теченіи нѣсколькихъ дней) вездѣ, до сихъ поръ невозможныя грязи, производится весьма успѣшно. Даже войска отъ товарищества по продовольствію арміи и вообще интенданство (въ смыслѣ снабженія эшелоновъ на походѣ изъ подвижныхъ складовъ) существенныхъ недостатковъ не ощущаютъ; напротивъ того, хлѣбъ очень хорошъ, а крупа, хотя и бываетъ смѣшанная, но къ употребленію совершенно годная. Правда, до совершенства далеко; бывають частыя несвоевременныя доставки; ячмень, хотя и въ вѣсѣ, но слишкомъ сорный, но въ особенности *страдаемъ мы сѣномъ*, которое я прямо рѣшусь назвать *опасно* негоднымъ. Въ сложности-же дѣло все-таки поставлено правильно, быть можетъ даже совершенно, относительно обстоятельствъ и, до сихъ поръ, не смотря на обстановку въ высшей степени неблагоприятную отъ грязей, распутицы и слишкомъ частой, неосновательной придирчивости войскъ (артиллеріи и кавалеріи въ особенности) ни люди, ни лошади, на сколько я знаю, не голодали.

Наши Туркестанцы подполковники Калитинъ и Рѣдкинъ, шт. кап. Поповъ и Кашталинскій прикомандированы къ штабу Болгарскихъ дру-

*) Набросокъ чертежа.

жизнь, подъ начальствомъ генераль-маіора Столѣтова. Нашего доморощеннаго Алайскаго дорогостроителя капитана Маслова удалось пристроить старшимъ адъютантомъ передоваго, нынѣ Журжевскаго, отряда, при которомъ и я, временно, исправляю должность начальника штаба. шт.-кап. Калитина Василія пришлось изъ Кишинева отправить въ Парижъ: онъ совсѣмъ плохъ грудью. Моя матушка обѣщала посоветоваться съ лучшими докторами, но врядъ-ли будетъ желанный результатъ.

Позвольте, многоуважаемый Константинъ Петровичъ, почтительно просить васъ принять отъ меня двѣ гранаты, брошенныя на моихъ глазахъ съ Турецкихъ мониторовъ въ память бомбардированія Слободзеи $\frac{14}{V}$ 1877 г. Гранаты эти будутъ обращены въ лампы съ синими абажурами, на подобіе тѣхъ, которыя были на вашемъ письменномъ столѣ въ Аугамбакѣ. Ваша испытанная ко мнѣ благосклонность и то теплое чувство, которое побуждаетъ меня просить васъ принять эту бездѣлицу, служить для меня залогомъ успѣха моей просьбы. Лампы будутъ переданы въ Петербургъ вашему сыну. Мой сердечный поклонъ Виталію Николаевичу.

Глубоко преданный и на всегда благодарный М. Скобелевъ.
Окончено 1 Юня 1877 г. въ 10^{1/2} ч. у.

Р. S. Только что вернулся домой; ночь провелъ подъ ружьемъ; въ 11 ч. вечера вчера $\frac{30}{V}$ 1877 г. наша пѣхота по Дунаю неожиданно завязала перестрѣлку съ Турецкою, на о. Маканъ, въ 700 шагахъ отъ нашей цѣпи приблизительно. Въмѣшалась артиллерія, мониторы. Кажется (sic) мы оба подозрѣвали другъ друга въ намѣреніи переправиться. Около двухъ часовъ все успокоилось. Теперь канонада возобновилась. У насъ потерь не было. Непрiятель стрѣляетъ картечными гранатами.

Вотъ послѣднія политическія новости изъ достовѣрнаго источника.

Отношенія къ Германіи и Австріи продолжаютъ быть прекрасными, и думаютъ, что Австрія не только не будетъ вмѣшать, а скорѣе содѣйствовать. Въ Англіи общественное мнѣніе настолько раздѣлено и вліяніе расположенной къ намъ оппозиціи такъ сильно, что правительство Дизраэли не рѣшается ни на какія энергическія мѣры, не смотря на свое желаніе помочь Турціи; оно заявило черезъ гр. Шувалова, что оно не допуститъ занятія Египта, измѣненія существующихъ положеній и прохода судовъ черезъ Дарданеллы, но и это сдѣлало *словесно*. Судя по тону вліятельныхъ органовъ печати, думаютъ, что безъ особенныхъ съ нашей стороны неудачъ (sic) или ошибокъ, Англія въ войну не вмѣшается.

Кн. Горчаковъ готовъ былъ согласиться на разныя уступки въ смыслѣ желанія Англіи и ограничить Балканами театръ военныхъ дѣйствій. Онъ послалъ уже въ этомъ смыслѣ инструкціи гр. Шувалову; но три дня тому назадъ, въ Пловдѣ, вопросъ этотъ былъ подробно обсужденъ, въ присутствіи Государя и Наслѣдника, и, подъ влияніемъ мяѣнній Игнатъева и кн. Черкаскаго, инструкціи были отмѣнены, и рѣшено *дѣйствовать*—отложивъ пока заботы о томъ, что скажетъ Англія. На другой день всѣ говорили объ отставкѣ Горчакова, но теперь ужъ онъ помирился съ новымъ рѣшеніемъ и сталъ воинственнымъ.

Въ Греціи ожидаютъ возстанія въ Турецкихъ областяхъ населенныхъ Греками, не позднѣе перехода нами Дуная. Положеніе Черногорцевъ очень трудное, такъ какъ Турки пользуются временемъ, чтобы раздавить ихъ.

Хотя изъ вышеизложеннаго и видно, что не пришло еще время для дѣятельнаго участія Туркестанскаго генераль-губернатора въ предстоящемъ рѣшеніи Восточнаго вопроса, но *необычайная Горійской партіи уступчивость* въ настоящую пору доказываетъ, какое первенствующее мѣсто предстоитъ занять Туркестану и какъ *настоятельна необходимостъ быть къ тому готовымъ*.

18 $\frac{2}{VI}$ 77 г.

г. Журжево.

II

Позиція на Плевно-Ювчинскомъ шоссе передъ Плевной

13 Октября 1877.

Ваше высокопревосходительство Константинъ Петровичъ.

Посылаю вамъ рапортъ мой генералу Зотову и кн. Имеретинскому о дѣлахъ подъ Плевной съ 26 по 31 Августа.

Я знаю, какъ вы интересуетесь всѣмъ касающимся нашей арміи. Въ данномъ случаѣ распорядился войсками въ столь многозначительную минуту вашъ Туркестанскій воспитанникъ, глубоко сознающій, что обязанъ вамъ исключительно, въ обширномъ смыслѣ слова, своими настоящими относительными успѣхами. Вообще въ настоящую кампанію, въ глазахъ общества значеніе Туркестана, какъ боевой школы, значительно поднялось; этому помогло и геройское поведеніе *всѣхъ* нашихъ офицеровъ, служившихъ въ Болгарскомъ ополченіи и въ прочихъ войскахъ, и чрезвычайное боевое самолюбіе нижнихъ чиновъ Туркестанскаго округа передъ непріателемъ, всѣми начальниками частей созннанное, наконецъ отчасти и несостоятельность различныхъ аранже-

ровъ мирныхъ маневренныхъ увеселеній, на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи слишкомъ рельефно выказавшаяся.

Я, слава Богу, въ интимныхъ своихъ отношеніяхъ по службѣ былъ такъ счастливъ (sic), что смогъ сохранить всѣ наши Туркестанскія привычки.

Начальникомъ штаба у меня Куропаткинъ. Ваше высокопревосходительство уже давно оцѣнили по достоинству этого героя-солдата и прекраснаго, полнаго благородства человѣка. Съ нимъ мнѣ жить легко, не смотря на рычаніе толпы завистниковъ болѣе прежняго на меня злая (sic).

Ласка Государя ко мнѣ, при всѣхъ случаяхъ, не знаетъ предѣловъ. Послѣдній разъ, за обѣдомъ, я конечно сѣлъ за столъ съ послѣдними—это вѣдь не въ дѣлѣ. Государь послалъ тотчасъ же за мной Воейкова и меня посадили противъ кн. Суворова, который сидѣлъ по правую сторону Государя.

За обѣдомъ Онъ почти исключительно говорилъ со мной и наконецъ, поднявъ бокалъ, пилъ мое здоровье.

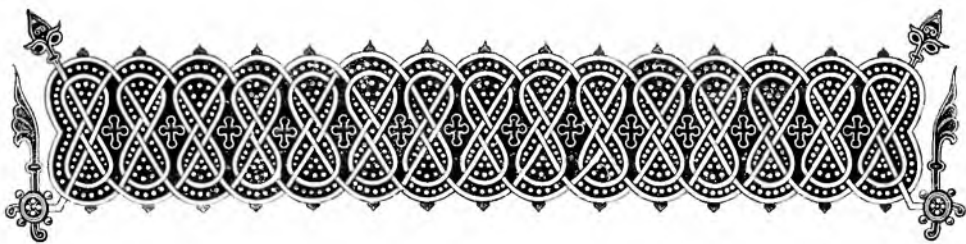
Наслѣдникъ тоже очень смягчился. При мнѣ Хомичевскій. Масловъ произведенъ въ маіоры, начальникъ Габровскаго уѣзда и очень отличился на Шибкѣ. Радецкій заявилъ, что при менѣ *опытномъ* и *распорядительномъ* уѣздномъ начальникѣ онъ, пожалуй, не удержался-бы. Черкасскій отзывался объ Масловѣ съ восторгомъ.

Кланяйтесь Виталію Николаевичу; я ему такъ много обязанъ и искренно его люблю.

Будьте здоровы, Константинъ Петровичъ. *Мы готовимся*. Васъ любящій и на всегда вамъ благодарный

М. Скобелевъ.

ФРАНЦУЗЫ-КАЛЬВИНИСТЫ ВЪ РОССІИ.

(Переведено съ Французской неизданной рукописи).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ явился ко мнѣ нѣкто и назвался преподавателемъ Французскаго языка въ одной изъ губернскихъ гимназій; онъ пріѣхалъ въ Москву съ намѣреніемъ отыскать въ ней подобное же занятіе. Слушая его, я не могъ опредѣлить его народности: онъ говорилъ правильно, избранными выраженіями, но нѣкоторые Германскіе обороты пестрили его рѣчь. Немного чопорная походка, сюртукъ, застегнутый до верху, откуда выглядывалъ стоячій воротникъ, упирающійся въ бритый подбородокъ, нѣкоторая принужденность въ движеніяхъ, строгость въ чертахъ лица, все, казалось, указывало на принадлежность къ духовному званію. Мнѣ представлялось, что я вижу Швейцарца изъ Нѣмецкой Швейцаріи, который готовится стать пасторомъ. Я не вполне ошибся. Такъ какъ онъ просилъ моей поддержки въ пріисканіи ему мѣста, то я спросилъ его: „Вы Французъ?“ — „Да, отвѣчалъ онъ, я родился въ Безье (Béziers), но провелъ нѣсколько лѣтъ за границею, въ Германіи и Швейцаріи“. Онъ сказалъ „но“, вѣроятно, чтобы объяснить и извинить Германское произношеніе въ устахъ Француза. Онъ продолжалъ: „Я изучалъ богословіе на протестантскомъ факультетѣ въ Монтобанѣ (Montauban), послѣ чего поѣхалъ въ Германію въ Боннъ защищать диссертацию по богословію, затѣмъ исполнялъ въ Швейцаріи временно обязанности пастора...“ Опасаясь показаться назойливымъ, я не спросилъ его, почему промѣнялъ онъ пасторскую жизнь на преподавательское поприще. Я обѣщалъ ему поддержку, далъ рекомендательное письмо и больше никогда не видалъ его и не слышалъ о немъ.

Это воспоминаніе, это видѣніе Француза изъ южной Франціи, тѣсно связаннаго съ Германіей и Швейцаріей, всплываетъ передо мною теперь, когда я пишу эту замѣтку о колоніяхъ, основанныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ Французскими Кальвинистами, бѣжавшими въ Россію послѣ отмены Нантскаго эдикта. Такое быстрое превращеніе Француза

въ какой-то сплавъ, гдѣ одновременно сливаются три народности, объяснило мнѣ, какъ Французскія колоніи Кальвинистовъ поглощаются окружающимъ ихъ Нѣмецкимъ элементомъ. Я говорю это не въ укоръ: я далекъ отъ осужденія; напротивъ, Французскіе эмигранты имѣли важныя причины сначала бѣжать изъ родины, потомъ сравнить образъ обхожденія съ ними въ чужихъ краяхъ съ тѣмъ, каковой испытывали у себя, сдѣлать выборъ и остановиться на немъ. Они не ошиблись: въ Германіи, въ Англіи, въ Голландіи, въ Швейцаріи, въ Голландскихъ колоніяхъ южной Африки они окончательно отряхли прахъ родной страны и въ короткое время стали патриотами принявшей ихъ страны. Почти всѣ поглотились ею. Сначала измѣнились воззрѣнія; обычаи и привычки продолжались дольше, но потомъ въ свою очередь тоже исчезли. Языкъ продолжался до нашихъ дней, но какъ онъ измѣнился, именно въ Берлинѣ и Россіи! Я, разумѣется, исключаю страны съ Французскимъ языкомъ, гдѣ родной языкъ пріобрѣтаетъ себѣ только мѣстныя нарѣчія. Когда, впослѣдствіи, создались въ разныхъ странахъ новыя Французскія колоніи, снабженныя своими консулами, черпающія отъ своей родины-матери чувствованія, мысли и матеріальныя выгоды, старыя Французскія общины Кальвинистовъ не слились съ ними; онѣ безъ возврата были потеряны для Франціи. Дѣло Людовика XIV и его совѣтчиковъ было ведено и проиграно ими безъ возможности апелляціи. Достаточно уже были доказаны слѣдствія совершенной ошибки, размѣры потерь нравственныхъ и матеріальныхъ, испытанныхъ нашей страной отъ насильственнаго ухода Гугенотовъ, чтобы нужно было еще разъ возвращаться къ нимъ; а потому я на этомъ и не буду останавливаться. Цѣль этого очерка просто показать, что случилось съ колоніями Кальвинистовъ въ Россіи. Почти ничего не написано по этому вопросу: все вниманіе историковъ было обращено на Французскихъ бѣглецовъ въ разныхъ странахъ Европы, исключая Россіи. Особенно много написано о Французской колоніи въ Пруссіи, по поводу которой г-нъ Рейеръ, въ обоснованномъ и очень любопытномъ трудѣ *) описалъ происхожденіе, развитіе, учрежденія, вліяніе на нравы, литературу, искусства и промышленность Германіи.

Тѣмъ, кто упрекнетъ меня въ недостаточной основательности, въ сухости предмета, въ пробѣлахъ и пропускахъ, я скажу въ отвѣтъ слѣдующее: чтобы отыскать слѣды Французскихъ колоній Кальвинистовъ въ Россіи, я долженъ былъ предпринимать трудные поиски, справляться

*) Reyer (Prof.). Histoire de la colonie française en Prusse, traduite de l'allemand par Philippe Corbière. Paris, 1855, 1 vol. in 12.

въ тѣмъ работъ и документовъ, войти въ сношенія съ лицами, живущими въ провинціи, дабы пріобрѣсти съ ихъ содѣйствіемъ свѣдѣнія, находящіяся въ мѣстныхъ архивахъ. Упомяну особенно о содѣйствіи, оказанномъ мнѣ землевладѣльцемъ Минской губерніи графомъ Хрептовичемъ-Бутеневымъ, который прислалъ интересное сообщеніе объ колоніи Гугенотовъ въ Минскѣ; она имѣетъ до сихъ поръ съ сотню представителей¹⁾. Въ общемъ Россія не легко выдаетъ свои секретныя дѣла, не потому, что являлось бы препятствіе со стороны властей, а потому, что разработка архивовъ, за исключеніемъ Петербургскаго и Московскаго (Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Архивъ Министерства Юстиціи) находится еще въ зачаточномъ состояніи²⁾.

Французы, бѣжавшіе въ Россію послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, имѣли уже въ XVII вѣкѣ нѣкоторое число предшественниковъ, принадлежавшихъ также къ вѣроисповѣданію „якобы Реформатскому³⁾“, какъ говорилось въ то время. Имена ихъ находятся въ спискахъ Евангелическихъ церквей въ Москвѣ: Марія Алларъ (1659 г.), Георгъ Бессонъ (или Бессуинъ), петардиръ его императорскаго величества (1626 г.); Луи Дюбо, аптекаръ (1626 г.); Антоній Бонневаль, старшина церкви (1622 г.); Филиппъ Бриотъ, аптекаръ и врачъ, прібывшій въ Москву въ 1632 г. вѣстникомъ отъ короля Англіи и оставшійся на службѣ у царя; Давидъ Бренъ, глазной врачъ (1629 г.); Роланъ-де-Карпантъе, проповѣдникъ, бывшій въ свитѣ Голландскаго посла Конрада Ван-

1) Встрѣчаются имена Безансона, Мелля и др.

2) Среди напечатанныхъ источниковъ я черпалъ преимущественно изъ слѣдующихъ трудовъ: H. Dalton. Geschichte der Reformiten Kirche in Russland. Gotha, 1865.—D-r Edward von Muralt. Chronik der vereinigten französischen und deutschen Reformirten Gemeinde in St. Petersburg. Dorpat, 1842.—R. W. Fechner. Chronik der Evangelischen Gemeinde in Moskau. Moskau, 1876 2 vol. in 8.—Bassville. Précis historique sur la vie et les exploits de François le Fort. Genève 1784, 1 vol. in 8.—Г. Писаревскій. Исторія иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII вѣкѣ. Москва, 1909, 1 т. 8-ка.—Abel Burja. Observations d'un voyageur sur la Russie, la Finlande, la Livonie, la Curlande et la Prusse. Maestricht, 1787 1 vol. in 8.—Isaac Massa de Harlem. Histoire des guerres de la Moscovie. Bruxelles 1866 2 vol. in 8.—Ch. Joret. Jean Baptiste Tavernier. Paris, Plon 1886, 1 vol. in 8.—Снѣгиревъ И. М. Происхожденіе и распространеніе Лютеранскихъ и Реформатскихъ церквей въ Москвѣ. (Православное Обозрѣніе, Сентябрь 1862 г.).—Мартыновъ. Историческое и археологическое описаніе города Москвы. 1865 2 т. 4-ка.—Дм. Цвѣтаевъ. Протестантизмъ и протестанты въ Россіи. Историческія изысканія. Москва 1890 г.—Léonce Pingaud. Les Français en Russie et les Russes en France. Paris 1886 1 vol. in 8.—Iter in Moschoviam Augustini Liberi Baronis de Mayerberg. 1661 1 vol. in 4.—A. Olearius. Relation du voyage de Moscovie, Tartarie et de Perse. Paris 1656. 1 vol. in 4.

3) „La religion prétendue réformée“.

Кленка (1676) г.); Яковъ Маро, негоціантъ (1606 г.); Дю-Мулень, негоціантъ (1622 г.); Жанъ Парке, молодой человекъ 18 лѣтъ, знавшій Русскій языкъ и прїѣхавшій въ Москву въ 1600 году съ Англійскимъ посломъ Джономъ Меррикомъ; Дю-Рулье, убившій въ 1689 году изъ пистолета въ Нѣмецкой Слободѣ старшаго офицера Шульца, за что былъ обезглавленъ на глазахъ у жителей Слободы; Петръ-дю-Даръ-де-Ремонъ (или Раймондъ), перешедшій въ Православіе и женившійся на дочери издавна поселившагося въ Россіи. (1626 г.) Англичанина Джона Барнслея (его молодая жена много потерпѣла отъ этого супружества, потому что Русское духовенство хотѣло силою обратить ее въ вѣру ея мужа; она не уступала и была въ теченіи пяти лѣтъ заключена въ Бѣлоозерскомъ монастырѣ). Яковъ Верень, инженеръ и петардиръ (1624 г.).

Къ этимъ малоизвѣстнымъ именамъ можно бы было прибавить имена Якова де-ла-Гарди, сына Понтуса барона де-ла Гарди (уроженца окрестностей Каркассона (Carcassonne), который командовалъ Шведской арміей въ Смутное время (1584—1614 г.) и Петра де-ла Вилля, сира де-Домбала, лейтенанта де-ла-Гарди; но это значило бы уклониться отъ предмета и выйти изъ рамокъ маленькаго очерка.

Эти предшественники Французской колонизаціи Протестантовъ въ Россіи принадлежали въ теченіи XVII вѣка къ различнымъ Евангелическимъ общинамъ, учрежденнымъ въ Москвѣ. Общины эти имѣли нѣсколько церквей, которыя, сообразно вѣротерпимости православнаго духовенства и властей, то уничтожались, то выстраивались вновь въ разныхъ кварталахъ, въ слободахъ, или переносились за стѣны Земляного города. Москва въ то время состояла изъ трехъ различныхъ городовъ: въ срединѣ Кремль и „Китай-городъ“ со своими стѣнами; затѣмъ „Бѣлый городъ“, окруженный тоже стѣнами изъ кирпича съ продѣланными воротами и, наконецъ, „Земляной городъ“ съ деревянными стѣнами и сторожевыми башнями, откуда открывался видъ на всѣ слободы и равнину вплоть до горизонта, поросшаго лѣсомъ. Все вмѣстѣ напоминало очертанія стараго Парижа, но рѣзко отличалось видомъ построекъ и матеріаломъ, употребленнымъ на нихъ. Лютеранскія церкви до конца XVII вѣка были деревянные, какъ большинство построекъ Москвы. Это были бѣдныя избы, сложенные изъ грубо отесанныхъ бревенъ, плохо освѣщенныя и размѣрами болѣе чѣмъ скромныя. Онѣ едва возвышались надъ сосѣдними постройками и терялись въ хаосѣ улицъ, перекрестковъ, закоулковъ и погостовъ, окружавшихъ церкви; все вмѣстѣ составляло тогдашнюю Москву. II въ то

время трудно было ихъ замѣтить, теперь же немалый трудъ отыскать ихъ слѣды въ лѣтописяхъ, переписяхъ и старыхъ поземельныхъ книгахъ Москвы XVII вѣка. Попытаемся, однако, опредѣлить ихъ мѣсто-нахожденіе, руководствуясь указаніями Снѣгирева, Мартынова Д. Цвѣтаева и другихъ.

Основаніе первой Лютеранской церкви приурочивается къ пріѣзду въ Москву въ 1559 году пастора Бракеля изъ Дерпта, забраннаго въ плѣнъ Московитами. Иванъ Грозный, питавшій большое недовѣріе къ Католикамъ (ихъ ревности къ обращенію въ ихъ вѣру онъ боялся), обнаруживалъ наоборотъ большую терпимость по отношенію къ Протестантамъ. Различія, существовавшія между православною вѣрою и вѣрою Реформатскою не казались ему настолько непримиримыми, какъ различія, приведшія къ расколу на Востокъ. Въ богословскихъ спорахъ, которые онъ велъ съ Лютеранскими пасторами, ему приходилось иногда соглашаться съ противниками по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ и принимать ихъ точку зрѣнія; разумѣется, дѣло шло о вопросахъ второстепенныхъ, ибо во всемъ, касающемся догмата, онъ былъ несговорчивъ и не допускалъ возраженій. Какъ бы ни было, онъ смотрѣлъ благо-склоннымъ взоромъ на водвореніе чужеземныхъ Протестантовъ въ Москвѣ. Болѣе того; слѣдуя осторожной политикѣ, онъ понималъ, что единственнымъ способомъ привязать къ своей службѣ людей образованныхъ и могущихъ внести искусства и знанія, столь недостававшія его землѣ, было позволеніе имѣть имъ свои церкви и свободно исповѣдывать свою вѣру.

Предполагаютъ, что первая Лютеранская церковь была построена внѣ Москвы, въ Нѣмецкой Слободѣ, расположенной на лѣвомъ берегу Яузы и заселенной первоначально Шотландцами и Ливонцами.

Думаютъ, что эта церковь была разрушена при разгромѣ и грабежѣ Слободы опричниками по приказу Ивана Грознаго въ наказаніе за распутство и дерзость Ливонцевъ. Вслѣдствіе этого Протестанты принуждены были сходитьсѣ для отправленія богослуженія въ частныхъ домахъ.

Лютеранская церковь была вновь построена при Борисѣ Годуновѣ. Она находилась на Юго-востокѣ Москвы въ разстояніи четверти версты отъ стѣнъ Земляного города. Она погибла отъ пожара, учиненнаго въ 1610 году шайками второго Самозванца. Этотъ пожаръ уничтожилъ всѣ Московскія слободы. Поляки воспользовались имъ для ограбленія

могилы герцога Иоанна, сына Датскаго короля, умершаго въ Москвѣ въ 1602 году и погребеннаго въ склепѣ церкви. Мы сказали, что она находилась на Юго-востогѣ Москвы; однако, нѣкоторые писатели помѣщаютъ ее въ Бѣломъ городѣ близъ церкви св. Николы на Столпахъ, между Мясницкой и Покровкой. Другіе думаютъ, что она стояла близъ Поганого Пруда, теперешнихъ Чистыхъ Прудовъ. Мнѣніе, наиболѣе приближающееся къ истинѣ, это мнѣніе Петреуса, который помѣщаетъ эту церковь въ сосѣдствѣ съ Яузюю. Описавъ погребеніе герцога Иоанна, онъ говоритъ слѣдующее: „Близъ города Москвы стоитъ большая деревня съ 700-ми крестьянъ и ремесленниковъ; называется она „Красное Село“. Съ четверть версты отъ этого села, на Яузѣ, находится Нѣмецкая Слобода, гдѣ живутъ иноземцы, построившіе для себя деревянную церковь“. Пасторъ Беръ былъ, кажется, первымъ служителемъ Лютеранскаго прихода (1600 г.).

Послѣ Смутнаго времени Протестанты всѣхъ національностей, бѣжавшіе изъ Москвы, снова вернулись въ нее и осѣли въ разныхъ мѣстахъ города, преимущественно по сосѣдству съ Покровкою. Перепись домовъ Москвы, бывшая въ 1621 году, перечисляетъ между Маросейкою и Златоустинскимъ переулкомъ близъ монастыря домъ Лютеранскаго прихода: дворъ Нѣмецкаго дьякона Якова Юстрова—14¹/₃ сажень въ длину, 12 въ ширину; дворъ Нѣмецкаго „попа“ Георга-Томаса (т. е. Георга, сына Томаса Окса)—30 сажень длины и 8 ширины.

Въ 1626 году приходъ этотъ былъ уничтоженъ пожаромъ. Новая деревянная церковь была воздвигнута въ „Скородомѣ“ близъ стѣнъ Бѣлаго города и внѣ Флоровскихъ воротъ (нынѣ Мясницкая площадь) на землѣ, купленной Лютеранской общиной у вдовы Иоахима Люмзена. Ея ключарями были братья Англеры, переводчики при Посольскомъ Приказѣ (тогдашнее Министерство Иностранныхъ Дѣлъ). Официальные документы 1638 года указываютъ, что она построена была въ Огородничей Слободѣ, близъ церкви Св. Харитонія въ Огородникахъ. Приходъ состоялъ изъ четырехъ домовъ, церкви (ропата) и жилища Нѣмецкаго „попа“. Одинъ изъ пасторовъ, Мюнстенбергъ, владѣлъ въ 1638 году домомъ, стоявшимъ близъ церкви Николы Чудотворца на Покровѣ (Маросейкѣ).

Часть прихожанъ отдѣлилась и построила въ Бѣломъ городѣ часовню, имѣвшюю очень краткое существованіе. Она была срыта по приказу Московскаго патріарха вслѣдствіе ссоры, происшедшей въ ея стѣнахъ между прихожанками: нѣкоторые изъ нихъ, простыя служанки

или низкаго происхожденія, будучи замужемъ за чужеземными офицерами, находившимися на службѣ у царя, не захотѣли уступать мѣста Нѣмецкимъ горожанкамъ. Срытіе совершилось въ одинъ день. Прихожане получили дозволеніе выстроить вновь часовню на Покровкѣ.

Въ тоже самое время, какъ Лютеране раздѣлились на два прихода, Кальвинисты (Голландскіе, Французскіе и Швейцарскіе), слитые до тѣхъ поръ съ Лютеранами, попытались основать особую общину. Въ 1629 году они получили отъ Русскаго правительства дозволеніе построить церковь въ Бѣломъ городѣ, недалеко отъ Покровки, близъ Поганана Пруда.

Постоянныя жалобы православныхъ священниковъ на вредъ, наносимый иностранцами священнымъ обрядамъ Русскихъ и особенно на обѣдненіе ихъ приходовъ и на уменьшеніе доходовъ отъ покупки „Нѣмцами“ домовъ по сосѣдству съ церквами, повлекли за собою въ 1643 году закрытіе всѣхъ Протестантскихъ церквей и часовенъ. Однако, по настоянію двухъ знатныхъ иноземцевъ, Марселиса и Генриха Келлермана, пользовавшихся нѣкимъ вліяніемъ при дворѣ, Лютеране получили дозволеніе построить новую церковь между Флоровскими и Покровскими воротами, внѣ вала Бѣлаго города и на значительномъ разстояніи отъ православныхъ церквей, на землѣ, принадлежавшей нѣкому Никитѣ Зюзину. Эта церковь служила нѣкоторое время двумъ Протестантскимъ исповѣданіямъ (Лютеранскому и Кальвинистскому). Она стояла, вѣроятно, на землѣ, противолежащей въ данное время Яузскому полицейскому дому, т. е. на пол-пути между Красными воротами и Землянымъ валомъ. Посвящена она была Св. Михаилу.

Кальвинисты, съ своей стороны, построили на Земляномъ валу часовню, недолго существовавшую.

Въ 1649 году новое рѣшеніе правительства запретить Протестантамъ отправленіе богослуженія въ Китай-городѣ и внутри Бѣлаго и Земляного городовъ заставило ихъ перенести церкви. Мѣсто, указанное имъ, получило названіе Ново-иноземской или Ново-Нѣмецкой слободы. Имъ дарованы обширныя владѣнія: первому Лютеранскому приходу 40 сажень длины и 19 ширины близъ Нѣмецкаго кладбища; церковь, стоявшая на владѣніи Никиты Зюзина, была перенесена туда. Второму Лютеранскому приходу—30 сажень длины и 22 ширины. Кальвинистамъ—40 на 20. Въ 1661 году новый кварталъ насчитывалъ до 200 домовъ.

Съ этого времени, не считая народнаго бунта, вызваннаго жестокимъ обращеніемъ со слугами жены полковника Лесли *) и повлекшаго за собою разграбленіе церквей, не считая бунта Стрѣльцовъ, грозившихъ перебить всѣхъ „Нѣмцевъ“, прихожане Протестантскихъ церквей Москвы жили спокойно.

Изъ вышеизложеннаго видно, какъ запутанъ вопросъ о возникновеніи Протестантскихъ церквей. Противорѣчія и ошибки Нѣмецкихъ и Русскихъ авторовъ, писавшихъ по этому вопросу, значительно затрудняютъ розысканіе мѣстонахожденій и основаній этихъ церквей. Хаотическое состояніе Московскихъ улицъ, проложенныхъ безъ порядка и симетріи вслѣдствіе многочисленныхъ пожаровъ, уничтожавшихъ городъ съ XVI по XVIII вѣкъ, усложняютъ задачу. Новѣйшіе труды Русскихъ писателей, особенно замѣчательный и добросовѣстный трудъ профессора Д. В. Цвѣтаева „Протестантизмъ и Протестанты въ Россіи“, проливаютъ свѣтъ на многія легенды и между прочимъ на ту, будто одна Протестантская церковь, въ царствованіе Бориса Годунова, была построена въ Кремлѣ близъ церкви Николая Гостунскаго и будто эта церковь была позднѣе перенесена на Моховую на мѣсто, занимаемое въ настоящее время университетомъ. Эта легенда, принятая на вѣру археологомъ Снѣгиревымъ, опровергнута Цвѣтаевымъ и Фехнеромъ, авторомъ прекрасной исторіи Евангелической общины въ Москвѣ. Не мѣшаетъ, впрочемъ, замѣтить въ оправданіе Снѣгирева и авторовъ, ссылавшихся на него, что въ то время, какъ они писали, нельзя было пользоваться архивными документами, за помощью къ которымъ обращаются теперь.

Существованіе иноземцевъ, жившихъ въ Москвѣ во второй половинѣ XVI вѣка и въ XVII вѣкѣ до Петра Великаго, тѣсно связано съ судьбою ихъ церквей. Пожары, народныя волненія, недоверіе или зависть жителей заставляли ихъ нѣсколько разъ мѣнять свое мѣстожительство, переходить изъ одного квартала въ другой, то приближаться къ центру, то скрываться въ отдаленныхъ мѣстностяхъ или переносить своихъ пенатовъ extra muros, пока возраставшій городъ не достигалъ ихъ. И такъ длилось, пока вѣротерпимость, окончательно выѣдрившись въ нравы, не обезпечила имъ постояннаго мѣстожительства. Здѣсь нелишнее возстать противъ преувеличиванія иностранныхъ путешественниковъ, преимущественно Нѣмецкихъ, которые, забывая объ ужасахъ, совершенныхъ въ ихъ собственныхъ странахъ во время народныхъ волненій,

*) По словамъ Олеарія она обращалась съ ними жестоко, заставляла работать безъ передышки и принуждала ѣсть скромное въ посты.

не унимаются въ рѣзкихъ сужденіяхъ о недостаткахъ Русскаго народа. Они отрицають въ немъ всякія достоинства, видятъ въ немъ только варваровъ, людей жестокихъ, лукавыхъ, лишенныхъ нравственнаго чувства, погрязшихъ въ пьянствѣ, воровствѣ, противостественныхъ порокахъ и т. д. Я бы не кончилъ, если бы захотѣлъ перечислить весь вредъ, нанесенный этими путешественниками Россіи. Уже то, что въ теченіи почти двухъ вѣковъ иноземцы, поселившіеся въ Москвѣ, почти не страдали ни лично, ни въ своихъ дѣлахъ, что они пережили относительно-спокойно такія тревожныя времена, какъ царствованіе Ивана Грознаго, Смутное время и бунтъ стрѣльцовъ, служить лучшимъ отвѣтомъ на обвиненія, перечисленныя выше. Если иноземцы и могли жаловаться, то только на препятствія со стороны правительства къ свободному въѣзду въ Россію, къ свободному исповѣданію Католической вѣры и къ свободной торговлѣ внутри страны. Страдали они и отъ медлительности чиновниковъ при заключеніи трактатовъ и конвенцій, отъ придирокъ Приказа и избытка бумагомаранія при совершеніи самыхъ простыхъ сдѣлокъ.

Съ царствованія Ивана Грознаго до Екатерины II иноземцы разселялись послѣдовательно въ слѣдующихъ слободахъ: въ слободкѣ на правомъ берегу Москвы-рѣки между Бабьимъ Городкомъ и мѣстомъ, называемомъ „Наливки“¹⁾; въ слободѣ, лежавшей за Яузскими воротами близъ Болвановки (нынѣ Таганская площадь) вдоль деревянныхъ стѣнъ Земляного города и, наконецъ, въ новой Нѣмецкой Слободѣ, не считая случайныхъ скучиваній вокругъ церквей въ различныхъ кварталахъ²⁾.

Постоянныя переселенія, которымъ подвергались иноземцы съ XVI по середину XVIII вѣка, отмѣчены также разными разбросанными кладбищами, пока не открылось въ 1758 году кладбище на Введенскихъ горахъ. Древнѣйшее изъ кладбищъ относится къ XVI вѣку. Оно находилось между Болвановкою на правомъ берегу Москвы-рѣки и Донскимъ монастыремъ, возлѣ коннаго рынка. Существованіе его доказывается надгробною плитою Ливонца Филиппа Белля (найденной

¹⁾ Жителями ея были Нѣмецкіе, Шведскіе и Ливонскіе плѣнники, приведенные въ Москву. Эта слобода подвергалась частымъ нападеніямъ кочевниковъ. Она очень пострадала отъ набѣга Девлетъ-Гирея въ 1575 году.

²⁾ Между прочимъ можно упомянуть объ Англійской факторіи, основанной Шанселоромъ во время его втораго пріѣзда (1555 г.). Она была помѣщена въ домѣ Юшкова на Варваркѣ близъ церкви Св. Максима и дома Никиты Романова.

Калайдовичемъ въ 1823 году), замученнаго по приказу Ивана Грознаго*). Другое кладбище, второе по времени, помѣщено въ планахъ Москвы Бориса Годунова, Мейерберга и Олеарія. Оно лежало на лѣвомъ берегу Яузы около Болвановскихъ воротъ (нынѣ Таганскіе ворота), внѣ стѣнъ Земляного города („in ligneo muro Bolvansche Vorod cui proxime adjacent sepulturae Germanorum“). Кажется я могу приблизительно установить мѣсто этого кладбища, руководствуясь указаніями одного документа, найденнаго въ архивѣ IV округа Путей Сообщенія, 1738—1739 гг., упоминаемаго Мартыновымъ. Въ немъ читаемъ слѣдующее: „...Дворовое пустое мѣсто, которое было Нѣмецкое кладбище, да на томъ же мѣстѣ были торговыя бани, идучи отъ Воронцовской Слободы въ Каменьщики по правой сторонѣ, идучи подлѣ дворовъ и мяснаго ряду, мѣрою земли длиннику 33 саж., по лѣвую сторону подлѣ болварка 24 саж., поперешнику въ переднемъ концѣ 20 саж. въ заднемъ концѣ подлѣ землянаго города 20 саж.=670 саж.“ Домъ Работникова на Воронцовской улицѣ, садъ котораго выходитъ на Большіе Каменщики, кажется мнѣ, соотвѣтствуетъ мѣстоположенію древняго иноземнаго кладбища, современнаго Борису Годунову. Въ старой кирпичной стѣнѣ, отдѣляющей его отъ Каменщиковъ, продѣлана маленькая желѣзная калитка, изъѣденная ржавчиной, похожая на тѣ, что видишь на многихъ православныхъ кладбищахъ. Въ саду со столѣтними деревьями, тѣнистомъ, заросшемъ кустами и бурьяномъ, попадаются плиты, глубоко ушедшія въ землю. При этомъ, никакихъ преданій у теперешнихъ владѣльцевъ, а также никакого упоминанія въ переписяхъ дворовъ Москвы XVII и XVIII вѣковъ.

Лазаревское кладбище, расположенное на Сѣверо-востокѣ Москвы въ Марьиной рошѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Камеръ-коллегскаго вала, на землѣ графа Шереметева, ясно обозначается находимыми тамъ до сихъ поръ надгробными камнями, которыя повреждены людьми, временемъ и непогодой, но сохранили еще надписи. Это кладбище занимаетъ площадь около тысячи сажень земли и образуетъ лужайку, окруженную рвомъ, наполовину осыпавшимся и застроенную деревянными домиками. Деревья, дававшія ему тѣнь, нѣсколько лѣтъ тому назадъ срублены. Оно служитъ теперь мѣстомъ гулянья обитателямъ квартала, рабочимъ и скромнымъ горожанамъ, которые пользуются надгробными камнями какъ скамейками. Камни эти украшены въ Нѣ-

*) Въ 1870 году, во время исправленія ограды Данилова монастыря, архимандритъ Амфилохій нашелъ около этой ограды до двадцати каменныхъ надгробныхъ плитъ XVI вѣка (царствованія Ивана Грознаго).

мецкомъ вкусѣ надписями на Нѣмецкомъ и Латинскомъ языкахъ, и числа восходятъ съ половины XVII вѣка до 1760 года приблизительно. Тамъ нашелъ я одно Французское имя: „Карлъ де Кроа“, но ни слѣда имени Жана-Баптиста Тавернье, присутствіе останковъ котораго на этомъ кладбищѣ засвидѣтельствовано историкомъ Карамзинымъ. Эти камни и другіе, найденные Калайдовичемъ и архимандритомъ Амфилохіемъ, составляютъ единственный слѣдъ иноземцевъ, современниковъ царей, съ Ивана Грознаго до Екатерины II. А потому необходимо прибѣгнуть къ помощи документовъ.

Въ 1689 году, спустя четыре года послѣ опубликованнаго Фридрихомъ-Вильгельмомъ I Прусскимъ манифеста (29 Октября 1685 г.) въ пользу бѣжавшихъ Французовъ-Кальвинистовъ, Петръ Великій, по внушенію Лефорта, обнародовалъ охранную грамоту, подтвержденную въ 1702 году, которая обезпечивала нашимъ соотечественникамъ, принужденнымъ покинуть родину, свободный доступъ въ Россію и полную вѣротерпимость. Однако, въ началѣ не всѣ ею воспользовались. По крайней мѣрѣ только небольшое число бѣглецовъ появилось въ древней столицѣ и, съ 1703 года, въ Петербургѣ. Любопытно сопоставить такое обнародованіе вѣротерпимости со стороны Русскаго правительства съ крайней жестокостью, проявленною *) въ 1689 году по отношенію къ Нѣмецкому иллюминату Квирину Кульману, ученику Якова Бѣма, который, изблеченный въ богохульствѣ и нечестіи, былъ судимъ, подвергнутъ пыткамъ вмѣстѣ со своимъ ученикомъ купцомъ Нордеманомъ и сожженъ живымъ на Болотѣ въ Москвѣ 4-го Октября 1689 года.

Въ 1698 году пасторъ Ланфанъ (Lenfant) изъ Парижа (быть можетъ, братъ Якова Ланфана, пастора Прусскаго короля и автора „Исторіи Гусситской войны“) проповѣдывалъ въ Москвѣ передъ Французскими Кальвинистами. Этотъ же Ланфанъ совершилъ путешествіе въ Персію съ Шведскимъ посломъ Фабриціемъ. Въ 1701 году онъ былъ посланъ въ Данцигъ руководить общиной Французскихъ Кальвинистовъ, основанной въ этомъ городѣ. Имена Французскихъ бѣглецовъ въ Москву почти неизвѣстны: документы писанные или печатанные молчатъ объ нихъ, надгробные камни стараго Лазаревскаго кладбища и кладбищъ при церквахъ исчезли, вросли въ землю или разсыпавшись отъ непогоды, если только ихъ не употребили, какъ строительный матеріалъ, мѣстные жители. Болѣе того, частные пожары и особенно пожаръ 1812 года, истребили много архивовъ, такъ что почти невозможно пополнить про-

*) По прояскамъ Московскихъ Нѣмецкихъ пасторовъ.

бѣлъ между этимъ временемъ и нашимъ. Чтобы отыскать нужные документы, пришлось поѣхать въ Петербургъ и порыться въ приходскихъ книгахъ Голландскихъ, Нѣмецкихъ и Французскихъ, Лютеранскихъ и Кальвинистскихъ церквей. Тамъ находимъ большое число именъ бѣглецовъ. Любопытная вещь: какъ мѣсто рожденія многие изъ бѣглецовъ заявили, вмѣсто Франціи, какой нибудь городъ Германіи, Англіи или Голландіи, и только нѣкоторые изъ нихъ указали свою настоящую родину (Францію). Первые, до приѣзда въ Россію, вѣроятно долго оставались въ Германіи, Англіи или Голландіи, признали ихъ своей новой отчизною и окончательно отряхли прахъ родной страны. Они въ полномъ смыслѣ слова были вырваны съ корнемъ изъ родной земли: насильно оторванные отъ Франціи, избѣжавшіе цѣною тысячи опасностей галеръ и эшафота, они должны были, очутившись въ безопасности, прогнать какъ дурной сонъ воспоминаніе о далекой родинѣ, гдѣ они все же оставили родныхъ и друзей. Въ этомъ отношеніи списокъ именъ поучителенъ, и я считаю, что насколько возможно полное перечисленіе ихъ будетъ не лишено интереса. Нѣкоторыя имена сопровождаются названіемъ церкви, въ спискахъ которой они значатся. *Военные:* Довремонъ (d'Auvremont), графъ Бонневильскій, инспекторъ Кадетскаго корпуса, умеръ въ 1732 г.; Де-ла-Фонъ, маіоръ инфантеріи (Голландская церковь, 27 Августа 1743 г.); Де-Хенсъ (de Hennin), генералъ-лейтенантъ артиллеріи, умеръ 12 Апрѣля 1750 г.; Габориль, царскій лоцманъ, умеръ въ 1750 г.; Бертранъ, морской офицеръ, 1771 г.; Де-ла-Ривьеръ, полковникъ, умеръ въ 1770 г.; Беренже, инспекторъ Невскаго полка, 1754 г.; Де-Марсъ изъ Метца, главный инженеръ, умеръ въ 1757 г.; Легрененъ (Legrainain), унтеръ-офицеръ, 1768 г.; Вернезобрь (Vernezobre), лейтенантъ артиллеріи, 1771 г.; *Лица на царской службѣ:* г-жа Даримонъ (изъ Берлина), умерла въ 1736 г.; Де-Колъ (prosélite) изъ Франціи; кавалеръ Де-Ля-Перъ, 1768—1781; Де-Прадалисъ (изъ Лангедока), умеръ въ 1772 г.; де-Боданъ, статскій совѣтникъ, умеръ въ 1772 г.; де-Кабри (изъ Кенигсберга), жена совѣтника юстиціи. *Профессора и преподаватели:* де-Комби (de Combies) (изъ Верлина), профессоръ Академіи Наукъ, умеръ въ 1735 г.; Фере (изъ Голландіи), учитель въ Кадетскомъ корпусѣ, 1729 г.; де-Йерве (изъ Ганжа), отецъ котораго былъ казненъ за вѣру во Франціи, профессоръ инженерныхъ наукъ въ Кадетскомъ корпусѣ, умеръ въ 1780 г.; Гей (Heu) (изъ Страсбурга), докторъ правъ (Голландская церковь 19 Октября 1740 г.); Гарнье (изъ Лондона) 1770; Жерно (изъ Гамбурга) 1772 г.; Жансонъ (изъ Данцига), чиновникъ въ Кадетскомъ корпусѣ; Вюсть Французскій преподаватель въ Кадетскомъ корпусѣ (Голландская церковь 28 Мая 1741 г.). *Гувернеры*

и дядки: Анпіа, литераторъ (sic), 1781 г.; Казаль (изъ Франціи), чтець и пѣвецъ во Французской церкви, умеръ въ 1740 г.; Дюмонъ, гувернеръ у Салтыковыхъ, умеръ въ 1737 г.; Антуанъ (изъ Берлина)— у графа Строганова, умеръ въ 1771 г.; Берте, пѣвецъ, 1779 г.; Буске, гувернеръ; Де-Фолинъ (изъ Ніона, женатый на дѣвицѣ Масмежанъ родомъ изъ Ванъ (Vans, Ardèche), гувернеромъ у графа Строганова въ Москвѣ въ 1750 г.; Лапальмъ, умеръ въ 1748 г.; Гинаръ, гувернеръ въ Академіи Художествъ, 1766 г.; *Гувернантки:* Паенъ, умерла въ 1751 г.; Ришье, умерла въ 1756 г. *Доктора и хирурги:* Ладе, *assesseur de collègue* (Голландская церковь, 1719 г.); знаменитый Лестокъ, родившійся въ 1702 году въ ГанOVERъ, гдѣ его отецъ, родомъ изъ Франціи, исполнялъ обязанности придворнаго врача; Милліо, хирургъ флота (родомъ изъ Франціи), умеръ въ 1725 г.; Крепенъ, *attaché à la marine*, 1753 г.; Шеналь, хирургъ адмиралтейства, 1756 г. *Кушцы, ремесленники и художники:* Барро (изъ Берлина), пріѣхавшій въ Москву въ 1730 г., умеръ въ Петербургѣ въ 1738 г.; Бузанке (Голландская церковь, 1741 г.), діаконъ, умеръ, въ 1750 г.; Вернезобръ (Голландская церковь, 28 Ноября 1745 г.); Брютель де ла Ривьеръ, діаконъ, 1750 г.; Хеншеленъ (Hainchelin) (изъ Берлина), умеръ въ 1756 г.; Ларесегіеръ (изъ Амстердама), умеръ въ 1752 г.; Бюисонъ (изъ Лангедока), винный торговецъ (Голландская церковь 24 Января 1724 г.), умеръ въ 1756 г.; Мино, трактирщикъ; Барраль; Домонъ, фабрикантъ шолковыхъ чулокъ, 1770 г.; Де-ла-Маръ (родившійся во Франціи), директоръ сахарнаго завода, умеръ въ 1763 г.; Дюмутъ (изъ St. Quentin), пріѣхавшій изъ Гамбурга, 1767 г.; Романъ (изъ Берлина), умеръ въ 1760 г.; Серръ (изъ Orange, Франція), директоръ фабрики гобеленовъ, умеръ въ 1769 г.; Фере, фабрикантъ чулокъ; Франже, 1759 г.; Рокеттъ (изъ Бордо), придворный часовщикъ въ Москвѣ и Петербургѣ (Голландская церковь, 23 Января 1721 г.), умеръ въ 1770 г.; Мюссаръ, часовщикъ, 1780 г.; Пере, часовщикъ, умеръ въ 1771 г.; Де-ла Круа, ювелиръ, 1768 г.; Лудье (изъ Берлина), часовщикъ; Ноде, ювелиръ, 1739 г.; Позье, гранильщикъ и діаконъ, 1748 г.; Филиппенъ, ювелиръ, 1781 г.; Тиріонъ, ювелиръ, 1767 г.; Де-Фонтеней, ювелиръ, 1758 г.; Легренъ, художникъ, чиновникъ при Кадетскомъ корпусѣ (Голландская церковь, 26 Января 1742 г.); Гюи (изъ Берлина), художникъ, умеръ въ 1747 г.; Гролье, пекарь въ Кадетскомъ корпусѣ, 1772 г.; Ховелакъ (изъ Берлина), умеръ въ 1756 г.; Румье (изъ Берлина), шляпный мастеръ, Лене (изъ Берлина), слесарь, 1758 г.; Шапаръ, уборщикъ (*garnisseur*), умеръ въ 1735 г.; Бодонъ (изъ Магдебурга), 1750 г. и Махье (Mahier), умеръ въ 1759 г. столяры; Ежъ (Euge) (изъ Монтобана), умеръ въ 1734 г.; Розье, парикмахеръ; Бастидоръ,

придворный парикмахеръ; Ла-Кассанъ, парикмахеръ, умеръ въ 1755 г.; Нино (тоже) 1771 г.; Бартъ (тоже) 1759 г.; Фурьеръ, лакей; Бенаръ, камердинеръ Пушкина, 1780 г.; Мартине (родомъ изъ Шампани), лакей, умеръ въ 1727 г.; Диго (родомъ изъ Франшъ-Конте), лакей; Шардонъ (изъ Дижона), поваръ графа Головина, умеръ въ 1740 г.; Ле-Папъ, поваръ Лефорта 1731 г.; Совепланъ (или де-Совеплень), главный поваръ ея величества императрицы Екатерины I-й (Голландская церковь, 29 Декабря 1717 г.); Легра (изъ Берлина), поваръ, умеръ въ 1752 г.; Трюмо, поваръ Англійскаго посольства, 1757 г.; Брогеттъ (родомъ изъ Франціи), садовникъ, умеръ въ 1734 г.; Можно привести еще имена; Де-Бозорбъ (изъ Берлина), (Голландская церковь 27 Декабря 1729 г.); Бевьеръ (изъ Магдебурга), умеръ въ 1734 г.; Аже, умеръ въ 1758 г.; Буланже, умеръ въ 1764 г.; Куллонъ; Корнель; Коттель; Діедоне; Дора; Дююсъ (или Дюма) (изъ Берлина), умеръ въ 1772 г.: вдова Динанъ (изъ Берлина), умерла въ 1755 г.; Дюпюже; Гумбертъ (изъ Риги), умеръ въ 1752 г.; Жонкьеръ (изъ Копенгагена), умеръ въ 1753 г.; Лео (изъ Берлина) умеръ въ 1772 г.; Монаръ; Ризоле, умеръ, въ 1772 г.; Валуа (изъ Утрехта), 1769. Среди служителей Англиканской церкви встрѣчаются имена Филиппа Лернульта (1727—1737 гг.) и Данила Дюмареска (1747 г.).

Абель Бюржа, второй регентъ и преподаватель математики во Французскомъ коллежѣ въ Берлинѣ, пріѣхавши въ Россію въ 1778 году въ качествѣ гувернера къ дѣтямъ Татищева и назначенный въ 1779 году пасторомъ Реформатской Французской церкви въ Петербургѣ, рассказываетъ, какъ Французскіе Кальвинисты рѣшили въ 1723 году построить свою собственную церковь. До тѣхъ поръ они принадлежали, вмѣстѣ съ Нѣмцами, Англичанами, Голландцами и Швейцарцами къ первой Реформатской церкви, построенной въ 1704 году. Чтобы привести въ исполненіе свой проэктъ, они написали Великому Совѣту (Magnifique Conseil) въ Женеву просьбу прислать имъ пастора. Совѣтъ назначилъ Роберта Дюнана „священнослужителя Святаго Евангелія Реформатской церкви Москвы и Петербурга“, который пріѣхалъ въ 1724 году и священнослужительствовалъ до 1741 года. Послѣ его отъѣзда каедрa пустовала до 1747 года. „Причина такого долгаго пустованія, говоритъ пасторъ Бюржа, лежала, вѣроятно, въ малочисленности Французскаго стада пасомыхъ и въ трудности содержать пастора и другихъ служителей церкви. Чтобы облегчить бремя содержанія пастора, Реформаты Французскіе или говорившіе по французски, просили Нѣмецкихъ Реформатовъ соединиться съ ними и призвать пастора, который будетъ попеременно проповѣдовать по французски и по нѣмецки“.

Нѣмцы приняли это предложеніе. Такимъ образомъ новая церковь имѣла послѣдовательно служителями: Ристера, Реформатскаго пастора изъ Любека (1747—1761 гг.), говорившаго на обоихъ языкахъ, Дильтея (Французскаго пастора въ Швабахѣ), умершаго въ 1766 году, Лавинь (Французскаго Пастора въ Дессау), ум. въ 1773 году.

По смерти Лавинь между Французами и Нѣмцами возникъ споръ изъ за назначенія новаго пастора. Нѣмцы выставили кандидатомъ Маевского, депутата Польскихъ диссидентовъ. Французы нашли, что этотъ пасторъ недостаточно хорошо говорить на ихъ языкѣ и не соглашались на его утвержденіе, ссылаясь на первенство ихъ мнѣнія, какъ основателей церкви. Нѣмцы, со своей стороны, хотѣли, чтобы назначеніе состоялось голосованіемъ, что имъ обезпечивало бы большинство голосовъ, такъ какъ они были многочисленнѣе Французовъ. „Эта распря, какъ часто бываетъ, повлекла за собою другую. Забыли исходную точку и перестали (неслышанная до тѣхъ поръ вещь), считать объ націи составляющими единое цѣлое съ церковью; заговорили о правахъ, объ обоюдныхъ обязанностяхъ, о собственности, о раздѣлѣ и уплатѣ издержекъ; Французы, какъ основатели церкви, заявили притязанія на храмъ и принадлежащія къ нему постройки. Нѣмцы, заботившіеся все время о поддержаніи церкви, захотѣли быть такими же хозяевами, какъ и Французы... Объ общины, не посоветовавшись между собою, выбрали каждая своего пастора. Священнослужитель Кюршодъ изъ Лозанны, пріѣхавъ въ Петербургъ по своимъ частнымъ дѣламъ; Французы предложили ему мѣсто пастора и онъ его принялъ. Онъ уѣхавъ обратно въ Лозанну въ 1777 году и Декортъ, пѣвчій (*chantre*) заступилъ мѣсто отсутствующаго Французскаго пастора, читая напечатанныя проповѣди“.

Екатерина II положила конецъ этой распри, издавъ указъ, примиряющій противниковъ, но все же съ главенствомъ Кальвинистовъ Французскихъ. Первый параграфъ гласитъ такъ: „Реформатская церковь этого города, будучи основана Французской націей, соединившейся съ націей Нѣмецкою, долженствуетъ быть признана собственностью обѣихъ сторонъ: *сохраняя, по праву, за Французами, какъ основателями, преимуществу и первенство во всемъ, что будетъ имѣть отношеніе къ названной церкви“*.

Съ 1779 по 1784 гг. Абель Бюржа исполняетъ обязанности пастора. За нимъ слѣдовалъ Петръ-Этьенъ-Луи Дюмонъ (1784—1785 гг.). Въ 1797 году каеэдра занята пасторомъ Де-ла-Соэе изъ Женевы. На-

зовемъ еще имена: Даниилъ Балли (1821—1826 гг.); Де-Деллиентъ (de Dellient) (1826—1829 гг.); Андрей Фурнье, родившійся въ Génégas (Département du Gard) въ 1836 г.; пасторъ Кротте (родившійся въ Понсѣ, Нижняя Шаранта въ 1839 г.), студентъ богословія въ Лозаннѣ (1858—1862 гг.), помощникъ священнослужителя Реформатской церкви въ Москвѣ съ 1863 по 1864 г. и назначенный потомъ въ Петербургъ. Пасторъ Кротте, заслуженный библиофилъ, обладатель великолѣпной коллекціи роскошныхъ книгъ XVIII вѣка, издалъ въ 1890 году въ Амстердамѣ прибавленіе къ 5-му изданію Коена (Cohen) „Руководство для любителя книгъ съ гравюрами XVIII вѣка“.

Въ спискахъ Французскихъ пасторовъ Реформатской церкви Москвы съ XVII вѣка по наши дни находимъ, кромѣ вышеупомянутаго Ланфана, только слѣдующія имена: Робертъ Дюнанъ, главный пасторъ Москвы и Петербурга; Бартелеми; Бувье (1821 г.); Георгъ-Луи Шоръ изъ Монбельяра (1837—1845 гг.).

Что касается Французскихъ прихожанъ этой же церкви, то мы уже указали на чрезвычайную трудность отыскать ихъ имена, происходящую отъ исчезновенія старыхъ кладбищъ *) и частыхъ пожаровъ, особенно пожара 1812 года. Впрочемъ вотъ нѣсколько именъ: Фомеродъ, Роша, Секретанъ, Дюбуа, Христовъ Арно въ XVIII вѣкѣ; Андрей Анжу диаконъ, Петръ Малле, Жанъ Буржуа, Е. Мелли, Самуилъ Перре, преподаватель языковъ, Ж. Бува, Де-Шалльи, Самуилъ Декулье (Descouillayes), членъ Совѣта Реформатской церкви Москвы (съ конца XVIII вѣка по 1820 годъ).

Не желая преувеличивать роль этихъ эмигрантовъ въ ходѣ развитія Россіи, будетъ всетаки умѣстно приписать имъ довольно важное влияніе на нравы, литературу, искусства и науку. Хотя и вырванные съ корнемъ изъ родной земли, они забросили первые сѣмена Французской образованности, столь свойственной характеру Русскихъ, и приготовили почву къ тому согласію, которое нынѣ соединяетъ обѣ страны.

Ф. Тастевень.

Москва 23 Февраля 1910 г.

Статья эта написана для „Русскаго Архива“ Феликсомъ Ивановичемъ Тастевенемъ (преемникомъ В. И. Готье) книгопродавцемъ и авторомъ превосходной книги объ исторіи Французской колоніи въ Москвѣ. Труды г-на Тастевена отличаются знакомствомъ съ нашею исторіею, достопамятными приемами разысканій и ясностью изложенія. П. Б.

*) Великолѣпная мраморная гробница надъ останками знаменитаго Лефорта исчезла безъ слѣда; неизвѣстно даже, гдѣ она первоначально находилась.

ТРОИЦКОЕ СИДѢНІЕ.

(23 Сентября 1608—12 Января 1610 г.).

„Валя толною пѣгою,
Пришла за ратью рать
Съ Лисовскимъ и Сапѣгою
Престоль нашъ воевать.

.....
А тамъ, едва замѣтная,
Межъ сосенъ и дубовъ,
Во мглѣ стоитъ завѣтная
Обитель чернецовъ“...

(Графъ А. Толстой).

Во время великой „розухи“ Московскаго государства, когда уже 22 города волею-неволею перешли на сторону Тушинскаго Вора, одна Троице-Сергіевская лавра оставалась вѣрна Московскому царю, В. И. Шуйскому, подавая высокій примѣръ другимъ городамъ. Основанная около 1335 г. преп. Сергіемъ Радонежскимъ и окруженная съ 1540 г. крѣпкими стѣнами съ башнями и бойницами, Троице-Сергіевская лавра была важна для Тушинцевъ не только своими богатствами, но и стратегическимъ значеніемъ, какъ ключъ къ богатымъ сѣвернымъ и восточнымъ городамъ, еще не тронутымъ смутою. „Доколѣ свирѣпствовать противъ насъ симъ *кровожаднымъ* *врагамъ*, гнѣздящимся въ ихъ *каменныхъ* *робахъ*“, кричали Тушинцы и требовали взятія лавры.

23 Сентября 1608 г. самые дерзкіе и завзятые изъ Тушинцевъ, Литовскій наѣздникъ *Лисовскій*, спасавшій жизнь свою отъ казни на родинѣ, и Польскій панъ *Янъ-Петръ-Сапга*, мстившій за гибель своихъ соотечественниковъ въ Москвѣ при первомъ самозванцѣ, разбивъ Ивана Шуйскаго (брата царя) подъ Рахмановымъ, имѣя до 30 тысячъ войска, подошли къ Троицкому монастырю съ тѣмъ, чтобы взять его, во что бы ни стало. Архимандритомъ лавры былъ тогда *Иоасифъ*, а зна-

менитый келарь *Авраамій Палицынъ* (въ міру *Аверкій Ивановичъ*), историкъ Троицкой осады, находился въ Москвѣ. Въ Монастырской „заставѣ“ (гарнизонѣ), во главѣ которой стояли окольничій князь *Григ. Бор. Роци-Долморукій* и дворянинъ *Алексій Голохвастовъ*, вмѣстѣ съ иноками способными носить оружіе, было всего до 1500 человекъ. Литовскій сжегъ посадъ Клементьевскій. Осажденные сдѣлали вылазку и сожгли монастырскія слободы, жители которыхъ укрылись за стѣнами монастыря: „св. Сергій не отвергнетъ злосчастныхъ!“ Передъ гробомъ св. Сергія воеводы поцѣловали крестъ, т. е. принесли присягу „сидѣть въ осадѣ безъ измѣны“.

29 Сентября въ лавру прибылъ нѣкій *Безсонъ Руготинъ* съ „граммотами“ (письмами) *Сапѣги* и *Лисовскаго* къ воеводамъ со всѣми ратными людьми и къ архимандриту съ братіей; они лестью и угрозами склонялись къ сдачѣ монастыря.

Эти грамоты, между прочимъ, лучше всего свидѣтельствуютъ о заслугахъ Троицкихъ монаховъ. „Вы беззаконники... *учите въ городѣ Троицкомъ воинство и народъ весь стоять противъ государя царя Дмитрія Ивановича и его позорить и псовать* неподобно... И мы тебѣ, святче архимандрите *Іоасафе*, свидѣтельствуемъ и пишемъ словомъ царскимъ: Запрети попамъ и прочимъ монахамъ, чтобы они не учили воинство не покоряться царю *Димитрію*... а намъ городъ отворили *безъ крови*; а не покоритесь, такъ мы *заразъ* возьмемъ замокъ вашъ и васъ беззаконниковъ *порубаемъ* всѣхъ!“ Архимандритъ *Іоасафъ* съ братією на это отвѣчали: „Темное державство, гордые военачальники, *Сапѣга* и *Лисовскій*, и прочая дружина ваша! Мы получили посланіе ваше и оплевали его.... Или какое пріобрѣтеніе оставить намъ своего *православнаго* государя царя и покориться ложному врагу, и вамъ *Латынь иновѣрной*, уподобиться *Жидамъ* или быть еще хуже ихъ?.. Богатства всего міра не возьмемъ за свое крестное цѣлованіе... Упованіе наше есть *Святая Троица*, стѣна и щитъ *Богоматерь*, святые *Сергій* и *Никонъ* сподвижники: не страшимся!“

На слѣдующій день непріятельскіе „туры“ (подвижныя деревянныя батареи) появились на окружающихъ монастырскихъ высотахъ, на горѣ *Волкушѣ* (съ *Юга*), *Терентьевской* (на *Юго-востокѣ*), *Крутой* (на *Юго-западѣ*) и *Красной*. Непріатели выкопали ровъ отъ *Келарева пруда* до *Глининскаго оврага* (съ *Запада*). Съ *Покрова* (1 Октября) монастырскій „осадный колоколъ“, можно сказать, не умолкалъ въ теченіи 6 недѣль: непріатели палили изъ своихъ 63 пушекъ, причинявшихъ, впрочемъ,

мало вреда осажденнымъ за ихъ крѣпкими стѣнами, которыя иноки ежедневно обходили со святыми иконами.

Въ ночь на 13 Октября, на другой день послѣ необузданнаго пьянаго пира, начался *первый приступъ*: враги устремились къ монастырю съ лѣстницами, щитами и „тарасами;“ ихъ встрѣтили изъ монастырскихъ „пищалей“ и пушекъ (которыхъ было 90, изъ нихъ 20 подъ навѣсомъ), и штурмъ не удался. Черезъ нѣсколько дней Троицкіе стрѣльцы и казаки по веревкамъ спустились со стѣны къ монастырскимъ огородамъ и перерѣзали много „Сапѣжинцевъ“. Въ то же время турамъ Красной горы сдѣлана вылазка, въ которой особенно отличился служилый человекъ *Вреховъ*, передъ смертью постригшійся въ монахи.

25 Октября непріятелю удалось зажечь монастырскій „острогъ“, одну изъ 12 башенъ, находившихся внѣ стѣнъ. Во время послѣдовавшей вылазки на Княжеское поле къ Мишутинскому оврагу, взятый въ плѣнъ ротмистръ Брушевскій подъ пыткой сообщилъ о *подкопѣ* подъ монастырь, что вызвало большую тревогу среди осажденныхъ. Къ счастью, нашелся человекъ, знакомый съ инженернымъ дѣломъ, монастырскій слуга *Корсаковъ*, подъ руководствомъ котораго въ разныхъ мѣстахъ стали дѣлать такъ называемые „слухи“ (контръ-мины) съ цѣлью открыть мѣсто подкопа. Эти работы производились нерѣдко подъ огнемъ непріятеля, при чемъ произошли двѣ кровопролитныя схватки.

1 Ноября за монастырскимъ рвомъ „Сапѣжинцы“ убили 190 человекъ Троицкихъ защитниковъ. Нѣсколько ядеръ упало въ лавру; одно ядро ударило въ большой колоколъ, другое раздробило святыя иконы, третье убило инокиню.

8 Ноября ядро оторвало ногу у старца *Коршлія*: „Богъ архистратигомъ своимъ Михаиломъ отмститъ кровь христіанскую“, сказалъ умиравшій старецъ. *Земляныя работы* продолжались: между прочимъ подъ стѣною былъ вырытъ ходъ для вылазокъ съ тремя желѣзными воротами. Въ это время три случая обрадовали осажденныхъ: удалось разбить главную Литовскую пушку, такъ называемую „Трещеру“, 500 Донскихъ казаковъ съ атаманомъ *Епифанцемъ* бѣжали отъ Сапѣги на родину, а главное—тяжело раненый плѣнный казакъ *Дидиловскій* передъ смертью указалъ мѣсто подкопа.

11 Ноября „Красный звонъ“ огласилъ Троицкую обитель: наконецъ былъ *взорванъ подкопъ*, такъ смущавшій осажденныхъ, причемъ, погибли два Клементьевскихъ мужика богатыри *Никонъ Шиловъ* и Сло-

та, а за тѣмъ была произведена смѣлая вылазка. Старець *Нифонтъ* съ 200 ратныхъ и 30 монахами, къ которымъ, не смотря на запрещеніе воеводъ, присоединились и другіе охотники, взяли *Красную* со всѣми непріятельскими турами, немало знаменъ, 8 полуторныхъ пищалей. Враговъ пало, какъ говорятъ, около 1500 человекъ, въ томъ числѣ 2 полковника, 4 ротмистра и нѣсколько товарищей (паны Угорскій и Мазовецкій). Наши потери 174 убитыми, 166 ранеными. Въ этомъ дѣлѣ Русскіе люди совершили много подвиговъ. Особенно отличились дворяне: храбрый „голова“ *Ив. Вуковъ*, *Есиповъ* (убить), *Ходыревъ*, *Зубовъ*. Сильный тѣломъ и гораздый саблей, сотникъ *Данило Селевинъ*, желая „смертью загладить безчестье своего рода“ (не задолго передъ тѣмъ братъ его, Осыка Селевинъ, перебѣжалъ къ Сапѣгѣ), одинъ напалъ на дружину атамана *Чики*, четырехъ убилъ и смертельно раненый передъ кончиною постригся въ иноки. Слуга монастырскій *Меркурій Айгустовъ* первый достигъ непріятельскихъ бойницъ. Иноки, изъ которыхъ нѣкоторые раньше были ратными людьми, вездѣ держались впереди. О побѣдѣ извѣстили въ Москву.

И послѣ 11 Ноября не проходило дня, чтобы не было вылазокъ, а иногда и по двѣ на день. Сапѣга, потерпѣвъ неудачу въ открытыхъ дѣйствіяхъ, прибѣгаетъ къ хитростямъ: такъ, онъ устроилъ засаду конницы, которая, впрочемъ, была вовремя открыта. Осажденные сдѣлали попытку *отогнать непріятеля* отъ ближайшихъ укрѣпленій, причемъ проявили новые подвиги: „Св. Сергій охрабрилъ и невѣждъ!“ Такъ, даточный крестьянинъ с. Молокова, *Суета*, ростомъ великанъ, силою и душою богатырь, рѣшивъ „либо умереть, либо славу получить ото всѣхъ“, одинъ бросился впередъ по трупамъ. Монастырскій слуга *Пимень Тенемевъ* пустилъ стрѣлу въ лѣвый високъ Лисовскому и свалилъ его съ коня. Ратный *Павловъ* убилъ знатнаго Поляка, князя Юрія Горскаго. Бились въ рукопашъ, рѣзались ножами. Сапѣга принужденъ былъ отступить, и лавра торжествовала *вторую знаменитую побѣду*.

Съ наступленіемъ зимы бѣдствія осажденныхъ увеличились. По совѣту перебѣжчиковъ, двухъ Переяславскихъ „дѣтей боярскихъ“, Сапѣга задумалъ спустить главный внѣшній прудъ и лишить осажденныхъ воды, въ предупрежденіе чего пришлось наполнить водою внутренніе пруды. Увеличилась трудность доставки *дровъ* для топлива: „на одну пядь не дають воры нашимъ выѣхать“, говоритъ современникъ. Въ то время какъ число защитниковъ уменьшалось, въ лаврѣ оставалось большое число „ѣдоковъ“, женщинъ и дѣтей. Отъ страшной

тѣсноты, холода и голода появилась цынга и другія болѣзни, которыя уносили въ могилу по 20—50 человѣкъ ежедневно. Въ довершеніе физическихъ бѣдствій появилось зло нравственное, взаимное недовѣріе, подозрѣнія, вражда, злоба на все окружающее. Начались настоящіе ужасы осиды: „шатость и измѣна, моровое повѣтріе, съ часу на часъ ожиданіе смерти, всё обезножили“, по свидѣтельству инокини Ольги (въ міру Ксеніи Годуновой). Пошли ссоры ратныхъ людей съ монахами изъ-за продовольствія: „ратныхъ людей часто утѣшали сладкіе меды, и оттого породились у нихъ блудныя бѣды“, говоритъ „сказаніе“; завелись „жонки“. „Въ старцахъ большая ссора“, писалъ князь Долгорукій. Большая ссора была и между двумя воеводами. Появились жалобы: дьяконъ и головщикъ *Гурій Шишкинъ* доносилъ о сношеніяхъ монастырскаго казначея, старца *Іосифа Дьвочкина*, съ извѣстнымъ измѣнникомъ Оською Алевинымъ и съ Сапѣгою; *Михаилъ Павловъ* донесъ, что воевода Голохвастовъ былъ имъ „потаковникъ“ и за 4 дня до приступа рѣшилъ „промыслить“ надъ Долгорукимъ и отнять городскіе ключи. Несчастнѣйшій казначей былъ подвергнутъ „крѣпкой“ пыткѣ и, по свидѣтельству „сказанія“, „живой былъ изъѣденъ червями“... Самъ авторъ „Сказанія“ говоритъ о *треснутіи* думы Іудиной“, а затѣмъ и позднѣйшіе историки (Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ) единодушно выражаютъ сомнѣніе въ соотвѣствіи дѣйствительности этихъ жалобъ, которыя находятъ для себя достаточное психологическое объясненіе въ томъ ужасномъ положеніи, въ какомъ находились осажденные. Лучшимъ опроверженіемъ этихъ жалобъ служить дальнѣйшее продолженіе обороны, тотъ духъ, который господствовалъ среди Троицкихъ Защитниковъ до конца.

Въ такихъ обстоятельствахъ архимандритъ Іоасафъ обратился за помощью въ Москву; но, не смотря на ходатайства Троицкаго Келаря Авраамія Палицына и поддержку патріарха Гермогена („если будетъ взята обитель прец. Сергія, то погибнетъ весь предѣлъ Россійскій до Окіана-моря, и царствующему граду настанетъ конечная тѣснота“), 15 Февраля 1609 г. изъ Москвы, стѣсненной Тушинцами, могли прислать только 80 казаковъ и „Троицкихъ людей“ (монастырскихъ слугъ) подъ начальствомъ атамана *Сухого-Остаикова* (впослѣдствіи умеръ отъ цынги), да нѣсколько снарядовъ. Лисовскій велѣлъ казнить подъ стѣнами монастыря захваченныхъ въ плѣнъ 4 казаковъ изъ этого отряда; въ отмщеніе осажденные вывели 42 плѣнныхъ и тоже казнили ихъ. Говорятъ, что Поляки хотѣли убить Лисовскаго, по справедливости считая его виновникомъ происшедшихъ жестокостей.

Открылось новое коварство враговъ: Литовскій перебѣжчикъ *Ньмко* (глухой и нѣмой) съ ужасомъ увидѣлъ въ лаврѣ лазутчика Сапѣги, пана *Мартіаса*, который до того вкрался въ довѣріе князя Долгорукаго, что даже жилъ съ нимъ въ одной горницѣ. Борьба продолжалась съ прежнимъ упорствомъ. На смѣну павшихъ защитниковъ Троицы появлялись новые, какъ напр. *Ананія Селевинъ*, заслужившій прозваніе „Сергіева витязя“, стрѣлецъ *Нехорошеевъ*, *Никифоръ Шиловъ* и другіе. Изъ Москвы приходили *утѣшительныя грамоты*: „будьте непоколебимы до конца“, писалъ Авраамій Палицынъ. Въ обители разсказывали о явленіяхъ св. Сергія и Никона, о ночномъ пѣніи невидимыхъ ангельскихъ ликовъ въ затворенныхъ церквахъ. 9 Мая въ монастырѣ пѣли благодарственный молебенъ о *прекращеніи болъзни*, за 5—6 мѣсяцевъ унесшей въ могилу около 3 тыс. человѣкъ.

Въ ночь на 28 Мая Сапѣга произвелъ *третій общій приступъ*, въ отраженіи котораго участвовали и женщины. Съ Красной горы грянулъ громъ непріятельскихъ пушекъ. „Готовые къ смерти Защитники лавры уже не могли ничего страшиться: безъ ужаса и смятенія каждый дѣлалъ свое дѣло; стрѣльцы кололи изъ отверстій, метали камни, зажженную смолу и сѣру; лили варъ (кипятокъ), ослѣпляли глаза („скверныя очеса“) известью, отбивали щиты, тарасы и лѣстницы“. Приступы продолжались до утра, которое освѣтило спасеніе лавры. Въ свою очередь осажденные произвели *вылазку*, во время которой, кромѣ орудій, захватили въ плѣнъ 30 пановъ, которыхъ заставили молоть муку: „поиграйте въ жернова!“

28 Іюня Сапѣжинцы напали на острожокъ, охранявшій колодець у *Ивцова двора* (съ западн. стороны), но тоже отбиты, а во время послѣдовавшей вылазки много непріятели было побито и взято въ плѣнъ.

Приступы Сапѣги не прекращались, а осажденные и не помышляли о сдачѣ. По свидѣтельству современника, „кто заговоритъ о сдачѣ, того убьютъ“. Одинъ монахъ сдѣлалъ попытку *зажечь лагерь* Лисовскаго, за что поплатился жизнью. Въ это время въ станъ Сапѣги прибылъ панъ *Зборовскій*. Незнакомый съ упорствомъ осажденных, онъ съ насмѣшкою говорилъ: „что это вы стоите безъ дѣла подъ лукошкомъ? Чего стоитъ его взять и воронъ передавить“. 31 Іюля панъ Зборовскій сдѣлалъ ночной приступъ и тоже былъ отбитъ. „Что взялъ лукошко?!“ говорили ему товарищи.

Въ это время тревожное вниманіе Сапѣги было обращено на сѣверь, откуда на выручку Москвы уже двигался молодой князь *Мих. Ив. Скопинь-Шуйскій*. Съ цѣлью остановить это движеніе, Сапѣга дважды оставлялъ Троицу. Первую радостную вѣсть о пораженіи Сапѣги 18 Августа подь *Калязинымъ монастыремъ* („преподобный отче Макаріе, моли Бога о насъ!“ кличь Русскихъ) принесъ въ Троицу косою толмачъ *Иль* раньше возвращенія Сапѣги. Сапѣжинцы еще разъ прибѣгли къ *хитрости* съ цѣлью выманить голодныхъ осажденныхъ: пригнали къ стѣнамъ нѣсколько головъ скота, которымъ осажденные благополучно и овладѣли. 28 Октября Сапѣга съ 4 тыс. войска имѣлъ жаркое дѣло съ отрядомъ кн. Михаила подлѣ Александровской слободы (с. Коринское), послѣ чего снова возвратился къ Троицѣ. Въ Ноябрь по просьбѣ монаховъ, изъ отряда кн. Михаила незамѣтно вступилъ въ лавру голова *Жеребцовъ* съ 900 воиновъ, а шурина князя *Сем. Головина* находился уже въ 7 верстахъ отъ Троицы, съ помощію „Засѣкъ“ подвигаясь шагъ за шагомъ впередъ. Между прочимъ, Жеребцовъ, запретивъ осажденнымъ дѣлать вылазки, сопровождавшіяся потерями, самъ сдѣлалъ неудачную вылазку, по поводу которой Троицкіе *сидѣльцы* говорили: „вотъ тебѣ и ратные; а мы простаки, да насъ св. Сергій милуетъ!“

4 Января 1610 года ночью въ лавру вступилъ *Гр. Валувъ* съ 500 ратныхъ людей и, соединившись съ дружиною Жеребцова, напалъ на Сапѣжинцевъ: произошелъ *последній бой* на Клементьевскомъ полѣ, возлѣ Келарева пруда (на Западѣ), и на горѣ Волкушѣ (на Югѣ).

12 Января Сапѣга съ 6 тыс. изнуренныхъ сподвижниковъ снялъ свой таборъ подь Троицей и ушелъ къ Дмитрову, оставивъ богатый станъ. Осажденные думали, что Сапѣга еще возвратится и только черезъ 8 дней послали инока Макарія со святою водою въ Москву объявить царю, что лавра спасена Богомъ и княземъ Михаиломъ.

„Уже сія не только святостію, но и славою рѣдкою, *любовію къ отечеству и вѣрью преодолѣвъ искусство и число непріятеля, нужду и язву*, обративъ свои башни и стѣны, дебри и холмы въ памятники доблести безсмертной, лавра увѣнчала сей подвигъ новымъ государственнымъ благостояніемъ“ (Карамзинъ), выдавъ Шведамъ изъ монастырской казны нѣсколько тысячъ рублей. Князь *Ив. Куракинъ* съ Русскими и Шведскими войсками *на лыжахъ* выступилъ изъ лавры къ Дмитрову, гдѣ князь Михаилъ наголову разбилъ Сапѣгу и гналъ его къ Клину по Волоколамской дорогѣ. Сапѣга день и ночь шелъ

къ Калужскимъ и Смоленскимъ границамъ, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, присоединиться или къ королю или къ Тушинскому Вору*).

Выдающуюся по своей тяжести и продолжительности осаду (465 дней) Троице-Сергіевская лавра вынесла благодаря господствовавшему въ ней благочестію. „Здѣсь дѣло шло не о томъ, передаться-ли царю Тушинскому отъ царя Московскаго, но о томъ, передать-ли гробъ великаго чудотворца на поруганіе враговъ православной вѣры. Троицкіе *сидѣльцы* защищали не престолъ Шуйскаго только, но гробъ св. Сергія, и потому здѣсь измѣна не могла пересилить вѣрность“ (С. М. Соловьевъ). Защищая ошлотъ православія, Троицкіе *сидѣльцы* защищали главнѣйшую основу Русской государственности, которой Троице-Сергіевская лавра оказала столько важныхъ услугъ.

А. П. К.

*) Могилы защитниковъ лавры, въ числѣ которыхъ упоминаются также *Аванасій Ошеринъ*, *Паисій Литвинъ*, находились близъ Успенскаго собора. Архим. *Гоасафъ*, убитый въ 1610 г., похороненъ въ Боровскомъ Пафнутаевскомъ монастырѣ, *Авраамій Памцынъ* въ Соловецкомъ мон. а *Скопикъ-Шуйскій* въ Архангельскомъ соборѣ у южной стѣны.

НЕИЗВѢСТНОЕ ВВЕДЕНІЕ КЪ ПОЭМЪ „ДЕМОНЪ“.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ Городскія Чертковскую и Голицынскую библіотеки поступилъ списокъ поэмы „Демонъ“, до того изобилующій ошибками въ правописаніи и пунктуациі, что не привлекъ сначала большаго вниманія на себя. При ближайшемъ, однако, разсмотрѣніи оказались въ немъ довольно любопытные варианты ко многимъ стихамъ поэмы, а находящееся на третьей страницѣ списка введеніе, или предисловіе, насколько намъ извѣстно, доселѣ нигдѣ не было еще напечатано. Водяныхъ знаковъ въ бумагѣ нѣтъ, но по другимъ признакамъ мы относимъ этотъ списокъ къ 1838—39 году. Списокъ представляетъ собою тетрадку въ обыкновенную четверку листа писчей бумаги, изъ 28 листовъ. Текстъ, за небольшими исключеніями, представляетъ собою текстъ *пятого* очерка „Демона“, напечатаннаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1889 г. въ Мартовской книжкѣ, а также и въ полномъ собраніи сочиненій Лермонтова, въ изданіи В. Ѳ. Рихтера, подъ редакціей проф. П. Висковатова, 1891 года. На первой страницѣ тетрадки написано: „Поэма Демонъ. Михаила Лермонтова“, на второй: „Примѣчанія¹⁾. (sic!) Поэма Лермонтова. Демонъ вполнѣ никогда не являлась въ печати, при томъ въ послѣднее время самъ авторъ сдѣлалъ въ сочиненіи своемъ много измененій. Сія рукопись можетъ считаться вернѣйшею, какъ выправленная²⁾ самимъ авторомъ, и найденная въ бумагахъ покойнаго Автора безъ адреса. (sic!) Думаютъ однако-же что оно (sic!) относится къ Дельвигу³⁾“.

На третьей страницѣ, послѣ словъ: „Демонъ, (Поэма). Сочиненіе Михаила Юрьевича Лермонтова“, находится, не встрѣчавшееся доселѣ, ни въ рукописныхъ спискахъ, ни въ печатныхъ изданіяхъ „Демона“, введеніе или предисловіе:

Есть ангелъ. Бурной ночи
Его подобна красота,
Змѣинымъ жаломъ блещутъ очи,
Кровавымъ заревомъ уста.
Вѣнецъ изъ острыхъ молній свитый
Горитъ вокругъ гордаго чела,
И бѣлоснѣжныя ланиты
Думъ необъятныхъ кроетъ мгла.

¹⁾ Сохраняемъ правописаніе и пунктуацию списка.

²⁾ Поправокъ, сдѣланныхъ рукою Лермонтова, въ списокѣ нѣтъ, и по сему мы думаемъ, что нашъ списокъ, вѣроятно, списанъ съ другаго, исправленнаго самимъ поэтомъ,

³⁾ Непонятное замѣчаніе. Дельвигъ умеръ въ 1831 году.

Кому принадлежит это введеніе? Есть-ли это набросокъ Лермонтова, внослѣдствіи отвергнутый имъ самимъ, или же это—произведеніе какого либо поклонника или подражателя поэта, и кого-же именно, въ послѣднемъ случаѣ? Подъ приведенными сейчасъ стихами находится правда завитушекъ, похожій на сильно увеличенное строчное „г“, но едва-ли это есть дѣйствительно названная буква, ибо прописное „г“ въ спискѣ вездѣ имѣетъ совершенно другое начертаніе; скорѣе всего это росчеркъ или украшеніе, а не начальная буква фамиліи автора.

За тѣмъ, въ сборникѣ бумагъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, принадлежащемъ тѣмъ же бібліотекамъ, находится списокъ со стихотвореніями Лермонтова „На смерть Пушкина“, въ которомъ есть нѣсколько интересныхъ вариантовъ.

Стихи: Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И для потѣхи возбуждали....

читаются тамъ такъ:

Не вы-ль сперва такъ *злобно* гнали
Его свободный, *смѣлый* даръ.
И для потѣхи *раздували*...

стихи: Что жъ? веселитесь: онъ мученій
Послѣднихъ перенести не могъ;

читаются такъ:

Что жъ, веселитесь. Онъ мученій
Послѣднихъ *вынести* не могъ;

стихи:

Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,

читается:

Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ *ничтожнымъ*,

стихи:

Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шепотомъ безчувственныхъ невѣждъ

читаются:

Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шепотомъ *насмѣшливыхъ* невѣждъ

стихи:

И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья

читается:

И умеръ онъ съ *напрасной* жаждой мщенья

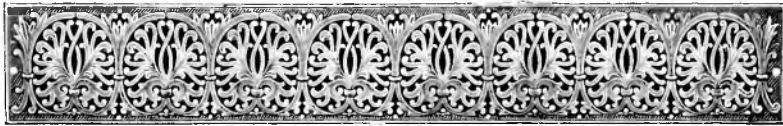
Стихи: Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ

читается:

Замолкли звуки *чудныхъ* пѣсенъ.

Остальныхъ вариантовъ не приводимъ, такъ какъ это очевидныя описки, не заслуживающія вниманія,

Сообщилъ А. С.

О МОНАСТЫРСКОМЪ ЗЕМЕЛЬНОМЪ ВЛАДѢНІИ.

Недавно до Государственной Думы доходило дѣло о томъ, что одинъ изъ Екатеринбургскихъ монастырей продалъ свою землю частному лицу.

Въ старину такія отношенія были, вѣроятно, не въ рѣдкость. Игумень Сторожевскаго на Ладожскомъ озерѣ (нынѣ упраздненнаго) монастыря Ефросимъ съ братією продалъ Ивану Федоровичу Бартеневу поселокъ Михайловское-Козодавлю. Вдова сего послѣдняго Соломонида съ четырьмя сыновьями своими возвратила эту куплю игумену того же монастыря Калисту съ братією. Приводимъ ея о томъ заявленіе, сохранившееся въ подлинникѣ и сообщенное намъ изъ Тихвина Исаакомъ Петровичемъ Мордвиновымъ. П. Б.

Се язъ Соломонида, Иванова жена Федоровича Бортенева¹⁾ да и съ своими дѣтми съ сыномъ съ Петромъ да съ сыномъ съ Федоромъ да съ сыномъ съ Семеномъ да съ сыномъ съ Михайломъ зъ Злобою²⁾ дала еси съ своими дѣтми по своему государѣ по мужѣ по Иванѣ по Федоровичѣ Бортенева сорокоустъ³⁾ и по всемъ своему родѣ въ домъ Пречистые Рождеству на Сторожы игумену Калисту зъ братією государя своего куплю Ивана Федоровича селище Михайловское-Козодавля со всѣмъ съ тѣмъ чѣмъ къ тому Селищу потягло изъ старины, по тому жъ какъ государь (*слово оборвано*) Иванъ Федоровичъ купилъ у того жъ монастыря Сторожевскаго у Пречистыхъ Рождства у игумена Ефросима съ братією.

¹⁾ Такъ и до сихъ поръ произносится наше родовое прозваніе въ Костромской губерніи, въ лѣсахъ которой водятся *борти*, т-е. ульи дикихъ пчель. П. Б.

²⁾ Прозвище. П. Б.

³⁾ Т-е. на помятъ души въ теченіе сорока дней по кончинѣ. П. Б.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

„РУССКАГО АРХИВА“

1910 года.

(выпуски 1, 2, 3 и 4).

645. Троицкое сидѣніе А. П. К.
629. Французы—Кальвинисты въ Россіи. Статья Ф. П. Тастевана.
303. Письмо Теофана Прокоповича къ князю А. Д. Мещникову.
401. Изъ «Книги бытія моего» Порфирія Успенскаго. Архіепископъ Стефанъ Суздальскій. Сообщилъ А. А. Титовъ.
- Бракоразводное дѣло князя Г. Г. Орлова. Сообщилъ А. А. Титовъ.
1. Екатерина Великая. Отношеніе къ Польшѣ. По неизданнымъ Запискамъ короля Станислава-Августа. Статья С. М. Горяинова.
310. Изъ бумагъ протоіерея Петра Алексѣева (о злоупотребленіяхъ чернаго духовенства).
304. Приказъ графа Н. П. Шереметева.
309. Письмо графа В. В. Ростопчина къ одной пресвительницѣ. 1797 г.
161. Записки Луизы Фюзиль (1806—1812).
305. Изъ семейнаго архива Неѣловыхъ. Сообщено А. Е. Мерцаловымъ.
432. Императрица Елисавета Алексѣевна въ ея письмахъ къ матери.
460. Воспоминаніе М. П. Погодина объ А. П. Тургеневѣ.
- 321 и 481. Изъ писемъ императора Николая Павловича къ кн. П. Ф. Паскевичу. 1834—1849.
514. Воспоминанія Севастопольскаго ветерана. Русанова.
569. Испанскій штургентъ, сынъ Гатчинскаго генерала. Статья А. А. Голомбѣвскаго.
243. Драма въ жизни писателя. Статья А. А. Голомбѣвскаго.
78. Къ исторіи войны 1855 года въ Закавказьи. Дневникъ ген.-лейт. И. Д. Полко.
93. Свидѣнія о П. Д. Понкѣ. Сообщ. С. В. Фарфоровскимъ и Е. И. Козубскимъ.
217. Къ Запискамъ П. Д. Понки. Е. И. Козубскій.
126. Новыя книги по исторіи Кавказа. Замѣтки Е. И. Козубскаго.
468. Письма о М. Г. Черняевѣ, К. П. Фонтъ-Кауфманѣ и Н. П. Гродековѣ. П. М. Фонтъ-Кауфмана и г. Мустафина.
623. Письма Снобелева къ Фонтъ-Кауфману.
357. Записки В. В. Марковникова. 1892 г.
96. По поводу Записокъ архіепископа Саввы. Статья А. А. Титова.
- 134 и 221. К. С. Ансановъ. Письма его изъ чужихъ краевъ въ Москву. 1860 годъ.
301. О диспутѣ Ю. Ф. Самарина: изъ письма Вѣры Сергѣевны Алсаковой съ пришекою С. Т. Алсакова.
566. Изъ бумагъ Я. И. Берединкова. Неизданное письмо Г. Р. Дерзавина къ Е. П. Горихвостовой. Перепека съ А. П. Майковымъ. Стихи Я. И. Берединкова. Сообщ. И. П. Мордвиновъ.
478. Книга Кузминскаго о П. М. Боклевскомъ. Сообщилъ П. А. Россѣевъ.
479. Къ біографіи Н. Е. Забѣлина. Сообщилъ П. А. Россѣевъ.
463. Письма князя П. А. Вяземскаго и Я. К. Грота къ С. Д. Полторацкому.
291. Ученая почеть Русекому исторнику. Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. Статья С. И. Кедрова.
476. Многогратадальныя рукописи (А. С. Пушкина). Ю. М.
215. Изъ замѣтокъ о Пушкинѣ (19 Октября 1827 года). Сообщилъ Н. О. Лернеръ.
653. Неизвѣстное введеніе къ поэмѣ «Демонъ». А. С.
314. Изъ писемъ въ Берлинъ П. С. Савельева къ Я. М. Певѣрову и Т. П. Грановскому.
585. Письма И. С. Тургенева къ Н. П. Борису (1858—1871 г.)
45. Изъ семейнаго архива Курекаго помѣщика. Загробный поэтический годось за осужденнаго отца. Сообщили В. Н. Полянскій и К. Я. Гротъ.
44. Къ исторіи цензуры. Выписка изъ журнала Московскаго Цензурнаго Комитета Сообщена И. С. Ансановымъ.
318. О книгѣ: «Храмъ-усыпальница Великаго Князя Сергія Александровича». С. П. Бартенева.
317. Изъ замѣтокъ графа А. А. Еобринскаго на Записки А. О. Смирновой.
- Внутри обложекъ Е. И. Козубскаго: «Исторія Дагестанскаго полка». 1 кн.
«Объ Архивѣ Раевскихъ». 2 кн.
О сборникѣ Новгородскаго общества любителей древности (Записки Николая Назарьевича Муравьева). 3 кн.
О рукописяхъ Пушкина кн. 4.

Торжеством Общества Любителей Русской словесности завѣдывалъ Л. И. Поливановъ. Ему передано было мною большое количество рукописей Пушкина, и онѣ были выставлены въ ящикахъ подъ стекломъ въ одной изъ залъ Московскаго Дворянскаго Собранія. Но когда я долженъ былъ сдавать по описи все привезенное мною хранителю рукописей Румянцовскаго музея, А. Е. Викторову, оказалось, что Л. И. Поливановъ не возвратилъ довольно много листовъ. Они, вѣроятно, находятся теперь у его наслѣдниковъ.

Не смотря на частые переѣзды, Пушкинъ относился бережно къ своимъ рукописямъ; но ему самому приходилось уничтожать ихъ, и послѣ 14 Декабря, и вслѣдъ за смертнымъ поединкомъ. Г-нъ Ю. М. сообщаетъ, что только вторая книга Дневника уцѣлѣла, благодаря тому, что находилась въ спальнѣ Натальи Николаевны, а за предыдущіе годы взята была въ III-е Отдѣленіе Государевой канцеляріи. Едва ли это вѣрно. Но тогдашній чиновникъ этой канцеляріи, Павелъ Ивановичъ Миллеръ (памятный многимъ въ Москвѣ) мнѣ показывалъ непосланное къ Бенкендорфу подлинное письмо Пушкина, которое онъ взялъ себѣ на память въ квартирѣ Пушкина.

Опекою надъ дѣтьми Пушкина и достояніемъ ихъ завѣдывалъ двоюродный братъ ихъ бабушки, гр. Г. А. Строгановъ, объ одномъ изъ свойствъ котораго помянулъ Байронъ въ „Донъ-Жуанъ“. Ему ли было заботиться о рукописяхъ Пушкина? Онъ поручилъ дѣло Тарасенкову-Отрѣшкову, который могъ не отказывать просившимъ у него Пушкинскихъ автографовъ на память. За тѣмъ довольно много Пушкинскихъ рукописей очутилось въ Парижѣ у Онѣгина.

Нынѣ вопли оправдывается предсказаніе Петербургской гадальницы на

кофеѣ: Du wirst der Abgoth deiner Nation werden (ты будешь кумиромъ твоего народа). Но вѣдъ кумиролуженіе прегило самому Пушкину, другу и проповѣднику свободы духа. П. В.

*

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ въ КАРЛСБАДѢ. Историческій очеркъ Д. Нагуевскаго, заслуженнаго профессора Императорскаго Казанскаго Университета. Рига. 1909 г.

Исполнившееся въ прошломъ году двухсотлѣтіе Полтавской битвы привлекло вниманіе историковъ не только къ этому событію, но и вообще къ эпохѣ Петра Великаго и его личности. Однѣ изъ появившихся по этому поводу работъ имѣютъ задачей въ популярной формѣ дать общій обзоръ царствованія Петра (книга Князькова), другія монографически разрабатываютъ и изучаютъ отдѣльные эпизоды изъ жизни и дѣятельности Великаго Преобразователя. Къ числу послѣдняго рода работъ принадлежитъ и названный выше историческій очеркъ проф. Нагуевскаго. Въ немъ авторъ съ большой тщательностію и любовью собралъ всѣ данныя о пребываніи Петра Великаго въ Карлсбадѣ въ 1711 и 1712 годахъ, о способѣ его лѣченія и образѣ жизни, объ указахъ и распоряженіяхъ касательно внутренней и внѣшней политики, изданныхъ за это время и, наконецъ, о вещественныхъ памятникахъ пребыванія царя въ этомъ курортѣ. Весь очеркъ проф. Нагуевскаго состоитъ изъ трехъ главъ, иллюстрированныхъ 9-ю рисунками, написанъ хорошимъ языкомъ, и съ удовольствіемъ можетъ быть прочитанъ всякимъ, кто интересуется великою въ нашей исторіи личностію.

Г. П.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1910 года.

(Годъ 48-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1910 году, за двѣнадцать выпускновъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ). Въ Петербургѣ, Невскій, 40. Въ Конторѣ „Новаго Времени“.

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются
по удешевленной цѣнѣ прежнія годовыя изданія его.

(Главныя статьи означены).

1904.

Письма К. Я. Булгакова къ брату.—Дневникъ И. М. Снегирева.—П. О. Федоровъ, статьи В. А. Кожевникова.—Принцесса Виртембергская Зельмира.—Очерки моей жизни Г. Н. Александрова.—Воспоминанія кн. В. И. Барятинскаго.—Изъ Ольденбургскаго великогерцогскаго архива: тайныя извѣстія о Россіи 1727 и 1728 гг.—Черты изъ домашней жизни имп. Анны.—Архим. Макарій и Тобольскіе декабристы.—Воспоминанія О. А. Гилярова.—Мать Екатерины Великой.

1905.

Дневникъ И. М. Снегирева.—Двѣ Галмычки.—Записки графовъ Нессельроде.—Письма А. О. Тютчевой о кончинѣ цесаревича Николая.—Письма П. В. Кирѣевскаго.—А. О. Смирнова. Хозяйственныя записки И. В. Пушечникова.—У Французовъ въ Московскомъ плѣну.

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхгольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части. 3 р. 50 к.

ЗАПИСКИ Дюка Лирійскаго о пребываніи его въ Россіи при Петрѣ II-мъ. Цѣна 75 к.

ДНЕВНИКЪ Храповицкаго. 1783—1793. Цѣна 2 р.

ВОСПОМИНАНІЯ Г. И. Филипсона 361 стр. Цѣна 1 р.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

1906.

Разказы В. И. Анненковой.—Н. П. Боголѣповъ. Его записки.—Императоръ Александръ Третій: рѣчь о немъ К. П. Побѣдоносцева.—Записки архіеп. Никанора.—Государственное засѣданіе 8 Марта 1881 г.—Изъ воспоминаній митрополита Филарета.

1907.

Екатерининская книга для народныхъ училищъ.—Мои бредни (Записки А. П. Хвостовой).—Записки К. Д. Хлѣбникова.—Японія, записка іеромонаха Николая.—Дѣло царевича Алексѣя Петровича по извѣстіямъ Голландца Де-Біэ.—Воцареніе Петра Третьяго по рассказамъ Екатерины Второй.—Воспоминанія А. П. Салтыковой.—Первыя недѣли царствованія Александра III. (письма К. П. Побѣдоносцева къ Е. О. Тютчевой).—Пять лѣтъ въ Россіи при Екатеринѣ Великой, Записки графа Сегюра. (Полное изданіе).